ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1960

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

23

ОТ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

Двадцать третий том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит первый том «Капитала» Маркса, а также все предисловия и послесловия, написанные для различных его изданий Марксом и Энгельсом.

Настоящее издание первого тома «Капитала» представляет собой перевод с четвертого немецкого издания, вышедшего в 1890 г. под редакцией Энгельса. Как и в предыдущем русском издании (1937 г.), за основу был взят перевод под редакцией И. И. Скворцова-Степанова.

При подготовке настоящего издания в указанный перевод (издание 1937 г.) внесено значительное количество уточнений и поправок. Выявлен и устранен также ряд типографских опечаток и описок, вкравшихся в четвертое немецкое издание. Заново были сверены с первоисточниками все цитаты и ссылки, цифровые и другие фактические данные.

Предлагаемое читателю новое издание первого тома «Капитала» содержит редакционные примечания и указатели: цитируемой и упоминаемой литературы, имеющихся русских переводов цитируемых и упоминаемых книг, именной и предметный.

Помещенные в конце тома редакционные примечания обозначены цифрами без скобки, в отличие от авторских подстрочных примечаний, которые обозначены цифрами с круглой скобкой. Небольшое число редакционных примечаний помещено под строкой; они обозначаются звездочкой с пометкой *«Ред.»*. Подстрочные примечания, принадлежащие Энгельсу, подписаны его инициалами и заключены в фигурные скобки.

Редакционный перевод иностранных выражений, как правило, приводится рядом с ними в квадратных скобках. Исключение составляют лишь те выражения, которые редакция сочла необходимым снабдить своими примечаниями. В этом случае перевод иностранного выражения дается в соответствующем примечании.

Сравнительно немногие, труднопереводимые немецкие слова даются рядом с их переводом также и на языке оригинала (в квадратных скобках).

К. МАРКС

КАПИТАЛ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ТОМ ПЕРВЫЙ

КНИГА I: ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА

Письмо МАРКСА ЭНГЕЛЬСУ

2 часа ночи, 16 августа 1867 г.

Дорогой Фред!

Только что закончил корректуру *последнего* (49-го) *листа* книги. Приложение о *формах стоимости, напечатанное мелким шрифтом,* занимает $1^1/_4$ листа.

Предисловие тоже прокорректировал и вчера отослал. Итак, *этот том готов.* Только ***тебе*** обязан я тем, что это стало возможным! Без твоего самопожертвования ради меня я ни за что не мог бы проделать всю огромную работу по трем томам. Обнимаю тебя, полный благодарности!

Прилагаю два чистых листа.

Пятнадцать фунтов стерлингов получил, большое спасибо.

Привет, мой дорогой, верный друг!

Твой ***К. Маркс***

Чистые листы понадобятся мне только с *выходом в свет всей книги.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

моему незабвенному другу,

смелому, верному, благородному, передовому
борцу пролетариата

Вильгельму Вольфу

Родился в Тарнау 21 июня 1809 года. Умер в изгнании в Манчестере
9 мая 1864 года

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ[1]

Труд, первый том которого я предлагаю вниманию публики, составляет продолжение опубликованного в 1859 г. моего сочинения «К критике политической экономии». Длительный перерыв между началом и продолжением вызван многолетней болезнью, которая все снова и снова прерывала мою работу.

Содержание более раннего сочинения, упомянутого выше, резюмировано в первой главе этого тома[2]. Я сделал это не только в интересах большей связности и полноты исследования. Самое изложение улучшено. Многие пункты, которые там были едва намечены, получили здесь дальнейшее развитие, поскольку это допускал предмет исследования, и наоборот, положения, обстоятельно разработанные там, лишь вкратце намечены здесь. Само собой разумеется, разделы, касающиеся исторического развития теории стоимости и денег, здесь совсем опущены. Однако читатель, знакомый с работой «К критике политической экономии», найдет в примечаниях к первой главе настоящего сочинения новые источники по истории этих теорий.

Всякое начало трудно, — эта истина справедлива для каждой науки. И в данном случае наибольшие трудности представляет понимание первой главы, — в особенности того ее раздела, который заключает в себе анализ товара. Что касается особенно анализа субстанции стоимости и величины стоимости, то я сделал его популярным, насколько это возможно[1)]. Форма

[1)] Это казалось тем более необходимым, что существенные недоразумения имеются даже в том разделе работы Ф. Лассаля, направленной против Шульце-Делича, где дается, как заявляет автор, «духовная квинтэссенция» моего исследования по этому предмету[3]. Кстати сказать: если Ф. Лассаль все общие теоретические положения своих экономических работ, например об историческом характере капитала, о связи между производст-

стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2000 лет, между тем как, с другой стороны, ему удался, по крайней мере приблизительно, анализ гораздо более содержательных и сложных форм. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции. Но товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества. Для непосвященного анализ ее покажется просто мудрствованием вокруг мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, например, микроанатомия.

За исключением раздела о форме стоимости, эта книга не представит трудностей для понимания. Я, разумеется, имею в виду читателей, которые желают научиться чему-нибудь новому и, следовательно, желают подумать самостоятельно.

Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде. Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной этого способа производства является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов. Но если немецкий читатель станет фарисейски пожимать плечами по поводу условий, в которые поставлены английские промышленные и сельскохозяйственные рабочие, или вздумает оптимистически успокаивать себя тем, что в Германии дело обстоит далеко не так плохо, то я должен буду заметить ему: De te fabula narratur! [Не твоя ли история это!][4].

Дело здесь, само по себе, не в более или менее высокой ступени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью.

венными отношениями и способом производства и т. д., заимствует из моих сочинений почти буквально, вплоть до созданной мною терминологии, и притом без указания источника, то это объясняется, конечно, соображениями пропаганды. Я не говорю, разумеется, о частных положениях и их практическом применении, к которым я совершенно непричастен.

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Erster Band.

Buch I: Der Produktionsprocess des Kapitals.

Hamburg
Verlag von Otto Meissner.
1867.

New-York: L. W. Schmidt. 24 Barclay-Street.

Титульный лист первого немецкого издания
I тома «Капитала»

Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего.

Но этого мало. Там, где у нас вполне установилось капиталистическое производство, например на фабриках в собственном смысле, наши условия гораздо хуже английских, так как мы не имеем противовеса в виде фабричных законов. Во всех остальных областях мы, как и другие континентальные страны Западной Европы, страдаем не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития. Наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, существующих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и сопутствующие им устарелые общественные и политические отношения. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых. Le mort saisit le vif! [Мертвый хватает живого!]

По сравнению с английской, социальная статистика Германии и остальных континентальных стран Западной Европы находится в жалком состоянии. Однако она приоткрывает покрывало как раз настолько, чтобы заподозрить под ним голову Медузы. Положение наших собственных дел ужаснуло бы нас, если бы наши правительства и парламенты назначали периодически, как это делается в Англии, комиссии по обследованию экономических условий, если бы эти комиссии были наделены такими же полномочиями для раскрытия истины, как в Англии, если бы удалось найти для этой цели таких же компетентных, беспристрастных и решительных людей, как английские фабричные инспектора, английские врачи, составляющие отчеты о «Public Health» («Здоровье населения»), как члены английских комиссий, обследовавших условия эксплуатации женщин и детей, состояние жилищ, питания и т. д. Персей нуждался в шапке-невидимке, чтобы преследовать чудовищ. Мы закрываем шапкой-невидимкой глаза и уши, чтобы иметь возможность отрицать самое существование чудовищ.

Нечего предаваться иллюзиям. Подобно тому как американская война XVIII столетия за независимость прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии, так по отношению к рабочему классу Европы ту же роль сыграла Гражданская война в Америке XIX столетия. В Англии процесс переворота стал уже вполне осязательным. Достигнув известной ступени, он должен перекинуться на континент. Он примет здесь более жестокие или более гуманные формы в зависимости от уровня развития самого рабочего класса. Таким образом, помимо каких-либо мотивов более высокого порядка, насущнейший интерес господствующих ныне классов предписывает

убрать все те стесняющие развитие рабочего класса препятствия, которые поддаются законодательному регулированию. Потому-то, между прочим, я уделил в настоящем томе столь значительное место истории, содержанию и результатам английского фабричного законодательства. Всякая нация может и должна учиться у других. Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, — а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества, — не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов.

Несколько слов для того, чтобы устранить возможные недоразумения. Фигуры капиталиста и земельного собственника я рисую далеко не в розовом свете. Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов. Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс; поэтому с моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно.

В области политической экономии свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с какими оно имеет дело в других областях. Своеобразный характер материала» с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души — фурий частного интереса. Так, высокая англиканская церковь скорее простит нападки на 38 из 39 статей ее символа веры, чем на $^{1}/_{39}$ ее денежного дохода. В наши дни сам атеизм представляет собой culpa levis [небольшой грех] по сравнению с критикой традиционных отношений собственности. Однако и здесь прогресс не подлежит сомнению. Я укажу, например, на опубликованную за последние недели Синюю книгу[5]: «Correspondence with Her Majesty's Missions Abroad, regarding Industrial Questions and Trades Unions». Представители английской короны за границей заявляют здесь самым недвусмысленным образом, что в Германии, Франции, — одним словом, во всех культурных государствах европейского континента, — радикальное изменение в существующих отношениях между капиталом и трудом столь же ощутительно и столь же неизбежно, как в Англии. Одновременно с этим по ту сторону Атлантического океана г-н Уэйд,

вице-президент Соединенных Штатов Северной Америки, заявил на публичном собрании: по устранении рабства в порядок дня становится радикальное изменение отношений капитала и отношений земельной собственности. Таковы знамения времени; их не скроешь от глаз ни пурпурной мантией, ни черной рясой. Это не означает, конечно, что завтра произойдет чудо. Но это показывает, что уже сами господствующие классы начинают смутно чувствовать, что теперешнее общество не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения.

Второй том этого сочинения будет посвящен процессу обращения капитала (книга II) и формам капиталистического процесса в целом (книга III), заключительный третий том (книга IV) — истории экономических теорий.

Я буду рад всякому суждению научной критики. Что-же касается предрассудков так называемого общественного мнения, которому я никогда не делал уступок, то моим девизом попрежнему остаются слова великого флорентийца:

Segui il tuo corso, e lascia dir le genti![6]

Карл Маркс

Лондон, 25 июля 1867 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Я должен прежде всего указать читателям первого издания на изменения, произведенные во втором издании. Бросается в глаза более четкая структура книги. Дополнительные примечания везде отмечены как примечания ко второму изданию. Что касается самого текста, важнейшее заключается в следующем.

В разделе 1 первой главы с большей научной строгостью выполнено выведение стоимости из анализа уравнений, в которых выражается всякая меновая стоимость, а также отчетливо выражена лишь намеченная в первом издании связь между субстанцией стоимости и определением ее величины общественно необходимым рабочим временем. Раздел 3 первой главы («Форма стоимости») полностью переработан: это было необходимо уже вследствие того, что в первом издании изложение давалось дважды. Кстати сказать, к этому двойному изложению побудил меня мой друг д-р Л. Кугельман из Ганновера. Я посетил его весной 1867 г., когда из Гамбурга пришли первые пробные оттиски, и он убедил меня, что для большинства читателей необходимо дополнительное, более дидактическое выяснение формы стоимости. — Последний раздел первой главы «Товарный фетишизм и т. д.» в значительной части изменен. Раздел 1 третьей главы («Мера стоимостей») тщательно пересмотрен, так как этот раздел в первом издании был выполнен небрежно, — читатели отсылались к изложению, данному уже в книге «К критике политической экономии», Берлин, 1859. Значительно переработана глава седьмая, в особенности раздел 2.

Было бы бесполезно указывать на все отдельные изменения текста, подчас чисто стилистические. Они разбросаны по всей книге. Однако, пересматривая текст для выходящего в Париже французского перевода, я теперь нахожу, что некоторые части немецкого оригинала местами требуют основательной переработки, местами правки в стилистическом отношении или тщательного устранения случайных недосмотров. Но для этого у меня не было времени, так как только осенью 1871 г., будучи занят другими неотложными работами, я получил известие, что книга распродана и печатание второго издания должно начаться уже в январе 1872 года.

Понимание, которое быстро встретил «Капитал» в широких кругах немецкого рабочего класса, есть лучшая награда за мой труд. Г-н Майер, венский фабрикант, человек, стоящий в экономических вопросах на буржуазной точке зрения, в одной брошюре[7], вышедшей во время франко-прусской войны, справедливо указывал, что выдающиеся способности к теоретическому мышлению, считавшиеся наследственным достоянием немцев, совершенно исчезли у так называемых образованных классов Германии, но зато снова оживают в ее рабочем классе[8].

В Германии политическая экономия до настоящего времени оставалась иностранной наукой. Густав Гюлих в своей книге «Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe etc.», особенно в двух первых томах этой работы, вышедших в 1830 г., в значительной мере уже выяснил те исторические условия, которые препятствовали у нас развитию капиталистического способа производства, а следовательно, и формированию современного буржуазного общества. Отсутствовала, таким образом, жизненная почва для политической экономии. Последняя импортировалась из Англии и Франции в виде готового товара; немецкие профессора политической экономии оставались учениками. Теоретическое выражение чужой действительности превратилось в их руках в собрание догм, которые они толковали в духе окружающего их мелкобуржуазного мира, т. е. превратно. Не будучи в состоянии подавить в себе чувство своего научного бессилия и неприятное сознание, что приходится играть роль учителей в сфере, на самом деле им чуждой, они старались прикрыться показным богатством литературно-исторической учености или же заимствованием совершенно постороннего материала из области так называемых камеральных наук,—из этой мешанины разнообразнейших сведении, чистилищный огонь которых должен выдержать каждый преисполненный надежд кандидат в германские бюрократы.

С 1848 г. капиталистическое производство быстро развилось в Германии и в настоящее время уже переживает горячку своего спекулятивного расцвета. Но к нашим профессиональным ученым судьба остается по-прежнему немилостивой. Пока у них была возможность заниматься политической экономией беспристрастно, в германской действительности отсутствовали современные экономические отношения. Когда же эти отношения появились, то налицо были уже такие обстоятельства, которые больше не допускали возможности беспристрастного изучения этих отношений в рамках буржуазного кругозора. Поскольку политическая экономия является буржуазной, т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях.

Возьмем Англию. Ее классическая политическая экономия относится к периоду неразвитой классовой борьбы. Последний великий представитель английской классической политической экономии, Рикардо, в конце концов сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли, прибыли и земельной ренты, наивно рассматривая эту противоположность как естественный закон общественной жизни. Вместе с этим буржуазная экономическая наука достигла своего последнего, непереходимого предела. Еще при жизни Рикардо и в противоположность ему выступила критика буржуазной политической экономии в лице Сисмонди[1)].

Последующий период, 1820—1830 гг., характеризуется в Англии научным оживлением в области политической экономии. Это был период вульгаризации и распространения рикардовской теории и в то же время ее борьбы со старой школой. Происходили блестящие турниры. То, что было сделано в это время экономистами, мало известно на европейском континенте, так как полемика по большей части рассеяна в журнальных статьях, случайных брошюрах и памфлетах. Обстоятельства того времени объясняют беспристрастный характер этой полемики, хотя теория Рикардо в виде исключения уже тогда применялась как орудие нападения на буржуазную экономику. С одной стороны, сама крупная промышленность еще только выходила из детского возраста, как это видно уже из того обстоятельства, что только

[1)] См. мою работу «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 39 [см. настоящее издание, том 13, стр. 47].

КАПИТАЛЪ.

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

СОЧИНЕНІЕ

КАРЛА МАРКСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА I. ПРОЦЕССЪ ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.

1872

Титульный лист первого русского издания
I тома «Капитала»

кризисом 1825 г. начинаются периодические кругообороты ее современной жизни. С другой стороны, классовая борьба между капиталом и трудом была отодвинута на задний план: в политической области ее заслоняла распря между феодалами и правительствами, сплотившимися вокруг Священного союза, с одной стороны, и руководимыми буржуазией народными массами — с другой; в экономической области ее заслоняли раздоры между промышленным капиталом и аристократической земельной собственностью, которые во Франции скрывались за противоположностью интересов парцеллярной собственности и крупного землевладения, а в Англии со времени хлебных законов прорывались открыто. Английская экономическая литература этой эпохи напоминает период бури и натиска в области политической экономии во Франции после смерти д-ра Кенэ, однако только так, как бабье лето напоминает весну. В 1830 г. наступил кризис, которым все было решено одним разом.

Буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой. Впрочем, претенциозные трактатцы, издававшиеся Лигой против хлебных законов[9] с фабрикантами Кобденом и Брайтом во главе, все же представляли своей полемикой против землевладельческой аристократии известный интерес, если не научный, то, по крайней мере, исторический. Но со времени сэра Роберта Пиля и это последнее жало было вырвано у вульгарной политической экономии фритредерским законодательством.

Континентальная революция 1848 г. отразилась и на Англии. Люди, все еще претендовавшие на научное значение и не довольствовавшиеся ролью простых софистов и сикофантов господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капитала с притязаниями пролетариата, которых уже нельзя было более игнорировать. Отсюда тот плоский синкретизм, который лучше всего представлен Джоном Стюартом Миллем. Это — банкротство буржуазной политической экономии, что мастерски показал уже в своих «Очерках из политической

экономии (по Миллю)» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский.

Таким образом, в Германии капиталистический способ производства созрел лишь после того, как в Англии и Франции его антагонистический характер обнаружился в шумных битвах исторической борьбы, причем германский пролетариат уже обладал гораздо более ясным теоретическим классовым сознанием, чем германская буржуазия. Итак, едва здесь возникли условия, при которых буржуазная политическая экономия как наука казалась возможной, как она уже снова сделалась невозможной.

При таких обстоятельствах ее представители разделились на два лагеря. Одни, благоразумные практики, люди наживы, сплотились вокруг знамени Бастиа, самого пошлого, а потому и самого удачливого представителя вульгарно-экономической апологетики. Другие, профессорски гордые достоинством своей науки, последовали за Джоном Стюартом Миллем в его попытке примирить непримиримое. Немцы в период упадка буржуазной политической экономии, как и в классический ее период, остались простыми учениками, поклонниками и подражателями заграницы, мелкими разносчиками продуктов крупных заграничных фирм.

Таким образом, особенности исторического развития германского общества исключают возможность какой бы то ни было оригинальной разработки буржуазной политической экономии, но не исключают возможность ее критики. Поскольку такая критика вообще представляет известный класс, она может представлять лишь тот класс, историческое призвание которого — совершить переворот в капиталистическом способе производства и окончательно уничтожить классы, т. е. может представлять лишь пролетариат.

Ученые и неученые представители германской буржуазии попытались сначала замолчать «Капитал», как это им удалось по отношению к моим более ранним работам. Когда же эта тактика уже перестала отвечать обстоятельствам времени, они, под предлогом критики моей книги, напечатали ряд советов на предмет «успокоения буржуазной совести», но встретили в рабочей прессе—см., например, статьи Иосифа Дицгена в «Volksstaat»[10] — превосходных противников, которые до сего дня не дождались от них ответа[1)].

[1)] Косноязычные болтуны германской вульгарной политической экономии бранят стиль и способ изложения «Капитала». Литературные недостатки моего труда я сознаю лучше, чем кто-либо другой. Тем не менее в назидание и к удовольствию стих господ и их публики я процитирую мнение английской и русской критики. «Saturday Review», безусловно враждебная моим взглядам, в своей заметке по поводу первого немецкого издания

Прекрасный русский перевод «Капитала» появился весной 1872 г. в Петербурге. Издание в 3000 экземпляров в настоящее время уже почти разошлось. Еще в 1871 году г-н Н. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, в своей работе «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» показал, что моя теория стоимости, денег и капитала в ее основных чертах является необходимым дальнейшим развитием учения Смита — Рикардо. При чтении этой ценной книги западноевропейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой чисто теоретической точки зрения.

Метод, примененный в «Капитале», был плохо понят, что доказывается уже противоречащими друг другу характеристиками его.

Так, парижский журнал «Revue Positiviste»[11] упрекает меня, с одной стороны, в том, что я рассматриваю политическую экономию метафизически, а с другой стороны — отгадайте-ка, в чем? — в том, что я ограничиваюсь критическим расчленением данного, а не сочиняю рецептов (контовских?) для кухни будущего. По поводу упрека в метафизике проф. Зибер замечает;

«Насколько речь идет собственно о теории, метод Маркса есть дедуктивный метод всей английской школы, и недостатки его, как и достоинства, разделяются лучшими из экономистов-теоретиков»[12].

Г-н М. Блок в брошюре «Les Theoriciens du Socialisme en Allemagne. Extrait du «Journal des Economistes», juillet et aout 1872» открывает, что мой метод — аналитический, и говорит между прочим:

«Этой работой г-н Маркс доказал, что он является одним из самых выдающихся аналитических умов».

Немецкие рецензенты кричат, конечно, о гегельянской софистике. Петербургский «Вестник Европы» в статье, посвященной исключительно методу «Капитала» (майский номер за 1872 г., стр. 427—436)[13], находит, что метод моего исследования строго реалистичен, а метод изложения, к несчастью, немецки-диалектичен. Автор пишет:

«С виду, если судить по внешней форме изложения, Маркс большой идеалист-философ, и притом в «немецком», т. е. дурном, значении этого

пишет, что «изложение придает даже самым сухим экономическим вопросам своеобразную прелесть (charm)». *«Санкт-Петербургские ведомости»* в номере от 8 (20) апреля 1872 г. между прочим замечают: «Изложение его труда (исключая некоторые слишком специальные частности) отличается ясностью, общедоступностью и, несмотря на научную высоту предмета, необыкновенной живостью. В этом отношении автор... далеко не походит на большинство немецких ученых, которые... пишут свои сочинения таким темным и сухим языком, от которого у обыкновенных смертных трещит голова». У читателей современной немецко-национально-либеральной профессорской литературы трещит не голова, а кое-что совершенно другое.

слова. На самом же деле он бесконечно более реалист, чем все его предшественники в деле экономической критики... Идеалистом его ни в каком случае уже нельзя считать».

Я не могу лучше ответить автору, как несколькими выдержками из его же собственной критики; к тому же выдержки эти не лишены интереса для многих из моих читателей, которым недоступен русский оригинал.

Приведя цитату из моего предисловия к «К критике политической экономии», Берлин, 1859, стр. IV—VII[14], где я изложил материалистическую основу моего метода, автор продолжает:

«Для Маркса важно только одно: найти закон тех явлений, исследованием которых он занимается. И притом для него важен не один закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменяемости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому. Раз он открыл этот закон, он рассматривает подробнее последствия, в которых закон проявляется в общественной жизни... Сообразно с этим Маркс заботится только об одном: чтобы точным научным исследованием доказать необходимость определенных порядков общественных отношений и чтобы возможно безупречнее констатировать факты, служащие ему исходными пунктами и опорой. Для него совершенно достаточно, если он, доказав необходимость современного порядка, доказал и необходимость другого порядка, к которому непременно должен быть сделан переход от первого, все равно, думают ли об этом или не думают, сознают ли это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественноисторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения... Если сознательный элемент в истории культуры играет такую подчиненную роль, то понятно, что критика, имеющая своим предметом самую культуру, всего менее может иметь своим основанием какую-нибудь форму или какой-либо результат сознания. То есть не идея, а внешнее явление одно только может ей служить исходным пунктом. Критика будет заключаться в сравнении, сопоставлении и сличении факта не с идеей, а с другим фактом. Для нее важно только, чтобы оба факта были возможно точнее исследованы и действительно представляли собой различные степени развития, да сверх того важно, чтобы не менее точно были исследованы порядок, последовательность и связь, в которых проявляются эти степени развития... Иному читателю может при этом прийти на мысль и такой вопрос... ведь общие законы экономической жизни одни и те же, все равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни? Но именно этого Маркс не признает. Таких общих законов для него не существует... По его мнению, напротив, каждый крупный исторический период имеет свои законы... Но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами. Словом, экономическая жизнь представляет нам в этом случае явление, совершенно аналогичное тому, что мы наблюдаем в других разрядах биологических явлений... Старые экономисты не понимали природы экономических законов, считая их однородными с законами физики и химии... Более глубокий анализ явлений показал, Что социальные организмы отличаются друг от друга не менее глубоко, чем организмы бо-

танические и зоологические... Одно и то же явление, вследствие различия в строе этих организмов, разнородности их органов, различий условий, среди которых органам приходится функционировать, и т. д., подчиняется совершенно различным законам. Маркс отказывается, например, признавать, что закон увеличения народонаселения один и тот же всегда и повсюду, для всех времен и для всех мест. Он утверждает, напротив, что каждая степень развития имеет свой закон размножения... В зависимости от различий в уровне развития производительных сил изменяются отношения и законы, их регулирующие. Задаваясь, таким образом, целью — исследовать и объяснить капиталистический порядок хозяйства, Маркс только строго научно формулировал цель, которую может иметь точное исследование экономической жизни... Его научная цена заключается в выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и заменение его другим, высшим. И эту цену действительно имеет книга Маркса».

Автор, описав так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода, тем самым описал не что иное, как диалектический метод.

Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция.

Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург[*] действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней.

Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад, в то время, когда она была еще в моде. Но как раз в то время, когда я работал над первым томом «Капитала», крикливые, претенциозные и весьма посредственные эпигоны[15], задающие тон в современной образованной Германии, усвоили манеру третировать Гегеля, как некогда, во времена Лессинга, бравый Мозес Мендельсон третировал Спинозу, как «мертвую собаку». Я поэтому открыто объявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории

[*] — творец, созидатель. *Ред.*

стоимости местами даже кокетничал характерной для Гегеля манерой выражения. Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно.

В своей мистифицированной форме диалектика стала немецкой модой, так как казалось, будто она прославляет существующее положение вещей. В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна.

Полное противоречий движение капиталистического общества всего осязательнее дает себя почувствовать буржуа-практику в колебаниях проделываемого современной промышленностью периодического цикла, апогеем которых является общий кризис. Кризис опять надвигается, хотя находится еще в своей начальной стадии, и благодаря разносторонности и интенсивности своего действия он вдолбит диалектику даже в головы выскочек новой священной прусско-германской империи.

Карл Маркс

Лондон, 24 января 1873 г.

Londres 18 Mars 1872.

Au citoyen Maurice La Châtre

Cher citoyen,

J'applaudis à votre idée de publier la traduction de "Das Kapital" en livraisons périodiques. Sous cette forme l'ouvrage sera plus accessible à la classe ouvrière et pour moi cette considération l'emporte sur toute autre.

Voilà le beau côté de votre médaille, mais en voici le revers: la méthode d'analyse que j'ai employée et qui n'avait pas encore été appliquée aux sujets économiques, rend assez ardue la lecture des premiers chapitres, et il est à craindre que le public français, toujours impatient de conclure, avide de connaître le rapport des principes généraux avec les questions immédiates qui le passionnent, ne se rebute parce qu'il n'aura pu tout d'abord passer outre.

C'est là un désavantage contre lequel je ne puis rien si ce n'est toutefois prévenir et prémunir les lecteurs soucieux de vérité. Il n'y a pas de route royale pour la science et ceux-là seulement ont chance d'arriver à ses sommets lumineux qui ne craignent pas de se fatiguer à gravir ses sentiers escarpés.

Recevez, cher citoyen, l'assurance de mes sentiments dévoués.

Karl Marx.

Письмо Маркса Лашатру,
издателю французского перевода I тома «Капитала»,
помещенное во французском издании в качестве предисловия

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Гражданину Морису Лашатру.

Дорогой гражданин!

Одобряю вашу идею издать перевод «Капитала» в виде периодически выходящих выпусков. В такой форме сочинение станет более доступным для рабочего класса, а это для меня решающее соображение.

Такова лицевая сторона медали. Но есть и оборотная сторона: метод исследования, которым я пользуюсь и который до сих пор не применялся к экономическим вопросам, делает чтение первых глав очень трудным. Можно опасаться, что у французской публики, которая всегда нетерпеливо стремится к окончательным выводам и жаждет узнать, в какой связи стоят общие принципы с непосредственно волнующими ее вопросами, пропадет интерес к книге, если, приступив к чтению, она не сможет сразу же перейти к дальнейшему.

Здесь я могу помочь только одним: с самого же начала указать на это затруднение читателю, жаждущему истины, и предостеречь его. В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам.

Примите, дорогой гражданин, уверения в моей преданности.

Карл Маркс

Лондон, 18 марта 1872 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Г-н Ж. Руа обещал дать возможно точный и даже дословный перевод. Он добросовестно выполнил свою задачу. Но как раз его добросовестность и точность заставили меня изменить редакцию, чтобы сделать ее более доступной для читателей. Эти изменения производились по мере выхода отдельных выпусков книги и не всегда с одинаковой тщательностью, что привело к неровности стиля.

Но раз взявшись за работу по проверке, я почувствовал себя вынужденным распространить ее и на основной текст оригинала (второе немецкое издание) с целью упростить одни места, расширить другие, дать дополнительные исторические или статистические материалы, пополнить критические замечания и т. д. Каковы бы ни были литературные недостатки этого французского издания, оно имеет самостоятельную научную ценность наряду с оригиналом, и потому им должны пользоваться и читатели, знакомые с немецким языком.

Ниже я помещаю выдержки из послесловия ко второму немецкому изданию, в которых идет речь о развитии политической экономии в Германии и о методе, применяемом в настоящей работе.

Карл Маркс

Лондон, 28 апреля 1875 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Марксу не суждено было самому подготовить к печати это третье издание. Могучий мыслитель, перед величием которого в настоящее время склоняются даже его противники, умер 14 марта 1883 года.

На меня, потерявшего в лице Маркса человека, с которым я был связан сорокалетней теснейшей дружбой, друга, которому я обязан больше, чем это может быть выражено словами, — на меня падает теперь долг выпустить в свет как это третье издание первого тома, так и второй том, оставленный Марксом в виде рукописи. О выполнении мною первой части этого долга я и даю здесь отчет читателю.

Маркс сначала предполагал переработать большую часть текста первого тома, отчетливее формулировать некоторые теоретические положения, присоединить к ним новые, дополнить исторический и статистический материал новыми данными вплоть до настоящего времени. Болезнь и необходимость заняться окончательной редакцией второго тома заставили его отказаться от этого. Пришлось ограничиться лишь самыми необходимыми изменениями, внести лишь те дополнения, которые уже заключает в себе вышедший за это время французский перевод («Le Capital», par Karl Marx. Paris, Lachatre, 1872— 1875).

В числе оставшихся после Маркса книг был обнаружен немецкий экземпляр «Капитала», содержащий в отдельных местах поправки и ссылки на французское издание; равным образом был найден французский экземпляр, в котором точно отмечены все места, которые Маркс хотел использовать в новом издании.

Эти изменения и дополнения ограничиваются, за немногими исключениями, последней частью книги, отделом «Процесс накопления капитала». Текст этого отдела до сих пор подвергся наименьшим изменениям по сравнению с первоначальным наброском книги, в то время как текст предшествующих отделов ее был основательно переработан. Поэтому стиль был здесь более живым, более цельным, но в то же время более небрежным, чем в других частях: попадались англицизмы, местами неясности, ход изложения обнаруживал кое-где пробелы, так как отдельные важные моменты были лишь намечены.

Что касается стиля, то Маркс сам тщательно пересмотрел и исправил некоторые разделы и этим, а также многочисленными устными указаниями, дал мне критерий того, в какой степени следует устранить английские технические выражения и прочие англицизмы. Вставки и дополнения Маркс подверг бы, конечно, переработке, заменив гладкий французский язык своим сжатым немецким. Я же должен был ограничиться простым включением их в соответствующие места книги, стараясь лишь, чтобы они возможно более гармонировали с основным текстом.

Таким образом, в этом третьем издании я не изменил ни одного слова, если не был убежден с полной несомненностью, что его изменил бы и сам автор. Мне, конечно, и в голову не приходило ввести в «Капитал» тот ходячий жаргон, на котором изъясняются немецкие экономисты, — эту тарабарщину, на которой тот, кто за наличные деньги получает чужой труд, называется *работодателем* [Arbeit*geber*], а тот, у кого за плату отбирают его труд — *работополучателем* [Arbeit*nehmer*]. Французы в обыденной жизни также употребляют слово «travail» [«труд»] в смысле «занятие». Но, конечно, французы приняли бы за помешанного такого экономиста, который вздумал бы назвать капиталиста donneur de travail [работодателем], а рабочего — receveur de travail [работополучателем].

Равным образом я счел недопустимым сводить употребляемые везде в книге английские единицы денег, меры и веса к их новогерманским эквивалентам. Когда появилось первое издание «Капитала», в Германии различных единиц меры и веса было столько, сколько дней в году; к тому же имелось два вида марок (имперская марка существовала тогда лишь в голове Зётбера, который изобрел ее в конце 30-х годов), два вида гульденов и по крайней мере три вида талеров, из которых один — «новые две трети»[16]. В естествознании господствовали метрические, на мировом рынке — английские системы меры и веса. При таких условиях пользование английскими единицами измерения

было совершенно естественным в книге, автор которой вынужден был брать фактические данные почти исключительно из области английских промышленных отношений. Эти последние соображения сохраняют свою силу и до настоящего времени, тем более, что соответствующие отношения на мировом рынке почти не изменились и как раз в решающих отраслях промышленности — железоделательной и хлопчатобумажной — и поныне почти исключительно господствуют английские системы меры и веса.

В заключение несколько слов о применявшемся Марксом методе цитирования, который был не вполне понят. Когда дело идет о чисто фактическом изложении или описании, цитаты, например из английских Синих книг, являются, само собой разумеется, простой ссылкой на документы. Иначе обстоит дело, когда цитируются теоретические взгляды других экономистов. Здесь цитата должна лишь установить, где, когда и кем была впервые ясно высказана та или другая мысль, составляющая определенную ступень в развитии экономических учений. При этом имеется в виду указать лишь одно: что данный взгляд экономиста имеет значение для истории науки, что он представляет собой более или менее адекватное теоретическое выражение экономических условий своего времени. Но совершенно в стороне остается вопрос, имеет ли данный взгляд какое-либо абсолютное или относительное значение с точки зрения самого автора или же представляет для него лишь исторический интерес. Таким образом, эти цитаты образуют лишь непрерывный, заимствованный из истории экономической науки комментарий к тексту и устанавливают даты и авторов отдельных наиболее важных достижений в области экономической теории. И такая работа была особенно нужна в науке, историки которой отличались до сих пор лишь тенденциозным невежеством карьеристов. Это объясняет также, почему Маркс, в соответствии с тем, что говорится в послесловии ко второму изданию, лишь очень редко цитирует немецких экономистов.

Я надеюсь, что второй том удастся выпустить в свет в 1884 году.

Фридрих Энгельс

Лондон, 7 ноября 1883 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Нет надобности доказывать необходимость издания английского перевода «Капитала». Скорее наоборот, следовало бы ждать объяснений, почему это издание откладывалось до сих пор, несмотря на то, что развиваемые в этой книге теории уже несколько лет служат для периодической печати и для текущей литературы как Англии, так и Америки постоянным предметом обсуждения, нападок, защиты, толкований и искажений.

Когда вскоре после смерти автора «Капитала» в 1883 г. стала очевидной необходимость английского издания этого труда, г-н Самюэл Мур — старый друг Маркса и автора настоящих строк, человек, знакомый с предметом данной книги, быть может, больше, чем кто бы то ни было другой, — согласился взять на себя ее перевод, который стремились опубликовать литературные душеприказчики Маркса. Со своей стороны, я должен был сравнить рукопись с оригиналом и внести изменения, которые счел бы необходимыми. Однако оказалось, что профессиональные занятия г-на Мура мешают ему закончить перевод так быстро, как все мы того желали. Поэтому мы охотно приняли предложение д-ра Эвелинга взять часть работы на себя. Одновременно г-жа Эвелинг, младшая дочь Маркса, взялась сверить цитаты и восстановить оригинальный текст многочисленных отрывков из работ английских авторов и Синих книг, переведенных Марксом на немецкий язык. Эта работа была ею проделана полностью, за немногими неизбежными исключениями.

Следующие части книги переведены доктором Эвелингом: 1) Главы X (Рабочий день) и XI (Норма и масса прибавочной

стоимости); 2) Отдел VI (Заработная плата, главы XIX—XXII); 3) от 4-го раздела XXIV главы (Обстоятельства, определяющие размеры накопления и т. д.) до конца книги, включая последнюю часть главы XXIV, главу XXV и весь VIII отдел (главы XXVI—XXXIII); 4) оба предисловия автора[17]. Вся остальная часть книги переведена г-ном Муром. Таким образом, каждый из переводчиков отвечает только за свою часть работы, общую же ответственность за всю работу в целом несу я.

Положенное в основу всей нашей работы третье немецкое издание было подготовлено мною в 1883 году. При подготовке его я использовал оставленные автором заметки, в которых он указывал, какие части текста второго издания должны быть заменены отрывками из изданного в 1872—1875 гг. французского текста[1)]. Внесенные, таким образом, в текст второго издания изменения в общем совпадают с теми изменениями, которые были предложены самим Марксом в ряде его письменных указаний к английскому переводу, намечавшемуся около десяти лет тому назад в Америке, но не выполненному главным образом вследствие отсутствия вполне подходящего переводчика. Рукопись, содержащая эти указания, была предоставлена в наше распоряжение нашим старым другом Ф. А. Зорге из Хобокена, штат Нью-Джерси. В ней намечено также несколько добавочных вставок из французского издания; но так как рукопись эта была написана за несколько лет до тех указаний, которые Маркс сделал для третьего немецкого издания, я считал себя вправе прибегать к ней только в отдельных случаях и главным образом тогда, когда она помогала нам преодолевать известные затруднения. В большинстве трудных мест французский текст тоже служил для нас указанием, чем готов был пожертвовать сам автор, когда при переводе что-нибудь имеющее значение из оригинального текста должно было быть принесено в жертву.

Есть, однако, одно неудобство, от которого мы не могли избавить читателя. Это — употребление некоторых терминов в смысле, отличном от того, который они имеют не только в обиходе, но и в обычной политической экономии. Но это неизбежно. В науке каждая новая точка зрения влечет за собой революцию в ее технических терминах. Лучше всего это видно на примере химии, вся терминология которой коренным образом меняется приблизительно каждые двадцать лет, так что едва ли можно найти хотя бы одно органическое соединение, которое не прошло

[1)] «Le Capital», par Karl Marx. Traduction de M. J. Roy, entiеrement revisеe par l'auteur. Paris, Lachatre. Этот перевод, в особенности в последней части книги, содержит по сравнению со вторым немецким изданием значительные изменения и добавления.

бы через ряд различных названий. Политическая экономия обычно брала термины коммерческой и промышленной жизни в том виде, как их находила, и оперировала ими, совсем не замечая, что тем самым она ограничивает себя узким кругом понятий, выражаемых этими терминами. Например, классическая политическая экономия определенно знала, что прибыль и рента являются лишь подразделениями, лишь долями той неоплаченной части продукта, которую рабочий должен отдавать своему предпринимателю (который первым присваивает ее, но не является ее последним исключительным собственником). Однако даже классическая политическая экономия не выходила за пределы общепринятых взглядов на прибыль и ренту, никогда не исследовала этой неоплаченной части продукта (которую Маркс называл прибавочным продуктом) в ее совокупности, как целое. Поэтому она никогда не доходила до ясного понимания как ее происхождения и природы, так и законов, регулирующих последующее распределение ее стоимости. Точно так же все производство, за исключением сельского хозяйства и ремесла, охватывается без разбора термином мануфактура. Тем самым стирается различие между двумя крупными и существенно различными периодами экономической истории: периодом собственно мануфактуры, основанной на разделении ручного труда, и периодом современной промышленности, основанной на применении машин. Поэтому очевидно само собой, что теория, рассматривающая современное капиталистическое производство лишь как преходящую стадию экономической истории человечества, должна употреблять термины, отличные от обычной терминологии авторов, рассматривающих эту форму производства как вечную и окончательную.

Будет не лишним сказать несколько слов относительно применяемого автором метода цитирования. В большинстве случаев цитаты служат для него, как то и принято, документальными доказательствами, подкрепляющими утверждения, сделанные в тексте. Однако во многих случаях отрывки из сочинений экономистов цитируются для того, чтобы показать когда, где и кем было впервые ясно высказано определенное положение. Это делается в тех случаях, когда цитируемое положение важно как более или менее адекватное выражение условий общественного производства и обмена, господствовавших в то или иное время. При этом цитата приводится совершенно независимо от того, совпадает ли высказываемое положение с собственным мнением Маркса или, другими словами, имеет ли оно общее значение. Эти цитаты, таким образом, дополняют текст попутным комментарием, взятым из истории науки.

Наш перевод охватывает лишь первую книгу этого труда. Но эта первая книга в значительной мере является законченным целым и в течение двадцати лет занимала место самостоятельного произведения. Изданная мною в Германии в 1885 г. вторая книга является безусловно неполной без третьей, которая может быть опубликована не раньше конца 1887 года. Когда выйдет из печати немецкий оригинал третьей книги, тогда своевременно будет подумать о подготовке английского издания обеих книг.

На континенте «Капитал» часто называют «библией рабочего класса». Никто из тех, кто знаком с рабочим движением, не станет отрицать, что выводы, сделанные в «Капитале», с каждым днем все больше и больше становятся основными принципами великого движения рабочего класса не только в Германии и Швейцарии, но и во Франции, Голландии, Бельгии, Америке и даже в Италии и Испании; что рабочий класс повсюду признает эти выводы наиболее точным выражением своего положения и своих чаяний. Да и в Англии как раз сейчас теории Маркса оказывают огромное влияние на социалистическое движение, которое не меньше распространяется среди «образованных» людей, чем в рядах рабочего класса. Но это еще не все. Быстро приближается то время, когда основательное исследование экономического положения Англии станет настоятельной национальной необходимостью. Движение промышленной системы этой страны, которое невозможно без постоянного и быстрого расширения производства, а значит и без расширения рынков, приближается к мертвой точке. Свобода торговли исчерпала свои ресурсы; даже Манчестер сомневается в этом своем некогда непререкаемом экономическом евангелии[1)]. Быстро развивающаяся промышленность других стран повсюду становится на пути английского производства, и это не только на рынках, защищаемых покровительственными пошлинами, но и на свободных рынках и даже по эту сторону Ла-Манша. Если производительные силы растут в геометрической прогрессии, то рынки расширяются, в лучшем случае, в арифметической. Десятилетний цикл застоя, процветания, перепроизводства и кризиса, постоянно повторяющийся с 1825 по 1867 г., кажется, действительно завершил свой путь, но лишь затем, чтобы повергнуть нас в трясину безнадежности перманентной

[1)] На состоявшемся сегодня очередном квартальном собрании Манчестерской торговой палаты разгорелась горячая дискуссия по вопросу о свободе торговли. Была предложена следующая резолюция: «После 40 лет тщетных ожиданий, что другие нации последуют в вопросе о свободе торговли примеру Англии, палата считает, что наступило время пересмотреть свою позицию». Резолюция была отвергнута большинством только в один голос: 21 голос — за и 22 голоса — против. «Evening Standard», 1 ноября 1886 года.

и хронической депрессии. Столь страстно ожидаемый период процветания не хочет наступать. Как только мы начинаем замечать симптомы, как будто свидетельствующие о его приближении, симптомы эти тотчас же опять исчезают. Между тем, каждая наступающая зима все снова ставит перед нами великий вопрос: «Что делать с безработными?». И несмотря на то, что число безработных с каждым годом растет, никто не может ответить на этот вопрос, и мы почти можем вычислить тот момент, когда безработные, потеряв терпение, возьмут свою судьбу в собственные руки. Несомненно, что в такой момент должен быть услышан голос человека, теория которого представляет собой результат длившегося всю его жизнь изучения экономической истории и положения Англии, голос человека, которого это изучение привело к выводу, что, по крайней мере в Европе, Англия является единственной страной, где неизбежная социальная революция может быть осуществлена всецело мирными и легальными средствами. Конечно, при этом он никогда не забывал прибавить, что вряд ли можно ожидать, чтобы господствующие классы Англии подчинились этой мирной и легальной революции без «бунта в защиту рабства»[18].

Фридрих Энгельс

5 ноября 1886 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

Для четвертого издания я считал необходимым установить по возможности окончательную редакцию как самого текста, так в примечаний. Укажу вкратце, как я выполнил эту задачу.

Сравнив еще раз французское издание и рукописные пометки Маркса, я взял из него несколько новых добавлений к немецкому тексту. Они находятся на стр. 80 (стр. 88 третьего изд.) [стр. 126—127 настоящего тома], стр. 458—460 (стр. 509—510 третьего изд.) [стр. 503—505 настоящего тома], стр. 547—551 (стр. 600 третьего изд.) [стр. 597—601 настоящего тома], стр. 591—593 (стр. 644 третьего изд.) [стр. 640—642 настоящего тома] и на стр. 596 (стр. 648 третьего изд.) [стр. 645—646 настоящего тома], в примечании 79. Кроме того, по примеру французского и английского изданий, я внес в текст (стр. 461—467 четвертого изд.) [стр. 506—511 настоящего тома] длинное примечание относительно горнорабочих (стр. 509—515 третьего изд.). Остальные мелкие поправки носят чисто технический характер.

Кроме того, я сделал несколько добавочных пояснительных примечаний, и именно там, где этого, как мне казалось, требовали изменившиеся исторические условия. Все эти добавочные примечания заключены в квадратные скобки и подписаны моими инициалами*.

Полная проверка многочисленных цитат оказалась необходимой для вышедшего за это время английского издания. Младшая дочь Маркса, Элеонора, взяла на себя труд отыскать все цитированные места в оригиналах, чтобы английские цитаты,

* В настоящем издании квадратные скобки заменены фигурными. *Ред.*

которые составляют подавляющее большинство, появились не в виде обратного перевода с немецкого, а в том виде, какой они имели в подлинном английском тексте. Я должен был, таким образом, в четвертом издании принять во внимание этот восстановленный текст. Кое-где при этом оказались маленькие неточности: ошибочные ссылки на страницы, объясняемые частью описками при копировании из тетрадей, частью опечатками, накопившимися в течение трех изданий; неправильно поставленные кавычки или знаки пропуска — погрешность, совершенно неизбежная при массовом цитировании из тетрадей с выписками; в некоторых случаях при переводе цитаты выбрано не совсем удачное слово. Некоторые места цитированы по старым тетрадям, составленным в Париже в 1843—1845 гг., когда Маркс еще не знал английского языка и читал английских экономистов во французском переводе; там, где вследствие двойного перевода смысл цитаты приобрел несколько иной оттенок, — например цитаты из Стюарта, Юра и т. д., — я воспользовался английским текстом. Таковы же и другие мелкие неточности и погрешности. Сравнив четвертое издание с предыдущими, читатель убедится, что весь этот кропотливый процесс проверки не внес в книгу ни малейшего изменения, которое заслуживало бы упоминания. Только одной цитаты не удалось найти вовсе, а именно из Ричарда Джонса (стр. 562 четвертого издания [стр. 612 настоящего тома], примечание 47); Маркс, по всей вероятности, ошибся в заглавии книги[19]. Доказательная сила всех остальных цитат сохранилась вполне или даже усилилась в их теперешнем более точном виде. Но здесь я вынужден вернуться к одной старой истории. Мне лично известен лишь один случай, когда была подвергнута сомнению правильность приведенной Марксом цитаты. Но так как историю с этой цитатой поднимали и после смерти Маркса, я не могу обойти ее молчанием[20].

В берлинском журнале «Concordia», органе союза немецких фабрикантов, появилась 7 марта 1872 г. анонимная статья под заглавием «Как цитирует Карл Маркс». Автор этой статьи, излив необычайно обильный запас морального негодования и непарламентских выражений, заявляет, будто Маркс исказил цитату из бюджетной речи Гладстона, произнесенной 16 апреля 1863 г. (цитата приведена в Учредительном Манифесте Международного Товарищества Рабочих в 1864 г. и повторена в «Капитале», т. I, стр. 617 четвертого изд., стр. 671 третьего изд. [стр. 666 настоящего тома]). В стенографическом (квазиофициальном) отчете «Hansard», говорит автор упомянутой статьи, нет и намека на цитируемую Марксом фразу: «это ошеломляющее

увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами». «Но этой фразы нет в речи Гладстона. В ней сказано как раз обратное» (и далее жирным шрифтом): **«Маркс формально и по существу присочинил эту фразу».**

Маркс, которому этот номер «Concordia» был прислан в мае, ответил анониму в «Volksstaat» в номере от 1 июня. Так как он не мог припомнить, из какого газетного отчета он взял свою цитату, он ограничился тем, что привел совершенно аналогичные по смыслу цитаты из двух английских изданий и затем цитировал отчет «Times», согласно которому Гладстон сказал:

«Таково состояние нашей страны с точки зрения богатства. Я должен признаться, что я почти с тревогой и болью взирал бы на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы был уверен, что оно ограничивается лишь имущими классами. Между тем данные факты не дают нам никаких сведений относительно положения рабочего населения. Увеличение богатства, которое я только что описал, основываясь на данных, на мой взгляд совершенно точных, всецело ограничивается имущими классами».

Итак, Гладстон говорит здесь, что ему было бы больно, если бы это было так, но в действительности это именно так: это ошеломляющее увеличение мощи и богатства всецело ограничивается имущими классами; что же касается квазиофициального «Hansard», то Маркс говорит далее: «Г-н Гладстон был столь благоразумным, что выбросил из этой состряпанной задним числом редакции своей речи местечко, несомненно компрометирующее его как английского канцлера казначейства; это, впрочем, обычная в Англии парламентская традиция, а вовсе не изобретение крошки Ласкера[21], направленное против Бебеля».

Но аноним раздражается все сильнее и сильнее. В своем ответе («Concordia», 4 июля) он отводит все источники из вторых рук, целомудренно настаивает на «обычае» цитировать парламентские речи лишь по стенографическим отчетам; но, уверяет он дальше, отчет «Times» (в котором имеется «присочиненная» фраза) и отчет «Hansard» (где этой фразы нет) «по содержанию вполне согласуются между собой», отчет «Times» также, мол, заключает в себе заявление, «прямо противоположное пресловутому месту из Учредительного Манифеста», причем этот господин старательно замалчивает тот факт, что рядом с этим будто бы «прямо противоположным» заявлением стоит как раз «пресловутое место». Несмотря на все это, аноним чувствует, что он попался и что только новая уловка может его спасти. Свою статью, изобилующую, как только что было доказано, «наглой ложью», он начиняет самой отборной руганью, вроде: «mala fides» [«недобросовестность»], «бесчестность», «лживые ссылки»,

«эта лживая цитата», «наглая ложь», «целиком сфальсифицированная цитата», «эта фальсификация», «просто бесстыдно» и т. д. Но в то же время он старается незаметным образом перевести спорный вопрос в новую плоскость и обещает «показать в другой статье, какое значение придаем мы (т. е. «нелживый» аноним) содержанию слов Гладстона». Как будто бы его совершенно безразличное для всех мнение имеет какое-нибудь отношение к делу! Эта другая статья появилась в «Concordia» 11 июля.

Маркс еще раз ответил в «Volksstaat» от 7 августа, процитировав соответствующее место из «Morning Star» и «Morning Advertiser» от 17 апреля 1863 года. Согласно обоим этим источникам, Гладстон сказал, что он смотрел бы с тревогой и т, д. на ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы был уверен, что оно ограничивается только состоятельными классами (classes in easy circumstances), но что увеличение это действительно касается только классов, владеющих собственностью (entirely confined to classes possessed of property); таким образом, и в этих отчетах буквально повторяется фраза, будто бы «присочиненная» Марксом. Далее Маркс путем сравнения текстов «Times» и «Hansard» устанавливает еще раз, что фраза, подлинность которой с полной очевидностью доказывается буквальным совпадением в данном пункте отчетов трех вышедших на следующее утро не зависимых друг от друга газет, — что эта фраза отсутствует в отчете «Hansard», просмотренном оратором согласно известному «обычаю», что Гладстон, употребляя выражение Маркса, «выкрал ее задним числом»; в заключение Маркс заявляет, что у него нет времени для дальнейшей полемики с анонимом. Последний также, кажется, получил достаточно, по крайней мере больше Марксу не присылали номеров «Concordia».

Инцидент казался окончательно исчерпанным и забытым. Правда, с тех пор раз или два от людей, имевших связи с Кембриджским университетом, до нас доходили таинственные слухи о чудовищном литературном прегрешении, якобы совершенном Марксом в «Капитале»; однако, несмотря на всю тщательность изысканий в этом направлении, не удавалось установить решительно ничего определенного. Но вот 29 ноября 1883 г., через 8 месяцев после смерти Маркса, в «Times» появляется письмо из колледжа Тринити в Кембридже, подписанное Седли Тейлором, в котором этот человечек, занимающийся самым кротким кооператорством, совершенно неожиданно доставил нам, наконец, разъяснение не только относительно сплетен Кембриджа, но и относительно лица, скрывающегося за анонимом из «Concordia».

«Представляется особенно поразительным»», — пишет человечек из колледжа Тринити, — «что *профессору Брентано* (тогда занимавшему кафедру в Бреславле, а теперь в Страсбурге) удалось... разоблачить ту mala fides, которая несомненно продиктовала цитату из речи Гладстона в (Учредительном) Манифесте Интернационала. Г-н Карл Маркс... пытавшийся защищать цитату, был быстро сражен мастерскими ударами Брентано и уже в предсмертных судорогах (deadly shifts) имел смелость утверждать, что г-н Гладстон состряпал отчет для «Hansard» после того, как его речь в подлинном виде появилась в «Times» от 17 апреля 1863 г., и что он выкинул одно место, компрометирующее его как английского канцлера казначейства. Когда Брентано доказал путем подробного сличения текстов, что отчеты «Times» и «Hansard» совпадают, абсолютно исключая тот смысл, который был придан словам Гладстона ловко выхваченными отдельными цитатами, тогда Маркс отказался от дальнейшей полемики под предлогом недостатка времени?»

«Так вот кто в пуделе сидел!»[22] И какой великолепный вид приняла в производственно-кооперативной фантазии Кембриджа анонимная кампания г-на Брентано в «Concordia». Вот так стоял он, этот Георгий Победоносец союза немецких фабрикантов, так взмахивал шпагой[23], нанося «мастерские удары», а у ног его «в предсмертных судорогах» испускал дух «быстро сраженный» адский дракон Маркс!

И, тем не менее, все это описание битвы в стиле Ариосто служит лишь для того, чтобы замаскировать уловки нашего Георгия Победоносца. Здесь уже нет речи о «присочиненной лжи», о «фальсификации», но говорится лишь о «ловком выдергивании цитат» (craftily isolated quotation). Весь вопрос переносится в совершенно иную плоскость, и Георгий Победоносец со своим кембриджским оруженосцем очень хорошо понимают, почему это делается.

Элеонора Маркс ответила Тейлору в ежемесячнике «To-Day» (февраль 1884 г.), так как «Times» отказалась принять ее статью. Она прежде всего вернула полемику к тому единственному пункту, о котором шла речь: «Присочинил» Маркс упомянутую фразу или нет? Г-н Седли Тейлор ответил на это, что, по его мнению, в споре между Марксом и Брентано

«вопрос о том, имеется или нет эта фраза в речи Гладстона, играл совершенно второстепенную роль по сравнению с вопросом, сделана ли цитата с намерением передать смысл слов Гладстона или исказить его».

Он соглашается далее, что отчет «Times» «действительно заключает в себе словесное противоречие», но весь контекст, будучи истолкован правильно, т. е. в либерально-гладстоновском смысле, мол, показывает, что Гладстон *хотел* сказать («To-Day», март 1884 г.). Самое комичное здесь то, что наш человечек из Кембриджа упорно цитирует речь не по «Hansard», что, согласно анонимному Брентано, является «обычаем», а по

«Times», отчет которой, согласно тому же Брентано, «по необходимости небрежен». Да и как же иначе? Ведь фатальной фразы нет в «Hansard»!

Элеоноре Марке не стоило большого труда развенчать эту аргументацию на страницах того же самого номера «To-Day». Одно из двух. Или г-н Тейлор читал полемику 1872 г., тогда он теперь «лжет», причем ложь его заключается не только в «присочинении» того, чего не было, но и в «отрицании» того, что было. Или он вовсе не читал этой полемики, тогда он не имел права раскрывать рта. Как бы то ни было, он уже не осмелился поддерживать обвинения своего друга Брентано, что Маркс «присочинил» цитату. Наоборот, Маркс обвиняется теперь уже не в том, что он «присочинил», а в том, что он выкинул одну важную фразу. Но в действительности эта фраза цитирована на пятой странице Учредительного Манифеста несколькими строками раньше той, которая будто бы «присочинена». Что же касается «противоречия», заключающегося в речи Гладстона, то кто же иной, как не Маркс, говорит (стр. 618 «Капитала», прим. 105, стр. 672 третьего изд. [стр. 667 настоящего тома]) о «повторяющихся вопиющих противоречиях в бюджетных речах Глад-стона за 1863 и 1864 годы»! Он только не пытается а 1а Седли Тейлор растворять эти противоречия в либеральном прекраснодушии. Заключительное резюме ответа Э. Маркс гласит: «В действительности Маркс не опустил ничего заслуживающего упоминания и решительно ничего не «присочинил». Но он восстановил и спас от забвения одну фразу гладстоновской речи, которая несомненно была сказана, но каким-то образом сумела улетучиться из отчета «Hansard»».

После этого угомонился и г-н Седли Тейлор. Результатом всего этого профессорского похода, растянувшегося на два десятилетия и охватившего две великие страны, было то, что никто уже более не осмеливался затронуть литературную добросовестность Маркса. Надо думать, что впредь г-н Седли Тейлор будет столь же мало верить литературным победным реляциям г-на Брентано, как г-н Брентано — папской непогрешимости «Hansard».

Ф. Энгельс

Лондон, 25 июня 1890 г.

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
ТОВАР И ДЕНЬГИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ТОВАР

1. ДВА ФАКТОРА ТОВАРА: ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ И СТОИМОСТЬ (СУБСТАНЦИЯ СТОИМОСТИ, ВЕЛИЧИНА СТОИМОСТИ)

Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров»)[1], а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара.

Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей, — порождаются ли они, например, желудком или фантазией, — ничего не изменяет в деле[2]. Дело также не в том, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно ли, как жизненное средство, т. е. как предмет потребления, или окольным путем, как средство производства.

Каждую полезную вещь, как, например, железо, бумагу и т. д., можно рассматривать с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества. Каждая такая вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а следовательно, и многообразные способы употребления

---

[1] *Карл Маркс*. «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 3 [см. настоящее издание, том 13, стр. 13].

[2] «Желание предполагает потребность, это аппетит духа, и он присущ ему столь же естественно, как голод телу... большая часть вещей имеет стоимость потому, что удовлетворяет потребности духа». *Nicholas Barbon.* «A Discourse concerning Coining the New Money lighter. In Answer to Mr, Locke's Considerations etc.». London, 1696, p. 2. 3.

вещей, есть дело исторического развития[3]. То же самое следует сказать об отыскании общественных мер для количественной стороны полезных вещей. Различия товарных мер отчасти определяются различной природой самих измеряемых предметов, отчасти же являются условными.

Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью[4]. Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и т. п., само есть потребительная стоимость, или благо. Этот его -характер не зависит от того, много или мало труда стоит человеку присвоение его потребительных свойств. При рассмотрении потребительных стоимостей всегда предполагается их количественная определенность, например дюжина часов, аршин холста, тонна железа и т. п. Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины — товароведения[5]. Потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании или потреблении. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости.

Меновая стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода[6], — соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места. Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и чисто относительным, а внутренняя, присущая самому товару меновая стоимость

---

[3] «Вещи имеют присущее им внутреннее свойство» (vertue — таково у Барбона специфическое обозначение потребительной стоимости), «которое везде остается неизменным; например, способность магнита притягивать железо» *(N. Barbon,* цит. соч., стр. 6). Свойство магнита притягивать железо стало полезным лишь тогда, когда при помощи него была открыта магнитная полярность.

[4] «Естественная стоимость [natural worth] какой-либо вещи состоит в ее способности удовлетворять потребности или служить удобствам человеческой жизни» *(John Locke.* «Some Considerations of the Consequences of the Lowering ot Interest, 1691», in «Works». London, 1777, v. II, p. 28). В XVII столетии мы еще часто встречаем у английских писателей «worth» для обозначения потребительной стоимости и «value» для обозначения меновой стоимости: это совершенно в духе английского языка, который любит вещи, непосредственно данные, обозначать словами германского происхождения, а рефлектированные — словами романского происхождения.

[5] В буржуазном обществе господствует fictio juris [юридическая фикция], будто каждый человек, как покупатель товаров, обладает энциклопедическими познаниями в области товароведения.

[6] «Стоимость есть то отношение, в котором одна вещь обменивается на другую, определенное количество одного продукта на определенное количество другого» *(Le Trosne.* «De l'Interet Social»», «Physiocrates», ed. Daire. Paris, 1846, p. 889).

(valeur intrinseque) представляется каким-то contradictio in adjecto [противоречием в определении][7]. Рассмотрим дело ближе.

Известный товар, например один квартер пшеницы, обменивается на *x* сапожной ваксы, или на *y* шелка, или на *z* золота и т. д., одним словом — на другие товары в самых различных пропорциях. Следовательно, пшеница имеет не одну-единственную, а многие меновые стоимости. Но так как и *x* сапожной ваксы, и *y* шелка, и *z* золота и т. д. составляют меновую стоимость квартера пшеницы, то *x* сапожной ваксы, *y* шелка, *z* золота и т. д. должны быть меновыми стоимостями, способными замещать друг друга, или равновеликими. Отсюда следует, во-первых, что различные меновые стоимости одного и того же товара выражают нечто одинаковое и, во-вторых, что меновая стоимость вообще может быть лишь способом выражения, лишь «формой проявления» какого-то отличного от нее содержания.

Возьмем, далее, два товара, например пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, его всегда можно выразить уравнением, в котором данное количество пшеницы приравнивается известному количеству железа, например: 1 квартер пшеницы = *a* центнерам железа. Что говорит нам это уравнение? Что в двух различных вещах — в 1 квартере пшеницы ива центнерах железа — существует нечто общее равной величины. Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не есть ни первая, ни вторая из них. Таким образом, каждая из них, поскольку она есть меновая стоимость, должна быть сводима к этому третьему.

Иллюстрируем это простым геометрическим примером. Для того чтобы определять и сравнивать площади всех прямолинейных фигур, последние рассекают на треугольники. Самый треугольник сводят к выражению, совершенно отличному от его видимой фигуры, — к половине произведения основания на высоту. Точно так же и меновые стоимости товаров необходимо свести к чему-то общему для них, большие или меньшие количества чего они представляют.

Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров. Их телесные свойства принимаются во внимание вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, т. е.

---

[7] «Ничто не может иметь внутренней стоимости» *(N. Barbon*, цит. соч., стр. 6), или, как говорит Батлер:

«The value of a thing
Is just as much as it will bring»

[«Вещь стоит ровно столько, сколько она принесет»][24].

поскольку они делают товары потребительными стоимостями. Очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей. В пределах менового отношения товаров каждая данная потребительная стоимость значит ровно столько же, как и всякая другая, если только она имеется в надлежащей пропорции. Или, как говорит старик Барбон:

«Один сорт товаров так же хорош, как и другой, если равны их меновые стоимости. Между вещами, имеющими равные меновые стоимости, не существует никакой разницы, или различия»[8].

Как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости.

Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда. Но теперь и самый продукт труда приобретает совершенно новый вид. В самом деле, раз мы отвлеклись от его потребительной стоимости, мы вместе с тем отвлеклись также от тех составных частей и форм его товарного тела, которые делают его потребительной стоимостью. Теперь это уже не стол, или дом, или пряжа, или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем. Равным образом теперь это уже не продукт труда столяра, или плотника, или прядильщика, или вообще какого-либо иного определенного производительного труда. Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду.

Рассмотрим теперь, что же осталось от продуктов труда. От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишенного различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости.

---

[8] «Один сорт товаров так же хорош, как и другой, если равны их меновые стоимости. Между вещами, имеющими равные меновые стоимости, не существует никакой разницы, или различия... Количество железа или свинца на сто фунтов стерлингов имеет такую же меновую стоимость, как и количество серебра или золота на сто фунтов стерлингов» (*N. Barbon,* цит. соч., стр. 53 и 7).

В самом меновом отношении товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно не зависимое от их потребительных стоимостей. Если мы действительно отвлечемся от потребительной стоимости продуктов труда, то получим их стоимость, как она была только что определена. Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость. Дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости как необходимому способу выражения, или форме проявления стоимости; тем не менее стоимость должна быть сначала рассмотрена независимо от этой формы.

Итак, потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину ее стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой «созидающей стоимость субстанции». Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных долях времени, каковы: час, день и т. д.

Если стоимость товара определяется количеством труда, затраченного в продолжение его производства, то могло бы показаться, что стоимость товара тем больше, чем ленивее или неискуснее производящий его человек, так как тем больше времени требуется ему для изготовления товара. Но тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы. Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, выступает здесь как одна и та же человеческая рабочая сила, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. Каждая из этих индивидуальных рабочих сил, как и всякая другая, есть одна и та же человеческая рабочая сила, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы и функционирует как такая общественная средняя рабочая сила, следовательно употребляет на производство данного товара лишь необходимое в среднем или общественно необходимое рабочее время. Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда. Так, например, в Англии после введения парового ткацкого станка для превращения данного количества пряжи в ткань требовалась, быть может, лишь половина того труда, который затрачивался на это раньше. Конечно, английский ручной ткач

и после того употреблял на это превращение столько же рабочего времени, как прежде, но теперь в продукте его индивидуального рабочего часа была представлена лишь половина общественного рабочего часа, и потому стоимость этого продукта уменьшилась вдвое.

Итак, величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для ее изготовления[9]. Каждый отдельный товар в данном случае имеет значение лишь как средний экземпляр своего рода[10]. Поэтому товары, в которых содержатся равные количества труда, или которые могут быть изготовлены в течение одного и того же рабочего времени, имеют одинаковую величину стоимости. Стоимость одного товара относится к стоимости каждого другого товара, как рабочее время, необходимое для производства первого, к рабочему времени, необходимому для производства второго. «Как стоимости, все товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени»[11].

Следовательно, величина стоимости товара оставалась бы постоянной, если бы было постоянным необходимое для его производства рабочее время. Но рабочее время изменяется с каждым изменением производительной силы труда. Производительная сила труда определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями. Одно и то же количество труда выражается, например, в благоприятный год в 8 бушелях пшеницы, в неблагоприятный — лишь в 4 бушелях. Одно и то же количество труда в богатых рудниках доставляет больше металла, чем в бедных и т. д. Алмазы редко встречаются в земной коре, и их отыскание стоит поэтому в среднем большого рабочего времени. Следовательно, в их небольшом объеме представлено много труда. Джейкоб сомневается, чтобы золото оплачивалось когда-

---

[9] *Примечание к 2 изданию*. «Стоимость их» (предметов потребления), «когда они обмениваются один на другой, определяется количеством труда, необходимого и обычно употребляемого для их производства» («Some Thoughts on the Interest of Money in general, and particularly in the Public Funds etc.». London, p. 36). Время издания этого замечательного анонимного произведения прошлого столетия не обозначено. Но из его содержания видно, что оно вышло в свет при Георге II, приблизительно в 1739 или 1740 году.

[10] «Все продукты одного и того же рода образуют, в сущности, одну массу, цена которой определяется в целом, независимо от частных обстоятельств» *(Le Trosne,* цит. соч., стр. 893).

[11] *Карл Маркс*. «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 6 [см. настоящее издание, том 13, стр. 16].

нибудь по его полной стоимости[25]. С еще большим правом это можно сказать об алмазах. По Эшвеге, в 1823 г. цена всего продукта восьмидесятилетней разработки бразильских алмазных копей не достигала средней цены полуторагодового продукта бразильских сахарных или кофейных плантаций, хотя в первом было представлено гораздо больше труда, а следовательно, и стоимости. С открытием более богатых копей то же самое количество труда выразилось бы в большем количестве алмазов и стоимость их понизилась бы. Если бы удалось небольшой затратой труда превращать уголь в алмаз, стоимость алмаза могла бы упасть ниже стоимости кирпича. Вообще, чем больше производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления известного изделия, тем меньше кристаллизованная в нем масса труда, тем меньше его стоимость. Наоборот, чем меньше производительная сила труда, тем больше рабочее время, необходимое для изготовления изделия, тем больше его стоимость. Величина стоимости товара изменяется, таким образом, прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда, находящего себе осуществление в этом товаре.

Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда ее полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость. {И не только для других вообще. Часть хлеба, произведенного средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка феодалу, часть — в виде десятины попам. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведен для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена[11a].} Наконец, вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости.

[11a] {*Примечание к 4 изданию.* Я вставил заключенные в скобки слова, так как при их отсутствии очень часто возникало недоразумение, будто, по Марксу, всякий продукт, потребляемый не тем, кто его произвел, является товаром. *Ф. Э.*}

2. ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ЗАКЛЮЧАЮЩЕГОСЯ В ТОВАРАХ ТРУДА

Первоначально товар предстал перед нами как нечто двойственное: как потребительная стоимость и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выражен в стоимости, уже не имеет тех признаков, которые принадлежат ему как созидателю потребительных стоимостей. Эта двойственная природа содержащегося в товаре труда впервые критически доказана мною[12]. Так как этот пункт является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии, то его следует осветить здесь более обстоятельно.

Возьмем два товара, например один сюртук и 10 аршин холста. Пусть стоимость первого вдвое больше стоимости последних, так что если 10 аршин холста = ω, то сюртук = 2 ω.

Сюртук есть потребительная стоимость, удовлетворяющая определенную потребность. Для того чтобы создать его, был необходим определенный род производительной деятельности. Последний определяется своей целью, характером операций, предметом, средствами и результатом. Труд, полезность которого выражается таким образом в потребительной стоимости его продукта, или в том, что продукт его является потребительной стоимостью, мы просто назовем полезным трудом. С этой точки зрения труд всегда рассматривается в связи с его полезным эффектом.

Как сюртук и холст — качественно различные потребительные стоимости, точно так же качественно различны между собой и обусловливающие их бытие работы: портняжество и ткачество. Если бы эти вещи не были качественно различными потребительными стоимостями и, следовательно, продуктами качественно различных видов полезного труда, то они вообще не могли бы противостоять друг другу как товары. Сюртук не обменивают на сюртук, данную потребительную стоимость — на ту же самую потребительную стоимость.

В совокупности разнородных потребительных стоимостей, или товарных тел, проявляется совокупность полезных работ, столь же многообразных, разделяющихся на столько же различных родов, видов, семейств, подвидов и разновидностей, одним словом — проявляется общественное разделение труда. Оно составляет условие существования товарного производства, хотя товарное производство, наоборот, не является условием существования общественного разделения труда. В древнеин-

[12] *Карл Маркс*. «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 12, 13 и др. [см. настоящее издание, том 13, стр. 21, 22 и др.].

дийской общине труд общественно разделен, но продукты его не становятся товарами. Или возьмем более близкий пример: на каждой фабрике труд систематически разделен, но это разделение осуществляется не таким способом, что рабочие обмениваются продуктами своего индивидуального труда. Только продукты самостоятельных, друг от друга не зависимых частных работ противостоят один другому как товары.

Итак, в потребительной стоимости каждого товара содержится определенная целесообразная производительная деятельность, или полезный труд. Потребительные стоимости не могут противостоять друг другу как товары, если в них не содержатся качественно различные виды полезного труда. В обществе, продукты которого, как общее правило, принимают форму товаров, т. е. в обществе товаропроизводителей, это качественное различие видов полезного труда, которые здесь выполняются независимо друг от друга, как частное дело самостоятельных производителей, развивается в многочленную систему, в общественное разделение труда.

Для сюртука, впрочем, безразлично, кто его носит, сам ли портной или заказчик портного. В обоих случаях он функционирует как потребительная стоимость. Столь же мало меняет отношение между сюртуком и производящим его трудом тот факт, что портняжный труд становится особой профессией, самостоятельным звеном общественного- разделения труда. Там, где это вынуждалось потребностью в одежде, человек портняжил целые тысячелетия, прежде чем из человека сделался портной. Но сюртук, холст и вообще всякий элемент вещественного богатства, который мы не находим в природе в готовом виде, всегда должен создаваться при посредстве специальной, целесообразной производительной деятельности, приспособляющей различные вещества природы к определенным человеческим потребностям. Следовательно, труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь.

Потребительные стоимости: сюртук, холст и т. д., одним словом — товарные тела, представляют собой соединение двух элементов — вещества природы и труда. За вычетом суммы всех различных полезных видов труда, заключающихся в сюртуке, холсте и т. д., всегда остается известный материальный субстрат, который существует от природы, без всякого содействия человека. Человек в процессе производства может действовать лишь

так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ[13)]. Более того. В самом этом труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы. Следовательно, труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Уильям Петти, земля — его мать[26].

Перейдем теперь от товара как предмета потребления к товарной стоимости.

Согласно нашему предположению, сюртук имеет вдвое большую стоимость, чем холст. Но это только количественная разница, которая нас пока не интересует. Мы напомним поэтому, что если стоимость одного сюртука равна двойной стоимости 10 аршин холста, то 20 аршин холста имеют ту же самую величину стоимости, что один сюртук. Как стоимости, сюртук и холст суть вещи, имеющие одну и ту же субстанцию, суть объективные выражения однородного труда. Но портняжество и ткачество — качественно различные виды труда. Бывают, однако, такие общественные условия, при которых один и тот же человек попеременно шьет и ткет и где, следовательно, оба эти различные виды труда являются лишь модификациями труда одного и того же индивидуума, а не прочно обособившимися функциями различных индивидуумов, — совершенно так же, как сюртук, который портной шьет сегодня, и брюки, которые он делает завтра, представляют собой лишь вариации одного и того же индивидуального труда. Далее, ежедневный опыт показывает, что в капиталистическом обществе, в зависимости от изменяющегося направления спроса на труд, известная доля общественного труда предлагается попеременно, то в форме портняжества, то в форме ткачества. Это изменение формы труда не совершается, конечно, без известного трения, но оно должно совершаться. Если отвлечься от определенного характера производительной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нем остается лишь одно, — что он есть расходование человеческой рабочей силы. Как портняжество, так

[13)] «Все явления вселенной, созданы ли они рукой человека или же всеобщими законами природы, не дают нам идеи о действительном сотворении материи, а дают лишь идею о ее видоизменении. Соединение и разделение — вот единственные элементы, которые обнаруживает человеческий разум, анализируя идею производства. Производство стоимости» (потребительной стоимости, хотя, полемизируя здесь с физиократами, Верри сам не знает толком, о какого рода стоимости он говорит) «и богатства в одинаковой степени имеет место как в том случае, когда земля, воздух и вода превращаются на полях в пшеницу, так и в том случае, когда под рукой человека клейкие выделения насекомых превращаются в шелковую ткань или когда отдельные кусочки металла соединяются вместе и образуют часовой механизм» *(Pietro Verri*. «Meditazioni sulla Economia Politica» (впервые напечатано в 1771 г.) в издании Кустоди сочинений итальянских экономистов, Parte Moderna, t. XV, p. 21, 22).

и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют собой производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле — один и тот же человеческий труд. Это лишь две различные формы расходования человеческой рабочей силы. Конечно, сама человеческая рабочая сила должна быть более или менее развита, чтобы затрачиваться в той или другой форме. Но в стоимости товара представлен просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще. Подобно тому как в буржуазном обществе генерал или банкир играют большую роль, а просто человек — очень жалкую[14], точно так же обстоит здесь дело и с человеческим трудом. Он есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием. *Простой средний труд,* хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, Тем не менее для каждого определенного общества есть нечто данное. Сравнительно сложный труд означает только *возведенный в степень* или, скорее, *помноженный* простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его *стоимость* делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда[15]. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленными обычаем. Ради простоты в дальнейшем изложении мы будем рассматривать всякий вид рабочей силы непосредственно как простую рабочую силу, — это избавит нас от необходимости сведения в каждом частном случае сложного труда к простому.

Стало быть, как в стоимостях сюртука и холста исчезают различия их потребительных стоимостей, так и в труде, представленном в этих стоимостях, исчезают различия его полезных форм — портняжества и ткачества. Если потребительные стоимости сюртук и холст представляют собой лишь соединения целесообразной производительной деятельности с сукном

[14] Ср. *Hegel.* «Philosophie des Rechts». Berlin, 1840, S. 250, § 190.

[15] Читатель должен иметь в виду, что здесь речь идет не о заработной плате, или стоимости, которую рабочий получает, например, за один рабочий день, а о стоимости товаров, в которой овеществляется его рабочий день. Категория заработной платы вообще еще не существует для нас на данной ступени нашего изложения.

и пряжей, то в качестве стоимостей сюртук и холст суть не более, как однородные сгустки труда; равным образом и в затратах труда, содержащихся в этих стоимостях, имеет значение не производительное их отношение к сукну и пряже, а лишь расходование человеческой рабочей силы. Элементами, созидающими потребительные стоимости сюртук и холст, портняжество и ткачество являются именно в силу своих качественно различных особенностей; субстанцией стоимости сюртука и холста они оказываются лишь постольку, поскольку происходит отвлечение от их особых качеств, поскольку они обладают одним и тем же качеством, качеством человеческого труда.

Но сюртук и холст — не только стоимости вообще, до и стоимости определенной величины: по нашему предположению, сюртук имеет вдвое большую стоимость, чем 10 аршин холста. Откуда эта разница в величине их стоимости? Причина состоит в том, что холст содержит в себе лишь половину того труда, который заключается в сюртуке, так что для производства последнего надо затрачивать рабочую силу в течение вдвое более продолжительного времени, чем для производства первого.

Поэтому, если по отношению к потребительной стоимости товара имеет значение лишь качество содержащегося в нем труда, то по отношению к величине стоимости имеет значение лишь количество труда, уже сведенного к человеческому труду без всякого дальнейшего качества. В первом случае дело идет о том, как совершается труд и что он производит, во втором случае — о том, сколько труда затрачивается и сколько времени он продолжается. Так как величина стоимости товара выражает лишь количество заключающегося в нем труда, то взятые в известной пропорции товары всегда должны быть равновеликими стоимостями.

Если производительная сила всех полезных видов труда, необходимых для производства одного сюртука, остается неизменной, то величина стоимости сюртуков растет пропорционально их количеству. Если один сюртук представляет x рабочих дней, то 2 сюртука представляют 2 x рабочих дней и т. д. Но допустим, что труд, необходимый для производства одного сюртука, возрастает вдвое или падает наполовину. В первом случае один сюртук стоит столько, сколько раньше стоили два сюртука, во втором случае два сюртука стоят столько, сколько раньше стоил один, хотя в обоих случаях услуги, оказываемые сюртуком, остаются неизменными, равно как остается неизменным и качество содержащегося в нем полезного труда. Но количество труда, затраченного на его производство, изменилось.

Большее количество потребительной стоимости составляет само по себе большее вещественное богатство: два сюртука больше, чем один. Двумя сюртуками можно одеть двух человек, одним — только одного и т. д. Тем не менее возрастающей массе вещественного богатства может соответствовать одновременное понижение величины его стоимости. Это противоположное движение возникает из двойственного характера труда. Производительная сила, конечно, всегда есть производительная сила полезного, конкретного труда и фактически определяет собой только степень эффективности целесообразной производительной деятельности в течение данного промежутка времени. Следовательно, полезный труд оказывается то более богатым, то более скудным источником продуктов прямо пропорционально повышению или падению его производительной силы. Напротив, изменение производительной силы само по себе нисколько не затрагивает труда, представленного в стоимости товара. Так как производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда, то она, конечно, не может затрагивать труда, поскольку происходит отвлечение от его конкретной полезной формы. Следовательно, один и тот же труд в равные промежутки времени создает всегда равные по величине стоимости, как бы ни изменялась его производительная сила. Но он доставляет при этих условиях в равные промежутки времени различные количества потребительных стоимостей: больше, когда производительная сила растет, меньше, когда она падает. То самое изменение производительной силы, которое увеличивает плодотворность труда, а потому и массу доставляемых им потребительных стоимостей, уменьшает, следовательно, величину стоимости этой возросшей массы, раз оно сокращает количество рабочего времени, необходимого для ее производства. И наоборот.

Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, — и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости[16].

---

[16] *Примечание к 2 изданию.* Чтобы доказать, «что один лишь труд является окончательной и реальной мерой, посредством которой мы можем оценивать и сравнивать между собой стоимости всех товаров во все времена», А. Смит пишет: «Одинаковые количества труда должны иметь во все времена и во всех местах одинаковую стоимость для рабочего. При нормальном состоянии здоровья, силы, деятельности и при средней степени умения, которым он обладает, он должен всегда отдавать одну и ту же долю своего покоя, свободы и своего счастья» («Wealth of Nations» v. I, ch. V). С одной стороны, А. Смит смешивает здесь (но не везде) определение стоимости количеством труда, затраченного на производство товара, с определением товарных стоимостей стоимостью самого труда и поэтому старается доказать, что равные количества труда всегда имеют одну и ту

3. ФОРМА СТОИМОСТИ, ИЛИ МЕНОВАЯ СТОИМОСТЬ

Товары являются на свет в форме потребительных стоимостей, или товарных тел, каковы железо, холст, пшеница и т. д. Это их доморощенная натуральная форма. Но товарами они становятся лишь в силу своего двойственного характера, лишь в силу того, что они одновременно и предметы потребления и носители стоимости. Следовательно, они являются товарами, или имеют товарную форму, лишь постольку, поскольку они обладают этой двойной формой — натуральной формой и формой стоимости.

Стоимость [Wertgegenstandlichkeit] товаров тем отличается от вдовицы Куикли, что не знаешь, как за нее взяться[27]. В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость [Wertgegenstandlichkeit] не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он как стоимость [Wertding] остается неуловимым. Но если мы припомним, что товары обладают стоимостью [Wertgegenstandlichkeit] лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства — человеческого труда, что их стоимость [Wertgegenstandlichkeit] имеет поэтому чисто общественный характер, то для нас станет само собой понятным, что и проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому. В самом деле мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости.

же стоимость. С другой стороны, он чувствует, что труд, поскольку он выражается в стоимости товаров, означает лишь затрату рабочей силы, но эту затрату он изображает опять-таки лишь как пожертвование покоем, свободой и счастьем, не видя в этой затрате также и нормальной жизнедеятельности. Правда, перед его глазами был современный наемный рабочий. — Гораздо удачнее рассуждает в данном вопросе цитированный в примечании 9 анонимный предшественник А. Смита: «Некто потратил неделю на приготовление данного предмета потребления... и тот, кто предлагает ему в обмен какой-либо другой предмет, лучше всего оценит, что является надлежащим эквивалентом первому предмету, если высчитает, какое количество его предмета стоило ему того же труда [labour] и времени. Дело сводится здесь к тому, что труд, затрачивавшийся одним человеком на производство данной вещи в течение известного времени, обменивается на труд другого человека, затрачивавшийся в течение того же времени на производство другой вещи» («Some Thoughts on the Interest of Money in general etc.», p. 39).

{*К 4 изданию.* Английский язык имеет то преимущество, что в нем существуют два различных слова для обозначения двух различных сторон труда. Труд, качественно определенный, создающий потребительные стоимости, называется work в противоположность labour; труд, создающий стоимость и измеряемый лишь количественно, называется labour в противоположность work. См. примечание к английскому переводу, стр. 14 [см. настоящий том, стр. 44, прим. 4]. *Ф. Э.*}

Мы должны возвратиться теперь к этой форме проявления стоимости.

Каждый знает — если он даже ничего более не знает, —что товары обладают общей им всем формой стоимости, резко контрастирующей с пестрыми натуральными формами их потребительных стоимостей, а именно: обладают денежной формой стоимости. Нам предстоит здесь совершить то, чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать, — именно показать происхождение этой денежной формы, т. е. проследить развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег.

Простейшее стоимостное отношение есть, очевидно, стоимостное отношение товара к какому-нибудь одному товару другого рода — все равно какого именно. Стоимостное отношение двух товаров дает, таким образом, наиболее простое выражение стоимости данного товара.

А. ПРОСТАЯ, ЕДИНИЧНАЯ, ИЛИ СЛУЧАЙНАЯ, ФОРМА СТОИМОСТИ

x товара *A* = *y* товара *B,* или: *x* товара *A* стоит *y* товара *B.* (20 аршин холста = 1 сюртуку, или: 20 аршин холста стоят одного сюртука.)

1) Два полюса выражения стоимости: относительная форма стоимости и эквивалентная форма

Тайна всякой формы стоимости заключена в этой простой форме стоимости. Ее анализ и представляет поэтому главную трудность.

Два разнородных товара *A* и *B,* в нашем примере холст и сюртук, играют здесь, очевидно, две различные роли. Холст выражает свою стоимость в сюртуке, сюртук служит материалом для этого выражения стоимости. Первый товар играет активную, второй пассивную роль. Стоимость первого товара представлена как относительная стоимость, или он находится в относительной форме стоимости. Второй товар функционирует как эквивалент, или находится в эквивалентной форме.

Относительная форма стоимости и эквивалентная форма — это соотносительные, взаимно друг друга обусловливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключающие или противоположные крайности, т. е. полюсы одного и того же выражения стоимости; они всегда распределяются

между различными товарами, которые выражением стоимости ставятся в отношение друг к другу. Я не могу, например, выразить стоимость холста в холсте. 20 аршин холста = 20 аршинам холста не есть выражение стоимости. Это уравнение скорее говорит наоборот: 20 аршин холста есть не что иное, как 20 аршин холста, т. е. определенное количество предмета потребления — холста. Следовательно, стоимость холста может быть выражена лишь относительно, т. е. в другом товаре. Относительная форма стоимости холста предполагает поэтому, что какой-нибудь иной товар противостоит ему в эквивалентной форме. С другой стороны, этот иной товар, фигурирующий в качестве эквивалента, не может в то же время находиться в относительной форме стоимости. Не он выражает свою стоимость. Он доставляет лишь материал для выражения стоимости другого товара.

Правда, выражение 20 аршин холста = 1 сюртуку, или 20 аршин холста стоят 1 сюртука, включает в себя и обратное отношение: 1 сюртук = 20 аршинам холста, или 1 сюртук стоит 20 аршин холста. Но мне приходится, таким образом, перевернуть уравнение для того, чтобы дать относительное выражение стоимости сюртука, и, раз я это делаю, холст вместо сюртука становится эквивалентом. Следовательно, один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга.

Находится ли данный товар в относительной форме стоимости или в противоположной ей эквивалентной форме — это зависит исключительно от его места в данном выражении стоимости, т. е. от того, является ли он товаром, стоимость которого выражается, или же товаром, в котором выражается стоимость.

2) Относительная форма стоимости

a) Содержание относительной формы стоимости

Чтобы выяснить, каким образом простое выражение стоимости одного товара содержится в стоимостном отношении двух товаров, необходимо прежде всего рассмотреть это последнее независимо от его количественной стороны. Обыкновенно же поступают как раз наоборот и видят в стоимостном отношении только пропорцию, в которой приравниваются друг другу определенные количества двух различных сортов товара. При этом забывают, что различные вещи становятся количественно сравнимыми лишь после того, как они сведены к одному и тому

же единству. Только как выражения одного и того же единства они являются одноименными, а следовательно, соизмеримыми величинами[17].

Равняются ли 20 аршин холста одному сюртуку, или они = 20, или — *x* сюртукам, другими словами — стоит ли данное количество холста многих или немногих сюртуков, во всяком случае самое существование такой пропорции предполагает всегда, что холст и сюртуки как величины стоимости суть выражения одного и того же единства, суть вещи, имеющие одну и ту же природу. Холст = сюртуку — это основа уравнения.

Но эти два качественно уравненных друг с другом товара играют не одинаковую роль. Только стоимость холста находит себе выражение. И притом каким образом? Путем его отношения к сюртуку как его «эквиваленту», как к чему-то, на что холст может быть обменен. В этом отношении сюртук служит формой существования стоимости, воплощением стоимости [Wertding], потому что только как стоимость он тождествен с холстом. С другой стороны, здесь обнаруживается или получает самостоятельное выражение стоимостное бытие самого холста, потому что лишь как стоимость холст может относиться к сюртуку как к чему-то равноценному или способному обмениваться на него. Так, например, масляная кислота и пропиловый эфир муравьиной кислоты — различные вещества. Однако оба они состоят из одних и тех же химических субстанций — углерода (C), водорода (H) и кислорода (O), и притом в одном и том же процентном отношении, а именно: $C_4H_8O_2$. Если бы мы приравняли масляную кислоту к муравьино-пропиловому эфиру, то это значило бы в данном уравнении, во-первых, что муравьино-пропиловый эфир есть лишь форма существования $C_4H_8O_2$ и, во-вторых, что масляная кислота также состоит из $C_4H_8O_2$. Посредством приравнения муравьино-пропилового эфира к масляной кислоте была бы выражена, таким образом, их химическая субстанция в отличие от их физической формы.

Когда мы говорим: как стоимости, товары суть простые сгустки человеческого труда, то наш анализ сводит товары к абстрактной стоимости, но не дает им формы стоимости, отличной от их натуральной формы. Не то в стоимостном отношении одного товара к другому. Стоимостный характер товара

[17] Те немногие экономисты, которые, как, например, С. Бейли, занимались анализом формы стоимости, не могли прийти ни к какому результату, с одной стороны, потому, что они смешивают форму стоимости и самую стоимость, с другой стороны, потому, что, находясь под влиянием грубого практичного буржуа, они с самого начала обращают внимание исключительно на количественную определенность менового отношения. «Власть над количеством... конституирует стоимость» («Money and its Vicissitudes». London, 1837, p. 11). Автор С. Бейли.

обнаруживается здесь в его собственном отношении к другому товару.

Когда, например, сюртук, как стоимость [Wertding], приравнивается холсту, заключающийся в первом труд приравнивается труду, заключающемуся во втором. Конечно, портняжный труд, создающий сюртук, есть конкретный труд иного рода, чем труд ткача, который делает холст. Но приравнение к ткачеству фактически сводит портняжество к тому, что действительно одинаково в обоих видах труда, к общему им характеру человеческого труда. Этим окольным путем утверждается далее, что и ткачество, поскольку оно ткет стоимость, не отличается от портняжества, следовательно есть абстрактно человеческий труд. Только выражение эквивалентности разнородных товаров обнаруживает специфический характер труда, образующего стоимость, так как разнородные виды труда, содержащиеся в разнородных товарах, оно действительно сводит к тому, что в них есть общего, — к человеческому труду вообще[17a].

Недостаточно, однако, выразить специфический характер того труда, из которого состоит стоимость холста. Человеческая рабочая сила в текучем состоянии, или человеческий труд, образует стоимость, но сам труд не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме. Для того чтобы стоимость холста была выражена как сгусток человеческого труда, она должна быть выражена как особая «предметность», которая вещно отлична от самого холста и в то же время обща ему и другому товару. Эта задача уже решена.

В стоимостном отношении холста к сюртуку сюртук фигурирует как нечто качественно одинаковое с холстом, как вещь того же самого рода, потому что он есть стоимость. Он играет здесь роль вещи, в которой проявляется стоимость или которая в своей осязательной натуральной форме представляет стоимость. Конечно, сюртук — тело товара сюртук — есть только потребительная стоимость. Сюртук столь же мало выражает собой стоимость, как и первый попавшийся кусок холста. Но это доказывает лишь, что в пределах своего стоимостного отно-

---

[17a] *Примечание к 2 изданию.* Один из первых экономистов, который после Уильяма Петти разглядел природу стоимости, знаменитый Франклин, говорит: «Так как торговля есть вообще не что иное, как обмен одного труда на другой труд, то стоимость всех вещей наиболее правильно оценивать трудом» («The Works of *B. Franklin* etc., edited by Sparks». Boston, 1836, v. II, p. 267). Франклин не уяснил себе, что оценивая стоимость всех вещей «трудом», он тем самым отвлекается от различий между обмениваемыми видами труда, — следовательно, сводит их к одинаковому человеческому труду. Но хотя он этого не знает, он непроизвольно высказывает это. Он говорит сначала об «одном труде», затем о «другом труде», в заключение о «труде» без дальнейшего определения как о субстанции стоимости всех вещей.

шения к холсту сюртук значит больше, чем вне его, — подобно тому как многие люди в сюртуке с золотым шитьем значат больше, чем без него.

В производстве сюртука в форме портняжного труда действительно затрачена человеческая рабочая сила. Следовательно, в нем накоплен человеческий труд. С этой стороны сюртук является «носителем стоимости», хотя это его свойство и не просвечивает сквозь его ткань, как бы тонка она ни была. Ив своем стоимостном отношении к холсту он выступает лишь этой своей стороной, т. е. как воплощенная стоимость, как стоимостная плоть. Несмотря на то, что сюртук выступает застегнутым на все пуговицы, холст узнает в нем родственную себе прекрасную душу стоимости. Но сюртук не может представлять стоимости в глазах холста без того, чтобы для последнего стоимость не приняла формы сюртука. Так индивидуум Л не может относиться к индивидууму *В* как к его величеству без того, чтобы для *А* величество как таковое не приняло телесного вида *В,* — потому-то присущие величеству черты лица, волосы и многое другое меняются с каждой сменой властителя страны.

Следовательно, в том стоимостном отношении, в котором сюртук образует эквивалент холста, форма сюртука играет роль формы стоимости. Стоимость товара холст выражается поэтому в теле товара сюртук, стоимость одного товара — в потребительной стоимости другого. Как потребительная стоимость, холст есть вещь, чувственно отличная от сюртука; как стоимость, он «сюртукоподобен», выглядит совершенно так же, как сюртук. Таким образом холст получает форму стоимости, отличную от его натуральной формы. Его стоимостное бытие проявляется в его подобии сюртуку, как овечья натура христианина — в уподоблении себя агнцу божию.

Мы видим, что все то, что раньше сказал нам анализ товарной стоимости, рассказывает сам холст, раз он вступает в общение с другим товаром, с сюртуком. Он только выражает свои мысли на единственно доступном ему языке, на товарном языке. Чтобы высказать, что труд в своем абстрактном свойстве человеческого труда образует его, холста, собственную стоимость, он говорит, что сюртук, поскольку он равнозначен ему и, следовательно, есть стоимость, состоит из того же самого труда, как и он, холст. Чтобы высказать, что возвышенная предметность его стоимости [Wertgegenstandlichkeit] отлична от его грубого льняного тела, он говорит, что стоимость имеет вид сюртука и что поэтому сам он в качестве стоимости [Wertding] как две капли воды похож на сюртук. Заметим мимоходом, что и товарный язык, кроме еврейского, имеет немало других более или

менее выработанных наречий. Немецкое «Wertsein» [«стоимость, стоимостное бытие»] выражает, например, менее отчетливо, чем романский глагол valere, valer, valoir [стоить], тот факт, что приравнивание товара *B* к товару *A* есть выражение собственной стоимости товара *A*. Paris vaut bien une messe![28]

Итак, посредством стоимостного отношения натуральная форма товара *B* становится формой стоимости товара *A*, или тело товара *B* становится зеркалом стоимости товара *A*[18)]. Товар *A*, относясь к товару *B* как к стоимостной плоти, как к материализации человеческого труда, делает потребительную стоимость *B* материалом для выражения своей собственной стоимости. Стоимость товара *A*, выраженная таким образом в потребительной стоимости товара *B*, обладает формой относительной стоимости.

b) Количественная определенность относительной формы стоимости

Каждый товар, стоимость которого должна быть выражена, представляет собой известное количество данного предмета потребления, например 15 шеффелей пшеницы, 100 фунтов кофе и т. д. Это данное количество товара содержит в себе определенное количество человеческого труда. Следовательно, форма стоимости должна выражать собой не только стоимость вообще, но количественно определенную стоимость, или величину стоимости. Поэтому в стоимостном отношении товара А к товару *B*, холста к сюртуку, товар вида сюртук не только качественно отождествляется с холстом как стоимостной плотью вообще, но определенному количеству холста, например 20 аршинам, приравнивается определенное количество стоимостной плоти, или эквивалента, например 1 сюртук.

Уравнение «20 аршин холста = 1 сюртуку, или 20 аршин холста стоят 1 сюртука» предполагает, что в одном сюртуке содержится ровно столько же субстанции стоимости, как и в 20 аршинах холста, что оба эти количества товаров стоят равного труда, или равновеликого рабочего времени. Но рабочее время, необходимое для производства 20 аршин холста или 1 сюртука, изменяется с каждым изменением производительной силы труда в портняжестве или ткачестве. Мы исследуем теперь

[18)] В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он родится без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек».

более подробно влияние такого изменения на относительное выражение величины стоимости.

I. Пусть стоимость холста изменяется[19], в то время как стоимость сюртука остается постоянной. Если рабочее время, необходимое для производства холста, удваивается, например вследствие снижения плодородия почвы, на которой возделывается лен, то удваивается и его стоимость. Вместо уравнения 20 аршин холста = 1 сюртуку мы получаем 20 аршин холста = 2 сюртукам, так как 1 сюртук содержит теперь лишь половину того рабочего времени, которое заключается в 20 аршинах холста. Наоборот, если рабочее время, необходимое для производства холста, уменьшится наполовину, например вследствие усовершенствования ткацких станков, то и стоимость холста упадет наполовину. В соответствии с этим, теперь мы имеем: 20 аршин холста = $^1/_2$ сюртука. При неизменной стоимости товара *B* относительная стоимость товара *A*, т. е. стоимость его, выраженная в товаре *B,* повышается и падает прямо пропорционально стоимости товара A.

II. Пусть стоимость холста остается постоянной, в то время как стоимость сюртука изменяется. Если при этом условии рабочее время, необходимое для производства сюртука, удваивается, например вследствие плохого настрига шерсти, то вместо 20 аршин холста = 1 сюртуку мы получим 20 аршин холста = = $^1/_2$ сюртука. Напротив, если стоимость сюртука падает наполовину, то 20 аршин холста = 2 сюртукам. При неизменной стоимости товара *A* его относительная, выраженная в товаре *B* стоимость падает или повышается в отношении, обратном изменению стоимости *B.*

Сравнивая различные случаи I и II, мы находим, что одно и то же изменение величины относительной стоимости может вызываться совершенно противоположными причинами. Так, вместо уравнения 20 аршин холста = 1 сюртуку может получиться уравнение 20 аршин холста = 2 сюртукам или потому, что стоимость холста удваивается, или потому, что стоимость сюртука падает наполовину; с другой стороны, уравнение 20 аршин холста = $^1/_2$ сюртука получается вместо того же первоначального уравнения или потому, что стоимость холста падает наполовину, или потому, что стоимость сюртука повышается вдвое.

III. Пусть количества труда, необходимые для производства холста и сюртука, изменяются одновременно в одном и том же направлении и в одной и той же пропорции. В этом случае,

[19] Выражение «стоимость» употребляется здесь, как и в некоторых местах выше, для обозначения количественно определенной стоимости, т. е. величины стоимости.

как бы ни изменялась стоимость этих товаров, по-прежнему 20 аршин холста = 1 сюртуку. Изменение их стоимости мы можем открыть лишь при сравнении с третьим товаром, стоимость которого остается постоянной. Если бы стоимости всех товаров одновременно повысились или упали в одной и той же пропорции, их относительные стоимости остались бы без перемены. Действительное изменение стоимости товаров в этом случае сказалось бы лишь в том, что в течение того же самого рабочего времени вообще производилось бы большее или меньшее количество товаров, чем раньше.

IV. Пусть рабочее время, необходимое для производства холста и сюртука, а следовательно, и их стоимости, изменяются одновременно в одном и том же направлении, но в различной степени, или же изменяются в противоположном направлении и т. д. Влияние всех возможных комбинаций подобного рода на относительную стоимость товара определяется просто применением случаев I, II и III.

Действительные изменения величины стоимости не отражаются, как мы видим, достаточно ясно и полно в относительном выражении величины стоимости, или в величине относительной стоимости. Относительная стоимость товара может изменяться, несмотря на то, что стоимость его остается постоянной. Его относительная стоимость может оставаться постоянной, несмотря на то, что стоимость изменяется, и, наконец, одновременные изменения величины стоимости и относительного выражения этой величины стоимости отнюдь не всегда целиком совпадают[20].

---

[20] *Примечание к 2 изданию.* Это несовпадение величины стоимости и ее относительного выражения используется вульгарной политической экономией с обычным для нее остроумием. Например: «Допустите только, что *A* падает потому, что *B,* на которое оно обменивается, повышается, причем, однако, на *A* затрачивается не меньше труда, чем раньше, и ваш всеобщий принцип стоимости терпит крушение... Раз мы допустили, что стоимость *B* по отношению к *A* падает вследствие того, что стоимость *A* по отношению к *B* возрастает, то тем самым уничтожается та почва, на которой Рикардо воздвигает свое великое положение, что стоимость товара всегда определяется количеством воплощенного в нем труда. Потому что, если изменение в издержках производства *A* изменяет не только его собственную стоимость по отношению к *B,* на которое оно обменивается, но изменяет также стоимость *B* по отношению к *A*, хотя никакой перемены в количестве труда, необходимого для производства *B*, не произошло, то рушится не только доктрина, уверяющая, что стоимость товара регулируется количеством затраченного на него труда, но также доктрина, согласно которой издержки производства данного товара регулируют его стоимость» *(J. Broadhurst.* «Political Economy». London, 1842, p. 11, 14).

Г-н Бродхерст мог бы с таким же правом сказать: присмотритесь к числовым отношениям $^{10}/_{20}$, $^{10}/_{50}$, $^{10}/_{100}$ и т. д» Число 10 остается неизменным, и, несмотря на это, его относительная величина, его величина по отношению к знаменателям 20, 50, 100 и т. д., постоянно убывает. Следовательно, рушится великий принцип, согласно которому величина целого числа, например 10, «регулируется» количеством содержащихся в нем единиц.

3) Эквивалентная форма

Мы видели, что когда какой-либо товар *A* (холст) выражает свою стоимость в потребительной стоимости отличного от него товара *B* (сюртуке), он в то же время придает этому последнему своеобразную форму стоимости, форму эквивалента. Товар холст обнаруживает свое собственное стоимостное бытие тем, что сюртук, не принимая никакой формы стоимости, отличной от его телесной формы, приравнивается к холсту. Таким образом, холст фактически выражает свое стоимостное бытие тем, что сюртук может непосредственно обмениваться на него. Эквивалентная форма какого-либо товара есть поэтому форма его непосредственной обмениваемости на другой товар.

Если данный вид товара, например сюртуки, служит другому виду товара, например холсту, в качестве эквивалента, если, таким образом, сюртуки приобретают характерное свойство — находиться в форме, непосредственно обмениваемой на холст, то этим отнюдь еще не указывается та пропорция, в которой сюртуки и холст могут обмениваться друг на друга. Она зависит, поскольку дана величина стоимости холста, от величины стоимости сюртуков. Является ли сюртук эквивалентом, а холст относительной стоимостью, или, наоборот, холст эквивалентом, а сюртук относительной стоимостью, величина стоимости сюртука в любом случае определяется рабочим временем, необходимым для его производства, следовательно — независимо от формы его стоимости. Но раз товар вида сюртук занимает место эквивалента в выражении стоимости, величина его стоимости, как таковая, не получает никакого выражения. Более того: она фигурирует в стоимостном уравнении только как определенное количество данной вещи.

Например: 40 аршин холста «стоят» — чего? Двух сюртуков. Так как товар вида сюртук играет здесь роль эквивалента и потребительная стоимость сюртук противостоит холсту как стоимостной плоти, то достаточно определенного количества сюртуков, чтобы выразить определенную величину стоимости холста. Два сюртука могут поэтому выразить величину стоимости 40 аршин холста, но они никогда не могут выразить величину своей собственной стоимости, величину стоимости сюртуков. Поверхностное понимание этого факта, — что в стоимостном уравнении эквивалент имеет всегда только форму простого количества известной вещи, известной потребительной стоимости, — ввело в заблуждение Бейли и заставило его, как и многих из его предшественников и последователей, видеть в выражении стоимости только количественное отношение.

В действительности эквивалентная форма товара не содержит никакого количественного определения стоимости.

Первая особенность, бросающаяся в глаза при рассмотрении эквивалентной формы, состоит в том, что потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости.

Натуральная форма товара становится формой стоимости. Но nota bene [заметьте хорошенько]: для товара *В* (сюртука, или пшеницы, или железа и т. д.) это quid pro quo [появление одного вместо другого] осуществляется лишь в пределах стоимостного отношения, в которое вступает с ним любой иной товар *А* (холст и т. д.), — лишь в рамках этого отношения. Так как никакой товар не может относиться к самому себе как эквиваленту и, следовательно, не может сделать свою естественную наружность выражением своей собственной стоимости, то он должен относиться к другому товару как эквиваленту, или естественную наружность другого товара сделать своей собственной формой стоимости.

Для большей наглядности иллюстрируем это на примере тех мер, которыми измеряются товарные тела как таковые, т. е. как потребительные стоимости. Голова сахара как физическое тело имеет определенную тяжесть, вес, но ни одна голова сахара не дает возможности непосредственно увидеть или почувствовать ее вес. Мы берем поэтому несколько кусков железа, вес которых заранее определен. Телесная форма железа, рассматриваемая сама по себе, столь же мало является формой проявления тяжести, как и телесная форма головы сахара. Тем не менее, чтобы выразить голову сахара как тяжесть, мы приводим ее в весовое отношение к железу. В этом соотношении железо фигурирует как тело, которое не представляет ничего, кроме тяжести. Количества железа служат поэтому мерой веса сахара и по отношению к физическому телу сахара представляют лишь воплощение тяжести, или форму проявления тяжести. Эту роль железо играет только в пределах того отношения, в которое к нему вступает сахар или какое-либо другое тело, когда отыскивается вес последнего. Если бы оба тела не обладали тяжестью, они не могли бы вступить в это отношение, и одно из них не могло бы стать выражением тяжести другого. Бросив их на чаши весов, мы убедимся, что как тяжесть оба они действительно тождественны и потому, взятые в определенной пропорции, имеют один и тот же вес. Как тело железа в качестве меры веса представляет по отношению к голове сахара лишь тяжесть, так в нашем выражении стоимости тело сюртука представляет по отношению к холсту лишь стоимость.

Однако здесь и прекращается аналогия. В выражении веса сахарной головы железо представляет естественное свойство, общее обоим телам, а именно тяжесть, в то время как сюртук в выражении стоимости холста представляет неприродное свойство обеих вещей: их стоимость, нечто чисто общественное.

Так как относительная форма стоимости товара, например холста, выражает его стоимостное бытие как нечто совершенно отличное от его тела и свойств последнего, например как нечто «сюртукоподобное», то уже само это выражение указывает, на то, что за ним скрывается некоторое общественное отношение. Как раз противоположный характер носит эквивалентная форма. Ведь она состоит именно в том, что данное тело товара, скажем сюртук, данная вещь как таковая, выражает стоимость, следовательно по самой природе своей обладает формой стоимости. Правда, это справедливо лишь в пределах того стоимостного отношения, в котором товар холст относится к товару сюртук как к эквиваленту[21)]. Но так как свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении, то кажется, будто сюртук своей эквивалентной формой, своим свойством непосредственной обмениваемости обладает от природы, совершенно так же как тяжестью или свойством удерживать тепло. Отсюда загадочность эквивалентной формы, поражающая буржуазно-грубый взгляд экономиста лишь тогда, когда эта форма предстает перед ним в готовом виде — как деньги. Тогда экономист пытается разделаться с мистическим характером золота и серебра, подсовывая на их место менее ослепительные товары и все с новым и новым удовольствием перечисляя список той товарной черни, которая в свое время играла роль товарного эквивалента. Он и не подозревает, что уже самое простое выражение стоимости: 20 аршин холста = 1 сюртуку, дает разгадку эквивалентной формы.

Тело товара, служащего эквивалентом, всегда выступает как воплощение абстрактно человеческого труда и всегда в то же время есть продукт определенного полезного, конкретного труда. Таким образом, этот конкретный труд становится выражением абстрактно человеческого труда. Если, например, сюртук служит не более как вещью, в которой осуществлен абстрактно человеческий труд, то и портняжный труд, который фактически в нем осуществлен, служит не более как формой осуществления

[21)] Такие соотносительные определения представляют собой вообще нечто весьма своеобразное. Например, этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему как подданные. Между тем они думают, наоборот, что они — подданные потому, что он король.

абстрактно человеческого труда. В выражении стоимости холста полезность портняжного труда сказывается не в том, что он изготовляет платье, следовательно, — и людей*, а в том, что он производит вещь, в которой мы сразу видим стоимость, т. е. сгусток труда, который ничем не отличается от труда, овеществленного в стоимости холста. Для того чтобы изготовить такое зеркало стоимости, само портняжество не должно отражать в себе ничего другого, кроме своего абстрактного свойства быть человеческим трудом вообще.

В форме портняжества, как и в форме ткачества, затрачивается человеческая рабочая сила. Следовательно, обе эти деятельности обладают общим характером человеческого труда и в некоторых определенных случаях, например в производстве стоимости, должны рассматриваться только с этой точки зрения. В этом нет ничего мистического. Но в выражении стоимости товара дело принимает иной вид. Например, чтобы выразить, что ткачество не в своей конкретной форме создает стоимость холста, а в своем всеобщем качестве человеческого труда, — ткачеству противопоставляется портняжество, конкретный труд, создающий эквивалент холста, как наглядная форма осуществления абстрактно человеческого труда.

Итак, вторая особенность эквивалентной формы состоит в том, что конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактно человеческого труда.

Но так как этот конкретный труд, портняжество, выступает здесь как простое выражение лишенного различий человеческого труда, то он обладает формой равенства с другим трудом, с трудом, содержащимся в холсте; поэтому, несмотря на то, что он, подобно всякому другому производящему товары труду, является трудом частным, он все же есть труд в непосредственно общественной форме. Именно поэтому он выражается в продукте, способном непосредственно обмениваться на другой товар. Третья особенность эквивалентной формы состоит, таким образом, в том, что частный труд становится формой своей противоположности, т. е. трудом в непосредственно общественной форме.

Обе последние особенности эквивалентной формы станут для нас еще более понятными, если мы обратимся к великому исследователю, впервые анализировавшему форму стоимости наряду со столь многими формами мышления, общественными формами и естественными формами. Я имею в виду Аристотеля.

---

* В оригинале перефразировка известной немецкой пословицы «Kleider machen Leute» (буквально: «платье делает людей», а по смыслу: «наряди пень, и пень хорош или: по платью встречают»). *Ред.*

Прежде всего Аристотель совершенно ясно указывает, что денежная форма товара есть лишь дальнейшее развитие простой формы стоимости, т. е. выражения стоимости одного товара в каком-либо другом товаре; в самом деле, он говорит:

«5 лож = 1 дому» («χλιναι πεντε αντι οιχιαζ»)
«не отличается» от:

«5 лож = такому-то количеству денег»
(«χλιναι πεντε αντι ... οσου αι πεντε χλιναι»).

Он понимает, далее, что стоимостное отношение, в котором заключается это выражение стоимости, свидетельствует, в свою очередь, о качественном отождествлении дома и ложа и что эти чувственно различные вещи без такого тождества их сущностей не могли бы относиться друг к другу как соизмеримые величины. «Обмен, — говорит он, — не может иметь места без равенства, а равенство без соизмеримости» («ουτ ιοοτηζ μη ουοηζ ουμμετριαζ»). Но здесь он останавливается в затруднении и прекращает дальнейший анализ формы стоимости. «Однако в действительности невозможно («τη μεν ουν αληυεια αδυνατον»), чтобы столь разнородные вещи были соизмеримы», т. е. качественно равны. Такое приравнивание может быть лишь чем-то чуждым истинной природе вещей, следовательно лишь «искусственным приемом для удовлетворения практической потребности»[29].

Итак, Аристотель сам показывает нам, что именно сделало невозможным его дальнейший анализ: это — отсутствие понятия стоимости. В чем заключается то одинаковое, т. е. та общая субстанция, которую представляет дом для лож в выражении стоимости лож? Ничего подобного «в действительности не может существовать», — говорит Аристотель. Почему? Дом противостоит ложу как что-то равное, поскольку он представляет то, что действительно одинаково в них обоих — и в ложе и в доме. А это — человеческий труд.

Но того факта, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как одинаковый и, следовательно, равнозначный человеческий труд, — этого факта Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде и потому имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил. Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, — эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда идея человеческого равенства уже приобрела прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть всеобщая форма продукта труда и, стало быть, отношение

люден друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением. Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же состоит «в действительности» это отношение равенства.

4) Простая форма стоимости в целом

Простая форма стоимости товара заключается в его стоимостном отношении к неоднородному с ним товару, или в его меновом отношении к этому последнему. Стоимость товара *A* качественно выражается в способности товара *B* непосредственно обмениваться на товар *A*. Количественно она выражается в способности определенного количества товара *B* обмениваться на данное количество товара *A*. Другими словами: стоимость товара получает самостоятельное выражение, когда она представлена как «меновая стоимость». Когда мы в начале этой главы, придерживаясь общепринятого обозначения, говорили: товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительная стоимость, или предмет потребления, и «стоимость». Он обнаруживает эту свою двойственную природу, когда его стоимость получает собственную, отличную от его натуральной, форму проявления, а именно форму меновой стоимости, причем товар, рассматриваемый изолированно, никогда не обладает этой формой, но обладает ею всегда лишь в стоимостном отношении, или в меновом отношении, к другому, неоднородному с ним товару. Раз мы это помним, указанное выше неточное словоупотребление не приводит к ошибкам, а служит только для сокращения.

Наш анализ показал, что форма стоимости, или выражение стоимости, товара вытекает из природы товарной стоимости, а не наоборот, не стоимость и величина стоимости вытекает из способа ее выражения как меновой стоимости. Но именно так представляют себе дело как меркантилисты и их современные поклонники вроде Ферье, Ганиля и т. д.[22]), так и их антиподы, современные коммивояжеры свободной торговли вроде Бастиа с компанией. Меркантилисты переносят центр тяжести на качественную сторону выражения стоимости, на эквивалентную форму товара, находящую свое законченное выражение в деньгах, — современные ревнители свободной торговли, которые должны сбыть свой товар во что бы то ни стало, обращают

[22]) *Примечание к 2 изданию. F. L. A. Ferrier* (sous-inspecteur des douanes). «Du Grouvernement considere dans ses rapports avec le commerce». Paris, 1805, и *Charles Ganilh.* «Des Systemes de l'Economie Politigue», 2eme ed. Paris, 1821.

главное внимание, напротив, на количественную сторону относительной формы стоимости. Следовательно, для них и стоимость и величина стоимости товара существуют лишь в том выражении, которое они получают в меновом отношении товаров, т. е. лишь на столбцах текущего прейскуранта товаров. Шотландец Маклеод, профессиональная обязанность которого заключается в том, чтобы разукрашивать возможно большей ученостью сумбурные представления банкиров Ломбард-стрита[30], являет собой удачный синтез между суеверными меркантилистами и просвещенными ревнителями свободной торговли.

Ближайшее рассмотрение выражения стоимости товара *А,* содержащегося в его стоимостном отношении к товару *В,* показало нам, что в пределах этого отношения натуральная форма товара *А* служит лишь образом потребительной стоимости, а натуральная форма товара *В* — лишь формой стоимости, или образом стоимости. Скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости выражается, таким образом, через внешнюю противоположность, т. е. через отношение двух товаров, в котором один товар — тот, стоимость *которого* выражается, — непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар — тот, в *котором* стоимость выражается, — непосредственно играет роль лишь меновой стоимости. Следовательно, простая форма стоимости товара есть простая форма проявления заключающейся в нем противоположности потребительной стоимости и стоимости.

Продукт труда во всяком обществе есть предмет потребления, но лишь одна исторически определенная эпоха развития превращает продукт труда в товар, — а именно та, при которой труд, затраченный на производство полезной вещи, выступает как «предметное» свойство этой вещи, как ее стоимость. Отсюда следует, что простая форма стоимости товара есть в то же время простая товарная форма продукта труда, что поэтому развитие товарной формы совпадает с развитием формы стоимости.

Уже с первого взгляда очевидна недостаточность простой формы стоимости, этой зародышевой формы, которая, лишь пройдя ряд метаморфозов, дозревает до формы цены.

Выражение стоимости товара *А* в каком-либо товаре *В* отличает стоимость товара *А* только от его собственной потребительной стоимости и ставит его поэтому лишь в меновое отношение к какому-либо единичному, отличному от него самого товару; но оно не выражает его качественной тождественности и количественной пропорциональности со всеми другими товарами, Простой относительной форме стоимости одного товара соответствует единичная эквивалентная форма другого товара.

Так, например, сюртук в относительном выражении стоимости холста обладает эквивалентной формой, или формой непосредственной обмениваемости, только по отношению к этому единичному товару, холсту.

Между тем единичная форма стоимости сама собой переходит в более полную. Хотя посредством единичной формы стоимость одного товара *A* выражается лишь в одном товаре другого вида, однако при этом совершенно безразлично, каков именно этот товар: сюртук ли, железо ли, пшеница ли и т. д. По мере того как один и тот же товар вступает в стоимостные отношения то с тем, то с другим видом товара, возникают различные простые выражения его стоимости[22a]. Число возможных выражений его стоимости ограничено только числом отличных от него видов товара. Единичное выражение стоимости товара превращается, таким образом, в ряд различных простых выражений его стоимости, причем ряд этот может быть удлинен как угодно.

В. ПОЛНАЯ, ИЛИ РАЗВЕРНУТАЯ, ФОРМА СТОИМОСТИ

z товара A = u товара B, или = v товара C, или = ω товара D, или = x товара E, или = и т. д.

(20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = 40 ф. кофе, или = 1 квартеру пшеницы, или = 2 унциям золота, или = $^1/_2$ тонны железа, или = и т. д.)

1) Развернутая относительная форма стоимости

Стоимость данного товара, например холста, выражается теперь в бесчисленных других элементах товарного мира. Каждое другое товарное тело становится зеркалом стоимости холста[23]. Таким образом, только теперь сама эта стоимость дей-

[22a] *Примечание к 2 изданию*. Например, у Гомера стоимость одной вещи выражается в целом ряде различных вещей.

[23] Поэтому говорят о сюртучной стоимости холста, если выражают стоимость холста в сюртуках, о его хлебной стоимости, если выражают ее в хлебе, и т. д. Каждое такое выражение означает, что в потребительной стоимости сюртука, хлеба и т. д. проявляется не что иное, как стоимость холста. «Так как стоимость каждого товара означает его меновое отношение... мы можем говорить о ней... как о хлебной стоимости, суконной стоимости и т. п., в зависимости от того, с каким другим товаром данный товар сравнивается; таким образом, имеются тысячи различных видов стоимости — ровно столько видов стоимости, сколько существует товаров, и все они одинаково реальны и одинаково номинальны» («A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value; chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the Author of Essays on the Formation etc. of Opinions». London, 1825, p. 39). С. Бейли, автор этой анонимной работы, которая в свое время наделала много шума в Англии, воображает, что указанием на эти пестрые относительные выражения одной и той же товарной стоимости он уничтожил всякую возможность определить понятие стоимости. Что он, несмотря на всю свою ограниченность, все же нащупал уязвимые места рикардовской теории, доказывает то раздражение, с которым напала на него школа Рикардо, например в «Westminster Review».

ствительно выступает как сгусток лишенного различий человеческого труда. Это потому что образующий ее труд теперь вполне отчетливо выражен как труд, равнозначный всякому другому человеческому труду, независимо от того, какой натуральной формой обладает последний и овеществляется ли он в сюртуке, пшенице, железе, золоте и т. д. Поэтому в силу своей формы стоимости холст вступает теперь в общественное отношение не с одним только товаром другого вида, а со всем товарным миром. Как товар, он гражданин этого мира. В то же время бесконечный ряд выражений товарной стоимости показывает, что она относится с полным безразличием ко всякой особой форме потребительной стоимости, в которой она проявляется.

В первой форме — 20 аршин холста = 1 сюртуку — может казаться простой случайностью, что эти два товара обмениваются друг на друга в определенном количественном соотношении. Напротив, во второй форме тотчас же обнаруживается скрывающаяся за этим основа, по существу отличная от случайного проявления и определяющая собой это последнее. Стоимость холста остается одинаковой по своей величине независимо от того, выражается ли она в сюртуке, кофе, железе и т. д., — в бесконечно разнообразных товарах, принадлежащих самым различным владельцам. Случайное отношение двух индивидуальных товаровладельцев отпадает. Становится очевидным, что не обмен регулирует величину стоимости товара, а наоборот, | величина стоимости товара регулирует его меновые отношения.

2) Особенная эквивалентная форма

Каждый товар: сюртук, чай, пшеница, железо и т. д., в выражении стоимости холста выступает в качестве эквивалента и потому в качестве стоимостного тела. Определенная натуральная форма каждого из этих товаров есть теперь особенная эквивалентная форма наряду со многими другими. Равным образом многообразные определенные, конкретные виды полезного труда, содержащиеся в различных товарных телах, выступают теперь лишь в качестве особенных форм осуществления и проявления человеческого труда вообще.

3) Недостатки полной, или развернутой, формы стоимости

Во-первых, относительное выражение стоимости товара является здесь незавершенным, так как ряд выражений его стоимости никогда не заканчивается. Цепь, звенья которой

состоят из уравнений стоимости, всегда может быть продолжена путем включения каждого вновь появляющегося товарного вида, доставляющего материал для нового выражения стоимости. Во-вторых, такая цепь образует пеструю мозаику разрозненных и разнородных выражений стоимости. Наконец, если, как это и должно произойти, в этой развернутой форме выражается относительная стоимость каждого товара, то относительная форма стоимости каждого товара есть бесконечный ряд выражений стоимости, отличный от выражения относительной формы стоимости всякого иного товара. Недостатки развернутой относительной формы стоимости отражаются, в свою очередь, и на соответствующей ей эквивалентной форме. Так как натуральная форма каждого отдельного товарного вида является здесь особенной эквивалентной формой наряду с бесчисленными другими особенными эквивалентными формами, то существуют вообще лишь ограниченные эквивалентные формы, из которых каждая исключает все остальные. Равным образом определенный, конкретный, полезный вид труда, содержащийся в каждом особенном товарном эквиваленте, является лишь особенной, следовательно не исчерпывающей, формой проявления человеческого труда. Правда, последний получает свою полную или исчерпывающую форму проявления в совокупности этих особенных форм проявления. Тем не менее он не обладает здесь единой формой проявления.

Впрочем, развернутая относительная форма стоимости состоит лишь из суммы простых относительных выражений стоимости, или уравнений, первой формы, например:

20 аршин холста = 1 сюртуку,

20 аршин холста = 10 ф. чаю и т. д.

Но каждое из этих уравнений содержит и тождественное с ним обратное уравнение:

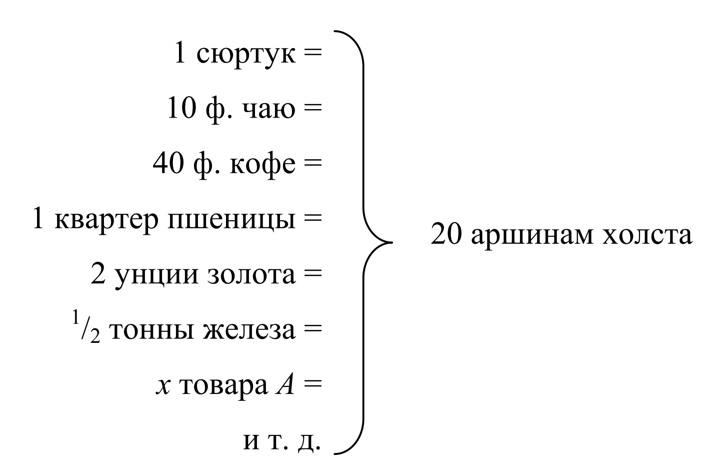
1 сюртук = 20 аршинам холста,

10 ф. чаю = 20 аршинам холста и т. д.

В самом деле: если кто-нибудь обменивает свой холст на многие другие товары и, следовательно, выражает его стоимость в ряде других товаров, то многие другие товаровладельцы обязательно должны, очевидно, также обменять свои товары на холст, следовательно должны выразить стоимость своих различных товаров в одном и том же третьем товаре, в холсте. Итак, обернем ряд: 20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = и т. д., т. е. выразим лишь то обратное отношение, кото-

рое по существу дела уже заключается в этом ряду, тогда получится:

С. ВСЕОБЩАЯ ФОРМА СТОИМОСТИ

1) Измененный характер формы стоимости

Теперь товары выражают свои стоимости: 1) просто, так как они выражают их в одном-единственном товаре, и 2) единообразно, так как они выражают их в одном и том же товаре. Форма их стоимости проста и обща им всем, следовательно всеобща.

Формы I и II достигали лишь того, что стоимость данного товара выражалась как нечто отличное от его собственной потребительной стоимости, или его товарного тела.

Первая форма давала уравнения стоимости такого рода: 1 сюртук = 20 аршинам холста, 10 ф. чаю = $^1/_2$ тонны железа и т. д. Стоимость сюртука выражается как нечто равное холсту, стоимость чая — как нечто равное железу и т. д. Но эти нечто, равные холсту и железу, эти выражения стоимости сюртука и чая столь же различны между собой, как и сами холст и железо. На практике эта форма встречается, очевидно, лишь при первых зачатках обмена, когда продукты труда превращаются в товары лишь посредством единичных и случайных актов обмена.

Вторая форма полнее, чем первая, отличает стоимость товара от его собственной потребительной стоимости, так как стоимость, например сюртука, противостоит здесь его натуральной форме во всех возможных видах, как нечто равное холсту, равное железу, равное чаю и т. д., — равное всему, чему угодно, только не самому сюртуку. С другой стороны, здесь прямо исключается всякое общее выражение стоимости товаров, так как в выражении стоимости каждого отдельного товара все другие товары выступают лишь в форме эквивалентов. Развернутая форма стоимости впервые встречается фактически тогда, когда один какой-нибудь продукт труда, например скот, уже не в виде исключения, а обычно обменивается на многие другие товары.

Вновь полученная нами форма III выражает стоимости товарного мира в одном и том же выделенном из него виде товара. например в холсте, и представляет, таким образом, стоимости всех товаров через равенство их с холстом. Как нечто равное холсту, стоимость каждого товара отличается теперь не только от своей собственной потребительной стоимости, но и от всякой потребительной стоимости, и тем самым выражает собой то, что имеется общего у данного товара со всеми другими. Следовательно, только эта форма действительно устанавливает отношения между товарами как стоимостями, или заставляет их выступать по отношению друг к другу в качестве меновых стоимостей.

Обе прежние формы выражают стоимость каждого товара или в одном неоднородном с ним товаре, или в ряде многих отличных от него товаров. В обоих случаях добыть себе форму стоимости является, так сказать, частным делом отдельного товара, и он совершает это без содействия остальных товаров. Последние играют по отношению к нему лишь пассивную роль эквивалента. Напротив, всеобщая форма стоимости возникает лишь как общее дело всего товарного мира. Данный товар приобретает всеобщее выражение стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою стоимость в одном и том же эквиваленте, и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому. Вместе с тем обнаруживается, что так как стоимостная предметность товаров представляет собой просто «общественное бытие» этих вещей, то и выражена она может быть лишь через их всестороннее общественное отношение, что их стоимостная форма должна быть поэтому общественно значимой формой.

В форме своего равенства холсту все товары оказываются теперь не только качественно равными, т. е. стоимостями вообще, по в то же время и количественно сравнимыми величинами стоимости. Так как они отражают величины своих стоимостей в одном и том же материале — в холсте, то эти величины стоимости взаимно отражаются одна в другой. Например, 10 ф. чаю = 20 аршинам холста, и 40 ф. кофе = 20 аршинам холста. Следовательно, 10 ф. чаю = 40 ф. кофе. Или: в одном фунте кофе заключена только четвертая часть того количества субстанции стоимости, труда, которое содержится в 1 фунте чаю.

Всеобщая относительная форма стоимости товарного мира придает исключенному из этого мира товару-эквиваленту, холсту, характер всеобщего эквивалента. Его собственная натуральная форма становится образом стоимости, общим для всего товарного мира, холст приобретает способность непосред-

ственно обмениваться на все другие товары. Его телесная форма играет роль видимого воплощения, всеобщей общественной оболочки всякого человеческого труда. Ткачество, частный труд, производящий холст, находится в то же время в форме всеобщей и общественной, в форме равенства со всеми другими видами труда. Бесчисленные уравнения, из которых состоит всеобщая форма стоимости, приравнивают труд, осуществленный в холсте, поочередно ко всем видам труда, содержащимся в каждом другом товаре, и тем самым делают ткачество всеобщей формой проявления человеческого труда вообще. Таким образом, труд, овеществленный в товарной стоимости, получает не только отрицательное выражение как труд, от которого отвлечены все конкретные формы и полезные свойства действительных видов труда, но отчетливо выступает и его собственная положительная природа. Последняя состоит в том, что все действительные виды труда сведены к общему для них характеру человеческого труда, к затрате человеческой рабочей силы.

Всеобщая форма стоимости, которая представляет продукты труда просто в виде сгустков лишенного различий человеческого труда, самим своим построением показывает, что она есть общественное выражение товарного мира. Она раскрывает, таким образом, что в пределах этого мира всеобще человеческий характер труда образует его специфический общественный характер.

2) Отношение между развитием относительной формы стоимости и эквивалентной формы

Степени развития относительной формы стоимости соответствует степень развития эквивалентной формы. Однако — и это важно отметить — развитие эквивалентной формы есть лишь выражение и результат развития относительной формы стоимости.

Простая, или единичная, относительная форма стоимости товара делает другой товар единичным эквивалентом. Развернутая форма относительной стоимости, — это выражение стоимости товара во всех других товарах, — придает последним форму разнообразных особенных эквивалентов. Наконец, один особенный вид товара получает форму всеобщего эквивалента, потому что все другие товары делают его материалом для своей единой всеобщей формы стоимости.

В той самой степени, в какой развивается форма стоимости вообще, развивается и противоположность между двумя ее полюсами — относительной формой стоимости и эквивалентной формой.

Уже первая форма — 20 аршин холста = 1 сюртуку — содержит эту противоположность, но не фиксирует ее. Смотря по тому, как мы будем читать это уравнение, слева направо или обратно, каждый из двух товарных полюсов, и холст и сюртук, окажется попеременно то в относительной форме стоимости, то в эквивалентной форме. Здесь еще довольно трудно установить полярную противоположность.

В форме II какой-нибудь вид товара всякий раз может вполне развернуть свою относительную стоимость, или сам он обладает развернутой относительной формой стоимости, лишь потому и постольку, поскольку все другие товары противостоят ему в эквивалентной форме. Здесь уже нельзя переставить обе части стоимостного уравнения, например 20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = 1 квартеру пшеницы и т. д., не изменяя его общего характера, не превращая его из полной во всеобщую форму стоимости.

Наконец, последняя форма, форма III, дает товарному миру всеобще общественную относительную форму стоимости, потому что и поскольку здесь все принадлежащие к товарному миру виды — кроме одного — исключены из всеобщей эквивалентной формы. Один товар, холст, находится в форме, дающей ему способность непосредственно обмениваться на все другие товары, или в непосредственно общественной форме, потому что и поскольку все остальные товары не находятся в этой форме[24)].

Наоборот, товар, фигурирующий как всеобщий эквивалент, лишен единой, а следовательно, и всеобщей относительной формы стоимости товарного мира. Если бы холст или вообще какой-либо товар, находящийся в форме всеобщего эквивалента, участвовал в то же время и во всеобщей относительной

[24)] Форма всеобщей непосредственной обмениваемости не обнаруживает при первом взгляде на нее того обстоятельства, что она — противоречивая товарная форма, так же неразрывно связанная с формой не непосредственной обмениваемости, как положительный полюс магнита с его отрицательным полюсом. Поэтому столь же допустимо вообразить себе, что на все товары одновременно можно наложить печать непосредственной обмениваемости, как допустимо вообразить, что всех католиков можно сделать папами. Для мелкого буржуа, который в товарном производстве видит пес plus ultra [вершину] человеческой свободы и личной независимости, было бы, конечно, в высшей степени желательно устранить недостатки, связанные с этой формой, в особенности же тот недостаток товаров, что они не обладают непосредственной обмениваемостью. Размалевывание этой филистерской утопии и составляет прудоновский социализм, который, как я показал в другом месте[31], не отличается даже оригинальностью, а лишь повторяет то, что гораздо раньше и лучше сказали Грей, Брей и др. Это не препятствует в наши дни такой мудрости распространяться в известных кругах под именем «науки». Ни одна школа не носилась так со словом «наука», как прудоновская, потому что

«Коль скоро недочет в понятиях случится,
Их можно словом заменить»[32].

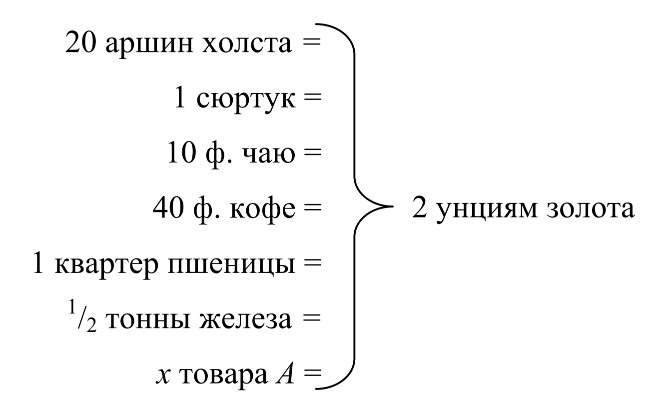
форме стоимости, то он должен был бы сам для себя служить эквивалентом. Мы получили бы тогда: 20 аршин холста = 20 аршинам холста, — тавтологию, в которой не выражается ни стоимость, ни величина стоимости. Чтобы выразить относительную стоимость всеобщего эквивалента, мы должны, напротив, перевернуть форму III. Всеобщий эквивалент не обладает общей всем остальным товарам относительной формой стоимости, а его стоимость выражается относительно в бесконечном ряде всех других товарных тел. Таким образом развернутая относительная форма стоимости, или форма II, оказывается специфической относительной формой стоимости товара-эквивалента.

3) Переход от всеобщей формы стоимости к денежной форме

Всеобщая эквивалентная форма есть форма стоимости вообще. Следовательно, она может принадлежать любому товару. С другой стороны, какой-либо товар находится во всеобщей эквивалентной форме (форме III) лишь тогда и постольку, когда и поскольку он, как эквивалент, выталкивается всеми другими товарами из их среды. И лишь с того момента, когда такое выделение оказывается окончательным уделом одного специфического товарного вида, — лишь с этого момента единая относительная форма стоимости товарного мира приобретает объективную прочность и всеобщую общественную значимость.

Специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно срастается эквивалентная форма, становится денежным товаром, или функционирует в качестве денег. Играть в товарном мире роль всеобщего эквивалента делается его специфической общественной функцией, а следовательно, его общественной монополией. Это привилегированное место среди товаров, которые в форме II фигурировали как особенные эквиваленты холста, а в форме III все выражали свою относительную стоимость в холсте, исторически завоевал определенный товар, а именно золото. Поставим поэтому в форме III на место товара холст товар золото. Получится:

D. ДЕНЕЖНАЯ ФОРМА

20 аршин холста =
1 сюртук =
10 ф. чаю =
40 ф. кофе =
1 квартер пшеницы =
$^{1}/_{2}$ тонны железа =
x товара A =

} 2 унциям золота

При переходе от формы I к форме II и от формы II к форме III имеют место существенные изменения. Напротив, форма IV отличается от формы III только тем, что теперь вместо холста формой всеобщего эквивалента обладает золото. Золото в форме IV играет ту же роль, как холст в форме III, — роль всеобщего эквивалента. Прогресс состоит лишь в том, что форма непосредственной всеобщей обмениваемости, или всеобщая эквивалентная форма, теперь окончательно срослась в силу общественной привычки с натуральной специфической формой товара золото.

Золото лишь потому противостоит другим товарам как деньги, что оно раньше уже противостояло им как товар. Подобно всем другим товарам, оно функционировало и как эквивалент — как единичный эквивалент в единичных актах обмена и как особенный эквивалент наряду с другими товарами-эквивалентами. Мало-помалу оно стало функционировать, в более или менее широких кругах, как всеобщий эквивалент. Как только оно завоевало себе монополию на это место в выражении стоимостей товарного мира, оно сделалось денежным товаром, и лишь с того момента, когда оно уже стало таким денежным товаром, форма IV начинает отличаться от формы III, другими словами — всеобщая форма стоимости превращается в денежную форму.

Простое относительное выражение стоимости товара, например холста, в товаре, уже функционирующем как денежный товар, например в золоте, есть форма цены. Следовательно, «форма цены» холста такова:

20 аршин холста = 2 унциям золота,

или, если 2 ф. ст. составляют монетное название двух унций золота,

20 аршин холста = 2 фунтам стерлингов.

Трудность понятия денежной формы ограничивается трудностью понимания всеобщей эквивалентной формы, следовательно всеобщей формы стоимости вообще, формы III. Форма III разрешается ретроспективно в форму II, в развернутую форму стоимости, а конституирующим элементом этой последней является форма I: 20 аршин холста = 1 сюртуку, или x товара $A = y$ товара B. Простая товарная форма есть поэтому зародыш денежной формы.

4. ТОВАРНЫЙ ФЕТИШИЗМ И ЕГО ТАЙНА

На первый взгляд товар кажется очень простой и тривиальной вещью. Его анализ показывает, что это — вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищре-

ний. Как потребительная стоимость, он не заключает в себе ничего загадочного, будем ли мы его рассматривать с той точки зрения, что он своими свойствами удовлетворяет человеческие потребности, или с той точки зрения, что он приобретает эти свойства как продукт человеческого труда. Само собой понятно, что человек своей деятельностью изменяет формы веществ природы в полезном для него направлении. Формы дерева изменяются, например, когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле на своих ногах, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать[25)].

Мистический характер товара порождается, таким образом, не потребительной его стоимостью. Столь же мало порождается он содержанием определений стоимости. Потому что, во-первых, как бы различны ни были отдельные виды полезного труда, или производительной деятельности, с физиологической стороны это — функции человеческого организма, и каждая такая функция, каковы бы ни были ее содержание и ее форма, по существу есть затрата человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т. д. Во-вторых, то, что лежит в основе определения величины стоимости, а именно, продолжительность таких затрат, или количество труда, совершенно отчетливо отличается от качества труда. Во всяком обществе то рабочее время, которого стоит производство жизненных средств, должно было интересовать людей, хотя и не в одинаковой степени на разных ступенях развития[26)]. Наконец, раз люди так или иначе работают друг на друга, их труд получает тем самым общественную форму.

Итак, откуда же возникает загадочный характер продукта труда, как только этот последний принимает форму товара? Очевидно, из самой этой формы. Равенство различных видов человеческого труда приобретает вещную форму одинаковой

[25)] Напомним, что Китай и столы начали танцевать — pour encourager les autres [для ободрения других] — как раз в такое время, когда весь остальной мир казался находящимся в полном покое[33].

[26)] *Примечание к 2 изданию.* У древних германцев величина моргена земли измерялась трудом одного дня; отсюда названия моргена: Tagwerk (или Tagwanne) (jurnale или jurnalis, terra jurnalis, jornalis или diurnalis), Mannwerk, Mannskraft, Mannsmaad, Mannshauet и т. д. См. *Georg Ludwig von Maurer.* «Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, u. s. w. Verfassung». Munchen, 1854, S. 129 sq.

стоимостной предметности продуктов труда; измерение затрат человеческой рабочей силы их продолжительностью получает форму величины стоимости продуктов труда; наконец, те отношения между производителями, в которых осуществляются их общественные определения труда, получают форму общественного отношения продуктов труда.

Следовательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как ;вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей. Благодаря этому quid pro quo [появлению одного вместо другого] продукты труда становятся товарами, вещами чувственно-сверхчувственными, или общественными. Так световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаз. Но при зрительных восприятиях свет действительно отбрасывается одной вещью, внешним предметом, на другую вещь, глаз. Это — физическое отношение между физическими вещами. Между тем товарная форма и то отношение стоимостей продуктов труда, в котором она выражается, не имеют решительно ничего общего с физической природой вещей и вытекающими из нее отношениями вещей. Это — лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами. Чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, коль скоро они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от товарного производства.

Этот фетишистский характер товарного мира порождается, как уже показал предшествующий анализ, своеобразным общественным характером труда, производящего товары.

Предметы потребления становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты не зависимых друг от друга частных работ. Комплекс этих частных работ образует совокупный труд общества. Так как производители вступают в обще-

ственный контакт между собой лишь путем обмена продуктов своего труда, то и специфически общественный характер их частных работ проявляется только в рамках этого обмена. Другими словами, частные работы фактически осуществляются как звенья совокупного общественного труда лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями. Поэтому последним, т. е. производителям, общественные отношения их частных работ кажутся именно тем, что они представляют собой на самом деле, т. е. не непосредственно общественными отношениями самих лиц в их труде, а, напротив, вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей.

Лишь в рамках своего обмена продукты труда получают общественно одинаковую стоимостную предметность, обособленную от их чувственно различных потребительных предметностей. Это расщепление продукта труда на полезную вещь и стоимостную вещь осуществляется на практике лишь тогда, когда обмен уже приобрел достаточное распространение и такое значение, что полезные вещи производятся специально для обмена, а потому стоимостный характер вещей принимается во внимание уже при самом их производстве. С этого момента частные работы производителей действительно получают двойственный общественный характер. С одной стороны, как определенные виды полезного труда, они должны удовлетворять определенную общественную потребность и таким образом должны оправдать свое назначение в качестве звеньев совокупного труда, в качестве звеньев естественно выросшей системы общественного разделения труда. С другой стороны, они удовлетворяют лишь разнообразные потребности своих собственных производителей, поскольку каждый особенный вид полезного частного труда может быть обменен на всякий иной особенный вид полезного частного труда и, следовательно, равнозначен последнему. Равенство видов труда, toto coelo [во всех отношениях] различных друг от друга, может состоять лишь в отвлечении от их действительного неравенства, в сведении их к тому общему им характеру, которым они обладают как затраты человеческой рабочей силы, как абстрактно человеческий труд. Но мозг частных производителей отражает этот двойственный общественный характер их частных работ в таких формах, которые выступают в практическом обиходе, в обмене продуктов: стало быть, общественно полезный характер их частных работ он отражает в той форме, что продукт труда должен быть полезен, но не для самого производителя, а для других людей; общественный характер равенства разнородных

видов труда он отражает в той форме, что эти материально различные вещи, продукты труда, суть стоимости.

Следовательно, люди сопоставляют продукты своего труда как стоимости не потому, что эти вещи являются для них лишь вещными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд. Они не сознают этого, но они это делают[27]. Таким образом, у стоимости не написано на лбу, что она такое. Более того: стоимость превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф. Впоследствии люди стараются разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта, потому что определение предметов потребления как стоимостей есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например, язык. Позднее научное открытие, что продукты труда, поскольку они суть стоимости, представляют собой лишь вещное выражение человеческого труда, затраченного на их производство, составляет эпоху в истории развития человечества, но оно отнюдь не рассеивает вещной видимости общественного характера труда. Лишь для данной особенной формы производства, для товарного производства, справедливо, что специфически общественный характер не зависимых друг от друга частных работ состоит в их равенстве как человеческого труда вообще и что он принимает форму стоимостного характера продуктов труда. Между тем для людей, захваченных отношениями товарного производства, эти специальные особенности последнего — как до, так и после указанного открытия — кажутся имеющими всеобщее значение, подобно тому как свойства воздуха — его физическая телесная форма — продолжают существовать, несмотря на то, что наука разложила воздух на его основные элементы.

Практически лиц, обменивающихся продуктами, интересует прежде всего вопрос: сколько чужих продуктов можно получить за свой, т. е. в каких пропорциях обмениваются между собой продукты? Когда эти пропорции достигают известной прочности и становятся привычными, тогда кажется, будто они обусловлены самой природой продуктов труда. Так, например, равенство стоимости одной тонны железа и двух унций золота вос-

[27] *Примечание к 2 изданию.* Поэтому, когда Галиани говорит: стоимость есть отношение между двумя лицами — «La Ricchezza e una ragione tra due persone», — то ему следовало бы добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой *(Galiani.* «Della Moneta», стр. 221, том III издания Кустоди: «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica». Parte Moderna. Milano, 1803).

принимается совершенно так же, как тот факт, что фунт золота и фунт железа имеют одинаковый вес, несмотря на различие физических и химических свойств этих тел. В действительности стоимостный характер- продуктов труда утверждается лишь путем их проявления как стоимостей определенной величины. Величины стоимостей непрерывно изменяются, независимо от желания, предвидения и деятельности лиц, обменивающихся продуктами. В глазах последних их собственное общественное движение принимает форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того чтобы его контролировать. Необходимо вполне развитое товарное производство для того, чтобы из самого опыта могло вырасти научное понимание, что отдельные частные работы, совершаемые независимо друг от друга, но всесторонне связанные между собой как звенья естественно выросшего общественного разделения труда, постоянно приводятся к своей общественно пропорциональной мере. Для появления этого научного понимания необходимо вполне развитое товарное производство потому, что общественно необходимое для производства продуктов рабочее время прокладывает себе путь через случайные и постоянно колеблющиеся меновые отношения продуктов частных работ лишь насильственно в качестве регулирующего естественного закона, действующего подобно закону тяготения, когда на голову обрушивается дом[28]. Определение величины стоимости рабочим временем есть поэтому тайна, скрывающаяся под видимым для глаз движением относительных товарных стоимостей. Открытие этой тайны устраняет иллюзию, будто величина стоимости продуктов труда определяется чисто случайно, но оно отнюдь не устраняет вещной формы определения величины стоимости.

Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается post festum [задним числом], т. е. исходит из готовых результатов процесса развития. Формы, налагающие на продукты труда печать товара и являющиеся поэтому предпосылками товарного обращения, успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни, прежде чем люди сделают первую

[28] «Что должны мы думать о таком законе, который может проложить себе путь только посредством периодических революций? Это и есть естественный закон, покоящийся на том, что участники здесь действуют бессознательно» *(Фридрих Энгельс.* «Наброски к критике политической экономии» в журнале «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», издаваемом Арнольдом Руге и Карлом Марксом, Париж, 1844 [см. настоящее издание, том 1, стр. 561]).

попытку дать себе отчет не в историческом характере этих форм, — последние уже, наоборот, приобрели для них характер непреложности, — а лишь в их содержании. Таким образом, лишь анализ товарных цен привел к определению величины стоимости, и только общее денежное выражение товаров дало возможность фиксировать их характер как стоимостей. Но именно эта законченная форма товарного мира — его денежная форма — скрывает за вещами общественный характер частных работ, а следовательно, и общественные отношения частных работников, вместо того чтобы раскрыть эти отношения во всей чистоте. Когда я говорю: сюртук, сапог и т. д. относятся к холсту как всеобщему воплощению абстрактно человеческого труда, то нелепость этого выражения бьет в глаза. Но когда производители сюртуков, сапог и т. п. сопоставляют эти товары с холстом или — что не изменяет дела — с золотом и серебром как всеобщим эквивалентом, то отношение их частных работ к совокупному общественному труду представляется им именно в этой нелепой форме.

Такого рода формы как раз и образуют категории буржуазной экономии. Это — общественно значимые, следовательно объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства — товарного производства. Поэтому весь мистицизм товарного мира, все чудеса и привидения, окутывающие туманом продукты труда при господстве товарного производства, — все это немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства.

Так как политическая экономия любит робинзонады[29)], то представим себе, прежде всего, Робинзона на его острове. Как ни скромен он в своих привычках, он все же должен удовлетворять разнообразные потребности и потому должен выполнять разнородные полезные работы: делать орудия, изготовлять мебель, приручать ламу, ловить рыбу, охотиться и т. д. О молитве и т. п. мы уже не говорим, так как наш Робинзон находит в ней удовольствие и рассматривает такого рода деятельность как отдохновение. Несмотря на разнообразие его произво-

[29)] *Примечание к 2 изданию.* Даже Рикардо не мог обойтись без своей робинзонады. «Первобытного рыбака и первобытного охотника он заставляет сразу, в качестве владельцев товаров, обменивать рыбу и дичь пропорционально овеществленному в этих меновых стоимостях рабочему времени. При этом он впадает в тот анахронизм, что первобытный рыбак и первобытный охотник пользуются при учете своих орудий труда таблицами ежегодных процентных погашений, действовавшими на лондонской бирже в 1817 году. «Параллелограммы г-на Оуэна»[34], кажется, были единственной формой общества, которую он знал кроме буржуазной» *(Карл Маркс.* «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 38, 39 [см. настоящее издание, том 13, стр. 46—47]).

дительных функций, он знает, что все они суть лишь различные формы деятельности одного и того же Робинзона, следовательно, лишь различные виды человеческого труда. В силу необходимости он должен точно распределять свое рабочее время между различными функциями. Больше или меньше места займет в его совокупной деятельности та или другая функция, это зависит от того, больше или меньше трудностей придется ему преодолеть для достижения данного полезного эффекта. Опыт учит его этому, и наш Робинзон, спасший от кораблекрушения часы, гроссбух, чернила и перо, тотчас же, как истый англичанин, начинает вести учет самому себе. Его инвентарный список содержит перечень предметов потребления, которыми он обладает, различных операций, необходимых для их производства, наконец, там указано рабочее время, которого ему в среднем стоит изготовление определенных количеств этих различных продуктов. Все отношения между Робинзоном и вещами, составляющими его самодельное богатство, настолько просты и прозрачны, что даже г-н Макс Вирт сумел бы уразуметь их без особого напряжения ума. И все же в них уже заключаются все существенные определения стоимости.

Но оставим светлый остров Робинзона и перенесемся в мрачное европейское средневековье. Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, труду и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в общественный круговорот в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства. Барщинный труд, как и труд, производящий товар, тоже измеряется временем, но каждый крепостной знает, что на службе своему господину он затрачивает определенное количество своей собственной, личной рабочей силы. Десятина, которую он должен уплатить попу, есть нечто несравненно более отчетливое, чем то благословение, которое он получает от попа. Таким образом, как бы ни оценивались те характерные маски, в которых выступают средневековые люди по отношению друг к другу, общественные отношения лиц в их труде проявляются во всяком случае здесь именно

как их собственные личные отношения, а не облекаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда.

Для исследования общего, т. е. непосредственно обобществленного, труда нам нет надобности возвращаться к той его первобытной форме, которую мы встречаем на пороге истории всех культурных народов[30]. Более близкий пример дает нам деревенское патриархальное производство крестьянской семьи, которая производит для собственного потребления хлеб, скот, пряжу, холст, предметы одежды и т. д. Эти различные вещи противостоят такой семье как различные продукты ее семейного труда, но не противостоят друг другу как товары. Различные работы, создающие эти продукты: обработка пашни, уход за скотом, прядение, ткачество, портняжество и т. д., являются общественными функциями в своей натуральной форме, потому что это функции семьи, которая обладает, подобно товарному производству, своим собственным, естественно выросшим разделением труда. Различия пола и возраста, а также изменяющиеся со сменой времен года природные условия труда регулируют распределение труда между членами семьи и рабочее время каждого отдельного члена. Но затрата индивидуальных рабочих сил, измеряемая временем, уже с самого начала выступает здесь как общественное определение самих работ, так как индивидуальные рабочие силы с самого начала функционируют здесь лишь как органы совокупной рабочей силы семьи.

Наконец, представим себе, для разнообразия, союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно [selbstbewust] расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу. Все определения робинзоновского труда повторяются здесь, но в общественном, а не в индивидуальном масштабе. Все продукты труда Робинзона были исключительно его личным продуктом и, следовательно, непосредственно предметами потребления для него самого. Весь продукт труда союза свободных людей представляет собой общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Она

---

[30] *Примечание к 2 изданию.* «В последнее время распространился смехотворный предрассудок, будто форма первобытной общинной собственности есть специфически славянская или даже исключительно русская форма. Она — первобытная форма, которую мы можем проследить у римлян, германцев, кельтов; целый ряд ее разнообразных образцов, хотя отчасти уже в разрушенном виде, до сих пор еще встречается у индийцев. Более тщательное изучение азиатских, особенно индийских, форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения. Так, например, различные, оригинальные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности» *(Карл Маркс,* «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 10 [см. настоящее издание, том 13, стр. 20]).

остается общественной. Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. Поэтому она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей. Лишь для того, чтобы провести параллель с товарным производством, мы предположим, что доля каждого производителя в жизненных средствах определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении.

Для общества товаропроизводителей, всеобщее общественное производственное отношение которого состоит в том, что производители относятся здесь к своим продуктам труда как к товарам, следовательно как к стоимостям, и в этой вещной форме частные их работы относятся друг к другу как одинаковый человеческий труд, — для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д. При древнеазиатских, античных и т. д. способах производства превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни. Собственно торговые народы существуют, как боги Эпикура, лишь в межмировых пространствах[35] древнего мира или — как евреи в порах польского общества. Эти древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественнородовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения. Условие их существования — низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта действительная

ограниченность отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, и народных верованиях. Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем. Но для этого необходима определенная материальная основа общества или ряд определенных материальных условий существования, которые представляют собой естественно выросший продукт долгого и мучительного процесса развития.

Правда, политическая экономия анализировала — хотя и недостаточно[31)] — стоимость и величину стоимости и раскрыла скрытое в этих формах содержание. Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами — почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда, как его мера, — в величине

[31)] Недостаточность рикардовского анализа величины стоимости — а это лучший анализ ее — будет показана в третьей и четвертой книгах этой работы. Что касается стоимости вообще, то классическая политическая экономия нигде прямо не проводит вполне отчетливого и сознательного различия между трудом, как он выражается в стоимости, и тем же самым трудом, поскольку он выражается в потребительной стоимости продукта. Фактически она, конечно, проводит это различие, так как в первом случае рассматривает труд с количественной, во втором — с качественной его стороны. Но ей и в голову не приходит, что чисто количественное различие видов труда предполагает их качественное единство или равенство, следовательно их сведение к абстрактно человеческому труду. Рикардо, например, заявляет, что он согласен со следующими словами Дестюта де Траси: «Так как вполне очевидно, что наши физические и духовные способности есть единственное первоначальное богатство, то применение этих способностей, т. е. труд, является нашим единственным первоначальным сокровищем. Только это применение создает все предметы, которые мы называем богатством... Ясно также, что все эти предметы представляют только труд, создавший их, и если они имеют стоимость или даже две различные стоимости, то она проистекает только от стоимости труда, которым они порождаются» *(Ricardo.* «The Principles of Political Economy», 3 ed. London, 1821, p. 334). Мы отметим лишь, что Рикардо приписывает Дестюту свое собственное более глубокое понимание вопроса. Правда, Дестют, с одной стороны, говорит, что все вещи, составляющие наше богатство, «представляют труд, который создал их», но, с другой стороны, он утверждает, что «две различные стоимости» их (потребительная и меновая) заимствуются от «стоимости труда». Он тем самым повторяет плоскости вульгарной политической экономии, которая предполагает стоимость одного товара (в данном случае труда) для того, чтобы затем при ее помощи определить стоимость других товаров. Рикардо же читает его так: и в потребительной и в меновой стоимости представлен труд (а не стоимость труда). Но сам он настолько плохо различает двойственный характер труда, который и представлен двойственно, что на протяжении целой главы «Стоимость и богатство и их отличительные свойства» вынужден возиться с пошлостями такого господина, как Ж. Б. Сэй. В конце концов он с изумлением замечает, что Дестют, хотя и признает вместе с ним труд источником стоимости, тем не менее в своем определении понятия стоимости оказывается в то же время согласным с Сэем.

стоимости продукта труда[32]? Формулы, на которых лежит печать принадлежности к такой общественной формации, где процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства, — эти формулы представляются ее буржуазному сознанию чем-то само собой разумеющимся, настолько же естественным и необходимым, как сам производительный труд. Добуржуазные формы общественного производственного организма третируются ею поэтому приблизительно в таком же духе, как дохристианские религии отцами церкви[33].

[32] Один из основных недостатков классической политической экономии состоит в том, что ей никогда не удавалось из анализа товара и, в частности, товарной стоимости вывести форму стоимости, которая именно и делает ее меновой стоимостью. Как раз в лице своих лучших представителей А. Смита и Рикардо она рассматривает форму стоимости как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению и природе товара. Причина состоит не только в том, что анализ величины стоимости поглощает все ее внимание. Причина эта лежит глубже. Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как. особенный тип общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически. Если же рассматривать буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамеченными и специфические особенности формы стоимости, следовательно особенности формы товара, а в дальнейшем развитии — формы денег, формы капитала и т. д. Поэтому у экономистов, которые признают, что величина стоимости измеряется рабочим временем, мы находим самые пестрые и противоречивые представления о деньгах, т. е. о всеобщем эквиваленте в его законченном виде. Особенно ярко это выступает, например, при исследовании банковского дела, где с обыденными ходячими определениями денег далеко не уедешь. В противовес этому появилась реставрированная меркантилистская система (Ганиль и др.), которая в стоимости видит лишь общественную форму или, лучше сказать, лишенный всякой субстанции отблеск этой формы. — Замечу раз навсегда, что под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, начиная с У. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства. В противоположность ей вульгарная политическая экономия толчется лишь в области внешних, кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью дать приемлемое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире как лучшем из миров и объявляет эти представления вечными истинами.

[33] «Экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существует только два рода институтов: одни — искусственные, другие — естественные. Феодальные институты — искусственные, буржуазные — естественные, В этом случае экономисты похожи на теологов, которые тоже устанавливают два рода религий. Всякая чужая религия является выдумкой людей, тогда как их собственная религия есть эманация бога... Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет» *(Карл* Маркс. «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона», 1847, стр. 113 [см. настоящее издание, том 4, стр. 142]). Поистине комичен г-н Бастиа, который воображает, что древние греки и римляне жили исключительно грабежом. Ведь если люди целые столетия живут грабежом, то должно, очевидно, постоянно быть в наличии что-нибудь, что можно грабить, другими словами — предмет грабежа должен непрерывно воспроизводиться. Надо думать поэтому, что и у греков с римлянами был какой-нибудь процесс производства, какая-нибудь экономика, которая служила материальным базисом их мира в такой же степени, в какой буржуазная экономика является базисом современного мира. Или, быть может, Бастиа хочет сказать, что способ производства, покоящийся на рабском труде, тем самым покоится на системе грабежа? В таком случае он становится на опасный путь. Но если

До какой степени фетишизм, присущий товарному миру, или вещная видимость общественных определений труда, вводит в заблуждение некоторых экономистов, показывает, между прочим, скучный к бестолковый спор относительно роли природы в процессе созидания меновой стоимости. Так как меновая стоимость есть лишь определенный общественный способ выражать труд, затраченный на производство вещи, то, само собой разумеется, в меновой стоимости содержится не больше вещества, данного природой, чем, например, в вексельном курсе.

Так как форма товара есть самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного производства, вследствие чего она возникает очень рано, хотя и не является в прежние эпохи такой господствующей, а следовательно характерной, как в наши дни, то кажется, что ее фетишистский характер можно еще сравнительно легко разглядеть. Но в более конкретных формах исчезает даже эта видимость простоты. Откуда возникают иллюзии монетарной системы? Из того, что она не видела, что золото и серебро в качестве денег представляют общественное производственное отношение, но в форме природных вещей со странными общественными свойствами. А возьмите современную политическую экономию, которая свысока смотрит на монетарную систему: разве ее фетишизм не становится совершенно осязательным, как только она начинает исследовать капитал? Давно ли исчезла иллюзия физиократов, что земельная рента вырастает из земли, а не из общества?

такой исполин мысли, как Аристотель, ошибался в своей оценке рабского труда, то почему мы должны ожидать правильной оценки наемного труда от такого экономиста-карлика как Бастиа? — Я пользуюсь этим случаем, чтобы вкратце ответить на возражение, появившееся в одной немецко-американской газете по адресу моей работы «К критике политической экономии», 1859. По мнению газеты, мой взгляд, что определенный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, одним словом — «экономическая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания», что «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [см. настоящее издание, том 13, стр. 6, 7], — все это, по мнению газеты, справедливо по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы, но неприменимо ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к древним Афинам или Риму, где господствовала политика. Прежде всего удивительно, что находится еще человек, который может предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестными. Ясно, во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир — политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм. Кроме того, не надо обладать особенно глубокими познаниями, например, по истории Римской республики, чтобы знать, что секрет ее истории заключается в истории земельной собственности. С другой стороны, еще Дон-Кихот должен был жестоко поплатиться за свою ошибку, когда вообразил, что странствующее рыцарство одинаково совместимо со всеми экономическими формами общества.

Но чтобы не забегать вперед, мы ограничимся здесь еще одним примером, касающимся самой формы товара. Если бы товары обладали даром слова, они сказали бы: наша потребительная стоимость, может быть, интересует людей. Нас, как вещей, она не касается. Но что касается нашей вещественной природы, так это стоимость. Наше собственное обращение в качестве вещей-товаров служит тому лучшим доказательством. Мы относимся друг к другу лишь как меновые стоимости. Послушаем теперь, как душа товара вещает устами экономиста:

«Стоимость» (меновая стоимость) «есть свойство вещей, богатство» (потребительная стоимость) «есть свойство человека. В этом смысле стоимость необходимо предполагает обмен, богатство же — нет»[34]. «Богатство» (потребительная стоимость) «есть атрибут человека, стоимость — атрибут товара. Человек или общество богаты; жемчуг или алмаз драгоценны... Жемчуг или алмаз имеют стоимость как жемчуг или алмаз»[35].

До сих пор еще ни один химик не открыл в жемчуге и алмазе меновой стоимости. Однако экономисты-изобретатели этого «химического» вещества, обнаруживающие особое притязание на критическую глубину мысли, находят, что потребительная стоимость вещей не зависит от их вещественных свойств, тогда как стоимость присуща им как вещам. Их укрепляет в этом убеждении то удивительное обстоятельство, что потребительная стоимость вещей реализуется для людей без обмена, т. е. в непосредственном отношении между вещью и человеком, тогда как стоимость может быть реализована лишь в обмене, т. е. в известном общественном процессе. Как не вспомнить тут добряка Догбери, который поучает ночного сторожа Сиколя[36], что «приятная наружность есть дар обстоятельств, а искусство читать и писать дается природой»[36].

---

[34] «Observations on certain verbal disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply». London, 1821, p. 16.

[35] *S. Bailey*. «A Critical Dissertation on the Nature etc. of Value», p. 165.

[36] Автор «Observations» и С. Бейли обвиняют Рикардо в том, будто он не заметил относительного характера меновой стоимости и превратил ее в нечто абсолютное. В действительности наоборот: ту кажущуюся относительность, которой обладают эти вещи, например алмаз, жемчуг, как меновые стоимости, он свел к скрытому за этой их внешностью истинному отношению, к относительности их как простых выражений человеческого труда. Если рикардианцы ответили Бейли грубо, но не доказательно, то лишь потому, что у самого Рикардо они не нашли указания на внутреннюю связь между стоимостью и формой стоимости, или меновой стоимостью.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ПРОЦЕСС ОБМЕНА

Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться. Следовательно, мы должны обратиться к их хранителям, к товаровладельцам. Товары суть вещи и потому беззащитны перед лицом человека. Если они не идут по своей охоте, он может употребить силу, т. е. взять их[37)]. Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами: таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, формой которого является договор, — все равно закреплен ли он законом или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением[38)].

[37)] В XII веке, столь прославленном своим благочестием, между товарами часто попадались очень деликатные вещи. Так, например, один французский писатель того времени среди товаров, находившихся на ярмарке Ланди[37], называет наряду с материями, сапогами, кожами, сельскохозяйственными орудиями, шкурами и т. п. также «femmes folles de leur corps» [публичных женщин].

[38)] Прудон сначала черпает свой идеал вечной справедливости, justice eternelle, из юридических отношений, соответствующих товарному производству, чем дает, кстати сказать, столь утешительное для всех филистеров доказательство того, что форма товарного производства столь же вечна, как справедливость. Затем он старается, наоборот, преобразовать в соответствии с этим идеалом справедливости действительное товарное производство и соответствующее ему действительное право. Что мы сказали бы о химике, который, вместо того чтобы исследовать действительные законы обмена веществ и разрешать на основе их определенные задачи, захотел бы преобразовать обмен веществ сообразно «вечным идеям» «naturalite» и «affinite» [«естества» и «сродства»]? Когда нам говорят, что ростовщичество противоречит «justice eternelle» [«вечной справедливости»], «equite eternelle», «mutualite eternelle» [«вечной правде», «вечной взаимности»] и другим «verites eternelles» [«вечным истинам»], то разве мы узнаем о ростовщичестве хоть немного больше, чем знали еще отцы церкви, когда они

Лица существуют здесь одно для другого лишь как представители товаров, т. е. как товаровладельцы. В ходе исследования мы вообще увидим, что характерные экономические маски лиц — это только олицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу.

Товаровладельца отличает от его товара именно то обстоятельство, что для товара каждое другое товарное тело служит лишь формой проявления его собственной стоимости. Прирожденный уравнитель и циник, товар всегда готов обменять не только душу, но и тело со всяким другим товаром, хотя бы этот последний был наделен наружностью, еще менее привлекательной, чем у Мариторнес. Эту отсутствующую у товара способность воспринимать конкретные свойства других товарных тел товаровладелец пополняет своими собственными пятью и даже более чувствами. Его товар не имеет для него самого непосредственной потребительной стоимости. Иначе он не вынес бы его на рынок. Он имеет потребительную стоимость для других. Для владельца вся непосредственная потребительная стоимость товара заключается лишь в том, что он есть носитель меновой стоимости и, следовательно, средство обмена[39]. Поэтому владелец стремится сбыть свой товар в обмен на другие, в потребительной стоимости которых он нуждается. Все товары суть непотребительные стоимости для своих владельцев и потребительные стоимости для своих невладельцев. Следовательно, они должны постоянно перемещаться из рук в руки. Но этот переход из рук в руки составляет их обмен, а в обмене они относятся друг к другу как стоимости и реализуются как стоимости. Значит, товары должны реализоваться как стоимости, прежде чем они получат возможность реализоваться как потребительные стоимости.

С другой стороны, прежде чем товары смогут реализоваться как стоимости, они должны доказать наличие своей потребительной стоимости, потому что затраченный на них труд идет в счет лишь постольку, поскольку он затрачен в форме, полезной для других. Но является ли труд действительно полезным для других, удовлетворяет ли его продукт какой-либо чужой потребности, — это может доказать лишь обмен.

говорили, что ростовщичество противоречит «grace eternelle», «foi eternelle», «volonte eternelle de Dieu» [«вечному милосердию», «вечной вере», «вечной воле божьей»]?

[39] «Ибо двояко употребление каждого блага. — Первое присуще вещи как таковой, второе — нет; так, сандалия может служить для обувания ноги и для обмена. То и другое суть потребительные стоимости сандалии, ибо даже тот, кто обменивает сандалию на что-либо, в чем он нуждается, например, на пищу, пользуется сандалией как сандалией. Но это не есть естественный способ ее употребления. Ибо она существует не для обмена» *(Aristoteles.* «De Republica», кн. I, гл. 9).

Каждый товаровладелец хочет сбыть свой товар лишь в обмен на такие товары, потребительная стоимость которых удовлетворяет его потребности. Постольку обмен является для него чисто индивидуальным процессом. С другой стороны, он хочет реализовать свой товар как стоимость, т. е. реализовать его в другом товаре той же стоимости, независимо от того, имеет ли его собственный товар потребительную стоимость для владельцев других товаров или нет. Постольку обмен является для него всеобще общественным процессом. Но один и тот же процесс не может быть одновременно для всех товаровладельцев только индивидуальным и только всеобще общественным.

Присмотревшись к делу внимательнее, мы увидим, что для каждого товаровладельца всякий чужой товар играет роль особенного эквивалента его товара, а потому его собственный товар — роль всеобщего эквивалента всех других товаров. Но так как в этом сходятся между собой все товаровладельцы, то ни один товар не является всеобщим эквивалентом, а потому товары не обладают и всеобщей относительной формой стоимости, в которой они отождествлялись бы как стоимости и сравнивались друг с другом как величины стоимости. Таким образом, они противостоят друг другу вообще не как товары, а только как продукты, или потребительные стоимости.

В этом затруднительном положении наши товаровладельцы рассуждают как Фауст: «В начале было дело»[38]. И они уже делали дело, прежде чем начали рассуждать. Законы товарной природы проявляются в природном инстинкте товаровладельцев. Они могут приравнивать свои товары друг к другу как стоимости, а значит, и как товары, лишь относя их к какому-нибудь другому товару, лишь противопоставляя их ему как всеобщему эквиваленту. Это показал анализ товара. Но только общественное действие может превратить определенный товар во всеобщий эквивалент. Поэтому общественное действие всех прочих товаров выделяет один определенный товар, в котором все они выражают свои стоимости. Тем самым натуральная форма этого товара становится общественно признанной формой эквивалента. Функция всеобщего эквивалента становится при помощи указанного общественного процесса специфической общественной функцией выделенного товара. Последний делается деньгами.

«Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою зверю». «И никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его» (Апокалипсис)[39].

Денежный кристалл есть необходимый продукт процесса обмена, в котором разнородные продукты труда фактически

приравниваются друг к другу и тем самым фактически превращаются в товары. Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющую в товарной природе противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этой противоположности ведет к возникновению самостоятельной формы товарной стоимости и не унимается до тех пор, пока задача эта не решена окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги. Следовательно, в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги[40)].

Непосредственный обмен продуктов, с одной стороны, имеет форму простого выражения стоимости, а с другой стороны, еще не имеет ее. Форма эта, как мы видели: x товара $A = y$ товара B. А форма непосредственного обмена продуктов такова: x предмета потребления $A = y$ предмета потребления B[41)]). Здесь вещи A и B до обмена не являются товарами, товарами они становятся лишь благодаря обмену. Первая предпосылка, необходимая для того чтобы предмет потребления стал потенциальной меновой стоимостью, сводится к тому, что данный предмет потребления существует как непотребительная стоимость, имеется в количестве, превышающем непосредственные потребности своего владельца. Вещи сами по себе внешни для человека и потому отчуждаемы. Для того чтобы это отчуждение стало взаимным, люди должны лишь молчаливо относиться друг к другу как частные собственники этих отчуждаемых вещей, а потому и как не зависимые друг от друга личности. Однако такое отношение взаимной отчужденности не существует между членами естественно выросшей общины, будет ли то патриархальная семья, древнеиндийская община, государство инков[40] и т. д. Обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары во внешних отношениях, то путем обратного действия они становятся товарами и внутри общины.

[40)] Мы можем теперь оценить по достоинству ухищрения мелкобуржуазного социализма, который хочет увековечить товарное производство и в то же время устранить «противоположность между деньгами и товаром», т. е. устранить самые деньги, так как они существуют только как составная часть этой противоположности. С таким же успехом можно было бы стремиться к упразднению папы, сохраняя в то же время католицизм. Подробнее об этом см, мою работу «К критике политической экономии», стр. 61 и сл. [настоящее издание, том 13, стр. 67 и сл.].

[41)] До тех пор, пока обмениваются не два различных предмета потребления, а, как это часто мы встречаем у дикарей, за один предмет предлагается в качестве эквивалента хаотическая масса вещей, до тех пор даже непосредственный обмен продуктов еще не зашел дальше своего преддверия.

Их количественное меновое отношение первоначально совершенно случайно. Они вступают в обмен лишь благодаря тому, что владельцы желают взаимно сбыть их друг другу. Между тем потребность в чужих предметах потребления мало-помалу укрепляется. Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для нужд обмена. С этого момента, с одной стороны, закрепляется разделение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена. Ее потребительная стоимость отделяется от ее меновой стоимости. С другой стороны, то количественное отношение, в котором обмениваются веши, делается зависимым от самого их производства. Привычка фиксирует их как стоимостные величины.

В непосредственном обмене продуктов каждый товар является непосредственно средством обмена для своего владельца и эквивалентом для своего невладельца, — однако лишь постольку, поскольку товар этот представляет для последнего потребительную стоимость. Следовательно, обмениваемый предмет еще не получает никакой формы стоимости, не зависимой от его собственной потребительной стоимости, или от индивидуальных потребностей обменивающихся лиц. Но необходимость такой формы развивается по мере того, как возрастает число и многообразие товаров, вступающих в процесс обмена. Задача возникает одновременно со средствами ее разрешения. Оборот товаров, в котором товаровладельцы обменивают свои собственные изделия на различные другие изделия и приравнивают их друг к другу, никогда не совершается без того, чтобы при этом различные товары различных товаровладельцев в пределах их оборотов не обменивались на один и тот же третий товар и не приравнивались ему как стоимости. Такой третий товар, становясь эквивалентом для других различных товаров, непосредственно приобретает всеобщую, или общественную, форму эквивалента, хотя и в узких пределах. Эта всеобщая форма эквивалента появляется и исчезает вместе с тем мимолетным общественным контактом, который вызвал ее к жизни. Попеременно и мимолетно выпадает она на долю то одного, то другого товара. Но с развитием товарного обмена она прочно закрепляется исключительно за определенными видами товаров, или кристаллизуется в форму денег. С каким именно видом товара она срастается, это сначала дело случая. Однако в общем и целом два обстоятельства играют здесь решающую роль. Форма денег срастается или с наиболее

важными из предметов, которые получаются путем обмена извне и действительно представляют собой естественно выросшую форму проявления меновой стоимости местных продуктов, или же — с предметом потребления, который составляет главный элемент местного отчуждаемого имущества, как, например, скот. Кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно непосредственно отчуждаемой, форме и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов. Люди нередко превращали самого человека в лице раба в первоначальный денежный материал, но никогда не превращали в этот материал землю. Такая идея могла возникнуть только в уже развитом буржуазном обществе. Она появилась лишь в последнюю треть XVII столетия, а попытка ее осуществления, в национальном масштабе, была сделана впервые сто лет спустя, во время французской буржуазной революции.

По мере того как обмен товаров разрывает свои узколокальные границы и поэтому товарная стоимость вырастает в материализацию человеческого труда вообще, форма денег переходит к тем товарам, которые по самой своей природе особенно пригодны для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, а именно к благородным металлам.

Что «золото и серебро по природе своей не деньги, но деньги по своей природе — золото и серебро»[42)], доказывается согласованностью естественных свойств этих металлов с функциями денег[43)]. Но пока мы знаем только одну функцию денег: служить формой проявления товарной стоимости, или материалом, в котором величины товарных стоимостей находят себе общественное выражение. Адекватной формой проявления стоимости, или материализацией абстрактного и, следовательно, одинакового человеческого труда, может быть лишь такая материя. все экземпляры которой обладают одинаковым качеством. С другой стороны, так как различие величин стоимости носит чисто количественный характер, то денежный товар должен быть способен к чисто количественным различиям, т. е. должен обладать такими свойствами, чтобы его можно было делить на произвольно мелкие части и вновь составлять из этих частей. Золото и серебро обладают этими качествами от природы.

---

42) *Карл Маркс.* «К критике политической экономии», стр. 135 [см. настоящее издание, том 13, стр. 137]. «Драгоценные металлы... по природе своей деньги» *(Caliani.* «Della Moneta», в издании Кустоди, Parte Moderna, т. III, стр. 137).

43) Подробнее об этом смотри в моей только что цитированной работе раздел «Благородные металлы».

Потребительная стоимость денежного товара удваивается. Наряду с особенной потребительной стоимостью, принадлежащей ему как товару, — например, золото служит для пломбирования зубов, является сырым материалом для производства предметов роскоши и т. д., — он получает формальную потребительную стоимость, вытекающую из его специфически общественных функций.

Так как все другие товары суть лишь особенные эквиваленты денег, а деньги — их всеобщий эквивалент, то они как особенные товары относятся к деньгам как к товару всеобщему[44].

Мы уже видели, что форма денег есть лишь застывший на одном товаре отблеск отношений к нему всех остальных товаров. Следовательно, тот факт, что деньги являются товаром[45], может показаться открытием лишь тому, кто исходит из их готовой формы, с тем чтобы анализировать их задним числом. Процесс обмена дает товару, который он превращает в деньги, не его стоимость, а лишь его специфическую форму стоимости. Смешение этих двух определений приводит к тому, что стоимость золота и серебра начинают считать воображаемой[46]. Так как деньги в известных своих функциях могут быть заменены простыми знаками денег, то отсюда возникла другая ошибка, — что деньги только знаки. С другой стороны, в этом заблуждении сквозит смутная догадка, что денежная форма вещей есть нечто постороннее для них самих и что она только форма проявления скрытых за ней человеческих отношений.

---

[44] «Деньги суть универсальный товар» *(Verri,* цит. соч., стр. 16).

[45] «Сами по себе золото и серебро, которым мы можем дать общее наименование денежного металла, суть... товары... стоимость которых то повышается, то падает... Стоимость денежного металла тогда считается более высокой, когда меньшего по весу количества его оказывается достаточно для того, чтобы приобрести большее количество земледельческого или промышленного продукта страны» и т. д. ([*S. Clement.*] «A Discourse of the General Notions of Money, Trade, and Exchanges, as they stand In relation each to other». By a Merchant. London, 1695, p. 7). «Серебро и золото, как чеканенные, так и нечеканенные, хотя и употребляются как мера для всех других вещей, все же суть товары не в меньшей степени, чем вино, табак, масло, одежда или ткань» ([*J. Child.*] «A Discourse concerning Trade, and that in particular of the East-Indies etc.». London, 1689, p. 2). «Капитал и богатство королевства не ограничиваются только деньгами, равным образом золото и серебро нельзя исключить из числа товаров» ([*Th. Papillon.*] «The East-India Trade a most Profitable Trade». London, 1677, p. 4).

[46] «Золото и серебро имеют свою стоимость как металлы раньше, чем они делаются монетами» *(Galiani,* цит. соч.). Локк говорит: «Всеобщее соглашение людей придало серебру, в силу тех его свойств, которые делают его пригодным для роли денег, воображаемую стоимость». Ло, напротив, говорит: «Каким образом различные нации могли бы придать какой-либо вещи воображаемую стоимость?.. И каким образом эта воображаемая стоимость могла бы удержаться?» Насколько плохо он сам понимал суть дела, показывают следующие его слова: «Серебро обменивалось по той потребительной стоимости, которую оно имело, т. е. по своей действительной стоимости; благодаря своему назначению служить в качестве денег оно получило еще добавочную стоимость (une valeur additionnelle)» *(Jean Law.* «Considerations sur le numeraire et le commerce», в издании Э. Дэра: «Economistes Financiers du XVIII siecle», p. 469, 470).

В этом смысле каждый товар представлял бы собой только знак, потому что как стоимость он лишь вещная оболочка затраченного на него человеческого труда[47]. Но, объявляя простыми знаками те общественные свойства, которые на основе определенного способа производства приобретают вещи, или те вещные формы, которые на основе этого способа производства приобретают общественные определения труда, их тем самым объявляют произвольным продуктом человеческого разума. Такова была излюбленная манера просветителей XVIII века, применявшаяся ими для того, чтобы, по крайней мере временно, снимать покров таинственности с тех загадочных форм, которые имели человеческие отношения и возникновение которых еще не умели объяснить.

Как уже было отмечено раньше, эквивалентная форма товара не заключает в себе количественного определения величины его стоимости. Если мы знаем, что золото — деньги, т. е. непосредственно обмениваемо на все другие товары, то мы еще отнюдь не знаем, сколько стоят, например, 10 фунтов золота. Как и всякий иной товар, золото может выразить величину своей собственной стоимости лишь относительно, лишь в других товарах. Его собственная стоимость определяется рабочим временем, требующимся для его- производства, и выражается в том количестве всякого иного товара, в каком кристаллизовалось столько же рабочего времени[48]. Такое установление

[47] «Деньги суть их» (товаров) «знак» *(V. de Forbonnais.* «Elements du Commerce». Nouv. Edit. Leyde, 1766, t. II, p. 143). «Как знак они притягиваются товарами» (там же, стр. 155). «Деньги — знак и представитель вещи» *(Montesquieu.* «Esprit des Loix». Oeuvres. London, 1767, t. II, p. 3). «Деньги не простой знак, потому что они сами суть богатство; они — не представители стоимостей, они сами стоимость» (*Le Trosne,* цит. соч., стр. 910). «Когда мы обращаем внимание на понятие стоимости, тогда сама вещь рассматривается лишь как знак, и она имеет значение не сама по себе, а как то, чего она стоит» *(Hegel.* «Philosophie des Rechts», S. 100). Гораздо раньше экономистов представление о золоте как простом знаке и лишь воображаемой стоимости благородных металлов было пущено в ход юристами, которые, прислужничая перед королевской властью, на протяжении всех средних веков обосновывали право королей фальсифицировать монету традициями Римской империи и теми понятиями о деньгах, которые выражены в пандектах[41]. «Никто не смеет и не должен сомневаться», — говорит верный ученик этих юристов Филипп Валуа в одном декрете 1346 г., — «что только нам и нашему королевскому величеству принадлежит право... чеканки монеты, снабжения деньгами и всяких распоряжений относительно монеты, право пускать ее в обращение, и притом по такой цене, как это нам угодно и признано нами за благо». Догмой римского права было, что император декретирует стоимость денег. Было безусловно запрещено обращаться с деньгами как с товаром. «Денег же никто не должен покупать, ибо, учрежденные для пользования всех, они не должны быть товаром». Хорошие разъяснения по этому поводу см. *G. F. Pagnini.* «Saggio sopra il giusto pregio delle cose», 1751, в издании Кустоди, Parte Moderna, т. II. В частности, во второй части своей работы Паньини полемизирует с господами юристами.

[48] «Если одну унцию серебра можно добыть и доставить в Лондон из перуанских рудников с такой же затратой времени, какая необходима для производства бушеля хлеба, то первый из этих продуктов будет составлять естественную цену второго; и если вследствие открытия новых, более богатых рудников две унции сереб-

относительной величины стоимости золота фактически совершается на месте его производства, в непосредственной меновой торговле. Когда оно вступает в обращение в качестве денег, его стоимость уже дана. Если уже в последние десятилетия XVII столетия анализом денег было установлено, что деньги суть товар, то все-таки это было лишь началом анализа. Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами[49].

Мы видели, как уже в самом простом выражении стоимости, x товара $A = y$ товара B, создается иллюзия, будто бы вещь, в которой выражается величина стоимости другой вещи, обладает своей эквивалентной формой независимо от этого отношения товаров, обладает ею как неким от природы присущим ей общественным свойством. Мы проследили, как укрепляется эта иллюзия. Она оказывается завершенной, когда форма всеобщего эквивалента срастается с натуральной формой определенного товара, или откристаллизовывается в форму денег. При этом создается впечатление, будто не данный товар становится деньгами только потому, что в нем выражают свои стоимости все другие товары, а, наоборот, будто бы эти последние выражают в нем свои стоимости потому, что он — деньги. Посредствующее движение исчезает в своем собственном результате и не оставляет следа. Без всякого содействия со своей стороны товары находят готовый образ своей стоимости в виде существующего вне их и наряду с ними товарного тела. Эти вещи — золото и серебро — в том самом виде, как они выходят из недр земных, вместе с тем оказываются непосредственным воплощением всякого человеческого труда. Отсюда магический характер денег. В том строе общества, который мы сейчас изучаем, отношения людей в общественном процессе

ра можно будет добывать так же легко, как теперь одну, то caeteris paribus [при прочих равных условиях] бушель хлеба будет стоить 10 шиллингов, если он раньше стоил 5 шиллингов» (*William Petty.* «A Treatise of Taxes and Contributions». London, 1667, p. 31).

[49] Г-н профессор Рошер поучает нас: «Ложные определения денег могут быть разделены на две основные группы: определения, считающие деньги за нечто большее, и определения, считающие деньги за нечто меньшее, чем товар». Затем идет пестрый каталог работ о деньгах, в котором нельзя уловить и намека на понимание действительной истории теории денег. В заключение мораль: «Нельзя, впрочем, отрицать, что большинство новейших экономистов обращает недостаточное внимание на особенности, отличающие деньги от других товаров» (значит, деньги все-таки суть нечто меньшее или нечто большее, чем товар?) «... Поскольку это так, постольку полумеркантилистская реакция Ганиля и др. имеет некоторые основания» (*Wilhelm Roscher.* «Die Grundlagen der Nationalokonomie», 3. Aufl., 1858, S. 207—210). «Большее — меньшее — недостаточное — постольку — некоторые»! Это называется определением понятий! И подобного рода эклектическую профессорскую болтовню г-н Рошер скромно окрестил «анатомо-физиологическим методом» политической экономии! Впрочем, наука все же обязана ему одним открытием, а именно, что деньги — «приятный товар».

производства чисто атомистические. Вследствие этого их производственные отношения принимают вещный характер, не зависимый от их контроля и сознательной индивидуальной деятельности. Это проявляется прежде всего в том, что продукты их труда принимают вообще форму товаров. Таким образом, загадка денежного фетиша есть лишь ставшая видимой, слепящая взор загадка товарного фетиша.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ДЕНЬГИ, ИЛИ ОБРАЩЕНИЕ ТОВАРОВ

1. МЕРА СТОИМОСТЕЙ

В этой работе я везде предполагаю, ради упрощения, что денежным товаром является золото.

Первая функция золота состоит в том, чтобы доставить товарному миру материал для выражения стоимости, т. е. для того чтобы выразить стоимости товаров как одноименные величины, качественно одинаковые и количественно сравнимые. Оно функционирует, таким образом, как всеобщая мера стоимостей, и прежде всего в силу этой функции золото — этот специфический эквивалентный товар — становится деньгами.

Не деньги делают товары соизмеримыми. Наоборот. Именно потому, что все товары как стоимости представляют собой овеществленный человеческий труд и, следовательно, сами по себе соизмеримы, — именно поэтому все они и могут измерять свои стоимости одним и тем же специфическим товаром, превращая таким образом этот последний в общую для них меру стоимостей, т. е. в деньги. Деньги как мера стоимости есть необходимая форма проявления имманентной товарам меры стоимости, — рабочего времени[50)].

[50)] Вопрос, почему деньги не представляют непосредственно самого рабочего времени, почему, например, бумажный денежный знак не представляет *x* рабочих часов, сводится просто к вопросу, почему на базисе товарного производства продукты труда должны принимать форму товаров, так как форма товара предполагает разделение их на товары и денежный товар; или — к вопросу, почему частный труд не может рассматриваться как непосредственно общественный труд, т. е. как своя собственная противоположность. В другом месте я подробно рассмотрел плоский утопизм «рабочих денег» на основе товарного производства («К критике политической экономии», стр. 61 и сл. [см. настоящее издание, том 13, стр. 67 и сл.]). Здесь отмечу только, что, например, «рабочие деньги» Оуэна имеют с «деньгами» так же мало общего, как, скажем, театральный билет. Оуэн предполагает непосредственно обобществленный труд, т. е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству. Рабочая квитанция лишь констатирует индивидуальную долю участия производителя в общем труде и долю его индивидуальных притязаний на предназначенную для потребления часть общего продукта. Но Оуэн и не думал предполагать товарное производство и в то же время стремиться устранить его необходимые условия посредством денежных фокусов.

Выражение стоимости товара в золоте: *x* товара *A* = *y* денежного товара, есть денежная форма товара, или его цена. Теперь достаточно только одного уравнения: 1 тонна железа = 2 унциям золота, чтобы представить стоимость железа в общественно значимой форме. Этому уравнению уже нет надобности маршировать плечом к плечу в ряду стоимостных уравнений других товаров, потому что эквивалентный товар, золото, уже обладает характером денег. Поэтому всеобщая относительная форма стоимости товаров снова возвращается теперь к своему первоначальному виду — к простой, или единичной, относительной форме стоимости. С другой стороны, развернутое относительное выражение стоимости, или бесконечный ряд относительных выражений стоимости, становится специфически относительной формой стоимости денежного товара. Но этот ряд теперь уже общественно дан в товарных ценах. Читайте справа налево отметки любого прейскуранта, и вы найдете выражение величины стоимости денег во всех возможных товарах. Но зато деньги не имеют цены. Чтобы участвовать в этой единой относительной форме стоимости других товаров, они должны были бы относиться к самим себе как к своему собственному эквиваленту.

Цена, или денежная форма товаров, как и вообще их стоимостная форма, есть нечто, отличное от их чувственно воспринимаемой реальной телесной формы, следовательно — форма лишь идеальная, существующая лишь в представлении. Стоимость железа, холста, пшеницы и т. д. существует, хотя и невидимо, в самих этих вещах; она выражается в их равенстве с золотом, в их отношении к золоту, в отношении, которое, так сказать, существует лишь в их голове. Хранителю товаров приходится поэтому одолжить им свой язык или навесить на них бумажные ярлыки, чтобы поведать внешнему миру их цены[51)]. Так как выражение товарных стоимостей в золоте носит идеальный характер, то для этой операции может быть применимо также лишь мысленно представляемое, или идеальное,

[51)] Дикарь и полудикарь употребляют при этом свой язык несколько иначе. Капитан Парри рассказывает о жителях западного берега Баффинова залива: «В этом случае» (при обмене продуктами) «... они лижут ее» (вещь, предложенную им для обмена) «два раза, после чего, по-видимому, считают сделку благополучно заключенной»[42]. У восточных эскимосов выменивающий также всегда облизывал вещь при получении ее. Если на севере язык является, таким образом, органом присвоения, то нет ничего удивительного, что на юге живот считается органом накопления собственности; так, например, кафр оценивает богатого человека по толщине его брюха. Как видим, кафры весьма смышленый народ: в то время как отчет английского правительства за 1864 г. о здоровье населения указывает на недостаток у значительной части рабочего класса жирообразующих веществ, — в том же самом году некий доктор Гарвей (не тот, который открыл кровообращение) сделал свою карьеру шарлатанскими рецептами, сулившими буржуазии и аристократии избавление от избытка жира.

золото. Каждый товаровладелец знает, что он еще далеко не превратил свои товары в настоящее золото, если придал их стоимости форму цены, или мысленно представляемого золота, и что ему не нужно ни крупицы реального золота для того, чтобы выразить в золоте товарные стоимости на целые миллионы. Следовательно, свою функцию меры стоимостей деньги выполняют лишь как мысленно представляемые, или идеальные, деньги. Это обстоятельство породило самые нелепые теории денег[52)]. Хотя функцию меры стоимостей выполняют лишь мысленно представляемые деньги, цена всецело зависит от реального денежного материала. Стоимость, т. е. количество человеческого труда, содержащегося, например, в одной тонне железа, выражается в мысленно представляемом количестве денежного товара, содержащем столько же труда. Следовательно, смотря по тому, золото, серебро или медь служит мерой стоимости, стоимость тонны железа выражается в совершенно различных ценах, или в совершенно различных количествах золота, серебра или меди.

Если мерой стоимости служат одновременно два различных товара, например золото и серебро, то цены всех товаров получают два различных выражения: золотые цены и серебряные цены; и те и другие спокойно уживаются рядом, пока остается неизменным отношение между стоимостями золота и серебра, например 1:15. Но всякое изменение этого отношения стоимостей нарушает существующее отношение между золотыми и серебряными ценами товаров и таким образом доказывает фактически, что двойственность меры стоимости противоречит ее функции[53)].

[52)] См. *Карл Маркс.* «К критике политической экономии». «Теории денежной единицы измерения», стр. 53 и сл. [настоящее издание, том 13, стр. 60 и сл.].

[53)] *Примечание к 3 изданию.* «Там, где золото и серебро согласно закону одновременно функционируют как деньги, т. е. как мера стоимостей, постоянно делались тщетные попытки рассматривать их как одну и ту же материю. Предполагать, что одинаковое рабочее время неизменно овеществляется в одинаковых пропорциях серебра и золота, значит предполагать в сущности, что серебро и золото суть одна и та же материя и что определенное количество менее ценного металла, серебра, составляет неизменную дробную часть определенного количества золота. Начиная с правления Эдуарда III до времен Георга II, история английского денежного обращения представляла собой непрерывный ряд его нарушений, вызванных коллизией между установленным по закону соотношением стоимости золота и серебра и действительными колебаниями их стоимости. То золото оценивалось слишком высоко, то серебро. Металл, оцененный слишком низко, изымался из обращения, переплавлялся в слитки и вывозился за границу. Тогда соотношение стоимостей обоих металлов вновь изменялось законодательным путем, но вскоре новая номинальная стоимость приходила в такой же конфликт с действительным соотношением стоимостей, как и старая. — В наше время даже очень слабое и преходящее падение стоимости золота по сравнению с серебром, вследствие спроса на серебро со стороны Индии и Китая, вызвало во Франция в самых крупных масштабах то же явление, а именно вывоз серебра и вытеснение его из обращения золотом. В течение 1855, 1856 и 1857 гг. ввоз золота во Францию превышал его вывоз на 41580000 ф. ст., между тем как превышение вывоза серебра над его ввозом составляло 34704000 фунтов стерлингов. Фактически в таких странах, где по закону оба металла являются мерой стоимостей и потому оба должны приниматься при платежах, — причем каждый по желанию может платить золотом или серебром, — тот металл, стоимость кото-

Товары, цены которых определены, все принимают такую форму: *a* товара *A* = *x* золота; *b* товара *B* = *y* золота; *c* товара *C* = *z* золота и т. д., где *a*, *b, c* представляют определенные массы товаров *A*, *B, C,* а *x, y, z* — определенные массы золота. Товарные стоимости превратились, таким образом, в мысленно представляемые количества золота различной величины, т. е., несмотря на пестрое разнообразие своих товарных тел, превратились в величины одноименные, в величины золота. Как такие различные количества золота, они сравниваются между собой и соизмеряются друг с другом, причем возникает техническая необходимость сводить их к какому-либо фиксированному количеству золота как единице измерения. Сама эта единица измерения путем дальнейшего деления на определенные части развертывается в масштаб. Золото, серебро, медь еще до своего превращения в деньги обладают таким масштабом в виде весовых делений: так, если единицей измерения служит, например, фунт, то, с одной стороны, он разделяется дальше на унции и т. д., с другой стороны, путем соединения фунтов, получаются центнеры и т. д.[54]. Поэтому при металлическом обращении готовые названия весового масштаба всегда образуют и первоначальные названия денежного масштаба, или масштаба цен.

Как мера стоимостей и как масштаб цен деньги выполняют две совершенно различные функции. Мерой стоимостей они являются как общественное воплощение человеческого труда, масштабом цен — как фиксированный вес металла. Как мера стоимости они служат для того, чтобы превращать стоимости бесконечно разнообразных товаров в цены, в мысленно представляемые количества золота; как масштаб цен они измеряют эти количества золота. Мерой стоимостей измеряются товары

рого повышается, приобретает лаж и, подобно всякому другому товару, измеряет свою цену в металле, оцененном слишком высоко, в то время как мерой стоимостей служит только этот последний. Весь исторический опыт в этой области сводится просто к тому, что там, где по закону функцией меры стоимостей были наделены два товара, фактически эта функция всегда закреплялась лишь за одним из них» *(Карл Маркс.* «К критике политической экономии», стр. 52, 53 [см. настоящее издание, том 13, стр. 59, 60]).

[54] *Примечание к 2 изданию.* Тот странный факт, что в Англии унция золота, как денежная единица измерения, не делится на целое число равных частей, объясняется следующим: «Наша монетная система первоначально была приспособлена к употреблению одного только серебра, — поэтому одна унция серебра может быть всегда разделена на определенное число равных монет; но так как золото было введено позднее в монетную систему, приспособленную исключительно к серебру, то одна унция золота не может быть разделена на целое число равноценных монет» *(Maclaren.* «History of the Currency». London, 1858, p. 16).

как стоимости; напротив, масштаб цен измеряет различные количества золота данным его количеством, а не стоимость данного количества золота весом других его количеств. Для масштаба цен определенный вес золота должен быть фиксирован как единица измерения. Здесь, как и при всяком другом определении одноименных величин, решающее значение имеет устойчивость соотношения мер. Следовательно, масштаб цен выполняет свою функцию тем лучше, чем неизменнее одно и то же количество золота служит единицей измерения. Мерой стоимостей золото может служить лишь потому, что оно само представляет продукт труда и, следовательно, стоимость потенциально переменную[55)].

Очевидно прежде всего, что изменение стоимости золота никоим образом не отражается на его функции в качестве масштаба цен. Как бы ни изменялась стоимость золота, стоимости определенных количеств его сохраняют между собой одно и то же отношение. Если бы стоимость золота упала даже в тысячу раз, 12 унций золота по-прежнему обладали бы в двенадцать раз большей стоимостью, чем одна унция золота, а при определении цен дело идёт лишь об отношениях различных количеств золота друг к другу. Так как, с другой стороны, при понижении или повышении стоимости золота вес одной унции его остается неизменным, то остается неизменным также и вес частей унции; следовательно, золото как фиксированный масштаб цен всегда оказывает одни и те же услуги, как бы ни изменялась его стоимость.

Изменение стоимости золота не препятствует также его функции в качестве меры стоимости. Оно затрагивает все товары одновременно и потому caeteris paribus [при прочих равных условиях] не изменяет их взаимных относительных стоимостей, несмотря на то, что эти последние выражаются то в более высоких, то в более низких золотых ценах, чем выражались раньше.

Как при выражении стоимости одного товара в потребительной стоимости какого-либо другого товара, так и при оценке товаров золотом предполагается лишь одно: что в данное время производство определенного количества золота стоит данного количества труда. Что касается движения товарных цен вообще, то к нему приложимы развитые выше законы простого относительного выражения стоимости.

[55)] *Примечание к 2 изданию.* В сочинениях английских авторов имеет место невообразимое смешение понятий «мера стоимостей» (measure of value) и «масштаб цен» (standard of value). Постоянно смешиваются сами эти функции, а следовательно, и их названия.

При неизменной стоимости денег общее повышение товарных цен может произойти лишь при том условии, если повышаются стоимости товаров; при неизменной стоимости товаров, — если понижается стоимость денег. И наоборот. При неизменной стоимости денег все товарные цены могут понижаться лишь при том условии, если понижаются товарные стоимости; при неизменных товарных стоимостях, — если повышается стоимость денег. Отсюда отнюдь не следует, что повышение стоимости денег всегда вызывает пропорциональное понижение товарных цен, а понижение стоимости денег — пропорциональное повышение товарных цен. Это справедливо лишь по отношению к товарам, стоимость которых остается неизменной. Например, такие, товары, стоимость которых повышается одновременно и в одинаковой мере со стоимостью денег, сохраняют свои цены неизменными. Если их стоимость повышается медленнее или быстрее, чем стоимость денег, то понижение или повышение их цен определяется разницей между движением их стоимости и движением стоимости денег и т. д.

Возвратимся к рассмотрению формы цены.

По ряду различных причин денежные названия определенных по весу количеств металла мало-помалу отделяются от своих первоначальных весовых названий. Из числа этих причин исторически решающими были следующие. 1) Введение иностранных денег у народов, находящихся на сравнительно низких ступенях развития. Так, например, в Древнем Риме золотые и серебряные монеты сначала обращались как иностранные товары. Названия этих иностранных денег, конечно, отличны от названий местных весовых единиц. 2) С развитием богатства менее благородный металл вытесняется в своей функции меры стоимости более благородным: медь вытесняется серебром, серебро — золотом, хотя этот порядок и противоречит поэтической хронологии[43] золотого и серебряного веков[56)]. Фунт стерлингов был, например, денежным названием для действительного фунта серебра. Но когда золото вытеснило серебро в качестве меры стоимости, это же самое название стало применяться к количеству золота, составляющему, быть может, $^1/_{15}$ фунта и т. д. в зависимости от отношения между стоимостью золота и серебра. Фунт как денежное название и фунт как обычное весовое название данного количества золота теперь разделились[57)]. 3) В течение целого ряда веков государи занимались

[56)] Впрочем, и эта хронология встречается не у всех народов.

[57)] *Примечание к 2 изданию.* Так, английский фунт представляет менее $^1/_3$ своего первоначального веса, шотландский фунт накануне объединения[44] — всего лишь $^1/_{36}$, французский ливр — $^1/_{74}$, испанское мараведи — менее $^1/_{1000}$, португальский рейс — еще меньшую долю.

непрерывной фальсификацией денег, вследствие чего от первоначального веса монет действительно остались одни только названия[58].

Благодаря этим историческим процессам отделение денежного названия весовых количеств металла от их обычных весовых названий становится народным обыкновением. Так как денежный масштаб, с одной стороны, совершенно условен, а, с другой стороны, должен пользоваться всеобщим признанием, то он, в конце концов, регулируется законом. Определенное весовое количество благородного металла, например унция золота, официально разделяется на определенные части, которые нарекаются при этом своем легальном крещении определенными именами, например фунт, талер и т. д. Такая часть, являясь собственно денежной единицей измерения, делится, в свою очередь, на новые части, получающие на основе закона свои наименования: шиллинг, пенни и т. д.[59]. Во всяком случае определенные весовые количества металла по-прежнему остаются масштабом металлических денег. Изменяется только способ разделения на части и наименования последних.

Итак, цены, или количества золота, в которые идеально превращаются стоимости товаров, выражаются теперь в денежных названиях, или законодательно установленных счетных названиях золотого масштаба. Вместо того чтобы сказать, что один квартер пшеницы равен одной унции золота, англичанин скажет, что он равен 3 ф. ст. 17 шилл. $10^1/_2$ пенсам. Таким образом, в своих денежных названиях товары показывают, чего они стоят, и деньги служат счетными деньгами каждый раз, когда требуется фиксировать какую-либо вещь как стоимость, т. е. в денежной форме[60].

Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом. Точно так же и в денежных названиях — фунт, талер, франк, дукат и т. д. — изглаживается всякий след отношения стоимостей. Путаница в том, что касается скрытого смысла этих кабалистических знаков,

[58] *Примечание к 2 изданию.* «Монеты, названия которых теперь лишь идеальны, суть самые старые монеты каждой нации; некогда все они были реальны, и так как они были реальны, то на них и велся счет» (*Galiani.* «Della Moneta», p. 153).

[59] *Примечание к 2 изданию.* Г-н Давид Уркарт в своем «Familiar Words» называет чудовищным (!) тот факт, что в настоящее время фунт (фунт стерлингов), единица английского масштаба денег, равняется приблизительно $^1/_4$ унции золота: «Это — фальсификация меры», — говорит он, — «а не установление ее масштаба». В этом «ложном наименовании» веса золота он, как и везде, усматривает фальсифицирующую руку цивилизации.

[60] *Примечание к 2 изданию.* «Когда спросили Анахарсиса, для чего эллины употребляют деньги, он ответил; для счета» *(Athenaeus.* «Deipnosophistarum [libri quindecim]», 1. IV, 49, v. II, ed. Schweighauser, 1802 [p. 120]).

тем значительнее, что денежные названия выражают одновременно и стоимость товаров и определенную часть данного веса металла, денежного масштаба[61]. С другой стороны, необходимо, чтобы стоимость, в отличие от пестрых в своем разнообразии тел товарного мира, развилась в эту иррационально вещную и в то же время чисто общественную форму[62].

Цена есть денежное название овеществленного в товаре труда. Следовательно, эквивалентность товара и того количества денег, название которого есть его цена, представляет собой тавтологию, да и вообще относительное выражение стоимости товара есть в то же время выражение эквивалентности двух товаров[63]. Но если цена как показатель величины стоимости товара есть в то же время показатель его менового отношения к деньгам, то отсюда не вытекает обратного положения, что показатель менового отношения товара к деньгам неизбежно должен быть показателем величины стоимости. Пусть общественно необходимый труд равной величины выражается в 1 квартере пшеницы и в 2 фунтах стерлингов (около $^1/_2$ унции золота). 2 ф. ст. есть денежное выражение величины стоимости квартера пшеницы, или его цена. Но если обстоятельства позволяют назначить цену этого квартера в 3 ф. ст. или вынуждают снизить ее до 1 ф. ст., то, очевидно, что 1 ф. ст. слишком

[61] *Примечание к 2 изданию.* «Так как золото в качестве масштаба цен выступает под теми же самыми счетными названиями, как и товарные цены, — например, унция золота, точно так же как и стоимость тонны железа, выражается в 3 ф. ст. 17 шилл. $10^1/_2$ пенсах, — то эти счетные наименования золота назвали его монетной ценой. Отсюда возникло странное представление, будто золото (или серебро) оценивается в своем собственном материале и, в отличие от всех других товаров, получает от государства твердую цену. Установление счетных названий для определенных весовых количеств золота ошибочно принималось за установление стоимости этих весовых количеств» (*Карл Маркс*. «К критике политической экономии», стр. 52 [см. настоящее издание, том 13, стр. 59]).

[62] Ср. «Теории денежной единицы измерения» в «К критике политической экономии», стр. 53 и сл. [см. настоящее издание, том 13, стр. 60 и сл.]. Фантазии относительно повышения или понижения «цены монеты» все сводятся к тому, чтобы актом государственной власти перенести установленные законом денежные наименования с установленных законом весовых количеств золота или серебра на более крупные или более мелкие весовые части, так чтобы, например, чеканить на будущее время из $^1/_4$ унции золота 40 шиллингов вместо 20. Все такие фантазии, поскольку они не являются просто грубыми финансовыми махинациями, направленными против частных и государственных кредиторов, а задаются целью отыскать экономическое «все-исцеляющее лекарство», прекрасно охарактеризованы уже Петти в «Quantulumcunque concerning Money. To the Lord Marquis of Halifax, 1682». Анализ Петти настолько исчерпывает вопрос, что даже его непосредственные преемники, сэр Дадли Норс и Джон Локк, не говоря уже о более поздних, могли только вульгаризировать его мысли. «Если бы богатство страны», — говорит он между прочим, — «могло быть удесятерено с помощью декрета, то было бы удивительно, почему такие декреты давным-давно уже не изданы нашими правителями» (в только что упомянутой работе, стр. 36).

[63] «Или придется признать, что миллион в деньгах стоит больше, чем равная стоимость в товарах» (*Le Trosne*, цит. соч., стр. 919), следовательно, «одна стоимость стоит больше, чем равная ей другая».

малое, а 3 ф. ст. слишком большое выражение величины стоимости пшеницы, — тем не менее и 1 ф. ст. и 3 ф. ст. суть цены пшеницы, потому что, во-первых, они являются ее формой стоимости, деньгами, и, во-вторых, показателями ее менового отношения к деньгам. При неизменных условиях производства или неизменной производительной силе труда на воспроизводство одного квартера пшеницы должно быть затрачено во всех случаях одинаковое количество общественного рабочего времени. Это обстоятельство не зависит от воли ни производителей пшеницы, ни других товаровладельцев. Величина стоимости товара выражает, таким образом, необходимое, имманентное самому процессу созидания товара отношение его к общественному рабочему времени. С превращением величины стоимости в цену это необходимое отношение проявляется как меновое отношение данного товара к находящемуся вне его денежному товару. Но в этом меновом отношении может выразиться как величина стоимости товара, так и тот плюс или минус по сравнению с ней, которым сопровождается отчуждение товара при данных, условиях. Следовательно, возможность количественного несовпадения цены с величиной стоимости, или возможность отклонения цены от величины стоимости, заключена уже в самой форме цены. И это не является недостатком этой формы, — наоборот, именно эта отличительная черта делает ее адекватной формой такого способа производства, при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел.

Но форма цены не только допускает возможность количественного несовпадения величины стоимости с ценой, т. е. величины стоимости с ее собственным денежным выражением, — она может скрывать в себе качественное противоречие, вследствие чего цена вообще перестает быть выражением стоимости, хотя деньги представляют собой лишь форму стоимости товаров. Вещи, которые сами по себе не являются товарами, например совесть, честь и т. д., могут стать для своих владельцев предметом продажи и, таким образом, благодаря своей цене приобрести товарную форму. Следовательно, вещь формально может иметь цену, не имея стоимости. Выражение цены является здесь мнимым, как известные величины в математике. С другой стороны, мнимая форма цены, — например, цена не подвергавшейся обработке земли, которая не имеет стоимости, так как в ней не овеществлен человеческий труд, — может скрывать в себе действительное стоимостное отношение или отношение, производное от него.

Цена, как и относительная форма стоимости вообще, выражает стоимость товара, например тонны железа, таким образом, что определенное количество эквивалента, например одна унция золота, всегда может быть непосредственно обменена на железо, откуда, однако, отнюдь не следует обратное: что железо, в свою очередь, может быть непосредственно обменено на золото. Итак, чтобы на деле выступить в качестве меновой стоимости, товар должен совлечь с себя свою натуральную плоть, превратиться из мысленно представляемого золота в золото действительное, хотя бы это пресуществление оказалось для него «горше», чем для гегелевского «понятия» переход от необходимости к свободе, чем для омара сбрасывание своей скорлупы, или для св. Иеронима совлечение с себя ветхого Адама[64)]. Наряду со своим реальным образом, например образом железа, товар может обладать в цене идеальным образом стоимости, или мысленно представляемым образом золота, но он не может быть одновременно действительным железом и действительным золотом. Для того чтобы дать ему цену, достаточно приравнять к нему мысленно представляемое золото. Но он должен быть замещен действительным золотом, чтобы сыграть для своего владельца роль всеобщего эквивалента. Если бы, например, владелец железа столкнулся с владельцем какого-либо элегантного товара и сказал, что цена железа есть уже денежная форма, то ему бы ответили, как св. Петр на небесах отвечал Данте, изложившему перед ним сущность веры:

> «Неуличим в изъяне
> Испытанной монеты вес и сплав,
> Но есть ли у тебя она в кармане»[45].

Форма цены предполагает отчуждаемость товаров за деньги и необходимость такого отчуждения. С другой стороны, золото функционирует как идеальная мера стоимости только потому, что оно уже обращается как денежный товар в меновом процессе. В идеальной мере стоимостей скрывается, таким образом, звонкая монета.

2. СРЕДСТВО ОБРАЩЕНИЯ

а) МЕТАМОРФОЗ ТОВАРОВ

Мы видели, что процесс обмена товаров заключает в себе противоречащие и исключающие друг друга отношения. Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи

[64)] Если в юности Иерониму большого труда стоило смирять свою материальную плоть, как показывает его борьба в пустыне с прекрасными женскими образами, то в зрелом возрасте столь же трудно было ему сладить со своей духовной плотью. «Я предстал мысленно», — рассказывает он, например, — «пред судией мира», «Кто ты?» — спросил голос. «Я христианин». «Лжешь», — загремел судия мира, — «ты только цицеронианец»[46].

которого разрешаются действительные противоречия. Так, например, в том, что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Эллипсис есть одна из форм движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется и разрешается.

Поскольку процесс обмена перемещает товары из рук, где они являются непотребительными стоимостями, в руки, где они являются потребительными стоимостями, постольку этот процесс есть общественный обмен веществ. Продукт одного полезного вида труда становится на место продукта другого полезного вида труда. Товар, достигнув пункта, где он служит в качестве потребительной стоимости, выпадает из сферы товарного обмена и переходит в сферу потребления. Нас интересует здесь лишь первая сфера. Поэтому мы будем рассматривать весь процесс лишь со стороны формы, следовательно лишь смену форм, или метаморфоз, товаров, которая опосредствует общественный обмен веществ.

Совершенно неудовлетворительное понимание этой смены форм обусловливается, если даже не считать неясности в самом понимании стоимости, тем обстоятельством, что каждое изменение формы товара совершается путем обмена двух товаров: простого товара и денежного товара. Когда обращают внимание только на этот вещественный момент, обмен товара на золото, упускают из виду как раз то, что следовало бы видеть прежде всего, а именно то, что происходит с формой товара. Упускают из виду, что золото, рассматриваемое только как товар, еще не есть деньги и что другие товары при помощи своих цен сами относят себя к золоту как своему собственному денежному образу.

Товары вступают в процесс обмена непозолоченными, неподсахаренными, в чем мать родила. Процесс обмена порождает раздвоение товара на товар и деньги, внешнюю противоположность, в которой товары выражают имманентную им противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. В этой противоположности товары как потребительная стоимость противостоят деньгам как меновой стоимости. Вместе с тем та и другая сторона этой противоположности есть товар, т. е. единство потребительной стоимости и стоимости. Но это единство различий на каждом из двух полюсов представлено

противоположно, а потому оно выражает вместе с тем их взаимоотношение. Товар реально есть потребительная стоимостью его стоимостное бытие лишь идеально проявляется в цене, выражающей его отношение к золоту, которое противостоит ему как реальный образ его стоимости. Наоборот, вещество золота играет роль лишь материализации стоимости, т. е. денег. Поэтому золото реально есть меновая стоимость. Его потребительная стоимость пока лишь идеально обнаруживается в ряде относительных выражений стоимости, при помощи которых оно относится к противостоящим ему товарам как к совокупности своих реальных потребительных форм. Эти противоположные формы товаров представляют собой действительные формы их движения в процессе обмена.

Последуем теперь за каким-либо товаровладельцем, хотя бы за нашим старым знакомым, ткачом холста, на арену менового процесса, на товарный рынок. Его товар, 20 аршин холста, имеет определенную цену. Эта цена равняется 2 фунтам стерлингов. Он обменивает холст на 2 ф. ст. и, как человек старого закала, снова обменивает эти 2 ф. ст. на семейную библию той же цены. Холст — для него только товар, только носитель стоимости — отчуждается в обмен на золото, форму его стоимости, и из этой формы снова превращается в другой товар, в библию, которая, однако, направится в дом ткача уже в качестве предмета потребления и будет удовлетворять там потребность в душеспасительном чтении. Процесс обмена товара осуществляется, таким образом, в виде двух противоположных и друг друга дополняющих метаморфозов — превращения товара в деньги и его обратного превращения из денег в товар[65]. Моменты товарного метаморфоза представляют собой в то же время сделки товаровладельца — продажу, обмен товара на деньги; куплю, обмен денег на товар, и единство этих двух актов: продажу ради купли.

Если ткач обратит свое внимание лишь на конечный результат торговой сделки, то окажется, что он обладает вместо холста библией, вместо своего первоначального товара другим товаром той же самой стоимости, но иной полезности. Аналогичным путем присваивает он себе и все другие необходимые ему жизненные средства и средства производства. С его точки зрения весь процесс лишь опосредствует обмен продукта его труда на продукт чужого труда, опосредствует обмен продуктов.

[65] «На огонь, — говорит Гераклит, — обменивается все, и огонь — на все, как на золото обмениваются товары и на товары обменивается золото» (*F. Lassalle.* «Die Philosophie Herakleitos des Dunkeln». Berlin, 1858, Bd. I, S. 222). В примечания к этому месту, стр. 224, примечание 3, Лассаль неправильно рассматривает деньги как простой знак стоимости.

Итак, процесс обмена товара совершается в виде следующей смены форм:

Товар —Деньги —Товар

Т — Д — Т

Со стороны своего вещественного содержания это движение представляет собой *Т — Т,* обмен товара на товар, обмен веществ общественного труда, обмен веществ, в конечном результате которого угасает и самый процесс.

Т — Д. Первый метаморфоз товара, или продажа. Переселение товарной стоимости из плоти товара в плоть денег есть, как я это назвал в другом месте[47], salto mortale товара. Если оно не удается, то оказывается обманутым в своих надеждах если не сам товар, то его владелец. Общественное разделение труда делает труд последнего столь же односторонним, сколь разносторонни его потребности. Именно поэтому его продукт служит для него лишь меновой стоимостью. Всеобщую, общественно значимую эквивалентную форму он получает лишь в деньгах, но деньги находятся в чужом кармане. Для того чтобы извлечь их оттуда, товар должен прежде всего представлять собой потребительную стоимость для владельца денег, т. е. затраченный на него труд должен быть затрачен в общественно полезной форме, или должен быть действительным звеном общественного разделения труда. Но разделение труда есть естественно выросший производственный организм, нити которого сотканы и ткутся далее за спиной товаропроизводителей. Товар может быть продуктом нового вида труда, который претендует на удовлетворение вновь возникшей потребности или на свой страх и риск желает еще только вызвать какую-либо потребность. Известная трудовая операция, бывшая еще вчера одной из многих функций одного и того же товаропроизводителя, сегодня, быть может, порывает эту связь, обособляется как нечто самостоятельное и именно поэтому посылает на рынок свой частичный продукт как самостоятельный товар. Общественные условия могут быть достаточно и недостаточно зрелыми для этого процесса обособления. Сегодня данный продукт удовлетворяет известной общественной потребности. Завтра он, быть может, будет вполне или отчасти вытеснен с своего места другим подобным ему продуктом. И если даже труд данного производителя товаров, например нашего ткача, есть патентованное звено общественного разделения труда, то это отнюдь еще не гарантирует, что как раз его 20 аршин холста будут иметь потребительную стоимость. Если общественная потребность в холсте, которая, как и все

прочее, имеет границы, уже удовлетворена конкурентами данного ткача, продукт нашего приятеля окажется избыточным, излишним, а следовательно, и бесполезным. Конечно, дареному коню в зубы не смотрят, но наш ткач явился на рынок вовсе не для того, чтобы делать подарки. Допустим, однако, что продукт его фактически имеет потребительную стоимость и, следовательно, деньги притягиваются данным товаром. Спрашивается, сколько же именно денег? Правда, ответ уже предвосхищен в цене товара, в показателе величины его стоимости. Мы оставляем здесь в стороне чисто субъективные ошибки в расчетах товаровладельца, которые тотчас же объективно исправляются рынком. Пусть производитель затратил на свой продукт лишь среднее общественно необходимое рабочее время. Следовательно, цена товара есть лишь денежное название овеществленного в нем количества общественного труда. Но без разрешения нашего ткача и за его спиной пришли в движение традиционные производственные условия ткачества холста. То, что вчера несомненно представляло рабочее время, общественно необходимое для производства аршина холста, сегодня перестало им быть, и владелец денег энергично демонстрирует нашему приятелю это обстоятельство, указывая ему на цены, назначенные различными его конкурентами. К его несчастью, на свете много ткачей. Допустим, наконец, что каждый имеющийся на рынке кусок холста заключает в себе лишь общественно необходимое рабочее время. Тем не менее общая сумма этих кусков может заключать в себе избыточно затраченное рабочее время. Если чрево рынка не в состоянии поглотить всего количества холста по нормальной цене 2 шилл. за аршин, то это доказывает, что слишком большая часть всего рабочего времени общества затрачена в форме тканья холста. Результат получается тот же, как если бы каждый отдельный ткач затратил на свой индивидуальный продукт более, чем общественно необходимое рабочее время. Здесь имеет силу поговорка: «Вместе пойман, вместе и повешен». Весь холст на рынке функционирует как один товар, каждый кусок его — только как соответственная часть этого одного товара. И в самом деле, стоимость каждого индивидуального аршина есть лишь материализация одного и того же общественно определенного количества однородного человеческого труда*.

* В письме к Н. Ф. Даниельсону (Николаю — ону) от 28 ноября 1878 г. Маркс предложил исправить эту фразу следующим образом: «И в самом деле, стоимость каждого индивидуального аршина есть лишь материализация некоторой части того общественного труда, который затрачен на все количество аршин». Аналогичная поправка сделана и в личном, экземпляре Маркса второго немецкого издания первого тома «Капитала», — правда, не рукой Маркса. *Ред.*

Как мы видим, товар любит деньги, но «the course of true love never does run smooth»[48]. Такой же стихийной случайностью, какой отличается качественная структура общественно-производственного организма, являющего свои membra disjecta [разрозненные члены][49] в системе разделения труда, отличается и его количественная структура. Наши товаровладельцы открывают, таким образом, что то самое разделение труда, которое делает их независимыми частными производителями, делает в то же время независимыми от них самих процесс общественного производства и их собственные отношения в этом процессе, что независимость лиц друг от друга дополняется системой всесторонней вещной зависимости.

Разделение труда превращает продукт труда в товар и делает поэтому необходимым его превращение в деньги. Оно в то же время превращает в дело случая, удастся ли это пресуществление. Но здесь мы должны рассмотреть явление в его чистом виде, следовательно должны предположить его нормальное течение. Впрочем, если этот процесс вообще совершается, т. е. если товар оказывается проданным, то всегда имеет место превращение формы, хотя в случаях ненормальных при этом превращении формы субстанция — величина стоимости — может быть урезана или повышена.

Для одного товаровладельца золото замещает его товар, для другого — товар замещает его золото. Чувственно воспринимаемое явление состоит в том, что товар и золото, 20 аршин холста и 2 ф. ст., перемещаются из рук в руки или с места на место, т. е. обмениваются друг на друга. Но на что обменивается товар? На всеобщую форму своей собственной стоимости. А золото? На особенный вид своей потребительной стоимости. Почему золото противостоит холсту в качестве денег? Потому что цена холста, 2 ф. ст., т. е. его денежное название, уже выражает его отношение к золоту как к деньгам. Первоначальная товарная форма сбрасывается путем отчуждения товара, следовательно — в тот момент, когда потребительная стоимость товара действительно притягивает к себе золото, лишь мысленно представленное в цене товара. Поэтому реализация цены, или только идеальной формы стоимости товара, есть, с другой стороны, реализация только идеальной потребительной стоимости денег, — превращение товара в деньги есть в то же время превращение денег в товар. Этот единый процесс является, таким образом, двусторонним: один его полюс — со стороны товаровладельца — продажа, противоположный полюс — со

стороны владельца денег — купля. Продажа есть купля, *Т — Д* есть в то же время *Д — Т*[66].

До сих пор мы знаем только одно экономическое отношение между людьми — отношение товаровладельцев, в котором товаровладельцы присваивают чужой продукт труда только путем отчуждения своего собственного. Следовательно, один товаровладелец может противостоять другому в качестве владельца денег лишь потому, что либо продукт его труда от природы обладает денежной формой, т. е. является денежным материалом, золотом и т. д., либо его собственный товар уже переменил кожу, сбросил с себя свою первоначальную потребительную форму. Чтобы функционировать в качестве денег, золото должно, конечно, вступить в каком-нибудь пункте на товарный рынок. Этот пункт находится в местах его добычи, — там, где оно как непосредственный продукт труда обменивается на другой продукт труда той же стоимости. Но, начиная с этого момента, оно непрерывно выражает в себе реализованные цены товаров[67]. Если оставить в стороне обмен золота на товар в местах добычи золота, то в руках каждого товаровладельца золото есть отделившийся образ его отчужденного товара, продукт продажи, или первого метаморфоза товара *Т — Д*[68]. Идеальными деньгами, или мерой стоимости, золото стало потому, что все товары измеряли в нем свои стоимости и таким образом сделали его мысленно представляемой противоположностью их потребительной формы, образом их стоимости. Реальными деньгами оно становится потому, что товары в процессе своего всестороннего отчуждения делают его действительно отделившейся от них и превращенной формой их потребительной стоимости, а следовательно, действительным образом их стоимости. Как образ стоимости, товар стирает с себя всякий след своей естественно выросшей потребительной стоимости, всякий след создавшего его особенного полезного труда, и превращается в однородную общественную материализацию лишенного различий человеческого труда. В деньгах нельзя разглядеть, какого сорта товар превратился в них. В своей денежной форме один товар выглядит совершенно так же, как и всякий другой. Деньги могут представлять собой навоз, хотя навоз отнюдь не деньги. Допустим, что те два золотых,

[66] «Всякая продажа есть в то же время купля» (Dr. *Quesnay.* «Dialogues sur le Commerce et les Travaux des Artisans». «Physiocrates», ed. Daire, partie I, Paris, 1846, p. 170), или, как говорит тот же Кенэ, «продавать — значит покупать»[50].

[67] «За цену одного товара можно заплатить только ценой другого товара» (*mercier de la Riviere.* «L'Ordre Naturel et Essentiel des Societies Politiques», «Physiocrates», ed. Daire, partie II, p. 554).

[68] «Чтобы иметь деньги, сначала надо продать» (там же, стр. 543).

за которые наш ткач отдал свой товар, являются превращенной формой квартера пшеницы. Продажа холста, *Т — Д,* есть в то же время купля его, *Д — Т.* Но в качестве продажи холста этот процесс открывает собой движение, заканчивающееся противоположностью этого акта, куплей библии; в качестве же купли холста тот же процесс заканчивает движение, начавшееся с противоположности этого акта — с продажи пшеницы. *Т — Д* (холст — деньги), первая фаза процесса *Т — Д — Т* (холст — деньги — библия), есть в то же время *Д — Т* (деньги — холст), т. е. последняя фаза другого процесса *Т — Д — Т* (пшеница — деньги — холст). Первый метаморфоз товара, его превращение из товарной формы в деньги, всегда является в то же время вторым противоположным метаморфозом какого-либо другого товара, обратным превращением последнего из денежной формы в товар[69)].

Д — Т. Второй, или заключительный, метаморфоз товара — купля. Так как деньги есть образ всех других товаров, отделившийся от них, или продукт их всеобщего отчуждения, то они представляют собой абсолютно отчуждаемый товар. Они читают все цены в обратном направлении и отражаются таким образом во всех товарных телах как в покорном материале для своего собственного превращения в товар. Вместе с тем цены, эти влюбленные взоры, бросаемые товарами на деньги, указывают последним границу их способности к перевоплощению, а именно их собственное количество. Так как товар, превращаясь в деньги, исчезает как таковой, то на деньгах не остается следов того, как именно они попали в руки владельца и что именно в них превратилось. Деньги non olet [не пахнут][51], каково бы ни было их происхождение. Если, с одной стороны, деньги представляют проданный товар, то, с другой стороны, они представляют товары, которые можно купить[70)].

Д — Т, т. е. купля, есть в то же время продажа, или *Т — Д;* следовательно, последний метаморфоз данного товара есть в то же время первый метаморфоз какого-либо другого товара. Для нашего ткача жизненный путь его товара заканчивается библией, в которую он превратил полученные им 2 фунта стерлингов. Но продавец библии превращает полученные от ткача 2 ф. ст. в водку. *Д — Т,* заключительная фаза процесса

[69)] Исключение составляет, как уже было упомянуто выше, производитель волота или серебра, который обменивает свой продукт без предварительной продажи его.

[70)] «Деньги в наших руках представляют вещи, которые мы можем пожелать купить, и в то же время вещи, которые мы продали за эти деньги» (*Mercier de la Riviere,* цит. соч., стр. 586).

Т — Д — Т (холст — деньги — библия), есть в то же время *Т — Д,* первая фаза *Т — Д — Т* (библия — деньги — водка). Так как производитель товара доставляет на рынок лишь односторонний продукт, он продает его обыкновенно значительными массами; между тем его разносторонние потребности заставляют его постоянно раздроблять реализованную цену, или вырученную денежную сумму, между многочисленными покупками. Одна продажа приводит, таким образом, ко многим актам купли различных товаров. Итак, заключительный метаморфоз одного товара образует сумму первых метаморфозов других товаров.

Если мы возьмем теперь метаморфоз какого-либо товара, например холста, в целом, то мы увидим прежде всего, что метаморфоз этот состоит из двух противоположных и дополняющих друг друга движений: *Т — Д* и *Д — Т.* Эти два противоположные превращения товара осуществляются в двух противоположных общественных актах товаровладельца и отражаются в двух противоположных экономических ролях этого последнего. Как агент продажи, он — продавец, как агент купли — покупатель. Но так как в каждом своем превращении товар существует одновременно в обеих своих формах — товарной и денежной, — которые лишь располагаются на противоположных полюсах, то одному и тому же товаровладельцу, поскольку он является продавцом, противостоит другой в качестве покупателя, а поскольку он является покупателем, ему противостоит другой в качестве продавца. Подобно тому как один и тот же товар последовательно совершает два противоположных превращения — из товара в деньги и из денег в товар, — точно так же один и тот же товаровладелец меняет роль продавца на роль покупателя. Следовательно, это не прочно фиксированные роли, а роли, постоянно переходящие в процессе товарного обращения от одного лица к другому.

Полный метаморфоз товара, в своей простейшей форме, предполагает четыре крайних точки и три personae dramatis [действующих лица]. Сначала товар противостоит деньгам как образу своей стоимости, который «по ту сторону», в чужом кармане, обладает своей вещноосязательной реальностью. Следовательно, товаровладельцу противостоит владелец денег. Как только товар превратился в деньги, они становятся его мимолетной эквивалентной формой, потребительная стоимость или содержание которой существует «по ею сторону», в других товарных телах. Деньги, конечный пункт первого превращения товара, представляют собой в то же время исходный пункт второго превращения. Следовательно, продавец в первом акте

процесса является покупателем во втором акте, где ему противостоит третий товаровладелец как продавец[71].

Две противоположно направленные фазы движения товарного метаморфоза образуют кругооборот: товарная форма, сбрасывание товарной формы, возвращение к товарной форме. Во всяком случае сам товар определяется здесь противоположным образом. У исходного пункта он является непотребительной стоимостью, у конечного пункта он — потребительная стоимость для своего владельца. Точно так же деньги сначала выступают как твердый кристалл стоимости, в который превращается товар, а затем расплываются в мимолетную эквивалентную форму товара.

Два метаморфоза, образующие полный кругооборот одного товара, представляют собой в то же время противоположные частичные метаморфозы двух других товаров. Один и тот же товар (холст) открывает ряд своих собственных метаморфозов и в то же самое время завершает полный метаморфоз другого товара (пшеницы). Во время своего первого превращения, в акте продажи, он выступает в обеих этих ролях своей собственной персоной. А превратившись в золотую куколку, в виде которой он сам проходит путь всякого товарного тела, он вместе с тем завершает первый метаморфоз некоторого третьего товара. Таким образом, кругооборот, описываемый рядом метаморфозов каждого товара, неразрывно сплетается с кругооборотами других товаров. Процесс в целом представляет собой обращение товаров.

Товарное обращение не только формально, но и по существу отлично от непосредственного обмена продуктами. В самом деле, присмотримся к только что описанному процессу. Ткач несомненно обменял холст на библию, собственный товар — на чужой. Но это явление существует как таковое только для него самого. Продавец библии, предпочитающий горячительный напиток холодной святости, вовсе не думал о том, что на его библию обменивается холст; равным образом ткач совершенно не подозревает, что на его холст обменена пшеница и т. д. Товар лица *B* замещает товар лица *A*, но *A* и *B* не обмениваются взаимно своими товарами. Фактически может случиться, что *A* и *B* покупают взаимно друг у друга, но такое случайное совпадение отнюдь не вытекает из общих условий обращения товаров. С одной стороны, мы видим здесь, как обмен товаров разрывает индивидуальные и локальные границы непосредственного обмена продуктами и развивает обмен веществ чело-

[71] «Итак, здесь имеется... четыре крайних точки и три контрагента, из которых один выступает два раза» *(Le Trosne*, цит. соч., стр. 909).

веческого труда. С другой стороны, здесь развивается целый круг общественных связей, которые находятся вне контроля действующих лиц и носят характер отношений, данных от природы. Ткач может продать холст лишь потому, что крестьянин уже продал пшеницу; любитель водки может продать библию лишь потому, что ткач продал холст; винокур может продать свой горячительный напиток лишь потому, что другой продал напиток живота вечного и т. д.

Вследствие этого процесс обращения не заканчивается, как непосредственный обмен продуктами, после того как потребительные стоимости поменялись местами и владельцами. Деньги не исчезают оттого, что они в конце выпадают из ряда метаморфозов данного товара. Они снова и снова осаждаются в тех пунктах процесса обращения, которые очищаются тем или другим товаром. Например, в общем метаморфозе холста: холст — деньги — библия, сначала холст выпадает из обращения, деньги заступают его место, затем библия выпадает из обращения, и деньги заступают ее место. Благодаря замещению одного товара другим к рукам третьего лица прилипает денежный товар[72)]. Обращение непрерывно источает из себя денежный пот.

Трудно представить себе что-либо более плоское, чем догмат, будто товарное обращение обязательно создает равновесие между куплями и продажами, так как каждая продажа есть в то же время купля, и vice versa [наоборот]. Если этим хотят сказать, что число действительно совершившихся продаж равно числу покупок, то это — бессодержательная тавтология. Однако этим догматом хотят доказать, что продавец приводит за собой на рынок своего покупателя. Купля и продажа представляют собой один и тот же акт как взаимоотношение двух полярно противоположных лиц — владельца денег и товаровладельца.) Но, как действия одного и того же лица, они образуют два полярно противоположных акта. Таким образом, тождество продажи и купли предполагает, что товар становится бесполезным, когда он, будучи брошен в алхимическую реторту обращения, не выходит из нее в виде денег, не продается товаровладельцем, а следовательно, не покупается владельцем денег.) Это тождество предполагает далее, что процесс обмена, если он удается, есть некоторая пауза, известный период в жизни товара, который может быть более или менее продолжительным. Так как первый метаморфоз товара есть одновременно продажа и купля, то этот частичный

[72)] *Примечание к 2 изданию*. Как ни бросается в глаза это явление, его в большинстве случаев не в состоянии заметить экономисты, особенно фритредер vulgaris.

процесс составляет в то же время самостоятельный процесс. У покупателя есть товар, у продавца есть деньги, т. е. товар, сохраняющий форму, способную к обращению независимо от того, рано или поздно он фактически снова выступит на рынке. Никто не может продать без того, чтобы кто-нибудь другой не купил. Но никто не обязан немедленно покупать только потому, что сам он что-то продал. Обращение товаров разрывает временные, пространственные и индивидуальные границы обмена продуктов именно благодаря тому, что непосредственная тождественность между отчуждением своего продукта труда и получением взамен него чужого расчленяется на два противоположных акта — продажи и купли. Если процессы, противостоящие друг другу в качестве совершенно самостоятельных, образуют известное внутреннее единство, то это как раз и означает, что их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противоположностей. Когда внешнее обособление внутренне несамостоятельных, т. е. дополняющих друг друга, процессов достигает определенного пункта, то единство их обнаруживается насильственно — в форме кризиса. Имманентная товару противоположность потребительной стоимости и стоимости, противоположность частного труда, который в то же время должен выразить себя в качестве труда непосредственно общественного, противоположность особенного и конкретного труда, который в то же время имеет значение лишь труда абстрактно всеобщего, противоположность персонификации вещей и овеществления лиц — это имманентное противоречие получает в противоположностях товарного метаморфоза развитые формы своего движения. Следовательно, уже эти формы заключают в себе возможность — однако только возможность — кризисов. Превращение этой возможности в действительность требует целой совокупности отношений, которые в рамках простого товарного обращения вовсе еще не существуют[73)].

[73)] Ср. мои замечания о Джемсе Милле: «К критике политической экономии». стр. 74—76 [см. настоящее издание, том 13, стр. 79—81]. Два пункта характерны здесь для метода экономической апологетики. Во-первых, отождествление обращения товаров и непосредственного обмена продуктов путем простого отвлечения от их различий. Во-вторых, попытка отрицать противоречия, присущие капиталистическому процессу производства; последнее достигается тем, что отношения между капиталистическими агентами производства сводятся к простым отношениям, вытекающим из товарного обращения. Между тем производство товаров и обращение товаров представляют собой явления, свойственные самым разнообразным способам производства, хотя объем и значение их далеко не одинаковы. Мы, следовательно, ровно ничего не знаем о differentia specitica [характерных особенностях] данных способов производства, не можем ничего сказать о них, если нам известны только общие им всем абстрактные категории товарного обращения. Нив одной науке, кроме политической экономии, не провозглашаются с такой претенциозностью элементарнейшие общие места. Например, Жан Батист Сэй берется судить о кризисах, зная только одно: что товар есть продукт.

Как посредник в процессе обращения товаров, деньги приобретают функцию средства обращения.

b) ОБРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ

Смена форм, в которой совершается вещественный обмен продуктами труда, *Т* — *Д* — Т, обусловливает, что одна и та же стоимость, образуя в качестве товара исходный пункт процесса, снова возвращается к этому же пункту в виде товара. Таким образом, это движение товаров представляет собой кругооборот. С другой стороны, эта же самая форма исключает кругооборот денег. Результатом ее является непрерывное удаление денег от их исходного пункта, а не возвращение к нему. До тех пор, пока товар в руках продавца сохраняется в своем превращенном виде, в виде денег, товар этот находится в стадии своего первого метаморфоза, т. е. он осуществил лишь первую половину своего обращения. Когда процесс — продажа ради купли — закончен, то деньги, в свою очередь, удалились из рук своего первоначального владельца. Правда, если ткач, купив библию, снова продаст холст, то и деньги опять вернутся в его руки. Но они вернутся не вследствие обращения первых 20 аршин холста, которое, напротив, удалило их из рук ткача в руки продавца библии. Деньги могут вернуться лишь благодаря тому, что новый товар возобновляет или повторяет все тот же процесс обращения, который заканчивается тем же результатом, как и первый. Следовательно, форма движения, непосредственно сообщаемая деньгам обращением товаров, представляет собой их постоянное удаление от исходного пункта, их переход из рук одного товаровладельца в руки другого, или их обращение (currency, cours de la monnaie).

Обращение денег есть постоянное монотонное повторение одного и того же процесса. Товар всегда находится на стороне продавца, деньги — всегда на стороне покупателя как покупательное средство. Они функционируют как покупательное средство, реализуя цену товара. Но, реализуя ее, деньги переносят товар из рук продавца в руки покупателя и в то же время удаляются сами из рук покупателя в руки продавца с тем, чтобы повторить тот же самый процесс с каким-либо другим товаром. Тот факт, что эта односторонняя форма движения денег возникает из двусторонней формы движения товара, остается замаскированным. Сама природа товарного обращения порождает как раз противоположную видимость. Первый метаморфоз товара по своему внешнему виду есть

не только движение денег, но и собственное движение самого товара; наоборот, второй метаморфоз товара представляется только как движение денег. В первой половине своего обращения товар меняется местом с деньгами. Вместе с тем товар как потребительная стоимость выпадает из сферы обращения и переходит в сферу потребления[74]. Его место заступает образ стоимости товара, или его денежная маска. Вторую половину обращения товар пробегает уже не в своем натуральном виде, а в своем золотом облачении. Таким образом, непрерывность движения свойственна только деньгам; и то самое движение, которое для товара распадается на два противоположных процесса, это самое движение как собственное движение денег, всегда представляет собой один и тот же процесс, в котором деньги меняются местами все с новыми и новыми товарами. Поэтому дело принимает такой вид, будто результат товарного обращения, замещение одного товара другим, порождается не превращением его собственных форм, а функцией денег как средства обращения, будто именно средства обращения приводят в движение товары, сами по себе неподвижные, переносят их из рук, где они являются непотребительными стоимостями, в руки, где они являются потребительными стоимостями, и притом всегда в направлении, противоположном собственному движению денег. Деньги постоянно удаляют товары из сферы обращения, становясь на их место в обращении и тем самым удаляясь от своего собственного исходного пункта. Поэтому, хотя в движении денег лишь выражается обращение товаров, с внешней стороны кажется наоборот, что обращение товаров есть лишь результат движения денег[75].

С другой стороны, деньгам присуща функция средства обращения лишь потому, что они представляют собой ставшую самостоятельной стоимость товаров. Их движение как средства обращения есть поэтому в действительности лишь движение собственной формы товара. Следовательно, последнее должно отражаться в обращении денег и видимым образом. Так, например, холст сначала превращает свою товарную форму в свою денежную форму. Второй полюс его первого метаморфоза *Т — Д,* т. е. форма денег, становится затем первым полюсом его последнего метаморфоза *Д — Т,* его обратного превра-

[74] Даже и в том случае, если товар все снова и снова продается, — явление, которое для нас пока еще не существует, — он с момента своей окончательной продажи переходит из сферы обращения в сферу потребления, чтобы послужить здесь жизненным средством или средством производства.

[75] «Они» (деньги) «не имеют другого движения, кроме того, которое сообщено им продуктами» (*Le Trosne*, цит. соч., стр. 885).

щения в библию. Но каждое из обоих этих превращений формы совершается путем обмена товара и денег, путем их взаимного перемещения. Одни и те же деньги притекают к продавцу как отчужденный образ товара и покидают его как абсолютно отчуждаемый образ товара. Они два раза меняются местами. Первый метаморфоз холста приносит эти деньги в карман ткача, второй — снова извлекает их оттуда. Таким образом, два противоположных изменения формы одного и того же товара отражаются в двукратном перемещении денег, совершающемся в обратном направлении.

Напротив, если имеют место только односторонние товарные метаморфозы — простые акты купли или продажи, все равно, — то одни и те же деньги лишь один раз меняют свое место. Их второе перемещение всегда выражает собой второй метаморфоз товара, его обратное превращение из денег. В частом повторении перемещений одних и тех же денег отражается не только ряд метаморфозов отдельного товара, но переплетение бесчисленных метаморфозов всего товарного мира в целом. Впрочем, само собой понятно, что все это относится лишь к рассматриваемой здесь форме простого товарного обращения.

Каждый товар при первом своем шаге в процессе обращения, при первой же смене своей формы, выпадает из сферы обращения, в которую на его место постоянно вступает новый товар. Наоборот, деньги как средство обращения постоянно пребывают в сфере обращения, постоянно рыщут в ней. Отсюда возникает вопрос, сколько денег может непрерывно поглощать эта сфера.

В каждой стране ежедневно совершаются многочисленные, одновременные и, следовательно, пространственно сосуществующие односторонние метаморфозы товаров, или, другими словами, только продажи с одной стороны, только купли — с другой. В своих ценах товары уже приравнены определенным мысленно представляемым количествам денег. Так как рассмотренная здесь непосредственная форма обращения всегда телесно противопоставляет друг другу товар и деньги — первый на полюсе продажи, вторые на противоположном полюсе купли, — то масса средств обращения, необходимых для процесса обращения товаров, уже определена суммой цен последних. В самом деле, деньги лишь представляют собой реально ту сумму золота, которая идеально уже выражена в сумме цен товаров. Следовательно, равенство этих сумм очевидно само собой. Мы знаем, однако, что при неизменной стоимости товаров цены их изменяются с изменением стоимости самого золота (денежного материала): пропорционально

повышаются, если последняя падает, и, наоборот, падают, если последняя повышается. Вместе с таким повышением или понижением суммы цен товаров должна в той же пропорции увеличиваться или уменьшаться масса обращающихся денег. Во всяком случае причиной изменения массы средств обращения являются здесь сами деньги, но не в своей функции средства обращения, а в своей функции меры стоимости. Сначала цена товаров изменяется в обратном отношении к изменению стоимости денег, и затем масса средств обращения изменяется в прямом отношении к изменению цены товаров. Совершенно то же явление имело бы место, если бы, например, не стоимость золота понизилась, а серебро заместило бы его в качестве меры стоимости, или, наоборот, если бы не стоимость серебра повысилась, а золото вытеснило бы серебро из функции меры стоимости. В первом случае должно было бы обращаться серебра больше, чем раньше обращалось золота, во втором — меньше золота, чем раньше обращалось серебра. В обоих случаях изменилась бы стоимость денежного материала, т. е. товара, функционирующего как мера стоимостей, а потому изменилось бы также выражение товарных стоимостей в ценах, а следовательно, — масса обращающихся денег, которые служат для реализации этих цен. Мы уже видели, что сфера обращения товаров имеет прореху, через которую туда проникает золото (серебро и вообще денежный материал) в качестве товара данной стоимости. Наличие этой стоимости предполагается уже при функционировании денег в качестве, меры стоимости, т. е. при определении цен. Например, если понижается стоимость самой меры стоимости, то это прежде всего проявляется в изменении цены тех товаров, которые обмениваются на благородный металл как на товар непосредственно в местах добычи последнего. Однако значительная часть других товаров, в особенности на низших ступенях развития буржуазного общества, долгое время продолжает оцениваться в ставшей иллюзорной, устаревшей стоимости меры стоимости. Но по мере того как товары вступают в стоимостные отношения друг с другом, один товар заражает другой, и золотые или серебряные цены товаров мало-помалу выравниваются в соответствии с пропорциями, которые определяются самими стоимостями товаров, пока, наконец, все товарные стоимости не будут оцениваться соответственно новой стоимости денежного металла. Этот процесс выравнивания сопровождается непрерывным ростом количества благородных металлов, притекающих взамен непосредственно обмениваемых на них товаров. Поэтому в той самой мере, в какой среди товаров распространяются эти новые, исправ-

ленные цены, или в какой стоимости товаров оцениваются в новой, упавшей и продолжающей до известного пункта падать стоимости металла, в такой же мере уже имеется в наличии добавочная масса благородного металла, необходимая для реализации этих новых цен. Одностороннее наблюдение фактов, последовавших за открытием новых месторождений золота и серебра, привело в XVII и в особенности в XVIII столетии к неверному выводу, будто товарные цены возросли потому, что большее количество золота и серебра стало функционировать в качестве средства обращения. В дальнейшем мы будем принимать стоимость золота за величину данную, каковой она и является фактически в момент установления цен.

Итак, при этом предположении масса средств обращения определяется суммой товарных цен, подлежащих реализации. Если мы допустим далее, что цена каждого товарного вида дана, то сумма цен товаров будет, очевидно, зависеть от количества товаров, находящихся в обращении. В самом деле, не требуется особенно ломать голову для того, чтобы понять, что раз 1 квартер пшеницы стоит 2 ф. ст., то 100 квартеров будут стоить 200 ф. ст., 200 квартеров — 400 ф. ст. и т. д., а следовательно, с массой пшеницы должна возрастать и масса тех денег, которые при ее продаже обмениваются с ней местом.

Если мы предположим, что масса товаров дана, то масса находящихся в обращении денег будет увеличиваться и уменьшаться вместе с колебаниями товарных цен. Она растет и падает в зависимости от того, повышается или понижается сумма цен товаров вследствие изменения величины цен. При этом необязательно должны одновременно повышаться или понижаться цены всех товаров. Повышения цен известного числа ведущих товаров в одном случае, понижения их цен в другом случае достаточно для того, чтобы заметно повысить или понизить подлежащую реализации сумму цен всех обращающихся товаров, а следовательно, и для того, чтобы привлечь в сферу обращения больше или меньше денег. Отражает ли изменение цен товаров действительное изменение стоимости их или представляет собой просто колебание рыночных цен, влияние на массу средств обращения в обоих случаях одинаково.

Пусть дано известное число не связанных между собой, одновременных и, следовательно, пространственно сосуществующих продаж, или частичных метаморфозов, например 1 квартера пшеницы, 20 аршин холста, 1 библии, 4 галлонов водки. Если цена каждого из этих товаров 2 ф. ст., следовательно, подлежащая реализации сумма цен 8 ф. ст., то

в обращение должна вступить масса денег, равная 8 фунтам стерлингов. Но если те же самые товары образуют звенья исследованного нами выше ряда метаморфозов: 1 квартер пшеницы — 2 ф. ст. — 20 аршин холста — 2 ф. ст. — 1 библия — 2 ф. ст. — 4 галлона водки — 2 ф. ст., то одни и те же 2 ф. ст. приводят в обращение все эти товары один за другим, последовательно реализуя их цены, — следовательно, эти 2 ф. ст. реализуют сумму цен в 8 ф. ст. с тем, чтобы опочить в заключение в руках винокура. Они совершают четыре оборота. Это повторное перемещение одних и тех же денег выражает двойное изменение формы товара, его движение через две противоположные стадии обращения и в то же время сплетение метаморфозов различных товаров[76)]. Противоположные и дополняющие одна другую фазы этого процесса не могут совершаться рядом в пространстве, но должны следовать друг за другом во времени. Определенные промежутки времени образуют поэтому меру их продолжительности, т. е. числом оборотов одних и тех же денежных единиц за данное время измеряется быстрота обращения денег. Пусть процесс обращения указанных выше четырех товаров продолжался, например, один день. Тогда подлежащая реализации сумма цен составит 8 ф. ст., число оборотов одних и тех же денежных единиц за день — 4 и масса обращающихся денег — 2 фунта стерлингов. Таким образом, для процесса обращения за данный промежуток времени:

$$\frac{\text{сумма цен товаров}}{\text{число оборотов одноименных денежных единиц}} = \text{массе денег,}$$

функционирующих в качестве средств обращения. Этот закон имеет всеобщее значение. За данный промежуток времени процесс обращения каждой страны охватывает, с одной стороны, множество разрозненных, одновременных, пространственно рядом совершающихся актов продажи (соответственно купли), или частичных метаморфозов, в которых одни и те же деньги лишь один раз меняют место, или совершают лишь один оборот; с другой стороны, тот же самый процесс охватывает совокупность многих, частью параллельных, частью переплетающихся между собой, более или менее богатых звеньями рядов метаморфозов, в которых одни и те же деньги совершают более или менее значительное число оборотов. Общее число оборотов

[76)] «Именно продукты приводят их» (деньги) «в движение и заставляют обращаться... Быстрота их» (денег) «движения заменяет их количество. Когда в них обнаруживается надобность, они переходят из рук в руки, не останавливаясь ни на минуту» (*Le Trosne,* цит. соч., стр. 915, 916).

всех находящихся в обращении одноименных денежных единиц дает, однако, среднее число оборотов отдельной единицы, или среднюю скорость обращения денег. Масса денег, которая в начале, например, дневного процесса обращения вступает в него, определяется, конечно, суммой цен товаров, обращающихся одновременно и пространственно рядом друг с другом. Но в пределах процесса каждая денежная единица становится, так сказать, ответственной за остальные. Если одна из них ускоряет быстроту своего обращения, то тем самым она замедляет быстроту обращения другой, причем последняя может даже совсем вылететь из сферы обращения, так как эта сфера в состоянии поглотить лишь такую массу золота, которая, будучи помножена на среднее число оборотов ее отдельных элементов, равна сумме цен, подлежащих реализации. Поэтому, если растет число оборотов денег, то масса денег, находящаяся в обращении, уменьшается. Если уменьшается число их оборотов, то масса их растет. Так как при данной средней быстроте обращения масса денег, которая может функционировать как средство обращения, дана, то стоит бросить в обращение определенное количество банкнот, например однофунтового достоинства, чтобы извлечь из него ровно столько же золотых соверенов, — фокус, хорошо известный всем банкам.

Если в обращении денег вообще проявляется только процесс обращения товаров, т. е. их кругооборот путем противоположных метаморфозов, то в скорости обращения денег проявляется скорость смены форм товаров, непрерывное переплетение одного ряда метаморфозов с другими, стремительность этого обмена веществ, быстрое исчезновение товаров из сферы обращения и столь же быстрая замена их новыми товарами. В быстроте денежного обращения проявляется, таким образом, текучее единство противоположных и взаимно дополняющих друг друга фаз — превращение потребительной формы товара в образ стоимости и обратное превращение образа стоимости в потребительную форму, т. е. единство обоих процессов: продажи и купли. Наоборот, в замедлении денежного обращения сказывается разделение и обособление этих процессов в виде двух противоположных полюсов, т. е. приостановка превращения форм, а следовательно, и обмена веществ. Из обращения самого по себе, конечно, нельзя усмотреть, откуда возникает эта приостановка. Обращение лишь обнаруживает самое наличие этого явления. Согласно обыденному воззрению, тот факт, что с замедлением денежного обращения деньги начинают все реже появляться и исчезать во всех пунктах

периферии обращения, объясняется недостаточным количеством средств обращения[77)].

Таким образом, общее количество денег, функционирующих в течение каждого данного отрезка времени в качестве средств обращения, определяется, с одной стороны, суммой цен всех обращающихся товаров, а с другой стороны, большей или меньшей быстротой противоположно направленных процессов товарного обращения, от чего зависит, какая часть общей суммы цен может быть реализована при помощи одной и той же денежной единицы. Но сама эта сумма цен товаров зависит как от массы, так и от цены каждого отдельного вида товаров. Эти три фактора: движение цен, масса обращающихся товаров и быстрота обращения денег, могут изменяться в различных направлениях и в различных пропорциях; поэтому подлежащая реализации сумма цен, а следовательно, и обусловленная ею масса средств обращения могут также претерпевать многочисленные комбинации. Здесь мы отметим лишь комбинации, которые играют наиболее важную роль в истории товарных цен.

При неизменных товарных ценах масса средств обращения может расти, если увеличивается масса обращающихся товаров или уменьшается быстрота обращения денег или оба эти обстоятельства действуют совместно. Наоборот, масса средств

[77)] «Так как деньги... служат всеобщей мерой для купли и продажи, то всякий, кто имеет что-либо для продажи, но не находит покупателя, склонен думать, что недостаток денег в стране есть причина, вследствие которой он не может сбыть своих товаров; и вот повсюду раздаются жалобы на недостаток денег. Но это большая ошибка... Что нужно тем людям, которые, жалуются на недостаток денег?.. Фермер жалуется... он думает, что если бы в стране было больше денег, он мог бы продать свои продукты по хорошим ценам. Следовательно, не деньги нужны ему, а хорошая цена за его хлеб и скот, которые ему хотелось бы, но не удается продать... А почему ему не удается получить за них хорошую цену?.. 1) Либо потому, что в стране имеется слишком много хлеба и скота, так что большинство из тех людей, которые приходят на рынок, нуждается, подобно ему самому, в том, чтобы продать эти продукты, и только немногие нуждаются в том, чтобы купить их. 2) Либо потому, что сократился обычный вывоз этих продуктов за границу... 3) Либо потому, что сокращается потребление, как это бывает, когда люди из-за бедности тратят на жизнь меньше прежнего. Следовательно, не увеличение количества звонкой монеты способно помочь фермеру сбыть его товары, а устранение этих трех причин, которые в действительности вызывают спад на рынке. В таком же точно смысле нуждаются в деньгах купец и лавочник, а именно — они нуждаются в том, чтобы продать те товары, которыми они торгуют, и это — в результате падения спроса на рынке. Нация лучше всего процветает тогда, когда богатства непрерывно переходят из рук в руки» (Sir *Dudley North.* «Discourses upon Trade». London, 1691, p. 11—15 passim). Все шарлатанские изобретения Херреншванда сводятся к тому, будто бы противоречия, порождаемые самой природой товара и потому проявляющиеся в обращении товаров, могут быть устранены путем увеличения количества средств обращения. Но если объяснение приостановок в процессе производства и обращения недостатком средств обращения есть только популярная иллюзия, то это не означает, что действительный недостаток в средствах обращения, вследствие, например, официальных махинаций в области «regulation of currency» [«регулирования средств обращения»], не может, с своей стороны, вызвать приостановку.

обращения может уменьшаться, если уменьшается масса товаров или возрастает скорость обращения.

При всеобщем повышении товарных цен масса средств обращения может остаться неизменной, если масса обращающихся товаров уменьшается в том же самом отношении, в каком возрастает их цена, или быстрота обращения денег увеличивается пропорционально возрастанию цен, причем масса обращающихся товаров остается постоянной. Масса средств обращения может уменьшаться, если масса товаров уменьшается или быстрота обращения увеличивается скорее, чем цены.

При общем понижении товарных цен масса средств обращения может оставаться неизменной, если масса товаров увеличивается в том же самом отношении, в каком падает их цена, или если быстрота обращения денег уменьшается в том же самом отношении, как цены. Масса средств обращения может расти, если товарная масса растет или скорость обращения уменьшается быстрее, чем падают товарные цены.

Вариации различных факторов могут взаимно компенсировать друг друга таким образом, что, несмотря на их постоянную изменчивость, общая сумма товарных цен, подлежащих реализации, остается постоянной, а потому остается постоянной и обращающаяся масса денег. Поэтому, особенно при рассмотрении сравнительно продолжительных периодов, масса денег, обращающихся в каждой данной стране, обнаруживает гораздо более постоянный средний уровень и гораздо менее значительные отклонения от этого среднего уровня, чем можно было бы ожидать с первого взгляда; исключение составляют периоды сильных потрясений, которые вызываются промышленными и торговыми кризисами, реже изменениями в стоимости самих денег.

Закон, согласно которому количество средств обращения определяется суммой цен обращающихся товаров и средней скоростью обращения денег[78)], может быть выражен еще

[78)] «Для торговли нации деньги требуются в определенном количестве или пропорции: большее или меньшее по сравнению с этим количество денег повредило бы торговле. Совершенно так же, как в мелкой розничной торговле необходимо определенное количество фартингов, чтобы разменять серебряную монету или произвести такие платежи, которые не могут быть выполнены даже при помощи самых мелких серебряных монет... И подобно тому как число фартингов, потребных для торговли, определяется численностью населения, частотой совершаемых им меновых сделок и, главным образом, стоимостью наименьшей серебряной монеты, так и количество денег» (золотых и серебряных), «потребных для торговли, определяется частотой меновых актов и размерами платежей» *(William Petty.* «A Treatise of Taxes and Contributions». London, 1667, p. 17). Теорию Юма защищал против Дж. Стюарта и др. А. Юнг в его «Political Arithmetic», London, 1774, где ей посвящена особая глава: «Цены зависят от количества денег», стр. 112 и сл. В моей работе «К критике политической экономии»,

следующим образом: при данной сумме стоимостей товаров и данной средней скорости их метаморфозов количество обращающихся денег или денежного материала зависит от собственной стоимости последнего. Иллюзия, будто бы дело происходит как раз наоборот, будто товарные цены определяются массой средств обращения, а эта последняя определяется, в свою очередь, массой находящегося в данной стране денежного материала[79], коренится у ее первых представителей в той нелепой гипотезе, что товары вступают в процесс обращения без цены, а деньги без стоимости, и затем в этом процессе известная часть товарной мешанины обменивается на соответственную часть металлической груды[80].

стр. 149 [см. настоящее издание, том 13, стр. 149], я делаю следующее замечание: «Вопрос о количестве находящихся в обращении монет он (А. Смит) молчаливо устраняет, рассматривая деньги совершенно ложно как простой товар». Это относится лишь к тем местам работы А. Смита, где он рассматривает деньги ex officio [специально]. В некоторых отдельных случаях, например критикуя прежние системы политической экономии, он высказывает правильный взгляд: «Количество звонкой монеты в каждой стране определяется стоимостью товаров, обращающихся в ней... Стоимость товаров, покупаемых и продаваемых в течение года в данной стране, требует определенного количества денег для обращения их и распределения среди соответствующих потребителей и не может дать применения добавочному количеству денег. Каналы обращения необходимо вбирают в себя сумму, достаточную для наполнения их, и никогда не вмещают сверх того» («Wealth of Nations», b. IV, ch. I). Подобным же образом А. Смит начинает свой труд ex officio апофеозом разделения труда, а в последней книге об источниках государственного дохода, где он рассматривает вопрос о разделении труда лишь мимоходом, он воспроизводит осуждение разделения труда, принадлежащее его учителю А. Фергюсону.

[79] «Цены товаров каждой нации должны, конечно, возрастать, по мере того как увеличивается количество золота и серебра, обращающегося среди народа; следовательно, если количество золота и серебра, которым располагает данная нация, уменьшается, то цены должны падать пропорционально такому уменьшению количества денег» (*Jacob Vanderlint.* «Money answers all Things». London, 1734, p. 5). Более близкое сопоставление работы Вандерлинта и «Essays» Юма не оставило у меня никакого сомнения, что Юм знал и использовал этот в общем весьма значительный труд Вандерлинта. Взгляд, будто масса средств обращения определяет собой цены, встречается также и у Барбона и еще более ранних авторов. «Никакого неудобства», — говорит Вандерлинт, — «не может возникнуть от неограниченной торговли, а только — большие преимущества, ибо если денежная наличность какой-либо нации будет под влиянием свободы торговли понижаться, что имеется в виду предотвратить путем запретов, то у тех наций, к которым отливают деньги, неизбежно должны возрастать все цены, так как увеличивается масса денег. А предметы нашего мануфактурного производства и всякие иные товары скоро настолько падут в цене, что торговый баланс обратится в нашу пользу и таким образом деньги устремятся обратно» (цит. соч., стр. 43, 44).

[80] Само собой очевидно, что цена каждого отдельного вида товаров образует элемент суммы цен всех обращающихся товаров. Но совершенно непостижимо, каким образом несоизмеримые друг с другом потребительные стоимости могут в своей общей массе обмениваться на массу золота и серебра, находящуюся в данной стране. Если в смелом полете фантазии принять мир товаров за один-единственный совокупный товар, соответственной частью которого является каждый отдельный товар, то мы получим занятное уравнение: совокупный товар = x центнеров золота, товар A = известной части совокупного товара = такой же части x центнеров золота. Это буквально и говорит Монтескьё: «Если мы противопоставим всей массе имеющегося в мире золота и серебра сумму всех имеющихся в мире товаров, для нас станет ясно, что каждому из этих продуктов или товаров соответствует известная доля всей массы золота и серебра... Предположим, что на свете существует лишь один-единственный вид продуктов или товара, или что существует только один вид, который продается, и что он

c) МОНЕТА. ЗНАК СТОИМОСТИ

Из функции денег как средства обращения возникает их монетная форма. Весовая часть золота, мысленно представленная в цене, или денежном названии товаров, должна противостать последним в процессе обращения как одноименный кусок золота, или монета. Как и установление масштаба цен, чеканка монет попадает в руки государства. В тех различных национальных мундирах, которые носят на себе золото и серебро в качестве монет и которые они снова снимают, появляясь на мировом рынке, обнаруживается разделение между внутренней, или национальной, сферой товарного обращения и всеобщей сферой мирового рынка.

Следовательно, золотая монета и золото в слитках различаются между собой только по внешности, и золото постоянно может быть превращено из одной формы в другую[81)]. Путь,

---

делим, как деньги. Определенная часть этого товара будет соответствовать определенной части всей массы денег: половина всего товара — половине всех денег и т. д... установление цен на вещи всегда в основе своей зависит от отношения между совокупностью вещей и совокупностью знаков» *(Montesquieu,* цит. соч., т. III, стр. 12, 13). Относительно дальнейшего развития этой теории у Рикардо и его учеников Джемса Милля, лорда Оверстона и других см. «К критике политической экономии», стр. 140—146 и стр. 150 и сл. [см. настоящее издание, том 13, стр. 140—146, 149 и сл.]. — Г-н Джон Стюарт Милль со свойственной ему эклектической логикой ухитряется придерживаться одновременно и взглядов своего отца Джемса Милля и прямо противоположных. Если сравнить, например, текст его руководства: «Principles of Political Economy» с предисловием (к 1-му изданию), где он сам говорит о себе как о современном А. Смите, то не знаешь, чему больше удивляться — наивности ли этого человека или наивности публики, которая на веру приняла его за А. Смита, хотя между ним и последним приблизительно такое же соотношение, как между генералом Уильямсом Карсом Карсским и герцогом Веллингтоном. Собственные исследования г-на Джона Стюарта Милля в области политической экономии, не отличающиеся ни обширностью, ни содержательностью, все целиком уместились в его появившейся в 1844 г. брошюрке: «Some Unsettled Questions of Political Economy». Локк прямо говорит, что отсутствие стоимости у золота и серебра находится в связи с тем, что их стоимость определяется их количеством. «Люди согласились придавать золоту и серебру воображаемую стоимость... внутренняя стоимость этих металлов есть не что иное, как количество» («Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, 1691». Works, ed. 1777, vol. II, p. 15).

[81)] Само собой разумеется, в мою задачу совсем не входит рассмотрение таких подробностей, как монетная пошлина и т. п. Что касается романтического сикофанта Адама Мюллера, который восхищается «великодушной щедростью» английского правительства, «даром» чеканящего монету[52], то ему достаточно противопоставить следующие слова сэра Дадли Норса: «Серебро и золото, подобно другим товарам, имеют свои приливы и отливы. После получения известного количества серебра из Испании . оно отсылается в Тауэр и там чеканится. Вскоре после этого может обнаружиться новый спрос на золото или серебро в слитках для вывоза. Если металла в слитках не окажется, так как весь он употреблен на чеканку монеты, что тогда предпринять? Очевидно, снова переплавить монету; от этого убытка не будет, — ведь чеканка ничего не стоит владельцам металла. Только нация остается в накладе и должна бросать свои деньги на ветер. Если бы купцу» (Норс сам был одним из крупнейших купцов времен Карла II) «приходилось уплачивать пошлину за чеканку, он не стал бы без серьезных оснований посылать свое серебро в Тауэр, и чеканенная монета в этом случае имела бы несомненно более высокую стоимость, чем серебро в слитках» *(North,* цит. соч., стр. 18).

на который вступает золото, выйдя из монетного двора, ведет его, в конце концов, к плавильному тиглю. А именно, в обращении золотые монеты стираются, одна больше, другая меньше. Название золотой монеты и количество ее золотой субстанции, ее номинальное и ее реальное содержание начинают мало-помалу расходиться. Одноименные золотые монеты приобретают различную стоимость, так как они имеют теперь различный вес. Золото как средство обращения отклоняется от золота как масштаба цен и вместе с тем перестает быть действительным эквивалентом товаров, цены которых оно реализует. История этой неразберихи составляет главное содержание истории монетного дела в течение средних веков и нового времени вплоть до XVIII столетия. Естественная тенденция процесса обращения, стремящаяся превратить золотое бытие монеты в видимость золота, т. е. сделать из монеты лишь символ ее официального металлического содержания, признана даже самым современным законодательством: последнее определяет ту степень потери металла, которая делает золотую монету негодной к обращению, т. е. демонетизирует.

Если само обращение денег отделяет реальное содержание монеты от номинального содержания, отделяет ее металлическое бытие от ее функционального бытия, то в нем уже скрыта возможность заместить металлические деньги в их функции монеты знаками из другого материала или простыми символами. Роль серебряных и медных знаков в качестве заместителей золотой монеты объясняется исторически, с одной стороны, техническими трудностями чеканить совершенно ничтожные весовые количества золота или серебра и, с другой стороны, тем обстоятельством, что низшие металлы раньше высших — серебро раньше золота, медь раньше серебра — служили мерой стоимости и, следовательно, уже обращались в качестве денег в тот момент, когда более благородный металл низверг их с трона. Они замещают золото в тех областях товарного обращения, где монета циркулирует наиболее быстро, а следовательно, наиболее быстро снашивается, т. е. там, где акты купли и продажи постоянно возобновляются в самом мелком масштабе. Чтобы помешать этим спутникам золота утвердиться на месте самого золота, законом устанавливаются очень низкие размеры платежей, в границах которых прием их взамен золота является обязательным. Те особые сферы, в которых обращаются различные сорта монет, конечно, переплетаются между собой. Разменная монета появляется наряду с золотом для выплаты дробных частей самой мелкой из золотых монет; золото постоянно вступает в розничное обращение и столь же

постоянно выбрасывается оттуда путем размена на мелкую монету[82)].

Металлическое содержание серебряных и медных знаков произвольно определяется законом. В обращении они снашиваются еще быстрее, чем золотая монета. Их монетная функция становится поэтому фактически совершенно не зависимой от их веса, т. е. от всякой стоимости. Монетное бытие золота окончательно отделяется от его стоимостной субстанции. Благодаря этому вещи, относительно не имеющие никакой стоимости, — бумажки, получают возможность функционировать вместо золота в качестве монеты. В металлических денежных знаках их чисто символический характер еще до известной степени скрыт. В бумажных деньгах он выступает с полной очевидностью. Как видим, ce n'est que le premier pas qui coute [труден лишь первый шаг].

Мы имеем здесь в виду лишь государственные бумажные деньги с принудительным курсом. Они вырастают непосредственно из металлического обращения. Наоборот, кредитные деньги предполагают условия, которые нам, пока мы остаемся в пределах простого товарного обращения, еще совершенно неизвестны. Только мимоходом отметим, что, подобно тому как бумажные деньги в собственном смысле этого слова возникают из функции денег как средства обращения, естественный корень кредитных денег составляет функция денег как средства платежа[83)].

[82)] «Если серебра имеется всегда лишь столько, сколько необходимо для мелких платежей, то оно никогда не может быть накоплено в количествах, достаточных для более крупных платежей... Применение золота в крупных платежах неизбежно приводит также к его применению в розничной торговле: те, у кого есть золотая монета, ею оплачивают мелкие покупки и получают вместе с купленным товаром сдачу серебром; таким путем тот избыток серебра, который в противном случае накопился бы у розничного торговца, извлекается у него и рассеивается в общем обращении. Но если бы серебра имелось всегда достаточно для того, чтобы реализовать мелкие покупки, не прибегая к золоту, то розничный торговец получал бы за мелкие покупки исключительно серебро, и последнее неизбежно стало бы накопляться в его руках» (*David Buchanan.* «Inquiry into the Taxation and Commercial Policy of Great Britain». Edinburgh, 1844, p. 248, 249).

[83)] Мандарин финансов Ван Мао-Ин позволил себе представить сыну неба проект, который в замаскированной форме преследовал цель превратить китайские государственные ассигнации в разменные банкноты. В отчете ассигнационного комитета за апрель 1854 г. он получает за это надлежащую головомойку. Получил ли он соответственное количество ударов бамбуковой палкой, не сообщается. «Комитет», — говорится в заключение отчета, — «внимательно взвесил его проект и нашел, что все в нем направлено к выгоде купцов и ничто не обещает выгод короне» («Arbeiten der Kaiserlich Russischen Gesandtschaft zu Peking uber China». Aus dem Russischen von Dr. K. Abel und P. A. Mecklenburg. Erster Band. Berlin, 1858, S. 47 sq.). О постоянной потере металла золотыми монетами вследствие обращения один из директоров Английского банка заявил в своих свидетельских показаниях перед комиссией палаты лордов (по вопросу о «банковских актах») следующее: «Каждый год становится слишком легковесной новая группа соверенов» (имеются в виду не политические суверены, а «sovereign» — название фунта стерлингов[53]). «Те из них, которые обращались в течение года как полновесные, успевают достаточно потерять за это время ввиду снашивания, чтобы в будущем голу склонить чашу весов против себя» (House of Lords' Committee 1848, №429).

Бумажки, на которых напечатаны их денежные названия, как, например, 1 ф. ст., 5 фунтов стерлингов и т. д., бросаются в процесс обращения извне государством. Поскольку они действительно обращаются вместо одноименных сумм золота, они отражают в своем движении лишь законы самого денежного обращения. Специфический закон обращения бумажных денег может возникнуть лишь из отношения их к золоту, лишь из того, что они являются представителями последнего. И закон этот сводится просто к тому, что выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото (или серебро). Правда, количество золота, которое может быть поглощено сферой обращения, постоянно колеблется, то поднимаясь выше, то опускаясь ниже известного среднего уровня. Однако масса средств обращения данной страны никогда не падает ниже определенного минимума, который может быть установлен эмпирически. То обстоятельство, что эта минимальная масса непрерывно изменяет свои составные части, т. е. составляется каждый раз все из других частиц золота, конечно, нисколько не влияет на ее размеры и на ее постоянное пребывание в сфере обращения. Поэтому она может быть замещена бумажными символами. Но если мы сегодня наполним бумажными деньгами все каналы обращения до степени их полного насыщения, то завтра вследствие каких-либо колебаний в товарном обращении они могут оказаться переполненными. Всякая мера утрачивается. Но если бумажки преступили свою меру, т. е. то количество одноименных золотых монет, которое действительно могло бы находиться в обращении, то, не говоря уже об опасности их общей дискредитации, они теперь являются в товарном мире лишь представителями того количества золота, которое вообще может быть ими представлено, т. е. количества, определяемого имманентными законами товарного мира. Если, например, данная масса бумажек представляет по своему названию 2 унции золота, а реально замещает 1 унцию, то фактически 1 ф. ст. становится денежным названием, скажем, $^{1}/_{8}$ унции вместо прежней $^{1}/_{4}$ унции золота. Результат получится тот же самый. как если бы золото претерпело изменение в своей функции меры цен. Те самые стоимости, которые раньше выражались в цене, равной 1 ф. ст., выражаются теперь в цене, равной 2 фунтам стерлингов.

Бумажные деньги являются знаками золота, или знаками денег. Их отношение к товарным стоимостям состоит в том, что последние идеально выражаются в тех самых количествах золота, которые получают в бумажках чувственно воспринимаемое символическое выражение. Бумажные деньги лишь постольку знаки стоимости, поскольку они являются представителями известных количеств золота, а количество золота, как и всякие другие количества товаров, есть в то же время количество стоимости[84].

Спрашивается, наконец, почему же золото может быть замещено не имеющими никакой собственной стоимости знаками его самого? Однако, как мы видели, оно может быть замещено лишь постольку, поскольку в своей функции монеты, или средства обращения, оно изолируется, приобретает самостоятельность. Правда, обособление этой функции не имеет места по отношению к отдельным золотым монетам, хотя оно и проявляется в том, что стершиеся монеты продолжают оставаться в обращении. Куски золота остаются только монетами, или только средством обращения, лишь до тех пор, пока они действительно находятся в обращении. Но то, что неприменимо к отдельным золотым монетам, применимо к той минимальной массе золота, которая может быть замещена бумажными деньгами. Эта масса постоянно находится в сфере обращения, непрерывно функционирует как средство обращения и потому существует исключительно как носитель этой функции. Следовательно, ее движение представляет лишь постоянное превращение друг в друга противоположных процессов товарного метаморфоза *Т — Д — Т*, в котором товару противопоставляется образ его стоимости лишь для того, чтобы сейчас же снова исчезнуть. Самостоятельное выражение меновой стоимости товара является здесь лишь преходящим моментом. Оно немедленно замещается другим товаром. Поэтому в процессе, в котором деньги переходят из одних рук в другие,

[84] *Примечание к 2 изданию.* Насколько смутно понимают различные функции денег даже лучшие авторы по вопросу о деньгах, показывает, например, следующее место из Фуллартона: «Поскольку дело касается нашей внутренней торговли, все те денежные функции, которые обыкновенно выполняются золотой и серебряной монетой, могут быть с таким же успехом выполнены обращением неразменных билетов, имеющих лишь фиктивную и условную стоимость, установленную законом. Это — факт, который, я думаю, никто не станет отрицать. Стоимость такого рода вполне могла бы удовлетворить потребности, которые в настоящее время удовлетворяются полноценными монетами, и даже могла бы исполнять функцию меры стоимостей и цен, если бы только количество выпускаемых в обращение билетов не выходило за должные пределы» *(Fullarton.* «Regulation of Currencies», 2 ed, London, 1845, p. 21). Следовательно, лишь потому, что денежный товар может быть замещен в обращении простым знаком стоимости, он не нужен ни как мера стоимостей, ни как масштаб цен!

достаточно чисто символического существования денег. Функциональное бытие денег поглощает, так сказать, их материальное бытие. Как мимолетное объективированное отражение товарные цен, они служат лишь знаками самих себя, а потому могут быть замещены простыми знаками[85]. Необходимо лишь, чтобы знак денег получил свою собственную объективно общественную значимость, и бумажный символ получает ее при помощи принудительного курса. Это государственное принуждение имеет силу лишь в границах данного государства, или в сфере внутреннего обращения, и только здесь деньги вполне растворяются в своей функции средства обращения, или монеты, и, следовательно, в виде бумажных денег могут существовать внешне изолированно от своей металлической субстанции и чисто функционально.

3. ДЕНЬГИ

Товар, который функционирует в качестве меры стоимости, а поэтому также, непосредственно или через своих заместителей, и в качестве средства обращения, есть деньги. Поэтому золото (или серебро) — деньги. Золото функционирует как деньги, с одной стороны, в тех случаях, когда оно должно выступать в своей золотой (или серебряной) телесности, как денежный товар, т. е. там, где оно выступает не чисто идеально, — как в функции меры стоимости, — и не как нечто, способное быть замещенным своими представителями — как в функции средства обращения. С другой стороны, золото (или серебро) функционирует как деньги в тех случаях, когда его функция — независимо от того, выполняет ли оно эту функцию само, своей собственной персоной, или через своих заместителей, — закрепляет за ним роль единственного образа стоимости, или единственного адекватного бытия меновой стоимости, в противовес всем другим товарам, которые выступают только как потребительные стоимости.

[85] Из того, что золото и серебро, поскольку они функционируют как монета, т. е. исключительно как средство обращения, становятся знаками самих себя, Николас Барбон выводит право правительств «to raise money» [«повышать стоимость монеты»], т. е. называть, например, количество серебра, именовавшееся до сих пор грошем, именем более крупного количества серебра, скажем — талером, и таким образом уплачивать кредиторам гроши вместо талеров. «Монета снашивается и становится легче, часто переходя из рук в руки... В торговых делах люди обращают внимание на название и чеканку, а не на количество серебра... Авторитет правительства делает из куска металла деньги» *(N. Barbon,* цит. соч., стр. 29, 30, 25).

а) ОБРАЗОВАНИЕ СОКРОВИЩ

Непрерывный кругооборот двух противоположных товарных метаморфозов, или постоянная смена актов продажи и купли, проявляется в неустанном обращении денег, или в их функции perpetuum mobile [непрерывно действующего механизма] обращения. Деньги иммобилизуются или превращаются, как говорит Буагильбер, из meuble [движимого] в immeuble [недвижимое][54], из монеты в деньги, как только прерывается ряд метаморфозов, и продажа уже не дополняется непосредственно следующей за ней куплей.

Уже с самых первых зачатков товарного обращения возникают необходимость и страстное стремление удерживать у себя продукт первого метаморфоза — превращенную форму товара, или его золотую куколку[86)]. Товар продают не для того, чтобы купить другие товары, а для того, чтобы заместить товарную форму денежной. Из простого посредствующего звена при обмене веществ эта перемена формы становится самоцелью. Отчужденная форма товара встречает препятствия к тому, чтобы функционировать в качестве абсолютно отчуждаемой формы товара, или в качестве лишь его мимолетной денежной формы. Вследствие этого деньги окаменевают в виде сокровища, и продавец товаров становится собирателем сокровищ.

Именно в начальный период товарного обращения в деньги превращается лишь избыток потребительных стоимостей. Таким образом золото и серебро сами собой становятся общественным выражением избытка, или богатства. Эта наивная форма накопления сокровищ увековечивается у таких народов, где традиционному и рассчитанному на собственное потребление способу производства соответствует прочно установившийся круг потребностей. Это мы видим, например, у азиатов, особенно у индийцев. Вандерлинт, который воображает, что товарные цены определяются массой имеющегося в данной стране золота и серебра, задает себе вопрос, почему индийские товары так дешевы? Ответ: потому что индийцы зарывают свои деньги. С 1602 по 1734 г., — говорит он, — они зарыли на 150 млн. ф. ст. серебра, которое было первоначально привезено из Америки в Европу[87)]. С 1856 по 1866 г., т. е. за одно десятилетие, Англия вывезла в Индию и Китай (металл, экспортированный в Китай,

86) «Богатство деньгами есть не что иное, как... богатство продуктами, превращенными в деньги» *(Mercier de la Riviere,* цит. соч., стр. 573). «Стоимость, существующая в продуктах, изменила только свою форму» (там же, стр. 486).

87) «Именно благодаря этой практике поддерживаются столь низкие цены на все их товары» *(Vanderlint,* цит. соч., стр. 95, 96).

в значительной своей части направляется опять-таки в Индию) на 120 млн. ф. ст. серебра, которое раньше было выменено на австралийское золото.

При дальнейшем развитии товарного производства каждый товаропроизводитель должен обеспечить себе nexus rerum, известный «общественно признанный залог»[88]. Его потребности непрерывно вновь и вновь заявляют о себе и непрерывно побуждают его покупать чужие товары, в то время как производство и продажа его собственного товара стоит времени и зависит от случайностей. Чтобы купить, не продавая, он должен сначала продать, не покупая. Кажется, что эта операция, если представить ее как общее правило, сама себе противоречит. Однако в местах их добычи благородные металлы непосредственно обмениваются на другие товары. Здесь имеет место продажа (со стороны товаровладельцев) без купли (со стороны владельцев золота или серебра)[89]. И последующие продажи без следующих за ними актов купли лишь опосредствуют дальнейшее распределение благородных металлов между всеми товаровладельцами. Таким образом во всех пунктах обращения накопляются золотые и серебряные сокровища самых различных размеров. Вместе с возможностью удерживать товар как меновую стоимость или меновую стоимость как товар пробуждается жажда золота. С расширением товарного обращения растет власть денег, этой абсолютно общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности.

«Золото — удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он захочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай» (Колумб, в письме с Ямайки, 1503 г.).

Так как по внешности денег нельзя узнать, что именно превратилось в них, то в деньги превращается все: как товары, так и не товары. Все делается предметом купли-продажи. Обращение становится колоссальной общественной ретортой, в которую все втягивается для того, чтобы выйти оттуда в виде денежного кристалла. Этой алхимии не могут противостоять даже мощи святых, не говоря уже о менее грубых res sacrosanctae, extra commercium hominum [священных предметах, исключенных из торгового оборота людей][90]. Подобно тому

[88] «Деньги — залог» (*John Bellers.* «Essays about the Poor, Manufactures, Trade, Plantations, and Immorality». London, 1699, p. 13).

[89] Купля в строгом смысле этого слова предполагает, что золото и серебро представляют собой уже превращенную форму товара, т. е. продукт продажи.

[90] Генрих III, христианнейший король Франции, грабит у монастырей и т. д. их священные реликвии, чтобы превратить их в серебро. Известно, какую роль в истории Греции сыграло похищение фокеянами сокровищ из дельфийского храма. У древних народов бог товаров обитал, как известно, в храмах. Последние были «священными банками». Финикияне, народ торговый par excellence [по преимуществу], считали деньги отчужденной формой всех вещей. Было поэтому совершенно естественно, что девушки, отдававшиеся чужестранцам на празднествах в честь богини любви, жертвовали богине полученную в награду монету.

как в деньгах стираются все качественные различия товаров, они, в свою очередь, как радикальный уравнитель, стирают всяческие различия[91]. Но деньги — сами товар, внешняя вещь, которая может стать частной собственностью всякого человека. Общественная сила становится таким образом частной силой частного лица. Античное общество поносит поэтому деньги как монету, на которую разменивается весь экономический и моральный уклад его жизни[92]. Современное общество, которое еще в детстве своем вытащило Плутона за волосы из недр земных[93], приветствует золото как блестящее воплощение своего сокровеннейшего жизненного принципа.

[91] «Золото! металл
Сверкающий, красивый, драгоценный...
Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее — белейшим,
Все гнусное — прекрасным, всякий грех —
Правдивостью, все низкое — высоким,
Трусливого — отважным храбрецом,
А старика — и молодым, и свежим!
К чему же мне, о боги, это все?
Бессмертные, к чему — скажите? Это
От алтарей отгонит ваших слуг,
Из-под голов больных подушки вырвет...
Да, этот плут сверкающий начнет
И связывать, и расторгать обеты,
Благословлять проклятое, людей
Ниц повергать пред застарелой язвой,
Разбойников почетом окружать,
Отличьями, коленопреклоненьем,
Сажая их высоко, на скамьи
Сенаторов. Вдове, давно отжившей,
Даст женихов...
Ступай... проклятая земля,
Наложница всесветная»
(Шекспир. «Жизнь Тимона Афинского»).

[92] «Ведь нет у смертных ничего на свете,
Что хуже денег. Города они
Крушат, из дому выгоняют граждан,
И учат благородные сердца
Бесстыдные поступки совершать,
И указуют людям, как злодейства
Творить, толкая их к делам безбожным»
(Софокл. «Антигона»).

[93] «Алчность надеялась вытащить за волосы из недр земных самого Плутона» *(Athenaeus.* «Deipnosophistarum [libri quindecim», 1. VI, 23, v. II, ed. Schweighauser, 1802, p. 397]).

Товар как потребительная стоимость удовлетворяет какую-нибудь особенную потребность и образует особенный элемент вещественного богатства. Но стоимость товара измеряет степень его притягательной силы по отношению ко всем элементам вещественного богатства, следовательно измеряет общественное богатство своего владельца. Для варварски примитивного товаровладельца, даже для западноевропейского крестьянина, стоимость неотделима от формы стоимости, и потому накопление сокровищ в виде золота и серебра является для него накоплением стоимости. Правда, стоимость денег изменяется — вследствие изменения их собственной стоимости или вследствие изменения стоимости товаров. Это, однако, не мешает тому, что, во-первых, 200 унций золота всегда содержат в себе больше стоимости, чем 100, 300 — более, чем 200, и т. д.; что, во-вторых, металлическая натуральная форма данной вещи остается всеобщей эквивалентной формой всех товаров, непосредственно общественным воплощением всякого человеческого труда. Стремление к накоплению сокровищ по природе своей безмерно. Качественно или по своей форме деньги не имеют границ, т. е. являются всеобщим представителем вещественного богатства, потому что они непосредственно могут быть превращены во всякий товар. Но в то же время каждая реальная денежная сумма количественно ограничена, а потому является покупательным средством ограниченной силы. Это противоречие между количественной границей и качественной безграничностью денег заставляет собирателя сокровищ все снова и снова предпринимать сизифов труд накопления. С ним происходит то же, что с завоевателем мира, который с каждой новой страной завоевывает лишь новую границу.

Чтобы удержать у себя золото как деньги, т. е. как элемент созидания сокровищ, надо воспрепятствовать его обращению, его растворению как покупательного средства в средствах потребления. Следовательно, созидатель сокровищ приносит потребности своей плоти в жертву золотому фетишу. Он принимает всерьез евангелие отречения. Но, с другой стороны, он может извлечь из обращения в виде денег лишь то, что он дает обращению в виде товара. Чем больше он производит, тем больше он может продать. Трудолюбие, бережливость и скупость — вот, следовательно, его основные добродетели; много продавать, мало покупать — в этом вся его политическая экономия[94].

---

[94] «Увеличивать возможно больше число продавцов всех товаров, уменьшать возможно больше число покупателей — таков основной вопрос, к которому сводятся все меры политической экономии» (*Verri*, цит. соч., стр. 52).

Наряду с непосредственной формой сокровища развивается его эстетическая форма, обладание золотыми и серебряными предметами. Последнее растет вместе с ростом богатства буржуазного общества. «Soyons riches ou paraissons riches» [«Будем богаты или будем казаться богатыми»] (Дидро)[55]. Таким образом, с одной стороны, образуется все более и более расширяющийся рынок для золота и серебра, не зависимый от их денежной функции, с другой стороны — скрытый источник предложения денег, действующий особенно интенсивно в периоды общественных бурь.

Созидание сокровищ выполняет различные функции при металлическом обращении. Его ближайшая функция возникает из условий обращения золотой и серебряной монеты. Мы уже видели, что постоянные колебания размеров товарного обращения, колебания цен и скорости товарного обращения вызывают непрерывные отливы и приливы находящейся в обращении денежной массы. Следовательно, последняя должна обладать способностью к расширению и сокращению. То деньги должны притягиваться в качестве монеты, то монета должна отталкиваться в качестве денег. Чтобы действительно циркулирующая денежная масса соответствовала постоянно степени полной насыщенности сферы обращения, количество золота и серебра, находящееся в каждой стране, должно быть больше того, что требуется в каждый данный момент для монетной функции. Это условие выполняется благодаря превращению денег в сокровище. Резервуары сокровищ служат одновременно отводными и приводными каналами для находящихся в обращении денег, которые поэтому никогда не переполняют каналов обращения[95)].

[95)] «Для того чтобы нация могла вести свою торговлю, необходима определенная сумма наличных денег, которая может варьировать, то увеличиваясь, то уменьшаясь в зависимости от обстоятельств... Эти колебания, эти приливы и отливы денег приспособляются к изменяющимся обстоятельствам сами собой, без всякого вмешательства со стороны правительства. Ведра работают попеременно: когда мало денег, из слитков чеканится монета, когда мало денежного металла, монета переплавляется обратно в слитки» *(North,* цит. соч., постскриптум, стр. 3). Джон Стюарт Милль, бывший долгое время на службе у Ост-Индской компании[56], утверждает, что в Индии серебряные украшения все еще непосредственно функционируют как сокровища. «Серебряные украшения... отправляются на монетный двор, когда уровень процента высок, и снова принимают свой прежний вид, когда уровень процента падает» (показание Дж. Ст. Милля в «Reports on Bankacts 1857», № 2084 и 2101). Согласно одному парламентскому документу от 1864 г. относительно импорта золота и серебра в Индию и экспорта их оттуда[57], в 1863 г. импорт золота и серебра превысил экспорт на 19367764 фунта стерлингов. За восемь последних лет перед 1864 г, превышение импорта благородных металлов над экспортом их составило 109652917 фунтов стерлингов. В течение текущего столетия в Индии было начеканено монеты значительно больше, чем на 200000000 фунтов стерлингов.

b) СРЕДСТВО ПЛАТЕЖА

В рассмотренной нами непосредственной форме товарного обращения одна и та же величина стоимости всегда имелась вдвойне: в виде товара на одном полюсе, в виде денег на противоположном полюсе. Товаровладельцы вступали поэтому в соприкосновение между собой лишь как представители имеющихся в наличности взаимных эквивалентов. Однако с развитием товарного обращения развиваются отношения, благодаря которым отчуждение товаров отделяется во времени от реализации их цены. Здесь достаточно будет отметить лишь наиболее элементарные из этих отношений. Один вид товаров требует более длинного, другой — более короткого времени для своего производства. Производство различных товаров связано с различными временами года. Один товар рождается у самого своего рынка, другой должен совершить путешествие на отдаленный рынок. Поэтому один товаровладелец может выступить в качестве продавца раньше, чем другой выступит в качестве покупателя. При частом повторении одних и тех же сделок между одними и теми же лицами условия продажи товаров регулируются условиями их производства. С другой стороны, пользование известным видом товаров, например домом, продается на известный промежуток времени. В таких случаях лишь по истечении срока покупатель действительно получает потребительную стоимость товара. Он покупает поэтому товар раньше, чем оплачивает его. Один товаровладелец продает наличный товар, а другой покупает, выступая как просто представитель денег или как представитель будущих денег. Продавец становится кредитором, покупатель — должником. Так как здесь изменился метаморфоз товара, или развитие его стоимостной формы, то и деньги приобретают другую функцию. Они становятся средством платежа[96].

Роли кредитора и должника возникают здесь из простого товарного обращения. Изменение формы последнего накладывает эту новую печать на продавца и покупателя. Следовательно, первоначально это совершенно такие же мимолетные, выполняемые попеременно одними и теми же агентами обращения роли, как и роли продавца и покупателя. Однако эта противоположность уже с самого начала носит не столь невинный характер и обнаруживает способность к более прочной кристал-

[96] Лютер различает деньги как покупательное средство и деньги как средство платежа. «Ты причиняешь мне двойной ущерб — тут я не могу уплатить, а там не могу купить» (*Martin Luther.* «An die Pfarrherrn, wider den Wucher zu predigen». Wittemberg, 1540).

лизации[97]. Но те же самые роли могут возникнуть и независимо от товарного обращения. Так, например, в античном мире классовая борьба протекает преимущественно в форме борьбы между должником и кредитором и в Риме кончается гибелью должника-плебея, который замещается рабом. В средние века та же борьба оканчивается гибелью должника-феодала, который утрачивает свою политическую власть вместе с утратой ее экономического базиса. Однако денежная форма, — а ведь отношение должника к кредитору обладает формой денежного отношения, — здесь лишь отражает в себе антагонизм глубже лежащих экономических условий жизни.

Но возвратимся к сфере товарного обращения. Одновременное появление эквивалентов, товара и денег, на противоположных полюсах процесса продажи прекратилось. Деньги функционируют теперь, во-первых, как мера стоимости при определении цены продаваемого товара. Установленная контрактом цена последнего измеряет собой обязательство покупателя, т. е. ту денежную сумму, которую он должен уплатить к определенному сроку. Во-вторых, деньги функционируют как идеальное покупательное средство. Хотя они существуют лишь в виде денежного обязательства покупателя, они осуществляют переход товара из рук в руки. Только по наступлении срока платежа средство платежа действительно вступает в обращение, т. е. переходит из рук покупателя в руки продавца. Средство обращения превратилось в сокровище вследствие того, что процесс обращения прервался на первой фазе, т. е. деньги, эта превращенная форма товара, были извлечены из обращения, Средство платежа вступает в обращение, но лишь после того, как товар уже вышел из него. Деньги уже не опосредствуют процесса. Они самостоятельно завершают его как абсолютное наличное бытие меновой стоимости, или как всеобщий товар. Продавец превратил товар в деньги, чтобы удовлетворить при их помощи какую-либо потребность, созидатель сокровищ, — чтобы консервировать товар в денежной форме, должник-покупатель, — чтобы иметь возможность уплатить. Если он не уплатит, его имущество будет подвергнуто принудительной продаже. Итак, теперь, в силу общественной необходимости, возникающей из отношений самого процесса обращения, образ стоимости товара — деньги — становится самоцелью продажи.

[97] Об отношениях между должниками и кредиторами среди английских купцов начала XVIII века: «Среди людей торговли царит здесь, в Англии, такой дух жестокости, какого не встретишь ни в каком другом общественном слое или в другой стране мира» («An Essay on Credit and the Bankrupt Act». London, 1707, p. 2).

Покупатель превращает деньги обратно в товар прежде, чем он превратил товар в деньги, т. е. он совершает второй метаморфоз товара раньше первого. Товар продавца обращается, но при этом реализует свою цену лишь в виде частноправового требования на получение денег. Он превращается в потребительную стоимость раньше, чем успевает превратиться в деньги. Его первый метаморфоз осуществляется лишь задним числом[98)].

За каждый данный период процесса обращения обязательства, по которым наступает срок платежа, представляют сумму цен тех товаров, продажа которых вызвала эти обязательства к жизни. Масса денег, необходимая для реализации такой суммы цен, зависит прежде всего от быстроты обращения средств платежа. Она обусловливается двумя обстоятельствами: сцеплением отношений кредиторов и должников, когда *А*, получая деньги от своего должника *В,* уплачивает их своему кредитору *С* и т. д., и продолжительностью промежутков между различными сроками платежа. Цепь следующих один за другим платежей, или осуществляемых задним числом первых метаморфозов, существенно отличается от рассмотренного ранее сплетения рядов метаморфозов. В движении средств обращения не только выражается связь между продавцами и покупателями, самая эта связь возникает лишь в денежном обращении и вместе с ним. Напротив, движение средств платежа выражает собой общественную связь, имевшуюся в готовом виде еще до него.

Одновременность и параллельность продаж ограничивают возможность компенсации массы монет увеличением быстроты их обращения. И наоборот, эти же самые обстоятельства создают новый рычаг экономии на средствах платежа. Но мере концентрации платежей в одном и том же месте естественно развиваются особые учреждения и методы взаимного погашения платежей. Такую роль играли, например, virements [переводы долгов] в средневековом Лионе. Стоит только сопоставить между собой долговые требования *А* к *В, В* к *С*, *С* к *А* и т. д., чтобы в известных пределах взаимно погасить их как положительные и отрицательные величины. Выплатить придется

98) *Примечание к 2 изданию.* Следующая цитата из появившейся в 1859 г. моей работы показывает, почему в тексте не принята во внимание противоположная форма: «Наоборот, в процессе *Д* — *Т* деньги могут быть отчуждены как действительное покупательное средство и цена товара может, быть таким образом реализована прежде, чем будет реализована потребительная стоимость денег или прежде, чем будет отчужден товар. Это имеет место, например, в обычной форме платы вперед, или же в той форме, в какой английское правительство закупает опиум у райятов в Индии... Однако здесь деньги действуют лишь в уже известной нам форме покупательного средства... Конечно, капитал авансируется также в форме денег... Однако эта точка зрения выходит за пределы простого обращения» («К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 119, 120 [им. настоящее издание, том 13, стр. 122]).

лишь разницу. Чем больше концентрация платежей, тем относительно меньше баланс, тем меньше, следовательно, масса обращающихся средств платежа.

Функция денег как средства платежа заключает в себе непосредственное противоречие. Поскольку платежи взаимно погашаются, деньги функционируют лишь идеально как счетные деньги, или мера стоимости. Поскольку же приходится производить действительные платежи, деньги выступают не как средство обращения, не как лишь преходящая и посредствующая форма обмена веществ, а как индивидуальное воплощение общественного труда, как самостоятельное наличное бытие меновой стоимости, или абсолютный товар. Противоречие это обнаруживается с особенной силой в тот момент производственных и торговых кризисов, который называется денежным кризисом[99]. Последний возможен лишь там, где цепь следующих один за другим платежей и искусственная система взаимного погашения их достигли полного развития. При всеобщих нарушениях хода этого механизма, из чего бы они ни возникали, деньги внезапно и непосредственно превращаются из чисто идеального образа счетных денег в звонкую монету. Теперь они уже не могут быть замещены обыденным товаром. Потребительная стоимость товара теряет свою ценность, а стоимость товара исчезает перед лицом ее стоимостной формы. Еще вчера буржуа, опьяненный расцветом промышленности, рассматривал деньги сквозь дымку просветительной философии и объявлял их пустой видимостью: «Только товар — деньги». «Только деньги — товар!» — вопят сегодня те же самые буржуа во всех концах мирового рынка. Как олень жаждет свежей воды, так буржуазная душа жаждет теперь денег, этого единственного богатства[100]. Во время кризиса противоположность между товаром и образом его стоимости, деньгами, вырастает в абсолютное противоречие. Поэтому

[99] Этот денежный кризис, который в тексте определяется как особая фаза всякого общего производственного и торгового кризиса, следует отличать от специального вида кризиса, который также называется денежным кризисом, но может возникнуть самостоятельно, затрагивая промышленность и торговлю лишь путем обратного отражения. Это такие кризисы, центром движения которых является денежный капитал, а непосредственной сферой — банки, биржи, финансы. {*Примечание Маркса к 3 изданию.*}

[100] «Это внезапное превращение кредитной системы в монетарную прибавляет к практической панике теоретический страх, и агенты обращения содрогаются перед непостижимой тайной своих собственных отношений» (*Карл Маркс.* «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 126 [см. настоящее издание, том 13, стр. 128]). «Бедняк сидит без работы, потому что богач не в состоянии дать ему работу из-за недостатка денег, хотя они имеют ту же самую землю, те же самые руки для производства средств существования и одежды, какие имелись у них раньше; а ведь именно это и составляет действительное богатство наций, а отнюдь не деньги» *(John Bellers.* «Proposals tor Raising a College of Industry». London, 1696, p. 3).

и форма проявления денег здесь безразлична. Денежный голод не изменяет своей напряженности от того, приходится ли платить золотом или кредитными деньгами, например банкнотами[101].

Если мы теперь рассмотрим общую сумму денег, находящихся в обращении в течение данного промежутка времени, то окажется, что она — при данной скорости циркуляции средств обращения и платежа — равняется сумме подлежащих реализации товарных цен плюс сумма платежей, которым наступил срок, минус взаимно погашаемые платежи и, наконец, минус сумма оборотов, в которых одни и те же деньги функционируют попеременно то как средство обращения, то как средство платежа. Например, крестьянин продает свой хлеб за 2 ф. ст., которые служат, таким образом, в качестве средства обращения. С наступлением срока платежа он оплачивает этими же 2 ф. ст. холст, который раньше доставил ему ткач. При этом все те же 2 ф. ст. теперь функционируют как средство платежа. Затем ткач покупает библию на наличные деньги, и эти же 2 ф. ст. снова функционируют как средство обращения и т. д. Поэтому даже в том случае, если даны цены, скорость денежного обращения и экономия платежей, все же масса денег, находящихся в обращении в течение определенного периода, например одного дня, более не совпадает с массой обращающихся товаров. Обращаются деньги, представляющие такие товары, которые давно уже извлечены из процесса обращения. Обращаются товары, денежный эквивалент которых появится лишь впоследствии. С другой стороны, ежедневно заключаемые и ежедневно погашаемые платежные обязательства представляют собой совершенно несоизмеримые величины[102].

---

[101] Вот как эксплуатируют такие моменты «amis du commerce» [«друзья торговли»]: «Однажды» (в 1839 г.) «один старый алчный банкира (из Сити) «приподнял крышку конторки, перед которой сидел в своем кабинете, и, показав своему другу пачки банкнот, заявил с нескрываемым торжеством, что здесь целых 800000 ф. ст., которые он удерживал у себя, чтобы обострить нужду в деньгах, но сегодня же после трех часов пустит их в оборот» (*[H. Roy.]* «The Theory of the Exchanges. The Bank Charter Act of 1844». London, 1864, p. 81). Полуофициальный орган «The Observer» от 24 апреля 1864 г. замечает: «Распространяется ряд очень странных слухов относительно тех мер, к которым прибегли для того, чтобы создать недостаток банкнот... Как бы ни казалось сомнительным предположение, что действительно были предприняты подобные меры, тем не менее указанные слухи были настолько широко распространены, что действительно заслуживают упоминания».

[102] «Совокупность продаж или контрактов, заключаемых в продолжение данного дня, не повлияет на количество денег, обращающихся именно в этот день, но в огромном большинстве случаев выразится в целом ряде разнороднейших обязательств на сумму денег, которые могут вступить в обращение лишь в последующие, более или менее отдаленные сроки... Сегодня выданные векселя или предоставленные кредиты вовсе не должны иметь какое-либо сходство по количеству, по общей сумме или продолжительности сроков с теми кредитными сделками, которые будут заключены завтра или послезавтра; кроме того, многие из выданных сегодня векселей и предоставленных сегодня кредитов совпадут по срокам платежа со многими обязательствами, заключение которых относится к ряду предшествующих совершенно неопределенных дат; векселя на 12, 6, 3 месяца и на 1

Кредитные деньги возникают непосредственно из функции денег как средства платежа, причем долговые обязательства за проданные товары, в свою очередь, начинают обращаться, перенося долговые требования с одного лица на другое. С другой стороны, с расширением кредитного дела расширяется и функция денег как средства платежа. В качестве средства платежа деньги получают собственные формы существования, в которых они и находят себе место в сфере крупных торговых сделок, в то время как золотая и серебряная монета оттесняется главным образом в сферу розничной торговли[103].

При известном уровне развития и достаточно широких размерах товарного производства функция денег как средства платежа выходит за пределы сферы товарного обращения, Деньги становятся всеобщим товаром договорных обязательств[104]. Ренты, подати и т. п. превращаются из поставки натурой в денежные платежи. Насколько это превращение обусловливается общим характером процесса производства, показывает, например, дважды потерпевшая крушение попытка

месяц часто совпадают между собой и таким образом увеличивают общую сумму обязательств, срок которых приходится на один и тот же день» («The Currency Theory Reviewed; in a Letter to the Scottish People». By a Banker In England. Edinburgh, 1845, p. 29, 30 passim).

[103] Как пример того, какую ничтожную роль в собственно торговых операциях играют действительные деньги, мы приводим здесь данные одной из крупнейших торговых фирм Лондона (Моррисон, Диллон и К°) относительно ее годовых денежных поступлений и платежей. Ее операции за 1856 г., охватывающие многие миллионы фунтов стерлингов, пропорционально уменьшены нами и сведены к масштабу 1000000 ф. ст.

Поступления:		Выдачи:	
Срочные векселя банкиров и купцов	533 596 ф. ст.	Срочные векселя	302 674 ф. ст.
Чеки банкиров и т. д. на предъявителя	357 715 » »	Чеки на лондонских банкиров	663 672 » »
Банкноты провинциальных банков	9 627 » »	Банкноты Английского банка	22 743 » »
Банкноты Английского банка	68 554 » »		
Золото	28 089 » »	Золото	9 427 » »
Серебро и медь	1 486 » »	Серебро и медь	1 484 » »
Почтовые переводы	933 » »		
Итого	1 000 000 ф. ст.	Итого	1 000 000 ф. ст.

(«Report from the Select Committee on the Bankacts». July 1858, p. LXXI).

[104] «Характер коммерческого оборота изменился таким образом, что вместо обмена товаров на товары, вместо их поставки и получения совершаются теперь продажа и платежи. Теперь все сделки... сводятся к чисто денежным операциям» ([*D. Defoe.]* «An Essay upon Public Credit», 3 ed. London, 1710, p. 8).

Римской империи взимать все налоги деньгами. Ужасная нищета сельского населения Франции при Людовике XIV, столь красноречиво заклейменная Буагильбером, маршалом Вобаном и др., была вызвана не только высотою налогов, но и превращением их из натуральных в денежные налоги[105]. С другой стороны, если натуральная форма земельной ренты, — в Азии она составляет к тому же основной элемент государственных налогов, — покоится на производственных отношениях, которые воспроизводятся с неизменностью естественных отношений, то путем обратного воздействия такая форма платежей сохраняет старые производственные формы. Она образует одно из таинственных средств самосохранения Турецкой империи. Если внешняя торговля, навязанная Европой Японии, вызовет в этой последней превращение натуральной ренты в денежную, то образцовой земледельческой культуре Японии придет конец. Ограниченные узкими рамками экономические условия существования этой культуры подвергнутся разложению.

В каждой стране устанавливаются известные общие сроки платежей. Отчасти эти сроки платежей основываются на естественных условиях производства, связанных со сменой времен года, — прочие факторы цикличности воспроизводства мы оставляем в стороне. Этими сроками регулируются также и те платежи, которые не порождаются непосредственно товарным обращением, как например налоги, ренты и т. д. Масса денег, потребная в определенные дни года для этих разбросанных по всей стране платежей, вызывает периодические, но совершенно поверхностные пертурбации в экономии средств платежа[106]. Из закона скорости обращения средств платежа

---

[105] «Деньги сделались всеобщим палачом». Финансовое искусство — «перегонный куб, в котором превращают в пар чудовищное количество благ и средств существования, чтобы извлечь этот роковой экстракт». «Деньги объявляют войну всему роду человеческому» *(Boisguillebert.* «Dissertation sur la Nature des Richesses, de l'Argent et des Tributs», édit. Daire, «Économistes financiers». Paris, 1843, t. I p 413, 419, 417).

[106] «В духов день 1824 г., — сообщает г-н Крейг парламентской комиссии 1826 г., — в Эдинбурге был такой громадный спрос на банкноты, что к 11 часам мы не имели в своем распоряжении ни одной банкноты. Мы по очереди обращались к различным банкам с целью занять банкноты, но не могли ничего получить, и многие сделки пришлось совершить при помощи slips of paper [клочков бумаги]. Но уже к 3 часам пополудни все банкноты вернулись в те банки, из которых они уплыли. Они только прошли через несколько рук». Хотя среднее число банкнот, действительно обращающихся в Шотландии, не достигает и 3 млн. ф. ст., тем не менее в те дни года, когда производятся различные платежи, идут в дело все имеющиеся у банкиров банкноты, т, е. на сумму — приблизительно — 7 млн. фунтов стерлингов. При этом банкноты выполняют лишь одну-единственную специфическую функцию и, раз она выполнена, немедленно притекают обратно в те банки, из которых они вышли (*John Fullarton.* «Regulation of Currencies», 2nd. ed. London, 1845, p. 86, примечание). Для пояснения прибавим, что во время появления работы Фуллартона за вклады в Шотландии выдавались не чеки, а только банкноты.

вытекает, что масса средств платежа, необходимых для всех периодических платежей, каков бы ни был их источник, находится в обратном* отношении к продолжительности платежных периодов[107)].

Развитие денег как средства платежа вызывает необходимость накоплять деньги перед сроками уплаты. В то время как собирание сокровищ, как самостоятельная форма обогащения, исчезает вместе с развитием буржуазного общества, оно, наоборот, растет вместе с последним в форме накопления резервного фонда средств платежа.

с) МИРОВЫЕ ДЕНЬГИ

Выходя за пределы внутренней сферы обращения, деньги сбрасывают с себя приобретенные ими в этой сфере локальные формы — масштаба цен, монеты, разменной монеты, знаков стоимости — и опять выступают в своей первоначальной форме слитков благородных металлов. В мировой торговле товары развертывают свою стоимость универсально. Поэтому и самостоятельный образ их стоимости противостоит им здесь в качестве мировых денег. Только на мировом рынке деньги в полной мере функционируют как товар, натуральная форма которого есть вместе с тем непосредственно общественная форма осуществления человеческого труда in abstracto. Способ их существования становится адекватным их понятию.

В сфере внутреннего обращения только один какой-нибудь товар может служить мерой стоимости, а следовательно, и деньгами. На мировом рынке господствует двойная мера стоимости — золото и серебро[108)].

---

* У Маркса здесь, по-видимому, описка, так как между массой необходимых средств платежа и продолжительностью платежных периодов существует не обратная, а прямая зависимость. *Ред.*

107) На вопрос: «Если бы пришлось в течение года произвести платежи на 40 млн., то хватило ли бы этих 6 млн.» (золотом) «для всех оборотов, которых потребовала бы в этом случае торговля?», Петти отвечает с присущим ему мастерством: «Я отвечаю: да. Если бы все обороты представляли такие короткие периоды, как например неделя, что и имеет место среди бедных ремесленников и рабочих, получающих и платящих деньги каждую субботу, то для производства платежей на 40 млн. нужно было бы $^{40}/_{52}$ миллиона. Если же оборот совершался бы в четверть года, что соответствует тому, как мы обычно платим ренту и налоги, то потребовалось бы 10 миллионов. Следовательно, предполагая, что в общем периоды платежей представляют среднюю величину между 1 неделей и 13 неделями, мы должны сложить 10 млн. и $^{40}/_{52}$ млн. и взять половину, которая равна $5^1/_2$ миллионам. Таким образом, если бы мы имели $5^1/_2$ млн., нам хватило бы денег» *(William Petty.* «Political Anatomy of Ireland 1672», edit. London, 1691, p. 13, 14)[58].

108) Отсюда ясна нелепость всяких законодательных мер, предписывающих национальным банкам накоплять лишь тот благородный металл, который функционирует в качестве денег внутри страны. Общеизвестны, например, «милые препятствия», созданные таким образом самим Английским банком на пути своей собственной деятельности. О великих исторических эпохах относительного изменения стоимости золота и серебра — см. *Карл Маркс.* «К критике политической экономии», стр. 136 и сл. [настоящее издание, том 13, стр. 137 и сл.]. *Добавление к 2 изданию.* Сэр Роберт Пиль в своем банковском акте 1844 г. старался выйти из затруднения тем, что разрешил Английскому банку выпускать банкноты, обеспеченные серебром (в слитках), причем, однако, запас серебра не должен был превышать одной четверти золотого запаса. Стоимость серебра при этом определяется по его рыночной цене (золотой) на лондонском рынке. *{ К 4 изданию.* Мы опять переживаем эпоху интенсивного относительного изменения стоимости золота и серебра. Лет 25 тому назад отношение стоимостей золота и серебра было $15^1/_2 : 1$, теперь оно приблизительно выражается как $22 : 1$, и стоимость серебра по срав-

Мировые деньги функционируют как всеобщее средство платежа, всеобщее покупательное средство и абсолютно общественная материализация богатства вообще (universal wealth). Функция средства платежа, средства, служащего для расчетов по международным балансам, преобладает. Отсюда лозунг меркантилистской системы — торговый баланс[109]. Междуна-

---

нению с золотом все еще продолжает падать. По существу это вызвано переворотом в способе добычи этих двух металлов. Раньше золото добивалось почти исключительно путем промывки золотоносных аллювиальных пластов, т. е. продуктов выветривания золотоносных пород. Теперь этот метод уже оказывается недостаточным и оттесняется на задний план непосредственной разработкой самих жил золотоносного кварца — метод, который был, правда, известен еще древним *(Diodor,* III, 12—14), но до сих пор практиковался лишь как побочный. С другой стороны, не только были открыты новые колоссальные залежи серебра в западной части Скалистых гор, но благодаря железным дорогам был облегчен доступ к ним и к мексиканским серебряным рудникам, вследствие чего сделалось возможным непрерывно подвозить современные машины и топливо, а следовательно, значительно расширить масштаб добычи серебра и понизить издержки. Однако формы нахождения отих двух металлов в рудных жилах весьма различны. Золото попадается обыкновенно в виде самородков, но зато в крайне ничтожных количествах, рассеянных в кварце; вся масса жилы должна быть поэтому измельчена, после чего золото приходится вымывать или извлекать ртутью. На 1000000 граммов кварца добывается при этом от 1 до 3, очень редко 30—60 граммов золота. Серебро редко встречается самородками, но обыкновенно в особых рудах, сравнительно легко отделимых от остальной массы жилы и содержащих значительное количество, от 40 до 90 процентов, серебра; или же оно заключается в небольших количествах в рудах, которые сами по себе заслуживают разработки, например медных, свинцовых и т. п. Уже отсюда видно, что в то время как труд, затрачиваемый на добычу золота, скорее увеличился, труд по добыче серебра значительно уменьшился, так что падение стоимости последнего объясняется совершенно естественно. Это падение стоимости выразилось бы в еще более значительном падении цены, если бы цена серебра и в настоящее время не поддерживалась на определенном уровне искусственными средствами. Но до сих пор разрабатывается лишь небольшая часть американских залежей серебра, и потому имеются вое шансы, что стоимость серебра еще долгое время будет понижаться. В том же направлении влияет относительное уменьшение спроса на серебро для предметов потребления и роскоши, замена его плакированными изделиями, алюминием и т. п. Отсюда ясен весь утопизм биметаллических мечтаний о том, чтобы путем принудительного международного курса поднять стоимость серебра до прежнего отношения $1:15^1/_2$. Скорее серебру предстоит все более и более утрачивать свое свойство денег на мировом рынке. *Ф. Э.*}

[109] Противники меркантилистской системы, которая считает целью мировой торговли получение золота и серебра в размере сальдо активного торгового баланса, в свою очередь совершенно не поняли, в чем состоит функция мировых денег. Что ложное понимание международного движения благородных металлов лишь отражает в себе ложное понимание законов, регулирующих массу средств обращения, — это я обстоятельно показал на примере Рикардо («К критике политической экономии», стр. 150 и сл. [см. настоящее издание, том 13, стр. 149 и сл.]). Его ошибочная догма: «Неблагоприятный торговый баланс никогда не возникает иначе, как только вследствие избытка средств обращения... Вывоз монеты вызывается ее дешевизной и является не следствием, а причиной неблагоприятного баланса»[59] — встречается уже у Барбона: «Уравнение торгового баланса (если таковое происходит) не есть причина вывоза денег данной нации: последний происходит вследствие разницы в стоимости благородных металлов в различных странах» *(N. Barbon,* цит. соч., стр. 59). Мак-Куллох в

родным покупательным средством золото и серебро служат по существу тогда, когда внезапно нарушается обычное равновесие обмена веществ между различными нациями. Наконец, они функционируют как абсолютно общественная материализация богатства там, где дело идет не о купле или платеже, а о перенесении богатства из одной страны в другую, и где это перенесение в товарной форме исключается или конъюнктурой товарного рынка или самой поставленной целью[110)].

Как для внутреннего обращения, так и для обращения на мировом рынке каждая страна нуждается в известном резервном фонде. Следовательно, функции сокровища возникают частью из функции денег как средства обращения и средства платежа на внутреннем рынке, частью из их функции как мировых денег[110a)]. Для последней роли всегда требуется действительный денежный товар, золото и серебро во всей их телесности, вследствие чего Джемс Стюарт характеризует золото и серебро, в отличие от их локальных заместителей, как money of the world [мировые деньги].

Движение золотого и серебряного потока имеет двоякий характер. С одной стороны, отправляясь от своих источников, он разливается по всему мировому рынку, перехватывается в различной степени различными сферами национального обращения, входит в их внутренние каналы обращения, замещает

«The Literature of Political Economy: a classified catalogue». London, 1845, хвалит Барбона за это предвосхищение Рикардо, но благоразумно избегает упомянуть хотя бы одним словом те наивные формы, в которые облекаются у Барбона абсурдные предпосылки «currency principle»[60]. Некритичность и даже прямая недобросовестность этого каталога достигает своего апогея в отделах, посвященных истории теории денег; тут Мак-Куллох виляет хвостом перед лордом Оверстоном (экс-банкиром Лойдом), сикофантом которого он является и которого он именует «facile princeps argentariorum» [«несомненным князем банкиров»].

[110)] Например, при субсидиях, денежных займах на ведение войн или с целью помочь банкам возобновить платежи наличными и т. п. стоимость требуется именно в денежной форме.

[110a)] *Примечание к 2 изданию.* «В самом деле, едва ли можно желать более убедительного доказательства, что механизм резервных фондов в странах с металлическим обращением дает возможность покрыть все необходимые международные обязательства без какой-либо заметной поддержки со стороны общего фонда обращения, чем та легкость, с которой Франция, едва оправившись от удара, нанесенного опустошительным иностранным вторжением, была в состоянии выплатить в течение 27 месяцев контрибуцию приблизительно в 20 миллионов [фунтов стерлингов], наложенную на нее союзными державами, и притом значительную часть этой контрибуции выплатила звонкой монетой, без всякого заметного сокращения или расстройства своего внутреннего денежного обращения и даже без всяких тревожных колебаний вексельного курса» (*Fullarton,* цит. соч., стр. 141). {*К 4 изданию.* Еще более разительным примером является легкость, с которой та же самая Франция в 1871—1873 гг. сумела выплатить в течение 30 месяцев, и опять-таки в основном звонкой монетой, в десять с лишним раз большую сумму контрибуции. *Ф. Э.*}

сношенные золотые и серебряные монеты, доставляет материал для предметов роскоши и застывает в виде сокровищ[111]. Это первое движение совершается при посредстве прямого обмена национального труда, реализованного в товарах, на реализованный в благородных металлах труд стран, добывающих золото и серебро. С другой стороны, золото и серебро постоянно перемещаются туда и сюда между сферами обращения различных наций, следуя в этом своем движении за непрерывными колебаниями вексельного курса[112].

Страны развитого буржуазного производства ограничивают сокровища, массами сконцентрированные в банковских резервуарах, необходимым для их специфических функций минимумом[113]. За известными исключениями, чрезмерное по сравнению с средним уровнем накопление сокровищ в резервуарах свидетельствует о застое товарного обращения, или о приостановке течения товарных метаморфозов[114].

[111] «Деньги распределяются между различными нациями сообразно той потребности, которую последние в них испытывают... везде притягиваясь товарами» (*Le Trosne,* цит. соч., стр. 916). «Рудники, непрерывно дающие золото и серебро, дают их в количестве, достаточном для удовлетворения потребностей каждой нации» *(J. Vanderlint,* цит. соч., стр. 40).

[112] «Вексельные курсы поднимаются и падают каждую неделю и в известные моменты года достигают уровня, неблагоприятного для одной нации, а в другие моменты — столь же неблагоприятного для ее соперниц» *(N. Barbon,* цит. соч., стр. 39).

[113] Эти различные функции могут вступить между собой в опасный конфликт, как только к ним присоединяется функция служить фондом, обеспечивающим размен банкнот.

[114] «Количество денег, превышающее то, что абсолютно необходимо для внутренней торговли, есть мертвый капитал... и не приносит никакой прибыли той стране, которая этими деньгами обладает; они просто вывозятся и опять ввозятся посредством внешней торговли» *(John Bellers.* «Essays about the Poor». London, 1699, p. 13). «А что делать, если у нас слишком много монет? Мы можем переплавить наиболее тяжелые из этих монет и превратить их в драгоценную посуду, в золотые или серебряные сосуды и утварь, или послать их как товар туда, где в них нуждаются или желают их получить, или ссудить под проценты там, где процент высок» *(W. Petty.* «Quantulumcunque concerning Money, 1682», p. 39). «Деньги — это не более как жир политического тела, избыток их делает его неповоротливым, а недостаток причиняет ему болезнь... подобно тому как жир служит как бы смазочным маслом при движении мускулов, питает при недостатке пищи, заполняет пустоты и украшает тело, точно так же действуют и деньги в государстве, — они ускоряют его деятельность, питают иностранным продуктом в случае неурожая у себя дома, погашают долги... и все украшают; впрочем», — иронически заключает автор, — «последнее относится главным образом к тем лицам, которые имеют деньги в изобилии» (*W. Petty.* «Political Anatomy of Ireland», p. 14, 15)[61].

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

1. ВСЕОБЩАЯ ФОРМУЛА КАПИТАЛА

Товарное обращение есть исходный пункт капитала. Историческими предпосылками возникновения капитала являются товарное производство и развитое товарное обращение, торговля. Мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии новую историю капитала.

Если мы оставим в стороне вещественное содержание товарного обращения, обмен различных потребительных стоимостей, и будем рассматривать лишь экономические формы, порождаемые этим процессом, то мы найдем, что деньги представляют собой его последний продукт. Этот последний продукт товарного обращения есть первая форма проявления капитала.

Исторически капитал везде противостоит земельной собственности сначала в форме денег, как денежное имущество, как купеческий и ростовщический капитал[1)]. Но нет надобности обращаться к истории возникновения капитала для того, чтобы убедиться, что деньги являются первой формой его проявления. История эта ежедневно разыгрывается на наших глазах. Каждый новый капитал при своем первом появлении на сцене, т. е. на товарном рынке, рынке труда или денежном рынке, неизменно является в виде денег, — денег, которые путем определенных процессов должны превратиться в капитал.

Деньги как деньги и деньги как капитал сначала отличаются друг от друга лишь неодинаковой формой обращения.

[1)] Противоположность между властью земельной собственности, покоящейся на отношениях личного подчинения и господства, и безличной властью денег хорошо схвачена в двух французских поговорках: «Nulle terre sans seigneur». — «L'argent n'a pas de maitre» [«Нет земли без господина». — «Деньги не имеют хозяина»].

Непосредственная форма товарного обращения есть *Т — Д — Т*, превращение товара в деньги и обратное превращение денег в товар, продажа ради купли. Но наряду с этой формой мы находим другую, специфически отличную от нее, форму *Д — Т — Д,* превращение денег в товар и обратное превращение товара в деньги, куплю ради продажи. Деньги, описывающие в своем движении этот последний цикл, превращаются в капитал, становятся капиталом и уже по своему назначению представляют собой капитал.

Присмотримся ближе к обращению *Д — Т— Д.* Подобно простому товарному обращению, оно проходит две противоположных фазы. Первая фаза, *Д — Т,* купля, представляет собой превращение денег в товар. Вторая фаза, *Т — Д*, или продажа, — обратное превращение товара в деньги. Единство обеих фаз составляет совокупное движение, в котором деньги обмениваются на товар и потом этот самый товар обменивается опять на деньги, товар покупается ради продажи, или, если оставить в стороне формальные различия между куплей и продажей, на деньги покупается товар и на товар — деньги[2]. Результат, в котором угасает весь процесс, есть обмен денег на деньги, *Д — Д.* Если я на 100 ф. ст. покупаю 2000 ф. хлопка и снова продаю эти 2000 ф. хлопка за 110 ф. ст., то в конечном счете я обменял 100 ф. ст. на 110 ф. ст., деньги на деньги.

Очевидно, прежде всего, что процесс обращения *Д — Т — Д* был бы совершенно нелеп и бессодержателен, если бы он представляя собой лишь обходный путь для того, чтобы данную денежную стоимость обменять на ту же самую денежную стоимость, например 100 ф. ст. на 100 фунтов стерлингов. Несравненно проще и надежнее метод собирателя сокровищ, который хранит у себя свои 100 ф. ст., вместо того чтобы подвергать их опасностям обращения. С другой стороны, когда купец продает купленный им за 100 ф. ст. хлопок, то совершенно независимо от того, выручает ли он при этом 110 ф. ст., или 100 ф. ст., или даже только 50 ф. ст., его деньги описывают своеобразный и оригинальный путь, совершенно отличный от простого товарного обращения, когда, например, крестьянин продает хлеб и на вырученные деньги покупает себе одежду. Итак, прежде всего мы должны охарактеризовать формальное различие между кругооборотами *Д — Т — Д* и *Т — Д — Т.* Вместе с тем обнаружится и различие по существу, скрывающееся за этими формальными различиями.

Посмотрим сначала, что общего в обеих этих формах.

---

[2] «На деньги покупают товар и на товар покупают деньги» (*Mercier de la Riviere.* «L'ordre naturel et essentlel des societies politigues», p. 543).

Оба кругооборота распадаются на одни и те же противоположные фазы: *Т — Д,* продажа, *и Д — Т,* купля. В каждой из обеих фаз противостоят друг другу одни и те же два вещных элемента — товар и деньги и два лица в одних и тех же характерных экономических масках — покупатель и продавец. Каждый из обоих кругооборотов представляет собой единство одних и тех же противоположных фаз, и оба раза это единство осуществляется при посредстве трех контрагентов, из которых один только продает, другой только покупает, а третий попеременно покупает и продает.

Но что уже с самого начала разделяет кругообороты *Т — Д — Т* и *Д — Т — Д,* так это обратная последовательность одних и тех же противоположных фаз обращения. Простое товарное обращение начинается продажей и заканчивается куплей, обращение денег как капитала начинается куплей и заканчивается продажей. Там товар, здесь деньги образуют исходный и конечный пункты движения. В первой форме роль посредника во всем процессе играют деньги, во второй, наоборот, — товар.

В обращении *Т — Д — Т* деньги, в конце концов, превращаются в товар, который служит потребительной стоимостью. Следовательно, тут деньги затрачиваются окончательно. Напротив, в противоположной форме *Д — Т — Д* покупатель затрачивает деньги лишь для того, чтобы получить деньги в качестве продавца. Покупая товар, он бросает деньги в обращение с тем, чтобы вновь извлечь их оттуда путем продажи того же самого товара. Он выпускает из рук деньги лишь с затаенным намерением снова овладеть ими. Таким образом, деньги здесь лишь авансируются[3)].

В форме *Т — Д — Т* одни и те же деньги дважды меняют свое место. Продавец получает их от покупателя и уплачивает их другому продавцу. Весь процесс в целом, начинающийся получением денег за товар, заканчивается отдачей денег за товар. Обратно протекает процесс в форме *Д — Т — Д.* Не одни и те же деньги, а один и тот же товар два раза меняет здесь свое место. Покупатель получает его из рук продавца и снова передает его в руки другого покупателя. Как в простом товарном обращении двукратное перемещение одних и тех же денег вызывает их окончательный переход из одних рук в другие, так здесь двукратная перемена места одним и тем же товаром приводит деньги обратно к их исходному пункту.

[3)] «Когда покупают какую-либо вещь с целью перепродажи, то употребленная при 'том сумма называется авансированными деньгами; если же вещь покупается не для перепродажи, то можно сказать, что деньги были истрачены» (*James Steuart.* «Works» etc., edited by General Sir James Steuart, his son. London, 1805, v. I, p. 274).

Обратный приток денег к их исходному пункту не зависит от того, продается ли товар дороже, чем он был куплен, или нет. Это обстоятельство влияет лишь на величину притекающей обратно денежной суммы. Самое явление обратного притока имеет место, поскольку купленный товар снова продается, т. е. поскольку описывается полностью кругооборот *Д — Т — Д*. Следовательно, здесь мы находим чувственно воспринимаемую разницу между обращением денег как капитала и их обращением просто как денег.

Кругооборот *Т — Д — Т* совершенно закончен, как только деньги, вырученные от продажи одного товара, унесены куплей другого товара. И если обратный приток денег к исходному пункту здесь все-таки произойдет, то лишь благодаря возобновлению или повторению всего процесса. Если я продаю квартер хлеба за 3 ф. ст. и на эти 3 ф. ст. покупаю платье, то для меня эти 3 ф. ст. истрачены окончательно. Я уже не имею к ним более никакого отношения. Они принадлежат торговцу платьем. Если бы я продал второй квартер пшеницы, то деньги вернулись бы ко мне обратно, но не вследствие первой сделки, а лишь вследствие ее повторения. Деньги снова удаляются от меня, если я доведу эту сделку до конца, совершив новую куплю. Следовательно, в обращении *Т — Д — Т* затрата денег не имеет никакого отношения к их обратному притоку. Напротив, в *Д — Т — Д* обратный приток денег обусловливается самим характером их затраты. Без этого обратного притока всю операцию надо признать неудавшейся или процесс прерванным и еще незаконченным, так как недостает его второй фазы — продажи, дополняющей и завершающей куплю.

Кругооборот *Т — Д — Т* имеет своей исходной точкой один товар, а конечной точкой другой товар, который выходит из обращения и поступает в потребление. Потребление, удовлетворение потребностей, одним словом — потребительная стоимость есть, таким образом, конечная цель этого кругооборота. Напротив, кругооборот *Д — Т — Д* имеет своим исходным пунктом денежный полюс и, в конце концов, возвращается к тому же полюсу. Его движущим мотивом, его определяющей целью является поэтому сама меновая стоимость.

В простом товарном обращении оба крайние пункта имеют одну и ту же экономическую форму. Оба они — товары. И притом товары равной стоимости. Но зато они качественно различные потребительные стоимости, например хлеб и платье. Обмен продуктов, обмен различных веществ, в которых выражается общественный труд, составляет здесь содержание движения. Иначе обстоит дело в обращении *Д — Т — Д*. На пер-

вый взгляд оно представляется, вследствие своей тавтологичности, бессодержательным. Оба крайние пункта имеют одну и ту же экономическую форму. Оба они — деньги, следовательно не являются качественно различными потребительными стоимостями, ибо деньги представляют собой как раз такой превращенный образ товаров, в котором погашены все особенные потребительные стоимости последних. Сначала обменять 100 ф. ст. на хлопок, а затем снова обменять этот хлопок на 100 ф. ст., т. е. окольным путем деньги на деньги, то же на то же, — такая операция представляется столь же бесцельной, сколь и нелепой[4]. Одна денежная сумма может вообще отличаться от другой денежной суммы только по величине. Процесс *Д — Т — Д* обязан поэтому своим содержанием не качественному различию между своими крайними пунктами, — так как оба они деньги, — а лишь их количественной разнице. В результате этого процесса из обращения извлекается больше денег, чем первоначально было брошено в него. Хлопок, купленный, например, за 100 ф. ст., снова продается за 100+10 Ф. ст., или 110 фунтов стерлингов. Поэтому полная форма рассматриваемого процесса выражается так: *Д — Т — Д′,* где *Д′* = = *Д* + Δ*Д,* т. е. равно первоначально авансированной сумме плюс некоторое приращение. Это приращение, или избыток над первоначальной стоимостью, я называю прибавочной стоимостью (surplus value). Таким образом, первоначально авансированная стоимость не только сохраняется в обращении, но и изменяет свою величину, присоединяет к себе прибавочную стоимость, или возрастает. И как раз это движение превращает ее в капитал.

[4] «Деньги не меняют на деньги», — восклицает Мерсье де ля Ривьер по адресу меркантилистов (*Mercier de la Riviere,* цит. соч., стр. 486). В одном сочинении, которое специально трактует о «торговле» и «спекуляций», мы читаем: «Всякая торговля заключается в обмене разнородных вещей; и выгода» (для купца?) «возникает именно вследствие этой разнородности. Обмен одного фунта хлеба на один фунт хлеба не принес бы ни малейшей выгоды... отсюда выгодный контраст между торговлей и игрой, которая представляет собой лишь обмен денег на деньги» *(Th. Corbet.* «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation explained». London, 1841, p. 5). Хотя Корбет не замечает, что *Д — Д*, обмен денег на деньги, есть форма обращения, характерная не только для торгового капитала, но и для всякого капитала вообще, он, по крайней мере, признает, что эта форма одного из видов торговли, а именно спекуляции, совпадает с игрой; но вот является Мак-Куллох и находит, что всякая купля для продажи есть спекуляция, и, таким образом, разница между спекуляцией и торговлей совершенно исчезает. «Всякая сделка, при которой один индивидуум покупает продукт с той целью, чтобы снова продать его, фактически есть спекуляция» *(MacCulloch.* «A Dictionary Practical etc. of Commerce». London, 1847, p. 1009). Гораздо наивнее Пинто — Пиндар амстердамской биржи: «Торговля есть игра» (это положение он заимствует у Локка) «и, конечно, играя с тем, у кого ничего нет, нельзя выиграть. Поэтому, если бы кто-нибудь в течение долгого времени всегда и у всех выигрывал, ему пришлось бы добровольно возвратить большую часть своего барыша, чтобы начать игру снова» (Pinto. «Traite de la Circulation et du Credit». Amsterdam, 1771, p. 231).

Возможно, правда, что в *Т — Д — Т* оба крайних пункта, *Т* и *Т,* например хлеб и платье, являются количественно различными стоимостями. Крестьянин может продать свой хлеб выше его стоимости или купить платье ниже его стоимости. С другой стороны, его может надуть торговец платьем. Но для самой этой формы обращения такие различия в стоимости представляют собой нечто чисто случайное. Эта форма обращения, в противоположность *Д — Т — Д,* ничуть не утрачивает своего смысла и значения, если оба крайние пункта, например хлеб и платье, эквивалентны друг другу. Более того, равенство их стоимостей представляет здесь собой условие нормального хода процесса.

Повторение, или возобновление продажи ради купли, так же как и самый этот процесс находят меру и смысл в лежащей вне этого процесса конечной цели, — в потреблении, в удовлетворении определенных потребностей. Напротив, при купле ради продажи начало и конец представляют собой одно и то же, а именно деньги, меновую стоимость, и уже вследствие одного этого данное движение бесконечно. Как бы то ни было, из *Д* получилось *Д* + Δ*Д*; из 100 ф. ст. — 100+10 фунтов стерлингов. Но рассматриваемые только с качественной стороны, 110 ф. ст. представляют собой то же самое, что и 100 ф. ст., а именно деньги, И с количественной стороны 110 ф. ст. — такая же ограниченная сумма стоимости, как и 100 фунтов стерлингов. Если бы эти 110 ф. ст. были израсходованы как деньги, они вышли бы из своей роли. Они перестали бы тогда быть капиталом. Извлеченные из обращения, они окаменевают в сокровище, и здесь уж ни один фартинг не нарастает на них, хотя бы они лежали до второго пришествия. Следовательно, раз дело идет о возрастании стоимости, потребность в таком возрастании присуща 110 ф. ст. так же, как и 100 ф. ст., потому что обе эти суммы представляют собой ограниченные выражения меновой стоимости, и, следовательно, они имеют одно и то же призвание приближаться к абсолютному богатству путем увеличения своих размеров. Правда, на один момент первоначально авансированная стоимость в 100 ф. ст. отличается от 10 ф. ст. прибавочной стоимости, наросшей на нее в обращении, но это различие тотчас же расплывается снова. В итоге процесса получается не так, что на одной стороне имеется первоначальная стоимость в 100 ф. ст., а на другой — прибавочная стоимость в 10 фунтов стерлингов. Получается единая стоимость в 110 фунтов стерлингов. Последняя имеет форму, столь же пригодную для того, чтобы снова начать процесс возрастания, как и первоначальные 100 фунтов стерлингов. Заканчивая движение,

деньги образуют его новое начало[5]. Следовательно, конец каждого отдельного кругооборота, в котором купля совершается ради продажи, уже сам по себе образует начало нового кругооборота. Простое товарное обращение — продажа ради купли — служит средством для достижения конечной цели, лежащей вне обращения, — для присвоения потребительных стоимостей, для удовлетворения потребностей. Напротив, обращение денег в качестве капитала есть самоцель, так как возрастание стоимости осуществляется лишь в пределах этого постоянно возобновляющегося движения. Поэтому движение капитала не знает границ[6].

Как сознательный носитель этого движения, владелец денег становится капиталистом. Его личность или, точнее, его карман — вот тот пункт, откуда исходят и куда возвращаются деньги. Объективное содержание этого обращения — возрастание стоимости — есть его субъективная цель, и поскольку растущее присвоение абстрактного богатства является

[5] «Капитал... делится на первоначальный капитал и на прибыль, прирост капитала... хотя практика тотчас же снова присоединяет эту прибыль к капиталу и вместе с ним пускает в оборот» (Ф. *Энгельс.* «Наброски к критике политической экономии» в журнале «Deutsch-tranzosische Jahrbucher», издаваемом Арнольдом Руге и Карлом Марксом. Париж, 1844, стр. 99 [см. настоящее издание, том 1, стр. 557]).

[6] Аристотель противопоставляет хрематистике экономику. Он исходит из экономики. Поскольку последняя представляет собой искусство приобретения, она ограничивается приобретением благ, необходимых для жизни или полезных для дома и государства. «Истинное богатство (ο αληϖινοζ πλοϖτοζ) состоит из таких потребительных стоимостей; ибо количество собственности этого рода, необходимое для хорошей жизни, не безгранично. Существует, однако, искусство приобретения иного рода, которое обыкновенно и совершенно правильно называется хрематистикой; для последней не существует, по-видимому, границ богатства и собственности. Товарная торговля» («η χαπηλιχη» значит буквально розничная торговля, и Аристотель берет эту форму потому, что в ней решающую роль играет потребительная стоимость) «по природе своей не принадлежит к хрематистике, так как здесь обмен распространяется липа на предметы, необходимые для них самих» (покупателей и продавцов). Поэтому,— говорит он дальше, — первоначальной формой товарной торговли была меновая торговля, но с ее расширением необходимо возникают деньги. С изобретением денег меновая торговля неизбежно должна была развиться в χαπηλιχη, в товарную торговлю, а эта последняя, в противоречии с ее первоначальной тенденцией, превратилась в хрематистику, в искусство делать деньги. Хрематистика, далее, отличается от экономики тем, что «для нее обращение есть источник богатства (ποιητιχη χρηματων... δια χρηματων μεταβοληζ). Вся она построена на деньгах, ибо деньги суть начало и конец этого рода обмена (το γαρ νομισμα στοιχειον χαι περαζ τηζ αλλαγηζ εστιν). Поэтому-то и богатство, к которому стремится хрематистика, безгранично. Подобно тому, как безгранично в своем стремлении то искусство, для которого его цель означает не средство, а последнюю конечную цель, так как такое искусство стремится все ближе и ближе подойти к этой цели, — тогда как те искусства, которые преследуют лишь отыскание средства для известной цели, не безграничны, ибо сама цель полагает им границы, — подобно этому и хрематистика не знает границ для своей цели, ее цель есть абсолютное обогащение. Экономика, а не хрематистика, имеет границу... первая ставит своей целью нечто отличное от самих денег, вторая стремится лишь к их увеличению... Смешение этих двух форм, переходящих одна в другую, дало некоторым повод рассматривать сохранение денег и увеличение их количества до бесконечности как конечную цель экономики» *(Aristoteles.* «De Republica», edit. Bekker, кн. I, гл. 8 и 9, в разных местах).

единственным движущим мотивом его операций, постольку — и лишь постольку — он функционирует как капиталист, т. е. как олицетворенный, одаренный волей и сознанием капитал. Поэтому потребительную стоимость никогда нельзя рассматривать как непосредственную цель капиталиста[7]. Равным образом не получение единичной прибыли является его целью, а ее неустанное движение[8]. Это стремление к абсолютному обогащению, эта страстная погоня за стоимостью[9] являются общими и для капиталиста и для собирателя сокровищ, но в то время как собиратель сокровищ есть лишь помешанный капиталист, капиталист есть рациональный собиратель сокровищ. Непрестанного возрастания стоимости, которого собиратель сокровищ старается достигнуть, спасая[10] деньги от обращения, более проницательный капиталист достигает тем, что он все снова и снова бросает их в обращение[10a].

Те самостоятельные формы — денежные формы, — которые стоимость товаров принимает в процессе простого обращения, только опосредствуют обмен товаров и исчезают в конечном результате движения. Напротив, в обращении *Д — Т — Д* и товар и деньги функционируют лишь как различные способы существования самой стоимости: деньги как всеобщий, товар — как особенный и, так сказать, замаскированный способ ее существования[11]. Стоимость постоянно переходит из одной формы в другую, никогда, однако, не утрачиваясь в этом движении, и превращается таким образом в автоматически действующий субъект. Если фиксировать отдельные формы проявления, которые возрастающая стоимость попеременно принимает в своем жизненном кругообороте, то получаются

---

[7] «Не товар» (тут в смысле потребительной стоимости) «имеет определяющее значение для промышленного капиталиста... деньги его конечная цель» (*Th. Chalmers.* «On Political Economy etc.», 2nd edit. Glasgow, 1832, p. 165, 166).

[8] «Купец почти ни во что не ценит уже полученную прибыль, но всегда стремится к новой» (*A. Genovesi.* «Lezioni di Economla Civile» (1765), издание, Кустоди сочинений итальянских экономистов, Parte Moderna, t. VIII, p. 139).

[9] «Неутолимая страсть к прибыли, auri sacra fames [священная жажда золота] всегда определяет деятельность капиталистов» (*MacCulloch.* «The Principles of Political Economy». London, 1830, p. 179). Само собой разумеется, эта точка зрения ничуть не мешает Мак-Куллоху и K° при теоретических затруднениях, например при рассмотрении перепроизводства, превратить того же самого капиталиста в доброго бюргера, которому нужны только потребительные стоимости, которого мучит поистине волчий аппетит к сапогам, шляпам, яйцам, ситцу и другим потребительным стоимостям, имеющим весьма непосредственное отношение к семейному очагу.

[10] «Σωζειν» [«спасать»] — характерное выражение греков для обозначения накопления сокровищ. Равным образом, по-английски «to save» значит и «спасать» и «сберегать».

[10a] «Та бесконечность, которой вещи не достигают, двигаясь в одном направлении, достигается ими путем кругообращения» *(Galiani* [цит. соч., стр. 156]).

[11] «Не сама по себе данная материя составляет капитал, а стоимость этой материи» (*J. B.* Say. «Traite d'Economie Politique», 3eme ed. Paris, 1817, t. II, p. 429).

такие определения: капитал есть деньги, капитал есть товар[12]. Однако на самом деле стоимость становится здесь субъектом некоторого процесса, в котором она, постоянно меняя денежную форму на товарную и обратно, сама изменяет свою величину, отталкивает себя как прибавочную стоимость от себя самой как первоначальной стоимости, самовозрастает. Ибо движение, в котором она присоединяет к себе прибавочную стоимость, есть ее собственное движение, следовательно ее возрастание есть самовозрастание. Она получила магическую способность творить стоимость в силу того, что сама она есть стоимость. Она приносит живых детенышей или, по крайней мере, кладет золотые яйца.

Как активный субъект этого процесса, в котором она то принимает, то сбрасывает с себя денежную и товарную формы и в то же время неизменно сохраняется и возрастает в этих превращениях, стоимость нуждается прежде всего в самостоятельной форме, в которой было бы констатировано ее тождество с нею же самой. И этой формой она обладает лишь в виде денег. Деньги образуют поэтому исходный и заключительный пункт всякого процесса возрастания стоимости. Она была равна 100 ф. ст., теперь она равна 110 ф. ст. и т. д. Но сами деньги играют здесь роль лишь одной из форм стоимости, потому что их здесь две. Не приняв товарной формы, деньги не могут стать капиталом. Таким образом, здесь деньги не выступают против товаров полемически, как при накоплении сокровищ. Капиталист знает, что всякие товары, какими бы оборвышами они ни выглядели, как бы скверно они ни пахли, суть деньги в духе и истине, евреи внутреннего обрезания, и к тому же чудотворное средство из денег делать большее количество денег.

Если в простом обращении стоимость товаров в противовес их потребительной стоимости получала в лучшем случае самостоятельную форму денег, то здесь она внезапно выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы. Более того. Вместо того чтобы выражать собой отношение товаров, она теперь вступает, так сказать, в частное отношение к самой себе. Она отличает себя как первоначальную стоимость от себя самой как прибавочной стоимости, подобно тому как бог отец отличается от самого себя как бога сына, хотя оба они одного возраста и в действительности составляют лишь одно лицо. Ибо

[12] «Обращающиеся деньги [currency] (!), употребленные с производительной целью, суть капитал» *(Macleod.* «The Theory and Practice of Banking». London, 1855, v. I, ch. 1, p. 55). «Капитал — это товары» *(James Mill.* «Elements of Political Economy». London, 1821, p. 74).

лишь благодаря прибавочной стоимости в 10 ф. ст. авансированные 100 ф. ст. становятся капиталом, и как только они стали им, как только родился сын, а через сына и отец, тотчас снова исчезает их различие, и оба они едино суть: 110 фунтов стерлингов.

Стоимость становится, таким образом, самодвижущейся стоимостью, самодвижущимися деньгами, и как таковая она — капитал. Она выходит из сферы обращения, снова вступает в нее, сохраняет и умножает себя в ней, возвращается назад в увеличенном виде и снова и снова начинает один и тот же кругооборот[13]. *Д — Д',* деньги, порождающие деньги, — money which begets money, — таково описание капитала в устах его первых истолкователей, меркантилистов.

Купить, чтобы продать, или, точнее, купить, чтобы продать дороже, *Д — Т — Д',* представляет на первый взгляд форму, свойственную лишь одному виду капитала — купеческому капиталу. Но и промышленный капитал есть деньги, которые превращаются в товар и потом путем продажи товара обратно превращаются в большее количество денег. Акты, которые совершаются вне сферы обращения в промежутке между куплей и продажей, нисколько не изменяют этой формы движения. Наконец, в капитале, приносящем проценты, обращение *Д — Т — Д'* представлено в сокращенном виде, в своем результате без посредствующего звена, в своем, так сказать, лапидарном стиле, как *Д — Д',* как деньги, которые равны большему количеству денег, как стоимость, которая больше самой себя.

Таким образом, *Д — Т — Д'* есть действительно всеобщая формула капитала, как он непосредственно проявляется в сфере обращения.

2. ПРОТИВОРЕЧИЯ ВСЕОБЩЕЙ ФОРМУЛЫ

Та форма обращения, в которой денежная куколка превращается в капитал, противоречит всем развитым раньше законам относительно природы товара, стоимости, денег и самого обращения. От простого товарного обращения ее отличает обратная последовательность тех же самых двух противоположных процессов, продажи и купли. Но каким чудом такое чисто формальное различие может преобразовать самое природу данного процесса?

Более того: этот обратный порядок существует лишь для одного из трех деловых друзей, вступающих между собой

[13] «Капитал... непрерывно умножающая себя стоимость» (Sismondi. «Nouveaux Principes d'Economie Politigue», t. I, p. 89).

в сделку. Как капиталист, я покупаю товар у *A* и продаю его затем *B;* как простой товаровладелец, я продаю товар *B* и потом снова покупаю товар у *A*. Для деловых друзей *A* и *B* этого различия не существует. Они выступают лишь в качестве продавца и покупателя товаров. Я сам противостою им всякий раз как простой владелец денег или товаровладелец, как покупатель или как продавец. Как при той, так и при другой последовательности метаморфозов я противостою одному из них только как покупатель, другому — только как продавец: одному — только в качестве денег, другому — только в качестве товара, но я никому из них не противостою в качестве капитала или в качестве капиталиста, т. е. как представитель чего-то такого, что было бы больше, чем деньги, или больше, чем товар, чего-то такого, что могло бы производить какое-либо иное действие, кроме того, которое свойственно деньгам или товарам. Для меня купля у *A* и продажа *B* образуют один последовательный ряд. Но связь между этими двумя актами существует только для меня. *A* нет никакого дела до моей сделки с *B, B* — никакого дела до моей сделки с *A*. Если бы я захотел объяснить им ту особую мою заслугу, что я перевернул порядок следования сделок, то они доказали бы мне, что я заблуждаюсь относительно самого этого порядка следования, что сделка в целом не началась куплей и не кончилась продажей, а, наоборот, началась продажей и завершилась куплей. В самом деле: мой первый акт, купля, есть продажа с точки зрения *A,* мой второй акт, продажа, есть купля с точки зрения *B*. Не удовольствовавшись этим, *A* и *B* заявят кроме того, что весь этот порядок следования есть совершенно излишний фокус-покус. *A* мог бы прямо продать свой товар *B, B* прямо купить у *A*. Вместе с тем вся сделка превращается в односторонний акт обычного товарного обращения — продажу с точки зрения *A*, куплю с точки зрения *B*. Таким образом, перевернув порядок следования актов, мы отнюдь не вышли из сферы простого товарного обращения: нам приходится поэтому посмотреть, допускает ли природа самой этой сферы возрастание входящих в нее стоимостей, а следовательно, образование прибавочной стоимости.

Возьмем процесс обращения в той его форме, в которой он представляет собой простой товарообмен. Эта форма имеется налицо во всех тех случаях, когда два товаровладельца покупают друг у друга товары и с наступлением срока платежа сводят баланс взаимных денежных обязательств. Деньги служат здесь счетными деньгами; они выражают стоимости товаров в их цепах, но не противостоят самим товарам телесно. Очевидно,

поскольку дело касается потребительных стоимостей, в выигрыше могут оказаться оба обменивающиеся между собой лица. Оба отчуждают товары, которые бесполезны для них как потребительные стоимости, и получают товары, в потреблении которых они нуждаются. Но выгодность сделки может даже не ограничиваться этим. Возможно, что *А,* продающий вино и покупающий хлеб, производит в течение данного рабочего времени больше вина, чем мог бы произвести его в течение того же самого рабочего времени возделыватель хлеба *В,* и наоборот: *В,* возделывающий хлеб, производит в течение данного рабочего времени больше хлеба, чем его мог бы произвести винодел *А.* Таким образом, *А* получает за ту же самую меновую стоимость больше хлеба, а *В* больше вина, чем получил бы каждый из них, если бы оба они вынуждены были производить для себя и вино и хлеб, не прибегая к обмену. Следовательно, в отношении потребительной стоимости можно сказать, что «обмен есть сделка, в которой выигрывают обе стороны»[14]. Иначе обстоит дело с меновой стоимостью.

«Человек, имеющий много вина, но не имеющий хлеба, вступает в сделку с человеком, у которого много хлеба, но нет вина, и между ними происходит обмен пшеницы стоимостью в 50 на стоимость 50 в виде вина. Этот обмен не представляет собой увеличения меновой стоимости ни для первого, ни для второго, потому что уже до обмена каждый из них обладал стоимостью, равной той, которую получает при посредстве этой операции»[15].

Дело нисколько не изменяется от того, что между товарами становятся деньги в качестве средства обращения и что акт купли осязательно отделяется от акта продажи[16]. Стоимость товаров выражается в их ценах раньше, чем они вступают в обращение, следовательно она — предпосылка обращения, а не результат его[17].

Рассматривая процесс абстрактно, т. е. оставляя в стороне обстоятельства, которые не вытекают из имманентных законов простого товарного обращения, мы найдем здесь, кроме замены одной потребительной стоимости другой, только товарный метаморфоз, т. е. простое изменение формы товара. Одна и та же стоимость, т. е. одно и то же количество овеществленного об-

[14] «Обмен есть чудесная сделка, в которой оба контрагента выигрывают — всегда» (!) *(Destutt de Tracy.* «Traite de la Volonte et de see Effets». Paris, 1826, p. 68). Та же самая книга выходила под заглавием «Traite d 'Economie Politique».

[15] *Mercier de la Riviere*, цит. соч., стр. 544.

[16] «Само по себе совершенно безразлично, будет ли одна из этих двух стоимостей деньгами или обе они суть обыкновенные товары» *(Mercier de la Riviere,* цит. соч. стр. 543).

[17] «Не контрагенты определяют стоимость; последняя определена раньше, чем они вступили в сделку» (*Le Trosne*, цит. соч., стр. 906).

щественного труда, находится в руках одного и того же товаровладельца сначала в форме товара, потом в форме денег, в которые товар превратился, наконец, опять в форме товара, в который обратно превратились деньги. Такое превращение формы не заключает в себе изменения величины стоимости. Изменение, претерпеваемое в этом процессе самой стоимостью товара, ограничивается изменением ее денежной формы. Сначала она существует в виде цены предлагаемого для продажи товара, затем в виде денежной суммы, которая, однако, уже ранее была выражена в цене, наконец в виде цены эквивалентного товара. Эта смена форм сама по себе столь же мало заключает в себе изменение величины стоимости, как размен пятифунтового билета на соверены, полусоверены и шиллинги. Итак, поскольку обращение товара обусловливает лишь изменение формы его стоимости, оно обусловливает, если явление протекает в чистом виде, обмен эквивалентов. Даже вульгарная политическая экономия, несмотря на полное непонимание того, что такое стоимость, всякий раз, когда пытается на свой лад рассматривать явление в чистом виде, предполагает, что спрос и предложение взаимно покрываются, т. е. что влияние их вообще уничтожается. Следовательно, если в отношении потребительной стоимости оба контрагента могут выиграть, то на меновой стоимости они не могут оба выиграть. Здесь господствует скорее правило: «Где равенство, там нет выгоды»[18]. Хотя товары и могут быть проданы по ценам, отклоняющимся от их стоимостей, но такое отклонение является нарушением законов товарообмена[19]. В своем чистом виде он есть обмен эквивалентов и, следовательно, не может быть средством увеличения стоимости[20].

Поэтому за попытками рассматривать обращение товаров как источник прибавочной стоимости скрывается обыкновенно quid pro quo, смешение потребительной стоимости и меновой стоимости. Так, например, у Кондильяка:

«Неверно, что при товарном обмене равная стоимость обменивается на равную стоимость. Наоборот, каждый из двух контрагентов всегда отдает меньшую стоимость взамен большей... Если бы действительно люди обменивались только равными стоимостями, то не получалось бы никакой

[18] «Dove e eguaglita, non e lucro» (*Galiani.* «Della Moneta», т. IV издания Кустода, Parte Moderna, стр. 244).

[19] «Обмен становится невыгодным для одной из сторон, когда какое-либо постороннее обстоятельство уменьшает или завышает цену: тогда равенство нарушается, но вследствие этой посторонней причины, а не вследствие самого обмена» (*Le Trosne,* цит. соч., стр. 904).

[20] «Обмен по самой своей природе есть договор равенства, по которому стоимость отдается за равную стоимость. Следовательно, это не есть средство обогащения, так как здесь дают ровно столько, сколько получают» (*Le Trosne,* там же, стр. 903).

выгоды ни для одного из контрагентов. На самом деле оба получают, или, по крайней мере, должны получать, выгоду. Каким образом? Стоимость вещей состоит лишь в их отношениях к нашим потребностям. Что для одного больше, то для другого меньше, и обратно... Нельзя же предполагать, что мы будем продавать вещи, необходимые для нашего собственного потребления... Мы стремимся отдать бесполезную для нас вещь с тем, чтобы получить необходимую; мы хотим дать меньшее взамен большего... Совершенно естественно было прийти к заключению, что в обмене равную стоимость дают за равную стоимость, раз стоимость каждой из обмениваемых вещей равна одному и тому же количеству денег... Но необходимо принять во внимание и другую сторону дела; спрашивается: не избыток ли мы оба обмениваем на необходимый для каждого из нас предмет?»[21)].

Как мы видим, Кондильяк не только смешивает потребительную стоимость и меновую стоимость, но с чисто детской наивностью подменяет общество с развитым товарным производством таким строем, при котором производитель сам производит средства своего существования и бросает в обращение лишь избыток, остающийся по удовлетворении собственных потребностей[22)]. Тем не менее аргумент Кондильяка часто повторяется современными экономистами, а именно в тех случаях, когда требуется представить развитую форму товарообмена, торговлю, источником прибавочной стоимости.

«Торговля». — говорят, например, — «присоединяет стоимость к продуктам, так как те же самые продукты имеют больше стоимости в руках потребителя, чем в руках производителя, и потому торговля должна в буквальном смысле слова (strictly) рассматриваться как акт производства»[23)].

Но товары не оплачивают дважды: один раз их потребительную стоимость, другой раз их стоимость. И если потребительная стоимость товара полезнее для покупателя, чем для продавца, то его денежная форма полезнее для продавца, чем для покупателя. Разве он стал бы в противном случае продавать товар? Мы можем поэтому с таким же правом сказать, что покупатель в буквальном смысле (strictly) совершает «акт производства», когда он, например, чулки купца превращает в деньги.

[21)] *Condillac*. «Le Commerce et le Gouvernement» (1776), в книге: «Mеlanges d'Economie Politique», Paris, 1847, p. 267, 290—291, издание Дэра и Молинари.

[22)] Поэтому Ле Трон совершенно правильно отвечает другу своему Кондильяку: «В обществе, вполне сформировавшемся, вообще нет избытка какого-либо рода» [*Le Trosne,* цит. соч., стр. 907]. В то же время он поддразнивает его замечанием, что «если оба контрагента получают одинаковый плюс по сравнению о тем, что они дают, то оба они получают поровну». Именно потому, что Кондильяк не имеет еще ни малейшего представления о природе меновой стоимости, он оказывается самым подходящим наставником для г-на профессора Вильгельма Рошера при созидании последним своих собственных детских понятий. См. его «Die Grundlagen der Nationalokonomie». Dritte Auflage, 1858.

[23)] *S. Ph. Newman*. «Elements of Political Economy». Andover and New York, 1835, p. 175.

Если обмениваются товары или товары и деньги равной меновой стоимости, т. е. эквиваленты, то, очевидно, никто не извлекает из обращения большей стоимости, чем пускает в него. В таком случае не происходит образования прибавочной стоимости. В своей чистой форме процесс обращения товаров обусловливает собой обмен эквивалентов. Однако в действительности процессы не совершаются в чистом виде. Предположим поэтому, что обмениваются не эквиваленты.

Во всяком случае, на товарном рынке только товаровладелец противостоит товаровладельцу, и та власть, которой обладают эти лица один по отношению к другому, есть лишь власть их товаров. Вещественное различие товаров есть вещественное основание обмена, оно обусловливает взаимную зависимость товаровладельцев, так как ни один из них не владеет предметом своего собственного потребления и каждый из них владеет предметом потребления другого. Помимо этого вещественного различия потребительных стоимостей товаров, между последними существует лишь одно различие: различие между натуральной формой и их превращенной формой, между товарами и деньгами. Таким образом, товаровладельцы различаются между собой лишь как продавцы, владельцы товара, и как покупатели, владельцы денег.

Допустим теперь, что продавец обладает какой-то необъяснимой привилегией продавать товары выше их стоимости, за 110, если они стоят 100, т. е. с номинальной надбавкой к цене в 10%. Продавец получает таким образом прибавочную стоимость, равную 10. Но после того как он был продавцом, он становится покупателем. Третий товаровладелец встречается с ним теперь как продавец и, в свою очередь, пользуется привилегией продавать товар на 10% дороже. Наш товаровладелец выиграл в качестве продавца 10, чтобы потерять в качестве покупателя те же 10[24]. В общем дело фактически свелось к тому, что все товаровладельцы продают друг другу свои товары на 10% дороже их стоимости, а это совершенно то же самое, как если бы товары продавались по их стоимости. Такая всеобщая номинальная надбавка к цене товаров имеет такое же значение, как, например, измерение товарных стоимостей в серебре вместо золота. Денежные названия, то есть цены товаров, возрастают, но отношения их стоимостей остаются неизменными.

[24] «При увеличении номинальной стоимости продукта... продавцы не обогащаются... ибо ровно столько, сколько они выигрывают как продавцы, они теряют в качестве покупателей» ([*J. Gray*.] «The Essential Principles of the Wealth of Nations etc.». London, 1797, p. 66).

Допустим, наоборот, что покупатель обладает привилегией приобретать товары ниже их стоимости. Тут нет надобности даже напоминать, что покупатель, в свою очередь, станет продавцом. Он уже был продавцом, прежде чем стал покупателем. Он уже потерял в качестве продавца 10%, прежде чем выиграл 10% в качестве покупателя[25)]. Все остается по-старому.

Итак, образование прибавочной стоимости, а потому и превращение денег в капитал не может быть объяснено ни тем, что продавцы продают свои товары выше их стоимости, ни тем, что покупатели покупают их ниже их стоимости[26)].

Проблема нисколько не упростится, если мы контрабандой введем в нее чуждые ей отношения, если мы, например, скажем вместе с полковником Торренсом:

«Действительный спрос состоит в способности и склонности (!) потребителей путем непосредственного или посредственного обмена давать за товары большее количество всех составных частей капитала, чем стоит их производство»[27)].

В обращении производители и потребители противостоят друг другу лишь как продавцы и покупатели. Утверждать, что прибавочная стоимость возникает для производителей вследствие того, что потребители оплачивают товары выше их стоимости, значит только повторять в замаскированном виде простое положение, будто товаровладелец, как продавец, обладает привилегией продавать товары по завышенной цене. Продавец сам произвел свой товар или является представителем его производителей, но равным образом и покупатель сам произвел товары, выраженные в его деньгах, или является представителем их производителей. Следовательно, производитель противостоит производителю. Их различает лишь то, что один покупает, в то время как другой продает. Мы не подвинемся ни на шаг далее, если допустим, что товаровладелец под именем производителя продает свой товар выше стоимости, а под именем потребителя он же покупает товары выше их стоимости[28)].

---

25) «Если бы продавцы были вынуждены уступить за 18 ливров такое количество продуктов, которое стоит 24 ливра, то как только они употребили бы вырученные деньги для покупок, они, в свою очередь, приобрели бы за 18 ливров то, за что следовало бы заплатить 24 ливра» (*Le Trosne,* цит. соч., стр. 897).

26) «Никакой продавец не может постоянно удорожать свои товары, не подвергаясь необходимости столь же постоянно платить дороже за товары других продавцов; по той же самой причине никакой потребитель не может платить дешевле за все вообще, что он покупает, не подвергая себя необходимости уменьшать соответственно цену тех вещей, которые он продает» *(Mercier de la Riviere,* цит. соч., стр. 555).

27) *R. Torrens*. «An Essay on the Production of Wealth». London, 1821, p. 349.

28) «Мысль, что прибыль выплачивается потребителями, без сомнения, совершенно абсурдна. Кто такие эти потребители?» (*G. Ramsay.* «An Essay on the Distribution of Wealth». Edinburgh, 1836, p. 183).

Поэтому последовательные сторонники иллюзии, будто прибавочная стоимость возникает из номинальной надбавки к цене, или из привилегии продавцов продавать товары слишком дорого, предполагают существование класса, который только покупает не продавая, следовательно только потребляет не производя. Существование такого класса с той точки зрения, которой мы пока достигли, с точки зрения простого обращения, еще не может быть объяснено. Но забежим вперед. Деньги, на которые постоянно покупает такой класс, должны, очевидно, постоянно притекать к нему от тех же товаровладельцев, и притом без обмена, даром, на основании какого-либо права или насилия. Продавать представителям такого класса товары выше стоимости — значит только возвращать себе часть даром отданных денег[29]. Так, например, города Малой Азии платили Древнему Риму ежегодную денежную дань. На эти деньги Рим покупал у них товары, и покупал по завышенным ценам. Малоазийцы надували римлян, выманивая у своих завоевателей посредством торговли часть уплаченной им дани. И все же в накладе оставались малоазийцы. За их товары им во всяком случае платили их же собственными деньгами. Это отнюдь не метод обогащения или создания прибавочной стоимости.

Будем поэтому держаться в границах товарного обмена, где продавец является покупателем и покупатель — продавцом. Быть может, мы попали в затруднение вследствие того, что рассматривали лиц только как персонифицированные категории, а не индивидуально.

Товаровладелец *A* может быть настолько ловким плутом, что всегда надувает своих коллег *B* и *C,* в то время как эти последние при всем желании не в состоянии взять реванш. *A* продает *B* вино стоимостью в 40 ф. ст. и посредством обмена приобретает пшеницу стоимостью в 50 фунтов стерлингов. *A* превратил свои 40 ф. ст. в 50 ф. ст., сделал из меньшего количества денег большее их количество и превратил свой товар и капитал. Присмотримся к делу внимательнее. До обмена имелось на 40 ф. ст. вина в руках *A* и на 50 ф. ст. пшеницы в руках *B,* а всего стоимости на 90 фунтов стерлингов. После обмена мы имеем ту же самую общую стоимость в 90 фунтов стерлингов.

[29] «Если кто-либо страдает от недостаточного спроса, посоветует ли ему г-н Мальтус, дать деньги другому лицу с тем, чтобы это последнее купило у него товары?» — спрашивает негодующий рикардианец у Мальтуса, который, как и его ученик, поп Чалмерс, возвеличивает экономическое значение класса чистых покупателей, или потребителей. См. «An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus etc.». London, 1821, p. 56.

Находящаяся в обращении стоимость не увеличилась ни на один атом, изменилось лишь ее распределение между *A* и *B*. То, что для одной стороны является здесь прибавочной стоимостью, для другой представляет недостающую стоимость, плюс для одного есть минус для другого. Тот же самый результат получился бы, если бы *A*, не прикрываясь процессом обмена, прямо украл бы у *B* 10 фунтов стерлингов. Очевидно, сумму находящихся в обращении стоимостей нельзя увеличить никаким изменением в их распределении, подобно тому как еврей, торгующий старыми монетами, ничуть не увеличит количества благородного металла своей страны, если продаст фартинг времен королевы Анны за гинею. Весь класс капиталистов данной страны в целом не может наживаться за счет самого себя[30)].

Как ни вертись, а факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются неэквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости[31)]. Обращение, или товарообмен, не создает никакой стоимости[32)].

Отсюда понятно, почему в нашем анализе основной формы капитала, той его формы, в которой капитал определяет собой экономическую организацию современного общества, мы пока совершенно не будем касаться наиболее популярных и, так сказать, допотопных форм капитала, т. е. торгового капитала и ростовщического капитала.

В собственно торговом капитале форма *Д — Т — Д'*, купить, чтобы продать дороже, проявляется в наиболее чистом виде. С другой стороны, все его движение протекает в пределах сферы обращения. Но так как из обращения самого по себе нет возможности объяснить превращение денег в капитал, образование прибавочной стоимости, то торговый капитал представ-

---

[30)] Дестют де Траси, несмотря на то, а может быть, именно потому, что он член Института[62], придерживался противоположного взгляда. Промышленные капиталисты, говорит он, получают прибыль благодаря тому, что «они все товары продают дороже, чем стоит их производство. Кому же продают они их? Во-первых, друг другу» *(Destutt de Tracy,* цит. соч., стр. 239).

[31)] «Обмен двух равных стоимостей не увеличивает и не уменьшает общей массы стоимостей, имеющихся в обществе. Обмен неравных стоимостей... также ничуть не изменяет суммы общественных... стоимостей, а лишь прибавляет к имуществу одного то, что берет из имущества другого» (*J. B. Say.* «Traite d'Economie Politique», 3eme ed. Paris, 1817, t. II, p. 443, 444). Сэй почти дословно заимствует это положение у физиократов, причем, конечно, ничуть не думая о вытекающих из него выводах. Насколько основательно эксплуатировал он для увеличения своей собственной «стоимости» сочинения физиократов, в его время почти совершенно забытые, явствует из следующего примера. «Знаменитое» положение г-на Сэя: «Продукты покупаются только на продукты» (там же, т. II, стр. 441), в оригинале у физиократа *(Le Trosne,* цит. соч., стр. 899) гласит: «Продукты оплачиваются только продуктами».

[32)] «Обмен вообще не придает никакой стоимости продуктам» *(F. Wayland.* «The Elements of Political Economy». Boston, 1843, p. 169).

ляется невозможным, поскольку обмениваются эквиваленты[33]; поэтому его существование может быть выведено лишь как результат двустороннего надувательства покупающих и продающих товаропроизводителей паразитически внедряющимся между ними купцом. В этом смысле Франклин говорит: «Война есть грабеж, торговля есть надувательство»[34]. Чтобы объяснить возрастание торгового капитала иначе чем простым надувательством товаропроизводителей, необходим длинный ряд промежуточных звеньев, которые здесь, где единственной нашей предпосылкой является товарное обращение и его простые моменты, пока еще совершенно отсутствуют.

То, что мы сказали о торговом капитале, еще в большей степени применимо к ростовщическому капиталу. В торговом капитале оба крайние пункта, — деньги, бросаемые на рынок, и возросшие деньги, извлекаемые с рынка, — связаны, по крайней мере, через посредство купли и продажи, опосредствованы движением обращения. В ростовщическом капитале форма *Д — Т — Д'* сокращена, крайние пункты соединяются без всякого посредствующего звена: *Д — Д',* деньги, обмениваемые на большее количество денег, — форма, противоречащая самой природе денег и потому необъяснимая с точки зрения товарообмена. Поэтому Аристотель говорит:

«Существует двоякого рода хрематистика: одна относится к торговле, другая к экономике; последняя необходима и достойна похвалы, первая основана на обращении и потому справедливо порицается (ибо она покоится не на природе вещей, а на взаимном надувательстве). Таким образом, ростовщичество справедливо ненавидимо всеми, ибо здесь сами деньги являются источником приобретения и употребляются не для того, для чего они были изобретены. Ведь они возникли для товарного обмена, между тем процент делает из денег новые деньги. Отсюда и его название («τοχζ» — «процент» и «порожденное»). Ибо порожденное подобно породившему. Но процент есть деньги от денег, так что из всех отраслей приобретения эта — наиболее противна природе»[35].

В ходе нашего исследования мы обнаружим, что и капитал, приносящий проценты, подобно торговому капиталу, является производной формой, а вместе с тем увидим, почему исторически оба они возникли раньше современной основной формы капитала.

---

[33] «При господстве неизменных эквивалентов торговля была бы невозможной» *(G. Opdyke.* «A Treatise on Political Economy». New York, 1851, p. 66—69). «В основе различия между реальной стоимостью и меновой стоимостью лежит тот именно факт, что стоимость вещи отлична от так называемого эквивалента, даваемого за нее в торговле, т. е, что этот эквивалент не является эквивалентом» (*Ф. Энгельс.* «Наброски к критике политической экономии» в журнале «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», издаваемом Арнольдом Руге и Карлом Марксом. Париж, 1844, стр. 95, 96 [см. настоящее издание, том 1, стр. 553]).

[34] *Benjamin Franklin*. «Works», vol. II, edit. Sparks, in «Positions to be examined, concerning National Wealth», p. 376.

[35] *Aristoteles*, «De Republica», кн. I, гл. 10 [стр. 17].

Как видим, прибавочная стоимость не может возникнуть из обращения; следовательно, для того чтобы она возникла, за спиной обращения должно произойти нечто такое, чего не видно в самом процессе обращения[36]. Но может ли прибавочная стоимость возникнуть откуда-либо еще; кроме процесса обращения? Обращение есть сумма всех меновых отношений товаровладельцев. Вне обращения товаровладелец сохраняет отношение лишь к своему собственному товару. Поскольку дело касается стоимости, это отношение ограничивается тем, что товар данного лица содержит известное количество его собственного труда, измеряемого согласно определенным общественным законам. Это количество труда выражается в величине стоимости его товара, а так как величина стоимости выражается в счетных деньгах, то оно выражается в цене товара, например в 10 фунтах стерлингов. Но его труд не выражается в стоимости товара плюс некоторое ее превышение, не выражается в цене, равной 10 и в то же время равной 11, не выражается в стоимости, которая больше самой себя. Товаровладелец может создавать своим трудом стоимости, но не возрастающие стоимости. Он может повысить стоимость товара, присоединяя к наличной стоимости новую стоимость посредством нового труда, например изготовляя из кожи сапоги. То же самое вещество имеет теперь больше стоимости, так как заключает в себе большее количество труда. Сапоги имеют поэтому большую стоимость, чем кожа, но стоимость кожи осталась тем, чем она была. Она не возросла, не присоединила к себе прибавочной стоимости во время производства сапог. Следовательно, товаропроизводитель не может увеличить стоимость и тем самым превратить деньги или товар в капитал вне сферы обращения, не вступая в соприкосновение с другими товаровладельцами.

Итак, капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении.

Мы получили, таким образом, двойственный результат.

Превращение денег в капитал должно быть раскрыто на основе имманентных законов товарообмена, т. е. исходной точкой должен послужить нам обмен эквивалентов[37]. Наш

[36] «Прибыль при обычных условиях рынка не создается обменом. Если бы она не существовала раньше, она не могла бы существовать и после этой сделки» (*Ramsay*, цит. соч., стр. 184).

[37] После всего вышеизложенного читатель понимает, конечно, что это означает лишь одно: образование капитала должно оказаться возможным и в том случае, когда цены товаров равны их стоимостям. Его нельзя объяснить из отклонений товарных цен от товарных стоимостей. Если цены действительно отклоняются от стоимостей, то необходимо их сначала свести к последним, т. е. отвлечься от этого обстоятельства как совершенно случайного, чтобы иметь перед собой в чистом виде явление образования капитала на почве товарного обмена

владелец денег, который представляет собой пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы. Hic Rhodus, hic salta![63]

3. КУПЛЯ И ПРОДАЖА РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Изменение стоимости денег, которым предстоит превратиться в капитал, не может совершиться в самих деньгах, ибо как покупательное средство и средство платежа они лишь реализуют цену товаров, покупаемых на них или оплачиваемых ими, между тем как застывая в своей собственной форме, они превращаются в окаменелости неизменных величин стоимости[38)]. Столь же мало может возникнуть это изменение из второго акта обращения, из перепродажи товара, так как этот акт лишь превращает товар из его натуральной формы опять в денежную. Следовательно, изменение должно произойти с товаром, покупаемым в первом акте *Д — Т,* а не с его стоимостью, так как обмениваются эквиваленты, причем товары оплачиваются по их стоимости. Таким образом, это изменение может возникнуть только из потребительной стоимости товара как таковой, т. е. только из его потребления. Но извлечь стоимость из потребления товара нашему владельцу денег удастся лишь в том случае, если ему посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, — такой товар, действительное потребление

и при исследовании его не дать ввести себя в заблуждение побочными обстоятельствами, затемняющими истинный ход процесса. Известно, впрочем, что такое сведение отнюдь не является одним только научным, методологическим приемом. Постоянные колебания рыночных цен, их повышение и понижение, компенсируются, взаимно уничтожаются и сами собой сводятся к средней цене, как своей внутренней норме. Средняя цена является путеводной звездой, например, для купца или промышленника во всяком предприятии, рассчитанном на более или менее продолжительное время. Следовательно, товаровладелец знает, что, если рассматривать достаточно большой период в целом, товары действительно продаются не ниже и не выше, а как раз по своим средним ценам. Если бы незаинтересованное мышление было вообще в его интересах, то он должен был бы поставить проблему образования капитала следующим образом: как может возникнуть капитал при регулировании цен средней ценой, т. е. в конечном счете стоимостью товара? Я говорю «в конечном счете», потому что средние цены прямо не совпадают с величинами стоимости товаров, как думали А. Смит, Рикардо и т. д.

[38)] «В форме денег... капитал не производит никакой прибыли» (*Ricardo*. «Principles of Political Economy», 3 ed. London, 1821, p. 267).

которого было бы овеществлением труда, а следовательно, созиданием стоимости. И владелец денег находит на рынке такой специфический товар; это — способность к труду, или рабочая сила.

Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости.

Но для того чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как товар, должны быть выполнены различные условия. Обмен товаров, сам по себе, не содержит никаких иных отношений зависимости, кроме тех, которые вытекают из его собственной природы. А раз это так, рабочая сила может появиться на рынке в качестве товара лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку она выносится на рынок или продается ее собственным владельцем, т. е. тем самым лицом, рабочей силой которого она является. Чтобы ее владелец мог продавать ее как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ею, следовательно, должен быть свободным собственником своей способности к труду, своей личности[39]. Он и владелец денег встречаются на рынке и вступают между собой в отношения как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один — покупатель, а другой — продавец, следовательно оба — юридически равные лица. Для сохранения этого отношения требуется, чтобы собственник рабочей силы продавал ее постоянно лишь на определенное время, потому что, если бы он продал ее целиком раз и навсегда, то он продал бы вместе с тем самого себя, превратился бы из свободного человека в раба, из товаровладельца в товар. Как личность, он постоянно должен сохранять отношение к своей рабочей силе как к своей собственности, а потому как к своему собственному товару, а это возможно лишь постольку, поскольку он всегда предоставляет покупателю пользоваться своей рабочей силой или потреблять ее лишь временно, лишь на определенный срок, следовательно, поскольку он, отчуждая рабочую силу, не отказывается от права собственности на нее[40].

---

[39] В реальных энциклопедиях по классической древности можно встретить нелепое утверждение, что в античном мире капитал был вполне развит, — «не хватало только свободного рабочего и кредитных учреждений». Г-н Моммзен в своей «Romische Geschichte» тоже совершает одну quid pro quo [нелепость] за другой.

[40] Поэтому различные законодательства определяют максимальный срок рабочего договора. У народов, у которых труд свободен, законодательство всегда устанавливает условия расторжения договора о найме. В некоторых странах, особенно в Мексике (до Гражданской войны в Америке также и на территориях, отвоеванных

Второе существенное условие, необходимое для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как товар, состоит в том, что владелец рабочей силы должен быть лишен возможности продавать товары, в которых овеществлен его труд, и, напротив, должен быть вынужден продавать как товар самое рабочую силу, которая существует лишь в его живом организме.

Для того чтобы кто-то имел возможность продавать отличные от его рабочей силы товары, он должен, конечно, обладать средствами производства, например сырьем, орудиями труда и т. д. Сапоги нельзя сделать, не имея кожи. Работнику необходимы кроме того жизненные средства. Никто, даже мечтатель, созидающий «музыку будущего», не может жить продуктами будущего, не может жить за счет потребительных стоимостей, производство которых еще не закончено; с первого дня своего появления на земном шаре человек должен потреблять ежедневно, потреблять, прежде чем он начнет производить и в то время как он производит. Если продукты производятся как товары, то после того как закончено их производство, они должны быть проданы и только после своей продажи могут удовлетворять потребности производителя. Ко времени, необходимому для производства, присоединяется время, необходимое для продажи.

Таким образом, владелец денег лишь в том случае может превратить свои деньги в капитал, если найдет на товарном рынке свободного рабочего, свободного в двояком смысле: в том смысле, что рабочий — свободная личность и располагает своей рабочей силой как товаром и что, с другой стороны, он не имеет для продажи никакого другого товара, гол, как сокол, свободен от всех предметов, необходимых для осуществления своей рабочей силы.

у Мексики, а по существу дела и в Дунайских провинциях до переворота Кузы[64]), рабство существует в скрытой форме, в виде так называемого «пеонажа». Посредством ссуд, которые должны быть отработаны и обязательства по которым переходят из поколения в поколение, не только отдельный рабочий, но и вся его семья становится фактически собственностью другого лица и его семьи. Хуарес отменил «пеонаж». Так называемый император Максимилиан снова ввел его декретом, который в палате представителей в Вашингтоне правильно был заклеймен как декрет, восстанавливающий рабство в Мексике. «Мои особенные, телесные и духовные умения и мои возможности деятельности и ограниченное во времени пользование ими я могу отчудить другому, так как они вследствие этого ограничения получают внешнее отношение к моей целостности и всеобщности. Но если бы я отчудил все мое время, становящееся конкретным в процессе труда, если бы я отчудил мою производительную деятельность как целое, то я сделал бы собственностью другого самое сущность этой деятельности, мою всеобщую деятельность и действительность, мою личность» *(Hegel.* «Philosophie des Rechts». Berlin, 1840, S. 104, § 67).

Вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег, не интересует владельца денег, который находит рынок труда в готовом виде как особое подразделение товарного рынка. И нас он пока интересует столь же мало. Мы теоретически исходим из фактического положения вещей, так же как владелец денег исходит из него практически. Одно во всяком случае ясно. Природа не производит на одной стороне владельцев денег и товаров, а на другой стороне владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно, очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более старых формаций общественного производства.

И те экономические категории, которые мы рассматривали раньше, также носят на себе следы своей истории. Существование продукта в качестве товара предполагает определенные исторические условия. Чтобы стать товаром, продукт должен производиться не как непосредственное средство существования для самого производителя. Если бы мы пошли дальше в своем исследовании и спросили себя: при каких условиях все или, по крайней мере, большинство продуктов принимает форму товара, то мы нашли бы, что это происходит лишь на основе совершенно специфического, а именно капиталистического способа производства. Но такое исследование выходило бы за рамки анализа товара. Товарное производство и товарное обращение могут иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчинен господству меновой стоимости. Для превращения продукта в товар разделение труда внутри общества должно развиться в такой степени, чтобы разграничение потребительной стоимости и меновой стоимости, начинающееся при непосредственной меновой торговле, было вполне закончено. Но эта ступень развития присуща исторически самым различным общественно-экономическим формациям.

Если мы остановим свое внимание на деньгах, то увидим, что они предполагают известный уровень товарного обмена. Различные формы денег — простой товарный эквивалент, или средство обращения, или средство платежа, сокровище и мировые деньги — указывают, смотря по различным размерам применения и сравнительному преобладанию той или другой

функции, на весьма различные ступени общественного процесса производства. Тем не менее, как показывает опыт, достаточно сравнительно слабого развития товарного обращения, чтобы могли образоваться все эти формы. Иначе обстоит дело с капиталом. Исторические условия его существования отнюдь не исчерпываются наличием товарного и денежного обращения. Капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы, и уже одно это историческое условие заключает в себе целую мировую историю. Поэтому капитал с самого своего возникновения возвещает наступление особой эпохи общественного процесса производства[41)].

Этот своеобразный товар, рабочая сила, подлежит теперь нашему ближайшему рассмотрению. Подобно всем другим товарам он обладает стоимостью[42)]. Чем определяется последняя?

Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли. Поскольку рабочая сила — стоимость, в ней самой представлено лишь определенное количество овеществленного общественного среднего труда. Рабочая сила существует только как способность живого индивидуума. Производство рабочей силы предполагает, следовательно, существование последнего. Раз существование индивидуума дано, производство рабочей силы состоит в воспроизводстве самого индивидуума, в поддержании его жизни. Для поддержания своей жизни живой индивидуум нуждается в известной сумме жизненных средств. Таким образом, рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится к рабочему времени, необходимому для производства этих жизненных средств, или стоимость рабочей силы есть стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца. Но рабочая сила осуществляется лишь путем внешнего ее проявления, она осуществляется только в труде. В процессе ее осуществления, в труде, затрачивается определенное количество человеческих мускулов, нервов, мозга и т. д., которое должно быть снова возмещено. Эта усиленная затрата предполагает усиленное

[41)] Характерной особенностью капиталистической эпохи является тот факт, что рабочая сила для самого рабочего принимает форму принадлежащего ему товара, а потому его труд принимает форму наемного труда. С другой стороны, лишь начиная с этого момента, товарная форма продуктов труда приобретает всеобщий характер.

[42)] «Стоимость, или ценность, человека, как и всех других вещей, есть его цена, т. е. она составляет столько, сколько может быть получено за пользование его силой» (*Th. Hobbes.* «Leviathan», in «Works», edit. Moleswortn. London, 1839—1844, v. III, p. 76).

возмещение[43]. Собственник рабочей силы, трудившийся сегодня, должен быть в состоянии повторить завтра тот же самый процесс при прежних условиях силы и здоровья. Следовательно, сумма жизненных средств должна быть достаточна для того, чтобы поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности. Сами естественные потребности, как-то: пища, одежда, топливо, жилище и т. д., различны в зависимости от климатических и других природных особенностей той или другой страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большой мере от культурного уровня страны, между прочим в значительной степени и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих[44]. Итак, в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент. Однако для определенной страны и для определенного периода объем и состав необходимых для рабочего жизненных средств в среднем есть величина данная.

Собственник рабочей силы смертен. Следовательно, чтобы он непрерывно появлялся на рынке, как того требует непрерывное превращение денег в капитал, продавец рабочей силы должен увековечить себя, «как увековечивает себя всякий индивидуум, т. е. путем размножения»[45]. Рабочие силы, исчезающие с рынка вследствие изнашивания и смерти, должны постоянно замещаться по меньшей мере таким же количеством новых рабочих сил. Сумма жизненных средств, необходимых для производства рабочей силы, включает в себя поэтому жизненные средства таких заместителей, т. е. детей рабочих, и таким путем увековечивается на товарном рынке раса этих своеобразных товаровладельцев[46].

Для того чтобы преобразовать общечеловеческую природу так, чтобы она получила подготовку и навыки в определенной отрасли труда, стала развитой и специфической рабочей силой,

---

[43] Древнеримский villicus, эконом, стоявший во главе сельскохозяйственных рабов, «поскольку на нем лежал менее тяжелый труд, чем на чернорабочих, меньше и получал» (*Th. Mommsen.* «Romische Geschichte», 1856, S. 810).

[44] Ср. *W. Th. Thornton.* «Overpopulation and its Remedy». London, 1846.

[45] Петти

[46] «Естественная цена труда... соответствует такому количеству предметов необходимости и жизненных удобств, которое по условиям климата и по жизненным привычкам данной страны необходимо для поддержания самого рабочего и для того, чтобы дать ему возможность содержать такую семью, которая способна обеспечить неослабевающее предложение труда на рынке» (*K. Torrens*. «An Essay on the external Corn Trade». London, 1815, p. 62). Здесь неправильно употреблено слово «труд» вместо «рабочая сила».

требуется определенное образование или воспитание, которое, в свою очередь, стоит большей или меньшей суммы товарных эквивалентов. Эти издержки на образование различны в зависимости от квалификации рабочей силы. Следовательно, эти издержки обучения — совершенно ничтожные для обычной рабочей силы — входят в круг стоимостей, затрачиваемых на ее производство.

Итак, стоимость рабочей силы сводится к стоимости определенной суммы жизненных средств. Она изменяется поэтому с изменением стоимости этих жизненных средств, т. е. с изменением величины рабочего времени, необходимого для их производства.

Часть жизненных средств, например продукты питания, топливо и т. д., потребляется ежедневно и потому ежедневно же должна возмещаться. Другие жизненные средства, как платье, мебель и т. д., потребляются в течение более или менее продолжительных промежутков времени, а потому и подлежат возмещению лишь по истечении более продолжительного времени. Одни товары покупаются или оплачиваются ежедневно, другие еженедельно, раз в четверть года и т. д. Но как бы ни распределялась сумма этих расходов в течение, например, года, она должна быть покрыта из средних, поступающих изо дня в день доходов. Если масса товаров, ежедневно необходимая для производства рабочей силы, = *A,* масса товаров, требуемых еженедельно, = *B,* требуемых каждую четверть года, = *C* и т. д., то ежедневное среднее количество этих товаров $= \frac{365A + 52B + 4C + \text{и т. д.}}{365}$. Пусть в этой необходимой для среднего дня товарной массе заключено 6 часов общественного труда; тогда в рабочей силе ежедневно овеществляется половина дня общественного среднего труда, т. е. требуется половина рабочего дня для ежедневного производства рабочей силы. Это количество труда, необходимое для ежедневного производства рабочей силы, составляет ее дневную стоимость, или стоимость ежедневно воспроизводимой рабочей силы. Если полдня среднего общественного труда выражается в массе золота в 3 шиллинга, или в один талер, то талер есть цена, соответствующая дневной стоимости рабочей силы. Если владелец рабочей силы ежедневно продает ее за один талер, то ее продажная цена равна ее стоимости, и по нашему предположению владелец денег, снедаемый желанием превратить свой талер в капитал, действительно уплачивает эту стоимость.

Низшую, или минимальную, границу стоимости рабочей силы образует стоимость той товарной массы, без ежедневного притока которой носитель рабочей силы, человек, не был бы

в состоянии возобновлять свой жизненный процесс, т. е. стоимость физически необходимых жизненных средств. Если цена рабочей силы падает до этого минимума, то она падает ниже стоимости, так как при таких условиях рабочая сила может поддерживаться и проявляться лишь в хиреющем виде. Между тем стоимость всякого товара определяется тем рабочим временем, которое требуется для производства товара нормального качества.

В высшей степени дешевой сентиментальностью было бы считать слишком грубым это определение стоимости рабочей силы, вытекающее из самого существа дела, и жаловаться подобно Росси:

«Рассматривать способность к труду (puissance de travail), отвлекаясь от жизненных средств, поддерживающих труд во время процесса производства, значит рассматривать свое собственное измышление (etre de raison). Говорить о труде, говорить о способности к труду, значит говорить в то же время о рабочем и средствах его существования, о рабочем и заработной плате»[47].

Способность к труду еще не означает труд, подобно тому как способность переваривать пищу вовсе еще не совпадает с фактическим перевариванием пищи. Для того чтобы мог состояться этот последний процесс, недостаточно, как известно, иметь хороший желудок. Кто говорит о способности к труду, тот не отвлекается от жизненных средств, необходимых для ее поддержания. Стоимость ее как раз и выражает собой стоимость этих жизненных средств. Если способность к труду не может быть продана, рабочему от нее нет никакой пользы. Более того, в этом случае он воспринимает как жестокую естественную необходимость тот факт, что его способность к труду потребовала определенного количества жизненных средств для своего производства и все снова и снова требует их для своего воспроизводства. Он делает тогда вместе с Сисмонди следующее открытие: «Способность к труду... есть ничто, раз она не может быть продана»[48].

Своеобразная природа этого специфического товара, рабочей силы, выражается, между прочим, в том, что по заключении контракта между покупателем и продавцом его потребительная стоимость не переходит еще фактически в руки покупателя. Его стоимость, подобно стоимости всякого другого товара, была определена раньше, чем он вступил в обращение, потому что определенное количество общественного труда уже было затрачено на производство рабочей силы, но ее потреби-

[47] *Rossi*. «Cours d'Economie Politique». Bruxelles, 1843, p. 370, 371.
[48] *Sismondi*. «Nouveaux Principes d'Economie Politique», t. I, p. 113.

тельная стоимость состоит лишь в ее позднейших активных проявлениях. Таким образом, отчуждение силы и ее действительное проявление, т. е. наличное бытие в качестве потребительной стоимости, отделяются друг от друга во времени. Но при продаже таких товаров, формальное отчуждение потребительной стоимости которых отделяется во времени от ее фактической передачи покупателю, деньги покупателя функционируют обыкновенно как средство платежа[49)]. Во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается лишь после того, как она уже функционировала в течение срока, установленного договором при ее купле, например в конце каждой недели. Таким образом, везде рабочий авансирует капиталисту потребительную стоимость своей рабочей силы; он предоставляет покупателю потреблять свою рабочую силу раньше, чем последний уплатил ее цену, одним словом — везде рабочий кредитует капиталиста. Что этот кредит не пустая выдумка, показывает не только потеря кредитором заработной платы в случае банкротства капиталиста[50)], но и целый ряд фактов, оказывающих более продолжительное влияние[51)].

[49)] «Всякий труд оплачивается лишь по его окончании» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand etc.», p. 104). «Начало коммерческого кредита должно быть отнесено к тому моменту, когда рабочий — первоисточник всякого производства — получил возможность благодаря своим сбережениям ожидать платы за свой труд до конца недельного, двухнедельного, месячного, трехмесячного и т. д. срока» (*Ch. Ganilh.* «Des Systemes d'Economie Politique», 2eme edit. Paris, 1821, t. II, p. 150).

[50)] «Рабочий... ссужает свою производительную силу», говорит Шторх, но, добавляет он лукаво, он «не рискует ничем», кроме «потери своего заработка... так как рабочий не вносит в производство ничего материального» *(Storch.* «Cours d'Economie Politique». Petersbourg, 1815, t. II, p. 36, 37).

[51)] Вот пример. В Лондоне существуют двоякого рода булочники: «full priced», продающие хлеб по его полной стоимости, и «undersellers», продающие его ниже стоимости. Последняя категория булочников составляет около $^{3}/_{4}$ общего их числа (стр. XXXII в «Report» правительственного комиссара X. О. Тременхира относительно «Grievances complained of by the journeymen bakers etc.». London, 1862). Эти undersellers продают почти исключительно хлеб с примесями квасцов, мыла, поташа, извести, дербиширской каменной муки и другими столь же приятными питательными и здоровыми ингредиентами. (См. цитированную выше Синюю книгу, а также отчет «Committee of 1855 on the Adulteration of Bread» и сочинение доктора Хасселла «Adulterations Detected», 2nd edit. London, 1861.) Сэр Джон Гордон заявил в своих показанияхперед комитетом: 1855 г., что «вследствие такой фальсификации бедняк, дневное пропитание которого составляют два фунта хлеба, в действительности не получает теперь и четвертой части питательных веществ, содержащихся в таком же количестве нефальсифицированного хлеба, не говоря уже о вредности примесей для его здоровья». На вопрос, почему же «значительная часть рабочего класса», будучи прекрасно осведомлена относительно этой фальсификации, все же покупает квасцы, каменную муку и т. д., Тременхир (вышеупомянутый «Report», стр. XLVIII) отвечает, что рабочие «вынуждены брать у своего пекаря; или в своей «chandler's shop» [«лавочке»] такой хлеб, какой соблаговолят им предложить». Так как труд их оплачивается лишь в конце рабочей недели, то и они, в свою очередь, «лишь в конце недели могут оплатить хлеб, потребленный их семьями в течение недели», и, добавляет Тременхир, подтверждав это свидетельскими показаниями, «несомненно установлено, что хлеб с такими примесями изготовля-

Однако характер самого товарообмена не изменяется от того, функционируют ли деньги в качестве покупательного средства или в качестве средства платежа. Цена рабочей силы установлена при заключении контракта, хотя реализуется, подобно квартирной плате, лишь впоследствии. Рабочая сила уже продана, хотя плата за нее будет получена лишь позднее. Но для того, чтобы исследовать данное отношение в его чистом виде, полезно предположить на время, что владелец рабочей силы одновременно с ее продажей получает всегда и обусловленную контрактом цену.

Мы познакомились теперь с тем, как определяется стоимость, уплачиваемая владельцем денег владельцу этого своеобразного товара, рабочей силы. Ее потребительная стоимость, которую владелец денег, в свою очередь, получает при обмене, обнаружится лишь в процессе действительного использования, в процессе потребления рабочей силы. Все необходимые для этого процесса вещи, как сырой материал и т. п., владелец денег покупает на товарном рынке и оплачивает полной ценой. Процесс потребления рабочей силы есть в то же время процесс производства товара и прибавочной стоимости. Потребление рабочей силы, как и всякого другого товара, совершается за пределами рынка, или сферы обращения. Оставим поэтому эту шумную сферу, где все происходит на поверхности и на глазах у всех людей, и вместе с владельцем денег и владельцем рабочей силы спустимся в сокровенные недра производства, у входа в которые начертано: No admittance except on business [Посторонним вход воспрещается]. Здесь мы познакомимся не только с тем, как капитал производит, но и с тем, как его самого про-

---

ется специально для покупателей этого рода» («It is notorious that bread composed of those mixtures, is made expressly tor sale in this manner»). «Во многих сельскохозяйственных округах Англии» (и особенно Шотландии) «заработная плата выплачивается раз в две недели и даже раз в месяц. Сельскохозяйственный рабочий вынужден при таких продолжительных сроках уплаты покупать себе товары в кредит... Ему приходится платить повышенные цены, и он фактически привязан к тому лавочнику, который дает ему в долг. Так, например, в Хорнингсеме в Уилтсе, где заработная плата выдается раз в месяц, ему обходится в 2 шилл. 4 пенса стон такой же самой муки, которую он в другом месте мог бы купить по 1 шилл. 10 пенсов за стон» («Sixth Report» on «Public Health» by «The Medical Officer of the Privy Council etc.», 1864, p. 264). «Ручные набойщики ситца в Пейсли и Килмарноке» (Западная Шотландия) «добились в 1853 г. при помощи стачки сокращения срока выплаты с одного месяца до 14 дней» («Reports of the Inspectors of Factories for 31st October 1853», p. 34). Как дальнейший ловкий шаг в развитии кредита, оказываемого рабочим капиталисту, можно рассматривать метод многих английских углепромышленников, которые платят рабочему по истечении месяца, а до получки дают ему ссуды, зачастую товарами, за которые рабочий вынужден платить выше их рыночной цены (Trucksystem). «Среди углепромышленников вошло в обыкновение платить раз в месяц и давать рабочим ссуды в конце каждой недели. Ссуда выдается в лавке» (а именно в tommy-shop, т. е. в лавке, принадлежащей самому хозяину предприятия); «рабочие получают деньги в одном углу ее и тотчас же отдают их в другом» («Children's Employment Commission, 3rd Report». London, 1864, p. 38, № 192).

изводят. Тайна добывания прибыли должна, наконец, раскрыться перед нами.

Сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, например рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воля находит свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это — стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии вещей или благодаря всехитрейшему провидению осуществляют лишь дело взаимной выгоды, общей пользы, общего интереса.

Покидая эту сферу простого обращения, или обмена товаров, из которой фритредер vulgaris черпает все свои взгляды, понятия, масштаб всех своих суждений об обществе капитала и наемного труда, — покидая эту сферу, мы замечаем, что начинают несколько изменяться физиономии наших dramatis personae [действующих лиц]. Бывший владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ГЛАВА ПЯТАЯ
ПРОЦЕСС ТРУДА И ПРОЦЕСС УВЕЛИЧЕНИЯ СТОИМОСТИ

1. ПРОЦЕСС ТРУДА

Потребление рабочей силы — это сам труд. Покупатель рабочей силы потребляет ее, заставляя работать ее продавца. Последний вследствие этого становится actu [на деле] осуществляющей себя рабочей силой, рабочим, между тем как раньше он был таковым лишь potentia [потенциально]. Для того чтобы выразить свой труд в товарах, он должен прежде всего выразить его в потребительных стоимостях, в вещах, которые служат для удовлетворения тех или иных потребностей. Следовательно, капиталист заставляет рабочего изготовлять какую-либо особую потребительную стоимость, какую-либо определенную вещь. То обстоятельство, что производство потребительных стоимостей, или благ, совершается для капиталиста и под его контролем, нисколько не изменяет общей природы этого производства. Поэтому процесс труда необходимо рассмотреть сначала независимо от какой бы то ни было определенной общественной формы.

Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил

своей собственной власти. Мы не будем рассматривать здесь первых животнообразных инстинктивных форм труда. Состояние общества, когда рабочий выступает на товарном рынке как продавец своей собственной рабочей силы, и то его уходящее в глубь первобытных времен состояние, когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы, разделено огромным интервалом. Мы предполагаем груд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека. Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил.

Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда.

Земля (с экономической точки зрения к ней относится и вода), первоначально обеспечивающая человека пищей, готовыми жизненными средствами[1)], существует без всякого содействия с его стороны как всеобщий предмет человеческого труда. Все предметы, которые труду остается лишь вырвать из их непосредственной связи с землей, суть данные природой предметы труда. Например, рыба, которую ловят, отделяют от ее жизненной стихии — воды, дерево, которое рубят в девственном лесу, руда, которую извлекают из недр земли. Напротив, если

[1)] «Представляется, — да так оно и есть на самом деле, — что первоначальные продукты земли, которых имеется ограниченное количество и которые существуют совершенно независимо от человека, даны природой совершенно так же, как молодому человеку дается небольшая сумма денег с той целью, чтобы вывести его на путь полезного труда и преуспевания» (*James Steuart.* «Principles of Political Economy», edit. Dublin, 1770, v. I, p. 116).

сам предмет труда уже был, так сказать, профильтрован предшествующим трудом, то мы называем его сырым материалом, например уже добытая руда, находящаяся в процессе промывки. Всякий сырой материал есть предмет труда, но не всякий предмет труда есть сырой материал. Предмет труда является сырым материалом лишь в том случае, если он уже претерпел известное изменение при посредстве труда.

Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи[2]. Предмет, которым человек овладевает непосредственно, — мы не говорим о собирании готовых жизненных средств, например плодов, когда средствами труда служат только органы тела-рабочего, — есть не предмет труда, а средство труда. Так данное самой природой становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего. Являясь первоначальной кладовой его пищи, земля является также и первоначальным арсеналом его средств труда. Она доставляет ему, например, камень, которым он пользуется для того, чтобы метать, тереть, давить, резать и т. д. Сама земля есть средство труда, но функционирование ее как средства труда в земледелии, в свою очередь, предполагает целый ряд других средств труда и сравнительно высокое развитие рабочей силы[3]. Вообще, когда процесс труда достиг хотя бы некоторого развития, он нуждается уже в подвергшихся обработке средствах труда. В пещерах древнейшего человека мы находим каменные орудия и каменное оружие. Наряду с обработанным камнем, деревом, костями и раковинами главную роль, как средство труда, на первых ступенях человеческой истории, играют прирученные, следовательно уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные[4]. Употребление и создание средств труда, хотя

---

[2] «Разум столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, обусловливая взаимное воздействие и взаимную обработку предметов соответственно их природе, без непосредственного вмешательства в этот процесс, осуществляет свою цель» *(Hegel.* «Encyklopadie». Erster Theil. «Die Logik. Berlin,. 1840, S. 382).

[3] В жалкой вообще работе «Theorie de l'Economie Politique». Paris, 1815 [t. I, p. 266], Ганиль, полемизируя с физиократами, удачно перечисляет большое количество процессов труда, которые составляют предпосылку собственно земледелия.

[4] В «Reflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses» (1766) Тюрго хорошо выясняет важность прирученных животных для начальных ступеней культуры.

и свойственны в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда, и потому Франклин определяет человека как «a toolmaking animal», как животное, делающее орудия. Такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда[5)]. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд. В числе самих средств труда механические средства труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства, составляют характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства гораздо больше, чем такие средства труда, которые служат только для хранения предметов труда и совокупность которых в общем можно назвать сосудистой системой производства, как, например, трубы, бочки, корзины, сосуды и т. д. Лишь в химическом производстве они играют важную роль[5a)].

Кроме тех вещей, посредством которых труд воздействует на предмет труда и которые поэтому так или иначе служат проводниками его деятельности, в более широком смысле к средствам процесса труда относятся все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться. Прямо они не входят в него, но без них ,он или совсем невозможен, или может происходить лишь в несовершенном виде. Такого рода всеобщим средством труда является опять-таки сама земля, потому, что она дает рабочему locus standi [место, на котором он стоит], а его процессу — сферу действия (field of employment). Примером этого же рода средств труда, но уже предварительно подвергшихся процессу труда, могут служить рабочие здания, каналы, дороги и т. д.

Итак, в процессе труда деятельность человека при помощи средства труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает в продукте. Продукт процесса

[5)] Из всех товаров собственно предметы роскоши имеют наименьшее значение при технологическом сравнении различных эпох производства.

[5a)] *Примечание к 2 изданию*. Как ни мало историческая наука знает до сих пор развитие материального производства, следовательно основу всей общественной жизни, а потому и всей действительной истории, однако, по крайней мере, доисторические времена делятся на периоды на основании естественно-научных, а не так называемых исторических изысканий, по материалу орудий и оружия: каменный век, бронзовый век, железный век.

труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы. Труд соединился с предметом труда. Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан. То, что на стороне. рабочего проявлялось в форме деятельности [Unruhe], теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства [ruhende Eigenschaft], в форме бытия. Рабочий прял, и продукт есть пряжа.

Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата — продукта, то и средство труда и предмет труда оба выступают как средства производства[6] а самый труд — как производительный труд[7].

Когда одна потребительная стоимость в виде продукта выходит из процесса труда, в него входят в качестве средств производства другие потребительные стоимости, продукты предыдущих процессов труда. Одна и та же потребительная стоимость, являясь продуктом одного труда, служит средством производства для другого труда. Поэтому продукты представляют собой не только результат, но в то же время и условие процесса труда.

За исключением добывающей промышленности, которая находит свой предмет труда в природе, — как горное дело, охота, рыболовство и т. д. (земледелие лишь постольку, поскольку впервые обрабатывается девственная почва), — все отрасли промышленности имеют дело с таким предметом, который представляет собой сырой материал, т. е. предмет труда, уже профильтрованный процессом труда, и который сам уже является продуктом труда. Так, например, семена в земледелии. Животные и растения, которых обыкновенно считают продуктами природы, в действительности являются продуктами труда не только прошлого года, но в своих современных формах и продуктами видоизменений, совершавшихся на протяжении многих поколений под контролем человека, при посредстве человеческого труда. Что же касается собственно средств труда, то даже для самого поверхностного взгляда громадное большинство их обнаруживает следы прошлого труда.

Сырой материал может образовать главную субстанцию продукта или же принять участие в его образовании только как вспомогательный материал. Вспомогательный материал или

[6] Представляется парадоксальным называть, например, рыбу, которая еще не поймана, средством производства для рыболовства. Но до сих пор еще не изобретено искусство ловить рыбу в таких водах, где ее нет.

[7] Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства.

потребляется средствами труда, как, например, уголь паровой машиной, смазка колесами, сено рабочей лошадью, или присоединяется к сырому материалу, чтобы произвести в нем вещественное изменение, — как, например, хлор к небеленому холсту, уголь к железу, краска к шерсти, — или же способствует осуществлению самого труда, как, например, материалы, употребляемые для освещения и отопления рабочего помещения. В собственно химическом производстве различие между главным материалом и вспомогательным материалом исчезает, потому что ни один из применяемых сырых материалов не появляется вновь в качестве субстанции продукта[8)].

Так как каждая вещь обладает многочисленными свойствами и потому пригодна для различных способов использования, то один и тот же продукт может служить сырым материалом в очень различных процессах труда. Например, зерно является сырым материалом для мельника, крахмалозаводчика, винокура, скотовода и т. д. В качестве семян оно становится сырым материалом для своего собственного производства. Точно так же уголь выходит из горной промышленности как продукт и входит в нее как средство производства.

Один и тот же продукт в одном и том же процессе труда может служить средством труда и сырым материалом. Например, скот при его откармливании является подвергающимся обработке сырым материалом и в то же время средством для приготовления удобрения.

Продукт, существующий в готовой для потребления форме, может снова сделаться сырым материалом для другого продукта, как, например, виноград — сырым материалом для вина. Или же труд оставляет свой продукт в таких формах, в которых последний может найти применение только как сырой материал. Сырой материал в этом состоянии называется полуфабрикатом и, быть может, точнее можно было бы называть его промежуточным фабрикатом, как, например, хлопок, нитки, пряжа и т. д. Являясь уже продуктом, сам первоначальный сырой материал должен, однако, пройти еще целый ряд различных процессов, в которых он в постоянно изменяющемся виде каждый раз снова функционирует как сырой материал вплоть до последнего процесса труда, из которого он выходит уже как готовое жизненное средство или готовое средство труда.

Итак, выступает ли известная потребительная стоимость в качестве сырого материала, средства труда или продукта, это

[8)] Шторх проводит различие между собственно сырым материалом, как «matiere», и вспомогательными материалами, как «materiaux»[65]. Шербюлье называет вспомогательные материалы «matieres instrumentales»[66].

всецело зависит от ее определенной функции в процессе труда, от того места, которое она занимает в нем, и с переменой этого места изменяются и ее определения.

Поэтому, вступая в качестве средств производства в новые процессы труда, продукты утрачивают характер продуктов. Они функционируют здесь уже только как материальные факторы живого труда. Для прядильщика веретено только средство, которым он прядет, лен — только предмет, который он прядет. Конечно, нельзя прясть без материала прядения и без веретена. Поэтому наличие этих продуктов предполагается при начале прядения. Но то обстоятельство, что лен и веретено суть продукты прошлого труда, так же безразлично для самого этого процесса, как для акта питания безразлично то обстоятельство, что хлеб — продукт прошлого труда крестьянина, мельника, пекаря и т. д. Наоборот. Если средства производства и обнаруживают в процессе труда свой характер продуктов прошлого труда, то лишь благодаря своим недостаткам. Нож, который не режет, пряжа, которая постоянно рвется, и т. д. живо напоминают о ножевщике *A* и прядильщике *B*. В удавшемся продукте изглажен всякий след участия прошлого труда в создании его потребительных свойств.

Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет собой испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости. Охваченные пламенем труда, который ассимилирует их как свое тело, призванные в процессе труда к функциям, соответствующим их идее и назначению, они хотя и потребляются, но потребляются целесообразно, как элементы для создания новых потребительных стоимостей, новых продуктов, которые способны войти как жизненные средства в сферу индивидуального потребления или как средства производства в новый процесс труда.

Итак, если имеющиеся в наличии продукты являются не только результатом процесса труда, но и его условиями, то, с другой стороны, их вступление в процесс труда, т. е. их контакт с живым трудом, служит единственным средством для того, чтобы сохранить и использовать эти продукты прошлого труда как потребительные стоимости.

Труд потребляет свои вещественные элементы, свой предмет и свои средства, пожирает их, а потому является процессом

потребления. Это производственное потребление тем отличается от индивидуального потребления, что в последнем продукты потребляются как жизненные средства живого индивидуума, в первом — как жизненные средства труда, т. е. действующей рабочей силы этого индивидуума. Поэтому продукт индивидуального потребления есть сам потребитель, результат же производственного потребления — продукт, отличный от потребителя.

Поскольку средства труда и предмет труда сами уже являются продуктами, труд потребляет продукты для производства продуктов или пользуется продуктами как средствами производства продуктов. Но подобно тому как первоначально процесс труда совершается лишь между человеком и землей, существующей без его содействия, так и теперь в процессе труда все еще принимают участие средства производства, которые даны природой и не представляют собой соединения вещества природы с человеческим трудом.

Процесс труда, как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам. Поэтому у нас не было необходимости в том, чтобы рассматривать рабочего в его отношении к другим рабочим. Человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы на другой, — этого было достаточно. Как по вкусу пшеницы невозможно узнать, кто ее возделывал, так же по этому процессу труда не видно, при каких условиях он происходит: под жестокой ли плетью надсмотрщика за рабами или под озабоченным взором капиталиста, совершает ли его Цинциннат, возделывающий свои несколько югеров, или дикарь, камнем убивающий зверя[9].

Однако возвратимся к нашему капиталисту in spe [в будущем]. Мы оставили его после того, как он купил на товарном рынке все факторы, необходимые для процесса труда: материальные факторы, или средства производства, и личный фактор, или

[9] На этом в высшей степени логическом основании полковник Торренс в камне дикаря открывает начало капитала. «В первом камне, который дикарь бросает в преследуемого зверя, в первой палке, которую он берет, чтобы притянуть плоды, которых не может достать руками, мы видим присвоение одного предмета с той целью, чтобы приобрести другой, и таким образом открываем начало напитала» (*R. Torrens.* «An Easay on the Production of Wealth etc.», p. 70, 71). Существованием этой первой палки [stock], надо полагать, объясняется и то, почему на английском языке «stock» есть синоним капитала.

рабочую силу. Лукавым глазом знатока он высмотрел средства производства и рабочие силы, требующиеся для его особого предприятия: прядильни, обувной фабрики и т. д. Итак, наш капиталист приступает к потреблению купленного им товара, рабочей силы, т. е. заставляет носителя рабочей силы, рабочего, потреблять посредством своего труда средства производства. Общий характер процесса труда, конечно, не изменяется от того, что рабочий совершает его для капиталиста, а не для самого себя. Да и тот определенный способ, каким изготовляются сапоги или прядется пряжа, тоже не может сразу измениться вследствие вмешательства капиталиста. Последний должен на первых порах взять рабочую силу такой, как он находит ее на рынке, а следовательно, и труд должен взять таким, каким он развился в тот период, когда еще не было капиталистов. Изменение самого способа производства как результат подчинения труда капиталу может совершиться лишь позже, а потому и рассмотрению подлежит позднее.

Процесс труда, как процесс потребления рабочей силы капиталистом, обнаруживает две своеобразных особенности.

Рабочий работает под контролем капиталиста, которому принадлежит его труд. Капиталист наблюдает за тем, чтобы работа совершалась в надлежащем порядке и чтобы средства производства потреблялись целесообразно, следовательно, чтобы сырой материал не растрачивался понапрасну и чтобы с орудиями труда обходились бережно, т. е. чтобы они разрушались лишь настолько, насколько этого требует их употребление в работе.

А во-вторых: продукт есть собственность капиталиста, а не непосредственного производителя, не рабочего. Капиталист оплачивает, например, дневную стоимость рабочей силы. Следовательно, потребление ее, как и всякого другого товара, — например лошади, которую он нанимает на один день, — в продолжение дня принадлежит ему. Покупателю товара принадлежит потребление товара, и владелец рабочей силы, отдавая свой труд, фактически отдает лишь проданную им потребительную стоимость. С того момента, как он вступает в мастерскую капиталиста, потребительная стоимость его рабочей силы, т. е. ее потребление, труд, принадлежит капиталисту. Куплей рабочей силы капиталист присоединил самый труд как живой фермент к мертвым, принадлежащим ему же элементам образования продукта. С его точки зрения процесс труда есть лишь потребление купленного им товара, рабочей силы, но он может потреблять ее лишь при том условии, если присоединит к ней средства производства. Процесс труда есть процесс между

вещами, которые купил капиталист, между принадлежащими ему вещами. Поэтому продукт этого процесса принадлежит ему в той же мере, как продукт процесса брожения в его винном погребе[10].

2. ПРОЦЕСС УВЕЛИЧЕНИЯ СТОИМОСТИ

Продукт — собственность капиталиста — есть известная потребительная стоимость: пряжа, сапоги и т. д. Но хотя сапоги, например, некоторым образом образуют базис общественного прогресса и хотя наш капиталист — решительный прогрессист, он, тем не менее, производит сапоги не ради них самих. Потребительная стоимость при товарном производстве вообще не представляет собой вещи, «qu'on aime pour lui-meme» [«которую любят ради нее самой»]. Потребительные стоимости вообще производятся здесь лишь потому и постольку, поскольку они являются материальным субстратом, носителями меновой стоимости. И наш капиталист заботится о двоякого рода вещах. Во-первых, он хочет произвести потребительную стоимость, обладающую меновой стоимостью, предмет, предназначенный для продажи, т. е. товар. И, во-вторых, он хочет произвести товар, стоимость которого больше суммы стоимости товаров, необходимых для его производства, больше суммы стоимости средств производства и рабочей силы, на которые он авансировал на товарном рынке свои наличные деньги. Он хочет произвести не только потребительную стоимость, но и товар, не только потребительную стоимость, но и стоимость, и не только стоимость, но и прибавочную стоимость.

В самом деле, так как речь идет здесь о товарном производстве, то, очевидно, мы рассматривали до сих пор только одну сторону процесса. Как сам товар есть единство потребительной стоимости и стоимости, так и процесс производства товара должен быть единством процесса труда и процесса созидания стоимости.

[10] «Продукты присваиваются, прежде чем они превращаются в капитал; это превращение не избавляет их от такого присвоения» *(Cherbuliez.* «Richesse ou Pauvrete», edit. Paris, 1841, p. 54). «Продавая свой труд за определенное количество жизненных средств (approvisionnement), пролетарий совершенно отказывается от какой бы то ни было доли продукта. Присвоение продуктов остается таким же, как было раньше; оно нисколько не изменяется упомянутым договором. Продукт принадлежит исключительно капиталисту, который доставил сырые материалы и approvisionnement. И это — непременное следствие закона присвоения,основным принципом которого было, наоборот, исключительное право собственности каждого работника на его продукт» (*James Mill.*«Elements of Political Economy etc.». London, 1821, p. 58). «Раз рабочие работают за заработную плату... то капиталист есть собственник не только капитала» (здесь подразумеваются средства производства), «но и труда (of the labour also). Если в понятие капитала, как это обыкновенно делается, включают то, что выдается в виде заработной платы, то нелепо говорить о труде обособленно от капитала. Слово капитал в этом смысле охватывает и то и другое, и капитал и труд» (там же, стр. 70, 71).

Итак, рассмотрим теперь процесс производства и как процесс созидания стоимости.

Мы знаем, что стоимость каждого товара определяется количеством труда, материализованного в потребительной стоимости товара, рабочим временем, общественно необходимым для его производства. Это относится и к продукту, который получен нашим капиталистом как результат процесса труда. Следовательно, необходимо прежде всего вычислить труд, овеществленный в этом продукте.

Пусть это будет, например, пряжа.

Для производства пряжи необходим прежде всего соответствующий сырой материал, например 10 ф. хлопка. Какова стоимость хлопка, этого здесь не приходится отыскивать, потому что капиталист купил его на рынке по его стоимости, например за 10 шиллингов. В цене хлопка труд, необходимый для его производства, уже получил выражение как средний общественный труд. Предположим далее, что веретен, которые являются для нас представителями всех применяющихся здесь средств труда, потреблено при переработке хлопка такое количество, которое имеет стоимость в 2 шиллинга. Если количество золота в 12 шилл. составляет продукт 24 рабочих часов, или двух рабочих дней, то из этого прежде всего следует, что в пряже овеществлены 2 рабочих дня.

То обстоятельство, что хлопок изменил свою форму и что потребленная часть веретен совершенно исчезла, не должно вводить нас в заблуждение. Например, если стоимость 40 ф. пряжи = стоимости 40 ф. хлопка + стоимость целого веретена, т. е. если требуется одинаковое рабочее время для того, чтобы произвести ту и другую часть этого уравнения, то, согласно общему закону стоимости, 10 ф. пряжи представляют собой эквивалент 10 ф. хлопка и $^1/_4$ веретена. В этом случае одно и то же рабочее время воплощено один раз в потребительной стоимости пряжи, другой раз — в потребительных стоимостях хлопка и веретена. Следовательно, для стоимости совершенно безразлично, проявляется ли она в пряже, веретене или хлопке. То обстоятельство, что веретено и хлопок, вместо того чтобы спокойно лежать одно подле другого, в процессе прядения вступают в соединение, изменяющее их потребительные формы и превращающее их в пряжу, точно так же не влияет на их стоимость, как если бы они были посредством простого обмена заменены эквивалентным количеством пряжи.

Рабочее время, необходимое для производства хлопка, есть часть рабочего времени, необходимого для производства пряжи (хлопок является ее сырым материалом), а потому оно заклю-

чено в пряже. Точно так же обстоит дело с рабочим временем, необходимым для производства того количества веретен, без снашивания или потребления которого хлопок не может быть превращен в пряжу[11].

Итак, поскольку имеется в виду стоимость пряжи, т. е. рабочее время, необходимое для производства последней, постольку различные особые, отделенные друг от друга во времени и пространстве процессы труда, которые должны быть проделаны для того, чтобы произвести самый хлопок и потребленные веретена, а потом из хлопка и веретен произвести пряжу, мы можем рассматривать как различные последовательные фазы одного и того же процесса труда. Весь заключающийся в пряже труд есть прошлый труд. То обстоятельство, что рабочее время, необходимое для производства элементов созидания пряжи, уже миновало и относится к давно прошедшему времени, между тем как труд, непосредственно затраченный на заключительный процесс, на прядение, ближе к настоящему, является просто прошедшим временем, не имеет решительно никакого значения. Если на постройку дома необходимо определенное количество труда, например 30 рабочих дней, то общее количество рабочего времени, воплощенного в доме, не изменяется от того, что 30-й день труда вступил в производство через 29 дней после первого. И потому рабочее время, заключающееся в материале труда и средствах труда, мы можем рассматривать совершенно таким же образом, как если бы оно было затрачено просто на более ранней стадии процесса прядения до того труда, который был присоединен в конце, в форме прядения.

Итак, стоимости средств производства, хлопка и веретен, выраженные в цене 12 шилл., образуют составные части стоимости пряжи, или стоимости продукта.

Но при этом должны быть осуществлены два условия. Во-первых, хлопок и веретена должны послужить на самом деле для производства известной потребительной стоимости. В нашем случае из них должна быть произведена пряжа. Для стоимости безразлично, какая потребительная стоимость служит ее носителем, но носителем ее во всяком случае должна быть какая-нибудь потребительная стоимость. Во-вторых, предполагается, что затрачено лишь рабочее время, необходимое при данных общественных условиях производства. Следовательно, если для того чтобы выпрясть 1 ф. пряжи необходим только 1 ф.

---

[11] «На стоимость товаров влияет не только труд, затраченный непосредственно на их производство, но и труд, затраченный на орудия, инструменты и здания, необходимые для осуществления труда» (*Ricardo.* «The Principles of Political Economy» 3 ed. London, 1821, p. 16).

хлопка, то на образование 1 ф. пряжи может быть потреблен только 1 ф. хлопка. Так же обстоит дело и с веретенами. Если бы капиталисту пришло в голову применять золотые веретена вместо железных, то в стоимость пряжи входил бы, тем не менее, лишь общественно необходимый труд, т. е. рабочее время, необходимое для производства железных веретен.

Теперь мы знаем, какую часть стоимости пряжи образуют средства производства, хлопок и веретена. Она равняется 12 шилл., или представляет собой материализацию двух рабочих дней. Следовательно, теперь дело идет о той части стоимости, которую труд самого прядильщика присоединяет к хлопку.

Мы должны теперь рассмотреть этот труд с совершенно иной точки зрения, чем при рассмотрении процесса труда. Там дело шло о целесообразной деятельности, о превращении хлопка в пряжу. Чем целесообразнее труд, тем, при прочих равных условиях, лучше пряжа. Труд прядильщика был специфически отличен от других видов производительного труда, и это отличие проявлялось субъективно и объективно, в особой цели прядения, в особом характере его операций, в особой природе его средств производства, в особой потребительной стоимости его продукта. Хлопок и веретена необходимы для прядильного труда, но при помощи их нельзя сделать нарезных пушек. Напротив, поскольку труд прядильщика создает стоимость, т. е. является источником стоимости, он нисколько не отличается от труда оружейника или, что в данном случае ближе для нас, от труда хлопковода и производителя веретен, воплощенного в средствах производства пряжи. Только благодаря этой тождественности возделывание хлопка, производство веретен и прядение могут образовать части одной и той же общей стоимости, стоимости пряжи, отличающиеся одна от другой лишь количественно. Здесь дело идет уже не о качестве, не о свойствах и содержании труда, а только о его количестве. Последнее легко учесть. Мы предполагаем, что труд прядения есть простой труд, средний общественный труд. Позже мы увидим, что противоположное предположение нисколько не изменяет дела.

Во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности. По окончании одного часа движение прядения выражается в известном количестве пряжи, и, следовательно, определенное количество труда, один рабочий час, оказывается овеществленным в хлопке. Мы говорим: рабочий час, т. е. затрата жизненной силы прядильщика в течение одного часа, потому что труд прядения здесь имеет значение лишь постольку, по-

скольку он является затратой рабочей силы, а не потому, что он — специфический труд прядения.

И вот решающее значение имеет то, чтобы в ходе процесса, т. е. во время превращения хлопка в пряжу, потреблялось только общественно необходимое рабочее время. Если при нормальных, т. е. средних общественных, условиях производства *a* фунтов хлопка за один рабочий час должны быть превращены в *b* фунтов пряжи, то значение 12-часового рабочего дня приобретает только такой рабочий день, который *a* фунтов хлопка × 12 превращает в 6 фунтов пряжи × 12. Потому что только общественно необходимое рабочее время идет в счет при образовании стоимости.

Как самый труд, так и сырой материал и продукт являются здесь в совершенно ином свете, чем с точки зрения собственно процесса труда. Сырой материал имеет здесь значение лишь как нечто впитывающее определенное количество труда. Посредством этого впитывания он действительно превращается в пряжу, потому что рабочая сила была затрачена и присоединена к нему в форме прядения. Продукт же, пряжа, служит теперь только мерилом труда, впитанного хлопком. Если в течение одного часа переработано $1^2/_3$ ф. хлопка, или превращено в $1^2/_3$ ф. пряжи, то 10 ф. пряжи указывают на 6 впитанных рабочих часов. Определенные, устанавливаемые опытом количества продукта представляют теперь только определенные количества труда, определенные массы застывшего рабочего времени. Они — только материализация одного часа, двух часов, одного дня общественного труда.

То обстоятельство, что труд есть именно труд прядения, материал его — хлопок, а продукт — пряжа, здесь не имеет значения точно так же, как и то обстоятельство, что самый предмет труда уже есть продукт, следовательно — сырой материал. Если бы рабочий был занят не в прядильной мастерской, а в угольной шахте, то предмет труда, уголь, был бы дан природой. И, тем не менее, определенное количество добытого из залежей угля, например один центнер, представляло бы определенное количество впитанного труда.

При продаже рабочей силы предполагалось, что ее дневная стоимость равна 3 шилл., что в последних воплощено 6 рабочих часов и что, следовательно, это количество труда требуется для того, чтобы произвести среднюю сумму жизненных средств рабочего на один день. Если наш прядильщик в течение одного рабочего часа превращает $1^2/_3$ ф. хлопка в $1^2/_3$ ф. пряжи[12],

[12] Цифры здесь совершенно произвольны.

то за 6 часов он превратит 10 ф. хлопка в 10 ф. пряжи. Следовательно, в процессе прядения хлопок впитывает 6 рабочих часов. Это же самое рабочее время выражается в количестве золота в 3 шиллинга. Итак, к хлопку самим прядением присоединена стоимость в 3 шиллинга.

Посмотрим теперь на общую стоимость продукта — этих 10 ф. пряжи. В них овеществлено $2^1/_2$ рабочих дня: 2 дня содержится в хлопке и в веретенах, $^1/_2$ рабочего дня впитана в процессе прядения. Это же самое рабочее время выражается в количестве золота в 15 шиллингов. Следовательно, цена этих 10 ф. пряжи, соответствующая их стоимости, составляет 15 шилл., цена 1 ф. пряжи — 1 шилл. и 6 пенсов.

Наш капиталист смущен. Стоимость продукта равна стоимости авансированного капитала. Авансированная стоимость не возросла, не произвела прибавочной стоимости, следовательно деньги не превратились в капитал. Цена этих 10 ф. пряжи равна 15 шилл., и 15 же шиллингов были израсходованы на товарном рынке на элементы созидания продукта, или, что то же самое, на факторы процесса труда: 10 шилл. на хлопок, 2 шилл. на потребленное количество веретен и 3 шилл. на рабочую силу. От разбухшей стоимости пряжи нет никакого проку, потому что эта стоимость представляет собой просто сумму стоимостей, которые раньше распределялись между хлопком, веретенами и рабочей силой, а ведь из такого простого сложения существующих стоимостей никогда не может возникнуть прибавочная стоимость[13)]. Все эти стоимости сконцентрированы теперь в одной вещи, но они были сконцентрированы таким же образом и в денежной сумме в 15 шилл., прежде чем она раздробилась вследствие купли трех товаров.

Сам по себе этот результат не удивителен. Стоимость одного фунта пряжи 1 шилл. 6 пенсов, и потому за 10 ф. пряжи наш капиталист должен был бы уплатить на товарном рынке 15 шиллингов. Купит ли он дом для себя готовым на рынке или же будет строить его сам, ни одна из этих операций не увеличит количества денег, затраченных на приобретение дома.

Капиталист, который кое-что смыслит в вульгарной политической экономии, скажет, быть может, что он авансировал

[13)] Это — основное положение, на котором покоится учение физиократов о непроизводительности всякого неземледельческого труда, и оно неопровержимо для профессионального экономиста. «Этот способ приписывать одной вещи стоимость многих других (например, полотну — стоимость предметов, потребленных ткачом), наслаивать, так сказать, на одну стоимость несколько стоимостей, ведет к тому, что стоимость соответственно разбухает... Термин сложение хорошо отражает тот способ, каким образуется цена продуктов труда: эта цепа есть только сумма многих стоимостей, потребленных и сложенных вместе; но складывать не значит умножать» (*Mercier de la Riviẹre,* цит. соч., стр. 599).

свои деньги с тем намерением, чтобы сделать из них большее количество денег. Но ведь дорога в ад вымощена благими намерениями, и у него точно так же могло бы появиться намерение добывать деньги, ничего не производя[14]. Он начинает грозить. Во второй раз его уже не проведут. В будущем он станет покупать товары на рынке готовыми, вместо того чтобы заниматься их производством. Но что, если все его братья-капиталисты поступят точно так же, — где тогда найдет он товары на рынке? А питаться деньгами он не может. Он пускается в поучения. Следует-де принять во внимание его воздержание. Он мог бы промотать свои 15 шиллингов. Вместо того он потребил их производительно и сделал из них пряжу. Но ведь зато и имеется у него теперь пряжа вместо угрызений совести. Ему совсем не приличествует сбиваться на роль собирателя сокровищ, который демонстрировал нам, что может получиться при аскетизме. Кроме того, на нет и суда нет. Какова бы ни была заслуга его отречения, не получается ничего, чем можно было бы особо оплатить это отречение, потому что стоимость продукта, выходящего из процесса, равна только сумме товарных стоимостей, брошенных в этот процесс. Успокоиться бы ему на том, что добродетель есть воздаяние добродетели. Но вместо этого капиталист- становится навязчивее. Пряжа ему не нужна. Он производил ее для продажи. Ну, что же, пусть он продает ее или, что еще проще, производит в будущем только вещи для своего собственного потребления — рецепт, который однажды уже прописал ему его домашний врач Мак-Куллох как испытанное средство против эпидемии перепроизводства. Но капиталист упрямо становится на дыбы. Разве рабочий создает продукты только при помощи своих рук, разве он создает товары из ничего? Не он ли, капиталист, дал ему материал, в котором и посредством которого рабочий только и мог воплотить свой труд? А так как наибольшая часть общества состоит из таких голяков, то не оказал ли он своими средствами производства, своим хлопком и своими веретенами, неизмеримую услугу обществу и самому рабочему, которого он кроме того снабдил еще жизненными средствами? И не следует ли ему записать в счет эту услугу? Но разве рабочий, с своей стороны, не оказал ему услуги, превратив хлопок и веретена в пряжу? Кроме того, дело здесь вовсе не в услугах[15]. Услуга есть не что иное, как

[14] Так, например, в 1844—1847 гг. он извлек из производства часть своего капитала для спекуляции железнодорожными акциями. Так же во время Гражданской войны в Америке он закрыл фабрики и выбросил фабричных рабочих на мостовую, чтобы заняться игрой на ливерпульской хлопковой бирже.

[15] «Хвались, наряжайся и прихорашивайся... Но кто берет больше или лучше» (чем сам дал), «тот ростовщик, и это значит, что не услугу, а вред принес он своему ближнему, как это бывает при воровстве и грабеже. Не все то услуга и благодеяние ближнему, что называют услугой и благодеянием. Прелюбодей и прелюбодейка также оказывают друг другу большую услугу и удовольствие. Рейтар оказывает убийце-поджигателю большую рейтарскую услугу, помогая ему грабить на дорогах и нападать на страну и людей. Паписты оказывают нашим великую услугу, ибо они не всех топят, сжигают, убивают, заставляют гнить в темницах, но оставляют некоторых в живых и изгоняют их или отнимают у них все, что есть. Сам дьявол оказывает своим служителям великую неизмеримую услугу... Словом, мир полон великих, превосходных, ежедневных услуг и благодеяний» (*Martin Luther.* «An die Plarrherrn, wider den Wucher zu predigen etc.». Wittemberg, 1540 [S. 8—9]).

полезное действие той или иной потребительной стоимости — товара ли, труда ли[16]. Но здесь перед нами меновая стоимость. Капиталист уплатил рабочему стоимость в 3 шиллинга. Рабочий возвратил ему точный эквивалент в виде стоимости в 3 шилл., присоединенной к хлопку, возвратил ему стоимость за стоимость. Наш приятель, который только что кичился своим капиталом, вдруг принимает непритязательный вид своего собственного рабочего. Да разве сам он не работал? Не исполнял труд надзора и наблюдения за прядильщиком? И разве этот его труд не создает, в свою очередь, стоимости? Но тут его собственный надсмотрщик и его управляющий пожимают плечами. Однако он с веселой улыбкой уже снова принял свое прежнее выражение лица. Он просто дурачил нас всеми своими причитаниями. Все это не стоит и гроша. Эти и тому подобные пустые увертки и бессодержательные уловки он предоставляет профессорам политической экономии, которые собственно за это и оплачиваются. Сам же он — практический человек, который хотя и не всегда обдумывает, что он говорит в том случае, когда это не касается его дел, но всегда знает, что он делает в своей деловой сфере.

Присмотримся к делу поближе. Дневная стоимость рабочей силы составляла 3 шилл., потому что в ней самой овеществлена половина рабочего дня, т. е. потому что жизненные средства, ежедневно необходимые для производства рабочей силы, стоят половину рабочего дня. Но прошлый труд, который заключается в рабочей силе, и тот живой труд, который она может выполнить, ежедневные издержки по ее сохранению и ее ежедневная затрата — это две совершенно различные величины. Первая определяет ее меновую стоимость, вторая составляет ее потребительную стоимость. То обстоятельство, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно половины рабочего дня, нисколько не препятствует тому, чтобы рабочий работал целый день. Следовательно, стоимость рабочей силы и

[16] По этому поводу я замечаю между прочим в «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 14: «Понятно, какую «услугу» должна оказывать категория «услуги» («service») такого рода экономистам, как Ж. Б. Сэй и Ф. Бастиа» [см. настоящее издание, том 13, стр. 23].

стоимость, создаваемая в процессе ее потребления, суть две различные величины. Капиталист, покупая рабочую силу, имел в виду это различие стоимости. Ее полезное свойство, ее способность производить пряжу или сапоги, было только conditio sine qua non [необходимым условием], потому что для создания стоимости необходимо затратить труд в полезной форме. Но решающее значение имела специфическая потребительная стоимость этого товара, его свойство быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам. Это — та специфическая услуга, которой ожидает от него капиталист. И он действует при этом соответственно вечным законам товарного обмена. В самом деле, продавец рабочей силы, подобно продавцу всякого другого товара, реализует ее меновую стоимость и отчуждает ее потребительную стоимость. Он не может получить первой, не отдавая второй. Потребительная стоимость рабочей силы, самый труд, так же не принадлежит ее продавцу, как потребительная стоимость проданного масла — торговцу маслом. Владелец денег оплатил дневную стоимость рабочей силы, поэтому ему принадлежит потребление ее в течение дня, дневной труд. То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, есть лишь особое счастье для покупателя, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу.

Наш капиталист заранее предвидел этот казус, который как раз и заставил его улыбаться[67]. Поэтому рабочий находит в мастерской необходимые средства производства не только для шестичасового, но и для двенадцатичасового процесса труда. Если 10 ф. хлопка впитывали 6 рабочих часов и превращались в 10 ф. пряжи, то 20 ф. хлопка впитают 12 рабочих часов и превратятся в 20 ф. пряжи. Рассмотрим продукт удлиненного процесса труда. В этих 20 ф. пряжи теперь овеществлено 5 рабочих дней: 4 в потребленном количестве хлопка и веретен, 1 впитан хлопком в процессе прядения. Но денежное выражение 5 рабочих дней есть 30 шилл., или 1 ф. ст. 10 шиллингов. Это и есть, следовательно, цена 20 ф. пряжи. Фунт пряжи по-прежнему стоит 1 шилл. 6 пенсов. Но сумма стоимостей товаров, брошенных в процесс, составляла 27 шиллингов. Стоимость пряжи составляет 30 шиллингов. Стоимость продукта возросла на $^1/_9$ по сравнению с авансированной на его производство стоимостью. Таким образом 27 шилл. превратились в 30 шиллингов.

Они принесли прибавочную стоимость в 3 шиллинга. Наконец фокус удался. Деньги превратились в капитал.

Все условия проблемы соблюдены, и законы товарного обмена нисколько не нарушены. Эквивалент обменивался на эквивалент. Капиталист как покупатель оплачивал каждый товар — хлопок, веретена, рабочую силу — по его стоимости. Потом он сделал то, что делает всякий другой покупатель товаров. Он потребил их потребительную стоимость. Процесс потребления рабочей силы, который является в то же время и процессом производства товара, дал продукт, 20 ф. пряжи, стоимостью в 30 шиллингов. Теперь капиталист, который раньше покупал товары, возвращается на рынок и продает товар. Он продает фунт пряжи по 1 шилл. 6 пенсов, ни на грош не дороже и не дешевле его стоимости. И, тем не менее, он извлекает из обращения на 3 шилл. больше, чем первоначально бросил в него. Весь этот процесс, превращение его денег в капитал, совершается в сфере обращения и совершается не в ней. При посредстве обращения — потому что он обусловливается куплей рабочей силы на товарном рынке. Не в обращении — потому что последнее только подготовляет процесс увеличения стоимости, совершается же он в сфере производства. Таким образом, «tout pour де mieux dans де meilleur des mondes possibles»[68].

Превращая деньги в товары, которые служат вещественными элементами нового продукта, или факторами процесса труда, присоединяя к их мертвой предметности живую рабочую силу, капиталист превращает стоимость — прошлый, овеществленный, мертвый труд — в капитал, в самовозрастающую стоимость, в одушевленное чудовище, которое начинает «работать» «как будто под влиянием охватившей его любовной страсти»[69].

Если мы сравним теперь процесс образования стоимости и процесс увеличения стоимости, то окажется, что процесс увеличения стоимости есть не что иное, как процесс образования стоимости, продолженный далее известного пункта. Если процесс образования стоимости продолжается лишь до того пункта, когда уплаченная капиталом стоимость рабочей силы будет возмещена новым эквивалентом, то это будет простой процесс образования стоимости. Если же процесс образования стоимости продолжается далее этого пункта, то он становится процессом увеличения стоимости.

Далее, если мы сравним процесс образования стоимости с процессом труда, то увидим, что последний заключается в полезном труде, производящем потребительные стоимости. Движение рассматривается здесь с качественной стороны, со сто-

роны его особого характера, цели и содержания. В процессе образования стоимости тот же самый процесс труда представляется исключительно с количественной стороны. Здесь дело заключается только в том времени, которое требуется труду для его операции, или только в продолжительности периода, в течение которого производительно затрачивается рабочая сила. И товары, которые входят в процесс труда, имеют здесь значение уже не как функционально определенные, вещественные факторы целесообразно действующей рабочей силы. Они учитываются лишь как определенные количества овеществленного труда. И труд, заключается ли он в средствах производства или же присоединяется рабочей силой, учитывается лишь по количеству времени. Он составляет столько-то часов, дней и т. д.

Однако он идет в счет лишь постольку, поскольку время, затраченное на производство потребительной стоимости, общественно необходимо. Это охватывает ряд различных моментов. Рабочая сила должна функционировать при нормальных условиях. Если прядильная машина является общественно господствующим средством труда при прядении, то рабочему нельзя вручать старинную прялку. Он должен получить хлопок нормального качества, а не отбросы, которые рвутся каждую минуту. Иначе ему в том и другом случае на производство одного фунта пряжи пришлось бы затратить больше рабочего времени, чем общественно необходимое время, но это излишнее время не создало бы стоимости или денег. Однако нормальный характер материальных факторов труда зависит не от рабочего, а от капиталиста. Другим условием является нормальный характер самой рабочей силы. В той специальности, в которой она применяется, она должна обладать установившейся средней степенью искусства, подготовки и быстроты. Но наш капиталист купил на рынке труда рабочую силу нормального качества. Эта сила должна затрачиваться с обычной средней степенью напряжения, с общественно обычной степенью интенсивности. Капиталист наблюдает за этим с такой же заботливостью, как и за тем, чтобы ни одна минута не расточалась даром, без труда. Он купил рабочую силу на определенный срок. Он хочет получить то, что принадлежит ему. Он не хочет, чтобы его обкрадывали. Наконец — и на этот случай тот же самый господин имеет свой собственный code pe̱nal [уголовный кодекс] — не должно иметь места нецелесообразное потребление сырого материала и средств труда, потому что неразумно израсходованные материал и средства труда представляют излишне затраченные количества овеществленного труда, следовательно

не учитываются и не принимают участия в образовании стоимости продукта[17].

Итак, выведенное уже раньше из анализа товара различие между трудом, поскольку он создает потребительную стоимость, и тем же самым трудом, поскольку он создает стоимость, теперь выступает как различие между разными сторонами процесса производства,

Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, производственный процесс есть процесс производства товаров; как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма товарного производства.

Уже раньше было отмечено, что для процесса увеличения стоимости совершенно безразлично, будет ли присвоенный капиталистом труд простой, средний общественный труд или более сложный труд, труд с более высоким удельным весом. Труд, который имеет значение более высокого, более сложного труда по сравнению со средним общественным трудом, есть проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которой стоит большего рабочего времени и которая имеет поэтому более высокую стоимость,

[17] Это — одно из тех обстоятельств, которые удорожают производство, основанное на рабстве. Рабочий, по меткому выражению древних, отличается здесь только как instrumentum vocale [одаренное речью орудие] от животного как instrumentum semivocale [одаренного голосом орудия] и от неодушевленного орудия труда как от instrumentum mutum [немого орудия]. Но сам-то рабочий дает почувствовать животному и орудию труда, что он не подобен им, что он человек. Дурно обращаясь с ними и con amore [со сладострастием] подвергая их порче, он достигает сознания своего отличия от них. Поэтому экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче. Поэтому в рабовладельческих штатах, расположенных у Мексиканского залива, до начала Гражданской войны были в ходу плуги старокитайской конструкции, которые рыли землю, как свинья или крот, но не делали борозды и не переворачивали пласта. Ср. *J. E. Cairnes.* «The Slave Power». London, 1862, p. 46 sqq. В своем «Sea Board Slave States» Олмстед рассказывает между прочим: «Мне показывали здесь орудия, которыми ни один находящийся в здравом уме человек не позволил бы обременить наемного рабочего; их чрезвычайная тяжесть и неуклюжесть, думается мне, по крайней мере на 10 процентов увеличивают труд по сравнению с теми орудиями, которые обыкновенно употребляются у нас. Но меня уверяли, что при том небрежном и грубом обращении, которому они подвергаются у рабов, было бы неэкономно предоставлять последним более легкие и менее грубые орудия и что те орудия, которые мы постоянно даем нашим рабочим, причем извлекаем из этого выгоду, не сохранились бы и одного дня на хлебных полях Виргинии, хотя почва здесь легче и не так камениста, как у нас. Точно так же, когда я спросил, почему на всех фермах лошади заменены мулами, то первым и, конечно, самым убедительным доводом было то, что лошади не могут переносить того обращения, которому они всегда подвергаются со стороны негров; лошади всегда быстро надрываются или калечатся от этого, между тем как мулы переносят побои и недостаток пищи и не претерпевают от этого существенного вреда, не простужаются и не заболевают, если пренебрегают уходом за ними или перегружают их работой. Впрочем, мне стоит только подойти к окну той комнаты, где я пишу, и почти каждый раз я вижу такое обращение со скотом, за которое почти всякий фермер на Севере немедленно прогнал бы рабочего» [стр. 46, 47].

чем простая рабочая сила. Если стоимость этой силы выше, то и проявляется она зато в более высоком труде и овеществляется поэтому за равные промежутки времени в сравнительно более высоких стоимостях. Но какова бы ни была разница в степени между трудом прядильщика и трудом ювелира, та доля труда, которой ювелирный рабочий лишь возмещает стоимость своей собственной рабочей силы, качественно ничем не отличается от той добавочной доли труда, которой он создает прибавочную стоимость. В обоих случаях прибавочная стоимость получается лишь вследствие количественного излишка труда, вследствие большей продолжительности того же процесса труда: в одном случае процесса производства пряжи, в другом — процесса ювелирного производства[18)].

С другой стороны, в каждом процессе образования стоимости высший труд всегда должен сводиться к среднему общественному труду, например один день высшего труда к ж дням простого труда[19)]. Следовательно, мы избежим излишней операции и упростим анализ, если предположим, что рабочий, применяемый капиталом, выполняет простой, средний общественный труд.

[18)] Различие между сложным и простым трудом, между «skilled» [«квалифицированным»] и «unskilled labour» [«неквалифицированным трудом»], отчасти основывается просто на иллюзиях или, по меньшей мере, на различиях, которые давным-давно перестали быть реальными и продолжают существовать лишь как традиционные условности; отчасти — на более беспомощном положении известных слоев рабочего класса, вследствие чего они не в состоянии, как другие, добиться оплаты своей рабочей силы по ее стоимости. Случайные обстоятельства играют при этом настолько крупную роль, что одни и те же виды труда меняются местами. Там, например, где физические силы рабочего класса ослаблены и относительно истощены, как это наблюдается во всех странах с развитым капиталистическим производством, те грубые работы, которые требуют большой мускульной силы, в общем занимают более высокую ступень по сравнению с много более тонкими работами, которые опускаются до ступени простого труда; например, труд bricklayer (каменщика) в Англии занимает значительно более высокую ступень, чем труд ткачей камчатных тканей. С другой стороны, труд fustian cutter (стригальщика), хотя он требует большого физического напряжения и кроме того очень вреден для здоровья, фигурирует как «простой труд». Впрочем, не следует думать, что так называемый «skilled labour» занимает количественно значительное место в национальном труде. Ленг подсчитал, что в Англии (и Уэльсе) существование более чем 11 млн. основывается на простом труде. По вычете одного миллиона аристократов и полутора миллионов пауперов, бродяг, преступников, лиц, живущих проституцией, и т. д., из 18 млн. населения, насчитывавшихся в стране в то время, когда писалось его сочинение, остается 4650000 душ среднего класса, включая сюда мелких рантье, чиновников, писателей, художников, школьных учителей и т. д. Чтобы получить эти $4^2/_3$ млн., он причисляет к работающей части среднего класса, кроме банкиров и т. д., всех лучше оплачиваемых «фабричных рабочих»! Даже и bricklayers попадают в категорию «рабочих сложного труда». После этого у него остаются упомянутые 11 млн. (*S. Laing.* «National Distress etc.». London, 1844 [p. 51—52]). «Большой класс, который ничего не может дать в обмен на пищу, кроме простого труда, составляет главную массу народа» (*James Mill* в статье «Colony». Приложение к «Encyclopaedia Britannica», 1831).

[19)] «Когда указывают на труд как меру стоимости, то необходимо предполагают труд известного рода... отношение его к другим родам труда легко можно определить» ([*J. Cazenove,]* «Outlines of Political Economy». London, 1832, p. 22, 23).

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ И ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ

Различные факторы процесса труда принимают различное участие в образовании стоимости продукта.

Рабочий присоединяет к предмету труда новую стоимость, присоединяя к нему определенное количество труда, каковы бы ни были конкретное содержание, цель и технический характер этого труда. С другой стороны, стоимости потребленных средств производства мы вновь находим в виде составных частей стоимости продукта, например стоимость хлопка и веретен — в стоимости пряжи. Следовательно, стоимость средств производства сохраняется, переносясь на продукт. Это перенесение совершается во время превращения средств производства в продукт, в процессе труда. Оно совершается посредством труда. Но каким образом?

Рабочий не работает вдвойне в одно и то же время: один раз, для того чтобы своим трудом присоединить к хлопку стоимость, а другой раз, для того чтобы сохранить старую стоимость хлопка, или, что то же, для того чтобы на продукт, на пряжу, перенести стоимость хлопка, который он перерабатывает, и веретен, которыми он работает. Старую стоимость он сохраняет путем простого присоединения новой стоимости. Но так как присоединение новой стоимости к предмету труда и сохранение старых стоимостей в продукте суть два совершенно различных результата, достигаемых рабочим в одно и то же время, хотя в это время он работает не вдвойне, то эта двойственность результата, очевидно, может быть объяснена лишь двойственным характером самого его труда. В одно и то же время труд, в силу одного своего свойства, должен создавать стоимость, а в силу другого свойства должен сохранять или переносить стоимость.

Каким образом каждый рабочий присоединяет рабочее время, а потому и стоимость? Всегда только в форме своего своеобразного производительного труда. Прядильщик присо-

единяет рабочее время только тем, что он прядет, ткач только тем, что он ткет, кузнец только тем, что он кует. И только вследствие той целесообразной формы, в которой они вообще присоединяют труд, а потому и новую стоимость, вследствие прядения, ткачества, ковки, средства производства — хлопок и веретена, пряжа и ткацкий станок, железо и наковальня — становятся элементами созидания продукта, новой потребительной стоимости[20]. Старая форма их потребительной стоимости исчезает, однако только затем, чтобы появиться в новой форме потребительной стоимости. Но уже при рассмотрении процесса образования стоимости оказалось, что, поскольку потребительная стоимость потребляется целесообразно для производства новой потребительной стоимости, рабочее время, необходимое для создания использованной потребительной стоимости, составляет часть рабочего времени, необходимого для создания новой потребительной стоимости, т. е. представляет собой рабочее время, переносимое с потребленных средств производства на новый продукт. Следовательно, рабочий сохраняет стоимости потребленных средств производства или переносит их на продукт как составные части стоимости последнего не путем присоединения своего труда вообще, а вследствие особого полезного характера, вследствие специфически производительной формы этого присоединяемого труда. Как такая целесообразная производительная деятельность — прядение, ткачество, ковка, — труд одним своим прикосновением воскрешает средства производства из мертвых; одушевляя эти средства производства, он превращает их в факторы процесса труда и соединяется с ними в продукты.

Если бы специфический производительный труд рабочего не был прядением, то он не превратил бы хлопок в пряжу, следовательно, и стоимости хлопка и веретен не перенес бы на пряжу. Напротив, если тот же самый рабочий переменит профессию и сделается столяром, то он по-прежнему своим рабочим днем будет присоединять стоимость к соответственному материалу. Следовательно, он присоединяет ее своим трудом не поскольку последний есть труд прядения или столярный труд, а поскольку он — абстрактный, общественный труд вообще, и определенную величину стоимости он присоединяет не потому, что его труд имеет особое полезное содержание, а потому, что он продолжается в течение определенного времени. Таким образом, в своем абстрактном общем свойстве, как затрата человеческой рабочей силы, труд прядильщика присоединяет

[20] «Труд создает новое творение взамен уничтоженного им» («An Essay on the Political Economy of Nations». London, 1821, p. 13).

к стоимости хлопка и веретен новую стоимость, а в своем конкретном, особенном, полезном свойстве, как процесс прядения, он переносит на продукт стоимость этих средств производства и таким образом сохраняет их стоимость в продукте. Отсюда двойственность результата труда, совершаемого в одно и то же время.

Простым количественным присоединением труда присоединяется новая стоимость, вследствие же особого качества присоединяемого труда старые стоимости средств производства сохраняются в продукте. Это двустороннее действие одного и того же труда, как следствие двойственного характера последнего, наглядно обнаруживается в различных явлениях.

Предположим, что какое-либо изобретение дает возможность прядильщику перепрясть в 6 часов столько хлопка, сколько раньше перепрядалось в 36 часов. Как целесообразно полезная производительная деятельность труд его увеличил в шесть раз свою силу. Продукт его ушестерен: 36 ф. вместо 6 ф. пряжи. Но эти 36 ф. хлопка теперь впитывают столько же рабочего времени, сколько раньше впитывали 6 фунтов. К ним присоединяется нового труда в шесть раз меньше, чем при прежних методах, а потому присоединяется лишь одна шестая доля той стоимости, которая присоединялась прежде. С другой стороны, в продукте, в 36 ф. пряжи, заключается теперь ушестеренная стоимость хлопка. В продолжение этих 6 часов прядения сохранена и перенесена на продукт в шесть раз большая стоимость сырого материала, хотя к тому же количеству сырого материала теперь присоединяется в шесть раз меньшая новая стоимость. Это показывает, насколько существенно отличается то свойство труда, вследствие которого он во время одного и того же нераздельного процесса сохраняет стоимости, от того его свойства, в силу которого он создает стоимость. Чем больше необходимого рабочего времени приходится во время операции прядения на данное количество хлопка, тем больше новая стоимость, присоединяемая к хлопку, но чем большее количество фунтов хлопка перепрядается в течение данного количества рабочего времени, тем больше старая стоимость, сохраняемая в продукте.

Предположим, наоборот, что производительность прядильного труда осталась без изменения, следовательно, для того чтобы один фунт хлопка превратить в пряжу, прядильщику требуется такое же количество времени, как раньше. Но пусть изменилась меновая стоимость самого хлопка, пусть цена его в шесть раз увеличилась или уменьшилась. В обоих случаях прядильщик к данному количеству хлопка продолжает при-

соединять все то же рабочее время, следовательно все ту же стоимость, и в обоих случаях в течение данного времени он производит все то же количество пряжи. Однако та стоимость, которую он с хлопка переносит на пряжу, на продукт, в одном случае в шесть раз меньше, в другом случае в шесть раз больше, чем была раньше. То же самое и в том случае, если средства труда вздорожают или удешевятся, но по-прежнему будут оказывать все ту же услугу в процессе труда.

Если технические условия процесса прядения остаются неизменными, а также не совершается никаких изменений в стоимости соответствующих средств производства, то прядильщик в течение одинакового рабочего времени будет потреблять такое же, как и раньше, количество сырого материала и машин такой же, как и раньше, стоимости. Стоимость, которую он сохраняет в продукте, в этом случае прямо пропорциональна той новой стоимости, которую он присоединяет. В течение двух недель он присоединяет вдвое больше труда, чем в одну неделю, а следовательно, и вдвое большую стоимость, и в то же время потребляет вдвое больше материала, представляющего вдвое большую стоимость, и снашивает вдвое больше машин, представляющих вдвое большую стоимость; таким образом, в продукте двух недель он сохраняет вдвое большую стоимость, чем в продукте одной недели. При данных неизменяющихся условиях производства рабочий сохраняет тем большую стоимость, чем большую стоимость он присоединяет; но он сохраняет большую стоимость не потому, что он присоединяет большую стоимость, а потому, что присоединяет ее при не изменяющихся и не зависимых от его собственного труда условиях.

Конечно, в известном относительном смысле можно сказать, что рабочий всегда сохраняет старые стоимости в той самой пропорции, в какой он присоединяет новую стоимость. Как бы ни изменялась стоимость хлопка, вздорожает он с 1 шилл. до 2 шилл. или подешевеет на 6 пенсов, рабочий в продукте одного часа всегда сохраняет вдвое меньшую стоимость хлопка, чем в продукте двух часов. Далее, если изменяется производительность его собственного труда, если она повышается или понижается, то он, например, в один рабочий час перепрядет больше или меньше хлопка, чем раньше, и соответственно этому сохранит большую или меньшую стоимость хлопка в продукте одного рабочего часа. Но при всем том в два рабочих часа он сохранит вдвое большую стоимость, чем в один рабочий час.

Стоимость, оставляя в стороне ее чисто символическое выражение в знаке стоимости, существует только в той или иной потребительной стоимости, в той или иной вещи. (Сам человек,

рассматриваемый только как наличное бытие рабочей силы, есть предмет природы, вещь, хотя и живая, сознательная вещь, а самый труд есть материальное проявление этой силы.) Поэтому, если утрачивается потребительная стоимость, утрачивается и стоимость. Средства же производства не утрачивают своей стоимости одновременно со своей потребительной стоимостью, так как вследствие процесса труда они утрачивают первоначальную форму своей потребительной стоимости в действительности только затем, чтобы в продукте приобрести форму другой потребительной стоимости. Но как ни важно для стоимости существовать в виде какой-либо потребительной стоимости, для нее, как показывает метаморфоз товаров, безразлично, в какой потребительной стоимости она существует. Из этого следует, что в процессе труда стоимость переходит со средств производства на продукт лишь в той мере, в какой средства производства вместе со своей самостоятельной потребительной стоимостью утрачивают и свою меновую стоимость. Они передают продукту только ту стоимость, которую они утрачивают как средства производства. Но в этом отношении с различными материальными факторами процесса труда дело обстоит различно.

Уголь, который сжигают в топке машины, исчезает бесследно, равно как и масло, которым смазывается ось колеса и т. д. Краски и другие вспомогательные материалы исчезают, но проявляются в свойствах продукта. Сырой материал образует субстанцию продукта, но изменяет свою форму. Следовательно, сырой материал и вспомогательные вещества утрачивают ту самостоятельную форму, в которой они вступили в процесс труда как потребительные стоимости. Иначе обстоит дело с собственно средствами труда. Инструмент, машина, фабричное здание, бочка и т. д. служат в процессе труда лишь до тех пор, пока они сохраняют свою первоначальную форму, пока они завтра могут вступить в процесс труда в той самой форме, как и вчера. Как во время своей жизни, т. е. процесса труда, они сохраняют по отношению к продукту свою самостоятельную форму, так сохраняют они ее и после, своей смерти. Трупы машин, орудий, мастерских и т. д. продолжают по-прежнему существовать отдельно от продуктов, образованию которых они содействовали. Теперь, если мы рассмотрим весь период, на протяжении которого служит такое средство труда со дня его вступления в мастерскую и до того дня, когда его выбросят на свалку, то увидим, что его потребительная стоимость полностью потреблена трудом в течение этого периода, а потому его меновая стоимость целиком перешла на продукт. Например, если

прядильная машина в 10 лет отжила свой век, то вся ее стоимость в течение десятилетнего процесса труда перешла на продукт 10 лет. Следовательно, период жизни средства труда охватывает большее или меньшее число постоянно снова и снова повторяющихся при его помощи процессов труда. Со средством труда дело обстоит так же, как с человеком. Жизнь каждого человека ежедневно убывает на 24 часа. Но на человеке не написано, сколько дней его жизни уже убыло. Однако это не препятствует обществам страхования жизни делать очень верные и, что еще важнее, очень выгодные выводы из средней продолжительности человеческой жизни. То же и со средствами труда. Из опыта известно, сколько времени может в среднем просуществовать данное средство труда, например известного рода машина. Предположим, что она сохраняет свою потребительную стоимость в процессе труда только 6 дней. В таком случае она в среднем утрачивает за каждый рабочий день $^1/_6$ своей потребительной стоимости и потому передает дневному продукту $^1/_6$ своей стоимости. Этим способом исчисляется изнашивание всех средств труда, например ежедневная утрата их потребительной стоимости, и соответствующее этому ежедневное перенесение их стоимости на продукт.

Отсюда с полной ясностью видно, что средство производства никогда не отдает продукту больше стоимости, чем оно утрачивает в процессе труда вследствие уничтожения своей собственной потребительной стоимости. Если бы средство производства не имело стоимости и потому ему было бы нечего утрачивать, т. е. если бы само оно не было продуктом человеческого труда, то оно не передавало бы продукту никакой стоимости. Оно служило бы для образования потребительной стоимости, не участвуя в образовании меновой стоимости. Так обстоит дело со всеми средствами производства, которые даны природой, без содействия человека: с землей, ветром и водой, железом в рудной жиле, деревом в девственном лесу и т. д.

Здесь перед нами выступает другое интересное явление. Пусть стоимость машины будет, например, 1000 ф. ст., и пусть она изнашивается в 1000 дней. В этом случае $^1/_{1000}$ стоимости машины ежедневно переходит с нее самой на ее дневной продукт. В то же время вся машина продолжает, хотя и с убывающей жизненной силой, функционировать в процессе труда. Таким образом, оказывается, что известный фактор процесса труда, известное средство производства, целиком принимает участие в процессе труда, но лишь частью — в процессе образования стоимости. Различие между процессом труда и процессом образования стоимости отражается здесь на их материальных

факторах таким образом, что одно и то же средство производства как элемент процесса труда целиком входит в данный процесс производства, а как элемент образования стоимости входит частями[21)].

С другой стороны, средство производства может, наоборот, целиком входить в процесс образования стоимости, хотя в процесс труда оно входит только частью. Предположим, что при прядении из 115 ф. хлопка ежедневно отпадают 15 ф., которые образуют не пряжу, а лишь devil's dust [чертову пыль]. Однако, если этот угар в 15 ф. является нормальным, если он неустраним при средних условиях переработки хлопка, то стоимость этих 15 ф. хлопка, не образующих элемента пряжи, совершенно так же входит в стоимость пряжи, как и стоимость тех 100 ф., которые образуют вещество пряжи. Для того чтобы произвести 100 ф. пряжи, потребительную стоимость 15 ф. хлопка приходится превращать в пыль. Следовательно, гибель этого хлопка есть условие производства пряжи. Именно поэтому он и передает свою стоимость пряже. Это относится ко всем отходам процесса труда, по крайней мере постольку, поскольку эти отходы не образуют опять новых средств производства, а потому не образуют вновь самостоятельных потребительных стоимостей. Так, на больших машиностроительных фабриках Манчестера можно видеть горы отходов железа в виде стружки, получившейся при работе циклопических машин; вечером эти отходы в огромных повозках переправляются с фабрики на железоделательный завод, откуда на другой день опять возвращаются на фабрику в виде массивного железа.

[21)] Здесь речь идет не о ремонте средств труда, машин, зданий и т. д. Машина, которая ремонтируется, функционирует не как средство труда, а как материал труда. Не ею работают, а ее обрабатывают, чтобы устранить дефекты в ее потребительной стоимости. Такие ремонтные работы мы, ради нашей цели, всегда можем представлять включенными в тот труд, который требуется для производства средства труда. В тексте речь идет о таком износе, который не может излечить никакой доктор и который мало-помалу, приводит к смерти, о «такого рода износе, который невозможно исправлять время от времени и который, как в случае с ножом, в конце концов, приводит его в такое состояние, что ножовщик скажет, что он не стоит починки». В тексте мы видели, что машина, например, целиком входит в каждый отдельный процесс. труда, но лишь по частям в одновременный процесс образования стоимости. Поэтому мы можем надлежащим образом оценить следующее смешение понятий: «Г-н Рикардо о части машиностроительного труда, затраченного на производство чулочной машины, говорит», что она содержится, например, в стоимости пары чулок. «Между тем весь труд, который производит каждую пару чулок... включает весь труд машиностроителя, а не часть его; потому что хотя одна машина делает много пар, но ни одна из этих пар не может быть сделана без помощи всех частей машины» («Observations on certain verbal disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply». London, 1821, p. 54). Автор, необыкновенно самодовольный «wiseacre» [«умник»], в своей путанице и вместе с тем в своей полемике прав лишь в том смысле, что ни Рикардо, ни какой бы то ни было другой экономист ни до него, ни после него не разграничивали строго двух сторон труда, а потому и не дали анализа их различной роли и образовании стоимости.

Лишь постольку, поскольку средства производства во время процесса труда утрачивают стоимость, существовавшую в форме старых потребительных стоимостей этих средств производства, они переносят стоимость на новую форму продукта. Максимум потери стоимости, которую они могут претерпеть в процессе труда, очевидно ограничен той первоначальной величиной стоимости, с которой они вступают в процесс труда, или рабочим временем, необходимым для их собственного производства. Поэтому средства производства никогда не могут присоединить к продукту стоимость большую, чем та, которой они обладают независимо от обслуживаемого ими процесса труда. Как бы полезен ни был известный материал труда, известная машина, известное средство производства, все же, если они стоят 150 ф. ст., скажем 500 рабочих дней, они никогда не присоединят более 150 ф. ст. к тому продукту, для создания которого они служат. Их стоимость определяется не тем процессом труда, в который они входят как средство производства, а тем процессом труда, из которого они выходят как продукт. В процессе труда они служат только как потребительная стоимость, как вещь с полезными свойствами, и потому они не передавали бы продукту никакой стоимости, если бы не обладали стоимостью до своего вступления в процесс[22).].

В то время как производительный труд превращает средства производства в элементы образования нового продукта, с их стоимостью совершается своего рода переселение души. Из потребленного тела она переселяется во вновь сформированное

[22)] Легко понять поэтому всю нелепость пошлого Ж. Б. Сэя, который хочет вывести прибавочную стоимость (процент, прибыль, ренту) из тех «services productifs» [«производительных услуг»], которые средства производства — земля, орудия, кожи и т. д. — оказывают своими потребительными стоимостями в процессе труда. Г-н Вильгельм Рошер, который никогда не преминет зарегистрировать черным по белому ловкие апологетические измышления, восклицает: «Ж. В. Сэй («Traite», t. I, ch. 4) очень верно замечает: «Произведенная маслобойней стоимость, за вычетом всех издержек, представляет собой ведь нечто новое, существенно отличное от труда, которым была создана сама маслобойня»» («Die Grundlagen der Nationalokonomie», 3. Aufl, 1858, S. 82, примечание). Очень верно! «Масло», изготовленное маслобойней, есть нечто весьма отличное от труда, которого стоила постройка маслобойни. А под «стоимостью» г-н Рошер подразумевает такую вещь, как «масло», потому что «масло» имеет стоимость, а так как «в природе» встречается минеральное масло, хотя сравнительно и не «очень много», то он делает другое замечание: «Она» (природа) «почти совсем не производит меновых стоимостей!» [там же, стр. 79]. У рошеровской природы с меновой стоимостью выходит то же самое, что у глупой девицы с ребенком, который «был ведь совсем маленький». Тот же самый «ученый» («savant serieux») замечает еще по упомянутому выше поводу: «Школа Рикардо обыкновенно подводит под понятие труда и капитал, как «сбереженный труд». Это неискусно (!), потому что (!) владелец капитала (!) ведь (!) все же (!) совершил больше (!), чем простое (?!) производство (?) и (??) сохранение его (чего?): именно (?!?) воздержание от собственного наслаждения, за что он, например (!!!), требует процента» (там же [стр. 82]). Как «искусен» этот «анатомо-физиологический метод» политической экономии, который выводит «стоимость» просто-напросто из «требования»!

тело. Но это переселение души совершается как бы за спиной действительного труда. Рабочий не может присоединять нового труда, следовательно не может создавать новую стоимость, не сохраняя старых стоимостей, потому что он должен присоединять труд каждый раз в определенной полезной форме, а присоединять его в полезной форме он не может, не превращая продуктов в средства производства нового продукта и не перенося тем самым их стоимости на новый продукт. Следовательно, сохранять стоимость посредством присоединения стоимости это есть природный дар проявляющейся в действии рабочей силы — живого труда, дар природы, который ничего не стоит рабочему, но много приносит капиталисту, именно обеспечивает ему сохранение наличной капитальной стоимости[22a)]. Пока дело идет успешно, капиталист слишком сильно погружен в извлечение прибыли, чтобы замечать этот бесплатный дар труда. Насильственные перерывы процесса труда, кризисы, делают его для капиталиста заметным до осязательности[23)].

В средствах производства вообще потребляется их потребительная стоимость, путем потребления которой труд создает продукты. Стоимость их в действительности не потребляется[24)], а потому не может быть и воспроизведена. Она сохраняется, но не потому, что с ней самой совершается какая-то операция в процессе труда, а потому, что та потребительная стоимость, в которой она первоначально существовала, хотя и исчезает, но исчезает лишь в другой потребительной стоимости. Поэтому стоимость средств производства опять появляется в стоимости

[22a)] «Из всех орудий фермерского производства человеческий труд... есть такое, от которого фермер больше всего может ожидать возвращения своего капитала. Другие два — рабочий скот и... телеги, плуги, лопаты и т. д. — вообще ничто без соединения с известным количеством первого» *(Edmund Burke.* «Thoughts and Details on Scarcity, originally presented to the Rt. Hon. W. Pitt in the Month of November 1795», edit. London, 1800, p. 10).

[23)] В «Times» от 26 ноября 1862 г. один фабрикант, в прядильне которого занято 800 рабочих и еженедельно потребляется в среднем 150 кип ост-индского или почти 130 кип американского хлопка, жалуется публике на ежегодные издержки, вызываемые остановкой работ на фабрике. Он определяет их в 6000 фунтов стерлингов. Среди этих непроизводительных издержек встречаются много таких статей, которые здесь нас не интересуют, например: земельная рента, налоги, страховые премии, жалованье работникам, нанимаемым сразу на год, управляющему, бухгалтеру, инженеру и т. д. Но затем он причисляет сюда же 150 ф. ст. на уголь, чтобы время от времени протапливать фабрику и пускать паровую машину, кроме того заработную плату рабочим, которые своим эпизодическим трудом поддерживают «в готовности» все машинное оборудование. Наконец, 1200 ф. ст. на порчу машин, так как «погода и естественные разрушительные силы не прекращают своего действия от того, что паровая машина остановлена». Он прямо замечает при этом, что берется столь небольшая сумма — 1200 ф. ст. — лишь потому, что машины уже находятся в состоянии большой изношенности.

[24)] «Производительное потребление: при нем потребление товара составляет часть процесса производства... В этих случаях стоимость не потребляется» (*S. Ph. Newman,* цит. соч., стр. 296).

продукта, но, строго говоря, не воспроизводится. Производится новая потребительная стоимость, в которой вновь появляется старая меновая стоимость[25)].

Иначе обстоит дело с субъективным фактором процесса труда, с проявляющейся в действии рабочей силой. В то время как труд благодаря его целесообразной форме переносит стоимость средств производства на продукты и тем самым сохраняет се, каждый момент его движения создает добавочную стоимость, новую стоимость. Предположим, что процесс производства обрывается на том пункте, когда рабочий произвел эквивалент стоимости своей собственной рабочей силы, когда он, например, шестичасовым трудом присоединил стоимость в 3 шиллинга. Эта стоимость образует избыток стоимости продукта над теми элементами последней, которые своим происхождением обязаны стоимости средств производства. Это — единственная новая стоимость, возникшая в этом процессе, единственная часть стоимости продукта, произведенная самим этим процессом. Конечно, она просто возмещает те деньги, которые были авансированы капиталистом при купле рабочей силы и израсходованы самим рабочим на жизненные средства. По отношению к этим израсходованным 3 шилл. новая стоимость в 3 шилл. выступает как просто воспроизводство первых. Но она действительно воспроизведена, а не только по видимости, как стоимость средств производства. Возмещение одной стоимости другой опосредствовано здесь созданием новой стоимости.

Однако мы уже знаем, что процесс труда продолжается за те пределы, в которых воспроизводится и присоединяется к предмету труда просто эквивалент стоимости рабочей силы. Вместо 6 часов, которых для этого было бы достаточно, процесс продолжается, например, 12 часов. Следовательно, действием рабочей силы не только воспроизводится ее собственная

[25)] В одном североамериканском руководстве, выдержавшем, быть может, 20 изданий, мы читаем: «Совершенно безразлично, в какой форме капитал появляется вновь». После многословного перечисления всевозможных элементов производства, стоимость которых снова появляется в продукте, в заключение говорится: «Различные виды продовольствия, одежды и жилища, необходимые для существования и комфорта человека, также претерпевают изменения. Они время от времени потребляются, и стоимость их вновь появляется в новой телесной и умственной силе человека, составляющей новый капитал, который можно вновь употребить в производстве» (*F. Wayland,* цит, соч., стр. 31, 32). Не говоря уже о всех других странностях, заметим, что, например, не цена хлеба, а его образующие кровь элементы снова появляются в возобновленной силе. А в качестве стоимости силы вновь появляются, напротив, не жизненные средства, а их стоимость. Те же самые жизненные средства, если они стоят вдвое меньше, произведут совершенно столько же мускулов, костей и т. д., — коротко говоря, совершенно такую же силу, по силу не такой же, не прежней стоимости. Это претворение «стоимости» в «силу» и вся эта фарисейская неопределенность прикрывают попытку — конечно, тщетную — вывести прибавочную стоимость из простого факта возвращения авансированных стоимостей.

стоимость, но и производится кроме того избыток стоимости. Эта прибавочная стоимость образует избыток стоимости продукта над стоимостью элементов, потребленных для образования продукта, т. е. над стоимостью средств производства и рабочей силы.

Изобразив те различные роли, которые различные факторы процесса труда играют в образовании стоимости продукта, мы тем самым охарактеризовали функции различных составных частей капитала в процессе его собственного возрастания. Избыток всей стоимости продукта над суммой стоимости элементов, участвующих в его образовании, есть избыток возросшего в своей стоимости капитала над первоначально авансированной капитальной стоимостью. Средства производства, с одной стороны, рабочая сила — с другой, представляют собой лишь различные формы существования, которые приняла первоначальная капитальная стоимость в результате совлечения с себя денежной формы и своего превращения в факторы процесса труда.

Итак, та часть капитала, которая превращается в средства производства, т. е. в сырой материал, вспомогательные материалы и средства труда, в процессе производства не изменяет величины своей стоимости. Поэтому я называю ее постоянной частью капитала, или, короче, постоянным капиталом.

Напротив, та часть капитала, которая превращена в рабочую силу, в процессе производства изменяет свою стоимость. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и сверх того избыток, прибавочную стоимость, которая, в свою очередь, может изменяться, быть больше или меньше. Из постоянной величины эта часть капитала непрерывно превращается в переменную. Поэтому я называю ее переменной частью капитала, или, короче, переменным капиталом. Те самые составные части капитала, которые с точки зрения процесса труда различаются как объективные и субъективные факторы, как средства производства и рабочая сила, с точки зрения процесса увеличения стоимости различаются как постоянный капитал и переменный капитал.

Понятие постоянного капитала отнюдь не исключает революции в стоимости его составных частей. Предположим, что фунт хлопка стоит сегодня 6 пенсов и что завтра вследствие неурожая хлопка цена его повышается до 1 шиллинга. Прежний хлопок, который продолжают обрабатывать, куплен по стоимости в 6 пенсов, но присоединяет теперь к стоимости продукта часть в 1 шиллинг. А уже перепряденный хлопок, быть может уже обращающийся на рынке в виде пряжи, присоеди-

няет к продукту величину тоже вдвое большую, чем его первоначальная стоимость. Однако мы видим, что эти изменения стоимости не стоят ни в какой связи с возрастанием стоимости хлопка в самом процессе прядения. Если бы старый хлопок еще не вступил в процесс труда, его можно было бы продать теперь по 1 шилл. вместо 6 пенсов. Наоборот: чем меньшее число процессов труда он прошел, тем вернее такой результат. Поэтому правило спекуляции таково: при подобных революциях в стоимости спекулировать на сыром материале в его наименее обработанной форме, т. е. скорее на пряже, чем на ткани, и скорее на хлопке, чем на пряже. Изменение стоимости возникает здесь в том процессе, в котором производится хлопок, а не в том процессе, в котором он функционирует как средство производства и, следовательно, как постоянный капитал. Хотя стоимость товара определяется количеством содержащегося в нем труда, но само это количество определяется общественным путем. Если изменяется рабочее время, общественно необходимое для производства товара, — а одно и то же количество хлопка, например, при неблагоприятных условиях представляет большее количество труда, чем при благоприятных, — то это оказывает обратное действие на старый товар, который всегда играет роль только отдельного экземпляра своего рода[26)], стоимость которого всегда измеряется общественно необходимым трудом, стало быть, всегда измеряется трудом, необходимым при существующих в данное время общественных условиях.

Подобно стоимости сырого материала может изменяться и стоимость средств труда, машин и т. д., уже служащих в процессе производства, а потому и та доля стоимости, которую они передают продукту. Если, например, вследствие нового изобретения машины данного рода могут быть воспроизведены с меньшей затратой труда, то старые машины более или менее обесцениваются и потому переносят на продукт относительно меньшую стоимость. Но и в этом случае изменение стоимости возникает вне того процесса производства, в котором машина функционирует как средство производства. В этом процессе она никогда не передает стоимости большей, чем та, которой она обладает независимо от этого процесса.

Подобно тому как изменение в стоимости средств производства, хотя оно и оказывает свое отраженное действие уже после вступления их в процесс производства, не изменяет их характера как постоянного капитала, точно так же изменение отношения

[26)] «Все продукты одного и того же рода образуют, собственно говоря, одну массу, цена которой определяется сообща, независимо от особых условий отдельного случая» (*Le Trosne,* цит. соч., стр. 893).

между постоянным и переменным капиталом не затрагивает их функционального различия. Например, технические условия процесса труда могут преобразоваться настолько, что там, где раньше 10 рабочих с 10 орудиями малой стоимости обрабатывали сравнительно небольшое количество сырого материала, теперь 1 рабочий при помощи дорогой машины перерабатывает в сто раз большее количество сырого материала. В этом случае постоянный капитал, т. е. масса стоимости применяемых средств производства, намного возрастает, а переменная часть капитала, авансированная на рабочую силу, намного уменьшается. Однако это изменение касается только отношения между величинами постоянного и переменного капитала, или того отношения, в котором весь капитал распадается на постоянную и переменную составные части, но, напротив, не затрагивает различия между постоянным и переменным капиталом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
НОРМА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

1. СТЕПЕНЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Порожденная авансированным капиталом *К* в процессе производства прибавочная стоимость, или прирост авансированной капитальной стоимости, выступает прежде всего как избыток стоимости продукта над суммой стоимости элементов его производства.

Капитал *К* распадается на две части: денежную сумму *с*, израсходованную на средства производства, и другую денежную сумму *v,* израсходованную на рабочую силу; с представляет часть стоимости, превращенную в постоянный капитал, *v* — часть стоимости, превращенную в переменный капитал. Следовательно, первоначально *К* = *с* + *v,* например, авансированный капитал в 500 ф. ст. = $\overbrace{410}^{c}$ ф. ст. + $\overbrace{90}^{v}$ ф. ст. В конце процесса производства получается товар, стоимость которого = $\overbrace{c + v} + m$, где *m* есть прибавочная стоимость, например, $\overbrace{410}^{c}$ ф. ст. + $\overbrace{90}^{v}$ ф. ст. + $\overbrace{90}^{m}$ ф. ст. Первоначальный капитал *К* превратился в *К',* из 500 ф. ст. — в 590 фунтов стерлингов. Разность между обоими = *m,* прибавочной стоимости в 90. Так как стоимость элементов производства равна стоимости авансированного капитала, то в действительности простой тавтологией является утверждение, что избыток стоимости продукта над стоимостью элементов его производства равен приросту стоимости авансированного капитала, или равен произведенной прибавочной стоимости.

Однако эта тавтология требует более точного определения. Со стоимостью продукта сравнивается стоимость элементов производства, потребленных при его образовании. Но мы уже видели, что часть примененного постоянного капитала, состоящая из средств труда, передает продукту лишь часть

своей стоимости, между тем как остальная часть сохраняется в прежней форме своего существования. Так как последняя часть не играет никакой роли в образовании стоимости, то мы можем здесь отвлечься от нее. Введение ее в вычисления ничего не изменило бы. Предположим, что c = 410 ф. ст. состоит из сырого материала на 312 ф. ст., вспомогательных материалов на 44 ф. ст. и изнашиваемых в процессе машин на 54 фунтов стерлингов; стоимость же действительно применяемых машин составляет 1054 фунтов стерлингов. Авансированной на производство стоимости продукта мы считаем только стоимость в 54 ф. ст., которую машины утрачивают вследствие своего функционирования и потому передают продукту. Если бы мы ввели в вычисление и те 1000 ф. ст., которые продолжают существовать в своей прежней форме, — как паровая машина и т. д., — то нам пришлось бы ввести их в вычисление на обеих сторонах, на стороне авансированной стоимости и на стороне стоимости продукта[26a)], и мы получили бы, таким образом, соответственно 1500 ф. ст. и 1590 фунтов стерлингов. Разность, или прибавочная стоимость, по-прежнему составила бы 90 фунтов стерлингов. Поэтому там, где из общей связи изложения не вытекает обратное, под постоянным капиталом, авансированным на производство стоимости, мы всегда подразумеваем только стоимость потребленных в производстве средств производства.

Предположив это, возвращаемся к формуле $K = c + v$, которая превращается в $K' = \overbrace{c + v} + m$, благодаря чему K и превращается в K'. Мы знаем, что стоимость постоянного капитала только вновь появляется в продукте. Следовательно, действительно вновь произведенная в процессе стоимость отлична от полученной из процесса всей стоимости продукта, поэтому она равна не $c + v + m$, или не $\overset{c}{410}$ ф. ст. + $\overset{v}{90}$ ф. ст. + $\overset{m}{90}$ ф. ст., как кажется на первый взгляд, а $v + m$, или $\overset{v}{90}$ ф. ст. + $\overset{m}{90}$ ф. ст., т. е. не 590 ф. ст., а 180 фунтов стерлингов. Если бы c, постоянный капитал, был = 0, другими словами — если бы существовали такие отрасли промышленности, в которых капиталисту не приходится применять ника-

[26a)] «Если мы примем в расчет стоимость основного капитала, применяемого как часть всего авансированного капитала, то нам придется в конце года принять в расчет остаток стоимости такого капитала как часть годовой выручки» (*Malthus.* «Principles of Political Economy», 2nd ed. London, 1836, p. 269).

ких произведенных средств производства, ни сырого материала, ни вспомогательных материалов, ни орудий труда, а приходится применять только материалы, данные природой, и рабочую силу, то на продукт не переносилось бы никакой доли постоянной стоимости. Этот элемент стоимости продукта, для нашего примера 410 ф. ст., отпал бы, но вновь произведенная стоимость в 180 ф. ст., заключающая в себе 90 ф. ст. прибавочной стоимости, сохранила бы совершенно такие же размеры, как и в том случае, когда *c* представляло бы огромнейшую сумму стоимости. У нас было бы $K = \overparen{0 + v} = v$, и K', возросший по стоимости капитал, $= v + m$, $K' - K$ по-прежнему $= m$. Наоборот, если бы m было $= 0$, другими словами — если бы рабочая сила, стоимость которой авансируется в виде переменного капитала, производила только эквивалент, то $K = c + v$ и K' (стоимость продукта) $= \overparen{c + v} + 0$, а потому $K = K'$. Авансированный капитал не возрос бы по своей стоимости.

В действительности мы уже знаем, что прибавочная стоимость есть просто следствие того изменения стоимости, которое совершается с v, с частью капитала, превращенной в рабочую силу, что, следовательно, $v + m = v + \Delta v$ (v плюс прирост v). Но действительное изменение стоимости и отношение, в котором изменяется стоимость, затемняются тем обстоятельством, что вследствие возрастания его изменяющейся составной части возрастает и весь авансированный капитал. Раньше он был равен 500, теперь он равен 590. Следовательно, анализ процесса в его чистом виде требует, чтобы мы совершенно абстрагировались от той части стоимости продукта, в которой лишь вновь появляется постоянная капитальная стоимость, т. е. чтобы мы постоянный капитал *c* приравняли к нулю и, таким образом, применили тот закон математики, при помощи которого она оперирует с переменными и постоянными величинами, когда постоянная величина связана с переменной только посредством сложения и вычитания.

Другое затруднение возникает из первоначальной формы переменного капитала. Так, в приведенном выше примере $K' =$ 410 ф. ст. постоянного капитала + 90 ф. ст. переменного капитала + 90 ф. ст. прибавочной стоимости. Однако 90 ф. ст. суть данная, следовательно постоянная, величина, и потому представляется нелепым рассматривать их как переменную величину. Но $\overbrace{90}^{v}$ ф. ст., или 90 ф. ст. переменного капитала, в действительности являются здесь только символом того процесса, через который проходит эта стоимость. Часть капитала,

авансированная на куплю рабочей силы, есть определенное количество овеществленного труда, следовательно столь же постоянная величина стоимости, как стоимость купленной рабочей силы. Но в самом процессе производства вместо авансированных 90 ф. ст. выступает действующая рабочая сила, вместо мертвого — живой труд, вместо неподвижной — текучая величина, вместо постоянной — переменная. Результатом является воспроизводство *v* плюс прирост *v*. С точки зрения капиталистического производства весь этот процесс есть самодвижение превращенной в рабочую силу первоначально постоянной стоимости. Последней приписывается весь процесс и его результат. Поэтому, если формула: 90 ф. ст. переменного капитала, или увеличивающаяся стоимость, представляется чем-то противоречивым, то она лишь выражает противоречие, имманентное капиталистическому производству.

Приравнение постоянного капитала нулю на первый взгляд кажется странным. Между тем оно постоянно совершается в повседневной жизни. Например, если хотят вычислить прибыль Англии от хлопчатобумажной промышленности, то прежде всего вычитают цену хлопка, уплаченную Соединенным Штатам, Индии, Египту и т. д., т. е. приравнивают нулю ту капитальную стоимость, которая просто вновь появляется в стоимости продукта.

Конечно, отношение прибавочной стоимости не только к той части капитала, из которой она непосредственно возникает и изменение стоимости которой она представляет, но и ко всему авансированному капиталу имеет свое большое экономическое значение. Поэтому в третьей книге мы обстоятельно рассматриваем это отношение. Для того чтобы одну часть капитала увеличить посредством ее превращения в рабочую силу, другую часть капитала необходимо превратить в средства производства. Для того чтобы переменный капитал функционировал, необходимо в известных пропорциях, соответствующих определенному техническому характеру процесса труда, авансировать постоянный капитал. Однако то обстоятельство, что для известного химического процесса требуются реторты и Другие сосуды, нисколько не препятствует тому, чтобы при анализе абстрагироваться от самой реторты. Поскольку создание стоимости и изменение стоимости рассматриваются сами по себе, т. е. в чистом виде, средства производства, эти вещные образы постоянного капитала, доставляют только вещество, в котором должна фиксироваться текучая сила, создающая стоимость. Потому-то и не имеет никакого значения природа этого вещества, т. е. безразлично, будет ли это хлопок или железо. Не имеет значения

и стоимость этого вещества. Необходимо только, чтобы его масса была достаточна для того, чтобы она могла впитать количество труда, затрачиваемое во время процесса производства. Раз эта масса дана, — повысится ли ее стоимость или понизится, или же она не будет иметь никакой стоимости, как земля и море, — процесс создания стоимости и изменения стоимости нисколько не будет этим затронут[27)].

Итак, прежде всего мы приравняем нулю постоянную часть капитала. Тогда авансированный капитал $c + v$ сводится к v, а стоимость продукта $\overbrace{c + v} + m$ сводится к вновь произведенной стоимости $\overbrace{v + m}$. Если дана вновь произведенная стоимость = 180 ф. ст., в которой представлен труд, продолжающийся на всем протяжении процесса производства, то мы должны вычесть стоимость переменного капитала = 90 ф. ст. для того, чтобы получить прибавочную стоимость = 90 ф. ст. Число 90 ф. ст. = m выражает здесь абсолютную величину произведенной прибавочной стоимости. Относительная же ее величина, т. е. пропорция, в которой возрос переменный капитал, определяется, очевидно, отношением прибавочной стоимости к переменному капиталу, или выражается дробью $^{m}/_{v}$. Следовательно, для приведенного выше примера она выразится в $^{90}/_{90}$ = 100%. Это относительное возрастание переменного капитала, или относительную величину прибавочной стоимости, я называю нормой прибавочной стоимости[28)].

Мы уже видели, что рабочий в продолжение одной части процесса труда производит только стоимость своей рабочей силы, т. е. стоимость необходимых ему жизненных средств. Так как он производит при отношениях, покоящихся на общественном разделении труда, то он производит свои жизненные средства не непосредственно, а в форме какого-либо особенного товара, например пряжи, производит стоимость, равную стоимости его жизненных средств или тем деньгам, на которые он покупает эти средства. Та часть его рабочего дня, которую он употребляет для этого, будет больше или меньше в зависимости от стоимости его средних ежедневных жизненных средств, т. е. от того среднего рабочего времени, которое ежедневно

[27)] *Примечание к 2 изданию. Само* собой разумеется, что, как говорит Лукреций, «nil posse creari de nihilo» — из ничего нельзя ничего создать[70]. «Создание стоимости» есть превращение рабочей силы в труд. В свою очередь, рабочая сила есть прежде всего вещество природы, преобразованное в человеческий организм.

[28)] Точно так же, как англичане говорят «rate of profits», «rate of interest» [«норма прибыли», «норма процента»] и т. д. Из книги III читатель увидит, что легко понять норму прибыли, если известны законы прибавочной стоимости. В обратном порядке невозможно понять ni l'un, ni l'autre [ни того, ни другого].

требуется для их производства. Если в стоимости ежедневных жизненных средств рабочего воплощено в среднем 6 овеществленных рабочих часов, то рабочему приходится работать в среднем по 6 часов в день для того, чтобы произвести эту стоимость. Если бы он работал не на капиталиста, а на самого себя, самостоятельно, ему пришлось бы, при прочих равных условиях, по-прежнему работать в среднем такую же часть суток для того, чтобы произвести стоимость своей рабочей силы и таким образом приобрести жизненные средства, необходимые для его собственного сохранения, или постоянного воспроизводства. Но так как в ту часть рабочего дня, в продолжение которой он производит дневную стоимость рабочей силы, скажем 3 шилл., он производит только эквивалент той стоимости, которая уже уплачена ему капиталистом[28a], т. е. просто возмещает вновь созданной стоимостью авансированную переменную капитальную стоимость, то это производство стоимости является просто воспроизводством. Итак, ту часть рабочего дня, в продолжение которой совершается это воспроизводство, я называю необходимым рабочим временем, а труд, затрачиваемый в течение этого времени, — необходимым трудом[29]. Необходимым для рабочих потому, что он независим от общественной формы их труда. Необходимым для капитала и капиталистического мира потому, что постоянное существование рабочего является их базисом.

Второй период процесса труда, — тот, в течение которого рабочий работает уже за пределами необходимого труда, — хотя и стоит ему труда, затраты рабочей силы, однако не образует никакой стоимости для рабочего. Он образует прибавочную стоимость, которая прельщает капиталиста всей прелестью созидания из ничего. Эту часть рабочего дня я называю прибавочным рабочим временем, а затраченный в течение ее труд — прибавочным трудом (surplus labour). Насколько важно для познания стоимости вообще рассматривать ее просто как застывшее рабочее время, просто как овеществленный труд, настолько же важно для познания прибавочной стоимости рассматривать ее просто как застывшее прибавочное время, просто как ове-

---

[28a] {*Примечание к 3 изданию.* Автор пользуется здесь ходячим экономическим языком. Напомним, что, как показано на стр. 137 [стр. 185 настоящего тома], «авансирует» в действительности не капиталист рабочего, а рабочий капиталиста. *Ф. Э.*}

[29] До сих пор мы обозначали в этой работе словами «необходимое рабочее время» то рабочее время, которое вообще общественно необходимо для производства известного товара. Теперь мы будем употреблять их и по отношению к тому рабочему времени, которое необходимо для производства такого специфического товара, как рабочая сила. Употребление одних и тех же termini technici [технических терминов] в различном смысле неудобно, но в полной мере избежать этого не удается ни в одной науке. Ср., например, высшие и низшие отделы математики.

ществленный прибавочный труд. Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, например общество, основанное на рабстве, от общества наемного труда[30].

Так как стоимость переменного капитала равна стоимости купленной им рабочей силы, так как стоимость этой рабочей силы определяет необходимую часть рабочего дня, а прибавочная стоимость, в свою очередь, определяется избыточной частью рабочего дня, то из этого следует: прибавочная стоимость относится к переменному капиталу, как прибавочный труд относится к необходимому труду, или норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$.

Обе части пропорции выражают одно и то же отношение в различной форме: в одном случае в форме овеществленного труда, в другом случае в форме текучего труда.

Поэтому норма прибавочной стоимости есть точное выражение степени эксплуатации рабочей силы капиталом, или рабочего капиталистом[30a]

Согласно нашему предположению, стоимость продукта была = $\overbrace{410}^{c}$ ф. ст. + $\overbrace{90}^{v}$ ф. ст. + $\overbrace{90}^{m}$ ф. ст., авансированный капитал был = 500 фунтов стерлингов. Так как прибавочная стоимость = 90, авансированный же капитал = 500, то по обычному способу вычисления получилось бы, что норма прибавочной стоимости (которую смешивают с нормой прибыли) = 18%, — отношение, низкий уровень которого растрогал бы господина Кэри и других проповедников «гармонии». В действительности же норма прибавочной стоимости равна не $^{m}/_{K}$, или

[30] Г-н Вильгельм Фукидид Рошер[71] с истинно готшедовской[72] гениальностью открывает, что если прибавочная стоимость или прибавочный продукт и связанное с ними накопление обязаны в настоящее время своим происхождением «бережливости» капиталиста, который «требует за это, например, процент», то «на низких ступенях культуры», напротив, «... более сильные принуждают к бережливости более слабых» (пит. соч., стр. 82, 78). К сбережению труда? или несуществующего избытка продуктов? Наряду с действительным невежеством апологетический страх перед добросовестным анализом стоимости и прибавочной стоимости и перед тем, что вдруг получится соблазнительно-неблагонадежный с полицейской точки зрения результат, — вот что заставляет Рошера и К° превращать более или менее благовидные мотивы, которыми капиталист оправдывает присвоение уже существующей прибавочной стоимости, в обоснование ее происхождения.

[30a] *Примечание к 2 изданию.* Являясь точным выражением степени эксплуатации рабочей силы, норма прибавочной стоимости, тем не менее, отнюдь не выражает абсолютную величину эксплуатации. Например, если необходимый труд = 5 часам и прибавочный труд = 5 часам, то степень эксплуатации = 100%. Величина эксплуатации измеряется здесь 5 часами. Если же необходимый труд = 6 часам и прибавочный труд = 6 часам, степень эксплуатации в 100% остается без изменения, между тем как величина эксплуатации возрастает на 20% — с 5 до 6 часов.

$^{m}/_{c+v}$, а $^{m}/_{v}$, следовательно не $^{90}/_{500}$, а $^{90}/_{90}$ = 100%, т. е. более чем в пять раз превышает кажущуюся степень эксплуатации. Хотя в данном случае мы не знаем ни абсолютной величины рабочего дня, ни периода, в. течение которого продолжается процесс труда (день, неделя и т. д.), ни, наконец, числа рабочих, которых одновременно приводит в движение переменный капитал в 90 ф. ст., тем не менее норма прибавочной стоимости $^{m}/_{v}$, так как она может быть превращена в $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$, показывает соотношение между двумя составными частями рабочего дня. Оно равно 100%. Следовательно, рабочий одну половину дня работал на себя, а другую половину — на капиталиста.

Итак, метод исчисления нормы прибавочной стоимости, коротко говоря, таков: мы берем всю стоимость продукта и приравниваем пулю постоянную капитальную стоимость, которая лишь вновь появляется в стоимости продукта. Остающаяся сумма стоимости есть единственная стоимость, действительно вновь произведенная в процессе образования товара. Если прибавочная стоимость дана, то мы, чтобы найти переменный капитал, вычитаем ее из этой вновь произведенной стоимости. Если же дан переменный капитал и мы ищем прибавочную стоимость, то мы поступаем наоборот. Если даны и прибавочная стоимость и переменный капитал, то остается произвести лишь заключительную операцию — вычислить отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу, $^{m}/_{v}$.

Как ни прост этот метод, тем не менее представляется уместным дать читателю возможность освоиться посредством нескольких примеров с лежащим в основе этого метода и непривычным для читателя принципом.

Прежде всего пример прядильной фабрики с 10000 мюльных веретен, на которой прядется из американского хлопка пряжа № 32 и производится по 1 ф. на веретено в неделю. Угары составляют 6%. Следовательно, еженедельно 10600 ф. хлопка перерабатываются в 10000 ф. пряжи и 600 ф. угаров. В апреле 1871 г. этот хлопок стоил $7^{3}/_{4}$ пенса за фунт, т. е. 10600 ф. стоили округленно 342 фунта стерлингов. Эти 10000 веретен, а также машины, обрабатывающие хлопок перед самым прядением, и паровая машина стоят 1 ф. ст. на веретено, следовательно 10000 фунтов стерлингов. Ежегодный износ их составляет 10%, или 1000 ф. ст., или 20 ф. ст. в неделю. Аренда фабричного

здания — 300 ф. ст., или 6 ф. ст. в неделю. Уголь (4 ф. в час на одну лошадиную силу, на 100 лошадиных (индикаторных) сил и 60 часов в неделю, включая в расчет и отопление здания) — 11 тонн в неделю, по 8 шилл. 6 пенсов тонна, стоит округленно $4^{1}/_{2}$ ф. ст.. в неделю; газ — 1 ф. ст. в неделю, масло — $4^{1}/_{2}$ ф. ст. в неделю, следовательно все вспомогательные материалы — 10 ф. ст. в неделю. Итак, постоянная часть стоимости выражается в 378 ф. ст. в неделю. Заработная плата составляет 52 ф. ст. в неделю. Цена пряжи при $12^{1}/_{4}$ пенса за фунт составит за 10000 фунтов 510 ф. ст.; следовательно, прибавочная стоимость: 510 ф. ст. — 430 ф. ст. = 80 фунтам стерлингов. Постоянную часть капитала в 378 ф. ст. мы приравниваем нулю, так как она не принимает участия в образовании стоимости за неделю. Остается еженедельная вновь произведенная стоимость в $132 = \overbrace{52}^{v}$ ф. ст. + $\overbrace{80}^{m}$ фунтов стерлингов. Таким образом, норма прибавочной стоимости = $^{80}/_{52} = 153^{11}/_{13}\%$. При десятичасовом среднем рабочем дне получается: необходимый труд = $3^{31}/_{33}$ часа и прибавочный труд = $6^{2}/_{33}$ часа[31)].

Джейкоб, предполагая цену пшеницы в 80 шилл. за квартер и средний сбор в 22 бушеля с акра, так что один акр приносит 11 ф. ст., приводит для 1815 г. следующий расчет[73], страдающий серьезными недочетами, — поскольку в нем предварительно произведено взаимное покрытие различных статей, — но достаточный для нашей цели:

Производство стоимости на 1 акр

Семена (пшеница)	1 ф. ст. 9 шилл.		Десятины, налоги	1 ф. ст. 1 шилл.	
Удобрение	2 ф. ст. 10 шилл.		Рента	1 ф. ст. 8 шилл.	
Заработная плата	3 ф. ст. 10 шилл.		Прибыль фермера и процент	1 ф. ст. 2 шилл.	
Итого	7 ф. ст. 9 шилл.		Итого	3 ф. ст. 11 шилл.	

Прибавочная стоимость, при том постоянном предположении, что цена продукта равна его стоимости, распределяется здесь между различными рубриками: прибыль, процент, десятины и т. д. Эти рубрики не представляют для нас интереса. Мы складываем их и получаем прибавочную стоимость в 3 ф. ст. 11 шиллингов. Те 3 ф. ст. 19 шилл., которых стоят семена

[31)] *Примечание к 2 изданию*. Пример прядильной фабрики, приведенный в первом издании и относящийся к 1860 г., содержал некоторые фактические ошибки. Приведенные в тексте совершенно точные данные сообщены мне одним манчестерским фабрикантом. — Следует отметить, что в Англии старая лошадиная сила вычислялась по диаметру цилиндра, новая же вычисляется по действительной силе, которую указывает индикатор.

и удобрение, мы приравниваем, как постоянную часть капитала, нулю. Остается авансированный переменный капитал в 3 ф. ст. 10 шилл., вместо которого была произведена новая стоимость в 3 ф. ст. 10 шилл. + 3 ф. ст. 11 шиллингов. Таким образом, $^m/_v$ составляет $\frac{3\text{ ф. ст. }11\text{ шилл.}}{3\text{ ф. ст. }10\text{ шилл.}}$, более 100%. Рабочий более половины своего рабочего дня употребляет на производство прибавочной стоимости, которую различные лица под различными предлогами распределяют между собой[31a)].

2. ВЫРАЖЕНИЕ СТОИМОСТИ ПРОДУКТА В ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ДОЛЯХ ПРОДУКТА

Возвратимся теперь к тому примеру, который показал нам, как капиталист из денег делает капитал. Необходимый труд его прядильщика составляет 6 часов, прибавочный труд — столько же, а потому степень эксплуатации рабочей силы — 100%.

Продукт двенадцатичасового рабочего дня составляет 20 ф. пряжи стоимостью в 30 шиллингов. Не менее $^8/_{10}$ стоимости этой пряжи (24 шилл.) образовано лишь вновь появляющейся стоимостью потребленных средств производства (20 ф. хлопка на 20 шилл., веретена и т. д. на 4 шилл.), или состоит из постоянного капитала. Остальные $^8/_{10}$ представляют собой возникшую во время процесса прядения новую стоимость в 6 шилл., из которой половина возмещает авансированную дневную стоимость рабочей силы, или переменный капитал, а другая половина образует прибавочную стоимость в 3 шиллинга. Следовательно, вся стоимость этих 20 ф. пряжи составляется следующим образом:

стоимость пряжи 30 шилл. = 24 шилл. + 3 шилл. + 3 шилл, Так как вся эта стоимость воплощается во всем продукте = 20 ф. пряжи, то и различные элементы стоимости можно выразить в пропорциональных долях продукта.

Если стоимость в 30 шилл. существует в виде 20 ф. пряжи, то $^8/_{10}$ этой стоимости, или ее постоянная часть в 24 шилл., заключается в $^8/_{10}$ продукта, т. е. в 16 ф. пряжи. Из них $13^1/_3$ ф. представляют стоимость сырого материала — перепряденного хлопка на 20 шилл., а $2^2/_3$ ф. представляют стоимость потребленных вспомогательных материалов и средств труда, веретен и т. д., на 4 шиллинга.

[31a)] Приведенные вычисления служат только в качестве иллюстрации. При этом мы исходим из предположения, что цены равны стоимостям. В книге III мы увидим, что это равенство устанавливается не таким простым путем даже для средних цен.

Итак, $13^1/_{13}$ ф. пряжи представляют весь хлопок, потребленный на весь продукт, на 20 ф. пряжи, они представляют сырой материал всего продукта, и ничего больше. Хотя в них заключается только $13^1/_3$ ф. хлопка стоимостью в $13^1/_3$ шилл., но добавочная их стоимость в $6^2/_3$ шилл. образует эквивалент хлопка, потребленного на остальные $6^2/_3$ ф. пряжи. Дело обстоит так, как если бы из последних $6^2/_3$ ф. был выщипан весь хлопок и как если бы весь хлопок, потребленный на весь продукт, был втиснут в $13^1/_3$ ф. пряжи. Но зато в этих $13^1/_3$ ф. пряжи теперь не содержится ни одного атома стоимости потребленных вспомогательных материалов и средств труда и ни одного атома новой стоимости, созданной в процессе прядения.

Точно так же другие $2^2/_3$ ф. пряжи, в которых заключается остаток постоянного капитала (равный 4 шилл.), не представляют ничего иного, кроме стоимости вспомогательных материалов и средств труда, потребленных на весь продукт, на 20 ф. пряжи.

Поэтому $^8/_{10}$ продукта, или 16 ф. пряжи, хотя и являются, если рассматривать их телесно, как потребительную стоимость, как пряжу, созданием прядильного труда в такой же мере, как и остальные части продукта, тем не менее в данной связи они не заключают в себе прядильного труда, труда, который впитан во время самого процесса прядения. Дело обстоит так, как если бы они без прядения превратились в пряжу и как если бы их форма пряжи представляла собой чистейший обман. В самом деле, если капиталист продаст их за 24 шилл. и на последние вновь купит свои средства производства, то становится ясным, что 16 ф. пряжи — это лишь переодетые хлопок, веретена, уголь и т. д.

Наоборот, остающиеся $^2/_{10}$ продукта, пли 4 ф. пряжи, теперь не представляют ничего иного, кроме новой стоимости в 6 шилл., произведенной во время двенадцатичасового процесса прядения. Заключавшаяся в них стоимость потребленных сырых материалов и средств труда уже была выпотрошена из них и вошла в состав первых 16 ф. пряжи. Воплощенный в 20 ф. пряжи прядильный труд сконцентрирован в $^2/_{10}$ продукта. Дело обстоит так, как если бы прядильщик выпрял 4 ф. пряжи из воздуха или же из такого хлопка и такими веретенами, которые даны природой, появились без содействия человеческого труда и потому не присоединяют к продукту никакой стоимости.

Из этих 4 ф. пряжи, в которых, таким образом, содержится вся стоимость, вновь произведенная во время дневного процесса прядения, одна половина представляет только стоимость, возмещающую стоимость потребленной рабочей силы, т. е. только

переменный капитал в 3 шилл., остальные же 2 ф. пряжи — только прибавочную стоимость в 3 шиллинга.

Так как 12 рабочих часов прядильщика овеществляются в 6 шилл., то в 30 шилл. стоимости пряжи овеществлены 60 рабочих часов. Они существуют в 20 ф. пряжи, из которых $^8/_{10}$, или 16 ф., есть материализация истекших до начала прядения 48 рабочих часов, материализация именно того труда, который овеществлен в средствах производства пряжи, а $^2/_{10}$, или 4 ф., являются материализацией 12 рабочих часов, затраченных в самом процессе прядения.

Раньше мы видели, что стоимость пряжи равна сумме новой стоимости, созданной во время производства пряжи, плюс стоимости, уже ранее существовавшие в средствах ее производства. Теперь мы видим, каким образом функционально или в понятии различные составные части стоимости продукта могут быть представлены в относительных долях самого продукта.

Это распадение продукта — результата процесса производства — на количество продукта, представляющее только труд, заключающийся в средствах производства, или постоянную часть капитала, другое количество, представляющее только необходимый труд, присоединенный в процессе производства, или переменную часть капитала, и третье, последнее количество продукта, представляющее только прибавочный труд, присоединенный в этом самом процессе, или прибавочную стоимость, — это распадение настолько же просто, насколько и важно, как покажет дальнейшее применение его к запутанным и все еще не разрешенным проблемам.

Сейчас мы рассматривали весь продукт как готовый результат двенадцатичасового рабочего дня. Но мы могли бы проследить его и в процессе его возникновения и, тем не менее, представить частичные продукты как функционально различные части продукта.

Прядильщик производит в 12 часов 20 ф. пряжи, следовательно в один час $1^2/_3$ ф., а в 8 часов $13^1/_3$ ф., т. е. частичный продукт, представляющий всю стоимость хлопка, перепряденного в течение всего рабочего дня. Точно так же частичный продукт следующих 1 часа 36 минут = $2^2/_3$ ф. пряжи и потому представляет стоимость средств труда, потребленных в течение 12 рабочих часов. Точно так же в следующие 1 час 12 минут прядильщик производит 2 ф. пряжи = 3 шилл. — это стоимость продукта, равная всей новой стоимости, которую он создает в 6 часов необходимого труда. Наконец, в последние $^6/_5$ часа он производит опять-таки 2 ф. пряжи, стоимость которых равна прибавочной стоимости, произведенной его прибавочным тру-

дом, составляющим половину дня. Этот способ исчисления служит английскому фабриканту для домашнего обихода, и он скажет, например, что в первые 8 часов, или $^{2}/_{3}$ рабочего дня, он просто выручает свой хлопок и т. д. Мы видим, что формула верна, что в действительности это просто первая формула, переведенная с пространства, где готовые части продукта лежат одна подле другой, на время, где они следуют одна за другой. Но формула может сопровождаться и самыми варварскими представлениями, особенно в головах, которые практически заинтересованы как в увеличении стоимости, так и в том, чтобы дать превратное теоретическое представление об этом процессе. Так, можно вообразить, что, например, наш прядильщик в первые 8 часов своего рабочего дня производит, или возмещает, стоимость хлопка, в следующие 1 час 36 минут — стоимость потребленных средств труда, в следующие 1 час 12 минут — стоимость заработной платы и только знаменитый «последний час» посвящает фабриканту, производству прибавочной стоимости. Прядильщику приписывается, таким образом, двойное чудо: выходит, во-первых, что он производит хлопок, веретена, паровую машину, уголь, масло и т. д. в тот самый момент, когда он прядет с их помощью, и, во-вторых, что из одного рабочего дня данной степени интенсивности он делает пять таких дней. В нашем случае, в частности, производство сырого материала и средств труда требует $^{24}/_{6}$, т. е. 4-х двенадцатичасовых рабочих дней, и их превращение в пряжу — еще одного двенадцатичасового рабочего дня. Что жажда наживы заставляет верить в такие чудеса и что нет недостатка в доктринерах-сикофантах, которые их доказывают, — об этом говорит следующий пример, приобретший историческую славу.

3. «ПОСЛЕДНИЙ ЧАС» СЕНИОРА

В одно прекрасное утро 1836 г. Нассау У. Сениор, известный своими экономическими познаниями и своим прекрасным стилем, в некотором роде Клаурен среди английских экономистов, был вызван из Оксфорда в Манчестер, чтобы поучиться здесь политической экономии, вместо того чтобы обучать ей в Оксфорде. Фабриканты избрали его борцом против недавно изданного фабричного акта[74] и против агитации за десятичасовой рабочий день, которая шла еще дальше. С обычной практической проницательностью они увидали, что господин профессор «wanted a good deal of finishing» [«еще порядком нуждается в окончательной отделке»]. Поэтому они прописали ему поездку в Манчестер. Господин профессор, со своей стороны,

украсил своим стилем уроки, полученные им в Манчестере у фабрикантов, и издал памфлет: «Letters on the Factory Act, as it affects the cotton manufacture». London, 1837. Здесь, между прочим, можно прочесть следующее поучение:

«При теперешнем фабричном акте ни одна фабрика, на которой работают лица моложе 18 лет, не может работать более $11^{1}/_{2}$ часов в день, т. е. по 12 часов в первые 5 дней недели и 9 часов в субботу. Следующий анализ (!) показывает, что на такой *фабрике* вся чистая прибыль происходит от последнего часа. Фабрикант затрачивает 100 000 ф. ст.: 80000 ф. ст. на фабричные здания и машины, 20000 ф. ст. на сырой материал и заработную плату. Предполагая, что капитал оборачивается один раз в год и что валовая прибыль составляет 15%, годовой оборот товаров этой фабрики должен составить стоимость в 115000 фунтов стерлингов... Каждая из 23 половин рабочего часа, составляющих рабочий день, производит $^{5}/_{115}$, или $^{1}/_{23}$, этих 115000 фунтов стерлингов. Из этих $^{23}/_{23}$, образующих совокупность этих 115000 ф. ст. (constituting the whole 115000 ф. ст.), $^{20}/_{23}$ т. е. 100000 из 115000, просто возмещают капитал; $^{1}/_{23}$, или 5000 ф. ст. из 15000 ф. ст., составляющих валовую прибыль (!), возмещает износ фабрики и машин. Остающиеся $^{2}/_{23}$, т. е. два последних получаса каждого дня, производят чистую прибыль в 10%. Поэтому, если бы при неизменных ценах фабрика могла работать 13 часов вместо $11^{1}/_{2}$, то, при увеличении оборотного капитала приблизительно на 2600 ф. ст., чистая прибыль увеличилась бы более чем вдвое. С другой стороны, если бы рабочий день был сокращен на 1 час, то исчезла бы чистая прибыль, а если бы на $1^{1}/_{2}$ часа, то исчезла бы и валовая прибыль»[32].

И это господин профессор называет «анализом»! Если он действительно поверил воплю фабрикантов, что рабочие большую часть дня растрачивают на производство, а следовательно

[32] *Senior*. «Letters on the Factory Act etc.». London, 1837, p. 12, 13. Мы не останавливаемся на некоторых курьезах, безразличных для нашей цели, например на утверждении, будто фабриканты причисляют к прибыли, брутто или нетто, валовой или чистой, возмещение стоимости изношенных машин и т. д., т. е. одной из составных частей капитала. Не останавливаемся также на том, правильны или фальшивы цифровые данные. Что они стоят не больше так называемого «анализа», это доказал Леонард Хорнер в «A Letter to Mr. Senior etc.». London, 1837 [p. 30—42]. Леонард Хорнер, один из членов комиссии 1833 г. по обследованию условий труда фабричных рабочих и фабричный инспектор, по существу цензор фабрик, вплоть до 1859 г., оказал бессмертные услуги английскому рабочему классу. Всю свою жизнь он вел борьбу не только с озлобленными фабрикантами, но и с министрами, для которых было несравненно важнее считать «голоса» фабрикантов в палате общин, чем часы «рабочих рук» на фабрике.

Добавление к примечанию 32. Не говоря уже о фальши содержания, изложение Сениора путаное. Сказать он хотел, собственно, только вот что: фабрикант заставляет рабочего ежедневно работать $11^{1}/_{2}$, или $^{23}/_{2}$ часа. Подобно отдельному рабочему дню, весь годовой труд состоит из $11^{1}/_{2}$, или $^{23}/_{2}$ часа (помноженных на число рабочих дней в году). При этом предположении $^{23}/_{2}$ рабочего часа производят годовой продукт в 115000 фунтов стерлингов; $^{1}/_{2}$ рабочего часа производит 115000 ф. ст. × $^{1}/_{23}$; $^{20}/_{2}$ рабочего часа производят 115000 ф. ст. × $^{20}/_{23}$ = 100000 ф. ст., т. е. они только возмещают! авансированный капитал. Остаются $^{3}/_{2}$ рабочих часа, которые производят 115000 ф. ст. × $^{3}/_{23}$ =15000, т. е. валовую прибыль. Из этих $^{3}/_{2}$ рабочего часа $^{1}/_{2}$ рабочего часа производит 115000 ф. ст. × $^{1}/_{23}$ = 5000 ф. ст., т. е. производит только возмещение износа фабрики и машин. Последние две половины рабочего часа, т. е. последний рабочий час, производят 115000 ф. ст. × $^{2}/_{23}$ = 10000 ф. ст., т. е. чистую прибыль. В тексте Сениор превращает последние $^{2}/_{23}$ продукта в части самого рабочего дня.

на воспроизводство, или возмещение, стоимости зданий, машин, хлопка, угля и т. д., то всякий анализ был излишним. Он мог просто ответить: Милостивые государи! Если вы заставите работать 10 часов вместо $11^1/_2$, то при прочих равных условиях ежедневное потребление хлопка, машин и т. д. сократится на $1^1/_2$ часа. Следовательно, вы выиграете ровно столько же, сколько вы потеряли. В будущем ваши рабочие станут затрачивать на воспроизводство, или возмещение, авансированной капитальной стоимости на $1^1/_2$ часа меньше. А если бы Сениор не поверил им на слово и как сведущее лицо признал бы необходимым особый анализ, то он должен был бы прежде всего попросить господ фабрикантов о том, чтобы в вопросе, касающемся исключительно отношения чистой прибыли к величине рабочего дня, они не сваливали в одну кучу машины и фабричные здания, сырой материал и труд, а соблаговолили бы выделить постоянный капитал, заключающийся в фабричных зданиях, машинах, сыром материале и т. д., на одну сторону, капитал же, авансированный на заработную плату, — на другую сторону. Если бы тогда оказалось, например, что по вычислениям фабрикантов рабочий воспроизводит, или возмещает, заработную плату в $^2/_2$ рабочих часа, или в один час, то наш аналитик должен был бы продолжить:

Согласно вашим данным, рабочий в предпоследний час производит свою заработную плату, а в последний — вашу прибавочную стоимость, или чистую прибыль. Так как в равные промежутки времени он производит равные стоимости, то продукт предпоследнего часа имеет такую же стоимость, как и продукт последнего. Далее, рабочий производит стоимость лишь при том условии, если он затрачивает труд и количество его труда измеряется его рабочим временем. Последнее, согласно вашим данным, составляет $11^1/_2$ часов в день. Одну часть этих $11^1/_2$ часов он употребляет на производство, или на возмещение, своей заработной платы, другую часть на производство вашей чистой прибыли. Ничего больше он не делает в продолжение рабочего дня. А так как, согласно вашему утверждению, его заработная плата и доставляемая им прибавочная стоимость суть равновеликие стоимости, то он, очевидно, производит свою заработную плату в $5^3/_4$ часа и вашу чистую прибыль в остальные $5^3/_4$ часа. Так как, далее, стоимость продукта, произведенного в два часа прядения, равна сумме стоимости его заработной платы плюс ваша чистая прибыль, то эта стоимость пряжи должна измеряться $11^1/_2$ рабочими часами: продукт предпоследнего часа $5^3/_4$ рабочих часа, продукт последнего часа — ditto [тоже]. Мы подходим теперь к щекотливому пункту. Итак,

внимание! Предпоследний рабочий час — такой же обыкновенный рабочий час, как и первый. Ni plus, ni moins [Не более и не менее]. Поэтому, как же может прядильщик в один рабочий час произвести стоимость пряжи, представляющую $5^3/_4$ рабочих часа? В действительности он и не совершает такого чуда. Та потребительная стоимость, которую он производит в один рабочий час, есть определенное количество пряжи. Стоимость этой пряжи измеряется $5^3/_4$ рабочего часа, из которых $4^3/_4$ уже заключаются, помимо содействия с его стороны, в средствах производства, в хлопке, машинах и т. д., потребленных в течение часа, а $^4/_4$, или один час, присоединены им самим. Таким образом, так как его заработная плата производится в $5^3/_4$ часа, а продукт, произведенный в один час прядения, точно так же содержит $5^3/_4$ рабочего часа, то нет решительно никакого волшебства в том, что новая стоимость, произведенная им в продолжение $5^3/_4$ часа прядения, равна стоимости продукта одного часа прядения. Но вы совершенно заблуждаетесь, если думаете, будто он затрачивает хотя бы один атом своего рабочего дня на воспроизводство, или «возмещение», стоимостей хлопка, машин и т. д. Благодаря тому, что его труд делает из хлопка и веретен пряжу, благодаря тому, что он прядет, стоимость хлопка и веретен сама собой переходит на пряжу. Это — следствие качества его труда, а не количества. Конечно, в один час он перенесет на пряжу большую стоимость хлопка и т. д., чем в $^1/_2$ часа, но лишь по той причине, что в 1 час он перепрядет хлопка больше, чем в $^1/_2$ часа. Итак, вы видите: ваше утверждение, что рабочий в предпоследний час производит стоимость своей заработной платы, а в последний час — чистую прибыль, означает только, что в пряже, представляющей продукт двух часов его рабочего дня, будут ли то первые или последние часы, воплощено $11^1/_2$ рабочих часов, — ровно столько же, сколько насчитывается во всем его рабочем дне. А утверждение, что он в первые $5^3/_4$ часа производит свою заработную плату, а в последние $5^3/_4$ часа — вашу чистую прибыль, означает только, что первые $5^3/_4$ часа вы оплачиваете, а последние $5^3/_4$ часа не оплачиваете. Я говорю об оплате труда, а не об оплате рабочей силы, просто пользуясь вашим жаргоном. Теперь, господа, если вы возьмете отношение рабочего времени, которое вы оплачиваете, к тому рабочему времени, которого вы не оплачиваете, то вы найдете, что оно равно отношению половины дня к половине дня, т. е. 100%, что, несомненно, — очень хороший процент. Не подлежит также никакому сомнению, что если вы заставите работать своих рабочих 13 часов вместо $11^1/_2$ и излишние $1^1/_2$ часа просто присоедините к прибавочному труду, что

было бы совершенно в вашем духе, то последний возрастет с $5^3/_4$ часа до $7^1/_4$ часа, а потому норма прибавочной стоимости повысится с 100% до $126^2/_{23}$%. Но вы слишком безумные сангвиники, если вы надеетесь, что вследствие присоединения $1^1/_2$ часов она увеличится с 100% до 200% и даже более чем до 200%, т. е. что она «более чем удвоится». С другой стороны, — сердце человека — удивительная вещь, особенно, если человек носит сердце в своем кошельке, — вы слишком мрачные пессимисты, если вы опасаетесь, что с сокращением рабочего дня с $11^1/_2$ до $10^1/_2$ часов пойдет прахом вся ваша чистая прибыль. Отнюдь нет. При прочих равных условиях прибавочный труд понизится с $5^3/_4$ до $4^3/_4$ часа, что все еще дает весьма значительную норму прибавочной стоимости, именно $82^{14}/_{23}$%. Но ваш роковой «последний час», о котором вы рассказываете сказок больше, чем хилиасты[75] о светопреставлении, это — «all bosh» [«совершенный вздор»]. Потеря его не отнимет у вас «чистой прибыли», а у используемых вами детей обоего пола — «чистоты душевной»[32a)].

[32a)] Если Сениор доказал, что от «последнего рабочего часа» зависит чистая прибыль фабрикантов, существование английской хлопчатобумажной промышленности и положение Англии на мировом рынке, то д-р Эндрью Юр в придачу к этому доказал[76], в свою очередь, что если фабричных детей и подростков моложе 18 лет не запирать на полные 12 часов в теплой и чистой нравственной атмосфере фабричного помещения, а «одним часом» раньше выталкивать их в неуютный и распущенный внешний мир, то праздность и порок лишат их душевной чистоты. С 1848 г. фабричные инспектора в своих полугодовых «Reports» неустанно поддразнивают фабрикантов «последним», «роковым часом». Так, г-н Хауэлл в своем фабричном отчете от 31 мая 1855 г. говорит: «Если бы следующее остроумное вычисление» (он цитирует Сениора) «было правильно, то оказалось бы, что каждая хлопчатобумажная фабрика в Соединенном королевстве с 1850 г. работала себе в убыток» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 30th April 1855», p. 19, 20). В 1848 г., когда десятичасовой билль прошел через парламент, фабриканты сельских льнопрядилен, рассеянных между графствами Дорсет и Сомерсет, принудили некоторых рабочих, на которых распространялось ограничение рабочего дня, принять контрпетицию, в которой, между прочим, говорится: «Мы, просители-родители, полагаем, что добавочный час праздности не может иметь никакого иного результата, кроме деморализации наших детей, ибо праздность — мать всех пороков». По этому поводу фабричный отчет от 1 декабря 1848 г. замечает: «Воздух льнопрядилен, где работают дети этих добродетельно-нежных родителей, до такой степени насыщен пылью и частицами волокон сырого материала, что чрезвычайно неприятно пробыть в прядильне хотя бы только 10 минут, так как льняная пыль, от которой нет никакого спасения, проникая в глаза, уши, нос и рот, вызывает мучительнейшее ощущение. Самый труд, вследствие безумной быстроты машин, требует постоянно ловкости и движения при неослабном внимании, и представляется несколько жестоким заставить родителей употреблять слово «леность» по адресу собственных детей, которые, за вычетом времени на еду, 10 полных часов прикованы к такой работе, в такой атмосфере... Эти дети работают дольше, чем батраки в соседних деревнях. Такие безжалостные обвинения в «праздности и пороке» следует заклеймить как чистейшее ханжество и самое бесстыдное лицемерие... Та часть общества, которая приблизительно двенадцать лет тому назад была поражена самоуверенностью, с которой публично и совершенно серьезно возвещали, опираясь на санкцию высокого авторитета, будто вся «чистая прибыль» фабриканта проистекает из «последнего часа» труда и потому сокращение рабочего дня на один час уничтожит всю чистую прибыль, — эта часть общества, говорим мы, едва ли поверит своим глазам, когда она увидит, что оригинальное открытие относительно благодеяний «последнего часа» с того времени усовершенствовано настолько, что оно теперь в одинаковой мере включает в себя и «мораль» и «прибыль», так что если

Когда действительно пробьет ваш «последний часочек», вспомните оксфордского профессора. А пока до приятного свидания в лучшем мире. Addio!.. [До свидания!][33] Сигнал «последнего часа», открытого Сениором в 1836 г., был снова подан 15 апреля 1848 г. в лондонском «Economist» Джемсом Уилсоном, одним из главных экономических мандаринов, в его полемике против закона о десятичасовом рабочем дне.

4. ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ

Ту часть продукта ($^1/_{10}$ часть 20 ф. пряжи, или два фунта пряжи в примере из раздела 2), в которой выражается прибавочная стоимость, мы называем прибавочным продуктом (surplus produce, produit net). Как норма прибавочной стоимости определяется отношением последней не ко всей сумме капитала, а только к его переменной составной части, так и уровень прибавочного продукта определяется отношением последнего не ко всему остальному продукту, а только к той части продукта, в которой выражается необходимый труд. Как производство прибавочной стоимости есть определяющая цель капиталистического производства, так и степень богатства измеряется не абсолютной величиной продукта, а относительной величиной прибавочного продукта[34].

продолжительность детского труда будет сокращена до 10 полных часов, то вместе с чистой прибылью хозяев улетучится и нравственность детей, так как и то и другое зависит от этого последнего, этого «фатального часа» («Reports of Insp. of Fact. tor 31st Oct. 1848», p. 101). Этот же фабричный отчет приводит потом образчики «морали» и «добродетели» этих господ фабрикантов, образчики тех каверз, уловок, приманок, угроз, подделок и т. д., которые они пускали в ход для того, чтобы заставить немногих совершенно безответных рабочих подписывать петиции такого рода, а потом выдавать эти петиции перед парламентом за петиции целой отрасли промышленности, целых графств. — В высшей степени характерным для современного состояния так называемой экономической «науки» остается тот факт, что ни сам Сениор, — который, к своей чести, впоследствии энергично выступил за фабричное законодательство,—ни его первоначальные и позднейшие противники не сумели разобраться в ложных выводах «оригинального открытия». Они просто апеллировали к фактам и опыту. Why и wherefore [как и почему] — осталось для них тайной.

[33] Однако господин профессор все же извлек некоторую пользу из своей манчестерской прогулки. В «Letters on the Factory Act» весь чистый доход — «прибыль» и «процент» и даже «something more» [«нечто большее»] — зависит от одного неоплаченного рабочего часа рабочего! Годом раньше, в своем «Outline of Political Economy», сочиненном для оксфордских студентов и образованных филистеров, Сениор, полемизируя против рикардовского определения стоимости рабочим временем, «открыл», что прибыль возникает из труда капиталиста, а процент — из его аскетизма, из его «Abstinenz» [«воздержания»]. Выдумка была старая, но слово «Abstinenz» было новое. Г-н Рошер верно перевел его на немецкий язык словом «Enthaltung» [«воздержание»]. Но его соотечественники, менее знакомые с латынью, — Вирты, Шульцы и другие Михели, — превратили «воздержание» в монашеское «Entsagung» [«самоотречение»].

[34] «Для человека, имеющего капитал в 20000 ф. ст., приносящий ему ежегодно 2000 ф. ст. прибыли, совершенно безразлично, доставляет ли его капитал занятие 100 или 1000 человек, продается ли произведенный товар за 10000 или за 20000 ф. ст., если только получаемая им прибыль в каждом случае не падает ниже 2 000

Сумма необходимого труда и прибавочного труда, отрезков времени, в которые рабочий производит стоимость, возмещающую его рабочую силу, и прибавочную стоимость, образует абсолютную величину его рабочего времени — рабочий день (working day).

фунтов стерлингов. Не таков ли также и реальный интерес всей нации? Если только ее чистый реальный доход, ее рента и прибыль, не изменяется, то не имеет никакого значения, насчитывает ли эта нация 10 или 12 миллионов человек» (Ricardo. «The Principles of Political Economy», 3 ed. London, 1821, p. 416). Задолго до Рикардо Артур Юнг, фанатик прибавочного продукта, вообще болтливый, не обладающий критическим умом автор, репутация которого стоит в обратном отношении к его заслугам, писал, между прочим: «Какую пользу имело бы современное государство от целой провинции, земля которой, как бы хорошо она ни обрабатывалась, разделена по древнеримскому образцу, между мелкими независимыми крестьянами? Какой цели служила бы эта земля, кроме той единственной, что на ней производились бы люди («the mere purpose of breeding men»), что само по себе составляет самую бесполезную цель?» («is a most useless purpose») (*Arthur Young.* «Political Arithmetic etc.». London, 1774, p. 47).

Добавление к примечанию 34. Странной представляется «сильная склонность... изображать чистое богатство как нечто благотворное для рабочего класса... Между тем совершенно очевидно, что оно благотворно не потому, что оно чистое» (*Th. Horkins*. «On Rent of Land etc,». London, 1828, p. 126).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
РАБОЧИЙ ДЕНЬ

1. ПРЕДЕЛЫ РАБОЧЕГО ДНЯ

Мы исходили из предположения, что рабочая сила покупается и продается по своей стоимости. Стоимость се, как и стоимость всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее производства. Следовательно, если для производства жизненных средств рабочего, потребляемых им в среднем ежедневно, требуется 6 часов, то в среднем он должен работать по 6 часов в день, чтобы ежедневно производить свою рабочую силу, или чтобы воспроизводить стоимость, получаемую при ее продаже. Необходимая часть его рабочего дня составляет в таком случае 6 часов и является поэтому, при прочих неизменных условиях, величиной данной. Но этим еще не определяется величина самого рабочего дня.

Предположим, что линия a____________b изображает продолжительность, или длину, необходимого рабочего времени, равную, скажем, 6 часам. Смотря по тому, будет ли продолжен труд за пределы ab на 1, 3, 6 часов и т. д., мы получим 3 различных линии:

Рабочий день I　　　Рабочий день II

a________b__c,　　　a______b____c,

Рабочий день III

a_______b______c,

изображающие три различных рабочих дня в 7, 9 и 12 часов. Линия bc, служащая продолжением линии ab, изображает длину прибавочного труда. Так как рабочий день = ab + bc, или ac, то он изменяется вместе с переменной величиной bc. Так как ab есть величина данная, то отношение bc к ab всегда может быть измерено. В рабочем дне I оно составляет $^{1}/_{6}$, в ра-

бочем дне II — $^3/_6$ и в рабочем дне III — $^6/_6$. Так как, далее, отношение $\frac{\text{прибавочное рабочее время}}{\text{необходимое рабочее время}}$ определяет норму прибавочной стоимости, то последняя дана, если известно отношение этих линий. Она составляет в трех приведенных выше рабочих днях соответственно $16^2/_3\%$, 50% и 100%. Наоборот, одна норма прибавочной стоимости не дала бы нам величины рабочего дня. Если бы, например, она равнялась 100%, то рабочий день мог бы продолжаться 8, 10, 12 часов и т. д. Она указывала бы на то, что две составные части рабочего дня, необходимый труд и прибавочный труд, равны по своей величине, но не показывала бы, как велика каждая из этих частей.

Итак, рабочий день есть не постоянная, а переменная величина. Правда, одна из его частей определяется рабочим временем, необходимым для постоянного воспроизводства самого рабочего, но его общая величина изменяется вместе с длиной, или продолжительностью, прибавочного труда. Поэтому рабочий день может быть определен, но сам по себе он — неопределенная величина[35)].

Хотя, таким образом, рабочий день есть не устойчивая, а текучая величина, все же, с другой стороны, он может изменяться лишь в известных границах. Однако минимальные пределы его не могут быть определены. Правда, если мы предположим, что линия bc, служащая продолжением линии ab, или прибавочный труд, = 0, то мы получим минимальную границу, а именно ту часть дня, которую рабочий необходимо должен работать для поддержания собственного существования. Но при капиталистическом способе производства необходимый труд всегда составляет лишь часть его рабочего дня, т. е. рабочий день никогда не может сократиться до этого минимума. Зато у рабочего дня есть максимальная граница. Он не может быть продлен за известный предел. Эта максимальная граница определяется двояко. Во-первых, физическим пределом рабочей силы. Человек может расходовать в продолжение суток, естественная продолжительность которых равна 24 часам, лишь определенное количество жизненной силы. Так, лошадь может работать изо дня в день лишь по 8 часов. В продолжение одной части суток сила должна отдыхать, спать, в продолжение другой части суток человек должен удовлетворять другие физические потребности — питаться, поддерживать чистоту, одеваться и т. д. Кроме этих чисто физических границ удлинение

[35)] «Рабочий день — величина неопределенная; он может быть длинным или коротким» («An Essay on Trade and Commerce; containing Observations on Taxes etc.». London, 1770, p. 73).

рабочего дня наталкивается на границы морального свойства: рабочему необходимо время для удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей, объем и количество которых определяется общим состоянием культуры. Поэтому изменения рабочего дня совершаются в пределах физических и социальных границ. Но как те, так и другие границы весьма растяжимого свойства и открывают самые широкие возможности. Так, например, мы встречаем рабочий день в 8, 10, 12, 14, 16, 18 часов, т. е. самой различной длины.

Капиталист купил рабочую силу по ее дневной стоимости. Ему принадлежит ее потребительная стоимость в течение одного рабочего дня. Он приобрел, таким образом, право заставить рабочего работать на него в продолжение одного рабочего дня. Но что такое рабочий день?[36)] Во всяком случае это нечто меньшее, чем естественный день жизни. На сколько? У капиталиста свой собственный взгляд на эту ultima Thule[*], на необходимую границу рабочего дня. Как капиталист, он представляет собой лишь персонифицированный капитал. Его душа — душа капитала. Но у капитала одно-единственное жизненное стремление — стремление возрастать, создавать прибавочную стоимость, впитывать своей постоянной частью, средствами производства, возможно большую массу прибавочного труда[37)]. Капитал — это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает. Время, в продолжение которого рабочий работает, есть то время, в продолжение которого капиталист потребляет купленную им рабочую силу[38)]. Если рабочий потребляет свое рабочее время на самого себя, то он обкрадывает капиталиста[39)].

Итак, капиталист ссылается на закон товарного обмена. Как и всякий другой покупатель, он старается извлечь воз-

---

[36)] Вопрос этот бесконечно важнее, чем знаменитый вопрос сэра Роберта Пиля к Бирмингемской торговой палате: «Что такое фунт стерлингов?» — вопрос, который мог быть поставлен только потому, что Пиль так же плохо понимал природу денег, как и «little shilling men»[77] из Бирмингема.

[*] — буквально: крайнюю Фулу; здесь это выражение употребляется в смысле: крайний предел. (Фула — островная страна, находившаяся, по представлению древних, на крайнем севере Европы.) *Ред.*

[37)] «Задача капиталиста состоит в том, чтобы посредством затраченного капитала получить возможно большую сумму труда» (*J. G. Conrcelle-Seneuil.* «Traite theorique et pratique des entreprises industrielles», 2eme edit. Paris, 1857, p. 62).

[38)] «Потеря одного часа труда в день наносит громадный ущерб торговому государству». «Наблюдается очень большое потребление предметов роскоши рабочей беднотой этого королевства, в особенности мануфактурным населением; при этом оно потребляет и свое время — самый пагубный из всех видов потребления» («An Essay on Trade and Commerce etc.». London, 1770, p. 47, 153).

[39)] «Если свободный рабочий предается минутному отдыху, то скаредная экономия, с беспокойством следящая за ним, начинает утверждать, что он ее обкрадывает» *(N. Linguet.* «Theorie des Loix Civiles etc.». London, 1767, t. II, p. 466).

можно бо̲льшую пользу из потребительной стоимости своего товара. Но вдруг раздается голос рабочего, который до сих пор заглушался шумом и грохотом [Sturm und Drang] процесса производства.

Товар, который я тебе продал, отличается от остальной товарной черни тем, что его потребление создает стоимость, и притом большую стоимость, чем стоит он сам. Потому-то ты и купил его. То, что для тебя является возрастанием капитала, для меня есть излишнее расходование рабочей силы. Мы с тобой знаем на рынке лишь один закон: закон обмена товаров. Потребление товара принадлежит не продавцу, который отчуждает товар, а покупателю, который приобретает его. Поэтому тебе принадлежит потребление моей дневной рабочей силы. Но при помощи той цены, за которую я каждый день продаю рабочую силу, я должен ежедневно воспроизводить ее, чтобы потом снова можно было ее продавать. Не говоря уже о естественном изнашивании вследствие старости и т. д., у меня должна быть возможность работать завтра при том же нормальном состоянии силы, здоровья и свежести, как сегодня. Ты постоянно проповедуешь мне евангелие «бережливости» и «воздержания». Хорошо. Я хочу, подобно разумному, бережливому хозяину, сохранить свое единственное достояние— рабочую силу и воздержаться от всякой безумной растраты ее. Я буду ежедневно приводить ее в текучее состояние, превращать в движение, в труд лишь в той мере, в какой это не вредит нормальной,продолжительности ее существования и ее нормальному развитию. Безмерным удлинением рабочего дня ты можешь в один день привести в движение большее количество моей рабочей силы, чем я мог бы восстановить в три дня. То, что ты таким образом выигрываешь на труде, я теряю на субстанции труда. Пользование моей рабочей силой и расхищение ее — это совершенно различные вещи. Если средний период, в продолжение которого средний рабочий может жить при разумных размерах труда, составляет 30 лет, то стоимость моей рабочей силы, которую ты мне уплачиваешь изо дня в день, $= \frac{1}{365 \times 30}$ или $^1/_{10950}$ всей ее стоимости. Но если ты потребляешь ее в 10 лет и уплачиваешь мне ежедневно $^1/_{10950}$ вместо $^1/_{3650}$ всей ее стоимости, т. е. лишь $^1/_3$ дневной ее стоимости, то ты, таким образом, крадешь у меня ежедневно $^2/_3$ стоимости моего товара. Ты оплачиваешь мне однодневную рабочую силу, хотя потребляешь трехдневную. Это противно нашему договору и закону товарообмена. Итак, я требую рабочего дня нормальной продолжительности и требую его, взывая не к твоему сердцу, так как

в денежных делах сердце молчит. Ты можешь быть образцовым гражданином, даже членом общества покровительства животным и вдобавок пользоваться репутацией святости, но у той вещи, которую ты представляешь по отношению ко мне, нет сердца в груди. Если кажется, что в ней что-то бьется, так это просто биение моего собственного сердца. Я требую нормального рабочего дня, потому что, как всякий другой продавец, я требую стоимости моего товара[40].

Мы видим, что если не считать весьма растяжимых границ рабочего дня, то природа товарного обмена сама не устанавливает никаких границ для рабочего дня, а следовательно и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара обусловливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь получается антиномия, право противопоставляется праву, причем оба они в равной мере санкционируются законом товарообмена. При столкновении двух равных прав решает сила. Таким образом, в истории капиталистического производства нормирование рабочего дня выступает как борьба за пределы рабочего дня, — борьба между совокупным капиталистом, т. е. классом капиталистов, и совокупным рабочим, т. е. рабочим классом.

2. НЕУТОЛИМАЯ ЖАЖДА ПРИБАВОЧНОГО ТРУДА. ФАБРИКАНТ И БОЯРИН

Капитал не изобрел прибавочного труда. Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, работник, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства[41], будет ли этим соб-

[40] Во время большой стачки лондонских строительных рабочих в 1860—1861 гг., требовавших сокращения рабочего дня до 9 часов, их комитет опубликовал заявление, почти совпадающее с речью нашего рабочего. В нем не без иронии указывается, что наиболее алчный из «строительных предпринимателей», некий сэр М. Пито, пользуется «репутацией святости». (Этот самый Пито после 1867 г. кончил тем же, чем и Штраусберг!)

[41] «Те, кто работает... действительно кормят и пенсионеров... называемых богатыми ... и самих себя» (*Edmund Burke,* «Thoughts and Details on Scarcity». London, 1800, p. 2, 3)

ственником афинский χαλοξ χαγαϖοξ [аристократ], этрусский теократ, civis romanus [римский гражданин], норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лендлорд или капиталист[42]. Впрочем ясно, что если в какой-нибудь общественно-экономической формации преимущественное значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из характера самого производства еще не вытекает безграничная потребность в прибавочном труде. Ужасным становится чрезмерный труд в древности в тех случаях, когда дело идет о добывании меновой стоимости в ее самостоятельной денежной форме — в производстве золота и серебра. Насильственный труд, убивающий работника, является здесь официальной формой чрезмерного труда. Достаточно почитать Диодора Сицилийского[43]. Однако это исключения для древнего мира. Но как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т. д., вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда. Поэтому труд негров в южных штатах Американского союза носил умеренно-патриархальный характер до тех пор, пока целью производства было главным образом непосредственное удовлетворение собственных потребностей. Но по мере того как экспорт хлопка становился жизненным интересом для этих штатов, чрезмерный труд негра, доходящий в отдельных случаях до потребления его жизни в течение семи лет труда, становился фактором рассчитанной и рассчитывающей системы. Тут дело шло уже не о том, чтобы выколотить из него известное количество полезных продуктов. Дело заключалось в производстве самой прибавочной стоимости. То же самое происходило с барщинным трудом, например в Дунайских княжествах.

---

[42] В своей «Romische Geschichte» Нибур делает очень наивное замечание: «Нечего скрывать, что произведения, подобные этрусским, поражающие дате в обломках, предполагают существование в мелких (!) государствах господ и рабов». Гораздо глубже заметил Сисмонди, что «брюссельские кружева» предполагают существование хозяев и наемных рабочих.

[43] «Нельзя без сострадания к их ужасной судьбе видеть этих несчастных» (работающих на золотых приисках между Египтом, Эфиопией и Аравией), «не имеющих возможности позаботиться хотя бы о чистоте своего тела или о прикрытии своей наготы. Ибо здесь нет места снисхождению и пощаде по отношению к больным, калекам, старикам, к женской слабости. Все должны работать, принуждаемые к этому ударами бича, и только смерть кладет конец их мучениям и нужде» («Diodor'» von Sicilien historische Bibliothek», Buch 3, cap. 13).

Сравнение неутолимой жажды прибавочного труда в Дунайских княжествах с такой же жаждой на английских фабриках представляет особенный интерес, потому что прибавочный труд при барщине обладает самостоятельной, осязательно воспринимаемой формой.

Предположим, что рабочий день состоит из 6 часов необходимого труда и 6 часов прибавочного труда. В таком случае свободный рабочий доставляет капиталисту еженедельно 6х6, или 36 часов прибавочного труда. Это равносильно тому, как если бы он работал 3 дня в неделю на себя и 3 дня в неделю даром на капиталиста. Но это распадение рабочего времени незаметно. Прибавочный труд и необходимый труд сливаются вместе. Поэтому то же самое отношение я мог бы, например, выразить в таком виде, что рабочий в продолжение каждой минуты работает 30 секунд на себя и 30 секунд на капиталиста и т. д. Иначе обстоит дело с барщинным трудом. Необходимый труд, который выполняет, например, валашский крестьянин для поддержания собственного существования, пространственно отделен от его прибавочного труда на боярина. Первый труд он выполняет на своем собственном поле, второй — в господском поместье. Обе части рабочего времени существуют поэтому самостоятельно, одна рядом с другой. В форме барщинного труда прибавочный труд точно отделен от необходимого труда. Это различие в форме проявления, очевидно, ничего не изменяет в количественном отношении между прибавочным трудом и необходимым трудом. Три дня прибавочного труда в неделю остаются тремя днями труда, который не создает эквивалента для самого рабочего, будет ли этот труд называться барщинным или наемным трудом. Но у капиталиста неутолимая жажда прибавочного труда проявляется в стремлении к безмерному удлинению рабочего дня, у боярина же проще: в непосредственной погоне за барщинными днями[44)].

Барщина соединялась в Дунайских княжествах с натуральными рентами и прочими атрибутами крепостного состояния, но она составляла основную дань, уплачиваемую господствующему классу. Там, где это имело место, барщина редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины[44a)]. Так было в румын-

[44)] Последующее относится к положению румынских провинций, как оно сложилось до переворота[78] совершившегося после Крымской войны.

[44a)] {*Примечание к 3 изданию.* Это относится также и к Германии, в особенности к Ост-Эльбской Пруссии. В XV веке немецкий крестьянин, хотя и обязан был почти повсюду нести известные повинности продуктами и трудом, но вообще был, по крайней мере фактически, свободным человеком. Немецкие колонисты Бранденбурга, Померании, Силезии и Восточной Пруссии и юридически признавались свободными. Победа дворянства в Крестьянской войне положила этому конец. Не только побежденные крестьяне Южной Германии снова сделались крепостными, но уже с половины XVI века свободные крестьяне Восточной Пруссии, Бранденбурга, Померании и Силезии, а вскоре и Шлезвиг-Гольштейна были низведены до положения крепостных. *(Maurer.* «Geschichte der Fronhofe, der Bauernhofe und Hofverfassiing in Deutschland». Bd. IV; *Meitzen.* «Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhaltnisse des preussischen Staates nach dem Gebietsumfange vor I866»; *Hanssen.* «Leibeigenschaft in Schleswig-Holstein».) *Ф. Э.*}

ских провинциях. Их первоначальный способ производства был основан на общинной собственности, но не в ее славянской или индийской формах. Часть земель самостоятельно возделывалась членами общины как свободная частная собственность, другая часть — ager publicus [общинное поле] — обрабатывалась ими сообща. Продукты этого совместного труда частью служили резервным фондом на случай неурожаев и других случайностей, частью государственным фондом на покрытие военных, церковных и других общинных расходов. С течением времени военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на похитителей общинной земли. Одновременно с этим развились крепостные отношения, однако только фактически, а не юридически, пока они не были узаконены всемирной «освободительницей», Россией, под предлогом отмены крепостного права. Кодекс барщинных работ, обнародованный русским генералом Киселевым в 1831 г., был, конечно, продиктован самими боярами. Так Россия одним ударом завоевала магнатов Дунайских княжеств и стяжала одобрительные рукоплескания либеральных кретинов всей Европы.

По «Reglement organique»[79], как называется этот кодекс барщинных работ, каждый валашский крестьянин, помимо массы подробно перечисленных натуральных повинностей, обязан был еще по отношению к так называемому земельному собственнику: 1) двенадцатью рабочими днями без уточнения характера работы; 2) одним днем работы в поле и 3) одним днем возки леса. Итого 14 дней в году. Однако с глубоким пониманием политической экономии рабочий день берется не в его обыкновенном смысле, а как рабочий день, необходимый для производства среднего дневного продукта; средний же дневной продукт хитроумно определен таким образом, что ни один циклоп не справился бы с ним в сутки. Поэтому сам «Reglement» в сухих выражениях с истинно русской иронией разъясняет, что под 12 рабочими днями следует разуметь продукт 36 дней ручного труда; день работы в поле означает три дня и день возки леса — также три дня. Всего 42 барщинных дня. Но сюда присоединяется так называемая *«Jobagie»,* т. е. услуги,

оказываемые землевладельцу в случае чрезвычайных производственных надобностей. Соответственно численности ее населения каждая деревня ежегодно должна выставить в порядке «Jobagie» определенный контингент рабочей силы. Этот добавочный барщинный труд определяется в 14 дней для каждого валашского крестьянина. Таким образом, предписанный барщинный труд составляет 56 рабочих дней ежегодно. Сельскохозяйственный же год в Валахии, вследствие плохого климата, насчитывает всего 210 дней, из которых надо вычесть 40 воскресных и праздничных дней и в среднем 30 непогожих дней, итого 70 дней. Таким образом, остается 140 рабочих дней. Отношение барщинного труда к необходимому труду — $^{56}/_{84}$ или $66^{2}/_{3}$ процента, выражает гораздо меньшую норму прибавочной стоимости, чем та, которая характеризует труд английского сельскохозяйственного или фабричного рабочего. Однако это лишь законом установленный барщинный труд. А «Reglement organique» с еще большим «либерализмом», чем английское фабричное законодательство, дает возможность обходить собственные предписания. После того как из 12 дней было сделано 56, номинальная дневная выработка в каждый из 56 барщинных дней определяется таким образом, что не обойтись без надбавки на следующие дни. Например, в один день должен быть прополот земельный участок такого размера, что на производство этой операции, особенно на кукурузном поле, требуется в действительности вдвое больше времени. Установленное законом дневное задание по отдельным видам сельскохозяйственных работ может быть так истолковано, что начало дня придется на май, а конец — на октябрь. Для Молдавии постановления еще суровее.

«Двенадцать барщинных дней по «Reglement organique», — восклицает один упоенный победой боярин, — составляют 365 дней в году!»[45].

Если «Reglement organique» Дунайских княжеств был положительным выражением неутолимой жажды прибавочного труда, которая узаконивается каждым параграфом, то английские фабричные акты являются отрицательным выражением все той же жажды. Эти законы обуздывают стремления капитала к безграничному высасыванию рабочей силы, устанавливая принудительное ограничение рабочего дня государством, и притом государством, в котором господствуют капиталист и лендлорд. Не говоря уже о нарастающем рабочем движении, о каждым днем все более грозном, ограничение фабричного

[45] Дальнейшие подробности можно найти у *E. Regnault.* «Histoire politique et sociale dea Principautes Danubiennes». Paris, 1855 [p. 304 sq.].

труда было продиктовано той же самой необходимостью, которая заставила выливать гуано на английские поля. То же слепое хищничество, которое в одном случае истощало землю, в другом случае в корне подрывало жизненную силу нации. Периодически повторявшиеся эпидемии говорили здесь так же убедительно, как уменьшение роста солдат в Германии и во Франции[46].

Действующий теперь (1867) фабричный акт 1850 г. устанавливает средненедельный рабочий день в 10 часов, именно в течение первых 5 дней недели по 12 часов, с 6 часов утра до 6 часов вечера, — причем из этого времени $^1/_2$ часа полагается по закону на завтрак и 1 час на обед, так что остается $10^1/_2$ рабочих часов, — и в субботу 8 часов, от 6 часов утра до 2 часов пополудни, из которых $^1/_2$ часа полагается на завтрак. Остается 60 рабочих часов, по $10^1/_2$ для первых пяти дней недели, $7^1/_2$ — для последнего дня недели[47]. Введены особые контролеры, наблюдающие за исполнением этого закона, непосредственно подчиненные министерству внутренних дел фабричные инспектора, отчеты которых публикуются парламентом каждое полугодие. Они дают, таким образом, постоянные и официальные статистические данные относительно капиталистической жажды прибавочного труда.

Послушаем же на минуту фабричных инспекторов[48].

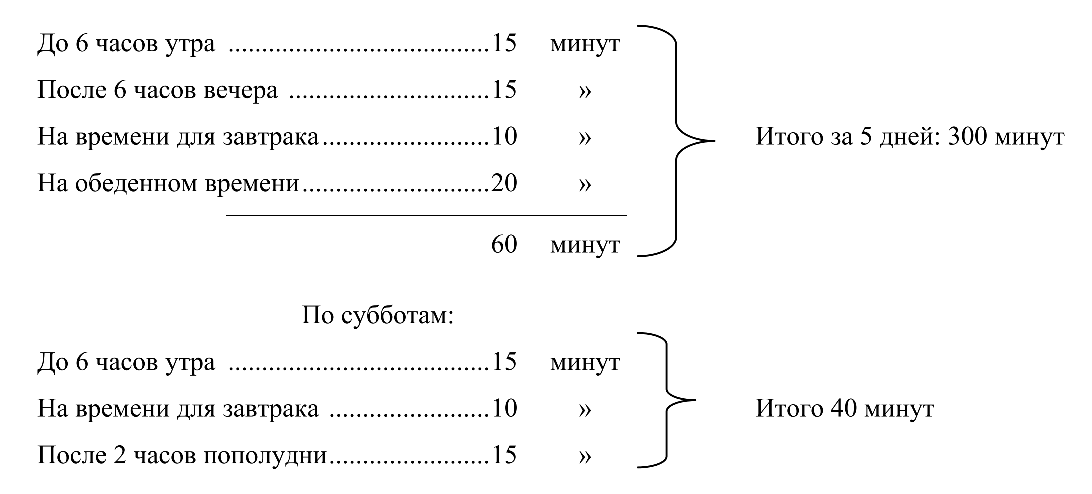
---

[46] «В общем превышение среднего роста указывает до известной степени на процветание живого существа... Рост человека уменьшается, если его благосостоянию наносится ущерб физическими или социальными условиями... Во всех европейских странах, где существует конскрипция, со времени ее введения средний рост мужчин и общая их пригодность к военной службе уменьшились. До революции (1789 г.) минимум для пехотинца во Франции был равен 165 *см,* в 1818 г. (закон 10 марта) — 157, по закону 21 марта 1832 г. — 156 *см.* Во Франции в среднем более половины призывающихся признаются негодными вследствие малого роста и физических недостатков. В Саксонии в 1780 г. минимум был 178 *см,* теперь 155 *см.* В Пруссии теперь 157 *см.* По данным доктора Мейера, опубликованным в «Bayerische Zeitung» от 9 мая 1862 г., оказывается, что в Пруссии за 9-летний промежуток времени в среднем из 1000 рекрутов 716 признавались негодными к военной службе: 317 из-за малого роста и 399 в связи с физическими недостатками... В 1858 г. Берлин не мог выставить надлежащего контингента рекрутов: не хватило 156 человек» (*J. v. Liebig.* «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie». 7. Aufl, 1862, Band I, S. 117, 118).

[47] История фабричного акта 1850 г. дается в дальнейшем ходе изложения этой главы.

[48] Периода от возникновения крупной промышленности в Англии и до 1845 г. я касаюсь лишь в некоторых местах и для ознакомления с ним отсылаю читателя к книге: *Ф. Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии». Лейпциг, 1845 [см. настоящее издание, том 2]. Насколько глубоко понял Энгельс дух капиталистического способа производства, показывают отчеты фабричных инспекторов, отчеты горных инспекторов и т. д., которые появились после 1845 г.; а как поразительно обрисовал он детали положения рабочего класса, показывает самое беглое сравнение его работы с официальными отчетами Комиссии по обследованию условий детского труда (1863— 1867), появившимися на 18—20 лет позже. Эти отчеты касаются именно тех отраслей промышленности, в которых фабричное законодательство еще не было введено до 1862 г., отчасти не введено еще и теперь. В этих отраслях, таким образом, в то положение, которое изображено Энгельсом, не было внесено из-

«Фабрикант, прибегающий к обману, начинает работу на четверть часа — иногда больше, иногда меньше, чем на четверть часа, — раньше 6 часов утра и заканчивает ее на четверть часа — иногда больше, иногда меньше — позже 6 часов вечера. Он отнимает по 5 минут от начала и конца получаса, определенного на завтрак, и урывает по 10 минут в начале и в конце часа, определенного на обед. В субботу работа заканчивается у него на четверть часа — иногда больше, иногда меньше, чем на четверть часа, — позже двух часов пополудни. Таким образом он выигрывает:

До 6 часов утра	15	минут	Итого за 5 дней: 300 минут
После 6 часов вечера	15	»	
На времени для завтрака	10	»	
На обеденном времени	20	»	
	60	минут	

По субботам:

До 6 часов утра	15	минут	Итого 40 минут
На времени для завтрака	10	»	
После 2 часов пополудни	15	»	

Это составляет 5 часов 40 минут в неделю, что, умноженное на 50 рабочих недель, за вычетом 2 недель на праздники и случайные перерывы работы, дает 27 рабочих дней»[49].

«Если рабочий день ежедневно удлиняется на 5 минут, то это составит $2^1/_2$ рабочих дня в год»[50]. «Лишний час в день, добываемый таким путем, что кусочек времени урывается то тут, то там, делает из 12 месяцев в году 13»[51].

Кризисы, во время которых производство прерывается и работа совершается лишь «неполное время», лишь по нескольку дней в неделю, конечно, ничего не изменяют в стремлении к удлинению рабочего дня. Чем больше сократились дела, тем больше должна быть выручка с каждого дела. Чем меньше времени может продолжаться работа, тем продолжительнее должно быть прибавочное рабочее время. Вот что сообщают фабричные инспектора о периоде кризиса 1857—1858 годов.

«Может показаться непоследовательностью самая возможность чрезмерного труда в такое время, когда торговля идет так плохо, но плохое ее состояние подталкивает беззастенчивых людей к нарушениям закона;

вне сколько-нибудь существенных изменений. Мои примеры относятся главным образом к периоду свободной торговли после 1848 г., к тому райскому периоду, о котором так баснословно много слышали немцы от столь же болтливых, сколь и убогих в научном отношении разносчиков идей свободной торговли. — Впрочем, Англия фигурирует здесь на первом плане лишь потому, что она — классическая представительница капиталистического производства и что только она и обладает непрерывной официальной статистикой по освещаемым вопросам.

[49] «Suggestions etc. by Mr. L. Horner, Inspector of Factories», in «Factories Regulation Acts. Ordered by the House of Commons to be printed 9 August 1859», p. 4, 5.

[50] «Reports of the Insp. of Fact. (or the half year, October 1856», p. 35.

[51] «Reports etc. 30th April 1858», p. 9.

они обеспечивают себе таким образом добавочную прибыль...» «В то самое время», — говорит Леонард Хорнер, — «когда 122 фабрики моего округа совсем прекратили свое существование, 143 бездействуют, а все остальные работают неполное время, по-прежнему совершаются нарушения установленного законом рабочего времени»[52]. «Хотя», — говорит г-н Хауэлл, — «большинство фабрик работает вследствие плохого положения дел лишь половинное время, я по-прежнему получаю все такое же количество жалоб на то, что ежедневно урывается (snatched) у рабочих $^1/_2$ или $^1/_2$ часа путем посягательства на то время, которое предназначено законом на еду и отдых»[53].

То же самое явление повторяется в меньшем масштабе во время ужасного хлопкового кризиса с 1861 по 1865 год[54].

«Если мы застаем рабочих за работой в обеденное или какое-нибудь другое не предусмотренное для работы время, то нам иногда говорят в оправдание, будто они ни за что не хотят уйти с фабрики, так что требуется принуждение, чтобы заставить их прекратить работу» (чистку машин и т. д.), «особенно вечером в субботу. Но если «руки» остаются на фабрике после остановки машин, так это происходит лишь потому, что между 6 часами утра и 6 часами вечера, в установленные законом рабочие часы, им не отводится времени для исполнения таких работ»[55].

«Добавочная прибыль, получаемая от перерабатывания сверх установленного законом времени, представляет для многих фабрикантов слишком большой соблазн, чтобы можно было ему противостоять. Они полагаются на то, что их не поймают, и рассчитывают, что, если это даже и будет обнаружено, незначительность денежных штрафов и судебных издержек обеспечат им все-таки прибыльный баланс»[56]. «В тех случаях, когда добавочное время выигрывается путем присоединяющихся друг

[52] «Reports etc. 30th April 1858», p. 10.

[53] Там же, стр. 25.

[54] «Reports etc. for the half year ending 30th April 1861». См. Приложение № 2; «Reports etc. 31st October 1862», p. 7, 52, 53. Нарушения учащаются здесь во второй половине 1863 года. Ср. «Reports etc. ending 31st October 1863», p. 7.

[55] «Reports etc. 31st October 1860», p. 23. С каким фанатизмом, по показанию фабрикантов на суде, противятся их фабричные «руки» всякому перерыву фабричной работы, об этом свидетельствует следующий курьез. В начале июня 1836 г. судье в Дьюсбери (Йоркшир) сообщили о том, что собственниками 8 больших фабрик близ Батли нарушается фабричный акт. Часть этих господ обвинялась в том, что они заставляли пятерых мальчиков в возрасте 12—15 лет работать с 6 часов утра пятницы до 4 часов пополудни в субботу, не давая им ни малейшего отдыха, кроме времени на еду и одного часа сна в полночь. И эти дети должны были заниматься непрерывной 30-часовой работой в «shoddy hole», как называется дыра, в которой щиплется шерстяной лоскут и в которой воздух до такой степени насыщен пылью, оческами и т. д., что даже взрослые рабочие принуждены постоянно завязывать себе рот носовыми платками, чтобы предохранить свои легкие! Господа обвиняемые давали уверения вместо присяги, — как квакеры они были слишком щепетильно-религиозными людьми для того, чтобы присягать, — что по великому милосердию своему они могли бы разрешить детям спать в продолжение 4 часов, по эти упрямцы ни за что не хотят ложиться в постель! Господа квакеры были присуждены к 20 ф. ст. штрафа. Драйден предвосхитил этих квакеров:

«Лиса, притворной святости полна,
Божбы страшась, как дьявол лжет она,
И с виду в постного святошу обратившись,
Греха не совершит, сперва не помолившись!»[80]

[56] «Reports etc. 31st October 1856», p. 34.

к другу мелких краж («a multiplication of small thefts»), совершаемых в течение дня, инспектора сталкиваются с почти непреодолимыми трудностями, когда они хотят представить доказательства нарушения закона»[57].

Эти «мелкие кражи», совершаемые капиталом за счет времени на еду и времени отдыха рабочих, фабричные инспектора называют «petty pilferings of minutes», кражей минут[58], «snatching a few minutes», урыванием минут[59] или, по техническому выражению рабочих, «nibbling and cribbling at meal times» [«выдиранием и выскребанием из времени, отведенного на еду»][60].

Мы видим, что в этой атмосфере образование прибавочной стоимости посредством прибавочного труда не составляет тайны.

«Если бы вы разрешили. — сказал как-то один весьма почтенный фабрикант, — заставлять рабочих работать ежедневно всего на 10 минут больше положенного времени, вы клали бы мне в карман по 1000 ф. ст. в год»[61]. «Атомы времени суть элементы прибыли»[62].

Нет ничего характернее в этом отношении, как обозначение словами «full times» [«полное время»] рабочих, работающих полное время, и «half times» [«половина времени»] — детей до 13-летнего возраста, которым дозволяется работать лишь по 6 часов[63]. Рабочий здесь не что иное, как персонифицированное рабочее время. Все индивидуальные различия сводятся к различию между «Vollzeitler» [«рабочий, работающий полное время»] и «Halbzeitler» [«рабочий, работающий половину времени»].

3. ОТРАСЛИ АНГЛИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЗ УСТАНОВЛЕННЫХ ЗАКОНОМ ГРАНИЦ ЭКСПЛУАТАЦИИ

До сих пор мы наблюдали стремление к удлинению рабочего дня, поистине волчью жадность к прибавочному труду, в такой области, в которой непомерные злоупотребления, не превзойденные даже, как говорит один буржуазный английский эко-

---

[57] «Reports etc. 31st October 1856», p. 35.
[58] Там же, стр. 48.
[59] Там же.
[60] Там же.
[61] Там же.
[62] «Reports of the Insp. etc. 30th April 1860», p. 56.
[63] Выражение пользуется официальным правом гражданства как на фабрике, так в в фабричных отчетах.

номист, жестокостями испанцев по отношению к краснокожим Америки[64], вызвали, наконец, необходимость наложить на капитал узду законодательного регулирования. Приглядимся теперь к некоторым отраслям производства, где высасывание рабочей силы или и сейчас еще нисколько не стеснено, или до самого последнего времени ничем не было стеснено.

«Г-н Бротон, мировой судья графства, заявил как председатель митинга, состоявшегося в ноттингемском городском доме 14 января 1860 г., что среди той части городского населения, которая занята в кружевном производстве, царят такие нищета и лишения, которых не знает остальной цивилизованный мир... В 2, 3, 4 часа утра 9—10-летних детей отрывают от их грязных постелей и принуждают за одно жалкое пропитание работать до 10, 11, 12 часов ночи, в результате чего конечности их отказываются служить, тело сохнет, черты лица приобретают тупое выражение, и все существо цепенеет в немой неподвижности, один вид которой приводит в ужас. Мы не удивлены, что г-н Маллетт и другие фабриканты выступили с протестом против каких бы то ни было прений... Система, подобная той, которую описал его преподобие Монтегю Валпи, это — система неограниченного рабства, рабства в социальном, физическом, моральном и интеллектуальном отношениях... Что сказать о городе, созывающем публичный митинг с целью ходатайствовать о том, чтобы рабочее время мужчин было ограничено 18 часами в сутки!.. Мы изливаемся в декламациях против виргинских и Каролинских плантаторов. Но разве их торговля неграми со всеми ужасами кнута и торга человеческим мясом отвратительнее, чем это медленное человекоубийство, которое совершается изо дня в день для того, чтобы к выгоде капиталистов фабриковались вуали и воротнички?»[65].

Гончарное производство (Pottery) Стаффордшира в течение последних 22 лет послужило предметом трех парламентских обследований. Результаты этих обследований изложены в отчете г-на Скривена, представленном в 1841 г. Комиссии по обследованию условий детского труда, в отчете д-ра Гринхау за 1860 г., опубликованном по распоряжению медицинского инспектора Тайного совета («Public Health, 3rd Report», I, 102—113), и, наконец, в отчете г-на Лонджа за 1863г. в «First Report of the Children's Employment Commission» от 13 июня 1863 года. Для моей задачи достаточно извлечь из отчетов 1860 и 1863 гг. некоторые свидетельские показания самих подвергавшихся эксплуатации детей. По тому, каково положение детей, можно сделать заключение о положении взрослых, особенно девушек

[64] «Алчность фабрикантов, совершающих в погоне за прибылью такие жестокости, которые едва ли были превзойдены жестокостями испанцев при завоевании Америки в погоне за золотом» (*John Wade.* «History of the Middle and Working Classes», 3rd ed. London, 1835, p. 114). Теоретическая часть этой книги, своего рода очерк политической экономии, содержит кое-что оригинальное для своего времени, например взгляд на торговые кризисы. Что касается исторической части, то она представляет собой бессовестный плагиат из книги: Sir *M. Eden.* «The State of the Poor». London, 1797.

[65] Лондонская «Daily Telegraph» от 17 января 1860 г.

и женщин, да еще в такой отрасли промышленности, в сравнении с которой бумагопрядение и т. п. кажется весьма приятным и здоровым занятием[66].

Уильям Вуд, девяти лет, «начал работать, когда ему было 7 лет и 10 месяцев». Сначала он «ran moulds» (относил в сушильню изготовленный товар в формах и затем приносил обратно пустые формы). Он приходит ежедневно в 6 часов утра и кончает приблизительно в 9 часов вечера. «Я всю неделю работаю ежедневно до 9 часов вечера. Так было, например, в продолжение последних 7—8 недель». Итак, пятнадцать часов труда для семилетнего ребенка! Дж. Марри, двенадцатилетний мальчик, показывает:

«I run moulds and turn jigger» («я [отношу формы и] верчу колесо»). «Я прихожу в 6 часов, иногда в 4 часа утра. Я работал всю последнюю ночь до 6 часов сегодняшнего утра. Я не ложился с предпоследней ночи. Кроме меня работало 8 или 9 других мальчиков всю последнюю ночь напролет. За исключением одного, все опять пришли сегодня утром. Я получаю 3 шилл. 6 пенсов в неделю (1 талер 5 грошей). Мне ничего не прибавляют, когда я работаю без перерыва всю ночь. На последней неделе я проработал две ночи». Фернихаф, десятилетний мальчик: «Я не всегда получаю полный час на обед, часто — всего полчаса, так бывает каждый четверг, пятницу и субботу»[67].

По заявлению д-ра Гринхау, продолжительность жизни в гончарных округах Сток-он-Трент и Вулстантон чрезвычайно мала. Несмотря на то, что из мужского населения старше 20-летнего возраста гончарным производством занято в округе Сток всего 36,6%, а в Вулстантоне всего 30,4%, на гончаров в первом округе приходится более половины, а во втором около $^{2}/_{5}$ общего числа смертных случаев от грудных болезней среди мужчин данного возраста. Д-р Бутройд, врач, практикующий в Хенли, заявляет:

«Каждое последующее поколение гончаров отличается меньшим ростом и более слабым здоровьем, чем предыдущее».

Точно так же другой врач, г-н Мак-Бин, говорит:

«С того времени как я начал практиковать среди гончаров, — это было 25 лет тому назад, — бросающееся в глаза вырождение этого класса находит себе выражение в прогрессирующем уменьшении роста и веса».

Показания эти взяты из отчета 1860 г. д-ра Гринхау[68].

---

[66] Ср. *Ф. Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии». Лейпциг, 1845, стр. 249—251 [см. настоящее издание, том 2, стр. 430—432].

[67] «Children's Employment Commission. First Report etc.», 1863, Appendix, p. 16,19, 18.

[68] «Public Health. 3rd Report etc.», p. 103, 105.

Из отчета членов комиссии 1863 г. мы заимствуем следующее. Д-р Дж. Т. Арледж, главный врач больницы Северного Стаффордшира, говорит:

«Как класс, гончары, мужчины и женщины, представляют... вырождающееся население как в физическом, так и в моральном отношении. Они обыкновенно низкорослы, плохо сложены и часто страдают искривлением грудной клетки. Они стареют преждевременно и недолго живут; флегматичные и малокровные, они обнаруживают слабость своего сложения упорными приступами диспепсии, нарушениями функций печени и почек и ревматизмом. Но главным образом они подвержены грудным заболеваниям: воспалению легких, туберкулезу, бронхиту и астме. Одна **из** форм астмы свойственна исключительно их профессии и известна под названием астмы горшечников, или чахотки горшечников. Золотухой — болезнью, которая поражает железы, кости и другие части тела, — страдает более двух третей гончаров. Если вырождение (degenerescence) населения этого округа не достигает еще больших размеров, то это объясняется исключительно притоком новых элементов из соседних местностей и браками с более здоровым населением»,

Г-н Чарлз Парсонс, в недавнем прошлом хирург той же больницы, сообщает в одном письме члену комиссии Лонджу, между прочим, следующее:

«Я могу говорить только на основании личных наблюдений, а не статистических данных, но я могу вас уверить, что во мне снова и снова закипало негодование при виде этих несчастных детей, здоровье которых приносится в жертву алчности их родителей и работодателей».

Он перечисляет причины заболеваний среди гончаров и в заключение называет самую главную — «long hours» («долгие рабочие часы»). Отчет комиссии выражает надежду, что

«мануфактура, занимающая такое выдающееся положение в глазах всего мира, не будет более мириться с тем позорным фактом, что со выдающиеся успехи сопровождаются физическим вырождением, разнообразными телесными страданиями и преждевременной смертью рабочих, благодаря труду и искусству которых достигнуты столь крупные результаты»[69].

Сказанное здесь о гончарном производстве Англии относится и к гончарному производству Шотландии[70].

Спичечная мануфактура ведет свое начало с 1833 г., со времени изобретения способа прикреплять фосфор к спичке. С 1845 г. она стала быстро развиваться в Англии и из густо населенных частей Лондона распространилась на Манчестер, Бирмингем, Ливерпуль, Бристоль, Норидж, Ньюкасл, Глазго; вместе с тем быстро распространилась и спазма жевательных мышц, которую один венский врач еще в 1845 г. определил как специфическую болезнь рабочих, занятых в спичечном

---

[69] «Children's Employment Commission», 1863, p. 22, 24, XI.

[70] Там же, стр. XLVII.

производстве. Половина рабочих — дети моложе 13-летнего возраста и подростки моложе 18 лет. Эта мануфактура настолько известна своим вредным влиянием на здоровье рабочих и отвратительными условиями, что только самая несчастная часть рабочего класса — полуголодные вдовы и т. д. — поставляет для нее детей, «оборванных, чуть не умирающих с голоду, совершенно заброшенных, лишенных всякого воспитания детей»[71]. Из тех свидетелей, которых выслушал член комиссии Уайт (1863 г.), 270 не достигли 18-летнего возраста, 40 были моложе 10 лет, 10 были всего 8 лет и 5 всего 6 лет от роду. Рабочий день, продолжительность которого колеблется между 12—14 и 15 часами, ночной труд, нерегулярное питание, по большей части в помещении самих мастерских, отравленных фосфором. Данте нашел бы, что все самые ужасные картины ада, нарисованные его фантазией, превзойдены в этой отрасли мануфактуры.

На фабрике обоев более грубые сорта печатаются машинами, более тонкие — ручным способом (block printing). Наибольшее оживление производства приходится на время от начала октября и до конца апреля. В этот период работа часто продолжается, и притом почти без перерыва, от 6 часов утра до 10 часов вечера и позднее, до глубокой ночи.

Дж. Лич показывает: «Прошлой зимой» (1862 г.) «из 19 девушек 6 отсутствовали, заболев от чрезмерного труда. Чтобы не дать им заснуть, я должен постоянно кричать на них». У. Даффи: «Часто от усталости дети не могли держать глаза открытыми; в сущности частенько и нам самим это едва удавалось». Дж. Лайтборн: «Мне 13 лет... Прошлую зиму мы работали до 9 часов вечера, а позапрошлую до 10 часов. Прошлой зимой я кричал почти каждый вечер от боли в ногах, на которых образовались язвы». Дж. Аспден: «Когда моему мальчугану было 7 лет, я ежедневно носил его на спине туда и обратно по снегу, и он работал обыкновенно по 16 часов!.. Часто я становился на колени, чтобы накормить его, пока он стоял у машины, так как он не имел права ни уйти от нее, ни остановить ее». Смит, компаньон и управляющий одной манчестерской фабрики: «Мы» (он разумеет те «руки», которые на «нас» работают) «работаем без перерыва на еду, и, таким образом, $10^1/_2$-часовой рабочий день заканчивается в $4^1/_2$ часа вечера, а все дальнейшее представляет собой сверхурочное время»[72]. (Интересно было бы знать, неужели же и г-н Смит ни разу

[71] «Children's Employment Commission», 1863, p. LIV.

[72] Это не следует считать прибавочным рабочим временем в том смысле, как мы его понимаем. Эти господа рассматривают $10^1/_2$-часовой труд как нормальный рабочий день, в котором заключается, следовательно, и нормальный прибавочный труд. После этого начинается «сверхурочное время», которое оплачивается несколько лучше. Впоследствии мы еще увидим, что применение рабочей силы во время так называемого нормального дня оплачивается ниже стоимости, так что «сверхурочное время» есть не что иное, как уловка капиталистов, которую они пускают в ход с той целью, чтобы выжать больше «прибавочного труда»; впрочем, это имеет место даже и в том случае, если рабочая сила, применяемая в продолжение «нормального дня», оплачивается действительно полностью.

не ест в продолжение $10^1/_2$ часов?) «Мы» (все тот же Смит) «редко оканчиваем ранее 6 часов вечера» (он разумеет: оканчиваем потребление «наших» живых машин, представляющих рабочую силу), «так что мы» (iterum Crispinus[81]) «в действительности работаем сверхурочное время круглый год... Дети и взрослые» (152 ребенка и подростка моложе 18 лет и 140 взрослых) «одинаково работали в продолжение 18 месяцев в среднем самое меньшее по 7 дней и 5 часов в неделю, или по $78^1/_2$ часов. Для 6 недель, закончившихся 2 мая этого года» (1863 г.), «средняя цифра была выше — 8 дней, или 84 часов в неделю!»

И все-таки этот самый г-н Смит, столь расположенный к pluralis majestatis*, с улыбкой прибавляет: «машинный труд легок». А фабриканты, применяющие block printing, говорят: «Ручной труд здоровее машинного». В общем господа фабриканты с негодованием высказываются против предложения: «останавливать машины, по крайней мере, во время еды». Вот что говорит по этому поводу г-н Отли, директор фабрики обоев в Боро (в Лондоне):

«Закон, который разрешил бы нам рабочий день продолжительностью от 6 часов утра до 9 часов вечера, был бы для нас (!) весьма желателен, но предписываемый фабричным актом рабочий день продолжительностью от 6 часов утра до 6 часов вечера нам (!) не годится... Мы останавливаем машины на время обеда» (какое великодушие!). «Эта остановка не причиняет сколько-нибудь серьезной потери в бумаге и краске». «Но», — с сочувствием добавляет он, — «я прекрасно понимаю, что потеря, связанная с этим, не доставляет особенного удовольствия».

Отчет комиссии наивно полагает, что боязнь некоторых «ведущих фирм» лишиться времени, т. е. времени, в течение которого присваивается чужой труд, и таким образом «лишиться прибыли», не является еще достаточным основанием для того, чтобы дети, не достигшие 13-летнего возраста, и подростки моложе 18 лет «лишались пищи» в продолжение 12— 16 часов или чтобы они снабжались пищей так же, как средства труда снабжаются вспомогательными материалами: машина — водой и углем, шерсть — мылом, колеса — маслом и т. д., т. е. во время самого процесса производства[73)].

Ни в одной отрасли промышленности Англии (мы оставляем в стороне машинную выпечку хлеба, еще только начинающую прокладывать себе дорогу) не сохранилось такого древнего и, — в чем можно убедиться, читая поэтов Римской империи, — даже дохристианского способа производства, как в хлебопечении. Но капитал, как уже отмечено раньше, первоначально равнодушен к техническому характеру того процесса труда, которым он овладевает. Он. берет его сначала таким, каким застает.

* — манере говорить о себе во множественном числе, как принято у коронованных особ. *Ред.*

[73)] «Clilldren's Employment Commission», 1863. Evidence, p. 123, 124, 125, 140. LXIV.

Невероятная фальсификация хлеба, в особенности в Лондоне, была впервые разоблачена комитетом палаты общин по вопросу «о фальсификации пищевых продуктов» (1855—1856 гг.) и работой д-ра Хасселла «Adulteration detected»[74)]. Следствием этих разоблачений явился закон 6 августа 1860 г. «for preventing the adulteration of articles of food and drink» [«для предотвращения фальсификации предметов питания и напитков»], закон, не оказавший никакого влияния, так как он соблюдает, конечно, высшую степень деликатности по отношению к каждому фритредеру, который намерен при помощи купли и продажи фальсифицированных товаров «to turn an honest penny» [«добыть честную копейку»][75)]. Сам комитет в достаточно наивной форме выразил свое убеждение, что свобода торговли в сущности означает торговлю фальсифицированными или, по остроумному выражению англичан, «софистицированными продуктами». И в самом деле, такого рода «софистика» умеет лучше Протагора делать из белого черное и из черного белое и лучше элеатов[82] демонстрировать ad oculos [воочию] полную иллюзорность всего реального[76)].

Во всяком случае комитет обратил внимание публики на ее «хлеб насущный», а тем самым и на хлебопечение. В то же время на публичных митингах и в петициях, обращенных к парламенту, раздались жалобы лондонских пекарей-подмастерьев на чрезмерный труд и т. д. Эти жалобы звучали так настоятельно, что г-н Х. С. Трименхир, бывший также членом неоднократно упоминавшейся комиссии 1863 г., был назначен королевским следственным комиссаром. Его отчет[77)] вместе с свидетельскими показаниями взволновал публику — не сердце

[74)] Квасцы, мелко перемолотые или смешанные с солью, являются нормальным предметом торговли, носящим характерное название «baker's stuff» [«порошок пекарей»].

[75)] Сажа, как известно, представляет собой весьма концентрированную форму углерода и образует удобрение, которое капиталистические трубочисты продают английским фермерам. В 1862 г. на одном судебном процессе британскому присяжному пришлось решать, будет ли такая сажа, к которой без ведома покупателя примешано 90 % пыли и песку, «настоящей» сажей в «коммерческом» смысле слова или «фальсифицированной» сажей в «законном» смысле. «Amis du commerce» [«друзья торговли»] решили, что это — «настоящая» коммерческая сажа, и оставили без удовлетворения иск фермера, которому вдобавок пришлось уплатить судебные издержки.

[76)] Французский химик Шевалье в статье о «софистикациях» товаров насчитывает Для многих из 600 с лишком рассматриваемых им продуктов до 10, 20, 30 различных способов фальсификации. Он прибавляет, что не знает всех способов и упоминает не все способы, которые знает. Для сахара он указывает 6 способов фальсификации, для прованского масла 9, для сливочного масла 10, для соли 12, для молока 19, для хлеба 20, для водки 23, для муки 24, для шоколада 28, для вина 30, для кофе 32 и т. д. Даже милосердному господу богу не удалось избежать этой участи. См. *Rouard de Card.* «De la falsification des substances sacramentelles». Paris, 1856.

[77)] «Report etc. relative to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers etc.». London, 1862, и «Second Report etc.». London, 1863.

ее, а желудок. Правда, начитанному в библии англичанину было хорошо известно, что призвание человека, если только он милостью божьей не капиталист, не лендлорд и не обладатель синекуры, заключается в том, чтобы в поте лица своего есть хлеб свой, но он не знал того, что он должен ежедневно съедать в своем хлебе некоторое количество человеческого пота с примесью гноя, паутины, мертвых тараканов и гнилых немецких дрожжей, не говоря уже о квасцах, песке и других не менее приятных минеральных примесях. Поэтому, невзирая на ее святейшество «свободу торговли», «свободное» до того времени пекарное производство подчинили надзору государственных инспекторов (в конце парламентской сессии 1863 г.), причем тот же парламентский акт воспретил пекарям-подмастерьям моложе 18 лет работать между 9 часами вечера и 5 часами утра. Последний пункт красноречивее, чем целые тома, говорит о чрезмерном труде в этой отрасли промышленности, от которой веет такой патриархальностью.

«Работа лондонского пекаря-подмастерья начинается обыкновенно в 11 часов ночи. В это время он делает тесто, — чрезвычайно утомительная процедура, продолжающаяся от $^1/_2$ до $^3/_4$ часа, смотря по величине и качеству выпечки. Затем он ложится на месильную доску, служащую одновременно и покрышкой для квашни, в которой делается тесто, и засыпает часа на два, подложив один мучной мешок под голову и покрывшись другим. Затем следует спешная и беспрерывная пятичасовая работа: надо месить тесто, взвешивать его, придавать ему форму, сажать в печь, вынимать из печи и т. д. Температура пекарни колеблется между 75° и 90° [по Фаренгейту, или 24°—32° по Цельсию], причем в небольших пекарнях она скорее бывает выше, чем ниже. Когда хлебы, булки и т. д. готовы, начинается распределение выпечки, и значительная часть рабочих, окончив только что описанный тяжелый ночной труд, в продолжение дня разносит хлеб в корзинах или развозит его в тележках из одного дома в другой, а в промежутках производит иногда еще какую-нибудь работу в пекарне. Смотря по времени года и размеру предприятия, работа заканчивается между часом и шестью пополудни, тогда как другая часть рабочих занята в пекарне до позднего вечера»[78]. «Во время лондонского сезона подмастерья, занятые в булочных, изготовляющих «полнопенный» хлеб в Уэст-Энде, начинают работу регулярно в 11 часов ночи и с одним или двумя очень короткими перерывами заняты выпечкой хлеба до 8 часов следующего утра. Затем они занимаются до 4, 5, 6, а то и 7 часов разноской хлеба или же изготовлением бисквитов в пекарне. По окончании работы наступает время сна, который продолжается не больше 6 часов, часто всего 5 и 4 часа. В пятницу работа всегда начинается раньше, примерно в 10 часов вечера, и длится без перерыва, заключаясь то в приготовлении, то в разноске хлеба, до 8 часов вечера субботы, в большинство же случаев до 4 или 5 часов утра воскресенья. Даже в солидных пекарнях, продающих хлеб по «полной цене», по воскресеньям производится в продолжение 4—5 часов подготовительная работа к следующему дню... Еще продолжительнее рабочий день подмастерьев, работающих у «underselling masters» (булочников, продающих хлеб по пониженной цене),

[78] Там же, «First Report etc.», p. VI.

а таковые составляют, как было замечено выше, более $^3/_4$ лондонских пекарей; но труд их почти исключительно ограничен пекарней, так как **их** хозяева продают хлеб лишь в собственных булочных, если не брать в расчет мелких лавок, в которые они его доставляют. К концу недели... т. е. в четверг, работа начинается здесь в 10 часов вечера и продолжается лишь с незначительным перерывом до поздней ночи с субботы на воскресенье»[79)].

Что касается «underselling masters», то даже буржуазная точка зрения признает, что «неоплаченный труд рабочих (the unpaid labour of the men) составляет основу их конкуренции»[80)]. И «full priced baker» [«булочник, продающий хлеб по полной цене»] изобличает перед следственной комиссией своих «underselling» конкурентов как похитителей чужого труда и фальсификаторов.

«Они преуспевают только благодаря тому, что надувают публику и выколачивают из своих рабочих 18 часов труда, оплачивая всего 12-часовой труд»[81)].

Фальсификация хлеба и возникновение категории булочников, продающих хлеб ниже полной цены, — оба эти явления развиваются в Англии с начала XVIII столетия, т. е. с того времени, когда цеховой характер промысла разложился и за спиной номинального мастера-пекаря выдвинулся капиталист в образе мукомола или торговца мукой[82)]. Этим была положена основа капиталистическому производству, безмерному удлинению рабочего дня и ночным работам, хотя даже в Лондоне последние получили серьезное распространение лишь с 1824 года[83)].

После всего вышеизложенного будет понятно, почему в отчете комиссии пекари-подмастерья относятся к категории рабочих с короткой продолжительностью жизни; счастливо избежав опасности стать жертвой ужасающей детской смертности, характерной для всех категорий рабочего класса, они редко достигают 42-летнего возраста. Тем не менее пекарный промысел всегда переполнен кандидатами. Источниками, из которых

[79)] «First Report etc.», p. LXXI.

[80)] *George Read*. «The History of Baking». London, 1848, p. 16.

[81)] «Report (First) etc. Evidence». Показание «full priced baker» Чисмена, стр. 108.

[82)] *George Read*. «The History of Baking». London, 1848. В конце XVII и в начале XVIII века Factors (посредники), проникавшие во всевозможные промыслы, официально квалифицировались как «public nuisances» [«нарушители общественного порядка»]. Так, например, большое жюри[83] во время квартальной сессии мировых судей в графстве Сомерсет вошло в палату общин с представлением, в котором, между прочим, говорится: «Эти посредники Блэкуэлл-холла являются нарушителями общественного порядка и причиняют вред торговле платьем и, как таковые, подлежат искоренению» («The Case of our English Wool etc.». London, 1685, p. 6, 7).

[83)] «First Report etc. relative to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers etc.». London, 1862, p. VIII.

Лондон черпает эти «рабочие силы», являются Шотландия, западные земледельческие округа Англии и Германия.

В 1858—1850 гг. пекари-подмастерья в Ирландии организовали на собственные средства ряд больших митингов для агитации против ночного и воскресного труда. Публика с чисто ирландским пылом приняла их сторону, как это было, например, в 1860 г. на майском митинге в Дублине. Результатом этого движения явилось успешное проведение исключительно дневного труда в Уэксфорде, Килкенни, Клонмеле, Уотерфорде и т. д.

«В Лимерике, где, как известно, страдания наемных рабочих превосходят всякую меру, движение это разбилось о сопротивление хозяев пекарен, особенно же пекарей-мельников. Пример Лимерика вызвал попятное движение в Эннисе и Типперэри. В Корке, где общественное негодование проявилось наиболее живо, хозяева, используя свое право выбросить рабочих на улицу, подавили движение. В Дублине хозяева оказали самое решительное сопротивление и преследованием подмастерьев, возглавлявших агитацию, принудили остальных уступить и согласиться на ночной и воскресный труд»[84].

Комитет вооруженного в Ирландии до зубов английского правительства слезно увещевает неумолимых хозяев пекарен Дублина, Лимерика, Корка и т. д.

«Комитет полагает, что рабочее время ограничено естественными законами, которых нельзя нарушать безнаказанно. Принуждая своих рабочих, с помощью угрозы увольнения, к нарушению их религиозных убеждений, неповиновению законам страны и игнорированию общественного мнения» (все это относится к воскресному труду), «хозяева сеют вражду между капиталом и трудом и подают пример, опасный для религии, нравственности и общественного порядка... Комитет полагает, что удлинение рабочего дня свыше 12 часов является узурпаторским вторжением в семейную и частную жизнь рабочего и ведет к гибельным моральным результатам вследствие вмешательства в семейный быт человека и в выполнение им своих семейных обязанностей в качестве сына, брата, мужа и отца. Труд, продолжающийся более 12 часов, имеет своей тенденцией разрушение здоровья рабочего, преждевременную старость и раннюю смерть и таким образом ведет к несчастью рабочих семей, которые лишаются («are deprived») попечения и опоры главы семейства как раз в такое время, когда это всего более необходимо»[85].

Мы только что познакомились с Ирландией. По другую сторону пролива, в Шотландии, сельскохозяйственный рабочий,человек плуга, возмущенно указывает на свой 13—14-часовой труд в суровейшем климате, при четырехчасовом дополнительном труде по воскресным дням (и это в стране, в которой так свято чтут воскресенье)[86]; в то же самое время перед лондонским

[84] «Report of Committee on the Baking Trade in Ireland for 1861».

[85] Там же.

[86] Публичный митинг сельскохозяйственных рабочих в Лассуэйде близ Глазго 5 января 1866 г. (см. «Workman's Advocate» от 13 января 1866 г.). Образование в конце 1865 г. тред-юниона сельскохозяйственных рабочих, прежде всего в Шотландии, является историческим событием. В одном из наиболее угнетенных земледельческих округов Англии, в Бакингемшире, наемные рабочие устроили в марте 1867 г. большую стачку с целью повышения недельной заработной платы с 9—10 до 12 шиллингов. (Из предыдущего видно, что движение английского сельскохозяйственного пролетариата, совершенно сломленное со времени подавления его мощных демонстраций после 1830 г. и особенно после введения нового закона о бедных, снова начинается в шестидесятых годах и, наконец, в 1872 г. открывает новую эпоху. Но к этому, равно как и к появившимся после 1867 г. Синим книгам о положении английского сельскохозяйственного рабочего, я вернусь во II томе. *Добавление к 3 изданию.)*

большим жюри предстали три железнодорожных рабочих: кондуктор пассажирского поезда, машинист и сигнальщик. Большая железнодорожная катастрофа отправила сотни пассажиров на тот свет. Причиной несчастья послужила небрежность железнодорожных рабочих. Они единогласно заявляют перед лицом присяжных, что 10—12 лет тому назад их работа продолжалась всего 8 часов в сутки. В течение же последних 5—6 лет рабочее время довели до 14, 18 и 20 часов, а при особенно большом наплыве пассажиров, например в разгар сезона экскурсий, оно часто продолжается без перерыва 40—50 часов. Но они, железнодорожные рабочие, обыкновенные люди, а не циклопы. В известный момент рабочая сила их отказывается служить. Они впадают в состояние оцепенения, голова перестает соображать, глаза — видеть. Вполне «respectable British Juryman» [«респектабельный британский присяжный»] отвечает на эти показания приговором о передаче дела, квалифицируемого как manslaughter (убийство), в более высокую инстанцию, и в дополнительном пункте мягко выражает благочестивое пожелание, чтобы господа железнодорожные магнаты капитала в будущем проявляли большую щедрость при покупке необходимого количества «рабочих сил» и обнаруживали большее «воздержание» или «самоотречение», или «бережливость» при высасывании купленной рабочей силы[87)].

[87)] «Reynolds' Newspaper», 21 января 1866 года. Эта же еженедельная газета вслед за тем из номера в номер сообщает о железнодорожных катастрофах под «сенсационными заголовками»: «Ужасные катастрофы», «Потрясающие трагедии» и т. д. Это вызвало следующий ответ одного рабочего с северостаффордширской железнодорожной линии: «Всем известно, к каким последствиям ведет хотя бы минутное ослабление внимания машиниста и кочегара. А может ли быть иначе при безграничном удлинении рабочего времени, несмотря на самую суровую погоду, при полном отсутствии перерывов и отдыха? Возьмем для примера следующий случай, наблюдающийся ежедневно: в прошлый понедельник кочегар начал работу с раннего утра. Он окончил ее через 14 часов 50 минут. Не успел он выпить чаю, как его снова позвали на работу... Таким образом, он проработал без перерыва 29 часов 15 минут. Остальные дни недели были у него заняты так: среда — 15 часов; четверг — 15 часов 35 минут; пятница — 141/2 часов; суббота — 14 часов 10 минут, итого 88 часов 30 минут в неделю. После этого нетрудно представить себе его изумление, когда ему было заплачено всего за 6 рабочих дней. Он был новичок и попросил разъяснить ему, что разумеется под рабочим днем. Ответ: 13 часов, т. е. 78 часов в неделю. Но тогда как же с уплатой за лишние 10 часов 30 минут? После долгих пререканий ему удалось получить вознаграждение в 10 пенсов». (Та же газета от 4 февраля 1866 г.)

Из пестрой толпы рабочих всех профессий, возрастов, полов, преследующих нас усерднее, чем души убитых преследовали Одиссея, рабочих, чей вид, не будь даже Синих книг под рукой, с первого взгляда говорит о чрезмерном труде, мы возьмем еще две фигуры: модистку и кузнеца. Разительный контраст между ними лучше всего доказывает, что перед лицом капитала все люди равны.

В последние недели июня 1863 г. все лондонские газеты поместили заметку под «сенсационным» заголовком «Death from simple overwork» («Смерть исключительно от чрезмерного труда»). Речь шла о смерти 20-летней модистки Мэри Анн Уокли, работавшей в весьма респектабельной придворной пошивочной мастерской, которую эксплуатировала одна дама с симпатичным именем Элиз. Здесь вновь раскрылась старая, часто повторявшаяся история[88] о том, что эти девушки работают в среднем по $16^1/_2$ часов в сутки, а в сезон часто бывают заняты 30 часов без перерыва, причем изменяющая им «рабочая сила» поддерживается время от времени определенными дозами хереса, портвейна и кофе. Был как раз разгар сезона. Предстояло изготовить благородным леди роскошные наряды для бала в честь только что импортированной принцессы Уэльсской. Мэри Анн Уокли проработала без перерыва $26^1/_2$ часов вместе с 60 другими девушками, по 30 человек в комнате, имевшей едва $^1/_3$ необходимой кубатуры, причем спать им приходилось по две на одной постели в одной из тех вонючих конур, в которых спальня отгораживается посредством дощатых переборок[89]. И это была одна из лучших

[88] См. *Ф. Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии». Лейпциг, 1845, стр. 253, 254 [настоящее издание, том 2, стр. 433—435].

[89] Д-р Литби, врач из Совета по охране здоровья, указывал в то время: «Спальня взрослого должна иметь минимум 300 кубических футов, а жилая комната — минимум 500 кубических футов». А вот что говорит доктор Ричардсон, главный врач одной лондонской больницы: «Различные швеи: модистки, портнихи, белошвейки терпят троякого рода бедствия: чрезмерный труд, недостаток воздуха и недостаток питания или расстройство пищеварения. В общем этого рода труд во всяком случае более подходит женщинам, чем мужчинам. Но несчастье этого промысла заключается в том, что он монополизирован, в особенности в столице, какими-нибудь 26 капиталистами, которые, используя порождаемые капиталом (that spring from capital) средства давления, выжимают из труда экономию» (force economy out of labour; Ричардсон хочет сказать, что экономят, расточая рабочую силу). «Их власть чувствует на себе весь этот класс работниц. Если портнихе удалось приобрести хотя бы небольшой круг заказчиц, то конкуренция принуждает ее убиваться дома на работе, чтобы сохранить этих заказчиц, и таким же чрезмерным трудом она должна по необходимости мучить своих помощниц. Если ее предприятие не пойдет или если ей не удастся устроиться самостоятельно, она обращается к какому-нибудь заведению, где работать приходится не меньше, но зато заработок вернее. Таким образом она превращается в настоящую рабу, которую бросает туда и сюда малейшая общественная волна; то она голодает дома в маленькой комнатенке или близка к голодовке; то опять работает по 15, 16, а то и 18 часов в сутки в таком воздухе, которым едва можно дышать, и питается пищей, которая, если она даже и хороша, не переваривается организмом вследствие отсутствия свежего воздуха. Вот какими жертвами питается чахотка, которая есть не что иное, как болезнь из-за плохого воздуха» (Dr. *Richardson.* «Work and Overwork», in «Social Science Review», 18 июля 1863 г.).

модных мастерских Лондона. Мэри Анн Уокли заболела в пятницу, а умерла в воскресенье, не успев даже, к великому изумлению г-жи Элиз, закончить последнее бальное платье. Врач, г-н Киз, вызванный слишком поздно к ее смертному одру, показал перед «Coroner's Jury» [«присяжными по осмотру трупов»] без обиняков:

«Мэри Анн Уокли умерла вследствие чрезмерно продолжительного труда в переполненной мастерской и вследствие того, что она спала в слишком тесном, плохо проветриваемом помещении».

Чтобы дать врачу урок хорошего тона, «Coroner's Jury» в ответ на его показания заявили:

«Она умерла от удара, но есть основание опасаться, что ее смерть могла быть ускорена чрезмерным трудом в переполненной мастерской и т. д.».

Наши «белые рабы», воскликнул по этому случаю «Morning Star», орган господ фритредеров Кобдена и Брайта, «наши белые рабы зарабатываются до могилы и гибнут и умирают без всякого шума»[90)].

«Зарабатываться до смерти — вот что стоит в порядке дня не только в мастерских дамского платья, по в тысяче мест, вернее — во всяком месте, где дела идут хорошо... Да будет нам позволено привести в пример кузнеца. Если верить поэтам, то нет на свете более сильного, жизнерадостного, веселого человека, чем кузнец. Он рано встает и еще до восхода солнца высекает искры; нет другого человека, который бы так ел, пил и спал, как он. Если принять во внимание только физические условия, то, при умеренном труде, положение кузнеца действительно одно из самых благоприятных. Но последуем за ним в город и взглянем на то бремя труда, которое взвалено на его сильные плечи, — взглянем на. то место, которое он занимает в статистике смертности нашей страны. В Мэриле-

[90)] «Morning Star», 23 июня 1863 года. Газета «Times» воспользовалась случаем для защиты американских рабовладельцев против Брайта и т. д. «Очень многие из нас полагают», — говорит «Times», — «что до тех пор, пока мы сами замучиваем до смерти работой наших собственных молодых женщин, угрожая им бичом голода вместо кнута, едва ли мы имеем право метать громы и молнии против тех семей, члены которых родились рабовладельцами и которые, по крайней мере, хорошо кормят своих рабов и требуют от них лишь умеренного труда» («Times», 2 июля 1863 г.). Газета тори «Standard» [15 августа 1863 г.] разносила в том же духе его преподобие Ньюмена Холла: «Он отлучает от церкви рабовладельцев, но творит молитву с ловкими людьми, которые заставляют работать за собачью плату лондонских кучеров и кондукторов омнибусов и т. д. всего по 16 часов в сутки». Наконец, раздался голос оракула, г-на Томаса Карлейля, о котором я уже в 1850 г. писал: «В культе гения... гений пошел к черту, а культ остался»[84]. В короткой притче он сводит единственное великое событие современной истории, Гражданскую войну в Америке, к тому обстоятельству, что Петр с Севера изо всех сил стремится проломить череп Павлу с Юга, так как Петр с Севера нанимает своего рабочего «поденно», а Павел с Юга «пожизненно» («Macmillan's Magazine». «Ilias Americana in nuce». Август 1863 г.). Так лопнул, наконец, мыльный пузырь симпатий тори к городским, — но отнюдь не к сельским! — наемным рабочим. Суть этих симпатий называется рабством!

боне» (одном из самых больших городских кварталов Лондона) «смертность кузнецов составляет 31 на 1000 ежегодно, что на 11 превышает среднюю смертность взрослых мужчин Англии. Занятие, представляющее почти инстинктивное искусство человека, само по себе безукоризненное, становится вследствие чрезмерного труда разрушительным для человека. Он может делать такое-то количество ударов молотом в день, такое-то количество шагов, совершать столько-то дыхательных движений, исполнять такую-то работу и прожить, в среднем, скажем, 50 лет. Его принуждают производить на столько-то больше ударов, проходить на столько-то больше шагов, на столько-то учащать дыхание, и это в общей сложности увеличивает затрату его жизненных сил на одну четверть. Он делает усилия в этом направлении, и в результате оказывается, что в продолжение какого-то ограниченного периода он выполняет работ на одну четверть больше и умирает в 37 лет вместо 50»[91)].

4. ДНЕВНОЙ И НОЧНОЙ ТРУД. СИСТЕМА СМЕН

С точки зрения процесса увеличения стоимости средства производства, постоянный капитал, существуют лишь для того, чтобы впитывать труд и с каждой каплей труда впитывать соответственное количество прибавочного труда. Поскольку они этого не делают, простое существование их образует для капиталиста отрицательную потерю, так как в продолжение всего времени, пока средства производства остаются без употребления, они представляют бесполезно авансированный капитал; потеря эта становится положительной, если возобновление прерванного производства делает необходимыми добавочные затраты. Удлинение рабочего дня за пределы естественного дня, удлинение за счет ночи действует только как паллиатив, лишь до известной степени утоляет вампирову жажду живой крови труда. Присвоение труда в продолжение всех 24 часов в сутки является поэтому имманентным стремлением капиталистического производства. Но так как физически невозможно высасывать днем и ночью одни и те же рабочие силы, то, чтобы преодолеть физические препятствия, требуется чередование между теми рабочими силами, которые потребляются днем, и теми, которые потребляются ночью, чередование, допускающее различные методы, например организованное таким способом, что часть рабочего персонала одну педелю выполняет дневную работу, а на другой неделе — ночную и т. д. Как известно, такая система смен, такое попеременное хозяйство господствовало в полнокровный юношеский период английской хлопчатобумажной промышленности и т. д. и процветает в настоящее время, между прочим, на бумагопрядильных фабриках Московской губернии. Как система, этот 24-часовой процесс

[91)] Dr. *Richardson*, цит. статья.

производства существует и поныне во многих до сих пор еще «свободных» отраслях промышленности Великобритании, между прочим на доменных печах, в кузницах, на железопрокатных заводах и других металлических мануфактурах Англии, Уэльса и Шотландии. Процесс труда продолжается по 24 часа не только в каждый из 6 будничных дней, но в большинстве случаев охватывает также и 24 часа воскресных суток. В состав рабочих входят мужчины и женщины, взрослые и дети обоего пола. Дети и подростки представлены всеми возрастами от 8 (в иных случаях от 6) до 18 лет[92]. В некоторых отраслях девушки и женщины работают ночью совместно с мужским персоналом[93].

Не говоря уже об общих вредных последствиях ночного труда[94], непрерывный, двадцатичетырехчасовой процесс производства дает в высшей степени удобную возможность переступать границы номинального рабочего дня. Например, в упомянутых выше отраслях промышленности, требующих большого напряжения, официальный рабочий день составляет для каждого рабочего по большей части 12 ночных или дневных часов. Но сверхурочный труд, выходящий за эти пределы, во многих

[92] «Children's Employment Commission. Third Report». London, 1864, p. IV, V, VI.

[93] «В Стаффордшире и в Южном Уэльсе молодые девушки и женщины работают в каменноугольных копях и коксовальнях не только днем, но и ночью. В отчетах, представляемых парламенту, это явление нередко отмечалось как причина серьезного и общеизвестного зла. Женщины, работающие вместе с мужчинами и едва отличающиеся от них своей одеждой, покрытые грязью и копотью, подвергаются опасности утратить свой нравственный облик вследствие утраты самоуважения, что неизбежно обусловливается несвойственным женщине занятием» (там же, 194, стр. XXVI. Ср. «Fourth Report» (1865), №61, p. XIII). То же и на стекольных заводах.

[94] «Представляется естественным», — замечает один фабрикант стали, у которого применяется ночной труд детей, — «что подростки, работающие ночью, не имеют возможности спать днем и получить необходимый отдых, а принуждены весь. следующий день слоняться без отдыха» («Children's Employment Commission. Fourth Report», №63, p. XIII). Вот что говорит, между прочим, один врач о важности солнечного света для сохранения и развития организма: «Свет оказывает непосредственное влияние на ткани тела, которым он придает крепость и упругость. Мускулы животных, лишенных нормального количества света, становятся рыхлыми и теряют свою упругость, нервная сила вследствие отсутствия возбуждения утрачивает свой тонус, и развитие всего, что находится в процессе роста, задерживается... Что касается детей, то для их здоровья особенно важен постоянный обильный приток дневного света и непосредственное действие солнечных лучей в продолжение некоторой части дня. Свет способствует переработке пищи в хорошую пластическую кровь и укрепляет образовавшиеся волокна. Он влияет также как раздражитель на зрительные органы, и таким образом вызывает более интенсивную деятельность различных мозговых функций». Г-н У. Стрейндж, главный врач «General Hospital» в Вустере, из сочинения которого относительно «источников здоровья»[85] (1864 г.) мы заимствовали этот отрывок, сообщает в письме к члену следственной комиссии г-ну Уайту: «Раньше я имел возможность наблюдать в Ланкашире влияние ночного труда на фабричных детей, и, вопреки обычному уверению некоторых работодателей, я решительно утверждаю, что этот труд быстро наносит ущерб здоровью детей» («Children's' Employment Commission. 4th Report», № 284, p. 55). То, что подобные вещи вообще составляют предмет серьезных споров, лучше всего доказывает, как влияет капиталистическое производство на «мозговые функции» капиталистов и их приспешников.

случаях, выражаясь словами английского официального отчета, «поистине ужасен» («truly fearful»)[95].

«Никакой человеческий ум», — говорится в отчете, — «не может представить себе той массы труда, которая, согласно свидетельским показаниям, выполняется мальчиками 9—12 лет, и не прийти после этого к тому неизбежному выводу, что такое злоупотребление властью родителей и работодателей не может быть долее терпимо»[96].

«Одно то обстоятельство, что мальчиков вообще заставляют работать попеременно то днем, то ночью, приводит как во время оживления дел, так и во время их обычного хода к позорному удлинению рабочего дня. Это удлинение во многих случаях носит не только ужасающий, но прямо-таки невероятный характер. Всегда бывает так, что кто-нибудь из мальчиков, которые должны сменить окончивших работу, по той или иной причине не является. В таком случае один или несколько из присутствующих мальчиков, уже закончивших свой рабочий день, должны заменить недостающего. Система эта настолько общеизвестна, что директор одного прокатного завода на мой вопрос, каким образом заполняются места отсутствующих мальчиков, ответил: «Я ведь знаю, что вам это так же хорошо известно, как и мне», — и, не колеблясь, признал отмеченный факт»[97].

«На одном прокатном заводе, где номинальный рабочий день продолжается с 6 часов утра до $5^1/_2$ часов вечера, один мальчик работал четыре ночи еженедельно по меньшей мере до $8^1/_2$ часов вечера следующего дня... и так в продолжение 6 месяцев». «Другой, в девятилетнем возрасте, работал иногда три двенадцатичасовых смены подряд, а в десятилетнем возрасте — два дня и две ночи подряд». «Третий мальчик, которому теперь 10 лет, работал с 6 часов утра до 12 часов ночи в продолжение трех ночей подряд и до 9 часов вечера в продолжение остальных ночей». «Четвертый, которому теперь 13 лет, работал целую неделю с 6 часов вечера до 12 часов следующего дня, а иногда три смены одну за другой, например с утра понедельника до ночи вторника». «Пятый, которому теперь 12 лет, работал на чугунолитейном заводе Стейвли с 6 часов утра до 12 часов ночи в продолжение двух недель; он уже не способен продолжать такую работу». Джордж Аллинсуорт, девяти лет: «Я пришел сюда в прошлую пятницу. Мы должны были начать работу на следующий день в три часа утра. Поэтому я оставался здесь всю ночь. Я живу в 5 милях отсюда. Спал на полу, подостлав кожаный фартук и прикрывшись курткой. Следующие два дня я приходил в 6 часов утра. Да, это горячее место! До поступления сюда я также целый год работал у доменной печи. Это был очень большой завод, расположенный в сельской местности. Моя работа тоже начиналась в субботу с 3 часов утра, но я мог, по крайней мере, уходить спать домой, так как жил недалеко. В другие дни я начинал работу с 6 часов утра, а оканчивал в 6 или 7 часов вечера» и т. д.[98]

---

95) Там же, № 57, стр. XII.

96) Там же («4th Report», 1865), № 58, стр. XII.

97) Там же.

98) Там же, стр. XIII. Уровень развития этих «рабочих сил» неизбежно должен быть таков, как он представляется в следующем диалоге с одним из членов следственной комиссии: Джеримая Хейнс, 12 лет: «... четырежды четыре восемь, но четыре четверки (4 tours) шестнадцать... Король для него тот, у кого все деньги и все золото (A king is him that has all the money and gold). У нас есть король; говорят, что он королева, ее называют принцессой Александрой. Говорят, что она вышла замуж за сына королевы. Принцесса — это мужчина». У. Тёрнер, двенадцати лет: «Я живу не в Англии. Полагаю, что такая страна существует, но ничего не знал о ней до сих пор». Джон Моррис, четырнадцати лет: «Я слышал, что бог сотворил мир и что весь народ утонул, кроме одного человека; я слышал, что этот человек был маленькая птичка», Уильям Смит, пятнадцати лет: «Бог создал мужчину, мужчина создал женщину». Эдуард Тейлор, пятнадцати лет: «Ничего не знаю о Лондоне».

Послушаем теперь, как сам капитал изображает эту 24-часовую систему. Он, конечно, обходит молчанием крайности этой системы, злоупотребления ею в целях «жестокого и невероятного» удлинения рабочего дня. Он говорит лишь о системе в ее «нормальном» виде.

Вот что говорят гг. Нейлор и Викерс, фабриканты стали, применяющие от 600 до 700 рабочих, из которых лишь 10% не достигло 18-летнего возраста, причем из числа этих последних лишь 20 мальчиков работают в ночной смене:

«Мальчики совсем не страдают от жары. Температура, вероятно, достигает 86°—90° [по Фаренгейту; 30°—32° по Цельсию]... В кузнечной и прокатной мастерских рабочие заняты посменно днем и ночью, напротив, во всех остальных мастерских труд исключительно дневной, от 6 часом утра до 6 часов вечера. В кузнечной работают от 12 часов до 12 часов. Некоторое число рабочих работает постоянно ночью, не переходя с ночного труда на дневной... Мы не находим, что дневной и ночной труд оказывают различное влияние на здоровье» (гг. Нейлора и Викерса?), «и, вероятно,

Генри Матьюмен, семнадцати лет: «Несколько раз бывал в церкви... Одно имя, о котором они проповедуют, это некий Иисус Христос, но других имен я назвать не могу, да и о нем ничего не могу сказать. Он не был убит, а умер, как умирают все люди. Он отличался в некотором роде от других людей, так как в некотором роде был религиозен, а другие не религиозны (He was not the same as other people in some ways, because he was religious in some ways, and others isn't)» (там же, №74, стр. XV). «Дьявол — доброе существо. Я не знаю, где он живет». «Христос был злой человек» («The devil is a good person. I don't know where he lives». «Christ was a wicked man»). «Эта девочка (10 лет) вместо God [бог] по буквам говорит Dog [собака] и не знает имени королевы» («Children's Employment Commission. 5th Report», 1866, p. 55, № 278). Такая же система, как на упомянутых металлических мануфактурах, господствует на стекольных и бумажных фабриках. На бумажных фабриках, на которых бумага производится посредством машин, ночная работа существует, как общее правило, для всех процессов, кроме сортировки тряпья. В некоторых случаях ночная работа благодаря сменам продолжается всю неделю, обыкновенно с ночи воскресенья до 12 часов ночи следующей субботы. Рабочий персонал, находящийся в дневной смене, работает еженедельно пять дней по 12 часов и один день — 18 часов, а находящийся в ночной смене — 5 ночей по 12 часов и одну ночь — 6 часов. В других случаях каждая смена работает в дни ломки смен по 24 часа и одна за другой. Одна смена работает 6 часов в. понедельник и 18 в субботу, чтобы вышли полные 24 часа. В некоторых случаях введена промежуточная система, при которой все рабочие, занятые на бумагоделательных машинах, работают каждый день недели по 15—16 часов. Эта система, — говорит член следственной комиссии Лорд, — как бы соединяет в себе все зло 12-часовой и 24-часовой систем смен. При этой системе ночной работы работают дети моложе 13 лет, подростки моложе 18 лет и женщины. Иногда при двенадцатичасовой системе им приходится работать двойную смену, 24 часа, чтобы заменить отсутствующих рабочих. Свидетельские показания доказывают, что мальчики и девочки очень часто работают сверхурочное время, которое растягивается до 24 и даже до 36 часов непрерывного труда. В «непрерывном и неизменном процессе» глазирования можно встретить двенадцатилетних девочек, которые работают месяц напролет по 14 часов в сутки «без какого бы то ни было регулярного отдыха или перерыва в работе, кроме двух, самое большее трех, получасовых перерывов для принятия пищи». На некоторых фабриках, где совсем отменена регулярная ночная работа, продолжительность сверхурочного времени достигает ужасающих размеров, и «это часто при самых грязных, самых горячих и самых монотонных процессах» («Children's Employment Commission. 4th Report», 1865, p. XXXVIII, XXXIX).

люди спят лучше, когда отдых наступает в одно и то же время, чем когда время отдыха меняется... Около 20 мальчиков моложе 18 лет работают в ночной смене... Мы не можем обойтись (not well do) без ночного труда мальчиков до 18-летнего возраста. Наше возражение — увеличение издержек производства. Искусные руки и руководителей отделений находить не легко, мальчиков же можно достать сколько угодно... Конечно, принимая во внимание относительную незначительность числа занятых у нас мальчиков, ограничение ночного труда не имело бы для нас существенной важности или значения»[99].

Г-н Дж. Эллис, от сталелитейных и железоделательных заводов фирмы гг. Джона Брауна и К°, на которых занято 3000 мужчин и подростков, причем часть тяжелых работ по производству стали и железа выполняется «днем и ночью, посменно», заявляет, что в трудных условиях сталелитейных заводов на двух взрослых приходится один или два подростка. Их предприятие насчитывает 500 подростков до 18-летнего возраста и из них 170, или около $^1/_3$, моложе 13 лет. Относительно предложенного изменения закона г-н Эллис говорит:

«Я не думаю, что было бы очень предосудительно (very objectionable), если бы воспретили заставлять лиц, не достигших 18-летнего возраста, работать более 12 часов в сутки. Но я не думаю, чтобы можно было привести какие-нибудь доказательства в пользу того, что при ночном труде можно обойтись без подростков старше 12 лет. Мы скорее приняли бы закон, воспрещающий вообще применение труда детей, не достигших 13-летнего или даже 15-летнего возраста, чем такой, который воспрещал бы ночной труд подростков, уже работающих у нас. Подростки, занятые в дневной смене, должны попеременно работать и в ночной смене, так как взрослые рабочие не могут непрерывно работать по ночам; это повлияло бы разрушающим образом на их здоровье. Однако мы полагаем, что ночной труд с промежутком в неделю не приносит вреда». (Господа Нейлор и Викерс, защищая интересы своего предприятия, полагали, наоборот, что не беспрерывный, а как раз периодически сменяющийся ночной труд может принести вред.) «Мы видим, что люди, занятые ночным трудом вперемежку с дневным, так же здоровы, как те, которые работают только днем... Мы возражаем против воспрещения ночного труда подростков моложе 18 лет потому, что это увеличило бы издержки, но в этом и есть единственное основание». (Какой наивный цинизм!) «Мы думаем, что это увеличение издержек превысило бы то, что может выдержать предприятие (the trade) без ущерба для своих успехов (As the trade with due regard to etc. could fairly bear!)» (Какая киселеобразная фразеология!) «Труд здесь редок, а при таком регулировании он мог бы сделаться недостаточным» (т. е. Эллис, Браун и К° могли бы попасть в фатальное положение, при котором они были бы вынуждены полностью оплачивать стоимость рабочей силы)[100].

«Сталелитейные и железоделательные заводы «Циклоп» **гг.** Каммелла и К° ведутся в таком же крупном масштабе, как предприятие вышеупомянутых Джона Брауна и К°. Директор-распорядитель вручил члену правительственной комиссии Уайту свои письменные свидетельские показания, но потом нашел целесообразным утаить рукопись, возвращенную

[99] «Fourth Report etc.», 1865, № 79, p. XVI.
[100] Там же, № 80, стр. XVI.

ему для пересмотра. Однако г-н Уайт обладает хорошей памятью. Он очень хорошо помнит, что для этих господ циклопов воспрещение ночного труда детей и подростков является «невозможной вещью; это было бы равносильно закрытию их заводов», и при всем том на их предприятии насчитывается немного более 6% подростков до 18 лет и лишь 1% моложе 13 лет!»[101].

Г-н Е. Ф. Сандерсон от фирмы Братья Сандерсон и К° сталелитейных, железопрокатных и кузнечных заводов в Аттерклиффе говорит по тому же вопросу следующее:

«Большие затруднения повлекло бы за собой воспрещение ночного труда подростков моложе 18 лет; главное затруднение в увеличении издержек, к которому по необходимости повела бы замена детского труда трудом взрослых мужчин. Я не могу сказать, во что обошлось бы это, но, вероятно, увеличение издержек не было бы настолько значительным, чтобы фабрикант мог повысить цену стали, а следовательно, убыток пал бы на него, так как рабочие» (что за упрямый народ!), «конечно, отказались бы его нести». Г-н Сандерсон не знает, сколько он платит детям, но, «вероятно, это составляет от 4 до 5 шилл. на душу в неделю... Труд мальчиков таков, что для него вообще» («generally», конечно, не всегда «в частности») «совершенно достаточно силы подростков, а потому большая сила взрослых рабочих не дала бы выгоды, которая могла бы компенсировать потери, или это наблюдалось бы лишь в немногих случаях, когда приходится иметь дело с очень тяжелым металлом. Взрослым рабочим, в свою очередь, едва ли захочется не иметь в своем распоряжении мальчиков, так как взрослые мужчины менее послушны. Кроме того мальчикам следует начинать работу с раннего возраста, чтобы изучить дело. Ограничение труда подростков исключительно дневным трудом препятствовало бы достижению этой цели».

Но почему же? Почему подростки не могли бы изучать своего «ремесла» днем? Ваши основания?

«Потому, что взрослые рабочие, работающие попеременно неделю днем, другую педелю ночью, отделяемые от подростков своей смены в течение всего этого времени, теряли бы половину той выгоды, которую они могли бы из-них извлечь. Ведь то руководство, которое получают от них подростки, учитывается как часть заработной платы последних, и это дает взрослым рабочим возможность дешевле получать труд подростков. Каждый взрослый рабочий потерял бы половину своей прибыли».

Другими словами: господа Сандерсоны должны были бы уплачивать соответствующую часть заработной платы взрослых рабочих из собственного кармана, вместо того чтобы уплачивать ее ночным трудом подростков. Прибыль господ Сандерсонов в этом случае несколько понизилась бы, и это служит для Сандерсонов хорошим основанием, почему подростки не могут изучать свое ремесло днем[102]. Кроме того, это взвалило бы

[101] «Fourth Report etc.», 1865, № 82, p. XVII.

[102] «В наше богатое рефлексией и резонирующее время человек, который не умеет указать хорошего основания для всего что угодно, даже для самых дурных и превратных мыслей и поступков, должен быть уже очень недалеким. Все, что испорчено в мире, испорчено на хороших основаниях» *(Hegel.* «Encyklopadie». Erster Theil. «Die Logik». Berlin, 1840. S. 249).

регулярный ночной труд целиком на плечи взрослых, которые теперь сменяются подростками, и они не выдержали бы этого. Короче говоря, затруднения были бы настолько велики, что они привели бы, по всей вероятности, к совершенному уничтожению ночного труда. «Что касается собственно производства стали, — говорит Е. Ф. Сандерсон, — то это не составило бы никакой разницы, но!..» Но господа Сандерсоны не просто производят сталь ради стали. Производство ее — это только средство для производства прибыли. Плавильные печи, прокатные заводы и т. д., здания, машины, железо, уголь и т. д. должны больше делать, чем только превращаться в сталь. Они существуют для того, чтобы всасывать прибавочный труд, а всосут они его, конечно, больше в 24 часа, чем в 12 часов. В самом деле, по законам божеским и человеческим обладание ими дает Сандерсонам право на рабочее время известного числа рук в течение полных суток; они утрачивают свой характер капитала и потому представляют для Сандерсонов чистый убыток, как только прерывается их функция всасывания труда.

«Но в таком случае произошла бы потеря вследствие того, что очень дорогие машины половину времени бездействовали бы, и мы были бы принуждены удвоить размер помещений и количество машин для того, чтобы произвести такое же количество продуктов, какое мы в состоянии произвести при теперешней системе, а это удвоило бы издержки».

Но почему как раз эти Сандерсоны претендуют на особую привилегию по сравнению с другими капиталистами, предприятиям которых позволено работать только днем и у которых здания, машины, сырой материал ночью «бездействуют»?

«Это правда», — отвечает Е. Ф. Сандерсон от лица всех Сандерсонов. — «это правда, что потеря, происходящая вследствие бездействия машин, распространяется на все предприятия, в которых работают только днем. Но применение плавильных печей повело бы в нашем случае к экстраординарным потерям. Если их не гасить, растрачивается топливо» (вместо жизни рабочих, которая растрачивается в настоящее время), «если же их гасить, то теряется время на то, чтобы вновь развести огонь и получить необходимую температуру» (тогда как потеря даже восьмилетними детьми времени сна является выигрышем рабочего времени для всей сандерсоновской братии), «да и сами печи пострадали бы от перемен температуры» (тогда как те же печи нисколько не страдают от дневной и ночной смены труда)[103].

[103] «Children's Employment Commission. 4th Report etc.»,1865, № 85, p. XVII. На подобные же деликатные рассуждения одного из господ стеклозаводчиков, будто установление для детей «регулярного времени еды» невозможно, так как это повело бы «к чистой потере» и «расточению» определенного количества теплоты, излучаемой печами, член следственной комиссии Уайт, совершенно не похожий на Юра, Сениора и т. д. и на их жалких немецких подголосков вроде Рошера и других, растроганных «воздержанием», «самоотречением» и «бережливостью» капиталистов в расходовании своих денег и их тимур-тамерлановской «расточительностью» в расходовании человеческой жизни, дает такой ответ: «Если и будет растрачиваться некоторое излишнее количество теплоты по сравнению с теперешним вследствие того, что будет обеспечено регулярное время на еду,

5. БОРЬБА ЗА НОРМАЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ ОБ УДЛИНЕНИИ РАБОЧЕГО ДНЯ С ПОЛОВИНЫ XIV ДО КОНЦА XVII СТОЛЕТИЯ

«Что такое рабочий день?» Как велико то время, в продолжение которого капитал может потреблять рабочую силу, дневную стоимость которой он оплачивает? Насколько может быть удлинен рабочий день сверх рабочего времени, необходимого для воспроизводства самой рабочей силы? На эти вопросы, как мы видели, капитал отвечает: рабочий день насчитывает полных 24 часа в сутки, за вычетом тех немногих часов отдыха, без которых рабочая сила делается абсолютно негодной к возобновлению своей службы. При этом само собой разумеется, что рабочий на протяжении всей своей жизни есть не что иное, как рабочая сила, что поэтому все время, которым он располагает, естественно и по праву есть рабочее время и, следовательно, целиком принадлежит процессу самовозрастания стоимости капитала. Что касается времени, необходимого человеку для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья — будь то хотя бы в стране, в которой так свято чтут воскресенье[104], — то все это чистый вздор!

то такая растрата, даже выраженная и денежной стоимости, не идет ни в какое сравнение с расточением жизненной силы («the waste of animal power»), которое терпит теперь королевство вследствие того, что дети, занятые на стекольных заводах и находящиеся в периоде роста, не имеют свободного времени, чтобы спокойно принять и переварить пищу» (там же, стр. XLV). И это в «год процветания» — 1865 год! Кроме затраты силы, которая требуется на то, чтобы поднимать и переносить тяжести, на заводах, изготовляющих бутылки и флинт глас, ребенок, непрерывно совершая свою работу, должен исходить в продолжение 6 часов 15—20 (английских) миль! А работа продолжается часто 14—15 часов! На многих стекольных заводах господствует такая же система шестичасовых смен, как на московских прядильнях. «В течение недельного рабочего времени самый продолжительный непрерывный отдых составляет 6 часов. Но отсюда следует вычесть время, необходимое для того, чтобы дойти до фабрики и обратно, умыться, одеться, принять пищу, а все это требует времени. Таким образом, в действительности для отдыха остается лишь самое короткое время. Если не отрывать времени от сна, то некогда поиграть и подышать свежим воздухом, что так необходимо детям, занятым столь напряженным трудом при столь высокой температуре... Но и короткий сон ребенка нарушается ночью заботой о том, чтобы не проспать на работу, днем — доходящим извне шумом». Г-н Уайт приводит случаи, когда один подросток работал 36 часов без перерыва, когда двенадцатилетние мальчики работают до 2-х часов ночи, а затем спят на заводе до 5 часов утра (3 часа!), чтобы затем снова приняться за дневную работу! «Количество работы», — говорят редакторы общего отчета Трименхир и Тафнелл, — «выполняемое мальчиками, девочками и женщинами во время дневной или ночной смены (spell of labour), прямо баснословно» (там же, стр. XLIII и XLIV). А между тем «преисполненный самоотречения» стекольный капиталист, пошатываясь от портвейна, возвращается, быть может, поздно ночью из клуба домой и идиотски напевает себе под нос: «Britons never, never, shall be slaves!» [«Нет, никогда, никогда не будут британцы рабами!»][86].

[104] В различных сельских местностях Англии, например, до сих пор еще нет-нет да и приговорят какого-нибудь рабочего к тюремному заключению за то, что, работая в огородике перед своим домом, он оскорбляет

Но при своем безграничном слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, которое необходимо рабочему для того, чтобы пользоваться свежим воздухом и солнечным светом. Он урезывает время на еду и по возможности включает его в самый процесс производства, так что пища дается рабочему как простому средству производства, подобно тому как паровому котлу дается уголь и машинам — сало или масло. Здоровый сон, необходимый для восстановления, обновления и освежения жизненной силы, капитал сводит к стольким часам оцепенения, сколько безусловно необходимо для того, чтобы оживить абсолютно истощенный организм. Таким образом, не нормальное сохранение рабочей силы определяет здесь границы рабочего дня, а наоборот, возможно большая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненно насильственна и мучительна она ни была, ставит границы для отдыха рабочего. Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня. Он достигает этой цели сокращением жизни рабочей силы, подобно тому как жадный сельский хозяин достигает повышения доходности земли посредством расхищения плодородия почвы.

Таким образом, капиталистическое производство, являющееся по существу производством прибавочной стоимости, всасыванием прибавочного труда, посредством удлинения рабочего дня ведет не только к захирению человеческой рабочей силы, у которой отнимаются нормальные моральные и физические условия развития и деятельности. Оно ведет к преждевременному истощению и уничтожению самой рабочей силы[105)].

святость воскресенья. Тот же самый рабочий наказывается за нарушение договора, если не пойдет в воскресенье. хотя бы и по религиозным мотивам, на какую-нибудь металлургическую, бумажную или стекольную фабрику. Ортодоксальный парламент глух к оскорблению святости воскресенья, если таковое совершается в «процессе возрастания стоимости» капитала. В одной записке (август 1863 г.), в которой лондонские поденщики, занятые в торговле рыбой и птицей, требуют отмены воскресного труда, говорится, что их труд продолжается в первые 6 дней недели в среднем по 15 часов ежедневно, а в воскресенье 8—10 часов. Из той же записки видно, что этот «воскресный труд» поощряется как раз прихотливым гурманством аристократических ханжей из Эксетер-холла[87]. Эти «святые», столь ревностные «in cute curanda» [«в заботах о своем физическом благополучии»], подтверждают свою набожность тем смирением, с которым они переносят чрезмерный труд, лишения и голод третьих лиц. Obsequium ventris istis (рабочих) perniciosius est [чревоугодие для них (рабочих) много пагубнее].

[105)] «В предыдущих отчетах мы привели отзывы различных опытных фабрикантов относительно того, что чрезмерный труд... несомненна ведет к преждевременному истощению человеческой рабочей силы» («Children's Employment Commission. 4th Report», 1865, № 64, p. XIII).

На известный срок оно удлиняет производственное время данного рабочего, но достигает этого путем сокращения продолжительности его жизни.

Но стоимость рабочей силы заключает в себе стоимость тех товаров, которые необходимы для воспроизводства рабочего или для размножения рабочего класса. Таким образом, если противоестественное удлинение рабочего дня, которого капитал необходимо домогается в своем безграничном стремлении к самовозрастанию, сокращает период жизни отдельных рабочих, а вместе с тем и продолжительность функционирования их рабочей силы, то становится необходимым более быстрое возмещение изношенных рабочих сил, т. е. издержки на воспроизводство рабочей силы должны быть больше, — совершенно так же, как часть стоимости машины, ежедневно подлежащая воспроизводству, тем больше, чем быстрее изнашивается машина. Поэтому, казалось бы, собственный интерес капитала указывает на необходимость установления нормального рабочего дня.

Рабовладелец покупает своего рабочего так же, как он покупает свою лошадь. Теряя раба, он теряет капитал, который приходится возмещать новой затратой на невольничьем рынке.

Но «какое фатально-разрушительное влияние ни оказывали бы рисовые поля Джорджии и болота Миссисипи на человеческий организм, тем не менее это разрушение человеческой жизни не настолько велико, чтобы его нельзя было возместить из обильных «заповедников» в Виргинии и Кентукки. Экономические соображения, которые могли бы служить известной гарантией человеческого обращения с рабом, поскольку они отождествляют интерес хозяина с сохранением раба, с введением торговли невольниками превращаются, наоборот, в причину самого беспощадного отношения к рабу, так как, если его можно заместить новым рабом, привезенным из чужих негритянских «заповедников», продолжительность его жизни становится менее важной, чем его производительность при жизни. Поэтому правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: самая действенная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого скота (human cattle) возможно большую массу труда в возможно меньший промежуток времени. Как раз в странах тропических культур, в которых годовая прибыль часто равняется всему капиталу плантаций, жизнь негров приносится в жертву наиболее беспощадным образом. Земледелие Вест-Индии, уже в течение нескольких столетий колыбель баснословных богатств, поглотило миллионы людей африканской расы. И в наше время на Кубе, где доходы исчисляются миллионами, где плантаторы являются князьями, мы видим, что класс рабов питается самой грубой пищей, обречен на самый изнурительный и непрестанный труд, а значительная часть его даже прямо уничтожается из года в год в результате медленной пытки чрезмерного труда и недостатка сна и отдыха»[106].

[106] *J. E. Cairnes*, цит. соч., стр. 110, 111.

Mutato nomine de te fabula narratur![88] Заменим торговлю невольниками рынком труда, Кентукки и Виргинию — Ирландией и земледельческими округами Англии, Шотландии и Уэльса, Африку — Германией! Мы видели, как опустошает чрезмерный труд ряды лондонских пекарей, тем не менее лондонский рынок труда всегда переполнен немецкими и другими кандидатами на смерть в пекарном промысле. Гончарное производство, как мы видели, одна из отраслей промышленности с наименьшей продолжительностью жизни рабочих. Но наблюдается ли из-за этого недостаток в гончарах? Джозая Уэджвуд, изобретатель современного гончарного производства, сам по происхождению обыкновенный рабочий, заявил в 1785 г. перед палатой общин, что все это производство занимает от 15 до 20 тысяч человек[107)]. В 1861 г. население одних городских центров этой промышленности в Великобритании составляло 101302 человека.

«Хлопчатобумажная промышленность существует уже 90 лет... В период жизни трех поколений английской расы эта промышленность пожрала девять поколений»[108)].

Правда, в отдельные периоды лихорадочного подъема рынок труда обнаруживал серьезный недостаток предложения рабочей силы. Так было, например, в 1834 году. Но тут господа фабриканты предложили Комиссии по закону о бедных направлять «избыток населения» земледельческих округов на север, заявив, «что он будет поглощен и потреблен фабрикантами»[109)]. Это их подлинные слова.

«С согласия Комиссии по закону о бедных были посланы агенты в Манчестер. Были подготовлены и вручены этим агентам списки сельскохозяйственных рабочих. Фабриканты бросились в бюро, и после того как они выбрали себе то, что им требовалось, целые семьи были отправлены с юга Англии. Эти человеческие грузы были доставлены с ярлыками, подобно тюкам товаров, по каналам и в фурах; некоторые прибыли пешком, многие сбились с пути и полуголодные бродили по промышленным округам. Все это развилось в настоящую отрасль торговли. Палата общин сочтет это едва вероятным. Такая регулярная торговля, такое барышничество человеческим мясом продолжалось непрерывно, и люди покупались и продавались манчестерскими агентами манчестерским фабрикантам столь же регулярно, как негры продаются плантаторам хлопка в южных штатах... 1860 год был годом зенита хлопчатобумажной промышленности... Снова недоставало рабочих рук. Фабриканты снова обратились к агентам по продаже человеческого мяса... и последние обшарили все дюны Дорсета, холмы Девона, равнины Уилтса, но избыток населения был уже съеден».

---

107) *John Ward*. «The Borough of Stoke-upon-Trent etc.». London, 1843, p. 42.

108) Речь Ферранда в палате общин 27 апреля 1863 гола.

109) «Он будет поглощен и потреблен фабрикантами. Буквально так звучало заявление хлопчатобумажных фабрикантов» (там же).

Газета «Bury Guardian» горько жаловалась, что после заключения англо-французского торгового договора могло бы быть поглощено 10 тысяч «добавочных рук», а вскоре их потребовалось бы еще 30—40 тысяч. После того как агенты и субагенты по торговле человеческим мясом довольно-таки безуспешно обшарили в 1860 г. земледельческие округа,

«депутация фабрикантов обратилась к г-ну Вильерсу, председателю Совета попечительства о бедных, с просьбой снова разрешить им брать на фабрики сирот и детей бедняков из работных домов»[110].

В общем опыт показывает капиталисту, что постоянно существует известное перенаселение, т. е. перенаселение

[110] Там же. Вопреки своему желанию Вильерс был поставлен «законом» перед необходимостью отвергнуть домогательства фабрикантов. Однако эти господа достигли своей цели благодаря услужливости местных попечительств о бедных. Фабричный инспектор г-н А. Редгрейв уверяет, что на этот раз «система», при которой сироты и дети пауперов «по закону» считаются apprentices (учениками), «не сопровождалась прежними злоупотреблениями» (об этих злоупотреблениях см. *Ф. Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии». Лейпциг, 1845), — хотя, конечно, в одном случае «злоупотребление системой было допущено по отношению к девочкам и молодым женщинам, доставленным из земледельческих округов Шотландии в Ланкашир и Чешир». «Система» состоит в том, что фабрикант заключает с администрацией домов для призрения бедных контракт на определенный срок. Он обеспечивает детей пищей, одеждой и жильем и приплачивает им немного деньгами. Странно звучит следующее замечание г-на Редгрейва, особенно если принять во внимание, что даже среди годов процветания английской хлопчатобумажной промышленности 1860 г. стоит особняком и что заработная плата достигла необычно высокого уровня, так как чрезвычайный спрос на рабочих столкнулся с уменьшением населения Ирландии, беспримерной эмиграцией из английских и шотландских земледельческих округов в Австралию и Америку, с положительным уменьшением населения в некоторых английских земледельческих округах, что было отчасти следствием достигнутого подрыва жизненной силы, отчасти же следствием того, что торговцы человеческим мясом уже использовали все избыточное население. II, несмотря на все это, г-н Редгрейв говорит: «Тем не менее труд этого рода» (труд детей из домов для призрения бедных) «применяется лишь тогда, когда нельзя найти никакого другого, так как он дорог (high priced labour). Обычная заработная плата подростка 13 лет равняется приблизительно 4 шилл. в неделю; но дать пищу, одежду и жилище 50 или 100 таким подросткам, обеспечить им врачебную помощь и надлежащий надзор, да сверх того давать им маленькую приплату деньгами, — для этого 4 шилл. на человека в неделю недостаточно» («Reports of the Insp. of Factories for 30th April 1860», p. 27). Г-н Редгрейв забывает сказать, каким образом сам рабочий может доставить все это своим детям на их заработную плату в 4 шилл., раз фабрикант не в состоянии этого сделать для 50 или 100 подростков, которые живут вместе, вместе столуются и состоят под общим надзором. Во избежание ложных выводов из текста я должен еще заметить, что английскую хлопчатобумажную промышленность, со времени подчинения ее фабричному акту 1850 г. с его регулированием рабочего времени и т. д., следует рассматривать как образцовую промышленность Англии. Рабочий английской хлопчатобумажной промышленности стоит во всех отношениях выше своего континентального товарища по судьбе. «Прусский фабричный рабочий работает по меньшей мере на 10 часов в неделю больше чем его английский соперник, а если он работает у себя на дому на своем собственном ткацком станке, то отпадает и эта граница добавочных рабочих часов» («Reports of Insp. of Fact. 31st Oct. 1855», p. 103). Упомянутый выше фабричный инспектор Редгрейв после промышленной выставки 1851 г. отправился на континент, в частности во Францию и Пруссию, чтобы изучить фабричные порядки этих стран. Вот что говорит он о прусском фабричном рабочем: «Он получает заработную плату, достаточную для приобретения той простой пищи и того небольшого комфорта, к которым он привык и которыми довольствуется... Живет он хуже и работает больше, чем его английский соперник» («Reports of Insp. of Fact. 31st Oct. 1853», p. 85).

сравнительно с существующей в каждый данный момент потребностью капитала в возрастании, хотя перенаселение это и составляется из хилых, быстро отживающих, вытесняющих друг друга, так сказать, срываемых до наступления зрелости человеческих поколений[111]. С другой стороны, опыт показывает вдумчивому наблюдателю, как быстро и как глубоко капиталистическое производство, которое с исторической точки зрения родилось лишь вчера, уже успело в корне подорвать жизненную силу народа, как вырождение промышленного населения замедляется лишь постоянным поглощением нетронутых жизненных элементов деревни и как даже сельские рабочие начинают уже вымирать, несмотря на свежий воздух и неограниченное действие среди них закона естественного отбора, в силу которого выживают лишь наиболее сильные индивидуумы[112]. Капитал, который имеет столь «хорошие основания» отрицать страдания окружающего его поколения рабочих, в своем практическом движении считается с перспективой будущего вырождения и в конечном счете неизбежного вымирания человечества не меньше и не больше, чем с перспективой возможного падения земли на солнце. При всякой спекуляции с акциями каждый знает, что гроза когда-нибудь да грянет, но каждый надеется, что она разразится над головой его ближнего уже после того, как ему самому удастся собрать золотой дождь и укрыть его в безопасном месте. Aprēs moi le dēluge![89] — вот лозунг всякого капиталиста и всякой капиталистической нации. Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению[113]. На жалобы относительно физического

[111] «От чрезмерной работы люди умирают с удручающей быстротой; но места погибающих тотчас заполняются снова, и частая смена лиц не производит никакого изменения на сцене» («England and America». London, 1833, v. I, p. 55; автор — Э. Г. Уэйкфилд).

[112] См. «Public Health. Sixth Report of the Medical Officer of the Privy Council, 1863». Опубликован в Лондоне в 1864 году. В этом отчете говорится как раз о сельскохозяйственных рабочих. «Графство Сатерленд изображали как такое, в котором достигнуты серьезные улучшения, однако недавнее обследование показало, что в округах этого графства, когда-то столь славившихся красотой мужчин и храбростью солдат, население выродилось в худосочную и захиревшую расу. В наиболее здоровых местностях, расположенных по обращенным к морю склонам холмов, лица детей так худы и бледны, как если бы эти дети жили в гнилой атмосфере какого-нибудь лондонского закоулка» *(Thornton,* цит. соч., стр. 74, 75). Они в сущности похожи на те 30000 «gallant Highlanders» [«бравых горцев»], которые вместе с проститутками и ворами ютятся в wynds и closes [трущобах и вертепах] Глазго.

[113] «Хотя здоровье населения является столь важным элементом национального капитала, к сожалению, придется признать, что капиталисты совсем не расположены хранить и ценить это сокровище... Внимание к здоровью рабочих было у фабрикантов вынуждено» («Times», 5 ноября 1861 г.). «Мужчины Уэст-Райдинга превратились в суконщиков для всего человечества... Здоровье рабочего населения было принесено в жертву, и в течение нескольких поколений раса совершенно выродилась бы, если бы не последовала реакция. Часы детского труда были ограничены и т. д.» («Twenty-second Report of the Registrar General». London, 1861).

и духовного калечения, преждевременной смерти, истязаний чрезмерным трудом он отвечает: как могут терзать нас эти муки, если они увеличивают наше наслаждение (прибыль)? Но в общем и целом это и не зависит от доброй или злой воли отдельного капиталиста. При свободной конкуренции имманентные законы капиталистического производства действуют в отношении отдельного капиталиста как внешний принудительный закон[114)].

Установление нормального рабочего дня явилось результатом многовековой борьбы между капиталистом и рабочим. Но в истории этой борьбы обнаруживаются два противоположных течения. Сравним, например, английское фабричное законодательство нашего времени с английскими рабочими статутами начиная с XIV и до середины XVIII века[115)]. В то время как современный фабричный закон насильственно сокращает рабочий день, эти статуты стремятся насильственно его удлинить. Правда, притязания капитала в эмбриональном состоянии, когда он еще только возникает и, следовательно, свое право всасывать достаточное количество прибавочного труда обеспечивает пока не одной лишь силой экономических отношений, но и содействием государственной власти, — эти притязания представляются совершенно скромными, если сопоставить их с теми уступками, которые он, ворча и сопротивляясь, должен делать в зрелом возрасте. Понадобились века для того, чтобы «свободный» рабочий вследствие развития капиталистического

---

114) Поэтому мы видим, например, что в начале 1863 г. 26 фирм, владеющих обширными гончарнями в Стаффордшире, в том числе также фирма Д. Уэджвуд и сыновья, в особом меморандуме ходатайствуют «о властном вмешательстве государства». «Конкуренция с другими капиталистами» не позволяет им произвести какого бы то ни было «добровольного» ограничения рабочего времени детей и т. д. «Сколько бы мы ни сетовали поэтому на упомянутое выше зло, его невозможно было бы устранить посредством какого-нибудь соглашения фабрикантов между собой... Принимая во внимание все эти обстоятельства, мы пришли к тому убеждению, что необходим принудительный закон» («Children's Employment Commission. 1st Report», 1863, p. 322).

Добавление к примечанию 114. Еще более разительный пример дает нам самое недавнее прошлое. Высокие цены хлопка в период лихорадочного хода дел побудили владельцев хлопчатобумажных ткацких фабрик в Блэкберне по взаимному соглашению между ними сократить на своих фабриках рабочее время на определенный срок. Срок этот истек приблизительно в конце ноября (1871 г.). Между тем более богатые фабриканты, у которых прядение соединялось с ткачеством, использовали сокращение производства, обусловленное этим соглашением, для того чтобы расширить свое собственное дело и извлечь таким образом большие барыши за счет мелких предпринимателей. Последние в. таких затруднительных обстоятельствах обратились к фабричным рабочим, призывая их серьезно заняться агитацией за девятичасовой рабочий день и обещая им денежную помощь для этой цели!

115) Эти рабочие статуты, которые мы находим одновременно и во Франции, Нидерландах и т. д., были формально отменены в Англии лишь в 1813 г., уже после того, как они были давно устранены самими производственными отношениями.

способа производства добровольно согласился, т. е. был вынужден общественными условиями, продавать за цену привычных жизненных средств все активное время своей жизни, самую свою работоспособность, — продавать свое первородство за блюдо чечевичной похлебки[90]. Поэтому естественно, что то удлинение рабочего дня, к которому капитал при посредстве государственной власти старается принудить совершеннолетних рабочих в период с половины XIV до конца XVII века, совпадает приблизительно с теми пределами рабочего времени, которые во второй половине XIX века кое-где ставятся государством для превращения детской крови в капитал. То, что теперь, например в штате Массачусетс, до недавнего времени самом свободном штате Североамериканской республики, объявлено законным пределом труда детей моложе 12 лет, в Англии еще в половине XVII века было нормальным рабочим днем цветущих здоровьем ремесленников, дюжих батраков и богатырей-кузнецов[116)].

Непосредственным поводом к изданию первого рабочего статута (23-й год царствования Эдуарда III, 1349 г.) (не причиной, потому что законы подобного рода издаются на протяжении целых столетий и после того, как этот повод исчез) послужила великая чума[91], настолько уменьшившая население, что, по словам одного тори, «трудность найти рабочих по разумным ценам» (т. е. по ценам, которые оставляли бы их хозяевам разумное количество прибавочного труда) «поистине стала невыносима»[117)]. Поэтому «разумная» заработная плата была продиктована в законодательно-принудительном порядке, а равным образом были продиктованы и пределы рабочего дня. Последний пункт, который нас здесь только и интересует,

---

[116)] «Ни один ребенок моложе 12-летнего возраста не должен работать на каком бы то ни было мануфактурном предприятии более 10 часов в сутки» («General Statutes of Massachusetts», гл. 60, § 3). (Постановления эти были изданы в 1836—1858 гг.) «Труд в продолжение десяти часов в сутки на всех хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых, бумажных, стекольных, льняных фабриках и на заводах железных и медных изделий должен рассматриваться как установленный законом дневной труд. Предписывается также, чтобы отныне ни одного подростка, работающего на какой-либо фабрике, не удерживали за работой или не принуждали к работе более 10 часов в день или 60 часов в неделю и чтобы отныне ни один подросток, не достигший 10-летнего возраста, не принимался в качестве рабочего на какие бы то ни было фабрики в пределах этого штата» («State of New-Jersey. An act to limit the hours of labour etc.», §§ 1 и 2. Закон от 18 марта 1851 г.). «Подростков, достигших 12 лет, но моложе 15 лет, ни на каком мануфактурном предприятии нельзя заставлять работать более 11 часов в сутки, притом ранее 5 часов утра и позже $7^1/_2$ часов вечера» («Revised Statutes of the State of Rhode Island etc.», гл. 139, § 23, 1 июля 1857 г.).

[117)] [*J. B. Byles.*] «Sophisms of Free Trade», 7th edit. London, 1850, p. 205. Тот же тори, впрочем, добавляет: «Парламентские акты, регулировавшие заработную плату в ущерб рабочим и в пользу нанимателей труда, сохранялись в течение долгого периода продолжительностью в 464 года. Население выросло. Законы эти стали теперь излишними и обременительными» (там же, стр. 206).

повторен в статуте 1496 г. (при Генрихе VII). Рабочий день всех ремесленников (artificers) и сельскохозяйственных рабочих с марта до сентября должен был продолжаться — чего, однако, так и не удалось провести на практике — с 5 часов утра до 7—8 часов вечера, но при этом время, отведенное на еду, составляло 1 час на завтрак, $1^1/_2$ часа на обед и полчаса на полдник, т. е. как раз вдвое больше того, что предусматривает действующий в настоящее время фабричный акт[118]. Зимой работа должна была продолжаться с теми же перерывами от 5 часов утра до-темпа. Статут Елизаветы от 1562 г. для всех рабочих, «нанятых за поденную или понедельную плату», не изменяет продолжительности рабочего дня, но старается ограничить перерывы $2^1/_2$ часами летом и 2 часами зимой. Обед должен продолжаться только один час, а «получасовой послеобеденный сон» разрешается лишь с половины мая и до половины августа. За каждый час отлучки вычитается из заработной платы 1 пенни. Однако на практике условия для рабочих были много благоприятнее, чем по статутам. Уильям Петти, отец политической экономии и в некотором роде изобретатель статистики, говорит в одном сочинении, опубликованном им в последней трети XVII века:

«Рабочие» (labouring men, в то время собственно сельскохозяйственные рабочие) «работают по 10 часов в сутки и едят 20 раз в неделю, а именно три раза в день по будням и два по воскресеньям; отсюда ясно. что если бы они захотели поститься в пятницу вечером и употреблять на обед $1^1/_2$ часа, тогда как теперь они употребляют на него 2 часа, от 11 до 1 часа, т. е. если бы они на $^1/_{20}$ времени больше работали и на столько же меньше теряли времени, то этого было бы достаточно для того, чтобы покрыть $^1/_{10}$ часть упомянутого выше налога»[119].

Не прав ли был д-р Эндрью Юр, когда он кричал, что двенадцатичасовой билль 1833 г. представляет собой возврат к мраку прошлого? Конечно, положения статутов и положения, о которых упоминает Петти, распространяются и на «apprentices» (учеников). Но как именно обстояло дело с детским трудом еще в конце XVII века, об этом можно судить по следующей жалобе:

«Наши юноши в Англии ничего не делают до самого того времени, когда поступают в ученики; вследствие этого им требуется, конечно, много

---

[118] По поводу этого статута Дж. Уэйд справедливо замечает: «Из статута 1496г. следует, что расход на пищу считался эквивалентным $^1/_3$ дохода ремесленника и $^1/_2$ дохода сельскохозяйственного рабочего, а это показывает, что в то время положение рабочих было более независимым, чем теперь, когда пища сельскохозяйственных и мануфактурных рабочих составляет более крупную часть их заработной платы» (*J.* Wade, цит. соч., стр. 24, 25, 577). Что касается мнения, будто бы эта разница объясняется разницей между ценой пищи и одежды теперь и тогда, то оно опровергается самым беглым ознакомлением с «Chronicon Preciosum etc.». By Bishop *Fleetwood.* 1st edit., London, 1707, 2nd edit., London, 1745.

[119] *W. Petty*. «Political Anatomy of Ireland, 1672», edit. 1691, p. 10[92].

времени — семь лет — для того, чтобы сделаться хорошими ремесленниками».

Германия, напротив, расхваливается за то, что там дети с колыбели хоть «немного приучаются к работе»[120].

Еще в продолжение большей части XVIII века, до эпохи крупной промышленности, английскому капиталу не удавалось, уплачивая недельную стоимость рабочей силы, захватить всю неделю рабочего, — исключение составляют, впрочем, сельскохозяйственные рабочие. То обстоятельство, что рабочие могли просуществовать целую неделю на четырехдневную заработную плату, не представлялось им достаточным основанием для того, чтобы работать на капиталиста и остальные два дня. Одно направление английских экономистов в угоду капиталу самым неистовым образом нападало на рабочих за такое упрямство, другое направление защищало рабочих. Послушаем, например, полемику между Послтуэйтом, торговый словарь которого пользовался в то время такой же славой, как в настоящее время аналогичные сочинения Мак-Куллоха и Мак-Грегора, и цитированным выше автором «Essay on Trade and Commerce»[121].

---

[120] «A Discourse of the Necessity of Encouraging Mechanic Industry». London, 1690, p. 13. Маколей, который фальсифицировал английскую историю в интересах вигов и буржуазии, пускается в следующие декламации: «Обычай преждевременно засаживать детей за работу... господствовал в XVII веке в степени, почти невероятной для тогдашнего состояния промышленности. В Норидже, главном центре шерстяной промышленности, шестилетний ребенок считался работоспособным. Различные авторы того времени — среди них многие почитались в высшей степени благомыслящими — с «exultation» (восторгом) упоминают о том, что в этом городе трудом одних мальчиков и девочек создается богатство, составляющее сверх их собственного содержания 12000 ф. ст. в год. Чем обстоятельнее изучаем мы историю прошлого, тем более оснований находим не соглашаться с мнением тех, кто считает, что наш век плодовит новыми социальными бедствиями... Что ново, так это образованность, вскрывающая эти бедствия, да гуманность, исцеляющая их» («History of England» v. I p. 417). Маколей мог бы также порассказать о том, что «в высшей степени благомыслящие» amis du commerce [друзья торговли] XVII века с «exultation» повествуют о том, как в одном доме для призрения бедных в Голландии заставили работать 4-летнего ребенка, причем этот пример «vertu mise en pratique» [«добродетели, примененной на практике»] фигурирует во всех сочинениях гуманистов a la Маколей до времени А. Смита. Правда, с возникновением мануфактуры, в отличие от ремесла, появляются признаки эксплуатации детей, которая до известной степени издавна существовала у крестьян и получала тем большее развитие, чем тяжелее был гнет, тяготеющий над земледельцем. Тенденция капитала ясна, но сами факты носят еще такой же исключительный характер, как появление на свет двуголовых детей. Поэтому-то исполненные предчувствия будущего «amis du commerce» с «exultation» изображали эти факты в назидание современникам и потомству как нечто особенно примечательное и достойное удивления и рекомендовали их для подражания. Тот же самый шотландский сикофант и краснобай Маколей говорит: «В настоящее время мы слышим только о регрессе видим же мы только прогресс». Что за глаза, а главное, что за уши!

[121] Наиболее злостным из всех обвинителей рабочих является упомянутый в тексте анонимный автор «An Essay on Trade and Commerce: containing Observations on Taxes etc.». London, 1770. Еще раньше он выступил таковым в своем сочинении «Considerations on Taxes». London, 1765. Сюда же следует отнести и Артура Юнга этого Полония, невообразимого болтуна в статистике. Среди защитников рабочих выделяются: Джейкоб Ван-

Послтуэйт говорит между прочим:

«В заключение этих немногих замечаний я не могу не обратить внимания на пошлую фразу, которую приходится слышать от слишком многих, что рабочий (industrious poor), если он может в течение 5 дней заработать достаточно для своего существования, не захочет работать полных 6 дней. Поэтому приходят к заключению, что необходимо при помощи налогов или какими-либо иными способами удорожить даже необходимые жизненные средства, чтобы принудить ремесленников и мануфактурных рабочих к непрерывному труду в течение шести дней в неделю. Я должен попросить позволения придерживаться иного мнения, чем эти великие политики, которые ратуют за вечное рабство рабочего населения этого королевства («the perpetual slavery of the working people»); они забывают поговорку «all work and no play» (работа, не чередуясь с игрой, притупляет). Не гордятся ли англичане одаренностью и искусством своих ремесленников и мануфактурных рабочих, которые до сих пор обеспечивали британским товарам всеобщее признание и славу? Чему обязаны мы этим? По всей вероятности, не чему иному, как тому способу, которым наш рабочий народ, жизнерадостный по своему характеру, умеет развлекаться. Если бы они были принуждены работать сплошь целый год, все шесть дней в неделю, исполняя изо дня в день одну и ту же работу, разве это не притупило бы их способностей и не превратило бы их из бодрых и ловких в тупых и апатичных; и не лишились ли бы наши рабочие под гнетом такого вечного рабства своей репутации, могли ли бы они сохранить ее?.. Какого искусства можно было бы ожидать от столь жестоко загнанных животных (hard driven animals)?.. Многие из них выполняют в 4 дня такое количество работы, какое француз выполнит лишь в 5 или 6 дней. Но если англичане будут вечно обременены тяжелой работой, то можно опасаться, что они выродятся (degenerate) еще больше, чем французы. Если народ наш славится своей военной доблестью, то разве мы не говорим, что обязаны этим, с одной стороны, хорошему английскому ростбифу и пуддингу, которые служат ему пищей, а с другой стороны, и не в меньшей степени, нашему конституционному духу свободы? Да и почему бы большая степень способностей, энергии и искусства наших ремесленников и мануфактурных рабочих не была обязана своим происхождением той свободе, с которой они по-своему развлекаются? Я надеюсь, что они никогда не лишатся ни этих привилегий, ни тех хороших условий жизни, из которых одинаково проистекают как их искусство в работе, так и их мужество»[122].

На это автор «Essay on Trade and Commerce» дал следующий ответ:

«Если празднование седьмого дня недели считается божественным установлением, то этим предполагается, что остальные дни недели принадлежат труду» (он, как мы это сейчас увидим, хочет сказать: капиталу), «и насильственное принуждение к тому, чтобы эта божественная заповедь исполнялась, нельзя называть жестокостью... Что человечество

дерлинт в «Money answers all Things». London, 1734; пастор Натаниел Форстер, доктор богословия, в «An Enquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions». London, 1767; д-р Прайс и особенно Послтуэйт — как в приложении к его «Universal Dictionary of Trade and Commerce», так и в «Great Britain's Commercial Interest explained and improved», 2nd edit. London, 1759. Самые факты констатируют многие другие авторы того времени, между прочим Джозая Такер.

[122] *Postlethwayt*. Там же. «First Preliminary Discourse», p. 14.

в общем от природы питает склонность к покою и лени, в этом нас убеждает роковой опыт, почерпнутый из поведения нашей мануфактурной черни, которая работает в среднем не более 4 дней в неделю, за исключением случаев вздорожания жизненных средств... Предположим, что бушель пшеницы представляет все жизненные средства рабочего, что он стоит 5 шилл. и что рабочий зарабатывает своим трудом один шиллинг в день. В таком случае ему приходится проработать всего 5 дней в неделю и всего 4 дня, если бушель стоит 4 шиллинга... Но так как в этом королевстве заработная плата много выше по сравнению с ценой жизненных средств, то у мануфактурного рабочего, который проработал 4 дня, имеется денежный излишек, на который он может остаток недели прожить в праздности... Надеюсь, мною сказано достаточно для того, чтобы доказать, что умеренный труд в течение 6 дней в неделю не есть рабство. Наши сельскохозяйственные рабочие работают 6 дней в неделю, и по всем признакам — это счастливейшие из рабочих (labouring poor)[123], голландцы по стольку же дней работают в мануфактурах и производят впечатление очень счастливого народа. Так же работают французы, если в рабочую неделю не вклиниваются многочисленные праздники...[124] Но наша чернь вбила себе в голову мысль, будто ей, как англичанам, по праву рождения принадлежит привилегия пользоваться большей свободой и, независимостью, чем» (рабочему народу) «в какой-либо другой европейской стране. Поскольку эта идея оказывает влияние на мужество наших солдат, она, быть может, приносит некоторую пользу; но чем менее заражены ею мануфактурные рабочие, тем лучше для них самих и для государства. Рабочим никогда не следовало бы считать себя не зависимыми от своих начальников («independent of their superiors»)... Чрезвычайно опасно потакать сброду в промышленном государстве, как наше, в котором, быть может, $^7/_8$ всего населения имеют лишь небольшую собственность или совсем ее не имеют...[125] Полного излечения не последует до тех пор, пока наша промышленная беднота не согласится работать в продолжение 6 дней за такую же сумму, которую она зарабатывает теперь в 4 дня»[126].

В этих целях, равно как и для «искоренения лени, распутства и романтических бредней о свободе», ditto [а также] для «уменьшения налогов в пользу бедных, поощрения духа предприимчивости и для понижения цены труда в мануфактурах», наш верный Эккарт капитала предлагает испытанное средство: рабочих, нуждающихся в общественной благотворительности, т. е. пауперов, запирать в «идеальный работный дом» (an ideal workhouse). «Такой дом должен быть сделан домом ужаса (house

[123] «An Essay on Trade and Commerce etc.». London, 1770. Сам автор на стр. 96 рассказывает, в чем заключалось уже в 1770 г. «счастье» английских сельскохозяйственных рабочих. «Их рабочая сила («their working powers») всегда напряжена до крайности («on the stretch»); они не могли бы ни жить хуже, чем живут («they cannot live cheaper than they do»), ни работать тяжелее («nor work harder»)».

[124] Протестантизм играет важную роль в генезисе капитала уже потому, что он превращает почти все традиционные праздничные дни в рабочие дни.

[125] «An Essay on Trade and Commerce etc.». London, 1770, p. 41, 15, 96, 97, 55, 56, 57.

[126] «An Essay on Trade and Commerce etc.». London, 1770, p. 69. Еще в 1734 г. Джейкоб Вандерлинт разъяснил, что тайна всех жалоб капиталистов на леность рабочих просто-напросто заключается в том, что они хотели бы получить за прежнюю заработную плату 6 рабочих дней вместо четырех.

of terror)[127]. В этом «доме ужаса», в этом «идеале работного дома», работа должна продолжаться по 14 часов в сутки, включая сюда, однако, и время на еду, так что остается полных 12 часов труда»[128].

Двенадцатичасовой рабочий день в «ideal workhouse», в доме ужаса 1770 года! Шестьдесят три года спустя, в 1833 г., когда английский парламент в четырех фабричных отраслях уменьшил до 12 полных рабочих часов рабочий день детей от 13 до 18-летнего возраста, казалось, пробил последний час английской промышленности! В 1852 г., когда Луи Бонапарт, чтобы упрочиться в глазах буржуазии, вздумал посягнуть на установленный законом рабочий день, французский рабочий народ в один голос заявил: «Закон, сокративший рабочий день до 12 часов, — это единственное благо, которое осталось нам от законодательства республики!»[129]. В Цюрихе труд детей старше 10 лет ограничен 12 часами; в Ааргау в 1862 г. продолжительность труда детей от 13 до 16-летнего возраста была уменьшена с $12^1/_2$ до 12 часов; в Австрии в 1860 г. для детей от 14 до 16 лет продолжительность труда была сокращена ditto до 12 часов[130]. Какой «прогресс с 1770 года», с «exultation» воскликнул бы Маколей!

«Дом ужаса» для пауперов, о котором только мечтала капиталистическая душа 1770 г., появился несколько лет спустя в виде исполинского «работного дома» для самих мануфактурных рабочих. Он назывался фабрикой. Но на этот раз идеал побледнел перед действительностью...

---

[127] Там же, стр. 242—243: «Такой идеальный работный дом следует сделать «домом ужаса», а не приютом для бедных, где они получают обильную пищу, теплую и приличную одежду и где весьма мало работают».

[128] Там же [стр. 260]. «Французы», — говорит автор, — «смеются над нашими восторженными идеями о свободе» (там же, стр. 78).

[129] «Они возражали особенно против работы, продолжающейся более 12 часов в день, потому что закон, устанавливающий такой рабочий день, есть единственное благо, которое осталось им от законодательства республики» («Reports of Insp. of Fact. 31st Octob. 1855», p. 80). Французский закон 5 сентября 1850 г. о двенадцатичасовом рабочем дне, это измененное на буржуазный лад издание декрета временного правительства от 2 марта 1848 г., распространяет свое действие на все мастерские без различия. До этого закона рабочий день во Франции был неограничен. Его продолжительность на фабриках равнялась 14, 15 и более часам. См. «Dea classes ouvrieres en France, pendant l'annee 1848». Par *M. Blanqui.* Г-ну Бланки, — экономисту, а не революционеру, — было поручено правительством произвести обследование положения рабочих.

[130] И в деле регулирования рабочего дня Бельгия зарекомендовала себя образцовым буржуазным государством. Лорд Хауард де Уолден, английский посланник в Брюсселе, сообщает английскому министерству иностранных дел от 12 мая 1862 года: «Министр Рожье заявил мне, что детский труд никак не ограничивается ни общим законом, ни местными постановлениями; что правительство в течение последних трех лет на каждом заседании было занято мыслью представить палатам законопроект по этому вопросу, но всегда встречало непреодолимое препятствие в эгоистическом страхе перед всяким законодательством, которое противоречит принципу полной свободы труда!»

6. БОРЬБА ЗА НОРМАЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ. ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ. АНГЛИЙСКОЕ ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 1833-1864 ГОДОВ

После того как капиталу потребовались целые столетия, чтобы удлинить рабочий день до его нормальных максимальных пределов, а затем и за эти пределы, до границы естественного двенадцатичасового дня[131)], со времени возникновения крупной промышленности в последней трети XVIII века начинается стремительное, напоминающее лавину, опрокидывающее все преграды движение в этой области. Всякие рамки, которые ставятся обычаями и природой, возрастом и полом, сменой дня и ночи, были разрушены. Даже понятия о дне и ночи, по-крестьянски простые для старых статутов, сделались настолько расплывчатыми, что один английский судья еще в 1860 г. должен был проявить поистине талмудистскую мудрость для того, чтобы разъяснить «в порядке судебного решения», что такое день и что такое ночь[132)]. Капитал справлял свои оргии.

Как только рабочий класс, оглушенный грохотом производства, до некоторой степени пришел в себя, он начал оказывать сопротивление, и прежде всего на родине крупной промышленности, в Англии. Однако в продолжение трех десятилетий уступки, которых он добивался, были чисто номинальными. За время с 1802 по 1833 г. парламент издал 5 актов о труде, но был настолько хитер, что не вотировал ни единой копейки на их принудительное проведение, на необходимый персонал виновников и т. д.[133)]. Они остались мертвой буквой. «Факт

[131)] «Несомненно, большого сожаления заслуживает тот факт, что какой бы то ни было класс людей должен убиваться на работе по 12 часов ежедневно. Если присовокупить сюда время, употребляемое на еду и на то, чтобы пройти до мастерской и обратно, то получится в действительности 14 из 24 часов в сутки. Я надеюсь, что, не говоря уже о здоровье, никто не станет отрицать, что с моральной точки зрения такое полное поглощение времени трудящихся классов, непрерывно совершающееся начиная с раннего 13-летнего возраста, а в «свободных» отраслях промышленности и с еще более раннего возраста, чрезвычайно вредно и представляет собой ужасное зло... В интересах общественной нравственности, в целях воспитания здорового населения, для того чтобы обеспечить большинству народа возможность разумного наслаждения жизнью, необходимо настаивать на том, чтобы во всех отраслях промышленности часть каждого рабочего дня оставалась для отдыха и досуга» (Леонард Хорнер в «Reports of Insp. of Fact. for 31st December 1841»).

[132)] См. «Judgement of Mr. J. H. Otway, Belfast, Hilary Sessions, County Antrim 1860».

[133)] Весьма характерным для режима Луи-Филиппа, короля буржуа, является то обстоятельство, что единственный изданный при нем фабричный закон 22 марта 1841 г. никогда не был проведен в жизнь. Да и этот-то закон касается только детского труда. Он устанавливает восемь часов труда для детей 8—12-летнего возраста, двенадцать часов для детей 12—16 лет и т. д., причем делает многочисленные исключения, допускающие ночном труд даже для восьмилетних детей. Наблюдение за применением этого закона и принуждение к его выполнению было предоставлено доброй воле «amis du commerce» [«друзей торговли»], — и это в стране, где каждая мышь находится в ведении полиции. Только с 1853 г. в одном-единственном департаменте, в департаменте Нор, учреждается оплачиваемая должность правительственного инспектора. Не менее характерным для развития французского общества является вообще то обстоятельство, что закон Луи-Филнппа до революции 1848 г. оставался единственным законом в этой области, хотя французская законодательная фабрика опутывает своей сетью все стороны жизни!

тот, что до акта 1833 г. дети и подростки вынуждались работать («were worked») всю ночь, весь день или же и день и ночь ad libitum [по произволу]»[134)].

Только со времени фабричного акта 1833 г., распространяющегося на хлопчатобумажные, шерстяные, льняные и шелковые фабрики, берет свое начало нормальный рабочий день для современной промышленности. Ничто так не характеризует дух капитала, как история английского фабричного законодательства с 1833 до 1864 года!

Закон 1833 г. объявляет, что обычный рабочий день на фабрике должен начинаться в $5^1/_2$ часов утра и оканчиваться в $8^1/_2$ часов вечера. В пределах этого 15-часового периода закон разрешает пользоваться трудом подростков (т. е. лиц в возрасте от 13 до 18 лет) в какое бы то ни было время, однако при том условии, что одно и то же лицо этого возраста не должно работать более 12 часов в день, за исключением некоторых особо предусмотренных случаев. Пункт 6-й акта определяет, «что в течение каждого дня каждому лицу с ограниченным рабочим временем должно предоставляться по крайней мере $1^1/_2$ часа наеду». Воспрещалось применять труд детей до 9-летнего возраста, за единственным исключением, о котором будет упомянуто ниже; труд детей 9—13-летнего возраста ограничен 8 часами в день. Ночной труд, т. е. по этому закону труд между $8^1/_2$ часами вечера и $5^1/_2$ часами утра, был воспрещен для всех лиц от 9 до 18 лет.

Законодатели были так далеки от желания посягнуть на свободное высасывание капиталом рабочей силы взрослых или, как они это называли, на «свободу труда», что измыслили особую систему в целях предотвращения столь ужасающего последствия фабричного акта.

«Великое зло фабричной системы, как она организована в настоящее время», — говорится в первом отчете центрального совета комиссии, помеченном 25 июня 1833 г., — «заключается в том, что она создает необходимость удлинять детский труд до крайних пределов рабочего дня взрослых. Единственным средством против этого зла, не предполагающим ограничения труда взрослых, которое привело бы к еще большему злу, чем то, которое имеется в виду устранить, — этим единственным средством представляется план ввести двойные смены детей»[93].

[134)] «Reports of Insp. of Fact. tor 30th April 1860», p. 50.

«План» этот и был осуществлен под названием Relaissystem («System of Relays»; Relay по-английски, как и по-французски, означает смену почтовых лошадей на различных станциях); при этом одна смена детей от 9 до 13 лет запрягается в работу, например, от $5^{1}/_{2}$ часов утра до $1^{1}/_{2}$ часов пополудни, другая смена — от $1^{1}/_{2}$ часов пополудни до $8^{1}/_{2}$ часов вечера и т. д.

В награду за то, что господа фабриканты самым наглым образом игнорировали все изданные за последние 22 года законы о детском труде, пилюля, которую им предстояло проглотить, и на этот раз была подслащена. Парламент постановил, что с 1 марта 1834 г. ни один ребенок моложе 11 лет, с 1 марта 1835 г. ни один ребенок моложе 12 лет и с 1 марта 1836 г. ни один ребенок моложе 13 лет не должен работать на фабрике более 8 часов! Этот «либерализм», столь снисходительный по отношению к «капиталу», заслуживал тем большей признательности, что д-р Фарре, сэр А. Карлайл, сэр Б. Броди, сэр Ч. Белл, г-н Гатри и т. д., — т. е. самые выдающиеся терапевты и хирурги Лондона, — в своих свидетельских показаниях палате общин заявили, что «periculum in mora!»[94]. Д-р Фарре высказался еще резче:

«Законодательство одинаково необходимо в целях предотвращения преждевременной смерти, в каких бы формах она ни причинялась, а этот способ» (фабричный способ) «следует, конечно, признать одним из самых жестоких способов ее причинения»[135)].

Тот самый «реформированный» парламент, который из нежного чувства к господам фабрикантам еще на целые годы обрекал детей моложе 13 лет на ад 72-часового фабричного труда в неделю, воспретил плантаторам эмансипационным указом, дававшим свободу тоже по каплям, принуждать впредь негров-рабов к работе более 45 часов в неделю!

Но нисколько не удовлетворенный, капитал повел теперь шумную агитацию, продолжавшуюся несколько лет. Она вращалась главным образом вокруг возраста категорий, которые под именем детей должны были работать не более 8 часов и подлежали в известной мере обязательному обучению. Согласно капиталистической антропологии, детский-возраст оканчивался в 10 лет или, по крайней мере, в 11 лет. Чем ближе подходил срок полного осуществления фабричного акта, роковой 1836 г., тем яростнее неистовствовала фабрикантская сволочь. Ей действительно удалось до такой степени запугать правительство, что оно в 1835 г. предложило понизить предел детского возраста

[135)] «Legislation is equally necessary for the prevention of death, in any form in which it can be prematurely inflicted, and certainly this must be viewed as a most cruel mode of inflicting it»[95].

с 13 до 12 лет. Между тем грозно росло pressure from without [давление извне]. Мужество изменило палате общин. Она отказалась бросать 13-летних детей под Джаггернаутову колесницу[96] капитала более чем на 8 часов в день, и акт 1833 г. вступил в полную силу. Он оставался без изменения до июня 1844 года.

В течение того десятилетия, когда он регулировал фабричный труд сначала частично, а затем полностью, официальные отчеты фабричных инспекторов изобилуют жалобами на невозможность его проведения. Так как закон 1833 г. предоставлял усмотрению господ капиталистов назначать в пределах пятнадцатичасового периода от $5^1/_2$ утра до $8^1/_2$. вечера тот час, когда каждый «подросток» и каждый «ребенок» должен начинать свой двенадцатичасовой или восьмичасовой труд, прерывать и оканчивать его, а также предоставлял их усмотрению назначать для разных лиц различные часы на еду, то эти господа скоро изобрели новую «Relaissystem», при которой рабочие лошади не сменяются на определенных почтовых станциях, а снова и снова запрягаются на переменных станциях. Мы не останавливаемся подробнее на прелестях этой системы, так как должны возвратиться к ней позже. Но и с первого взгляда ясно, что эта система уничтожала не только дух, но и самую букву всего фабричного акта. Как могли фабричные инспектора при такой сложной бухгалтерии на каждого отдельного ребенка и каждого подростка принудить фабрикантов к соблюдению установленного законом рабочего времени и законных перерывов на еду? Прежнее жестокое безобразие вскоре опять безнаказанно стало процветать на многих фабриках. При встрече с министром внутренних дел (1844 г.) фабричные инспектора доказали всю невозможность какого-либо контроля в условиях новоизмышленной Relaissystem[136)]. Между тем обстоятельства сильно изменились. Фабричные рабочие, особенно с 1838 г., сделали десятичасовой билль своим экономическим лозунгом, подобно тому как Хартия[97] сделалась их политическим лозунгом. Даже часть фабрикантов, урегулировавшая фабричное производство согласно акту 1833 г., забросала парламент записками относительно безнравственной «конкуренции» «фальшивых братьев», которым их большая наглость или более счастливые местные условия позволяют нарушать закон. К тому же, как бы ни хотелось отдельным фабрикантам дать полную волю своей исконной жадности, идеологи и политические вожди класса фабрикантов рекомендовали иное пове-

[136)] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1849», p. 6.

дение и иной язык по отношению к рабочим. Они открыли кампанию за отмену хлебных законов и для победы нуждались в помощи рабочих! Поэтому они обещали не только вдвое больший каравай хлеба[98], но и принятие десятичасового билля под сенью тысячелетнего царства свободной торговли[137)]. Следовательно, тем меньше они могли бороться против меры, которая должна была лишь провести в жизнь акт 1833 года. Наконец, тори, священнейшему интересу которых, земельной ренте, угрожала опасность, филантропически разразились негодованием по поводу «бесчестного поведения»[138)] своих врагов.

Так появился дополнительный фабричный акт от 7 июня 1844 года. Он вступил в силу с 10 сентября 1844 года. Он ставит под охрану закона новую категорию рабочих, а именно: женщин старше 18 лет. Они были во всех отношениях приравнены к подросткам: их рабочее время ограничено 12 часами, ночной труд воспрещен и т. д. Следовательно, законодательство впервые оказалось вынужденным подвергнуть непосредственному и официальному контролю также и труд совершеннолетних. В фабричном отчете 1844—1845 г. говорится с иронией:

«До нашего сведения но дошло ни одного случая, когда взрослые женщины жаловались бы на это вторжение в их права»[139)].

Рабочий день детей моложе 13 лет был сокращен до $6^1/_2$, а при известных условиях до 7 часов в день[140)].

Чтобы устранить злоупотребления ложной Relaissystem, закон устанавливал, между прочим, следующие важные уточнения:

«Рабочий день детей и подростков следует исчислять с того времени, когда хоть один ребенок или подросток начинает утром работу на фабрике».

Таким образом, если, например, *A* начинает работу в 8 часов утра, а *B* — в 10 часов, то рабочий день должен оканчиваться для *B* в тот же час, как и для *A*. Начало рабочего дня должно определяться по каким-нибудь общественным часам, например по ближайшим железнодорожным часам, с которыми сообразуется и фабричный колокол. Фабрикант обязан повесить на фабрике расписание, напечатанное крупным шрифтом, с обозначением времени начала, окончания и перерывов рабочего дня. Детей, начинающих свою работу до 12 часов дня, нельзя вновь заставлять работать

---

137) «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», p. 98.

138) Леонард Хорнер даже официально употребляет выражение «nefarious practices» [«бесчестное поведение»] («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1859», p. 7)

139) «Reports etc. for 30th Sept. 1844», p. 15.

140) Акт разрешает пользоваться трудом детей по 10 часов в сутки в тех случаях, когда они работают не ежедневно, а лишь через день. В общем эта оговорка осталась без применения.

после часа пополудни. Таким образом, послеобеденная смена должна состоять не из тех детей, из которых состоит утренняя. Те $1^1/_2$ часа, которые даются на обед, должны предоставляться всем рабочим, находящимся под охраной закона, в одно и то же время дня, причем по крайней мере 1 час должен предоставляться до трех часов пополудни. Дети или подростки не должны работать до часу дня более 5 часов без перерыва для еды, по крайней мере, на полчаса. Дети, подростки или женщины не должны оставаться во время перерыва для еды в фабричном помещении, в котором происходит какой-нибудь процесс труда, и т. д.

Мы видели, что эти мелочные постановления, которые регулируют время, пределы и перерывы работы по-военному, звоном колокола, отнюдь не были продуктом парламентских измышлений. Они постепенно развивались из данных отношений как естественные законы современного способа производства. Формулировка их, официальное признание и провозглашение государством явились результатом длительной классовой борьбы. Одним из ближайших последствий их было то, что практика подчинила и рабочий день взрослых фабричных рабочих тем же самым ограничениям, потому что в большинстве процессов производства необходимо сотрудничество детей, подростков и женщин. Поэтому в общем и целом в период 1844—1847 **гг.** двенадцатичасовой рабочий день имел общее и единообразное распространение во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричному законодательству.

Однако фабриканты допустили такого рода «прогресс» не без компенсации в виде «регресса». По их настояниям палата общин сократила минимальный возраст подлежащих эксплуатации детей с 9 до 8 лет с целью обеспечить для капитала требуемое по всем законам божеским и человеческим «добавочное предложение фабричных детей»[141].

1846—1847 гг. составляют эпоху в экономической истории Англии. Отмена хлебных законов, отмена ввозных пошлин на хлопок и другие сырые материалы, провозглашение свободы торговли путеводной звездой законодательства! Словом, наступало тысячелетнее царство. С другой стороны, чартистское движение и агитация за десятичасовой рабочий день достигли в эти же годы своего высшего пункта. Они нашли союзников в дышавших местью тори. Несмотря на фанатическое сопро-

[141] «Так как сокращение часов их рабочего времени поведет к увеличению количества детей, требующихся для работы, то было решено, что добавочное предложение детей в возрасте от 8 до 9 лет могло бы покрыть увеличившийся спрос» («Reports etc. for 30th Sept. 1844», p. 13).

тивление вероломной армии свободной торговли с Брайтом и Кобденом во главе, билль о десятичасовом рабочем дне, которого добивались так долго, был принят парламентом.

Новый фабричный акт от 8 июня 1847 г. устанавливал, что с 1 июля 1847 г. вступает в силу предварительное сокращение рабочего дня до 11 часов для «подростков» (от 13 до 18 лет) и для всех работниц, а с 1 мая 1848 г. — окончательное ограниченно рабочего дня тех же категорий рабочих 10 часами. Во всем остальном этот акт был только некоторым изменением и дополнением к законам 1833 и 1844 годов.

Капитал предпринял предварительный поход с целью воспрепятствовать полному проведению в жизнь акта с 1 мая 1848 года. И притом сами рабочие, будто бы наученные опытом, должны были помочь разрушению своего собственного дела. Момент был выбран удачно.

«Необходимо напомнить, что вследствие ужасного кризиса 1846— 1847 гг. среди фабричных рабочих царила большая нужда, так как многие фабрики работали только неполное время, другие совсем остановились. Значительное число рабочих находилось поэтому в самом стесненном положении, многие были в долгах. Поэтому можно было с достаточной степенью уверенности предположить, что они предпочтут более продолжительный рабочий день, чтобы возместить убытки, понесенные в прошлом, может быть уплатить долги, или выкупить из ломбарда свою мебель, или заменить новыми проданные пожитки, или приобрести новое платье для себя и семьи»[142].

Господа фабриканты попытались усилить естественное действие этих обстоятельств общим понижением заработной платы на 10%. Это было, так сказать, праздником освящения новой эры свободной торговли. Затем, как только рабочий день был сокращен до 11 часов, последовало дальнейшее понижение заработной платы на $8^1/_3$ % и потом вдвое большее понижение, как только рабочий день был окончательно сокращен до 10 часов. Поэтому всюду, где только позволяли обстоятельства, произошло понижение заработной платы по крайней мере на 25%[143]. При таких-то соответственно подготовленных обстоятельствах началась агитация среди рабочих за отмену акта 1847 года. Не брезгали никакими средствами обмана, соблазнов, угроз, но все было тщетно. Если и удалось собрать полдюжины петиций, в которых рабочие жаловались на «угнетение их этим актом», то сами же петиционеры при устном опросе

142) «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», p. 16.

143) «Я убедился, что у людей, получавших 10 шилл. в неделю, произвели сокращение на 1 шилл., в связи с общим понижением заработной платы на 10%, и затем еще на 1 шилл. 6 пенсов, ввиду сокращения рабочего времени, — итого на 2 шилл. 6 пенсов, — и, несмотря на это, большинство твердо стояло за десятичасовой билль» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», p. 16).

заявляли, что подписи их были вынуждены. «Они угнетены, это правда, но кем-то другим, а не фабричным актом»[144)]. Но если фабрикантам не удалось заставить рабочих говорить в желательном для них духе, тем громче они сами кричали от имени рабочих в прессе и в парламенте. Они поносили фабричных инспекторов как своего рода комиссаров Конвента[99], которые безжалостно приносят несчастных рабочих в жертву своей химере об улучшении мира. Но и этот маневр не удался. Фабричный инспектор Леонард Хорнер лично и через своих помощников собрал многочисленные свидетельские показания на фабриках Ланкашира. Около 70% опрошенных рабочих высказались за 10-часовой рабочий день, гораздо менее значительное число за 11-часовой и совсем незначительное меньшинство за старый 12-часовой день[145)].

Другой «любезный» маневр заключался в том, чтобы заставить взрослых рабочих мужчин работать 12—15 часов, а затем объявить этот факт вернейшим выражением подлинных пролетарских желаний. Но «безжалостный» фабричный инспектор Леонард Хорнер опять оказался тут как тут. Большинство «сверхурочников» заявило, что

«они охотно предпочли бы работать по 10 часов за меньшую заработную плату, но у них не было выбора: среди них так много безработных, так много прядильщиков вынуждено работать в качестве простых сучильщиков, что если бы они отказались от удлинения рабочего дня, их места тотчас были бы заняты другими, так что для них вопрос сводился к следующему: или работать более долгое время — или оказаться на мостовой»[146)].

Предварительный поход капитала окончился неудачей, и закон о десятичасовом рабочем дне вступил в силу 1 мая 1848 года. Между тем фиаско чартистской партии, вожди которой были заключены в тюрьмы и организация которой была разрушена, поколебало веру рабочего класса Англии в свои силы. Вскоре после этого парижское июньское восстание и его кровавое подавление объединили как в континентальной Ев-

144) «Подписывая петицию, я в то же время заявил, что совершаю что-то дурное. — Но почему же в таком случае вы ее подписали? — Потому, что в случае отказа меня выбросили бы на мостовую. — Петиционер в самом деле чувствовал себя «угнетенным», но вовсе не фабричным актом» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», p. 102).

145) «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», p. 17. В округе г-на Хорнера было таким образом опрошено 10270 взрослых рабочих мужчин на 181 фабрике. Их показания можно найти в приложении к отчету фабричной инспекции за полугодие, кончающееся октябрем 1848 года. Эти свидетельские показания и в других отношениях дают ценный материал.

146) «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848». См. собранные самим Леонардом Хорнером показания №№ 69, 70, 71, 72, 92, 93, а также собранные помощником инспектора А. показания №№ 51, 52, 58, 59, 62, 70 в «Appendix». Даже один фабрикант высказался напрямик. См. там же № 14, который следует после № 265 [стр. 37].

ропе, так и в Англии под одним общим лозунгом спасения собственности, религии, семьи и общества все фракции господствующих классов: земельных собственников и капиталистов, биржевых волков и лавочников, протекционистов и фритредеров, правительство и оппозицию, попов и вольнодумцев, молодых блудниц и старых монахинь! Рабочий класс был повсюду предан анафеме, подвергся гонениям, был поставлен под действие «закона о подозрительных»[100]. Таким образом, господа фабриканты могли не стесняться. Они подняли открытый бунт не только против десятичасового закона, но и против всего законодательства, которое, начиная с 1833 г., стремилось несколько обуздать «свободное» высасывание рабочей силы. Это был бунт в защиту рабства[101] в миниатюре, который более двух лет проводился с циничной бесцеремонностью, с террористической энергией, причем это было тем проще, что взбунтовавшийся капиталист ничем не рисковал, кроме шкуры своего рабочего.

Для понимания последующего необходимо напомнить, что фабричные акты 1833, 1844 и 1847 гг. все три сохраняют свою законную силу, поскольку один не вносит каких-нибудь изменений в другой, что ни один из них не ограничивает рабочего дня рабочих мужчин старше 18 лет и что с 1833 г. пятнадцатичасовой период от $5^1/_2$ часов утра до $8^1/_2$ часов вечера оставался законным «днем», в границах которого только и должен был укладываться на предписываемых законом условиях сначала двенадцатичасовой, а позже десятичасовой труд подростков и женщин.

Фабриканты в некоторых местах начали с того, что уволили часть, в некоторых случаях половину, занятых у них подростков и работниц и восстановили взамен почти исчезнувший ночной труд взрослых рабочих мужчин. Закон о десятичасовом рабочем дне, уверяли они, не дает им иного выхода![147)]

Второй шаг касался узаконенных перерывов для еды. Послушаем, что говорят фабричные инспектора:

«Со времени ограничения рабочего дня десятью часами фабриканты утверждают, хотя на практике они еще и не проводят до конца свои взгляды, что они в достаточной мере исполняют предписание закона, если при работе, например, от 9 часов утра до 7 часов вечера, они дают на еду один час до 9 часов утра и $^1/_2$ часа после 7 часов вечера, предоставляя, таким образом, рабочим $1^1/_2$ часа на принятие пищи. В некоторых случаях они предоставляют теперь полчаса или целый час на обед, но в то же время настаивают на том. что они вовсе не обязаны включать какую бы то ни было часть этих $^1/_2$ часов в десятичасовой рабочий день»[148)].

147) «Reports etc. for 31st October 1848», p. 133, 134.
148) «Reports etc. tor 30th April 1848», p. 47.

Таким образом, господа фабриканты утверждали, будто педантично точные постановления акта 1844 г. относительно времени, предназначенного для еды, дают рабочим только разрешение есть и пить до своего прихода на фабрику и после ухода с нее, т. е. у себя дома! А почему бы рабочим и не обедать до 9 часов утра? Однако королевские юристы решили, что предписанное законом время на еду

«должно даваться в перерывы действительного рабочего дня и что противозаконно заставлять работать без перерыва 10 часов подряд, с 9 часов утра до 7 часов вечера»[149)].

После этих благодушных демонстраций капитал в виде подготовки к бунту сделал шаг, который соответствовал букве закона 1844 г. и, следовательно, был легален.

Конечно, закон 1844 г. воспрещал использовать на работе после 1 часа дня тех детей 8—13 лет, которые работали до 12 часов дня. Но он нисколько не регулировал $6^1/_2$-часовой труд детей, рабочее время которых начиналось в 12 часов или позже! Поэтому восьмилетние дети, приступившие к работе в 12 часов дня, могли применяться от 12 до 1 часа, что составляет 1 час, от 2 часов до 4 часов пополудни, что составляет 2 часа, и от 5 до $8^1/_2$ часов вечера, что составляет $3^1/_2$ часа, итого законных $6^1/_2$ часов! Или еще лучше. Чтобы приурочить применение труда детей к труду взрослых рабочих мужчин, работавших до $8^1/_2$ часов вечера, фабрикантам стоило только не давать детям работы до 2 часов пополудни, а затем держать их на фабрике без всяких перерывов до $8^1/_2$ часов вечера!

«А теперь уже прямо признается, что в последнее время, вследствие алчного стремления фабрикантов держать машины в ходу дольше 10 часов в сутки, в Англии установилась практика заставлять 8—13-летних детей обоего пола работать, по уходе всех подростков и женщин, с одними взрослыми мужчинами до $8^1/_2$ часов вечера»[150)].

Рабочие и фабричные инспектора протестовали по гигиеническим и моральным соображениям. Но капитал отвечал:

«На голову мою мои поступки
Пусть падают. Я требую суда
Законного, — я требую уплаты
По векселю»[102].

В самом деле, по статистическим данным, представленным в палату общин 26 июля 1850 г., на 15 июля 1850 г. 3742 ребенка на 257 фабриках, несмотря на все протесты, подвергались этой «практике»[151)]. Но и этого мало! Рысий глаз капитала открыл,

---

[149)] «Reports etc. for 31st October 1848», p. 130.
[150)] Там же, стр. 142.
[151)] «Reports etc., for 31st October 1850», p. 5, 6.

что акт 1844 г. не разрешает пятичасовой работы в дообеденное время без перерыва для отдыха, продолжающегося по крайней мере 30 минут, но не предписывает ничего подобного относительно послеобеденной работы. Поэтому он потребовал и добился удовольствия заставлять восьмилетних детей-рабочих не только надрываться над работой, но и голодать непрерывно от 2 часов пополудни до $8^1/_2$ часов вечера!

«Да, грудь его; так сказано в расписке!»[152)] [103]

Эта достойная Шейлока приверженность букве закона 1844 г., поскольку он регулирует труд детей, должна была, однако, просто подготовить открытый бунт против этого же самого закона, поскольку он регулирует труд «подростков и женщин». Необходимо напомнить, что уничтожение «неправильной Relaissystem» составляет главную цель и главное содержание этого закона. Фабриканты открыли свой бунт простым заявлением, что пункты акта 1844 г., воспрещающие произвольное использование рабочей силы подростков и женщин в произвольные короткие промежутки пятнадцатичасового фабричного дня, были

«сравнительно безвредными (comparatively harmless) до тех пор, пока рабочее время, было ограничено 12 часами. При законе о десятичасовом рабочем дне они являются невыносимой несправедливостью (hardship)»[153)].

Поэтому они самым хладнокровным образом объявили инспекторам, что не будут считаться с буквой закона и,намерены ввести старую систему собственной властью[154)]. Это будет, мол, в интересах самих же рабочих, сбитых с толку дурными советами, так как

«даст возможность платить им более высокую заработную плату». «Это — единственное средство сохранить при десятичасовом законе промышленное преобладание Великобритании»[155)]. «Возможно, что при системе смен несколько затруднительно обнаруживать нарушения закона,

---

[152)] Природа капитала одна и та же как в неразвитых, так и в развитых его формах. В своде законов, который незадолго до начала Гражданской войны в Америке навязал господство рабовладельцев на территории Нью-Мексико, говорится: «Рабочий, раз капиталист купил его рабочую силу, есть его (капиталиста) деньги» («The labourer is his (the capitalist's) money»). То же воззрение было ходячим у римских патрициев. Деньги, ссуженные ими должнику-плебею, превращаются посредством жизненных средств в мясо и кровь должника. Поэтому это «мясо и кровь» были их «деньгами». Отсюда шейлоковский закон 10 таблиц[104]! Гипотеза Ленге[105], будто кредиторы-патриции устраивали время от времени по ту сторону Тибра праздничные пиршества, на которых подавалось вареное мясо должников, остается столь же недоказанной, как гипотеза Даумера о христианском причастии[106].

[153)] «Reports etc. for 30th April 1848», p. 28.

[154)] Среди других это же заявил и филантроп Ашуорт в квакерски отвратительном письме к Леонарду Хорнеру («Reports etc. April 1849», p.4).

[155)] «Reports etc. tor 31st October 1848», p. 138.

но что ж из того? (what of that?) Неужели позволительно относиться к великим промышленным интересам этой страны как к второстепенному делу ради того лишь, чтобы несколько облегчить хлопоты (some little trouble) фабричных инспекторов и их помощников?»[156].

Все эти уловки, конечно, нисколько не помогли. Фабричные инспектора начали возбуждать судебные преследования. Но вскоре на министра внутренних дел сэра Джорджа Грея обрушилась такая туча петиций фабрикантов, что в циркуляре от 5 августа 1848 г. он рекомендовал инспекторам

«в общем не преследовать нарушений буквы акта, пока не будет доказано, что Relaissystem злоупотребляют таким образом, что подростки и женщины принуждаются работать более 10 часов».

После этого фабричный инспектор Дж. Стюарт разрешил так называемую систему смен в течение пятнадцатичасового фабричного дня для всей Шотландии, где она вскоре расцвела по-прежнему. Английские фабричные инспектора, напротив, заявили, что министру не принадлежит диктаторская власть приостанавливать действие законов, и продолжали судебную процедуру против proslavery rebels [бунтовщиков в защиту рабства].

Но что пользы в привлечении к суду, раз суды, county magistrates[157], выносили оправдательные приговоры? В этих судах заседали господа фабриканты, чтобы судить самих же себя. Приведем пример. Некий Эскригге, от бумагопрядильной фирмы Кершо, Лиз и К°, представил фабричному инспектору своего округа схему Relaissystem, предназначенную для его фабрики. Получив отказ, он сначала не предпринимал никаких дальнейших шагов. Несколько месяцев спустя некий индивидуум по имени Робинзон, тоже бумагопрядильщик, которому Эскригге был если не Пятницей, то во всяком случае родственником, предстал перед местным судом в Стокпорте, обвиняемый в том, что ввел у себя систему смен, тождественную той, которую придумал Эскригге. Заседало четверо судей, в том числе 3 бумагопрядильщика, все с тем же непременным Эскригге во главе. Эскригге оправдал Робинзона и заявил, что законное для Робинзона является справедливым и для Эскригге. Опираясь на свое собственное решение, получившее силу закона, он тотчас же ввел эту систему и на своей собственной фабрике[158]. Ко-

[156] «Reports etc. for 31st October 1848», p. 140.

[157] Эти «county magistrates», «great unpaid» [«великие неоплачиваемые»], как их называет У. Коббет, являются бесплатными мировыми судьями, которых набирают из почетных лиц графств. В действительности они образуют поместные суды господствующих классов.

[158] «Reports etc. for 30th April 1849», p. 21, 22, Ср. подобные же примеры там же, стр. 4, 5.

нечно, уже самый состав этих судов являлся открытым нарушением закона[159].

«Такого рода судебные фарсы», — восклицает инспектор Хауэлл, — «вопиют о необходимости положить этому конец... одно из двух: или приспособьте закон к этим приговорам, или же предоставьте выносить решения менее порочному трибуналу, который свои решения сообразует с законом... во всех таких случаях. Приходится страстно желать, чтобы должность судьи была платная!»[160]

Истолкование акта 1848 г. фабрикантами королевские юристы объявляли нелепым, но спасители общества не позволили сбить себя с толку.

«После того как я попытался принудить к исполнению закона, возбудив 10 преследований в 7 различных судебных округах», — сообщает Леонард Хорнер, — «и только в одном случае получил поддержку судей... я нахожу бесполезными дальнейшие преследования за нарушение закона. Та часть акта, которая составлена с целью внести единообразие в рабочие часы... уже не существует для Ланкашира, Притом ни у меня, ни у моих помощников нет решительно никаких средств для того, чтобы убедиться, действительно ли на фабриках, на которых господствует так называемая Relaissystem, не заставляют подростков и женщин работать более 10 часов... В конце апреля 1849 г. уже 114 фабрик в моем округе работали по этому методу, и число их в последнее время стремительно возрастает. В общем они работают теперь $13^1/_2$ часов, с 6 часов утра до $7^1/_2$ часов вечера; в некоторых случаях они работают 15 часов, с $5^1/_2$ часов утра до $8^1/_2$ часов вечера»[161].

Уже в декабре 1848 г. у Леонарда Хорнера был список 65 фабрикантов и 29 фабричных надзирателей, которые единогласно утверждали, что при этой Relaissystem никакая система контроля не может воспрепятствовать самому широкому распространению чрезмерного труда[162]. То одни и те же дети и подростки переводятся из прядильной мастерской в ткацкую и т. д., то в течение 15 часов они переводятся (shifted) с одной фабрики на другую[163]. Как прикажете контролировать такую систему,

«которая злоупотребляет словом смена, чтобы с бесконечным многообразием перетасовывать рабочих, как карты, и чтобы ежедневно так передвигать часы труда и отдыха различных лиц, что одна и та же группа рабочих в полном своем составе никогда не действует на прежнем месте в прежнее время!»[164].

[159] Законом 1 и 2 года царствования Вильгельма IV, гл. 39, ст. 10, известным под названием фабричного акта сэра Джона Хобхауза, воспрещается какому бы то ни было владельцу бумагопрядильной или ткацкой фабрики, равно как отцу, сыну или брату такого владельца, исполнять обязанности мирового судьи в тех случаях, когда вопрос касается исполнения фабричного акта.

[160] «Reports etc. for 30th. April 1849» [p. 22].

[161] Там же, стр. 5.

[162] «Reports etc. for 31st October 1849», p. 6.

[163] «Reports etc. for 30th April 1849», p. 21.

[164] «Reports etc. for 31st October 1848», p. 95.

Однако совершенно независимо от действительного чрезмерного труда, эта так называемая Relaissystem явилась таким порождением фантазии капитала, какого никогда не превзошел и Фурье в своих юмористических очерках «courtes seances»[107]; правда, здесь притягательная сила труда превратилась в притягательную силу капитала. Посмотрим на эти схемы, созданные фабрикантами и прославленные благонамеренной прессой как образец того, «что может быть сделано при разумной степени тщательности и методичности» («what a reasonable degree of care and method can accomplish»). Рабочий персонал разделялся иногда на 12—15 категорий, составные части которых, в свою очередь, постоянно сменялись. В продолжение пятнадцатичасового фабричного дня капитал притягивал рабочего то на 30 минут, то на час, потом отталкивал его, чтобы затем снова притянуть его на фабрику и снова оттолкнуть, гоняя его через короткие отрезки времени то туда, то сюда, но не. выпуская из-под своей власти, пока десятичасовая работа не будет закончена полностью. Это как на театральной сцене, где одни и те же лица должны попеременно выступать в различных сценах различных актов. Но как актер принадлежит сцене в течение всего спектакля, так рабочие принадлежали теперь фабрике в течение всех 15 часов, не считая времени на дорогу до фабрики и обратно. Таким образом часы отдыха превращались в часы вынужденной праздности, которые гнали подростков в кабак, а молодых работниц в публичный дом. Всякая новая выдумка, которую каждый день преподносил капиталист, стремясь держать свои машины в ходу 12 или 15 часов без увеличения рабочего персонала, приводила к тому, что рабочий должен был проглатывать свою пищу урывками в разное время. Во время агитации за десятичасовой рабочий день фабриканты кричали, что рабочий сброд подает петиции в надежде получить за десятичасовой труд двенадцатичасовую заработную плату. Теперь они перевернули медаль. Они платили десятичасовую заработную плату за распоряжение рабочими силами в течение двенадцати и пятнадцати часов[165)]. В этом-то и было все дело, это было фабрикантское издание десятичасового закона! Это были все те же елейные, источающие человеколюбие фритредеры, которые во время агитации против хлебных законов целые 10 лет с точностью до копейки высчитывали рабочим, что при свободном ввозе хлеба было бы совершенно достаточно

[165)] См. «Reports etc. for 30th April 1849», p. 6, и пространное объяснение shifting system [системы перебросок], которое фабричные инспектора Хауэлл и Сандерс дают в «Reports etc. for 31st October 1848». См. также петицию против этой системы, поданную королеве духовенством Аштона и окрестностей весной 1849 года.

десятичасового труда, чтобы при средствах, которыми располагает английская промышленность, обогатить капиталистов[166].

Двухгодичный бунт капитала увенчался, наконец, решением одного из четырех высших судебных учреждений Англии, Суда казначейства, который по одному случаю, представленному на его рассмотрение, 8 февраля 1850 г. вынес решение, что хотя фабриканты и поступали против смысла акта 1844 г., но самый этот акт содержит некоторые слова, делающие его бессмысленным. «Этим решением закон о десятичасовом дне был отменен»[167]. Масса фабрикантов, которые до сих пор опасались применять Relaissystem к подросткам и работницам, теперь ухватились за нее обеими руками[168].

Но за этой, казалось бы, окончательной победой капитала тотчас же наступил поворот. Рабочие до сих пор оказывали пассивное, хотя упорное и ежедневно возобновляющееся сопротивление. Теперь они начали громко протестовать на грозных митингах в Ланкашире и Йоркшире. Значит, так называемый десятичасовой закон — простое мошенничество, парламентское надувательство, он никогда не существовал! Фабричные инспектора настойчиво предупреждали правительство, что классовый антагонизм достиг невероятной степени напряжения. Роптала даже часть фабрикантов:

«Противоречивые решения судов привели к совершенно ненормальному и анархическому положению. Один закон в Йоркшире, другой закон в Ланкашире, третий закон в каком-нибудь приходе. Ланкашира, четвертый в его непосредственном соседстве. Фабриканты больших городов имеют возможность обойти закон, фабриканты сельских местностей не находят персонала, необходимого для Relaissystem, и тем более не находят рабочих для переброски с одной фабрики на другую и т. д.».

А равенство в эксплуатации рабочей силы — это для капитала первое право человека.

При таких обстоятельствах между фабрикантами и рабочими состоялся компромисс, получивший санкцию парламента в новом дополнительном фабричном акте 5 августа 1850 года. Рабочий день «подростков и женщин» был увеличен в первые 5 дней недели с 10 до $10^1/_2$ часов и ограничен $7^1/_2$ часами в субботу. Работа должна совершаться от 6 часов утра до 6 вечера[169]

[166] Ср. например, *R. H. Greg.* «The Factory Question and the Ten Hours Bill», 1837.

[167] *Ф. Энгельс.* «Английский билль о десятичасовом рабочем дне» (в издававшейся мной «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», номер за апрель 1850 **г.**, стр.13 [см. настоящее издание, том 7, стр. 253]). Тот же «высокий» суд открыл во время Гражданской войны в Америке словесную зацепку, которая превращала закон против вооружения кораблей пиратов в прямую его противоположность.

[168] «Reports etc. for 30th April 1850».

[169] Зимой это время разрешалось заменять временем от 7 часов утра до 7 часов вечера.

с $1^1/_2$-часовыми перерывами для еды, которые должны предоставляться рабочим в одно и то же время и согласно постановлению 1844 г. и т. д. Этим раз навсегда уничтожалась Relaissystem[170)]. Для детского труда сохранил свою силу закон 1844 года.

Одна категория фабрикантов обеспечила себе на этот раз, как и раньше, особые сеньоральные права на пролетарских детей. Это были фабриканты шелка. В 1833 г. они угрожающе вопили, что «если у них отнимут свободу заставлять работать детей всех возрастов по 10 часов в день, то этим остановят их фабрики» («if the liberty of working children of any age for 10 hours a day were taken away, it would stop their works»). Они якобы не в состоянии купить достаточное количество детей старше 13 лет. Они добились желаемой привилегии. Предлог при позднейшем расследовании оказался сплошной ложью[171)], что, однако, не помешало им целое десятилетие по 10 часов в день тянуть шелковую пряжу из крови маленьких детей, которых для выполнения поручаемой работы приходилось ставить на стулья[172)]. Хотя акт 1844 г. «похитил» у них «свободу» эксплуатировать детей моложе 11 лет более $6^1/_2$ часов в день, но он обеспечил им зато привилегию эксплуатировать детей 11—13 лет по 10 часов в день и отменил установленное для других фабричных детей обязательное посещение школы. На этот раз был выставлен такой предлог:

«Тонкость ткани требует нежности пальцев, которая может быть приобретена лишь при условии раннего поступления на фабрику»[173)].

Из-за нежных пальцев убивали детей, как рогатый скот на юге России бьют ради кожи и сала. Наконец, в 1850 г. привилегия, предоставленная в 1844 г., была сохранена только за сучильными и мотальными цехами; но чтобы возместить убытки лишенного своей «свободы» капитала, рабочее время детей 11—13 лет было увеличено с 10 до $10^1/_2$ часов. Предлог: «Работа на шелковых фабриках легче, чем на других, и менее вредна для здоровья»[174)]. Официальное медицинское обследование впоследствии показало, что, наоборот,

---

[170)] «Настоящий закон» (1850 г.) «был компромиссом, в силу которого рабочие отказались от выгоды десятичасового закона в обмен на преимущество единообразного времени начала и окончания работы тех, чей труд был ограничен» («Reports etc. for 30th April 1852», p. 14).

[171)] «Reports etc. for 30th Sept. 1844», p. 13.

[172)] Там же.

[173)] «Reports etc. for 31st October 1846», p. 20.

[174)] «Reports etc. for 31st October 1861», p. 26.

«средняя смертность в округах шелкового производства исключительно высока, а для женской части населения она даже выше, чем в округах хлопчатобумажного производства. Ланкашира»[175].

Несмотря на протесты фабричных инспекторов, повторяющиеся каждое полугодие, это безобразие продолжается до настоящего времени[176].

Закон 1850 г. превратил только для «подростков и женщин» пятнадцатичасовой период с $5^1/_2$ часов утра до $8^1/_2$ часов вечера в двенадцатичасовой период с 6 часов утра до 6 часов вечера. Следовательно, он не коснулся детей, которых все еще можно было эксплуатировать $^1/_2$ часа до начала и $2^1/_2$ часа по окончании этого периода, хотя общая продолжительность их работы не должна была превышать $6^1/_2$ часов. При обсуждении закона фабричные инспектора представили парламенту статистические данные относительно позорных злоупотреблений, к которым ведет эта аномалия. Но тщетно. Затаенное намерение заключалось в том, чтобы при помощи детей в годы процветания снова увеличить рабочий день взрослых рабочих до 15 часов. Опыт

[175] «Reports etc. for 31st October 1861», p. 27. В общем физическое состояние рабочего населения, на которое распространяется действие фабричного закона, значительно улучшилось. Все отзывы врачей единодушны в этом отношении, и мои личные наблюдения, относящиеся к различным периодам, убедили меняв этом. Тем не менее, не говоря уже о чрезвычайно высокой смертности детей в первые годы жизни, официальные отчеты доктора Гринхау указывают на неблагоприятное состояние здоровья в фабричных округах по сравнению с «земледельческими округами с нормальным состоянием здоровья». В доказательство привожу, между прочим, следующую таблицу из его отчета 1861 года:

Процент взрослых мужчин, занятых в промышленности	Смертность от легочных заболеваний на каждые 100 000 мужчин	Название округов	Смертность от легочных заболеваний на каждые 100 000 женщин	Процент взрослых женщин, занятых в промышленности	Род занятий женщин
14,9	598	Уиган	644	18,0	Хлопок
42,6	708	Блэкберн	734	34,9	То же
37,3	547	Галифакс	564	20,4	Шерсть
41,9	611	Брадфорд	603	30,0	То же
31,0	691	Маклсфилд	804	26,0	Шелк
14,9	588	Лик	705	17,2	То же
36,6	721	Сток-апон-Трент	665	19,3	Глиняные изделия
30,4	726	Вулстантон	727	13,9	То же
—	305	Восемь здоровых земледельческих округов	340	—	—

[176] Известно, насколько неохотно английские «фритредеры» отказали шелковой мануфактуре в охранительных пошлинах. Защита против французского ввоза заменяется теперь беззащитностью фабричных детей Англии.

последующих 3 лет показал, что подобная попытка должна была разбиться о сопротивление взрослых рабочих мужчин[177)]. Поэтому акт 1850 г. был, наконец, дополнен в 1853 г. воспрещением «применять труд детей утром до начала и вечером по окончании труда подростков и женщин». Начиная с этого времени фабричный акт 1850 г., за немногими исключениями, регулировал в подчиненных ему отраслях промышленности рабочий день всех рабочих[178)]. С момента издания первого фабричного акта до этого времени прошло полстолетия[179)].

В «Printworks' Act» (законе о ситцепечатных фабриках и т. д.), изданном в 1845 г., законодательство впервые вышло за пределы своей первоначальной сферы. Неудовольствие, с которым капитал допустил это новое «сумасбродство», сквозит из каждой строки акта! Он ограничивает рабочий день детей 8—13 лет и женщин 16 часами, от 6 часов утра до 10 часов вечера, не устанавливая никакого узаконенного перерыва для еды. Он разрешает изнурять рабочих мужского пола старше 13 лет по благоусмотрению день и ночь напролет[180)]. Это парламентский выкидыш[181)].

Все же принцип одержал решительную победу, победив в крупных отраслях промышленности, являющихся специфическим порождением современного способа производства. Поразительное развитие этих отраслей в период 1853—1860 гг., совершавшееся рука об руку с физическим и моральным возрождением фабричных рабочих, заставило прозреть и самых слепых. Сами фабриканты, у которых путем полувековой гражданской войны шаг за шагом завоевывалось законодательное огра-

---

[177)] «Reports etc. for 30th April 1853», p. 31.

[178)] В годы зенита английской хлопчатобумажной промышленности, в 1859 и 1860 гг., некоторые фабриканты приманкой в виде высокой заработной платы за сверхурочное время попытались склонить взрослых прядильщиков-мужчин и т. д. к увеличению рабочего дня. Прядильщики, работающие на ручных мюлях и на сельфакторах, положили конец этому эксперименту письмом к своим хозяевам, в котором, между прочим, говорится: «Прямо сказать, наша жизнь для нас в тягость, и пока нас приковывают к фабрике почти на два дня в неделю» (на 20 часов) «больше, чем других рабочих, мы чувствуем себя в стране илотами и укоряем себя за то, что увековечиваем такую систему, которая физически и морально вредит нам самим и нашему потомству... Поэтому мы почтительно доводим сим до вашего сведения, что начиная с первого дня нового года мы не будем работать ни одной минуты больше 60 часов в неделю, с 6 часов до 6 часов, за вычетом законом установленных перерывов в $1^1/_2$ часа» («Reports etc. for 30th April I860», p. 30).

[179)] Относительно средств нарушения этого закона, предоставляемых его редакцией, см. парламентский отчет: «Factories Regulation Acts» (6 августа 1859 г.). И там же: *Leonard Horner.* «Suggestions for Amending the Factory Acts to enable the Inspectors to prevent illegal working, now become very prevalent».

[180)] «В последнее полугодие» (1857 г.) «в моем округе детей 8 лет и старше фактически истязают с 6 часов утра до 9 часов вечера» («Reports etc. tor 31st October 1857», p. 39).

[181)] «Printworks' Act признается неудачным как в части, касающейся обучения, так и в части, касающейся охраны труда» («Reports etc. for 31st October 1802», p. 52).

ничение и регулирование рабочего дня, хвастливо указывали на контраст между этими отраслями промышленности и теми областями эксплуатации, которые еще оставались «свободными»[182]. Фарисеи «политической экономии» поспешили провозгласить идею необходимости законодательного регулирования рабочего дня новым характерным завоеванием их «науки»[183]. Легко понять, что, после того как магнаты фабрики принуждены были покориться неизбежному и примириться с ним, сила сопротивления капитала постепенно ослабевала, сила же наступления рабочего класса, напротив, возрастала вместе с ростом числа его союзников в общественных слоях, не заинтересованных непосредственно. Этим объясняется сравнительно быстрый прогресс с 1860 года.

Красильни и белильни[184] были подчинены фабричному акту 1850 г. в 1860 г., кружевные фабрики и чулочные заведения — в 1861 году. Следствием первого отчета Комиссии по обследованию условий детского труда (1863 г.) было то, что та же судьба постигла все мануфактуры глиняных изделий (не только гончарные заведения), производство спичек, пистонов, патронов, обойные фабрики, подстригание бархата (fustian cutting) и многочисленные процессы, объединяемые под названием «finishing» (аппретура). В 1863 г. «белильни на открытом воздухе»[185] и пекарни были подчинены особым актам, из кото-

[182] Так высказывается, например, Э. Поттер в письме в «Times» 24 марта 1863 года. «Times» напоминает ему о бунте фабрикантов против десятичасового закона.

[183] Так высказывался, между прочим, г-н У. Ньюмарч, соавтор и издатель «History of Prices» Тука. Неужели это научный прогресс: делать трусливые уступки общественному мнению?

[184] Изданный в 1860 г. акт о белильнях и красильнях устанавливает, что рабочий день с 1 августа 1861 г. будет предварительно сокращен до 12, а с 1 августа 1862 г. окончательно до 10 часов, т. е. до $10^1/_2$ часов в будни и $7^1/_2$ часов в субботу. Но когда наступил злополучный 1862 г., повторился старый фарс. Господа фабриканты обратились к парламенту-с петицией потерпеть еще один-единственный год двенадцатичасовой труд подростков и женщин... «При современном состоянии промышленности» (во время хлопкового голода) «весьма выгодно для рабочих, если им разрешат работать по 12 часов в сутки и получать возможно бо́льшую заработную плату... Уже удалось внести составленный в этом духе билль в палату общин. Он провалился вследствие агитации рабочих в белильнях Шотландии» («Reports etc. for 31st October 1862», p. 14, 15). Капитал, побитый таким образом теми самыми рабочими, от имени которых он, по его уверениям, говорил, открыл теперь при помощи юридических очков, что акт 1860 г., подобно всем парламентским актам для «охраны труда», составленный в затемняющих смысл выражениях, дает предлог не распространять его действие на категории рабочих — «calenderers» [«прессовальщиков»] и «finishers» [«аппретурщиков»]. Английская юрисдикция, всегда верный холоп капитала, санкционировала это крючкотворство через суд общего права. «Это вызвало большое недовольство среди рабочих, и приходится весьма пожалеть о том, что ясные намерения законодательства срываются из-за неудовлетворительных определений» (там же, стр. 18).

[185] «Белильни на открытом воздухе» освободились из-под действия закона 1860 г. о белильнях с помощью ложного заявления, будто у них женщины ночью не работают. Ложь была обнаружена фабричными инспекторами, а в то же время петиции рабочих поколебали идиллические представления парламента относительно «белилен на открытом воздухе», на «душистых прохладных лугах». В этих воздушных белильнях существуют су-

рых первый воспрещает, между прочим, работу детей, подростков и женщин в ночное время (от 8 часов вечера и до 6 часов утра), а второй — пользование трудом пекарей-подмастерьев моложе 18 лет между 9 часами вечера и 5 часами утра. Мы еще возвратимся к более поздним предложениям упомянутой комиссии, которые угрожают лишить «свободы» все важные отрасли английского производства, за исключением земледелия, горного дела и транспорта[185a)].

7. БОРЬБА ЗА НОРМАЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ. ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО ФАБРИЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ДРУГИЕ СТРАНЫ

Читатель помнит, что производство прибавочной стоимости, пли извлечение прибавочного труда, составляет специфическое содержание и цель капиталистического производства независимо от тех изменений в самом способе производства, которые

шильни с температурой в 90°—100° по Фаренгейту [32°—38° по Цельсию], в которых работают главным образом девушки. Существует даже техническое выражение «cooling» (охлаждение), которым обозначается выход время от времени из сушильни на свежий воздух. «В сушильне 15 девушек, жара 80°— 90° [27°—32° по Цельсию] для полотна, 100° [38° по Цельсию] и более градусов для батиста. Двенадцать девушек утюжат и складывают (батист и т. д.) в маленькой комнате приблизительно в десять футов в длину и ширину, с плотно закупоренной печью посредине. Девушки стоят вокруг печи, которая пышет ужасающим жаром и быстро высушивает батист, поступающий к гладильщицам. Количество часов для этих «рук» не ограничено. Если дел много, они работают до 9 или 12 часов ночи много дней подряд» («Reports etc. for 31st October 1862», p. 56). Один врач заявляет: «Особых часов для охлаждения нет, но если температура становится слишком невыносимой или руки работниц загрязняются от пота, им разрешают отлучиться на несколько минут... Мой опыт лечения болезней этих работниц заставляет меня констатировать, что состояние их здоровья много хуже состояния здоровья прядильщиц хлопка» (а капитал в своих петициях парламенту расписал их, в стиле Рубенса, пышущими здоровьем). «Болезнями, наиболее часто поражающими их, являются: чахотка, бронхит, маточные болезни, истерия в самой ужасной форме и ревматизм. Все эти болезни прямо или косвенно происходят, как я полагаю, от чрезмерно жаркого воздуха в мастерских и от недостатка удовлетворительной теплой одежды, которая могла бы защитить их при возвращении домой от сырости и холода в зимние месяцы» (там же, стр. 56, 57). Фабричные инспектора замечают относительно дополнительного закона 1863 г., навязанного с большим трудом владельцам веселых «белилен на открытом воздухе»: «Этот акт не только не достигает цели в смысле охраны труда рабочих, которую он будто бы им предоставляет... Он так сформулирован, что положения об охране вступают в силу лишь в том случае, когда детей и женщин застигают на работе после 8 часов вечера, но даже и тогда устанавливаемый этим законом способ доказательств отличается таким крючкотворством, что едва ли может последовать наказание виновных в его нарушении» (там же, стр. 52). «В смысле достижения гуманных и воспитательных целей акт этот никуда не годится. Вряд ли будет гуманным позволять женщинам и детям, или — что сводится к тому же — заставлять их работать по 14 часов в сутки, а может быть и больше, с перерывами на еду или без них, как придется, не делая ограничений в зависимости от возраста, пола и не обращая внимания на общественные привычки семейств, живущих по соседству с белильными мастерскими» («Reports etc. (or 30th April 1863», p. 40).

[185a)] (*Примечание к 2 изданию.)* С 1866 г., когда я написал эти строки, опять натупила реакция.

возникают из подчинения труда капиталу. Он помнит, что *с* той точки зрения, которую мы до сих пор развивали, только самостоятельный и, следовательно, юридически совершеннолетний рабочий как продавец товара заключает сделку с капиталистом. Поэтому, если в нашем историческом очерке главную роль играет, с одной стороны, современная промышленность, а с другой — труд физически и юридически несовершеннолетних, то первая имела для нас значение только как особая сфера высасывания труда, второй — только как особенно яркий пример этого высасывания. Однако, не забегая вперед, на основании одной лишь общей связи исторических фактов мы приходим к следующим заключениям:

Во-первых. В отраслях промышленности, которые раньше других были революционизированы водой, паром и машинами, в этих первых созданиях современного способа производства, в хлопчатобумажных, шерстяных, льняных, шелковых прядильнях и ткацких, прежде всего находит себе удовлетворение стремление капитала к безграничному и беспощадному удлинению рабочего дня. Изменения материального способа производства и соответствующие изменения в социальных отношениях производителей[186)] создают сначала безграничное расширение пределов рабочего дня, а затем уже в виде реакции вызывают общественный контроль, в законодательном порядке ограничивающий рабочий день с его перерывами, регулирующий его и вносящий в него единообразие. Поэтому в течение первой половины XIX века этот контроль устанавливался законодательством лишь в порядке исключения[187)]. Но как только этот контроль распространился на первоначальную область нового способа производства, оказалось, что не только многие другие отрасли производства подпали под действие настоящего фабричного режима, но что и мануфактуры с более или менее устаревшими методами производства, как, например, гончарные мастерские, стекольные мастерские и т. д., и старинные ремесла, как, например, пекарное, и, наконец, даже распыленная так называемая работа на дому, как, например, гвоздарный промысел и т. д.[188)], уже давно настолько же подпали под действие

[186)] «Поведение каждого из этих двух классов» (капиталистов и рабочих) «явилось результатом тех взаимных отношений, в которые они были поставлены» («Reports etc. for 31st October 1848», p. 113).

[187)] «Виды труда, подпавшие под ограничения, были связаны с производством текстильных товаров, при котором применяется сила пара или воды. Два условия были необходимы для того, чтобы та или иная отрасль труда могла быть подчинена надзору: применение силы пара или воды и обработка известного рода волокна» («Reports etc. for 31st October 1864», p. 8).

[188)] О положении этой так называемой домашней промышленности чрезвычайно богатый материал дают последние отчеты Комиссии по обследованию условий детского труда.

капиталистической эксплуатации, как и фабрика. Поэтому законодательство было вынуждено постепенно отрешиться от своего исключительного характера или же — там, где оно следует римской казуистике, как в Англии, — произвольно объявить фабрикой (factory) всякий дом, в котором работают[189].

Во-вторых. История регулирования рабочего дня в некоторых отраслях производства и еще продолжающаяся борьба за это регулирование в других наглядно доказывают, что изолированный рабочий, рабочий как «свободный» продавец своей рабочей силы, на известной ступени созревания капиталистического производства не в состоянии оказать какого бы то ни было сопротивления. Поэтому установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом. Так как борьба открывается в сфере современной промышленности, то она разгорается впервые на родине этой промышленности, в Англии[190]. Английские фабричные рабочие были передовыми борцами не только английского рабочего класса, но и современного рабочего класса вообще, точно так же, как их теоретики первые бросили вызов капиталистической теории[191]. Философ фабрики Юр клеймит поэтому как неизгладимый позор английского рабочего класса то обстоятельство, что на своем знамени он начертал «рабство фабричных законов» в противоположность капиталу, который мужественно выступает за «полную свободу труда»[192].

---

[189] «Акты последней сессии» (1864 г.) «... касаются различных производств, производственные методы которых весьма различны; употребление механической силы для приведения машин в движение уже -не является, как это было прежде, необходимым условием для того, чтобы предприятие на языке закона считалось «фабрикой»» («Reports etc. tor 31st October 1864», p. 8).

[190] Бельгия, рай континентального либерализма, не обнаруживает и следов этого движения. Даже в ее угольных копях и рудниках рабочие обоего пола и всех возрастов потребляются с полной «свободой» во всякое время и в течение всякого времени. На каждую тысячу лиц, занятых в этих отраслях промышленности, приходится 733 мужчины, 88 женщин, 135 подростков и 44 девочки моложе 16 лет; у доменных печей и т. д. на каждую тысячу — 668 мужчин, 149 женщин, 98 подростков и 85 девочек моложе 16 лет. К этому присоединяется еще низкая заработная плата за огромную эксплуатацию зрелых и незрелых рабочих сил, составляющая в среднем 2 шилл. 8 пенсов в день для мужчин, 1 шилл. 8 пенсов для женщин и 1 шилл. $2^1/_2$ пенса для подростков. Зато Бельгия в 1863 г. по сравнению с 1850 г. почти удвоила количество и стоимость вывезенного ею угля, железа и т. д.

[191] Когда Роберт Оуэн в самом начале второго десятилетия этого века не только теоретически выступил за необходимость ограничения рабочего дня, но и действительно ввел десятичасовой день на своей фабрике в Нью-Ланарке, этот опыт осмеивали как коммунистическую утопию, — совершенно так же, как осмеивали его «соединение производительного труда с воспитанием детей» или вызванные им к жизни кооперативные предприятия рабочих. В настоящее время первая утопия сделалась фабричным законом, вторая фигурирует в виде официальной фразы в каждом фабричном акте, третья даже служит прикрытием реакционного шарлатанства.

[192] *Ure* (французский перевод): «Philosophie des Manufactures». Paris, 1836, t. II, p. 39, 40, 67, 77 etc.

Франция медленно плетется за Англией. Понадобилась февральская революция для того, чтобы появился на свет двенадцатичасовой закон[193], который гораздо более неудовлетворителен, чем его английский оригинал. Несмотря на это, французский революционный метод обнаруживает и свои особые преимущества. Одним ударом он диктует всем мастерским и фабрикам без различия один и тот же предел рабочего дня, тогда как английское законодательство нехотя уступает давлению обстоятельств то в том, то в другом пункте и избирает самый верный путь для порождения все новых и новых юридических хитросплетений[194]. Вместе с тем, французский закон провозглашает в качестве принципа то, что завоевывается в Англии лишь для детей, несовершеннолетних и женщин и на что лишь в последнее время начинают предъявляться требования как на общее право[195].

В Соединенных Штатах Северной Америки всякое самостоятельное рабочее движение оставалось парализованным, пока рабство уродовало часть республики. Труд белых не может освободиться там, где труд черных носит на себе позорное клеймо. Но смерть рабства тотчас же породила новую юную жизнь. Первым плодом Гражданской войны была агитация за восьмичасовой рабочий день, шагающая семимильными шагами локомотива от Атлантического океана до Тихого,

[193] В отчете «Международного статистического конгресса в Париже, 1855 г.» говорится между прочим: «Французский закон, ограничивающий продолжительность ежедневного труда на фабриках и в мастерских 12 часами, не предписывает для этого труда определенных постоянных часов» (периодов времени) «и только для детского труда предписывается период между 5 часами утра и 9 часами вечера. Поэтому часть фабрикантов пользуется правом, которое предоставляется им этим роковым умолчанием, для того чтобы заставлять работать изо дня в день без перерыва, может быть за исключением воскресений. Они применяют для этого две различные смены рабочих, из которых ни одна не проводит в мастерской более 12 часов, но работа на предприятии продолжается и днем и ночью. Закон соблюден, но соблюдена ли гуманность?» Помимо «разрушающего влияния ночного труда на человеческий организм» подчеркивается также «роковое влияние ночного совместного пребывания обоих полов в одних и тех же скудно освещенных мастерских».

[194] «Так, например, в моем округе в одном и том же фабричном здании один и тот же фабрикант как белильщик и красильщик подчинен «Акту о белильнях и красильнях», как ситцепечатник — «Акту о ситцепечатных фабриках» и как finisher [аппретурщик] — «Фабричному акту»». (Донесение г-на Бейкера в «Reports etc. for 31st October 1861», p. 20.) Перечислив различные положения этих законов и вытекающие отсюда осложнения, г-н Бейкер говорит; «Мы видим, как трудно обеспечить исполнение этих трех парламентских актов, если владелец фабрики захочет обойти закон». Но зато господам юристам это уже наверное обеспечивает процессы.

[195] Так, фабричные инспектора решаются, наконец, сказать: «Эти возражения» (капитала против законодательного ограничения рабочего времени) «должны пасть перед широким принципом прав труда... Наступает момент, когда право хозяина на труд его работника прекращается, и время последнего становится его собственностью даже в том случае, если вопрос об истощении еще не стоит» («Reports etc. for 31st October 1862», p. 54).

от Новой Англии до Калифорнии. Всеобщий рабочий съезд в Балтиморе[108] (август 1866 г.) заявляет:

«Первым и великим требованием современности, необходимым для освобождения труда этой страны от капиталистического рабства, является издание закона, который признал бы восьмичасовой день нормальным рабочим днем во всех штатах Американского союза. Мы решили напрячь все наши силы для борьбы за достижение этого славного результата»[196)].

Одновременно (начало сентября 1866 г.) конгресс Международного Товарищества Рабочих в Женеве, согласно предложению лондонского Генерального Совета, постановил: «Предварительным условием, без которого все дальнейшие попытки улучшения положения рабочих и их освобождения обречены на неудачу, является ограничение рабочего дня... Мы предлагаем в законодательном порядке ограничить рабочий день 8 часами»[109].

Таким образом, рабочее движение, инстинктивно выросшее по обеим сторонам Атлантического океана из самих производственных отношений, оправдывает заявление английского фабричного инспектора Р. Дж. Сандерса:

«Невозможно предпринять дальнейших шагов на пути реформирования общества с какой бы то ни было надеждой на успех, если предварительно не будет ограничен рабочий день и не будет вынуждено строгое соблюдение установленных для него границ»[197)].

Приходится признать, что наш рабочий выходит из процесса производства иным, чем вступил в него. На рынке он противостоял владельцам других товаров как владелец товара «рабочая сила», т. е. как товаровладелец — товаровладельцу. Контракт, по которому он продал капиталисту свою рабочую силу, так сказать, черным по белому фиксирует, что он свободно распоряжается самим собой. По заключении же сделки оказывается, что он вовсе не был «свободным агентом», что время, на которое. ему вольно продавать свою рабочую силу, является временем, на которое он вынужден ее продавать[198)], что в действитель-

---

[196)] «Мы, рабочие Данкерка, заявляем, что продолжительность рабочего времени, требующаяся при теперешней системе, слишком велика и не оставляет рабочему времени для отдыха и развития, и, более того, низводит его до состояния порабощения, которое немногим лучше рабства («a condition of servitude but little better than slavery»). Поэтому мы решили, что восьми часов достаточно для одного рабочего дня и это должно быть признано официально; мы призываем к содействию нам печать, этот мощный рычаг... а всех, кто откажет в этом содействии, будем считать врагами рабочей реформы и рабочих прав» (Резолюции рабочих в Данкерке, штат Нью-Йорк, 1866 г.).

[197)] «Reports etc. tor 31st October 1848», p. 112.

[198)] «Эти действия» (маневры капитала, например, в 1848—1850 гг.) «дали, кроме того, неопровержимое доказательство неправильности столь часто выдвигаемого утверждения, будто рабочие не нуждаются в покрови-

ности вампир не выпускает его до тех пор, «пока можно высосать из него еще одну каплю крови, выжать из его мускулов и жил еще одно усилие»[199)]. Чтобы «защитить» себя от «змеи своих мучений»[110], рабочие должны объединиться и, как класс, заставить издать государственный закон, мощное общественное препятствие, которое мешало бы им самим по добровольному контракту с капиталом продавать на смерть и рабство себя и свое потомство[200)]. На место пышного каталога «неотчуждаемых прав человека» выступает скромная Magna Charta[111] ограниченного законом рабочего дня, которая, «наконец, устанавливает точно, когда оканчивается время, которое рабочий продает, и когда начинается время, которое принадлежит ему самому»[201)]. Quantum mutatus ab illo![112]

тельстве и должны рассматриваться как агенты, совершенно свободно располагающие единственной своей собственностью, т. е. трудом рук своих и потом лица своего» («Reports etc. for 30th April 1850», p. 45). «Свободный труд, если вообще его можно так назвать, даже и в свободной стране требует для своей защиты сильной руки закона» («Reports etc. tor 31st October 1864», p. 34). «Позволять... или, что сводится к тому же, заставлять... работать по 14 часов в сутки с перерывами на еду или без них и т. д.» («Reports etc. for 30th April 1863», p. 40).

[199)] *Фридрих Энгельс*. «Английский билль о десятичасовом рабочем дне» (в «Neue Rheinische Zeitung», номер за апрель 1850 г., стр. 5 [см. настоящее издание том 7, стр. 246]).

[200)] Десятичасовой билль в подчиненных ему отраслях промышленности «спас рабочих от полного вырождения и взял под свою охрану их физическое здоровье» («Reports etc. for 31st October 1859», p. 47). «Капитал» (на фабриках) «не может поддерживать машину в движении сверх ограниченного периода времени, не причиняя вреда здоровью и нравственности запятых им рабочих, а они не в состоянии защитить себя сами» (там же, стр. 8).

[201)] «Еще большее благо заключается в том, что, наконец, ясно разграничены собственное время рабочего и время его хозяина. Рабочий знает теперь, когда оканчивается то время, которое он продает, и когда начинается его собственное время, и. заранее точно зная это, он в состоянии распределить свои собственные минуты в своих собственных целях» (там же, стр. 52). «Сделав рабочего хозяином его собственного времени, они» (фабричные законы) «дали ему нравственную силу, которая направляет его к обладанию политической властью» (там же, стр. 47). Со сдержанной иронией и в весьма осторожных выражениях фабричные инспектора намекают на то, что теперешний закон о десятичасовом рабочем дне до некоторой степени освободил и капиталиста от природной грубости, присущей ему как простому воплощению капитала и дал ему время для некоторого «образования». Раньше «хозяин не имел времени ни на что другое, кроме наживы денег, а рабочий не имел времени ни на что другое, кроме труда» (там же, стр. 48).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
НОРМА И МАССА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

В этой главе, как и раньше, мы предполагаем, что стоимость рабочей силы, следовательно та часть рабочего дня, которая необходима для воспроизводства или сохранения рабочей силы, представляет собой величину данную, постоянную.

При таком предположении вместе с нормой прибавочной стоимости дана и та ее масса, которую отдельный рабочий доставляет капиталисту за определенный период времени. Если, например, необходимый труд составляет 6 часов в день, что в переводе на золото составляет 3 шилл., равные 1 талеру, то 1 талер представляет собой дневную стоимость одной рабочей силы, или капитальную стоимость, авансированную на покупку одной рабочей силы. Далее, если норма прибавочной стоимости = 100%, то этот переменный капитал в 1 талер производит массу прибавочной стоимости в 1 талер, или рабочий доставляет ежедневно массу прибавочного труда в 6 часов.

Но переменный капитал есть денежное выражение совокупной стоимости всех рабочих сил, которые одновременно употребляются капиталистом. Следовательно, его стоимость равна средней стоимости одной рабочей силы, помноженной на число употребляемых рабочих сил. Поэтому при данной стоимости рабочей силы величина переменного капитала прямо Пропорциональна числу одновременно занятых рабочих. Таким образом, если дневная стоимость одной рабочей силы = 1 талеру, то необходимо авансировать капитал в 100 талеров, чтобы эксплуатировать 100 рабочих сил, и в *n* талеров, чтобы ежедневно эксплуатировать *n* рабочих сил.

Точно так же, если переменный капитал в 1 талер, дневная стоимость одной рабочей силы, производит ежедневно прибавочную стоимость в 1 талер, то переменный капитал в 100 талеров производит ежедневно прибавочную стоимость в 100, а капитал в *n* талеров — ежедневную прибавочную стоимость в 1 талер × *n*.

Следовательно, масса производимой прибавочной стоимости равна прибавочной стоимости, доставляемой рабочим днем отдельного рабочего, помноженной на число применяемых рабочих. Но, далее, так как масса прибавочной стоимости, производимой отдельным рабочим, при данной стоимости рабочей силы определяется нормой прибавочной стоимости, то из этого вытекает следующий первый закон: масса производимой прибавочной стоимости равна величине авансированного переменного капитала, помноженной на норму прибавочной стоимости, или определяется сложным отношением между числом одновременно эксплуатируемых одним и тем же капиталистом рабочих сил и степенью эксплуатации отдельной рабочей силы[*].

Итак, если массу прибавочной стоимости мы обозначим через *M,* прибавочную стоимость, доставляемую отдельным рабочим в среднем за день, через *m,* переменный капитал, ежедневно авансируемый на покупку одной рабочей силы, через *v,* общую сумму переменного капитала через *V,* стоимость средней рабочей силы через *k,* степень ее эксплуатации через a'/a $\left(\frac{\text{прибавочны й труд}}{\text{необходимы й труд}}\right)$ и число применяемых рабочих через *n,* то мы получим:

$$M = \begin{cases} \frac{m}{v} \times V \\ k \times \frac{a'}{a} \times n \end{cases}$$

Мы постоянно предполагаем не только то, что стоимость средней рабочей силы есть величина постоянная, по и то, что применяемые капиталистом рабочие сведены к среднему рабочему. Бывают исключительные случаи, когда производимая прибавочная стоимость возрастает не пропорционально числу эксплуатируемых рабочих, но тогда и стоимость рабочей силы не остается постоянной.

Поэтому при производстве определенной массы прибавочной стоимости уменьшение одного фактора может быть возмещено увеличением другого. Если переменный капитал уменьшается и одновременно норма прибавочной стоимости повышается в той же пропорции, то масса производимой прибавочной стоимости остается неизменной. Если при сохранении прежних предположений капиталисту приходится авансировать 100 талеров для того, чтобы ежедневно эксплуатировать 100 рабочих,

[*] В авторизованном французском издании вторая часть этого положения излагается следующим образом: «или же она равна стоимости одной рабочей силы, помноженной на степень ее эксплуатации и помноженной на число одновременно при-меняемых сил». *Ред.*

и если норма прибавочной стоимости составляет 50%, то этот переменный капитал в 100 талеров доставляет прибавочную стоимость в 50 талеров, или в 3 × 100 рабочих часов. Если норма прибавочной стоимости удваивается, или рабочий день удлиняется не с 6 до 9, а с 6 до 12 часов, то уменьшенный наполовину переменный капитал, капитал в 50 талеров, приносит прибавочную стоимость опять-таки в 50 талеров, или в 6 × 50 рабочих часов. Следовательно, уменьшение переменного капитала может быть компенсировано пропорциональным повышением нормы эксплуатации рабочей силы, или уменьшение числа занятых рабочих может быть компенсировано пропорциональным удлинением рабочего дня. Таким образом, в известных границах, вынуждаемое капиталом предложение труда независимо от предложения рабочих[202)]. Наоборот, уменьшение нормы прибавочной стоимости оставляет массу производимой прибавочной стоимости без изменения, если пропорционально возрастает величина переменного капитала, или число занятых рабочих.

Однако компенсация числа рабочих, или величины переменного капитала, повышением нормы прибавочной стоимости, или удлинением рабочего дня, имеет границы, которых она не в состоянии переступить. Какова бы ни была стоимость рабочей силы, составляет ли рабочее время, необходимое для поддержания рабочего, 2 или 10 часов, во всяком случае совокупная стоимость, которую рабочий может производить изо дня в день, меньше стоимости, в которой овеществлены 24 рабочих часа, меньше 12 шилл. или 4 талеров, если таково денежное выражение этих 24 часов овеществленного труда. При нашем прежнем предположении, согласно которому ежедневно требуется 6 рабочих часов для того, чтобы воспроизвести самое рабочую силу, или авансированную на ее покупку капитальную стоимость, переменный капитал в 500 талеров, который применяет 500 рабочих при норме прибавочной стоимости в 100%, или при 12-часовом рабочем дне, ежедневно производит прибавочную стоимость в 500 талеров, или в 6 × 500 рабочих часов. Капитал в 100 талеров, ежедневно применяющий 100 рабочих при норме прибавочной стоимости в 200%, или при 18 часовом рабочем дне, производит массу прибавочной стоимости лишь в 200 талеров, или в 12 × 100 рабочих часов. И вся вновь созданная им стоимость, эквивалент авансированного

[202)] Этот элементарный закон, по-видимому, неизвестен господам из лагеря вульгарной политической экономии — они, эти архимеды наоборот, воображают, будто в определении рыночных цен труда спросом и предложением нашли точку опоры, — не для того, чтобы перевернуть мир, а для того, чтобы остановить его.

переменного капитала плюс прибавочная стоимость, никогда, ни в какой день не может достигнуть суммы в 400 талеров, или в 24 × 100 рабочих часов. Абсолютная граница среднего рабочего дня, который по природе всегда меньше 24 часов, образует абсолютную границу для компенсации уменьшения переменного капитала увеличением нормы прибавочной стоимости, или уменьшения числа эксплуатируемых рабочих повышением степени эксплуатации рабочей силы. Этот до осязательности ясный второй закон важен для объяснения многих явлений, возникающих из тенденции капитала, о которой мы будем говорить позже, — тенденции возможно больше сокращать число занимаемых им рабочих, или свою переменную составную часть, превращаемую в рабочую силу, что находится в противоречии с другой его тенденцией — производить возможно большую массу прибавочной стоимости. Наоборот. Если масса применяемых рабочих сил, или величина переменного капитала, возрастает, но не пропорционально уменьшению нормы прибавочной стоимости, то масса производимой прибавочной стоимости понижается.

Третий закон вытекает из определения массы производимой прибавочной стоимости двумя факторами — нормой прибавочной стоимости и величиной авансированного переменного капитала. Если дана норма прибавочной стоимости, или степень эксплуатации рабочей силы, и стоимость, рабочей силы, или величина необходимого рабочего времени, то само собой понятно, что чем больше переменный капитал, тем больше масса производимой стоимости и прибавочной стоимости. Если дана граница рабочего дня, а также граница его необходимой составной части, то масса стоимости и прибавочной стоимости, производимой отдельным капиталистом, очевидно, зависит исключительно от той массы труда, которую он приводит в движение. А масса приводимого им в движение труда при данных предположениях зависит от массы рабочей силы, или числа рабочих, которых он-эксплуатирует, число же это, в свою очередь, определяется величиной авансированного им переменного капитала. Следовательно, при данной норме прибавочной стоимости и данной стоимости рабочей силы, массы производимой прибавочной стоимости прямо пропорциональны величинам авансированных переменных капиталов. Но мы уже знаем, что капиталист делит свой капитал на две части. Одну часть он затрачивает на средства производства. Это — постоянная часть его капитала. Другую часть он превращает в живую рабочую силу. Эта часть образует его переменный капитал. На базисе одного и того же способа производства в различных

отраслях производства имеет место различное деление капитала на постоянную и переменную составные части. В одной и той же отрасли производства это отношение изменяется с изменением технической основы и общественной комбинации процесса производства. Но как бы ни распадался данный капитал на постоянную и переменную составную часть, будет ли последняя относиться к первой как 1:2, или 1:10, или 1:*x*, это нисколько не затрагивает только что установленного закона, так как согласно прежнему анализу стоимость постоянного капитала хотя и проявляется вновь в стоимости продукта, но не входит во вновь созданную стоимость. Чтобы применять 1000 прядильщиков, требуется, конечно, больше сырого материала, веретен и т. д., чем для того, чтобы применять 100 прядильщиков. Но пусть стоимость этих добавляемых средств производства повышается, падает или остается неизменной, пусть она будет велика или мала, — она во всяком случае не оказывает никакого влияния на процесс увеличения стоимости, осуществляемый теми рабочими силами, которые приводят эти средства производства в движение. Следовательно, констатированный выше закон принимает такую форму: производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов, т. е. их составных частей, превращенных в живую рабочую силу.

Этот закон явно противоречит всему опыту, основанному на внешней видимости явлений. Каждый знает, что владелец хлопчатобумажной прядильной фабрики, который в процентном отношении ко всему применяемому капиталу применяет относительно много постоянного и мало переменного капитала, не получает от этого меньше прибыли, или прибавочной стоимости, чем хозяин пекарни, который приводит в движение относительно много переменного и мало постоянного капитала. Для разрешения этого кажущегося противоречия требуется еще много промежуточных звеньев, как в элементарной алгебре требуется много промежуточных звеньев для того, чтобы понять, что $^0/_0$ может представлять действительную величину. Хотя классическая политическая экономия никогда не формулировала этого закона, однако она инстинктивно придерживается его, потому что он вообще представляет собой необходимое следствие закона стоимости. Она пытается спасти его посредством насильственной абстракции от противоречий явления. Позже[203)]

[203)] Подробнее об этом в «Четвертой книге».

мы увидим, как школа Рикардо споткнулась об этот камень преткновения. Вульгарная политическая экономия, которая «действительно так ничему и не научилась»[113], здесь, как и везде, хватается за внешнюю видимость явления в противоположность закону явления. Она полагает, в противоположность Спинозе, что «невежество есть достаточное основание»[114].

Труд, изо дня в день приводимый в движение совокупным капиталом общества, можно рассматривать как один-единственный рабочий день. Если, например, число рабочих — один миллион, а средний рабочий день рабочего составляет 10 часов, то общественный рабочий день состоит из 10 миллионов часов. При данной продолжительности этого рабочего дня — определяются ли его границы физическими или социальными условиями — масса прибавочной стоимости может быть увеличена только посредством увеличения числа рабочих, т. е. рабочего населения. Увеличение населения образует здесь математическую границу производства прибавочной стоимости совокупным общественным капиталом. Наоборот. При данной численности населения эта граница определяется возможным удлинением рабочего дня[204)]. В следующей главе мы увидим, что этот закон имеет значение лишь для той формы прибавочной стоимости, которую мы рассматривали до сих пор.

Из предыдущего рассмотрения производства прибавочной стоимости следует, что не всякая произвольная сумма денег или стоимости может быть превращена в капитал, что, напротив, предпосылкой этого превращения является определенный минимум денег или меновых стоимостей в руках отдельного владельца денег или товаров. Минимум переменного капитала — это цена издержек на одну рабочую силу, употребляемую изо дня в день в течение всего года для извлечения прибавочной стоимости. Если бы у рабочего были свои. собственные средства производства и если бы он довольствовался жизнью рабочего, то для него было бы достаточно рабочего времени, необходимого для воспроизводства его жизненных средств, скажем 8 часов в день. Следовательно, и средств производства ему требовалось бы только на 8 рабочих часов. Напротив, капиталист, который кроме этих 8 часов заставляет рабочего выполнять еще, скажем, 4 часа прибавочного труда, нуждается в добавочной денежной сумме для приобретения добавочных средств производства.

[204)] «Труд общества, т. е. время, употребляемое в хозяйстве, есть величина данная, скажем 10 часов в день на каждого из миллиона населения, или десять миллионов часов... Капитал имеет свой предел возрастания. Предел этот во всякий данный период может быть достигнут посредством использования всего времени, которое имеется в распоряжении для производительного употребления» («An Essay on the Political Economy of Nations». London, 1821, p. 47, 49).

Но при нашем предположении ему пришлось бы применять двух рабочих уже для того, чтобы на ежедневно присваиваемую прибавочную стоимость жить так, как живет рабочий, т. е. иметь возможность удовлетворять свои необходимые потребности. В этом случае целью его производства было бы просто поддержание жизни, а не увеличение богатства; между тем при капиталистическом производстве предполагается последнее. Для того чтобы жить только вдвое лучше обыкновенного рабочего и превращать снова в капитал половину производимой прибавочной стоимости, ему пришлось бы вместе с числом рабочих увеличить в восемь раз минимум авансируемого капитала. Конечно, он сам, подобно своему рабочему, может прилагать свои руки непосредственно к процессу производства, но тогда он и будет чем-то средним между капиталистом и рабочим, будет «мелким хозяйчиком». Известный уровень капиталистического производства требует, чтобы все время, в течение которого капиталист функционирует как капиталист, т. е. как персонифицированный капитал, он мог употреблять на присвоение чужого труда, а потому и на контроль над ним и на продажу продуктов этого труда[205)]. Средневековые цехи стремились насильственно воспрепятствовать превращению ремесленника-мастера в капиталиста, ограничивая очень незначительным максимумом число рабочих, которых дозволялось держать отдельному мастеру. Владелец денег или товаров только тогда действительно превращается в капиталиста, когда минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превышает средневековый максимум. Здесь, как и в естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его «Логике», что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия[205a)].

[205)] «Фермер не может полагаться на свой собственный труд, а если он это делает, то я утверждаю, что он проигрывает от этого. Его занятием должно быть общее наблюдение за всем: следует наблюдать за молотильщиком, иначе заработная плата последнему окажется выброшенной на ветер, так как хлеб не будет вымолачиваться; ему следует наблюдать за своими косцами, жнецами и т. д.; он должен постоянно проверять состояние ограды; он должен смотреть, чтобы не было никаких упущений, а они неизбежны, если он будет прикован к какому-нибудь одному месту» ([*J. Arbuthnot*.] «An Inquiry into the Connection between the present Price of Provisions, and the Size of Farms etc.». By a Farmer. London, 1773, p. 12). Эта работа очень интересна. По ней можно изучать генезис «фермера-капиталиста» или «фермера-купца», как он прямо назван здесь, и слушать его самовозвеличение перед «мелким фермером», который в сущности борется за средства существования. «Класс капиталистов сначала отчасти, а в конце концов и совершенно освобождается от необходимости физического труда» («Textbook of Lectures on the Political Economy of Nations». By the Rev. *Richard Jones*. Hertford, 1852, Lecture III, p. 39).

[205a)] Принятая в современной химии молекулярная теория, впервые научно развитая Лораном и Жераром, основывается именно на этом законе. {*Добавление* к *3 изданию.* В пояснение этого для нехимиков довольно

Та минимальная сумма стоимости, которой должен располагать отдельный владелец денег или товаров для того, чтобы превратиться в капиталиста, изменяется на различных ступенях развития капиталистического производства, а при данной ступени развития различна в различных сферах производства в зависимости от их особых технических условий, Некоторые отрасли производства уже при самом начале капиталистического производства требуют такого минимума капитала, которого в это время нет в руках отдельных индивидуумов. Это вызывает, с одной стороны, государственные субсидии частным лицам, как во Франции в эпоху Кольбера и в некоторых немецких государствах до нашего времени, с другой стороны, — образование обществ с узаконенной монополией на ведение известных отраслей промышленности и торговли[206] — этих предшественников современных акционерных обществ.

Мы не останавливаемся на деталях тех изменений, которые претерпело отношение между капиталистом и наемным рабочим в течение процесса производства, не останавливаемся, следовательно, и на дальнейшем развертывании определений самого капитала. Отметим только немногие главные пункты.

В процессе производства капитал развился в командование над трудом, т. е. над действующей рабочей силой, или самим рабочим. Персонифицированный капитал, капиталист, наблюдает за тем, чтобы рабочий выполнял свое дело как следует и с надлежащей степенью интенсивности.

Далее, капитал развился в принудительное отношение, заставляющее рабочий класс выполнять больше труда, чем того требует узкий круг его собственных жизненных потребностей. Как производитель чужого трудолюбия, как высасыватель прибавочного труда и эксплуататор рабочей силы, капитал по своей энергии, ненасытности и эффективности далеко превосходит все прежние системы производства, покоящиеся на прямом принудительном труде.

темного примечания укажем, что автор говорит здесь о соединениях углерода, названных впервые Жераром в 1843 г. «гомологическими рядами», из которых каждый имеет свою собственную алгебраическую формулу. Например, ряд парафинов: C_nH_{2n+2} ; ряд нормальных алкоголей: $C_nH_{2n+2}O$; ряд нормальных жирных кислот: $C_nH_{2n}O_2$ и многие другие. В приведенных примерах посредством простого количественного прибавления CH_2 к молекулярной формуле каждый раз получается качественно различное тело. Относительно преувеличенного Марксом участия Лорана и Жерара в установлении этого важного факта ср. *Kopp.* «Entwicklung der Chemie». Munchen, 1873, S. 709, 716 и *Schorlemmer.* «Rise and Development of Organic Chemistry». London, 1879, p. 54. *Ф. Э.*}

[206] Учреждения этого рода Мартин Лютер называет «обществом-монополией».

Капитал подчиняет себе труд сначала при тех технических условиях, при которых он его исторически застает. Следовательно, он не сразу изменяет способ производства. Производство прибавочной стоимости в той форме, которую мы до сих пор рассматривали, т. е. посредством простого удлинения рабочего дня, представлялось поэтому независимым от какой бы. то ни было перемены в самом способе производства. В старомодной пекарне оно было не менее действенным, чем в современной хлопкопрядильне.

Если мы рассматриваем процесс производства с точки зрения процесса труда, то рабочий относится к средствам производства не как к капиталу, а просто как к средствам и материалу своей целесообразной производительной деятельности. На кожевенном заводе, например, он обращается с кожей просто как с предметом своего труда. Он дубит кожу не для капиталиста. Иное получится, если мы будем рассматривать процесс производства с точки зрения процесса увеличения стоимости. Средства производства тотчас же превращаются и средства высасывания чужого, труда. И уже не рабочий употребляет средства производства, а средства производства употребляют рабочего. Не он потребляет их как вещественные элементы своей производительной деятельности, а они потребляют его как фермент их собственного жизненного процесса; а жизненный процесс капитала заключается лишь в его движении как самовозрастающей стоимости. Плавильные печи и производственные здания, которые ночью отдыхают и не высасывают живой труд, представляют собой «чистую потерю» («mere loss») для капиталиста. Поэтому плавильные печи и производственные здания создают «притязание на ночной труд» рабочих сил. Простое превращение денег в вещественные факторы процесса производства, в средства производства, превращает последние в юридический титул и принудительный титул на чужой труд и прибавочный труд. Один пример в заключение покажет нам, как эта свойственная капиталистическому производству и характеризующая его перетасовка, даже извращение соотношения между мертвым и живым трудом, между стоимостью и той силой, которая создает стоимость, отражается в головах капиталистов. Во время бунта английских фабрикантов в 1848— 1850 гг. «глава льно- и бумагопрядильной фабрики в Пейсли, одной из старейших и почтеннейших фирм западной Шотландии, компании Карлайл, сыновья и К°, которая существует с 1752 г. и из поколения в поколение возглавляется одной и той же семьей», — этот чрезвычайно интеллигентный джентль-

мен написал в «Glasgow Daily Mail» от 25 апреля 1849 г. письмо[207)] под заголовком «Relaissystem», где встречается, между прочим, следующее до смешного наивное место:

«Рассмотрим же те беды, которые проистекут от сокращения рабочего времени с 12 до 10 часов... Они «сводятся» к самому серьезному вреду для перспектив и собственности фабриканта. Если он» (т. е. его «руки») «работал 12 часов, а впредь будет работать только 10 часов, то каждые 12 машин или веретен его предприятия сокращаются до 10 («then every 12 machines or spindles, in his establishment, shrink to 10»), и если бы он захотел продать свою фабрику, то они оценивались бы только как 10, так что каждая фабрика во всей стране утратила бы одну шестую часть своей стоимости»[208)].

В наследственно-капиталистической голове из Западной Шотландии стоимость средств производства — веретен и т. д. — настолько неразрывно сливается с их капиталистическим свойством самовозрастать, или ежедневно поглощать определенное количество чужого дарового труда, что глава фирмы Карлайл и К° действительно воображает, что при продаже фабрики ему оплачивают не только стоимость веретен, но, кроме того, и возрастание их стоимости, не только труд, заключающийся в них и необходимый для производства веретен того же самого рода, но и прибавочный труд, который при их помощи ежедневно высасывается из бравых западных шотландцев в Пейсли; и как раз по этой причине, думает он, с сокращением рабочего дня на два часа продажная цена каждых 12 прядильных машин сократится до размеров цены 10 машин!

---

207) «Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1849», p. 59.

208) «Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1849», p. 60. Фабричный инспектор Стюарт, сам шотландец и, в противоположность английским фабричным инспекторам, совершенно плененный капиталистическим образом мышления, прямо заявляет, что это письмо, которое он включил в свой отчет, «представляет собой наиполезнейшее сообщение, какое только было сделано кем-либо из фабрикантов, применяющих Relaissystem, и рассчитано в особенности на то, чтобы устранить предрассудки и возражения против этой системы».

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ
ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ПОНЯТИЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Та часть рабочего дня, которая производит лишь эквивалент оплаченной капиталом стоимости рабочей силы, принималась нами до сих пор за величину постоянную, и она действительно является постоянной величиной при данных условиях производства на данной ступени экономического развития общества. Сверх этого необходимого рабочего времени рабочий может работать 2, 3, 4, 6 и т. д. часов. От размеров этого удлинения зависят норма прибавочной стоимости и величина рабочего дня. Если необходимое рабочее время является, таким образом, постоянным, то весь рабочий день, напротив, представляет собой величину переменную. Предположим теперь, что даны как общая продолжительность рабочего дня, так и его разделение на необходимый и прибавочный труд. Пусть, например, линия *ac, a*——————————*b*—*c,* представляет двенадцатичасовой рабочий день, отрезок *ab* — десять часов необходимого труда, отрезок *bc* — два часа прибавочного труда. Возникает вопрос: каким образом может быть увеличено производство прибавочной стоимости, другими словами — каким образом может быть удлинен прибавочный труд без всякого дальнейшего удлинения *ac* или независимо от всякого дальнейшего удлинения *ac?*

Несмотря на то, что границы рабочего дня *ac* даны, *bc* может быть, по-видимому, удлинено, если не путем расширения за предельный пункт *c*, который является в то же время конечным пунктом рабочего дня *ac,* то путем перемещения начального пункта *b* в противоположном направлении, в сторону д. Пусть в линии *a*________*b'*__*b*__*c* отрезок *b'*_*b* равен поло-

вине *bc*, т. е. равен одному рабочему часу. Если мы предположим теперь, что при двенадцатичасовом рабочем дне *ac* пункт *b* отодвигается до *b',* то *bc* расширяется до размеров *b'c,* прибавочный труд увеличивается наполовину, с 2 часов до 3, хотя рабочий день попрежнему остается двенадцатичасовой. Но это расширение прибавочного труда с *bc* до *b'c*, с 2 часов до 3, очевидно, невозможно без одновременного сокращения необходимого труда с *ab* до *ab',* с 10 до 9 часов. Удлинению прибавочного труда соответствовало бы в данном случае сокращение необходимого труда, или часть того рабочего времени, которое рабочий до сих пор фактически употреблял на себя, должна превратиться в рабочее время, затрачиваемое на капиталиста. Изменению подверглась бы при этом не длина рабочего дня, а та пропорция, в которой рабочий день распадается на необходимый и прибавочный труд.

С другой стороны, очевидно, что сама величина прибавочного труда дана, если даны продолжительность рабочего дня и стоимость рабочей силы. Стоимость рабочей силы, т. е. рабочее время, необходимое для ее производства, определяет собой рабочее время, необходимое для воспроизводства ее стоимости. Если один час труда выражается в количестве золота, равном половине шиллинга, или 6 пенсам, и если дневная стоимости рабочей силы составляет 5 шилл., то рабочий должен работать ежедневно десять часов, чтобы возместить дневную стоимость своей рабочей силы, уплаченную ему капиталом, или произвести эквивалент стоимости необходимых ему ежедневно жизненных средств. В стоимости этих жизненных средств дана стоимость его рабочей силы[1)], в стоимости его рабочей силы дана величина его необходимого рабочего времени. Но величина прибавочного труда получается путем вычитания необходимого рабочего времени из всего рабочего дня. По вычитании десяти часов из двенадцати остается два, и при данных условиях непонятно, как можно было бы увеличить прибавочный труд

[1)] Стоимость средней ежедневной заработной платы определяется тем, что рабочему нужно, «чтобы жить, трудиться и размножаться» *(William Petty.* «Political Anatomy of Ireland, 1672», p. 64). «Цена труда всегда составляется из цены жизненных средств». Рабочий не получает надлежащей заработной платы, «если... получаемый рабочим заработок не дает ему возможности содержать, сообразно его низкому званию и положению как рабочего, такое семейство, какое зачастую имеют многие из них» (*J. Vanderlint,* цит. соч., стр. 15). «Простой рабочий, у которого нет ничего кроме рук и умения работать, имеет лишь столько, сколько ему удается получить от продажи своего труда другим... Во всех отраслях труда должен иметь место и действительно имеет место тот факт, что заработная плата рабочего ограничивается тем, что ему безусловно необходимо для поддержания жизни» *(Turgot.* «Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses». «Oeuvres», éd. Daire, t. I, p. 10). «Цена жизненных средств есть в действительности стоимость производства труда» (*Malthus.* «Inquiry Into the Nature and Progress of Rent and the Principles by which it is regulated». London. 1815, p. 48, примечание).

за пределы этих двух часов. Конечно, капиталист может уплатить рабочему вместо 5 шилл. только 4 шилл. 6 пенсов или даже еще меньше. Для воспроизводства этой стоимости в 4 шилл. 6 пенсов достаточно было бы 9 рабочих часов, и, таким образом, на долю прибавочного труда теперь пришлось бы из 12-часового рабочего дня вместо двух три часа, а сама прибавочная стоимость повысилась бы с 1 шилл. до 1 шилл. 6 пенсов. Однако такого результата можно было бы достигнуть лишь путем понижения заработной платы рабочего ниже стоимости его рабочей силы. Имея всего 4 шилл. 6 пенсов, производимые им в течение 9 часов, он располагает на $^{1}/_{10}$ меньшим количеством жизненных средств, чем раньше, и, следовательно, происходит лишь неполное воспроизводство его рабочей силы. В данном случае прибавочный труд может быть удлинен лишь путем нарушения его нормальных границ, его область может быть расширена лишь путем узурпации части необходимого рабочего времени. Хотя этот метод увеличения прибавочного труда играет очень важную роль в действительном движении заработной платы, здесь он должен быть исключен, так как по нашему предположению все товары, — а следовательно, и рабочая сила, — продаются и покупаются по их полной стоимости. Раз это предположено, причиной уменьшения рабочего времени, необходимого для производства рабочей силы или для воспроизводства ее стоимости, может быть не понижение заработной платы рабочего ниже стоимости его рабочей силы, а лишь понижение самой этой стоимости. При данной длине рабочего дня возрастание прибавочного труда происходит вследствие сокращения необходимого рабочего времени, а не наоборот — сокращение необходимого рабочего времени вследствие возрастания прибавочного труда. Для того чтобы в нашем примере необходимое рабочее время уменьшилось на $^{1}/_{10}$, т. е. с 10 часов до 9, а следовательно, прибавочный труд возрос с 2 до 3 часов, необходимо действительное понижение стоимости рабочей силы на $^{1}/_{10}$.

Но такое понижение стоимости рабочей силы на одну десятую предполагает, в свою очередь, что то же самое количество жизненных средств, которое раньше производилось в течение 10 часов, теперь производится в течение 9 часов. Но это невозможно без повышения производительной силы труда. Пусть, например, при данных средствах производства сапожник может изготовить в течение 12-часового рабочего дня одну пару сапог. Чтобы он мог в тот же срок изготовить две пары сапог, производительная сила его труда должна удвоиться, а она не может удвоиться без изменения средств или методов его труда или того и другого одновременно. Должна, следовательно, произойти

революция в производственных условиях его труда, т. е. в его способе производства, а потому и в самом процессе труда. Под повышением производительной силы труда мы понимаем здесь всякое вообще изменение в процессе труда, сокращающее рабочее время, общественно необходимое для производства данного товара, так что меньшее количество труда приобретает способность произвести большее количество потребительной стоимости[2]. Итак, если при исследовании производства прибавочной стоимости в той ее форме, в какой мы ее до сих пор рассматривали, способ производства был предположен нами как нечто данное, то теперь, для понимания производства прибавочной стоимости путем превращения необходимого труда в прибавочный труд, совершенно недостаточно предположить, что капитал овладевает процессом труда в его исторически унаследованной, существующей форме и лишь увеличивает его продолжительность. Необходим переворот в технических и общественных условиях процесса труда, а следовательно, и в самом способе производства, чтобы повысилась производительная сила труда, чтобы вследствие повышения производительной силы труда понизилась стоимость рабочей силы и таким образом сократилась часть рабочего дня, необходимая для воспроизводства этой стоимости.

Прибавочную стоимость, производимую путем удлинения рабочего дня, я называю абсолютной прибавочной стоимостью. Напротив, ту прибавочную стоимость, которая возникает вследствие сокращения необходимого рабочего времени и соответствующего изменения соотношения величин обеих составных частей рабочего дня, я называю относительной прибавочной стоимостью.

Чтобы понизилась стоимость рабочей силы, повышение производительности труда должно захватить те отрасли промышленности, продукты которых определяют стоимость рабочей силы, т. е. или уже принадлежат к числу обычных жизненных средств, или могут заменить последние. Но стоимость товара определяется не только количеством того труда, который сообщает товару окончательную форму, но также количеством труда, содержащегося в средствах производства этого товара. Например, стоимость сапог определяется не только трудом сапожника, но и стоимостью кожи, смолы, дратвы и т. д.

---

[2] «Когда совершенствуются ремесла, дело сводится к открытию новых методов. благодаря которым данная работа может быть выполнена с меньшим количеством людей или (что то же самое) в более короткое время, чем раньше» (*Galiani,* цит. соч., стр. 158, 159). «Экономия на издержках производства не может быть чем-либо иным, как только экономией на количестве труда, употребляемого на производство» (*Sismondi*. «Etudea etc.», t. I, p. 22).

Следовательно, повышение производительной силы труда и соответствующее удешевление товаров в тех отраслях промышленности, которые доставляют вещественные элементы постоянного капитала, т. е. средства труда и материал труда, для изготовления необходимых жизненных средств, также понижают стоимость рабочей силы. Напротив, повышение производительной силы в таких отраслях производства, которые не доставляют ни необходимых жизненных средств, ни средств производства для их изготовления, оставляет стоимость рабочей силы без изменения.

Удешевление товара понижает, конечно, стоимость рабочей силы лишь pro tanto, т. е. лишь в соответствии с тем, насколько товар этот принимает участие в воспроизводстве рабочей силы. Так, например, рубашка есть необходимое жизненное средство, по лишь одно из многих. Удешевление этого товара уменьшает только затраты рабочего на рубашки. Но общая сумма необходимых жизненных средств состоит из различных товаров, являющихся продуктами особых отраслей промышленности, и стоимость каждого такого товара образует всегда соответственную часть стоимости рабочей силы. Эта последняя стоимость уменьшается вместе с необходимым для ее воспроизводства рабочим временем, общее сокращение которого равно сумме его сокращений во всех таких особых отраслях производства. Мы рассматриваем здесь этот общий результат так, как будто бы он был непосредственным результатом и непосредственной целью в каждом частном случае. Когда отдельный капиталист путем повышения производительной силы труда удешевляет свой товар, например рубашки, то он, быть может, вовсе и не задается целью pro tanto понизить стоимость рабочей силы, а следовательно, и необходимое рабочее время; однако, поскольку он, в конце концов, содействует этому результату, он содействует повышению общей нормы прибавочной стоимости[3]. Общие и необходимые тенденции капитала следует отличать от форм их проявления.

Здесь не место рассматривать, каким именно путем имманентные законы капиталистического производства проявляются во внешнем движении капиталов, действуют как принудительные законы конкуренции и достигают сознания отдельного капиталиста в виде движущих мотивов его деятельности. Во всяком случае ясно одно: научный анализ конкуренции становится

[3] «Когда фабрикант путем усовершенствования машин удваивает количество получаемого им продукта... он выигрывает (в конце концов) лишь постольку, поскольку он благодаря этому получает возможность дешевле одеть рабочего... поскольку, следовательно, на долю рабочего падает теперь меньшая часть всего продукта» (*Ramsay,* цит. соч., стр. 168, 169).

возможным лишь после того, как познана внутренняя природа капитала, — совершенно так же, как видимое движение небесных тел делается понятным лишь для того, кто знает их действительное, но чувственно не воспринимаемое движение. Однако для понимания производства относительной прибавочной стоимости, и притом только на основе уже достигнутых результатов нашего анализа, необходимо отметить следующее.

Если один рабочий час выражается в количестве золота, равном 6 пенсам, или $^1/_2$ шилл., то в течение 12-часового рабочего дня будет произведена стоимость в 6 шиллингов. Предположим, что при данном уровне производительной силы труда в течение этих 12 рабочих часов изготовляется 12 штук товара. Стоимость средств производства, сырого материала и т. п., употребленных на каждую штуку товара, пусть будет 6 пенсов. При этих обстоятельствах каждый отдельный товар стоит один шиллинг, а именно: 6 пенсов — стоимость средств производства и 6 пенсов — вновь присоединенная к ним при обработке стоимость. Допустим теперь, что какому-нибудь капиталисту удается удвоить производительную силу труда, так что в 12-часовой рабочий день он производит не 12, а уже 24 штуки товара этого рода. Если стоимость средств производства осталась без изменения, то стоимость отдельной штуки товара понижается теперь до 9 пенсов, а именно: 6 пенсов — стоимость средств производства и 3 пенса — стоимость, вновь присоединенная последним трудом. Несмотря на удвоение производительной силы труда, рабочий день создает и теперь, как раньше, новую стоимость в 6 шилл., но только эта последняя распределяется на вдвое большее количество товаров. На каждый отдельный продукт падает поэтому лишь $^1/_{24}$ вместо $^1/_{12}$ этой общей стоимости, 3 пенса вместо 6 пенсов, или, — что то же самое, — к средствам производства при их превращении в готовый продукт присоединяется теперь, в расчете на каждую штуку, только полчаса труда, а не целый час, как это было раньше. Индивидуальная стоимость этого товара теперь ниже его общественной стоимости, т. е. товар стоит меньше рабочего времени, чем огромная масса продуктов того же рода, произведенных при средних общественных условиях. Штука товара стоит в среднем 1 шилл., или представляет собой 2 часа общественного труда; при новом способе производства она стоит лишь 9 пенсов, т. е. содержит в себе лишь $1^1/_2$ часа труда. Но действительной стоимостью товара является не его индивидуальная, а его общественная стоимость, т. е. действительная стоимость измеряется не тем количеством рабочего времени, в которое фактически обошелся товар производителю его в данном

отдельном случае, а рабочим временем, общественно необходимым для производства товара. Следовательно, если капиталист, применивший новый метод, продает свой товар по его общественной стоимости в 1 шилл., он продает его на три пенса выше его индивидуальной стоимости и таким образом реализует добавочную прибавочную стоимость в 3 пенса. С другой стороны, двенадцатичасовой рабочий день выражается теперь для него в 24 штуках товара вместо прежних 12. Следовательно, чтобы продать продукт одного рабочего дня, ему необходимо теперь вдвое увеличить сбыт пли рынок для своего товара. При прочих равных условиях его товары могут завоевать себе больший рынок лишь путем понижения своих цен. Поэтому капиталист будет продавать их выше их индивидуальной, но ниже их общественной стоимости, например по 10 пенсов за штуку. Таким образом на каждую штуку он получит добавочную прибавочную стоимость в 1 пенс. Это повышение прибавочной стоимости он получит независимо от того, принадлежит или нет его товар к числу необходимых жизненных средств, входит или не входит он как определяющий момент в общую стоимость рабочей силы. Следовательно, независимо от этого последнего обстоятельства каждый отдельный капиталист заинтересован в удешевлении товара путем повышения производительной силы труда.

Но даже и в рассматриваемом случае увеличенное производство прибавочной стоимости возникает из сокращения необходимого рабочего времени и соответственного удлинения прибавочного труда[3a]. Пусть необходимое рабочее время равняется 10 часам, или же дневная стоимость рабочей силы равняется 5 шилл., прибавочный труд — 2 часам, а производимая ежедневно прибавочная стоимость — 1 шиллингу. Но наш капиталист производит теперь 24 штуки товара, которые он продает по 10 пенсов за штуку, т. е. всего за 20 шиллингов. Так как стоимость средств производства равна 12 шилл., то $14^2/_5$ штуки товара лишь возмещают авансированный постоянный капитал. Двенадцатичасовой рабочий день выражается в остальных $9^3/_5$ штуки. Так как цена рабочей силы = 5 шилл., то в 6 штуках товара выражается необходимое рабочее время и в $3^3/_5$ штуки — прибавочный труд. Отношение необходимого труда к прибавочному труду, составлявшее при средних обще-

[3a] «Прибыль, получаемая человеком, зависит не от того, что он господствует над продуктом труда других людей, а от того, что он господствует над самым этим трудом. Если он может продать свои продукты по более высокой цене, в то время как заработная плата его рабочих остается без изменения, он, очевидно, получит выгоду... Тогда меньшей части того, что он произвел, достаточно, чтобы принести в движение а тот труд, и, следовательно, большая часть остается ему самому» ([*J. Cazenove.*] «Outliues of Political Economy». London, 1832, p. 49, 50).

ственных условиях 5:1, составляет теперь только 5:3. Тот же самый результат можно получить еще следующим образом. Стоимость продукта двенадцатичасового рабочего дня = 20 шиллингам. Из них 12 шилл. приходятся на стоимость средств производства, лишь вновь появляющуюся в стоимости продукта. Следовательно, остаются 8 шилл. как денежное выражение стоимости, в которой представлен рабочий день. Это денежное выражение больше, чем денежное выражение общественно среднего труда того же самого вида, 12 часов которого выражаются лишь в 6 шиллингах. Труд исключительно высокой производительной силы функционирует как умноженный труд, т. е. создает в равные промежутки времени стоимость большей величины, чем средний общественный труд того же рода. Но наш капиталист попрежнему уплачивает лишь 5 шилл. за дневную стоимость рабочей силы. Следовательно, рабочему вместо прежних десяти требуется теперь только $7^1/_2$ часов для воспроизводства этой стоимости. Его прибавочный труд возрастает поэтому на $2^1/_2$ часа, произведенная им прибавочная стоимость — с 1 шилл. до 3 шиллингов. Таким образом, капиталист, применяющий улучшенный способ производства, присваивает в виде прибавочного труда большую часть рабочего дня, чем остальные капиталисты той же самой отрасли производства. Он в отдельном случае делает то же самое, что в общем и целом совершает весь капитал при производстве относительной прибавочной стоимости. Но, с другой стороны, эта добавочная прибавочная стоимость исчезает, как только новый способ производства приобретает всеобщее распространение и вместе с тем исчезает разница между индивидуальной стоимостью дешевле производимого товара и его общественной стоимостью. Тот же самый закон определения стоимости рабочим временем, который дает себя почувствовать введшему новый метод производства капиталисту в той форме, что он должен продавать товар ниже его общественной стоимости, — этот самый закон в качестве принудительного закона конкуренции заставляет соперников нашего капиталиста ввести у себя новый метод производства[4)]. Итак, общую норму прибавочной стоимости весь этот процесс затронет лишь тогда, когда

[4)] «Если мой сосед, производя больше с меньшим количеством труда, может продавать дешево, я должен стараться продавать так же дешево, как он. Так что всякое изобретение, инструмент или машина, позволяющее обходиться с меньшим количеством рук и, следовательно, производить дешевле, вызывает у других своего рода необходимость и соревнование или в использовании такого же изобретения, инструмента или машины, или же в изобретении чего-либо подобного, так чтобы все находились в равных условиях и никто не мог продавать дешевле своего соседа» («The Advantages of East-India Trade to England», London, 1720, p. 67).

повышение производительной силы труда распространится на такие отрасли производства и, следовательно, удешевит такие товары, которые входят в круг необходимых жизненных средств и потому образуют элементы стоимости рабочей силы.

Стоимость товаров обратно пропорциональна производительной силе труда. Это относится и к стоимости рабочей силы, так как она определяется товарными стоимостями. Напротив, относительная прибавочная стоимость прямо пропорциональна производительной силе труда. Она повышается с повышением и падает с понижением производительной силы труда. Средний общественный рабочий день в 12 часов, при неизменной стоимости денег, производит всегда одну и ту же новую стоимость в 6 шилл., в каком бы отношении эта сумма стоимости ни распадалась на эквивалент стоимости рабочей силы и прибавочную стоимость. Но если вследствие повышения производительной силы труда стоимость ежедневных жизненных средств, а следовательно, и дневная стоимость рабочей силы понижается с 5 до 3 шилл., то прибавочная стоимость возрастает с 1 до 3 шиллингов. Для того чтобы воспроизвести стоимость рабочей силы, прежде было необходимо 10 часов труда, а теперь требуется только 6 рабочих часов. Четыре часа труда освободились и могут быть присоединены к области прибавочного труда, Отсюда имманентное стремление и постоянная тенденция капитала повышать производительную силу труда с целью удешевить товары и посредством удешевления товаров удешевить самого рабочего[5)].

Для капиталиста, производящего товар, абсолютная стоимость последнего сама по себе безразлична. Капиталиста интересует лишь заключающаяся в товаре и реализуемая при его продаже прибавочная стоимость. Реализация прибавочной стоимости сама по себе предполагает возмещение авансированной стоимости. Так как относительная прибавочная стоимость растет прямо пропорционально развитию производительной силы труда, в то время как стоимость товаров падает в обратном

[5)] «В той самой пропорции, в какой понижаются расходы рабочего, понижается и его заработная плата, если наряду с этим промышленность свободна от всяких ограничений» («Considerations concerning taking oft the Bounty on Corn exported etc.». London, 1753, p. 7). «Интересы промышленности и торговли требуют, чтобы хлеб и всякие вообще предметы питания были возможно более дешевы; ибо то, что удорожает их, удорожает также и труд... Во всех странах, где промышленность свободна от ограничений, цена предметов питания должна отражаться на цене труда. Эта последняя всегда понижается, когда становятся дешевле необходимые жизненные средства» (там же, стр. 3). «Заработная плата уменьшается в той самой пропорции, в какой возрастают силы производства. Машины, конечно, удешевляют необходимые жизненные средства, но они удешевляют также и рабочих» («A Prize Essay on the comparative merits of Competition and Co-operation». London, 1834, p. 27).

отношении к этому развитию, — другими словами, так как один и тот же процесс удешевляет товары и увеличивает заключающуюся в них прибавочную стоимость, то этим разрешается загадочность того факта, что капиталист, заботящийся только о производстве меновой стоимости, все время старается понизить меновую стоимость своих товаров, — противоречие, которым один из основателей политической экономии, Кенэ, мучил своих противников и по поводу которого они так и не дали ему ответа.

«Вы считаете», — говорит Кенэ, — «что чем больше удается сберечь на расходах и дорогостоящих работах при фабрикации промышленных продуктов без ущерба для производства, тем выгоднее это сбережение, так как оно уменьшает цену продукта. И, несмотря на это, вы полагаете, что производство богатства, возникающего из труда промышленников, состоит в увеличении меновой стоимости их произведений»[6)].

Таким образом, при капиталистическом производстве экономия на труде[7)], достигаемая благодаря развитию производительной силы труда, отнюдь не имеет целью сокращение рабочего дня. Она имеет целью лишь сокращение рабочего времени, необходимого для производства определенного количества товаров. Если рабочий вследствие повышения производительности своего труда начинает производить в течение часа, скажем, в 10 раз больше товара, чем раньше, и, следовательно, на каждую штуку товаров употребляет в десять раз меньше рабочего времени, то это нисколько не мешает тому, что его и теперь заставляют работать прежние 12 часов в день и производить в 12 часов 1200 штук товара вместо 120. Его рабочий день может при этом даже удлиниться, так что он будет теперь в течение 14 часов производить 1400 штук и т. д. Поэтому у экономистов такого пошиба, как Мак-Куллох, Юр, Сениор et tutti quanti [и им подобных], вы на одной странице читаете, что рабочий должен быть благодарен капиталу за развитие производительных сил, так как оно сокращает необходимое рабочее время, а на следующей странице, — что рабочий должен доказать эту свою благодарность, работая впредь 15 часов в день вместо 10. При капиталистическом производстве развитие

[6)] *Quesnay*. «Dialogues sur le Commerce et sur les Travaux des Artisans», p. 188, 189.

[7)] «Эти спекулянты так экономят на труде рабочих, который они должны были бы оплачивать» *(J. N. Bidaut.* «Du Monopole qui s'établit dans les arts industriels et le commerce». Paris, 1828, p. 13). «Предприниматель всегда будет стараться экономить время и труд» *(Dugald Stewart.* «Works», ed. by Sir W. Hamilton. Edinburgh, 1855, v. VIII, «Lectures on Political Economy», p. 318). «Их» (капиталистов) «интерес состоит в возможно большем увеличении производительной силы применяемых ими рабочих. Поэтому их внимание направлено, и притом почти исключительно, на повышение этой силы» (*R. Jones*. «Text-book of Lectures on the Political Economy ot Nations». Hertford 1852, Lecture III [стр. 39]).

производительной силы труда имеет целью сократить ту часть рабочего дня, в течение которой рабочий должен работать на самого себя, и именно таким путем удлинить другую часть рабочего дня, в течение которой рабочий даром работает на капиталиста. В какой мере этот результат достижим без удешевления товаров, обнаружится при рассмотрении отдельных методов производства относительной прибавочной стоимости, к которому мы теперь и переходим.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КООПЕРАЦИЯ

Как мы видели, капиталистическое производство начинается на деле с того момента, когда один и тот же индивидуальный капитал занимает одновременно многих рабочих, следовательно процесс труда расширяет свои размеры и доставляет продукт в большом количестве. Действие многих рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства. В том, что касается самого способа производства, мануфактура, например, отличается в своем зачаточном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих. Мастерская цехового мастера только расширена.

Итак, сначала разница чисто количественная. Как мы видели, масса прибавочной стоимости, производимая данным капиталом, равна той прибавочной стоимости, которую доставляет отдельный рабочий, помноженной на число одновременно занятых рабочих. Число это само по себе нисколько не влияет на норму прибавочной стоимости, или степень эксплуатации рабочей силы; что же касается качественных изменений в процессе труда, то они вообще представляются безразличными для производства товарной стоимости. Это вытекает из природы стоимости. Если один двенадцатичасовой рабочий день овеществляется в 6 шилл., то 1 200 таких рабочих дней — в 6 шилл. × 1200. В одном случае в продукте воплотились 12×1200, в другом случае 12 рабочих часов. В производстве стоимости множество всегда имеет значение только суммы многих отдельных единиц. Следовательно, с точки зрения производства стоимости совершенно безразлично, производят ли 1200 рабочих

каждый отдельно или же они объединены вместе под командой одного и того же капитала.

Впрочем, здесь в известных границах происходит некоторая модификация. Труд, овеществленный в стоимости, есть труд среднего общественного качества, т. е. проявление средней рабочей силы. Но средняя величина есть всегда средняя многих различных индивидуальных величин одного и того же вида. В каждой отрасли промышленности индивидуальный рабочий, Петр или Павел, более или менее отклоняется от среднего рабочего. Такие индивидуальные отклонения, называемые на языке математиков «погрешностями», взаимно погашаются и уничтожаются, раз мы берем значительное число рабочих. Известный софист и сикофант Эдмунд Бёрк утверждает даже на основании своего практического опыта в качестве фермера, что все индивидуальные различия в труде стираются уже для «такого ничтожного отряда», как 5 батраков, — следовательно, пять первых попавшихся английских батраков зрелого возраста вместе взятые выполняют в одно и то же время совершенно такую же работу, как 5 любых других английских батраков[8)]. Ясно во всяком случае, что совокупный рабочий день большого числа одновременно занятых рабочих, будучи разделен на число рабочих, является уже сам по себе днем общественного среднего труда. Пусть рабочий день одного человека продолжается, например, двенадцать часов. Тогда рабочий день двенадцати одновременно занятых рабочих составляет совокупный рабочий день в 144 часа; и хотя труд каждого из этой дюжины рабочих более или менее отклоняется от среднего общественного труда, хотя каждый отдельный рабочий употребляет поэтому на одно и то же дело несколько больше или несколько меньше времени, тем не менее рабочий день отдельного рабочего, рассматриваемый как одна двенадцатая совокупного рабочего дня в 144 часа, обладает средним общественным качеством. Но для капиталиста, который занимает дюжину рабочих, рабочий день существует лишь как совокупный рабочий день всей дюжины. Рабочий день каждого отдельного рабочего существует лишь как соот-

---

[8)] «Бесспорно существует большая разница между стоимостью труда различных людей в зависимости от различий в силе, умении и добросовестности. Но я совершенно уверен на основании моих тщательных наблюдений, что первые попавшиеся 5 человек в целом доставят количество труда, равное труду всяких других пяти человек, находящихся в указанном мною возрасте; это значит, что из этой пятерки один окажется обладающим всеми качествами хорошего работника, другой — плохим работником, остальные три — средними, приближающимися то к первому, то ко второму. Таким образом, уже в таком отряде, как 5 человек, вы найдете полный комплект всего того, что вообще могут дать пять человек» (*E. Burke.* «Thoughts and Details on Scarcity». London, 1800, p. 15, 16). Ср. также высказывания Кетле о среднем индивидууме![115].

ветственная часть совокупного рабочего дня, совершенно независимо от того, трудятся ли эти 12 человек совместно или же вся связь между их трудом состоит только в том, что они работают на одного и того же капиталиста. Если же из этих 12 рабочих каждые два получат занятие у мелкого хозяйчика, то лишь случайно каждый из этих хозяев может произвести одинаковую сумму стоимости, а следовательно, и реализовать общую норму прибавочной стоимости. Здесь обнаружатся индивидуальные отклонения. Если рабочий употребляет на производство товара значительно больше времени, чем это общественно необходимо, если индивидуально необходимое для него рабочее время значительно отклоняется от общественно необходимого, или среднего, рабочего времени, то его труд не является средним трудом, а его рабочая сила не является средней рабочей силой. Такая рабочая сила или вовсе не находит покупателя, или продается ниже средней стоимости рабочей силы. Таким образом, предполагается определенный минимум работоспособности, и мы увидим впоследствии, что капиталистическое производство находит способ измерять этот минимум. Тем не менее минимум этот отклоняется от среднего уровня, несмотря на то, что рабочую силу приходится оплачивать по ее средней стоимости. Поэтому из шести мелких хозяйчиков одни извлекут прибавочной стоимости больше, другие меньше, чем это соответствует общей норме прибавочной стоимости. Отклонения уравновесятся для всего общества, но не для отдельного хозяина. Следовательно, закон возрастания стоимости вообще реализуется для отдельного производителя полностью лишь в том случае, когда последний производит как капиталист, применяет одновременно многих рабочих, т. е. уже с самого начала приводит в движение средний общественный труд[9)].

Даже при неизменном способе труда одновременное применение значительного числа рабочих вызывает революцию в материальных условиях процесса труда. Здания, в которых работает много людей, склады для сырого материала и т. д., сосуды, инструменты, аппараты и т. д., служащие одновременно или попеременно многим, — одним словом, часть средств производства потребляется теперь в процессе труда сообща. С одной стороны, меновая стоимость товаров, а следовательно, и средств производства, ничуть не повышается вследствие усиленной эксплуатации их потребительной стоимости. С другой

[9)] Г-н профессор Рошер сообщает нам о своем открытии, что швея, работающая на госпожу профессоршу в течение двух дней, доставляет больше труда, чем две швеи, совместно работающие на госпожу профессоршу один день[116]. Господину профессору следовало бы заниматься своими наблюдениями процесса капиталистического производства не в детской и не там, где отсутствует главное действующее лицо, т. е. капиталист.

стороны, масштаб сообща потребляемых средств производства возрастает. Комната, в которой работают 20 ткачей на 20 станках, должна быть вместительнее, чем комната, в которой работает самостоятельный ткач с двумя подмастерьями. Но постройка мастерской на 20 рабочих стоит меньшего количества труда, чем постройка 10 мастерских на 2 рабочих каждая, и вообще стоимость сконцентрированных в массовом масштабе и применяемых совместно средств производства растет не пропорционально их размерам и их полезному эффекту. Употребляемые совместно средства производства переносят меньшую долю своей стоимости на единицу продукта частью потому, что вся та стоимость, которую они отдают, распределяется одновременно на большую массу продуктов, частью потому, что в сравнении со средствами производства, употребляемыми в отдельности, они входят в процесс производства хотя и абсолютно большей, но по отношению к сфере их действия относительно меньшей стоимостью. Тем самым понижается та составная часть стоимости, которая приходится на постоянный капитал, а следовательно, соответственно ее величине, и совокупная стоимость товара. Результат получается такой, как если бы средства производства товаров стали производиться дешевле. Эта экономия в применении средств производства возникает лишь благодаря их совместному потреблению в процессе труда многих лиц. И средства производства приобретают этот характер условий общественного труда или общественных условий труда в отличие от раздробленных и сравнительно дорогих средств производства отдельных самостоятельных рабочих или мелких хозяйчиков даже и в том случае, когда многие рабочие объединены лишь пространственно, а не общностью самого труда. Часть средств труда приобретает этот общественный характер даже раньше, чем его приобретает сам процесс труда.

Экономию на средствах производства вообще следует рассматривать с двоякой точки зрения. Во-первых, поскольку она удешевляет товары и тем понижает стоимость рабочей силы. Во-вторых, поскольку она изменяет отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, т. е. к сумме стоимостей его постоянной и переменной составных частей. Последний пункт будет рассмотрен лишь в первом отделе третьей книги этой работы, куда в интересах внутренней связности изложения придется отнести и многое другое, касающееся затронутой здесь темы. Такого расчленения предмета требует ход анализа, да оно соответствует и духу капиталистического производства. Так как при капиталистическом производстве условия труда противостоят рабочему как нечто самостоятель-

ное, то и экономия на них представляется особой операцией, которая ничуть не касается рабочего и, следовательно, обособлена от методов, повышающих его индивидуальную производительность.

Та форма труда, при которой много лиц планомерно работает рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства, называется кооперацией[10].

Подобно тому как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно так же и механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвует одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции, когда, например, требуется поднять тяжесть, вертеть ворот, убрать с дороги препятствие[11]. Во всех таких случаях результат комбинированного труда или вовсе не может быть достигнут единичными усилиями, или может быть осуществлен лишь в течение гораздо более продолжительного времени, или же лишь в карликовом масштабе. Здесь дело идет не только о повышении путем кооперации индивидуальной производительной силы, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила[11a].

Но и помимо той новой силы, которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии (animal spirits), увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц, так что 12 человек в течение одного совместного рабочего дня в 144 часа произведут гораздо больше продукта, чем двенадцать изолированных рабочих, работающих по 12 часов каждый, или один рабочий в течение следующих подряд двенадцати дней труда[12]. Причина этого заключается

[10] «Concours des forces» [«объединение сил»] (*Destutt de Tracy,* цит. соч., стр. 80).

[11] «Существует множество операций, которые настолько просты, что их нельзя разделить на части. Эти операции не могут быть выполнены без кооперации многих рабочих рук. Таково, например, поднятие большого бревна на телегу... короче говоря, всякое дело, которое может быть выполнено только большим количеством людей, помогающих друг другу в одно и то же время, в одной и той же неделимой операции» *(E. G. Wakefield.* «A View of the Art of Colonization». London, 1849, p. 168).

[11a] «Если один человек вовсе не может, а 10 человек могут только с напряжением всех своих сил поднять тяжесть весом в тонну, то сто человек достигнут этого, действуя каждый лишь одним пальцем» (*John Bellers.* «Proposals for Raising a College of Industry». London, 1696, p. 21).

[12] «Здесь» (т. е. когда один фермер употребляет на 300 акрах то же самое число рабочих, какое 10 мелких фермеров употребляют на 30 акрах каждый) «сказывается также преимущество значительного числа совместно; действующих работников, которое нелегко понять людям, не знакомым с делом на практике; в самом деле, кто станет оспаривать, что 1 относится к 4, как 3 относится к 12; однако на практике это положение не верно: во

в том, что человек по самой своей природе есть животное, если и не политическое, как думал Аристотель[13)], то во всяком случае общественное.

Хотя многие одновременно и совместно совершают одну и ту же или однородную работу, тем не менее индивидуальный труд каждого отдельного рабочего, как часть совокупного труда, сам может представлять различные фазы процесса труда, через которые предмет труда вследствие кооперации проходит быстрее. Так, например, если каменщики образуют последовательный ряд для того, чтобы передавать кирпичи от основания строительных лесов до их верха, то каждый из них делает одно и то же, и тем не менее их отдельные операции представляют собой непрерывные ступени одной общей операции, особые фазы, которые каждый кирпич должен пройти в процессе труда и благодаря которым 24 руки совокупного рабочего доставят кирпич на место скорее, чем две руки отдельного рабочего, то поднимающегося на леса, то спускающегося с них[14)]. Предмет труда проходит то же самое расстояние в более короткое время. С другой стороны, комбинирование труда имеет место и в том случае, если, например, к постройке здания приступают одновременно с разных концов, хотя бы кооперирующиеся между собой работники совершали при этом один и тот же или однородный труд. При комбинированном рабочем дне в 144 часа предмет труда подвергается обработке одновременно с разных сторон, так как комбинированный или совокупный рабочий имеет глаза и руки и спереди, и сзади, и является в известной мере вездесущим. При этом совокупный продукт подвигается к своему оконча-

---

время жатвы и при некоторых других спешных работах дело идет лучше и успешнее, если соединить значительное число рук вместе: так, например, 2 возчика, 2 укладчика, 2 подавальщика, 2 загребальщика и несколько человек на скирдах или на гумне сделают вдвое больше, чем то же самое количество рабочих рук, разделенных мелкими группами по отдельным фермам» ([*J. Arbuthnot.*] «An Inquiry Into the Connection between the present Price of Provisions and the Size of Farms». By a Farmer. London, 1773, p. 7, 8).

[13)] Аристотелевское определение утверждает, строго говоря, что человек по самой своей природе есть гражданин городской республики. Для классической древности его столь же характерно, как для века янки определение Франклина, что человек есть созидатель орудий.

[14)] «Следует кроме того заметить, что такое частичное разделение труда может иметь место даже в том случае, если все рабочие заняты одной и той же работой. Каменщики, например, передающие кирпичи из рук в руки на высокие леса, все выполняют одну и ту же работу, и тем не менее между ними существует своего рода разделение труда, которое заключается в том, что каждый из них перемещает кирпич на известном протяжении и что все вместе доставляют его на место много быстрее, чем в том случае, если бы каждый из них самостоятельно переносил кирпичи для себя на высокие леса» (*F. Skarbek.* «Theorie des Richesses Sociales», 2eme ed. Paris, 1840, t. I, p. 97, 98).

нию быстрее, чем при двенадцатичасовом рабочем дне 12 более или менее изолированных рабочих, которые вынуждены приступать к предмету труда более односторонне. Здесь одновременно созревают пространственно различные части продукта.

Мы подчеркнули, что многие дополняющие друг друга рабочие выполняют одинаковую или однородную работу, так как эта простейшая форма совместного труда играет большую роль и в наиболее развитых видах кооперации. Если процесс труда сложен, то уже один факт объединения значительной массы совместно работающих позволяет распределить различные операции между различными рабочими, следовательно совершать их одновременно и таким образом сократить рабочее время, необходимое для изготовления совокупного продукта[15)].

Во многих отраслях производства бывают критические моменты, т. е. такие определяемые самой природой рабочего процесса периоды времени, в течение которых должны быть достигнуты определенные результаты труда. Если требуется, например, остричь стадо овец или сжать и убрать известное количество моргенов хлеба, то количество и качество получаемого продукта зависят от того, будет ли данная операция начата и закончена в определенное время. Промежуток времени, в течение которого должен быть совершен процесс труда, предопределен здесь заранее, как, например, при ловле сельдей. Отдельный человек не может выкроить из суток больше одного рабочего дня, скажем, в 12 часов, тогда как кооперация, например 100 человек, расширяет двенадцатичасовой день в рабочий день, составляющий 1200 часов. Краткость срока труда компенсируется величиной массы труда, выбрасываемой в решающий момент на арену производства. Своевременное получение результата зависит здесь от одновременного применения многих комбинированных рабочих дней, размеры полезного эффекта — от числа рабочих; последнее, однако, всегда менее числа тех рабочих, которые, работая в одиночку, произвели бы в течение того же самого времени ту же самую работу[16)]. Из-за отсутствия такого рода кооперации на западе Соединенных Штатов ежегодно пропадает масса хлеба, а в тех

[15)] «Если требуется выполнить сложную работу, различные операции должны совершаться одновременно. Один делает одно, другой — другое, и все вместе способствуют достижению результата, который усилиями одного человека вовсе не мог бы быть осуществлен. Один гребет, в то время как другой правит рулем, третий забрасывает сеть или бьет рыбу гарпуном, — и рыбная ловля дает результат, который не был бы возможен без такого объединения» (*Destutt de Tracy*, цит. соч., стр. 78).

[16)] «Выполнение их» (земледельческих работ) «в критический момент имеет огромную важность» ([*J. Arbuthnot.*] «An Inquiry into the Connection between the present Price etc.», p. 7). «В земледелии нет более важного фактора, чем фактор времени» (*Liebig.* «Ueber Theorie und Praxis in der Landwirtschaft», 1856, S. 23.).

частях Ост-Индии, где английское владычество разрушило старую общину, — масса хлопка[17].

Кооперация, с одной стороны, позволяет расширить пространственную сферу труда, и потому при известных процессах труда ее требует уже самое расположение предметов труда в пространстве; так, например, она необходима при осушительных работах, постройке плотин, работах по орошению, при строительстве каналов, грунтовых и железных дорог и т. п. С другой стороны, кооперация позволяет относительно, т. е. по сравнению с масштабом производства, пространственно сузить сферу производства. Это ограничение пространственной сферы труда при одновременном расширении сферы его воздействия, в результате чего происходит сокращение непроизводительных издержек производства (faux frais), порождается сосредоточением массы рабочих, слиянием различных процессов труда и концентрацией средств производства[18].

По сравнению с равновеликой суммой отдельных индивидуальных рабочих дней комбинированный рабочий день производит большие массы потребительных стоимостей и уменьшает поэтому рабочее время, необходимое для достижения определенного полезного эффекта. В каждом отдельном случае такое повышение производительной силы труда может достигаться различными способами: или повышается механическая сила труда, или расширяется пространственно сфера ее воздействия, или арена производства пространственно суживается по сравнению с масштабом производства, или в критический момент приводится в движение большое количество труда в течение короткого промежутка времени, или пробуждается соперничество отдельных лиц и напрягается их жизненная энергия, или однородные операции многих людей получают печать непрерывности и много-

[17] «Первейшее зло такого рода, что его едва ли кто-либо мог бы ожидать в стране, которая экспортирует труда больше, чем любая другая страна в мире, за исключением, быть может, Китая и Англии, состоит в невозможности найти достаточное количество рабочих рук для собирания хлопка. Результатом этого является тот факт, что значительная часть урожая остается несобранной, а другую часть его собирают с земли, после того как хлопок уже осыпался и, естественно, потерял цвет и отчасти сгнил. Таким образом, вследствие недостатка рабочих рук в надлежащее время плантатор фактически вынужден лишиться большой доли урожая, на который с такой жадностью устремлены взоры Англии» («Bengal Hurkaru». Bi-Monthly Overland Summary of News, 22nd July 1861).

[18] «Благодаря прогрессу земледелия все то, — а быть может, и еще более значительное, — количество капитала и труда, которое употреблялось некогда на 500 акров, концентрируется теперь для более совершенной обработки 100 акров». Хотя «по отношению к количеству применяемого капитала и труда пространство и сократилось, сфера производства расширилась по сравнению с той сферой производства, рамками которой ограничивалась прежде деятельность каждого отдельного самостоятельного участника производства» (*R. Jones*. «An Essay on the Distribution of Wealth», «On Rent». London, 1831, p. 191).

сторонности, или различные операции выполняются одновременно, или экономятся средства производства благодаря их совместному употреблению, или индивидуальный труд приобретает характер среднего общественного труда. Но во всех этих случаях специфическая производительная сила комбинированного рабочего дня есть общественная производительная сила труда, или производительная сила общественного труда. Она возникает из самой кооперации. В планомерном сотрудничестве с другими рабочий преодолевает индивидуальные границы и развивает свои родовые потенции[19].

Если рабочие не могут вообще непосредственно сотрудничать, когда они не находятся вместе, если поэтому их сосредоточение в определенном пункте есть условие их кооперации, то это означает, что наемные рабочие могут кооперироваться лишь в том случае, если один и тот же капитал, один и тот же капиталист применяет их одновременно, т. е. одновременно покупает их рабочие силы. Следовательно, совокупная стоимость этих рабочих сил, или сумма заработной платы рабочих за день, неделю и т. д., должна уже быть объединена в кармане капиталиста, раньше чем сами эти рабочие силы будут объединены в процессе производства. Для того чтобы оплатить труд 300 рабочих сразу, хотя бы за один только день, требуется большая затрата капитала, чем для того чтобы оплачивать из недели в неделю труд меньшего числа рабочих в течение целого года. Таким образом, число кооперируемых рабочих, или масштаб кооперации, зависит прежде всего от величины того капитала, который отдельный капиталист может затратить на покупку рабочей силы, т. е. от того, в каких размерах каждый отдельный капиталист располагает жизненными средствами многих рабочих.

И это относится не только к переменному, но и к постоянному капиталу. Например, затрата сырого материала для капиталиста, имеющего 300 рабочих, в 30 раз больше, чем затрата каждого из тридцати капиталистов, имеющих по 10 рабочих. Количество совместно применяемых средств труда, как по своей стоимости, так и по своей вещественной массе, растет, правда, не в такой пропорции, как число занятых рабочих, однако — все же весьма значительно. Таким образом, концентрация значительных масс средств производства в руках отдельных капиталистов есть материальное условие кооперации наемных

[19] «Сила каждого человека ничтожна, но объединение этих ничтожных сил создает общую силу, более крупную, чем сумма этих частичных сил, так что силы самым своим объединением могут уменьшить время и увеличить сферу своего действия» (*G. R. Carii,* примечание в книге: *P. Verri.* «Meditazioni sulla Economia Politica», в издании Кустоди сочинений итальянских экономистов, Parte Moderna, t. XV, p. 196).

рабочих, и размеры кооперации, или масштаб производства, зависят от степени этой концентрации.

Первоначально известная минимальная величина индивидуального капитала являлась необходимой для того, чтобы число одновременно эксплуатируемых рабочих, а следовательно, и масса производимой ими прибавочной стоимости были достаточны для освобождения самого эксплуататора от физического труда, для превращения мелкого хозяйчика в капиталиста, для того чтобы формально создать капиталистическое отношение. Теперь этот минимум является материальным условием превращения многих раздробленных, не зависимых друг от друга индивидуальных процессов труда в один комбинированный общественный процесс труда.

Равным образом, первоначально командование капитала над трудом являлось лишь формальным следствием того, что рабочий трудится не для себя, а для капиталиста и, следовательно, под властью капиталиста. С развитием кооперации многих наемных рабочих командование капитала становится необходимым для выполнения самого процесса труда, становится действительным условием производства. Команда капиталиста на поле производства делается теперь столь же необходимой, как команда генерала на поле сражения.

Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере. Функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным. Но как специфическая функция капитала, функция управления приобретает специфические характерные особенности.

Прежде всего движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства является возможно большее самовозрастание капитала[20)], т. е. возможно большее производство прибавочной стоимости, следовательно, возможно большая эксплуатация рабочей силы капиталистом. Вместе с ростом массы одновременно занятых рабочих растет и их сопротивление, а в связи с этим неизбежно растет давление капитала, направленное на то, чтобы подавить это сопротивление.

20) «Прибыль... единственная цель производства» (*J. Vanderlint,* цит. соч., стр. 11).

Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и относящаяся к этому последнему, оно есть в то же время функция эксплуатации общественного процесса труда и, как таковая, обусловлено неизбежным антагонизмом между эксплуататором и сырым материалом его эксплуатации. Точно так же, по мере того как растут размеры средств производства, противостоящих наемному рабочему как чужая собственность, растет необходимость контроля над их целесообразным применением[21)]. Кооперация наемных рабочих есть, далее, только результат действия капитала, применяющего этих рабочих одновременно. Связь их функций и их единство как производительного совокупного организма лежит вне их самих, в капитале, который их объединяет и удерживает вместе. Поэтому связь их работ противостоит им идеально как план, практически — как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям.

Таким образом, если по своему содержанию капиталистическое управление носит двойственный характер, соответственно двойственности самого подчиненного ему производственного процесса, который, с одной стороны, есть общественный процесс труда для изготовления продукта, с другой стороны — процесс возрастания капитала, то по форме своей капиталистическое управление деспотично. С развитием кооперации в широком масштабе и деспотизм этот развивает свои своеобразные формы. Подобно тому, как капиталист сначала освобождается от физического труда, как только капитал его достигает той минимальной величины, при которой только и начинается собственно капиталистическое производство, так теперь он передает уже и функции непосредственного и постоянного надзора за отдельными рабочими и группами рабочих особой категории наемных работников. Как армия нуждается в своих офицерах и унтер-офицерах, точно так же для массы рабочих, объединенной совместным трудом под командой одного и того же капитала, нужны промышленные офицеры (управляющие,

---

[21)] Еженедельник английских филистеров «Spectator» сообщает в номере от 26 мая 1866 г., что после учреждения между капиталистами и рабочими своего рода товарищества в Манчестерской компании для производства проволоки «первым результатом было внезапное уменьшение расточительства материалов, так как люди поняли, что им, как и всяким другим собственникам, незачем транжирить свое собственное имущество,— а после безнадежных долгов расточительство является, быть может, самым крупным источником потерь в промышленности». Тот же самый еженедельник открывает следующий коренной недостаток в рочдейлских кооперативных опытах[117]: «Они показали, что рабочие ассоциации могут успешно управлять лавками, фабриками и почти всеми формами промышленности, они чрезвычайно улучшили положение самих рабочих. но (!) они вовсе не оставляют заметного места для капиталиста». Quelle horreurl [Какой ужас!]

managers) и унтер-офицеры (надсмотрщики, foremen, overlookers, contre-maitres), распоряжающиеся во время процесса труда от имени капитала. Работа надзора закрепляется как их исключительная функция. Сравнивая способ производства независимых крестьян или самостоятельных ремесленников с плантаторским хозяйством, покоящимся на рабстве, экономист причисляет эту работу надзора к faux frais производства[21a)]. Напротив, рассматривая капиталистический способ производства, он отождествляет функцию управления, поскольку она вытекает из самой природы совместного процесса труда, с той же самой функцией, поскольку она вытекает из капиталистического, а следовательно, из антагонистического характера этого процесса[22)]. Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности[22a)].

Рабочий является собственником своей рабочей силы лишь до тех пор, пока он в качестве продавца последней торгуется с капиталистом, но он может продать лишь то, чем он обладает, лишь свою индивидуальную, обособленную рабочую силу. Это отношение ничуть не изменяется от того, что капиталист закупает 100 рабочих сил вместо одной, заключает контракт не с одним рабочим, а с сотней не зависимых друг от друга рабочих. Капиталист может применить эти 100 рабочих, не устанавливая между ними кооперации. Следовательно, он оплачивает стоимость 100 самостоятельных рабочих сил, но не оплачивает комбинированной рабочей силы сотни. Как независимые личности, рабочие являются индивидуумами, вступившими в определенное отношение к одному и тому же капиталу, но не друг к другу. Их кооперация начинается лишь в процессе труда, но в процессе труда они уже перестают принадлежать самим

[21a)] Профессор Кернс, указав на «надзор за трудом» как на характерную черту рабовладельческого производства в южных штатах Северной Америки, продолжает: «Крестьянин-собственник» (Севера), «присваивающий себе весь продукт своего труда, не нуждается в иных стимулах для труда. Надзор здесь совершенно не нужен» (*Cairnes*, цит. соч., стр. 48, 49).

[22)] Сэр Джемс Стюарт, который вообще отличается тем, что видит характерные общественные особенности различных способов производства, замечает: «Почему же крупные предприятия в промышленности разрушают мелкое производство, как не потому, что они ближе подходят к простоте рабства?» («Principles of Political Economy». London, 1767, v. I, p. 167, 168).

[22a)] Огюст Конт и его школа могли бы поэтому так же хорошо доказывать вечную необходимость феодальных господ, как они доказывали необходимость господ капиталистов.

себе. С вступлением в процесс труда они сделались частью капитала. Как кооперирующиеся между собой рабочие, как члены одного деятельного организма, они сами представляют собой лишь особый способ существования капитала. Поэтому та производительная сила, которую развивает рабочий как общественный рабочий, есть производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, как только рабочий поставлен, в определенные условия, а капитал как раз и ставит его в эти условия. Так как общественная производительная сила. труда ничего не стоит капиталу, так как, с другой стороны, она не развивается рабочим, пока сам его труд не принадлежит капиталу, то она представляется производительной силой, принадлежащей капиталу по самой его природе, имманентной капиталу производительной силой.

В колоссальном масштабе действие простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатами, египтянами, этрусками и т. д.

«В прошедшие времена случалось, что эти азиатские государства. осуществив расходы на свои гражданские и военные надобности, оказывались обладателями некоторого избытка жизненных средств, который они могли употреблять на великолепные или полезные сооружения. Благодаря тому, что в их власти находились рабочие руки почти всего неземледельческого населения... и благодаря тому, что исключительное право распоряжаться указанным избытком принадлежало монарху и жрецам, они располагали средствами для возведения тех мощных монументов, которыми они покрыли страну... При установке колоссальных статуй и переноске огромных тяжестей, что вызывает изумление, расточительным образом применялся почти исключительно человеческий труд... Для этого достаточно было большого числа рабочих и концентрации их усилий. Так из глубины океана поднимаются мощные коралловые рифы и образуют острова и сушу, несмотря на то, что каждый индивидуальный участник (depositary) этого процесса ничтожен, слаб и жалок. Неземледельческие рабочие какой-либо азиатской монархии мало что могли приложить к делу, кроме своих индивидуальных физических сил, но самая их численность была силой, и мощь единого управления этими массами породила эти гигантские сооружения. Именно концентрация в руках одного или немногих лиц тех доходов, за счет которых жили рабочие, сделала возможным такого рода предприятия»[23].

Эта власть азиатских и египетских царей или этрусских жрецов и т. п. перешла в современном обществе к капиталисту, причем безразлично, выступает ли он как отдельный капиталист или как капиталист комбинированный, как в акционерных обществах.

[23] *R. Jones*. «Text-book of Lectures etc.». Hertford, 1852, p. 77, 78. Староассирийские, египетские и т. п. коллекции в Лондоне и других европейских столицах служат для нас свидетельством этих кооперативных процессов труда.

Та форма кооперации в процессе труда, которую мы находим на начальных ступенях человеческой культуры, например у охотничьих народов[23a)] или в земледельческих общинах Индии, покоится, с одной стороны, на общей собственности на условия производства, с другой стороны — на том, что отдельный индивидуум еще столь же крепко привязан пуповиной к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью. То и другое отличает эту кооперацию от кооперации капиталистической. Спорадическое применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средние века и в современных колониях покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, чаще всего на рабстве. Напротив, капиталистическая форма кооперации с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу. Но исторически капиталистическая форма кооперации развивается в противоположность крестьянскому хозяйству и независимому ремесленному производству, все равно, имеет ли это последнее цеховую форму или нет[24)]. По отношению к ним капиталистическая кооперация выступает не как особая историческая форма кооперации, нет, сама кооперация противопоставляется им как характерная для капиталистического процесса производства и составляющая его специфическую особенность историческая форма.

Подобно тому, как повысившаяся благодаря кооперации общественная производительная сила труда представляется производительной силой капитала, — так и сама кооперация представляется специфической формой капиталистического процесса производства, в противоположность процессу производства раздробленных независимых работников или мелких хозяйчиков. Это — первое изменение, которое испытывает самый процесс труда вследствие подчинения его капиталу. Изменение это совершается стихийно. Одновременное употребление многих наемных рабочих в одном и том же процессе труда, будучи условием этого изменения, образует исходный пункт капиталистического производства. Оно совпадает с самим существованием капитала. Поэтому, если, с одной стороны,

---

[23a)] Ленге в своей работе «Theorie des Lois Civiles», быть может, не без основания называет охоту первой формой кооперации, а охоту на людей (войну) — одной из первых форм охоты.

[24)] Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство частью образуют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством. В то же время они образуют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени.

капиталистический способ производства является исторической необходимостью для превращения процесса труда в общественный процесс, то, с другой стороны, общественная форма процесса труда есть употребляемый капиталом способ выгоднее эксплуатировать этот процесс посредством повышения его производительной силы.

В рассмотренном выше простом своем виде кооперация совпадает с производством в широких размерах, но она не образует никакой прочной, характерной формы особой эпохи развития капиталистического производства. Самое большее, она выступает приблизительно в такой форме в ремесленных еще зачатках мануфактуры[25)] и в том виде крупного земледелия, который соответствует мануфактурному периоду, существенно отличаясь от крестьянского хозяйства лишь массой одновременно применяемых рабочих и размерами концентрированных средств производства. Простая кооперация всегда является господствующей формой в тех отраслях производства, где капитал оперирует в крупном масштабе, а разделение труда и машины не играют еще значительной роли.

Кооперация остается основной формой капиталистического способа производства, хотя в своем простом виде она сама представляет собой лишь особую форму наряду с другими, более развитыми ее формами.

[25)] «Разве соединение искусства, трудолюбия и соревнования многих на одной и той же работе не есть способ двинуть ее вперед? И разве Англия могла бы каким-либо иным способом довести свою шерстяную мануфактуру до столь высокого совершенства?» (*Berkeley.* «The Querist». London, 1750, p. 56, § 521).

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И МАНУФАКТУРА

1. ДВОЯКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАНУФАКТУРЫ

Кооперация, основанная на разделении труда, приобретает свою классическую форму в мануфактуре. Как характерная форма капиталистического процесса производства, она господствует в течение мануфактурного периода в собственном смысле этого слова, т. е. приблизительно с половины XVI столетия до последней трети XVIII.

Мануфактура возникает двояким способом.

В первом случае в одной мастерской под командой одного и того же капиталиста объединяются рабочие разнородных самостоятельных ремесел, через руки которых последовательно должен пройти продукт вплоть до того, пока он не будет окончательно готов. Так, например, карета была первоначально общим продуктом работ большого числа независимых ремесленников: тележника, шорника, портного, слесаря, медника, токаря, позументщика, стекольщика, маляра, лакировщика, позолотчика и т. д. Каретная мануфактура объединяет всех этих различных ремесленников в одной мастерской, где они работают одновременно и во взаимодействии друг с другом. Конечно, карету нельзя позолотить раньше, чем она сделана. Но если одновременно производится много карет, то часть их может непрерывно подвергаться золочению, в то время как другая часть проходит более ранние фазы процесса производства. Пока мы остаемся еще на почве простой кооперации, которая находит готовым свой человеческий и вещный материал. Но скоро наступает существенное изменение. Портной, слесарь, медник и т. д., раз он занимается только каретным делом, теряет мало-помалу привычку, а вместе с тем и способность заниматься своим старым ремеслом в его полном объеме. С другой стороны, его односторонняя деятельность в пределах этой суженной сферы приобретает теперь наиболее целесообразные формы. Первоначально каретная мануфактура представляла

собой комбинацию самостоятельных ремесел. Постепенно производство карет разделяется на различные особые операции, каждая из которых откристаллизовывается в исключительную функцию одного рабочего и совокупность которых выполняется союзом таких частичных рабочих. Именно так, в результате комбинирования различных ремесел под командой одного и того же капитала, возникли суконная мануфактура и целый ряд других мануфактур[26].

Но мануфактура возникает и противоположным путем. Многие ремесленники, выполняющие одну и ту же или однородную работу, например делающие бумагу, шрифт или иголки, объединяются одним капиталистом в общей мастерской. Это — кооперация в ее простейшей форме. Каждый из этих ремесленников (быть может, с одним или двумя подмастерьями) изготовляет весь товар, т. е. совершает последовательно различные операции, необходимые для его изготовления. Труд его сохраняет свой старый ремесленный характер. Однако внешние обстоятельства заставляют вскоре иначе использовать сосредоточение рабочих в одном помещении и одновременность их работ. Например, нужно доставить в определенный срок большое количество готового товара. Труд поэтому разделяется. Вместо того чтобы поручать одному и тому же ремесленнику последовательное выполнение различных операций, операции эти отделяются одна от другой, изолируются, располагаются в пространстве одна рядом с другой, причем каждая из них поручается отдельному ремесленнику, и все они одновременно выполняются кооперирующимися между собой работниками. Это случайное разделение повторяется, обнаруживает свойственные ему преимущества, и мало-помалу кристаллизуется в систематическое разделение труда. Из индивидуального продукта самостоятельного ремесленника, выполняющего многие операции, товар превращается в общественный продукт союза

[26] Чтобы указать более современный пример этого способа образования мануфактуры, приведем следующую цитату. Шелкопрядение и ткачество в Лионе и Ниме «носят совершенно патриархальный характер; эти отрасли промышленности занимают много женщин и детей, но не надрывают их сил и не уродуют их; они остаются в своих прекрасных долинах Дрома, Вара, Изера, Воклюза, разводя червей и разматывая их коконы; никогда производство это не принимает характера настоящей фабрики. При ближайшем рассмотрении... принцип разделения труда обнаруживает здесь своеобразные особенности. Существуют, правда, мотальщики, сучильщики, красильщики, шлихтовальщики и, наконец, ткачи; но они не объединены в одном и том же здании и не зависят от одного и того же хозяина; все они работают самостоятельно» (*A. Blanqui.* «Cours d'Ecomonie Industrielle». Recueilli par A. Blaise. Paris, 1838—1839, p. 79). С того времени, как Бланки написал это, произошли перемены, и часть рабочих, некогда независимых, уже объединена теперь на фабриках. {*К 4 изданию.* А с тех пор, как Маркс написал это, на этих фабриках утвердился механический ткацкий станок и он быстро вытесняет ручной. Ярким подтверждением тому может быть шелковая промышленность Крефельда. *Ф. Э.*}

ремесленников, каждый из которых выполняет непрерывно лишь одну и ту же частичную операцию. Те же самые операции, которые сливались друг с другом в ряд последовательных работ, выполняемых немецким цеховым мастером бумажного производства, в голландской бумажной мануфактуре становятся самостоятельными и протекающими рядом и одновременно как частичные операции многих кооперирующихся между собой рабочих. Нюрнбергский цеховой мастер, изготовляющий иголки, образует основной элемент английской игольной мануфактуры. Но в то время как нюрнбергский ремесленник последовательно выполняет одну за другой, быть может, 20 операций, в английской мануфактуре работают одновременно 20 ремесленников и каждый выполняет лишь одну из 20 операций, причем на основании опыта операции эти еще более расщепляются, изолируются и обособляются как исключительные функции отдельных рабочих.

Итак, способ возникновения, образования мануфактуры из ремесла является двояким. С одной стороны, она возникает из комбинации разнородных самостоятельных ремесел, которые утрачивают свою самостоятельность и делаются односторонними в такой степени, что представляют собой лишь друг друга дополняющие частичные операции в процессе производства одного и того же товара. С другой стороны, мануфактура возникает из кооперации однородных ремесленников, разлагает данное индивидуальное ремесло на различные обособленные операции, изолирует эти последние и делает самостоятельными в такой степени, что каждая из них становится исключительной функцией особого рабочего. Поэтому, с одной стороны, мануфактура вводит в процесс производства разделение труда или развивает его дальше, с другой стороны — она комбинирует ремесла, бывшие ранее самостоятельными. Но, каков бы ни был ее исходный пункт в том или другом частном случае, ее конечная форма всегда одна и та же: производственный механизм, органами которого являются люди.

Для правильного понимания разделения труда внутри мануфактуры существенно обратить внимание на следующие пункты. Прежде всего расчленение процесса производства на его особые фазы совершенно совпадает в данном случае с разложением ремесленной деятельности на ее различные частичные операции. Является ли каждая операция сложной или простой, ее исполнение во всяком случае сохраняет свой ремесленный характер и, следовательно, зависит от силы, ловкости, быстроты и уверенности каждого отдельного рабочего, от его умения обращаться со своим инструментом. Базисом остается ремесло.

Этот узкий технический базис исключает возможность действительно научного расчленения процесса производства, так как каждый частичный процесс, через который проходит продукт, должен быть выполнен как частичная ремесленная работа. Именно потому, что ремесленное искусство остается таким образом основой процесса производства, каждый рабочий приспособляется исключительно к отправлению одной частичной функции, и рабочая сила его на всю его жизнь превращается в орган этой частичной функции. Наконец, это разделение труда уже само по себе есть особый вид кооперации, и многие его преимущества вытекают из общей сущности кооперации вообще, а не из данной ее особой формы.

2. ЧАСТИЧНЫЙ РАБОЧИЙ И ЕГО ОРУДИЕ

Приступая к ближайшему анализу, мы должны прежде всего констатировать тот очевидный факт, что рабочий, выполняющий всю жизнь одну и ту же простую операцию, превращает все свое тело в ее автоматически односторонний орган и потому употребляет на нее меньше времени, чем ремесленник, который совершает попеременно целый ряд операций. Но комбинированный совокупный рабочий, образующий живой механизм мануфактуры, состоит исключительно из таких односторонних частичных рабочих. Поэтому в сравнении с самостоятельным ремеслом здесь в течение более короткого времени производится больше продукта, т. е. производительная сила труда повышается[27)]. Совершенствуется также самый метод частичной работы после того, как она обособилась в исключительную функцию одного лица. Постоянное повторение одной и той же ограниченной операции и сосредоточение внимания на ней научают опытным путем достигать намеченного полезного результата с наименьшей затратой силы. А так как разные поколения рабочих живут одновременно и совместно работают в одних и тех же мануфактурах, то приобретенные приемы технического искусства закрепляются, накопляются и быстро передаются от одного поколения к другому[28)].

Мануфактура, воспроизводя внутри мастерской и систематически развивая до крайних пределов традиционное обособление ремесел, которое она находит в обществе, тем самым создает виртуозность частичных рабочих. С другой стороны,

---

[27)] «Чем больше разделение функций в сложной мануфактуре между различными работниками, тем лучше и скорее получается продукт, тем меньше потеря времени и труда» («The Advantages of the East-India Trade». London, 1720, p. 71).

[28)] «Легкий труд есть... унаследованное искусство» (*Th. Hodgskin.* «Popular Political Economy», London, 1827, p. 48).

совершаемое ею превращение частичного труда в жизненное призвание данного человека соответствует стремлению прежних обществ сделать ремесла наследственными, придать им окаменевшие формы каст или, — в том случае, когда определенные исторические условия порождают изменчивость индивидуумов, не совместимую с существованием каст, — формы цехов. Касты и цехи возникают под влиянием такого же естественного закона, какой регулирует образование в животном и растительном мире видов и разновидностей, — с той лишь разницей, что на известной ступени развития наследственность каст и исключительность цехов декретируются как общественный закон[29].

«Муслин из Дакки по своей тонкости, ситцы и другие материи из Коромanделя по своему великолепию и прочности красок никогда еще не были превзойдены. И, тем не менее, они производятся без капитала, без машин, без разделения труда, в их производстве не применяется ни один из тех методов, которые доставляют такие преимущества европейской фабрикации. Ткач там — обособленный индивидуум, изготовляющий ткань по заказу потребителя и работающий на станке самой простой конструкции, состоящем иногда из грубо сколоченных деревянных брусков. У него нет даже никакого приспособления для натягивания основы, и потому станок должен все время оставаться растянутым во всю свою. длину; вследствие этого он так неуклюж и занимает так много места, что не помещается в хижине производителя, который совершает поэтому свою работу на открытом воздухе, прерывая ее при каждой неблагоприятной перемене погоды»[30].

Лишь накопленная из поколения в поколение и передаваемая по наследству от отца к сыну специальная сноровка сообщает индийцу, как и пауку, его виртуозность. И все же по сравнению с большинством мануфактурных рабочих такой индийский ткач выполняет очень сложный труд.

Ремесленник, совершающий один за другим различные частичные процессы при производстве продукта, должен то переходить с места на место, то переменять инструменты. Пере-

[29] «Также и ремесла... достигли в Египте значительной степени совершенства. Ибо только в одной этой стране ремесленникам совсем не разрешалось браться за занятия, свойственные другим классам граждан, но они должны были заниматься исключительно той профессией, которую закон наследственно закреплял за их родом... У других пародов мы находим, что ремесленники делят свое внимание между слишком разнородными предметами... То они пытаются обрабатывать землю, то берутся за торговые дела, то занимаются двумя или тремя ремеслами сразу. В свободных государствах они обыкновенно посещают народные собрания... Напротив, в Египте каждый ремесленник, вмешивающийся в государственные дела или занимающийся одновременно несколькими ремеслами, подвергается тяжелым наказаниям. Таким образом, ничто не может помешать ему сосредоточиться на своей профессии... К тому же, унаследовав многие правила от предков, они ревностно стараются изобретать новые улучшения» («Diodor's von Sicilien Historische Bibliothek», Buch I, cap. 74 [S. 117, 118]).

[30] «Historical and descriptive Account of British India etc.» by *Hugh Murray, James Wilson* etc. Edinburgh, 1832, v. II, p. 449. Индийский ткацкий станок имеет вертикально ходящую рейку, т. е. основа натягивается на нем вертикально.

ходы от одной операции к другой прерывают течение его труда и образуют своего рода поры в его рабочем дне. Эти поры сужаются, если он в течение целого дня непрерывно выполняет одну и ту же операцию, они исчезают в той же мере, в какой уменьшается сменяемость операций. Повышение производительности труда вызывается здесь или увеличенной затратой рабочей силы в течение данного промежутка времени, т. е. растущей интенсивностью труда, или уменьшением непроизводительного потребления рабочей силы. В частности, избыточная затрата сил. которой требует каждый переход от покоя к движению, компенсируется большей продолжительностью труда уже достигнутой нормальной быстроты. С другой стороны, непрерывное однообразие работы ослабляет напряженность внимания и подъем жизненной энергии, так как лишает рабочего того отдыха и возбуждения, которые создаются самым фактом перемены деятельности.

Однако производительность труда зависит не только от виртуозности работника, но также и от совершенства его орудий. Орудия одного и того же рода, например инструменты режущие, сверлильные, долбежные, ударные и т. д., употребляются в различных процессах труда, и, с другой стороны, в одном и том же процессе труда один и тот же инструмент служит для различных действий. Но как только различные операции процесса труда обособились друг от друга и каждая частичная операция в руках частичного рабочего приняла максимально соответствующую и потому исключительную форму,— с этого момента возникает необходимость изменений в орудиях, служивших ранее для различных целей. Направление этого изменения их формы выясняется на опыте, который показывает, какие именно особые трудности представляет пользование орудиями в их неизменившейся форме. Мануфактуру характеризуют дифференцирование рабочих инструментов, благодаря которому инструменты одного и того же рода принимают прочные формы, особые для каждого особого их применения, и их специализация, благодаря которой каждый такой особый инструмент действует в полную свою меру лишь в руках специфического частичного работника. В одном Бирмингеме изготовляется до 500 разновидностей молотков, причем не только каждый из них служит для особого производственного процесса, но зачастую несколько разных молотков служат для отдельных операций одного и того же процесса. Мануфактурный период упрощает, улучшает и разнообразит рабочие инструменты путем приспособления их к исключительным особым функциям частичных рабочих[31].

[31] Относительно естественных органов растений и животных Дарвин в своей составившей эпоху работе «Происхождение видов» говорит: «Причина изменчивости органов в тех случаях, когда один и тот же орган

Тем самым он создает одну из материальных предпосылок машины, которая представляет собой комбинацию многих простых инструментов.

Частичный рабочий и его инструмент образуют простые элементы мануфактуры. Обратимся теперь к мануфактуре в ее целом.

3. ДВЕ ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ МАНУФАКТУРЫ: ГЕТЕРОГЕННАЯ МАНУФАКТУРА И ОРГАНИЧЕСКАЯ МАНУФАКТУРА

По своему внутреннему строю мануфактуры разделяются на две основные формы, которые, хотя иногда и переплетаются, представляют собой, однако, два существенно различных рода и при дальнейшем превращении мануфактуры в крупную машинную промышленность играют совершенно неодинаковую роль. Этот двоякий характер мануфактуры определяется самой природой продукта. Последний получается или путем чисто механического соединения самостоятельных частичных продуктов, или же своей готовой формой обязан последовательному ряду связанных между собой процессов и манипуляций.

Так, например, локомотив состоит более чем из 5000 самостоятельных частей. Он не может, однако, послужить примером собственно мануфактуры первого рода, так как является продуктом крупной промышленности. Но прекрасный пример дают нам часы, которые уже Уильям Петти берет для иллюстрации мануфактурного разделения труда. Из индивидуального продукта нюрнбергского ремесленника часы превратились в общественный продукт большого числа частичных рабочих. Таковы: заготовщик; рабочий, изготовляющий часовые пружины; изготовляющий циферблаты; изготовляющий волоски; рабочий, изготовляющий камни для часов; палетщик; рабочий, изготовляющий стрелки; рабочий, изготовляющий часовой корпус; рабочий, изготовляющий винты; золотильщик, с подразделением на многие специальности; далее рабочий, изготовляющий колеса (причем отдельно латунные колеса и отдельно стальные колеса); рабочий, изготовляющий трибы; изготовляющий механизм завода и перевода стрелок; acheveur de pignon

выполняет различные работы, заключается, быть может, в том, что здесь естественный подбор менее тщательно поддерживает или подавляет каждое мелкое уклонение формы, чем в тех случаях, когда один орган предназначен лишь для определенной обособленной задачи. Так, например, ножи, предназначенные для того, чтобы резать самые разнообразные вещи, могут в общем сохранять более или менее одинаковую форму; но раз инструмент предназначен для одного какого-либо употребления, он при переходе к другому употреблению должен изменить и свою форму».

(укрепляет колеса на трибах, полирует фаски и т. д.); изготовитель цапф; planteur de finissage (вставляет различные колеса и трибы в механизм); finisseur de barillet (нарезывает зубья, расширяет отверстия до надлежащих размеров, укрепляет пружину собачки храповика и собачку); рабочий, изготовляющий регулятор хода, а при цилиндрическом ходе изготовляющий и цилиндры; изготовляющий ходовые колеса; рабочий, изготовляющий баланс; рабочий, изготовляющий ракету (приспособление для регулировки часов); planteur d'echappement (рабочий, устанавливающий регулятор хода); затем repasseur de barillet (заканчивает сборку барабана для пружины и сборку собачки); полировщик стали; полировщик колес; полировщик винтов; рисовальщик цифр; эмалировщик (наводит эмаль на медь); fabricant de pendants (делает только бугель или серьгу часового корпуса); finisseur de charm ere (вставляет латунный штифт в шарниры корпуса и т. д.); faiseur de secret (приделывает к корпусу пружину, открывающую крышку); гравер; чеканщик; полировщик часового корпуса и т. д. и т. д. и, наконец, сборщик, окончательно собирающий механизм часов в целом и пускающий их в ход. Лишь немногие части часов проходят через несколько рук, и все эти membra disjecta [разрозненные члены][118] сосредоточиваются в одних руках лишь тогда, когда им предстоит соединиться в одно механическое целое. Это чисто внешнее отношение готового продукта к его разнородным составным частям делает здесь, как и в других подобных производствах, соединение частичных рабочих в одной мастерской случайным. Частичные работы, в свою очередь, могут выполняться в виде отдельных самостоятельных ремесел, что и имеет место в кантонах Ваадт и Невшатель, тогда как в Женеве, например, существуют крупные часовые мануфактуры, т. е. осуществляется непосредственная кооперация частичных рабочих под управлением одного капитала. Но и в этом последнем случае циферблаты, пружины и корпус редко изготовляются в самой мануфактуре. Комбинированное мануфактурное производство здесь выгодно лишь в исключительных случаях, так как конкуренция между рабочими, работающими на дому, особенно велика, а расщепление производства на массу гетерогенных процессов почти исключает совместное применение средств труда; между тем при рассеянном в пространстве производстве капиталист избавляется от издержек на фабричные здания и т. п.[32)] Надо заметить, однако, что положение

[32)] Женева в 1854 г. произвела 80000 часов, что составляет менее одной пятой часового производства кантона Невшатель. Только Шо-де-Фон, который можно рассматривать как одну часовую мануфактуру, производит в год вдвое больше, чем Женева. С 1850 по 1861 г. Женева изготовила 720000 часов. См. «Report from Geneva on the Watch Trade» в «Reports by H. M's Secretaries of Embassy and Legation on the Manufactures, Commerce etc.», № 6, 1863. Если независимость отдельных процессов, на которые распадается производство сложного продукта,

и этих частичных рабочих, которые работают у себя на дому, но не на себя, а на капиталиста (fabricant, etablisseur), совершенно отлично от положения самостоятельного ремесленника, работающего лишь на своих заказчиков[33].

Другой род мануфактуры, ее законченная форма, производит продукты, которые проходят связные фазы развития, последовательный ряд процессов; такова, например, мануфактура иголок, в которой проволока проходит через руки 72 и даже 92 специфических частичных рабочих.

Поскольку такая мануфактура комбинирует первоначально разрозненные ремесла, она уменьшает пространство, которым разделяются отдельные фазы производства продукта. Сокращается время, необходимое на переход продукта от одной стадии в другую, равно как и труд, затрачиваемый на эти переходы[34]. Тем самым достигается большая производительная сила по сравнению с ремеслом, причем ее рост вытекает из общего кооперативного характера мануфактуры. С другой стороны, присущий мануфактуре принцип разделения труда приводит к изолированию различных фаз производства, которые обособляются друг от друга в-виде соответственного количества самостоятельных частичных работ ремесленного характера. Установление и поддержание связи между изолированными функциями вызывает необходимость постоянных перемещений продукта из одних рук в другие, из одного процесса в другой. С точки зрения крупной промышленности это обстоятельство выступает как характерная, повышающая издержки и имманентная самому принципу мануфактуры ограниченность[35].

уже сама по себе крайне затрудняет превращение таких мануфактур в машинное производство крупной промышленности, то в производстве часов дополнительно сказываются еще два специальных препятствия: мелкие размеры и деликатность составных элементов и то обстоятельство, что часы как предмет роскоши характеризуются чрезвычайным разнообразием форм. Лучшие лондонские фирмы в течение целого года едва ли производят дюжину одинаковых часов. Часовая фабрика Вашрон и Константен, с успехом применяющая машины, выпускает самое большее 3—4 вариации часов по величине и форме.

[33] На производстве часов, этом классическом примере гетерогенной мануфактуры, особенно удобно изучать упомянутое выше разложение ремесленной деятельности и вытекающую из него дифференциацию и специализацию рабочих инструментов.

[34] «При таком тесном расположении людей труд перевозки должен быть наименьший» («The Advantages of the East-India Trade», p. 106).

[35] «Изолирование различных стадий производства, через которые продукт проходит в мануфактуре, неизбежное при употреблении ручного труда, чрезвычайно увеличивает издержки производства, причем потеря проистекает главным образом вследствие перемещения от одного процесса к другому» («The Industry of Nations». London, 1855, Part II, p. 200).

Если мы рассмотрим определенное количество сырого материала, например тряпья на бумажной мануфактуре или проволоки на игольной мануфактуре, то окажется, что оно проходит в руках различных частичных рабочих ряд следующих друг за другом во времени фаз производства, пока продукт не примет своей окончательной формы. Но если мы будем рассматривать мастерскую как один совокупный механизм, то окажется, что сырой материал одновременно находится во всех фазах производства. Составленный из частичных рабочих совокупный рабочий одной частью своих многочисленных рук, вооруженных инструментами, тянет проволоку, между тем как другие его руки и инструменты в то же время выпрямляют эту проволоку, режут ее, заостряют концы и т. д. Последовательное расположение отдельных стадий процесса во времени превратилось в их пространственное расположение друг возле друга. В результате в данный промежуток времени получается больше готового товара[36]. Хотя эта одновременность вытекает из общей кооперативной формы совокупного процесса, тем не менее мануфактура не только находит в готовом виде условия кооперации, но отчасти создает их сама, разлагая ремесленную деятельность на составные элементы. С другой стороны, она достигает этой общественной организации процесса труда, лишь приковывая рабочего к одной и той же детали.

Так как частичный продукт каждого частичного рабочего является в то же время лишь определенной ступенью развития одного и того же продукта, то один рабочий доставляет другому или одна группа рабочих — другой их сырой материал. Результат труда одного образует исходный пункт труда другого. Таким образом здесь один рабочий непосредственно дает занятия другим. Рабочее время, необходимое для достижения намеченного полезного результата в каждом частичном процессе, устанавливается опытом, и совокупный механизм мануфактуры покоится на том условии, что в данное рабочее время должен быть достигнут данный результат. Лишь при этом условии различные, дополняющие друг Друга процессы труда могут совершаться непрерывно, один рядом с другими во времени и в пространстве. Очевидно, что эта непосредственная взаимная зависимость отдельных работ, а следовательно, и рабочих,

[36] «Оно» (разделение труда) «создает также экономию времени, разделяя труд на различные операции, каждая из которых может выполняться одновременно... Благодаря выполнению сразу всех различных процессов труда, которые отдельный человек должен был бы совершать последовательно один за другим, создается, например, возможность произвести множество совершенно закопченных булавок в течение такого времени, какое в противном случае необходимо лишь для того, чтобы обрезать или заточить одну булавку» (*Dugald Stewart,* цит. соч., стр. 319).

вынуждает каждого из них употреблять на свою функцию лишь необходимое рабочее время, вследствие чего создаются совершенно иные, чем в самостоятельном ремесле и даже в простой кооперации, непрерывность, единообразие, регулярность, порядок[37] и, в особенности, интенсивность труда. То, что на изготовление товара должно быть затрачено лишь общественно необходимое рабочее время, при товарном производстве вообще выступает как внешнее принуждение конкуренции, ибо, выражаясь поверхностно, каждый отдельный производитель должен продавать свой товар по рыночной цене. Между тем в мануфактуре изготовление данного количества продукта в течение данного рабочего времени становится техническим законом самого процесса производства[38].

Однако различные операции требуют неодинакового времени и потому в равные промежутки времени дают различные количества частичных продуктов. Следовательно, если каждый рабочий должен изо дня в день совершать постоянно одну и ту же операцию, то для различных операций необходимо различное число рабочих, например в словолитной мануфактуре на 4 литейщиков требуется 2-отбивальщика и один полировщик, так как литейщик отливает в час 2000 букв, отбивальщик отбивает 4000 букв, а полировщик полирует 8000. Здесь принцип кооперации возвращается к своей простейшей форме: к одновременному применению труда многих людей, выполняющих однородную работу; но теперь принцип этот выражает собой известное органическое отношение. Таким образом, мануфактурное разделение труда не только упрощает и разнообразит качественно различные органы общественного совокупного рабочего, но и создает прочные математические пропорции для количественных размеров этих органов, т. е. для относительного числа рабочих или относительной величины рабочих групп в каждой специальной функции. Вместе с качественным расчленением оно развивает количественные нормы и пропорции общественного процесса труда.

Раз для определенного производства опытом установлено наиболее целесообразное числовое отношение между различными группами частичных рабочих, то расширить масштаб производства возможно лишь, взяв кратное от числа рабочих

[37] «Чем больше разнообразия среди работников мануфактуры... тем больше порядок и регулярность каждой работы, тем меньше количество затрачиваемого на нее времени и труда» («The Advantages of the East-India Trade». London, 1720, p. 68).

[38] Впрочем, во многих отраслях производства этот результат достигается мануфактурными предприятиями лишь несовершенно, так как мануфактура не в состоянии точно контролировать общие химические и физические условия производственного процесса.

каждой из этих отдельных групп[39]. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что известные работы один и тот же индивидуум может исполнять одинаково легко, совершаются ли они в больших или в малых размерах; таковы, например, труд высшего надзора, перемещение частичных продуктов из одной фазы производства в другую и т. д. Выделение этих работ в самостоятельные функции, выполняемые специальными рабочими, выгодно поэтому лишь при увеличении числа занятых в производстве рабочих, но такое увеличение должно одновременно затронуть все группы в той же самой пропорции.

Каждая отдельная группа, известное число рабочих, выполняющих одну и ту же частичную функцию, состоит из однородных элементов и образует особый орган совокупного механизма. Однако в некоторых мануфактурах сами такие группы являют собой расчлененное рабочее тело, тогда как совокупный механизм образуется путем повторения или умножения этих элементарных производительных организмов. Возьмем для примера мануфактуру бутылок. Она распадается на три существенно различных фазы. Во-первых, подготовительная фаза: приготовление шихты — смеси из песка, извести и т. д. — и переплавка этой смеси в жидкую стеклянную массу[40]. В этой первой, равно как и в заключительной фазе — удаление бутылок из печи для обжига, их сортировка, упаковка и т. п. — заняты различные частичные рабочие. Между этими двумя фазами находится собственно стекольное производство, т. е. переработка жидкой стеклянной массы. У отверстия одной и той же печи работает целая группа, называемая в Англии «hole» (окно) и состоящая из одного bottle maker [бутылочника] или finisher [отделочника], одного blower [выдувальщика], одного gatherer [баночника], одного putter up [откладчика] или whetter off [отшибальщика] и одного taker in [относчика]. Эти пять частичных рабочих образуют пять особых органов единого рабочего тела, которое может функционировать лишь в целом, т. е. лишь как непосредственная кооперация пяти человек. Все тело парализовано, если не хватает одного из его пяти членов. Но одна и та же стекольная печь имеет несколько отверстий, — в Англии, например, от 4 до 6, — при каждом из них имеется огнеупорный

[39] «Раз опыт, сообразно особой природе продукта каждой данной мануфактуры, показал, на сколько частичных операций всего выгоднее разделить процесс производства и какое число рабочих требуется для каждой операции, то все те -предприятия, которые не придерживаются точно кратного этих установленных опытом чисел, будут производить с большими издержками... Такова одна из причин колоссального расширения промышленных предприятий» (*Ch. Babbage.* «On the Economy of Machinery». London, 1832, ch. XXI, p. 172, 173).

[40] В Англии плавильная печь отделена от стекольной печи, где обрабатывается стекло, а, например, в Бельгии одна и та же печь служит для обоих процессов.

плавильный тигель с жидким стеклом, и у каждого тигля работает своя пятичленная группа рабочих. Расчленение каждой отдельной группы покоится здесь непосредственно на разделении труда, тогда как союз между различными однородными группами представляет собой простую кооперацию, при которой благодаря совместному потреблению более экономно используется одно из средств производства, в данном случае стекольная печь. Каждая такая стекольная печь с ее 4—6 группами образует как бы самостоятельную мастерскую для выделки стекла, а стекольная мануфактура охватывает несколько мастерских подобного рода вместе с приспособлениями и рабочими для начальных и заключительных фаз производства.

Наконец, мануфактура, подобно тому, как сама она отчасти возникает из комбинации различных ремесел, может, в свою очередь, развиться в комбинацию различных мануфактур. Так, например, в Англии крупные стекольные предприятия сами изготовляют для себя огнеупорные плавильные тигли, так как от качества последних существенно зависит, насколько удачным или неудачным будет продукт. Мануфактура средства производства связана здесь с мануфактурой продукта. Наоборот, мануфактура продукта может быть связана с мануфактурами, для которых данный продукт сам служит сырым материалом или соединяется впоследствии с продуктами этих мануфактур. Так, например, мануфактура- флинтгласа соединяется иногда с мануфактурой шлифования стекла и с латунно-литейной мануфактурой, которая служит для изготовления металлических оправ к различным стеклянным предметам. В этом случае соединенные друг с другом различные мануфактуры образуют более или менее пространственно обособленные отделы одной совокупной мануфактуры и в то же время не зависимые друг от друга процессы производства — каждый со своим собственным разделением труда. Несмотря на некоторые преимущества комбинированной мануфактуры, она не достигает, на собственной основе, подлинного технического единства. Это единство возникает лишь при превращении мануфактуры в машинное производство.

Мануфактурный период, быстро провозгласивший уменьшение рабочего времени, необходимого для производства товаров, своим сознательным принципом[41)], спорадически развивает также употребление машин, особенно при некоторых простых подготовительных процессах, требующих большого количества

[41)] Это явствует, между прочим, из работ У. Петти, Джона Беллерса, Эндрью Яррантона, из книги «The Advantages of the East-India Trade» и работ Дж. Вандерлинта.

людей и большой затраты силы. Так, например, в бумажной мануфактуре скоро стали сооружать особые мельницы для перемалывания тряпок, а в металлургии — толчеи для дробления, руды[42]. Машина в ее элементарной форме завещана была еще Римской империей в виде водяной мельницы[43]. Ремесленный период также оставил нам великие открытия: компас, порох, книгопечатание и автоматические часы. Но и после этого машина в общем и целом все же продолжает играть ту второстепенную роль, которую отводит ей Адам Смит рядом с разделением труда[44]. Очень важную роль сыграло спорадическое применение машин в XVII столетии, так как оно дало великим математикам того времени практические опорные пункты и стимулы для создания современной механики.

Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам совокупный рабочий, составленный из многих частичных рабочих. Различные операции, попеременно совершаемые производителем товара и сливающиеся в одно целое в процессе его труда, предъявляют к нему разные требования. В одном случае он должен развивать больше силы, в другом случае — больше ловкости, в третьем — больше внимательности и т. д., но один и тот же индивидуум не обладает всеми этими качествами в равной мере. После разделения, обособления и изолирования различных операций рабочие делятся, классифицируются и группируются сообразно их преобладающим способностям. Если, таким образом, природные особенности рабочих образуют ту почву, на которой произрастает разделение труда, то, с другой стороны, мануфактура, коль скоро она введена, развивает рабочие силы, по самой природе своей пригодные лишь к односторонним специфическим функциям. Совокупный рабочий обладает теперь всеми производ-

---

42) Еще в конце XVI столетия во Франции для размельчения и промывания руды употреблялись ступка и решето.

43) Вся история развития машин может быть прослежена на истории развития мукомольных мельниц. По-английски фабрика езде до сих пор называется mill [мельница]. В немецких сочинениях по технологии в первые десятилетия XIX века мы также встречаем слово Muhle [мельница] для обозначения не только машин, приводимых в движение силами природы, но и вообще всякой мануфактуры, применяющей механические аппараты.

44) Как увидит читатель из четвертой книги этой работы, А. Смит не выставил ни одного нового положения относительно разделении труда. Что характеризует его как обобщающего экономиста мануфактурного периода, так это то ударение, которое он делает на разделении труда. С развитием крупной промышленности его взгляд, согласно которому машинам отводилась лишь подчиненная роль, вызвал возражение со стороны Лодерделя, а в позднейшую эпоху со стороны Юра. А. Смит смешивает кроме того дифференцирование инструментов, в котором крупную роль играли сами частичные рабочие мануфактуры, с изобретением машин. В этой последней области сыграли роль не мануфактурные рабочие, а ученые, ремесленники, даже крестьяне (Бриндли) и так далее.

ственными качествами в одинаковой степени виртуозности и в то же время тратит их самым экономным образом, так как каждый свой орган, индивидуализированный в особом рабочем или особой группе рабочих, он применяет исключительно для отправления его специфической функции[45]. Односторонность и даже неполноценность частичного рабочего становится его достоинством, коль скоро он выступает как орган совокупного рабочего[46]. Привычка к односторонней функции превращает его в орган, действующий с инстинктивной уверенностью, а связь совокупного механизма вынуждает его действовать с регулярностью отдельной части машины[47].

Так как различные функции совокупного рабочего могут быть проще и сложнее, более низкого или более высокого порядка, то его органы, индивидуальные рабочие силы, нуждаются в весьма различной степени образования и обладают поэтому весьма различной стоимостью. Таким образом, мануфактура развивает иерархию рабочих сил, которой соответствует шкала заработных плат» Если, о одной стороны, индивидуальный рабочий приспособляется к той односторонней функции, с которой он связан всю свою жизнь, то, с другой стороны, различные трудовые операций в такой же мере приспособляются к этой иерархии естественных и приобретенных способностей[48], Между тем каждый производственный процесс требует известных простых действий, одинаково доступных каждому человеку, И такие действия порывают теперь свою непрочную связь с более содержательными моментами деятельности и окостеневают в виде исключительных функций.

[45] «Так как в мануфактуре работа разделяется на несколько различных операций, из которых каждая требует различной степени искусства и силы, то владелец мануфактуры может обеспечить себя как раз необходимым для каждой операции количеством силы и искусства. А если бы весь процесс изготовления продукта выполнялся одним рабочим, то один и тот же индивидуум должен был бы обладать достаточным искусством для самых деликатных и достаточной силой для самых тяжелых операций» (*Ch. Babbage,* цит. соч., гл. XIX).

[46] Например, одностороннее развитие мускулов, искривление костей и т. п.

[47] Г-н У. Маршалл, главный управляющий одной стекольной мануфактуры, очень хорошо ответил на вопрос члена следственной комиссии, каким образом поддерживается интенсивность труда рабочих-подростков: «Они не могут пренебречь своим делом; раз они начали, они должны продолжать; они являются как бы частями одной и той же машины» («Children's Employment Commission. Fourth Report», 1865, p. 247).

[48] Д-р Юр в своем апофеозе крупной промышленности острее подмечает специфический характер мануфактуры, чем прежние экономисты, у которых не было полемического интереса, и даже острее, чем его современники, например Баббедж, который превосходил Юра как математик и механик, однако крупную промышленность рассматривал, собственно говоря, только с мануфактурной точки зрения. Юр замечает: «Приспособление рабочего к каждой частичной операции составляет сущность разделения труда». С другой стороны, он называет это разделение «приспособлением работ к различным индивидуальным способностям» и характеризует, наконец, всю мануфактурную систему как «систему градации по степени искусства», как «разделение труда по различным степеням искусства» и т. д. (*Ure*. «Philosophy of Manufactures», p. 19—23, passim).

Мануфактура создает поэтому в каждом ремесле, которым она овладевает, категорию так называемых необученных рабочих, которые строго исключались ремесленным производством. Развивая до виртуозности одностороннюю специальность за счет способности к труду вообще, она превращает в особую специальность отсутствие всякого развития. Наряду с иерархическими ступенями выступает простое деление рабочих на обученных и необученных. Для последних издержки обучения совершенно отпадают, для первых они, вследствие упрощения их функций, ниже, чем для ремесленников. В обоих случаях падает стоимость рабочей силы[49]. Исключения наблюдаются в том случае, когда разложение процесса труда создает новые связные функции, которые в ремесленном производстве или вовсе не имели места, или имели место в ограниченном размере. Относительное обесценение рабочей силы, являющееся результатом устранения или понижения издержек обучения, непосредственно означает более значительное возрастание капитала, потому что все, что сокращает время, необходимое для воспроизводства рабочей силы, расширяет область прибавочного труда.

4. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА ВНУТРИ МАНУФАКТУРЫ И РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА ВНУТРИ ОБЩЕСТВА

Мы рассмотрели сначала происхождение мануфактуры, затем ее простые элементы—частичного рабочего и его орудие,— наконец, ее механизм в целом. Коснемся теперь вкратце отношения между мануфактурным разделением труда и общественным разделением труда, которое составляет общее основание всякого товарного производства.

Если иметь в виду лишь самый труд, то разделение общественного производства на его крупные роды, каковы земледелие, промышленность и т. д., можно назвать общим [im Allgemeinen] разделением труда, распадение этих родов производства на виды и подвиды — частным [im Besonderen] разделением труда, а разделение труда внутри мастерской — единичным [im Einzelnen] разделением труда[50].

[49] «Каждый профессиональный рабочий... получая возможность совершенствоваться путем упражнений в одном направлении... становится более дешевым» *(Ure.* «Philosophy of Manufactures», p. 19).

[50] «Разделение труда, начинаясь обособлением разнообразнейших профессий, идет вплоть до такого разделения, когда разделяются рабочие, занятые изготовлением одного и того же продукта, что имеет место в мануфактуре» (*Storch*. «Cours d'Economie Politique», парижское издание, т. I, стр. 173). «У народов, достигших известной ступени цивилизации, мы находим три рода разделения труда: первый, который мы назовем общим, сводится *к* разделению производителей на земледельцев, промышленников и торговцев — это разделение соответствует трем основным отраслям национального производства; второй, который можно было бы назвать специальным, есть разделение каждого рода производства на виды... Наконец, третий род разделения производст-

Разделение труда внутри общества и соответственное ограничение индивидуума сферой определенной профессии имеет, как и разделение труда внутри мануфактуры, две противоположные исходные точки развития. В пределах семьи[50a)] — а с дальнейшим развитием в пределах рода — естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве, и оно расширяет свою сферу с расширением общественной жизни, с ростом населения, особенно же с появлением конфликтов между различными родами и подчинением одного рода другим. С другой стороны, как я уже отметил раньше, обмен продуктами возникает в тех пунктах, где приходят в соприкосновение различные семьи, роды, общины, потому что в начале человеческой культуры не отдельные индивидуумы, а семьи, роды и т. д. вступают между собой в сношения как самостоятельные единицы. Различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары. Обмен не создает различия между сферами производства, но устанавливает связь между сферами, уже различными, и превращает их в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства. Здесь общественное разделение труда возникает посредством обмена между первоначально различными, но не зависимыми друг от друга сферами производства. Там, где исходный пункт образует физиологическое разделение труда, особые органы непосредственно связного целого разъединяются, разлагаются, — причем главный толчок этому разложению дает обмен товарами с чужими общинами, — и становятся самостоятельными, сохраняя между собой лишь ту связь, которая устанавливается между отдельными работами посредством обмена их продуктов в качестве

ва, который можно было бы назвать разделением работы или труда в собственном смысле, имеет место в пределах отдельных ремесел или профессий... имеет место в большинстве мануфактур и мастерских» *(Skarbek,* цит. соч., стр. 84, 85).

[50a)] {*Примечание к 3 изданию.* Более поздние весьма основательные исследования первобытного состояния человечества привели автора к выводу, что первоначально не семья развилась в род, а, наоборот, род был первоначальной естественно сложившейся формой человеческого общества, покоящегося на кровном родстве, так что различные формы семьи развиваются лишь впоследствии из начавшегося разложения родовых союзов. *Ф. Э.*}

товаров. В одном случае утрачивает самостоятельность то, что раньше было самостоятельным, в другом случае приобретает самостоятельность раньше несамостоятельное.

Основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни[51]. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности, на которой мы не будем, однако, здесь долее останавливаться.

Если для разделения труда внутри мануфактуры материальной предпосылкой является определенная численность одновременно занятых рабочих, то для разделения труда внутри общества такой предпосылкой являются численность населения и его плотность, которые здесь играют ту же роль, какую играет скопление людей в одной и той же мастерской[52]. Но эта плотность населения есть нечто относительное. Страна, сравнительно слабо населенная, но с развитыми средствами сообщения, обладает более плотным населением, чем более населенная страна с неразвитыми средствами сообщения; в этом смысле северные штаты Американского союза населены плотнее, чем, например, Индия[53].

Так как товарное производство и товарное обращение являются общей предпосылкой капиталистического способа производства, то мануфактурное разделение труда требует уже достигшего известной степени зрелости разделения труда внутри общества. Напротив, путем обратного воздействия мануфактурное разделение труда развивает и расширяет общественное разделение труда. По мере дифференцирования орудий труда все более и более дифференцируются и те отрасли производства, в которых эти орудия изготовляются[54]. Когда

[51] Сэр Джемс Стюарт лучше других осветил этот пункт. Насколько мало известен в настоящее время его труд, появившийся десятью годами раньше «Wealth of Nations» Адама Смита, видно, между прочим, из того, что почитатели Мальтуса не знают даже, что первое издание его работы о «народонаселении», если оставить в стороне ее чисто декламаторскую часть, почти целиком списано у Стюарта, а также у попов Уоллеса и Таунсенда.

[52] «Требуется известная плотность населения как для того, чтобы могли развиваться социальные сношения, так и для того, чтобы создалась такая комбинация сил, при которой возрастает производительность труда» (*James Mill.* «Elements of Political Economy». London, 1821, p. 50). «Когда возрастает число рабочих... производительная сила общества увеличивается пропорционально результату умножения этого роста на эффект разделения труда» (*Th. Hodgskin.* «Popular Political Economy», p. 120).

[53] С 1861 г. вследствие большого спроса на хлопок в некоторых сильно населенных районах Ост-Индии расширилось производство хлопка за счет производства риса. Местами возник голод, так как из-за недостаточности средств сообщения и вследствие этого недостаточной физической связи недопроизводство риса в одном районе не могло быть восполнено подвозом его из других районов.

[54] Так, например, в Голландии производство ткацких челноков уже в XVII столетии составляло особую отрасль промышленности.

мануфактурное производство распространяется на какую-либо отрасль промышленности, которая до сих пор была связана с другими как главная или побочная и осуществлялась одним и тем же производителем, то немедленно происходит разделение и взаимное обособление. Если мануфактура овладевает отдельной ступенью производства данного товара, то различные ступени его производства становятся самостоятельными промыслами. Выше уже было указано, что там, где готовый продукт представляет собой чисто механическое соединение частичных продуктов, частичные работы могут, в свою очередь, обособиться в отдельные ремесла. Для того чтобы полнее провести разделение труда внутри мануфактуры, одна и та же отрасль производства делится, — в зависимости от различия ее сырья и различных форм, которые может принимать одно и то же сырье, — на различные и притом иногда совершенно новые мануфактуры. Так, в одной только Франции уже в первой половине XVIII столетия ткалось более 100 видов разнообразных шелковых материй, а в Авиньоне, например, существовал закон, согласно которому «каждый ученик должен всецело посвящать себя изучению одного вида производства и не изучать одновременно способов изготовления нескольких продуктов».

Территориальное разделение труда, закрепляющее определенные отрасли производства за определенными районами страны, получает новый толчок благодаря мануфактурному производству, эксплуатирующему всякого рода особенности[55)]. В мануфактурный период богатый материал разделению труда внутри общества доставляется расширением мирового рынка и колониальной системой, которые входят в круг общих условий существования мануфактурного периода. Здесь не место исследовать, каким образом разделение труда наряду с экономической областью охватывает все другие сферы общества и везде закладывает основу того узкого профессионализма и специализации, того раздробления человека, по поводу которого уже А. Фергюсон, учитель А. Смита, воскликнул: «Мы — нация илотов, и между нами нет свободных людей!»[56)].

Однако, несмотря на многочисленные аналогии и связь между разделением труда внутри общества и разделением труда

[55)] «Разве английская шерстяная промышленность не разделена на различные части или отрасли, закрепившиеся в определенных местах, где все производство сводится целиком или преимущественно и этим отраслям: тонкие сукна производятся в Сомерсетшире, грубые — в Йоркшире, двойной ширины — в Эксетере, шелк — в Садбери, креп — в Норидже, полушерстяные материи — в Кендале, одеяла — в Уитни и т. д.» *(Berkeley.* «The Querist», 1750, § 520).

[56)] *A. Ferguson*, «History of Civil Society». Edinburgh, 1767, Part IV, sect. II, p. 285.

внутри мастерской, оба эти типа различны между собой не только по степени, но и по существу. Аналогия кажется наиболее бесспорной там, где внутренняя связь охватывает различные отрасли производства. Так, например, скотовод производит шкуры, кожевник превращает их в кожи, сапожник превращает кожу в сапоги. Каждый производит здесь лишь полуфабрикат, а окончательный, готовый предмет есть комбинированный продукт этих отдельных работ. Сюда присоединяются еще различные отрасли труда, доставляющие скотоводу, кожевнику и сапожнику их средства производства. Можно вообразить, подобно А. Смиту, будто это общественное разделение труда отличается от мануфактурного лишь субъективно, только для наблюдателя, который в мануфактуре одним взглядом охватывает различные частичные работы, объединенные пространственно, тогда как в общественном производстве связь эта затемняется благодаря разбросанности его отдельных отраслей на значительном пространстве и благодаря большому числу рабочих, занятых в каждой отрасли[57)]. Но что устанавливает связь между независимыми работами скотовода, кожевника и сапожника? Бытие их продуктов в качестве товаров. Напротив, что характеризует разделение труда в мануфактуре? Тот факт, что здесь частичный рабочий не производит товара[58)]. Лишь общий продукт многих частичных рабочих превращается в товар[58a)]. Разделение труда внутри общества опосредствуется

[57)] В собственно мануфактурах, говорит он, разделение труда кажется более значительным, так как «здесь рабочие, занятые в каждой из различных отраслей труда, зачастую могут быть объединены в одной и той же мастерской и таким образом все сразу охватываются взглядом наблюдателя. Наоборот, в таких больших мануфактурах (!), которые имеют своим назначением удовлетворять обширные потребности многочисленного населения, каждая отдельная отрасль труда занимает столь значительное число рабочих, что невозможно объединить их всех в одной я той же мастерской... разделение труда далеко не так резко бросается в глаза» (*A. Smith.* «Wealth of Nations», b. I, ch. 1). Знаменитое место той же самой главы, которое начинается словами: «Взгляните на жизненные удобства, выпадающие на долю простого ремесленника или поденщика цивилизованной и цветущей страны...» и в котором расписывается затем, сколь многочисленные отрасли производства объединяют свои усилия для удовлетворения потребностей простого рабочего, — место это почти буквально списано из примечаний к работе Б. Мандевиля «Fable of the Bees, or Private Vices, Publick Benefits» (первое издание без примечаний вышло в 1705 г., с примечаниями — в 1714 г.).

[58)] «Здесь уже нет более ничего, что можно было бы назвать естественным вознаграждением индивидуального труда. Каждый рабочий производит лишь часть целого, и так как каждая часть не имеет сама по себе никакой ценности или полезности, то здесь нет ничего такого, что рабочий мот бы взять и сказать: «Это мой продукт, это я сохраню для себя» («Labour Defended against the Claims of Capital». London, 1825, p. 25). Автором этой превосходной работы является цитированный выше Т. Годскин.

[58a)] *Примечание к 2 изданию.* Это различие между общественным и мануфактурным разделением труда было для янки практически проиллюстрировало. Одним из новых налогов, придуманных в Вашингтоне во время Гражданской войны, был акциз в 6% на «все промышленные продукты». Но вот вопрос: что такое промышленный продукт? Законодатель отвечает: всякая вещь есть продукт, «раз она сделана» (when it is made), а она сделана, раз она готова для продажи. Вот один из многих примеров. Мануфактуры Нью-Йорка и Филадельфии в прошлом «делали» зонтики со всеми их принадлежностями. Но так как зонтик есть mixtum compositum [соединение] совершенно разнородных составных частей, то мало-помалу изготовление последних стало предметом особых отраслей производства, не зависимых друг от друга и расположенных в различных местах. Их частичные продукты входили в качестве самостоятельных товаров в мануфактуру зонтиков, которая лишь соединяет вместе их составные части. Янки назвали такого рода продукты assembled articles (сборными изделиями), и это название они действительно заслужили как сборные пункты для налогов. Так, зонтик «собирает» 6% налога на цену каждого из своих элементов и еще 6% на цену готового продукта.

куплей и продажей продуктов различных отраслей труда; связь же между частичными работами внутри мануфактуры опосредствуется продажей различных рабочих сил одному и тому же капиталисту, который употребляет их как комбинированную рабочую силу. Мануфактурное разделение труда предполагает концентрацию средств производства в руках одного капиталиста, общественное разделение труда — раздробление средств производства между многими не зависимыми друг от друга товаропроизводителями. В мануфактуре железный закон строго определенных пропорций и отношений распределяет рабочие массы между различными функциями; наоборот, прихотливая игра случая и произвола определяет собой распределение товаропроизводителей и средств их производства между различными отраслями общественного труда. Правда, различные сферы производства постоянно стремятся к равновесию, потому что, с одной стороны, каждый товаропроизводитель должен производить потребительную стоимость, т. е. удовлетворять определенной общественной потребности, — причем размеры этих потребностей количественно различны и различные потребности внутренне связаны между собой в одну естественную систему, — с другой стороны, закон стоимости товаров определяет, какую часть находящегося в его распоряжении рабочего времени общество в состоянии затратить на производство каждого данного вида товара. Однако эта постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию является лишь реакцией против постоянного нарушения этого равновесия. Правило, действующее при разделении труда внутри мастерской a priori [заранее] и планомерно, при разделении труда внутри общества действует лишь a posteriori [задним числом], как внутренняя, слепая естественная необходимость, преодолевающая беспорядочный произвол товаропроизводителей и воспринимаемая только в виде барометрических колебаний рыночных цен. Мануфактурное разделение труда предполагает безусловную власть капиталиста над людьми, которые образуют простые звенья принадлежащего ему совокупного

механизма; общественное разделение труда противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей, не признающих никакого иного авторитета, кроме конкуренции, кроме того принуждения, которое является результатом борьбы их взаимных интересов, — подобно тому как в мире животных bellum omnium contra omnes[119] есть в большей или меньшей степени условие существования всех видов. Поэтому буржуазное сознание, которым мануфактурное разделение труда, пожизненное прикрепление работника к какой-нибудь одной операции и безусловное подчинение капиталу частичного рабочего прославляется как организация труда, повышающая его производительную силу, — это же самое буржуазное сознание с одинаковой горячностью поносит всякий сознательный общественный контроль и регулирование общественного процесса производства как покушение на неприкосновенные права собственности, свободы и самоопределяющегося «гения» индивидуального капиталиста. Весьма характерно, что вдохновенные апологеты фабричной системы не находят против всеобщей организации общественного труда возражения более сильного, чем указание, что такая организация превратила бы все общество в фабрику.

Если анархия общественного и деспотия мануфактурного разделения труда взаимно обусловливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства, то, наоборот, более ранние формы общества, в которых обособление ремесел естественно развивается, затем кристаллизуется и, наконец, закрепляется законом, представляют, с одной стороны, картину планомерной и авторитарной организации общественного труда, с другой стороны — совсем исключают разделение труда внутри мастерской или развивают его в карликовом масштабе, или же лишь спорадически и случайно[59)].

Так, например, первобытные мелкие индийские общины, сохранившиеся частью и до сих пор, покоятся на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочившемся разделении труда, которое при основании каждой новой общины служит готовым планом и схемой. Каждая такая община образует самодовлеющее производственное целое, область производства которого охватывает от 100 до нескольких тысяч акров. Главная масса продукта производится для непосредственного потребления самой

[59)] «Можно... установить в качестве общего правила, что чем менее власть руководит разделением труда внутри общества, тем сильнее развивается разделение труда внутри мастерской и тем сильнее оно там подчиняется власти одного лица. Таким образом, по отношению к разделению труда власть в мастерской и власть в общество обратно пропорциональны друг другу» *(Карл Маркс.* «Нищета философии». Париж, 1847, стр. 130, 131 [см. настоящее издание, том 4, стр. 154]).

общины, а не в качестве товара, и потому само производство не зависит от того разделения труда во всем индийском обществе, которое опосредствуется обменом товаров. Только избыток продукта превращается в товар, притом отчасти лишь в руках государства, к которому с незапамятных времен притекает определенное количество продукта в виде натуральном ренгы. В различных частях Индии встречаются различные формы общин. В общинах наиболее простого типа обработка земли производится совместно и продукт делится между членами общины, тогда Как прядением, ткачеством и т. д. занимается каждая семья самостоятельно как домашним побочным промыслом. Наряду с этой массой, занятой однородным трудом, мы находим: «главу» общины, соединяющего в одном лице судью, полицейского и сборщика податей; бухгалтера, ведущего учет в земледелии и кадастр; третьего чиновника, который преследует преступников, охраняет иностранных путешественников и сопровождает их от деревни до деревни; пограничника, охраняющего границы общины от посягательства соседних общин; надсмотрщика за водоемами, который распределяет из общественных водоемов воду, необходимую для орошения полей; брамина, выполняющего функции религиозного культа; школьного учителя, на песке обучающего детей общины читать и писать; календарного брамина, который в качестве астролога указывает время посева, жатвы и вообще благоприятное и неблагоприятное время для различных земледельческих работ; кузнеца и плотника, которые изготовляют и чинят все земледельческие орудия; горшечника, изготовляющего посуду для всей деревни; цирюльника; прачечника, стирающего одежду; серебряных дел мастера и, в отдельных случаях, поэта, который в одних общинах замещает серебряных дел мастера, а в других — школьного учителя. Эта дюжина лиц содержится на счет всей общины. Если население возрастает, на невозделанной земле основывается новая община по образцу старой. Механизм общины обнаруживает планомерное разделение труда, но мануфактурное разделение его немыслимо, так как рынок для кузнеца, плотника и т. д. остается неизменным, и в лучшем случае, в зависимости от величины деревень, встречаются вместо одного два-три кузнеца, горшечника и т. д.[60] Закон, регулирующий разделение общинного труда, действует здесь с непреложной силой закона природы: каждый отдельный ремесленник, например кузнец и т. д., выполняет все относящиеся к его профессии

[60] *Mark Wilks.* Lieutenant Colonel. «Historical Sketches of the South of India». London, 1810—1817, v. I, p. 118—120. Хорошее описание различных форм индийских общин можно найти в работе: *George Campbell.* «Modem India». London, 1852.

операции традиционным способом, однако совершенно самостоятельно, не признавая над собой никакой власти в пределах мастерской. Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем[61)], объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в столь резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики.

Как уже было отмечено, цеховые законы, строго ограничивая число подмастерьев, которым имел право давать работу один мастер, тем самым планомерно препятствовали превращению его в капиталиста. Равным образом мастер мог использовать подмастерьев исключительно в том ремесле, мастером которого он сам был. Цех ревностно охранял себя от всяких посягательств со стороны купеческого капитала, — этой единственной свободной формы капитала, противостоявшей цехам. Купец мог купить всякие товары, но не труд в качестве товара. Его терпели лишь в роли скупщика продуктов ремесла. Если внешние обстоятельства вызывали прогрессирующее разделение труда, то существующие цехи расщеплялись на подвиды или же наряду со старыми основывались новые цехи, однако без объединения различных ремесел в одной и той же мастерской. Таким образом, хотя обособление, изолирование и развитие ремесел цеховой организацией послужило материальной предпосылкой мануфактурного периода, тем не менее сама цеховая организация исключала возможность мануфактурного разделения труда. В общем и целом рабочий срастался: со своими средствами производства настолько же тесно, как улитка с раковиной, и, следовательно, недоставало первой основы мануфактуры: обособления средств производства в качестве капитала, противостоящего рабочему.

[61)] «В этих простых формах... протекала с незапамятных времен жизнь обитателей страны. Границы отдельных деревень изменялись редко; и хотя сами деревни порой разорялись и даже окончательно опустошались войной, голодом или эпидемиями, тем не менее они восстанавливались вновь под тем же самым названием, в тех же самых границах, с теми же интересами и даже о теми же самыми семьями и продолжали существовать целые века. Крушение или разделение государства мало беспокоит обитателей деревни; раз деревня осталась цела, им безразлично, под чью власть она попала, какому суверену должна подчиняться; их внутренняя экономическая жизнь остается неизменной» *(Th. Stamford Raffles,* late Lieut. Gov. of Java. «The History of Java». London, 1817, v. I, p. 285).

В то время как разделение труда в целом обществе — независимо от того, опосредствовано оно товарообменом или нет— свойственно самым различным общественно-экономическим формациям, мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства.

5. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР МАНУФАКТУРЫ

Сосредоточение значительного числа рабочих под командой одного и того же капитала образует естественный исходный пункт как кооперации вообще, так и мануфактуры. В свою очередь мануфактурное разделение труда делает численный рост применяемых рабочих технической необходимостью. Теперь минимум рабочих, которых должен применять отдельный капиталист, предписывается наличным разделением труда. С другой стороны, выгоды дальнейшего разделения труда обусловлены новым увеличением числа рабочих, которое осуществимо лишь таким способом, что сразу увеличиваются в определенных пропорциях все производственные группы данной мастерской. Но вместе с переменной составной частью капитала должна возрастать и постоянная его часть, причем наряду с увеличением общих условий производства — зданий, печей и т. д., должно увеличиваться, — и гораздо быстрее увеличения числа рабочих, — количество сырого материала. Масса сырых материалов, потребляемых в течение данного промежутка времени данным количеством рабочих, увеличивается пропорционально росту производительной силы труда вследствие его разделения. Таким образом, рост минимальной суммы капитала, необходимого для отдельного капиталиста, или растущее превращение общественных жизненных средств и средств производства в капитал есть закон, возникающий из самого технического характера мануфактуры[62)].

В мануфактуре, как и в простой кооперации, функционирующее рабочее тело есть форма существования капитала.

[62)] «Еще недостаточно того, чтобы в обществе имелся капитал» (следовало сказать: жизненные средства и средства производства), «необходимый для данного подразделения ремесел; необходимо кроме того, чтобы напитал этот скопился в руках предпринимателей в достаточно значительных массах; позволяющих вести производство в крупном масштабе... По мере того как развивается разделение труда, неизменное число занятых рабочих требует все более и более значительных затрат капитала в виде орудий, сырых материалов и т. д.» *(Storch.* «Cours d'Economie Politique», парижское издание, т. I, стр. 250, 251). «Концентрация орудий производства и разделение труда так же неотделимы друг от друга, как в области политики неразлучны концентрация государственной власти и расхождение частных интересов» *(Карл Маркс.* «Нищета философии», Париж, 1847, стр. 134 [см. настоящее издание, том 4, стр. 156]).

Общественный производственный механизм, составленный из многих индивидуальных частичных рабочих, принадлежит капиталисту. Вследствие этого производительная сила, возникающая из комбинации различных видов труда, представляется производительной силой капитала. Мануфактура в собственном смысле не только подчиняет самостоятельного прежде рабочего команде и дисциплине капитала, но создает кроме того иерархическое расчленение самих рабочих. В то время как простая кооперация оставляет способ труда отдельных лиц в общем и целом неизменным, мануфактура революционизирует его снизу доверху и поражает индивидуальную рабочую силу в самом ее корне. Мануфактура уродует рабочего, искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя мир его производственных наклонностей и дарований, подобно тому как в Аргентине убивают животное для того, чтобы получить его шкуру или его сало. Не только отдельные частичные работы распределяются между различными индивидуумами, но и сам индивидуум разделяется, превращается в автоматическое орудие данной частичной работы[63)], и таким образом осуществляется пошлая басня Менения Агриппы[120], которая изображает человека в виде части его собственного тела[64)]. Если первоначально рабочий продает свою рабочую силу капиталу потому, что у него нет материальных средств для производства товара, то теперь сама его индивидуальная рабочая сила не может быть использована до тех пор, пока она не запродана капиталу. Она способна функционировать лишь в связи с другими, а эта связь осуществляется лишь после продажи, в мастерской капиталиста. Ставший неспособным делать что-либо самостоятельное, мануфактурный рабочий развивает производительную деятельность уже только как принадлежность мастерской капиталиста[65)]. Как на чело избранного народа было начертано, что он — собственность Иеговы, точно так же на мануфактурного рабочего разделение труда накладывает печать собственности капитала.

---

63) Дагалд Стюарт называет мануфактурных рабочих «живыми автоматами... употребляемыми для частичных трудовых операций» *(Dugald Stewart,* цит. соч., стр. 318).

64) У кораллов каждый индивидуум действительно представляет желудок всей группы. Но он доставляет группе питательные вещества, а не отнимает их, как римские патриции у плебеев.

65) «Работник, владеющий своим ремеслом во всем его объеме, может везде заниматься производительной деятельностью и добывать себе средства к существованию; наоборот, второй» (мануфактурный рабочий) «представляет собой только аксессуар, который отдельно от своих товарищей не обладает ни способностью к труду, ни необходимой для этого самостоятельностью, и вынужден принимать те условия, которые работодателю угодно будет ему предложить» (*Storch*. «Cours d'Economie Politique», edit. Petersbourg, 1815, t. I, p. 204).

Познания, рассудительность и воля, которые, пусть даже в незначительных масштабах, развивает самостоятельный крестьянин или ремесленник, — подобно тому как у дикаря все его военное искусство проявляется как личная хитрость, — требуются здесь только от всей мастерской в целом. Духовные потенции производства расширяют свой масштаб на одной стороне потому, что на многих других сторонах они исчезают совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале[66]. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и господствующая над ними сила. Этот процесс отделения начинается в простой кооперации, где капиталист по отношению к отдельному рабочему представляет единство и волю общественного трудового организма. Он развивается далее в мануфактуре, которая уродует рабочего, превращая его в частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет ее служить капиталу[67].

В мануфактуре обогащение совокупного рабочего, а следовательно, и капитала общественными производительными силами обусловлено обеднением рабочего индивидуальными производительными силами.

«Невежество есть мать промышленности, как и суеверий. Сила размышления и воображения подвержена ошибкам; но привычка двигать рукой или ногой не зависит ни от того, ни от другого. Поэтому мануфактуры лучше всего процветают там, где наиболее подавлена духовная жизнь, так что мастерская может рассматриваться как машина, части которой составляют люди»[68].

И в самом деле, в середине XVIII века некоторые мануфактуры предпочитали употреблять полуидиотов для выполнения некоторых простых операций, составляющих, однако, фабричную тайну[69].

«... Умственные способности и развитие большей части людей», — говорит А. Смит, — «необходимо складываются в соответствии с их обычными занятиями. Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении

---

[66] *A. Ferguson*, цит. соч., стр. 281: «Один выиграл то, что потерял другой».

[67] «Человек науки отделяется от производительного рабочего целой пропастью, и наука вместо того, чтобы служить в руках рабочего средством для увеличения его собственной производительной силы, почти везде противопоставляет себя ему... Познание становится орудием, которое способно отделиться от труда и выступить против него враждебно» *(W. Thompson.* «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth». London, 1824, p. 274).

[68] *A. Ferguson*, цит. соч., стр. 280.

[69] *J. D. Tuckett*. «A History of the Past and Present State of the Labouring Population». London, 1846, v. 1, p. 148.

немногих простых операций... не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность... становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо».

Обрисовав тупость частичного рабочего, А. Смит продолжает:

«Однообразие его неподвижной жизни естественно подрывает мужество его характера... Оно ослабляет даже деятельность его тела и делает его неспособным напрягать свои силы сколько-нибудь продолжительное время для иного какого-либо занятия, кроме того, к которому он приучен. Его ловкость и умение в его специальной профессии представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств. Но в каждом развитом цивилизованном общество в такое именно состояние должны неизбежно впадать трудящиеся бедняки (the labouring poor), т. е. основная масса народа»[70].

Чтобы предотвратить полное захирение этой основной массы народа, проистекающее из разделения труда, А. Смит рекомендует государственную организацию народного образования, впрочем, в самых осторожных, гомеопатических дозах. Вполне последовательно выступает против этого его французский переводчик и комментатор Гарнье, который при Первой империи естественно превратился в сенатора. Народное образование противоречит, по его мнению, основным законам разделения труда; организацией народного образования мы

«обрекли бы на уничтожение всю нашу общественную систему». «Отделение физического труда от умственного»[71], — говорит он, — «как и всякое иное разделение труда, становится все более глубоким и решительным по мере того, как богатеет общество» (он правильно употребляет это выражение для обозначения капитала, земельной собственности и их государства). «Это разделение труда, как и всякое другое, является результатом предшествующего и причиной грядущего прогресса... Неужели же правительство должно противодействовать этому разделению труда и задерживать его естественный ход? Неужели оно должно затрачивать часть государственных доходов на эксперимент, имеющий целью смешать и спутать вместе два класса труда, стремящиеся к разделению и обособлению?»[72]

---

[70] *A. Smith.* «Wealth of Nations», b. V, ch. 1, art. II. Как ученик Фергюсона, который показал вредные последствия разделения труда, А. Смит имел на этот счет полную ясность. В начале своего труда, где он ex professo [специально] прославляет разделение труда, он лишь мимоходом указывает на него как на источник общественного неравенства. Лишь в пятой книге, посвященной государственным доходам, он воспроизводит Фергюсона. В «Нищете философии» я уже сказал все необходимое об исторической связи между Фергюсоном, А. Смитом, Лемонте и Сэем в критике ими разделения труда; там же я впервые представил мануфактурное разделение труда как специфическую форму капиталистического способа производства. (*Карл Маркс*. «Нищета философии». Париж, 1847, стр. 122 и сл. [см. настоящее издание, том 4, стр. 148—156]).

[71] Фергюсон уже в «History of Civil Society». Edinburgh, 1767, p. 281, говорит: «И самое мышление в этот век разделения труда становится особой профессией».

[72] *G. Garnier*, том V его перевода [Смита], стр. 4—5.

Некоторое духовное и телесное уродование неизбежно даже при разделении труда внутри всего общества в целом. Но так как мануфактурный период проводит значительно дальше это общественное расщепление различных отраслей труда и так как, с другой стороны, лишь специфически мануфактурное разделение труда поражает индивидуума в самой его жизненной основе, то материал и стимул для промышленной патологии дается впервые лишь мануфактурным периодом[73)].

«Рассечение человека называется казнью, если он заслужил смертный приговор, убийством, если он его не заслужил. Рассечение труда есть убийство народа»[74)].

Кооперация, покоящаяся на разделении труда, или мануфактура, вначале представляет собой стихийно выросшее образование. Но как только она приобретает известную устойчивость и достаточную широту распространения, она становится сознательной, планомерной и систематической формой капиталистического способа производства. История мануфактуры в собственном смысле показывает, как характерное для нее разделение труда сначала приобретает целесообразные формы чисто эмпирически, как бы за спиной действующих лиц, а затем, подобно цеховому ремеслу, стремится традицией закрепить раз найденную форму и, в отдельных случаях, закрепляет ее на целые века. Если эта форма изменяется, то, — за исключением совершенно второстепенных перемен, — всегда лишь в результате революции в орудиях труда. Современная мануфактура, — я не говорю здесь о крупной промышленности, покоящейся на применении машин, — или находит свои disjecta membra poetae[123] уже в готовом виде, — например мануфактура платья в тех крупных городах, где она возникает, — и ей приходится только собрать эти разрозненные члены, или же принцип разделения напрашивается сам собой, требуя

[73)] Рамаццини, профессор практической медицины в Падуе, опубликовал в 1700 г. свой труд: «De morbis artificum», переведенный затем в 1777 г. на французский язык и снова напечатанный в 1841 г. в «Encyclopedie des Sciences Medicales. 7eme Division Auteurs Classiques». Период крупной промышленности, разумеется, намного увеличил его каталог профессиональных заболеваний рабочих. См. между прочим: «Hygiene phisique et morale de l'ouvrier dans les grandes villes en general, et dans la ville de Lyon en particulier». Par le Dr. *A. L. Fonteret,* Paris, 1858, и *R. H. Rohatzsch.* «Die Krankheiten, welche verschiedenen Standen, Altern und Geschlechtern eigenthumlich sind». 6 Bande. Ulm, 1840. В 1854 г. Общество искусств и ремесел[121] назначило комиссию по изучению промышленной патологии. Список документов, собранных этой комиссией, можно найти в каталоге Туикнемского экономического музея. Очень важный материал дают официальные «Reports on Public Health». См. также: *Eduard Reich,* M. D. «Ueber die Entartung des Menschen». Erlangen, 1868.

[74)] *D. Urquhart.* «Familiar Words». London, 1855, p. 119. Гегель придерживался очень еретических взглядов относительно разделения труда. «Под образованным человеком следует разуметь прежде всего того, кто может сделать все то, что делают другие», — говорит он в своей «Философии права»[122].

просто передачи отдельных операций ремесленного производства (например в переплетном деле) особым рабочим. В таких случаях не требуется и недели опыта, чтобы найти надлежащую пропорцию между числом рук, необходимых для отправления каждой функции[75].

Мануфактурное разделение труда путем расчленения ремесленной деятельности, специализации орудий труда, образования частичных рабочих, их группировки и комбинирования в один совокупный механизм, создает качественное расчленение и количественную пропорциональность общественных процессов производства, т. е. создает определенную организацию общественного труда и вместе с тем развивает новую, общественную производительную силу труда. Как специфически капиталистическая форма общественного процесса производства, — а на той исторической основе, на которой оно возникает, оно может развиваться только в капиталистической форме, — оно есть лишь особый метод производить относительную прибавочную стоимость или усиливать за счет рабочего самовозрастание капитала, что обычно называют общественным богатством, «богатством народов» и т. д. Оно не только развивает общественную производительную силу труда для капиталиста, а не для рабочего, но и развивает ее путем уродования индивидуального рабочего. Оно производит новые условия господства капитала над трудом. Поэтому, если, с одной стороны, оно является историческим прогрессом и необходимым моментом в экономическом развитии общества, то, с другой стороны, оно есть орудие цивилизованной и утонченной эксплуатации.

Политическая экономия, которая как самостоятельная наука возникает лишь в мануфактурный период, рассматривает общественное разделение труда вообще лишь с точки зрения мануфактурного разделения труда[76] как средство с тем же количеством труда произвести больше товара, следовательно удешевить товары и ускорить накопление капитала. В прямую противоположность этому подчеркиванию количественной стороны дела и меновой стоимости, авторы классической древности обращают внимание исключительно на качество и на

[75] Наивная вера в изобретательский гений, a priori [заранее, независимо от опыта] проявляемый отдельными капиталистами в области разделения труда, сохранилась еще только у немецких профессоров, вроде, например, г-на Рошера, который жалует капиталисту «различные заработные платы» в благодарность за то, что из юпитеровой головы последнего выскакивает в готовом виде разделение труда. Большее или меньшее разделение труда на практике зависит от величины кошелька, а не от размеров гения.

[76] Более ранние авторы, как, например, Петти или анонимный автор «Advantages of the East-India. Trade» и т. д., определеннее, чем А. Смит, указывают на капиталистический характер мануфактурного разделения труда.

потребительную стоимость[77]. Вследствие разделения общественных отраслей производства товары изготовляются лучше, различные склонности и таланты людей избирают себе соответствующую сферу деятельности[78], а без ограничения сферы деятельности нельзя ни в одной области совершить ничего значительного[79]. Таким образом, и продукт и его производитель совершенствуются благодаря разделению труда. Если писатели классической древности и упоминают иногда о росте массы производимых продуктов, то их интересует при этом лишь обилие потребительных стоимостей. Ни одной строчки не посвящено меновой стоимости, удешевлению товаров. Точка зрения потребительной стоимости господствует как у Платона[80],

[77] Среди авторов нового времени исключение составляют лишь некоторые авторы XVIII столетия, которые в вопросе о разделении труда ограничиваются почти исключительно повторением древних. Таковы Беккариа и Джемс Харрис. Беккариа пишет: «Каждый знает по собственному опыту, что, применяя всегда руки и ум к одинаковому роду труда и к изготовлению одних и тех же продуктов, он достигает с большей легкостью более значительных и лучших результатов... чем в том случае, если бы каждый сам изготовлял для себя необходимые вещи... Таким образом, в интересах общей и индивидуальной пользы люди разделены на различные классы и состояния» (*Cesare Beccaria.* «Elementi di Economia Publica», издание Кустоди, Parte Moderna, t. XI, p. 28). Джемс Харрис, впоследствии граф Малмсбери, известный своими «Diaries» [«Дневниками»] о пребывании в Петербурге в качестве посла, сам говорит в одном из примечаний к своему «Dialogue concerning Happiness». London, 1741[124] (впоследствии переиздано в «Three Treatises etc.», 3nd ed. London, 1772): «Все доказательства естественности общества» (а именно доказательства, основанные на принципе «разделения занятий») «... взяты мной из второй книги Платона «Государство»».

[78] Так, например, мы читаем в «Одиссее», песнь XIV, стих 228: «αλλζ γαρ τ'αλλοισιν ανηρ επιερπεται εργοιζ» [«Люди не сходны: те любят одно, а другие — другое»], а Архилох у Секста Эмпирика говорит: [«αλλοζ αλλφ επ εργφ χαρδιην ιαινεται» [«одно дело радует сердце одного, другое — другого»][125].

[79] «Πολλ' 'ηπιστατο εργα, χαχωζ δ'ηπιστατο παντα» [«Много знал он дел, но каждое из них знал плохо»]. — Афинянин как производитель товаров чувствовал свое превосходство над спартанцами, так как последние располагали для войны лишь людьми, а не деньгами, что Фукидид и высказывает устами Перикла в речи, призывающей афинян к Пелопоннесской войне: «σωμασι τε ετοιμοτεροι οι αυτουργοι των αννρωπων η χρημασι πολεμειν» [«люди, производящие для собственного потребления, скорее отдадут войне свои тела, нежели деньги»] *(Фукидид,* кн. I, гл. 141). Тем не менее их идеалом, даже в области материального производства, была αυταρχεια [автаркия], противоречащая разделению труда: «παρ' ων γαρ το ευ παρα τουτων χαι το αυταρχεζ» [«откуда возникает благо, оттуда и самостоятельность»]. Необходимо при этом принять во внимание, что даже в эпоху низвержения 30 тиранов[126] не насчитывалось и 5000 афинян без земельной собственности.

[80] Платон выводит разделение труда внутри общины из разносторонности потребностей и односторонности способностей индивидуумов. Основное его положение состоит в том, что работник должен приспособляться к делу, а не дело к работнику, — но последнее неизбежно, раз работник занимается несколькими профессиями сразу, т. е. выполняет ту или иную из них как побочное занятие. «Ибо дело не должно ожидать досуга производителя, но необходимо, чтобы производитель совершал свое дело прилежно, а не между прочим. — Необходимо. — Ведь каждая вещь производится легче и лучше и в большем количестве, когда человек делает лишь одно дело, соответствующее его склонностям, и в надлежащее время, свободное от всяких других занятий» («Respublica», I, II, ed. Baiter, Orelli etc.). Подобные мысли мы находим и у Фукидида, кн. I, глава 142: «Морское дело есть такое же искусство, как и всякое другое, и им нельзя заниматься между прочим, как побочным занятием; скорее наоборот, оно не терпит рядом с собой никакого побочного занятия». Если дело будет дожидаться работника, говорит Платон, то зачастую критический момент производства будет упущен и продукт испорчен

который видит в разделении труда основу распадения общества на сословия, так и у Ксенофонта[81)], который с характерным для него буржуазным инстинктом ближе подходит к принципу разделения труда внутри мастерской. Поскольку в республике Платона[127] разделение труда является основным принципом строения государства, она представляет собой лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя; Египет Ь для других авторов, современников Платона, например Исократа[82)], был образцом промышленной страны, он сохраняет это свое значение даже в глазах греков времен Римской империи[83)].

В собственно мануфактурный период, т. е. в период, когда мануфактура является господствующей формой капиталистического способа производства, полное осуществление присущих ей тенденций наталкивается на разнообразные препятствия. Хотя мануфактура создает, как мы видели, наряду с иерархическим расчленением рабочих простое разделение их на обученных

(«εργου χαιρον διολλυται»). Эту же платоновскую идею мы встречаем в протесте английских владельцев белилен против того параграфа фабричного акта, которым устанавливается определенный час для обеда рабочих. Их производство не может сообразоваться с рабочими, ибо «в различных операциях обжигания, промывания, беления, катанья, лощения и окрашивания приостановка в заранее назначенный момент невозможна без риска порчи... Установить для всех рабочих один и тот же обязательный обеденный перерыв — значило бы подвергнуть ценные продукты риску порчи вследствие незаконченности операций». Le platonisme ou va-t-il se nicher! [Куда только не проникает платонизм!]

[81)] Ксенофонт рассказывает, что получение кушаний со стола персидского царя приятно не только потому, что это большая честь, но и потому, что кушания эти вкуснее других. «И это неудивительно, ибо, подобно тому как все прочие искусства особенно усовершенствованы в крупных городах, точно так же и царские кушания несравненны по своему достоинству. В мелких городах один и тот же человек делает ложа, двери, плуги, столы; иногда он, кроме того, строит дома, и очень рад, если имеет достаточное количество заказов, необходимых для поддержания его жизни. Совершенно невозможно, чтобы человек, занимающийся столь различными делами, все делал хорошо. Но в крупных городах, где каждый работник находит многих покупателей, ему достаточно знать одно ремесло, чтобы прокормиться. Зачастую даже нет необходимости знать ремесло в целом, бывает так, что один делает только мужские башмаки, другой — только женские. В отдельных случаях один только шьет башмаки, другой только кроит для них кожу, или один только кроит платье, другой лишь соединяет вместе куски материи. Неизбежно, что тот, кто выполняет наиболее простую работу, выполняет ее наилучшим образом. То же самое относится и к поварскому искусству» *(Xenophon.* «Cyropaedie», 1. VIII, cap. 2). Внимание обращено здесь исключительно на качество потребительной стоимости, хотя уже Ксенофонт знает, что масштаб разделения труда зависит от размеров рынка.

[82)] «Он» (Бузирис) «разделил всех на особые касты... повелел, чтобы одни и те же люди всегда занимались одним и тем же делом, ибо он знал. что те, которые часто меняют свои занятия, ни одно из них не осваивают основательно; те же, которые постоянно занимаются одним и тем же делом, выполняют его наиболее совершенно. И действительно, мы видим, что в области искусства и ремесел египтяне превзошли своих соперников больше, чем мастер превосходит неумелого работника, и создали столь совершенные учреждения для охраны царской власти и государственного строя, что знаменитые философы, касавшиеся этого вопроса, восхваляют государственное устройство Египта более, чем какое-либо другое» (*Isocratis*. «Busiris», cap. 8).

[83)] Ср. *Diodorus Siculus* [«Diodor's v. Sicilien Historische Bibliothek», B. I, 1831].

и необученных, число последних остается весьма ограниченным в силу преобладающего значения первых. Хотя мануфактура приспособляет отдельные операции к различным степеням зрелости, силы и развития своих живых рабочих органов и, следовательно, прокладывает путь производительной эксплуатации женщин и детей, тем не менее эта тенденция в общем и целом терпит крушение благодаря сопротивлению взрослых рабочих мужчин, привычкам которых она противоречит. Хотя разложение ремесленной деятельности понижает издержки обучения, а потому и стоимость рабочего, тем не менее для более трудных частичных работ длительный срок обучения остается необходимым и ревностно охраняется рабочими даже там, где он излишен. Мы видим, например, что в Англии laws of apprenticeship [законы об ученичестве] с их семилетним сроком обучения сохраняют полную силу до конца мануфактурного периода и они отбрасываются лишь крупной промышленностью. Так как ремесленное искусство остается основой мануфактуры и функционирующий в ней совокупный механизм лишен независимого от самих рабочих объективного скелета, то капиталу постоянно приходится бороться с нарушением субординации со стороны рабочих.

«Такова слабость человеческой природы», — восклицает наш милейший Юр, — «что чем рабочий искуснее, тем он своевольнее, тем труднее подчинить *ею* дисциплине и, следовательно, тем больший вред приносит он своими капризами совокупному механизму»[84)].

Поэтому в течение всего мануфактурного периода не прекращаются жалобы на недисциплинированность рабочих[85)]. И если бы даже у нас не было показаний со стороны авторов того времени, то одни уже факты, что начиная с XVI столетия и вплоть до эпохи крупной промышленности капиталу не удавалось подчинить себе все то рабочее время, каким располагает мануфактурный рабочий, что мануфактуры недолговечны и вместе с эмиграцией или иммиграцией рабочих покидают одну страну, чтобы возникнуть в другой, — уже одни эти факты говорят нам не меньше, чем целые библиотеки. «Порядок должен быть установлен тем или иным способом», — взывает в 1770 г. неоднократно цитированный нами автор «Essay on Trade and Commerce». «Порядок», — подхватывает 66 лет спустя доктор Эндрью Юр, — «порядок» отсутствовал в мануфактуре, основанной «на схоластической догме разделения труда», и «Аркрайт создал порядок».

[84)] *Ure*. «Philosophy of Manufactures», p. 20.

[85)] Сказанное в тексте гораздо более применимо к Англии, чем к Франции, и к Франции более, чем к Голландии.

Вместе с тем мануфактура не была в состоянии ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы. Ее собственный узкий технический базис вступил на известной ступени развития в противоречие с ею же самой созданными потребностями производства.

Одним из наиболее совершенных созданий мануфактуры была мастерская для производства самих орудий труда, особенно сложных механических аппаратов, уже применявшихся в то время.

«Такая мастерская», — говорит Юр, — «представляла собой картину разделения труда со всеми его многочисленными ступенями. Сверло, резец, токарный станок имели каждый своего собственного рабочего, иерархически связанного с другими тем или иным способом в зависимости от степени его искусства»[128].

Этот продукт мануфактурного разделения труда, в свою очередь, производил машины. Последние устраняют ремесленный тип труда как основной принцип общественного производства. Этим, с одной стороны, устраняется техническая основа пожизненного прикрепления рабочего к данной частичной функции. С другой стороны, падают те преграды, которые этот принцип еще ставил господству капитала.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
МАШИНЫ И КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

1. РАЗВИТИЕ МАШИН

Джон Стюарт Милль говорит в своих «Основаниях политической экономии»;

«Сомнительно, чтобы все сделанные до сих пор механические изобретения облегчили труд хотя бы одного человеческого существа»[86].

Но перед капиталистически применяемыми машинами вовсе и не ставится такой цели. Подобно всем другим методам развития производительной силы труда, они должны удешевлять товары, сокращать ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя, и таким образом удлинять другую часть его рабочего дня, которую он даром отдает капиталисту. Машины — средство производства прибавочной стоимости.

В мануфактуре исходной точкой переворота в способе производства служит рабочая сила, в крупной промышленности — средство труда. Поэтому прежде всего необходимо исследовать, каким образом средство труда из орудия превращается в машину, или чем отличается машина от ремесленного инструмента. Конечно, речь идет лишь о крупных, общих, характерных чертах, потому что эпохи истории общества, подобно эпохам истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно строгими границами.

Математики и механики — и это повторяют некоторые английские экономисты—говорят, что орудие есть простая машина, а машина есть сложное орудие. Они не видят никакого существенного различия между ними и даже простейшие механизмы, как рычаг, наклонную плоскость, винт, клин и т. д., называют машинами[87]. Действительно, каждая машина состоит из таких

[86] Миллю следовало бы сказать: «хотя бы одного человеческого существа, не живущего чужим трудом», потому что машины, несомненно, сильно увеличили число знатных бездельников.

[87] См., например, *Hutton.* «Course of Mathematics».

простейших механизмов, каковы бы ни были их формы и сочетания. Однако с экономической точки зрения это определение совершенно непригодно, потому что в нем отсутствует исторический элемент. С другой стороны, различие между орудием и машиной усматривают в том, что при орудии движущей силой служит человек, а движущая сила машины — сила природы, отличная от человеческой силы, например животное, вода, ветер и т. д.[88]. Но тогда запряженный быками плуг, относящийся к самым различным эпохам производства, был бы машиной, а кругловязальный станок Клауссена, который приводится в движение рукой одного рабочего и делает 96000 петель в минуту, был бы простым орудием. Мало того: один и тот же ткацкий станок был бы орудием, если он приводится в движение рукой, и — машиной, если приводится в движение паром. Так как применение силы животных представляет собой одно из древнейших изобретений человечества, то оказалось бы, что машинное производство предшествовало ремесленному производству. Когда Джон Уайетт в 1735 г. возвестил о своей прядильной машине, а вместе с этим — о промышленной революции XVIII века, он ни звуком не упомянул о том, что осел, а не человек приводит эту машину в движение, и, тем не менее, эта роль действительно досталась ослу. Машина для того, «чтобы прясть без помощи пальцев», — так говорилось в программе Джона Уайетта[89].

[88] «С этой точки зрения можно также провести резкую границу между орудием и машиной: заступ, молот, долото и т. д., системы рычагов л винтов, для которых, как бы искусно они ни были сделаны, движущей силой служит человек... все это подходит под понятие орудия; между тем плуг с движущей его силой животных, ветряные и т. д. мельницы следует причислить к машинам» *(Wilhelm Schulz.* «Die Bewegung der Produktion». Zurich, 1843, S. 38). Работа в некоторых отношениях достойна похвалы.

[89] Уже до него применялись прядильные машины, хотя очень несовершенные, по всей вероятности раньше всего в Италии. Критическая история технологии вообще показала бы, как мало какое бы то ни было изобретение XVIII столетия принадлежит тому или иному отдельному лицу. Но до сих пор такой работы не существует. Дарвин интересовался историей естественной технологии, т. е. образованием растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации? И не легче ли было бы написать ее, так как, по выражению Вико, человеческая история тем отличается от истории природы, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами? Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений. Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса, — некритична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод. Недостатки абстрактного естественнонаучного материализма, исключающего исторический процесс, обнаруживаются уже в абстрактных и идеологических представлениях его защитников, едва лишь они решаются выйти за пределы своей специальности.

Всякое развитое машинное устройство состоит из трех существенно различных частей: машины-двигателя, передаточного механизма, наконец машины-орудия, или рабочей машины. Машина-двигатель действует как движущая сила всего механизма. Она или сама порождает свою двигательную силу, как паровая машина, калорическая машина[129], электромагнитная машина и т. д., или же получает импульс извне, от какой-либо готовой силы природы, как водяное колесо от падающей воды, крыло ветряка от ветра и т. д. Передаточный механизм, состоящий из маховых колес, подвижных валов, шестерен, эксцентриков, стержней, передаточных лент, ремней, промежуточных приспособлений и принадлежностей самого различного рода, регулирует движение, изменяет, если это необходимо, его форму, например превращает из перпендикулярного в круговое, распределяет его и переносит на рабочие машины. Обе эти части механизма существуют только затем, чтобы сообщить движение машине-орудию, благодаря чему она захватывает предмет труда и целесообразно изменяет его. Промышленная революция в XVIII веке исходит как раз от этой части — от машины-орудия. Она же и теперь образует всякий раз исходный пункт при превращении ремесленного или мануфактурного производства в машинное производство.

Если мы присмотримся ближе к машине-орудию, или собственно рабочей машине, то мы в общем и целом увидим в ней, хотя часто и в очень измененной форме, все те же аппараты и орудия, которыми работают ремесленник и мануфактурный рабочий; но это уже орудия не человека, а орудия механизма, или механические орудия. Мы увидим, что или вся машина представляет собой лишь более или менее измененное механическое издание старого ремесленного инструмента, как в случае с механическим ткацким станком[90)], или прилаженные к остову рабочей машины действующие органы являются старыми знакомыми, как веретена у прядильной машины, спицы у чулочновязальной машины, пилы у лесопильной машины, ножи у резальной машины и т. д. Отличие этих орудий от самого тела рабочей машины обнаруживается еще при их производстве. А именно, эти орудия производятся по большей части все еще ремесленным или мануфактурным способом и затем укрепляются на теле рабочей машины, произведенном машинным способом[91)].

---

90) Особенно в первоначальной форме механического ткацкого станка с первого же взгляда можно узнать старинный ткацкий станок. В своей современной форме он является существенно измененным.

91) Только приблизительно с 1850 г, все большая и бо́льшая доля орудий для рабочих машин начинает изготовляться в Англии машинным способом, хотя и не теми фабрикантами, которые производят самые машины. Машинами для производства таких механических орудий служат, например, автоматическая шпульная машина, кардо-наборная машина, машины для производства берд и для изготовления веретен к мюль-машинам и ватер-машинам.

Итак, рабочая машина — это такой механизм, который, получив соответственное движение, совершает своими орудиями те самые операции, которые раньше совершал рабочий подобными же орудиями. Исходит ли движущая сила от человека или же, в свою очередь, от машины — это ничего не изменяет в существе дела. После того как собственно орудие перешло от человека к механизму, машина заступает место простого орудия. Различие между машиной и орудием с первого же взгляда бросается в глаза, хотя бы первичным двигателем все еще оставался сам человек. Количество рабочих инструментов, которыми человек может действовать одновременно, ограничено количеством его естественных производственных инструментов, количеством органов его тела. В Германии как-то сделали попытку заставить прядильщика двигать два прядильных колеса, т. е. работать одновременно обеими руками и обеими ногами. Но это требовало слишком большого напряжения. Позже изобрели ножную прялку с двумя веретенами, но такие прядильщики-виртуозы, которые могли бы одновременно прясть две нитки, встречались почти так же редко, как двуголовые люди. Напротив, дженни[130] уже с самого своего появления прядет 12—18 веретенами, чулочновязальная машина разом вяжет многими тысячами спиц и т. д. Таким образом, количество орудий, которыми одновременно действует одна и та же рабочая машина, с самого начала освобождается от тех органических ограничений, которым подвержено ручное орудие рабочего.

Во многих ручных орудиях различие между человеком как простой двигательной силой и как рабочим, выполняющим работу в собственном смысле, приобретает чувственно воспринимаемую форму. Например, при работе на прялке нога действует только как двигательная сила, между тем как рука, работающая с веретеном, щиплет и крутит, т. е. выполняет операцию собственно прядения. Как раз рабочая часть ремесленного инструмента прежде всего и захватывается промышленной революцией, оставляющей за человеком на первое время, наряду с новым трудом по наблюдению за машиной и по исправлению своими руками ее ошибок, также и чисто механическую роль двигательной силы. Напротив, орудия, на которые человек с самого начала действовал только как простая двигательная сила, — как, например, при вращении вала мельницы[92)],

при качании насосом, при поднимании и опускании рукоятки кузнечного меха, при толчении

[92)] Моисей-египтянин говорит: «Не завязывай рта волу, когда он молотит»[131]. Напротив, христианско-германские филантропы вешали своим крепостным, которыми они пользовались как двигательной силой при размолке, большие деревянные круги на шею, чтобы крепостные не могли подносить рукой муку ко рту.

в ступе и т. д., — эти орудия прежде всего вызывают применение животных, воды, ветра[93] как двигательных сил. Отчасти в мануфактурный период, в единичных же случаях уже задолго до него, эти орудия развиваются в машины, но они не революционизируют способа производства. Что они даже в своей ремесленной форме уже являются машинами, это обнаруживается в период крупной промышленности. Насосы, например, посредством которых голландцы выкачали в 1836—1837 гг. Гарлемское озеро, были устроены по принципу обыкновенных насосов, с той только разницей, что их поршни приводились в движение не человеческими руками, а циклопическими паровыми машинами. Обыкновенный и очень несовершенный кузнечный мех еще и теперь иногда превращается в Англии в механический мех посредством простого соединения его рукояти с паровой машиной. И даже паровая машина в том виде, как она была изобретена в конце XVII века, в мануфактурный период, и просуществовала до начала 80-х годов XVIII века[94], не вызвала никакой промышленной революции. Наоборот, именно создание рабочих машин сделало необходимой революцию в паровой машине. С того времени, как человек, вместо того чтобы действовать орудием на предмет труда, начинает действовать просто как двигательная сила на рабочую машину, тот факт, что носителями двигательной силы являются человеческие мускулы, становится уже случайным, и человек может быть заменен ветром, водой, паром и т. д. Это, естественно, не исключает того, что такая замена зачастую требует больших технических изменений в механизме, который первоначально был построен в расчете исключительно на человеческую двигательную силу. В настоящее время все машины, которым еще приходится прокладывать себе дорогу, как, например, швейные машины, машины для приготовления хлеба и т. д., если их назначением не исключается с самого начала малый

[93] Частью недостаток естественных водопадов, частью борьба с избытком воды в других формах заставили голландцев применять ветер в качестве двигательной силы. Самые ветряные двигатели голландцы заимствовали из Германии, где это изобретение вызвало серьезную борьбу между дворянством, попами и императором из-за того, кому же из них троих «принадлежит» ветер. В Германии говорили, что воздух порабощает, между тем как именно ветер освободил Голландию. Здесь он покорил не голландцев, а землю для голландцев. Еще в 1836 г. в Голландии было в ходу 12000 ветряных двигателей в 6000 лошадиных сил, которые предохраняли две трети страны от обратного превращения в болото.

[94] Правда, она была уже значительно усовершенствована Уаттом в его первой, так называемой паровой машине простого действия, но в этой форме оставалась простой машиной для откачки воды и соляного раствора.

масштаб, имеют такую конструкцию, что для них одинаково пригодна и человеческая, и чисто механическая двигательная сила.

Машина, от которой исходит промышленная революция, заменяет рабочего, действующего одновременно только одним орудием, таким механизмом, который разом оперирует множеством одинаковых или однородных орудий и приводится в действие одной двигательной силой, какова бы ни была форма последней[95)]. Здесь мы имеем перед собой машину, но пока еще только как простой элемент машинного производства.

Увеличение размеров рабочей машины и количества ее одновременно действующих орудий требует более крупного двигательного механизма, а этот механизм нуждается в более мощной двигательной силе, чем человеческая, чтобы преодолеть его собственное сопротивление, — мы не говорим уже о том, что человек представляет собой крайне несовершенное средство для производства однообразного и непрерывного движения. Поскольку предположено, что человек действует уже только как простая двигательная сила и что, следовательно, место его орудия заступила машина-орудие, то силы природы могут заменить его и как двигательную силу. Из всех крупных двигательных сил, унаследованных от мануфактурного периода, сила лошади была наихудшей отчасти потому, что у лошади есть своя собственная голова, отчасти потому, что она дорога и может применяться на фабриках лишь в ограниченных размерах[96)]. Тем не менее в период детства крупной промышленности лошадь

[95)] «Соединение всех этих простых инструментов, приводимых в движение одним общим двигателем, составляет машину» *(Babbage,* цит. соч. [стр. 136]).

[96)] В декабре 1859 г. Джон Ч. Мортон прочел в Обществе искусств и ремесел доклад о «силах, применяемых в земледелии». В нем говорится, между прочим, следующее: «Всякое улучшение, придающее более правильную форму участку земли, обеспечивает возможность применения паровой машины для производства чисто механической силы... Сила лошади требуется там, где кривые изгороди и другие препятствия делают невозможными однообразные движения. Такие препятствия с каждым днем все больше устраняются. В таких операциях, которые требуют сравнительно больше проявления воли и меньше физической силы, единственно применимой является человеческая сила, как сила, во всякий момент направляемая человеческим умом». Затем г-н Мортон сводит паровую силу, силу лошади и человеческую силу к единице измерения, принятой для паровых машин, т. е. к силе, способной поднять 33000 фунтов на высоту одного фута в минуту, и исчисляет издержки на одну паровую лошадиную силу; при паровой машине в 3 пенса, при применении лошади в $5^1/_2$ пенсов за час. Далее, для того чтобы лошадь оставалась здоровой, она не должна работать более 8 часов в день. Применяя силу пара к возделыванию земли, каждую семерку лошадей можно уменьшить по меньшей мере на 3 лошади, причем издержки на паровую машину в течение целого года будут не больше, чем издержки на этих замененных лошадей в течение тех 3 или 4 месяцев, когда они только и находят себе действительное применение. Наконец, в тех земледельческих операциях, где можно применять паровую силу, получается продукт лучшего качества, чем при пользовании силой лошади. Чтобы выполнить работу паровой машины, пришлось бы применять 66 рабочих о общей суммой заработной платы в 15 шилл. за час, а чтобы выполнить работу лошади, пришлось бы применять 32 рабочих с общей суммой платы в 8 шилл. за час.

применялась довольно часто, о чем свидетельствуют не только жалобы агрономов того времени, но и сохранившийся до сих пор способ выражать величину механической силы в лошадиных силах. Что касается ветра, то,он слишком непостоянен и не поддается контролю; кроме того, применение силы воды в Англии, на родине крупной промышленности, уже в мануфактурный период имело преобладающее значение. Уже в XVII веке была сделана попытка приводить в движение два бегуна и два постава посредством одного водяного колеса. Но увеличение размеров передаточного механизма вступило в конфликт с недостаточной силой воды, и это было одним из тех обстоятельств, которые побудили к более точному исследованию законов трения. Точно так же неравномерность действия двигательной силы на мельницах, которые приводились в движение ударом и тягой при помощи коромысел, привела к теории и практическому применению махового колеса[97)], которое впоследствии стало играть такую важную роль в крупной промышленности. Таким образом мануфактурный период развивал первые научные и технические элементы крупной промышленности. Ватерная прядильня Аркрайта с самого начала приводилась в движение водой. Между тем и употребление силы воды, как преобладающей двигательной силы, было связано с различными затруднениями. Нельзя было произвольно увеличить ее или сделать так, чтобы она появилась там, где ее нет; временами она истощалась и, главное, имела чисто локальный характер[98)]. Только с изобретением второй машины Уатта, так называемой паровой машины двойного действия, был найден первичный двигатель, который, потребляя уголь и воду, сам производит двигательную силу и мощность которого находится всецело под контролем человека,— двигатель, который подвижен и сам является средством передвижения, который, будучи городским, а не сельским, как водяное колесо, позволяет концентрировать производство в городах, вместо того чтобы, как этого требовало водяное колесо, рассеивать его в деревне[99)],

[97)] *Faulhaber,* 1625. *De Caus,* 1688.

[98)] Новейшее изобретение турбин освобождает промышленную эксплуатацию водяной силы от многих прежних ограничений.

[99)] «В первое время существования текстильных мануфактур местонахождение производства зависело от наличия реки с высотой падения воды, достаточной для вращения водяного колеса; и хотя устройство водяных фабрик было началом уничтожения домашней системы мануфактуры, однако эти фабрики... по необходимости расположенные вдоль рек и зачастую на значительных расстояниях одна от другой, представляли собой элемент скорее деревенской, чем городской системы; и только с введением силы пара взамен силы воды фабрики сосредоточиваются в городах и в местностях, где можно найти в достаточном количестве воду и уголь, необходимые для производства пара. Паровая машина — мать промышленных городов» (А. Редгрейв в «Reports of the Insp. of Fact. for 30th April 1860», P. 36).

двигатель, универсальный по своему техническому применению и сравнительно мало зависящий от тех или иных условий места его работы. Великий гений Уатта обнаруживается в том, что в патенте, который он получил в апреле 1784 г., его паровая машина представлена не как изобретение лишь для особых целей, но как универсальный двигатель крупной промышленности. Он упоминает здесь о применениях, из которых Некоторые, как, например, паровой молот, введены лишь более чем через полвека. Однако он сомневался в применимости паровой машины в морском судоходстве. Его преемники, Болтон и Уатт, показали на лондонской промышленной выставке 1851 г. колоссальнейшую паровую машину для океанских пароходов.

Только после того как орудия превратились из орудий человеческого организма в орудия механического аппарата, рабочей машины, только тогда и двигательная машина приобретает самостоятельную форму, совершенно свободную от тех ограничений, которые свойственны человеческой силе. С этого времени отдельная рабочая машина, которую мы рассматривали до сих пор, низводится до степени простого элемента машинного производства. Одна машина-двигатель может теперь приводить в движение много рабочих машин одновременно. С увеличением количества рабочих машин, одновременно приводимых в движение, растет и машина-двигатель, а вместе с тем передаточный механизм разрастается в широко разветвленный аппарат.

Теперь необходимо провести различие между двоякого рода вещами: кооперацией многих однородных машин и системой машин.

В одном случае вся работа производится одной и той же рабочей машиной. Машина выполняет все те различные операции, которые ремесленник выполнял своим орудием, например ткач при помощи своего ткацкого станка, или которые ремесленники последовательно выполняли при помощи различных орудий, причем безразлично, были ли они самостоятельными ремесленниками или членами одной и той же мануфактуры[100]. Например, в новейшей мануфактуре почтовых конвертов один рабочий фальцевал бумагу фальцбейном, другой смазывал

[100] С точки зрения мануфактурного разделения труда ткачество было отнюдь не простым, а, напротив, сложным ремесленным трудом, и потому механический ткацкий станок есть машина, исполняющая очень разнообразные операции. Вообще ошибочно то представление, будто современные машины первоначально овладели такими операциями, которые были упрощены мануфактурным разделением труда. Прядение и ткачество в мануфактурный период обособились как новые виды, соответствующие орудия Подверглись усовершенствованиям и видоизменениям, но самый процесс труда, нисколько не разделенный, оставался ремесленным. Исходным для машины является не труд, а средство труда.

клеем, третий отгибал клапан, на котором отпечатывается девиз, четвертый выбивал девиз и т. д., и при каждой из этих частичных операций каждый отдельный конверт должен был переходить из рук в руки. Одна-единственная машина для изготовления конвертов разом выполняет все эти операции и делает 3000 и более конвертов в час. Одна американская машина для изготовления бумажных пакетов, показанная на лондонской промышленной выставке 1862 г., режет бумагу, смазывает клеем, фальцует и производит 300 штук в минуту. Весь процесс, который в мануфактуре разделен и выполняется в известной последовательности, здесь выполняется одной рабочей машиной, которая действует посредством комбинации различных орудий. Является ли подобная рабочая машина только механическим воспроизведением сложного ремесленного орудия или комбинацией разнородных простых орудий, специализированных мануфактурой, на фабрике, т. е. в мастерской, основанной на машинном производстве, неизменно каждый раз вновь появляется простая кооперация, и притом прежде всего как пространственное скопление однородных и одновременно совместно действующих рабочих машин (рабочего мы оставим здесь в стороне). Так, например, ткацкая фабрика образуется из многих механических ткацких станков, а швейная фабрика — из многих швейных машин, находящихся в одной и той же мастерской. Но здесь существует техническое единство, поскольку многие однородные рабочие машины одновременно и равномерно получают импульс от биения сердца общего первичного двигателя, причем движение это переносится на них посредством передаточного механизма, отчасти тоже общего всем им, так как от него идут лишь особые отводы для каждой отдельной рабочей машины. Подобно тому как многочисленные орудия составляют лишь органы одной рабочей машины, точно так же многие рабочие машины образуют теперь лишь однородные органы одного и того же двигательного механизма.

Но собственно система машин заступает место отдельной самостоятельной машины только в том случае, когда предмет труда проходит последовательный ряд взаимно связанных частичных процессов, которые выполняются цепью разнородных, но дополняющих друг друга рабочих машин. Здесь вновь выступает характерная для мануфактуры кооперация, основанная на разделении труда, но теперь она представляет собой уже комбинацию частичных рабочих машин. Специфические орудия различных частичных рабочих — например, в шерстяной мануфактуре орудия шерстобитов, шерсточесов, ворсильщиков, шерстопрядильщиков и т. д. — теперь превращаются в орудия

различных рабочих машин, из которых каждая составляет особый орган, выполняющий особую функцию в системе комбинированного рабочего механизма. В тех отраслях, где система машин вводится впервые, сама мануфактура в общем и целом доставляет для нее естественную основу разделения, а следовательно, и организации процесса производства[101]. Однако с самого начала выступает и одно существенное различие между мануфактурным и машинным производством. В мануфактуре рабочие, отдельные или соединенные в группы, должны выполнять каждый отдельный частичный процесс при помощи своих ручных орудий. Если рабочий и приспосабливается здесь к процессу, то и процесс, в свою очередь, уже заранее приспособлен к рабочему. При машинном производстве этот субъективный принцип разделения труда отпадает. Весь процесс разлагается здесь объективно, в зависимости от его собственного характера, на свои составные фазы, и проблема выполнения каждого частичного процесса и соединения различных частичных процессов разрешается посредством технического применения механики, химии и т. д.[102], причем, разумеется, теоретическое решение должно быть усовершенствовано, как и раньше, с помощью накопленного в широком масштабе практического опыта. Каждая частичная машина доставляет другой машине, непосредственно следующей за нею, сырой материал, и так как все они действуют одновременно, то продукт непрерывно находится на различных ступенях процесса своего образования, постоянно переходит из одной фазы производства в другую. Как в мануфактуре непосредственная кооперация частичных рабочих создает определенные количественные отношения между отдельными группами рабочих, так и в расчлененной системе

[101] До эпохи крупной промышленности шерстяная мануфактура была господствующей мануфактурой Англии. Поэтому в ней в первую половину XVIII столетия была проделана большая часть экспериментов. Опыт, приобретенный на шерсти, пошел на пользу хлопку, механическая обработка которого требует менее трудного приготовительного процесса; точно так же в позднейшее время, наоборот, механическая шерстяная промышленность развилась на основе механического хлопчатобумажного прядения и ткачества. Отдельные элементы шерстяной мануфактуры, например чесание шерсти, охвачены фабричной системой лишь в последние десятилетия. «Применение механической силы к чесанию шерсти... широко распространенное со времени введения «чесальной машины», особенно машины Листера... несомненно имело своим последствием то, что очень большое число людей лишилось работы. Раньше шерсть расчесывалась вручную, большей частью на дому у чесальщика. Теперь ее обыкновенно расчесывают на фабрике, и ручной труд вытеснен, за исключением некоторых особых видов работы, где все еще предпочитается шерсть, расчесанная вручную. Многие из ручных чесальщиков нашли работу на фабриках, но продукт ручного чесальщика так мал по сравнению с продуктом машины, что очень большое число чесальщиков так и осталось без работы» («Reports of Insp. of Fact. tor 31st October 1856», p. 16).

[102] «Следовательно, принцип фабричной системы состоит в замене... разделения или разложения труда между ремесленниками разложением процесса на его существенные составные элементы» *(Ure.* «Philosophy of Manufactures», p. 20).

машин для того, чтобы одни частичные машины непрерывно давали работу другим частичным машинам, необходимо определенное отношение между их количеством, размерами и быстротой действия. Комбинированная рабочая машина, представляющая теперь расчлененную систему разнородных отдельных рабочих машин и групп их, тем совершеннее, чем непрерывнее весь выполняемый ею процесс, т. е. чем с меньшими перерывами сырой материал переходит от первой до последней фазы процесса, следовательно чем в большей мере перемещается он от одной фазы производства к другой не рукой человека, а самим механизмом. Поэтому, если в мануфактуре изолирование отдельных процессов является принципом, вытекающим из самого разделения труда, то, напротив, в развитой фабрике господствует принцип непрерывности отдельных процессов.

Система машин, покоится ли она на простой кооперации однородных рабочих машин, как в ткачестве, или на сочетании разнородных машин, как в прядении, сама по себе составляет большой автомат, раз ее приводит в движение один первичный двигатель, сам порождающий собственное движение. Однако система в целом может приводиться в движение, например, паровой машиной, между тем как отдельные рабочие машины для известных движений все еще нуждаются в содействии рабочих, как, например, до введения автоматических мюль-машин оно требовалось для запуска мюлей, а при тонкопрядении требуется еще до настоящего времени; или же определенные части машины для выполнения своих операций должны подобно орудию направляться рабочим, как было в машиностроении до превращения slide rest (поворотного суппорта) в автоматический механизм. Когда рабочая машина выполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, без содействия человека и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего, мы имеем перед собой автоматическую систему машин, которая, однако, способна к постоянному усовершенствованию в деталях. Так, например, аппарат, автоматически отанавливающий прядильную машину, как только оборвется хотя бы одна нить, и автоматический выключатель, останавливающий усовершенствованный паровой ткацкий станок, как только на ткацком челноке окончится вся уточная нить, являются вполне современными изобретениями. Примером как непрерывности производства, так и проведения автоматического принципа может служить современная бумажная фабрика. На бумажном производстве хорошо вообще изучать в деталях как различие между отдельными способами производства, имеющими

в основе различные средства производства, так и связь общественных производственных отношений с различными способами производства; старинное германское бумажное дело дает образец ремесленного производства, Голландия XVII и Франция XVIII века — образец собственно мануфактуры, а современная Англия — образец автоматического производства в этой отрасли; кроме того в Китае и Индии до сих пор существуют две различные древнеазиатские формы этой же промышленности.

В расчлененной системе рабочих машин, получающих свое движение через посредство передаточных механизмов от одного центрального автомата, машинное производство приобретает свой наиболее развитый вид. На место отдельной машины приходит это механическое чудовище, тело которого занимает целые фабричные здания и демоническая сила которого, сначала скрытая в почти торжественно-размеренных движениях его исполинских членов, прорывается в лихорадочно-бешеной пляске его бесчисленных собственно рабочих органов.

Мюль-машины, паровые машины и т. д. появились раньше, чем появился рабочий, исключительное занятие которого состоит в производстве паровых машин, мюль-машин и т. д.; точно так же как человек носил одежду раньше, чем появились портные. Но изобретения Вокансона, Аркрайта, Уатта и т. д. могли получить осуществление только благодаря тому, что эти изобретатели нашли значительное количество искусных рабочих-механиков, уже подготовленных мануфактурным периодом. Часть этих рабочих состояла из самостоятельных ремесленников различных профессий, другая часть была объединена в мануфактуры, где, как упомянуто раньше, господствовало особенно строгое разделение труда. С увеличением числа изобретений и возрастанием спроса на вновь изобретенные машины все более развивалось, с одной стороны, распадение машиностроения на многочисленные самостоятельные отрасли, с другой стороны — разделение труда внутри машиностроительных мануфактур. Таким образом, мы находим здесь в мануфактуре непосредственную техническую основу крупной промышленности. Мануфактура производила машины, при помощи которых крупная промышленность устраняла ремесленное и мануфактурное производство в тех отраслях, которыми она прежде всего овладевала. Следовательно, машинное производство первоначально возникло на не соответствующей ему материальной основе. На известной ступени развития оно должно было произвести переворот в самой этой основе, которую оно сперва нашло готовой, а затем развивало дальше, сохраняя ее старую

форму, и создать для себя новый базис, соответствующий его собственному способу производства. Как отдельная машина остается карликовой, пока она приводится в движение только человеком, как система машин не могла получить свободного развития, пока на место уже применявшихся двигательных сил — животных, ветра и даже воды — не пришла паровая машина, так и все развитие крупной промышленности парализовалось до тех пор, пока сама машина — характерное средство производства крупной промышленности — была обязана своим существованием личной силе, личному искусству, т. е. зависела от мускульной силы, верности глаза и виртуозности рук, с которыми частичный рабочий внутри мануфактуры или ремесленник вне ее оперирует своим карликовым инструментом. Не говоря уже о дороговизне машин вследствие такого их происхождения, — обстоятельство, которым капитал руководствуется как сознательным мотивом, — дальнейшее расширение отраслей уже машинизированной промышленности и проникновение машин в новые отрасли производства всецело зависели от возрастания такой категории рабочих, которая вследствие полуартистического характера ее занятий может увеличиваться не скачками, а лишь постепенно. Но на известной ступени развития крупная промышленность приходит и в техническое противоречие [Widerstreit] со своим ремесленным и мануфактурным базисом. Увеличение размеров машин-двигателей, передаточного механизма и рабочих машин, увеличение сложности и многообразия, а также строгой правильности составных частей рабочей машины, по мере того как последняя порывает со своим ремесленным образцом, первоначально всецело определявшим ее конструкцию, и приобретает свободную форму, определяемую исключительно ее механической задачей; развитие автоматической системы и все более неизбежное применение материалов, труднее поддающихся обработке, например, железа вместо дерева[103)], — вот те естественно выросшие задачи, разрешение которых повсюду наталкивалось на рамки, которые обусловливаются зависимостью работ от личности

[103)] Механический ткацкий станок в своей первоначальной форме состоит преимущественно из дерева, усовершенствованный, современный — из железа. До какой степени старая форма средства производства господствует вначале над его новой формой, показывает, между прочим, даже самое поверхностное сравнение современного парового ткацкого станка со старым, современных приспособлений для дутья на чугунолитейных заводах — с первоначальным немощным механическим воспроизведением обыкновенного кузнечного меха и, быть может, убедительнее, чем все остальное,— первый локомотив, сделанный до изобретения теперешних локомотивов: у него было в сущности две ноги, которые он попеременно поднимал, как лошадь. Только с дальнейшим развитием механики и с накоплением практического опыта форма машины начинает всецело определяться принципами механики и потому совершенно освобождается от старинной формы того орудия, которое превращается в машину.

рабочего и которые даже комбинированный рабочий персонал в мануфактуре мог лишь несколько раздвинуть, но не уничтожить по существу. Мануфактура не могла бы создать таких машин, как, например, современный типографский станок, современный паровой ткацкий станок и современная чесальная машина.

Переворот в способе производства, совершившийся в одной сфере промышленности, обусловливает переворот в других сферах. Это относится прежде всего к таким отраслям промышленности, которые переплетаются между собой как фазы одного общего процесса, хотя общественное разделение труда до такой степени изолировало их, что каждая из них производит самостоятельный товар. Так, например, машинное прядение выдвинуло необходимость машинного ткачества, а оба вместе сделали необходимой механико-химическую революцию в белильном, ситцепечатном и красильном производствах. Таким же образом, с другой стороны, революция в хлопчатобумажном прядении вызвала изобретение джина, машины для отделения хлопковых волокон от семян, благодаря чему только и сделалось возможным производство хлопка в необходимом теперь крупном масштабе[104)]. Но именно революция в способе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественного процесса производства, т. е. в средствах связи и транспорта. Средства связи и транспорта такого общества, pivot [стержнем] которого, употребляя выражение Фурье, были мелкое земледелие с его подсобной домашней промышленностью и городское ремесло, далеко уже не удовлетворяли потребностей производства в мануфактурный период с его расширенным разделением общественного труда, с его концентрацией средств труда и рабочих, с его колониальными рынками, а потому и на самом деле претерпели переворот. Точно так же средства транспорта и связи, унаследованные от мануфактурного периода, скоро превратились в невыносимые путы для крупной промышленности с ее лихорадочным темпом и массовым характером производства, с ее постоянным перебрасыванием масс капитала и рабочих из одной сферы производства в другую и с созданными ею мировыми рыночными связями. Не говоря уже о полном перевороте в парусном судостроении, связь и транспорт были постепенно приспособлены к способу производства крупной промышленности

[104)] Изобретенный янки Илаем Уитни волокноотделитель до последнего времени претерпел меньше существенных изменений, чем какая бы то ни было другая машина XVIII века. Только в последние десятилетия (перед 1867 г.) другой американец, г-н Эмери из Олбани, Нью-Йорк, при помощи сколь простого, столь и эффективного усовершенствования сделал машину Уитни устаревшей.

посредством системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов. Но огромные массы железа, которые приходилось теперь ковать, сваривать, резать, сверлить и формовать, в свою очередь требовали таких циклопических машин, создать которые мануфактурное машиностроение было не в силах.

Итак, крупная промышленность должна была овладеть характерным для нее средством производства, самой машиной, и производить машины с помощью машин. Только тогда она создала адекватный ей технический базис и стала на свои собственные ноги. С ростом в первые десятилетия XIX века машинного производства, машина на самом деле постепенно овладевала производством рабочих машин. Однако лишь в последнее десятилетие колоссальное железнодорожное строительство и океанское пароходство вызвали к жизни те циклопические машины, которые применяются при постройке первичных двигателей.

Существеннейшим производственным условием для производства машин с помощью машин была машина-двигатель, способная развивать силу в любой степени и в то же время всецело подчиняющаяся контролю. Она уже существовала в виде паровой машины. Но вместе с тем задача заключалась и в том, чтобы машинным способом придавать необходимые для отдельных частей машин строго геометрические формы: линии, плоскости, круги, цилиндры, конусы и шары. В первом десятилетии XIX столетия Генри Модсли разрешил эту проблему изобретением поворотного суппорта, который скоро был превращен в автоматический механизм и в модифицированной форме перенесен с токарного станка, для которого он первоначально предназначался, на другие машиностроительные машины. Это механическое приспособление заменяет не какое-либо особенное орудие, а самую человеческую руку, которая создает определенную форму, направляя, подводя резец и т. д. к материалу труда, например к железу. Таким образом стало возможным придавать геометрические формы отдельным частям машин

«с такой степенью легкости, точности и быстрота, которую не смогла бы обеспечить и самая опытная рука искуснейшего рабочего»[105].

Если мы рассмотрим теперь ту часть применяемых в машиностроении машин, которая образует машину-орудие в собст-

[105] «The Industry of Nations». London, 1855, part II, p. 239. Здесь же говорится: «Как бы прост и на первый взгляд незначителен ни казался этот придаток к токарному станку, мы думаем, что без преувеличения можно сказать, что его влияние на усовершенствование и распространение машин было так ;ке велико, как влияние усовершенствований, произведенных Уаттом в самой паровой машине. Введение его сразу повело к усовершенствованию и удешевлению всяких машин и дало толчок новым изобретениям и усовершенствованиям».

венном смысле, то мы опять увидим перед собой ремесленный инструмент, только циклопических размеров. Например, собственно рабочая часть сверлильного станка — это огромный бурав, который приводится в движение паровой машиной и без которого, в свою очередь, не могли бы быть произведены цилиндры больших паровых машин и гидравлических прессов. Механический токарный станок — циклопическое воспроизведение обыкновенного ножного токарного станка; строгальная машина — железный плотник, обрабатывающий железо тем же орудием, каким плотник обрабатывает дерево; орудие, которое на лондонских кораблестроительных верфях режет фанеру, — это гигантская бритва; орудие механических ножниц, которые режут железо, как ножницы портного режут сукно, это — чудовищные ножницы, а паровой молот действует головкой обыкновенного молотка, но такого веса, что им не мог бы взмахнуть сам Тор[106)]. Например, один из таких паровых молотов, которые являются изобретением Несмита, весит более 6 тонн и падает перпендикулярно с высоты 7 футов на наковальню весом в 36 тонн. Он легко превращает в порошок гранитную глыбу и не менее способен к тому, чтобы вбить гвоздь в мягкое дерево рядом легких ударов[107)].

В качестве машины средство труда приобретает такую материальную форму существования, которая обусловливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических рутинных приемов — сознательным применением естествознания. В мануфактуре расчленение общественного процесса труда является чисто субъективным, комбинацией частичных рабочих; в системе машин крупная промышленность обладает вполне объективным производственным организмом, который рабочий застает как уже готовое материальное условие производства. В простой кооперации и даже в кооперации, специализированной вследствие разделения труда, вытеснение обособленного рабочего обобществленным рабочим все еще представляется более или менее случайным. Машины же, за некоторыми исключениями, о которых будет упомянуто позже, функционируют только в руках непосредственно обобществленного или совместного труда. Следовательно, кооперативный характер процесса труда становится здесь технической необходимостью, диктуемой природой самого средства труда.

[106)] В Лондоне одна из таких машин для ковки валов гребных колес пароходов носит название «Тор». Она выковывает вал весом в $16^1/_2$ тонны с такой же легкостью, как кузнец подкову.

[107)] Машины для обработки дерева, которые могут применяться также и в малом масштабе, изобретены по большей части американцами.

2. ПЕРЕНЕСЕНИЕ СТОИМОСТИ МАШИН НА ПРОДУКТ

Мы видели, что производительные силы, возникающие из кооперации и разделения труда, ничего не стоят капиталу. Они суть естественные силы общественного труда. Естественные силы, как пар, вода и т. д., применяемые к производительным процессам, тоже ничего не стоят. Но как человеку для дыхания необходимы легкие, так он нуждается в «создании человеческой руки» для того, чтобы производительно потреблять естественные силы. Для эксплуатации двигательной силы воды необходимо водяное колесо, для эксплуатации упругости пара — паровая машина. С наукой дело обстоит так же, как с естественными силами. Раз закон отклонения магнитной стрелки в сфере действия электрического тока или закон намагничивания железа проходящим вокруг него электрическим током открыты, они уже не стоят ни гроша[108)]. Но для эксплуатации этих законов в телеграфии и т. д. требуется очень дорогой и сложный аппарат. Орудие, как мы видели, не вытесняется машиной. Из карликового орудия человеческого организма оно вырастает по размерам и количеству в орудие созданного человеком механизма. Капитал заставляет теперь рабочего работать не ручным орудием, а машиной, которая сама оперирует своими орудиями. Но если, таким образом, с первого же взгляда ясно, что крупная промышленность, овладев для процесса производства колоссальными силами природы и естествознанием, должна была чрезвычайно повысить производительность труда, то далеко не так ясно, не покупается ли это повышение производительной силы увеличением затраты труда в другом месте. Подобно всякой другой составной части постоянного капитала, машины не создают никакой стоимости, но переносят свою собственную стоимость на продукт, для производства которого они служат. Поскольку они имеют стоимость и поскольку поэтому переносят стоимость на продукт, они образуют составную часть стоимости последнего. Вместо того чтобы удешевлять его, они удорожают его соответственно своей собственной стоимости. Несомненно ведь, что машина и развитая система машин, характерное средство труда крупной промышленности, представляют несравненно большую стоимость, чем средства труда в ремесленном и мануфактурном производствах.

[108)] Наука вообще «ничего» не стоит капиталисту, что нисколько не препятствует ему эксплуатировать ее. Капитал присваивает «чужую» пауку, как он присваивает чужой труд. Но «капиталистическое» присвоение и «личное» присвоение науки или материального богатства — это совершенно различные вещи. Сам д-р Юр жаловался на поразительное незнакомство дорогих ему фабрикантов, эксплуатирующих машины, с механикой, а Либих рассказывает об ужасающем невежестве английских фабрикантов из химической промышленности в вопросах химии.

Следует прежде всего отметить, что машины всегда целиком принимают участие в процессе труда и всегда только частью в процессе образования стоимости. Они никогда не присоединяют стоимости больше, чем утрачивают в среднем вследствие своего изнашивания. Таким образом, существует большая разница между стоимостью машины и той частью стоимости, которая периодически переносится с нее на продукт. Существует большая разница между машиной как элементом образования стоимости и машиной как элементом образования продукта. Чем больше период, в течение которого одни и те же машины снова и снова служат в одном и том же процессе труда, тем больше эта разница. Правда, мы видели, что всякое средство труда в собственном смысле, или орудие производства, всегда целиком принимает участие в процессе труда и всегда лишь частями, пропорционально его среднему ежедневному износу,— в процессе образования стоимости. Однако эта разница между пользованием и изнашиванием много больше у машин, чем у орудия, потому что машины, построенные из более прочного материала, живут дольше, а их применение, регулируемое строго научными законами, делает возможной большую экономию в расходовании их составных частей и потребляемых ими средств и, наконец, арена производства у них несравненно шире, чем у орудия. Если не считать средние ежедневные издержки машин и орудий, или ту составную часть стоимости, которую они присоединяют к продукту ежедневным средним износом и потреблением вспомогательных материалов, например масла, угля и т. д., то окажется, что они действуют даром, как силы природы, существующие без содействия человеческого труда. Чем больше размеры производительной деятельности машин по сравнению с производительной деятельностью орудия, тем больше размеры их безвозмездной службы по сравнению с такой же службой орудия. Только в крупной промышленности человек научается заставлять продукт своего прошлого, уже овеществленного труда действовать в крупном масштабе даром, подобно сидам природы[109)].

[109)] Рикардо иногда настолько подчеркивает это действие машин, — впрочем, так же мало выясненное им, как и общее различие между процессом труда и процессом образования стоимости, — что забывает ту составную часть стоимости, которая переносится на продукт машинами, и совершенно отождествляет машины с силами природы. Так, например: «Адам Смит никогда не впадает в недооценку услуг, которые оказывают нам естественные факторы и машины. Но он очень точно различает природу стоимости, которую они придают товарам ... так как они выполняют эту работу даром, содействие их ничего не прибавляет к меновой стоимости» *(Ricardo.* «Principles of Political Economy», 3 ed. London, 1821, p. 336, 337). Разумеется, замечание Рикардо справедливо в отношении Ж. Б. Сэя, который болтает, будто машины оказывают ту «услугу», что они создают стоимость, составляющую часть «прибыли».

При изучении кооперации и мануфактуры мы видели, что известные общие условия производства, например здания и т. д., экономятся при совместном потреблении по сравнению с потреблением раздробленных условий производства изолированными рабочими, следовательно относительно менее удорожают продукты. При машинном производстве не только корпус рабочей машины совместно потребляется ее многочисленными орудиями, но и одна и та же машина-двигатель вместе с частью передаточного механизма совместно потребляется многими рабочими машинами.

При данной разнице между стоимостью машин и той частью стоимости, которую они ежедневно переносят на свой продукт, та степень, в которой эта часть стоимости удорожает продукт, зависит прежде всего от размеров продукта, как бы от его поверхности. 13 одной лекции, опубликованной в 1857 г., Бейнс из Блэкберна сообщает, что

«каждая реальная механическая лошадиная сила[109a)] приводит в движение 450 автоматических мюльных веретен с соответствующим приготовительным оборудованием, или 200 ватерных веретен, или 15 ткацких станков для 40-дюймовой ткани вместе со сновальным, шлихтовальным и т. д. оборудованием»[132].

Дневные издержки одной паровой лошадиной силы и износ машин, приводимых ею в движение, в первом случае распределяются на дневной продукт 450 мюльных веретен, во втором — на продукт 200 ватерных веретен, в третьем — на продукт 15 механических ткацких станков, так что благодаря этому на унцию пряжи пли на аршин ткани переносится лишь ничтожная часть стоимости. То же самое в приведенном выше примере

[109a)] {*Примечание к 3 изданию.* Одна «лошадиная сила» равна силе 33000 футо-фунтов в минуту, т. е. силе, которая в 1 минуту поднимает 33000 фунтов на 1 фут (английский) или 1 фунт на 33000 футов. Это и есть вышеупомянутая лошадиная сила. Но в обычном коммерческом языке, а также кое-где и в цитатах этой книги различаются «номинальные» и «коммерческие», или «индикаторные», лошадиные силы одной и той же машины. Старинная, или номинальная, лошадиная сила исчисляется исключительно по длине хода поршня и диаметру цилиндра и совершенно не учитывает давление пара и скорости поршня. Т. е. фактически это означает следующее: считают, например, что машина имеет 50 лошадиных сил, если она приводится в движение таким же слабым давлением пара и при такой же незначительной скорости поршня, как в эпоху Болтона и Уатта. Но два последних фактора с того времени возросли в огромной степени. Для измерения той механической силы, которую теперь в действительности доставляет машина, был изобретен индикатор, который показывает давление пара. Скорость же движения поршня установить нетрудно. Таким образом, «индикаторная», или «коммерческая», лошадиная сила выражается математической формулой, в которой одновременно приняты во внимание диаметр цилиндра, длина хода поршня, скорость поршня и давление пара и которая показывает, сколько раз по 33000 футо-фунтов действительно развивает данная машина в минуту. Поэтому одна номинальная лошадиная сила может в действительности развивать три, четыре и даже пять индикаторных, или действительных, лошадиных сил. Это примечание — для объяснения различных нижеследующих цитат. *Ф. Э.*}

с паровым молотом. Так как его дневной износ, потребление угля и т. д. распределяются на огромные массы ежедневно выковываемого им железа, то на каждый центнер железа приходится лишь очень небольшая часть стоимости; но она была бы очень велика, если бы этим циклопическим инструментом вколачивали мелкие гвозди.

При данных границах действия рабочей машины, т. е. при данном количестве ее орудий или, если дело идет о силе, при данном их объеме, масса продукта зависит от скорости, с которой она действует, т. е., например, от скорости вращения веретен или от числа ударов, производимых молотом в течение одной минуты. Некоторые из колоссальных молотов делают 70 ударов в минуту, патентованная кузнечная машина Райдера, оперирующая при ковке веретен паровым молотом малых размеров, делает 700 ударов в минуту.

Если дана та пропорция, в которой стоимость машин переносится на продукт, то величина этой части стоимости зависит от величины стоимости самих машин[110)]. Чем меньше труда они сами содержат, тем меньше стоимости они присоединяют к продукту. Чем меньше стоимости они передают продукту, тем они производительнее и тем более приближаются они по своей службе к силам природы. Производство же машин с помощью машин уменьшает их стоимость по сравнению с их размерами и их действием.

Сравнительный анализ цен товаров ручного или мануфактурного производства и тех же товаров, произведенных машинами, дает в общем тот результат, что в машинном продукте часть стоимости, переходящая от средств труда, относительно возрастает, но абсолютно уменьшается. То есть ее абсолютная величина уменьшается, но ее величина в отношении ко всей стоимости продукта, например фунта пряжи, увеличивается[111)].

[110)] Читатель, находящийся во власти капиталистических представлений, скажет, конечно, что здесь ничего нет о «проценте», который машина pro rata [пропорционально] своей капитальной стоимости присоединяет к продукту. Однако легко убедиться, что машина, подобно всякой другой составной части постоянного капитала, не производя новой стоимости, не может и присоединить таковой под названием «процента». Ясно далее, что здесь, где речь идет о производстве прибавочной стоимости, нельзя ни одной части ее предположить a priori [заранее] под названием «процента». Капиталистический способ исчисления, который prima facie [на первый взгляд] представляется нелепым и противоречащим законам образования стоимости, найдет свое объяснение в третьей книге этой работы.

[111)] Эта составная часть стоимости, присоединяемая машиной, понижается абсолютно и относительно в тех случаях, когда машина вытесняет лошадей, вообще рабочий скот, который употребляется исключительно как двигательная сила, а не как машина для переработки вещества. Кстати сказать, Декарт, с его определением животных как простых машин, смотрит на дело глазами мануфактурного периода в отличие от средних веков, когда животное представлялось помощником человека, как позже — и г-ну Галлеру в его «Restauration der Staatswissenschaften». Что Декарт, как и Бэкон, в изменении формы производства и в практическом господстве человека над природой видел результат перемен в методе мышления, показывает его «Discours de la Méthode», где

Ясно, что если производство известной машины стоит такого же количества труда, какое сберегается ее применением, то происходит просто перемещение труда, т. е. общая сумма труда, необходимого для производства товара, не уменьшается, или производительная сила труда не возрастает. Однако разница между трудом, которого стоит машина, и трудом, который она сберегает, или степень ее производительности, очевидно, не зависит от разницы между ее собственной стоимостью и стоимостью того орудия, которое она замещает. Первая разница продолжает существовать до тех пор, пока трудовые издержки на машину, а потому и та часть стоимости, которая переносится с нее на продукт, остаются меньше той стоимости, которую рабочий со своим орудием присоединил бы к предмету труда. Поэтому производительность машины измеряется той степенью, в которой она замещает человеческую рабочую силу. Согласно г-ну Бейнсу, на 450 мюльных веретен с соответствующим приготовительным оборудованием, приводимых в движение одной паровой лошадиной силой, приходится $2^1/_2$ рабочих[112]; при этом каждое сельфакторное веретено при десятичасовом рабочем дне выпрядает 13 унций пряжи (средних номеров), что на $2^1/_2$ рабочих составит $365^5/_8$ ф. пряжи в неделю. Следовательно, при своем превращении в пряжу приблизительно 366 ф. хлопка (упрощения ради мы не берем в расчет угары) поглощают всего 150 рабочих часов, или 15 десятичасовых рабочих дней, между тем как при ручной прялке, когда прядильщик производит 13 унций пряжи за 60 часов, то же самое количество хлопка поглотило бы 2700 десятичасовых рабочих дней, или

между прочим говорится: «Можно» (при помощи метода, введенного им в философию) «достичь знаний, очень полезных в жизни, и вместо той умозрительной философии, которую преподают в школах, можно создать практическую философию, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд и всех прочих окружающих нас тел так же отчетливо, как мы знаем различные занятия наших ремесленников, мы могли бы наравне с последними использовать и эти силы во всех свойственных им применениях и стать таким путем господами и хозяевами природы», а вместе с тем «содействовать усовершенствованию человеческой жизни». В предисловии к «Discourses upon Trade» (1691) сэра Дадли Норса говорится, что метод Декарта, примененный к политической экономии, начал освобождать ее от старинных сказок и суеверных представлений о деньгах, торговле и т. д. Однако в общем ранние английские экономисты примыкают к философии Бэкона и Гоббса, между тем как впоследствии «философом» χατ'εξοχην [по преимуществу] политической экономии для Англии, Франции и Италии стал Локк.

[112] Согласно годовому отчету Торговой палаты в Эссене (октябрь 1863 г.), сталелитейный завод Круппа при помощи 161 плавильной, калильной и цементной печи, 32 паровых машин (в 1800 г. приблизительно таково было общее количество паровых машин, применявшихся в Манчестере) и 14 паровых молотов, — представлявших в общей сложности 1236 лошадиных сил, — 49 кузнечных горнов, 203 станков и приблизительно 2400 рабочих произвел в 1862 г. 13 млн. фунтов литой стали. На одну лошадиную силу здесь приходится даже меньше 2 рабочих.

27000 рабочих часов[113]. Там, где старый метод blockprinting, или ручной набивки ситца, заменен машинным печатанием, одна машина при содействии одного взрослого рабочего или подростка печатает в 1 час столько же четырехцветного ситца, сколько раньше набивали 200 взрослых рабочих[114]. Пока Илай Уитни не изобрел в 1793 г. волокноотделителя, отделение одного фунта хлопка от семян стоило в среднем одного рабочего дня. Благодаря этому изобретению одна негритянка может очистить 100 ф. хлопка в день, а с того времени производительность волокноотделителя еще значительно увеличена. Фунт хлопкового волокна, производство которого стоило раньше 50 центов, впоследствии продавался по 10 центов, и притом с большей прибылью, т. е. с включением большего количества неоплаченного труда. В Индии для отделения волокон от семян употребляется полумашинообразный инструмент, чурка, при помощи которого один мужчина и одна женщина очищают 28 ф. в день. С помощью чурки, несколько лет тому назад изобретенной д-ром Форбсом, 1 мужчина и 1 подросток очищают в день 250 ф.; если же в качестве двигательной силы применяются волы, пар или вода, то требуется лишь несколько подростков и девочек, исполняющих роль feeders (т. е. подавальщиков материала в машину). Шестнадцать таких машин, приводимых в движение волами, выполняют ежедневно работу, которая раньше требовала в среднем 750 человек[115].

Как уже упоминалось, паровая машина при паровом плуге совершает в 1 час за 3 пенса, или за $^{1}/_{4}$ шилл., столько работы, сколько 66 человек за 15 шилл. в час. Я возвращаюсь к этому примеру во избежание ошибочного представления. А именно: эти 15 шилл. отнюдь не являются выражением труда, присоединенного в 1 час 66 рабочими. Если отношение прибавочного труда к необходимому труду составляло 100%, то эти 66 рабочих производили в час стоимость в 30 шилл., хотя в получаемом ими эквиваленте, т. е. в 15 шилл. их заработной платы, представлено только 33 из общего количества 66 часов. Итак, если мы предположим, что машина стоит ровно столько, сколько составляет годовая плата вытесненных ею 150 рабочих, скажем 3000 ф. ст., то эти 3000 ф. ст. отнюдь не являются денежным

---

[113] Баббедж вычисляет, что на Яве почти одним только трудом прядения стоимость хлопка увеличивается на 117%. В то же самое время (1832 г.) в Англии общая стоимость, присоединяемая при тонкопрядении машинами и трудом к хлопку, составляла около 33% стоимости сырого материала («On the Economy of Machinery». London, 1832, p. 165, 166).

[114] Кроме того, при машинном печатании достигается экономия на краске.

[115] Ср. Paper read by Dr. *Watson*. Reporter on the Products to the Government of India, before the Society of Arts, 17 April 1860.

выражением всего труда, выполненного и присоединенного к предмету труда этими 150 рабочими, а только той части их годового труда, которая для них выражается в заработной плате. Напротив, денежная стоимость машины, 3000 ф. ст., служит выражением всего труда, затраченного на ее производство, в каком бы отношении ни образовывал этот труд заработную плату рабочего и прибавочную стоимость капиталиста. Следовательно, даже если машина и стоит столько же, сколько замещаемая ею рабочая сила, овеществленный в самой машине труд всегда гораздо меньше замещаемого ею живого труда[116)].

Если рассматривать машины исключительно как средство удешевления продукта, то граница их применения определяется тем, что труд, которого стоит их производство, должен быть меньше того труда, который замещается их применением. Однако для капитала эта граница очерчивается более узко, Так как он оплачивает не применяемый труд, а стоимость применяемой рабочей силы, то для него применение машины целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы. Так как разделение рабочего дня на необходимый труд и прибавочный труд в разных странах различно, так же как оно различно и в одной и той же стране, но в разные периоды или в один и тот же период, но в разных отраслях производства; так как, далее, действительная заработная плата рабочего то падает ниже, то поднимается выше стоимости его рабочей силы, то эта разница между ценой машины и ценой замещаемой ею рабочей силы может претерпевать большие колебания, хотя бы разница между количеством труда, необходимым для производства машины, и общим количеством замещаемого ею труда и оставалась без изменения[116a)]. Но только первая разница и определяет для самого капиталиста издержки производства товара и оказывает на него влияние при посредстве принудительных законов конкуренции. Поэтому в Англии в настоящее время изобретаются машины, которые находят себе применение только в Северной Америке, как Германия в XVI и XVII веках изобретала машины, которые применялись только в Голландии, и как некоторые французские изобретения XVIII века эксплуатировались только в Англии. Сама машина в странах, более старых по развитию,

[116)] «Эти немые агенты» (машины) «всегда являются продуктом гораздо меньшего труда, чем тот, который они замещают, хотя бы они имели ту же денежную стоимость» (*Ricardo*. «Principles of Political Economy», 3 ed. London, 1821, p. 40).

[116a)] *Примечание к 2 изданию*. Поэтому в коммунистическом обществе машины имели бы совершенно другой простор, чем в буржуазном обществе.

своим применением в некоторых отраслях предприятий производит такой избыток труда (redundancy of labour, говорит Рикардо) в других отраслях, что в последних понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы препятствует применению машин и делает его излишним, часто прямо невозможным с точки зрения капитала, прибыль которого ведь происходит не из сокращения применяемого труда вообще, а из сокращения оплачиваемого труда. В некоторых отраслях английской шерстяной промышленности детский труд за последние годы сильно сократился, местами почти совершенно вытеснен. Почему? Фабричный закон заставил ввести две смены детей, из которых одна работает 6 часов, другая 4 часа, или каждая только по 5 часов. Но родители не хотели продавать half-times (рабочих, работающих половину времени) дешевле, чем раньше продавали full-times (рабочих, работающих полное время). Отсюда замена half-times машинами[117]. До запрещения в рудниках труда женщин и малолетних (моложе 10 лет) капитал находил столь согласным со своим моральным кодексом, а особенно со своим гроссбухом, заставлять голых женщин и девушек, часто вместе с мужчинами, работать в угольных и других копях, что он лишь после этого запрещения обратился к машинам. Янки изобрели камнедробильные машины. Англичане их не применяют, потому что у «несчастных» («wretch» — несчастный — это специальный термин английской политической экономии для обозначения сельскохозяйственных рабочих), выполняющих эту работу, оплачивается столь ничтожная часть их труда, что машины удорожили бы производство для капиталистов[118]. В Англии для того, чтобы барку тянуть по каналу и т. д., иногда вместо лошадей все еще применяются женщины[119], потому что труд, необходимый для производства лошадей и машин, представляет собой математически определенную величину, труд же, необходимый для содержания женщин из избыточного

[117] «Предприниматели без необходимости не станут сохранять две смены детей до 13-летнего возраста... Фактически, часть фабрикантов, — шерстопрядильщики, — теперь редко применяет труд детей моложе 13 лет, т. е. half-times. Они ввели усовершенствованные и новые машины различных видов, которые полностью устраняют труд детей» (т. е. детей до 13 лет). «Так, например, в качестве иллюстрации этого уменьшения числа детей на производстве назову один производственный процесс, в котором благодаря присоединению к ранее действовавшим машинам аппарата, называемого сучильной машиной, труд тести или четырех half-times, — в зависимости от особенностей каждой машины, — может быть выполнен всего лишь одним подростком» (старше 13 лет)... «Система half-time» стимулировала «изобретение сучильной машины» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1858»).

[118] «Машины... часто могут быть применены только тогда, когда цена труда» (он имеет в виду заработную плату) «поднимается» (*Ricardo*. «Principles of Political Economy», 3 ed. London, 1821, p. 479).

[119] См. «Report of the Social Science Congress at Edinburgh. October 1863».

населения, ниже всякого расчета. Поэтому нигде нет более бесстыдного расточительства человеческой силы на всякие пустяки, чем именно в Англии, в стране машин.

3. БЛИЖАЙШИЕ ДЕЙСТВИЯ МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА РАБОЧЕГО

Исходным пунктом крупной промышленности послужила, как мы видели, революция в области средств труда, средства же труда, претерпевшие переворот, получают свою наиболее развитую форму в расчлененной системе машин на фабрике. Прежде чем рассматривать, как к этому объективному организму присоединяется человеческий материал, познакомимся с некоторыми общими действиями этой революции на самого рабочего.

а) ПРИСВОЕНИЕ КАПИТАЛОМ ДОБАВОЧНЫХ РАБОЧИХ СИЛ. ЖЕНСКИЙ И ДЕТСКИЙ ТРУД

Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством применения рабочих без мускульной силы или не достигших полного физического развития, но обладающих более гибкими членами. Поэтому женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин! Этот мощный заменитель труда и рабочих превратился тем самым немедленно в средство увеличивать число наемных рабочих, подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи без различия пола и возраста. Принудительный труд на капиталиста не только захватил время детских игр, но овладел и обычным временем свободного труда в домашнем кругу для нужд самой семьи[120].

Стоимость рабочей силы определяется рабочим временем, необходимым для существования не только отдельного взрослого рабочего, но и рабочей семьи. Выбрасывая всех членов рабочей семьи на рынок труда, машины распределяют стоимость

[120] Во время хлопкового кризиса, сопровождавшего Гражданскую войну в Америке, д-р Эдуард Смит был послан английским правительством в Ланкашир, Чешир и т. д. для обследования состояния здоровья рабочих хлопчатобумажной промышленности. Он сообщает между прочим: в гигиеническом отношении кризис, помимо вытеснения им рабочих из фабричной атмосферы, имел и многие другие положительные последствия. Жены рабочих находят теперь необходимый досуг, чтобы покормить детей грудью, вместо того чтобы отравлять их микстурой Годфри (опиумным препаратом). У них теперь появилось время, чтобы научиться стряпать. К несчастью, это поварское искусство было постигнуто в такой момент, когда им нечего было есть. Но из этого видно, до какой степени капитал узурпировал для своего самовозрастания труд, необходимый для потребностей семьи. Точно так же кризис был использован с той целью, чтобы в особых школах научить дочерей рабочих шитью. Понадобились американская революция и мировой кризис, чтобы рабочие девушки, которые прядут для всего мира, научились шить!

рабочей силы мужчины на всю его семью. Поэтому они понижают стоимость его рабочей силы. Быть может, купля семьи, раздробленной на 4 рабочих силы, стоит дороже, чем раньше стоила купля рабочей силы главы семьи, но зато теперь 4 рабочих дня заступают место одного, и их цена понижается пропорционально превышению прибавочного труда четырех над прибавочным -трудом одного. Для существования одной семьи теперь четверо должны доставлять капиталу не только труд, но и прибавочный труд. Таким образом, машины вместе с человеческим материалом эксплуатации, этой настоящей ареной капиталистической эксплуатации[121], с самого начала увеличивают и степень эксплуатации.

Машины революционизируют также до основания формальное выражение капиталистического отношения, договор между рабочим и капиталистом. На базисе товарообмена предполагалось прежде всего, что капиталист и рабочий противостоят друг другу как свободные личности, как независимые товаровладельцы: один — как владелец денег и средств производства, другой — как владелец рабочей силы. Но теперь капитал покупает несовершеннолетних или малолетних. Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которой он располагал как формально свободная личность. Теперь он продает жену и детей. Он становится работорговцем[122]. Спрос на

[121] «Численный рост рабочих был велик вследствие усиливающейся замены труда мужчин трудом женщин и особенно труда взрослых трудом малолетних. Три девочки 13-летнего возраста, с заработной платой от 6 до 8 шилл. в неделю, заменяют взрослого мужчину, плата которого колеблется от 18 до 45 шиллингов» *(Th. De Quincey.* «The Logic of Political Economy». London, 1844, примечание к стр. 147). Так как без некоторых функций, необходимых в семье, например присмотра за детьми и кормления их, невозможно совсем обойтись, то матерям, отнятым капиталом, приходится в большей или меньшей мере прибегать к услугам заместителей. Работы, которых требует потребление семьи, например шитье, починка и т. д., приходится заменять покупкой готовых товаров. Уменьшению затраты домашнего труда соответствует поэтому увеличение денежных расходов. Поэтому издержки производства рабочей семьи возрастают и уравновешивают увеличение дохода. К этому присоединяется то обстоятельство, что делаются невозможными экономия и целесообразность в пользовании жизненными средствами и в их приготовлении. Об этих фактах, которые утаиваются официальной политической экономией, богатый материал можно найти в отчетах фабричных инспекторов, в отчетах Комиссии по обследованию условий детского труда, а в особенности в отчетах о здоровье населения.

[122] В противоположность тому великому факту, что ограничение женского и детского труда на английских фабриках было завоевано у капитала взрослыми рабочими-мужчинами, еще самые недавние отчеты Комиссии по обследованию условий детского труда отмечают поистине возмутительные и вполне достойные работорговце» черты рабочих-родителей в том, что касается торгашества детьми. А капиталистические фарисеи, как можно видеть из тех же отчетов, обличают это ими же самими созданное, увековечиваемое и эксплуатируемое зверство, которое в других случаях они называют «свободой труда». «Детский труд был призван на помощь... даже для того, чтобы дети зарабатывали себе собственный хлеб насущный. Не имея сил выдержать такой непомерный труд, не имея подготовки, необходимой для направления своей дальнейшей жизни, они были поставлены в положение, оскверняющее физически и нравственно. Еврейский историк по поводу разрушения Иерусалима Титом заметил, что нет ничего удивительного в том, что он подвергся такому необыкновенному опусто-

детский труд часто и по форме напоминает спрос на негров-рабов, образчики которого мы привыкли встречать в объявлениях американских газет.

«Мое внимание», — рассказывает, например, один английский фабричный инспектор, — «привлекло объявление в местной газете одного из значительнейших мануфактурных городов моего округа. Объявление гласит: «Требуется 12—20 мальчиков в таком возрасте, чтобы они. могли сойти за 13-летних. Плата 4 шилл. в неделю. Спросить и т. д.»»[123].

Фраза «чтобы они могли сойти за 13-летних» объясняется тем, что согласно фабричному акту дети моложе 13 лет могут работать только 6 часов. Официальный врач (certifying surgeon) должен удостоверить возраст. Поэтому фабрикант требует таких мальчиков, которые выглядят так, будто им уже минуло 13 лет. Уменьшение числа занятых фабрикантами детей моложе 13 лет, совершающееся нередко скачками и так поражающее в английской статистике за последние 20 лет, по словам самих фабричных инспекторов, было в большой мере делом этих certifying surgeons, изменяющих возраст детей сообразно эксплуататорской жажде капиталистов и торгашеской потребности родителей. В Бетнал-Грине, печально известном районе Лондона, каждый понедельник и вторник утром совершается открытый торг, на котором дети обоего пола с 9-летнего возраста сами отдают себя внаем на лондонские шелковые мануфактуры. «Обычные условия — 1 шилл. 8 пенсов в неделю (это отдается родителям), 2 пенса для меня самого и чай». Договоры заключаются только на неделю. Сцены и язык на этом рынке поистине возмутительны[124]. В Англии до сих пор еще случается, что женщины «берут мальчиков из работного дома и отдают их внаем какому угодно покупателю по 2 шилл. 6 пенсов в неделю»[125]. Вопреки законодательству все еще по меньшей мере до 2000 мальчиков продается в Великобритании своими родителями в качестве живых трубочистных машин (хотя для замены их существуют действительные машины)[126]. Вызванная машиной революция в правовом отношении между покупателем и продавцом рабочей силы, лишившая всю эту сделку даже видимости

шению, раз одна бесчеловечная мать пожертвовала своим собственным ребенком для утоления мук ужасного голода» («Public Economy Concentrated». Carlisle, 1833, p. 66).

[123] А. Редгрейв в «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1858», p. 41.

[124] «Children's Employment Commission. 5th Report». London, 1866, p. 81, № 31. {*К 4 изданию.* Шелковая промышленность в Бетнал-Грине в настоящее время почти совсем уничтожена. *Ф. Э.*}

[125] «Children's Employment Commission. 3rd Report». London, 1864, P. 53, № 15.

[126] Там же, «5th Report», p. XXII, № 137.

договора между свободными лицами, впоследствии дала английскому парламенту юридическое основание для государственного вмешательства в фабричное дело. Каждый раз, когда фабричный закон ограничивает 6 часами детский труд в незатронутых до того времени отраслях промышленности, все снова и снова раздаются вопли фабрикантов: некоторые родители, — говорят они, — берут своих детей из подлежащей регулированию промышленности только затем, чтобы продать их в такие отрасли, где все еще господствует «свобода труда», т. е. туда, где дети моложе 13 лет вынуждены работать наравне со взрослыми и, следовательно, могут быть проданы подороже. Но так как капитал по своей природе уравнитель, т. е. требует, как прирожденного права человека, равенства условий эксплуатации труда во всех отраслях производства, то законодательное ограничение детского труда в одной отрасли промышленности становится причиной его ограничения в другой отрасли.

Мы уже раньше указывали на физическую деградацию детей и подростков, равно как и жен рабочих, которых машина подчиняет эксплуатации капитала сначала прямо — на фабриках, возникающих на ее базисе, — а потом косвенно — во всех других отраслях промышленности. Поэтому здесь мы остановимся только на одном пункте, на колоссальной смертности детей рабочих в первые годы их жизни. В Англии имеется 16 регистрационных округов, в которых на 100000 детей до одного года приходится в среднем только 9085 смертных случаев в год (в одном округе лишь 7047); в 24 округах больше 10000, но меньше 11000; в 39 округах больше 11000, но меньше 12000; в 48 округах больше 12000, но меньше 13000; в 22 округах больше 20000; в 25 округах больше 21000; в 17 свыше 22000; в 11 больше 23000; в Ху, Вулвергемптоне, Аштон-андер-Лайне и Престоне больше 24000; в Ноттингеме, Стокпорте и Брадфорде больше 25000; в Уисбиче 26001 и в Манчестере 26125[127]. Как показало официальное врачебное обследование в 1861 г., причиной такой высокой смертности являются, не считая местных обстоятельств, главным образом занятие матерей вне дома и вытекающие отсюда отсутствие ухода за детьми и плохое обращение с ними, между прочим неподходящее питание, недостаток питания, кормление препаратами опиума и т. д.; к этому присоединяется противоестественное отчуждение матерей от своих детей, а за ним преднамеренное недокармливание и отравление[128]. Напротив, в таких земледельческих округах, «где

[127] «Sixth Report on Public Health». London, 1864, p. 34.

[128] «Более того, оно» (обследование 1861 г.) «... показало, что при описанных обстоятельствах дети умирают вследствие плохого обращения и отсутствия ухода, что обусловливается занятостью их матерей. Матери до

женщины наименее заняты, процент смертности наименьший»[129]. Однако следственная комиссия 1861 г. пришла к тому неожиданному выводу, что в некоторых чисто земледельческих округах, расположенных по побережью Северного моря, смертность детей до одного года почти достигает ее размеров в фабричных округах, наиболее прославленных в этом отношении. Поэтому д-ру Джулиану Хантеру было предложено изучить это явление на месте. Его отчет приложен к «Sixth Report on Public Health»[130]. До того времени предполагали, что детей косят малярия и другие болезни, свойственные низким и болотистым местам. Обследование привело к прямо противоположному выводу, а именно,

«что та самая причина, которая уничтожила малярию, т. е. превращение в плодородную пашню земли, представлявшей собой болото зимой и скудное пастбище летом, вызвала необыкновенно высокую смертность среди грудных детей»[131].

70 практикующих в этом округе врачей, которых опросил д-р Хантер, были «поразительно единодушны» насчет этого пункта. Именно, одновременно с революцией в земледельческой культуре здесь было положено начало и промышленной системе.

«Замужние женщины, работающие вместе с девушками и подростками, за определенную сумму предоставляются в распоряжение арендатора особым лицом, которое называется «gangmeister» и договаривается о найме всей группы. Эти группы часто перекочевывают за многие мили от своих деревень; утром и вечером их можно встретить по проселочным дорогам; женщины одеты в короткие юбки и соответствующие кофты и сапоги, иногда в штаны, очень сильны и здоровы на вид, но испорчены вошедшим в привычку распутством и нисколько не думают о тех вредных последствиях, которые их любовь к такой деятельной и независимой жизни обрушивает на их детей, чахнущих дома»[132].

Все явления фабричных округов наблюдаются и здесь, а замаскированное детоубийство и кормление детей оплатами даже еще в большей степени[133].

такой степени утрачивают естественные чувства к своим детям, что обыкновенно не огорчаются их смертью, а иногда даже... прямо принимают меры, чтобы вызвать ее» (там же).

[129] «Sixth Report on Public Health». London, 1864, p. 454.

[130] Там же, стр. 454, 462, «Reports by Dr. Henry Julian Hunter on the excessive mortality of infants in some rural districts of England».

[131] «Sixth Report on Public Health». London, 1864, p. 35, 455, 456.

[132] Там же, стр. 456.

[133] Как в фабричных, так и в земледельческих округах Англии потребление опиума взрослыми рабочими и работницами все увеличивается, «Увеличение сбыта опиума... составляет главную цель некоторых предприимчивых оптовых торговцев. Аптекари признают опиум самым ходовым товаром» (там же, стр. 459). Грудные дети, принимающие опиум, «сморщиваются в маленьких старичков или съеживаются в обезьянок» (там же, стр. 460). Вот как Индия и Китай мстят Англии!

«Мое знакомство со злом, которое порождается широким применением труда взрослых женщин в промышленности, должно послужить оправданием моего отвращения к этому факту», — говорит д-р Саймон, медицинский инспектор английского Тайного совета[133] и главный редактор отчетов о здоровье населения[134)]. «Действительно», — восклицает фабричный инспектор Р. Бейкер в одном официальном отчете, — «будет счастьем для мануфактурных округов Англии, если всем замужним женщинам, имеющим семью, будет воспрещено работать на какой бы то ни было фабрике»[135)].

Моральное калечение, вытекающее из капиталистической эксплуатации женского и детского труда, с такой исчерпывающей полнотой описано Ф. Энгельсом в его «Положении рабочего класса в Англии» и другими авторами, что я здесь ограничиваюсь простым напоминанием об этом. Интеллектуальное же одичание, искусственно вызываемое превращением незрелых людей в простые машины для производства прибавочной стоимости и совершенно отличное от того природного невежества, при котором ум остается нетронутым без ущерба для самой его способности к развитию, его естественной плодовитости, — это одичание заставило, наконец, даже английский парламент провозгласить начальное образование обязательным условием «производительного» потребления детей до 14-летнего возраста во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричному законодательству. Дух капиталистического производства ясно обнаруживается в неряшливой редакции в фабричных актах пунктов о так называемом воспитании, в отсутствии того административного аппарата, без которого это обязательное обучение в большинстве случаев опять-таки становится иллюзорным, в оппозиции фабрикантов даже такому закону об обучении и в их увертках и уловках для того, чтобы обойти его.

«Обвинять приходится только законодательную власть, потому что она издала обманчивый закон (delusive law), который, заботясь для вида о воспитании детей, не содержит ни одного положения, обеспечивающего достижение этой цели. Он ничего не устанавливает, кроме того, что дети на определенное число часов» (3 часа) «в день должны быть заперты в четырех стенах помещения, именуемого школой, и что хозяин детей еженедельно должен получать удостоверение об исполнении этого от лица, которое подписывается в качестве учителя или учительницы»[136)].

До издания в 1844 г. исправленного фабричного акта нередко попадались удостоверения о посещении школы, на которых учитель или учительница вместо подписи ставили крест, потому что сами не умели писать.

[134)] Там же, стр. 37.
[135)] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», p. 59. Этот фабричный инспектор раньше был врачом.
[136)] Леонард Хорнер в «Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1857», p. 17.

«При моем посещении одной школы, выдающей такие свидетельства, я до того был поражен невежеством учителя, что спросил его: «Скажите, пожалуйста, умеете ли вы читать?» — «В общем, да (summat)», — был его ответ. В свое оправдание он добавил: «Во всяком случае я знаю больше, чем мои ученики»».

Во время подготовки акта 1844 г. фабричные инспектора жаловались на позорное состояние учреждений, именуемых школами, удостоверения которых они по закону должны были признавать вполне действительными. Но все, чего они добились, заключалось в том, что с 1844 г.

«учитель должен был вносить своей рукой цифры в школьное удостоверение, ditto [а также] собственноручно подписывать свое имя и фамилию»[137].

Сэр Джон Кинкейд, шотландский фабричный инспектор, рассказывает о том же на основании своего служебного опыта.

«Первая школа, которую мы посетили, содержалась госпожой Анн Киллин. Когда я предложил ей написать ее фамилию, она сразу сделала ошибку, начав с буквы С, но тотчас поправилась, заявив, что ее фамилия начинается с К. Однако при просмотре ее подписи в школьных удостоверениях я заметил, что она подписывается различно. В то же время почерк не оставляет никакого сомнения в том, что она неспособна учить. Да и сама она призналась, что не может вести классный журнал... В другой школе я попал в школьную комнату в 15 футов длины и 10 футов ширины, где было 75 детей, которые бормотали что-то невразумительное»[138]. «Однако подобная практика, при которой дети получают школьные удостоверения, но не получают никакого образования, наблюдается не только в таких жалких углах, — существует много школ с достаточно подготовленными учителями, но почти все усилия последних разбиваются об умопомрачительное смешение детей всех возрастов, начиная с трехлетнего. Материальное положение учителя, в лучшем случае нищенское, всецело зависит от получаемого количества пенсов, а их он получает тем больше, чем больше детей удается набить в одну комнату. К этому присоединяется скудная школьная обстановка, недостаток книг и других учебных пособий и удручающее действие спертого и отвратительного воздуха на самих бедных детей. Я бывал во многих таких школах, причем видел целые ряды детей, которые абсолютно ничего не делали; и это удостоверяется как посещение школы, и такие дети фигурируют в официальной статистике как получившие образование (educated)»[139].

В Шотландии фабриканты стараются по возможности обходиться без детей, обязанных посещать школу.

«Этого достаточно, чтобы доказать сильное нерасположение фабрикантов к постановлениям об обучении детей»[140].

---

[137] Леонард Хорнер в «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1855», p. 18, 19.
[138] Сэр Джон Кинкейд в «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1858», p. 31, 32.
[139] Леопард Хорнер в «Reports etc. for 30th April 1857», p. 17, 18.
[140] Сэр Дж. Кинкейд в «Reports of Insp. etc. for 31st October 1856», p. 66.

В гротескно-отвратительных формах проявляется это в ситцепечатных и т. п. заведениях, подчиненных особому фабричному закону. Согласно положениям этого закона,

«каждый ребенок перед поступлением в такое печатное заведение должен посещать школу по меньшей мере 30 дней и не меньше 150 часов в течение 6 месяцев, непосредственно предшествующих дню его поступления. За время своей работы в печатном заведении он также должен посещать школу в течение 30 дней или 150 часов в каждое полугодие... Посещение школы должно происходить между 8 часами утра и 6 часами вечера. Посещение, продолжавшееся менее $2^1/_2$ часов или сверх 5 часов в один день, не засчитывается в эти 150 часов. При обычных обстоятельствах дети посещают школу утром и вечером в течение 30 дней, по 5 часов в день, и по истечении 30 дней, набрав установленные 150 часов, покончив со своей книгой, как выражаются они сами, они опять возвращаются в заведение, опять остаются в нем 6 месяцев, пока не наступит новый срок для посещения школы, — и опять остаются в школе до тех пор, пока снова не покончат со своей книгой... Очень многие дети, посещавшие школу на протяжении предписанных 150 часов, при возвращении в нее после шестимесячного пребывания в печатном заведении должны все начинать сначала... Они, конечно, забывают все, что приобрели в предыдущее посещение школы. В других ситцепечатных заведениях посещение школы поставлено в полную зависимость от хода дел на фабрике, от ее потребностей. Требуемое количество часов за каждый полугодичный период образуется общим суммированием 3—5-часовых посещений, которые распределяются, быть может, на все полугодие. Например, в один день школа посещается с 8 до 11 часов утра, в другой день — с 1 до 4 часов дня, и после того как ребенок несколько дней отсутствовал, он вдруг снова приходит на время с 3 до 6 часов вечера; затем он является, может быть, 3 или 4 дня или целую неделю кряду, потом опять исчезает недели на 3 или на целый месяц и возвращается на несколько часов в те дни, когда предприниматель случайно в нем не нуждается; таким-то образом ре-бенка, так сказать, швыряют (buffet) то туда, то сюда, из школы на фабрику, с фабрики в школу, пока не наберется 150 часов»[141].

Присоединяя подавляющее количество детей и женщин к комбинированному рабочему персоналу, машина сламывает, наконец, сопротивление, которое в мануфактуре мужчина-рабочий еще оказывал деспотизму капитала[142].

---

[141] А. Редгрейв в «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1857», p. 41, 42. В тех отраслях английской промышленности, которые уже давно подчинены фабричному акту (не акту о ситцепечатных фабриках, о котором сейчас говорилось в тексте), помехи постановлениям об обучении в последние годы до известной степени устранены. В тех же отраслях промышленности, которые не подчинены фабричному закону, до сих пор еще сильно распространены воззрения, высказанные стекольным фабрикантом Дж. Геддесом, который так поучал члена следственной комиссии Уайта: «Насколько я понимаю, большее образование, получаемое за последние годы частью рабочего класса, представляет собой зло. Оно опасно, так как делает рабочих слишком независимыми» («Children's Employment Commission. 4th Report». London, 1865, p. 253).

[142] «Г-н Э., фабрикант, сообщил мне, что на своих механических ткацких станках он дает работу исключительно женщинам; он предпочитает замужних женщин, в особенности женщин с семьей, которую они содержат; они много внимательнее и послушнее, чем незамужние, и вынуждены до крайности напрягать свои силы, чтобы добывать необходимые средства к жизни. Так, добродетели, — добродетели, свойственные характеру женщин, обращаются во вред им, так нравственная и нежная сторона их природы превращается в средство их порабощения, в источник их страданий» («Ten Hours' Factory Bill. The Speech of Lord *Ashley,* 15th March». London, 1844, p. 20).

b) УДЛИНЕНИЕ РАБОЧЕГО ДНЯ

Если машина является наиболее могущественным средством увеличения производительности труда, т. е. сокращения рабочего времени, необходимого для производства товаров, то как носительница капитала она-становится, прежде всего в непосредственно захваченных ею отраслях промышленности, наиболее могущественным средством удлинения рабочего дня дальше всех естественных пределов. Она создает, с одной стороны, новые условия, позволяющие капиталу дать полную волю этой своей постоянной тенденции; с другой стороны — создает новые мотивы, обостряющие его жажду чужого труда.

Прежде всего движение и деятельность средства труда приобретают в машине самостоятельный характер по отношению к рабочему. Средство труда становится само по себе промышленным perpetuum mobile [вечным двигателем], который производил бы непрерывно, если бы он не наталкивался на известные естественные границы со стороны своих помощников-людей, на слабость их тела и на их своеволие. Как капитал, — а в качестве такового автомат обладает в лице капиталиста сознанием и волей, — средство труда поэтому воодушевлено стремлением довести противодействие сопротивляющейся ему, но эластичной человеческой природы до минимума[143]. Да и без того это противодействие ослаблено кажущейся легкостью труда при машине, а также податливостью и покорностью женщин и детей[144].

Производительность машин, как мы видели, обратно пропорциональна величине той составной части стоимости, которая переносится ими на продукт. Чем продолжительнее период,

[143] «С того времени, как дорогие машины приобрели всеобщее распространение, человека принудили работать свыше его средних сил» *(Robert Owen.* «Observations on the effect of the manufacturing system», 2nd ed. London, 1817 [p. 16]).

[144] Англичане, которые склонны принимать первую эмпирическую форму проявления чего-либо за самую основу, часто считают причиной долгого рабочего времени на фабриках то огромное иродово похищение детей, которое капитал производил при зарождении фабричной системы в приютах для бедных и сирот и при посредстве которого он приобрел совершенно безропотный человеческий материал. Так, например, Филден, сам английский фабрикант, говорит: «Ясно, что удлинение рабочего времени было вызвано тем обстоятельством, что количество беспризорных детей, доставлявшихся из разных частей страны, было настолько велико, что хозяева пользовались и независимостью от рабочих и, установив обычай продолжительного труда при помощи этих несчастных детей, они очень легко могли навязать его своим соседям» ***(J.** Fielden.* «The Curse of the Factory System». London, 1836, p. 11). Относительно женского труда фабричный инспектор Сандерс говорит в фабричном отчете за 1844 г.: «Среди работниц есть женщины, которые в течение многих недель кряду, за исключением лишь нескольких дней, работают с 6 часов утра до 12 часов ночи, с перерывом менее 2 часов на обед, так что в течение 5 дней в неделю у них остается из 24 часов всего по 6 часов на то, чтобы дойти до дома и обратно и отдохнуть в постели».

в течение которого функционирует машина, тем больше масса продукта, на которую распределяется присоединяемая машиной стоимость, и тем меньше та часть стоимости, которую она присоединяет к единице товара. А активный период жизнедеятельности машины определяется, очевидно, длиной рабочего дня или продолжительностью ежедневного процесса труда, помноженной на число дней, в течение которых этот процесс повторяется.

Износ машин отнюдь не с математической точностью соответствует времени пользования ими. Но даже при том предположении, что это соответствие существует, машина, которая служит ежедневно по 16 часов в течение $7^1/_2$ лет, охватывает такой же период производства и присоединяет к совокупному продукту такую же стоимость, как та же самая машина, если она служит 15 лет всего по 8 часов ежедневно. Но в первом случае стоимость машины была бы воспроизведена вдвое быстрее, чем во втором, и капиталист поглотил бы в первом случае при помощи этой машины столько же прибавочного труда в $7^1/_2$ лет, сколько во втором случае — в 15 лет.

Материальный износ машины бывает двоякого рода. Один возникает из ее употребления, — как монеты изнашиваются от обращения, — другой из неупотребления, — как меч от бездействия ржавеет в ножнах. В последнем случае она делается добычей стихий. Износ первого рода в большей или меньшей мере прямо пропорционален употреблению машины, износ второго рода — до известной степени обратно пропорционален употреблению[145)].

Но кроме материального износа машина подвергается, так сказать, и моральному износу. Она утрачивает меновую стоимость, по мере того как машины такой же конструкции начинают воспроизводиться дешевле или лучшие машины вступают с ней в конкуренцию[146)]. В обоих случаях, как бы еще нова и жизнеспособна ни была машина, ее стоимость определяется уже не тем рабочим временем, которое фактически овеществлено в ней, а тем, которое необходимо теперь для воспроизводства ее самой или для воспроизводства лучшей машины. Поэтому она более или менее утрачивает свою стоимость. Чем короче период, в течение которого воспроизводится вся ее

---

145) «Причинение... вреда тонким подвижным частям металлического механизма бездействием последнего» *(Ure.* «Philosophy of Manufactures», p. 281).

146) Уже упомянутый раньше «Манчестерский прядильщик» («Times», 26 ноября 1862 г.) относит к издержкам на машины «то» (речь идет об «отчислениях на износ машин»), «что предназначено на покрытие потерь, которые постоянно возникают вследствие замены одних машин другими, новыми и лучшей конструкции, прежде чем первые придут в состояние полного износа».

стоимость, тем меньше опасность морального износа, а чем длиннее рабочий день, тем короче этот период. Если машины впервые вводятся в какую-либо отрасль производства, то один за другим следуют все новые и новые методы удешевленного их воспроизводства[147)] и новые усовершенствования, охватывающие не только отдельные части или аппараты, но и всю конструкцию в целом. Поэтому в первый период жизни машины этот особый мотив к удлинению рабочего дня действует с наибольшей силой[148)].

При прочих равных условиях и при данной величине рабочего дня эксплуатация удвоенного числа рабочих требует удвоения и той части постоянного капитала, которая затрачивается на машины и здания, и той его части, которая затрачивается на сырой материал, вспомогательные материалы и т. д. С удлинением рабочего дня масштаб производства увеличивается, между тем как часть капитала, затраченная на машины и здания, остается без изменения[149)]. Благодаря этому не только возрастает прибавочная стоимость, но и уменьшаются затраты, необходимые для ее получения. Конечно, это явление в большей или меньшей мере наблюдается вообще при всяком удлинении рабочего дня, но здесь оно имеет более решающее значение, потому что часть капитала, превращаемая в средства труда, здесь вообще играет большую роль[150)]. В самом деле, с развитием машинного производства происходит связывание постоянно возрастающей части капитала в такой форме, в которой эта часть, с одной стороны, может постоянно применяться для увеличения стоимости, а с другой стороны, теряет свою потребительную и меновую стоимость, как только прерывается ее контакт с живым трудом.

[147)] «В общем считают, что создание первого экземпляра вновь изобретенной машины стоит почти в пять раз дороже, чем создание второго» *(Babbage,* цит. соч., стр. 349).

[148)] «В течение немногих лет в производстве тюля были сделаны настолько серьезные и- многочисленные усовершенствования, что хорошо сохранившаяся машина, стоившая первоначально 1200 ф. ст., через несколько лет продавалась за 60 фунтов стерлингов... Усовершенствования следовали одно за другим с такой быстротой, что машины оставались у машиностроителей незаконченными, потому что вследствие удачных изобретений они уже успевали устареть». В этот период «бури и натиска» фабриканты тюля увеличили первоначальный 8-часовой рабочий день при двойной смене рабочих до 24 часов (там же, стр. 233).

[149)] «Само собой очевидно... что при приливах и отливах на рынке и при сменяющемся расширении и сокращении спроса постоянно могут встретиться случаи, когда фабрикант может найти применение добавочному оборотному капиталу, не увеличивая находящегося в деле основного капитала... если добавочное количество сырого материала может быть обработано без дополнительных затрат на здания и машины» (*R. Torrens*. «On Wages and Combination». London, 1834, p. 64).

[150)] Упомянутое в тексте обстоятельство приводится здесь только ради полноты, так как норму прибыли, т. е. отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, я рассматриваю лишь в третьей книге.

«Когда земледелец», — поучал г-н Ашуорт, английский хлопчатобумажный магнат, профессора Нассау У. Сениора, — «бросает свой заступ, он делает бесполезным на это время капитал в 18 пенсов. Когда один из наших людей» (т. е. из фабричных рабочих) «оставляет фабрику, он делает бесполезным капитал, который стоил 100000 фунтов стерлингов»[151)].

Подумайте только! Сделать «бесполезным», хотя бы только на одно мгновение, капитал, который стоил 100000 фунтов стерлингов! Да это же вопиющее дело, если кто-либо из «наших людей» вообще когда-нибудь покидает фабрику! Возрастание объема машинного оборудования делает «желательным», — полагает наученный Ашуортом Сениор, — постоянно растущее удлинение рабочего дня[152)].

Машина производит относительную прибавочную стоимость не только тем, что она прямо понижает стоимость рабочей силы и удешевляет ее косвенно, удешевляя товары, необходимые для ее воспроизводства, но и тем, что при своем первом введении, имеющем еще спорадический характер, она превращает труд, применяемый владельцем машины, в труд повышенной эффективности, поднимает общественную стоимость машинного продукта выше его индивидуальной стоимости и таким образом дает капиталисту возможность возмещать дневную стоимость рабочей силы сравнительно меньшей частью стоимости дневного продукта. Поэтому в течение того переходного периода, когда машинное производство остается своего рода монополией, барыши достигают чрезвычайных размеров, и капиталист стремится как можно основательнее использовать «первой страсти миг златой»[134] посредством возможно большего удлинения рабочего дня. Большой барыш обостряет неутолимую жажду еще большего барыша.

Как только машина приобретает в данной отрасли производства всеобщее распространение, общественная стоимость машинного продукта понижается до его индивидуальной стоимости, и тогда обнаруживает свое действие тот закон, что прибавочная стоимость происходит не от тех рабочих сил, которые капиталист заместил посредством машины, а наоборот, от тех

[151)] *Senior*. «Letters on the Factory Act». London, 1837, p. 14.

[152)] «Преобладание основного капитала над оборотным... делает желательным продолжительный рабочий день». По мере роста объема машинного оборудования и т. д. «мотивы к удлинению рабочего времени усиливаются, так как это — единственное средство, с помощью которого относительное увеличение основного капитала можно сделать прибыльным» (там же, стр. 11—14). «На всякой фабрике имеют место различные расходы, которые остаются постоянными независимо от того, длиннее или короче рабочее время на фабрике, например, рента, местные и государственные налоги, страхование от пожара, заработная плата различным постоянным рабочим, издержки в связи с износом машин и ряд других расходов, отношение которых к прибыли тем более понижается, чем больше увеличивается размер производства» («Reports of the Insp. of Fact for 31st October 1862», p. 19).

рабочих сил, которые он при ней применяет. Источником прибавочной стоимости является только переменная часть капитала, и мы уже видели, что масса прибавочной стоимости определяется двумя факторами: нормой прибавочной стоимости и числом одновременно занятых рабочих. При данной длине рабочего дня норма прибавочной стоимости определяется тем отношением, в котором рабочий день распадается на необходимый труд и прибавочный труд. Число же одновременно занятых рабочих, в свою очередь, зависит от отношения переменной части капитала к постоянной. Теперь ясно, что как бы ни расширяло машинное производство путем повышения производительной силы труда прибавочный труд за счет необходимого труда, оно достигает этого результата только таким способом, что уменьшает число рабочих, применяемых данным капиталом. Оно превращает в машины, т. е. в постоянный капитал, не производящий никакой прибавочной стоимости, некоторую часть капитала, который раньше был переменным, т. е. превращался в живую рабочую силу. Но, например, из двух рабочих невозможно выжать столько прибавочной стоимости, сколько из 24. Если каждый из 24 рабочих в двенадцать часов труда доставляет всего один час прибавочного труда, то вместе они доставляют 24 часа прибавочного труда, между тем как весь труд двух рабочих составляет всего 24 часа. Таким образом, в применении машин для производства прибавочной стоимости заключается то имманентное противоречие, что из двух факторов прибавочной стоимости, доставляемой капиталом данной величины, машины увеличивают один фактор, норму прибавочной стоимости, только таким способом, что они уменьшают другой фактор, число рабочих. Это имманентное противоречие обнаруживается, как только с всеобщим распространением машины в данной отрасли промышленности стоимость производимого машинами товара становится регулирующей общественной стоимостью всех товаров этого рода; и именно это противоречие, которого не сознает капиталист[153)], опять-таки побуждает капитал к крайнему удлинению рабочего дня, чтобы компенсировать относительное уменьшение числа эксплуатируемых рабочих увеличением не только относительного, но и абсолютного прибавочного труда.

Итак, капиталистическое применение машин создает, с одной стороны, новые могущественные мотивы к безмерному удлинению рабочего дня и революционизирует самый способ труда

[153)] Почему это имманентное противоречие не доходит до сознания отдельного капиталиста, а потому и политической экономии, находящейся во власти его представлений, это мы увидим из первых отделов третьей книги.

и характер общественного рабочего организма таким образом, что сламывает всякое сопротивление этой тенденции к удлинению рабочего дня; с другой стороны, оно производит, — отчасти подчиняя капиталу раньше недоступные для него слои рабочего класса, отчасти оставляя без работы рабочих, вытесненных машинами, — избыточное рабочее население[154), вынужденное подчиняться законам, которые диктует ему капитал. Отсюда то примечательное явление в истории современной промышленности, что машина опрокидывает все моральные и естественные пределы рабочего дня. Отсюда тот экономический парадокс, что самое мощное средство для сокращения рабочего времени превращается в вернейшее средство для того, чтобы все время жизни рабочего и его семьи обратить в рабочее время, находящееся в распоряжении капитала для увеличения его стоимости.

«Если бы», — мечтал Аристотель, величайший мыслитель древности, — «если бы каждое орудие по приказанию или по предугадыванию могло исполнять предназначенную ему работу подобно тому, как творения Дедала двигались сами собой или как треножники Гефеста по собственному побуждению приступали к священной работе, если бы таким же образом ткацкие челноки ткали сами, то не потребовалось бы ни мастеру помощников, ни господину рабов»[155).

И Антипатр, греческий поэт времен Цицерона, приветствовал изобретение водяной мельницы для размалывания зерна, этой элементарной формы всех производительных машин, как появление освободительницы рабынь и восстановительницы золотого века![156) «Язычники! О, эти язычники!» Они, как открыл проницательный Бастиа, а до него еще более премудрый Мак-Куллох, ничего не понимали в политической экономии и христианстве. Они, между прочим, не понимали, что машина — надежнейшее средство для удлинения рабочего дня. И если они оправдывали рабство одних, то как средство для полного

[154) Одна из великих заслуг Рикардо заключается в том, что он видел в машинах не только средство производства товаров, но и средство производства «избыточного населения».

[155) *F. Biese*. «Die Philosophie des Aristoteles». Zweiter Band. Berlin, 1842, S. 408.

[156) Привожу здесь эти стихи в переводе Штольберга[135], потому что они, подобно приведенным раньше цитатам о разделении труда, характеризуют противоположность между античными и современными воззрениями:

«Дайте рукам отдохнуть, мукомолки; спокойно дремлите,
Хоть бы про близкий рассвет громко петух голосил:
Нимфам пучины речной ваш труд поручила Деметра;
Как зарезвились они, обод крутя колеса!
Видите? Ось завертелась, а оси крученые спицы
С рокотом движут глухим тяжесть двух пар жерновов.
Снова нам век наступил золотой: без труда и усилий
Начали снова вкушать дар мы Деметры святой»
(«Gedichte aus dem Griechischen ubersetzt von
Christian Graf zu Stolberg». Hamburg, 1782).

человеческого развития других. Но для того, чтобы проповедовать рабство масс для превращения немногих грубых и полуобразованных выскочек в «выдающихся прядильщиков», «крупных колбасников» и «влиятельных торговцев ваксой», — для этого им недоставало специфических христианских чувств.

c) ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ТРУДА

Безмерное удлинение рабочего дня, которое производят машины, находящиеся в руках капитала, приводит впоследствии, как мы видели, к реакции со стороны общества, жизненным корням которого угрожает опасность, и тем самым к установлению законодательно ограниченного нормального рабочего дня. На основе последнего приобретает решающую важность явление, с которым мы встречались уже раньше, а именно интенсификация труда. При анализе абсолютной прибавочной стоимости речь шла прежде всего об экстенсивной величине труда, степень же его интенсивности предполагалась как величина данная. Теперь мы должны рассмотреть превращение экстенсивной величины в интенсивную, в выражение степени.

Само собой разумеется, что по мере развития машин и накопления опыта среди собственно машинных рабочих естественно увеличивается скорость, а потому и интенсивность труда. Так, в Англии в течение полустолетия удлинение рабочего дня идет рука об руку с возрастанием интенсивности фабричного труда. Однако понятно, что при такой работе, где речь идет не о преходящих пароксизмах, а о повторяющемся изо дня в день регулярном однообразии, неизбежно наступает момент, когда удлинение рабочего дня и интенсификация труда взаимно исключают друг друга, так что удлинение рабочего дня совместимо лишь с понижением степени интенсивности труда и, наоборот, повышение степени интенсивности — лишь с сокращением рабочего дня. Когда постепенно нарастающее возмущение рабочего класса принудило государство насильно сократить рабочее время и прежде всего продиктовать нормальный рабочий день собственно фабрике, т. е. с того момента, когда раз навсегда сделалось невозможным увеличение производства прибавочной стоимости посредством удлинения рабочего дня, капитал со всей энергией и с полной сознательностью бросился на производство относительной прибавочной стоимости при помощи ускоренного развития машинной системы. Вместе с тем совершается изменение в характере относительной прибавочной стоимости. Вообще метод производства относительной прибавочной стоимости заключается в том, что рабочий благо-

даря повышению производительной силы труда получает возможность произвести больше при прежней затрате труда в течение прежнего времени. Прежнее рабочее время присоединяет ко всему продукту в целом все такую же стоимость, как и раньше, хотя эта оставшаяся без изменения меновая стоимость выражается теперь в большем количестве потребительных стоимостей, а потому стоимость единицы товара понижается. Однако иначе дело обстоит, когда принудительное сокращение рабочего дня, давая мощный толчок развитию производительной силы и экономии условий производства, в то же время заставляет рабочего увеличивать затрату труда в единицу времени, повышать напряжение рабочей силы, плотнее заполнять поры рабочего времени, т. е. конденсировать труд до такой степени, которая достижима только в рамках сокращенного рабочего дня. Эта сжатая в пределы данного периода времени большая масса труда учитывается теперь как большее количество труда, чем она является в действительности. Наряду с измерением рабочего времени как «величины протяженной» теперь выступает измерение степени его уплотнения[157)]. Более интенсивный час десятичасового рабочего дня содержит теперь столько же или больше труда, т. е. затраченной рабочей силы, чем более пористый час двенадцатичасового рабочего дня. Поэтому его продукт имеет такую же или большую стоимость, чем продукт более пористых $1^1/_5$ часа. Не говоря уже об увеличении относительной прибавочной стоимости вследствие увеличения производительной силы труда, теперь, например, $3^1/_3$ часа прибавочного труда на $6^2/_3$ часа необходимого труда дают капиталисту такую же массу стоимости, как раньше 4 часа прибавочного труда на 8 часов необходимого труда.

Теперь спрашивается, каким образом труд интенсифицируется?

Первое следствие сокращения рабочего дня основывается на том самоочевидном законе, что дееспособность рабочей силы обратно пропорциональна времени ее деятельности. Поэтому в известных границах то, что теряется на продолжительности действия силы, выигрывается на ее интенсивности. А о том, чтобы рабочий действительно расходовал больше рабочей силы,

---

[157)] Разумеется, в различных отраслях производства вообще наблюдаются различия в интенсивности труда. Они, как показал уже А. Смит, отчасти уравновешиваются побочными обстоятельствами, сопряженными с каждым особым родом труда. Но и эти различия оказывают влияние на рабочее время как меру стоимости лишь постольку, поскольку интенсивные и экстенсивные величины являются противоположными и взаимно исключающими друг друга выражениями одного и того же количества труда.

об этом заботится капитал посредством метода оплаты[158]. В мануфактурах, например в гончарных заведениях, в которых машины не играют никакой роли или играют лишь незначительную роль, введение фабричного закона с полной убедительностью показало, что простое сокращение рабочего дня поразительно увеличивает регулярность, однообразие, порядок, непрерывность и энергию труда[159]. Однако казалось сомнительным, что такой же результат получится и на собственно фабрике, так как зависимость рабочего от непрерывного и однообразного движения машины давным-давно создала здесь самую строгую дисциплину. Поэтому, когда в 1844 г. обсуждался вопрос о сокращении рабочего дня ниже 12 часов, фабриканты почти единогласно заявили, что

«их надсмотрщики в различных рабочих помещениях наблюдают за тем, чтобы рабочие не теряли ни минуты времени», что «степень бдительности и внимательности рабочих («the extent of vigilance and attention on the part of the workmen») едва ли может быть повышена» и что, предполагая неизменными все прочие условия, например скорость машин, «было бы бессмысленно на благоустроенных фабриках ожидать сколько-нибудь значительного результата от увеличения внимательности рабочих и т. д.»[160].

Это утверждение было опровергнуто опытами. Г-н Р. Гарднер ввел с 20 апреля 1844 г. на двух своих больших фабриках в Престоне 11-часовой рабочий день вместо 12-часового. По истечении приблизительно года обнаружился тот результат, что

«при прежних издержках было получено прежнее количество продукта и что в целом рабочие за 11 часов зарабатывали ровно столько же, сколько раньше за 12 часов»[161].

Я не касаюсь здесь экспериментов в прядильных и чесальных отделениях, потому что они были сопряжены с увеличением скорости машин (на 2%). Напротив, в ткацком отделении, где к тому же производились весьма различные сорта легких узорчатых тканей, не произошло никаких перемен в объективных условиях производства. Результат был таков:

«С 6 января по 20 апреля 1844 г. при 12-часовом рабочем дне средняя заработная плата одного рабочего составляла 10 шилл. $1^1/_2$ пенса в неделю, с 20 апреля по 29 июня 1844 г. при 11-часовом рабочем дне средняя заработная плата была 10 шилл. $3^1/_2$ пенса в неделю[162].

---

158) В особенности в виде поштучной заработной платы, — формы, которая рассматривается в шестом отделе.

159) См. «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865».

160) «Reports of Insp. of Fact. tor 1844 and the quarter ending 30th April 1845», P. 20, 21.

161) Там же, стр. 19. Так как поштучная плата осталась без изменения, то размеры недельного заработка зависели от количества продукта.

162) «Reports of Insp. of Fact. for 1844 and the quarter ending 30th April 1845», p. 20.

В этом случае за 11 часов производилось больше, чем раньше за 12 часов, исключительно вследствие большей и равномернее распределявшейся работоспособности рабочих и вследствие экономного использования ими времени. В то время как они получали ту же самую заработную плату и выигрывали час досуга, капиталист получал прежнюю массу продуктов и сберегал уголь, газ и т. д., расходуемые за один час. Такие же эксперименты и с таким же результатом были произведены на фабриках гг. Хоррокса и Джэксона[163)].

Когда сокращение рабочего дня, которое создает сначала субъективное условие для конденсации труда, т. е. дает рабочему возможность расходовать больше силы в течение данного времени, проводится принудительно, т. е. в законодательном порядке, машина в руках капитала становится объективным и систематически применяемым средством для того, чтобы выжать больше труда в течение данного времени. Это достигается двояким способом: увеличением скорости машин и увеличением количества машин, которое находится под контролем одного и того же рабочего, т. е. увеличением арены труда последнего. Усовершенствования в конструкции машин отчасти необходимы для того, чтобы усилить давление на рабочего, отчасти они сами собой сопровождают интенсификацию труда, потому что ограничение рабочего дня побуждает капиталиста к самой строгой экономии на издержках производства. Усовершенствование паровой машины увеличивает скорость движения ее поршня и в то же время, благодаря большему сбережению силы, дает возможность приводить в движение мотором прежних размеров более обширный механизм, причем потребление угля остается без изменения или даже понижается. Усовершенствование передаточного механизма уменьшает трение и, — что так поразительно отличает современные машины от старых, — низводит диаметр и вес больших и малых валов к постоянно уменьшающемуся минимуму. Наконец, усовершенствования рабочей машины, увеличивая ее скорость и расширяя ее действие, уменьшают ее размеры, как это видно на примере современного парового ткацкого станка, или увеличивают вместе с корпусом размеры и число ее орудий, как в прядильной машине, или посредством незаметных изменений деталей увеличивают подвижность этих орудий, — например, в середине

163) Там же, стр. 21. Моральный элемент играл значительную роль в упомянутых выше экспериментах. «Мы», — заявили рабочие фабричному инспектору, — «мы работаем с большим воодушевлением, мы постоянно имеем в виду награду: возможность раньше уйти на ночь; бодрый и деятельный дух свойствен всей фабрике, от самого юного помощника до самого старого рабочего, и мы теперь больше помогаем друг другу» (там же).

пятидесятых годов скорость веретен в автоматической мюль-машине была увеличена таким образом на $^{1}/_{5}$.

Сокращение рабочего дня до 12 часов относится в Англии к 1832 году. Уже в 1836 г. один английский фабрикант заявлял:

«По сравнению с прежним временем труд на фабриках сильно возрос вследствие того, что значительно возросшая скорость машин требует от рабочего усиленного внимания и деятельности»[164].

В 1844 г. лорд Эшли, в настоящее время граф Шефтсбери, привел в палате общин следующие документально обоснованные данные:

«Труд лиц, занятых в фабричных процессах, в настоящее время втрое больше, чем был при введении этих операций. Несомненно, машины выполнили работу, которая заменила жилы и мускулы миллионов людей, но они изумительно (prodigiously) увеличили труд людей, которых они подчинили своему ужасному движению... Труд, заключающийся в том, чтобы в течение 12 часов следовать за двумя мюль-машинами, составлял, при прядении пряжи № 40, в 1815 г. 8 миль ходьбы. В 1832 г. дистанция, которую в течение 12 часов приходилось пройти при двух мюль-машинах при прядении того же номера, составляла 20 миль, а часто и больше. В 1825 г. прядильщику приходилось сделать на каждом мюле 820 вытягиваний за 12 часов, что составляет общую сумму в 1640 вытягиваний за 12 часов. В 1832 г. прядильщик должен был сделать в течение своего двенадцатичасового рабочего дня 2200 вытягиваний на каждую мюль-машину, итого 4400; в 1844 г. — 2400, итого 4800; а в некоторых случаях требуется еще большая масса труда (amount of labour)... Здесь у меня в руках другой документ 1842 г., показывающий, что труд прогрессивно увеличивается не только потому, что приходится проходить большее расстояние, но и потому, что количество производимых товаров увеличивается, между тем как число рабочих соответственно уменьшается; и, далее, потому, что теперь часто прядется худший хлопок, который требует большего труда... В чесальном отделении труд тоже значительно возрос. Теперь одно лицо выполняет такую работу, которая раньше распределялась между двумя... В ткацком отделении, в котором занято большое число лиц, по большей части женского пола, труд возрос за последние годы, вследствие увеличения скорости машин, на целых 10%. В 1838 г. в неделю выпрядалось 18000 мотков, в 1843 г. это число повысилось до 21000. В 1819 г. число ударов челнока при паровом ткацком станке составляло 60 в минуту, в 1842 г. оно составляло 140, что свидетельствует об огромном возрастании труда»[165].

Ввиду этой поразительной интенсивности, которой труд достиг уже в 1844 г. при господстве закона о 12-часовом рабочем дне, представлялось, что английские фабриканты имеют основания утверждать, что дальнейший прогресс в этом направлении невозможен и что всякое дальнейшее сокращение рабочего времени равносильно сокращению производства. Что

---

[164] *John Fielden*, цит. соч., стр. 32.

[165] Lord *Ashley*, цит. соч., стр. 6—9, в разных местах.

их рассуждения были справедливы лишь по видимости, это лучше всего доказывается появившимся в это самое время заявлением неутомимого цензора фабрикантов, фабричного инспектора Леонарда Хорнера:

«Так как количество производимых продуктов регулируется преимущественно скоростью машин, то фабрикант должен быть заинтересован в том, чтобы машины действовали с крайней степенью скорости, но совместимой со следующими условиями: сохранение машин от слишком быстрой порчи, сохранение доброкачественности производимых товаров, способность рабочего не отставать от машины, причем напряжение не должно быть больше того, которое он может развивать непрерывно. Часто бывает так, что фабрикант по своей торопливости слишком ускоряет движение. Тогда поломки и плохое качество продукта перевесят выгоды от скорости, и фабриканту придется умерить ход машин. Так как деятельный и внимательный фабрикант наверное найдет максимум достижимого, то я полагал, что невозможно за 11 часов производить столько же, сколько за 12. Я предполагал кроме того, что сдельно оплачиваемый рабочий напрягает свои силы до той крайней степени, за которой он уже не может постоянно сохранять одну и ту же степень интенсивности»[166].

Поэтому Хорнер, вопреки опытам Гарднера и т. д., пришел к заключению, что дальнейшее сокращение 12-часового рабочего дня необходимо уменьшит количество продукта[167]. Он сам 10 лет спустя цитирует сомнения, высказанные им в 1845 г., в доказательство того, насколько он тогда не понимал эластичности машин и человеческой рабочей силы, которые в равной мере напрягаются до крайней степени вследствие принудительного сокращения рабочего дня.

Обратимся теперь к периоду после 1847 г., со времени введения в законодательном порядке 10-часового рабочего дня на английских хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых и льняных фабриках.

«Скорость веретен у ватер-машин возросла на 500, у мюль-машин на 1000 оборотов в минуту, т. е. скорость ватерных веретен, достигавшая в 1839 г. 4500 оборотов в минуту, составляет теперь» (1862 г.) «5000, а скорость мюльных веретен, достигавшая 5000, составляет теперь 6000 в минуту; это дает в первом случае возрастание скорости на $^1/_{10}$, а во втором — на $^1/_6$»[168].

Джемс Несмит, знаменитый гражданский инженер из Патрикрофта близ Манчестера, в одном письме к Леонарду Хорнеру в 1852 г. рассматривает усовершенствования, произведенные в паровой машине между 1848 и 1852 годами. Отметив,

---

[166] «Reports of Insp. of Fact. [for quarter ending 30th September 1844, and from 1st October 1844] to 30th April 1845», p. 20.

[167] Там же, стр. 22.

[168] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», p. 62.

что паровая лошадиная сила, которая в официальной фабричной статистике все еще определяется в соответствии с ее действием в 1828 г.[169], является чисто номинальной и может служить лишь условным показателем действительной силы, он, между прочим, пишет:

«Не подлежит никакому сомнению, что паровые машины прежнего веса, часто даже именно те же самые машины, с той только разницей, что в них сделаны современные усовершенствования, в среднем выполняют на 50% больше работы, чем прежде, и что во многих случаях те же самые машины, которые во времена предельной скорости 220 футов в минуту развивали 50 лошадиных сил, в настоящее время при меньшем потреблении угля развивают более 100 лошадиных сил... Современная паровая машина при прежнем числе номинальных лошадиных сил, вследствие усовершенствований в ее конструкции, уменьшения объема и изменений устройства парового котла и т. д., действует с большей силой, чем прежде... Поэтому, хотя теперь по отношению к номинальной лошадиной силе занято прежнее количество рук, число рук по отношению к рабочим машинам в настоящее время уменьшилось»[170].

В 1850 г. на фабриках Соединенного королевства применялось 134217 номинальных лошадиных сил, приводивших в движение 25638716 веретен и 301445 ткацких станков. В 1856 г. число веретен и ткацких станков составляло соответственно 33503580 и 369205. Если бы на одну лошадиную силу приходилось столько же веретен и станков, как в 1850 г., то в 1856 г. было бы необходимо иметь 175000 лошадиных сил. Но по официальным данным число их составляло всего 161435, т. е. на 10000 с лишним лошадиных сил меньше, чем потребовалось бы на основе расчетов 1850 года[171].

«Последний отчет» (официальная статистика) «1856 г. устанавливает тот факт, что фабричная система распространяется со стремительной быстротой, число рук по отношению к машинам сократилось, паровая машина вследствие экономии в силе и других усовершенствований приводит в движение машины большего веса и что увеличение количества продукта достигается вследствие усовершенствования рабочих машин, изменения методов производства, увеличения скорости машин и многих других причин»[172]. «Крупные усовершенствования, сделанные

[169] Это изменилось со времени парламентского отчета 1862 года. Здесь вместо номинальной введена уже действительная паровая лошадиная сила современных паровых машин и водяных колес {см. прим. 109[a], стр. 400. *Ф. Э.*}. Точно так же и тростильные веретена уже не смешиваются с собственно прядильными веретенами (как было в отчетах 1839, 1850 и 1856 гг.); далее для шерстяных фабрик приведено число «gigs» [«ворсовальных машин»], введено различие между джутовыми и пеньковыми фабриками, с одной стороны, и льняными — о другой; наконец, в первый раз введено в отчет чулочновязальное производство.

[170] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1856», p. 14, 20.

[171] Там же, стр. 14, 15.

[172] Там же, стр. 20.

в машинах всякого рода, намного повысили их производительную силу. Вне всякого сомнения, сокращение рабочего дня послужило... стимулом для этих усовершенствований. Эти усовершенствования и более интенсивный труд рабочего привели к тому, что в течение сокращенного» (на 2 часа, или на $^1/_6$) «рабочего дня производится по меньшей мере столько же продукта, как производилось раньше в течение более долгого дня»[173)].

Насколько увеличилось богатство фабрикантов вследствие более интенсивной эксплуатации рабочей силы, показывает уже одно то обстоятельство, что средний ежегодный прирост числа английских хлопчатобумажных текстильных фабрик составил с 1838 по 1850 г. 32, а с 1850 по 1856 г. — 86.

Как ни велик был прогресс английской промышленности в 8-летие 1848—1856 гг. при господстве 10-часового рабочего дня, в следующий шестилетний период 1856—1862 гг. он был далеко превзойден. Например, на шелковых фабриках было в 1856 г. веретен — 1093799, в 1862 г. — 1388544; ткацких станков в 1856 г. — 9260, в 1862 г. — 10709. Напротив, число рабочих в 1856 г. — 56137, в 1862 г. — 52429. Таким образом, увеличение числа веретен составило 26,9% и ткацких станков — 15,6% при одновременном уменьшении числа рабочих на 7%. В 1850 г. на камвольных фабриках было в ходу 875830 веретен, в 1856 г. — 1324549 (увеличение на 51,2%) и в 1862 г. — 1289172 (уменьшение на 2,7%). Но если принять во внимание, что тростильные веретена входят в счет 1856 г., но не входят в счет 1862 г., то окажется, что число веретен с 1856 г. оставалось почти неизменным. Напротив, скорость веретен и ткацких станков с 1850 г. во многих случаях удвоилась. Число паровых ткацких станков на камвольных фабриках составляло в 1850 г. 32617, в 1856 г. — 38956 и в 1862 г. — 43048. При них было занято в 1850 г. 79737 человек, в 1856 г. — 87794 и в 1862 г. — 86063, но в этом числе детей до 14-летнего возраста было в 1850 г. 9956, в 1856 г. — 11228 и в 1862 г. — 13178. Итак, несмотря на значительное увеличение числа ткацких станков в 1862 г. по сравнению с 1856 г., общее число занятых рабочих уменьшилось, число же эксплуатируемых детей увеличилось[174)].

27 апреля 1863 г. член парламента Ферранд заявлял в палате общин:

[173)] «Reports etc. for 31st October 1858», p. 9, 10. Ср. «Reports etc. for 30th April I860», P. 30 sqq.
[174)] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», p. 129, 100, 103, 130.

«Делегаты рабочих от 16 округов Ланкашира и Чешира, по поручению которых я говорю, сообщили мне, что вследствие усовершенствования машин труд на фабриках все возрастает. Раньше один рабочий *с* помощником обслуживал два ткацких станка, теперь один рабочий без помощников обслуживает три станка и весьма нередко даже четыре и т. д. Как видно из сообщенных фактов, двенадцать часов труда втиснуты теперь менее чем в 10 рабочих часов. Отсюда само собой очевидно, в какой огромной степени выросли за последние годы муки труда фабричных рабочих»[175)].

Поэтому, хотя фабричные инспектора неустанно и с полным правом восхваляют благоприятные результаты фабричных законов 1844 и 1850 гг., однако они признают, что сокращение рабочего дня уже вызвало такую интенсивность труда, которая угрожает здоровью рабочих и, следовательно, разрушительно действует на самое рабочую силу.

«В большинстве хлопчатобумажных, камвольных и шелковых фабрик истощающее состояние возбужденности, необходимой для работы при машинах, движение которых за последние годы чрезвычайно ускорилось. было, по-видимому, одной из причин увеличения смертности от легочных болезней, показанного д-ром Гринхау в его последнем замечательном отчете»[176)].

Не подлежит никакому сомнению, что, когда законом у капитала раз навсегда отнята возможность удлинения рабочего дня, его тенденция компенсировать себя за это систематическим повышением степени интенсивности труда и превращать всякое усовершенствование машин в средство усиленного высасывания рабочей силы скоро должна снова привести к тому поворотному пункту, где становится неизбежным новое сокращение рабочего времени[177)]. С другой стороны, бурное развитие английской промышленности с 1848 г. до настоящего времени, т. е. в период десятичасового рабочего дня, превосходит эпоху 1833—1847 гг., т. е. период двенадцатичасового рабочего дня, еще в большей мере, чем развитие промышленности в этот последний период превзошло ее успехи в первую половину столе-

[175)] Один ткач на двух современных паровых ткацких станках производит теперь за 60-часовую неделю 26 кусков известного сорта ткани определенной длины и ширины, а раньше при старом паровом ткацком станке мог производить только 4. Ткацкие издержки на один такой кусок уже в начале 1850 г. понизились с 2 шилл. 9 пенсов до $5^1/_8$ пенса.

Добавление к 2 изданию. «30 лет тому назад» (в 1841 г.) «от хлопкопрядильщика с 3 помощниками требовалось наблюдение только за одной парой мюль-машин с 300— 324 веретенами. Теперь» (конец 1871 г.) «с 5 помощниками он должен наблюдать за мюль-машинами, число веретен которых составляет 2200, и производит по меньшей мере в семь раз больше пряжи, чем в 1841 году» (Александр Редгрейв, фабричный инспектор, в «Journal of the Society of Arts», January 5, 1872).

[176)] «Reports of Insp. of Fact. tor 31st October 1861», p. 25, 26.

[177)] В настоящее время (1867 г.) в Ланкашире среди фабричных рабочих началась агитация за восьмичасовой рабочий день.

тия фабричной системы, то есть в период неограниченного рабочего дня[178].

[178] Следующие немногие цифры характеризуют прогресс собственно фабрик в Соединенном королевстве с 1848 года:

	Количество экспортированных товаров			
	1848	1851	1860	1865
Хлопчатобумажные фабрики				
Хлопчатобумажная пряжа (в фунтах)..	135 831 162	143 986 106	197 343 655	103 751 455
Пряжа для ниток (в фунтах)………………....	—	4 392176	6 297 554	4 648 611
Хлопчатобумажные ткани (в ярдах)…………..	1091 373 930	1 543 161 789	2776218427	2015237851
Льняные и пеньковые фабрики				
Пряжа (в фунтах)…………………………..	11 722 182	18 841 326	31 210 612	36 777 334
Ткани (в ярдах) ....………………………	88 901 519	129 106 753	143 996 773	247 012 329
Шелковые фабрики				
Пряжа (в фунтах)…………………………..	466 825*	462 513	897 402	812 589
Ткани (в ярдах)…………………………….	—	1 181 455**	1 307 293**	2 869 837
Шерстяные фабрики				
Шерстяная и камвольная пряжа (в фунтах) ....…………………........	—	14 670 880	27 533 968	31 669 267
Ткани (в ярдах) ....………………	—	151 231 153	190 371 507	278837418
	Стоимость экспортированных товаров (в фунтах стерлингов)			
Хлопчатобумажные фабрики				
Хлопчатобумажная пряжа…………………......	5 927 831	6 634 026	9 870 875	10 351 049
Хлопчатобумажные ткани.……………….........	16 753 369	23 454 810	42 141 505	46 903 796
Льняные и пеньковые фабрики				
Пряжа……………………………………….	493 449	951 426	1 801 272	2 505 497
Ткани……………………………………….	2 802 789	4 107 396	4 804 803	9155358
Шелковые фабрики				
Пряжа........……………..................................	77 789	196 380	826 107	768 064
Ткани ....……………...............................	—	1 130 398	1 587 303	1 409 221
Шерстяные фабрики				
Шерстяная и камвольная пряжа...............................……………….....	776 975	1484544	3 843 450	5 424 047
Ткани ....……………….........	5 733 828	8 377 183	12 156 998	20 102 259

* 1846 г.

** в фунтах.

(См. Синие книги «Statistical Abstract for the United Kingdom», № 8 и № 13. London, 1861 и 1866).

В Ланкашире число фабрик увеличилось между 1839 и 1850 гг. всего на 4%, между 1850 и 1856 — на 19%, между 1856 и 1862 — на 33%, между тем как число занятых лиц в оба одиннадцатилетних периода абсолютно увеличилось, а относительно понизилось. См. «Reports of Insp. of Fact. tor 31st Oct. 1862», р. 63. В Ланкашире преобладают хлопчатобумажные фабрики. А какое относительно большое место занимают они вообще в производстве пряжи и тканей, видно из того, что из общего числа подобных фабрик в Англии, Уэльсе, Шотландии и Ирландии на их долю приходится 45,2%, из общего числа веретен — 83,3%, из общего числа паровых ткацких станков — 81,4%, из общего числа паровых лошадиных сил, приводящих текстильные фабрики в движение, — 72,6%, из общего числа занятых лиц — 58,2% (там же, стр. 62, 63).

4. ФАБРИКА

В начале этой главы мы рассматривали тело фабрики, расчлененную систему машин. Потом мы видели, как машины, присваивая женский и детский труд, увеличивают человеческий материал для капиталистической эксплуатации, как они, безмерно удлиняя рабочий день, захватывают всю жизнь рабочего и как, наконец, их развитие, позволяющее производить чудовищно возрастающие массы продукта все в более и более короткое время, служит систематическим средством для того, чтобы в данный период времени привести в движение больше труда, т. е. чтобы все более интенсивно эксплуатировать рабочую силу. Теперь мы обращаемся к фабрике в ее целом, притом в ее наиболее развитой форме.

Д-р Юр, Пиндар автоматической фабрики, описывает ее, с одной стороны, как

«кооперацию различных категорий рабочих, взрослых и несовершеннолетних, которые с искусством и прилежанием наблюдают за системой производительных машин, непрерывно приводимых в действие центральной силой (первичным двигателем)»,

с другой стороны — как

«огромный автомат, составленный из многочисленных механических и сознательных органов, действующих согласованно и без перерыва для производства одного и того же предмета, так что все эти органы подчинены одной двигательной силе, которая сама приводит себя в движение».

Эти два определения отнюдь не тождественны. В одном комбинированный совокупный рабочий, или общественный рабочий организм, является активно действующим субъектом, а механический автомат — объектом; во втором сам автомат является субъектом, а рабочие присоединены как сознательные органы к его лишенным сознания органам и вместе с последними подчинены центральной двигательной силе. Первое определение сохраняет свое значение по отношению ко всем возможным применениям машин в крупном масштабе; второе характеризует их капиталистическое применение и, следовательно, современную фабричную систему. Отсюда излюбленная манера Юра изображать центральную машину, от которой исходит движение, не только автоматом, но и автократом.

«В этих огромных мастерских благодетельная сила пара собирает вокруг себя мириады своих подданных»[179].

Вместе с рабочим орудием и виртуозность в управлении им переходит от рабочего к машине. Дееспособность орудия освобождается от той ограниченности, которая вытекает из связи человеческой рабочей силы с личностью рабочего. Таким образом устраняется тот технический базис, на котором покоится разделение труда в мануфактуре. Поэтому вместо характерной для мануфактуры иерархии специализированных рабочих на автоматической фабрике выступает тенденция к уравнению, или нивелированию, тех работ, которые должны выполняться помощниками машины[180], вместо искусственно порожденных различий между частичными рабочими приобретают перевес естественные различия возраста и пола.

Поскольку разделение труда возрождается на автоматической фабрике, оно является прежде всего распределением рабочих по специализированным машинам и распределением масс рабочих, — не образующих, однако, расчлененных групп, — по различным отделениям фабрики, где они работают при расположенных одна возле другой однородных рабочих машинах, т. е. где они соединены лишь простой кооперацией. Расчлененная группа мануфактуры замещается здесь сочетанием главного рабочего с немногими помощниками. Существенное различие наблюдается между рабочими, занятыми действительно при рабочих машинах (сюда же относятся некоторые рабочие, которые наблюдают за машиной-двигателем или ее заправкой), и простыми подручными (почти исключительно дети) этих машинных рабочих. К подручным же в большей или меньшей степени относятся и все feeders (которые просто подают в машину материал труда). Наряду с этими главными категориями выступает количественно незначительный персонал, который занят контролем за всеми машинами и постоянной их починкой, например, инженеры, механики, столяры и т. д. Это — высший, частью научно образованный, частью ремесленного характера слой рабочих, стоящий вне круга фабричных рабочих, просто присоединенный к нему[181]. Это разделение труда является чисто техническим.

Всякая работа при машине требует подготовки рабочего с ранних лет для того, чтобы он научился сообразовать свои

---

179) *Ure*. «Philosophy of Manufactures», p. 18.

180) Там же, стр. 31. Ср. *Карл Маркс*. «Нищета философии». Париж, 1847, стр. 140, 141 [см. настоящее издание, том 4, стр. 159—160].

181) Характерно для преднамеренного статистического обмана, — а раскрыть его можно было бы вплоть до мелочей, — что английское фабричное законодательство категорически исключает из сферы своего действия упомянутых в конце текста рабочих, не признавая их фабричными рабочими; с другой стороны, отчеты, публикуемые парламентом,- столь же категорически включают в категорию фабричных рабочих не только инженеров, механиков и т. д., но и управляющих фабриками, приказчиков, рассыльных, кладовщиков, упаковщиков и т. д., — короче, всех, за исключением самого владельца фабрики.

собственные движения с однообразно-непрерывными движениями автомата. Поскольку совокупность машин сама образует систему разнообразных, одновременно действующих и комбинированных машин, постольку и основанная на ней кооперация требует распределения разнородных групп рабочих между разнородными машинами. Но машинное производство уничтожает необходимость мануфактурно закреплять это распределение, прикреплять одних и тех же рабочих навсегда к одним и тем же функциям[182)]. Так как движение фабрики в целом исходит не от рабочего, а от машины, то здесь может совершаться постоянная смена персонала, не вызывая перерывов процесса труда. Самое убедительное доказательство этого дает Relaissystem [система смен], примененная во время бунта английских фабрикантов в 1848—1850 годах[137]. Наконец, та быстрота, с которой человек в юношеском возрасте научается работать при машине, в свою очередь устраняет необходимость воспитывать особую категорию исключительно машинных рабочих[183)]. Услуги же простых подручных на фабрике отчасти могут замещаться машинами[184)], отчасти вследствие своей крайней элементарности допускают быструю и постоянную смену лиц, занятых такими работами.

[182)] Юр признает это. Он говорит, что рабочие «в случае необходимости» могут быть перемещены волей управляющего от одной машины к другой, и торжествующе восклицает: «Такого рода перемещение стоит в открытом противоречии со старой рутиной, которая разделяет труд и возлагает на одного изготовление головок к булавкам, на другого — заострение ее конца». Он должен был бы скорее поставить вопрос, почему эта «старая рутина» преодолевается на автоматической фабрике только «в случае необходимости»[136].

[183)] В случае нужды, как, например, во время Гражданской войны в Америке, буржуа в виде исключения употребляет фабричных рабочих на самые грубые работы, как мощение улиц и т. д. Английские «ateliers nationaux» [«национальные мастерские»] 1862 и следующих годов для безработных хлопчатобумажных рабочих тем отличались от французских национальных мастерских 1848 г., что в последних рабочим приходилось выполнять за счет государства непроизводительные работы, в первых же — производительные городские работы к выгоде буржуа, причем они производились дешевле, чем при посредстве регулярных рабочих, с которыми принудили конкурировать безработного. «Вид рабочих с хлопчатобумажных фабрик в физическом отношении несомненно улучшился. Это я объясняю... поскольку дело идет о мужчинах, тем, что общественные работы выполняются на открытом воздухе». (Здесь речь идет о престонских фабричных рабочих, которые был» заняты на «Престонском болоте».) («Reports of Insp. of Fact. October 1863», p. 59.)

[184)] *Пример*: Различные механические аппараты, введенные на шерстяных фабриках со времени закона 1844 г. для замещения детского труда. Когда детям самих господ фабрикантов придется проходить «школу» простых помощников на фабрике, тогда эта еще почти совсем не разработанная область механики быстро сделает заметные шаги вперед. «Едва ли найдется какая-либо другая столь же опасная машина, как автоматическая мюль-машина. Большая часть несчастных случаев происходит с маленькими детьми, и именно вследствие того, что они для подметания пола подползают под мюль-машины во время работы последних. Многие «minders»» (рабочие на мюль-машинах) «привлекались» (фабричными инспекторами) «к судебной ответственности и были присуждены к денежным штрафам за проступки этого рода, но без каких бы то ни было заметных общих результатов. Если бы машиностроители изобрели машину для подметания, которая устранила бы для этих малюток необходимость лазить под машины, то это было бы счастливым вкладом в наши охранительные мероприятия» («Reports of Insp. of Factories for 31st October 1866», p. 63).

Хотя машина технически опрокидывает, таким образом, старую систему разделения труда, тем не менее последняя продолжает свое существование на фабрике сначала в силу привычки, как традиция мануфактуры, а потом систематически воспроизводится и укрепляется капиталом в еще более отвратительной форме как средство эксплуатации рабочей силы. Пожизненная специальность — управлять частичным орудием, превращается в пожизненную специальность — служить частичной машине. Машиной злоупотребляют для того, чтобы самого рабочего превратить с детского возраста в часть частичной машины[185)]. Таким образом не только значительно уменьшаются издержки, необходимые для воспроизводства его самого, но в то же время получает завершение и его беспомощная зависимость от фабрики в целом, следовательно от капиталиста. Здесь, как и всегда, необходимо проводить различие между увеличением производительности, вытекающим из развития общественного процесса производства, и увеличением производительности, вытекающим из капиталистической эксплуатации этого процесса.

В мануфактуре и ремесле рабочий заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине. Там движение орудия труда исходит от него, здесь он должен следовать за движением орудия труда. В мануфактуре рабочие являются членами одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему как живые придатки.

«Унылое однообразие бесконечной муки труда, при котором все снова и снова совершается один и тот же механический процесс, похоже на муки Сизифа: тяжесть труда, подобно Огромному камню, все снова и снова падает на изнуренного рабочего»[186)].

[185)] Поэтому можно по достоинству оценить невероятную выдумку Прудона, который «конструирует» машины не как синтез средств труда, а как синтез частичных работ для самих рабочих.

[186)] *Ф. Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии». Лейпциг, 1845, стр. 217 [см. настоящее издание, том 2, стр. 405]. Даже совершенно ординарный оптимистический фритредер, г-н Молинари, замечает: «Человек, ежедневно наблюдая по 15 часов за однообразным ходом машины,истощается скорее, чем если он в течение такого же времени напрягает свою физическую силу. Этот труд наблюдения, который мог бы послужить полезной гимнастикой для ума, если бы он не был слишком продолжителен, разрушает своей чрезмерностью и ум и самое тело» (*G. de Molinari.* «Etudes Economiques». Paris, 1846 [p. 49]).

Машинный труд, до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности[187]. Даже облегчение труда становится средством пытки, потому что машина освобождает не рабочего от труда, а его труд от всякого содержания. Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс возрастания капитала, присуще то обстоятельство, что не рабочий применяет условие труда, а наоборот, условие труда применяет рабочего, но только с развитием машины это извращенное отношение получает технически осязаемую реальность. Вследствие своего превращения в автомат средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее. Отделение интеллектуальных сил процесса производства от физического труда и превращение их во власть капитала над трудом получает свое завершение, как уже указывалось раньше, в крупной промышленности, построенной на базе машин. Частичное искусство отдельного машинного рабочего, подвергшегося опустошению, исчезает как ничтожная и не имеющая никакого значения Деталь перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенными в системе машин и создающими вместе с последней власть «хозяина» (master). А потому этот хозяин, в мозгу которого машины неразрывно срослись с его монополией на них, в случаях столкновений с «руками» презрительно восклицает по их адресу:

«Пусть фабричные рабочие не забывают, что их труд представляет собой в действительности очень низкую категорию квалифицированного труда; что никакой другой труд не осваивается легче и, принимая во внимание его качество, не оплачивается лучше; что никакого другого труда нельзя получить посредством столь краткого обучения, в столь короткое время и в таком изобилии. Машины хозяина фактически играют гораздо более важную роль в деле производства, чем труд и искусство рабочего, которым можно обучить в 6 месяцев и которым может обучиться всякий деревенский батрак»[188].

Техническое подчинение рабочего однообразному движению средства труда и своеобразное составление рабочего организма из индивидуумов обоего пола-и самых различных возрастов создает казарменную дисциплину, которая развивается в завер-

[187] *Ф. Энгельс*, цит. соч., стр. 216 [см. настоящее издание, том 2, стр. 404].

[188] «The Master Spinners' and Manufactureas' Defence Fund. Report of the Committee». Manchester, 1854, p. 17. Позже мы увидим, что «хозяева» начинают петь совсем по-другому, когда им угрожает потеря их «живых» автоматов.

шенный фабричный режим и доводит до полного развития уже упомянутый выше труд надзора, а вместе с тем и разделение рабочих на исполнителей [Handarbeiter] и надсмотрщиков за трудом, на промышленных рядовых и промышленных унтер-офицеров.

«Главная трудность на автоматической фабрике заключалась в обеспечении дисциплины, необходимой для того. чтобы заставить людей отказаться от их привычной беспорядочности в труде и уподобить их действия неизменной регулярности крупного автомата. Но изобрести и с успехом применить дисциплинарный кодекс, соответствующий потребностям и быстроте автоматической системы, — этот Геркулесов подвиг был благородным делом Аркрайта! Даже в настоящее время, когда эта система организована во всей ее полноте, почти невозможно среди рабочих, уже достигших возмужалого возраста, найти полезных помощников для автоматической системы»[189].

Фабричный кодекс, в котором капитал в частноправовом порядке и самовластно, без разделения власти, вообще столь дорогого буржуазии, и без представительной системы, еще более дорогой для нее, формулирует свое самодержавие над рабочими, — этот кодекс есть просто капиталистическая карикатура того общественного регулирования процесса труда, которое становится необходимым при кооперации в крупном масштабе и при совместном применении средств труда, особенно машин. Кнут надсмотрщика за рабами заменяется штрафной книгой надзирателя. Все наказания, естественно, сводятся к денежным штрафам и вычетам из заработной платы, и благодаря законодательной проницательности фабричных Ликургов нарушение их законов, пожалуй, еще прибыльнее для них, чем соблюдение их[190].

---

[189] *Ure*. «Philosophie of Manufactures», p. 15. Кто знаком с биографией Аркрайта, тот никогда не даст этому гениальному цирюльнику названия «благородный». Из всех великих изобретателей XVIII века это был бесспорно величайший вор чужих изобретений и самый низкий субъект.

[190] «Цепи рабства, которыми буржуазия сковала пролетариат, нигде не выступают так ясно, как в фабричной системе. Здесь исчезает юридически и фактически всякая свобода. В половине шестого утра рабочий должен быть на фабрике. Если он опаздывает на несколько минут, его ждет штраф, а если он опаздывает на десять минут, его уже не пропускают, пока не кончится перерыв на завтрак, и он теряет заработную плату за четверть дня... Он должен есть, пить и спать по команде... Деспотический колокол отрывает его от сна, от завтрака, от обеда. А что делается на самой фабрике? Здесь фабрикант — абсолютный законодатель. Он издает фабричные правила, как ему заблагорассудится; он изменяет и дополняет свой кодекс, как ему вздумается; и хотя бы он внес в этот кодекс полную бессмыслицу, суды говорят рабочему: теперь же. поскольку вы добровольно заключили этот договор, вы обязаны его выполнять... Эти рабочие обречены на то, чтобы с девятилетнего возраста до самой смерти физически и духовно жить под палкой» (*Ф. Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии». Лейпциг, 1845, стр. 217 и сл. [см. настоящее издание, том 2, стр. 405—406]). Что «говорят суды», я поясню на нескольких примерах. Один случай имел место в Шеффилде в конце 1866 года. Там один рабочий на два года

Мы отмечаем здесь только материальные условия, при которых совершается фабричный труд. Все органы чувств одинаково страдают от искусственно повышенной температуры, от воздуха, насыщенного частицами сырого материала, от оглушительного шума и т. д., не говоря уже об опасности для жизни среди тесно расставленных машин, которые с регулярностью, с какой происходит смена времен года, создают свои

нанялся на металлическую фабрику. Вследствие ссоры с фабрикантом он оставил фабрику и заявил, что ни за что не будет больше работать у этого фабриканта. Признанный виновным в нарушении договора, он был приговорен к 2-месячному тюремному заключению. (Если фабрикант нарушает договор, то он может быть привлечен к ответственности лишь в гражданском порядке и рискует только денежным штрафом.) После того как он отсидел эти два месяца, тот же самый фабрикант приглашает его, согласно старому контракту, возвратиться на фабрику. Рабочий отвечает отказом. Он уже отбыл наказание за нарушение контракта. Фабрикант снова привлекает его к ответственности, суд снова приговаривает его, хотя один из судей, г-н Ши, открыто признал юридически чудовищным такой порядок, когда человека всю его жизнь можно периодически все снова и снова подвергать наказанию за один и тот же проступок или преступление. Этот приговор был вынесен не какимнибудь «Great Unpaid»[138], провинциальным Догбери, а в Лондоне, одним из высших судебных учреждений. {*К 4 изданию.* Теперь это отменено. В настоящее время в Англии, за исключением некоторых немногочисленных случаев, — например общественных газовых заводов, — рабочий в отношении нарушения договора уравнен с предпринимателем и может подвергаться преследованию лишь в гражданском порядке. *Ф. Э.*} Второй случай имел место в Уилтшире в конце ноября 1863 года. Около 30 работниц при паровых ткацких станках, занятых у некоего Харраппа, суконного фабриканта в Леоэрс Милл, Уэстбери Ли, устроили стачку, потому что у этого Харраппа было милое обыкновение удерживать из их заработной платы за опоздание утром: 6 пенсов за 2 минуты, 1 шилл. за 3 минуты и 1 шилл. 6 пенсов за 10 минут. При 9 шилл. в час это составляет 4 ф. ст. 10 шилл. в день, между тем как их заработная плата в среднем за год никогда не превышает 10—12 шилл. в неделю. Кроме того, Харрапп поручил одному подростку подавать трубой сигнал о начале работы, что тот делал иногда раньше 6 часов утра, и если рабочие не были на месте к тому времени, как он кончал сигналить, ворота запирались и оставшиеся снаружи подвергались штрафу; а так как на фабрике не было часов, то несчастные рабочие оказывались во власти инспирированного Харраппом молодого сигнальщика. Начавшие «стачку» рабочие, матери семейств и девушки, заявили, что они тотчас станут на работу, если сигнальщика заменят часами и введут более разумный тариф штрафов. Харрапп привлек к суду 19 женщин и девушек за нарушение договора. Они, при громких негодующих возгласах публики, были присуждены каждая к 6 пенсам штрафа и 2 шилл. 6 пенсам судебных издержек. Толпа народа проводила Харраппа из суда шиканьем. — Один из излюбленных фабрикантских приемов заключается в том, что они вычетами из заработной платы наказывают рабочих за плохое качество выдаваемого им материала. Этот метод в 1866 г. вызвал всеобщую стачку в английских гончарных округах. Отчеты Комиссии по обследованию условий детского труда (1863—1866) приводят случаи, когда рабочие, вместо того чтобы получать заработную плату, в итоге своего труда из-за штрафов становились даже должниками своих светлейших «хозяев». Поучительные черты изобретательности фабричных самодержцев по части вычетов из заработной платы раскрыл также последний хлопковый кризис. «Мне самому», — говорит фабричный инспектор Р. Бейкер, — «недавно пришлось привлечь к судебной ответственности одного хлопчатобумажного фабриканта, который в эти тяжелые и мучительные времена вычитал у некоторых работающих у него «подростков»» (старше 13-ти лет) «по 10 пенсов за врачебное свидетельство о возрасте, которое стоит ему только 6 пенсов и за которое закон допускает вычеты лишь в 3 пенса, а обычай — никаких вычетов... Другой фабрикант, чтобы достигнуть той же цели без столкновения с законом, облагает каждого из работающих на него бедных детей платой в 1 шилл. за обучение искусству и тайнам прядения, которая взимается немедленно после того, как врачебное свидетельство удостоверяет их достаточную зрелость для этого занятия. Следовательно, существуют глубинные течения, без знания которых невозможно понять таких чрезвычайных явлений, как стачки во времена, подобные теперешнему» (речь идет о стачке машинных ткачей на фабрике в Даруэне в июне 1863 г.). «Reports of Insp. of Fact. tor 30th April 1863», p. 50, 51. (Фабричные отчеты всегда охватывают время, которое выходит за пределы их официальной даты.)

промышленные бюллетени убитых и изувеченных[190a]. Экономия общественных средств производства, достигшая зрелости лишь в условиях благоприятного тепличного климата фабричной системы, вместе с тем превращается в руках капитала в систематический грабеж всех условий, необходимых для жизни рабочего во время труда: пространства, воздуха, света, а также всех средств, защищающих рабочего от опасных для жизни или вредных для здоровья условий процесса производства, — о приспособлениях же для удобства рабочего нечего и говорить[191]. Не прав ли Фурье, называя фабрики «смягченной каторгой»[192]?[139]

[190a] Законы для охраны от опасных машин оказали благотворное действие. «Но... в настоящее время появились новые причины несчастных случаев, не существовавшие 20 лет тому назад, а именно, возросшая скорость машин. Колеса, валы, веретена и ткацкие станки приводятся теперь в движение с возросшей и постоянно возрастающей силой; пальцы должны быстрее и увереннее захватывать порванную нить, потому что медлительность и неуверенность приносят для них гибель... Большое число несчастных случаев вызвано стремлением рабочих быстрее закончить свою работу. Необходимо напомнить, что для фабрикантов в высшей степени важно держать свои машины в непрерывном ходу, т. е. непрерывно производить пряжу и ткани. Всякая остановка на одну минуту есть потеря не только двигательной силы, но и продукта. Поэтому надсмотрщики, заинтересованные в количестве продукта, подгоняют рабочих, чтобы машины не останавливались; да это не менее важно и для рабочих, если они оплачиваются по весу продукции или поштучно. Поэтому, хотя на большинстве фабрик формально воспрещается чистить машины во время их работы, на практике всегда так делается. Одна эта причина за последние 6 месяцев вызвала 906 несчастных случаев... Хотя чистка производится ежедневно, однако по субботам обыкновенно назначается основательная чистка машин, и она совершается по большей части при работающих машинах... Эта операция не оплачивается, и потому рабочие стараются как можно быстрее покончить с нею. Поэтому число несчастных случаев в пятницу, в особенности же в субботу, много больше, чем в остальные рабочие дни. Несчастные случаи в пятницу превышают среднее число их в первые 4 дня недели примерно на 12%, в субботу несчастных случаев бывает на 25% больше, чем в среднем за каждый из 5 предыдущих дней; а если принять во внимание, что фабричный день по субботам составляет всего $7^1/_2$ часов, а в остальные рабочие дни $10^1/_2$ часов, то превышение будет составлять более 65%» («Reports of Insp. of Factories for 31st October 1866». London, 1867, p. 9, 15, 16, 17).

[191] В первом отделе третьей книги я расскажу об относящемся к последнему времени походе английских фабрикантов против тех статей фабричного акта, которые имеют целью оградить конечности «рук» от машин, опасных для жизни. Здесь достаточно будет одной цитаты из официального отчета фабричного инспектора Леонарда Хорнера: «Я слышал, с какой непростительной легкостью отзываются фабриканты о некоторых несчастных случаях; например, потеря пальца, по их мнению, это — пустяк. В действительности жизнь и все виды на будущее у рабочего настолько зависят от его пальцев, что такая потеря является для него в высшей степени серьезным событием. Слушая такую глупую болтовню, я спрашивал: «Допустим, что вам требуется добавочный рабочий, и к вам пришли два рабочих, оба во всех остальных отношениях одинаково хороши, но у одного нет большого или указательного пальца; на котором же вы остановитесь?» Они без малейшего колебания высказывались за того, у которого все пальцы целы... У этих господ фабрикантов ложные предубеждения против того, что они называют псевдо-филантропическим законодательством» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1855»). Эти господа — «рассудительные люди», и недаром они симпатизировали мятежу рабовладельцев.

[192] На фабриках, которые раньше других фабрик подпали под фабричный акт с его принудительным ограничением рабочего времени и прочими постановлениями, исчезли некоторые из прежних зол. Самое усовершенствование машин требует на известной ступени «усовершенствованного устройства фабричных зданий», что идет на пользу рабочим (ср. «Reports etc. for 31st October 1863», p. 109).

5. БОРЬБА МЕЖДУ РАБОЧИМ И МАШИНОЙ

Борьба между капиталистом и наемным рабочим начинается с самого возникновения капиталистического отношения. Она бушует в течение всего мануфактурного периода[193]. Но только с введением машин рабочий начинает бороться против самого средства труда, этой материальной формы существования капитала. Он восстает против этой определенной формы средств производства как материальной основы капиталистического способа производства.

Почти вся Европа пережила в XVII веке возмущения рабочих против так называемой Bandmuhle (называвшейся также Schnurmuhle или Muhlenstuhl) — машины для тканья лент и галунов[194]. В конце первой трети XVII века ветряная лесопильня, построенная одним голландцем близ Лондона, была уничтожена в результате бунта черни. Еще в начале XVIII века лесопильные машины, приводимые в движение водой, лишь с трудом преодолевали в Англии сопротивление

[193] См., между прочим: *John Houghton.* «Husbandry and Trade improved». London, 1727. «The Advantages of the East-India Trade», 1720. *John Bellers.* «Proposals for Raising a College of Industry». London, 1696. «Хозяева и рабочие, к сожалению, находятся в постоянной войне между собой. Неизменная цель первых — получать труд для себя по возможности дешевле; и они идут на любые ухищрения с этой целью, между тем как рабочие с равной настойчивостью пользуются всяким случаем, чтобы предъявить своим хозяевам повышенные требования». «An Inquiry Into the Causes of the Present High Price of Provisions», 1767, p. 61, 62. (Автор — священник Натаниел Форстер — всецело стоит на стороне рабочих.)

[194] Bandmuhle была изобретена в Германии. Итальянский аббат Ланчеллотти в работе, появившейся в Венеции в 1636 г., рассказывает: «Антон Моллер из Данцига почти 50 лет тому назад» (Ланчеллотти писал в 1629 г.) «видел в Данциге очень искусную машину, которая одновременно изготовляла от 4 до 6 кусков ткани; но так как городской совет опасался, что это изобретение может превратить массу рабочих в нищих, то он запретил применение машины, а ее изобретателя приказал тайно задушить или утопить»[140]. В Лейдене такая же машина впервые была применена в 1629 году. Бунты позументщиков принудили магистрат сначала запретить ее; Генеральные штаты постановлениями 1623, 1639 гг. и т. д. должны были ограничить ее применение; наконец, она была допущена на известных условиях постановлением от 15 декабря 1661 года. «В этом городе», — говорит Боксхорн («Institutiones Politicae», 1663) о введении Bandmuhle в Лейдене, — «около 20 лет тому назад был изобретен ткацкий станок, на котором один работник мог производить ткани в большем количестве и легче, чем несколько человек могли бы без станка произвести в равное время. Но это вызвало жалобы и неудовольствие ткачей, и магистрат, в конце концов, воспретил употребление станка». Та же машина в 1676 г. запрещена в Кёльне, а одновременное введение ее в Англии вызвало волнение рабочих. Императорским указом от 19 февраля 1685 г. употребление ее было запрещено во всей Германии. В Гамбурге она по приказанию магистрата была подвергнута публичному сожжению. 9 февраля 1719 г. Карл VI возобновил указ 1685 г., а в курфюршестве саксонском она была разрешена для общего применения лишь в 1765 году. Эта машина, которая наделала столько шума, в действительности была предшественницей прядильных и ткацких машин, а следовательно, и промышленной революции XVIII века. Пользуясь ею, совершенно неопытный в ткачестве подросток, двигая шатун взад и вперед, мог приводить в движение весь станок со всеми его принадлежностями; в своей усовершенствованной форме эта машина производила одновременно 40—50 штук.

народа, встречавшее поддержку парламента. В 1758 г., когда Эверет построил первую стригальную машину, приводившуюся в движение водой, ее сожгли 100000 человек, оставшихся без работы. Против scribbling mills [чесальных машин] и чесальных машин Аркрайта 50000 рабочих, которые до того времени жили расческою шерсти, обратились с петицией к парламенту. Массовое разрушение машин в английских мануфактурных округах в течение первых 15 лет XIX века, направленное в особенности против парового ткацкого станка и известное под названием движения луддитов, послужило антиякобинскому правительству Сидмута, Каслри и т. д. предлогом для самых реакционных насильственных мер. Требуются известное время и опыт для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вместе с тем переносить свои атаки с материальных средств производства на общественную форму их эксплуатации[195)].

Борьба, которая велась в мануфактуре из-за размеров заработной платы, принимает мануфактуру как факт и во всяком случае не направлена против ее существования. Поскольку же борьба направлена против образования мануфактур, ее ведут не наемные рабочие, а цеховые мастера и привилегированные города. Поэтому среди авторов мануфактурного периода господствует взгляд на разделение труда как на средство заместить потенциальных рабочих, а не вытеснить действительных. Различие это очевидно. Если, например, говорят, что в Англии потребовалось бы 100 миллионов человек для того, чтобы при помощи старой прялки переработать тот хлопок, который теперь при помощи машин перерабатывают 500000 человек, то это, разумеется, вовсе не означает, что машины заняли место этих миллионов, которые никогда и не существовали. Это означает только, что для замещения прядильных машин потребовалось бы много миллионов рабочих. Напротив, если говорят, что паровой ткацкий станок выбросил в Англии 800000 ткачей на мостовую, то речь идет не о замещении существующих машин определенным числом рабочих, а наоборот, о существовании известного числа рабочих, которые фактически были замещены или вытеснены машинами. В мануфактурный период основой продолжал оставаться ремесленный способ производства, хотя и разложенный на отдельные операции. При относительно малом количестве городских рабочих, завещанных средними веками, потребности новых колониальных

[195)] В старомодных мануфактурах еще и в настоящее время иногда повторяются грубые формы возмущения рабочих против машин. Это имело место, например, среди шлифовальщиков Шеффилда в 1865 году.

рынков не могли быть удовлетворены, и собственно мануфактуры открыли тогда сельскому населению, которое по мере разложения феодализма сгонялось с земли, новые области производства. Поэтому тогда разделение труда и кооперация в мастерской больше обнаруживали свою положительную сторону — повышение производительности занятых рабочих[196]. Правда, кооперация и комбинация средств труда в руках немногих, примененные в земледелии, вызвали, — во многих странах задолго до периода крупной промышленности, — крупные, внезапные и насильственные революции в способе производства, а потому и в условиях жизни и средствах занятости сельского населения. Но эта борьба первоначально разыгрывается больше между крупными и мелкими земельными собственниками, чем между капиталом и наемным трудом; с другой стороны, поскольку рабочие вытесняются средствами труда — овцами, лошадьми и т. д., — акты непосредственного насилия создают здесь первую предпосылку промышленной революции. Сначала рабочие прогоняются с земли, а потом приходят овцы. И только расхищение земли в большом масштабе, как, например, в Англии, создает арену для крупного земледелия[196a]. Поэтому при своем начале этот переворот в земледелии имел внешнюю видимость скорее политической революции.

Средство труда, выступив как машина, тотчас же становится конкурентом самого рабочего[197]. Самовозрастание капитала при помощи машин прямо пропорционально числу рабочих, у которых они разрушают условия существования. Вся система капиталистического производства основывается на том, что

[196] Сэр Джемс Стюарт оценивает также и действие машин еще совершенно в этом духе. «Я рассматриваю машины как средство увеличить (потенциально) число рабочих, которых не приходится кормить... Чем действие машины отличается от действия, вызываемого появлением новых жителей?» («Recherche des principes de l'économie politique», t. I, 1. I, ch. XIX.) Много наивнее Петти, который говорит, что она заменяет «полигамию». Эта точка зрения применима самое большее для некоторых частей Соединенных Штатов. Напротив: «Редко можно с успехом воспользоваться машинами для того, чтобы уменьшить труд отдельного человека; ее постройка потребовала бы больше времени, чем будет сбережено ее применением. С действительной пользой она может применяться только в том случае, если действует в крупном масштабе, если одна машина может помогать труду тысяч. Соответственно этому они находят наибольшее применение в наиболее населенных странах, где больше всего незанятых людей. Применение машин вызывается не недостатком в людях, а легкостью, с какой возможно массы людей привлечь к работе» *(Piercy Ravenstone.* «Thoughts on the Funding System and its Effects». London, 1824, p. 45).

[196a] {*К 4 изданию.* Это относится и к Германии. Там, где у нас существует крупное земледелие, т. е. в особенности на востоке, оно сделалось возможным лишь вследствие «Bauernlegen» [«сгона крестьян с земли»], проводившегося начиная с XVI века, в особенности же после 1648 года. *Ф. Э.*}

[197] «Машины и труд находятся в постоянной конкуренции» (Ricardo. «Principles of Political Economy», 3rd ed. London, 1821, p. 479).

рабочий продает свою рабочую силу как товар. Разделение труда делает эту рабочую силу односторонней, превращая ее в совершенно частичное искусство управлять отдельным частичным орудием. Когда и управление орудием переходит к машине, вместе с потребительной стоимостью рабочей силы исчезает и ее меновая стоимость. Рабочий не находит себе покупателя подобно тому, как никто не берет изъятые из обращения бумажные деньги. Часть рабочего класса, которую машина превращает таким образом в излишнее население, т. е. такое, которое непосредственно уже не требуется для самовозрастания капитала, с одной стороны, гибнет в неравной борьбе старого ремесленного и мануфактурного производства против машинного, а с другой — наводняет более доступные отрасли промышленности, переполняет рынок труда и понижает поэтому цену рабочей силы ниже ее стоимости. Говорят, будто большим утешением для пауперизованных рабочих должно служить то обстоятельство, что, с одной стороны, их страдания только «временные» («a temporary inconvenience»), а с другой стороны — машина ведь лишь постепенно овладевает всем полем производства, благодаря чему уменьшаются размах и интенсивность ее разрушительного действия. Одно утешение побивается другим. Когда машина постепенно овладевает известной сферой производства, она производит хроническую нищету в конкурирующих с нею слоях рабочих. Когда переход совершается быстро, ее действие носит массовый и острый характер. Всемирная история не знает более ужасающего зрелища, чем постепенная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся, наконец, в 1838 г. гибель английских ручных хлопчатобумажных ткачей. Многие из них умерли голодной смертью, многие долго влачили существование со своими семьями на 272 пенса в день[198]. Напротив, английские хлоп-

[198] До проведения закона о бедных 1833 г. конкуренция между ручным ткачеством и машинным ткачеством затягивалась в Англии из-за того, что вспомоществованиями от приходов пополняли заработную плату, упавшую далеко ниже минимума. «В 1827 г. его преподобие Тёрнер был ректором в Уилмслоу в Чешире, фабричном округе. Вопросы комитета по делам эмиграции и ответы Тёрнера показывают, каким образом поддерживалась конкуренция ручного труда против машин. Вопрос: «Не вытеснено ли применение ручных станков применением механических станков?» Ответ: «Несомненно; оно было бы вытеснено в еще большей степени, чем это наблюдается в действительности, если бы ручные ткачи не имели возможности соглашаться на понижение заработной платы». Вопрос: «Но, соглашаясь на это, они нанимаются за плату, недостаточную для их существования, и рассчитывают на поддержку прихода, чтобы, покрыть дефицит в средствах существования?» Ответ: «Да, конкуренция между ручным станком и механическим станком фактически поддерживается налогом в пользу бедных». Итак, унизительный пауперизм или эмиграция — вот благодеяния, которыми трудящиеся обязаны введению машин. Из уважаемых и до некоторой степени независимых мастеровых их низводят до положения раболепных босяков, живущих унизительным хлебом благотворительности. Вот что называют «времен-

чатобумажные машины произвели острое действие на Ост-Индию, генерал-губернатор которой констатировал в 1834— 1835 годах: «Бедствию этому едва ли найдется аналогия в истории торговли. Равнины Индии белеют костями хлопкоткачей». Конечно, поскольку эти ткачи расстались с сей временной жизнью, постольку машина уготовала им только «временные страдания». Впрочем, «временное» действие машин оказывается постоянным, потому что они завоевывают все новые и новые сферы производства. Таким образом, тот характер самостоятельности и отчужденности, который капиталистический способ производства вообще придает условиям труда и продукту труда по отношению к рабочему, с появлением машин развивается в полную противоположность между рабочими, с одной стороны, условиями труда и продуктами труда — с другой[199]. Поэтому вместе с машинами впервые появляется стихийное возмущение рабочего против средства труда.

Средство труда убивает рабочего. Конечно, всего осязательнее проявляется эта прямая противоположность в тех случаях, когда вновь вводимая машина вступает в конкуренцию с традиционным ремесленным или мануфактурным производством. Но и в пределах самой крупной промышленности постоянное усовершенствование машин и развитие автоматической системы действуют аналогичным образом.

«Постоянная цель усовершенствования машин заключается в том, чтобы сократить ручной труд или усовершенствовать производственный процесс на фабрике, заменяя в том или ином звене производственной цепи человеческий аппарат железным»[200]. «Применение силы пара или воды к машинам, которые прежде приводились в движение рукой, случается каждый день... Постоянно производятся все новые и новые сравнительно мелкие усовершенствования в машинах, имеющие своей целью экономию двигательной силы, улучшение продукта, увеличение производства при неизменности времени или вытеснение ребенка, женщины или мужчины, и хотя на первый взгляд они не имеют большого значения, тем не менее они дают важные результаты»[201]. «Во всех случаях, когда известная операция требует большого искусства и уверенной руки, ее стараются по возможности быстрее взять из рук слишком искусного и

ным страданием»» («A Prize Essay on the Comparative Merits of Competition and Co-operation». London, 1834, p. 29).

[199] «Та же самая причина, которая увеличивает чистый доход страны» (т. е., как здесь же поясняет Рикардо, доход лендлордов и капиталистов, богатство которых с экономической точки зрения равно богатству нации), «может в то же время создавать избыточное население и ухудшить положение рабочего» *(Ricardo.* «Principles of Political Economy», 3rd ed. London, 1821, p. 469). «Постоянная цель и тенденция всякого усовершенствования механизма фактически заключается в том, чтобы совершенно избавиться от труда человека или уменьшить его цену посредством замены труда взрослых рабочих мужчин женским и детским трудом или труда обученных рабочих — трудом чернорабочих» *(Ure.* [«Philosophy of Manufactures», p. 23]).

[200] «Reports of Insp. of Fact. 31st October 1858», p. 43.

[201] «Reports etc. for 31st October 1856», p. 15.

часто склонного ко всяческой беспорядочности рабочего и передать особому механизму, который действует с такой регулярностью, что наблюдать за ним может ребенок»[202]. «При автоматической системе талант рабочего все более вытесняется»[203]. «Усовершенствование машин позволяет не только уменьшить число занятых взрослых рабочих, необходимых для достижения определенного результата, но и заменяет одну категорию человеческого труда другой: более искусных — менее искусными, взрослых — детьми, мужчин — женщинами. Все эти перемены вызывают постоянные колебания в уровне заработной платы»[204]. «Машина непрерывно выбрасывает взрослых с фабрики»[205].

Победное шествие машинной системы, вызванное сокращением рабочего дня, продемонстрировало нам исключительную ее эластичность, достигнутую в результате накопления практического опыта, в результате уже имеющегося в наличии количества механических средств и постоянного прогресса техники. Но кто мог бы в 1860 г., когда английская хлопчатобумажная промышленность достигла зенита, предвидеть те стремительные усовершенствования в машинах и соответствующее им вытеснение ручного труда, которые были вызваны в следующие три года таким стимулом, как Гражданская война в Америке? Здесь достаточно будет пары примеров из официальных данных английских фабричных инспекторов по этому вопросу. Один манчестерский фабрикант заявляет:

«Вместо 75 кардных машин нам теперь требуется только 12, при которых мы получаем прежнее количество такого же, если не лучшего качества... Экономия на заработной плате составляет 10 ф. ст. в неделю, экономия на хлопковом угаре 10%». В одной манчестерской тонкопрядильне «ускорением движения и введением различных автоматических процессов в одном отделении устранена четверть, в другом свыше половины рабочего персонала, между тем как гребенная машина, заменившая вторую кардную машину, сильно уменьшила число рук, занятых раньше в чесальном отделении».

---

202) *Ure*. «Philosophy of Manufactures», p. 19. «Огромная выгода от машин, применяемых на кирпичных заводах, заключается в том, что они дают хозяину полную независимость по отношению к искусным рабочим» («Children's Employment Commission. 5th Report». London, 1866, p. 130, № 46).

Добавление к 2 изданию. Г-н А. Старрок, суперинтендант машинного отделения Большой Северной железной дороги, заявляет относительно машиностроения (производства локомотивов и т. д.): «Дорогие (expensive) английские рабочие требуются с каждым днем все в меньшем и меньшем количестве. Производство увеличивается благодаря применению усовершенствованных инструментов, а этими инструментами управляет, в свою очередь, более низкая категория рабочих (a low class of labour)... Раньше все части паровой машины по необходимости производились квалифицированным трудом. Те же части в настоящее время производятся менее квалифицированным трудом, но при помощи хороших инструментов... Под инструментами я разумею машины, употребляемые при машиностроении» («Royal Commission on Railways. Minutes of Evidence», № 17862 и 17863. London, 1867).

203) *Ure*. «Philosophy of Manufactures», p. 20.

204) Там же, стр. 321.

205) Там же, стр. 23.

Другая прядильная фабрика определяет свою общую экономию на «руках» в 10%. Господа Гилмор, владельцы прядильных фабрик в Манчестере, заявляют:

«В нашем трепальном отделении сбережения на «руках» и заработной плате, сделанные благодаря новым машинам, мы определяем в целую треть... в отделении банкаброшей и в отделении ленточных машин сбережения на издержках и руках составляют около трети; в прядильном отделении сбережения на издержках — около трети. Но и это не все: наша пряжа, направляемая к ткачу, настолько улучшена благодаря применению новых машин, что он получает больше ткани и лучшего качества, чем при прежней машинной пряже»[206)].

Фабричный инспектор А. Редгрейв замечает по этому поводу:

«Уменьшение числа рабочих при увеличении производства быстро прогрессирует; на шерстяных фабриках недавно началось новое сокращение числа рук, и оно все продолжается; несколько дней тому назад один школьный учитель, живущий близ Рочдейла, сказал мне, что большое сокращение числа учащихся девочек в школах объясняется не только давлением кризиса, но и изменениями в машинах шерстяных фабрик, вследствие чего было рассчитано в общем 70 рабочих, занятых половину времени»[207)].

Следующая таблица[141] показывает общий результат механических усовершенствований в английской хлопчатобумажной промышленности, обязанных своим появлением Гражданской войне в Америке.

Число фабрик

	1857 г.	1861 г.	1868 г.
Англия и Уэльс	2 046	2 715	2 405
Шотландия	152	163	131
Ирландия	12	9	13
Соединенное королевство	2 210	2 887	2 549

Число паровых ткацких станков

	1857 г.	1861 г.	1868 г.
Англия и Уэльс	275 590	368 125	344 719
Шотландия	21 624	30 110	31 864
Ирландия	1 633	1 757	2 746
Соединенное королевство	298 847	399 992	379 329

206) «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1863», p. 108 sqq.

207) «Reports of Insp. of Fact. tor 31st October 1863», p. 109. Быстрое усовершенствование машин во время хлопкового кризиса позволило английским фабрикантам сразу по окончании Гражданской войны в Америке быстро вновь переполнить мировой рынок. Уже в последние 6 месяцев 1866 г. ткань почти невозможно было продать. Тогда начинается отправка товаров на консигнацию в Китай и Индию, что, разумеется, сделало переполнение рынка еще более значительным. В начале 1867 г. фабриканты прибегли к своему обычному средству — к понижению заработной платы на 5%. Рабочие оказали сопротивление и заявили, — теоретически это было совершенно правильно, — что единственный выход из создавшегося положения состоит в том, чтобы работать сокращенное время, 4 дня в неделю. После продолжительного сопротивления господа, которые сами называют себя капитанами промышленности, должны были согласиться на это, причем в некоторых местах заработная плата была понижена на 5%, в других же осталась без изменения.

Число веретен

	1857 г.	1861 г.	1868 г.
Англия и Уэльс	25 818 576	28 352 125	30 478 228
Шотландия	2 041 129	1 915 398	1 397 546
Ирландия	150 512	119 944	124 240
Соединенное королевство	28 010 217	30 387 467	32 000 014

Числа занятых рабочих

	1857 г.	1861 г.	1868 г.
Англия и Уэльс	341 170	407 598	357 052
Шотландия	34 698	41 237	39 809
Ирландия	3 345	2 734	4 203
Соединенное королевство	379 213	451 569	401 064

Итак, с 1861 по 1868 г. исчезло 338 хлопчатобумажных фабрик, т. е. более производительные и более крупные машины сосредоточились в руках меньшего числа капиталистов. Число паровых ткацких станков уменьшилось на 20663; но продукт их в то же время увеличился, так что усовершенствованный ткацкий станок дает теперь больше, чем старый. Наконец, число веретен возросло на 1612547, между тем как число занятых рабочих уменьшилось на 50505. Следовательно, та «временная» нищета, которой хлопковый кризис подавлял рабочих, была усилена и закреплена быстрым и непрерывным усовершенствованием машин.

Однако машина действует не только как могущественный конкурент, постоянно готовый сделать наемного рабочего «избыточным». Она громогласно и преднамеренно прокламируется и используется капиталом как враждебная рабочему сила. Она становится самым мощным боевым орудием для подавления периодических возмущений рабочих, стачек и т. д., направленных против самодержавия капитала[208]. По Гаскеллу, паровая машина с самого начала сделалась антагонистом «человеческой силы» и дала капиталистам возможность разбивать

[208] «Отношения между хозяевами и рабочими на стекольных и бутылочных заводах — это хроническая стачка». Отсюда быстрое развитие производства прессованного стекла, при котором главные операции выполняются машинами. Одна фирма в Ньюкасле, которая раньше производила дутого стекла 350000 ф. в год, теперь вместо того производит 3000500 ф. прессованного стекла («Children's Employment Commission. 4th Report», 1865, p. 262—263).

растущие притязания рабочих, которые угрожали кризисом зарождающейся фабричной системе[209)]. Можно было бы написать целую историю таких изобретений с 1830 г., которые были вызваны к жизни исключительно как боевые средства капитала против возмущений рабочих. Прежде всего мы напомним об автоматической мюль-машине, потому что она открывает новую эпоху автоматической системы[210)].

В своих показаниях перед Комиссией о тред-юнионах Несмит, изобретатель парового молота, делает следующее сообщение о тех усовершенствованиях в машинах, которые он ввел вследствие большой и продолжительной стачки машиностроительных рабочих в 1851 году:

«Характерная черта наших современных механических усовершенствований — введение автоматических рабочих машин. Теперь машинному рабочему приходится не самому работать, а лишь наблюдать за прекрасной работой машины, что доступно всякому подростку. В настоящее время устранен весь класс рабочих, которые полагались исключительно на свое искусство. Раньше у меня на одного механика приходилось четыре подростка. Благодаря этим новым механическим усовершенствованиям я сократил число взрослых мужчин с 1500 до 750. Следствием было значительное увеличение моей прибыли»[142].

Об одной машине для печатания красками на ситцепечатных предприятиях Юр говорит:

«Наконец, капиталисты постарались освободиться от этого невыносимого рабства» (т. е. от тягостных для них условий договоров с рабочими), «призвав на помощь ресурсы науки, и скоро они были восстановлены в своих законных правах, — правах головы над другими частями тела».

Об одном изобретении для шлихтования основы, непосредственно вызванном стачкой, он говорит:

«Орда недовольных, мнившая себя непобедимой за старыми укреплениями разделения труда, обнаружила, что ее обошли с флангов и ее оборонительные сооружения при современной механической тактике сделались бесполезными. Ей пришлось сдаться на милость и гнев победителей».

Об изобретении автоматической мюль-машины он говорит:

«Она была призвана вновь восстановить порядок среди промышленных классов... Это изобретение подтверждает развитую уже нами доктрину, что капитал, заставив науку служить себе, постоянно принуждает мятежные руки труда к покорности»[211)].

---

209) *Gaskell*. «The Manufacturing Population of England». London, 1833, p. 3—4.

210) Некоторые очень существенные новшества в применении машин в машиностроении были введены г-ном Фэрберном на его собственном машиностроительном заводе под влиянием стачек.

211) *Ure*. «Philosophy of Manufactures», p. 367—370.

Хотя работа Юра появилась в 1835 г., следовательно в эпоху, когда фабричная система была развита еще сравнительно слабо, она до сих пор остается классическим выражением духа фабрики не только по своему откровенному цинизму, но и по той наивности, с которой она выбалтывает нелепые противоречия капиталистического мозга. Например, развив ту «доктрину», что капитал при помощи науки, взятой им на содержание, «постоянно принуждает мятежные руки труда к покорности», он возмущается тем,

«что с известной стороны механико-физическую науку обвиняют в том, будто она идет на службу деспотизму богатых капиталистов и служит орудием угнетения бедных классов».

После широковещательной проповеди о том, как выгодно для рабочих быстрое развитие машин, он предостерегает их, что своей непокорностью, стачками и т. д. они ускоряют развитие машин.

«Такие насильственные бунты», — говорит он, — «обнаруживают самый презренный вид человеческой близорукости, ту близорукость, которая делает человека своим собственным палачом».

Наоборот, несколькими страницами раньше говорится:

«Без этих сильных столкновений и перерывов, вызываемых ложными воззрениями рабочих, фабричная система развилась бы много быстрее и с еще большей пользой для всех заинтересованных сторон». Потом он опять восклицает: «К счастью для населения фабричных округов Великобритании, усовершенствования в механике совершаются лишь постепенно». «Несправедливо», — говорит он, — «обвинять машины в том, будто они ведут к уменьшению заработной платы взрослых, вытесняя известную часть последних, благодаря чему их число начинает превышать потребность в труде. Но машины ведь увеличивают спрос на детский труд и таким образом повышают его заработки».

Но, с другой стороны, этот же утешитель защищает низкую заработную плату детей тем, «что она удерживает родителей от посылки своих детей на фабрики в слишком раннем возрасте». Вся его книга представляет собой прославление неограниченного рабочего дня, и если законодательство воспрещает истязать детей 13 лет больше 12 часов в сутки, то это напоминает его либеральной душе о самых мрачных временах средневековья. Это не мешает ему призывать фабричных рабочих к благодарственной молитве провидению за то, что оно посредством машин «создало им досуг для размышлений о своих нетленных интересах»[212].

[212] *Ure*. «Philosophy of Manufactures», p. 368, 7, 370, 280, 322, 321, 475.

6. ТЕОРИЯ КОМПЕНСАЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНО РАБОЧИХ, ВЫТЕСНЯЕМЫХ МАШИНАМИ

Целый ряд буржуазных экономистов, как Джемс Милль, Мак-Куллох, Торренс, Сениор, Джон Стюарт Милль, утверждают, что все машины, вытесняющие рабочих, постоянно и необходимо высвобождают в то же время соответствующий капитал, который дает работу этим самым вытесненным рабочим[213)].

Предположим, что капиталист применяет 100 рабочих, например в обойной мануфактуре, причем каждый получает по 30 ф. ст. в год. Следовательно, ежегодно пускаемый в оборот капиталистом переменный капитал составляет 3000 фунтов стерлингов. Допустим, что 50 рабочих он увольняет, а остальных 50 занимает при помощи машин, которые стоят ему 1500 фунтов стерлингов. Для упрощения мы оставляем в стороне здания, уголь и т. д. Предположим далее, что ежегодно потребляемый сырой материал стоит по-прежнему 3000 фунтов стерлингов[214)]. «Высвободился» ли благодаря этой перемене какой-нибудь капитал? При старом способе ведения дела вся пущенная в оборот сумма в 6000 ф. ст. состояла наполовину из постоянного и наполовину из переменного капитала. Теперь она состоит из 4500 ф. ст. (3000 ф. ст. в сыром материале и 1500 ф. ст. в машинах) постоянного и 1500 ф. ст. переменного капитала. Переменная, или превращенная в живую рабочую силу, часть капитала составляет уже не половину, а лишь $^1/_4$ всего капитала. Вместо высвобождения здесь происходит связывание капитала в такой форме, в которой он перестает обмениваться на рабочую силу, т. е. происходит превращение переменного капитала в постоянный. Теперь капитал в 6000 ф. ст. при прочих равных условиях не может занимать более 50 рабочих. С каждым усовершенствованием машин он занимает все меньше и меньше рабочих. Если бы вновь вводимые машины стоили меньше, чем вытесненные ими рабочая сила и орудия труда, например вместо 1500 только 1000 ф. ст., то переменный капитал в 1000 ф. ст. превратился бы в постоянный капитал, т. е. был бы связан, а капитал в 500 ф. ст. высвободился бы. Предполагая, что годовая заработная плата остается прежняя, этот капитал образовал бы фонд для занятия примерно 16 рабочих, — между тем как уволено 50, — и даже много меньше, чем

[213)] Рикардо первоначально разделял это воззрение, но позже с характеризующим его научным беспристрастием и любовью к истине отказался от него. См. David *Ricardo*. «Principles of Political Economy», гл. XXXI «О машинах».

[214)] NB. Я привожу иллюстрацию совершенно в стиле названных выше экономистов.

16 рабочих, так как для превращения этих 500 ф. ст. в капитал часть их придется превратить в постоянный капитал и, следовательно, только остальную часть можно будет превратить в рабочую силу.

Но допустим даже, что производство новых машин даст работу большему числу механиков; может ли это послужить компенсацией для выброшенных на мостовую обойщиков? В лучшем случае изготовление машин потребует рабочих меньше, чем вытесняется применением машин. Сумма в 1500 ф. ст., которая представляла только заработную плату уволенных обойщиков, теперь, в форме машин, представляет: 1) стоимость средств производства, необходимых для изготовления машин; 2) заработную плату изготовляющих их механиков; 3) достающуюся «хозяину» последних прибавочную стоимость. Далее: раз машина готова, ее не приходится обновлять до самой ее смерти. Следовательно, для того чтобы добавочное число механиков могло получать постоянные занятия, необходимо, чтобы фабриканты обоев один за другим заменяли рабочих машинами.

Впрочем, упомянутые апологеты и не имеют в виду такого рода высвобождение капитала. Они имеют в виду жизненные средства высвободившихся рабочих. Нельзя отрицать, например, что в приведенном выше случае машины не только высвобождают 50 рабочих и тем самым делают их «свободными», но одновременно и прекращают их связь с жизненными средствами стоимостью в 1500 ф. ст. и таким образом «высвобождают» эти жизненные средства. Итак, тот простой и отнюдь не новый факт, что машины освобождают рабочего от жизненных средств, на языке экономистов означает, что машины освобождают жизненные средства для рабочего, или превращают их в капитал, который применяет рабочего. Как видим, все дело в способе выражения. Nominibus mollire licet mala[143].

По этой теории, жизненные средства стоимостью в 1500 ф. ст. были капиталом, который увеличивал свою стоимость посредством труда пятидесяти уволенных обойщиков. Следовательно, этот капитал утрачивает свое занятие, раз пятьдесят человек увольняются, и не может успокоиться до тех пор, пока не найдет нового «приложения», при котором эти пятьдесят рабочих снова получают возможность производительно потреблять его. Итак, рано или поздно капитал и рабочие снова должны соединиться, и тогда компенсация налицо. Следовательно, страдания рабочих, вытесняемых машинами, столь же преходящи, как и богатства этого мира.

Жизненные средства в сумме 1500 ф. ст. никогда не противостояли уволенным рабочим как капитал. Как капитал

противостояли им 1500 ф. ст., превращенные теперь в машины. При ближайшем рассмотрении оказывается, что эти 1500 ф. ст. представляли только ту часть обоев, ежегодно производившихся 50 уволенными рабочими, которую они получали от своего предпринимателя как заработную плату — не натурой, а в денежной форме. На эти обои, превращенные в 1500 ф. ст., они покупали жизненные средства на ту же сумму. Поэтому последние существовали для них не как капитал, а как товары, и сами они были по отношению к этим товарам не наемными рабочими, а покупателями. То обстоятельство, что машины «освободили» их от покупательных средств, превращает их из покупателей в непокупателей. Отсюда уменьшение спроса на соответствующие товары. Voila tout [вот и все]. Если это уменьшение спроса не компенсируется увеличением его еще откуда-нибудь, то понижается рыночная цена товаров. Если это продолжается сравнительно долго и в значительных размерах, то происходит увольнение рабочих, занятых в производстве данных товаров. Часть капитала, который раньше производил необходимые жизненные средства, будет воспроизводиться теперь в другой форме. Во время падения рыночных цен и перемещения капитала рабочие, занятые в производстве необходимых жизненных средств, тоже «освобождаются» от некоторой части своей заработной платы. Таким образом, вместо того, чтобы доказать, что машина, освобождая рабочих от жизненных средств, в то же время превращает последние в капитал, применяющий этих рабочих, господин апологет с помощью своего испытанного закона спроса и предложения доказывает, наоборот, что машина не только в той отрасли производства, в которой она введена, но и в тех отраслях производства, в которых она не введена, выбрасывает рабочих на мостовую.

Действительные факты, искаженные экономическим оптимизмом, таковы: вытесняемые машиной рабочие выбрасываются из мастерской на рынок труда и увеличивают там число рабочих сил, пригодных для капиталистической эксплуатации. В седьмом разделе мы увидим, что это действие машин, которое изображают нам здесь как компенсацию для рабочего класса, в действительности является самым ужасным бичом для него. Здесь отметим только следующее: конечно, рабочие, выброшенные из одной отрасли промышленности, могут искать занятия в какой-либо другой. Если они находят таковое и если таким образом вновь восстанавливается связь между ними и жизненными средствами, которые были освобождены вместе с ними, то это происходит при посредстве нового, допол-

нительного капитала, ищущего применения, а отнюдь не того капитала, который функционировал уже раньше и теперь превращен в машины. Но если даже и так, то как ничтожны все же их перспективы! Искалеченные разделением труда, эти бедняги столь мало стоят вне своей старой сферы деятельности, что они имеют доступ лишь в немногие низшие, постоянно переполненные и плохо оплачиваемые отрасли труда[215]. Далее, каждая отрасль промышленности ежегодно притягивает новый поток людей, который доставляет ей необходимый контингент для регулярного замещения и роста. Когда же машины освобождают часть рабочих, занятых до того времени в определенной отрасли промышленности, контингент заместителей тоже перераспределяется заново и поглощается другими отраслями труда, между тем как первоначальные жертвы по большей части опускаются и гибнут в переходное время.

Не подлежит никакому сомнению, что машины сами по себе не ответственны за то, что они «освобождают» рабочего от жизненных средств. Они удешевляют и увеличивают продукт в той отрасли, которой они овладевают, и сначала оставляют без изменения массу жизненных средств, производимую в других отраслях промышленности. Следовательно, после введения машин, как и до него, в распоряжении общества находилось все такое же или большее количество жизненных средств для высвобожденных рабочих, если оставить в стороне огромную часть годового продукта, которая расточается неработающими. И в этом — pointe [зацепка] экономической апологетики! Противоречий и антагонизмов, которые неотделимы от капиталистического применения машин, не существует, потому что они происходят не от самих машин, а от их капиталистического применения! А так как машина сама по себе сокращает рабочее время, между тем как ее капиталистическое применение удлиняет рабочий день; так как сама по себе она облегчает труд, капиталистическое же ее применение повышает его интенсивность; так как сама по себе она знаменует победу человека над силами природы, капиталистическое же ее применение порабощает человека силами природы; так как сама по себе она увеличивает богатство производителя, в капиталистическом

[215] Один рикардианец, полемизируя против нелепостей Ж. Б. Сэя, замечает по этому поводу: «При развитом разделении труда искусство рабочего может найти себе применение только в той особой сфере, в которой он приобрел выучку; сам рабочий является своего рода машиной. Поэтому абсолютно ничему не поможет попугайская болтовня, что вещам свойственна тенденция отыскивать свой уровень. Стоит посмотреть вокруг себя, и мы увидим, что они в течение долгого времени не могут найти своего уровня и что если они находят его, то он оказывается ниже, чем был в начале процесса» («An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc.». London, 1821, p. 72).

же применении превращает его в паупера и т. д., то буржуазный экономист просто заявляет, что рассмотрение машины самой по себе как нельзя убедительнее доказывает, что все эти очевидные противоречия суть просто внешняя видимость банальной действительности, сами же по себе, а потому и в теории они вовсе не существуют. Таким образом он избавляет себя от всякого дальнейшего ломания головы и кроме того приписывает своему противнику такую глупость, будто он борется не против капиталистического применения машины, а против самой машины.

Конечно, буржуазный экономист вовсе не отрицает, что при этом получаются и временные неприятности; но ведь у всякой медали есть своя оборотная сторона! Для него немыслимо иное использование машины, кроме капиталистического. Следовательно, эксплуатация рабочего при посредстве машины для него тождественна с эксплуатацией машины рабочим. Поэтому тот, кто раскрывает, как в действительности обстоит дело с капиталистическим применением машин, тот вообще не хочет их применения, тот противник социального прогресса![216)] Совершенно в духе знаменитого головореза Билла Сайкса: «Господа присяжные, конечно, этим коммивояжерам горло было перерезано. Но это — не моя вина, а вина ножа. Неужели из-за таких временных неприятностей мы отменим употребление ножа? Подумайте-ка хорошенько! Что было бы с земледелием и ремеслами без ножа? Не приносит ли он спасение в хирургии, не служит ли орудием науки в руках анатома? А потом — не желанный ли это помощник за праздничным столом? Уничтожьте нож — и вы отбросите нас назад к глубочайшему варварству»[216a)].

Хотя машины неизбежно вытесняют рабочих из тех отраслей труда, в которых они введены, однако они могут вызвать увеличение занятости в других отраслях труда. Но это действие не имеет ничего общего с так называемой теорией компенсации. Так как всякий машинный продукт, например один аршин машинной ткани, дешевле, чем вытесненный им однородный

[216)] Одним из виртуозов в этом самонадеянном кретинизме является, между прочим, Мак-Куллох. «Если выгодно», — говорит он с аффектированной наивностью 8-летнего ребенка, — «все более и более развивать искусство рабочего, так чтобы он был способен производить все увеличивающееся количество товаров при прежнем или меньшем количестве труда, то должно быть не менее выгодно, чтобы он пользовался помощью таких машин, которые наиболее эффективным образом содействуют ему в достижении этого результата» (*MacCulloch.* «Principles of Political Economy». Edinburgh, 1830, p. 166).

[216a)] «Изобретатель прядильной машины разорил Индию, что, впрочем, мало нас трогает» (*A. Thiers.* «De la Propriete». [Paris, 1848, p. 275]). Г-н Тьер смешивает здесь прядильную машину с механическим ткацким станком, «что, впрочем, мало нас трогает».

продукт ручного труда, то получается следующий абсолютный закон: если общее количество товаров, произведенных машинным способом, остается равным общему количеству замещенных ими товаров, производившихся ремесленным или мануфактурным способом, то общая сумма прилагаемого труда уменьшается. То увеличение труда, которое обусловливается производством самих средств труда, — машин, угля и т. д., — должно быть меньше того труда, который сберегается применением машин. Иначе машинный продукт был бы не дешевле или даже дороже ручного продукта. Однако общая масса товаров, производимых при помощи машин сократившимся количеством рабочих, не только не остается без изменения, но, напротив, вырастает до размеров, далеко превышающих общую массу вытесненных ремесленных товаров. Предположим, что 400000 аршин машинной ткани производятся меньшим количеством рабочих, чем 100000 аршин ручной ткани. В учетверенном продукте заключается и учетверенное количество сырого материала. Следовательно, производство сырого материала должно учетвериться. Что касается потребленных средств труда, например зданий, угля, машин и т. д., то пределы, в которых может возрасти дополнительный труд, необходимый для их производства, изменяются сообразно разности между теми массами продукта, которые при одном и том же числе рабочих могут быть произведены машинным способом, с одной стороны, и ручным способом — с другой.

Поэтому с расширением машинного производства в одной отрасли промышленности увеличивается производство прежде всего и в тех других отраслях, которые доставляют первой ее средства производства. Насколько благодаря этому возрастает масса занятых рабочих, это зависит при данной продолжительности рабочего дня и интенсивности труда от строения употребляемых капиталов, т. е. от отношения между их постоянными и переменными составными частями. Это отношение, в свою очередь, значительно варьирует в зависимости от того, в какой мере машины уже овладели или овладевают данной отраслью промышленности. Число рабочих, обреченных на работу в угольных копях и рудниках, колоссально возросло с развитием применения машин в Англии, хотя это возрастание в последние десятилетия замедляется применением в горном деле новых машин[217]. Вместе с машиной появляется новый вид рабочих — производители машин. Мы уже знаем, что машинное производство все в большей мере овладевает и этой отраслью

[217] По переписи 1861 г. (т. II, Лондон, 1863) число рабочих, занятых в угольных копях Англии и Уэльса, составляло 246613, в том числе 73546 до 20-летнего и 173067 старше 20-летнего возраста. К первой рубрике принадлежит 835 человек 5—10 лет, 30701— от 10 до 15 лет, 42010— от 15 до 19 лет. Число занятых в железных, медных, свинцовых, оловянных и других рудниках — 319222.

производства[218)]. Далее, что касается сырого материала[219)], то не подлежит, например, никакому сомнению, что бурное развитие бумагопрядения не только форсировало возделывание хлопка в Соединенных Штатах, а вместе с тем и африканскую работорговлю, но и сделало размножение негров главным занятием так называемых пограничных рабовладельческих штатов. В 1790 г., когда в Соединенных Штатах была произведена первая перепись рабов, число их составляло 697000, а в 1861 г. уже примерно четыре миллиона. С другой стороны, не менее верно, что расцвет механических шерстяных фабрик вместе с прогрессирующим превращением пахотной земли в пастбища для овец вызвал массовое изгнание сельскохозяйственных рабочих и превращение их в «избыточных». В Ирландии еще в настоящее время совершается этот процесс, — ее население, уменьшившееся после 1845 г. почти наполовину, низводится до размеров, точно соответствующих потребностям ее лендлордов и господ английских шерстяных фабрикантов.

Если машина овладевает предварительными или промежуточными ступенями, через которые должен пройти предмет труда, пока он не примет своей окончательной формы, то вместе с материалом труда увеличивается и спрос на труд в тех отраслях производства, которые ведутся еще ремесленным или мануфактурным способом и в которые поступает машинный фабрикат. Например, машинное прядение доставляло пряжу столь дешево и в таком изобилии, что ручные ткачи, без всякого увеличения затрат, сначала могли работать полное время. Таким образом их доход увеличился[220)]. Отсюда наплыв рабочих в хлопчатобумажную ткацкую промышленность, пока, наконец, 800000 ткачей, вызванных в Англии к жизни машинами, — дженни, ватер-машиной и мюль-машиной, — не были убиты паровым ткацким станком. Таким же образом вместе

[218)] В Англии и Уэльсе в 1861 г. производством машин было занято 60807 лиц, считая в том числе и фабрикантов вместе с их приказчиками и т. д., ditto [а также] всех агентов и торговцев этой отрасли. Напротив, исключены производители сравнительно более мелких машин, например, швейных и т. д., а также производители инструментов для рабочих машин, например, веретен и т. д. Число всех гражданских инженеров составляло 3329.

[219)] Так как железо — один из важнейших сырых материалов, то здесь стоит отметить, что в 1861 г. в Англии и Уэльсе был 125771 железолитейщик, в том числе 123430 мужчин, 2341 женщина. В числе первых 30810 до 20 лет и 92620 старше 20 лет.

[220)] «Семья из 4 взрослых лиц» (хлопчатобумажных ткачей) «с двумя детьми в качестве шпульников зарабатывала в конце прошлого и начале текущего столетия 4 ф. ст. в неделю при 10-часовом рабочем дне; если работа была очень спешная, они могли заработать больше... Раньше они постоянно страдали от недостаточного предложения пряжи» (*Gaskell,* цит. соч., стр. 25—27).

с изобилием одежных тканей, производимых машинным способом, возрастает число портных, портних, швей и т. д., пока не появляется швейная машина.

Соответственно увеличению массы сырых материалов, полуфабрикатов, рабочих инструментов и т. д., которые машинное производство доставляет при относительно небольшом числе рабочих, обработка этих сырых материалов и полуфабрикатов подразделяется на многочисленные подвиды, а потому разнообразие отраслей общественного производства растет. Машинное производство ведет общественное разделение труда несравненно дальше, чем мануфактура, потому что оно в несравненно большей степени увеличивает производительную силу захваченных им отраслей промышленности.

Ближайший результат введения машин заключается в том, что они увеличивают прибавочную стоимость и вместе с тем массу продуктов, в которой она воплощается; следовательно, — в том, что вместе с той субстанцией, которую потребляет класс капиталистов и его окружение, они увеличивают и самые эти общественные слои. Возрастание богатства последних и постоянное относительное уменьшение числа рабочих, требуемых для производства необходимых жизненных средств, порождают вместе с новыми потребностями в роскоши и новые средства их удовлетворения. Все большая часть общественного продукта превращается в прибавочный продукт и все большая часть прибавочного продукта воспроизводится и потребляется все в более и более утонченных и разнообразных формах. Другими словами: производство предметов роскоши возрастает[221)]. Возрастающие утонченность и разнообразие продуктов вытекают также из новых условий мирового рынка, создаваемых крупной промышленностью. Дело не только в том, что большее количество заграничных предметов потребления выменивается на отечественный продукт, но и в том, что в отечественную промышленность поступает все большая масса заграничных сырых материалов, ингредиентов, полуфабрикатов и т. д., которые служат средствами производства. Вместе с развитием этих отношений мирового рынка увеличивается спрос на труд в транспортной промышленности, и последняя распадается на многочисленные новые подвиды[222)].

Увеличение средств производства и жизненных средств при относительном уменьшении числа рабочих дает толчок расши-

---

[221)] Ф. Энгельс в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» указывает. на жалкое положение большой части именно этих производителей предметов роскоши. Многочисленные новые подтверждения этого находим в отчетах Комиссии по обследованию условий детского труда.

[222)] В 1861 г. в Англии и Уэльсе в торговом флоте было занято 94665 моряков.

рению труда в таких отраслях производства, продукты которых, как, например, каналы, доки, туннели, мосты и т. д., приносят плоды лишь в сравнительно отдаленном будущем. Прямо на основе машинного производства или же на основе соответствующего ему общего промышленного переворота образуются совершенно новые отрасли производства, а потому и новые сферы труда. Однако их удельный вес в общем производстве нельзя признать значительным даже в наиболее развитых странах. Число занятых в них рабочих увеличивается в соответствии с тем, насколько воспроизводится потребность в самом грубом ручном труде. Главными отраслями промышленности этого рода в настоящее время можно считать газовые заводы, телеграфию, фотографию, пароходное и железнодорожное дело. Перепись 1861 г. (для Англии и Уэльса) дает для газовой промышленности (газовые заводы, производство механических аппаратов, агенты газовых компаний и т. д.) 15211 человек, для телеграфии — 2399, фотографии — 2366, пароходства — 3570 и для железных дорог — 70599, в том числе около 28000 более или менее постоянно занятых «необученных» землекопов и работников административного и коммерческого персонала. Следовательно, общее число лиц, занятых в этих пяти новых отраслях промышленности, составляет 94145.

Наконец, чрезвычайно возросшая производительная сила в отраслях крупной промышленности, сопровождаемая интенсивным и экстенсивным ростом эксплуатации рабочей силы во всех остальных отраслях производства, дает возможность непроизводительно употреблять все увеличивающуюся часть рабочего класса и таким образом воспроизводить все большими массами старинных домашних рабов под названием «класса прислуги», как, например, слуг, горничных, лакеев и т. д. По переписи 1861 г. все население Англии и Уэльса составляло 20066224 человека, в том числе 9776259 мужчин и 10289965 женщин. Если вычесть отсюда всех неспособных к труду по старости или малолетству, всех «непроизводительных» женщин, подростков и детей, затем «идеологические» сословия, как правительство, попы, юристы, войско и т. д., потом всех, чье исключительное занятие составляет потребление чужого труда в форме земельной ренты, процентов и т. д., наконец пауперов, бродяг, преступников и т. д.. то останется круглым счетом 8 миллионов лиц обоего пола и разных возрастов, включая и всех капиталистов, так или иначе функционирующих в производстве, торговле, финансах и т. д. Среди этих 8 миллионов:

Сельскохозяйственных рабочих (включая пастухов и живущих у фермеров батраков и батрачек)	1 098 261	чел.
Всех лиц, занятых на хлопчатобумажных, шерстяных, камвольных, льняных, пеньковых, шелковых, джутовых фабриках, а также занятых в механическом вязальном и кружевном производстве	642 607[223)]	»
Всех лиц, занятых в угольных копях и рудниках	565 835	»
Занятых на всех металлургических заводах (доменные печи, прокатные предприятия и т. д.) и металлических мануфактурах разного рода	396 998[224)]	»
Класс прислуги	1 208 648[225)]	»

Если мы сложим число всех занятых на текстильных фабриках с персоналом угольных копей и металлических рудников, то мы получим 1208442; если же число первых мы сложим с персоналом всех металлургических заводов и мануфактур, то получим в итоге 1039605 — в обоих случаях меньше числа современных домашних рабов. Что за превосходный результат капиталистической эксплуатации машин!

7. ОТТАЛКИВАНИЕ И ПРИТЯЖЕНИЕ РАБОЧИХ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА. КРИЗИСЫ В ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Все находящиеся в здравом уме представители политической экономии признают, что когда вводится вновь машина, это действует как чума на рабочих тех традиционных ремесел и мануфактур, с которыми она прежде всего вступает в конкуренцию. Почти все они оплакивают рабство фабричного рабочего. Но каков тот главный козырь, который все они пускают в ход? Это то, что машины после всех ужасов, относящихся к периоду их введения и развития, в конечном счете

223) В том числе мужчин старше 13 лет только 177596.

224) В том числе женщин 30501.

225) В том числе мужчин 137447. Из числа 1208648 исключены все те, кто служит не у частных лиц.

Добавление к 2 изданию. С 1861 по 1870 г. число мужской прислуги почти удвоилось Оно возросло до 267671. В 1847 г. сторожей дичи было (в аристократических охотничьих парках) 2694, а в 1869 г. — 4921. — Молодые девушки, служащие у лондонских мелких буржуа, на народном языке называются «little slaveys», маленькие рабыни.

не уменьшают, а увеличивают число рабов труда! Да, политическая экономия упивается отвратительной теоремой, — отвратительной для всякого «филантропа», который верит в вечность и естественную необходимость капиталистического способа производства, — теоремой, согласно которой даже фабрика, уже основанная на машинном производстве, после определенного периода роста, по окончании более или менее продолжительного «переходного времени», начинает терзать большее число рабочих, чем то, которое первоначально она выбросила на мостовую![226].

Правда, некоторые примеры — хотя бы английских камвольных и шелковых фабрик — показывают, что на известной ступени развития чрезвычайное расширение фабричных отраслей может сопровождаться не только относительным, но и абсолютным уменьшением числа занятых рабочих. В 1860 г., когда по распоряжению парламента была предпринята специальная перепись всех фабрик Соединенного королевства, в той части фабричных округов Ланкашира, Чешира и Йоркшира, которая была поручена фабричному инспектору Р. Бейкеру, насчитывалось 652 фабрики; из них в 570 было: паровых ткацких станков 85622, веретен (за исключением тростильных) 6819146, лошадиных сил в паровых машинах 27439, в водяных колесах 1390, занято лиц на этих фабриках 94119. Напротив, в 1865 г. на этих же фабриках было: ткацких станков 95163, веретен 7025031, лошадиных сил в паровых машинах 28925, в водяных колесах 1445, занято лиц 88913. Следовательно, с 1860 по 1865 г. рост по этим фабрикам составил: паровых ткацких станков 11%, веретен 3%, паровых лошадиных сил 5%, между тем как за тот же период число занятых лиц уменьшилось на 5,5%[227]. Между 1852 и 1862 гг. произошло

[226] Напротив, Ганиль окончательным результатом машинного производства признает абсолютное уменьшение числа рабов труда, за счет которых затем кормится и развивает свою «perfectibilite perfictible» [«способную к усовершенствованию способность к усовершенствованию»] возросшее число «gens honnets» [«порядочных людей»]. Как ни плохо понимает Ганиль движение производства, он чувствует, по крайней мере, что машины — весьма роковая вещь, раз введение их превращает занятых рабочих в пауперов, а развитие их вызывает к жизни больше рабов труда, чем они убили. Кретинизм его собственной точки зрения можно выразить только его собственными словами: «Классы, обреченные на то, чтобы производить и потреблять, уменьшаются в своей численности, а те классы, которые управляют трудом, которые дают всему населению облегчение, утешение и просвещение, увеличиваются... и присваивают себе все блага, являющиеся результатом уменьшения издержек труда, изобилия продуктов и удешевления предметов потребления. В этом направлении род человеческий поднимается до высших творений гения, проникает в таинственные глубины религии, создает спасительные принципы морали» (которые заключаются в том, чтобы «присваивать все блага» и т. д.), «законы для защиты свободы» (свободы для «классов, обреченных производить»?) «и власти, послушания и справедливости, долга и гуманности». Эта тарабарщина находится в книге; *Ch. Ganilh.* «Des Systemes d'Economie Politique etc.», 2eme ed. Paris, 1821, t. I, p. 224. Ср. там же, стр. 212.

[227] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 58 sq. Но в то же время был создан также материальный базис для занятия возрастающего числа рабочих в виде 110 новых фабрик с 11625 паровыми ткацкими станками, 628576 веретенами, 2695 паровыми и водяными лошадиными силами (там же).

значительное увеличение английского шерстяного производства, между тем как число занятых рабочих осталось почти без изменения. «Это показывает, в какой большой мере вновь введенные машины вытеснили труд предыдущих периодов»[228]. В некоторых эмпирически данных случаях увеличение числа занятых фабричных рабочих является только кажущимся, т. е. оно вызвано не расширением фабрик, в основе которых уже лежит машинное производство, а постепенным присоединением к ним побочных отраслей. Например, увеличение числа механических ткацких станков и занятых при них фабричных рабочих в период 1838—1856 гг. было вызвано в (английском) хлопчатобумажном производстве просто расширением этой отрасли; напротив, на других фабриках оно было обязано применению паровой силы к ткацким станкам, с помощью которых изготовляются ковры, ленты, холст и т. д. и которые до того времени приводились в движение мускульной силой человека[229]. Следовательно, увеличение числа этих фабричных рабочих было просто выражением уменьшения общего числа занятых рабочих. Наконец, мы здесь совершенно не останавливаемся на том, что повсюду, за исключением металлических фабрик, подростки (до 18 лет), женщины и дети составляют значительное большинство фабричного персонала.

Тем не менее понятно, что несмотря на массу рабочих, фактически вытесняемых или потенциально замещаемых машинами, число фабричных рабочих вследствие роста самого машинного производства, который находит себе выражение в увеличении числа одинаковых фабрик или в увеличении размеров уже существующих фабрик, — может в конце концов оказаться больше числа вытесненных мануфактурных рабочих или ремесленников. Предположим, что еженедельно применяемый капитал, например в 500 ф. ст., состоял при старом способе производства на $^2/_5$ из постоянной и на $^3/_5$ из переменной части, т. е. 200 ф. ст. затрачивалось на средства производства, 300 ф. ст. — на рабочую силу, скажем, по 1 ф. ст. на рабочего. С введением машин строение всего капитала изменяется. Теперь

[228] «Reports etc. for 31st October 1862», p. 79.

Добавление к 2 изданию. В конце декабря 1871 г. фабричный инспектор А. Редгрейв в одном докладе, прочитанном в Брадфорде, в «New Mechanics' Institution», заявил; «С некоторого времени меня стало поражать, до какой степени изменился внешний вид шерстяных фабрик. Раньше они были переполнены женщинами и детьми, теперь кажется, будто машина выполняет все работы. На мой вопрос один фабрикант дал мне такое объяснение: при старой системе я давал работу 63 человекам; после введения усовершенствованных машин я сократил число своих рабочих до 33) а недавно, вследствие новых крупных изменений, я смог сократить их с 33 до 13».

[229] «Reports etc. for 31st October 1856», p. 16.

он распадается, например, на $^4/_5$ постоянного и $^1/_5$ переменного капитала, другими словами — на рабочую силу расходуется всего лишь 100 фунтов стерлингов. Следовательно, две трети прежде занятых рабочих увольняются. Если данное фабричное производство расширяется и весь вложенный капитал при прочих равных производственных условиях увеличивается с 500 до 1500 ф. ст., то теперь будет занято 300 рабочих — как раз столько же, сколько и до этой промышленной революции. Если применяемый капитал возрастает еще больше, до 2000 ф. ст., то занято будет 400 рабочих, т. е. на $^1/_3$ больше, чем при старом способе ведения дела. Число занятых рабочих абсолютно увеличилось на 100, относительно же, т. е. по сравнению с величиной всего авансированного капитала, оно уменьшилось на 800, потому что при старом способе ведения дела капитал в 2000 ф. ст. применял бы не 400, а 1200 рабочих. Следовательно, относительное уменьшение числа занятых рабочих совместимо с его абсолютным увеличением. Выше мы предполагали, что при возрастании всего капитала строение его остается без изменения, потому что условия производства не изменяются. Но мы уже знаем, что в действительности с каждым шагом в развитии машинного производства постоянная часть капитала, состоящая из машин, сырого материала и т. д., возрастает, между тем как переменная, затрачиваемая на рабочую силу, уменьшается, и мы знаем в то же время, что ни при каком другом способе производства усовершенствования не являются такими постоянными, а потому строение всего капитала не изменчиво в такой мере, как при машинном производстве. Но эти постоянные изменения с не меньшим постоянством прерываются паузами и чисто количественным расширением на данном техническом базисе. Поэтому число занятых рабочих возрастает. Так, например, число всех рабочих на хлопчатобумажных, шерстяных, камвольных, льняных и шелковых фабриках Соединенного королевства составляло в 1835 г. только 354684, между тем как в 1861 г. число одних ткачей (обоего пола и самых различных возрастов, начиная с 8-летнего) при паровых станках составляло 230654. Конечно, этот рост окажется менее значительным, если принять во внимание, что еще в 1838 г. в Англии насчитывалось 800000 ручных хлопчатобумажных ткачей, включая и членов семей, занятых вместе с ними[230]; мы уже совсем не говорим о тех ручных ткачах, которые были вытеснены в Азии и на континенте Европы.

[230] «Страдания ручных ткачей» (хлопчатобумажных ткачей и ткачей тканей из других видов сырья, но с примесью хлопка) «были предметом обследования королевской комиссии, но хотя их бедствия были признаны и о них сожалели, тем не менее улучшение (!) их положения предоставили случаю и времени, и можно надеяться, что эти страдания теперь» (через 20 лет!) «почти (nearly) исчезли, чему, по всей вероятности, способствовало нынешнее громадное распространение паровых ткацких станков» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1856», p. 15).

В немногих замечаниях, которые нам еще остается сделать по этому пункту, мы частично коснемся с чисто фактической стороны тех отношений, к которым наше теоретическое изложение еще не привело нас.

Пока машинное производство расширяется в известной отрасли промышленности за счет традиционного ремесла или мануфактуры, успех его настолько же верен, как, например, успех армии, вооруженной игольчатыми ружьями, против армии, вооруженной луками. Этот первый период, когда машина только еще завоевывает себе сферу действия, имеет решающее значение ввиду тех чрезвычайных прибылей, которые производятся при помощи машины. Эти прибыли не только уже сами по себе являются источником ускоренного накопления, но и привлекают в отрасль производства, оказавшуюся в особо благоприятном положении, значительную часть добавочного общественного капитала, который постоянно образуется вновь и ищет новых сфер применения. Особые выгоды первого периода бури и натиска постоянно повторяются в тех отраслях производства, где машины вводятся впервые. Но когда фабрика достигает известного распространения и определенной степени зрелости, в особенности когда ее собственная техническая основа, машины, начинает, в свою очередь, производиться с помощью машин, когда совершается революция как в добывании угля и железа, так и в обработке металлов и транспортном деле, короче говоря, когда складываются общие условия производства, соответствующие крупной промышленности, тогда машинное производство приобретает ту эластичность, ту способность к быстрому, скачкообразному расширению, пределы которой ставятся лишь сырым материалом и рынком сбыта. Но машины, с одной стороны, прямо ведут к увеличению количества сырого материала, как, например, волокноотделитель увеличил производство хлопка[231)]. С другой стороны, дешевизна машинного продукта и переворот в средствах транспорта и связи служат орудием для завоевания иностранных рынков. Разрушая там ремесленное производство, машинное производство принудительно превращает эти рынки в места производства соответствующего сырого материала. Так, например, Ост-Индия была вынуждена производить для Великобритании хлопок, шерсть, пеньку, джут, индиго

[231)] Другие методы, посредством которых машины влияют на производство сырого материала, будут упомянуты в третьей книге.

и т. д.[232)]. Происходящее в странах крупной промышленности постоянное превращение рабочих в «избыточных» порождает усиленную эмиграцию и ведет к колонизации чужих стран, которые превращаются в плантации сырого материала для метрополии, как Австралия, например, превратилась в место производства шерсти[233)]. Создается новое, соответствующее расположению главных центров машинного производства международное разделение труда, превращающее одну часть земного шара в область преимущественно земледельческого производства для другой части земного шара как области преимущественно промышленного производства. Эта революция стоит в тесной связи с переворотами в земледелии, которые здесь пока не приходится исследовать обстоятельнее[234)].

По инициативе г-на Гладстона, палата общин 18 февраля 1867 г. предписала собрать статистические данные относительно ввоза в Соединенное королевство и вывоза оттуда хлеба, в виде зерна и муки, за период 1831—1866 годов. Ниже я привожу итоговый результат. Мука переведена на квартеры хлеба в зерне[144].

[232)] Вывоз хлопка из Ост-Индии в Великобританию:

1846 г. 34 540 143 ф., ***1860 г.*** 204 141 168 ф., ***1865 г.*** 445 947 600 ф.

Вывоз шерсти из Ост-Индии в Великобританию:

1846 г. 4 570 581 ф., ***1860 г.*** 20 214 173 ф., ***1865 г.*** 20 679 111 ф.

[233)] Вывоз шерсти с мыса Доброй Надежды в Великобританию:

1846 г. 2 958 457 ф., ***1860 г.*** 16 574 345 ф., ***1865 г.*** 29 920 623 ф.

Вывоз шерсти из Австралии в Великобританию:

1846 г. 21 789 346 ф., ***1860 г.*** 59 166 616 ф., ***1865 г.*** 109 734 261 ф.

[234)] Само экономическое развитие Соединенных Штатов есть продукт европейской, в особенности английской, крупной промышленности. Соединенные Штаты в их современном виде (1866 г.) все еще следует рассматривать как колонию Европы. {*К 4 изданию.* «С того времени они развились до положения второй промышленной страны мира, хотя еще не совсем утратили свой колониальный характер». *Ф. Э.*}

Вывоз хлопка из Соединенных Штатов в Великобританию (в фунтах):

1846 г. 401 949 393 ***1853 г.*** 765 630 544

1859 г. 961 707 264 ***1860 г.*** 1 115 890 608

Вывоз хлеба и т. д. из Соединенных Штатов в Великобританию (в английских центнерах):

	1850 г.	**1862** г.
Пшеница	16 202 312	41 033 503
Ячмень	3 669 653	6 624 800
Овес	3 174 801	4 426 994
Рожь	388 749	7 108
Пшеничная мука	3 819 440	7 207 113
Гречиха	1 054	19 571
Маис	5 473 161	11 694 818
Bere или Bigg (особый род ячменя)	2 039	7 675
Горох	811 620	1 024 722
Бобы	1 822 972	2 037 137
Общий вывоз	35 365 801	74 083 441

Пятилетние периоды и 1866 год

	1831—1835	1836—1840	1841—1845	1846—1850	1851—1855	1856—1860	1861—1865	1866
Ввоз (в квартерах) в среднем за год ....……………….	1 096 373	2 389 729	2 843 865	8 776 552	8 345 237	10 913 612	15 009 871	16 457 340
Вывоз (в квартерах) в среднем за год ....……...	225 263	251 770	139 056	155 461	307 491	341 150	302 754	216 218
Перевес ввоза над вывозом в среднем за год ....………	871 110	2 137 959	2 704 809	8 621 091	8 037 746	10 572 462	14 707 117	16 241 122
Среднегодовая численность населения в каждый период...................………..	24 621 107	25 929 507	27 262 559	27 797 598	27 572 923	28 391 544	29 381 760	29 935 404
Среднее количество (в квартерах) того хлеба и т. д., которое ежегодно потреблялось каждым жителем сверх отечественного производства.......................	0,036	0,082	0,099	0,310	0,291	0,372	0,501	0,543

Колоссальная скачкообразная расширяемость фабричного производства и его зависимость от мирового рынка необходимо порождают лихорадочное производство и следующее за ним переполнение рынков, при сокращении которых наступает паралич. Жизнь промышленности превращается в последовательный ряд периодов среднего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя. Ненадежность и непостоянство, которым машинное производство подвергает занятость, а следовательно, и жизненное положение рабочего, становятся нормальным явлением, когда устанавливается такая смена периодов промышленного цикла. За исключением периодов процветания, между капиталистами свирепствует ожесточенная борьба за их индивидуальное место на рынке. Их доля на рынке прямо пропорциональна дешевизне продуктов. Кроме вызываемого этим соперничества в употреблении усовершенствованных машин, замещающих рабочую силу, и новых методов производства, всякий раз наступает такой момент, когда удешевления товаров стремятся достигнуть посредством насильственного понижения заработной платы ниже стоимости рабочей силы[235].

Следовательно, возрастание числа фабричных рабочих обусловливается относительно гораздо более быстрым возрастанием всего капитала, вложенного в фабрики. Но этот процесс совершается лишь в пределах периодов прилива и отлива промышленного цикла. Кроме того, он постоянно прерывается

[235] В воззвании рабочих, выброшенных на мостовую «локаутом» сапожных фабрикантов в Лестере, к профессиональным обществам Англии, июль 1866 г., между прочим, говорится: «Лет 20 тому назад в сапожном деле Лестера совершился переворот вследствие того, что вместо шитья введено скрепление гвоздями. Тогда можно было получать хорошие заработки. Скоро это новое дело сильно расширилось. Между различными фирмами, которые производят наиболее изящный товар, началась сильная конкуренция. Но вскоре возникла вслед за тем конкуренция худшего рода — стремление побить друг друга на рынке низкой ценой (undersell). Вредные последствия скоро обнаружились в понижении заработной платы, и понижение цены труда совершалось с такой стремительной быстротой, что многие фирмы платят теперь всего половину первоначальной заработной платы. И хотя заработная плата падает все ниже и ниже, прибыль при каждом изменении расценок труда, по-видимому, возрастает». — Даже неблагоприятными периодами промышленности фабриканты пользуются для того, чтобы путем чрезмерного понижения заработной платы, т. е. прямой кражей самых необходимых жизненных средств рабочего, добиться чрезвычайной прибыли. Вот пример. Дело идет о кризисе шелкоткачества в Ковентри; «Из показаний, полученных мной как от фабрикантов, так и от рабочих, с несомненностью следует, что заработная плата понижена в большей мере, чем это вынуждалось конкуренцией иностранных производителей и другими обстоятельствами. Большинство ткачей работает за плату, пониженную на 30—40%. Кусок ленты, за который ткач пять лет тому назад получал 6—7 шилл., теперь дает ему только 3 шилл. 3 пенса или 3 шилл. 6 пенсов; другая работа, за которую раньше платили 4 шилл. и 4 шилл. 3 пенса, теперь дает только 2 шилл. или 2 шилл. 3 пенса. Заработная плата понижена больше, чем необходимо было для оживления спроса. В действительности для многих видов лент понижение заработной платы не сопровождалось даже каким бы то ни было понижением цены товара» (Отчет члена комиссии Ф. Д. Лонджа в «Children's Employment Commission. 5th Report», 1866, p. 114, № 1).

техническим прогрессом, который то замещает рабочих потенциально, то вытесняет их фактически. Такие качественные изменения в машинном производстве постоянно удаляют рабочих с фабрики или запирают фабричные ворота перед новым потоком рекрутов, между тем как просто количественное расширение фабрик поглощает кроме выброшенных и новый контингент рабочих. Таким образом, рабочие непрерывно притягиваются и отталкиваются, перебрасываются то сюда, то туда, и это сопровождается постоянными изменениями пола, возраста и искусства вербуемых рабочих.

Судьбы фабричного рабочего выступают с наибольшей наглядностью, если мы бросим беглый взгляд на судьбы английской хлопчатобумажной промышленности.

С 1770 по 1815 г. состояние угнетения или застоя в хлопчатобумажной промышленности продолжалось 5 лет. В течение этого первого 45-летнего периода английским фабрикантам принадлежала монополия в применении машин и монополия на мировом рынке. С 1815 по 1821 г. — угнетенное состояние. 1822 и 1823 гг. — процветание. 1824 г. — отмена закона против коалиций[145], всеобщее крупное расширение фабрик. 1825 г. — кризис. 1826 г. — огромная нужда и волнения среди хлопчатобумажных рабочих. 1827 г. — небольшое улучшение. 1828 г. — большой рост количества паровых ткацких станков и вывоза. В 1829 г. вывоз, особенно в Индию, превосходит все прежние годы. 1830 г. — переполнение рынков, огромная нужда. С 1831 по 1833 г. — непрекращающееся угнетенное положение; Ост-Индская компания лишается монополии на торговлю с Восточной Азией (Индией и Китаем). 1834 г. — крупный рост фабрик и распространение машинного производства, недостаток рабочих рук; новый закон о бедных усиливает переселение сельскохозяйственных рабочих в фабричные округа; массовый уход детей из земледельческих графств; торговля белыми рабами. 1835 г. — сильное процветание; в то же время вымирание ручных хлопчатобумажных ткачей от голода. 1836 г. — сильное процветание. 1837 и 1838 гг. — угнетенное состояние и кризис. 1839 г. — оживление. 1840 г. — сильная депрессия, волнения, вмешательство войск. 1841 и 1842 гг. — ужасающие страдания фабричных рабочих. 1842 г. — фабриканты увольняют рабочих с фабрик, чтобы вынудить отмену хлебных законов; рабочие многотысячными толпами устремляются в Йоркшир, откуда войска гонят их обратно, а их вожди предаются в Ланкастере суду. 1843 г. — большая нужда. 1844 г. — оживление. 1845 г. — сильное процветание. 1846 г. — сначала продолжается подъем, потом симптомы обратного

движения; отмена хлебных законов. 1847 г. — кризис; общее понижение заработной платы на 10 и более процентов во славу «big loaf» [«большого каравая»][146]. 1848 г. — угнетенное положение продолжается; Манчестер под военной охраной. 1849 г. — оживление. 1850 г. — процветание. 1851 г. — падение товарных цен, низкая заработная плата, частые стачки. 1852 г. — начинается улучшение, стачки продолжаются, фабриканты угрожают ввозом иностранных рабочих. 1853 г. — повышающийся вывоз; восьмимесячная стачка и большая нужда в Престоне. 1854 г. — процветание, переполнение рынков. 1855 г. — из Соединенных Штатов, Канады, с восточноазиатских рынков приходят известия о банкротствах. 1856 г. — сильное процветание. 1857 г. — кризис. 1858 г. — улучшение. 1859 г. — сильное процветание, рост фабрик. 1860 г. — английская хлопчатобумажная промышленность достигает высшей точки; индийские, австралийские и другие рынки переполнены до такой степени, что к 1863 г. они едва поглотили всю заваль; торговый договор с Францией; огромный рост фабрик и машинного производства. 1861 г. — подъем некоторое время продолжается, потом обратное движение, Гражданская война в Америке, хлопковый голод. С 1862 по 1863 г. полный крах.

История хлопкового голода слишком характерна для того, чтобы немного не остановиться на ней. Из кратких указаний на положение мирового рынка в 1860—1861 гг. видно, что хлопковый голод пришел кстати для фабрикантов и отчасти был выгоден для них: факт, признанный в отчетах Манчестерской торговой палаты, возвещенный в парламенте Пальмерстоном и Дерби и подтвержденный событиями[236)]. Конечно, в 1861 г. среди 2887 хлопчатобумажных фабрик Соединенного королевства. было много мелких фабрик. По отчету фабричного инспектора А. Редгрейва, в округ которого из этих 2887 фабрик входит 2109, из последнего числа 392, или 19%, применяют каждая меньше 10 паровых лошадиных сил, 345, или 16%, — от 10 до 20 сил и 1372 фабрики — 20 и более лошадиных сил[237)]. Большинство мелких фабрик были ткацкие, основанные в период процветания после 1858 г., по большей части спекулянтами, из которых один предоставлял пряжу, другой машины, третий здание; эти фабрики управлялись бывшими overlookers [фабричными надсмотрщиками] и другими малосостоятельными людьми. Большинство этих мелких фабрикантов разорилось. Ту же судьбу уготовал бы им и торговый кризис, наступлению которого воспрепятствовал хлопковый голод. Хотя они состав-

236) Ср. «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», p. 30.
237) Там же, стр. 19

ляли $^{1}/_{3}$ общего числа фабрикантов, однако на их фабриках нашла себе применение намного меньшая доля всего капитала, вложенного в хлопчатобумажную промышленность. Что касается размеров сокращения, то по достоверной оценке в октябре 1862 г. бездействовало 60,3% веретен и 58% ткацких станков. Эти цифры относятся ко всей данной отрасли промышленности и, разумеется, сильно варьируют по отдельным округам. Только очень немногие фабрики работали полное время (60 часов в неделю), остальные фабрики работали с перерывами. Даже для тех немногих рабочих, которые работали полное время и по обычной сдельной плате, еженедельный заработок неизбежно сокращался вследствие замены лучших сортов хлопка худшими, хлопка си-айленд — египетским (в тонкопрядении), американского и египетского — суратом (ост-индским) и чистого хлопка — смесями из хлопковых угаров и сурата. Более короткое волокно суратского хлопка, его загрязненность, меньшая прочность нитей, замена муки при шлихтовании основы более тяжелыми ингредиентами разного рода и т. д. — все это заставляло уменьшать скорость машин или число ткацких станков, которыми управлял один ткач, увеличивало труд, необходимый для исправления погрешностей в работе машин, и вместе с уменьшением количества продукта понижало и сдельный заработок. При употреблении сурата рабочий, даже когда он работал полное время, терял в заработке 20, 30 и больше процентов. Но большинство фабрикантов и норму сдельной платы понизило на 5, $7^{1}/_{2}$ и 10 процентов. Можно представить поэтому положение тех, кто работал 3, $3^{1}/_{2}$, 4 дня в неделю или только по 6 часов в день. В 1863 г., после того как уже наступило относительное улучшение, заработная плата ткачей, прядильщиков и т. д. составляла 3 шилл. 4 пенса, 3 шилл. 10 пенсов, 4 шилл. 6 пенсов, 5 шилл. 1 пенс и т. д. в неделю[238]. Даже при таком полном страданий положении изобретательность фабрикантов по части вычетов из заработной платы не замирала. Они производились отчасти в виде штрафов за недостатки изделий, обусловленные плохим качеством хлопка, применением несоответствующих машин и т. д. Когда же фабрикант был и собственником коттеджей рабочих, он сам уплачивал себе квартирную плату, производя вычеты из номинальной заработной платы. Фабричный инспектор А. Редгрейв рассказывает о minders при мюль-машинах (они присматривали за двумя автоматическими мюль-машинами каждый), которые

[238] «Reports etc. for 31st October 1863», p. 41—45, 51.

«в конце 14-дневной полной работы получали 8 шилл. 11 пенсов; из этой суммы вычиталась квартирная плата, половину которой фабрикант, однако, возвращал в виде подарка, так что мюльщики приносили домой целых 6 шилл. 11 пенсов. Недельная плата ткачей в последние месяцы 1862 г. начиналась с 2 шилл. 6 пенсов»[239].

Квартирная плата нередко вычиталась из заработной платы даже в тех случаях, когда рабочие работали лишь короткое время[240]. Неудивительно, что в некоторых частях Ланкашира разразилось нечто вроде голодной чумы! Но характернее всего этого было то, как революционизирование процесса производства совершалось за счет рабочего. Это были настоящие experimenta in corpore vili [эксперименты на ничего не стоящем живом теле], подобные экспериментам анатома на лягушках.

«Хотя я», — говорит фабричный инспектор Редгрейв, — «привел действительные заработки рабочих на многих фабриках, но не следует думать, что они еженедельно получают эту сумму. Положение рабочих подвергается величайшим колебаниям вследствие постоянного экспериментирования («experimentalizing») фабрикантов... Их заработки повышаются и понижаются в зависимости от качества хлопковой смеси: то они на 15% уступают прежним заработкам, то в следующую или во вторую неделю падают на 50—60%»[241].

Эти эксперименты производились не только за счет жизненных средств рабочих. Рабочие должны были расплачиваться всеми своими пятью чувствами.

«Люди, занятые очисткой хлопка, сообщали мне, что невыносимый запах доводит их до обморочного состояния... Занятым в сортировочных, трепальных и чесальных отделах образующиеся пыль и грязь набиваются в рот, в нос, глаза и уши, вызывая кашель и одышку. Из-за короткости волокна к пряже при шлихтовании добавляется большое количество разных веществ, а именно всяческие суррогаты вместо муки, применявшейся раньше. Отсюда тошнота и диспепсия у ткачей. Распространен бронхит, вызываемый пылью, равно как и воспаление горла; распространены также болезни кожи вследствие раздражения ее от грязи, содержащейся в сурате».

С другой стороны, заменители муки, поскольку они увеличивают вес пряжи, были для господ фабрикантов настоящей сумкой Фортуната. Благодаря этим заменителям «15 ф. сырого материала, превращенные в пряжу, весили 20 фунтов»[242]. В отчете фабричных инспекторов от 30 апреля 1864 г. мы читаем:

[239] «Reports etc. for 31st October 1863», p. 41, 42.
[240] Там же, стр. 57.
[241] Там же, стр. 50, 51.
[242] Там же, стр. 62, 63.

«Промышленность пользуется теперь этим вспомогательным ресурсом поистине в неприличных размерах. Из авторитетного источника я знаю, что 8-фунтовая ткань приготовляется из $5^1/_4$ ф. хлопка и $2^3/_4$ ф. шлихты. В другой $5^1/_4$-фунтовой ткани заключаются два фунта шлихты. Это — обыкновенная рубашечная ткань для экспорта. В иные сорта иногда прибавляют 50% шлихты, так что фабриканты могли бы похвалиться и действительно хвалятся тем, что они обогащаются, продавая ткани дешевле, чем номинально стоит заключающаяся в них пряжа»[243)].

Но рабочим приходилось страдать не только от экспериментов фабрикантов на фабриках и муниципалитетов вне фабрик, не только от понижения заработной платы и от безработицы, от нищеты и подачек, от хвалебных речей лордов и членов палаты общин.

«Несчастные женщины, лишившиеся работы вследствие хлопкового голода, сделались отбросами общества и остались таковыми... Число молодых проституток в городе теперь больше, чем когда-либо за последние 25 лет»[244)].

Итак, в первые 45 лет английской хлопчатобумажной промышленности, с 1770 по 1815 г., мы имеем только 5 лет кризиса и застоя, но это был период ее мировой монополии. Второй 48-летний период, с 1815 по 1863 г., насчитывает только 20 лет оживления и процветания на 28 лет угнетенного положения и застоя. В 1815—1830 гг. начинается конкуренция с континентальной Европой и Соединенными Штатами. С 1833 г. происходит насильственное расширение азиатских рынков посредством «разрушения человеческого рода»[147]. Со времени отмены хлебных законов, с 1846 по 1863 г., на восемь лет среднего оживления и процветания приходится 9 лет угнетенного состояния и застоя. О положении взрослых рабочих-мужчин хлопчатобумажной промышленности, даже в период процветания, можно судить на основании примечания, приводимого ниже[245)].

[243)] «Reports etc. for 30th April 1864», p. 27.

[244)] Из письма начальника полиции в Болтоне Харриса, цитированного в «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 61, 62.

[245)] В одном воззвании рабочих хлопчатобумажной промышленности весной 1863 г., призывающем к образованию эмиграционного общества, между прочим говорится: «Лишь немногие станут отрицать, что в настоящее время абсолютно необходима эмиграция большого числа фабричных рабочих. А следующие факты доказывают, что во все времена был необходим постоянный поток эмиграции и что без него нам невозможно при обычных обстоятельствах поддерживать наше положение: в 1814 г. официальная стоимость (являющаяся просто показателем количества) вывезенных хлопчатобумажных товаров составляла 17665378 ф. ст., а их действительная рыночная стоимость— 20070824 фунта стерлингов. В 1858 г. официальная стоимость вывезенных хлопчатобумажных товаров составляла 182221681 ф. ст., а их действительная рыночная стоимость — только 43001312 ф. ст., так что удесятерение количества вызвало лишь немного больше, чем удвоение цены. Этот результат, столь неблагоприятный для страны вообще и для фабричных рабочих в особенности, обусловлен стечением различных обстоятельств. Одно из наиболее бросающихся в глаза заключается в постоянном избытке труда, необходимом для данной отрасли промышленности, которая, под страхом уничтожения, требует посто-

8. РЕВОЛЮЦИОНИЗИРОВАНИЕ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ МАНУФАКТУРЫ, РЕМЕСЛА И РАБОТЫ НА ДОМУ

a) УНИЧТОЖЕНИЕ КООПЕРАЦИИ, ОСНОВАННОЙ НА РЕМЕСЛЕ И РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА

Мы видели, как машины уничтожают кооперацию, основанную на ремесле, и мануфактуру, основанную на разделении труда, сохраняющего ремесленный характер. Примером первого рода может служить жатвенная машина, которая замещает кооперацию жнецов. Ярким примером второго рода является машина для производства швейных иголок. Согласно Адаму Смиту, 10 человек в его время благодаря разделению труда изготовляли 48000 иголок в день. Напротив, одна машина в 11-часовой рабочий день дает 145200 иголок. Одна женщина или девушка наблюдает в среднем за 4 такими машинами и, следовательно, производит при помощи машин до 600000 иголок в день, или более 3000000 в неделю[246)]. Когда отдельная рабочая машина замещает кооперацию или мануфактуру, она, в свою очередь, может сама сделаться базисом нового ремесленного производства. Однако это воспроизведение ремесленного производства на основе машин является лишь переходом к фабричному производству, которое, как правило, появляется всякий раз, как только механическая двигательная сила, пар или вода, заменяет человеческие мускулы при движении машины. Спорадически, и во всяком случае лишь на короткое время, мелкое производство может связать себя с механической двигательной силой посредством аренды пара, как это наблюдается на некоторых мануфактурах Бирмингема, посредством применения мелких калорических машин[148], как в некоторых отраслях ткачества и т. д.[247)]. В шелкоткачестве

янного расширения рынка. Случается, что наши хлопчатобумажные фабрики прекращают работу вследствие одного из тех периодических застоев в торговле, которые, при современном строе, столь же неизбежны, как сама смерть. Но это не останавливает человеческой изобретательности. Хотя, по самой низкой оценке, эту страну за последние 25 лет покинуло 6 миллионов человек, однако даже в периоды наивысшего процветания большой процент взрослых мужчин вследствие постоянного вытеснения труда с целью удешевления продукта не в состоянии найти на фабриках какую бы то ни было работу и на каких бы то ни было условиях» («Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1863», p. 51, 52). В одной из следующих глав мы увидим, как во время хлопковой катастрофы господа фабриканты старались всевозможными мерами, даже при содействии государственной власти, воспрепятствовать эмиграции фабричных рабочих.

246) «Children's Employment Commission. 3rd Report», 1864, p. 108, № 447.

247) В Соединенных Штатах подобное воспроизведение ремесла на основе машин встречается нередко. И как раз по этой причине концентрация, сопряженная с неизбежным переходом к фабричному производству, совершается там семимильными шагами по сравнению с Европой и даже Англией.

Ковентри стихийно сложился эксперимент с «фабриками-коттеджами». В центре квадрата, образуемого рядами коттеджей, строится так называемое engine house [машинное здание] для паровой машины, которая посредством валов соединяется с ткацкими станками в коттеджах. Во всех случаях плата за пар была, например, по $2^{1}/_{2}$ шилл. на ткацкий станок. Эта арендная плата за пар уплачивалась каждую неделю независимо от того, работали станки или нет. В каждом коттедже помещалось от 2 до 6 ткацких станков, принадлежавших рабочим, или купленных в кредит, или временно арендованных. Борьба между фабрикой-коттеджем и собственно фабрикой продолжалась более 12 лет. Она окончилась полным разорением 300 фабрик-коттеджей[248)]. В тех случаях, когда природа процесса не обусловливает с самого начала производства в крупном масштабе, отрасли промышленности, поднявшиеся в последние десятилетия, например, производство конвертов, стальных перьев и т. д., обыкновенно проходят сначала через ремесленное, а потом через мануфактурное производство как короткие переходные фазы к фабричному производству. С наибольшими затруднениями протекает это превращение в тех случаях, когда мануфактурное производство продукта представляет собой не последовательный ряд связанных между собой процессов, а множество раздельных процессов. Это являлось, например, крупным препятствием для развития фабрики стальных перьев. Однако уже почти полтора десятка лет тому назад был изобретен автомат, который разом выполняет 6 разнообразных процессов. В 1820 г. первые стальные перья производились ремеслом по 7 ф. ст. 4 шилл. за 12 дюжин, мануфактура производила их в 1830 г. по 8 шилл., а фабрика в настоящее время доставляет их оптовым торговцам по 2—6 пенсов[249)].

b) ОБРАТНОЕ ВЛИЯНИЕ ФАБРИКИ НА МАНУФАКТУРУ И РАБОТУ НА ДОМУ

С развитием фабрики и сопровождающим это развитие переворотом в земледелии не только расширяются размеры производства во всех других отраслях промышленности, по

[248)] Ср. «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 64.

[249)] Г-н Джиллот основал в Бирмингеме первую мануфактуру стальных перьев в крупном масштабе. Уже в 1851 г. она производила больше 180 миллионов перьев и потребляла в год 120 тонн листовой стали. Бирмингем, монополизировавший эту отрасль промышленности в Соединенном королевстве, производит в настоящее время миллиарды стальных перьев в год. Число занятых лиц, по переписи 1861 г., составляло 1428, в том числе 1268 работниц начиная с 5-летнего возраста.

вместе с тем изменяется и их характер. Принцип машинного производства — разлагать процесс производства на его составные фазы и разрешать возникающие таким образом задачи посредством применения механики, химии и т. д., короче говоря, естественных наук, —повсюду становится определяющим. Поэтому машины проникают в мануфактуры, где они находят применение то для одного, то для другого частичного процесса. Тем самым прочный, откристаллизовавшийся строй мануфактуры, возникший из старого разделения труда, разлагается и открывает дорогу непрекращающимся переменам. Да и помимо того в составе совокупного рабочего или комбинированного рабочего персонала совершается коренной переворот. В противоположность мануфактурному периоду, план разделения труда основывается теперь на применении женского труда, труда детей всех возрастов, необученных рабочих, где это только возможно, — короче говоря, на применении «cheap labour», дешевого труда, по характерному английскому выражению. Это относится не только ко всякого рода комбинированному в крупном масштабе производству, применяет ли оно машины или нет, но и к так называемой домашней промышленности, независимо от того, занимаются ли ею рабочие в своих частных квартирах или же в мелких мастерских. Эта так называемая современная домашняя промышленность кроме названия не имеет ничего общего со старинной домашней промышленностью, которая предполагает независимое городское ремесло, самостоятельное крестьянское хозяйство и прежде всего дом у рабочей семьи. Теперь она превратилась во внешнее отделение фабрики, мануфактуры или торгового заведения. Кроме фабричных рабочих, мануфактурных рабочих и ремесленников, которых капитал пространственно концентрирует большими массами и которыми он командует непосредственно, он с помощью невидимых нитей приводит в движение целую армию домашних рабочих, рассеянных в больших городах и в деревне. Пример: фабрика рубашек гг. Тилли в Лондондерри, в Ирландии, с 1000 фабричных рабочих и 9000 домашних рабочих, рассеянных в деревне[250)].

Эксплуатация дешевых и незрелых рабочих сил приобретает в современной мануфактуре еще более бесстыдный характер, чем в собственно фабрике, потому что техническая основа последней, замещение мускульной силы машинами и легкость труда, в мануфактуре по большей части отсутствует; притом в мануфактуре женский организм или еще не окрепший организм

[250)] «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, p. LXVIII, № 415.

малолетних самым бессовестным образом предается действию ядовитых веществ и т. д. При так называемой работе на дому эксплуатация приобретает еще более бесстыдный характер, чем в мануфактуре, потому, что способность рабочих к сопротивлению уменьшается их разобщенностью, что между собственно работодателем и рабочим вторгается целый ряд хищных паразитов, что работа на дому повсюду борется с машинным или, по меньшей мере, мануфактурным производством той же самой отрасли, что бедность похищает у рабочего необходимейшие условия труда — помещение, свет, вентиляцию и т. д., — что нерегулярность занятий растет и, наконец, что в этих последних убежищах для всех, кого крупная промышленность и земледелие сделали «излишними», конкуренция между рабочими неизбежно достигает своего максимума. Систематически осуществляемая лишь благодаря машинному производству экономия на средствах производства, которая с самого начала является в то же время беспощаднейшим расточением рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям функционирования труда, теперь тем сильнее обнаруживает эту свою антагонистическую и человекоубийственную сторону, чем меньше в данной отрасли промышленности развиты общественная производительная сила труда и техническая основа комбинированных процессов труда.

c) СОВРЕМЕННАЯ МАНУФАКТУРА

На нескольких примерах я поясню приведенные выше положения. В сущности читатель уже знает многочисленные иллюстрации из главы о рабочем дне. Металлообрабатывающие мануфактуры в Бирмингеме и окрестностях на работах, по большей части очень тяжелых, применяют 30000 детей и подростков и 10000 женщин. Мы встречаем их здесь во вредных для здоровья меднолитейнях, фабриках пуговиц, на работах по глазуровке, гальванизированию и лакировке[251)]. Чрезмерный труд взрослых и малолетних обеспечил различным лондонским газетным и книжным типографиям достойное прозвище «бойни»[251a)]. В переплетных заведениях — такой же чрезмерный труд, жертвами которого здесь являются женщины, девушки и дети. Тяжелый труд малолетних на канатных предприятиях, ночной труд на соляных заводах, свечных и других химических мануфактурах, убийственное применение

[251)] И даже в насечке напильников в Шеффилде заняты дети!
[251a)] «Children's Employment Commission. 5th Report», 1866, p. 3, № 24; p. 6, № 55, 56; p. 7, № 59, 60.

труда подростков для вращения ткацких станков на шелкоткацких предприятиях, которые не пользуются механической двигательной силой[252]. Одна из наиболее отвратительных, грязных и хуже всего оплачиваемых работ, где преимущественно применяются молодые девушки и женщины, — это сортировка тряпья. Как известно, Великобритания, не говоря уже об огромной массе ее собственного тряпья, служит мировым центром тряпичной торговли. Тряпье привозится сюда из Японии, отдаленнейших государств Южной Америки и с Канарских островов. Но главные источники тряпья, привозимого в Великобританию, — Германия, Франция, Россия, Италия, Египет, Турция, Бельгия и Голландия. Тряпье идет на удобрения, используется для производства оческов (для набивки матрацев и тюфяков), shoddy (искусственной шерсти) и в качестве сырого материала для производства бумаги. Женщины, сортировщицы тряпья, служат посредниками по распространению оспы и других заразных болезней, первыми жертвами которых являются они сами[253]. Классическим примером чрезмерного труда, тяжелой и неподходящей работы и связанного с этим огрубения рабочих, эксплуатируемых с самого юного возраста, могут служить, кроме рудников и угольных копей, черепичные и кирпичные заводы, на которых вновь изобретенная машина применяется в Англии (1866 г.) пока лишь спорадически. С мая по сентябрь работа продолжается с 5 часов утра до 8 часов вечера и, если сушка производится на открытом воздухе, часто с 4 часов утра до 9 часов вечера. Рабочий день с 5 часов утра до 7 часов вечера считается «сокращенным», «умеренным». Дети обоего пола принимаются на работу с 6-и даже с 4-летнего возраста. Они работают столько же часов, как и взрослые, часто больше взрослых. Труд тяжелый, а летний зной еще больше изнуряет. Например, на кирпичном заводе в Мосли одна 24-летняя девушка делала 2000 кирпичей в день, ей помогали две малолетние девочки, которые таскали глину и складывали кирпичи. Эти девочки вытаскивали ежедневно 10 тонн глины по скользким стенкам ямы с глубины в 30 футов и переносили ее на расстояние 210 футов.

«Невозможно пройти ребенку через чистилище кирпичного завода без того, чтобы не пасть нравственно... Непристойности, которые им при-

[252] Там же, стр. 114, 115, № 6—7. Член комиссии справедливо указывает, что если обычно машина замещает человека, то здесь подросток в буквальном смысле замещает машину.

[253] См. отчет о торговле тряпьем и многочисленные иллюстрации в «Public Health, 8th Report». London, 1866, Appendix, p. 196—208.

ходится слышать с самого нежного возраста, грязные, неприличные и бесстыдные привычки, среди которых они вырастают в невежестве и одичании, превращают их на всю дальнейшую жизнь в непутевых, отверженных, распутных людей... Способ расквартирования служит ужасающим источником деморализации. Каждый moulder (формовщик)» (собственно искусный рабочий и глава группы рабочих) «дает своей артели из 7 человек квартиру и стол в своей хижине или коттедже. В этой хижине спят мужчины, юноши и девушки независимо от того, принадлежат они к семье формовщика или нет. Хижина обыкновенно состоит из 2 и лишь в исключительных случаях из 3 полуподвальных комнат с недостаточной вентиляцией. Люди настолько изматываются за день изнурительного труда, что нечего и думать о соблюдении каких бы то ни было правил гигиены, чистоты и приличия. Многие из этих хижин могут служить настоящими образцами беспорядка, грязи и пыли... Величайшее зло системы, применяющей молодых девушек на работах этого рода, заключается в том, что она, как правило, с раннего детства на всю жизнь связывает их крепко с самым отверженным отребьем. Прежде чем природа скажет им, что они — женщины, они превращаются в грубых, сквернословящих мальчишек («rough, foul-mouthed boys»). Одетые в скудное, грязное тряпье, с ногами, обнаженными много выше колен, с волосами и лицом, покрытыми грязью, они привыкают с презрением относиться ко всякому чувству благопристойности и стыда. В обеденное время они лежат, растянувшись на земле, или подсматривают за парнями, которые купаются в соседнем канале. Закончив свой тяжелый дневной труд, они одевают платья получше и сопровождают мужчин в пивные».

Естественно, что среди всего этого класса с самого детства царит страшное пьянство.

«Хуже всего, что кирпичники отчаиваются в самих себе. Вы, сэр, сказал один из лучших между ними капеллану в Саутоллфилде, с одинаковым успехом могли бы попытаться поднять и исправить дьявола, как ц кирпичника!» («You might as well try to raise and improve the devil as a brickie, Sir!»)[254)]

Относительно капиталистической экономии на условиях труда в современной мануфактуре (под которой здесь подразумеваются все крупные мастерские, за исключением собственно фабрик) богатейший официальный материал можно найти в четвертом (1861 г.) и шестом (1864 г.) отчете о здоровье населения. Описание workshops (рабочих помещений), особенно у лондонских печатников и портных, превосходит все самое отвратительное, что могла породить фантазия наших романистов. Влияние на здоровье рабочих понятно само собой. Д-р Саймон, старший медицинский инспектор Тайного совета[149] и официальный редактор отчетов о здоровье населения, говорит между прочим:

«В моем четвертом отчете» (1861 г.) «я показал, что практически невозможно для рабочих отстоять свое первое право — право на здоровье,

[254)] «Children's Employment Commission. 5th Report», 1866, p. XVI—XVIII, № 86—97, p. 130—133, № 39—71. Ср. также «3rd Report», 1864, p. 48, 56.

настоять на том, чтобы, для каких бы работ ни собрал их хозяин, работа, поскольку это зависит от него, была освобождена от всех устранимых вредных для здоровья обстоятельств. Я доказал, что в то время как рабочие практически не в состоянии добиться своими силами осуществления этого права на здоровье, они не могут достигнуть действительной помощи и со стороны платных чинов санитарной полиции... Жизнь десятков тысяч рабочих и работниц в настоящее время бессмысленно калечится и сокращается бесконечными физическими страданиями, которые порождаются тем простым фактом, что они работают»[255].

Для иллюстрации влияния мастерских на состояние здоровья рабочих д-р Саймон приводит следующую таблицу смертности[256]:

Число лиц различного возраста, занятых в соответствующих отраслях промышленности	Виды занятий, сравниваемые с точки зрения влияния их на здоровье	Смертность на 100 000 человек в соответствующих отраслях (по возрастам)		
		25—35 лет	35—45 лет	45—55 лет
958 265	Земледелие в Англии и Уэльсе……..	743	805	1145
22 301 мужчин, 12 377 женщин	Лондонские портные...……………...	958	1262	2093
13 803	Лондонские печатники……………..	894	1747	2367

d) СОВРЕМЕННАЯ РАБОТА НА ДОМУ

Теперь я обращаюсь к так называемой работе на дому. Чтобы составить себе представление об этой сфере эксплуатации, которую капитал осуществляет на задворках крупной промышленности, и о чудовищности этой эксплуатации, можно было бы рассмотреть, например, внешне совсем идиллический гвоздарный промысел, которым занимаются в некоторых захолустных деревнях Англии[257]. Здесь достаточно будет остановиться

[255] «Public Health. 6th Report». London, 1864, p. 29, 31.

[256] «Public Health. 6th Report». London, 1864, p. 30. Д-р Саймон отмечает, что смертность среди лондонских портных и печатников 25—35-летнего возраста в действительности много выше, так как лондонские предприниматели получают из деревни большое количество молодых людей до 30-летнего возраста в качестве «учеников» и «Improvers» (желающих усовершенствоваться в своем ремесле). Фигурируя по переписям как лондонцы, они искусственно увеличивают то число душ, на которое исчисляется смертность в Лондоне, число же смертных случаев среди них самих сравнительно меньше. Значительная часть, особенно в случае тяжелых заболеваний, возвращается в деревню (там же).

[257] Здесь речь идет о кованых гвоздях в отличие от резаных гвоздей, изготовляемых машинным способом. См. «Children's Employment Commission. 3rd Report», p. XI, XIX, № 125—130; p. 52, № 11; p. 113—114, № 487; p. 137, № 674.

на нескольких примерах таких отраслей, как производство кружев и соломенных плетений, в которых еще вовсе не применяются машины или которые конкурируют с машинным и мануфактурным производством.

Из тех 150000 человек, которые заняты в кружевном производстве Англии, примерно на 10000 распространяется действие фабричного акта 1861 года. Подавляющее большинство остальных 140000 — женщины, подростки и дети обоего пола, причем мужской пол представлен лишь очень слабо. Состояние здоровья этого «дешевого» материала эксплуатации видно из следующей сводки д-ра Трумэна, врача при общей поликлинике для бедных в Ноттингеме. Из 686 пациентов, кружевниц, по большей части в возрасте 17—24 лет, чахоточных было[258]:

1852 г.	1	на	45	1857 г.	1	на	13
1853 »	1	»	28	1858 »	1	»	15
1854 »	1	»	17	1859 »	1	»	9
1855 »	1	»	18	1860 »	1	»	8
1856 »	1	»	15	1861 »	1	»	8

Это прогрессивное возрастание процента чахоточных должно удовлетворить и наиболее оптимистических прогрессистов, и лживых немецких разносчиков теории свободной торговли.

Фабричный акт 1861 г. регулирует собственно изготовление кружев, поскольку оно производится машинами, а это является общим правилом для Англии. Отрасли, на которых мы здесь останавливаемся вкратце, — и притом лишь по отношению к так называемым домашним рабочим, а не к тем, которые концентрируются в мануфактурах, магазинах и т. д., — распадаются: 1) на lace finishing (окончательная отделка кружев, изготовляемых машинным способом; эта категория, в свою очередь, охватывает многочисленные подразделения); 2) вязание кружев.

Lace finishing производится в форме работы на дому, либо в так называемых «mistresses houses» [«домах хозяек»], либо в частных квартирах женщин, которые работают одни или со своими детьми. Женщины, которые содержат «mistresses houses», сами бедны. Мастерская образует часть их собственной квартиры. Они получают заказы от фабрикантов, владельцев магазинов и т. д. и нанимают женщин, девушек и маленьких детей в количестве, соответствующем размеру их комнаты и колебаниям спроса в данной отрасли промышленности. Число

[258] «Children's Employment Commission. 2nd Report», p. XXII, № 166.

занятых работниц изменяется от 20 до 40 в одних из этих мастерских и от 10 до 20 в других. Средний минимальный возраст, в котором дети начинают работать, — 6 лет, однако некоторые начинают работать даже в возрасте до 5 лет. Рабочее время обыкновенно продолжается от 8 часов утра до 8 часов вечера с $1^1/_2$-часовым перерывом для принятия пищи, которое совершается нерегулярно и часто в той же зловонной рабочей дыре. При хорошем состоянии дел работа часто продолжается с 8 (иногда с 6) часов утра до 10, 11 или 12 часов ночи. В английских казармах на каждого солдата полагается 500—600 кубических футов, в военных лазаретах — 1200. А в этих рабочих дырах приходится 67—100 кубических футов на человека. В то же время газовое освещение поглощает кислород воздуха. Чтобы держать кружева в чистоте, дети часто должны снимать башмаки, даже зимой, хотя пол сделан из каменных плит или кирпича.

«В Ноттингеме можно нередко увидеть 15—20 детей, набитых в одну маленькую комнату, быть может не более 12 футов в длину и ширину, занятых по 15 часов в сутки работой, которая и сама по себе изнуряет тоскливостью и монотонностью, да и ведется при таких антисанитарных условиях, какие только можно представить... Даже самые маленькие дети работают с напряженным вниманием и скоростью, вызывающими удивление, и почти никогда не позволяют своим пальцам отдохнуть или двигаться помедленнее. Если к ним обращаются с вопросом, они не отрывают глаз от работы, боясь потерять хотя бы одну секунду».

«Длинная палка» служит для «mistresses» средством подгонять детей тем больше, чем больше удлиняется рабочее время.

«Дети мало-помалу утомляются и становятся неспокойными, как птицы, к концу того длинного времени, на которое они привязаны к своей работе, монотонной, вредной для глаз, утомительной вследствие отсутствия перемен в положении тела... Это — настоящий рабский труд» («Their work is like slavery»)[259].

Где женщины работают вместе со своими собственными детьми у себя на дому, т. е. в современном смысле в комнате, которую они снимают, часто на чердаке, положение еще хуже, если оно вообще может быть хуже. Этого рода работа раздается на 80 миль вокруг Ноттингема. Когда ребенок, работающий в магазине, уходит из него в 9 или 10 часов вечера, на дорогу ему часто дают еще целый узел для работы на дому. Капиталистический фарисей, в лице одного из своих наемных холопов, конечно, произносит при этом елейную фразу: «это для матери»,

[259] «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, p. XIX, XX, XXI.

хотя очень хорошо знает, что бедный ребенок должен будет засесть и помогать матери[260].

Кружевная промышленность распространена преимущественно в двух земледельческих округах Англии — в кружевном округе Хонитона, охватывающем полосу в 20—30 миль вдоль южного побережья Девоншира и отдельные места Северного Девона, и в другом округе, который охватывает значительную часть графств Бакингем, Бедфорд, Нортгемптон и соседние части Оксфордшира и Хантингдоншира. Коттеджи батраков служат обычно и мастерскими. Некоторые владельцы мануфактур применяют более 3000 таких домашних рабочих, преимущественно детей и подростков, исключительно женского пола. Здесь снова наблюдаются условия, описанные в связи с lace finishing. Разница лишь в том, что вместо «mistresses houses» выступают так называемые «lace schools» («школы вязанья кружев»), которые содержатся бедными женщинами в их хижинах. С 5-летнего возраста, иногда даже раньше, и до 12—15-летнего работают дети в этих школах — в первый год самые маленькие по 4—8 часов, впоследствии с 6 часов утра до 8—10 часов вечера.

«Как правило, комнаты — обычные жилые помещения маленьких коттеджей, камин законопачен в целях предотвращения сквозняка, обитатели иногда и зимой согреваются только своей собственной теплотой. В других случаях так называемые школьные комнаты — это помещения, похожие на маленькие чуланы, без отопления... Переполнение этих лачуг и вызываемая этим порча воздуха часто достигают крайней степени. К этому присоединяется вредное влияние стоков, отхожих мест, разлагающихся веществ и другой грязи, что обычно бывает возле маленьких коттеджей». Относительно помещений: «В одной школе вязанья кружев 18 девушек и мастерица, 33 кубических фута на каждого человека; в другой, где вонь невыносима, 18 человек, по $24^1/_2$ кубических фута на человека. На работе в этом производстве встречаются дети 2—$2^1/_2$ лет»[261].

Там, где в сельских графствах Бакингема и Бедфорда нет вязанья кружев, начинается плетение из соломы. Оно распространяется на значительную часть Хартфордшира и западные и северные части Эссекса. В 1861 г. в производстве соломенных плетений и соломенных шляп было занято 48043 человека, из них 3815 мужского пола всех возрастов, остальные — женского пола, в частности 14913 до 20 лет, в том числе около 7000 детей. Вместо школ вязанья кружев здесь появляются «straw plait schools» («школы плетения из соломы»). Дети

[260] «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, p. XXI, XXII.
[261] Там же, p. XXIX, XXX.

начинают обучаться в них соломоплетению обыкновенно с 4 лет, иногда в возрасте между 3 и 4 годами. Воспитания они, конечно, не получают никакого. Начальные школы сами дети называют «natural schools» («настоящими школами») в отличие от этих учреждений-кровопийц, в которых их держат за работой просто для того, чтобы выполнить задание, которое им дают их полуголодные матери, — в большинстве случаев 30 ярдов в день. Эти же матери потом часто заставляют детей работать еще дома до 10, 11, 12 часов ночи. Солома режет им пальцы и рот, так как они постоянно смачивают ее слюной. Согласно общему мнению медицинских инспекторов Лондона, резюмированному д-ром Баллардом, 300 кубических футов на человека представляют минимум для спален и мастерских. Между тем в школах плетения из соломы помещение еще теснее, чем в школах вязанья кружев: $12^2/_3$, 17, $18^1/_2$ и меньше 22 кубических футов на человека.

«Меньшие из этих цифр», — говорит член комиссии Уайт, — «представляют помещение меньше половины того пространства, которое занял бы ребенок, упакованный в ящик, имеющий по 3 фута по всем трем измерениям».

Такую радость жизни допытывают дети до 12—14-летнего возраста. Бедные, опустившиеся родители только и думают о том, как бы побольше выколотить из своих детей. Выросши, дети, естественно, не ставят родителей ни в грош и оставляют их.

«Неудивительно, что невежество и пороки характеризуют это население, получающее воспитание такого рода... Его нравственность стоит на самой низкой ступени... Значительное число женщин имеет незаконных детей, причем многие из них становятся матерями в таком незрелом возрасте, что поражаются даже люди, наиболее осведомленные в вопросах уголовной статистики»[262].

И родина этих образцовых семей — образцовая христианская страна Европы, как говорит граф Монталамбер, несомненно компетентный в христианстве!

Заработная плата, вообще жалкая в только что описанных отраслях промышленности (представляющая исключение максимальная плата детей в школах плетения из соломы составляет 3 шилл.), понижается еще ниже своей номинальной величины вследствие truck-system [системы оплаты труда товарами], получившей всеобщее распространение в особенности в округах с кружевным производством[263].

---

[262] «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, p. XL, XLI.
[263] «Children's Employment Commission, 1st Report», 1863, p. 185.

е) ПЕРЕХОД СОВРЕМЕННОЙ МАНУФАКТУРЫ И РАБОТЫ НА ДОМУ В КРУПНУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. УСКОРЕНИЕ ЭТОЙ РЕВОЛЮЦИИ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ФАБРИЧНЫХ ЗАКОНОВ НА СОВРЕМЕННУЮ МАНУФАКТУРУ И РАБОТУ НА ДОМУ

Удешевление рабочей силы путем простого злоупотребления рабочей силой женщин и малолетних, путем простого лишения труда всех тех условий, при которых труд и жизнь могут протекать нормально, путем жестокости чрезмерного и ночного труда в конце концов наталкивается на известные естественные границы, которые невозможно преступить, а вместе с тем на эти границы наталкиваются покоящееся на таких основаниях удешевление товаров и капиталистическая эксплуатация вообще. Когда этот пункт, наконец, достигается, — а до этого проходит долгое время, — наступает пора введения машин и быстрого с этого момента превращения раздробленной работы на дому (а также мануфактуры) в фабричное производство.

Самый яркий пример этого движения дает производство «wearing apparel» (предметов одежды). По классификации Комиссии по обследованию условий детского труда, эта отрасль промышленности охватывает производителей соломенных и дамских шляп и колпаков, портных, milliners и dressmakers[264)], белошвеек и швей, корсетниц, перчаточников, башмачников и кроме того многие мелкие отрасли, как, например, производство галстуков, воротничков и т. д. Женский персонал,занятый в этих отраслях промышленности Англии и Уэльса, составлял в 1861 г. 586298 чел., в том числе по меньшей мере 115242 моложе 20 лет, 16560 моложе 15 лет. Число этих работниц в Соединенном королевстве (1861 г.) — 750334. Мужчин, занятых в том же году в шляпном, башмачном, перчаточном и швейном производстве Англии и Уэльса, было 437969, в том числе 14964 моложе 15 лет, 89285 от 15 до 20 лет, 333117 старше 20 лет. В этих данных не учтены многие относящиеся сюда более мелкие отрасли. Но если мы возьмем приведенные сейчас цифры, как они есть, то для одних только Англии и Уэльса по переписи 1861 г. получается общая сумма в 1024267 человек, т. е. почти столько же, сколько занято в земледелии и животноводстве. Начинаешь понимать, для чего машины производят такую чудовищную массу продуктов и таким образом содействуют «высвобождению» столь огромных масс рабочих.

[264)] Millinery — производство собственно головных уборов, а также и дамских накидок и мантилий, dressmakers тождественны с нашими модистками.

Производство «wearing apparel» ведется мануфактурами, лишь воспроизводящими у себя то разделение труда, membra disjecta [разрозненные члены][150] которого они находят уже готовыми; ведется мелкими ремесленными мастерами, которые, однако, работают уже не на индивидуальных потребителей, как раньше, а на мануфактуры и магазины, так что часто целые города и местности специализируются по таким отраслям производства, как, например, сапожное дело и т. д., наконец, и больше всего, это производство ведется так называемыми домашними рабочими, которые образуют внешние отделения мануфактур, магазинов и даже сравнительно мелких мастеров[265)]. Массы предметов труда, сырья, полуфабрикатов и т. д. доставляет крупная промышленность, масса же дешевого человеческого материала (taillable a merci et misericorde [отданного на милость и гнев]) состоит из «высвобожденных» крупной промышленностью и земледелием. Мануфактуры этой сферы производства обязаны своим возникновением преимущественно потребности капиталистов иметь под рукой готовую армию, которая соответствовала бы всякому движению спроса[266)]. Однако эти мануфактуры допускали рядом с собой дальнейшее существование раздробленного ремесленного производства и домашнего производства в качестве своего широкого основания. Крупные масштабы производства прибавочной стоимости в этих отраслях труда и в то же время возрастающее удешевление производимых ими товаров обусловливались и обусловливаются преимущественно минимальными размерами заработной платы, достаточной лишь для жалкого прозябания, и той максимальной продолжительностью рабочего времени, которую только может выдержать человеческий организм. Именно дешевизна человеческого пота и человеческой крови, превращаемых в товары, — вот что постоянно расширяло и каждый день расширяет рынок сбыта, для Англии в частности и колониальный рынок, на котором к тому же преобладают английские привычки и вкус. Наконец, наступил критический пункт. Основа старого метода, просто грубая эксплуатация рабочего материала, в большей или меньшей мере сопровождавшаяся систематически развитым разделением труда, оказалась уже недостаточной при возрастании рынка и еще более быстром

[265)] Английские millinery и dressmaking ведутся обыкновенно в помещениях предпринимателей отчасти живущими в них наемными работницами, отчасти живущими на стороне поденщицами.

[266)] Член комиссии Уайт посетил одну мануфактуру военного платья, на которой было занято 1000—1200 человек, почти все женского пола, одну сапожную мануфактуру с 1300 рабочих, из которых почти половина дети и подростки, в т. д. («Children's Employment Commission. 2nd Report», p, XLVII, № 319).

росте конкуренции между капиталистами. Наступила пора машины. И машиной, которая сыграла решающую революционную роль, машиной, которая в одинаковой мере охватила все бесчисленные отрасли этой сферы производства, как например, производство модных товаров, портняжный, сапожный, швейный, шляпный промыслы и т. д., — была швейная машина.

Ее непосредственное действие на рабочих приблизительно такое же, как всех машин вообще, впервые захватывающих в период крупной промышленности новые отрасли производства. Самые малолетние дети устраняются. Заработная плата машинных рабочих повышается по сравнению с заработной платой домашних рабочих, многие из которых принадлежат к числу «беднейших из бедных» («the poorest of the poor»). Заработок находившихся в сравнительно лучшем положении ремесленников, с которыми начинает конкурировать машина, понижается. Новые машинные рабочие — исключительно девушки и молодые женщины. При содействии механической силы они уничтожают монополию мужского труда на более тяжелых работах и вытесняют массы старых женщин и малолетних детей из области более легких работ. Очень сильная конкуренция убивает наиболее слабых рабочих, выполняющих ручную работу. Ужасающий рост числа случаев голодной смерти (death from starvation) в Лондоне за последнее десятилетие идет параллельно с распространением машинного шитья[267)]. Новые работницы, работающие на швейной машине, которую они приводят в движение рукой и ногой или только рукой, сидя или стоя, в зависимости от тяжести, размеров и характера машины, должны производить большую затрату рабочей силы. Их работа становится вредной для здоровья вследствие продолжительности процесса, хотя обыкновенно он короче, чем при старой системе. Повсюду, где швейная машина, например при производстве обуви, корсетов, шляп и т. д., вторгается в тесные и без того переполненные мастерские, она усиливает вредные для здоровья влияния.

«Ощущение», — говорит член комиссии Лорд, — «которое испытываешь при входе в мастерские с низким потолком, в которых одновременно работает у машин по 30—40 человек, невыносимо... Жара, отчасти вызываемая газовыми печами для разогревания утюгов, ужасна. Даже в тех случаях, когда в таких мастерских установлено так называемое

[267)] Вот пример: 26 февраля 1864 г. в недельном отчете генерального регистратора[151] о смертности приводится 5 случаев голодной смерти. В тот же день «Times» сообщает о новом случае голодной смерти. Шесть жертв голодной смерти в одну неделю!

умеренное рабочее время, т. е. с 8 часов утра до 6 часов вечера, каждый день обычно 3—4 человека падают в обморок»[268].

Переворот в общественном способе производства, этот необходимый продукт преобразования средства производства, протекает среди пестрого хаоса переходных форм. Они изменяются в зависимости от того, в какой мере и насколько давно швейная машина уже захватила ту или иную отрасль промышленности, в зависимости от положения, в каком перед тем находились рабочие, от того, преобладало ли мануфактурное, ремесленное или домашнее производство, от платы за аренду мастерских и т. д.[269] Например, в производстве модных товаров, где труд по большей части уже был организован преимущественно в форме простой кооперации, швейная машина образует поначалу лишь новый фактор мануфактурного производства. В портняжном промысле, производстве сорочек, обуви и т. д. перекрещиваются все формы. Здесь — собственно фабричное производство. Там — посредники получают от капиталиста en chef [главного] сырой материал и группируют в «каморках» и «мансардах» по 10—50 и более наемных рабочих при швейных машинах. Наконец, как это вообще бывает со всеми машинами, поскольку они не образуют расчлененной системы и могут применяться в карликовых размерах, ремесленники или домашние рабочие, при помощи своей семьи или немногих посторонних рабочих, применяют принадлежащие им самим швейные машины[270]. В Англии в настоящее время фактически преобладает такая система, при которой капиталист концентрирует в своих помещениях значительное число швейных машин, а для дальнейшей обработки распределяет машинный продукт между целой армией домашних рабочих[271]. Пестрота переходных форм не скрывает, однако, тенденции к превращению в собственно фабричное производство. Тенденция эта питается: самым характером швейной машины, разнообразие способов применения которой толкает к соединению разделенных ранее отраслей производства в одном помещении, под командой одного капитала; далее, тем обстоятельством, что предварительное сшивание и некоторые другие опе-

[268] «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, p. LXVII, №,№ 406 — 409; p. 84, № 124; p. LXXIII, № 441; p. 68, № 6; p. 84, № 126; p. 78, № 85; p. 76, № 69; p. LXXII, № 438.

[269] «Арендная плата за рабочие помещения является, по-видимому, тем обстоятельством, которое — в особенности в столицах — в конечном счете имело определяющее значение в том смысле, что старая система раздачи работы мелким предпринимателям и семьям удерживалась дольше всего и восстанавливалась быстрее всего» (там же, стр. 83, № 123). Последняя фраза относится исключительно к сапожному ремеслу.

[270] Этого нет в перчаточном и т. п. производствах, в которых положение рабочих едва отличается от положения пауперов.

[271] «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, p. 83, № 122.

рации целесообразнее всего производить там, где находится машина; наконец, неизбежной экспроприацией ремесленников и домашних рабочих, которые работают при помощи собственной машины. Эта судьба постигла их отчасти уже теперь. Постоянный рост массы капитала, вложенного в швейные машины[272)], служит стимулом для расширения производства и порождает на рынке застои, которые заставляют домашних рабочих продавать свои швейные машины. Перепроизводство самих швейных машин побуждает производителей, нуждающихся в сбыте, отдавать их напрокат на недельный срок и таким образом создает смертельную конкуренцию для мелких собственников машин[273)]. Постоянно продолжающиеся изменения в конструкции машин и их удешевление столь же постоянно обесценивают старые экземпляры, вследствие чего прибыльно применять последние могут только крупные капиталисты, покупающие их массами по баснословно низким ценам. Наконец, как и во всех подобных процессах переворота, решающее значение и здесь принадлежит замене человека паровой машиной. Применение паровой силы наталкивается вначале на такие чисто технические препятствия, как сотрясение машин, затруднение в регулировании их скорости, быстрая порча более легких машин и т. д., — все препятствия, с которыми практика скоро научает справляться[274)]. Если, с одной стороны, концентрация многих рабочих машин в сравнительно крупных мануфактурах побуждает к применению силы пара, то, с другой стороны, конкуренция пара с мускулами человека ускоряет концентрацию рабочего персонала и рабочих машин на больших фабриках. Так, например, в Англии колоссальные сферы производства «wearing apparel», равно как и большая часть других производств, переживают в настоящее время революцию перехода мануфактуры, ремесла и работы на дому в фабричное производство, но еще раньше этого перехода все упомянутые формы под воздействием крупной промышленности совершенно изменились, разложились, получили искаженный облик и давным-давно воспроизвели и даже превзошли всю чудовищность фабричной системы, не усвоив ее положительных моментов[275)].

---

272) В Лестере, в одном сапожно-башмачном производстве, работающем на оптовую продажу, уже в 1864 г. применялось 800 швейных машин.

273) «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, p. 84, № 124.

274) Например, в военно-обмундировочном депо в Пимлико, Лондон, на фабрике сорочек Тилли и Хендерсон в Лондондерри, на фабрике платья фирмы Тейт в Лимерике, применяющей до 1200 рабочих.

275) «Тенденция к фабричной системе» («Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, p. LXVII). «Все производство находится в настоящее время в переходном состоянии и подвергается таким же переменам, как совершившиеся в кружевном производстве, ткацком и т. д.» (там же, № 405). «Полная революция» (там же,

Эта стихийно совершающаяся промышленная революция искусственно ускоряется распространением фабричных законов на все отрасли промышленности, в которых работают женщины, подростки и дети. Принудительное регулирование продолжительности рабочего дня, перерывов, момента начала и окончания рабочего дня, система смен для детей, исключение всех детей до известного возраста и т. д. побуждают к усиленному применению машин[276)] и к замене мускулов, как двигательной силы, паром[277)]. С другой стороны, стремление выиграть на помещении то, что теряется на времени, ведет к количественному расширению сообща используемых средств производства, — печей, зданий и т. д., — одним словом, усиливается концентрация средств производства и в соответствии с этим сосредоточение рабочих. Каждый раз, когда мануфактуре угрожает применение фабричного закона, страстно повторяется в сущности одно и то же главное возражение: необходима будет затрата большего капитала для того, чтобы при подчинении фабричному закону продолжать дело в старых размерах. Что касается форм, промежуточных между мануфактурой и работой на дому, и самой работы на дому, то с ограничением рабочего дня и детского труда они утрачивают почву. Безграничная эксплуатация дешевой рабочей силы составляет единственную основу их конкурентоспособности.

Существенным условием фабричного производства, в особенности с того времени, как на него распространилось регулирование рабочего дня, является обеспеченность нормального результата, т. е. уверенность в том, что в данный промежуток времени будет произведено определенное количество товара или достигнут намеченный полезный эффект. Далее, установленные законом перерывы регулируемого рабочего дня пред-

---

стр. XLVI, № 318). В эпоху Комиссии по обследованию условий детского труда 1840 г. чулочновязальное производство оставалось еще ручным. С 1846 г. вводятся разнообразные машины, которые в настоящее время приводятся в движение паром. Общее число лиц обоего пола и различных возрастов, начиная с 3-летнего, занятых в английском чулочновязальном производстве, составляло в 1862 г. около 120000. Из этого числа, согласно парламентскому отчету от 11 февраля[152] в 1862 г. действие фабричного акта распространялось всего лишь на 4063 человека.

[276)] Так, например, относительно гончарного производства фирма Кокрен «Britannia Pottery, Glasgow» сообщает: «Чтобы сохранить прежние размеры производства, мы прибегли к усиленному применению машин, при которых работают неквалифицированные рабочие, и каждый день мы убеждаемся в том, что можем производить большее количество продукта, чем при старом методе» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 13). «Фабричный акт действует таким образом, что побуждает к дальнейшему введению машин» (там же, стр. 13, 14).

[277)] Так, например, после распространения фабричного акта на гончарное производство наблюдается большое увеличение числа power jiggers [механических гончарных кругов] взамен handmoved jiggers [ручных гончарных кругов].

полагают, что внезапные и периодические остановки труда возможны без ущерба для продукта, находящегося в процессе производства. Эта обеспеченность результата и возможность прерывать труд, разумеется, легче осуществимы в чисто механических производствах, чем в таких, в которых известную роль играют химические и физические процессы, как, например, в гончарном, белильном, красильном, пекарном промыслах, в большинстве металлообрабатывающих мануфактур. Там, где господствует рутина неограниченного рабочего дня, ночного труда и свободного расточения человеческих сил, во всяком стихийном препятствии скоро начинают видеть вечную «естественную границу» производства. Никакой яд не уничтожает вредных насекомых основательнее, чем фабричный закон уничтожает такие «естественные границы». Никто громче господ из гончарного промысла но кричал о «невозможностях». В 1864 г. им был октроирован фабричный закон, и уже через 16 месяцев исчезли все невозможности.

Вызванные фабричным законом «усовершенствованные методы приготовления гончарной массы (slip) посредством прессовки вместо просушки, новая конструкция печей для просушивания необожженного товара и т. д. — все это события великой важности для гончарного искусства, означающие такой прогресс, равного которому нельзя указать за последнее столетие. Температура печей значительно понижена при значительном сокращении потребления угля и более быстром действии на товар»[278)].

Вопреки всем пророчествам повысились не издержки производства гончарных товаров, а масса продукта, так что вывоз за 12 месяцев, с декабря 1864 г. по декабрь 1865 г., дал по стоимости превышение в 138628 ф. ст. над средней величиной вывозя за три предыдущих года. В производстве зажигательных спичек считалось законом природы, что подростки, даже в то время, когда они проглатывали обед, должны были окунать спички в теплый фосфорный состав, ядовитые пары которого били им в лицо. Принудив экономить время, фабричный акт (1864 г.) заставил ввести «dipping machine» (макальную машину), от которой пары не могут доходить до рабочего[279)]. Точно так же относительно тех отраслей кружевной мануфактуры, которые еще не подчинены фабричному закону, в настоящее время утверждают, будто время для принятия пищи не может

[278)]) «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 96, 127.

[279)] Введение этой и других машин на спичечной фабрике вызвало в одном ее отделении замещение 230 подростков 32 юношами и девушками 14—17 лет. Эта экономия на числе рабочих в 1865 г. была проведена еще дальше посредством применения паровой силы.

быть здесь регулярным, так как различные материалы для кружев требуют на просушку неодинакового времени, которое колеблется от 3 минут до одного часа и больше. На это члены Комиссии по обследованию условий детского труда отвечают:

«Условия здесь такие же, как в печатании обоев. Некоторые из главных фабрикантов в этой отрасли энергично настаивали на том, что характер применяемых материалов и разнородность процессов, через которые эти материалы проходят, не позволяют производить внезапные перерывы работ для принятия пищи, поскольку-де это должно привести к большим потерям... Согласно пункту шестому раздела шестого закона о расширении сферы действия фабричных актов» (1864 г.), «они обязаны лишь по истечении 18-месячного срока со времени издания этого закона ввести перерывы для отдыха, установленные фабричным актом»[280].

Едва только закон был санкционирован парламентом, как господа фабриканты уже открыли:

«Неудобства, которых мы ожидали от проведения фабричного закона, не наступили. Мы не находим, чтобы производство сколько-нибудь было затруднено. В действительности, в течение того же времени мы производим больше»[281].

Таким образом, английский парламент, которого никто не упрекнет в гениальности, опытным путем пришел к убеждению, что принудительный закон простым предписанием может устранить все так называемые естественные препятствия, которые производство будто бы ставит ограничению и регулированию рабочего дня. Поэтому при введении фабричного акта в известной отрасли промышленности назначается срок от 6 до 18 месяцев, и уже дело фабриканта позаботиться о том, чтобы за это время были устранены технические препятствия. Слова Мирабо: «Impossible? Ne me dites jamais ce bete de mot!» [«Невозможно? Никогда не говорите мне этого глупого слова!»], приобретают особенное значение для современной технологии. Но если фабричный закон быстро, как бы в теплице, выращивает материальные элементы, необходимые для превращения мануфактурного производства в фабричное, то, вместе с тем, создавая необходимость увеличения затрат капитала, он ускоряет гибель более мелких предпринимателей и концентрацию капитала[282].

---

[280] «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, p. IX, № 50.

[281] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 22.

[282] «Необходимые усовершенствования... не могут быть введены во многих старых мануфактурах, если не осуществить затраты напитала, превышающие средства многих теперешних владельцев... Преходящая дезорга-

Если оставить в стороне чисто технические и технически устранимые препятствия, то регулирование рабочего дня наталкивается на беспорядочные привычки самих рабочих, в особенности там, где господствует сдельная плата и прогул некоторой доли дня или недели может быть восполнен последующим сверхурочным или ночным трудом — метод, отупляющий взрослого рабочего и разрушительно действующий на его товарищей из числа малолетних и женщин[283]. Хотя эта беспорядочность в расходовании рабочей силы представляет собой естественную грубую реакцию против скуки монотонного мучительного труда, однако в несравненно большей степени она вытекает из анархии самого производства, которая, в свою очередь, предполагает необузданную эксплуатацию рабочей силы капиталом. Наряду с общими периодическими сменами фаз промышленного цикла и особыми колебаниями рынка и каждой отрасли производства на сцену выступает так называемый сезон и внезапность больших заказов, которые необходимо выполнить в самое короткое время, причем не имеет значения, обусловливаются ли эти сезонные работы периодичностью времен года, благоприятных для судоходства, или же модой. Внезапные заказы делаются тем обычнее, чем более распространяются железные дороги и телеграф.

«Распространение железнодорожной системы по всей стране», — говорит, например, один лондонский фабрикант, — «сильно благоприятствовало обычаю краткосрочных заказов; покупатели из Глазго, Манчестера и Эдинбурга приезжают теперь для оптовых покупок примерно один раз в 2 недели в крупные торговые дома Сити, которым мы поставляем товары. Вместо того чтобы покупать со склада, как то было в обычае раньше, они дают заказы, которые должны быть выполнены немедленно. В прежние годы мы всегда могли во время слабого спроса работать наперед, для удовлетворения спроса следующего сезона, но теперь никто не может предсказать, на что же будет спрос»[284].

низация необходимо сопровождает введение фабричного акта. Размеры этой дезорганизации прямо пропорциональны размерам тех зол, которые должен устранить фабричный закон» (там же, стр. 96, 97).

[283] У доменных печей, например, «к концу недели продолжительность работы обыкновенно сильно увеличивается вследствие привычки рабочих понедельничать, а иногда не работать и часть вторника или даже весь вторник» («Children's Employment Commission. 3rd Report», p. VI). «Часы работы у мелких мастеров обыкновенно очень нерегулярны. Они теряют дня 2—3, а потом, чтобы наверстать это, работают целую ночь... Они всегда заставляют работать своих детей, если у них есть таковые» (там же, стр. VII). «Отсутствие регулярности в приходе на работу поощряется возможностью и практикой наверстывать это увеличением числа часов работы» (там же, стр. XVIII). «Огромная потеря времени в Бирмингеме... безделье в течение одной части времени, каторжный труд до изнеможения — в другой» (там же, стр. XI).

[284] «Children's Employment Commission. 4th Report», p. XXXII. «Расширение железнодорожной системы, говорят, сильно содействовало этому обычаю внезапных заказов и имело своим последствием спешку, пренебрежение часами на еду и работу допоздна» (там же, стр. XXXI).

На фабриках и мануфактурах, еще не подчиненных фабричному закону, господствует ужасающий чрезмерный труд периодически — во время так называемых сезонов, и в неопределенные моменты — вследствие внезапных заказов. Во внешнем отделении фабрики, мануфактуры и магазина — в сфере работы на дому, и без того совершенно нерегулярной, находящейся в отношении сырого материала и заказов в полной зависимости от произвола капиталиста, который не связан здесь никакими соображениями об использовании помещений, машин и т. д. и ничем не рискует, кроме шкуры самих рабочих, — в этом внешнем отделении систематически выращивается таким образом промышленная резервная армия, которая постоянно готова к услугам капиталиста, которая в одну часть года губится вследствие самого нечеловеческого каторжного труда, а в другую часть года низводится до босяцкого положения из-за отсутствия работы.

«Предприниматели», — отмечает Комиссия по обследованию условий детского труда, — «эксплуатируют вошедшую в привычку нерегулярность работы на дому, чтобы во времена, когда выполняются экстренные работы, растягивать ее до 11, 12, 2 часов ночи, или, как гласит ходячая фраза, до любого часа, и это — в помещениях, «где вонь такая, что вы можете свалиться с ног» (the stench is enough to knock you down), Может быть, вы дойдете до двери и откроете ее, но вы не решитесь пройти дальше»[285]. «Странные люди наши предприниматели», — говорит один из опрошенных свидетелей, сапожник, — «они думают, будто подростку не причиняют никакого вреда, если одну половину года его истязают убийственным трудом, а другую половину года вынуждают бродить почти совершенно без дела»[286].

Как о технических препятствиях, так и об этих так называемых «торговых обычаях» («usages which have grown with the growth of trade») заинтересованные капиталисты говорили и говорят как о «естественных границах» производства, — излюбленная ламентация хлопчатобумажных лордов в ту эпоху, когда им впервые начал угрожать фабричный закон. Хотя их промышленность более, чем всякая другая, опирается на мировой рынок, а потому и на судоходство, однако опыт изобличил их во лжи. С тех пор английские фабричные инспектора относятся к «торговым препятствиям» как к пустой отговорке[287]. В самом деле, основательные и добросовестные

[285] «Children's Employment Commission. 4th Report», p. XXXV, № 235, №237.

[286] Там же, стр. 127, № 56.

[287] «Что касается торговых убытков от неисполнения в надлежащий срок заказов на товары, подлежащие морской перевозке, то я припоминаю, что это было излюбленным аргументом фабричных предпринимателей в 1832 и 1833 годах. Все, что можно сказать теперь по этому поводу, не имеет такой силы, как в то время, когда пар еще не сократил вдвое всех расстояний и не создал новых средств для перевозки. И в то время этот аргумент оказывался несостоятельным при проверке его на практике, а теперь он и совсем не выдержит испытания» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», p. 54, 55).

работы Комиссии по обследованию условий детского труда доказывают, что в некоторых отраслях промышленности регулирование рабочего дня лишь равномернее распределило бы на весь год ту массу труда, которая уже применяется в них[288)]; что оно послужило бы первой рациональной уздой для человекоубийственных, бессмысленных и по существу не согласующихся с системой крупной промышленности ветреных капризов моды[289)]; что развитие океанского судоходства и средств сообщения вообще устранило собственно техническое основание сезонной работы[290)]; что все другие будто бы не поддающиеся контролю условия устраняются расширением помещений, дополнительными машинами, увеличением числа одновременно запятых рабочих[291)] и обратным влиянием всех этих изменений на систему оптовой торговли[292)]. Однако капитал, как он неоднократно заявлял устами своих представителей, соглашается на такой переворот «лишь под давлением общего парламентского акта»[293)], который регулирует рабочий день в принудительно-законодательном порядке.

[288)] «Children's Employment Commission. 3rd Report», p. XVIII, № 118.

[289)] Уже в 1699 г. Джон Беллерс отмечает: «Непостоянство мод необходимо увеличивает число бедных. В нем два великих зла: 1) рабочие бедствуют зимой от недостатка работы, торговцы тканями и предприниматели-ткачи не рискуют затрачивать свои капиталы, чтобы поддержать рабочих заработком, пока не наступит весна и не выяснится, какова мода; 2) весной число рабочих оказывается недостаточным, и хозяева-ткачи должны привлекать многочисленных учеников, чтобы обеспечить торговлю страны на квартал или на половину года; это отнимает рабочие руки от земледелия, лишает деревню работников и в огромной степени переполняет города нищими; зимой те, кому совестно нищенствовать, умирают от голода» («Essays about the Poor, Manufactures etc.», p. 9).

[290)] «Children's Employment Commission. 5th Report», p. 171, № 34.

[291)] Так, например, в свидетельских показаниях экспортных торговцев Брадфорда говорится: «При таких обстоятельствах ясно, что нет нужды заставлять детей работать в магазинах дольше, чем с 8 часов утра до 7 или $7^1/_2$ часов вечера. Это — вопрос исключительно добавочных затрат и добавочных рабочих рук. (Детям не приходилось бы работать до такой поздней ночи, если бы некоторые предприниматели не были так жадны на прибыль; добавочная машина стоит всего 16—18 ф. ст.)... Все трудности происходят от недостаточности приспособлений и помещения» (там же, стр. 171, № 35, 36 и 38).

[292)] Там же. Вот показание одного лондонского фабриканта, который в принудительном урегулировании рабочего дня видит средство защиты рабочих против фабрикантов и самих фабрикантов против оптовой торговли. «Давление на нашу отрасль оказывают экспортеры, которые намерены, например, отправить товары на парусном судне; они к началу определенного сезона хотят быть на месте — и в то же время положить в свои карманы разницу по фрахту между парусным и паровым судами- или же из двух пароходов они выбирают более ранний, чтобы появиться на иностранном рынке раньше своих конкурентов».

[293)] «Этого», — говорит один фабрикант, — «можно было бы избежать ценой расширения производства под давлением общего парламентского акта» (там же, стр. X. № 38).

9. ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО (ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ОХРАНЕ ЗДОРОВЬЯ И ВОСПИТАНИИ). ВСЕОБЩЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕГО В АНГЛИИ

Фабричное законодательство, это первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй его процесса производства, представляет собой, как мы видели, столь же необходимый продукт крупной промышленности, как хлопчатобумажная пряжа, сельфакторы и электрический телеграф. Прежде чем говорить о всеобщем распространении фабричного законодательства в Англии, необходимо кратко упомянуть о некоторых его положениях, не касающихся числа часов рабочего дня.

Положения об охране здоровья, не говоря уже об их редакции, облегчающей для капиталиста их обход, чрезвычайно скудны и фактически ограничиваются предписаниями о побелке стен и некоторыми другими правилами о мерах поддержания чистоты, о вентиляции и защите от опасных машин. В третьей книге мы возвратимся к фанатической борьбе фабрикантов против положения, которым на них были возложены небольшие расходы с целью предохранить от увечья руки и ноги рабочих. Здесь снова нашел себе блестящее подтверждение тот догмат фритредеров, что в обществе с антагонистическими интересами каждый, стремясь к своей собственной пользе, тем самым содействует общему благу. Одного примера будет достаточно. Известно, что в течение последних двадцати лет в Ирландии сильно расширилась льняная промышленность, а вместе с ней и scutching mills (льнотрепальные фабрики). В 1864 г. там существовало до 1800 этих mills. Осенью и зимой периодически отрываются от полевых работ, чтобы подавать лен в вальцовые машины scutching mills, совершенно не знакомые с машинами люди, главным образом подростки и женщины, сыновья, дочери и жены соседних мелких фермеров. Несчастные случаи, совершающиеся здесь, по количеству и интенсивности совершенно беспримерны в истории машин. На одной-единственной scutching mill в Килдинане (близ Корка) с 1852 по 1856 г. имели место 6 смертных случаев и 60 тяжких увечий, — и все их можно было бы предотвратить при помощи самых простых приспособлений стоимостью в несколько шиллингов. Д-р Уайт, certifying surgeon [официальный врач] фабрик в Даунпатрике, заявляет в официальном отчете от 16 декабря 1865 года:

«Несчастные случаи на scutching mills носят ужасающий характер. Во многих случаях отрывается четвертая часть тела. Смерть или будущее, полное жалкой беспомощности и страданий, — вот обычные последствия

увечий. Увеличение количества фабрик в стране, конечно, вызовет более широкое распространение таких страшных результатов. Я убежден, что надлежащим контролем государства за scutching mills были бы предотвращены огромные жертвы здоровьем и жизнью»[294].

Что еще могло бы лучше характеризовать капиталистический способ производства, чем эта необходимость навязать ему принудительным законом государства соблюдение элементарнейших правил гигиены и охраны здоровья?

«Фабричный акт 1864 г. выбелил и вычистил в гончарном производстве более 200 мастерских, после того как они по 20 лет или даже совсем воздерживались от таких операций» (вот оно, «воздержание» капитала!). «В этих мастерских занято 27878 рабочих, дышавших до сих пор во время чрезмерной дневной, а часто и ночной работы отвратительным воздухом, вследствие чего это вообще сравнительно безвредное производство постоянно грозило болезнью и смертью. Фабричный акт заставил сильно увеличить количество приспособлений для вентиляции»[295].

В то же время эта область применения фабричного акта ярко показывает, что капиталистический способ производства по самому своему существу за известной границей исключает всякое рациональное улучшение. Мы уже неоднократно отмечали, что английские врачи в один голос признают 500 куб. футов воздуха на человека едва лишь достаточным минимумом при непрерывной работе. Хорошо! Раз фабричный акт всеми своими принудительными мерами косвенно ускоряет превращение мелких мастерских в фабрики, а потому косвенно посягает на право собственности мелких капиталистов и обеспечивает крупным монополию, то обеспечение по закону необходимого количества воздуха на каждого рабочего одним махом прямо экспроприировало бы тысячи мелких капиталистов! Это поразило бы самый корень капиталистического способа производства, т. е. самовозрастание капитала, и крупного и мелкого, совершающееся при посредстве «свободной» купли и потребления рабочей силы. Потому-то перед этими 500 кубических футов воздуха у фабричного законодательства захватывает дух. Санитарные учреждения, комиссии по обследованию промышленности, фабричные инспектора снова и снова говорят о необходимости этих 500 кубических футов и невозможности вырвать их у капитала. Таким образом, они фактически заявляют, что чахотка и другие легочные болезни рабочих являются условием существования капитала[296].

[294] «Children's Employment Commission. 5th Report», p. XV, № 72 sqq.

[295] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 127.

[296] Эмпирически установлено, что средний здоровый индивидуум при каждом вдохе средней интенсивности потребляет около 25 кубических дюймов воздуха и делает около 20 вдохов в минуту. Таким образом потребление воздуха на одного человека должно было бы составлять около 720000 кубических дюймов, или 416 кубических футов, в сутки. Но известно, что послуживший для дыхания воздух уже непригоден для этого процесса, пока он не очистится в великой мастерской природы. Согласно опытам Валентина и Бруннера, здоровый чело-

Как ни жалки в общем статьи фабричного акта относительно воспитания, они объявили начальное обучение обязательным условием труда[297]. Их успех впервые доказал возможность соединения обучения и гимнастики[298] с физическим трудом, а следовательно, и физического труда с обучением и гимнастикой. Фабричные инспектора, выслушивая показания учителей, скоро открыли, что фабричные дети, хотя они учатся вдвое меньше, чем школьники, регулярно посещающие школу днем, тем не менее успевают пройти столько же, а часто и больше.

«Дело объясняется просто. Те, кто проводит в школе только половину дня, постоянно свежи и почти всегда способны и готовы учиться. Система, при которой труд чередуется с учебой в школе, превращает каждое из этих двух занятий в отдых и освежение после другого, и, следовательно, она более подходяща для ребенка, чем непрерывность одного из этих двух занятий. Ребенок, который с раннего утра сидит в школе, особенно в жаркую погоду, не может соперничать с другим, который бодрый и возбужденный приходит с своей работы»[299].

Дальнейшие доказательства можно найти в речи Сениора, произнесенной на социологическом конгрессе в Эдинбурге в 1863 году. Он указывает здесь между прочим и на то обстоятельство, что односторонний непроизводительный и продолжительный школьный день детей в старших и средних классах без пользы увеличивает труд учителей «и в то же время не только бесплодно, но и прямо во вред детям расточает их время, здоровье и энергию»[300]. Из фабричной системы, как можно

век выдыхает, по-видимому, около 1300 кубических дюймов углекислого газа в час; это равносильно тому, как если бы легкие выбрасывали из себя в сутки до 8 унций твердого угля. «На каждого человека должно приходиться не менее 800 кубических футов» *(Huxley* [«Lessons in Elementary Physiology». London, 1866, p. 105]).

[297] Согласно английскому фабричному акту, родители не могут посылать своих детей до 14 лет в «контролируемые» фабрики, если они не обеспечивают им в то же время начального обучения. Фабрикант ответствен за соблюдение закона. «Обучение при фабриках обязательно, оно — условие работы» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 111).

[298] О самых прекрасных результатах соединения гимнастики (а для юношей и военных упражнений) с обязательным обучением детей на фабриках и в школах для бедных см. речь Н. У. Сениора на седьмом годичном конгрессе Национальной ассоциации поощрения общественных наук в «Report of Proceedings etc.». London, 1863, p. 63, 64, а также отчет фабричных инспекторов от 31 октября 1865 г., стр. 118, 119, 120, 126 и сл.

[299] «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 118. Один наивный фабрикант шелка заявляет члену Комиссии по обследованию условий детского труда: «Я вполне убежден, что секрет того, как произвести хороших рабочих, найден в соединении труда с обучением начиная с детского возраста. Конечно, труд не должен быть ни слишком напряженным, ни отталкивающим, ни вредным для здоровья. Мне хотелось бы, чтобы мои собственные дети имели труд и игры как отдых от школы» («Children's Employment Commission. 5th Report», p. 82, № 36).

[300] Сениор в «Report of Proceedings» седьмого годичного конгресса Национальной ассоциации поощрения общественных наук, стр. 66. До какой степени крупная промышленность, достигнув известного уровня развития, переворотом в способе материального производства и в общественных отношениях производства совершает переворот и в головах, ярко показывает сравнение речи Н. У. Сениора в 1863 г. сего филиппикой против фабричного закона 1833 г. или сопоставление взглядов упомянутого конгресса с тем фактом, что в некоторых сельских районах Англии бедным родителям все еще запрещают под угрозой голодной смерти обучать своих детей. Так, например, г-н Снелл сообщает, что если кто-либо в Сомерсетшире по бедности обращается за помощью к приходу, то по установившейся практике его заставляют взять своих детей из школы. Так, г-н Уолластон, священник в Фелтеме, рассказывает о случаях, когда некоторым семьям отказывали решительно во всяком вспомоществовании, «потому что они посылают своих детей в школу».

проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с обучением и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей.

Мы видели, что крупная промышленность технически уничтожает мануфактурное разделение труда, пожизненно прикрепляющее к одной частичной операции всего человека, и в то же время капиталистическая форма крупной промышленности воспроизводит это разделение труда в еще более чудовищном виде: на собственно фабрике — посредством превращения рабочего в наделенный сознанием придаток частичной машины, во всех других местах — отчасти посредством спорадического применения машин и машинного труда[301)], отчасти посредством введения женского, детского и неквалифицированного труда как новой основы разделения труда. Противоречие между мануфактурным разделением труда и существом крупной промышленности дает о себе знать насильственным образом. Оно выражается, между прочим, в том ужасном факте, что большая часть детей, занятых на современных фабриках и мануфактурах и с самого нежного возраста прикованных к простейшим манипуляциям, целые годы подвергается эксплуатации, не имея возможности научиться какой-либо работе, которая сделала бы их впоследствии пригодными хотя бы на этой же самой мануфактуре или фабрике. Например, в английских типографиях

[301)] В тех случаях, когда ремесленные машины, приводимые в движение силой человека, прямо или косвенно конкурируют с развитыми машинами, которые как таковые предполагают механическую двигательную силу, происходит крупная перемена в отношении рабочего, приводящего машину в движение. Первоначально паровая машина замещала этого рабочего, теперь он должен замещать паровую машину. Напряжение и расходование его рабочей силы достигает поэтому чудовищных размеров, в особенности для подростков, осуждаемых на это истязание. Так, член комиссии Лондж наблюдал, как в Ковентри и окрестностях применяют 10—15-летних мальчиков для того, чтобы вертеть ленточный станок, а еще более юные дети должны были вертеть станки меньших размеров. «Это чрезвычайно тяжелый труд. Мальчики просто замещают паровую силу» («Children's Employment Commission. 5th Report», 1866, p. 114, № 6). Там же и на следующих страницах см. об убийственных последствиях «этой системы рабства», как называет ее официальный отчет.

раньше был в обычае соответствующий системе старой мануфактуры и ремесла переход учеников от сравнительно простых к более содержательным работам. Ученики проходили курс учения, пока не становились обученными печатниками. Умение читать и писать было для всех необходимым условием для занятия ремеслом. Все это изменилось с появлением печатной машины. Она требует двоякого рода рабочих: взрослого рабочего, надсмотрщика за машиной, и малолетних, обыкновенно 11—17-летних мальчиков, работа которых состоит исключительно в том, чтобы вкладывать в машину лист бумаги или вынимать из нес отпечатанный лист. Они, особенно в Лондоне, заняты этой утомительной работой в некоторые дни недели по 14, 15, 16 часов без перерыва, а часто 36 часов кряду, имея всего лишь два часа перерыва на еду и сон![302] Большая часть из них не умеет читать, они, как правило, совершенно одичалые, ненормальные существа.

«Чтобы сделать их способными к работе, совершенно не требуется какого бы то ни было интеллектуального воспитания; у них мало возможности для приобретения искусства и еще меньше — для развития; их заработная плата, хотя и относительно высокая для мальчиков, не повышается по мере того, как они становятся взрослыми, и у подавляющего большинства нет никаких шансов занять более доходное и ответственное положение надсмотрщика за машиной, потому что на каждую машину приходится всего один надсмотрщик и часто 4 подростка»[303].

Когда они становятся слишком взрослыми для своего детского труда, именно достигают самое большое 17 лет, их увольняют из типографии. Они становятся кандидатами в преступники. Некоторые попытки доставить им какие-либо другие занятия разбивались о их невежество, грубость, физическую и интеллектуальную отсталость.

То, что сказано относительно мануфактурного разделения труда внутри мастерской, сохраняет свое значение и для разделения труда внутри общества. Пока ремесло и мануфактура образуют всеобщий базис общественного производства, подчинение производителя исключительно одной отрасли производства, разрушение первоначального многообразия его занятий[304]

---

[302] «Children's Employment Commission. 5th Report», 1866, p. 3, № 24.

[303] Там же, стр. 7, № 60.

[304] «В некоторых районах горной Шотландии... многие пастухи овец и бедняки-арендаторы с женами и детьми, согласно статистическим отчетам, ходили в башмаках, которые они сами шили из кожи, выделанной ими самими, в одеждах, До которых не притрагивалась никакая другая рука, кроме их собственной, материал для которых они сами стригли с овец и лен для которых они сами возделывали. При изготовлении одежды едва ли применялись какие-либо купленные предметы, за исключением шила, иглы, наперстка и очень немногих

являются необходимым моментом развития. На этом базисе каждая отдельная отрасль производства эмпирически находит соответствующий ей технический строй, медленно совершенствует его и, как только достигается известная степень зрелости, быстро кристаллизует его. Время от времени происходят изменения, которые вызываются кроме нового материала труда, доставляемого торговлей, постепенным изменением рабочего инструмента. Но раз соответственная форма инструмента эмпирически найдена, он перестает изменяться, как это и показывает переход его в течение иногда тысячелетия из рук одного поколения в руки другого. Характерно, что вплоть до XVIII века отдельные ремесла назывались mysteries (mystēres) [тайнами], в глубину которых мог проникнуть только эмпирически и профессионально посвященный[305]. Крупная промышленность разорвала завесу, которая скрывала от людей их собственный общественный процесс производства и превращала различные стихийно обособившиеся отрасли производства в загадки одна по отношению к другой и даже для посвященного в каждую отрасль. Принцип крупной промышленности — разлагать всякий процесс производства, взятый сам по себе и прежде всего безотносительно к руке человека, на его составные элементы, создал вполне современную науку технологии. Пестрые, внешне лишенные внутренней связи и окостеневшие виды общественного процесса производства разложились на сознательно планомерные, систематически расчлененные, в зависимости от желаемого полезного эффекта, области применения естествознания. Технология открыла также те немногие великие основные формы движения, в которых необходимо совершается вся производительная деятельность человеческого тела, как бы разнообразны ни были применяемые инструменты, — подобно тому как механика, несмотря на величайшую сложность машин, не обманывается на тот счет, что все они представляют собой постоянное повторение элементарных механических сил. Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму производственного процесса как окончательную. Поэтому ее технический базис революционен, между тем как у всех прежних способов

частей железных инструментов, употребляемых при ткачестве. Краски добывались самими женщинами из деревьев, кустарников, трав и т. д.» *(Dugald Stewart.* «Works», ed. Hamilton, vol. VIII, p. 327—328).

[305] В знаменитом произведении Этьенна Буало «Livre des mētiers» предписывается, между прочим, чтобы подмастерье при переводе его в мастера давал присягу «братски любить своих братьев по ремеслу, поддерживать их, не выдавать добровольно тайн ремесла и даже, в интересах всего цеха, не обращать внимания покупателя на недостатки продуктов других с целью отрекомендовать свой собственный товар».

производства базис был по существу консервативен[306)]. Посредством внедрения машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда. Тем самым она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обусловливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего. С другой стороны, в своей капиталистической форме она воспроизводит старое разделение труда с его окостеневшими специальностями. Мы видели, как это абсолютное противоречие уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе с средствами труда выбить у него из рук и жизненные средства[307)] и вместе с его частичной функцией сделать излишним и его самого; как это противоречие жестоко проявляется в непрерывном приношении в жертву рабочего класса, непомерном расточении рабочих сил и опустошениях, связанных с общественной анархией. Это — отрицательная сторона. Но если перемена труда теперь прокладывает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствия[308)], то, с другой стороны, сама крупная промышлен-

---

[306)] «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения» (*Ф. Энгельс* и *К. Маркс.* «Манифест Коммунистической партии». Лондон, 1848, стр. 5 [см. настоящее издание, том 4, стр. 427]).

[307)] «Лишая средств для жизни — жизни всей лишаете» *(Шекспир)*[153].

[308)] Один французский рабочий, возвратившись из Сан-Франциско, пишет: «Я никогда и не думал, что буду способен заниматься всеми ремеслами, которыми действительно занимался в Калифорнии. Я глубоко был убежден, что ни к чему не гожусь, кроме книгопечатания... Попав в этот мир авантюристов, которые легча меняют свое ремесло, чем вы рубаху, — поверьте! — я действовал, как остальные. Так как занятие рудокопа оказалось не особенно выгодным, то я оставил его и отправился в город, где я последовательно был типографским рабочим, кровельщиком, литейщиком по свинцу и т. д. Вследствие того, что опыт показал мне, что я пригоден но всяким работам, я менее чувствую себя моллюском и более человеком» (*A. Corbon.* «De l'ensejgnement professionnel», 2eme ed., p. 50).

ность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности. Одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развившимся на основе крупной промышленности, являются политехнические и сельскохозяйственные школы, другим — «ecoles d'enseignement professionnel» [«профессиональные школы»], в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологией и с практическим применением различных орудий производства. Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и для технологического обучения, как теоретического, так и практического. Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что капиталистическая форма производства и соответствующие ей экономические отношения рабочих находятся в прямом противоречии с такими ферментами переворота и с их целью — уничтожением старого разделения труда. Однако развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой. «Ne sutor ultra crepidam!»[154] Эта nec plus ultra [вершина] ремесленной мудрости превратилась в ужасную глупость с того момента, когда часовщик Уатт изобрел паровую машину, цирюльник Аркрайт — прядильную машину, рабочий-ювелир Фултон — пароход[309)].

---

309) Джон Беллерс, истинный феномен в истории политической экономии, уже в конце XVII века с полной ясностью понимал необходимость уничтожения нынешней системы воспитания и разделения труда, порождающих гипертрофию и атрофию на обоих полюсах общества, хотя и в противоположном направлении. Он, между прочим, очень хорошо говорит: «Праздное ученье лишь немногим лучше, чем ученье праздности... Физический труд — первое божественное установление... Труд так же необходим для здоровья тела, как пища для его жизни, потому что те неприятности, от которых человек спасается праздностью, постигнут его в виде болезни... Труд подливает масло в лампу жизни, а мысль зажигает ее... Пустой детский труд» (это — пророческие

Пока фабричное законодательство регулирует труд на фабриках, мануфактурах и т. д., это представляется сначала просто вмешательством в эксплуататорские права капитала. Напротив, всякое регулирование так называемой работы на дому[310)]с самого начала выступает как прямое вторжение в patria potestas, т. е., выражаясь современным языком, в родительскую власть, — шаг, от которого деликатный английский парламент долгое время отказывался с аффектированным содроганием. Однако сила фактов заставила, наконец, признать, что крупная промышленность разрушает вместе с экономическим базисом старой семьи и соответствующего ему семейного труда и старые семейные отношения. Необходимо было провозгласить право детей.

«К несчастью», — говорится в заключительном отчете Комиссии по обследованию условий детского труда 1866 г., — «из всех свидетельских показаний явствует, что дети обоего пола ни от кого так не нуждаются в защите, как от своих родителей». Система безмерной эксплуатации труда детей вообще и их домашнего труда в особенности «поддерживается тем, что родители без всякого ограничения и контроля пользуются своей произвольной и пагубной властью над своим молодым и нежным потомством... У родителей не должно быть абсолютной власти превращать своих детей в простые машины для добывания такого-то еженедельного заработка... Дети и подростки имеют право на защиту законодательства от злоупотребления родительской властью, которое преждевременно подрывает их физические силы и принижает их моральное и интеллектуальное существо»[311)].

Однако не злоупотребление родительской властью создало прямую или косвенную эксплуатацию незрелых рабочих сил капиталом, а наоборот, капиталистический способ эксплуатации, уничтожив экономический базис, соответствующий родительской власти, превратил ее в злоупотребление. Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает новую экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами.

возражения Базедовым и их современным подголоскам) «оставляет детский ум пустым» («Proposals for raising a College of Industry of all useful Trades and Husbandry». London, 1696, p. 12, 14, 16, 18).

[310)] Она, впрочем, очень часто совершается в мелких мастерских, как мы видели его на примере кружевной мануфактуры и соломоплетения и что можно было бы обстоятельнее показать в особенности на примере металлических мануфактур в Шеффилде, Бирмингеме и т. д.

[311)] «Children's Employment Commission. 5th Report», p. XXV, № 162, «2nd Report», p. XXXVIII, № 285, 289; p. XXV, XXVI, № 181.

Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую, или древнегреческую, или восточную, которые, между прочим, одна в связи с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, при соответствующих условиях должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития[312)].

Необходимость превратить фабричный закон из закона исключительно для прядильных и ткацких фабрик, этих первообразований машинного производства, в общий закон всего общественного производства вытекает, как мы видели, из хода исторического развития крупной промышленности, на заднем плане которой переживает полную революцию традиционный строй мануфактуры, ремесла и работы на дому: мануфактура постоянно превращается в фабрику, ремесло в мануфактуру, и, наконец, сферы ремесла и работы на дому в поразительно короткое время превращаются в жалкие трущобы, в которых капиталистическая эксплуатация свободно справляет свои чудовищные, бешеные оргии. Два обстоятельства играют, в конце концов, решающую роль: во-первых, постоянно повторяющийся опыт свидетельствует о том, что капитал, подпав под контроль государства только в некоторых пунктах общественной периферии, тем непомернее вознаграждает себя в других пунктах[313)]; во-вторых, вопль самих капиталистов о равенстве условий конкуренции, т. е. о равных границах для эксплуатации труда[314)]. Выслушаем пару глубоких воздыханий на этот счет. Господа У. Куксли (фабриканты гвоздей, цепей и т. д. в Бристоле) добровольно провели в своем предприятии ограничение рабочего дня.

«Так как старая нерегулируемая система продолжает существовать на соседних предприятиях, то гг. Куксли приходится терпеть такую несправедливость, что их рабочих-подростков соблазняют (enticed) в каком-либо другом месте работой после 6 часов вечера. «Это, — заявляют они, как и следовало ожидать, — несправедливость по отношению к нам и убыток для нас, потому что таким образом истощается часть силы подростков, прибыль от которой целиком должна принадлежать нам»»[315)].

[312)] «Фабричный труд может быть столь же чист и приятен ... как домашний труд, а вероятно даже в еще большей мере» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 129).

[313)] «Reports of Insp. of Fact. tor 31st October 1865», p. 27, 32.

[314)] Многочисленные иллюстрации этого в отчетах фабричных инспекторов.

[315)] «Children's Employment Commission. 5th Report», p. X, № 35.

Г-н Дж. Симпсон (фабрикант бумажных мешков и бумажных коробок в Лондоне) заявляет членам Комиссии по обследованию условий детского труда:

«Он готов подписаться под какой угодно петицией в пользу введения фабричных актов. При теперешнем положении он постоянно испытывает беспокойство по ночам («he always felt restless at night»), после закрытия мастерской, при мысли, что другие заставляют работать дольше и выхватывают у него заказы из-под носа»[316]. «Было бы», — говорит, подводя итог, Комиссия по обследованию условий детского труда, — «несправедливо по отношению к крупным предпринимателям подчинить их фабрики регулированию, в то время как в их собственной отрасли производства мелкие предприятия не подвергаются никакому законодательному ограничению рабочего времени. К несправедливости неравных условий конкуренции, вытекающей из того, что на мелкие мастерские не распространяется ограничение числа рабочих часов, для более крупных фабрикантов присоединяется еще та невыгода, что предложение труда подростков и женщин отклоняется от них к мастерским, избавленным от фабричного закона. Наконец, это послужило бы толчком к увеличению числа мелких мастерских, которые почти сплошь наименее благоприятны в отношении здоровья, удобства, воспитания и общего улучшения в положении народа»[317].

В своем заключительном отчете Комиссия по обследованию условий детского труда предлагает распространить фабричный акт более чем на 1400000 детей, подростков и женщин, из которых почти половина эксплуатируется мелким производством и системой работы на дому[318].

«Если», — говорит комиссия, — «парламент примет наше предложение в полном объеме, то подобное законодательство окажет, несомненно, самое благотворное влияние не только на малолетних и слабых, которых оно касается в первую очередь, но и на еще бо́льшую массу взрослых рабочих, которые прямо» (женщины) «или косвенно» (мужчины) «окажутся в сфере его действия. Оно принудило бы их к регулируемому и сокращенному рабочему времени; оно стало бы сберегать и накоплять тот запас фи-

---

[316] «Children's Employment Commission. 5th Report», p. IX, № 28.

[317] «Children's Employment Commission. 5th Report», p. XXV, № 165—167. О преимуществах крупного производства по сравнению с карликовым ср. «Children's Employment Commission. 3rd Report», p. 13, № 144; p. 25, № 121; p. 26 № 125; p. 27 № 140 и т. д.

[318] Отрасли промышленности, на которые должно было быть распространено действие фабричных законов, таковы: кружевная мануфактура, чулочновязальное производство, соломоплетение, мануфактура разнообразных принадлежностей одежды производство искусственных цветов, производство обуви, шляп и перчаток, портняжное дело, все металлические фабрики — от доменных печей и до фабрик иголок и т д бумажные фабрики, стекольные мануфактуры, табачные мануфактуры, резиновое производство, производство берд (для ткачества), ручное тканье ковров, зонтичная мануфактура, производство веретен и шпуль, книгопечатание, переплетное дело, торговля письменными принадлежностями (stationery, причем сюда относится также приготовление бумажных коробок, карт, красок для бумаги и т. д.), канатное производство, мануфактура агатовых украшений, кирпичные заводы, шелковые мануфактуры с ручным трудом, производство шелковых лент, солеваренные, свечные и цементные заводы, сахаро-рафинадное производство, производство бисквитов, различные деревообделочные и другие смешанные работы.

зической силы, от которого в столь большой степени зависит их собственное благосостояние и благосостояние страны; оно защитило бы подрастающее поколение от чрезмерного напряжения в раннем возрасте, которое расшатывает организм и приводит к преждевременной дряхлости; оно, наконец, дало бы детям, по крайней мере до 13 лет, возможность получить начальное обучение и таким образом положило бы конец невероятному невежеству, которое так верно изображено в отчетах комиссии и на которое можно смотреть лишь с мучительной болью и глубоким чувством национального унижения»[319].

Министерство тори в тронной речи 5 февраля 1867 г. возвестило, что оно выработало «билли» на основе предложений комиссии по обследованию промышленности[319a]. Для этого ему потребовался новый двадцатилетний experimentum in corpore vili [эксперимент на ничего не стоящем живом теле]. Уже в 1840 г. была назначена парламентская комиссия для обследования условий детского труда. Ее отчет 1842 г., по словам Н. У. Сениора, развернул

«такую ужаснейшую картину жадности, эгоизма и жестокости капиталистов и родителей, нищеты, деградации и разрушения организма детей и подростков, какую едва ли когда-либо видывал мир... Можно было бы подумать, что отчет описывает ужасы прошлого времени. Но, к сожалению, перед нами сообщение о том, что эти ужасы продолжаются с такой же интенсивностью, как и когда-либо раньше. Одна брошюра, два года тому назад изданная Хардуиком, заявляет, что печальные злоупотребления 1842 г. остаются в полной силе и в настоящее время» (1863 г.)... «Этот отчет» (1842 г.) «пролежал без внимания двадцать лет, в течение которых детям, выросшим без малейшего представления как о том, что мы называем моралью, так и о школьном образовании, религии, естественной семейной любви, — этим детям позволили стать родителями нынешнего поколения»[320].

Между тем общественное положение изменилось. Парламент не отважился отвергнуть требования комиссии 1863 г. так, как он в свое время отверг требования комиссии 1842 года. Поэтому уже в 1864 г., когда комиссия обнародовала лишь часть своих отчетов, промышленность изделий из глины (включая и гончарную), производство обоев, спичек, патронов и пистонов, равно как подстригание бархата, были подчинены законам, действовавшим в текстильной промышленности.

---

[319] «Children's Employment Commission. 5th Report», p. XXV, № 169.

[319a] Закон о расширении сферы действия фабричных актов прошел 12 августа 1867 года. Он регулирует все металлолитейные, кузнечные и металлообрабатывающие заводы, включая машиностроительные заводы, далее стекольные, бумажные, гуттаперчевые, каучуковые, табачные мануфактуры, книгопечатни, переплетные, наконец, все мастерские, в которых занято более 50 человек. — Закон о регулировании рабочего времени, прошедший 17 августа 1867 **г.**, распространяется на более мелкие мастерские и так называемую работу на дому.

К этим законам, к новому закону о рудниках и копях 1872 г. и т. д. я вернусь во II томе.

[320] *Senior*. «Social Science Congress», p. 55—58.

В тронной речи 5 февраля 1867 г. тогдашний кабинет тори возвестил новые билли, основанные на заключительных предложениях комиссии, которая в 1866 г. закончила свою работу.

15 августа 1867 г. закон о расширении сферы действия фабричных актов, а 21 августа того же года закон о труде детей, подростков и женщин в мастерских получили королевское утверждение; первый закон распространяется на крупные, последний — на мелкие предприятия.

Закон о расширении сферы действия фабричных актов подчиняет фабричному акту доменные печи, железоделательные и медеплавильные заводы, литейные заводы,машиностроительные заводы, металлические мастерские, фабрики гуттаперчи, бумаги, стекла, табака, печатные и переплетные мастерские и вообще все промышленные мастерские этого рода, если в них 50 или более человек одновременно заняты не менее 100 дней в году.

Чтобы дать некоторое представление о сфере действия закона о труде детей, подростков и женщин в мастерских, приведем некоторые из содержащихся в нем положений:

«*Ремесло* должно означать» (в этом законе): «всякий ручной труд, который осуществляется как профессия или промысел для изготовления, изменения, украшения, починки или окончательной отделки какого-либо предмета или части предмета, предназначенного на продажу.

Мастерская должна означать: всякую комнату или место, крытое или под открытым небом, в которых каким-либо «ремеслом» занят ребенок, подросток или женщина и по отношению к которым лицо, дающее занятие такому ребенку, подростку или женщине, имеет право входа и контроля.

Занятый должно означать: работающий в каком-либо «ремесле» за плату или без платы, под началом мастера или одного из родителей, как подробнее определено ниже.

Родители — это отец, мать, опекун или другое лицо, которое осуществляет опеку или наблюдение над каким-либо... ребенком или подростком»*.

Статья 7, статья относительно наказаний за использование на работе детей, подростков и женщин в нарушение положений этого закона, налагает денежные штрафы не только на владельца мастерской, будет ли то один из родителей или нет, но и

«на родителей и других лиц, под опекой которых находится ребенок, подросток или женщина или которые извлекают прямую выгоду из их труда».

Закон о расширении сферы действия фабричных актов, распространяющийся на крупные предприятия, уступает основному фабричному акту вследствие множества жалких исключений и трусливых компромиссов с капиталистами.

* An Act for regulating the Hours of Labour for Children, Young Persons, and Women employed in Workshops. *Ред.*

Закон о труде детей, подростков и женщин в мастерских, жалкий во всех своих деталях, остался мертвой буквой в руках городских и местных властей, на которые было возложено его проведение. Когда же в 1871 г. парламент освободил их от этого полномочия и передал его фабричным инспекторам, сфера контроля которых сразу увеличилась поэтому более чем на 100000 мастерских и на 300 одних только кирпичных заводов, то персонал инспекторов был великодушно увеличен всего лишь на восемь помощников, хотя и до того он был слишком малочислен[321)].

Таким образом, в этом английском законодательстве 1867 г. бросается в глаза, с одной стороны, вынужденная у парламента господствующих классов необходимость принять в принципе столь чрезвычайные и широкие меры против крайностей капиталистической эксплуатации, а с другой стороны, половинчатость, неохота и mala fides [недобросовестность], с которыми парламент потом осуществлял их на практике.

Следственная комиссия 1862 г. предложила также новое регулирование условий труда в горной промышленности, — промышленности, которая от всех остальных отличается тем, что в ней интересы землевладельцев и промышленных капиталистов идут рука об руку. Противоположность интересов тех и других благоприятствовала фабричному законодательству; отсутствия этой противоположности достаточно для того, чтобы объяснить оттяжки и ухищрения в области горнопромышленного законодательства.

Следственная комиссия 1840 г. сделала такие ужасные и возмущающие разоблачения и вызвала такой скандал перед лицом всей Европы, что парламент должен был успокоить свою совесть законом о рудниках и копях 1842 **г.**, который ограничился тем, что женщинам и детям до 10 лет воспретил подземную работу.

Затем в 1860 г. явился закон о горной инспекции, согласно которому шахты подчиняются инспекции специально назначенных для того государственных чиновников и воспрещается принимать на работу мальчиков 10—12 лет, если у них нет школьного свидетельства или если они не будут посещать школу в течение известного числа часов. Этот акт остался совершенно мертвой буквой вследствие курьезно ничтожного числа назначенных инспекторов, мизерности их полномочий

321) Персонал фабричной инспекции состоял из 2 инспекторов, 2 помощников и 41 субинспектора. Новые 8 субинспекторов были назначены в 1871 году. Общая сумма расходов на осуществление фабричных законов в Англии, Шотландии и Ирландии составляла в 1871—1872 гг. всего лишь 25347 ф. ст., включая сюда и судебные издержки на процессы против нарушении закона.

и других причин, которые будут подробнее выяснены в дальнейшем ходе изложения.

Одной из новейших Синих книг[155] о горной промышленности является «Report from the Select Committee on Mines, together with... Evidence, 23 July 1866». Это работа комитета, составленного из членов палаты общин и уполномоченного приглашать и заслушивать свидетелей; толстый том in folio, в котором сам «Report» [«Отчет»] занимает всего пять строк такого содержания: комитет ничего не может сказать, необходимо допросить еще больше свидетелей!

Способ опроса свидетелей напоминает перекрестный допрос в английских судах, где адвокат бесстыдными, спутывающими, задаваемыми вкривь и вкось вопросами старается сбить свидетеля с толку и извратить его слова. Здесь же адвокаты — сами члены парламентской следственной комиссии, в том числе собственники и эксплуататоры рудников; свидетели — горнорабочие, по большей части из каменноугольных копей. Весь фарс настолько характерен для духа капитала, что невозможно не привести здесь несколько выдержек. Для удобства обзора я распределяю результаты обследования и т. п. по рубрикам. Напомню, что вопросы и обязательные ответы в английских Синих книгах перенумерованы и что свидетели, показания которых здесь цитируются, — рабочие каменноугольных копей.

1) Работа в копях мальчиков начиная с 10-летнего возраста. Работа, включая дорогу на копи и обратно, обыкновенно продолжается 14—15 часов, в исключительных случаях дольше, с 3, 4, 5 часов утра до 4—5 вечера (№№ 6, 452, 83). Взрослые рабочие работают в две смены, по 8 часов, но для малолетних, чтобы сократить издержки, нет никаких таких смен (№№ 80, 203, 204). Дети помоложе используются преимущественно для открывания и закрывания вентиляционных дверок в разных отделениях копи, дети постарше — для более тяжелых работ, перевозки угля и т. д. (№№ 122, 739, 740). Продолжительный рабочий день на подземных работах существует для рабочих до 18—22-летнего возраста, когда совершается переход к собственно углекопной работе (№ 161). Детей и подростков теперь более жестоко истязают работой, чем в какой-либо из прежних периодов (№№ 1663—1667). Углекопы почти единогласно требуют парламентского акта, который воспретил бы труд в шахтах для не достигших 14-летнего возраста. И вот здесь Хасси Вивиан (сам эксплуататор угольной копи) задает вопрос:

«Не зависит ли это требование от большей или меньшей бедности родителей?» — И потом мистер Брюс: «Не жестоко ли было бы, в случае,

когда отец умер или искалечен и т. д., отнимать у семьи этот источник дохода? А ведь надо предполагать, что воспрещение будет иметь общий характер... Желаете ли вы воспретить подземные работы для детей до 14-летнего возраста во всех случаях?» Ответ: «Во всех случаях» (№№ 107— 110). Вивиан: «Если работа до 14 лет будет воспрещена в шахтах, не станут ли родители посылать детей на фабрики и т. д.? — Как общее правило, нет» (№ 174). Рабочий: «Открывание и закрывание дверей кажется легким. Но это очень мучительная работа. Не говоря уже о постоянном сквозняке, ребенок посажен, точно в тюрьму, в какой-то темный карцер». Буржуа Вивиан: «Не может ли ребенок, сидя у дверей, читать, если у него будет свечка? — Во-первых, ему пришлось бы купить свечку. Да кроме того ему и не позволили бы этого. Его поставили затем, чтобы следить за своим делом, он должен исполнять свои обязанности. Я никогда не видал, чтобы какой-нибудь мальчик читал в копи» (№№139, 141, 143, 158, 160).

2) Воспитание. Горнорабочие требуют закона об обязательном обучении детей, как это установлено на фабриках. Они заявляют, что статья акта 1860 г., которая школьное свидетельство делает необходимым условием для приема на работу мальчиков 10—12 лет, чисто иллюзорна. Допрос «с пристрастием», проводимый капиталистическими следователями, становится здесь поистине курьезным.

«Против кого более необходим акт — против предпринимателей или против родителей? — Против тех и других» (№ 115). «Более против одних, чем против других? — Что мне ответить на это?» (№ 116). «Обнаруживают ли предприниматели какое-либо стремление сообразовать часы труда с посещением школы? — Никогда» (№ 137). «Не восполняют ли потом горнорабочие свое воспитание? — В общем они становятся хуже; они приобретают плохие привычки; они предаются пьянству, игре и т. п. и совсем опускаются» (№ 211). «Почему не посылают детей в вечерние школы? — В большинстве каменноугольных округов таких вовсе нет. А главное, — дети настолько изнурены чрезмерным продолжительным трудом, что глаза у них смыкаются от усталости» (№ 454). «Следовательно», — заключает буржуа, — «вы против образования? — Вовсе нет, но» и т. д. «Не обязывает ли акт 1860 г. шахтовладельцев и т. д. требовать школьные свидетельства, если они нанимают детей в возрасте от 10 до 12 лет? — Закон — да, но предприниматели этого не делают». «Вы полагаете, что эта статья закона не всегда выполняется? — Она вовсе не выполняется» (№№ 443, 444). «Сильно ли горнорабочие интересуются вопросом о воспитании? — Огромное большинство» (№ 717). «Озабочены ли они проведением этого закона? — Огромное большинство» (№ 718). «Почему же они не настоят на его проведении? — Иной рабочий хотел бы мальчиков без школьного свидетельства не допускать до работы, но он будет за это взят на заметку (a marked man)» (№ 720). «Кем взят на заметку? — Его предпринимателем» (№ 721). «Но вы же не думаете, что предприниматели будут преследовать человека за подчинение закону? — Я думаю, они поступили бы так» (№ 722). «Почему рабочие не отказываются применять труд таких мальчиков? — Это не предоставлено их выбору» (№ 123). «Вы требуете вмешательства парламента? — Чтобы достигнуть чего-либо действительного для воспитания детей горнорабочих, это необходимо провести принудительно, парламентским актом» (№ 1634). «Должен ли он распространяться на детей всех рабочих Великобритании или только на горнорабочих? — Я пришел сюда, чтобы говорить от имени горнорабочих»

(№ 1636). «Чем дети горнорабочих отличаются от других? — Тем, что они — исключение из общего правила» (№ 1638). «В каком отношении? — В физическом» (№ 1639). «Почему бы воспитание могло представлять для них большую ценность, чем для мальчиков других классов? — Я не говорю, что оно для них ценнее, но вследствие чрезмерной работы в копях у них меньше возможности получать воспитание в дневных и воскресных школах» (№ 1640). «Не правда ли, ведь такие вопросы нельзя трактовать абсолютно?» (№ 1644). «Достаточно ли школ в округах? — Нет» (№ 1646). «Если бы государство потребовало, чтобы всех детей посылали в школу, откуда же взять школы для всех детей? — Я думаю, что, если обстоятельства потребуют этого, школы уж найдутся» (№ 1647). «Огромное большинство не только детей, но и взрослых рудокопов не умеет ни писать, ни читать» (№№ 705, 726).

3) Труд женщин. Хотя с 1842 г. работницы уже не допускаются к подземным работам, но они работают на поверхности при нагрузке угля и т. д., переноске ведер с углем к каналам и железнодорожным вагонам, сортировке угля и т. д. Применение женского труда сильно увеличилось за последние 3—4 года (№ 1727). Работницы — по большей части жены, дочери и вдовы горнорабочих, от 12 до 50 и 60-летнего возраста (№№ 647, 1779, 1781).

«Что думают горнорабочие о женском труде при рудниках? — Все они против него» (№ 648). «Почему? — Они считают его унизительным для женского пола» («N» 649). «Женщины носят нечто вроде мужской одежды. Во многих случаях этим заглушается всякое чувство стыда. Некоторые женщины курят. Работа так же грязна, как и в самих копях. Среди них много замужних женщин, которые не могут исполнять своих домашних обязанностей» (№№ 650—654, 701). «Могли ли бы вдовы найти какое-либо другое занятие, дающее такой же доход (8—10 шилл. в неделю)? — Я ничего не могу сказать на этот счет» (№№ 709, 708). «И, однако, вы решаетесь» (каменное сердце!) «отнять у них этот источник существования? — Вне всяких сомнений» (№ 710). «Откуда такое настроение? — Мы, горнорабочие, слишком уважаем прекрасный пол для того, чтобы видеть, как он осужден на работу в угольных копях... Эта работа по большей части очень тяжелая. Многие из этих девушек поднимают до 10 тонн в день» (№№ 1715, 1717). «Не думаете ли вы, что работницы, занятые в копях, безнравственнее занятых на фабриках? — Процент испорченных больше, чем среди фабричных девушек» (№ 1732). «По вы ведь недовольны и уровнем нравственности на фабриках? — Нет» (№ 1733). «Не хотите ли вы запрещения женского труда и на фабриках? — Нет, я не хочу этого» (№ 1734). «Почему так? — Он более приличен и подходящ для женского пола» (№ 1735). «Однако он вреден для их нравственности, не так ли? — Нет, далеко не в такой мере, как на копях. Впрочем, я высказываюсь так не только по моральным, но также по физическим и социальным соображениям. Социальная деградация девушек ужасная, крайняя. Когда эти девушки становятся женами горнорабочих, мужья глубоко страдают от этой деградации, она их гонит из дома и к пьянству» (№ 1736). «Но не следует ли то же самое сказать о женщинах, занятых на железоделательных заводах? — Я не могу говорить о других отраслях производства» (№ 1737). «Но какая же разница между женщинами, работающими на железоделательные заводах и в копях? — Я не занимался этим вопросом» (№ 1740).

«Не можете ли вы установить какую-нибудь разницу между этими двумя категориями? — С полной уверенностью я ничего не могу сказать на этот счет, но, переходя из дома в дом, познакомился с позорным положением вещей в нашем округе» (№ 1741). «Нет ли у вас большого желания отменить женский труд повсюду, где он ведет к деградации? — Да... свои лучшие чувства дети приобретают только от материнского воспитания» (№ 1750). «Но это относится ведь и к работе женщин в земледелии? — Она продолжается только два времени года, а у нас они работают все четыре времени года, часто днем и ночью, промокшие до костей, их организм ослабляется, их здоровье надламывается» (№ 1753). «Вы не занимались общим изучением этого вопроса» (о женском труде)? — «Я наблюдал вокруг себя и могу только сказать, что нигде не нашел чего-либо подобного работе женщин на угольных копях. Это — мужской труд, притом труд для сильных мужчин». «Лучшие из горнорабочих, которые хотят поднять свой уровень и стать людьми, в своих женах не находят себе никакой опоры, а напротив, из-за них опускаются»,

После того как буржуа еще поспрашивали вкривь и вкось, обнаружилась, наконец, тайна их «сострадания» к вдовам, бедным семьям и т. д.

«Собственник копей главный надзор поручает известным джентльменам; последние, чтобы снискать одобрение, все стараются поставить на возможно более экономную ногу, и работницы-девушки получают от 1 шилл. до 1 шилл. 6 пенсов в день за такую работу, за которую мужчине пришлось бы платить 2 шилл. 6 пенсов» (№ 1816).

4) Присяжные по осмотру трупов.

«Что касается coroner's inquests [расследований присяжных по осмотру трупов] в ваших округах, то довольны ли рабочие судебной практикой, когда происходят несчастные случаи?— Нет, они недовольны» (№ 360). «Почему нет? — В особенности потому, что присяжными назначают людей, которые абсолютно ничего не понимают в копях. Рабочих никогда не привлекают, кроме как в качестве свидетелей. В общем приглашают соседних лавочников, которые находятся под влиянием их покупателей, владельцев копей, и не понимают даже технических выражений свидетелей. Мы требуем, чтобы часть присяжных состояла из горнорабочих. Обыкновенно приговоры противоречат показаниям свидетелей» (№№ 361, 364, 366, 368, 371, 375). «Не должны ли присяжные быть беспристрастными? — Да». «А будут ли таковыми рабочие? — Я не вижу оснований, почему бы им не быть беспристрастными. У них есть знание дела». «Но не будут ли они склонны выносить несправедливо суровые приговоры в интересах рабочих? — Нет, я не думаю этого».

5) Неправильная мера, вес и т. д. Рабочие требуют еженедельной оплаты вместо двухнедельной, измерения по весу, а не по емкости ведер, защиты против употребления неправильных весов и т. д. (№ 1071).

«Если ведра обманным образом увеличивают, то ведь рабочий, предупредив за 14 дней, может оставить шахту? — Но если он поступит на другое место, он и там встретит то же самое» (№ 1071). «Но все же он может оставить место, где совершается несправедливость? — Везде то же

самое» (№ 1072). «Но рабочий во всякое время может оставить свое место, предупредив за 14 дней? — Да». Кончено дело!

6) Горная инспекция. Рабочие страдают но только от несчастных случаев при взрыве газов.

«Нам не менее приходится жаловаться на плохую вентиляцию угольных копей, вследствие чего рабочие едва могут дышать в них; в результате этого они утрачивают способность ко всякого рода работе. Так, например, как раз в настоящее время в той части копи, где я работаю, отвратительный воздух на недели свалил многих рабочих в постель. В главных проходах воздуха в общем достаточно, но недостаточно как раз в местах, где мы работаем. Если рабочий выскажет инспектору жалобу на вентиляцию, его уволят, и он станет человеком, «взятым на заметку», который и ни в каком другом месте не найдет работы. Закон о горной инспекции 1860 г. — просто клочок бумаги. Инспектора — а их слишком мало — делают официальное посещение, быть может, один раз в семь лет. Наш инспектор, — совершенно нетрудоспособный семидесятилетний старик, за которым закреплено более 130 каменноугольных копей. Кроме большего количества инспекторов нам требуются субинспектора» (№ 234 и сл.). «В таком случае правительство должно содержать такую армию инспекторов, чтобы они могли сами, без информации со стороны рабочих, делать все, что вам требуется? — Это невозможно, для получения информации они должны являться на самые копи» (№№280, 277). «Не думаете ли вы, что следствием было бы то, что ответственность (!) за вентиляцию и т. д. с владельцев копей была бы свалена на правительственных чиновников? — Отнюдь нет; их дело должно заключаться в том, чтобы принудить к соблюдению уже существующих законов» (№ 285). «Говоря о субинспекторах, не имеете ли вы в виду людей с меньшим окладом и низшей категории по сравнению с теперешними инспекторами? — Я вовсе не за понижение, если вы дадите лучших» (№ 294), «Хотите ли вы большего числа инспекторов или людей низшего класса, чем инспектора? — Нам нужны люди, которые сами толкались бы в копях, которые не дрожали бы за свою шкуру» (№ 295). «Если бы ваше желание иметь инспекторов низшей категории исполнилось, то не породит ли опасности недостаток уменья у них и т. д.? — Нет, дело правительства назначить подходящих людей».

Такой способ допроса показался, наконец, и самому председателю следственной комиссии слишком нелепым.

«Вы хотите», — вмешивается он, — «людей-практиков, которые осматривали бы самые копи и доносили инспектору, который тогда может использовать свои более обширные знания» (№№ 298,299). «Не потребует ли вентиляция всех этих старых копей больших издержек? — Да, издержки, вероятно, возрастут, но жизнь людей будет защищена» (№ 531).

Один углекоп протестует против статьи 17 акта 1860 года:

«В настоящее время, если горный инспектор находит какую-либо часть копи в непригодном для работы состоянии, он должен сообщать об этом владельцу копи и министру внутренних дел. После этого владельцу копа дается 20 дней на размышление; по истечении этих 20 дней он может отказаться от каких бы то ни было изменений. Если он именно так и делает, он должен написать министру внутренних дел и предложить ему 5 горных инженеров, из числа которых министр должен назначить третей-

ских судей. Мы утверждаем, что в этом случае владелец копей фактически назначает судей в своем собственном деле» (№ 581).

Буржуа, производящий допрос, сам владелец копей:

«Это — чисто умозрительное возражение» (№ 586). «Следовательно, вы очень невысокого мнения о честности горных инженеров? — Я говорю, что это очень неправильно и несправедливо» (№ 588). «Не является ли положение горных инженеров в некотором роде общественным и не думаете ли вы, что они выше того, чтобы принимать пристрастные решения, которых вы опасаетесь? — Я отказываюсь отвечать на вопросы о личном характере этих людей. Я убежден, что во многих случаях они действуют очень пристрастно и что следует лишить их такой власти, где на карту ставится человеческая жизнь».

У того же буржуа хватает бесстыдства спросить:

«Не думаете ли вы, что и владельцы копей терпят убытки от взрывов?»

Наконец:

«Не можете ли вы, рабочие, сами защитить свои интересы, не прибегая к помощи правительства? — Нет» (№ 1042).

В 1865 г. в Великобритании было 3217 каменноугольных копей и 12 инспекторов. Один владелец копей в Йоркшире («Times», 26 января 1867 г.) сам высчитал, что инспектора, даже отвлекаясь от их чисто конторских обязанностей, которые поглощают все их время, могли бы посетить каждую копь только один раз в 10 лет. Неудивительно, что в последние годы (особенно в 1866 и 1867) число и размеры катастроф все увеличивались (иногда количество жертв выражается в цифре 200—300 рабочих). Таковы прелести «свободного» капиталистического производства.

Во всяком случае акт 1872 г., какими бы недостатками он ни обладал, является первым, который регулирует продолжительность труда детей, занятых в копях, и до известной степени возлагает ответственность за так называемые несчастные случаи на эксплуататоров и владельцев копей.

Королевская комиссия 1867 г. для обследования условий труда детей, подростков и женщин в земледелии опубликовала несколько очень важных отчетов. Сделано было несколько попыток применить к земледелию принципы фабричного законодательства хотя бы и в модифицированной форме, но все они до сих пор оканчивались полной неудачей. Но одно должен я отметить здесь: существование непреодолимой тенденции к всеобщему применению этих принципов.

Если, с одной стороны, всеобщее распространение фабричного законодательства, как средства физической и духовной

защиты рабочего класса, сделалось неизбежным, то, с другой стороны, как уже указано выше, оно делает всеобщим и ускоряет превращение раздробленных процессов труда, ведущихся в карликовом масштабе, в комбинированные процессы труда в крупном, общественном масштабе, т. е. ускоряет и делает всеобщими концентрацию капитала и единовластие фабричного режима. Оно разрушает все старинные и переходные формы, за которыми еще отчасти скрывается господство капитала, и заменяет их прямым, неприкрытым господством капитала. Тем самым оно придает всеобщий характер и прямой борьбе против этого господства. Принуждая отдельные мастерские к единообразию, регулярности, порядку и экономии, оно благодаря тому мощному толчку, который получает техника в результате ограничения и регулирования рабочего дня, увеличивает анархию и катастрофы капиталистического производства, взятого в целом, увеличивает интенсивность труда и конкуренцию машины с рабочим. Вместе со сферами мелкого производства и работы на дому оно уничтожает последние убежища «избыточных» рабочих и, следовательно, существовавший до того времени предохранительный клапан всего общественного механизма. Вместе с материальными условиями и общественной комбинацией процесса производства оно приводит к созреванию противоречий и антагонизмов его капиталистической формы, а следовательно, в то же время и элементов для образования нового и моментов переворота старого общества[322)].

[322)] Роберт Оуэн, отец кооперативных фабрик и кооперативных лавок, который, однако, как отмечено выше, вовсе не разделял иллюзий своих последователей насчет значения этих изолированных элементов преобразования, не только фактически исходил в своих опытах из фабричной системы, но и теоретически провозгласил ее исходным пунктом социальной революции. Г-н Виссеринг, профессор политической экономии в Лейденском университете, кажется предчувствует нечто подобное и в своей работе «Handbook van Praktische Staatshuishoudkunde», 1860—1862, которая преподносит в самой подходящей форме все пошлости вульгарной политической экономии, рьяно выступает за ремесленное производство против крупной промышленности.

{*К 4 изданию.* «Новые юридические хитросплетения» (стр. 264) [стр. 309 настоящего тома], созданные английским законодательством посредством взаимно противоречащих фабричных актов, закона о расширении сферы действия фабричных актов и закона о труде детей, подростков и женщин в мастерских, сделались, наконец, невыносимыми, и потому в акте о труде на фабриках и в мастерских 1878 г. осуществлена кодификация всего законодательства в этой области. Конечно, здесь невозможно дать подробную критику этого и до сих пор остающегося в силе промышленного кодекса Англии. Ограничимся следующими замечаниями. Акт распространяется: 1) На текстильные фабрики. Здесь в общем остается все по-старому: разрешенное рабочее время для детей старше 10 лет составляет $5^1/_2$ часов в день или же по 6 часов, но в таком случае суббота свободна; для подростков и женщин — пять дней по 10 часов, в субботу самое большее $6^1/_2$ часов. — 2) На нетекстильные фабрики. Положения о них теперь более приближены к положениям, отмеченным под № 1, чем то было раньше, но все еще сохраняются некоторые благоприятные для капиталистов исключения, которые в известных случаях могут быть еще более расширены по специальному разрешению министра внутренних дел. — 3) На мастерские, определяемые приблизительно так же, как в прежнем акте; поскольку в них работают дети, подростки или женщины, мастерские почти приравнены к нетекстильным фабрикам, однако опять-таки с послаблениями в деталях. — 4) На мастерские, в которых нет детей и подростков, а работают лишь лица обоего пола старше 18-летнего возраста; для этой категории установлены дальнейшие послабления. — 5) На домашние мастерские, в которых работают только члены семьи в собственной квартире; здесь действуют еще более эластичные правила и кроме того такое ограничение, что инспектор без особого министерского или судебного разрешения может посещать лишь те помещения, которые не служат одновременно и жилыми помещениями; наконец, сохраняется полная свобода в соломоплетении, вязании кружев, перчаточном производстве в семье. При всех своих недостатках этот акт наряду с швейцарским федеральным фабричным законом 23 марта 1877 г. все еще остается лучшим законом в этой области. Сравнение его с только что упомянутым швейцарским федеральным законом представляет особый интерес потому, что делает весьма наглядным преимущества и недостатки

10. КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Революция, которую крупная промышленность вызывает в земледелии и в общественных отношениях агентов земледельческого производства, может быть освещена лишь впоследствии. Здесь будет достаточно, предваряя дальнейшее изложение, указать на некоторые ее результаты. Если употребление машин в земледелии по большей части свободно от вредных физических последствий, которые оно приносит фабричному рабочему[323)], то зато оно, как позже мы покажем это подробнее, действует здесь еще интенсивнее в направлении превращения рабочих в «избыточных» и не встречает при этом какого-либо сопротивления. В графствах Кембридж и Суффолк, например, площадь обрабатываемой земли за последние двадцать лет сильно увеличилась, между тем как сельское население за тот же период уменьшилось не только относительно, но и абсолютно. В Соединенных Штатах Северной Америки сельскохозяйственные машины замещают рабочих пока только потенциальных, т. е. они дают производителю возможность обрабатывать большую площадь, но не прогоняют фактически занятых рабочих. В Англии и Уэльсе число лиц, принимающих участие в производстве сельскохозяйственных машин, составляло в 1861 г. 1034, между тем как число сельскохозяйственных рабочих, занятых при паровых и рабочих машинах, составляло всего лишь 1205.

В сфере земледелия крупная промышленность действует с наибольшей революционностью в том смысле, что она уничтожает оплот старого общества, «крестьянина», и выдвигает

двух законодательных методов — английского, «исторического», вмешивающегося от случая к случаю, и континентального, построенного на традициях французской революции, более обобщающего метода. К сожалению, английский кодекс в его применении к мастерским по большей части все еще остается мертвой буквой вследствие недостаточного персонала инспекторов. *Ф. Э.*}

[323)] Подробное описание машин, применяемых в английском земледелии, дается в работе: Dr. *W. Hamm.* «Die Landwirtschaftlichen Gerathe und Maschinen Englands», 2. Aufl., 1856. В своем очерке развития английского земледелия г-н Гамм слишком некритически, следует за г-ном Леонсом де Лавернем. {*К 4 изданию.* Конечно, эта работа теперь устарела. *Ф. Э.*}

на его место наемного рабочего. Таким образом потребность социального переворота и социальные противоположности становятся в деревне одинаковыми с городом. На место самого рутинного и самого нерационального производства приходит сознательное технологическое применение науки. Капиталистический способ производства довершает разрыв того первоначального семейного союза земледелия и промышленности, который соединял друг с другом младенчески-неразвитые формы обоих. Но он создает в то же время материальные предпосылки нового, высшего синтеза — союза земледелия и промышленности на основе их противоположно развившихся форм. Капиталистическое производство, постоянно увеличивая перевес городского населения, которое это производство скопляет в крупных центрах, накопляет тем самым, с одной стороны, историческую силу движения общества вперед, а с другой стороны, препятствует обмену веществ между человеком и землей, т. е. возвращению почве ее составных частей, использованных человеком в форме средств питания и одежды, т. е. нарушает вечное естественное условие постоянного плодородия почвы. Тем самым оно разрушает одновременно физическое здоровье городских рабочих и духовную жизнь сельских рабочих[324)]. Но, разрушая чисто стихийно сложившиеся условия этого обмена веществ, капиталистическое производство в то же время вынуждает восстанавливать его систематически в качестве закона, регулирующего общественное производство, и в форме, соответствующей полному развитию человека. В земледелии, как и в мануфактуре, капиталистическое преобразование процесса производства является в то же время источником мучений для производителей, средство труда — средством порабощения, эксплуатации и пауперизации рабочего, общественная комбинация процессов труда — организованным подавлением его индивидуальной жизнедеятельности, свободы и самостоятельности. Рассеяние сельских рабочих на больших пространствах сламывает силу их сопротивления, в то время как концентрация городских рабочих увеличивает эту силу. В современном земледелии, как и в современной городской промышленности, повышение производительной силы труда и большая подвижность его покупаются ценой разрушения

[324)] «Вы разделяете народ на два враждебных лагеря: грубую деревенщину и изнеженных карликов. Небесный боже! Нация, разделяющаяся по различию земледельческих и торговых интересов, считает себя здоровой и даже называет себя просвещенной и цивилизованной не вопреки этому чудовищному и неестественному разделению, а как раз в силу его» *(David Urquhart,* цит. соч., стр. 119). Это место обнаруживает одновременно силу и слабость такой критики, которая умеет обсуждать и осуждать современность, но не умеет понять ее.

и истощения самой рабочей силы. Кроме того, всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении ее плодородия на данный срок есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия. Чем более известная страна, как, например, Соединенные Штаты Северной Америки, исходит от крупной промышленности как базиса своего развития, тем быстрее этот процесс разрушения[325)]. Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего.

[325)] Ср. *Liebig.* «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie», 7. Aufl, 1862, в особенности «Введение в естественные законы земледелия» в первом томе. Выяснение отрицательной стороны современного земледелия, с точки зрения естествознания, представляет собой одну из бессмертных заслуг Либиха. Его экскурсы в историю земледелия, хотя и не свободные от грубых ошибок, тоже проливают свет на некоторые вопросы. Можно только пожалеть, что он отваживается наобум высказывать такие мнения, как следующее: «Распыление и частое вспахивание усиливают обмен воздуха внутри пористых частиц земли, увеличивают и обновляют ту их поверхность, на которую должен воздействовать воздух; но легко понять, что увеличение урожая не может быть пропорциональным труду, затраченному на поле, что, напротив, урожай возрастает в много меньшей пропорции». «Этот закон», — добавляет Либих, — «впервые следующим образом выражен Дж. Ст. Миллем в его «Principles of Political Economy», v. I, p. 17: «Что продукт земли caeteris paribus [при прочих равных условиях] возрастает в убывающей пропорции по сравнению с увеличением числа занятых рабочих» (г-н Милль даже общеизвестный закон школы Рикардо повторяет здесь в неверной формулировке, так как «the decrease of the labourers employed» [«уменьшение числа занятых рабочих»] постоянно сопровождало в Англии прогресс земледелия, и потому закон, изобретенный для Англии и в Англии, оказался бы совершенно неприменимым, по меньшей мере, в Англии), — «это — универсальный закон земледелия». Это достойно удивления, так как для Милля оставалась неизвестной причина, лежащая в основе этого закона» *(Liebig,* цит. соч., том I, стр. 143, примечание). Не говоря уже о неправильном толковании слова «труд», под которым Либих разумеет нечто иное, чем политическая экономия, во всяком случае «достойно удивления», что он делает Дж. Ст. Милля первым провозвестником теории, которую Джемс Андерсон впервые обнародовал в эпоху А. Смита и потом повторял в различных работах до начала XIX века, которую в 1815 г. присвоил себе Мальтус, вообще мастер на плагиаты (вся его теория народонаселения представляет собой бессовестный плагиат), которую Уэст тогда же развил независимо от Андерсона, которую Рикардо в 1817 г. связал с общей теорией стоимости, которая с того времени под именем Рикардо обошла весь свет, которая в 1820 г. была вульгаризована Джемсом Миллем (отцом Дж. Ст. Милля) и которая, наконец, была повторена между прочим и г-ном Дж. Ст. Миллем как избитая школьная догма. Бесспорно, что Дж. Ст. Милль почти целиком обязан своим, во всяком случае «достойным удивления», авторитетом только подобным qui pro quo.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ
ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

Выше (см. пятую главу) процесс труда рассматривался абстрактно, независимо от его исторических форм, как процесс между человеком и природой. Мы говорили там: «Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата — продукта, то и средство труда и предмет труда оба выступают как средства производства, а самый труд — как производительный труд». В примечании 7 было добавлено: «Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства». Это и подлежит здесь дальнейшему исследованию.

Пока процесс труда является чисто индивидуальным, один и тот же рабочий объединяет все те функции, которые впоследствии разделяются. При индивидуальном присвоении предметов природы для своих жизненных целей рабочий сам себя контролирует. Впоследствии его контролируют. Отдельный человек не может воздействовать на природу, не приводя в движение своих собственных мускулов под контролем своего собственного мозга. Как в самой природе голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются умственный и физический труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности. Продукт превращается вообще из непосредственного продукта индивидуального производителя в общественный, в общий продукт совокупного рабочего, т. е. комбинированного рабочего персонала, члены которого ближе или дальше стоят от непосредственного воздействия на предмет

труда. Поэтому уже самый кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупного рабочего, выполнять одну из его подфункций. Данное выше первоначальное определение производительного труда, выведенное из самой природы материального производства, всегда сохраняет свое значение в применении к совокупному рабочему, рассматриваемому как одно целое. Но оно не подходит более к каждому из его членов, взятому в отдельности.

Однако, с другой стороны, понятие производительного труда суживается. Капиталистическое производство есть не только производство товара, по самому своему существу оно есть производство прибавочной стоимости. Рабочий производит не для себя, а для капитала. Поэтому уже недостаточно того, что он вообще производит. Он должен производить прибавочную стоимость. Только тот рабочий производителен, который производит для капиталиста прибавочную стоимость или служит самовозрастанию капитала. Так, школьный учитель, — если позволительно взять пример вне сферы материального производства, — является производительным рабочим, коль скоро он не только обрабатывает детские головы, но и изнуряет себя на работе для обогащения предпринимателя. Вложит ли этот последний свой капитал в фабрику для обучения или в колбасную фабрику, от этого дело нисколько не меняется. Поэтому понятие производительного рабочего включает в себя не только отношение между деятельностью и ее полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда, но также и специфически общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием увеличения капитала. Следовательно, быть производительным рабочим — вовсе не счастье, а проклятие. В четвертой книге этой работы, где излагается история теории, будет подробнее показано, что классическая политическая экономия искони видела в производстве прибавочной стоимости решающий признак производительного рабочего. Поэтому с изменением взглядов ее на природу прибавочной стоимости изменяется и ее определение производительного рабочего. Так, по заявлению физиократов, производителен только земледельческий труд, так как только он доставляет прибавочную стоимость. Для физиократов прибавочная стоимость существует исключительно в форме земельной ренты.

Удлинение рабочего дня за те границы, в которых рабочий был бы в состоянии произвести только эквивалент стоимости своей рабочей силы, и присвоение этого прибавочного труда капиталом — вот в чем состоит производство абсолютной прибавочной стоимости. Производство абсолютной прибавочной стоимости образует всеобщую основу капиталистической системы и исходный пункт производства относительной прибавочной стоимости. При производстве относительной прибавочной стоимости рабочий день уже с самого начала разделен на две части: необходимый труд и прибавочный труд. С целью удлинить прибавочный труд сокращается необходимый труд посредством методов, позволяющих произвести эквивалент заработной платы в более короткое время. Производство абсолютной прибавочной стоимости связано только с длиной рабочего дня; производство относительной прибавочной стоимости революционизирует в корне как технические процессы труда, так и общественные группировки.

Следовательно, производство относительной прибавочной стоимости предполагает специфически капиталистический способ производства, который с его методами, средствами и условиями сам стихийно возникает и развивается лишь на основе формального подчинения труда капиталу. Вместе с тем формальное подчинение труда капиталу уступает место реальному.

Здесь достаточно простого указания на промежуточные формы [Zwitterformen], при которых прибавочный труд уже не выжимается из производителя путем прямого принуждения, но не наступило еще и его формальное подчинение капиталу. Тут капитал еще не овладел непосредственно процессом труда. Наряду с самостоятельными производителями, которые занимаются ремеслом или земледелием на основе традиционных прадедовских способов, выступает ростовщик или купец, ростовщический или торговый капитал, который, как паразит, высасывает их. Преобладание в обществе этой формы эксплуатации исключает капиталистический способ производства, хотя, с другой стороны, она может составить переходную ступень к нему, что было в конце средних веков. Наконец, как показывает пример современной работы на дому, промежуточные формы воспроизводятся кое-где и на почве крупной промышленности, принимая, однако, совершенно измененный вид.

Если, с одной стороны, для производства абсолютной прибавочной стоимости вполне достаточно формального подчинения труда капиталу, достаточно, например, чтобы ремесленник, работавший прежде самостоятельно, на себя самого, или в качестве подмастерья у цехового мастера, превратился в наем-

ного рабочего, находящегося под непосредственным контролем капиталиста, — то, с другой стороны, методы производства относительной прибавочной стоимости являются, как мы видели, в то же время методами производства абсолютной прибавочной стоимости. Ведь чрезмерное удлинение рабочего дня предстало перед нами как характернейший продукт крупной промышленности. Вообще специфически капиталистический способ производства перестает быть простым средством для производства относительной прибавочной стоимости, раз он овладел целой отраслью производства или, более того, всеми решающими отраслями производства. Он становится тогда всеобщей, общественно господствующей формой производственного процесса. Как особый метод производства относительной прибавочной стоимости, он действует теперь лишь постольку, поскольку, во-первых, охватывает отрасли промышленности, до того времени подчиненные капиталу лишь формально, следовательно поскольку он все больше распространяется. Во-вторых, поскольку отрасли промышленности, на которые он уже распространился, непрерывно революционизируются благодаря изменению методов производства.

С известной точки зрения разница между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью представляется вообще иллюзорной. Относительная прибавочная стоимость абсолютна, потому что она предполагает абсолютное удлинение рабочего дня за пределы рабочего времени, необходимого для существования самого рабочего. Абсолютная прибавочная стоимость относительна, так как она предполагает развитие производительности труда, позволяющее ограничить необходимое рабочее время частью рабочего дня. Но если обратить внимание на движение прибавочной стоимости, то это кажущееся тождество исчезнет. Раз капиталистический способ производства возник и стал всеобщим способом производства, разница между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью дает себя знать, когда дело идет о повышении нормы прибавочной стоимости вообще. Предполагая, что рабочая сила оплачивается по ее стоимости, мы становимся перед такой альтернативой: если дана производительная сила труда и нормальная степень его интенсивности, то норма прибавочной стоимости может быть повышена лишь путем абсолютного удлинения рабочего дня; с другой стороны, при данных границах рабочего дня норма прибавочной стоимости может быть повышена лишь путем изменения относительной величины составных частей рабочего дня, т. е. необходимого и прибавочного труда, что, в свою очередь, предполагает изменение производительности

или интенсивности труда, поскольку заработная плата не должна падать ниже стоимости рабочей силы.

Если рабочий все имеющееся в его распоряжении время вынужден затрачивать на производство необходимых жизненных средств для себя и своей семьи, то у него, конечно, не останется времени для безвозмездного труда в пользу третьих лиц. Таким образом, пока производительность труда не достигла определенного уровня, в распоряжении рабочего нет времени для безвозмездного труда, а пока у него нет такого времени, невозможен прибавочный труд, невозможны, следовательно, и капиталисты; но в таких условиях невозможны также рабовладельцы, феодальные бароны, одним словом — какой бы то ни было класс крупных собственников[1)].

Таким образом, можно говорить о естественном базисе прибавочной стоимости, но лишь в том совершенно общем смысле, что в природе нет какого-либо абсолютного препятствия, мешающего одному человеку сложить с себя и переложить на другого труд, необходимый для поддержания его собственного существования. С тем же самым правом можно утверждать, например, что в природе нет абсолютного препятствия, мешающего одному человеку употреблять в пищу мясо другого[1a)]. Отнюдь не следует, как это иногда делалось, связывать с этой естественно вырастающей производительностью труда мистические представления. Лишь тогда, когда люди своим трудом уже выбились из первоначального животного состояния, когда, следовательно, сам их труд уже до известной степени стал общественным, — лишь тогда возникают отношения, при которых прибавочный труд одного человека становится условием существования другого. На начальных ступенях культуры производительные силы труда ничтожны, но таковы же и потребности, развивающиеся вместе со средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от развития этих последних. Далее, на указанных первых ступенях относительная величина тех частей общества, которые живут чужим трудом, ничтожно мала по сравнению с массой непосредственных производителей. С ростом общественной производительной силы труда эти части возрастают абсолютно и относительно[2)]. Впрочем, капитали-

[1)] «Самое существование капиталистических предпринимателей, как особого класса, зависит от производительности труда» *(Ramsay,* цит. соч., стр. 206). «Если бы труд каждого человека был достаточен только для добывания его собственного пропитания, то не было бы никакой собственности» *(Ravenstone,* цит. соч., стр. 14).

[1a)] По недавно сделанным подсчётам, в пределах только уже исследованных районов земного шара живет еще по меньшей мере 4000000 каннибалов.

[2)] «У диких индейцев Америки почти все принадлежит работнику, 99 процентов продукта приходится на долю труда; в Англии на долю рабочего, может быть, не приходится и $^{2}/_{3}$» («The Advantages of the East-India Trade etc.», p. 72, 73).

стические отношения возникают на экономической почве, представляющей собой продукт длительного процесса развития. Наличная производительность труда, из которой капитал исходит как из своей основы, есть не дар природы, а дар истории, охватывающей тысячи веков.

Если мы отвлечемся от большего или меньшего развития общественного производства, то производительность труда окажется связанной с естественными условиями. Эти последние могут быть целиком сведены к природе самого человека, к его расе и т. п., и к окружающей человека природе. Внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни, следовательно плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п., и естественное богатство средствами труда, каковы: действующие водопады, судоходные реки, лес, металлы, уголь и т. д. На начальных ступенях культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях — второй род естественного богатства. Сравните, например, Англию с Индией или — в античном мире — Афины и Коринф со странами на побережье Черного моря.

Чем меньше число естественных потребностей, которые абсолютно необходимо удовлетворять, чем больше природное плодородие почвы и чем благоприятнее климат, тем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя. Тем больше, следовательно, может быть избыток его труда, идущий на других, по сравнению с трудом на самого себя. Так, уже Диодор замечает относительно древних египтян:

«Совершенно невероятно, как мало труда и издержек стоит им воспитание своих детей. Они готовят для них самую простую пищу из первых попавшихся продуктов; дают им также есть нижнюю часть папируса, которую можно запечь на огне, кроме того, корни и стебли болотных растений, частью в сыром виде, частью вареные и жареные. Большинство детей ходит без обуви и без платья, так как климат очень мягкий. Поэтому вырастить ребенка стоит родителям в общем не более двадцати драхм. Этим, главным образом, объясняется многочисленность населения в Египте, давшая возможность воздвигнуть столь много грандиозных сооружений»[3].

В действительности, однако, грандиозные сооружения Древнего Египта обязаны своим возникновением не столько многочисленности египетского населения, сколько тому обстоятельству что значительная часть его могла быть использована на это дело. Индивидуальный рабочий может доставить тем больше прибавочного труда, чем меньше его необходимое рабочее

[3] *Diodor*, цит. соч., кн. 1, гл. 80 [стр. 126].

время; то же самое относится и к рабочему населению в целом: чем меньшая часть его требуется для производства необходимых жизненных средств, тем больше остальная его часть, которую можно использовать на какое-либо другое дело.

Раз дано капиталистическое производство, то, при прочих равных условиях и при данной длине рабочего дня, величина прибавочного труда изменяется в зависимости от естественных условий труда и в особенности от плодородия почвы. Однако отсюда отнюдь не вытекает обратного положения, что наиболее плодородная почва является наиболее подходящей для роста капиталистического способа производства. Последний предполагает господство человека над природой. Слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах»[156]. Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью[4)]. Не области тропического климата с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда. Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость использовать или обуздать ее при помощи сооружений крупного масштаба, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности. Примером может послужить регулирование воды в Египте[5)], Ломбардии, Голландии и т. д. или в Индии, Персии и т. д.,

---

[4)] «Первое» (естественное богатство), «будучи более благоприятным и выгодным... делает народ беззаботным, заносчивым и предающимся всяким излишествам, в то время как второе способствует развитию бдительности, литературы, искусств и политики» («England's Treasure by Foreign Trade. Or the Balance of our Foreign Trade is the Rule of our Treasure». Written by *Thomas Mun,* of London, Merchant, and now published for the common good by his son John Mun. London, 1669, p. 181, 182). «И я не могу представить себе большего несчастья для народа, как быть брошенным на клочок земли, где природа сама производит в изобилии средства существования и пищу, а климат почти целиком освобождает от забот об одежде и защите от непогоды... Возможна и противоположная крайность. Почва, не способная производить при помощи вложенного в нее труда, совершенно так же плоха, как почва, изобильно производящая без всякого приложения труда» *(*[*N. Forster*.] «An Enquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions». London, 1767, p. 10).

[5)] Необходимость вычислять периоды подъема и спада воды в Ниле создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей земледелия. «Солнцестояние есть тот момент в году, когда вода Нила начинает прибывать, и египтяне должны были наблюдать его с особым вниманием... Им важно было определить этот период года, чтобы регулировать свои сельскохозяйственные работы. Они должны были поэтому искать на небе знак, указывающий на его возвращение» (*Cuvier.* «Discours sur les révolutions du globe», 6d. Hoefer. Paris, 1863, p. 141).

где орошение при помощи искусственных каналов не только доставляет почве необходимую для растений воду, но в то же время приносит вместе о илом минеральное удобрение с гор. Тайна хозяйственного расцвета Испании и Сицилии при господстве арабов заключалась в ирригации[6)].

Благоприятные естественные условия обеспечивают всегда лишь возможность прибавочного труда, но отнюдь не создают сами по себе действительного прибавочного труда, а следовательно, и прибавочной стоимости или прибавочного продукта. Различные естественные условия труда приводят к тому, что то же самое количество труда удовлетворяет в различных странах неодинаковые массы потребностей[7)], следовательно к тому, что при прочих равных условиях необходимое рабочее время оказывается различным. На прибавочный труд они влияют лишь как естественная граница, т. е. определяют лишь тот пункт, за пределами которого может начаться работа на Других. Эта естественная граница отодвигается назад в той мере, в какой прогрессирует промышленность. Среди западноевропейского общества, где рабочий лишь при помощи прибавочного труда может купить себе позволение трудиться для поддержания собственного существования, легко возникает иллюзия, будто доставлять прибавочный продукт является врожденным качеством человеческого труда[8)]. Но возьмем, например, жителей восточных островов азиатского архипелага, где саго растет в лесу в диком виде.

«Туземцы, просверлив в дереве дыру и убедившись, что сердцевина созрела, рубят дерево, разделяют его на несколько кусков, извлекают сердцевину, смешивают ее с водой и, отцедив воду, получают саговую муку, вполне пригодную к употреблению. Одно дерево дает обыкновенно

[6)] Одной из материальных основ государственной власти над не связанными между собой мелкими производственными организмами Индии было регулирование водоснабжения. Мусульманские властители Индии понимали это лучше, чем их английские преемники. Мы напомним лишь о голоде 1866 г., который стоил жизни более чем миллиону индийцев в округе Орисса Бенгальского президентства.

[7)] «Нет двух стран, которые доставляли бы одинаковое число средств существования в одинаковом количестве и с одной и той же затратой труда... нужды людей возрастают или уменьшаются... в зависимости от суровости или умеренности климата, в котором они живут; следовательно, те размеры, в которых жители различных стран вынуждены вести свою промышленность, не могут быть одинаковыми, и нет возможности установить степени их вариаций иначе, как в связи со степенями тепла и холода; отсюда может быть выведено то общее заключение, что количество труда, необходимое для поддержания жизни населения определенной численности, является наибольшим в условиях холодного климата и наименьшим—в условиях жаркого,, потому что в первом случае не только люди больше нуждаются в одежде, но и земля больше нуждается в обработке, чем во втором случае» («An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest». London, 1750, p. 59). Автор этого анонимного сочинения, составившего эпоху, — Дж. Масси. Юм позаимствовал из него свою теорию процента.

[8)] «Всякий труд должен» (надо думать, это тоже относится к правам и обязанностям гражданина) «оставлять некоторый излишек» (Прудон)[157].

300 фунтов, а иногда может дать и от 500 до 600 фунтов. Таким образом, там отправляются в лес нарубить себе хлеба, как у нас отправляются в лес за дровами»[9].

Допустим, что такому восточноазиатскому хлебоколу требуется 12 рабочих часов в неделю для удовлетворения всех его потребностей. Благоприятные естественные условия дают ему непосредственно лишь одно — избыток свободного времени. Для того чтобы он производительно употребил его на самого себя, необходим целый ряд исторических условий; для того чтобы он затрачивал его в виде прибавочного труда на других лиц, требуется внешнее принуждение. Если бы там было введено капиталистическое производство, то нашему молодцу пришлось бы, может быть, работать шесть дней в неделю, чтобы иметь возможность употребить в свою пользу продукт одного рабочего дня. Благоприятные естественные условия отнюдь не объясняют, почему он работает теперь шесть дней в неделю или почему дает 5 дней прибавочного труда. Они объясняют лишь, почему его необходимое рабочее время ограничено одним днем в неделю. Но его прибавочный продукт ни в коем случае не мог возникнуть из некоего таинственного свойства, присущего от природы человеческому труду.

Производительные, силы труда, — как исторически развившиеся, общественные, так и обусловленные самой природой, — кажутся производительными силами капитала, к которому приобщается труд.

Рикардо никогда не задавал себе вопроса о происхождении прибавочной стоимости. Он рассматривает ее как нечто внутренне присущее капиталистическому способу производства, который в его глазах является естественной формой общественного производства. Там, где он говорит о производительности труда, он ищет в ней не причину существования прибавочной стоимости, а лишь причину, определяющую величину последней. Между тем его школа громко провозгласила, что причиной возникновения прибыли (читай: прибавочной стоимости) является производительная сила труда. Это во всяком случае прогресс по сравнению с меркантилистами, которые, с своей стороны, выводят избыток цены продукта над издержками его производства из обмена, из продажи продуктов выше их стоимости. Однако и школа Рикардо лишь обошла проблему, а не разрешила ее. Инстинкт совершенно правильно подсказал этим буржуазным экономистам, что очень опасно слишком глубоко исследовать жгучий вопрос о происхождении приба-

[9] *F. Schouw*. «Die Erde, die Pflanzen und der Mensch», 2. Aufl. Leipzig, 1854, S. 148.

вочной стоимости. Но что сказать, когда г-н Джон Стюарт Милль через пятьдесят лет после Рикардо повторяет в ухудшенном виде негодные увертки первых вульгаризаторов Рикардо и на этом основании с чувством собственного достоинства констатирует свое превосходство над меркантилистами? Милль говорит:

«Причина прибыли заключается в том, что труд производит больше, чем необходимо для его содержания».

Пока это лишь перепевы старого; но Милль хочет присоединить сюда и кое-что свое.

«Или, выражаясь иначе, причина, по которой капитал приносит прибыль, состоит в том, что пища, платье, сырье и средства труда существуют более продолжительное время, чем необходимо для их производства».

Милль смешивает здесь продолжительность рабочего времени и продолжительность существования его продуктов. С этой точки зрения булочник, продукты которого существуют лишь один день, никогда не был бы в состоянии извлечь из своих наемных рабочих столько же прибыли, сколько извлекает машиностроитель, продукты которого существуют двадцать лет и более. Несомненно, во всяком случае, что если бы птичьи гнезда выдерживали лишь столько Времени, сколько требуется для их устройства, птицам пришлось бы обходиться без гнезд.

Установив эту основную истину, Милль устанавливает свое превосходство над меркантилистами:

«Мы видим, таким образом, что прибыль возникает не из случайного факта обмена, а из производительной силы труда; совокупная прибыль данной страны определяется всегда производительной силой труда независимо от того, имеет ли место обмен или нет. Если бы не было разделения занятий, не было бы ни купли, ни продажи, но прибыль все-таки имелась бы».

Итак, здесь обмен, купля и продажа — эти общие условия капиталистического производства — объявляются чем-то совершенно случайным; прибыль будет даже и без купли и продажи рабочей силы!

Далее:

«Если в совокупности все рабочие данной страны производят на 20% больше суммы их заработной платы, то прибыль будет 20%, каков бы ни был уровень товарных цен».

Это, с одной стороны, в высшей степени удачная тавтология, ибо если рабочие производят для своих капиталистов 20% прибавочной стоимости, то, само собой разумеется, прибыль

капиталистов будет относиться к совокупной заработной плате рабочих как 20:100. С другой стороны, совершенно неверно, что прибыль «будет 20%». Она неизбежно будет меньше, так как прибыль исчисляется на всю сумму авансированного капитала. Пусть, например, капиталист авансировал 500 ф. ст., в том числе 400 ф. ст. в форме средств производства, 100 ф. ст. в форме заработной платы. Пусть норма прибавочной стоимости, как предположено выше, 20%. Тогда норма прибыли будет 20:500, т. е. 4%, а не 20%.

Далее следует блестящий образчик того, как Милль обращается с различными историческими формами общественного производства: «Я предполагаю везде современное положение вещей, которое, за немногими исключениями, господствует повсюду, т. е. что капиталист производит все предварительные затраты, включая и оплату рабочего». Удивительный оптический обман — видеть повсюду отношения, которые до сих пор господствовали на земном шаре лишь в виде исключения. Но пойдем дальше. Милль великодушно признает, что «нет абсолютной необходимости, чтобы это было так»*. Напротив.

«Рабочий мог бы подождать уплаты всего своего заработка до полного окончания работы, если бы он имел средства, необходимые для поддержания жизни в течение. этого периода. Но в этом случае он был бы до известной степени капиталистом, который вкладывал бы капитал в предприятие и доставлял бы часть фонда, необходимого для ведения предприятия».

С таким же точно правом Милль мог бы сказать, что рабочий, ссужающий самого себя не только жизненными средствами, но и средствами труда, является в действительности своим собственным наемным рабочим. Или, что американский крестьянин оказывается своим собственным рабом, отличающимся от обыкновенного раба лишь тем, что он отбывает барщину для самого себя, а не для господина.

Доказав столь ясно, что если бы даже не существовало капиталистического производства, то оно все-таки существовало бы, Милль с той же последовательностью доказывает затем, что капиталистическое производство не существует даже и в том случае, если оно существует.

* В своем письме Н. Ф. Даниельсону (Н. —ону) от 28/XI 1878 г. Маркс предложил следующую редакцию этого абзаца: «Далее следует блестящий образчик того, как Милль обращается с различными историческими формами общественного производства: «Я предполагаю везде», — говорит он, — «современное положение вещей, которое, за немногими исключениями, господствует повсюду, где рабочие и капиталисты образуют особые классы, т. е. я предполагаю, что капиталист производит все предварительные затраты, включая и оплату рабочего». Милль хочет верить, что нет абсолютной необходимости, чтобы это было так, даже при такой экономической системе, где рабочие и капиталисты образуют особые классы». *Ред.*

«Но даже и в последнем случае» (т. е. если капиталист авансирует наемному рабочему все средства его существования) «рабочего можно рассматривать с той же самой точки зрения» (т. е. как капиталиста). «Потому что, отдавая свой труд ниже его рыночной цены (!), он как бы авансирует разницу (?) своему предпринимателю и т. д.»[9а)]

В действительности рабочий даром авансирует капиталисту свой труд в течение недели и т. д. с тем, чтобы в конце недели и т. д. получить его рыночную цену; по Миллю, это делает его капиталистом! На плоской равнине всякая кочка кажется холмом; плоскость современной буржуазной мысли лучше всего измеряется калибром ее «великих мыслителей».

[9а)] *J. St. Mill*. «Principles of Political Economy». London, 1868, p. 252—253, passim. {Приведенные места взяты из французского издания «Капитала». *Ф. Э.*}

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
ИЗМЕНЕНИЕ В ВЕЛИЧИНЕ ЦЕНЫ РАБОЧЕЙ СИЛЫ И ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Стоимость рабочей силы определяется стоимостью привычно необходимых жизненных средств среднего рабочего. Масса этих жизненных средств, несмотря на возможные изменения их формы, для данной эпохи и данного общества дана и потому должна рассматриваться как величина постоянная. Меняется только стоимость этой массы. Еще два фактора входят в определение стоимости рабочей силы. С одной стороны, издержки на ее развитие, меняющиеся с изменением способа производства, с другой стороны — естественные различия между рабочей силой мужчин и женщин, взрослых рабочих и малолетних. Потребление этих различных рабочих сил, обусловленное опять-таки способом производства, создает крупную разницу в издержках воспроизводства рабочей семьи и в стоимости взрослого рабочего мужчины. Однако оба эти фактора не принимаются в расчет в дальнейшем исследовании[9b)].

Мы предполагаем: 1) что товары продаются по их стоимости; -2) что цена рабочей силы может иногда подниматься выше стоимости, но никогда не падает ниже ее.

При таком предположении относительные величины цены рабочей силы и прибавочной стоимости определяются тремя обстоятельствами: 1) длиной рабочего дня, или экстенсивной величиной труда; 2) нормальной интенсивностью труда, или его интенсивной величиной, — тем, что определенное количество труда затрачивается в течение данного времени; 3) наконец, производительной силой труда, — тем, что в зависимости от степени развития условий производства одно и то же количество труда в течение данного времени может дать большее или меньшее количество продукта. Очевидно, что здесь возможны самые разнообразные комбинации, если один из этих

[9b)] Случай, рассмотренный на стр. 281 [стр. 327—328 настоящего тома], здесь, естественно, также исключен. {*Примечание к 3 изданию. Ф. Э.*}

трех факторов постоянен, а два изменяются, или два постоянны, а один изменяется, или же, наконец, все три изменяются одновременно. Число комбинаций увеличивается еще благодаря тому, что при одновременном изменении различных факторов величина и направление изменений могут быть различны. В дальнейшем представлены лишь главнейшие комбинации.

I. ВЕЛИЧИНА РАБОЧЕГО ДНЯ И ИНТЕНСИВНОСТЬ ТРУДА ПОСТОЯННЫ (ДАНЫ), ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ СИЛА ТРУДА ИЗМЕНЯЕТСЯ

При этом предположении стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость определяются тремя законами.

Во-первых: Рабочий день данной величины всегда выражается в одной и той же вновь произведенной стоимости, как бы ни изменялась производительность труда и вместе с ней масса продуктов, а следовательно, и цена единицы товара.

Вновь созданная в двенадцатичасовой рабочий день стоимость равна, например, 6 шилл., хотя количество произведенных потребительных стоимостей изменяется вместе с производительной силой труда и, стало быть, стоимость в 6 шилл. распределяется на большее или меньшее количество товаров.

Во-вторых: Стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость изменяются в противоположном направлении. Изменение производительной силы труда, ее возрастание или уменьшение, влияет на стоимость рабочей силы в обратном направлении, а на прибавочную стоимость — в прямом.

Вновь созданная в двенадцатичасовой рабочий день стоимость есть величина постоянная, например 6 шиллингов. Эта постоянная величина равна сумме прибавочной стоимости плюс стоимость рабочей силы, которую рабочий замещает эквивалентом. Само собой разумеется, что из двух слагаемых постоянной величины ни одно не может увеличиться без того, чтобы другое не уменьшилось. Стоимость рабочей силы не может повыситься с 3 шилл. до 4 без того, чтобы прибавочная стоимость не понизилась с 3 шилл. до 2, и, наоборот, прибавочная стоимость не может повыситься с 3 шилл. до 4 без понижения стоимости рабочей силы с 3 шилл. до 2. Следовательно, при данных условиях невозможно изменение абсолютной величины стоимости рабочей силы или прибавочной стоимости без одновременного изменения их относительных или сравнительных величин. Они не могут повышаться или понижаться одновременно.

Далее, стоимость рабочей силы не может понизиться, и, следовательно, прибавочная стоимость не может повыситься, если не повышается производительная сила труда; так, в вышеприведенном примере стоимость рабочей силы может понизиться с 3 шилл. до 2 лишь в том случае, если. повышенная производительная сила труда позволяет произвести в течение 4 часов ту же самую массу жизненных средств, которая раньше требовала для своего производства 6 часов. Наоборот, стоимость рабочей силы не может повыситься с 3 шилл. до 4, если производительная сила труда не упадет так, что будет требоваться 8 часов для производства той же самой массы жизненных средств, для которой раньше было достаточно 6 часов. Отсюда следует, что увеличение производительности труда понижает стоимость рабочей силы и тем самым повышает прибавочную стоимость, и, наоборот, уменьшение производительности труда повышает стоимость рабочей силы и понижает прибавочную стоимость.

Формулируя этот закон, Рикардо упустил из виду одно обстоятельство: хотя изменение величины прибавочной стоимости, или прибавочного труда, предполагает обратное изменение величины стоимости рабочей силы, или необходимого труда, однако отсюда отнюдь не следует, что эти величины изменяются в одной и той же пропорции. Здесь имеет место увеличение или уменьшение на одну и ту же величину. Но та пропорция, в какой увеличивается или уменьшается каждая из составных частей вновь созданной стоимости или рабочего дня, зависит от первоначального разделения, имевшего место до изменения производительной силы труда. Пусть стоимость рабочей силы 4 шилл., или необходимое рабочее время 8 часов, прибавочная стоимость 2 шилл., или прибавочный труд 4 часа; если вследствие повышения производительной силы труда стоимость рабочей силы понизится до 3 шилл., или необходимое рабочее время — до 6 часов, то прибавочная стоимость возрастет до 3 шилл., или прибавочный труд — до 6 часов. Одна и та же величина в 2 часа, или 1 шилл., в одном случае прибавляется, в другом — отнимается. Но относительное изменение величин в обоих случаях различно. В то время как стоимость рабочей силы падает с 4 шилл. до 3, следовательно на $^{1}/_{4}$» или 25%, прибавочная стоимость повышается с 2 шилл. до 3, т. е. наполовину, или на 50%. Отсюда следует, что та пропорция, в которой возрастает или уменьшается прибавочная стоимость вследствие данного изменения производительной силы труда, тем больше, чем меньше, и тем меньше, чем больше была первоначально часть рабочего дня, выражающаяся в прибавочной стоимости.

В-третьих: Возрастание или уменьшение прибавочной стоимости всегда является следствием, но никогда не бывает причиной соответственного уменьшения или возрастания стоимости рабочей силы[10].

Так как рабочий день есть величина постоянная и выражается в неизменной величине стоимости, так как, далее, каждому изменению величины прибавочной стоимости соответствует противоположное изменение стоимости рабочей силы и так как стоимость рабочей силы может изменяться лишь при изменении производительной силы труда, то отсюда, очевидно, следует, что при указанных условиях всякое изменение величины прибавочной стоимости возникает вследствие обратного изменения величины стоимости рабочей силы. Если раньше мы видели, что никакое изменение абсолютных величин стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости невозможно без изменения их относительных величин, то теперь мы видим, что никакое изменение их относительных величин невозможно без изменения абсолютной величины стоимости рабочей силы.

Согласно третьему закону, изменение величины прибавочной стоимости предполагает изменение стоимости рабочей силы, вызванное изменением производительной силы труда. Граница первого изменения дана новым уровнем стоимости рабочей силы. Однако даже при условии, что обстоятельства позволяют рассматриваемому закону обнаружить свое действие, возможны промежуточные изменения. Так, например, если вследствие повышения производительной силы труда стоимость рабочей силы падает с 4 шилл. до 3, или необходимое рабочее время — с 8 часов до 6, то цена рабочей силы может упасть всего до 3 шилл. 8 пенсов, 3 шилл. 6 пенсов, 3 шилл. 2 пенсов и т. д., и, следовательно, прибавочная стоимость поднимется лишь до 3 шилл. 4 пенсов, 3 шилл. 6 пенсов, 3 шилл. 10 пенсов и т. д. Степень падения, нижней границей которого являются 3 шилл., зависит от относительного веса, который имеет давление капитала с одной стороны, сопротивление рабочих — с другой.

---

[10] К этому третьему закону Мак-Куллох делает, между прочим, то нелепое добавление, что прибавочная стоимость может повышаться и без понижения стоимости рабочей силы, благодаря отмене налогов, которые раньше капиталист должен был платить. Отмена таких налогов абсолютно ничего не изменяет в количестве прибавочной стоимости, непосредственно высасываемой из рабочего промышленным капиталистом. Она изменяет лишь ту пропорцию, в которой капиталист должен поделить прибавочную стоимость между своим карманом и третьими лицами. Таким образом, она оставляет совершенно неизменным отношение между стоимостью рабочей силы и прибавочной стоимостью. Следовательно, исключение Мак-Куллоха доказывает лишь непонимание им общего правила; это несчастье постигает его при вульгаризации Рикардо столь же часто, как Ж. Б. Сэя — при вульгаризации А. Смита.

Стоимость рабочей силы определяется стоимостью определенного количества жизненных средств. С изменением производительной силы труда меняется стоимость этих жизненных средств, а не их масса. При повышении производительной силы труда масса жизненных средств как рабочего, так и капиталиста может расти одновременно и в одной и той же пропорции без какого-либо изменения в отношении величин цены рабочей силы и. прибавочной стоимости. Если первоначальная стоимость рабочей силы 3 шилл., а необходимое рабочее время равно 6 часам, и если прибавочная стоимость также 3 шилл., т. е. прибавочный труд равен также 6 часам, то удвоение производительной силы труда при прежнем разделении рабочего дня оставит цену рабочей силы и прибавочную стоимость без изменения. Только теперь каждая из них будет выражаться в двойном количестве, но соответственно удешевленных, потребительных стоимостей. Хотя цена рабочей силы осталась неизменной, она все же стоит теперь выше ее стоимости. Если бы цена рабочей силы упала, но не до нижней границы в $1^1/_2$ шилл., определяемой ее новой стоимостью, а до 2 шилл. 10 пенсов, 2 шилл. 6 пенсов и т. д., то даже эта упавшая цена все же представляла бы возросшую массу жизненных средств. Таким образом, при повышающейся производительной силе труда цена рабочей силы могла бы падать непрерывно наряду с непрерывным же ростом массы жизненных средств рабочего. Но при этом относительно, т. е. по сравнению с прибавочной стоимостью, стоимость рабочей силы все время уменьшалась бы, и, следовательно, все глубже становилась бы пропасть между жизненными уровнями рабочего и капиталиста[11)].

Рикардо первый строго формулировал три установленных выше закона. Недостатки его изложения следующие: 1) Те особые условия, при которых имеют силу эти законы, он считает само собой разумеющимися, всеобщими и исключительными условиями капиталистического производства. Для него не существует изменений ни в длине рабочего дня, ни в интенсивности труда, так что производительность труда сама по себе становится для него единственным переменным фактором. 2) Подобно всем другим экономистам, Рикардо никогда не исследовал прибавочную стоимость как таковую, т. е. незави-

[11)] «Когда наступает изменение в производительности промышленности и данным количеством труда и капитала производится больше или меньше продукта, относительная величина заработной платы может заметно изменяться, в то время как количество продуктов, представляемое этой относительной величиной, остается то же самое; или же может изменяться количество продуктов, в то время как относительная величина заработной платы остается неизменной» ([*J. Cazenove.*] «Outlines of Political Economy etc.», p. 67).

симо от ее особых форм, каковы: прибыль, земельная рента и т. д. И эта вторая неправильность внесла в его анализ ошибки гораздо более значительные, чем первая. Законы, касающиеся нормы прибавочной стоимости, он непосредственно сваливает в одну кучу с законами нормы прибыли. Между тем, как уже было сказано, норма прибыли есть отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, тогда как норма прибавочной стоимости есть отношение прибавочной стоимости к одной лишь переменной части этого капитала. Пусть капитал в 500 ф. ст. *(K)* разделяется на сырье, средства труда и т. д., составляющие вместе 400 ф. ст. (с), и 100 ф. ст. заработной платы *(v)*; пусть, далее, прибавочная стоимость = 100 ф. ст. *(m)*. Тогда норма прибавочной стоимости $^{m}/_{v}$ = 100 ф. ст./100 ф. ст. =100%. Между тем норма прибыли $^{m}/_{K}$ = 100 ф. ст./500 ф. ст. = 20%. Очевидно, кроме того, что норма прибыли может зависеть от обстоятельств, не оказывающих никакого влияния на норму прибавочной стоимости. Впоследствии, в третьей книге этой работы, я, покажу, что при определенных обстоятельствах одна и та же норма прибавочной стоимости может выразиться в самых различных нормах прибыли и различные нормы прибавочной стоимости — в одной и той же норме прибыли.

II. РАБОЧИЙ ДЕНЬ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ СИЛА ТРУДА ПОСТОЯННЫ, ИНТЕНСИВНОСТЬ ТРУДА ИЗМЕНЯЕТСЯ

Растущая интенсивность труда предполагает увеличенную затрату труда в течение одного и того же промежутка времени. Более интенсивный рабочий день воплощается поэтому в большем количестве продуктов, чем менее интенсивный день той же продолжительности. Правда, и при повышении производительной силы тот же самый рабочий день доставляет больше продукта. Но в последнем случае понижается стоимость единицы продукта, так как продукт стоит меньше труда, чем раньше; наоборот, в первом случае стоимость единицы продукта остается неизменной, так как продукт стоит того же труда, что и раньше. Количество продуктов возрастает здесь, не вызывая падения их цены. Вместе с их количеством растет и сумма их цен, тогда как при повышении производительной силы та же самая сумма стоимости выражается в возросшей массе продуктов. Таким образом, при неизменном количестве

рабочих часов более интенсивный рабочий день воплощается в более высокой вновь созданной стоимости, а следовательно, если стоимость денег не меняется, — в большем количестве денег. Вновь созданная в течение рабочего дня стоимость изменяется с отклонением его интенсивности от нормального общественного уровня. Тот же самый рабочий день выражается теперь уже не в постоянной, как раньше, а в переменной вновь созданной стоимости, как, например, двенадцатичасовой день повышенной интенсивности в 7 шилл., 8 шилл. и т. д. вместо 6 шилл., в которых выражается двенадцатичасовой рабочий день обычной интенсивности. Очевидно, что раз вновь создаваемая в течение рабочего дня стоимость изменяется, например с 6 до 8 шилл., то обе составные части этой стоимости — цена рабочей силы и прибавочная стоимость — могут возрастать одновременно в равной или неравной степени. Цена рабочей силы и прибавочная стоимость могут одновременно возрасти с 3 шилл. до 4, если вновь созданная стоимость возрастает с 6 шилл. до 8. В данном случае возрастание цены рабочей силы не связано необходимо с повышением этой цены над стоимостью. Оно может, наоборот, сопровождаться падением ее ниже* стоимости. Последнее имеет место во всех тех случаях, когда повышение цены рабочей силы не компенсирует ее ускоренного изнашивания.

Нам известно, что, за преходящими исключениями, изменение производительности труда лишь в том случае вызывает изменение в величине стоимости рабочей силы, а следовательно, и в величине прибавочной стоимости, когда продукты рассматриваемой отрасли промышленности входят в обычное потребление рабочего. Это ограничение в данном случае отпадает. Изменяется ли количество затраченного труда экстенсивно или интенсивно, изменению этой величины во всяком случае соответствует изменение величины вновь создаваемой стоимости, какова бы ни была природа тех предметов, в которых эта стоимость воплощается.

Если бы интенсивность труда поднялась во всех отраслях промышленности одновременно и равномерно, то новая повышенная степень интенсивности стала бы обычным общественно нормальным уровнем и, следовательно, уже не учитывалась бы более как экстенсивная величина. Однако и в этом случае средние степени интенсивности труда у различных наций остались бы различными и потому видоизменяли бы применение закона стоимости к рабочим дням различных наций. Более

* В оригинале, по-видимому вследствие описки, слово «ниже» отсутствует. *Ред.*

интенсивный рабочий день одной нации выражается в более крупной сумме денег, чем менее интенсивный день другой нации[12)].

III. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ СИЛА И ИНТЕНСИВНОСТЬ ТРУДА ПОСТОЯННЫ, РАБОЧИЙ ДЕНЬ ИЗМЕНЯЕТСЯ

Рабочий день может изменяться в двух направлениях. Он может сокращаться и удлиняться.

1) Сокращение рабочего дня при данных условиях, т. е. при неизменной производительной силе и интенсивности труда, оставляет без перемены стоимость рабочей силы, а следовательно, и необходимое рабочее время. Оно сокращает прибавочный труд и прибавочную стоимость. С падением абсолютной величины последней падает и ее относительная величина, т. е. ее величина по отношению к неизменной величине стоимости рабочей силы. Только путем понижения цены рабочей силы ниже ее стоимости капиталист мог бы в данном случае избавиться от потерь.

Все ходячие возражения против сокращения рабочего дня предполагают, что явление совершается при допущенных здесь условиях, между тем в действительности имеет место обратное: изменение производительности и интенсивности труда или предшествует сокращению рабочего дня, или непосредственно следует за ним[13)].

2) Удлинение рабочего дня. Пусть необходимое рабочее время 6 часов, или стоимость рабочей силы — 3 шилл., прибавочный труд также 6 часов и прибавочная стоимость 3 шиллинга. Весь рабочий день составляет тогда 12 часов и выражается в продукте стоимостью в 6 шиллингов. Если рабочий день удлиняется на 2 часа и цена рабочей силы остается без изменения, то вместе с абсолютной величиной прибавочной стоимости растет и ее относительная величина. Хотя стоимость рабочей силы по абсолютной своей величине не изменяется, относительно она падает. При условиях, предположенных в разделе I, относительная величина стоимости рабочей силы

[12)] «При прочих равных условиях английский фабрикант может в течение данного промежутка времени произвести значительно бо̲льшую сумму продуктов, чем иностранный фабрикант, благодаря чему уравновешивается разница между 60-часовой рабочей неделей у нас и 72- или 80-часовой за границей» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1855», p. 65). Более значительное законодательное сокращение рабочего дня на континентальных фабриках было бы вернейшим средством уменьшить эту разницу между континентальным и английским рабочим часом.

[13)] «Существуют компенсирующие обстоятельства... как это было показано действием акта о десятичасовом рабочем дне» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», p. 7).

не могла бы изменяться без изменения ее абсолютной величины. Здесь, напротив, изменение относительной величины стоимости рабочей силы есть результат изменения абсолютной величины прибавочной стоимости.

Так как вновь созданная стоимость, в которой выражается рабочий день, растет вместе с удлинением его, то цена рабочей силы и прибавочная стоимость могут возрасти одновременно на одну и ту же или на различные величины. Этот одновременный рост возможен, следовательно, в двух случаях: при абсолютном удлинении рабочего дня и при растущей интенсивности труда без такого удлинения.

При удлинении рабочего дня цена рабочей силы может упасть ниже ее стоимости, хотя бы номинально она осталась неизменной или даже повысилась. Ведь дневная стоимость рабочей силы определяется, как мы помним, из расчета нормальной средней продолжительности или нормального периода жизни рабочего и нормального, свойственного человеческой природе превращения жизненной субстанции в движение[14]. До известного пункта повышенное изнашивание рабочей силы, неразрывно связанное с удлинением рабочего дня, может быть компенсировано более высокой оплатой. За пределами этого пункта изнашивание растет в геометрической прогрессии и в то же время разрушаются все нормальные условия воспроизводства и функционирования рабочей силы. Цена рабочей силы и степень ее эксплуатации перестают быть соизмеримыми величинами.

IV. ОДНОВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ, ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ И ИНТЕНСИВНОСТИ ТРУДА

Очевидно, здесь возможно большое число комбинаций. Могут одновременно изменяться все три фактора или любые два при третьем неизменном. Они могут изменяться в одинаковой или в различной степени, в одном и том же или в противоположных направлениях, причем в последнем случае изменения компенсируются отчасти или вполне. Впрочем, после выводов, сделанных нами в разделах I, II и III, анализ всех возможных случаев не представляет затруднений. Результат любой возможной комбинации отыскивается, если последовательно рассматривать каждый из факторов как пере-

[14] «Количество труда, затраченного человеком в течение 24 часов, может быть приблизительно определено путем исследования химических изменений, имевших место в его теле, так как измененные формы материи указывают на предшествующую затрату двигательной силы» *(Grove.* «On the Correlation of Physical Forces»).

менный, предполагая остальные постоянными. Поэтому здесь мы отметим вкратце лишь два важных случая.

1) Уменьшающаяся производительная сила труда при одновременном удлинении рабочего дня.

Говоря об уменьшающейся производительной силе труда, мы имеем здесь в виду те отрасли труда, продукты которых определяют стоимость рабочей силы, например, понижение производительной силы труда вследствие возрастающего неплодородия почвы и соответственного вздорожания продуктов земледелия. Пусть рабочий день продолжается 12 часов, а созданная в течение дня новая стоимость составляет 6 шилл., из которых половина возмещает стоимость рабочей силы, а другая половина образует прибавочную стоимость. Следовательно, рабочий день распадается на 6 часов необходимого и 6 часов прибавочного труда. Пусть вследствие вздорожания земледельческих продуктов стоимость рабочей силы повышается с 3 до 4 шилл., следовательно необходимое рабочее время — с 6 до 8 часов. Если рабочий день остается неизменным, то прибавочный труд падает с 6 до 4 часов, прибавочная стоимость с 3 до 2 шиллингов. Если рабочий день удлиняется на два часа, т. е. с 12 до 14 часов, то прибавочный труд остается равным 6 часам, прибавочная стоимость — 3 шиллингам. Но по сравнению со стоимостью рабочей силы, измеряемой необходимым трудом, величина прибавочной стоимости падает. Если рабочий день удлиняется на 4 часа, с 12 до 16 часов, то отношение прибавочной стоимости к стоимости рабочей силы, прибавочного труда к необходимому, остается без перемены, но абсолютная величина прибавочной стоимости возрастает с 3 до 4 шилл., абсолютная величина прибавочного труда — с 6 до 8 часов, следовательно на $^1/_3$, или на $33^1/_3$%. Таким образом, при уменьшении производительной силы труда и одновременном удлинении рабочего дня абсолютная величина прибавочной стоимости может остаться без изменения, в то время как относительная величина ее падает; ее относительная величина может оставаться неизменной, в то время как абсолютная величина растет, и, наконец, при известной степени удлинения рабочего дня может одновременно расти и относительная и абсолютная величина прибавочной стоимости.

В период с 1799 по 1815 г. рост цен на жизненные средства вызвал в Англии номинальное повышение заработной платы, хотя действительная, выраженная в жизненных средствах, заработная плата упала. Отсюда Уэст и Рикардо вывели заключение, что уменьшение производительности земледельческого труда вызвало падение нормы прибавочной стоимости,

и сделали это существовавшее только в их фантазии предположение исходным пунктом важного анализа соотношения величин заработной платы, прибыли и земельной ренты. Но в действительности, благодаря возросшей интенсивности труда и насильственному удлинению рабочего дня, прибавочная стоимость возросла в то время и абсолютно и относительно. Это был период, когда чрезмерное удлинение рабочего дня приобрело права гражданства[15)], период, для которого особенно характерны на одной стороне ускоренный рост капитала, на другой — пауперизма[16)].

2) Возрастающая интенсивность и производительная сила труда при одновременном сокращении рабочего дня.

Повышение производительной силы труда и рост его интенсивности в одном отношении: оказывают одинаковое действие. И то и другое увеличивает массу продуктов, производимую в данный промежуток времени. Следовательно, и то и другое сокращает ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на производство своих жизненных средств или их эквивалента. Абсолютная минимальная граница рабочего дня определяется вообще этой его необходимой, хотя и поддающейся сокращению составной частью. Если бы к ней свелся весь рабочий день, то исчез бы прибавочный труд, что невозможно

[15)] «Хлеб и труд редко идут совершенно вровень. Но существует очевидная граница, за пределами которой они не могут быть разделены. Что касается тех необычайных усилий, которые трудящиеся классы предпринимали в период дороговизны, усилий, вызвавших падение заработной платы, отмечаемое в свидетельских показаниях» (а именно перед парламентскими комитетами 1814—1815 гг.), «то они, конечно, делают тесть отдельным лицам и способствуют росту капитала. Но ни один гуманный человек не пожелает, чтобы они остались постоянными и неослабевающими. Они заслуживают всяческой похвалы как временный выход; но если бы они стали постоянными, то получились бы результаты, аналогичные тем, какие имеют место, когда население страны располагает продовольствием в крайне скудных размерах» (*Malthus.* «Inquiry into the Nature and Progress of Rent». London, 1815, p. 48, примечание). Мальтусу делает честь то, что он подчеркивает здесь удлинение рабочего дня, на которое он прямо указывает и в другом месте своего памфлета, тогда как Рикардо и другие, несмотря на вопиющие факты этого рода, рассматривают во всех своих исследованиях рабочий день как величину постоянную. Но консервативные интересы, слугою которых был Мальтус, мешали ему видеть, что чрезмерное удлинение рабочего дня вместе с необычайным развитием машин и эксплуатацией женского и детского труда должно было сделать «избыточной» значительную часть рабочего класса, в особенности с прекращением созданного войной спроса и английской монополии на мировом рынке. Само собой разумеется, было гораздо удобнее, гораздо более соответствовало интересам господствующих классов, которым Мальтус поклонялся с чисто поповским усердием, объяснять это «перенаселение» вечными законами природы, а не исключительно историческими естественными законами капиталистического производства.

[16)] «Главная причина возрастания капитала во время войны проистекала из больших усилий и, быть может, больших лишений трудящихся классов, наиболее многочисленных в каждом обществе. Большее количество женщин и детей силой обстоятельств было вынуждено заняться промышленным трудом; и прежние работники по той же самой причине должны были посвятить большую часть своего времени увеличению производства» («Essays on Political Economy in which are illustrated the Principal Causes of the Present National Distress». London, 1830, p. 248).

при режиме капитала. Устранение капиталистической формы производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. Однако необходимый труд, при прочих равных условиях, должен все же расширить свои рамки. С одной стороны потому, что условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления.

Чем сильнее растет производительная сила труда, тем больше может быть сокращен рабочий день, а чем больше сокращается рабочий день, тем сильнее может расти интенсивность труда. С общественной точки зрения производительность труда возрастает также с его экономией. Последняя включает в себя не только экономию средств производства, но и устранение всякого бесполезного труда. Хотя капиталистический способ производства принуждает к экономии в каждом отдельном предприятии, тем не менее его анархическая система конкуренции вызывает безмерное расточение общественных средств производства и рабочих сил, а также множество функций, в настоящее время неизбежных, но по существу дела излишних.

При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно, время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивидуума, тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми работоспособными членами общества, чем меньше возможность для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда. С этой стороны абсолютной границей для сокращения рабочего дня является всеобщность труда. В капиталистическом обществе свободное время одного класса создается посредством превращения всей жизни масс в рабочее время.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМУЛЫ НОРМЫ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Как мы видели, норма прибавочной стоимости выражается в следующих формулах:

$$\text{I)}\ \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{переменный капитал}}\left(\frac{m}{v}\right)=\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость рабочей силы}}=$$

$$=\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}.$$

Две первые формулы выражают в виде отношения стоимостей то же самое, что третья формула выражает в виде отношения отрезков времени, в течение которых эти стоимости производятся. Эти взаимно заменяющие друг друга формулы являются строго логичными. Мы находим их поэтому уже в классической политической экономии, правда, не в сознательно разработанном виде, а лишь по существу. Но зато мы встречаем там следующие производные формулы:

$$\text{II)}\ \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{рабочий день}}=\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость продукта}}=$$

$$=\frac{\text{прибавочный продукт}}{\text{совокупный продукт}}.$$

Одно и то же отношение попеременно выражается здесь то в форме рабочего времени, то в форме стоимостей, в которых воплощается это рабочее время, то в форме продуктов, в которых существуют эти стоимости. Само собой разумеется, что под стоимостью продукта здесь следует понимать стоимость, вновь созданную в продолжение рабочего дня, — постоянная ню часть стоимости продукта исключается.

Во всех этих формулах действительная степень эксплуатации труда, или норма прибавочной стоимости, выражена неправильно. Пусть рабочий день равняется 12 часам. Сохранив все остальные допущения нашего прежнего примера, мы

в этом случае выразим степень действительной эксплуатации труда в следующих отношениях:

$$\frac{\text{6 часов прибавочного труда}}{\text{6 часов необходимого труда}} = \frac{\text{прибавочная стоимость в 3 шилл.}}{\text{переменный капитал в 3 шилл.}} = 100\%.$$

Между тем, применяя формулы II), мы получим:

$$\frac{\text{6 часов прибавочного труда}}{\text{рабочий день в 12 часов}} = \frac{\text{прибавочная стоимость в 3 шилл.}}{\text{вновь созданная стоим. в 6 шилл.}} = 50\%.$$

Эти производные формулы в действительности выражают то отношение, в котором рабочий день или созданная в течение его стоимость распределяется между капиталистом и рабочим. Но если они принимаются за непосредственное выражение степени самовозрастания капитала, то тем самым устанавливается ложный закон: прибавочный труд, или прибавочная стоимость, никогда не может достигнуть 100%[17]. Так как прибавочный труд всегда составляет лишь часть рабочего дня и прибавочная стоимость — лишь часть всей вновь созданной стоимости, то прибавочный труд всегда необходимо должен быть меньше, чем весь рабочий день, или прибавочная стоимость меньше, чем вся вновь созданная стоимость. Но для того чтобы относиться друг к другу как $^{100}/_{100}$ они должны быть равны между собой. Чтобы прибавочный труд мог поглотить весь рабочий день (дело идет о среднем дне рабочей недели, рабочего года и т. д.), необходимый труд должен понизиться до нуля. Но если исчезает необходимый труд, исчезает и прибавочный труд,

---

[17] См., например, «Dritter Brief an v. Kirchmann von *Rodbertus.* Widerlegung der Ricardo'schen Lehre von der Grundrente und Begrundung einer neuen Rentetheorie». Berlin, 1851. Я впоследствии вернусь к этой работе, которая, несмотря на ложную теорию земельной ренты, правильно улавливает сущность капиталистического производства. {*Добавление к 3 изданию.* Читатель видит, как благожелательно относился Маркс к своим предшественникам, когда он находил у них действительный шаг вперед, какую-либо верную новую мысль. Между тем опубликованные за последнее время письма Родбертуса к Руд. Мейеру заставляют до известной степени ограничить вышеприведенную оценку Маркса. Мы читаем там: «Необходимо спасти капитал не только от труда, но и от самого себя, а это фактически лучше всего достигается тем, что деятельность предпринимателя-капиталиста рассматривается как народнохозяйственные или государственно-хозяйственные функции, возложенные на него капиталистической собственностью, а его доход — как особый вид жалованья, ибо никакой иной социальной организации мы еще не знаем. Но жалованье может быть урегулировано и понижено, если оно слишком много отнимает от заработной платы. Точно также следует отразить предпринятую Марксом атаку на общество, — так я назвал бы его книгу... Вообще книга Маркса представляет собой не столько исследование, посвященное капиталу, сколько полемику против современной формы капитала, которую он смешивает с самым понятием капитала, откуда и проистекают его ошибки» («Briefe etc. von Dr. *Rodbertus-Jagetzow,* herausgegeben von Dr. Rud. Meyer». Berlin, 1881, Bd. I, S. 111, 48-е письмо Родбертуса). — В таких идеологических банальностях совершенно теряются смелые задатки «социальных писем» Родбертуса. *Ф. Э.*}

потому что последний есть только функция первого. Поэтому отношение $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{рабочий день}} = \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{вновь созданная стоимость}}$ никогда не может достигнуть предела $^{100}/_{100}$ и тем более не может подняться до $^{100+x}/_{100}$. Но это вполне возможно для нормы прибавочной стоимости или действительной степени эксплуатации труда. Возьмем для примера вычисление г-на Л. де Лаверня, согласно которому английский сельскохозяйственный рабочий получает лишь $^1/_4$, а капиталист (арендатор) $^3/_4$ продукта[18] или его стоимости, причем мы совершенно оставляем в стороне вопрос, каким образом распределяется затем эта добыча между капиталистом, земельным собственником и т. д. Согласно этому прибавочный труд английского сельскохозяйственного рабочего относится к его необходимому труду, как 3:1, норма эксплуатации равна 300%.

Присущий классической политической экономии метод рассматривать рабочий день как величину постоянную укрепился благодаря применению формул II), так как здесь прибавочный труд сравнивается всегда с рабочим днем данной величины. Тот же самый результат получается, если обращают внимание исключительно на распределение вновь созданной стоимости. Рабочий день, уже воплотившийся во вновь созданной стоимости, всегда является рабочим днем данной величины.

Выражение прибавочной стоимости и стоимости рабочей силы в виде частей вновь созданной стоимости, — впрочем, такой способ выражения вырастает из самого капиталистического способа производства, и мы выясним впоследствии его значение, — скрывает специфический характер капиталистического отношения, а именно тот факт, что переменный капитал обменивается на живую рабочую силу и что соответственно этому рабочий отстраняется от продукта. Вместо этого создается ложная видимость отношения товарищества, при котором капиталист и рабочий делят между собой продукт сообразно доле участия каждого из них в образовании его[19].

---

[18] Само собой разумеется, при этом вычислении вычтена та часть продукта, которая лишь возмещает затраты постоянного капитала. — Г-н Л. де Лавернь, слепой поклонник Англии, скорее преуменьшает, чем преувеличивает это отношение.

[19] Так как все развитые формы капиталистического процесса производства суть формы кооперации, то нет, конечно, ничего легче, как абстрагироваться от свойственного им антагонистического характера и расписать их в виде форм свободной ассоциации. Это проделал, например, граф А. де Лаборд в «De l'Esprit d'Association dans tous les Interets de la Communaute». Paris, 1818. Янки Г. Кэри с таким же успехом проделывает порой этот же фокус даже применительно к отношениям рабской системы.

Впрочем, формулы II) всегда могут быть обратно превращены в формулы I). Если, например, мы имеем:

$$\frac{\text{прибавочный труд в 6 часов}}{\text{рабочий день в 12 часов}},$$

то необходимое рабочее время равно рабочему дню в двенадцать часов минус прибавочный труд в шесть часов. Получаем, следовательно:

$$\frac{\text{прибавочный труд в 6 часов}}{\text{необходимый труд в 6 часов}} = \frac{100}{100}.$$

Третья формула, которую я при случае уже приводил, забегая вперед, такова:

$$\text{III)}\ \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость рабочей силы}} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}} = \frac{\text{неоплаченный труд}}{\text{оплаченный труд}}.$$

Формула $\frac{\text{неоплаченный труд}}{\text{оплаченный труд}}$ могла бы дать повод подумать, будто капиталист оплачивает труд, а не рабочую силу, но возможность такого недоразумения устранена предшествующим изложением. Формула $\frac{\text{неоплаченный труд}}{\text{оплаченный труд}}$ есть лишь популярное выражение формулы $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$. Капиталист оплачивает стоимость или отклоняющуюся от нее цену рабочей силы и при помощи обмена получает в свое распоряжение самое живую рабочую силу. Использование им этой рабочей силы распадается на два периода. В течение одного периода рабочий производит лишь стоимость, равную стоимости его рабочей силы, следовательно лишь эквивалент. Таким образом взамен авансированной цены рабочей силы капиталист получает продукт такой же цены. Дело происходит так, будто капиталист купил продукт в готовом виде на рынке. Наоборот, в период прибавочного труда использование рабочей силы создает для капиталиста стоимость, за которую он ничего не платит[20]. Здесь функционирование рабочей силы достается ему даром. В этом смысле прибавочный труд может быть назван неоплаченным трудом.

[20] Хотя физиократы не раскрыли тайны прибавочной стоимости, им все же было ясно то, что, прибавочная стоимость есть «такое богатство, которым он» (владелец богатства) «может самостоятельно и свободно распоряжаться, богатство, которое он не купил, но которое он продает» *(Turgot.* «Reflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses», p. 11).

Итак, капитал есть не только командование над трудом, как выражается А. Смит. Он по существу своему есть командование над неоплаченным трудом. Всякая прибавочная стоимость, в какой бы особенной форме она впоследствии ни кристаллизовалась, в виде ли прибыли, процента, ренты и т. п., по самой своей субстанции есть материализация неоплаченного рабочего времени. Тайна самовозрастания капитала сводится к тому, что капитал располагает определенным количеством неоплаченного чужого труда.

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ
ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
ПРЕВРАЩЕНИЕ СТОИМОСТИ, СООТВЕТСТВЕННО И ЦЕНЫ, РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ

На поверхности буржуазного общества заработная плата рабочего представляется в виде цены труда, в виде определенного количества денег, уплачиваемых за определенное количество труда. При этом говорят о стоимости труда и ее денежное выражение называют необходимой или естественной ценой труда. С другой стороны, говорят о рыночных ценах труда, т. е. о ценах, колеблющихся выше или ниже его необходимой цены.

Но что такое стоимость товара? Предметная форма затраченного при его производстве общественного труда. А чем измеряем мы величину стоимости товара? Величиной содержащегося в нем труда. Чем же могла бы определяться стоимость, например, двенадцатичасового рабочего дня? Очевидно лишь 12 часами труда, содержащимися в двенадцатичасовом рабочем дне; но это плоская тавтология[21)].

Для того чтобы быть проданным на рынке в качестве товара, труд во всяком случае должен существовать до этой

[21)] «Г-н Рикардо довольно искусно обходит ту трудность, которая на первый взгляд грозит опрокинуть его учение о том, что стоимость зависит от количества труда, примененного в производстве. Если проводить этот принцип со всей строгостью, то из него вытекает, что стоимость труда зависит от количества труда, примененного в его производстве, — что, очевидно, нелепо. Поэтому г-н Рикардо ловким маневром ставит стоимость труда в зависимость от количества труда, требующегося для производства заработной платы, или, говоря его собственными словами, стоимость труда следует определять количеством труда, требующимся для того, чтобы произвести заработную плату; а под этим он подразумевает количество труда, требующееся для производства денег или товаров, получаемых рабочим. Это то же, как если бы мы сказали, что стоимость сукна следует определять не тем количеством труда, какое затрачено на его производство, а тем, какое затрачено на производство того серебра, на которое обменивается сукно» ([*S. Bailey.*] «A Critical Dissertation on the Nature etc. of Value», p. 50, 51).

продажи. Но если бы рабочий имел возможность дать своему труду самостоятельное существование, он продавал бы созданный трудом товар, а не труд[22].

Но и независимо от этих противоречий прямой обмен денег, т. е. овеществленного труда, на живой труд уничтожил бы или закон стоимости, который свободно развивается как раз на основе капиталистического производства, или же самое капиталистическое производство, которое основывается как раз на наемном труде. Пусть, например, рабочий день в 12 часов выражается в денежной стоимости в 6 шиллингов. Если обмениваются эквиваленты, рабочий получит за свой двенадцатичасовой труд 6 шиллингов. Цена его труда будет равна цене продукта труда. В этом случае он не произведет никакой прибавочной стоимости для покупателя его труда, эти 6 шилл. не превратятся в капитал, вместе с тем исчезнет самая основа капиталистического производства; но как раз на этой основе рабочий продает свой труд, как раз на этой основе его труд является наемным трудом. Или же рабочий получает за 12 часов труда менее 6 шилл., т. е. менее, чем 12 часов труда. 12часов труда обмениваются на 10, 6 и т. д. часов труда. Это приравнивание неравных величин не только делает невозможным определение стоимости. Такое само себя уничтожающее противоречие не может быть вообще даже высказано или формулировано в качестве закона[23].

Не поможет делу также попытка вывести обмен большего количества труда на меньшее из различия формы — из того, что в одном случае имеется овеществленный, в другом — живой труд[24]. Это тем более нелепо, так как стоимость товара определяется не количеством труда, действительно овеществленного в нем, а количеством необходимого для его производства живого труда. Пусть товар представляет 6 рабочих часов.

[22] «Если вы и называете труд товаром, то он все же не похож на тот товар, который сначала производится с целью обмена, а затем выносится на рынок, где должен быть обменен в определенных количествах на другие товары, имеющиеся одновременно на рынке; труд создается лишь тогда, когда он вынесен на рынок, более того, он выносится на рынок раньше, чем он создан» («Observations on certain Verbal Disputes etc.», p. 75, 76).

[23] «Если рассматривать труд как товар, а капитал, продукт труда, как другой товар, и если стоимости этих двух товаров регулируются одинаковыми количествами труда, то данная сумма труда... будет обменена на такое количество капитала, которое было произведено той же самой суммой труда; прошлый труд будет... обменен на ту же самую сумму настоящего труда. Но стоимость труда определяется... не таким же количеством труда, как стоимость других товаров» (Э. Г. Уэйкфилд в его издании: *A. Smith* «Wealth of Nations». London, 1836, v. I, p. 231, примечание).

[24] «Необходимо было согласиться» (еще одна разновидность «contrat social» [«общественного договора»]), «что каждый раз, когда будет обмениваться прошлый труд на будущий труд, последний (капиталист) получит стоимость высшую, чем первый (рабочий)» (*Simonde de Sismondi.* «De la Richesse Commerciale». Cenеve, 1803, t. I, p. 37).

Если будут сделаны изобретения, благодаря которым его можно будет произвести в течение 3 часов, то и стоимость уже произведенного товара понизится наполовину. Теперь товар этот представляет уже только 3 часа необходимого общественного труда вместо прежних шести. Таким образом, величина стоимости товара определяется не предметной формой труда, а количеством труда, которое необходимо для производства товара.

Фактически на товарном рынке владельцу денег противостоит непосредственно не труд, а рабочий. То, что продает последний, есть его рабочая сила. Когда его труд действительно начинается, он перестает принадлежать ему и, следовательно, не может быть им продан. Труд есть субстанция и имманентная мера стоимостей, но сам он не имеет стоимости[25)].

В выражении «стоимость труда» понятие стоимости не только совершенно исчезает, но и превращается в свою противоположность. Это такое же мнимое выражение, как, например, стоимость земли. Но такие мнимые выражения возникают из самих производственных отношений. Это — категории для форм проявления существенных отношений. Что вещи в своем проявлении часто представляются в извращенном виде, признано как будто во всех науках, за исключением политической экономии[26)].

Классическая политическая экономия без всякой критики позаимствовала у обыденной жизни категорию «цена труда», чтобы поставить затем вопрос: чем определяется эта цена? Она

[25)] «Труд, исключительное мерило стоимости... создатель всякого богатства, сам не является товаром» (*Th. Hodgskin.* «Popular Political Economy», p. 186).

[26)] Напротив, попытки объяснить такие выражения как простые licentia poetica [поэтические вольности] свидетельствуют только о бессилии анализа. По поводу фразы Прудона: «Труду приписывают стоимость не постольку, поскольку он сам есть товар, а имея в виду те стоимости, которые, как предполагают, потенциально заключены в нем. Стоимость труда есть фигуральное выражение и т. д.», — я замечаю: «В труде-товаре, этой ужасной действительности, он видит только грамматическое сокращение. Значит, все современное общество, основанное на труде-товаре. отныне оказывается основанным лишь на некоторого рода поэтической вольности, на фигуральном выражении. И если общество захочет «устранить все те неудобства», от которых оно страдает, то ему стоит только устранить неблагозвучные выражения, изменить язык, а для этого ему лишь следует обратиться к Академии и попросить нового издания ее словаря» *(Карл Маркс.* «Нищета философии», стр. 34, 35 [см. настоящее издание, том 4, стр. 92]). Еще удобнее, конечно, не подразумевать под термином «стоимость» совершенно ничего определенного. Тогда можно без стеснения подводить под эту категорию все, что угодно. Так поступает, например, Ж. Б. Сэй. Что такое «стоимость»? Ответ: «То, чего стоит вещь». А что такое «цена»? Ответ: «Стоимость вещи, выраженная в деньгах». А почему имеет «стоимость... труд земли»? «Потому что за него дают известную цену». Итак, стоимость есть то, чего стоит вещь, а земля имеет «стоимость», потому что стоимость ее «выражают в деньгах». Это, во всяком случае, очень простой метод разрешать вопросы о причине и происхождении вещей.

быстро убедилась, что изменение отношения между спросом и предложением ничего не может объяснить в цене труда, как и в цене всякого другого товара, кроме изменения цены, т. е. колебания рыночных цен ниже или выше определенной величины. Если спрос и предложение покрывают друг друга, то при прочих равных условиях прекращается колебание цен. Но тогда спрос и предложение перестают и объяснять что бы то ни было. При равенстве спроса и предложения цена труда есть его цена, определяемая независимо от соотношения спроса и предложения, его естественная цена; таким-то образом и пришли к «естественной» цене труда как предмету, который собственно и подлежит исследованию. Или же рассматривали колебания рыночной цены за более или менее продолжительный период, например за один год, и находили, что отклонения ее в ту или другую сторону взаимно уравновешиваются на некоторой средней, постоянной величине. Эта средняя величина, конечно, должна определяться иначе, чем определяются взаимно компенсирующиеся отклонения от нее. Эта цена труда, господствующая над случайными рыночными ценами и регулирующая эти последние, так называемая «необходимая цена» (физиократы) или «естественная цена» (А. Смит) труда, может быть, как и у других товаров, лишь его стоимостью, выраженной в деньгах. Таким путем политическая экономия рассчитывала пробиться сквозь случайные цены труда и добраться до его стоимости. Как и у других товаров, стоимость эта определялась затем издержками производства. Но что такое издержки производства рабочего, т. е. издержки, затрачиваемые на то, чтобы произвести или воспроизвести самого рабочего? Этим вопросом для политической экономии бессознательно был подменен первоначальный вопрос, так как, оперируя издержками производства труда как такового, она вращалась в порочном кругу и не двигалась с места. Следовательно, то, что она называет стоимостью труда (value of labour), есть в действительности стоимость рабочей силы, которая существует в личности рабочего и столь же отлична от своей функции, труда, как машина отлична от своих операций. Занятые различием между рыночными ценами труда и его так называемой стоимостью, отношением этой стоимости к норме прибыли, к товарным стоимостям, создаваемым трудом, и т. д., экономисты никогда не замечали, что ход анализа не только ведет от рыночных цен труда к его мнимой «стоимости», но и заставляет самую эту стоимость труда, в свою очередь, свести к стоимости рабочей силы. Не осознав этих результатов своего собственного анализа, некритически применяя категории «стоимость труда»,

«естественная цена труда» и т. д. как последнее адекватное выражение рассматриваемого стоимостного отношения, классическая политическая экономия запуталась, как мы увидим впоследствии, в неразрешимых противоречиях, дав в то же время прочный операционный базис для пошлостей вульгарной политической экономии, принципиально признающей лишь одну внешнюю видимость явлений.

Посмотрим прежде всего, каким образом стоимость и цена рабочей силы в своей превращенной форме выражаются в виде заработной платы.

Как мы знаем, дневная стоимость рабочей силы рассчитывается сообразно определенной продолжительности жизни рабочего, которой соответствует определенная длина рабочего дня. Допустим, что обычный рабочий день продолжается 12 часов и что дневная стоимость рабочей силы равна 3 шилл., представляющим денежное выражение стоимости, которая воплощает в себе 6 рабочих часов. Если рабочий получает 3 шилл., он получает стоимость своей рабочей силы, функционирующей в течение 12 часов. Выразив теперь эту дневную стоимость рабочей силы в виде стоимости дневного труда, мы получим формулу: двенадцатичасовой труд имеет стоимость в 3 шиллинга. Стоимость рабочей силы определяет, таким образом, стоимость труда, или — в денежном выражении — его необходимую цену. Если же цена рабочей силы отклоняется от ее стоимости, то и цена труда отклоняется от его так называемой стоимости.

Так как стоимость труда есть лишь иррациональное выражение для стоимости рабочей силы, то само собой понятно, что стоимость труда всегда должна быть меньше, чем вновь созданная трудом стоимость, потому что капиталист всегда заставляет рабочую силу функционировать дольше, чем это необходимо для воспроизводства ее собственной стоимости. В приведенном выше примере стоимость рабочей силы, функционирующей в течение 12 часов, равна 3 шилл., — стоимости, для воспроизводства которой рабочая сила должна функционировать 6 часов. Между тем вновь созданная стоимость равна 6 шилл., так как фактически рабочая сила функционировала 12 часов, а вновь созданная ею стоимость зависит не от ее собственной стоимости, а от продолжительности ее функционирования. Мы получаем, таким образом, тот на первый взгляд нелепый результат, что труд, создающий стоимость в 6 шилл., сам обладает стоимостью в 3 шиллинга[27].

[27] Ср. «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 40, где я заявляю, что исследование капитала должно разрешить следующую проблему: «Каким образом производство на базе меновой стоимости, опреде-

Мы видим далее, что стоимость в 3 шилл., в которой выражается оплаченная часть рабочего дня, т. е. шестичасовой труд, выступает как стоимость, или цена, всего двенадцатичасового рабочего дня, включающего в себя шесть неоплаченных часов труда. Итак, форма заработной платы стирает всякие следы разделения рабочего дня на необходимый и прибавочный, на оплаченный и неоплаченный труд. Весь труд выступает как оплаченный труд. При барщинном труде труд крепостного крестьянина на самого себя и принудительный труд его на помещика различаются между собой самым осязательным образом, в пространстве и времени. При рабском труде даже та часть рабочего дня, в течение которой раб лишь возмещает стоимость своих собственных жизненных средств, в течение которой он фактически работает лишь на самого себя, представляется трудом на хозяина. Весь его труд представляется неоплаченным трудом[28)]. Наоборот, при системе наемного труда даже прибавочный, или неоплаченный, труд выступает как оплаченный. Там отношение собственности скрывает труд раба на себя самого, здесь денежное отношение скрывает даровой труд наемного рабочего.

Понятно поэтому то решающее значение, какое имеет превращение стоимости и цены рабочей силы в форму заработной платы, т. е. в стоимость и цену самого труда. На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной политической экономии.

Если всемирной истории потребовалось много времени, чтобы вскрыть тайну заработной платы, то, напротив, нет ничего легче, как понять необходимость, raisons d'etre [смысл, основание] этой формы проявления.

Обмен между капиталом и трудом воспринимается первоначально совершенно так же, как купля и продажа всякого другого товара. Покупатель дает известную сумму денег, продавец — предмет, отличный от денег. Юридическое сознание видит здесь в лучшем случае лишь вещественную разницу,

---

ляемой исключительно рабочим временем, приводит к тому результату, что меновая стоимость труда меньше, чем меновая стоимость его продукта?» [см. настоящее издание, том 13, стр. 48].

[28)] «Morning Star», наивный до глупости орган лондонских фритредеров, во время Гражданской войны в Америке то и дело уверял, выражая при этом возможное в пределах человеческих моральное негодование, что негры работают в «Конфедеративных Штатах»[158] совсем даром. Лучше бы он сравнил дневные издержки такого негра и дневные издержки свободного рабочего, например, в лондонском Ист-Энде.

которая выражается в юридически эквивалентных формулах: «do ut des», «do ut facias», «facio ut des» и «facio ut facias» [«даю, чтобы ты дал», «даю, чтобы ты сделал», «делаю, чтобы ты дал» и «делаю, чтобы ты сделал»].

Далее: так как меновая стоимость и потребительная стоимость сами по себе величины несоизмеримые, то выражения «стоимость труда», «цена труда» кажутся не более иррациональными, чем, например, выражения «стоимость хлопка», «цена хлопка». Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что рабочий оплачивается после того, как он доставил свой труд. В своей функции средства платежа деньги задним числом реализуют стоимость, или цену, доставленного предмета, следовательно, в данном случае стоимость, или цену, доставленного труда. Наконец, той «потребительной стоимостью». которую рабочий доставляет капиталисту, является в действительности не рабочая сила, а ее функция, определенный полезный труд, труд портного, сапожника, прядильщика и т. д. Что этот же самый труд, с другой стороны, есть всеобщий созидающий стоимость элемент, — свойство, отличающее его от всех других товаров, — это обстоятельство ускользает от обыденного сознания.

Если мы станем на точку зрения рабочего, который за свой двенадцатичасовой труд получает стоимость, созданную шестичасовым трудом, скажем 3 шилл., то для него двенадцатичасовой труд действительно есть лишь средство купить 3 шиллинга. Стоимость его рабочей силы может изменяться вместе со стоимостью привычных для него жизненных средств; повыситься с 3 шилл. до 4 или упасть с 3 шилл. до 2; или, при неизменной стоимости рабочей силы, цена ее вследствие колебаний спроса и предложения может подняться до 4 шилл. или упасть до 2 шилл., — во всех этих случаях рабочий одинаково дает 12 часов труда. Поэтому всякая перемена в величине получаемого им эквивалента необходимо представляется ему изменением стоимости, или цены, его 12 рабочих часов. Это обстоятельство привело А. Смита, рассматривавшего рабочий день как величину постоянную[29], к обратной ошибке: к утверждению, что стоимость труда постоянна, несмотря на то, что стоимость жизненных средств изменяется, и потому один и тот же рабочий день может выразиться для рабочего в большем или меньшем количестве денег.

Возьмем, с другой стороны, капиталиста. Он хочет получить возможно больше труда за возможно меньшее количество

[29] Лишь случайно, говоря о поштучной заработной плате, А. Смит указывает на изменение рабочего дня.

денег. Поэтому практически его интересует лишь разница между ценой рабочей силы и той стоимостью, которую создает ее функционирование. Но он старается купить возможно дешевле все товары и всегда видит источник своей прибыли в простом надувательстве, в купле ниже и продаже выше стоимости. Следовательно, он далек от понимания того обстоятельства, что если бы действительно существовала такая вещь, как стоимость труда, и он действительно уплачивал бы эту стоимость, то не могло бы существовать никакого капитала, его деньги не могли бы превратиться в капитал.

К тому же действительное движение заработной платы обнаруживает явления, которые создают видимость доказательства, будто оплачивается не стоимость рабочей силы, а стоимость ее функции, т. е. самого труда. Явления эти мы можем свести к двум большим группам. Во-первых: изменение заработной платы вместе с изменением продолжительности рабочего дня. С таким же правом можно было бы вывести заключение, что оплачивается не стоимость машины, а стоимость ее операций, потому что и машину арендовать на неделю стоит дороже, чем на один день. Во-вторых: индивидуальные различия в заработных платах различных рабочих, выполняющих одну и ту же функцию. Эти индивидуальные различия находим мы и в системе рабского труда, но здесь, где сама рабочая сила продается совершенно открыто без всяких прикрас, они не служат поводом для иллюзий. Разница сводится лишь к тому, что при рабской системе выгода от рабочей силы выше среднего качества и, потеря от рабочей силы ниже среднего качества выпадает на долю рабовладельца, а при системе наемного труда — на долю самого рабочего, так как в последнем случае рабочая сила продается самим рабочим, в первом случае — третьим лицом.

Впрочем, о таких формах проявления, как «стоимость и цена труда» или «заработная плата», в отличие от того существенного отношения, которое проявляется, — в отличие от стоимости и цены рабочей силы, — можно сказать то же самое, что о всяких вообще формах проявления и о их скрытой за ними основе. Первые непосредственно воспроизводятся сами собой, как ходячие формы мышления, вторая может быть раскрыта лишь научным исследованием. Классическая политическая экономия подходит очень близко к истинному положению вещей, однако не формулирует его сознательно. Это она и не может сделать, не сбросив своей буржуазной кожи.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ПОВРЕМЕННАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Сама заработная плата принимает, в свою очередь, очень разнообразные формы, о чем нет никаких сведений в руководствах по политической экономии, которые в своем грубом пристрастии к вещественной стороне дела пренебрегают всякими различиями формы. Однако описание всех этих форм относится к специальному учению о наемном труде и, следовательно, не составляет задачи настоящего сочинения. Здесь будет уместно лишь кратко рассмотреть две господствующие основные формы.

Как мы помним, рабочая сила продается всегда на определенный период времени. Поэтому той превращенной формой, в которой непосредственно выражается дневная стоимость рабочей силы, недельная ее стоимость и т. д., является форма «повременной заработной платы», т. е. поденная и т. д. заработная плата.

Заметим, прежде всего, что изложенные в пятнадцатой главе законы изменения цены рабочей силы и прибавочной стоимости превращаются в законы заработной платы путем простой перемены формы. Равным образом различие между меновой стоимостью рабочей силы и массой жизненных средств, в которые она превращается, представляется теперь в виде различия между номинальной и реальной заработной платой. Было бы излишне повторять в отношении формы проявления все то, что было изложено относительно существенной формы. Мы ограничимся поэтому немногими характеризующими повременную заработную плату пунктами.

Та сумма денег[30)], которую рабочий получает за свой дневной, недельный и т. д. труд, образует сумму его номинальной заработной платы, т. е. заработной платы в ее стоимостном выражении. Очевидно, однако, что в зависимости от продолжительности рабочего дня, т. е. в зависимости от количества труда,

---

30) Стоимость самих денег всюду предполагается здесь постоянной.

ежедневно доставляемого рабочим, одна и та же поденная, понедельная и т. д. заработная плата может представлять очень различную цену труда, т. е. очень различные денежные суммы за одно и то же количество труда[31]. Таким образом, при повременной плате необходимо, далее, различать общую сумму заработной платы — поденной, понедельной и т. д. — и цену труда. Но как найти эту цену, или денежную стоимость данного количества труда? Мы получим среднюю цену труда, если разделим среднюю дневную стоимость рабочей силы на число часов среднего рабочего дня. Пусть, например, дневная стоимость рабочей силы равняется 3 шилл., или стоимости, вновь созданной в 6 рабочих часов, и пусть рабочий день продолжается 12 часов; тогда цена одного часа труда = $^{3\ \text{шилл.}}/_{12}$ = 3 пенсам. Найденная таким образом цена рабочего часа служит единицей измерения цены труда.

Отсюда следует, что поденная, понедельная и т. п. заработная плата может оставаться неизменной, несмотря на постоянное падение цены труда. Так, например, если обычный рабочий день продолжается 10 часов, а дневная стоимость рабочей силы равна 3 шилл., то цена рабочего часа — $3^3/_5$ пенса; последняя упадет до 3 пенсов, если рабочий день возрастет до 12 часов, и до $2^2/_5$ пенса, если рабочий день возрастет до 15 часов. Тем не менее поденная и понедельная плата останутся неизменными. Наоборот, поденная или понедельная плата может возрастать, несмотря на то, что цена труда остается неизменной и даже падает. Так, например, при десятичасовом рабочем дне и дневной стоимости рабочей силы в 3 шилл. цена рабочего часа будет $3^3/_5$ пенса. Если рабочий вследствие увеличения объема работы при той же самой цене труда станет работать 12 часов в день, то его поденная заработная плата возрастает до 3 шилл. $7^1/_5$ пенса без всякого изменения в цене труда. Тот же результат получился бы, если бы увеличилась не экстенсивная, а интенсивная величина труда[32]. Поэтому повышение номинальной поденной или понедельной платы может сопровождаться

---

[31] «Цена труда есть сумма, уплаченная за данное количество труда» (Sir *Edward West.* «Price of Corn and Wages of Labour». London, 1826, p. 67). Уэст — автор анонимного произведения, сделавшего эпоху в истории политической экономии: «Essay on the Application of Capital to Land». By a Fellow of the University College of Oxford. London, 1815.

[32] «Плата за труд зависит от цены труда и от количества выполненного труда... Увеличение заработной платы не связано необходимо с возрастанием цены труда. При удлинении рабочего времени и при большем напряжении заработная плата может значительно возрасти, несмотря на то, что цена труда остается та же самая» (*West*. «Price of Corn and Wages of Labour». London, 1826, p. 67, 68, 112). Впрочем, от главного вопроса, чем определяется «цена труда», Уэст отделывается банальными фразами.

неизменной и даже падающей ценой труда. То же самое можно сказать относительно доходов рабочей семьи, поскольку к количеству труда, доставляемому главой семьи, прибавляется труд других ее членов. Таким образом, существуют методы понижения цены труда, независимые от уменьшения номинальной поденной или понедельной заработной платы[33].

Общий же закон таков: при данном количестве труда в день, в неделю и т. д. размеры поденной или понедельной заработной платы зависят от цены труда, которая, в свою очередь, изменяется или вместе с изменением стоимости рабочей силы, или с отклонением ее цены от стоимости. Если, наоборот, дана цена труда, то поденная или понедельная заработная плата зависит от количества дневного или недельного труда.

Единица измерения повременной заработной платы, или цена рабочего часа, есть частное от деления дневной стоимости рабочей силы на число часов обычного рабочего дня. Пусть рабочий день составляет 12 часов труда, а дневная стоимость рабочей силы равна 3 шилл., или стоимости, представляющей собой продукт 6 рабочих часов. Цена рабочего часа будет при этих условиях 3 пенса, вновь созданная им стоимость 6 пенсов. Если мы предположим далее, что рабочий будет работать менее 12 часов в день (или менее 6 дней в неделю), например 6 или 8 часов, то он получит при той же самой цене труда всего 2 или $1^1/_2$ шилл. дневной платы[34]. Так как по нашему предположению он должен работать в среднем 6 часов в день, чтобы произвести дневную заработную плату, соответствующую стоимости его рабочей силы, так как согласно тому же предположению он затрачивает на себя лишь половину каждого часа труда,

[33] Это чувствует фанатичный защитник промышленной буржуазии XVIII столетия, неоднократно цитированный нами автор «Essay on Trade and Commerce», хотя он излагает вопрос чрезвычайно путано: «Количество труда, а не цена его» (под ней он разумеет номинальную поденную или понедельную заработную плату) «определяется ценой продуктов питания и других предметов необходимости. Понизьте в достаточной степени цену предметов необходимости, и тем самым вы уменьшите в соответственной пропорции количество труда... Фабриканты знают, что существуют различные пути повышения и понижения цены труда, не затрагивающие ее номинального размера» (указ. соч., стр. 48 и 61). Н. У. Сениор в своих «Three Lectures on the Rate of Wages». London, 1830, где он многое заимствует у Уэста, не ссылаясь, однако, на него, между прочим, говорит: «Рабочий... главным образом заинтересован в размерах заработной платы» (стр. 15). Итак, рабочего главным образом интересует то, что он получает, номинальная сумма заработной платы, а не то, что он отдает, не количество труда.

[34] Влияние такой ненормальной, неполной занятости совершенно отлично от влияния всеобщего, принудительного, установленного законом сокращения рабочего дня. Первая совершенно не затрагивает абсолютных размеров рабочего дня и может одинаково легко наступить и при 15-часовом и при 6-часовом дне. Нормальная цена труда исчисляется в первом случае, исходя из предположения, что рабочий в среднем трудится 15 часов, во втором случае — исходя из предположения, что средний рабочий день составляет 6 часов. Результат получится одинаковый, если в первом случае рабочий будет занят в течение только $7^1/_2$, во втором — в течение только 3 часов в день.

а другую половину работает на капиталиста, то очевидно, что он может заработать созданную шестичасовым трудом стоимость лишь в том случае, если проработает не менее 12 часов. Раньше мы видели разрушительные последствия чрезмерного труда, — здесь перед нами раскрывается источник тех страданий рабочего, которые порождаются его неполной занятостью.

Если часовая плата фиксируется так, что обязательство капиталиста состоит не в том, чтобы выдавать определенную дневную или недельную плату, а лишь в том, чтобы оплачивать те рабочие часы, в течение которых ему угодно дать занятие рабочему, то капиталист может сократить время труда рабочего по сравнению с теми размерами рабочего дня, которые первоначально послужили для определения часовой платы, или единицы измерения цены труда. Так как эта единица измерения определяется отношением $\frac{\text{дневная стоимость рабочей силы}}{\text{рабочий день данного числа часов}}$, то, разумеется, она теряет всякий смысл, раз рабочий день перестает заключать в себе определенное число часов. Связь между оплаченным и неоплаченным трудом уничтожается. Капиталист может теперь выколотить из рабочего определенное количество прибавочного труда, не доводя рабочее время до размеров, необходимых для поддержания существования рабочего. Он может уничтожить всякую регулярность труда и, руководствуясь исключительно своим удобством, прихотью и минутным интересом, сменять периоды чудовищного чрезмерного труда периодами относительной или даже полной безработицы. Под предлогом оплаты «нормальной цены труда» он может удлинять рабочий день за пределы всякой нормы без сколько-нибудь соответствующей компенсации для рабочего. Поэтому лондонские строительные рабочие поступили вполне рационально, восстав (в 1860 г.) против попытки капиталистов навязать им такую часовую оплату. Законодательное ограничение рабочего дня кладет конец такого рода безобразиям, хотя, конечно, отнюдь не уничтожает неполной занятости рабочего, вытекающей из конкуренции машин, из изменений в квалификации применяемых рабочих, из частичных и всеобщих кризисов.

При растущей поденной или понедельной плате цена труда может номинально остаться неизменной и тем не менее упасть ниже своего нормального уровня. Это случается каждый раз, когда при постоянной цене труда, т. е. рабочего часа, рабочий день увеличивается за пределы своей обычной продолжительности. Если в дроби $\frac{\text{дневная стоимость рабочей силы}}{\text{рабочий день}}$ растет

знаменатель, то числитель растет еще быстрее. Стоимость рабочей силы, вследствие изнашивания, растет вместе с продолжительностью ее функционирования и в пропорции более быстрой, чем продолжительность ее функционирования. Вследствие этого во многих отраслях производства, где преобладает повременная плата при отсутствии законодательного ограничения рабочего времени, само собой выработался обычай считать рабочий день нормальным («normal working day» [«нормальный рабочий день»], «the day's work» [«дневная работа»] или «the regular hours of work» [«регулярные часы труда»]) лишь до известного предела, например до истечения десятого часа труда. Рабочее время, выходящее за эту границу, образует сверхурочное время (overtime) и оплачивается, при расчете на каждый час труда по повышенному тарифу (extra pay), хотя повышенному часто в совершенно ничтожной степени[35)]. Нормальный рабочий день существует здесь как часть действительного рабочего дня, причем зачастую последний в течение всего года продолжительнее первого[36)]. Возрастание цены труда с удлинением рабочего дня за известную нормальную границу носит в различных отраслях британской промышленности такой характер, что низкая цена труда в течение так называемого нормального времени вынуждает рабочего, если он хочет вообще получить достаточную заработную плату, работать сверхурочное время, которое оплачивается лучше[37)].

[35)] «Норма оплаты сверхурочного времени» (в производстве кружев) «настолько мала — $^1/_2$ и т. д. пенса за час, — что она стоит в резком контрасте с тем громадным вредом, который сверхурочная работа причиняет здоровью и жизненной силе рабочего... К тому же небольшую прибавку заработной платы, добытую таким образом, приходится целиком расходовать на добавочные освежающие средства» («Children's Employment Commission. 2nd Report», р. XVI, № 117).

[36)] Например, в производстве обоев до недавнего введения фабричного акта. «Мы работаем без перерывов на еду, так что наш $10^1/_2$-часовой рабочий день заканчивается в $4^1/_2$ часа пополудни, а вся дальнейшая работа есть сверхурочное время, которое редко заканчивается раньше 6 часов вечера; таким образом, в действительности мы круглый год работаем сверхурочное время» (показания г-на Смита в «Children's Employment Commission. 1st Report», р. 125).

[37)] Так, например, в шотландских белильнях: «В некоторых частях Шотландии эта промышленность» (до введения фабричного акта 1862 г.) «практиковала систему сверхурочного времени, т. е. 10 часов труда считались нормальным рабочим днем. За это время рабочий получал 1 шилл. 2 пенса. Но сюда присоединялось ежедневно от 3 до 4 часов сверхурочного времени, за которое уплачивалось по 3 пенса в час-Результат этой системы: рабочий, работающий только нормальное время, мог получить только 8 шилл. в неделю... Без сверхурочных часов его заработная плата оказывалась недостаточной» («Reports of Insp. of Fact. tor 30th April 1863», р. 10). «Повышенная оплата сверхурочного времени есть искушение, которому рабочий не в силах противостоять» («Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1848», р. 5). Переплетная в лондонском Сити применяет очень много молодых девушек 14—15 лет, и притом по ученическому контракту, которым устанавливается определенное число рабочих часов. Тем не менее они работают в последнюю неделю каждого месяца до 10, 11, 12 и даже до 1 часу ночи, вместе с рабочими более зрелого возраста, в очень смешанной компании. «Хозяева соблазняют (tempt) их повышенной оплатой и деньгами на хороший ужин», который девушки берут в соседних кабачках.

Законодательное ограничение рабочего дня кладет конец этому удовольствию[38].

Общеизвестен факт, что чем длиннее рабочий день в данной отрасли промышленности, тем ниже заработная плата[39]. Фабричный инспектор А. Редгрейв иллюстрирует это в сравнительном обзоре за двадцатилетний период с 1839 по 1859 г., причем оказывается, что на фабриках, на которые распространяется действие десятичасового закона, заработная плата поднялась, тогда как на фабриках, где работают 14—15 часов в день, она понизилась[40].

Из закона: «при данной цене труда дневная или недельная заработная плата зависит от количества доставленного труда», вытекает прежде всего, что чем ниже цена труда, тем большее количество труда или тем более длинный рабочий день требуется для того, чтобы рабочему была обеспечена хотя бы жалкая средняя заработная плата. Низкий уровень цены труда подталкивает к удлинению рабочего времени[41].

Но и, наоборот, удлинение рабочего времени вызывает, в свою очередь, понижение цены труда, а вместе с тем понижение дневной или недельной заработной платы.

Из определения цены труда дробью $\frac{\text{дневная стоимость рабочей силы}}{\text{рабочий день данного числа часов}}$ вытекает, что удлинение рабочего дня само по себе понижает цену труда, если не происходит никакой компенсации. Но те же самые обстоятельства, которые позволяют капиталисту надолго удлинить рабочий

Большая распущенность, насаждаемая таким путем среди этих «молодых бессмертных» («Children's Employment Commission. 5th Report», p. 44, № 191), компенсируется тем, что они переплетают в числе прочего значительное количество библий и назидательных книг.

[38] См. «Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1863», там же. Совершенно правильно оценили положение дел лондонские строительные рабочие, заявив во время большой стачки и локаута 1860 г. о своем согласии принять часовую оплату лишь на следующих двух условиях: 1) наряду с ценой рабочего часа должна быть установлена норма рабочего дня в 9 и 10 часов, причем час 10-часового дня должен оцениваться выше, чем час 9-часового; 2) каждый час сверх нормального дня должен, как сверхурочное время, оплачиваться относительно выше.

[39] «Очень хорошо известно также, что там, где длинный рабочий день составляет общее правило, общим правилом является и низкая заработная плата» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1863», p. 9). «Труд, получающий ничтожное количество средств существования, является в большинстве случаев чрезмерно продолжительным» («Public Health. 6th Report», 1864, p. 15).

[40] «Reports of Insp. of Fact. for 30th April I860», p. 31, 32.

[41] Так, например, ремесленные рабочие английского гвоздарного производства вынуждены были вследствие низкой цены труда работать 15 часов в день, чтобы выручить самую жалкую недельную плату. «Долгие, долгие часы должен он упорно трудиться каждый день, чтобы выработать 11 пенсов или 1 шилл., причем $2^1/_2$—3 пенса из этой суммы уходят на возмещение износа орудий, на топливо, на отходы железа» («Children's Employment Commission. 3rd Report», p. 136, № 671). Женщины при том же рабочем времени зарабатывают всего 5 шилл. в неделю (там же, стр. 137, № 674).

день, сначала позволяют ему, а в конце концов вынуждают его понижать цену труда также и номинально до тех пор, пока не понизится совокупная цена возросшего числа рабочих часов, т. е. дневная или недельная плата. Здесь достаточно указать на два обстоятельства. Если один человек начинает выполнять работу полутора или двух человек, то растет предложение труда, хотя бы предложение рабочей силы, находящейся на рынке, оставалось неизменным. Конкуренция, созданная таким образом среди рабочих, дает капиталисту возможность понизить цену труда, а падающая цена труда дает ему, в свою очередь, возможность еще более увеличить рабочее время[42]. Однако скоро возможность располагать этим ненормальным, т. е. превышающим средний общественный уровень, количеством неоплаченного труда становится орудием конкуренции среди самих капиталистов. Часть товарной цены состоит из цены труда. Но неоплаченная часть цены труда может и не учитываться в цене товара. Ее можно подарить покупателю. Таков первый шаг, совершаемый под давлением конкуренции. Второй шаг, к которому вынуждает та же конкуренция, заключается в том, чтобы исключить из продажной цены товара по крайней мере часть той ненормальной прибавочной стоимости, которая создается удлинением рабочего дня. Таким путем образуется ненормально низкая продажная цена товара, которая сначала возникает спорадически, а затем мало-помалу фиксируется и становится постоянной основой жалкой заработной платы и чрезмерного рабочего времени, под влиянием которых она первоначально возникла. Мы лишь намечаем здесь это движение, так как анализ конкуренции не входит пока в нашу задачу. Тем не менее мы предоставим на минуту слово самому капиталисту.

«В Бирмингеме конкуренция между хозяевами настолько велика, что некоторые из нас вынуждены в качестве работодателей делать то, чего мы сами устыдились бы при иных обстоятельствах; и все же этим не удается добыть большего количества денег (and yet no more money is made), и лишь публика получает выгоду»[43].

Вспомним две категории лондонских булочников, из которых одни продают хлеб по полной цене (the «fullpriced» bakers),

[42] Если бы, например, фабричный рабочий отказался работать обычное большое число часов, «он быстро был бы замещен кем-либо другим, готовым работать сколько угодно, и таким образом был бы выброшен на улицу» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848». Evidence, p. 39, № 58). «Если... один человек выполняет работу двух... норма прибыли обыкновенно повышается... вследствие того, что добавочное предложение труда понижает его цену» (*Senior*. «Three Lectures on the Rate of Wages». London, 1830, p. 15).

[43] «Children's Employment Commission. 3rd Report». Evidence, p. 66, № 22.

а другие ниже его нормальной цены («the underpriced», «the undersellers»). «Fullpriced» в следующих выражениях разоблачают своих конкурентов перед парламентской следственной комиссией:

«Они существуют лишь благодаря тому, что, во-первых, обманывают публику» (фальсифицируя товар), «и, во-вторых, благодаря тому, что выколачивают из своих людей 18 часов труда за двенадцатичасовую плату... Неоплаченный труд (the unpaid labour) рабочих — вот орудие, которым они борются с конкурентами... Конкуренция между хозяевами-пекарями является той причиной, которая затрудняет устранение ночного труда. Underseller, продающий свой хлеб ниже издержек производства, изменяющихся вместе с изменением цены муки, не несет потерь, так как выколачивает из своих рабочих повышенное количество труда. Если я извлекаю из рабочих только двенадцать часов труда, а мой сосед 18 или 20, то, конечно, он побьет меня на продажной цене товара. Если бы рабочие могли настоять на оплате сверхурочного времени, этому маневру был бы скоро положен конец... Значительное число рабочих, занятых у undersellers, состоит из иностранцев, малолетних и др., которые вынуждены довольствоваться чуть ли не всякой заработной платой, какую им удается получить»[44].

Эта иеремиада интересна между прочим и в том отношении, что она показывает, как в мозгу капиталиста отражается лишь внешняя видимость производственных отношений. Капиталисту неизвестно, что нормальная цена труда также предполагает известное количество неоплаченного труда и что именно этот неоплаченный труд образует нормальный источник его прибыли. Категория прибавочного рабочего времени для него вообще не существует, потому что прибавочное рабочее время включено в нормальный рабочий день, который капиталист, по его мнению, целиком оплачивает в поденной плате. Но для него существует сверхурочное время, удлинение рабочего дня за границы, соответствующие обычной цене труда. Он настаивает даже на добавочной оплате (extra pay) этого сверхурочного времени, когда дело идет о его конкурентах, понижающих продажную цену товара ниже обычного уровня. Но он опять-таки не знает, что эта добавочная оплата связана с неоплаченным трудом точно так же, как и цена обычного рабочего часа. Например, пусть цена одного часа двенадцатичасового рабочего дня составляет 3 пенса, т. е. равна стоимости, созданной за $^1/_2$ часа труда, а цена сверхурочного рабочего часа 4 пенса, т. е. равна стоимости, созданной за $^2/_3$ рабочего часа. Тогда в первом случае капиталист бесплатно присваивает себе половину рабочего часа, во втором случае — одну треть.

[44] «Report etc. relative to the grievances complained of by the Journeymen Bakers». London, 1862, p. LII, и там же показания №№ 479, 359, 27. Впрочем, и fullpriced, как мы упоминали выше и как это признает сам защитник их Беннет, заставляют своих рабочих «начинать работу в 11 часов вечера или раньше и зачастую продолжают ее до 7 часов следующего вечера» (там же, стр. 22).

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
ПОШТУЧНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Поштучная заработная плата есть не что иное, как превращенная форма повременной заработной платы, точно так же как повременная заработная плата есть превращенная форма стоимости или цены рабочей силы.

При поштучной заработной плате дело на первый взгляд выглядит так, будто той потребительной стоимостью, которую продает рабочий, является не функция его рабочей силы, не живой труд, а труд, уже овеществленный в продукте, и будто цена дневная стоимость рабочей силы этого труда определяется не дробью $\frac{\text{дневная стоимость рабочей силы}}{\text{рабочий день данного числа часов}}$, как при повременной заработной плате, а дееспособностью производителя[45].

Уверенность в правильности такого взгляда должна была бы сильно пошатнуться уже ввиду одного того факта, что обе формы заработной платы существуют одновременно и рядом в одних и тех же отраслях промышленности. Так, например,

> «лондонские наборщики, как правило, получают поштучную заработную плату, повременная заработная плата является у них исключением. Наоборот, у провинциальных наборщиков повременная заработная плата составляет правило, поштучная — исключение. Корабельные плотники лондонской гавани получают поштучную плату, во всех других английских гаванях — повременную»[46].

---

[45] «Система поштучной работы знаменует определенную эпоху в истории рабочего: она стоит на полпути между положением простого поденщика, зависящего от воли капиталиста, и кооперативным мастеровым, который в недалеком будущем обещает соединить в своем лице мастерового и капиталиста. Сдельные рабочие фактически сами себе хозяева, даже когда они работают при помощи капитала предпринимателя» *(John Watts.* «Trade Societies and Strikes, Machinery and Co-operative Societies». Manchester, 1865, p. 52, 53). Я цитирую это сочиненьице потому, что оно представляет собой истинную сточную канаву для всех давно уже сгнивших общих мест апологетики. Тот же самый г-н Уотс выступал раньше в качестве оуэниста и в 1842 г. опубликовал другое сочиненьице: «Facts and Fictions of Political Economists», где он, между прочим, собственность объявляет грабежом. Но это было давно.

[46] *T. J. Dunning*. «Trade's Unions and Strikes». London, I860, p. 22.

В Лондоне в одних и тех же шорных мастерских труд французов оплачивается зачастую поштучно, труд англичан — поденно. На фабриках в собственном смысле этого слова, где вообще преобладает поштучная заработная плата, отдельные рабочие функции по техническим соображениям изымаются из этой оценки и оплачиваются повременно[47)]. Все же само собой очевидно, что различие в форме выплаты заработной платы ничуть не меняет ее сущности, хотя одна из этих форм может быть более благоприятной для развития капиталистического производства, чем другая.

Пусть обычный рабочий день состоит из 12 часов, из которых 6 оплачено и 6 не оплачено. Созданная в течение этого дня стоимость пусть будет равна 6 шилл., следовательно, созданная в один рабочий час стоимость — 6 пенсов. Пусть, далее, опыт показал, что рабочий, работающий со средней степенью интенсивности и искусности, следовательно, употребляющий на производство продукта только общественно необходимое рабочее время, доставляет в течение 12 часов 24 штуки продукта, причем в данном случае безразлично, представляют ли эти последние отдельные экземпляры или измеримые части нераздельного продукта. При этих условиях стоимость этих 24 штук — за вычетом содержащейся в них постоянной части капитала — будет 6 шилл., стоимость каждой отдельной штуки — 3 пенса. Рабочий получает $1^1/_2$ пенса за штуку и, следовательно, зарабатывает 3 шилл. за 12 часов. Подобно тому как при повременной плате безразлично, допускаем ли мы, что рабочий работает 6 часов на себя и 6 на капиталиста, или же, что он половину каждого часа работает на себя, а другую половину на капиталиста, — точно так же и здесь безразлично, говорим ли мы, что каждая отдельная штука наполовину оплачена, а наполовину не оплачена, или что цена 12 штук лишь возмещает стоимость рабочей силы, тогда как в других 12 штуках воплощается прибавочная стоимость.

[47)] Вот образчик того, в какой степени одновременное существование этих двух форм заработной платы благоприятствует мошенничеству фабрикантов: «Фабрика дает занятие 400 человекам, половина которых работает сдельно и непосредственно заинтересована в сверхурочных работах. Остальные 200 человек оплачиваются поденно, работают столь же продолжительное время и ничего не получают за сверхурочные часы... Труд этих 200 человек в течение $^1/_2$ часа в день равен труду одного лица в течение 50 часов, или $^5/_6$ недельного труда одного лица, и представляет собой прямой выигрыш для предпринимателя» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1860», p. 9). «Сверхурочный труд по-прежнему имеет широкое распространение, причем в большинстве случаев сам закон обусловливает невозможность раскрыть это злоупотребление и подвергнуть виновников его наказанию. В моих прежних отчетах я уже неоднократно показывал... какая несправедливость причиняется всем тем рабочим, которые оплачиваются не сдельно, а получают понедельную плату» (Леонард Хорнер в «Reports of Insp. of Fact. tor 30th April 1859», p. 8, 9).

Форма поштучной платы иррациональна в такой же мере, как и форма повременной платы. В то время как, например, две штуки товара представляют собой продукт одного рабочего часа и, следовательно, за вычетом стоимости потребленных средств производства, стоят 6 пенсов, рабочий получает за них лишь 3 пенса. В действительности поштучная плата непосредственно не выражает собой никакого стоимостного отношения. Здесь не стоимость штуки товара измеряется воплощенным в ней рабочим временем, а, наоборот, затраченный рабочим труд измеряется числом произведенных им штук товара. При повременной заработной плате труд непосредственно измеряется своей продолжительностью, при поштучной заработной плате — количеством того продукта, в котором сгустился труд определенной продолжительности[48]. Цена самого рабочего времени определяется, в конце концов, уравнением: стоимость дневного труда = дневной стоимости рабочей силы. Таким образом, поштучная заработная плата есть лишь модифицированная форма повременной заработной платы.

Рассмотрим несколько подробнее характерные особенности поштучной заработной платы.

Качество труда контролируется здесь самим его продуктом, так как поштучная плата выдается полностью лишь в том случае, если продукт обладает средней доброкачественностью. Вследствие этого поштучная плата является обильнейшим источником вычетов из заработной платы и капиталистического мошенничества.

Она дает капиталисту совершенно определенную меру интенсивности труда. Лишь то рабочее время, которое воплощается в заранее определенном, установленном опытом количестве товара, считается общественно необходимым рабочим временем и оплачивается как таковое. В более крупных портняжных мастерских Лондона определенная штука производимых продуктов, например жилет и т. п., носит название одного часа, получаса и т. д., причем за каждый час причитается по 6 пенсов. Из практики известна величина среднего продукта, одного часа. При перемене моды, при починках и т. д. между предпринимателем и рабочим возникает спор, равна ли данная штука одному часу труда и т. д., пока и здесь благодаря опыту не будет найдено решение. То же самое имеет место в лондонских мебельных мастерских и т. д. Если рабочий не обладает

[48] «Заработная плата может измеряться двумя способами: или продолжительностью труда или его продуктом» («Abrege elementaire des principes de l'Economie Politique». Paris, 1796, p. 32). Автор этой анонимной работы — Ж. Гарнье.

средней работоспособностью, если он не в состоянии дать определенного минимума дневной работы, то его увольняют[49].

Так как качество и интенсивность труда контролируются здесь самой формой заработной платы, то надзор за трудом становится в значительной мере излишним. Поэтому поштучная плата образует основу как описанной выше современной работы на дому, так и иерархически расчлененной системы эксплуатации и угнетения. Последняя имеет две основных формы. С одной стороны, поштучная плата облегчает внедрение паразитов между капиталистом и наемным рабочим, перепродажу труда посредниками (subletting of labour). Прибыль посредников образуется исключительно за счет разницы между ценой труда, уплачиваемой капиталистом, и той частью этой цены, которую посредники действительно оставляют рабочему[50]. В Англии эта система носит характерное название «sweating system» (потогонная система). С другой стороны, поштучная плата позволяет капиталисту заключать со старшим рабочим — в мануфактуре с главой группы, в шахтах — с углекопом и т. п., на фабрике — с собственно машинным рабочим — контракт на определенное число штук продукта по определенной цене, за которую старший рабочий берет на себя привлечение и оплату подручных. Эксплуатация рабочих капиталом осуществляется здесь при посредстве эксплуатации одного рабочего другим рабочим[51].

Раз существует поштучная заработная плата, то естественно, что личный интерес рабочего заставляет его как можно Интенсивнее напрягать свою рабочую силу, что, в свою очередь, облегчает для капиталиста повышение нормального уровня интенсивности[51a]. Точно так же личный интерес рабочего

[49] «Ему» (прядильщику) «выдается столько-то хлопка и по истечении известного времени он должен вернуть взамен такое-то количество ниток или пряжи определенной степени тонкости, причем он получает определенную плату за каждый доставленный им фунт продукта. Если работа его плохого качества, на него налагается штраф; если она по количеству меньше минимума, установленного для данного времени, он получает расчет и замещается более искусным работником» (*Ure.* «Philosophy of Manufactures», p. 316, 317).

[50] «Когда работа проходит через руки многих лиц, каждое из которых получает долю прибыли, но только последнее действительно прилагает свой труд, тогда плата, действительно получаемая работницей, чрезвычайно ничтожна» («Children's Employment Commission. 2nd Report», p. LXX, № 424).

[51] Даже апологет Уотс замечает: «Было бы существенным улучшением системы сдельной платы, если бы все лица, занятые данной работой, были, в соответствии со своими способностями, непосредственными участниками контракта, вместо такого положения, когда лишь один рабочий заинтересован в чрезмерном труде своих товарищей, извлекая из этого личную выгоду» *(John Watts.* «Trade Societies and Strikes, Machinery and Cooperative Societies». Manchester, 1865, p. 53). Относительно гнусностей, связанных с этой системой, см. «Children's Employment Commission. 3rd Report», p. 66, № 22; p. 11, № 124; p. XI, №№ 13, 53, 59 и т. д.

[51a] Этому естественному результату зачастую содействуют искусственными мерами. Так, например, в машиностроительном производстве Лондона является обычным следующий трюк: «Капиталист ставит во главе известного числа рабочих человека, выдающегося по своей физической силе или ловкости. Каждую четверть года или в иные сроки он уплачивает ему надбавку на условии, что он сделает все возможное, чтобы побудить к самому крайнему напряжению сил своих товарищей по работе, получающих обычную плату... Это без всяких дальнейших комментариев объясняет происхождение жалобы капиталистов на тред-юнионы, которые будто бы «парализуют энергию, выдающееся искусство и рабочую силу» («stinting the action, superior skill and working power»)» *(Dunning,* цит. соч., стр. 22, 23). Так как автор — сам рабочий и секретарь тред-юниона, то слова его могут показаться преувеличением. Но загляните, например, в «высокореспектабельную» агрономическую энциклопедию Дж. Ч. Мортона, — и вы увидите, что в статье «Рабочий» этот же самый метод рекомендуется фермерам как испытанный метод.

побуждает его удлинять свой рабочий день, так как тем самым повышается его дневная или недельная заработная плата[52]. Это вызывает реакцию, описанную при исследовании повременной заработной платы, не говоря уже о том, что удлинение рабочего дня, даже при постоянной поштучной заработной плате, само по себе означает падение цены труда.

При повременной заработной плате господствует, за немногими исключениями, равная плата за одни и те же функции; при поштучной же плате, хотя цена рабочего времени измеряется определенным количеством продукта, дневная и недельная плата меняется в зависимости от индивидуальных различии между рабочими, один из которых доставляет в данное время минимум продукта, другой — среднюю норму, третий — больше средней нормы. Следовательно, величина действительного дохода рабочего в данном случае сильно колеблется в зависимости от искусства, силы, энергии, выносливости и т. п. индивидуальных рабочих[53]. Конечно, это ничуть не изменяет общего отношения между капиталом и наемным трудом. Во-первых, индивидуальные различия сглаживаются, если взять мастерскую в целом, так что эта последняя в течение определенного рабочего времени доставляет среднее количество продукта, а совокупная заработная плата, выданная рабочим мастерской, является средней заработной платой данной отрасли производства. Во-вторых, отношение между заработной платой и прибавочной стоимостью остается неизменным, так как индивидуальной плате отдельного рабочего соответствует индиви-

---

[52] «Для всех, кто получает поштучную плату... выгодно увеличение продолжительности труда за установленные законом границы. Такая готовность работать чрезмерное время особенно часто наблюдается среди женщин — ткачих и мотальщиц» («Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1858», p. 9). «Эта система поштучной платы, столь выгодная для капиталиста... направлена непосредственно к тому, чтобы побудить юного горшечника работать чрезмерно продолжительное время в течение 4 или 5 лет, причем он получает поштучно, но по весьма низкой расценке. Это одна из главных причин, вызывающих физическую дегенерацию горшечников» («Children's Employment Commission. 1st Report», p. XIII).

[53] «Если в каком-нибудь производстве труд оплачивается сдельно по стольку-то за штуку, то... заработные платы различных рабочих могут очень значительно отличаться друг от друга по размерам... При поденной же работе существует обыкновенно однообразная оценка... признанная и предпринимателем и рабочим нормой заработной платы для средних рабочих данного производства» *(Dunning,* цит. соч., стр. 17).

дуально произведенное им количество прибавочной стоимости. Поштучная плата, расширяя сферу индивидуальной деятельности, тем самым, с одной стороны, способствует развитию у рабочих индивидуальности, духа свободы, самостоятельности и способности к самоконтролю, но, с другой стороны, порождает между ними взаимную конкуренцию. Она имеет поэтому тенденцию, повышая индивидуальную заработную плату выше среднего уровня, в то же время понижать самый этот уровень. Однако там, где определенная поштучная плата прочно закреплена продолжительной традицией и потому понижение ее представляет особые трудности, — в таких случаях хозяева прибегают иногда к насильственному превращению поштучной платы в повременную. Этим была вызвана, например, в 1860 г. большая стачка рабочих ленточного производства в Ковентри[54]. Наконец, поштучная плата является главной опорой описанной выше почасовой системы[55].

Из всего вышесказанного вытекает, что поштучная плата есть форма заработной платы, наиболее соответствующая капиталистическому способу производства. Отнюдь не представляя чего-либо нового, — поштучная плата наряду с повременной официально фигурирует, между прочим, во французских и английских рабочих статутах XIV века, — она, однако, приобретает более или менее обширное поле применения лишь

54) «Труд ремесленников-подмастерьев регулируется или поденно, или поштучно (a la journee ou a la piece)... Хозяева приблизительно знают, сколько продукта могут ежедневно изготовить рабочие данного ремесла, и поэтому зачастую оплачивают их пропорционально произведенному продукту; при этом собственный интерес подмастерьев, независимо от надзора, побуждает их трудиться возможно дольше» *(Cantillon.* «Essai sur la Nature du Commerce en general», ed. Amsterdam, 1756, p. 185, 202. Первое издание вышло в 1755 г.). Таким образом, Кантильон, из которого обильно заимствовали Кенэ, сэр Джемс Стюарт и А. Смит, изображает здесь поштучную заработную плату просто как модифицированную форму повременной заработной платы. Французское издание Кантильона имеет на заглавной странице пометку, будто это перевод с английского, между тем английское издание «The Analysis of Trade, Commerce etc.» by *Philip Cantillon,* late of the City of London, Merchant, не только вышло после французского (в 1759 г.), но и по самому содержанию своему представляет собой позднейшую переработку. Так, например, во французском издании Юм еще не упоминается, а в английском, наоборот, Петти почти уже не фигурирует. Английское издание теоретически менее значительно, но зато содержит всякого рода специальный материал относительно английской торговли, торговли благородными металлами и т. д., чего нет во французском издании. Поэтому фраза в заглавии английского издания, гласящая, что работа эта «taken chiefly from the Manuscript of a very ingenious Gentleman deceased, and adapted etc.» [«заимствована главным образом из рукописи одного высокоодаренного джентльмена, ныне умершего, адаптирована и т. д.»], представляется больше, чем просто выдумкой, обычной для того времени[159].

55) «Сколько раз приходилось нам видеть в некоторых мастерских скопление большего количества рабочих, чем это нужно для выполнения имеющейся там работы. Часто берут рабочих на случай какой-либо непредвиденной работы, иногда существующей только в воображении; так как рабочим платят поштучно, то хозяин ничем не рискует, потому что при этом весь ущерб, происходящий от потери времени, ложится исключительно на остающихся без занятий рабочих» (*H. Gregoir.* «Les Typographes devant le Tribunal Correctionnel de Bruxelles», Bruxelles, 1865, p. 9).

в собственно мануфактурный период. В 1797—1815 гг., когда крупная промышленность переживала период бури и натиска, поштучная заработная плата послужила рычагом для удлинения рабочего времени и понижения заработной платы. Очень важный материал о движении заработной платы в тот период мы находим в Синих книгах: «Report and Evidence from the Select Committee on Petitions respecting the Corn Laws» (парламентская сессия 1813—1814 гг.) и «Reports from the Lords' Committee, on the state of the Growth, Commerce, and Consumption of Grain, and all Laws relating thereto» (сессия 1814—1815 гг.). Здесь мы находим документальные доказательства непрерывного понижения цены труда с того времени, как началась антиякобинская война. Например, в ткацком деле поштучная плата упала до такой степени, что, несмотря на большое удлинение рабочего дня, дневная плата оказалась ниже, чем была раньше.

«Реальный доход ткача в настоящее время много меньше, чем был раньше: преимущества ткача по сравнению с неквалифицированным рабочим, некогда очень значительные, теперь почти совершенно исчезли. В самом деле, разница между заработной платой квалифицированного и неквалифицированного труда теперь гораздо меньше, чем в течение любого из прежних периодов»[56].

Как мало пользы извлек сельскохозяйственный пролетариат из возрастания интенсивности и увеличения продолжительности труда под влиянием поштучной платы, показывает следующее место, взятое из произведения, отстаивающего с пристрастием интересы лендлордов и арендаторов.

«Подавляющая часть земледельческих операций выполняется людьми, оплачиваемыми поденно или поштучно. Их недельная плата равняется приблизительно 12 шилл., и хотя можно предположить, что при поштучной оплате, побуждающей трудиться более напряженно, рабочий выработает на 1 или 2 шилл. больше, чем при понедельной, однако при рассмотрении его дохода в целом окажется, что эта прибавка сводится на нет потерей, вызванной отсутствием работы в известные периоды года... Мы далее вообще найдем, что заработные платы этих людей находятся в определенном отношении к цене необходимых жизненных средств, так что человек, имеющий двух детей, в состоянии заработать как раз столько, сколько ему требуется для того, чтобы содержать свое семейство, не прибегая к приходской благотворительности»[57].

Мальтус заметил тогда по поводу фактов, опубликованных парламентом:

«Признаюсь, я с неудовольствием смотрю на широкое распространение практики поштучной оплаты. Тяжелый труд по 12—14 часов в день

[56] «Remarks on the Commercial Policy of Great Britain». London, 1815, p. 48.
[57] «A Defence of the Landowners and of Farmers of Great Britain». London, 1814, p. 4, 5.

в течение более или менее продолжительного периода — это действительно слишком много для человеческого существа»[58].

В мастерских, подчиненных действию фабричного закона, поштучная заработная плата становится общим правилом, так как здесь капитал может расширить рабочий день только интенсивно[59].

С изменением производительности труда изменяется рабочее время, представленное одним и тем же количеством продукта. Следовательно, изменяется также и поштучная плата, так как она есть выражение цены определенного рабочего времени. В нашем приведенном выше примере 24 штуки продукта производились в течение 12 часов, стоимость, вновь созданная за 12 часов, была 6 шилл., дневная стоимость рабочей силы 3 шилл., цена рабочего часа 3 пенса и заработная плата $1^1/_2$ пенса за штуку. Каждая штука товара впитывала в себя $^1/_2$ рабочего часа. Если тот же самый рабочий день станет доставлять 48 штук продукта вместо 24, вследствие, например, удвоения производительности труда, и если все остальные обстоятельства не изменятся, то поштучная плата упадет с $1^1/_2$ пенса до $^3/_4$ пенса, так как каждая штука представляет теперь не $^1/_2$ рабочего часа, а только $^1/_4$ его. $1^1/_2$ пенса × 24 = 3 шилл. и $^3/_4$ пенса × 48 = 3 шиллинга. Другими словами, поштучная плата понижается в том самом отношении, в каком возрастает число штук товара, произведенного в течение одного и того же времени[60], следовательно, в том самом отношении, в каком уменьшается рабочее время, затрачиваемое на одну штуку. Это изменение поштучной платы, хотя здесь оно является чисто номинальным, служит постоянным источником борьбы между капиталистом и рабочим: или потому, что капиталист пользуется им как предлогом для действительного понижения цены труда, — или потому, что

[58] *Malthus*. «Inquiry into the Nature etc. of Rent». London, 1815.

[59] «Рабочие, получающие поштучную плату, составляют, вероятно, $^4/_5$ всех фабричных рабочих» («Rep. of Insp. of Fact. for 30th April 1858», p. 9).

[60] «Производительная сила его прядильной машины точно измерена, и размеры платы за труд, совершаемый при ее помощи, уменьшаются с ростом ее производительной силы, хотя и не в той же пропорции» *(Ure.* «Philosophy of Manufactures», p. 317). Последнее апологетическое замечание сам же Юр уничтожает в дальнейшем изложении. Он признает, например, что при удлинении мюля добавочный труд вызывается самым этим удлинением. Следовательно, труд уменьшается не в той степени, в какой растет его производительность. Далее: «При таком увеличении машины ее производительная сила возрастает на $^1/_5$. Если это действительно совершится, прядильщиц уже не будет получать за данное количество труда ту плату, какую он получал раньше; но так как его плата не уменьшится точно на $^1/_5$, то это усовершенствование увеличит его денежный заработок за данное число рабочих часов», — но... но «вышесказанное требует известной поправки... прядильщик из своих добавочных шести пенсов должен уплатить кое-что на содержание малолетних подручных... которые вытесняют часть взрослых рабочих» (там же, стр. 320, 321), что отнюдь не свидетельствует о тенденции к возрастанию заработной платы.

повышение производительной силы труда сопровождается повышением его интенсивности, — или же потому, что рабочий всерьез принимает внешнюю форму поштучной заработной платы, полагая, что оплачивается продукт его труда, а не его рабочая сила, и ввиду этого противится всякому понижению заработной платы, раз оно не сопровождается соответственным понижением продажной цены товара.

«Рабочие тщательно следят за ценой сырого материала и ценой фабрикатов и в состоянии точно определить прибыли своих хозяев»[61)].

Такие притязания капитал с полным правом отвергает как основанные на грубом непонимании природы наемного труда[62)]. Он возмущается претензией рабочих облагать в свою пользу налогом прогресс промышленности и категорически заявляет, что рабочим вообще нет никакого дела до производительности их собственного труда[63)].

61) *H. Fawcett*. «The Economic Position of the British Labourer». Cambridge and London, 1865, p. 178.

62) В лондонской газете «Standard» от 26 октября 1861 г. мы находим отчет о процессе фирмы Джон Брайт и К°, «привлекшей в Рочдейле членов тред-юниона ткачей ковров к суду по обвинению в запугивании. Фирма Брайт ввела новые машины, которые вырабатывают 240 ярдов ковра в такое же время и с такой же затратой труда (!), каких раньше требовало производство 160 ярдов. Рабочие не имеют основания претендовать на долю той прибыли, которая создается благодаря тому, что капитал их предпринимателей затрачивается на технические усовершенствования. Исходя из этого, гг. Брайт предложили понижение заработной платы с $1^1/_2$ пенсов до 1 пенса за ярд, причем общий заработок рабочего за данный труд остается совершенно таким же, как раньше. Тут было только номинальное понижение платы, о котором, как утверждают, рабочие не были предупреждены заранее».

63) «Тред-юнионы, стараясь поддерживать определенный уровень заработной платы, стремятся добиться участия в прибыли, проистекающей от улучшения машин!» (Ужасно!..) «Они требуют повышения платы на том основании, что труд сокращается... другими словами: они стремятся обложить налогом промышленные усовершенствования» («On Combination of Trades». New Edit., London, 1834, p. 42).

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ

В пятнадцатой главе мы рассмотрели разнообразные комбинации, которые может повлечь за собой изменение абсолютной или относительной (т. е. по сравнению с прибавочной стоимостью) величины стоимости рабочей силы, причем оказалось, что количество жизненных средств, в которых реализуется цена рабочей силы, может испытывать изменения, независимые[64)] или отличные от колебаний этой цены. Как уже было отмечено, путем простого перехода стоимости — соответственно цены — рабочей силы в экзотерическую форму заработной платы все указанные там законы превращаются в законы движения заработной платы. То, что в пределах этого движения представляется в виде последовательно сменяющих друг друга» комбинаций, то для различных стран может представляться как одновременно существующее национальное различие заработных плат. Следовательно, при сравнении заработных плат разных стран необходимо принять во внимание все моменты, определяющие изменения в величине стоимости рабочей силы: цену и объем естественных и исторически развившихся первейших жизненных потребностей, издержки воспитания рабочего, роль женского и детского труда, производительность труда, его экстенсивную и интенсивную величину. Даже самое поверхностное сравнение требует прежде всего сведения средней дневной заработной платы в данном производстве различных стран к рабочему дню одинаковой продолжительности. После такого уравнивания дневных заработных плат повременная плата должна быть переведена на поштучную, так как только эта последняя дает мерило и для производительности и для интенсивности труда.

[64)] «Не точно было бы сказать, что заработная плата» (речь идет о ее денежном выражении) «возросла, если на нее можно купить большее количество более дешевого продукта» (Давид Бьюкенен в его издании «Wealth o£ Nations» А. Смита. 1814 г., т. I, стр. 417, примечание).

В каждой стране существует известная средняя интенсивность труда; труд, не достигающий этой средней интенсивности, означает затрату на производство данного товара времени больше, чем общественно необходимо в этой стране, и потому не является трудом нормального качества. Только та степень интенсивности, которая поднимается выше национальной средней, изменяет в данной стране измерение стоимости простои продолжительностью рабочего времени. Иначе обстоит дело на мировом рынке, интегральными частями которого являются отдельные страны. Средняя интенсивность труда изменяется от страны к стране; здесь она больше, там меньше. Эти национальные средние образуют, таким образом, шкалу, единицей измерения которой является средняя единица труда всего мира. Следовательно, более интенсивный национальный труд по сравнению с менее интенсивным производит в равное время большую стоимость, которая выражается в большем количестве денег.

Но закон стоимости в его интернациональном применении претерпевает еще более значительные изменения благодаря тому, что на мировом рынке более производительный национальный труд принимается в расчет тоже как более интенсивный, если только конкуренция не принудит более производительную нацию понизить продажную цену ее товара до его стоимости.

Интенсивность и производительность национального труда в данной стране поднимается выше интернационального уровня в той самой мере, в какой развивается капиталистическое производство этой страны[64a)]. Следовательно, различные количества товаров одного и того же вида, производимые в различных странах в равное рабочее время, имеют неодинаковые интернациональные стоимости, выражающиеся в различных ценах, т. е. в денежных суммах, различных по величине в зависимости от различия интернациональных стоимостей. Таким образом, относительная стоимость денег меньше у нации с более развитым, чем у нации с менее развитым капиталистическим способом производства. Отсюда следует, что номинальная заработная плата, т. е. выраженный в деньгах эквивалент рабочей силы, у первой нации будет выше. чем у второй; но это отнюдь еще не значит, что там будет больше и действительная заработная плата, т. е. количество жизненных средств, находящихся в распоряжении рабочего.

Но если даже оставить в стороне это относительное различие в стоимости денег в различных странах, часто оказывается, что

[64a)] В другом месте мы исследуем, какие обстоятельства могут видоизменить действие этого закона для отдельных отраслей промышленности в его применении к производительности труда.

дневная, недельная и т. д. заработная плата у первой нации выше, чем у второй, тогда как относительная цена труда, т. е. цена труда по сравнению с прибавочной стоимостью и стоимостью продукта, у второй нации выше, чем у первой[65].

Дж. У. Кауэлл, член фабричной комиссии 1833 г., тщательно исследовав прядильное производство, пришел к выводу, что

«по существу дела в Англии заработная плата с точки зрения фабрикантов ниже, чем на континенте, хотя с точки зрения рабочих она может быть и выше» (*Ure.* «Philosophy of Manufactures», p. 314).

Английский фабричный инспектор Александр Редгрейв в фабричном отчете от 31 октября 1866 г. при помощи сравнительной статистики Англии и континентальных стран доказывает, что континентальный труд, несмотря на более низкую плату и гораздо более продолжительный рабочий день, дороже по сравнению с продуктом, чем английский. Англичанин-директор (manager) одной хлопчатобумажной фабрики в Ольденбурге заявляет, что там рабочее время продолжается ежедневно, не исключая и субботы, с 5 часов 30 минут утра до 8 часов вечера, и что тамошние рабочие под надзором надсмотрщиков-англичан производят несколько меньше продуктов, чем английские рабочие в течение 10 часов, а под надзором немецких надсмотрщиков еще много меньше. Заработная плата там много ниже, чем в Англии, во многих случаях на целые 50%, но число рабочих, приходящееся на данное количество машин, гораздо больше; в некоторых отделениях оно относится к английскому как 5:3. Г-н Редгрейв приводит очень подробные данные относительно русских хлопчатобумажных фабрик. Данные эти сообщил ему один английский manager, еще совсем недавно работавший там. На этой русской почве, столь обильной всяческими безобразиями, находятся в полном расцвете старые ужасы младенческого периода английской фабричной системы.

[65] Джемс Андерсон замечает, полемизируя с А. Смитом: «Следует также заметить, что хотя кажущаяся цена труда обыкновенно ниже в бедных странах, где продукты земледелия и в особенности хлеб дешевы, тем не менее действительная цена труда там обыкновенно выше, чем в других странах. Ибо не заработная плата, выдаваемая рабочему за день труда, образует действительную цену труда, хотя она и есть его кажущаяся цена. Действительная цена есть то, во что на деле обходится предпринимателю определенное количество готового продукта, и рассматриваемый с этой точки зрения труд почти во всех случаях оказывается более дешевым в богатых странах, чем в более бедных, несмотря на то, что цена хлеба и других жизненных средств в последних обыкновенно ниже, чем в первых... Труд, оцениваемый поденно, значительно дешевле в Шотландии, чем в Англии... Труд же при расчете на штуку товара в общем дешевле в Англии» (*James Anderson.* «Observations on the means of exciting a spirit of National Industry etc.», Edinburgh, 1777, p. 350, 351). — Наоборот, низкая заработная плата вызывает, в свою очередь, вздорожание труда. «Труд дороже в Ирландии, чем в Англии... как раз потому, что заработная плата там значительно ниже» (№ 2074 в «Royal Commission on Railways, Minutes», 1867).

Управляющие, конечно, англичане, так как местный русский капиталист непригоден для фабричного дела. Несмотря на чрезмерный труд, непрерывную дневную и ночную работу и мизерную оплату рабочих, русское производство влачит лишь жалкое существование, — и то только благодаря препятствиям, создаваемым для иностранной конкуренции. — В заключение я приведу еще сделанный г-ном Редгрейвом сравнительный обзор среднего числа веретен, приходящихся в разных странах Европы на одну фабрику и на одного прядильщика. Г-н Редгрейв сам замечает, что эти цифры собраны несколько лет тому назад и что с того времени увеличились и размеры английских фабрик и число веретен, приходящееся на каждого рабочего. Но он предполагает, что прогресс перечисленных им континентальных стран происходил такими же темпами, так что его цифровые данные сохранили свое относительное значение.

Среднее число веретен на каждую фабрику

В Англии	12 600
В Швейцарии	8 000
В Австрии	7 000
В Саксонии	4 500
В Бельгии	4 000
Во Франции	1 500
В Пруссии	1 500

Среднее число веретен на одного рабочего

Во Франции	14
В России	28
В Пруссии	37
В Баварии	46
В Австрии	49
В Бельгии	50
В Саксонии	50
В более мелких германских государствах	55
В Швейцарии	55
В Великобритании	74

«Это сопоставление», — говорит г-н Редгрейв, — «еще относительно неблагоприятно для Великобритании, не говоря уже о других обстоятельствах, в особенности потому, что там существует очень много фабрик, на которых машинное ткачество соединено с прядением, а между тем из расчета не исключено ни одного человека, занятого у ткацкого станка. Напротив, иностранные фабрики в своем большинстве только прядильные. Если было бы возможно найти вполне сравнимые данные, я мог бы назвать в моем округе много бумагопрядилен, где мюль-машины с 2200 веретенами управляются одним рабочим (minder) с двумя помощницами и ежедневно

производят 220 фунтов пряжи длиною в 400 миль» (английских) («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1866», p. 31—37 passim).

Как известно, в Восточной Европе и в Азии английские компании взяли на себя постройку железных дорог и при этом наряду с местными рабочими используют известное число английских рабочих. Практическая необходимость заставила их учитывать таким путем национальные различия в интенсивности труда, и это отнюдь не принесло им убытка. Их опыт учит, что если уровень заработной платы и соответствует более или менее средней интенсивности труда, то относительная цена труда (по сравнению с продуктом) изменяется обыкновенно в прямо противоположном направлении.

В «Опыте об уровне заработной платы»[66] — одном из самых ранних своих экономических произведений — Г. Кэри старается доказать, что различные национальные заработные платы прямо пропорциональны степени производительности национального рабочего дня. Из этого интернационального соотношения он делает вывод, что заработная плата вообще повышается и падает пропорционально производительности труда. Весь наш анализ производства прибавочной стоимости показывает, что умозаключение это было бы нелепо даже в том случае, если бы Кэри действительно обосновал свои посылки, а не свалил по своему обыкновению в общую кучу некритически и по верхам понадерганный отовсюду статистический материал. Но лучше всего то, что, по его собственному признанию, в действительности дело не обстоит так, как оно должно было бы обстоять согласно теории. А именно вмешательство государства искажает это естественное экономическое отношение. Необходимо поэтому так исчислять национальные заработные платы, как будто часть их, достающаяся государству в форме налогов, достается самому рабочему. Очень не мешало бы г-ну Кэри поразмыслить о том, не являются ли эти «государственные издержки» тоже «естественными плодами» капиталистического развития. Вышеприведенное рассуждение вполне достойно человека, который сначала объявляет капиталистические производственные отношения вечными законами природы и разума, а государственное вмешательство лишь нарушающим их свободную гармоническую игру, а затем открывает, что дьявольское влияние Англии на мировом рынке, —влияние, по-видимому не вытекающее из естественных законов капиталистического производства, — вызывает необходимость государствен-

[66] «Essay on the Rate of Wages: with an Examination of the Causes of the Differences in the Conditions of the Labouring Population throughout the World». Philadelphia, 1835.

ного вмешательства, а именно государственной защиты этих «законов природы и разума», alias [иначе] — необходимость системы протекционизма. Он открыл далее, что не теоремы Рикардо и других, в которых сформулированы существующие общественные противоположности и противоречия, являются идеальным продуктом действительного экономического развития, а наоборот, действительные противоречия капиталистического производства в Англии и прочих странах суть результат теории Рикардо и других! Он открыл, наконец, что врожденные прелести и гармонии капиталистического способа производства разрушаются в последнем счете торговлей. Еще один шаг в этом направлении, и, чего доброго, он откроет, что единственным злом капиталистического производства является сам капитал. Только человек, отличающийся такой ужасающей некритичностью и такой ложной ученостью, заслужил того, чтобы несмотря на свою протекционистскую ересь, стать тайным источником гармонической мудрости для какого-нибудь Бастиа и всех прочих оптимистов современного фритредерства.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ
ПРОЦЕСС НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА

Превращение известной денежной суммы в средства производства и рабочую силу есть первое движение, совершаемое стоимостью, которая должна функционировать в качестве капитала. Происходит оно на рынке, в сфере обращения. Вторая фаза этого движения, процесс производства, закончена, поскольку средства производства превращены в товары, стоимость которых превышает стоимость их составных частей, т. е. содержит в себе первоначально авансированный капитал плюс прибавочную стоимость. Эти товары должны быть затем снова брошены в сферу обращения. Надо продать их, реализовать их стоимость в деньгах, эти деньги вновь превратить в капитал и так все снова и снова. Этот кругооборот, неизменно проходящий одни и те же последовательные фазы, образует обращение капитала.

Первое условие накопления заключается в том, чтобы капиталисту удалось продать свои товары и снова превратить в капитал большую часть полученных за них денег. В дальнейшем предполагается, что капитал совершает свой процесс обращения нормальным образом. Подробный анализ этого процесса относится ко второй книге.

Капиталист, производящий прибавочную стоимость, т. е. высасывающий неоплаченный труд непосредственно из рабочих и фиксирующий его в товарах, первый присваивает себе прибавочную стоимость, но отнюдь не является ее окончательным собственником. Он должен затем поделиться ею с другими капиталистами, выполняющими иные функции в общественном производстве в его целом, с земельным собственником и т. д.

Таким образом, прибавочная стоимость расщепляется на различные части. Различные ее доли попадают в руки лиц различных категорий и приобретают различные, самостоятельные по отношению друг к другу формы, каковы: прибыль, процент, торговая прибыль, земельная рента и т. д. Эти превращенные формы прибавочной стоимости могут быть рассмотрены лишь в третьей книге.

Итак, с одной стороны, мы предполагаем здесь, что капиталист, производящий товары, продает их по их стоимости, причем мы не будем рассматривать здесь его обратного возвращения на товарный рынок: ни тех новых форм, которые принимает капитал в сфере обращения, ни скрытых в них конкретных условий воспроизводства. С другой стороны, мы предполагаем, что капиталистический производитель является собственником всей прибавочной стоимости или, если угодно, представителем всех участников в дележе ее. Таким образом, сначала мы рассмотрим накопление абстрактно, т. е. просто как момент непосредственного процесса производства.

Впрочем, поскольку накопление совершается, постольку очевидно, что капиталисту удается продать произведенный товар и превратить вырученные от этой продажи деньги обратно в капитал. Далее: распадение прибавочной стоимости на различные доли ничуть не изменяет ее природы и тех необходимых условий, при которых она становится элементом накопления. В какой бы пропорции ни распадалась прибавочная стоимость на часть, удерживаемую самим капиталистическим производителем, и часть, которую он уступает другим, во всяком случае в первую очередь прибавочная стоимость присваивается ее капиталистическим производителем. Следовательно; то, что мы предполагаем при нашем изображении процесса накопления, то происходит и в действительности. С другой стороны, расщепление прибавочной стоимости и посредствующее движение обращения затемняют простую основную форму процесса накопления. Поэтому анализ последнего в его чистом виде требует предварительного отвлечения от всех явлений, скрывающих внутреннюю игру его механизма.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он во всяком случае должен быть непрерывным, т. е. должен периодически все снова и снова проходить одни и те же стадии. Так же, как общество не может перестать потреблять, так не может оно и перестать производить. Поэтому всякий общественный процесс производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом воспроизводства.

Условия производства суть в то же время условия воспроизводства. Ни одно общество не может непрерывно производить, т. е. воспроизводить, не превращая непрерывно известной части своего продукта снова в средства производства, или элементы нового производства. При прочих равных условиях оно может воспроизводить свое богатство или поддерживать его на неизменном уровне лишь в том случае, если средства производства, т. е. средства труда, сырые и вспомогательные материалы в натуральном выражении, потребленные в течение, например, года, замещаются равным количеством новых экземпляров того же рода; это последнее отделяется от годовой массы продуктов и снова входит в процесс производства. |Итак, определенное количество годового продукта принадлежит производству. Предназначенная с самого начала для производственного потребления, эта часть существует в своем большинстве в таких натуральных формах, которые уже сами по себе исключают индивидуальное потребление.

Если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство имеет такую же форму. Подобно тому как процесс труда при капиталистическом способе производства выступает только как средство для процесса возрастания стоимости, точно так же воспроизводство выступает только как средство воспроизвести авансированную стоимость в качестве

капитала, т. е. в качестве самовозрастающей стоимости. Характерная экономическая роль капиталиста присуща данному лицу лишь потому, что деньги его непрерывно функционируют как капитал. Если, например, авансированная денежная сумма в 100 ф. ст. превратилась в этом году в капитал и произвела прибавочную стоимость в 20 ф. ст., то она должна повторить ту же самую операцию в следующем году и т. д. Как периодическое приращение капитальной стоимости, или периодический плод функционирующего капитала, прибавочная стоимость приобретает форму дохода, возникающего из капитала[1)].

Если доход этот служит капиталисту лишь фондом потребления, если он так же периодически потребляется, как и добывается, то при прочих равных условиях мы имеем перед собой простое воспроизводство. И хотя оно есть простое повторение процесса производства в неизменном масштабе, тем не менее эта простая повторяемость или непрерывность придает процессу новые черты, или, скорее, устраняет те, которые кажутся характерными для него только как для единичного акта.

Исходным пунктом процесса производства является купля рабочей силы на определенное время, и этот исходный пункт постоянно возобновляется, как только истекает срок, на который был куплен труд, и вместе с тем истекает и определенный период производства, например неделя, месяц и т. д. Однако рабочий оплачивается лишь после того, как его рабочая сила проявила свое действие и реализовала в товарах как свою стоимость, так и прибавочную стоимость. Следовательно, рабочий произвел как прибавочную стоимость, которую мы пока рассматриваем только как потребительный фонд капиталиста, так и фонд для своей собственной оплаты, т. е. переменный капитал, — произвел раньше, чем этот последний притекает к нему обратно в виде заработной платы, и он имеет работу лишь до тех пор, пока он непрерывно воспроизводит его. Отсюда упомянутая нами в шестнадцатой главе под цифрой II формула экономистов, изображающая заработную плату как долю в самом продукте[2)]. Это та часть продукта, непрерывно воспроизводимого

[1)] «Богатые, потребляющие продукты труда других, получают эти последние лишь при помощи акта обмена» (купли товаров). «Поэтому кажется, что их запасной фонд должен быстро иссякнуть... Но в современном общественном строе богатство получило силу воспроизводиться посредством чужого труда... Богатство, подобно труду и при помощи труда, каждый год доставляет плод, который можно уничтожить в течение года, не делая беднее владельца богатства. Этот плод есть доход, возникающий из капитала» (*Sismondi*. «Nouveaux Principes d'Economie Politique», t. I, p. 81, 82).

[2)] «Заработную плату... точно так же, как и прибыль, следует рассматривать действительно как долю готового продукта» (*G. Ramsay*, цит. соч., стр. 142). «Доля продукта, причитающаяся рабочему в форме заработной платы» (*James Mill*. «Elements dEconomie Politique», traduits de l'anglais par Parisot. Paris, 1823, p. 34).

самим рабочим, которая непрерывно притекает к нему обратно в форме заработной платы. Конечно, капиталист выплачивает ему эту товарную стоимость деньгами. Но эти деньги есть лишь превращенная форма продукта труда. В то время как рабочий превращает часть средств производства в продукт, часть его прежнего продукта превращается обратно в деньги. Его труд в течение прошлой недели или последнего полугодия — вот из какого источника оплачивается его сегодняшний труд или труд наступающего полугодия. Иллюзия, создаваемая денежной формой, тотчас же исчезает, как только мы вместо отдельного капиталиста и отдельного рабочего станем рассматривать класс капиталистов и класс рабочих. В денежной форме класс капиталистов постоянно выдает рабочему классу чеки на получение известной части продукта, произведенного рабочими и присвоенного капиталистами. Эти чеки рабочий столь же регулярно отдает назад классу капиталистов, получая взамен причитающуюся ему часть своего собственного продукта. Товарная форма продукта и денежная форма товара маскируют истинный характер этого процесса.

Итак, переменный капитал есть лишь особая историческая форма проявления фонда жизненных средств, или рабочего фонда, который необходим работнику для поддержания и воспроизводства его жизни и который при всех системах общественного производства он сам постоянно должен производить и воспроизводить. Рабочий фонд постоянно притекает к рабочему в форме средств платежа за его труд лишь потому, что собственный продукт рабочего постоянно удаляется от него в форме капитала. Однако эта форма проявления рабочего фонда ничуть не изменяет того факта, что капиталист авансирует рабочему овеществленный труд самого рабочего[3)]. Возьмем барщинного крестьянина. Он работает при помощи собственных средств производства на собственном поле, скажем, 3 дня в неделю. В течение остальных 3 дней недели он выполняет барщинную работу на господском поле. Он постоянно воспроизводит свой собственный рабочий фонд, и этот последний никогда не принимает по отношению к нему формы средства платежа, авансированного в обмен на его труд третьим лицом. Зато и его неоплаченный принудительный труд никогда не получает формы добровольного и оплаченного труда. Но если помещик присвоит себе поле, рабочий скот, семена, одним словом — средства

[3)] «Когда напитал употребляется на авансирование рабочим их заработной платы, он ничего не прибавляет *к* фонду, предназначенному для поддержания труда» (Кейзнов в примечании к его изданию работы Мальтуса «Definitions in Political Economy». London, 1853, p. 22).

производства барщинного крестьянина, то отныне этому последнему придется продавать свою рабочую силу помещику. При прочих равных условиях он и теперь будет работать, как и прежде, 6 дней в неделю — 3 дня на себя, 3 дня на бывшего помещика, превратившегося теперь в нанимателя. И теперь, как и раньше, он будет употреблять средства производства как таковые, перенося их стоимость на продукт. И теперь, как и раньше, определенная часть продукта будет входить в процесс воспроизводства. Но подобно тому как барщинный труд принимает при этом форму наемного труда, точно так же и рабочий фонд, производимый и воспроизводимый теперь, как и раньше, самим крестьянином, принимает форму капитала, авансируемого крестьянину бывшим помещиком. Буржуазный экономист, ограниченный мозг которого не в состоянии отличать форму проявления от того, что в ней проявляется, закрывает глаза на тот факт, что даже в настоящее время на всем земном шаре рабочий фонд лишь в виде исключения выступает в форме капитала[4)].

Как бы то ни было, переменный капитал утрачивает характер стоимости, авансированной из собственного фонда капиталиста[4a)], лишь в том случае, если мы рассматриваем капиталистический процесс производства в непрерывном потоке его возобновления. Но где-нибудь и когда-нибудь этот процесс должен был начаться. Следовательно, исходя из той точки зрения, на которой мы стояли до сих пор, представляется вероятным, что капиталист в известный момент стал владельцем денег посредством какого-то первоначального накопления, независимого от чужого неоплаченного труда, и благодаря этому смог выступить на рынке в качестве покупателя рабочей силы. Между тем уже простая непрерывность капиталистического процесса производства, или простое воспроизводство, вызывает и другие своеобразные изменения, касающиеся не только переменной части капитала, но и всего капитала в целом.

Если прибавочная стоимость, создаваемая периодически, например ежегодно, капиталом в 1000 ф. ст., составляет 200 ф. ст. и если эта прибавочная стоимость потребляется без остатка в течение года, то ясно, что после повторения этого процесса в течение пяти лет сумма потребленной прибавочной

[4)] «Средства существования рабочих авансируются им капиталистами менее чем на одной четверти поверхности земного шара» *(Richard Jones.* «Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations». Hertford, 1852, p. 36).

[4a)] «Хотя хозяин авансирует мануфактурному рабочему его заработную плату, последний в действительности не стоит ему никаких издержек, так как стоимость этой заработной платы обычно возвращается ему вместе с прибылью в увеличенной стоимости того предмета, к которому был приложен труд рабочего» (*A. Smith,* цит. соч., кн. II, гл. III, стр. 311).

стоимости будет равна 200 × 5, или первоначально авансированной капитальной стоимости в 1000 фунтов стерлингов. Если бы годовая прибавочная стоимость потреблялась лишь частично, например лишь наполовину, то указанный результат получился бы лишь после повторения производственного процесса в течение десяти лет, потому что 100 × 10 = 1000. Вообще авансированная капитальная стоимость, деленная на потребляемую ежегодно прибавочную стоимость, дает число лет, или число периодов воспроизводства, по истечении которых первоначально авансированный капитал потребляется капиталистом и, следовательно, исчезает. Представление капиталиста, будто он потребляет лишь продукт чужого неоплаченного труда, прибавочную стоимость, оставляя неприкосновенной первоначальную капитальную стоимость, абсолютно не может изменить этого факта. По истечении известного числа лет принадлежащая ему капитальная стоимость равна сумме прибавочной стоимости, присвоенной им без эквивалента в течение того же самого числа лет, а потребленная им сумма стоимости равна первоначальной капитальной стоимости. Правда, в его руках сохраняется капитал, величина которого не изменилась, причем часть этого капитала, здания, машины и т. д., уже была налицо, когда он приступил к своему предприятию. Но здесь дело идет о стоимости капитала, а не о его материальных составных частях. Если кто-нибудь расточил все свое имущество, наделав долгов на сумму, равную стоимости этого имущества, то все его имущество представляет как раз только общую сумму его долгов. Равным образом, если капиталист потребил эквивалент своего авансированного капитала, то стоимость этого капитала представляет лишь общую сумму безвозмездно присвоенной им прибавочной стоимости. Ни одного атома стоимости старого капитала уже не существует.

Итак, совершенно независимо от всякого накопления, уже простое повторение производственного процесса, или простое воспроизводство, неизбежно превращает по истечении более или менее продолжительного периода всякий капитал в накопленный капитал, или капитализированную прибавочную стоимость. Если даже капитал при своем вступлении в процесс производства был лично заработанной собственностью лица, которое его применяет, все же рано или поздно он становится стоимостью, присвоенной без всякого эквивалента, материализацией — в денежной или иной форме — чужого неоплаченного труда.

Как мы видели в четвертой главе, для того чтобы превратить деньги в капитал, недостаточно наличия товарного производства

и товарного обращения. Для этого необходимо прежде всего, чтобы в качестве покупателя и продавца противостояли друг другу с одной стороны владелец стоимости или денег, с другой стороны — владелец субстанции, образующей стоимость, здесь — владелец средств производства и жизненных средств, там — владелец одной только рабочей силы. Следовательно, отделение продукта труда от самого труда, отделение объективных условий труда от субъективного фактора — рабочей силы — было фактически данной основой, исходным пунктом капиталистического процесса производства.

Но что первоначально было исходным пунктом, то впоследствии благодаря простой непрерывности процесса, благодаря простому воспроизводству, создается все снова и снова и увековечивается как собственный результат капиталистического производства. С одной стороны, процесс производства постоянно превращает вещественное богатство в капитал, в средства увеличения стоимости для капиталиста и в средства потребления для него. С другой стороны, рабочий постоянно выходит из этого процесса в том же виде, в каком он вступил в него: как личный источник богатства, но лишенный всяких средств для того, чтобы осуществить это богатство для себя самого. Так как до его вступления в процесс его собственный труд был отчужден от него, присвоен капиталистом и включен в состав капитала, то в ходе процесса этот труд постоянно овеществляется в чужом продукте. Так как процесс производства есть в то же время процесс потребления рабочей силы капиталистом, то продукт рабочего непрерывно превращается не только в товар, но и в капитал, — в стоимость, которая высасывает силу, создающую стоимость, в жизненные средства, которые покупают людей, в средства производства, которые применяют производителей[5]. Таким образом, рабочий сам постоянно производит объективное богатство как капитал, как чуждую ему, господствующую над ним и эксплуатирующую его силу, а капиталист столь же постоянно производит рабочую силу как субъективный источник богатства, отделенный от средств ее собственного овеществления и осуществления, абстрактный, существующий лишь в самом организме рабочего, — короче говоря, производит рабочего как наемного рабочего[6]. Это постоянное воспроизводство

[5] «В этом особенно замечательное свойство производительного потребления. Потребляемое производительно есть капитал и становится капиталом через потребление» (*James Mill.* «Elements d'Economie Politique»,p. 242). Но Джемс Милль так и не выяснил, в чем состоит это «особенно замечательное свойство».

[6] «Это правда, конечно, что впервые введенная мануфактура дает работу многим беднякам; но последние не перестают быть таковыми, и дальнейшее введение мануфактурных предприятий делает бедняками многих других» («Reasons for a limited Exportation of Wool». London, 1677, p. 19). «Абсурдно утверждение фермера, будто он содержит бедных. На самом деле бедные содержатся в нищете» («Reasons for the late Increase of the Poor-Rates: or a comparative View of the Prices of Labour and Provisions». London, 1777, p. 31).

или увековечение рабочего есть conditio sine qua non [непременное условие] капиталистического производства.

Потребление рабочего бывает двоякого рода. В самом производстве он потребляет своим трудом средства производства и превращает их в продукты более высокой стоимости, чем стоимость авансированного капитала. Это — его производственное потребление. Это — в то же время потребление его рабочей силы капиталистом, который купил ее. С другой стороны, рабочий расходует деньги, уплаченные ему при купле его рабочей силы, на приобретение жизненных средств. Это — его индивидуальное потребление. Следовательно, производственное и индивидуальное потребление рабочего совершенно различны между собой. В первом он функционирует как движущая сила капитала и принадлежит капиталисту; во втором он принадлежит самому себе и выполняет жизненные функции вне производственного процесса. Результатом первого является существование капиталиста, результатом второго — существование самого рабочего.

При рассмотрении рабочего дня и пр. попутно выяснилось, что зачастую рабочий вынужден превращать свое индивидуальное потребление в чисто случайный эпизод производственного процесса. В этом случае он поглощает жизненные средства лишь для того, чтобы держать «в ходу» свою рабочую силу, как паровая машина — уголь и воду, как колесо — смазочные масла. Здесь его средства потребления являются просто средствами потребления одного из средств производства, его индивидуальное потребление является непосредственно производственным потреблением. Однако это представляется злоупотреблением, не связанным с сущностью капиталистического процесса производства[7].

Иначе выглядит дело, если мы рассматриваем не отдельного капиталиста и не отдельного рабочего, а класс капиталистов и класс рабочих, не единичные процессы производства, а весь капиталистический процесс в его потоке и в его общественном объеме. Когда капиталист превращает в рабочую силу часть своего капитала, он тем самым увеличивает весь свой капитал. Он одним ударом убивает двух зайцев. Он извлекает прибыль не только из того, что он получает от рабочего, но и из того, что он дает рабочему. Капитал, отчужденный в обмен

[7] Росси не столь напыщенно декламировал бы по этому поводу, если бы он действительно проник в тайну «производственного потребления».

на рабочую силу, превращается в жизненные средства, потребление которых служит для воспроизводства мускулов, нервов, костей, мозга рабочих, уже имеющихся налицо, и для производства новых рабочих. Следовательно, индивидуальное потребление рабочего класса в его абсолютно необходимых границах есть лишь обратное превращение жизненных средств, отчужденных капиталом в обмен на рабочую силу, в рабочую силу, пригодную для новой эксплуатации со стороны капитала. Это — производство и воспроизводство необходимейшего для капиталиста средства производства — самого рабочего. Таким образом, индивидуальное потребление рабочего составляет момент в производстве и воспроизводстве капитала независимо от того, совершается ли оно внутри или вне мастерской, фабрики и т. д., внутри или вне процесса труда, подобно тому как таким же моментом является чистка машины независимо от того, производится ли она во время процесса труда или во время определенных перерывов последнего. Дело нисколько не изменяется от того, что рабочий осуществляет свое индивидуальное потребление ради самого себя, а не ради капиталиста. Ведь и потребление рабочим скотом не перестает быть необходимым моментом процесса производства оттого, что скот сам находит удовольствие в том, что он ест. Постоянное сохранение и воспроизводство рабочего класса остается постоянным условием воспроизводства капитала. Выполнение этого условия капиталист может спокойно предоставить самим рабочим, полагаясь на их инстинкт самосохранения и размножения. Он заботится лишь о том, чтобы их индивидуальное потребление ограничивалось по возможности самым необходимым, и, как небо от земли, далек от южноамериканской грубости, с которой рабочих принуждают есть более питательную пищу вместо менее питательной[8)].

Поэтому капиталист и его идеолог, экономист, рассматривают как производительное потребление лишь ту часть индивидуального потребления рабочего, которая необходима для увековечения рабочего класса, которая действительно должна иметь место, чтобы капитал мог потреблять рабочую силу; а все, что рабочий потребляет сверх того, ради своего собственного

[8)] «Рабочие рудников Южной Америки, ежедневная работа которых (быть может, самая тяжелая в мире) состоит в том, чтобы вытаскивать на своих плечах на поверхность земли груз руды в 180—200 фунтов из глубины в 450 футов, питаются лишь хлебом и бобами; они предпочли бы питаться одним хлебом, но их господа обращаются с ними как с лошадьми: найдя, что на одном хлебе они не могут работать так интенсивно, они принуждают их есть бобы; бобы значительно богаче фосфором, чем хлеб» *(Liebig.* «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie», 7. Aufl, 1862, 1. Theil, S. 194, примечание).

удовольствия, есть непроизводительное потребление[9]. Если бы накопление капитала вызвало повышение заработной платы и, следовательно, возрастание количества средств потребления рабочего, не приводя к увеличенному потреблению рабочей силы капиталом, то добавочный капитал был бы потреблен непроизводительно[10]. В самом деле, индивидуальное. потребление рабочего непроизводительно для него самого, так как оно воспроизводит лишь индивидуума с его потребностями; оно производительно для капиталиста и для государства, так как оно есть производство силы, создающей чужое богатство[11].

Итак, с общественной точки зрения класс рабочих — даже вне непосредственного процесса труда — является такой же принадлежностью капитала, как и мертвое орудие труда. Даже индивидуальное потребление рабочих в известных границах есть лишь момент в процессе воспроизводства капитала. И уже самый этот процесс, постоянно удаляя продукт труда рабочих от их полюса к противоположному полюсу капитала, заботится о том, чтобы эти одаренные сознанием орудия производства не сбежали. Индивидуальное потребление рабочих, с одной стороны, обеспечивает их сохранение и воспроизводство, с другой стороны,. уничтожая жизненные средства, вызывает необходимость их постоянного появления на рынке труда. Римский раб был прикован цепями, наемный рабочий привязан невидимыми нитями к своему собственнику. Иллюзия его независимости поддерживается тем, что индивидуальные хозяева-наниматели постоянно меняются, а также тем, что существует fictio juris [юридическая фикция] договора.

В прежние времена капитал там, где ему представлялось нужным, осуществлял свое право собственности на свободного рабочего путем принудительного закона. Так, например, до 1815 г. машинным рабочим Англии эмиграция была воспрещена под угрозой сурового наказания.

Воспроизводство рабочего класса включает в себя также передачу и накопление искусства от поколения к поколе-

[9] *James Mill*. «Elements d'Economie Politique», p. 238 sqq.

[10] «Если бы цена труда поднялась так высоко, что несмотря на увеличение капитала, нельзя было бы применить больше труда, то я сказал бы, что такое увеличение. капитала потребляется непроизводительно» (*Ricardo*. «Principles of Political Economy», 3 ed. London, 1821, p. 163).

[11] «Единственно производительным потреблением в собственном смысле этого слова является только потребление или разрушение богатства» (Мальтус имеет в виду потребление средств производства) «капиталистом с целью воспроизводства... Рабочий... является производительным потребителем для лица, применяющего его, и для государства, но, строго говоря, не для самого себя» (*Malthus.* «Definitions in Political Economy». London, 1853, p. 30).

нию[12]. Насколько капиталист склонен причислять наличие такого искусного рабочего класса к принадлежащим ему условиям производства и на деле рассматривать его как реальное существование своего переменного капитала, обнаруживается с особенной яркостью, когда какой-нибудь кризис начинает грозить утратой этого условия производства. Как известно, вследствие Гражданской войны в Америке и сопровождавшего ее хлопкового голода большинство рабочих хлопчатобумажного производства в Ланкашире и других местах было выброшено на улицу. Из среды самого рабочего класса и из других слоев общества раздался призыв организовать с помощью государства или добровольных национальных сборов эмиграцию «избыточных» рабочих в английские колонии или Соединенные Штаты. «Times» опубликовала тогда (24 марта 1863 г.) письмо Эдмунда Поттера, бывшего президента Манчестерской торговой палаты. В палате общин письмо это было справедливо названо «манифестом фабрикантов»[13]. Мы приведем здесь из этого письма несколько характерных мест, в которых взгляд на рабочую силу как на собственность капитала высказан с полной откровенностью.

«Рабочим хлопчатобумажного производства говорят, что предложение их труда слишком велико... что его следует уменьшить, быть может, на одну треть, чтобы затем мог установиться здоровый спрос на остальные две трети... Общественное мнение настаивает на эмиграции... Хозяин» (т. е. хлопчатобумажный фабрикант) «не может добровольно согласиться на то, чтобы предложение рабочих рук было уменьшено; он придерживается того взгляда, что это было бы столь же несправедливо, сколь и неправильно... Если эмиграция поддерживается за счет общественного фонда, он имеет право требовать, чтобы его выслушали, и, быть может, протестовать».

Тот же самый Поттер рассказывает далее, как полезна хлопчатобумажная промышленность, как она «несомненно оттянула избыточное население из Ирландии и английских земледельческих округов», как велики ее размеры, как она в 1860 г. дала $^{5}/_{13}$ всего английского экспорта и как она через пару лет снова увеличится благодаря расширению рынка, особенно индийского, и обеспечению «достаточного ввоза хлопка по 6 пенсов за фунт». Он продолжает:

[12] «Единственная вещь, о которой можно сказать, что она накопляется и подготовляется заранее, есть искусство рабочего... Накопление и сохранение искусного труда, эта важнейшая операция, осуществляется по отношению к преобладающей массе рабочих без всякой затраты капитала» (*Hodgskin.* «Labour Defended etc.», p. 12, 13).

[13] «Письмо это можно рассматривать как манифест фабрикантов» (Ферранд: предложение до поводу хлопкового голода, заседание палаты общин 27 апреля 1863 г.).

«Время — один, два, быть может, три года — создаст необходимое количество... Я хотел бы поэтому поставить вопрос, не стоит ли эта промышленность тою, чтобы ее сохранить? Не стоит ли труда содержать в порядке машины» (имеются в виду живые рабочие машины) «и не является ли величайшей глупостью мысль расстаться с ними? Я думаю, что это так. Я готов согласиться, что рабочие не собственность («I allow that the workers are not a property»), не собственность Ланкашира и хозяев, но они сила их обоих; они—интеллектуальная и обученная сила, которой не заместить в течение жизни одного поколения; напротив, другие машины, — те, на которых они работают («the mere machinery which they work»), можно в значительной их части с выгодой заместить и даже улучшить в течение двенадцати месяцев[14]. Если эмиграция рабочей силы будет поощряться или даже просто разрешаться (!), то что станется с капиталистом? («Encourage or allow the working power to emigrate, and what of the capitalist?» Этот крик сердца напоминает гофмаршала Кальба[160]). «... Снимите сливки рабочих, — и основной капитал будет в значительной степени обесценен, оборотный капитал не выдержит борьбы при недостаточном предложении труда ухудшенного сорта... Нам говорят, что рабочие сами желают эмигрировать. Это очень естественно с их стороны... Сократите, подавите хлопчатобумажное производство, отняв у него его рабочую силу (by taking away its working power), уменьшите, скажем, на $^1/_3$, или на 5 миллионов, сумму уплачиваемых им заработных плат, и что станется тогда с ближайшим классом, стоящим над рабочими, с мелкими лавочниками? Что станется с земельной рентой, с квартирной платой за коттеджи?.. С мелкими фермерами, лучшими домовладельцами, земельными собственниками? Итак, скажите, может ли быть более самоубийственный план для всех классов страны, чем этот проект ослабить нацию путем экспорта ее лучших фабричных рабочих и обесценения части ее наиболее производительного капитала и богатства?» «Я рекомендую заем в 5—6 миллионов, разложенный по времени на два или три года; деньги должны расходоваться под наблюдением особых комиссаров, подчиненных администрации призрения бедных в хлопчатобумажных округах; следует урегулировать это дело специальным законом, установив известный принудительный труд для поддержания моральной ценности рабочих, получающих милостыню... Может ли быть что-либо худшее для земельных собственников и хозяев («can anything be worse for landowners or masters»), чем лишиться своих лучших рабочих и посеять деморализацию и недовольство среди остальных путем широкой опустошительной эмиграции и обесценения капитала в целой провинции?»

Поттер, этот несравненный представитель хлопчатобумажных фабрикантов, различает два вида «машин», одинаково при-

[14] Читатель помнит, что тот же самый капитал поет совсем другую песенку при обычных обстоятельствах, когда задача состоит в понижении заработной платы. Тут «хозяева» единогласно заявляют (см. отдел четвертый, примечание 188, стр. 389 [см. настоящий том, стр. 434]): «Пусть фабричные рабочие не забывают, что их труд представляет собой в действительности очень низкую категорию квалифицированного труда; что никакой другой труд не осваивается легче и, принимая во внимание его качество, не оплачивается лучше; что никакого другого труда нельзя получить посредством столь краткого обучения, в столь короткое время и в таком изобилии. Машины хозяина» (которые, как нам говорят теперь, могут быть с выгодой замещены лучшими в 12 месяцев) «фактически играют гораздо более важную роль в деле производства, чем труд и искусство рабочего» (нам говорят теперь, что последнее не может быть заметено даже в течение 30 лет), «которому можно обучить в 6 месяцев и которому может обучиться всякий деревенский батрак».

надлежащих капиталисту: одни постоянно находятся на его фабрике, другие на ночь и на воскресенье перемещаются в коттеджи. Первые — мертвые, вторые — живые. Мертвые не только с каждым днем ухудшаются и обесцениваются, но благодаря постоянному техническому прогрессу значительная часть их наличной массы устаревает настолько, что может быть с выгодой замещена более новыми машинами в продолжение нескольких месяцев. Живые машины, наоборот, тем лучше, чем дольше они служат, чем больше искусства, накопленного поколениями, они впитали в себя. «Times» в своем ответе этому фабричному магнату между прочим писала:

«Г-н Э. Поттер настолько проникся сознанием чрезвычайной и абсолютной важности хозяев хлопчатобумажных предприятий, что он для поддержания этого класса и увековечения его промысла готов насильственно запереть полмиллиона рабочих в огромный нравственный работный дом. Достойна ли эта промышленность того, чтобы ее поддерживать? — спрашивает г-н Поттер. Конечно, — отвечаем мы, — всеми честными средствами. Стоит ли труда содержать в порядке машины? — снова спрашивает г-н Поттер. Здесь мы останавливаемся в недоумении. Под машинами г-н Поттер разумеет человеческие машины; он уверяет, что не рассматривает их как безусловную собственность хозяина. Мы должны сознаться, что считаем «не стоящим труда» и даже невозможным содержать человеческие машины в порядке, т. е. запирать их и смазывать, пока не появится в них надобность. Человеческие машины имеют свойство ржаветь от бездействия, сколько бы их ни смазывали и ни чистили. К тому же человеческие машины, как мы уже видели, способны самопроизвольно разводить пары и неистовствовать на улицах наших больших городов. Может быть, г-н Поттер и прав, утверждая, что для воспроизводства рабочих требуется более значительное время, но, имея под руками опытных механиков и деньги, мы всегда найдем достаточно усердных, упорных, трудолюбивых людей, из которых можно сфабриковать больше фабричных мастеров, чем может понадобиться... Г-н Поттер болтает о новом оживлении промышленности через 1, 2, 3 года и требует от нас не поощрять эмиграции рабочей силы или даже не разрешать ее! Что рабочие желают эмигрировать, это, по его мнению, естественно; но он полагает, что нация должна запереть полмиллиона этих рабочих и 700000 человек, принадлежащих к их семьям, вопреки их желанию, в хлопчатобумажных округах и, — неизбежное следствие, — подавляя силой их недовольство, поддерживать их существование раздачей милостыни, — все это с учетом того, что может наступить день, когда они снова понадобятся хлопчатобумажным фабрикантам... Настало время, когда великое общественное мнение этих островов должно сделать что-нибудь, чтобы спасти эту «рабочую силу» от тех, кто хочет обращаться с ней так, как обращаются с углем, железом и хлопком» («to save this «working power» from those who would deal with it as they deal with iron, coal and cotton»)[15].

Статья «Times» была только jeu d'esprit [игрой ума]. «Великое общественное мнение» в действительности разделяло мнение г-на Поттера, что фабричный рабочий есть лишь движимая

[15] «Times», 24 марта 1863 года.

принадлежность фабрики. Эмиграции рабочих воспрепятствовали[16]. Их заперли в «нравственном работном доме» хлопчатобумажных округов, и они по-прежнему составляли «силу (the strength) хлопчатобумажных фабрикантов Ланкашира».

Итак, капиталистический процесс производства самим своим ходом воспроизводит отделение рабочей силы от условий труда. Тем самым он воспроизводит и увековечивает условия эксплуатации рабочего. Он постоянно принуждает рабочего продавать свою рабочую силу, чтобы жить, и постоянно дает капиталисту возможность покупать ее, чтобы обогащаться[17]. Теперь уже не простой случай противопоставляет на товарном рынке капиталиста и рабочего как покупателя и продавца. Механизм самого процесса постоянно отбрасывает последнего как продавца своей рабочей силы обратно на товарный рынок и постоянно превращает его собственный продукт в средство купли в руках первого. В действительности рабочий принадлежит капиталу еще раньше, чем он продал себя капиталисту. Его экономическая несвобода[18] одновременно и обусловливается и маскируется периодическим возобновлением его самопродажи, переменой его индивидуальных хозяев-нанимателей и колебаниями рыночных цен его труда[19].

---

[16] Парламент не вотировал ни одного фартинга на эмиграцию, но лишь издал законы, уполномочившие муниципалитеты держать рабочих на грани между жизнью и смертью, или эксплуатировать их, не выплачивая нормальной заработной платы. Когда затем, три года спустя, разразилась эпизоотия, парламент немедленно, невзирая даже на грубое нарушение парламентского этикета, вотировал миллионы на возмещение убытков миллионеров-лендлордов, арендаторы которых и без того не несли никаких убытков благодаря повышению цены на мясо. Звериный рев земельных собственников при открытии парламента 1866 г. доказал, что не надо быть индусом, чтобы поклоняться корове Сабале, и Юпитером, чтобы превратиться в быка.

[17] «Рабочий требовал средств существования, чтобы жить, хозяин требовал труда, чтобы иметь выгоду» (*Sismondi*. «Nouveaux Principes d'Economie Politique», Parts, t. I, p. 91).

[18] По-мужицки грубая форма этой зависимости существует в графстве Дургам. Это — одно из тех немногих графств, в которых местные условия не обеспечивают за арендатором бесспорного права собственности на батраков. Наличие здесь горнорудной промышленности предоставляет последним возможность выбора. Поэтому здесь, в противоположность общему правилу, фермер берет в аренду лишь те земли. на которых находятся коттеджи для рабочих. Плата за съем коттеджа составляет часть заработной платы. Эти коттеджи называются «hind's houses» [«дома батраков»]. Они сдаются рабочим на условиях выполнения известных феодальных повинностей, по договору, который носит название «bondage» [«крепостная зависимость»] и, между прочим, обязует рабочего на то время, когда он занят в другом месте, посылать на работу вместо себя дочь и т. д. Сам рабочий называется bondsman, т. е. крепостной. Это отношение с совершенно новой стороны показывает нам индивидуальное потребление рабочего как потребление для капитала, или производительное потребление. «Интересно отметить, что даже испражнения этого bondsman причисляются его расчетливым повелителем к своему доходу... Фермер не разрешает устраивать никаких отхожих мест, кроме тех, которые устроены им самим, и не терпит ни малейшего нарушения своих сюзеренных прав в этой области» («Public Health. 7th Report 1864», p. 188).

[19] Напомним, что в отношении труда детей и т. п. исчезает даже формальность самопродажи.

Следовательно, капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение, — капиталиста на одной стороне, наемного рабочего — на другой[20].

[20] «Капитал предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они взаимно обусловливают друг друга; они взаимно порождают друг друга. Производит ли рабочий на хлопчатобумажной фабрике только хлопчатобумажные ткани? Нет он производит капитал. Он производит стоимости, которые снова служат для того чтобы господствовать над его трудом, чтобы создавать посредством последнего новые стоимости» (*Карл Маркс.* «Наемный труд и капитал» в «Neue Rheinische Zeitung» № 266, 7 апреля 1849 г. [см. настоящее издание, том 6, стр. 444]). Статьи, опубликованные в «Neue Rheinische Zeitung» под этим заголовком, представляют собой отрывки лекций читанных мною на эту тему в 1847 г. в Немецком рабочем обществе в Брюсселе[161]; печатание их было прервано февральской революцией.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В КАПИТАЛ

1. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА В РАСШИРЕННОМ МАСШТАБЕ. ПРЕВРАЩЕНИЕ ЗАКОНОВ СОБСТВЕННОСТИ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЗАКОНЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРИСВОЕНИЯ

Раньше мы исследовали, каким образом прибавочная стоимость возникает из капитала, теперь посмотрим, каким образом капитал возникает из прибавочной стоимости. Применение прибавочной стоимости в качестве капитала, или обратное превращение прибавочной стоимости в капитал, называется накоплением капитала[21].

Рассмотрим сначала этот процесс с точки зрения отдельного капиталиста. Пусть, например, прядильный фабрикант авансирует капитал в 10000 ф. ст., в том числе $^4/_5$ в виде хлопка, машин и т. д. и $^1/_5$ в виде заработной платы. Допустим, что ежегодно он производит 240000 ф. пряжи стоимостью в 12000 фунтов стерлингов. При норме прибавочной стоимости в 100% прибавочная стоимость заключена в прибавочном, или чистом, продукте, составляющем 40000 ф. пряжи, или одну шестую валового продукта, стоимостью в 2000 ф. ст., которая будет реализована при продаже. Сумма стоимости в 2000 ф. ст. есть сумма стоимости в 2000 фунтов стерлингов. Ни по виду, ни по запаху этих денег нельзя узнать, что они — прибавочная стоимость. Тот факт, что данная стоимость является прибавочной стоимостью, указывает лишь, каким путем она попала в руки своего собственника, но нисколько не меняет природы стоимости или денег.

Таким образом, прядильный фабрикант, чтобы превратить в капитал эту вновь поступившую к нему сумму в 2000 ф. ст., должен при прочих равных условиях авансировать $^4/_5$ ее на закупку хлопка и т. д. и $^1/_5$ на закупку новых рабочих-прядильщиков, причем последние найдут на рынке жизненные средства, стоимость которых он им авансировал. Тогда этот новый капитал

[21] «Накопление капитала — это употребление части дохода в качестве капитала» (*Malthus.* «Definitions etc.», ed. Cazenove, p. 11). «Превращение дохода в капитал» *(Malthus.* «Principles of Political Economy». 2nd ed. London, 1836, p. 320).

в 2000 ф. ст. будет функционировать в прядильном деле и, со своей стороны, принесет прибавочную стоимость в 400 фунтов стерлингов.

Капитальная стоимость была первоначально авансирована в денежной форме; напротив, прибавочная стоимость вначале существует как стоимость определенной части валового продукта. Если этот последний продается, превращается в деньги, то капитальная стоимость снова приобретает свою первоначальную форму, а прибавочная стоимость изменяет свою первоначальную форму бытия. Однако, начиная с этого момента, обе они, и капитальная стоимость и прибавочная стоимость, суть денежные суммы, и их обратное превращение в капитал происходит совершенно одинаковым способом. И ту и другую стоимость капиталист затрачивает на покупку товаров, которые дают ему возможность снова начать изготовление своего продукта и на этот раз уже в расширенном масштабе. Но чтобы закупить эти товары, он должен найти их на рынке.

Его собственная пряжа обращается лишь потому, что он выносит свой годовой продукт на рынок, как это делают со своими товарами и все другие капиталисты. Но прежде чем эти товары попали на рынок, они уже заключались в фонде годового производства, т. е. в общей массе всякого рода предметов, в которые превращается в течение года сумма отдельных капиталов, или совокупный общественный капитал, лишь какая-то доля которого находится в руках каждого отдельного капиталиста. Процессы, совершающиеся на рынке, осуществляют лишь обращение этих отдельных составных частей годового производства, посылают их из рук в руки, но не могут ни увеличить суммы годового производства, ни изменить природы произведенных предметов. Какое употребление может быть сделано из совокупного годового продукта, это зависит, таким образом, от собственного состава последнего, а отнюдь не от его обращения.

Прежде всего годовое производство должно доставить все те предметы (потребительные стоимости), за счет которых могут быть возмещены вещественные составные части капитала, потребленные в течение года. За вычетом этой части остается чистый, или прибавочный, продукт, в котором заключается прибавочная стоимость. Но из чего состоит этот прибавочный продукт? Быть может, из предметов, предназначенных для удовлетворения потребностей и прихотей класса капиталистов, — предметов, входящих, таким образом, в их потребительный фонд? Если бы это было так, то прибавочная стоимость была бы прокучена вся без остатка, и имело бы место всего лишь простое воспроизводство.

Для того чтобы накоплять, необходимо часть прибавочного продукта превращать в капитал. Но, не совершая чуда, можно превращать в капитал лишь такие предметы, которые могут быть применены в процессе труда, т. е. средства производства, и, далее, такие предметы, которые способны поддерживать жизнь рабочего, т. е. жизненные средства. Следовательно, часть годового прибавочного труда должна быть употреблена на изготовление добавочных средств производства и жизненных средств сверх того их количества, которое необходимо для возмещения авансированного капитала. Одним словом, прибавочная стоимость лишь потому может быть превращена в капитал, что прибавочный продукт, стоимостью которого она является, уже заключает в себе вещественные составные части нового капитала[21a)].

Но чтобы заставить эти элементы фактически функционировать в качестве капитала, класс капиталистов нуждается в добавочном количестве труда. Если эксплуатация уже занятых рабочих не может быть увеличена экстенсивно или интенсивно, то должны быть применены добавочные рабочие силы. И об этом также позаботился самый механизм капиталистического производства: он воспроизводит рабочий класс как класс, зависящий от заработной платы, обычный уровень которой достаточен не только для его самосохранения, но и для его размножения. Эти добавочные рабочие силы различных возрастов ежегодно доставляются капиталу самим рабочим классом, так что остается только соединить их с добавочными средствами производства, уже заключающимися в продукте годового производства, и превращение прибавочной стоимости в капитал готово. Итак, накопление капитала, рассматриваемое конкретно, сводится к воспроизводству его в расширяющемся масштабе. Кругооборот простого воспроизводства изменяется и превращается, по выражению Сисмонди[162], в спираль[21b)].

Вернемся теперь опять к нашему примеру. Это — старая история: Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова[163] и т. д. Первоначальный капитал в 10000 ф. ст. приносит прибавочную стоимость в 2000 ф. ст., которая капитализируется. Новый капитал в 2000 ф. ст. приносит прибавочную стоимость

[21a)] Мы отвлекаемся здесь от внешней торговли, при помощи которой нация может превратить предметы роскоши в средства производства и жизненные средства или наоборот. Для того чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства.

[21b)] Анализ накопления, произведенный Сисмонди, имеет тот крупный недостаток, что автор слишком поспешно успокаивается на фразе: «превращение дохода в капитал», и не исследует материальных условий этой операции.

в 400 ф. ст., эта прибавочная стоимость также капитализируется, т. е. превращается во второй добавочный капитал, который опять-таки приносит новую прибавочную стоимость в 80 ф. ст., и т. д.

Мы отвлекаемся здесь от той части прибавочной стоимости, которая проедается самим капиталистом. Столь же мало интересует нас в настоящее время вопрос, присоединяется ли добавочный капитал к первоначальному или же отделяется от него с тем, чтобы самостоятельно увеличивать свою стоимость; использует ли его тот же самый капиталист, который его накопил, или же он перейдет в руки другого капиталиста. Мы не должны только забывать, что наряду с новообразованными капиталами первоначальный капитал продолжает воспроизводить себя и производить прибавочную стоимость и что то же самое можно сказать о каждом накопленном капитале в его отношении к созданному им добавочному капиталу.

Первоначальный капитал образовался путем авансирования 10000 фунтов стерлингов. Откуда их достал их владелец? Они созданы его собственным трудом и трудом его предков! — единодушно отвечают нам представители политической экономии[21c)], и это их предположение действительно кажется тем единственным предположением, которое согласуется с законами товарного производства.

Совершенно иначе обстоит дело с добавочным капиталом в 2000 фунтов стерлингов. Процесс его возникновения нам известен с полной точностью. Это — капитализированная прибавочная стоимость. С самого своего рождения он не заключал в себе ни единого атома стоимости, который бы возник не из чужого неоплаченного труда. Средства производства, к которым присоединяется добавочная рабочая сила, как и жизненные средства, при помощи которых она поддерживает самое себя, есть не что иное как составные части прибавочного продукта, — той дани, которая классом капиталистов ежегодно вырывается у класса рабочих. Если класс капиталистов на часть этой дани закупает добавочную рабочую силу, даже по полной цене, так что эквивалент обменивается на эквивалент, то все же он поступает в этом случае по старому рецепту завоевателя, покупающего товары побежденных на их же собственные, у них же награбленные деньги.

Если добавочный капитал дает занятие тому самому рабочему, который его произвел, то этот последний должен прежде всего продолжать увеличивать стоимость первоначального

[21c)] «Первоначальный труд, которому его капитал обязан своим возникновением» (*Sismondi*. «Nouveaux Principes d'Economte Politique». ed. Paris, t. I, p. 109).

капитала и кроме того должен обратно покупать продукт своего прежнего неоплаченного труда при помощи большего труда, чем ему стоил этот продукт. Раз мы рассматриваем это как сделку между классом капиталистов и классом рабочих, то суть дела нисколько не изменится от того, что за счет неоплаченного труда рабочих, занятых до того времени, получат занятие новые рабочие. Ведь возможно также, что капиталист превратит добавочный капитал в машину, которая выбросит производителя этого добавочного капитала на мостовую и заместит его несколькими детьми. Во всяком случае рабочий класс своим прибавочным трудом в течение данного года создал капитал, который в следующем году даст занятие добавочному количеству труда[22]. Вот в чем суть того, что называют: «порождать капитал капиталом».

Предпосылкой накопления первого добавочного капитала в 2000 ф. ст. была сумма стоимостей в 10000 ф. ст., авансированная капиталистом и принадлежащая последнему в силу его «первоначального труда». Напротив, предпосылкой второго добавочного капитала в 400 ф. ст. является не что иное, как предшествующее накопление первого, этих 2000 ф. ст., капитализированную прибавочную стоимость которых и представляют собой 400 фунтов стерлингов. Собственность на прошлый неоплаченный труд оказывается теперь единственным условием текущего присвоения живого неоплаченного труда во все возрастающем объеме. Чем больше капиталист накопил, тем больше он может накоплять.

Поскольку прибавочная стоимость, из которой состоит добавочный капитал № I, есть результат покупки рабочей силы на часть первоначального капитала, — покупки, которая вполне соответствует законам товарного обмена и с юридической точки зрения предполагает лишь, что рабочий свободно распоряжается своими собственными способностями, а владелец денег или товаров — принадлежащими ему стоимостями; поскольку добавочный капитал № II и т. д. является простым результатом добавочного капитала № I, т. е. следствием тех же самых отношений; поскольку каждая отдельная сделка постоянно совершается здесь в полном согласии с законом товарного обмена, т. е. поскольку капиталист всегда покупает рабочую силу, а рабочий всегда ее продает, — и можно даже допустить, что по ее действительной стоимости, — постольку очевидно, что закон присвоения, или закон частной собственности, покоящийся на товарном производстве и товарном обращении, пре-

---

[22] «Труд создает капитал, прежде чем капитал применяет труд» *(E. **G. Wa**kefield.* «England and America», London, 1833, v. II, p. 110).

вращается путем собственной, внутренней, неизбежной диалектики в свою прямую противоположность. Обмен эквивалентов, каковым представлялась первоначальная операция, претерпел такие изменения, что в результате он оказывается лишь внешней видимостью; в самом деле, часть капитала, обмененная на рабочую силу, во-первых, сама является лишь частью продукта чужого труда, присвоенного без эквивалента; во-вторых, она должна быть не только возмещена создавшим ее рабочим, но возмещена с новым избытком. Отношение обмена между капиталистом и рабочим становится, таким образом, только видимостью, принадлежащей процессу обращения, пустой формой, которая чужда своему собственному содержанию и лишь затемняет его. Постоянная купля и продажа рабочей силы есть форма. Содержание же заключается в том, что капиталист часть уже овеществленного чужого труда, постоянно присваиваемого им без эквивалента, снова и снова обменивает на большее количество живого чужого труда. Первоначально право собственности выступало перед нами как право, основанное на собственном труде. По крайней мере, мы должны были принять это допущение, так как друг другу противостоят лишь равноправные товаровладельцы, причем средством для присвоения чужого товара является исключительно отчуждение своего собственного товара, а этот последний может быть создан лишь трудом. Теперь же оказывается, что собственность для капиталиста есть право присваивать чужой неоплаченный труд или его продукт, для рабочего — невозможность присвоить себе свой собственный продукт. Отделение собственности от труда становится необходимым следствием закона, исходным пунктом которого было, по-видимому, их тождество[23].

Таким образом, как бы ни казалось, что капиталистический способ присвоения противоречит первоначальным законам товарного производства, тем не менее этот способ присвоения возникает не из нарушения этих законов, а, напротив, из их применения. Беглый ретроспективный взгляд на последовательные фазы движения, заключительным пунктом которых является капиталистическое накопление, еще раз ясно покажет нам все это.

Сперва мы видели, что первоначальное превращение суммы стоимости в капитал совершалось в полном согласии с законами обмена. Один контрагент продает свою рабочую силу, другой покупает ее. Первый получает стоимость своего товара и тем

[23] Собственность капиталиста на продукт чужого труда «есть необходимое следствие закона присвоения, основным принципом которого было, наоборот, исключительное право собственности каждого рабочего на продукт своего собственного труда» (*Cherbuliez.* «Richesse ou Pauvreté». Paris, 1841, p. 58. Впрочем, это диалектическое превращение не получило в этой работе правильного развития).

самым отчуждает его потребительную стоимость, т. е. труд, в руки другого. Затем второй превращает средства производства, уже принадлежащие ему, при помощи этого также принадлежащего ему труда, в новый продукт, который точно так же принадлежит ему по праву.

Стоимость этого продукта заключает в себе, во-первых, стоимость потребленных средств производства. Полезный труд не может потребить эти средства производства, не перенося в то же время их стоимости на продукт; но рабочая сила может быть предметом продажи лишь в том случае, если она способна доставить полезный труд той отрасли промышленности, где имеется в виду ее применить.

Далее, стоимость нового продукта заключает в себе эквивалент стоимости рабочей силы и прибавочную стоимость. И это как раз потому, что рабочая сила, проданная на определенный срок — на день, на неделю и т. д., —обладает меньшей стоимостью, чем та стоимость, которую создает ее потребление в течение этого срока. Но рабочему оплачена меновая стоимость его рабочей силы, и тем самым от него отчуждена ее потребительная стоимость, — как это имеет место при каждой купле и продаже.

Общий закон товарного производства ничуть не затрагивается тем обстоятельством, что этот особенный товар — рабочая сила — имеет своеобразную потребительную стоимость, которая состоит в его способности доставлять труд и, следовательно, создавать стоимость. Итак, если сумма стоимости, авансированная в заработной плате, не только просто вновь оказывается в продукте, но оказывается в нем увеличенной на сумму прибавочной стоимости, то это проистекает отнюдь не из того, что продавца надувают, — он ведь получил стоимость товара, — а лишь из потребления этого товара покупателем.

Закон обмена обусловливает равенство лишь для меновых стоимостей обменивающихся друг на друга товаров. Он даже с самого начала предполагает различие их потребительных стоимостей и не имеет ничего общего с их потреблением, которое начинается лишь тогда, когда акт торговли вполне закончен и завершен.

Следовательно, первоначальное превращение денег в капитал совершается в самом точном согласии с экономическими законами товарного производства и вытекающим из них правом собственности. Несмотря на это, в результате его оказывается:

1) что продукт принадлежит капиталисту, а не рабочему;

2) что стоимость этого продукта, кроме стоимости авансированного капитала, заключает в себе еще прибавочную стоимость,

которая рабочему стоила труда, а капиталисту ничего не стоила и, тем не менее, составляет правомерную собственность последнего;

3) что рабочий сохранил свою рабочую силу и может снова продать ее, если найдет покупателя.

Простое воспроизводство есть лишь периодическое повторение этой первой операции; при этом каждый раз деньги снова превращаются в капитал. Таким образом, здесь закон отнюдь не нарушается, — напротив, он получает лишь возможность постоянного осуществления.

«Несколько последовательных обменов лишь сделали из последнего представителя первого» (*Sismondi.* «Nouveaux Principes d'Economie Politique», t. I, p. 70).

И, тем не менее, простого воспроизводства, как мы видели, достаточно для того, чтобы этой первой операции, — поскольку мы рассматривали ее как изолированный процесс, — придать совершенно иной характер.

«Среди лиц, между которыми распределяется национальный доход, одни» (рабочие) «ежегодно приобретают на него новое право при помощи затраты нового труда; другие» (капиталисты) «уже раньше приобрели на него постоянное право при помощи первоначальной затраты труда» (там же, стр. 111).

Область труда, как известно, не единственная область, где первородство творит чудеса.

Дело ничуть не изменится, если простое воспроизводство будет заменено воспроизводством в расширенном масштабе, или накоплением. В первом случае капиталист прокучивает всю прибавочную стоимость, во втором он обнаруживает свою гражданскую добродетель в том, что проедает лишь часть прибавочной стоимости, превращая остальное в деньги.

Прибавочная стоимость есть его собственность, она никогда не принадлежала кому-либо другому. Если он авансирует ее на производство, то делает это авансирование из своего собственного фонда совершенно так же, как в тот день, когда он впервые вступил на рынок. Что на этот раз его фонд происходит из неоплаченного труда его рабочих, не имеет абсолютно никакого значения. Если рабочий *B* нанимается за счет прибавочной стоимости, произведенной рабочим *A*, то, во-первых, *A* создал эту прибавочную стоимость, получив до последней копейки всю справедливую цену за свой товар, во-вторых, это дело вообще ничуть не касается рабочего *B*. Все, чего *B* требует и имеет право требовать, — это чтобы капиталист уплатил ему стоимость его рабочей силы.

«Оба еще даже выиграли: рабочий потому, что ему были авансированы плоды его труда» (следовало сказать: неоплаченного труда других рабочих) «раньше, чем последний был выполнен» (следовало сказать: раньше, чем его труд принес свои плоды); «хозяин потому, что труд этого рабочего стоил больше, чем его заработная плата» (следовало сказать: произвел больше стоимости, чем стоимость заработной платы) (*Sismondi.* «Nouveaux Principes d'Econonue Politique», t. I, p. 135).

Правда, дело выглядит совершенно иначе, когда мы рассматриваем капиталистическое производство в непрерывном потоке его возобновления и вместо отдельного капиталиста и отдельного рабочего берем их совокупность, класс капиталистов и класс рабочих. Но тем самым мы применили бы критерий, совершенно чуждый товарному производству.

В товарном производстве противостоят лишь друг от друга не зависимые продавец и покупатель. Взаимные отношения между ними обрываются, когда истекает срок заключенного ими договора. Если сделка возобновляется, то уже на основе нового договора, который не имеет ничего общего с предыдущим и лишь случайно может опять свести того же самого покупателя с тем же самым продавцом.

Итак, если товарное производство или какое-либо относящееся к нему явление рассматривать соответственно их собственным экономическим законам, то мы должны каждый акт обмена брать отдельно, вне всякой связи с предшествующими и последующими актами обмена. А так как купли и продажи совершаются лишь между отдельными индивидуумами, то недопустимо искать в них отношений между целыми общественными классами.

Какой бы длинный ряд последовательных воспроизводств и предшествующих им накоплений ни проделал функционирующий в настоящее время капитал, во всяком случае он сохраняет свою первоначальную девственность. Пока при каждом акте обмена, взятом в отдельности, соблюдаются законы обмена, способ присвоения может претерпеть полный переворот, нисколько не затрагивая права собственности, соответствующего товарному производству. Одно и то же право собственности сохраняет свою силу как вначале, когда продукт принадлежит производителю и когда последний, обменивая эквивалент на эквивалент, может обогащаться лишь за счет собственного труда, так и в капиталистический период, когда общественное богатство во все возрастающей мере становится собственностью тех; кто в состоянии постоянно все вновь и вновь присваивать неоплаченный труд других.

Этот результат неизбежен, поскольку рабочая сила свободно продается самим рабочим как товар. Но лишь начиная с этого

момента товарное производство принимает всеобщий характер и становится типичной формой производства; лишь с этих пор каждый продукт с самого же начала производится для продажи, и все производимое богатство проходит через сферу обращения. Лишь тогда, когда наемный труд становится базисом товарного производства, это последнее навязывает себя всему обществу; но лишь тогда оно может развернуть также все скрытые в нем потенции. Сказать, что появление наемного труда искажает истинный характер товарного производства — все равно, что сказать: для того чтобы истинный характер товарного производства остался неискаженным, оно не должно развиваться. В той самой мере, в какой товарное производство развивается сообразно своим собственным имманентным законам в производство капиталистическое, в той же самой мере законы собственности, свойственные товарному производству, переходят в законы капиталистического присвоения[24)].

Мы видели, что даже при простом воспроизводстве весь авансированный капитал, каково бы ни было его первоначальное происхождение, превращается в накопленный капитал, или капитализированную прибавочную стоимость. Но в общем потоке производства весь первоначально авансированный капитал становится вообще бесконечно малой величиной (magnitudo evanescens в математическом смысле) по сравнению с непосредственно накопленным капиталом, т. е. с прибавочной стоимостью, или прибавочным продуктом, вновь превращенными в капитал, причем безразлично, функционирует ли он в руках того, кто его накопил, или в чужих руках. Поэтому политическая экономия изображает капитал вообще как «накопленное богатство» (превращенную прибавочную стоимость, или доход), «которое снова применяется для производства прибавочной стоимости»[25)], а капиталиста — как «владельца прибавочного продукта»[26)]. Этот же взгляд, но лишь в иной форме, выражают, когда говорят, что весь наличный капитал есть накопленный или капитализированный процент, потому что процент есть просто часть прибавочной стоимости[27)].

[24)] Нельзя не удивляться поэтому хитроумию Прудона, который хочет уничтожить капиталистическую собственность, противопоставляя ей... вечные законы собственности товарного производства!

[25)] «Капитал, т. е. накопленное богатство, употребляемое с целью получения прибыли» *(Malthus.* «Principles of Political Economy» [p. 262]). «Капитал... состоит из богатства, сбереженного из дохода и употребленного с целью получения прибыли» (*R. Jones*.«Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations». Hertford, 1852, p.16).

[26)] «Владельцы избыточного продукта, или капитала» («The Source and Remedy of the National Difficulties. A Letter to Lord John Russel». London, 1821).

[27)] «Капитал со сложными процентами на каждую часть сбереженного капитала является настолько всепоглощающим, что все богатство мира, дающее доход, давуо уже стало просто процентом на капитал» (лондонский «Economist», 19 июля 1851 г.).

2. ОШИБОЧНОЕ ПОНИМАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЕЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА В РАСШИРЕННОМ МАСШТАБЕ

Прежде чем мы приступим к некоторым более точным определениям накопления, или обратного превращения прибавочной стоимости в капитал, необходимо устранить двусмысленность, порожденную классической политической экономией.

Как товары, покупаемые капиталистом для собственного потребления на часть прибавочной стоимости, не могут служить ему в качестве средств производства и увеличения стоимости, так и труд, покупаемый им для удовлетворения своих естественных и социальных потребностей, не является производительным трудом. Покупая такого рода товары или труд, капиталист не превращает затраченной на них прибавочной стоимости в капитал, а, наоборот, потребляет или расходует ее как доход. В противоположность стародворянскому принципу, который, по справедливому замечанию Гегеля, «состоит в потреблении имеющегося в наличии»[164] и особенно ярко проявляется в роскоши личных услуг, буржуазная политическая экономия считала исключительно важным провозгласить накопление капитала первой гражданской обязанностью и неустанно проповедовать, что не может накоплять тот, кто проедает весь свой доход вместо того, чтобы добрую долю его расходовать для найма добавочных производительных рабочих, дающих больше, чем они стоят. С другой стороны, политической экономии приходилось бороться с народным предрассудком, который смешивает капиталистическое производство с накоплением сокровищ[28)] и считает поэтому, будто накопленное богатство есть богатство, огражденное от разрушения в его данной натуральной форме и, следовательно, изъятое из сферы потребления и даже из сферы обращения. В действительности изъятие денег из обращения было бы прямой противоположностью их употребления в качестве капитала, а накопление товаров в смысле собирания сокровищ было бы чистейшей бессмыслицей[28a)]. Накопление значительных масс товаров есть результат приостановки обращения или результат перепроизводства[29)]. Как бы то ни было,

[28)] «Ни один экономист нашего времени не может под сбережением разуметь простое накопление сокровищ; но вне этой ограниченной: и недостаточной операции для данного термина в его применении к народному богатству можно представить себе только одно значение, а именно то, которое исходит из различного употребления сбереженного и основывается на реальном различии между видами труда, оплачиваемого за счет сбережений» *(Malthus.* «Principles of Political Economy», p. 38, 39).

[28a)] Так, у Бальзака, который основательно изучил все оттенки скупости, старый ростовщик Гобсек рисуется уже впавшим в детство, когда он начинает создавать сокровища из накопленных товаров.

[29)] «Накопление запасов... приостановка обмена... перепроизводство» (*Th. Corbet* цит. соч., стр. 104).

в народном представлении встает, с одной стороны, картина накопленных в потребительном фонде богачей медленно потребляемых благ, с другой стороны, образование запасов — явление, которое свойственно всем способам производства и на котором мы еще остановимся при анализе процесса обращения.

Следовательно, в этих пределах классическая политическая экономия вполне права, когда она подчеркивает как характерный момент процесса накопления то обстоятельство, что прибавочный продукт потребляется рабочими производительными, а не рабочими непроизводительными. Но здесь же начинается и ее ошибка. А. Смит ввел в моду изображать накопление как простое потребление прибавочного продукта производительным рабочим, т. е. изображать капитализацию прибавочной стоимости как простое превращение ее в рабочую силу. Послушаем, например, Рикардо:

«Необходимо понять, что все продукты страны потребляются; но величайшая разница, какую только можно себе представить, заключается в том, потребляются ли они теми, кто воспроизводит другую стоимость, или же теми, кто ее не воспроизводит. Когда мы говорим, что доход сберегается и прибавляется к капиталу, мы подразумеваем, что та часть дохода, о которой говорится, что она присоединилась к капиталу, потребляется производительными рабочими, а не непроизводительными. Нет большего заблуждения, чем предположение, что капитал увеличивается от непотребления»[30].

Не может быть большего заблуждения, чем повторяемое Рикардо и другими вслед за А. Смитом утверждение, будто «та часть дохода, о которой говорится, что она присоединилась к капиталу, потребляется производительными рабочими». Согласно этому представлению вся прибавочная стоимость, превращающаяся в капитал, должна стать переменным капиталом. В действительности она, как и первоначально авансированная стоимость, разделяется на постоянный капитал и переменный капитал, на средства производства и рабочую силу. Рабочая сила есть та форма, в которой переменный капитал существует в процессе производства. В этом процессе она сама потребляется капиталистом. Рабочая сила потребляет средства производства посредством своей функции — труда. Вместе с тем деньги, уплаченные при покупке рабочей силы, превращаются в жизненные средства, потребляемые не «производительным трудом», а «производительным рабочим». Вследствие ошибочного в самой основе своей анализа А. Смит приходит к тому нелепому результату, что если каждый индивидуальный капитал и разделяется на постоянную и переменную составные части, то общественный

[30] Ricardo. «Principles of Political Economy», 3 ed. London, 1821, p. 163, примечание.

капитал целиком состоит только из переменного капитала, т. е. весь затрачивается на заработную плату. Например, фабрикант сукон превращает 2000 ф. ст. в капитал. Одну часть этих денег он расходует на наем ткачей, другую часть на покупку шерстяной пряжи, машин и т. д. Но люди, у которых он купил пряжу и машины, опять-таки частью полученных ими денег оплачивают труд и т. д., пока, наконец, все 2000 ф. ст. не будут затрачены на заработную плату, или весь продукт, представляемый этими 2000 ф. ст., не будет потреблен производительными рабочими. Как видим, вся сила этого аргумента заключается в словах «и т. д.», которые отсылают нас от Понтия к Пилату. Адам Смит обрывает свое исследование как раз там, где начинается его трудность[31)].

Пока мы рассматриваем фонд совокупного годового производства, ежегодный процесс воспроизводства очень понятен. Но все составные части годовой продукции должны быть вынесены на товарный рынок, и вот тут-то начинаются трудности. Движения отдельных капиталов и личных доходов перекрещиваются, смешиваются, теряются во всеобщем перемещении — в обращении общественного богатства, — которое обманывает взор и ставит перед исследованием весьма запутанные задачи. В третьем отделе второй книги я дам анализ действительных связей. Большая заслуга физиократов заключается в том, что они в своей «Экономической таблице»[166] впервые сделали попытку дать картину годовой продукции в том виде, в каком она выходит из обращения[32)].

Впрочем, разумеется само собой, что политическая экономия не преминула использовать в интересах класса капиталистов положение А. Смита, что вся превратившаяся в капитал часть чистого продукта потребляется рабочим классом.

[31)] Несмотря на свою «Логику»[165], г-н Джон Стюарт Милль никогда не открывает ошибок в анализе своих предшественников, ошибок, которые даже в пределах буржуазного горизонта и просто с точки зрения специалиста вопиют об исправлении. Он всегда лишь регистрирует с догматизмом школьника путаницу мыслей своих учителей. Так поступает он и в данном случае: «Сам капитал в течение длинного процесса, в конце концов, целиком уходит на заработную плату, и даже когда он возмещается при продаже продукта, он затем снова превращается в заработную плату».

[32)] А. Смит в своем изображении процесса воспроизводства, а следовательно и накопления, во многих отношениях не только не сделал шага вперед, но сделал даже существенный шаг назад по сравнению со своими предшественниками, особенно с физиократами. В связи с его иллюзией, упомянутой в тексте, стоит одна унаследованная от него политической экономией поистине баснословная догма, будто цена товаров слагается из заработной платы, прибыли (процента) и земельной ренты, т. е. только из заработной платы и прибавочной стоимости. Исходя из такой основы, Шторх признается с полной наивностью: «Невозможно разложить необходимую цену на ее простейшие элементы» (*Storch.* «Cours d'Economie Politique», edit. Petersbourg, 1815, t. II, p. 141, примечание). Хороша экономическая наука, объявляющая невозможным разложить цену товаров на ее простейшие элементы! Более подробно об этом мы будем говорить в третьем отделе второй книги и седьмом отделе третьей книги.

3. РАЗДЕЛЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ НА КАПИТАЛ И ДОХОД. ТЕОРИЯ ВОЗДЕРЖАНИЯ

В предыдущей главе мы рассматривали прибавочную стоимость, соответственно прибавочный продукт, лишь как индивидуальный потребительный фонд капиталиста, в этой главе мы рассматривали ее до сих пор лишь как фонд накопления. В действительности прибавочная стоимость есть не только первый и не только второй фонд, а то и другое вместе. Часть прибавочной стоимости потребляется капиталистом как доход[33)], другая часть ее применяется как капитал, или накопляется.

При данной массе прибавочной стоимости одна из этих частей будет тем больше, чем меньше другая. При прочих равных условиях отношение, в котором происходит это деление, определяет величину накопления. Но это деление производит собственник прибавочной стоимости, капиталист. Оно, стало быть, является актом его воли. Относительно той части собранной им дани, которую он накопляет, говорят, что он сберегает ее, так как он ее не проедает, т. е. так как он выполняет здесь свою функцию капиталиста, именно функцию самообогащения.

Лишь постольку, поскольку капиталист есть персонифицированный капитал, он имеет историческое значение и то историческое право на существование, которое, как говорит остроумный Лихновский, «не имеет никакой даты»[167]. И лишь постольку преходящая необходимость его собственного существования заключается в преходящей необходимости капиталистического способа производства. Но постольку и движущим мотивом его деятельности являются не потребление и потребительная стоимость, а меновая стоимость и ее увеличение. Как фанатик увеличения стоимости, он безудержно понуждает человечество к производству ради производства, следовательно к развитию общественных производительных сил и к созданию тех материальных условий производства, которые одни только могут стать реальным базисом более высокой общественной формы, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума. Лишь как персонификация капитала капиталист пользуется почетом. В этом своем качестве он разделяет с собирателем сокровищ абсолютную страсть

[33)] Читатель заметит, что слово «доход» [«revenue»] употребляется в двояком смысле: во-первых, для обозначения прибавочной стоимости как продукта, периодически возникающего из капитала, во-вторых, для обозначения части этого продукта, периодически потребляемой капиталистом или присоединяемой им к своему потребительному фонду. Я сохраняю этот двоякий смысл, так как он соответствует обычной терминологии английских и французских экономистов.

к обогащению. Но то, что у собирателя сокровищ выступает как индивидуальная мания, то для капиталиста суть действие общественного механизма, в котором он является только одним из колесиков. Кроме того, развитие капиталистического производства делает постоянное возрастание вложенного в промышленное предприятие капитала необходимостью, а конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического способа производства как внешние принудительные законы. Она заставляет его постоянно расширять свой капитал для того, чтобы его сохранить, а расширять свой капитал он может лишь посредством прогрессирующего накопления.

Поэтому, поскольку вся деятельность капиталиста есть лишь функция капитала, одаренного в его лице волей и сознанием, постольку его собственное личное потребление представляется ему грабительским посягательством на накопление его капитала; так в итальянской бухгалтерии личные расходы записываются на стороне дебета капиталиста по отношению к его капиталу. Накопление есть завоевание мира общественного богатства. Вместе с расширением массы эксплуатируемого человеческого материала оно расширяет область прямого и косвенного господства капиталиста[34)].

[34)] На примере ростовщика — этой хотя и старомодной, но постоянно возрождающейся формы капиталиста — Лютер очень хорошо и наглядно показывает, что жажда власти есть один из элементов страсти к обогащению. «Язычники могли заключить на основании разума, что ростовщик есть четырежды вор и убийца. Мы же, христиане, так их почитаем, что чуть не молимся на них ради их денег... Кто грабит и ворует у другого его пищу, тот совершает такое же великое убийство (насколько это от него зависит), как если бы он морил кого-нибудь голодом и губил бы его насмерть. Так поступает ростовщик; и все же off сидит спокойно в своем кресле, между тем как ему по справедливости надо бы быть повешенным на виселице, чтобы его клевало такое же количество воронов, сколько он украл гульденов, если бы только на нем было столько мяса, что все вороны, разделив его, могли бы полулить свою долю. А мелких воров вешают... Мелких воров заковывают в колодки, крупные же воры ходят в золоте и щеголяют в шелку... Поэтому на земле нет для человека врага большего (после дьявола), чем скряга и ростовщик, так как он хочет быть богом над всеми людьми. Турки, воители, тираны — все это люди также злые, но они все-таки должны давать людям жить и должны признаться, что они злые люди и враги, и могут, даже должны, иногда смилостивиться над некоторыми. Ростовщик же или скряга хочет, чтобы весь мир для него голодал и томился жаждой, погибал в нищете и печали, чтобы только у него одного было все и чтобы каждый получал от него, как от бога, и сделался бы навеки его крепостным... Он носит мантию, золотые цепи, кольца, моет рожу, напускает на себя вид человека верного, набожного, хвалится... Ростовщик — это громадное и ужасное чудовище, это зверь, все опустошающий, хуже Какуса, Гериона или Антея. И, однако, украшает себя, принимает благочестивый вид, чтобы не видели, куда девались быки, которых он втаскивает задом наперед в свое логовище. Но Геркулес должен услыхать рев быков и крики пленных и отыскать Какуса даже среди скал и утесов, чтобы снова освободить быков от злодея. Ибо Какусом называется злодей, набожный ростовщик, который ворует, грабит и пожирает все. И все-таки он как будто ничего не делал дурного; и думает, что даже никто не может обличить его, ибо он тащил быков задом наперед в свое логовище, отчего по их следам казалось, будто они были выпущены. Таким же образом ростовщик хотел бы обмануть весь свет, будто он приносит пользу и дает миру быков, между тем как он хватает их только для себя и пожирает... И

Но первородный грех действует везде. С развитием капиталистического способа производства, накопления и богатства капиталист перестает быть простым воплощением капитала. Он чувствует «человеческие побуждения»[168] своей собственной плоти, к тому же он настолько образован, что готов осмеивать пристрастие к аскетизму как предрассудок старомодного собирателя сокровищ. В то время как классический капиталист клеймит индивидуальное потребление как грех против своей функции и как «воздержание» от накопления, модернизированный капиталист уже в состоянии рассматривать накопление как «отречение» от потребления. «Ах, две души живут в его груди, и обе не в ладах друг с другом!»[169]

При исторических зачатках капиталистического способа производства — а каждый капиталистический parvenue (выскочка] индивидуально проделывает эту историческую стадию — жажда обогащения и скупость господствуют как абсолютные страсти.| Но прогресс капиталистического производства создает не только новый мир наслаждений; с развитием спекуляции и кредитного дела он открывает тысячи источников внезапного обогащения. На известной ступени развития некоторый условный уровень расточительности, являясь демонстрацией богатства и, следовательно, средством получения кредита, становится даже деловой необходимостью для «несчастного» капиталиста. Роскошь входит в представительские издержки капитала. К тому же капиталист обогащается не пропорционально своему личному труду или урезыванию своего личного потребления, как это происходит с собирателем сокровищ, а пропорционально количеству той чужой рабочей силы, которую он высасывает, и тому отречению от всех жизненных благ, которое он навязывает рабочим. Правда, расточительность капиталиста никогда не приобретает такого bona fide [простодушного] характера, как расточительность разгульного феодала, наоборот, в основе ее всегда таится самое грязное скряжничество и мелочная расчетливость; тем не менее расточительность капиталиста возрастает с ростом его накопления, отнюдь не мешая последнему. Вместе с тем в благородной груди капиталиста развертывается фаустовский конфликт между страстью к накоплению и жаждой наслаждений.

«Промышленность Манчестера», — говорится в одном сочинении, опубликованном в 1795 г. д-ром Эйкином, — «можно разделить на четыре

если колесуют и обезглавливают разбойников и убийц, то во сколько раз больше должно колесовать и четвертовать... изгонять, проклинать, обезглавливать всех ростовщиков» (*Martin Luther,* цит. соч.).

периода. В течение первого периода фабриканты были вынуждены упорно трудиться для поддержания своего существования».

В особенности сильно наживались они, обворовывая родителей, которые отдавали им своих детей в качестве apprentices (учеников) и должны были дорого платить за обучение, хотя эти ученики голодали. С другой стороны, средняя прибыль была низка, и накопление требовало большой бережливости. Они жили как скряги, собиратели сокровищ, и далеко не потребляли даже процентов со своего капитала.

«Во второй период они начали составлять себе небольшие состояния, но работали так же упорно, как и раньше», — потому что непосредственная эксплуатация труда сама стоит труда, как это известно всякому надсмотрщику за рабами, — «и жили так же скромно, как и раньше... В третьем периоде началась роскошь, и предприятия стали расширяться благодаря рассылке всадников» (конных коммивояжеров) «за заказами во все торговые города королевства. Надо думать, что до 1690 г. существовало лишь очень немного или даже вовсе не существовало капиталов в 3000— 4000 ф. ст., нажитых в промышленности. Но приблизительно в это время или несколько позднее промышленники уже накопили деньги и стали строить себе каменные дома вместо деревянных или глиняных... В Манчестере еще в первые десятилетия XVIII века фабрикант, угостивший своих гостей кружкой заграничного вина, вызывал толки и пересуды среди всех соседей».

До появления машинного производства фабриканты, сходясь по вечерам в трактирах, никогда не потребляли больше, чем стакан пунша за 6 пенсов и пачку табаку за 1 пенс. Лишь в 1758 г. увидели в первый раз — и это составило эпоху — «промышленника в собственном экипаже?» «Четвертый период» — последняя треть XVIII столетия — «отличается большой роскошью и расточительностью, опирающейся на расширение предприятий»[35)]. Что сказал бы добрый доктор Эйкин, если бы он воскрес и взглянул на теперешний Манчестер!

Накопляйте, накопляйте! В этом Моисей и пророки![170] «Трудолюбие доставляет тот материал, который накопляется бережливостью»[36)]. Итак, сберегайте, сберегайте, т. е. превращайте возможно большую часть прибавочной стоимости, или прибавочного продукта, обратно в капитал! Накопление ради накопления, производство ради производства — этой формулой классическая политическая экономия выразила историческое призвание буржуазного периода. Она ни на минуту не обманывалась на тот счет, насколько велики родовые муки богатства[37)]; но какое значение имеют все

35) Dr. *Aikin.* «Description of the Country from 30 to 40 miles round Manchester». London, 1795, p. 182 sqq.

36) *A. Smith*. «Wealth of Nations», в. III, ch. III.

37) Даже Ж. Б. Сай говорит: «Сбережения богатых составляются за счет бедных»[171]. «Римский пролетарий жил почти всецело на счет общества... Можно почти сказать, что современное общество живет на счет пролетариев, на счет той части, которую оно отнимает у них при оплате труда» (*Sismondi.* «Études etc.», t. I, p. 24).

жалобы перед лицом исторической необходимости? Если пролетарий в глазах классической политической экономии представляет собой лишь машину для производства прибавочной стоимости, то и капиталист в ее глазах есть лишь машина для превращения этой прибавочной стоимости в добавочный капитал. Она относится к его исторической функции со всей серьезностью. Чтобы избавить сердце капиталиста от злополучного конфликта между жаждой наслаждений и страстью к обогащению, Мальтус в начале двадцатых годов текущего столетия защищал особый вид разделения труда, согласно которому дело накопления предназначалось капиталисту, действительно занимающемуся производством, а дело расточения — другим участникам в дележе прибавочной стоимости: земельной аристократии, лицам, получающим содержание от государства и церкви и т. д. В высшей степени важно, — говорит он, — «разделить страсть к расходам и страсть к накоплению» (the passion for expenditure and the passion for accumulation)[38]. Господа капиталисты, давно уже превратившиеся в прожигателей жизни и в людей света, возопили. Как, — восклицает один рикардианец, выступивший их адвокатом, — господин Мальтус проповедует высокие земельные ренты, высокие налоги и т. д.; он хочет постоянно подстегивать промышленников с помощью непроизводительных потребителей! Конечно, производство, производство в постоянно расширяющемся масштабе — таков лозунг, однако

«таким путем производство можно скорее затормозить, чем развить. Не совсем справедливо также (nor is it quite fair) держать в праздности одну группу лиц лишь для того, чтобы подхлестывать других, по характеру которых можно думать (who are likely, from their characters), что они были бы способны успешно заниматься делом, если их к этому принудить»[39].

Но хотя он считает несправедливым побуждать промышленного капиталиста к накоплению, снимая жир с его супа, тем не менее ему представляется необходимым свести к возможному минимуму заработную плату рабочего, «чтобы поддерживать трудолюбие последнего». Он ничуть не скрывает также, что тайна наживы состоит в присвоении неоплаченного труда.

«Усиление спроса со стороны рабочих означает лишь их готовность брать себе меньшую долю своего собственного продукта и большую долю его оставлять предпринимателям; и если говорят, что при этом вследствие

[38] Malthus. «Principles of Political Economy», p. 319, 320.
[39] «An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc.», p. 67.

понижения потребления» (рабочих) «происходит «glut»» (переполнение рынка, перепроизводство), «то я могу ответить лишь, что «glut» есть синоним высокой прибыли»[40].

Ученая перебранка о том, как выгоднее для накопления распределить выкачанную из рабочего добычу между промышленным капиталистом и праздным земельным собственником и т. д., смолкла перед лицом июльской революции. Вскоре после этого ударил в набатный колокол городской пролетариат Лиона и пустил красного петуха сельский пролетариат Англии. По эту сторону Ла-Манша рос оуэнизм, по ту его сторону — сен-симонизм и фурьеризм. Настало время вульгарной политической экономии. Ровно за год до того, как Нассау У. Сениор из Манчестера открыл, что прибыль (с включением процента) на капитал есть продукт неоплаченного «последнего двенадцатого часа труда», он возвестил миру другое свое открытие. «Я, — торжественно изрек он, — заменяю слово капитал, рассматриваемый как орудие производства, словом воздержание»[41]. Поистине недосягаемый образец «открытий» вульгарной политической экономии! Экономическая категория подменяется сикофантской фразой. Voilа tout [вот и все]. «Если дикарь, — поучает Сениор, — делает лук, то он занимается промышленностью, но не практикует воздержания». Это объясняет нам, как и почему при прежних общественных укладах средства труда создавались «без воздержания» капиталиста. «Чем больше прогрессирует общество, тем более воздержания требует оно»[42], а именно со стороны тех, труд которых состоит в том, чтобы присваивать себе чужой труд и его продукт. Все условия процесса труда превращаются отныне в соответственное количество актов воздержания капиталиста. Что хлеб не только едят, но и сеют, этим мы обязаны воздержанию капиталиста! Если вино выдерживают известное время, чтобы оно перебродило, то

[40] «An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc.», p. 59.

[41]) *Senior.* «Principes fondamentaux de l'Economie Politique», trad. Arrivabene. Paris, 1836, p. 309. Для сторонников старой классической школы это было уже слишком. «Г-н Сениор подменяет выражение труд и капитал выражением труд и воздержание... Воздержание есть простое отрицание. Источником прибыли является не воздержание, а потребление производительно применяемого капитала» (Джон Кейзнов в его издании работы Мальтуса: «Definitions in Political Economy». London, 1853, p. 130, примечание). Напротив, г-н Джон Ст. Милль на одной странице списывает рикардовскую теорию прибыли, а на другой — принимает сениоровское «вознаграждение за воздержание». Ему столь же свойственны плоские противоречия, сколь чуждо гегелевское «противоречие», источник всякой диалектики.

Добавление к 2 изданию. Вульгарному экономисту не приходит в голову та простая мысль, что всякое человеческое действие можно рассматривать как «воздержание» от противоположного действия. Еда есть воздержание от поста, ходьба — воздержание от стояния на месте, труд — воздержание от праздности, праздность — воздержание от труда и т. п. Этим господам следовало бы подумать о словах Спинозы: Determinatio est negatio[172].

[42] *Senior*, там же, стр. 342.

опять-таки лишь благодаря воздержанию капиталиста![43] Капиталист грабит свою собственную плоть, когда он «ссужает (!) рабочему орудия производства», — т. е., соединив их с рабочей силой, употребляет как капитал, — вместо того чтобы пожирать паровые машины, хлопок, железные дороги, удобрения, рабочих лошадей и т. д. или, как по-детски представляет себе вульгарный экономист, прокутить «их стоимость», обратив ее в предметы роскоши и другие средства потребления[44]. Каким образом класс капиталистов в состоянии осуществить это, составляет тайну, строго сохраняемую до сих пор вульгарной политической экономией. Как бы то ни было, мир живет лишь благодаря самоистязаниям капиталиста, этого современного кающегося грешника перед богом Вишну. Не только накопление, но и простое «сохранение капитала требует постоянного напряжения сил для того, чтобы противостоять искушению потребить его»[45]. Итак, уже простая гуманность, очевидно, требует, чтобы капиталист был избавлен от мученичества и искушений тем же самым способом, каким отмена рабства избавила недавно рабовладельца Джорджии от тяжкой дилеммы: растранжирить ли на шампанское весь прибавочный продукт, выколоченный из негров-рабов, или же часть его снова превратить в добавочное количество негров и земли.

В самых различных общественно-экономических формациях имеет место не только простое воспроизводство, но и воспроизводство в расширенных размерах, хотя последнее совершается не в одинаковом масштабе. С течением времени все больше производится и больше потребляется, следовательно, больше продукта превращается в средства производства. Однако процесс этот не является накоплением капитала, не является, следовательно, и функцией капиталиста до тех пор, пока рабочему средства его производства, а следовательно, его продукт и его жизненные средства не противостоят еще в форме капитала[46].

---

[43] «Никто... не стал бы сеять, например, свою пшеницу, бросая ее на двенадцать месяцев в землю, или на целые годы оставлять свое вино в погребе, вместо того чтобы сразу самому потребить эти вещи или их эквивалент, если бы он не рассчитывал получить добавочную стоимость и т. д.» (*Scrope*. «Political Economy», edit. A. Potter. New-York, 1841, p. 133)[173].

[44] «Лишение, которому подвергает себя капиталист, ссужая свои орудия производства рабочему, вместо того чтобы обратить их стоимость на свое личное потребление, превратив ее в предметы потребления или роскоши» (*G. de Molinari.* «Etudes Economiques». Paris, 1846, p. 36). (Смягчающее выражение «ссужать» употреблено для того, чтобы согласно испытанной манере вульгарных экономистов отождествить наемного рабочего, эксплуатируемого промышленным капиталистом, с самим промышленным капиталистом, который пользуется деньгами, ссужаемыми другим капиталистом.)

[45] *Courcelle-Seneuil*, цит. соч., стр. 20.

[46] «Особые классы дохода, наиболее сильно поддерживающие прогресс национального капитала, изменяются на различных стадиях развития и поэтому... совершенно различны у наций, находящихся на различных ступенях прогресса... Прибыль... есть незначительный источник накопления по сравнению с заработной, платой и рентой на ранних стадиях общественного развития... Когда развитие сил национального труда делает действительно значительный шаг вперед, относительная роль прибыли как источника накопления возрастает» (*Richard Jones.* «Text-book etc.», p. 16, 21).

Умерший несколько лет тому назад Ричард Джонс, преемник Мальтуса на кафедре политической экономии в ост-индском колледже в Хейлибери, удачно иллюстрирует это двумя крупными фактами. Так как большинство индийского народа составляют крестьяне, ведущие самостоятельное хозяйство, то их продукт, средства их труда и их жизненные средства никогда не принимают «формы («the shape») фонда, сбереженного из чужого дохода («saved from revenue»), и, следовательно, не проделывают предварительного процесса накопления» («a previous process of accumulation»)[47]. С другой стороны, в провинциях, где английское господство наименее разложило старую систему, несельскохозяйственные рабочие получают работу непосредственно у крупных феодалов, к которым притекает известная доля сельскохозяйственного прибавочного продукта в форме дани или земельной ренты. Часть этого прибавочного продукта потребляется крупными феодалами в натуральном виде, другая часть превращается для них рабочими в предметы роскоши и другие средства потребления, тогда как остальное составляет заработную плату рабочих, являющихся собственниками орудий своего труда. Производство и воспроизводство в расширенных размерах совершается здесь без всякого вмешательства этого удивительного святого, этого рыцаря печального образа, «воздерживающегося» капиталиста.

4. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ РАЗМЕРЫ НАКОПЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМО ОТ ТОЙ ПРОПОРЦИИ, В КОТОРОЙ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ РАСПАДАЕТСЯ НА КАПИТАЛ И ДОХОД. СТЕПЕНЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ СИЛА ТРУДА. УВЕЛИЧЕНИЕ РАЗНИЦЫ МЕЖДУ ПРИМЕНЯЕМЫМ КАПИТАЛОМ И КАПИТАЛОМ ПОТРЕБЛЯЕМЫМ. ВЕЛИЧИНА АВАНСИРОВАННОГО КАПИТАЛА

Если отношение, в котором прибавочная стоимость распадается на капитал и доход, дано, то величина накопленного капитала, очевидно, зависит от абсолютной величины прибавочной стоимости. Допустим, что 80% капитализируются, 20% проедаются; тогда накопленный капитал будет 2400 ф. ст. или 1200 ф. ст., смотря по тому, составляет ли общая сумма прибавочной стоимости 3000 или только 1500 фунтов стерлингов.

[47] Там же, стр. 36 и сл.

Таким образом, в определении величины накопления участвуют все те обстоятельства, которые определяют массу прибавочной стоимости. Подытожим их здесь еще раз, но лишь постольку, поскольку они дают новые точки зрения относительно накопления.

Как мы помним, норма прибавочной стоимости зависит прежде всего от степени эксплуатации рабочей силы. Политическая экономия так высоко оценивает эту роль степени эксплуатации, что нередко отождествляет ускоренный рост накопления под влиянием повышения производительной силы труда с ускоренным ростом его под влиянием повышенной эксплуатации рабочего[48]. В отделах о производстве прибавочной стоимости мы постоянно предполагали, что заработная плата, по меньшей мере, равна стоимости рабочей силы. Однако на практике насильственное понижение заработной платы ниже этой стоимости играет слишком важную роль, чтобы хоть вкратце не остановиться на нем. В известных границах оно фактически превращает необходимый фонд потребления рабочего в фонд накопления капитала.

«Заработная плата», — говорит Дж. Ст. Милль, — «не имеет производительной силы; это цена одной из производительных сил; заработная плата, как и цена машин, отнюдь не участвует в производстве товаров наряду с самим трудом. Если бы труд можно было получить без купли, заработная плата была бы излишней»[49].

Но если бы рабочие могли питаться воздухом, их нельзя было бы купить ни за какую цену. Следовательно, даровой труд есть предел в математическом смысле этого слова: к нему всегда можно приближаться, никогда, однако, не достигая его. Постоянная тенденция капитала состоит в том, чтобы низвести рабочих до этого нигилистического уровня. Часто цитируемый мною писатель XVIII века, автор «Essay on Trade and Commerce», выдал лишь заветную мечту английского капитала, заявив, что историческая жизненная задача Англии состоит в том, чтобы понизить заработную плату английских рабочих до уровня

[48] «Рикардо говорит: «На различных ступенях общественного развития накопление капитала, или средств для применения труда» (т. е. для эксплуатации) «может быть более или менее быстрым и во всяком случае должно зависеть от производительных сил труда. Производительные силы труда обычно всего больше там, где имеется в обилии плодородная земля». Если здесь под производительными силами труда разумеется ничтожность величины той части каждого продукта, которая попадает в руки лиц, производящих его своим трудом, то утверждение Рикардо есть простая тавтология, потому что остальная часть является, конечно, тем фондом, за счет которого, если это угодно его собственнику («if the owner pleases»), может накопляться капитал. Но обыкновенно это не имеет места как раз там, где земля всего плодороднее» («Observations on certain Verbal Disputes etc.», p. 74).

[49] *J. St. Mill*. «Essays on some unsettled Questions of Political Economy». London, 1844, p. 90.

французских или голландских[50]. Он, между прочим, наивно говорит:

«Если наши бедняки» (термин для обозначения рабочих) «хотят жить в роскоши... то, конечно, их труд будет дорог... Ведь волосы становятся дыбом, когда подумаешь о тех колоссальных излишествах («heap of superfluities»), которыми отличается потребление наших мануфактурных рабочих: тут и водка, и джин, и чай, и сахар, заграничные фрукты, крепкое пиво, ситцы, нюхательный и курительный табак и т. д.»[51].

Автор цитирует далее сочинение одного нортгемптонширского фабриканта, который, благочестиво вперив взор свой в небо, вопит:

«Труд на целую треть дешевле во Франции, чем в Англии, ибо французские бедняки напряженно работают и обходятся самым необходимым из пищи и одежды, главные предметы их потребления — это хлеб, фрукты, травы, коренья и сушеная рыба; они очень редко едят мясо и, когда дорога пшеница, очень мало едят хлеба»[52]. «К тому же», — продолжает вышеуказанный автор уже от себя, — «они пьют только воду и только слабые напитки, так что в действительности тратят поразительно мало денег... Такого положения вещей, конечно, трудно достигнуть, однако его можно достигнуть, как это убедительно доказывает то, что оно существует и во Франции и в Голландии»[53].

Двумя десятилетиями позже один американский краснобай, возведенный в баронское звание янки Бенджамин Томпсон (alias [иначе] граф Румфорд), развивал те же филантропические планы, снискав себе ими великое благоволение бога и людей. Его «Essays» представляют собой поваренную книгу, наполненную всякого рода рецептами, указывающими, как заменить дорогостоящие нормальные предметы потребления рабочих

[50] «An Essay on Trade and Commerce». London, 1770, p. 44. Равным образом газета «Times» в декабре 1866 г. и в январе 1867 г. поместила сердечные излияния владельцев английских рудников, в которых описывалось благополучие бельгийских горнорабочих, получающих и требующих ровно столько, сколько нужно, чтобы жить ради своих «хозяев». Бельгийские рабочие много терпели, но фигурировать в «Times» в качестве образцовых рабочих — это уж слишком! Ответом была стачка бельгийских горнорабочих (близ Маршьенна) в феврале 1867 г., подавленная свинцом и порохом.

[51] Там же, стр. 44, 46.

[52] Фабрикант из Нортгемптоншира совершает здесь благочестивый обман, вполне простительный, если принять во внимание порывы его сердца. Он сравнивает будто бы жизнь французского и английского мануфактурного рабочего, а между тем в цитированном месте описывает, как он и сам впоследствии сознается, жизнь французского сельскохозяйственного рабочего!

[53] «An Essay on Trade and Commerce». London, 1770, p. 70, 71.

Примечание к 3 изданию. Ныне благодаря конкуренции на мировом рынке, возникшей после того, как написаны цитированные строки, мы значительно подвинулись в этом вопросе. «Если Китай», — говорил своим избирателям член парламента Стейплтон, — «если Китай станет великой промышленной державой, то я не вижу, каким образом рабочее население Европы может выдержать борьбу с ним, не опускаясь до уровня своих конкурентов» («Times», 3 сентября 1873 г.). — Теперь уже не континентальная, — нет, китайская заработная плата является заветной мечтой английского капитала.

дешевыми суррогатами. Вот особенно удачный рецепт этого удивительного «философа»:

«5 ф. ячменя, 5 ф. кукурузы, на 3 пенса селедок, на 1 пенс соли, на 1 пенс уксуса, на 2 пенса перцу и зелени, итого на сумму $20^3/_4$ пенса. получается суп на 64 человека, при этом при средних ценах хлеба стоимость этого может быть еще понижена до $^1/_4$ пенса на душу»[54].

С развитием капиталистического производства фальсификация товаров сделала такие успехи, что идеалы Томпсона стали излишни[55].

В конце XVIII и в первые десятилетия XIX столетия английские фермеры и лендлорды добились понижения заработка рабочих до крайнего низшего предела, выплачивая сельскохозяйственным поденщикам в форме заработной платы меньше минимума, необходимого для существования, и добавляя остальное в форме пособий приходской благотворительности. Вот пример того паясничанья, к которому прибегали английские Догбери при «законном» установлении ими тарифов заработной платы:

«Когда сквайры Спинемленда устанавливали в 1795 г. заработную плату, они как раз пообедали, но, очевидно, полагали, что рабочие не нуждаются ни в чем подобном... Они решили, что недельная плата должна быть 3 шилл. на человека, если каравай хлеба в 8 ф. 11 унций стоит 1 шилл., и должна соответственно повышаться, пока цена каравая не достигнет 1 шилл. 5 пенсов. При еще более значительном возрастании цены хлеба заработная плата должна относительно уменьшаться, так что, когда цена каравая будет 2 шилл., потребление работника должно стать на одну пятую меньше, чем было раньше»[56].

---

[54] *Benjamin Thompson.* «Essays political, economical and philosophical etc.». 3 vol. London, 1796—1802, v. 1, p. 294. В своей работе «The State of the Poor, or an History of the Labouring Classes in England etc.» сэр Ф. М. Иден усиленно рекомендует румфордскую похлебку начальникам работных домов и с упреком указывает английским рабочим на то, что «в Шотландии многие семьи в течение целых месяцев питаются исключительно овсяной и ячменной мукой, смешанной с водой и солью, не потребляя ни пшеницы, ни ржи, ни мяса, и, тем не менее, живут еще очень комфортабельно» («and that very comfortably too») (указ. соч., т. I, кн. II, гл. II, стр. 503). Аналогичные «указания» делались и в XIX веке. «Английские сельскохозяйственные рабочие», — читаем мы, например, — «не хотят есть хлеба с примесями низших сортов муки. В Шотландии, где воспитание лучше, этот предрассудок, видимо, отсутствует» *(Charles H. Parry,* M. D. «The Question of the Necessity of the existing Cornlaws considered». London, 1816, p. 69). Тот же самый Парри жалуется, однако, что английский рабочий в настоящее время (1815 г.) сильно опустился по сравнению с временами Идена (1797 г.).

[55] Из отчетов последней парламентской следственной комиссии относительно фальсификации жизненных средств видно, что даже фальсификация лекарств является для Англии не исключением, а правилом. Так, например, исследование 34 проб опиума, купленного в 34 лондонских аптеках, показало, что в 31 случае продукт был фальсифицирован примесью маковых головок, пшеничной муки, камеди, глины, песка и т. д., причем во многих пробах не оказалось и следов морфина.

[56] *G. L. Newnham* (barrister at law). «A Review of the Evidence before the Committees of the two Houses of Parliament on the Cornlaws». London, 1815, p. 20, примечание.

В 1814 г. перед следственной комиссией палаты лордов давал показание некий А. Беннет, крупный фермер, мировой судья, попечитель дома для бедных. В его обязанности входило также и регулирование заработной платы. На вопрос: «Соблюдается ли какое-либо определенное соотношение между стоимостью дневного труда и размерами приходского пособия рабочим?» — он ответил:

«Да. Еженедельный доход каждой семьи доводится до стоимости галлонового каравая хлеба (8 ф. 11 унций) и 3 пенсов на душу... Мы полагаем, что галлонового каравая достаточно для поддержания жизни членов семьи в течение недели; 3 пенса выдаются на одежду; если же приход предпочитает сам выдавать одежду, эти 3 пенса не выплачивают. Такая практика господствует не только во всей западной части Уилтшира, но, как я полагаю, и во всей стране»[57]. «Таким образом», — восклицает один буржуазный автор того времени, — «фермеры в течение ряда лет унижали достойный уважения класс своих соотечественников, принуждая их находить убежище в работных домах... Фермер увеличил свой собственный доход, воспрепятствовав накоплению даже самого необходимого потребительного фонда рабочих»[58].

Какую роль в образовании прибавочной стоимости, а следовательно, и в образовании фонда накопления капитала играет в наши дни прямой грабеж из фонда необходимого потребления рабочего, это мы видели, например, при рассмотрении так называемой работы на дому (см. гл. XIII, 8, d). Дальнейшие факты этого рода будут приведены ниже в настоящем отделе.

Хотя во всех отраслях промышленности часть постоянного капитала, состоящая из средств труда, должна быть достаточной для занятия известного числа рабочих, определяемого величиной предприятия, тем не менее она вовсе не обязательно растет пропорционально числу занятых рабочих. Пусть на данной фабрике 100 рабочих при восьмичасовом труде доставляют 800 рабочих часов. Если капиталист хочет увеличить это количество часов наполовину, он может взять 50 новых рабочих, но тогда ему необходимо авансировать новый капитал не только на заработную плату, но и на средства труда. Однако он может также заставить и этих прежних 100 рабочих работать 12 часов вместо 8, и тогда он может обойтись с наличными средствами труда, которые лишь быстрее будут изнашиваться. Таким образом добавочный труд, созданный большим напряжением ра-

---

[57] *G. L. Newnham* (barrister at law). «A Review of the Evidence before the Committees of the two Houses of Parliament on the Cornlaws». London, 1815, p. 19, 20.

[58] *Ch. H. Parry*. «The Question of the Necessity of the existing Cornlaws considered». London, 1816, p. 77, 69. Господа лендлорды, с своей стороны, не только «вознаградили» себя за потери во время антиякобинской войны, которую они вели от имени Англии, но и колоссально обогатились. «За 18 лет ренты их удвоились, утроились, учетверились, а в отдельных случаях увеличились в шесть раз» (там же, стр. 100, 101).

бочей силы, может увеличить субстанцию накопления, т. е. прибавочный продукт и прибавочную стоимость, без соответственного увеличения постоянной части капитала.

В добывающей промышленности, например в горном деле, сырье не является составной частью авансируемого капитала. Здесь предмет труда — не продукт предшествовавшего труда, а бесплатный дар природы. Таковы: металлические руды, минералы, каменный уголь, камни и т. д. Постоянный капитал состоит здесь почти исключительно из таких средств труда, которые очень хорошо позволяют применить увеличенное количество труда (например, путем введения дневных и ночных смен рабочих). Но ведь при прочих равных условиях масса и стоимость продукта растут прямо пропорционально приложенному количеству труда. Как в первый день производства, здесь идут рука об руку оба первичных фактора, создающие продукт, а следовательно, создающие также и вещественные элементы капитала: человек и природа. Благодаря эластичности рабочей силы область накопления расширяется без предварительного увеличения постоянного капитала.

В земледелии расширить обрабатываемую площадь без дополнительного авансирования посевного материала и удобрений невозможно. Но если это авансирование уже произведено, то даже чисто механическая обработка земли колоссально повышает количество продукта. Возросшее количество труда, доставленное прежним числом рабочих, повышает плодородие почвы, не требуя новых авансирований на средства труда. Это опять-таки прямое воздействие человека на природу, которое становится непосредственным источником повышенного накопления без участия нового капитала.

Наконец, в промышленности в собственном смысле этого слова каждая добавочная затрата на труд предполагает соответственную добавочную затрату на сырье, но вовсе не обязательно на средства труда. А так как добывающая промышленность и земледелие доставляют обрабатывающей промышленности ее собственное сырье и сырье для ее средств труда, то на пользу последней идет и то добавочное количество продуктов, которое создается первыми без добавочной затраты капитала.

Общий итог таков: овладевая двумя первичными созидателями богатства, рабочей силой и землей, капитал приобретает способность расширения, позволяющую ему вывести элементы своего накопления за границы, определяемые, казалось бы, его собственной величиной, т. е. стоимостью и массой тех уже произведенных средств производства, в виде которых капитал существует.

Другим важным фактором накопления капитала является уровень производительности общественного труда.

С ростом производительной силы труда растет и та масса продуктов, в которой выражается определенная стоимость, а следовательно, и прибавочная стоимость данной величины. При неизменной и даже при падающей норме прибавочной стоимости, если только последняя падает медленнее, чем увеличивается производительная сила труда, масса прибавочного продукта растет. Поэтому при неизменном делении прибавочного продукта на доход и добавочный капитал потребление капиталиста может расти, не уменьшая фонда накопления. Относительная величина фонда накопления может даже расти за счет фонда потребления, в то время как благодаря удешевлению товаров в распоряжение капиталиста предоставляется столько же или даже больше предметов потребления, чем раньше. Но с ростом производительности труда происходит, как мы видели, удешевление рабочего, а следовательно, возрастание нормы прибавочной стоимости, даже в том случае, если реальная заработная плата повышается. Эта последняя никогда не увеличивается в том же отношении, как производительность труда. Итак, та же самая стоимость переменного капитала приводит в движение больше рабочей силы, а следовательно, и больше труда. Та же самая стоимость постоянного капитала выражается в большем количестве средств производства, т. е. в большем количестве средств труда, материалов труда и вспомогательных материалов, и, следовательно, доставляет больше элементов, образующих как продукт, так и стоимость, или элементов, впитывающих в себя труд. Поэтому при неизменной и даже понижающейся стоимости добавочного капитала имеет место ускоренное накопление. Не только вещественно расширяются размеры воспроизводства, но производство прибавочной стоимости растет быстрее, чем стоимость добавочного капитала.

Развитие производительной силы труда оказывает влияние также и на первоначальный капитал, т. е. на капитал, уже находящийся в процессе производства. Часть функционирующего постоянного капитала состоит из средств труда, каковы машины и т. д., которые могут быть потреблены, следовательно, воспроизведены или замещены новыми экземплярами того же рода, лишь в течение более или менее продолжительных периодов. Но ежегодно часть этих средств труда отмирает, т. е. достигает конечной цели своей производительной функции. Следовательно, эта часть ежегодно находится в стадии своего периодического воспроизводства или своего замещения новыми экземплярами того же рода. Если производительная сила труда

развивается в тех отраслях, где производятся эти средства труда, — а она развивается непрерывно с прогрессом науки и техники, — то место старых машин, инструментов, аппаратов и т. д. заступают новые, более эффективные и сравнительно с размерами своей работы более дешевые. Старый капитал воспроизводится в более производительной форме, не говоря уже о постоянных частичных изменениях в наличных средствах труда. Другая часть постоянного капитала, сырой и вспомогательный материал, воспроизводится непрерывно в течение года, материал земледельческого происхождения — в большинстве своем раз в год. Следовательно, всякое улучшение методов и т. д. воздействует здесь почти одновременно и на добавочный капитал и на капитал уже функционирующий. Всякий прогресс в области химии не только умножает число полезных веществ и число полезных применений уже известных веществ, расширяя, таким образом, по мере роста капитала сферы его приложения. Прогресс химии научает также вводить отходы процесса производства и потребления обратно в кругооборот процесса воспроизводства и создает, таким образом, материю нового капитала без предварительной затраты капитала. Подобно тому как усиленная эксплуатация природного богатства достигается просто путем более высокого напряжения рабочей силы, точно так же наука и техника сообщают функционирующему капиталу способность к расширению, не зависящую от его данной величины. Они оказывают влияние также на ту часть первоначального капитала, которая вступила в стадию своего возобновления. В своей новой форме капитал даром присваивает общественный прогресс, совершившийся за спиной его старой формы. Правда, это развитие производительной силы сопровождается частичным обесценением функционирующих капиталов. Поскольку это обесценение дает себя остро чувствовать благодаря конкуренции, главная тяжесть его обрушивается на рабочего, повышенной эксплуатацией которого капиталист старается возместить свои убытки.

Труд переносит на продукт стоимость потребленных им средств производства. С другой стороны, стоимость и масса средств производства, приводимых в движение данным количеством труда, растут пропорционально увеличению производительности труда. Следовательно, если данное количество труда и присоединяет к своему продукту всегда одну и ту же сумму новой стоимости, то с ростом производительности труда растет та старая капитальная стоимость, которая при этом переносится на продукт.

Так, например, если английский и китайский прядильщики работают равное число часов и с равной интенсивностью, то

в течение недели они создадут равные стоимости. Однако, несмотря на это равенство, существует колоссальное различие между стоимостью недельного продукта англичанина, который работает с помощью мощных автоматов, и стоимостью недельного продукта китайца, который имеет только ручную прялку. В то самое время, в течение которого китаец перерабатывает один фунт хлопка, англичанин перерабатывает много сотен фунтов. В сотни раз большая сумма старых стоимостей присоединяется к стоимости продукта англичанина, продукта, в котором эти старые стоимости сохраняются в новой полезной форме и могут, таким образом, снова функционировать в качестве капитала. «В 1782 г., — сообщает Ф. Энгельс, — весь сбор шерсти предыдущих трех лет (в Англии) лежал необработанным за недостатком рабочих и так и пролежал бы, если бы на помощь не подоспели новоизобретенные машины, которые выпряли всю эту шерсть»[59]. Труд, овеществленный в форме машин, не создал, разумеется, непосредственно ни одного рабочего, но он дал возможность небольшому числу рабочих с небольшой сравнительно затратой живого труда не только производительно потребить шерсть и присоединить к ней новую стоимость, но и сохранить ее старую стоимость в форме пряжи и т. д. Тем самым он создал средство и импульс к расширенному воспроизводству шерсти. Живому труду по самой его природе присуща способность, создавая новую стоимость, сохранять старую. Поэтому с ростом эффективности, размеров и стоимости средств производства, т. е. с ростом накопления, сопровождающим развитие производительной силы труда, труд сохраняет и увековечивает все в новых формах постоянно увеличивающуюся капитальную стоимость[60]. Эта естественная способность труда представляется

[59] *Ф. Энгельс*. «Положение рабочего класса в Англии», стр. 20 [см. настоящее издание, том 2, стр. 250].

[60] Классическая политическая экономия из-за неудовлетворительного анализа процесса труда и процесса образования стоимости никогда не понимала как следует этого важного момента воспроизводства. Примером может послужить Рикардо. Он говорит например: как бы ни изменялась производительная сила, «1 млн. человек на фабриках всегда произведет одну и ту же стоимость». Это справедливо, раз дана экстенсивная и интенсивная величина их труда. Но это не препятствует тому, что при различной производительной силе труда один миллион людей превращает в продукт очень различные массы средств производства, сохраняет в продукте очень различные количества прежней стоимости и, следовательно, доставляет продукты очень различной стоимости. И вот это-то обстоятельство Рикардо упускает из вида в некоторых своих выводах. Заметим мимоходом, что на этом примере Рикардо тщетно пытался разъяснить Ж. Б. Сэю разницу между потребительной стоимостью (которую он называет здесь wealth, вещественным богатством) и меновой стоимостью. Сэй отвечает: «Что касается той трудности, на которую указывает г-н Рикардо, говоря, что один миллион человек при усовершенствованных методах производства может произвести вдвое, втрое больше богатства, не производя, однако, большей стоимости, то эта трудность исчезает, если мы будем, как это и следует, рассматривать производство как обмен, в котором отдаются производительные услуги труда, земли, капиталов с целью получить взамен продукты. Именно посредством этих производительных услуг мы приобретаем все существующие в мире продукты. Другими словами: мы тем более богаты, наши производительные услуги имеют тем большую стоимость, чем больше полезных предметов получаем мы за них в обмене, именуемом производством» (*J. B. Say.* «Lettres a M. Malthus». Paris, 1820, P. 168, 169). «Трудность», в которой хочет разобраться Сэй, — она существует лишь для него, но отнюдь не для Рикардо, — состоит в следующем. Почему не увеличивается стоимость потребительных стоимостей, когда растет их количество вследствие возросшей производительной силы труда? Ответ: трудность будет устранена, если мы соблаговолим назвать потребительную стоимость меновой стоимостью. Меновая стоимость есть вещь, связанная так или иначе с обменом. Итак, назовем производство «обменом» труда и средств производства на продукт, — и тогда станет яснее дня, что меновой стоимости мы получим тем больше, чем больше потребительных стоимостей будет создано в производстве. Другими словами: чем больше потребительных стоимостей, например чулок, доставляет фабриканту рабочий день, тем богаче фабрикант чулками. Но тут г-ну Сэю внезапно приходит мысль, что с «увеличением количества» чулок их «цена» (не имеющая, конечно, ничего общего с меновой стоимостью) падает, «так как конкуренция заставляет производителей отдавать продукты за столько, сколько они им стоят». Но откуда же берется прибыль, если капиталист

как способность самосохранения, присущая капиталу, который овладевает трудом, совершенно так же, как общественные производительные силы труда представляются свойствами капитала, а постоянное присвоение прибавочного труда капиталистом представляется как постоянное самовозрастание капитала. Все силы труда представляются силами капитала, как все формы стоимости товара — формами денег.

С ростом капитала растет разница между применяемым капиталом и потребляемым капиталом. Другими словами: растет стоимостная и вещественная масса средств труда, как-то: зданий, машин, дренажных труб, рабочего скота, всякого рода аппаратов, которые в течение более или менее продолжительного периода, в постоянно возобновляющихся процессах производства функционируют, т. е. служат для достижения определенного полезного эффекта, в полном своем объеме, тогда как

продает свои товары по цене, которой они ему стоят? Однако стоит ли смущаться такими пустяками! Сэй заявляет, что вследствие повышенной производительности каждый получает теперь в обмен на тот же самый эквивалент две пары чулок вместо одной пары, как это было прежде, и т. д. Результат, к которому он таким образом пришел, есть как раз то самое положение Рикардо, которое он хотел опровергнуть. После такого мощного напряжения мысли он, торжествуя, обращается к Мальтусу со следующими словами: «Такова, милостивый государь, эта стройная доктрина; без нее, — я заявляю это, — немыслимо выяснить труднейшие вопросы политической экономии и в особенности вопрос, каким образом, несмотря на то, что богатство составляется из стоимостей, нация делается более богатой, когда стоимость продуктов падает» (там же, стр. 170). Один английский экономист замечает по поводу подобного рода фокусов в «Lettres» Сэя: «Эта аффектированная манера болтовни («those affected ways of talking») и составляет то, что г-ну Сэю угодно называть своей доктриной и что он рекомендует Мальтусу преподавать в Хартфорде, как это уже делается «во многих местах Европы». Сэй говорит: «Если кое-что в этих положениях покажется вам парадоксальным, вглядитесь в те вещи, которые ими выражаются, и я смею думать, что они покажутся вам чрезвычайно простыми и понятными». Без сомнения, — то, что мы увидим в результате этого процесса, покажется нам чем угодно, но только не оригинальным или значительным» («An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc.», p. 110).

изнашиваются постепенно и, следовательно, теряют свою стоимость по частям, а значит по частям также и переносят ее на продукт. Поскольку эти средства труда служат как созидатели продукта, не присоединяя к нему стоимости, т. е. поскольку они применяются целиком, а потребляются лишь частями, постольку они, как мы уже упоминали выше, оказывают даровые услуги подобно силам природы: воде, пару, воздуху, электричеству и т, д. Эти даровые услуги прошлого труда, охваченного и одушевленного живым трудом, накопляются с увеличением масштаба накопления.

Так как прошлый труд выступает всегда в одежде капитала, т. е. пассив труда рабочих *A, B, C* и т. д. превращается в актив неработающего лица *X,* то буржуа и экономисты бесконечно восхваляют заслуги прошлого труда; шотландский гений Мак-Куллох полагает даже, что прошлому труду должно причитаться свое особое вознаграждение (процент, прибыль и т. д.)[61]. Итак, непрерывно растущее значение прошлого труда, участвующего в форме средств производства в живом процессе труда, приписывается не самому рабочему, прошлым и неоплаченным трудом которого являются средства производства, а отчужденному от рабочего воплощению этого труда, его воплощению в капитале. Практические деятели капиталистического производства и их идеологи-пустомели совершенно не способны мыслить средства производства отдельно от той своеобразной антагонистической общественной маски, которая одета на них в настоящее время, подобно тому как рабовладелец не способен представить себе рабочего, как такового, отдельно от его роли раба.

При данной степени эксплуатации рабочей силы масса прибавочной стоимости определяется числом одновременно эксплуатируемых рабочих, а это последнее соответствует, хотя и в изменяющейся пропорции, величине капитала. Чем больше растет капитал благодаря последовательному накоплению, тем сильнее возрастает и та сумма стоимости, которая распадается на фонд потребления и фонд накопления. Капиталист может поэтому жить более роскошно и в то же время усиливать свое «воздержание». И, в конце концов, все движущие пружины производства действуют тем энергичнее, чем сильнее расширяется вместе с массой авансированного капитала масштаб производства.

---

[61] Мак-Куллох взял патент на «wages of past labour» [«вознаграждение за прошлый труд»] гораздо раньше, чем Сениор взял свой патент на «wages of abstinence» [«вознаграждение за воздержание»].

5. ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ РАБОЧИЙ ФОНД

В ходе нашего исследования выяснилось, что капитал есть не постоянная величина, а эластичная часть общественного богатства, постоянно изменяющаяся в зависимости от того или другого деления прибавочной стоимости на доход и добавочный капитал. Мы видели далее, что даже при данной величине функционирующего капитала захваченные капиталом рабочая сила, наука и земля (под последней с экономической точки зрения следует понимать все предметы труда, доставляемые природой без содействия человека) образуют его эластичные потенции, которые в известных границах расширяют его арену действия независимо от его собственной величины. При этом мы совершенно отвлекались от условий процесса обращения, благодаря которым одна и та же масса капитала может действовать в очень неодинаковой степени. Так как мы предполагали рамки капиталистического производства, следовательно, предполагали чисто стихийно выросшую форму общественного процесса производства, то мы совершенно отвлекались от всякой более рациональной комбинации, осуществляемой на основе наличных средств производства непосредственно и планомерно. Классическая политическая экономия искони питала пристрастие рассматривать общественный капитал как величину постоянную с постоянной степенью действия. Но предрассудок этот застыл в непререкаемую догму лишь благодаря архифилистеру Иеремии Бентаму — этому трезво-педантичному, тоскливо-болтливому оракулу пошлого буржуазного рассудка XIX века[62]. Бентам среди философов то же, что Мартин Таппер среди поэтов. Оба они могли быть сфабрикованы только в Англии[63].

---

[62] Ср., между прочим, *J. Bentham.* «Theorie des Peines et des Recompenses», trad. Et. Dumont, 3eme ed. Paris, 1826, t. II, I. IV, ch. 2.

[63] Иеремия Бентам — явление чисто английское. Ни в какую эпоху, ни в какой стране не было еще философа — не исключая даже нашего Христиана Вольфа, — который с таким самодовольством вещал бы обыденнейшие банальности. Принцип полезности не был изобретением Бентама. Он лишь бездарно повторил то, что даровито излагали Гельвеций и другие французы XVIII века. Если мы хотим узнать, что полезно, например для собаки, то мы должны сначала исследовать собачью природу. Сама же эта природа не может быть сконструирована «из принципа полезности». Если мы хотим применить этот принцип к человеку, хотим по принципу полезности оценивать всякие человеческие действия, движения, отношения и т. д., то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху. Но для Бентама этих вопросов не существует. С самой наивной тупостью он отождествляет современного филистера — и притом, в частности, английского филистера — с нормальным человеком вообще. Все то, что полезно этой разновидности нормального человека и его миру, принимается за полезное само по себе. Этим масштабом он измеряет затем прошедшее, настоящее и будущее. Например, христианская религия «полезна», так как она религиозно осуждает те же самые преступления, которые уголовное уложение осуждает юридически. Художественная критика «вредна», так как она мешает почтенным людям наслаждаться произведениями Мартина Таппера и

С точки зрения его догмы совершенно непостижимы самые обыкновенные явления процесса производства, например его внезапные расширения и сокращения и даже самый факт накопления[64)]. Догма эта применялась как самим Бентамом, так и Мальтусом, Джемсом Миллем, Мак-Куллохом и т. д. с апологетическими целями, именно чтобы представить часть капитала, переменный капитал, т. е. капитал, превращаемый в рабочую силу, как величину постоянную. Была сочинена басня, что вещественное существование переменного капитала, т. е. та масса жизненных средств, которую он представляет для рабочих, или так называемый рабочий фонд, есть ограниченная самой природой особая часть общественного богатства, границы которой непреодолимы. Чтобы привести в движение ту часть общественного богатства, которая должна функционировать как постоянный капитал, или — вещественно — как средства производства, необходима определенная масса живого труда. Последняя определяется техникой производства. Но не даны ни число рабочих, нужное для того, чтобы привести эту массу труда в текучее состояние — так как это число меняется вместе с изменением степени эксплуатации индивидуальной рабочей силы, — ни цена рабочей силы; известна только ее минимальная и к тому же очень эластичная граница. Факты, лежащие в основе рассматриваемой догмы, таковы: с одной стороны, рабочий не имеет голоса при распределении общественного богатства на средства потребления нерабочих и на средства производства. С другой стороны, рабочий лишь в исключительно благоприятных случаях может расширить так называемый «рабочий фонд» за счет «дохода» богатых[65)].

т. д. Таким хламом этот бойкий господин, девиз которого —«nulla dies sine linea»[174], наполнил горы книг. Если бы я обладал смелостью моего друга Г. Гейне, я назвал бы г-на Иеремию гением буржуазной глупости.

[64)] «Экономисты слишком склонны... рассматривать определенное количество капитала и определенное число рабочих как орудия производства данной постоянной силы, действующие с известной постоянной интенсивностью... Те ... кто говорит... что товары суть единственные факторы производства... утверждают тем самым, что производство вообще не может быть расширено, так как для такого расширения должно быть заранее увеличено количество жизненных средств, сырых материалов и орудий; фактически это равносильно утверждению, что никакой рост производства не может иметь места без его предварительного роста или, другими словами, что никакой рост его невозможен» (*S. Bailey.* «Money and its Vicissitudes», p. 58, 70). Бейли критикует догму главным образом с точки зрения процесса обращения.

[65)] Дж. Ст. Милль говорит в своих «Principles of Political Economy» [b. II, ch. 1, § 3]: «Продукт труда распределяется в настоящее время в обратном отношении к труду: наибольшую его часть получают те, кто никогда не трудится, следующую по величине часть — те, труд которых почти всецело номинален, и так, по нисходящей шкале, вознаграждение становится все меньше и меньше, по мере того как труд делается тяжелее и неприятнее. Человек, занимающийся наиболее утомительным и изнурительным физическим трудом, не может с уверенностью рассчитывать даже на получение самых необходимых жизненных средств». Чтобы избежать недоразумения, замечу, что такие люди, как Дж. Ст. Милль и ему подобные, заслуживают, конечно, всяческого порицания за противоречия между их старыми экономическими догмами и их современными тенденциями, но было бы в высшей степени несправедливо сваливать этих людей в одну кучу с вульгарными экономистами-апологетами.

К каким плоским тавтологиям приводит попытка превратить капиталистические границы рабочего фонда в границы, определяемые природой общества вообще, показывает пример профессора Фосетта.

«Оборотный капитал[66] страны», — говорит он, — «есть ее рабочий фонд. Следовательно, чтобы узнать среднюю денежную плату, получаемую каждым рабочим, надо просто разделить этот капитал на численность рабочего населения»[67].

Итак, мы сначала вычисляем сумму всех действительно выплаченных индивидуальных заработных плат, затем объявляем, что результат этого сложения и есть стоимость «рабочего фонда», установленного богом и природой. Наконец, полученную таким путем сумму мы делим на число рабочих, чтобы снова открыть, сколько в среднем выпадает на долю каждого отдельного рабочего. Процедура чрезвычайно хитроумная. Она не мешает г-ну Фосетту заявить, не переводя дыхания:

«Совокупное богатство, ежегодно накопляемое в Англии, разделяется на две части. Одна часть применяется в самой Англии для поддержания нашей собственной промышленности. Другая часть вывозится за границу... Часть, применяемая в нашей промышленности, образует незначительную долю ежегодно накопляемого в этой стране богатства»[68].

Итак, большая часть ежегодно нарастающего прибавочного продукта, отбираемого у английских рабочих без эквивалента, капитализируется не в Англии, а в других странах. Но ведь вместе с вывезенным таким образом за границу добавочным капиталом вывозится и часть «рабочего фонда», изобретенного богом и Бентамом[69].

---

[66] Я напоминаю здесь читателю, что категории переменный капитал и постоянный капитал впервые введены в употребление мною. Политическая экономия со времен А. Смита смешивает заключающиеся в них определения с различием форм основного и оборотного капитала, порождаемым процессом обращения. Более подробно об этом говорится во втором отделе второй книги.

[67] *H. Fawcett*, Prof. of Polit. Econ. at Cambridge. «The Economic Position of the British Labourer». London, 1865, p. 120.

[68] Там же, стр. 122, 123.

[69] Можно сказать, что из Англии ежегодно экспортируется не только капитал, но и рабочие — в форме эмиграции. Однако в тексте не имеется в виду имущество переселенцев, которые в значительной своей части не принадлежат *к* рабочему классу. Большую долю их составляют сыновья фермеров. Английский добавочный капитал, ежегодно вывозимый за границу с целью получения процентов, представляет собой гораздо более значительную величину по сравнению с ежегодным накоплением, чем ежегодная эмиграция по сравнению с ежегодным приростом населения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

1. УВЕЛИЧЕНИЕ СПРОСА НА РАБОЧУЮ СИЛУ ПО МЕРЕ НАКОПЛЕНИЯ ПРИ НЕИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ СТРОЕНИИ КАПИТАЛА

В этой главе мы рассматриваем то влияние, которое возрастание капитала оказывает на положение рабочего класса. Важнейшие факторы этого исследования — строение капитала и те изменения, которые претерпевает оно в ходе процесса накопления.

Строение капитала можно рассматривать с двух точек зрения. Рассматриваемое со стороны стоимости, строение определяется тем отношением, в котором капитал делится на постоянный капитал, или стоимость средств производства, и переменный капитал, или стоимость рабочей силы, т. е. общую сумму заработной платы. Рассматриваемый со стороны материала, функционирующего в процессе производства, всякий капитал делится на средства производства и живую рабочую силу; в этом смысле строение капитала определяется отношением между массой применяемых средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимым для их применения,— с другой. Первое я называю стоимостным строением капитала, второе — техническим строением капитала. Между тем и другим существует тесная взаимозависимость. Чтобы выразить эту взаимозависимость, я называю стоимостное строение капитала, — поскольку оно определяется его техническим строением и отражает в себе изменения технического строения, — органическим строением капитала. В тех случаях, где говорится просто о строении капитала, всегда следует подразумевать его органическое строение.

Многочисленные индивидуальные капиталы, вложенные в определенную отрасль производства, более или менее отличаются по своему строению друг от друга. Средняя из их индивидуальных строений дает нам строение всего капитала данной отрасли производства. Наконец, общая средняя из этих средних строений всех отраслей производства дает нам строение обще-

ственного капитала данной страны, и только об этом, в конечном счете, будет речь в дальнейшем изложении.

Возрастание капитала включает в себя возрастание его переменной, или превращаемой в рабочую силу, составной части. Часть прибавочной стоимости, превращаемой в добавочный капитал, постоянно должна претерпевать обратное превращение в переменный капитал, или в добавочный рабочий фонд. Предположим, что в числе прочих неизменных условий остается без изменения и строение капитала, т. е. что по-прежнему требуется все та же масса рабочей силы для того, чтобы привести в движение определенную массу средств производства, или постоянного капитала; в таком случае спрос на труд и фонд существования рабочих, очевидно, увеличивается пропорционально возрастанию капитала и увеличивается тем быстрее, чем быстрее растет капитал. Так как капитал ежегодно производит прибавочную стоимость, часть которой ежегодно присоединяется к первоначальному капиталу; так как само это приращение ежегодно возрастает по мере увеличения размеров уже функционирующего капитала и так как, наконец, подгоняемое особенно сильным стремлением к обогащению, например при открытии новых рынков, новых сфер приложения капитала вследствие вновь развившихся общественных потребностей и т. д., накопление может быстро расширять свой масштаб благодаря одному лишь изменению в делении прибавочной стоимости, или прибавочного продукта, на капитал и доход, то потребности накопления капитала могут опередить увеличение рабочей силы, или числа рабочих, спрос на рабочих может опередить их предложение, и, таким образом, может произойти повышение заработной платы. Это, в конце концов, и должно произойти, раз указанные выше условия сохраняются без изменения. Так как каждый год применяется больше рабочих, чем в предыдущий, то раньше или позже должен наступить момент, когда потребности накопления начинают перерастать обычное предложение труда, когда, следовательно, наступает повышение заработной платы. Жалобы на это раздаются в Англии в течение всего XV и первой половины XVIII века. Однако более или менее благоприятные условия, при которых наемные рабочие сохраняются и размножаются, нисколько не изменяют основного характера капиталистического производства. Как простое воспроизводство непрерывно воспроизводит само капиталистическое отношение — капиталистов на одной стороне, наемных рабочих на другой, — так воспроизводство в расширенном масштабе, или накопление, воспроизводит капиталистическое отношение в расширенном масштабе: больше капиталистов или

более крупных капиталистов на одном полюсе, больше наемных рабочих на другом. Воспроизводство рабочей силы, которая постоянно должна входить в состав капитала как средство увеличения стоимости и не может высвободиться от него, и подчинение которой капиталу маскируется лишь сменой индивидуальных капиталистов, которым она продается, — это воспроизводство является в действительности моментом воспроизводства самого капитала. Итак, накопление капитала есть увеличение пролетариата[70].

Классическая политическая экономия настолько хорошо понимала это положение, что А. Смит, Рикардо и др., как упомянуто раньше, даже ошибочно отождествляют накопление с потреблением всей капитализируемой части прибавочного продукта производительными рабочими, или с превращением ее в добавочных наемных рабочих. Уже в 1696 г. Джон Беллерс говорит:

«Если бы кто-либо имел 100000 акров земли, столько же фунтов стерлингов денег и столько же голов скота, но не имел бы ни одного рабочего, то чем был бы сам этот богатый человек, как не рабочим? И так как рабочие делают людей богатыми, то чем больше рабочих, тем больше богатых... Труд бедняка — рудник богача»[71].

Точно так же Бернар де Мандевиль говорит в начале XVIII столетия:

«Там, где собственность пользуется достаточной защитой, было бы легче жить без денег, чем без бедных, ибо кто стал бы трудиться?.. Следует ограждать рабочих от голодной смерти, но нужно, чтобы они не получали ничего, что можно было бы сберегать. Если иногда кто-либо из низшего класса благодаря необыкновенному трудолюбию и недоеданию возвышается над положением, в котором он вырос, то никто не должен препятствовать ему в этом: ведь бесспорно, что жить бережливо, это — самое разумное для каждого отдельного лица, для каждой отдельной семьи в обществе; однако интерес всех богатых наций заключается в том, чтобы

---

[70] *Карл Маркс.* «Наемный труд и капитал» [см. настоящее издание, том 6]. «При одинаковой степени угнетения масс, страна тем богаче, чем больше в ней пролетариев» *(Colins.* «L'Economie Politique, Source des Revolutions et des Utopies pretendues Socialistes». Paris, 1857, t. III, p. 331). Под «пролетарием» в экономическом смысле следует понимать исключительно наемного рабочего, который производит и увеличивает «капитал» и выбрасывается на улицу, как только он становится излишним для потребностей возрастания стоимости «господина капитала», как называет эту персону Пеккёр. «Немощный пролетарий первобытных лесов» — это милая фантазия Рошера. Житель первобытного леса — собственник первобытного леса и обращается с первобытным лесом, как со своей собственностью, так же бесцеремонно, как орангутанг. Следовательно, он не пролетарий. Он был бы пролетарием лишь в том случае, если бы первобытный лес эксплуатировал его, а не он этот лес. Что касается состояния его здоровья, то он в этом отношении выдержал бы сравнение не только с современным пролетарием, но и с сифилитическими и золотушными «почтенными людьми». Однако под первобытным лесом г-н Вильгельм Рошер, по всей вероятности. раэумеет свою родную Люнебургскую пустошь.

[71] *John Bellers*. «Proposals for raising a College of Industry». London, 1696, p. 2.

бо̲льшая часть бедных никогда не оставалась без дела и чтобы они постоянно целиком расходовали все, что они получают... Те, кто поддерживает существование повседневным трудом, побуждаются к работе исключительно своими нуждами, которые благоразумно смягчать, но было бы глупо исцелять. Единственная вещь, которая только и может сделать рабочего человека прилежным, это — умеренная заработная плата. Слишком низкая заработная плата доводит его, смотря по темпераменту, до малодушия или отчаяния, слишком большая — делает наглым и ленивым... Из всего до сих пор сказанного следует, что для свободной нации, у которой рабство не допускается, самое верное богатство заключается в массе трудолюбивых бедняков. Не говоря уже о том, что они служат неиссякаемым источником для комплектования флота и армии, без них не было бы никаких наслаждений и невозможно было бы использовать продукты страны для извлечения доходов. Чтобы сделать общество» (которое, конечно, состоит из нерабочих) «счастливым, а народ довольным даже его жалким положением, для этого необходимо, чтобы огромное большинство оставалось невежественным и бедным. Знания расширяют и умножают наши желания, а чем меньше желает человек, тем легче могут быть удовлетворены его потребности»[72)].

Мандевиль, честный человек и ясная голова, еще не понимает того, что самый механизм процесса накопления с увеличением капитала увеличивает и массу «трудолюбивых бедняков», т. е. наемных рабочих, которые вынуждены превращать свою рабочую силу в возрастающую силу для увеличения стоимости возрастающего капитала и именно этим увековечивать свою зависимость от своего собственного продукта, персонифицированного в капиталисте. Об этом отношении зависимости сэр Ф. М. Иден замечает в своем труде «Положение бедных, или История рабочих классов Англии»:

«В нашем географическом поясе для удовлетворения потребностей требуется труд, и поэтому, по крайней мере, часть общества должна неустанно трудиться... Немногие, которые не работают, все же располагают продуктами прилежания. Однако и этим собственники обязаны исключительно цивилизации и порядку; они всецело — творение гражданских учреждений[73)]. Ибо последние признают, что плоды труда можно присваивать и иным способом, кроме труда. Люди с независимым состоянием почти целиком обязаны своим состоянием труду других, а не своим собственным способностям, которые отнюдь не выше, чем способности других; не владение землей и деньгами, а командование трудом («the command of labour») — вот что отличает богатых от бедных... Бедняку подобает

[72)] *B. de Mandeville*. («The Fable of the Bees», 5th ed. London, 1728, примечания, стр. 212, 213, 328.) «Умеренная жизнь и постоянный труд представляют для бедных путь к материальному счастью» (под которым он понимает возможно более длинный рабочий день и возможно меньшее количество жизненных средств) «и к богатству для государства» (т. е. для земельных собственников, капиталистов и их политических сановников и агентов) («An Essay on Trade and Commerce». London, 1770, p. 54).

[73)] Идену следовало бы поставить вопрос: чье же творение «гражданские учреждения»? Стоя на точке зрения юридических иллюзий, он считает, что не закон есть продукт материальных производственных отношений, а, наоборот, производственные отношения суть продукт закона. Ленге всего одним словом опрокинул иллюзорный «Esprit des loix» [«Дух законов»] Монтескьё: «L'esprit des loix, c'est la propri̲e̲t̲e̲» [«Собственность — вот дух законов»][175].

не положение отверженности или рабства, а состояние удобной и либеральной зависимости (a state of easy and liberal dependence), а людям, обладающим собственностью, подобает надлежащее влияние и авторитет среди тех, кто на них работает... Такое отношение зависимости, как известно всякому знатоку человеческой природы, необходимо для блага самих рабочих»[74].

Кстати сказать, сэр Ф. М. Иден — единственный из учеников Адама Смита, сделавший в XVIII веке кое-что значительное[75].

[74] *Eden*, цит. соч., т. I, кн. I, гл. I, стр. 1, 2 и предисловие, стр. XX.

[75] Если читатель вспомнит о Мальтусе, работа которого «Essay on Population» появилась в 1798 г., то я напомню, что эта работа в своей первоначальной форме есть не что иное, как ученически-поверхностный и поповски-напыщенный плагиат из Дефо, сэра Джемса Стюарта, Таунсенда, Франклина, Уоллеса и т. д. и не содержит ни одного самостоятельного положения. Большой шум, вызванный этим памфлетом, объясняется исключительно партийными интересами. Французская революция нашла в Британском королевстве страстных защитников: «закон народонаселения», медленно вырисовывавшийся в XVIII веке, потом с помпой возвещенный среди великого социального кризиса как несравненное противоядие против теории Кондорсе и других, был с ликованием встречен английской олигархией, которая увидела в нем великого искоренителя всех стремлений к дальнейшему человеческому развитию. Мальтус, до крайности изумленный своим успехом, принялся тогда за то, чтобы заполнить старую схему поверхностно компилированным материалом и присоединить к нему новый, который был, однако, не открыт, а просто присвоен Мальтусом. Кстати сказать, хотя Мальтус — поп высокой англиканской церкви, тем не менее он дал монашеский обет безбрачия. Безбрачие — одно из условий fellowship [членства] в протестантском Кембриджском университете. «Женатым не разрешается быть членами коллегии. Напротив, если кто-нибудь женится, он тем самым выбывает из числа членов» («Reports of Cambridge University Commission», p. 172). Это обстоятельство выгодно отличает Мальтуса от других протестантских попов, которые, стряхнув с самих себя католическую заповедь безбрачия священников, усвоили заповедь «плодитеся и множитеся» как свою специфически-библейскую миссию в такой мере, что повсюду поистине в неприличной степени содействуют увеличению населения и в то же время проповедуют рабочим «принцип народонаселения». Характерно, что экономическая пародия грехопадения, адамово яблоко, «urgent appetite» [«непреоборимое желание»], «the checks which tend to blunt the shafts of Cupid» [«препятствия, которые предназначены притупить стрелы Купидона»], как весело говорит поп Таунсенд, — этот щекотливый пункт был монополизирован и теперь монополизируется господами представителями протестантской теологии или, вернее, церкви. За исключением венецианского монаха Ортеса, оригинального и остроумного автора, большинство проповедников «закона народонаселения» — протестантские попы. Таковы Брюкнер с его «Theorie du Systeme animal». Leyde, 1767, в которой исчерпана вся современная теория народонаселения и идеи для которой дал мимолетный спор на эту тему между Кенэ и его учеником Мирабо-старшим; затем поп Уоллес, поп Таунсенд, поп Мальтус и его ученик архипоп Т. Чалмерс, не говоря уже о мелких попах-писаках in this line [в том же направлении]. Первоначально политической экономией занимались философы, как Гоббс, Локк, Юм, коммерческие и государственные люди, как Томас Мор, Темпл, Сюлли, де Витт, Норс, Ло, Вандерлинт, Кантильон, Франклин, теоретической стороной ее особенно занимались, и притом с величайшим успехом, медики, как Петти, Барбон, Мандевиль, Кенэ. Еще в середине XVIII столетия его преподобие г-н Таккер, видный для своего времени экономист, извиняется в том, что он занялся маммоной. Позже, а именно с появлением «закона народонаселения», наступило время протестантских попов. Как бы предчувствуя появление этих знахарей, Петти, считающий население основой богатства и, подобно Адаму Смиту, непримиримый враг попов, говорит: «Религия больше всего процветает там, где священники больше всего умерщвляют свою плоть, также как и право — там, где адвокаты умирают от голода». Поэтому протестантским священникам, раз они не хотят следовать апостолу Павлу и «умерщвлять плоть» безбрачием, он советует «не производить, по крайней мере, попов больше («not to breed more Churchmen»), чем могли бы поглотить наличные приходы (benefices); т. е. если в Англии и Уэльсе имеется всего 12000 приходов, то было бы неразумно произвести 24000 попов («it will not be safe to breed 24000

При тех наиболее благоприятных для рабочих условиях накопления, которые предполагались до сих пор, отношение зависимости рабочих от капитала облекается в сносные или, как выражается Иден, «удобные и либеральные» формы. Вместо того чтобы по мере роста капитала становиться интенсивнее, оно становится лишь экстенсивнее, т. е. сфера эксплуатации и господства капитала расширяется только вместе с увеличением его самого и числа его подданных. Все большая часть их собственного прибавочного продукта, который все возрастает и в растущих размерах превращается в добавочный капитал, притекает к ним обратно в форме средств платежа; благодаря этому они могут расширять круг своих потребностей, лучше обеспечивать свой потребительный фонд одежды, мебели и т. д. и создавать даже небольшие денежные запасные фонды. Но как лучшая одежда, пища, лучшее обращение и более или менее значительный peculium[176] не уничтожают для раба отношения зависимости и эксплуатации, точно так же это не уничтожает

ministers»), ибо 12000 непристроенных постоянно будут искать средств к существованию, и есть ли более легкий способ найти эти средства, чем пойти в народ и втолковать ему, что эти 12000 имеющих приходы губят души, доводят эти души до голода и указывают им ложный путь, который не приведет их на небеса?» *(Petty.* «A Treatise of Taxes and Contributions». London, 1667, p. 57). Отношение Адама Смита к протестантским попам его времени характеризуется следующим. В работе «A Letter to A. Smith, LL. D. On the Life, Death and Philosophy of his Friend David Hume». By One of the People called Christians, 4th ed. Oxford, 1784, англиканский епископ из Нориджа, доктор Хорн, обрушивается на А. Смита за то, что тот в одном открытом письме к Страэну «бальзамирует своего друга Давида» (т. е. Юма), что он рассказывает публике о том, как «Юм на своем смертном одре развлекался Лукианом и вистом» и что он даже имел дерзость написать: «Я всегда считал Юма, как при его жизни, так и после его смерти, настолько близким к совершенному идеалу мудрого и добродетельного человека, насколько это допускает слабость человеческой природы». Епископ с негодованием восклицает: «Хорошо ли это с вашей стороны, милостивый государь, изображать нам в качестве совершенно мудрых и добродетельных характер и образ жизни человека, который был одержим непримиримой антипатией ко всему, что называется религией, и напрягал все свои силы для того, чтобы, поскольку это зависело от него, изгладить из памяти человеческой даже самое название религии?» (там же, стр. 8). «Но не падайте духом, друзья истины, атеизм недолговечен» (там же, стр. 17). Адам Смит столь «гнусно нечестив («the atrocious wickedness»), что пропагандирует в стране атеизм» (именно посредством своей «Theory of moral sentiments») «... Мы знаем ваши уловки, господин доктор! Вы хорошо задумали, да на этот раз просчитались. На примере Давида Юма вы хотели показать, что атеизм единственное подкрепление («cordial») упавшего духа и единственное противоядие против страха смерти... Смейтесь же над развалинами Вавилона и приветствуйте ожесточенного злодея фараона!» (там же, стр. 21, 22). Один из ортодоксальных слушателей А. Смита пишет после смерти последнего: «Дружба Смита с Юмом ... помешала ему быть христианином... Во всем он верил Юму на слово. Если бы Юм сказал ему, что луна — зеленый сыр, он поверил бы ему. Поэтому он верил также ему, что нет бога и чудес... По своим политическим принципам он приближался к республиканизму» («The Bee». By *James Andersen*. 18 vols. Edinburgh, 1791—1793, vol. III, p. 166, 165). Поп Т. Чалмерс подозревает А. Смита в том, что он выдумал категорию «непроизводительных рабочих» просто по злобе, специально имея в виду протестантских попов, несмотря на их благословенный труд в винограднике господнем.

отношения зависимости и эксплуатации и для наемного рабочего. Повышение цены труда вследствие накопления капитала в действительности означает только, что размеры и тяжесть золотой цепи, которую сам наемный рабочий уже сковал для себя, позволяют сделать ее напряжение менее сильным. В спорах об этом предмете обыкновенно упускали из виду самое главное, а именно differentia specifica [характерные особенности] капиталистического производства. Рабочая сила покупается здесь не для того, чтобы ее действием или ее продуктами покупатель мог удовлетворить свои личные потребности. Цель покупателя — увеличение стоимости его капитала, производство товаров, которые содержат больше труда, чем он оплатил, следовательно, содержат такую часть стоимости, которая для него ничего не стоила и которая, тем не менее, реализуется при продаже товара. Производство прибавочной стоимости или нажива — таков абсолютный закон этого способа производства. Рабочая сила может быть предметом продажи лишь постольку, поскольку она сохраняет средства производства как капитал, воспроизводит свою собственную стоимость как капитал и в неоплаченном труде доставляет источник добавочного капитала[76]. Следовательно, условия ее продажи, будут ли они более благоприятны для рабочих или менее, предполагают необходимость постоянного повторения ее продажи и постоянно расширяющееся воспроизводство богатства как капитала. Заработная плата, как мы видели, по своей природе постоянно обусловливает, что рабочий доставляет определенное количество неоплаченного труда. Не говоря уже о повышении заработной платы при падающей цене труда и т. д., увеличение ее означает в лучшем случае лишь количественное уменьшение того неоплаченного труда, который приходится исполнять рабочему. Это уменьшение никогда не может дойти до такого пункта, на котором оно угрожало бы существованию самой системы. Оставляя в стороне разрешаемые силой конфликты из-за уровня заработной платы, — а уже Адам Смит показал, что в таких конфликтах хозяин всегда остается хозяином, —повышение цены труда, вытекающее из накопления капитала, предполагает следующую альтернативу.

[76] *Примечание к 2 изданию.* «Однако граница занятий как сельскохозяйственных, так и промышленных рабочих одна и та же, а именно — возможность для предпринимателя извлечь прибыль из продукта их труда... Если уровень заработной платы повышается настолько, что выручка хозяина упадет ниже средней прибыли, то он перестает давать им работу или дает ее лишь при том условии, что они согласны на понижение заработной платы» (*John Wade,* цит. соч., стр. 240).

Или цена труда продолжает повышаться, потому что ее повышение не препятствует росту накопления; в этом нет ничего удивительного, потому что, как говорит А. Смит,

«даже при понижении прибыли капиталы не только продолжают возрастать, но они возрастают даже много быстрее, чем раньше... Большой капитал даже при небольшой прибыли в общем возрастает быстрее, чем мелкий капитал при большой прибыли» («Wealth of Nations», I [французский перевод Гарнье], стр. 189).

В этом случае очевидно, что уменьшение неоплаченного труда нисколько не препятствует распространению господства капитала. Или, — и это другая сторона альтернативы, — накопление вследствие повышения цены труда ослабевает, потому что притупляется стимулирующее действие прибыли. Накопление уменьшается. Но вместе с его уменьшением исчезает причина его уменьшения, а именно диспропорция между капиталом и доступной для эксплуатации рабочей силой. Следовательно, механизм капиталистического процесса производства сам устраняет те преходящие препятствия, которые он создает. Цена труда снова понижается до уровня, соответствующего потребностям возрастания капитала, будет ли уровень этот ниже, выше или равен тому уровню, который считался нормальным до повышения заработной платы. Итак, в первом случае не замедление абсолютного или относительного увеличения рабочей силы или рабочего населения делает капитал избыточным, а наоборот, увеличение капитала делает недостаточной доступную для эксплуатации рабочую силу. Во втором случае не усиление абсолютного или относительного увеличения рабочей силы или рабочего населения делает капитал недостаточным, а наоборот, уменьшение капитала делает избыточной доступную для эксплуатации рабочую силу или, скорее, делает чрезмерной ее цену. Как раз эти абсолютные движения накопления капитала и отражаются в виде относительных движений массы доступной для эксплуатации рабочей силы, и поэтому кажется, будто они вызываются собственным движением последней. Выражаясь языком математики, можно сказать: величина накопления есть независимая переменная, величина заработной платы — зависимая, а не наоборот. Таким же образом в фазе кризиса промышленного цикла общее понижение товарных цен выражается как повышение относительной стоимости денег, а в фазе процветания общее повышение товарных цен выражается как понижение относительной стоимости денег. Так называемая Currency School [Денежная школа] делает из этого тот вывод, что при высоких цепах в обращении находится слишком

много, а при низких — слишком мало* денег. Ее невежество и полное игнорирование фактов[77] находит себе достойную параллель в лице экономистов, которые истолковывают указанные сейчас явления накопления таким образом, будто в одном случае имеется слишком мало, а в другом слишком много наемных рабочих.

Закон капиталистического производства, лежащий в основе мнимого «естественного закона народонаселения», сводится просто к следующему: отношение между капиталом, накоплением и уровнем заработной платы есть не что иное, как отношение между неоплаченным трудом, превращенным в капитал, и добавочным трудом, необходимым для того, чтобы привести в движение добавочный капитал. Следовательно, это — отнюдь не отношение между двумя не зависимыми одна от другой величинами, между величиной капитала, с одной стороны, и численностью рабочего населения — с другой; напротив, это в последнем счете отношение лишь между неоплаченным и оплаченным трудом одного и того же рабочего населения. Если количество неоплаченного труда, доставляемого рабочим классом и накопляемого классом капиталистов, возрастает настолько быстро, что оно может превращаться в капитал лишь при чрезвычайном увеличении добавочного оплаченного труда, то заработная плата повышается, и, при прочих равных условиях, неоплаченный труд относительно уменьшается. Но как только это уменьшение доходит до пункта, когда прибавочный труд, которым питается капитал, перестает предлагаться в нормальном количестве, наступает реакция: уменьшается капитализируемая часть дохода, накопление ослабевает, и восходящее движение заработной платы сменяется обратным движением. Таким образом, повышение цены труда не выходит из таких границ, в которых не только остаются неприкосновенными основы капиталистической системы, но и обеспечивается ее воспроизводство в расширяющемся масштабе. Следовательно, закон капиталистического накопления, принимающий мистический вид закона природы, в действительности является лишь выражением того обстоятельства, что природа накопления исключает всякое такое уменьшение степени эксплуатации труда или всякое такое повышение цены труда, которое могло бы серьезно угрожать постоянному воспроизводству капиталистического отношения, и притом воспроизводству его в постоянно

* В оригинале в первом случае сказано «мало», во втором — «много»; исправление сделано в соответствии с текстом авторизованного французского перевода. *Ред.*

[77] Ср. *Карл Маркс.* «К критике политической экономии», стр. 165 и сл. [см. настоящее издание, том 13, стр. 162 и сл.].

расширяющемся масштабе. Иначе оно и быть не может при таком способе производства, где рабочий существует для потребностей увеличения уже имеющихся стоимостей, вместо того чтобы, наоборот, материальное богатство существовало для потребностей развития рабочего. Как в религии над человеком господствует продукт его собственной головы, так при капиталистическом производстве над ним господствует продукт его собственных рук[77a)].

2. ОТНОСИТЕЛЬНОЕ УМЕНЬШЕНИЕ ПЕРЕМЕННОЙ ЧАСТИ КАПИТАЛА В ХОДЕ НАКОПЛЕНИЯ И СОПРОВОЖДАЮЩЕЙ ЕГО КОНЦЕНТРАЦИИ

По мнению самих экономистов, не размеры уже существующего общественного богатства и не величина уже приобретенного капитала приводят к повышению заработной платы, а исключительно лишь непрерывный рост накопления и степень быстроты этого роста (А. Смит [«Wealth of Nations»], кн. I, гл. 8). До сих пор мы рассматривали лишь одну особую фазу этого процесса, именно ту, в которой увеличение капитала совершается при неизменном техническом строении капитала. Но процесс идет дальше этой фазы.

Раз даны общие основы капиталистической системы, в ходе накопления непременно наступает такой момент, когда развитие производительности общественного труда становится мощнейшим рычагом накопления.

«Та самая причина», — говорит А. Смит, — «которая приводит к повышению заработной платы, именно увеличение капитала, побуждает к повышению производительных способностей труда и дает меньшему количеству труда возможность производить большее количество продуктов»[177].

Оставляя в стороне естественные условия, как плодородие почвы и т. д., и сноровку независимых изолированно работающих производителей, которая притом и проявляется больше качественно, в добротности продуктов, чем количественно, в их массе, общественный уровень производительности труда находит себе выражение в относительной величине средств

[77a)] «Если же мы возвратимся к нашему первому исследованию, где было показано... что сам капитал есть только продукт человеческого труда... то покажется совершенно непонятным, как человек мог попасть под господство своего собственного продукта — капитала — и оказаться подчиненным ему; а так как в действительности дело бесспорно обстоит именно так, то невольно напрашивается вопрос: как рабочий из владыки капитала — как творец капитала — мог сделаться рабом капитала?» *(Thunen.* «Der isolierte Staat». Theil II. Abtheilung II. Rostock, 1863, S. 5, 6). Заслуга Тюнена в том, что он поставил вопрос. Ответ же его просто детский.

производства, которые рабочий превращает в продукт в течение данного времени при неизменном напряжении рабочей силы. Масса средств производства, с помощью которых он функционирует, возрастает вместе с производительностью его труда. Эти средства производства играют здесь двоякую роль. Возрастание одних есть следствие, возрастание других — условие увеличения производительности труда. Например, при мануфактурном разделении труда и применении машин в один и тот же промежуток времени перерабатывается больше сырого материала, следовательно, большая масса сырого материала и вспомогательных веществ вступает в процесс труда. Это — следствие повышения производительности труда. С другой стороны, масса применяемых машин, рабочего скота, минеральных удобрений, дренажных труб и т. д. есть условие увеличения производительности труда. То же следует сказать и о массе средств производства, сконцентрированных в виде зданий, доменных печей, транспортных средств и т. д. Но будет ли увеличение размера средств производства по сравнению с присоединяемой к ним рабочей силой условием или следствием, — оно и в том и в другом случае является выражением увеличения производительности труда. Следовательно, увеличение последней проявляется в уменьшении массы труда по отношению к массе средств производства, приводимой этим трудом в движение, или в уменьшении величины субъективного фактора процесса труда по сравнению с его объективными факторами.

Это изменение технического строения капитала, возрастание массы средств производства по сравнению с массой оживляющей их рабочей силы, в свою очередь, отражается в стоимостном строении капитала, в увеличении постоянной составной части капитальной стоимости за счет ее переменной составной части. Пусть, например, первоначально 50% какого-либо капитала затрачивалось на средства производства и 50% на рабочую силу; позже, с развитием производительности труда, 80% затрачивается на средства производства и 20% на рабочую силу и т. д. Этот закон более быстрого увеличения постоянной части капитала по сравнению с переменной частью подтверждается на каждом шагу (как уже показано выше) сравнительным анализом товарных цен, будем ли мы сравнивать различные экономические эпохи у одной и той же нации или различные нации в одну и ту же эпоху. Относительная величина того элемента цены, который представляет лишь стоимость потребленных средств производства, или постоянную часть капитала, будет прямо пропорциональна, а относительная величина другого элемента цены, который оплачивает труд, или представляет

переменную часть капитала, будет в общем обратно пропорциональна прогрессу накопления.

Однако уменьшение переменной части капитала по отношению к постоянной части, или изменение стоимостного строения капитала, служит лишь приблизительным показателем изменения в строении его вещественных составных частей. Если, например, в настоящее время капитальная стоимость, вложенная в прядильное дело, на $^{7}/_{8}$ состоит из постоянного и на $^{1}/_{8}$ из переменного капитала, а в начале XVIII века состояла на $^{1}/_{2}$ из постоянного и $^{1}/_{2}$ из переменного капитала, то, напротив, та масса сырья, средств труда и т. д., которую в настоящее время производительно потребляет определенное количество труда прядильщиков, во много сотен раз больше, чем была соответствующая масса в начале XVIII столетия. Причина заключается просто в том, что с увеличением производительности труда не только возрастает объем потребляемых им средств производства, но и понижается стоимость их по сравнению с их объемом. Таким образом, стоимость их абсолютно повышается, но не пропорционально их размерам. Поэтому разность между постоянным и переменным капиталом возрастает много медленнее, чем разность между той массой средств производства, в которую превращается постоянный капитал, и той массой рабочей силы, в которую превращается переменный капитал. Первая разность увеличивается вместе с последней, но в меньшей степени, чем последняя.

Впрочем, если прогресс накопления уменьшает относительную величину переменной части капитала, то этим он вовсе не исключает увеличения ее абсолютной величины. Предположим, что капитальная стоимость сначала распадалась на 50% постоянного и 50% переменного капитала, впоследствии — на 80% постоянного и 20% переменного. Если за это время первоначальный капитал, составлявший, скажем, 6000 ф. ст., повысился до 18000 ф. ст., то и его переменная составная часть увеличилась на $^{1}/_{5}$. Прежде она составляла 3000 ф. ст., теперь составляет 3600 фунтов стерлингов. Но если прежде было достаточно увеличения капитала на 20% для того, чтобы повысить спрос на труд на 20%, то теперь для этого требуется утроение первоначального капитала.

В четвертом отделе было показано, что развитие общественной производительной силы труда предполагает кооперацию в крупном масштабе, что только при этой предпосылке могут быть организованы разделение и комбинация труда, сэкономлены, благодаря массовой концентрации, средства производства, вызваны к жизни такие средства труда, например система машин

и т. д., которые уже по своей вещественной природе применимы только совместно, могут быть поставлены на службу производства колоссальные силы природы и процесс производства может быть превращен в технологическое приложение науки. На основе товарного производства, при котором средства производства являются собственностью частных лиц, при котором работник поэтому или изолированно и самостоятельно производит товары, или продает свою рабочую силу как товар, потому что у него нет средств для самостоятельного производства, указанная предпосылка реализуется лишь посредством увеличения индивидуальных капиталов, или в той мере, как общественные средства производства и жизненные средства превращаются в частную собственность капиталистов. На почве товарного производства производство в крупном масштабе может развиться лишь в капиталистической форме. Поэтому известное накопление капитала в руках индивидуальных товаропроизводителей служит предпосылкой специфически капиталистического способа производства. Таким образом, мы должны предположить наличие такого накопления при переходе от ремесла к капиталистическому производству. Его можно назвать первоначальным накоплением, потому что оно — не исторический результат, а историческая основа специфически капиталистического производства. Здесь нам еще нет необходимости исследовать, каким образом оно само возникает. Достаточно того, что оно образует исходный пункт. Но все методы повышения общественной производительной силы труда, развивающиеся на этой основе, суть в то же время методы увеличения производства прибавочной стоимости или прибавочного продукта, который в свою очередь является образующим элементом накопления. Таким образом, они суть в то же время методы производства капитала капиталом, или методы его ускоренного накопления. Непрерывное обратное превращение прибавочной стоимости в капитал выражается в возрастании величины капитала, входящего в процесс производства. В свою очередь, оно становится основой расширения масштабов производства, сопровождающих его методов повышения производительной силы труда и ускоренного производства прибавочной стоимости. Следовательно, если известная степень накопления капитала является условием специфически капиталистического способа производства, то последний, путем обратного воздействия, обусловливает ускоренное накопление капитала. Поэтому с накоплением капитала развивается специфически капиталистический способ производства, а со специфически капиталистическим способом производства — накопление капитала. Эти два экономических

фактора, в силу того сложного взаимоотношения, при котором толчок от одного из них сообщается другому, производят то изменение в техническом строении капитала, благодаря которому переменная составная часть становится все меньше и меньше по сравнению с постоянной.

Всякий индивидуальный капитал есть большая или меньшая концентрация средств производства и соответствующее командование над большей или меньшей армией рабочих. Всякое накопление становится средством нового накопления. Вместе с увеличением массы богатства, функционирующего как капитал, оно усиливает его концентрацию в руках индивидуальных капиталистов и таким образом расширяет основу производства в крупном масштабе и специфически капиталистических методов производства. Возрастание общественного капитала совершается благодаря росту многих индивидуальных капиталов. При прочих равных условиях индивидуальные капиталы, а вместе с ними концентрация средств производства возрастают в пропорции, соответствующей той доле, какую каждый из них образует от всего общественного капитала. В то же время от первоначальных капиталов отделяются отпрыски и начинают функционировать как новые самостоятельные капиталы. Крупную роль играет при этом, между прочим, раздел состояний в семьях капиталистов. Поэтому с накоплением капитала более или менее возрастает и число капиталистов. Два обстоятельства характеризуют концентрацию этого рода, непосредственно покоящуюся на накоплении или даже тождественную с ним. Во-первых: рост концентрации общественных средств производства в руках индивидуальных капиталистов, при прочих равных условиях, ограничен степенью возрастания общественного богатства. Во-вторых: часть общественного капитала, вложенная в каждую отдельную сферу производства, делится между многими капиталистами, которые противостоят один другому как независимые и конкурирующие друг с другом товаропроизводители. Следовательно, накопление и сопровождающая его концентрация не только раздробляются по многочисленным пунктам, но и возрастание функционирующих капиталов перекрещивается с образованием новых и расщеплением старых капиталов. Поэтому, если, с одной стороны, накопление представляется как возрастающая концентрация средств производства и командования над трудом, то, с другой стороны, оно представляется как взаимное отталкивание многих индивидуальных капиталов.

Этому дроблению всего общественного капитала на многие индивидуальные капиталы или отталкиванию его частей друг

от друга противодействует их притяжение. Это уже не простая, тождественная с накоплением концентрация средств производства и командования над трудом. Это — концентрация уже образовавшихся капиталов, уничтожение их индивидуальной самостоятельности, экспроприация капиталиста капиталистом, превращение многих мелких в небольшое количество крупных капиталов. Этот процесс отличается от первого тем, что он предполагает лишь изменение распределения уже существующих и функционирующих капиталов, следовательно арена его действия не ограничена абсолютным возрастанием общественного богатства или абсолютными границами накопления. Здесь капитал сосредоточивается в огромных массах в одних руках потому, что там он исчезает из многих других рук. Это — собственно централизация в отличие от накопления и концентрации.

Законы этой централизации капиталов, или притяжения капитала капиталом, не могут быть развиты здесь. Достаточно будет кратких фактических указаний. Конкурентная борьба ведется посредством удешевления товаров. Дешевизна товаров зависит caeteris paribus [при прочих равных условиях] от производительности труда, а последняя — от масштаба производства. Поэтому меньшие капиталы побиваются большими. Вспомним далее, что с развитием капиталистического способа производства возрастает минимальный размер индивидуального капитала, который требуется для ведения дела при нормальных условиях. Поэтому сравнительно мелкие капиталы устремляются в такие сферы производства, которыми крупная промышленность овладевает лишь спорадически или не вполне. Конкуренция свирепствует здесь прямо пропорционально числу и обратно пропорционально величине соперничающих капиталов. Она всегда кончается гибелью многих мелких капиталистов, капиталы которых отчасти переходят в руки победителя, отчасти погибают. Кроме того, вместе с капиталистическим производством развивается совершенно новая сила — кредит; вначале он потаенно прокрадывается как скромный пособник накопления, посредством невидимых нитей стягивает в руки индивидуальных или ассоциированных капиталистов денежные средства, большими или меньшими массами рассеянные по поверхности общества; но вскоре он становится новым и страшным орудием в конкурентной борьбе и, в конце концов, превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов.

В той мере, как развиваются капиталистическое производство и накопление, развиваются также конкуренция и кредит — эти два наиболее мощных рычага централизации. Наряду с этим

прогресс накопления увеличивает материал для централизации, т. е. индивидуальные капиталы, между тем как расширение капиталистического производства создает, с одной стороны, общественную потребность, а с другой стороны — технические средства для тех громадных промышленных предприятий, осуществление которых связано с предшествующей централизацией капитала. Поэтому в настоящее время взаимное притяжение отдельных капиталов и тенденция к централизации сильнее, чем когда бы то ни было раньше. Но хотя относительная широта и энергия движения к централизации до известной степени определяются достигнутой уже величиной капиталистического богатства и превосходством экономического механизма, все же прогресс централизации отнюдь не зависит от положительного увеличения общественного капитала. И это в особенности отличает централизацию от концентрации, которая есть лишь иное выражение воспроизводства в расширенном масштабе. Централизация может совершаться посредством простого изменения в распределении уже существующих капиталов, посредством простого изменения количественной группировки составных частей общественного капитала. Капитал здесь, в одних руках, может возрасти до огромных размеров потому, что там, в другом месте, он ушел из множества отдельных рук. В каждой данной отрасли производства централизация достигла бы своего крайнего предела, если бы все вложенные в нее капиталы слились в один-единственный капитал[77b)]. В каждом данном обществе этот предел был бы достигнут лишь в тот момент, когда весь общественный капитал оказался бы соединенным в руках одного-единственного капиталиста или одной-единственной компании капиталистов.

Централизация довершает дело накопления, давая возможность промышленным капиталистам расширять масштаб своих операций. Будет ли этот последний результат следствием накопления или централизации, совершается ли централизация насильственным путем захвата, когда известные капиталы становятся центрами столь сильного тяготения для других, что разрушают их индивидуальное сцепление и потом притягивают к себе разрозненные куски, или же слияние множества уже образовавшихся или находящихся в процессе образования капиталов протекает более гладким способом, посредством образования акционерных обществ, — экономическое действие

[77b)] { *К 4 изданию.* Новейшие английские и американские «тресты» уже стремятся к этой цели, стараясь объединить, по меньшей мере, все крупные предприятия той или иной отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество с фактической монополией. *Ф. Э.*}

во всех этих случаях остается одно и то же. Рост размеров промышленных предприятий повсюду служит исходным пунктом для более широкой организации совместного труда многих, для более широкого развития его материальных движущих сил, т. е. для прогрессирующего превращения разрозненных и рутинных процессов производства в общественно комбинированные и научно направляемые процессы производства.

Однако ясно, что накопление, постепенное увеличение капитала посредством воспроизводства, переходящего от круговой к спиральной форме движения, есть крайне медленный процесс по сравнению с централизацией, которая требует изменения лишь в количественной группировке составных частей общественного капитала. Мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые отдельные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация посредством акционерных обществ осуществила это в один миг. Усиливая и ускоряя таким путем действие накопления, централизация в то же время расширяет и ускоряет те перевороты в техническом строении капитала, которые увеличивают его постоянную часть за счет его переменной части и тем самым относительно уменьшают спрос на труд.

Массы капитала, соединенные в очень короткий срок процессом централизации, воспроизводятся и увеличиваются так же, как другие капиталы, но только быстрее, и тем самым в свою очередь становятся мощными рычагами общественного накопления. Следовательно, когда говорят о прогрессе общественного накопления, то в настоящее время под ним молчаливо подразумевают и действие централизации.

Добавочные капиталы, образованные в ходе нормального накопления (см. главу XXII, раздел 1), служат преимущественно средством для эксплуатации новых изобретений, открытий и вообще промышленных усовершенствований. Но и старый капитал достигает с течением времени момента, когда он обновляется с ног до головы, когда он меняет свою кожу и так же возрождается в технически усовершенствованном виде, при котором меньшей массы труда оказывается достаточно для того, чтобы привести в движение большую массу машин и сырья. Само собой разумеется, что неизбежно вытекающее отсюда абсолютное сокращение спроса на труд оказывается тем больше, чем больше капиталы, проделывающие этот процесс обновления, уже собраны в массы благодаря централизующему движению.

Итак, с одной стороны, добавочный капитал, образованный в ходе накопления, притягивает все меньше и меньше рабочих

по сравнению со своей величиной. С другой стороны, старый капитал, периодически воспроизводимый в новом строении, отталкивает все больше и больше рабочих, которые раньше были заняты им.

3. ВОЗРАСТАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ, ИЛИ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕЗЕРВНОЙ АРМИИ

Накопление капитала, которое первоначально представлялось лишь как его количественное расширение, осуществляется, как мы видели, в непрерывном качественном изменении его строения, в постоянном увеличении его постоянной составной части за счет переменной[77c)].

Специфически капиталистический способ производства, соответствующее ему развитие производительной силы труда, вызываемое этим изменение органического строения капитала не только идут рука об руку с прогрессом накопления, или с возрастанием общественного богатства: они идут несравненно быстрее, потому что простое накопление, или абсолютное увеличение совокупного капитала, сопровождается централизацией его индивидуальных элементов, а технический переворот в добавочном капитале сопровождается техническим переворотом в первоначальном капитале. С прогрессом накопления отношение постоянной части капитала к переменной изменяется таким образом, что если первоначально оно составляло 1:1, то потом оно превращается в 2:1, 3:1, 4:1, 5:1, 7:1 и т. д., так что, по мере возрастания капитала, в рабочую силу последовательно превращается не $^1/_2$ его общей стоимости, а лишь $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_5$, $^1/_6$, $^1/_8$ и т. д., в средства же производства — $^2/_3$, $^3/_4$, $^4/_5$, $^5/_6$, $^7/_8$ и т. д. Так как спрос на труд определяется не размером всего капитала, а размером его переменной составной части, то он прогрессивно уменьшается по мере возрастания всего капитала, вместо того чтобы, как мы предполагали раньше, увеличиваться пропорционально этому возрастанию. Он понижается относительно, по сравнению с величиной всего капитала, понижается в прогрессии, ускоряющейся с возрастанием этой величины. Правда, с возрастанием всего капитала увеличивается и его переменная составная часть, т. е. присоединяемая

[77c)] {*Примечание к 3 изданию.* В собственном экземпляре Маркса в этом месте сделана пометка на полях: «Здесь для использования в дальнейшем следует отметить: если расширение исключительно количественное, то прибыли больших и меньших капиталов одной и той же отрасли производства относятся друг к другу так же, как и величины авансированных капиталов. Если количественное расширение ведет к качественному изменению, то одновременно повышается норма прибыли для большего капитала». *Ф. Э.*}

к нему рабочая сила, но увеличивается она в постоянно убывающей пропорции. Промежутки, на протяжении которых накопление действует как простое расширение производства на данном техническом базисе, все сокращаются. Дело не только в том, что ускоряющееся в растущей прогрессии накопление всего капитала требуется для того, чтобы поглотить определенное добавочное число рабочих, и даже — ввиду постоянных изменений в старом капитале — для одного того, чтобы дать работу уже функционирующим рабочим. Это возрастающее накопление и централизация, в свою очередь, сами превращаются в источник нового изменения строения капитала или нового ускоренного уменьшения его переменной части по сравнению с постоянной. Это относительное уменьшение переменной части капитала, ускоряющееся с возрастанием всего капитала, и ускоряющееся притом быстрее, чем ускоряется возрастание всего капитала, представляется, с другой стороны, в таком виде, как будто, наоборот, абсолютное возрастание рабочего населения совершается быстрее, чем возрастание переменного капитала, или средств занятости этого населения. Напротив, капиталистическое накопление постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно избыточное, т. е. избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в возрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население.

Рассматривая совокупный общественный капитал, мы видим, что то процесс его накопления вызывает периодические изменения, то отдельные моменты этого процесса одновременно распределяются между различными сферами производства. В некоторых сферах происходит изменение в строении капитала без возрастания его абсолютной величины, вследствие одной лишь централизации*; в других — абсолютное возрастание капитала связано с абсолютным уменьшением его переменной составной части, или поглощаемой им рабочей силы; в некоторых же сферах то капитал возрастает на данной технической основе и пропорционально своему возрастанию привлекает добавочную рабочую силу, то происходит органическое изменение капитала и сокращается его переменная часть; во всех сферах возрастание переменной части капитала, а потому и числа занятых рабочих, всегда связано с сильными колебаниями и созданием временного перенаселения, причем безразлично, принимает ли оно бросающуюся в глаза форму отталкивания уже занятых

* В оригинале сказано: «концентрации»; смысловая поправка делается в соответствии с текстом английского издания, вышедшего под редакцией Ф. Энгельса. *Ред.*

рабочих или не так заметную, но не менее действенную форму затрудненного поглощения добавочного рабочего населения его обычными отводными каналами[78]. Вместе с увеличением уже функционирующего общественного капитала и степени его возрастания, с расширением масштаба производства и массы функционирующих рабочих, с развитием производительной силы их труда, с расширением и увеличением всех источников богатства расширяются и размеры того явления, что усиление притяжения рабочих капиталом связано с усилением отталкивания их, ускоряется изменение органического строения капитала и его технической формы и расширяется круг тех сфер производства, которые то одновременно, то одна за другой охватываются этим изменением. Следовательно, рабочее население, производя накопление капитала, тем самыми возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным населением[79]. Это — свойственный

[78] Перепись в Англии и Уэльсе показывает между прочим:

Всех лиц, занятых в сельском хозяйстве (включая собственников, фермеров, садовников, пастухов и т. д.), было в 1851 г. 2011447, в 1861 г. — 1924110, уменьшение 87337. Шерстяное производство; в 1851 г. 102714, в 1861 г. 79242; шелковые фабрики: в 1851 г. 111940, в 1861 г. 101678; ситцепечатники: в 1851 г. 12098, в 1861 г. 12556, — это ничтожное увеличение, несмотря на колоссальное расширение производства, знаменует огромное относительное уменьшение числа занятых рабочих; шляпочники: в 1851 г. 15957, в 1861 г. 13814; изготовление соломенных и дамских шляп: в 1851 г. 20393, в 1861 г. 18176; солодовщики: в 1851 г. 10566, в 1861 г. 10677; в производстве свечей: в 1851 г. 4949, в 1861 г. 4686, — причиной этого уменьшения является, между прочим, распространение газового освещения; гребенщики: в 1851 г. 2038, в 1861 г. 1478; пильщики дерева: в 1851 г. 30552, в 1861 г. 31647, — ничтожное увеличение вследствие распространения механических пил; гвоздари: в 1851 г. 26940, в 1861 г. 26130, — уменьшение вследствие конкуренции машин; рабочие в оловянных и медных рудниках: в 1851 г. 31360, в 1861 г. 32041. Напротив, на хлопкопрядильных и хлопкоткацких предприятиях: в 1851 г. 371777, в 1861 г. 456646; в каменноугольных копях: в 1851 г. 183389, в 1861 г. 246613. «В общем увеличение числа рабочих после 1851 г. больше всего в таких отраслях, в которых до сих пор еще не было успешного применения машин» («Census of England and Wales for 1861», vol. III. London, 1863, p. 35—39).

[79] Некоторые превосходные экономисты классической школы скорее угадывали, чем понимали закон прогрессивного уменьшения относительной величины переменного капитала и его влияние на положение класса наемных рабочих. Наибольшая заслуга в этом отношении принадлежит Джону Бартону, хотя он, как и все остальные, смешивает постоянный капитал с основным, переменный капитал — с оборотным. Он говорит: «Спрос на труд зависит от увеличения оборотного, а не основного капитала. Если бы было верно, что отношение между этими двумя видами капитала одинаково во все времена и при всех обстоятельствах, то из этого в самом деле следовало бы, что число занятых рабочих пропорционально богатству страны. Но такое предположение не имеет и видимости правдоподобия. По мере того как совершенствуется производство и распространяется цивилизация, основной капитал составляет все большую и большую долю по сравнению с оборотным капиталом. Сумма основного капитала, вложенного в производство штуки английского муслина, по крайней мере, в сто, а может быть и в тысячу раз больше, чем основной капитал, который вложен в такую же штуку индийского муслина. Доля же оборотного капитала в сто или тысячу раз меньше... Если бы вся сумма годовых сбережений была присоединена к основному капиталу, это не вызвало бы никакого увеличения спроса на труд» *(John Barton.* «Observations on the Circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of Society». London, 1817, p. 16, 17). «Та же самая причина, которая может увеличивать чистый доход страны, может одно-

капиталистическому способу производства закон народонаселения, так как всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек.

Но если избыточное рабочее население есть необходимый продукт накопления, или развития богатства на капиталистической основе, то это перенаселение, в свою очередь, становится рычагом капиталистического накопления и даже условием существования капиталистического способа производства. Оно образует промышленную резервную армию, которой может располагать капитал и которая так же абсолютно принадлежит ему, как если бы он вырастил ее на свой собственный счет. Она поставляет для его изменяющихся потребностей самовозрастания постоянно готовый, доступный для эксплуатации человеческий материал, независимый от границ действительного прироста населения. С накоплением и сопровождающим его развитием производительной силы труда возрастает сила внезапного расширения капитала, — не только потому, что возрастают эластичность функционирующего капитала и то абсолютное богатство, лишь некоторую эластичную часть которого составляет капитал, не только потому, что кредит, при всяком особом возбуждении, разом отдает в распоряжение производства необычно большую часть этого богатства в качестве добавочного капитала: кроме всего этого технические условия самого процесса производства, машины, средства транспорта и т. д., делают возможным в самом крупном масштабе самое быстрое превращение прибавочного продукта в добавочные средства производства. Масса общественного богатства, возрастающая с прогрессом накопления и способная превратиться в добавочный капитал, бешено устремляется в старые отрасли производства, рынок которых внезапно расширяется, или во вновь

временно с этим создавать избыточное население и ухудшать положение рабочего» (*Ricardo*. «Principles of Political Economy», 3 ed. London, 1821, p. 469). С увеличением капитала «спрос» (на труд) «относительно уменьшится» (там же, стр. 480, примечание). «Сумма капитала, предназначенная на содержание труда, может изменяться независимо от каких бы то ни было изменений в общей сумме капитала... Большие колебания в размерах занятости и большие страдания могут становиться более частыми, по мере того как сам напитал становится более изобильным» *(Richard Jones.* «An Introductory Lecture on Political Economy. [To which is added a Syllabus of a Course of Lectures on the Wages of Labor».] London, 1833, p. 12). «Спрос» (на труд) «не увеличивается... пропорционально накоплению всего капитала... Поэтому всякое увеличение национального капитала, предназначенного для воспроизводства, оказывает с прогрессом общества все меньшее влияние на положение рабочих» (*G. Ramsay,* цит. соч., стр. 90, 91).

открывающиеся, как железные дороги и т. д., потребность в которых возникает из развития старых отраслей производства. Во всех таких случаях необходимо, чтобы возможно было разом и без сокращения размеров производства в других сферах бросить в решающие пункты большую массу людей. Ее доставляет перенаселение. Характерный жизненный путь современной промышленности, имеющий форму десятилетнего цикла периодов среднего оживления, производства под высоким давлением, кризиса и застоя, цикла, прерываемого более мелкими колебаниями, покоится на постоянном образовании, большем или меньшем поглощении и образовании вновь промышленной резервной армии, или перенаселения. Превратности промышленного цикла увеличивают перенаселение и становятся одним из наиболее энергичных факторов его воспроизводства.

Этот своеобразный жизненный путь современной промышленности, которого мы не наблюдаем ни в одну из прежних эпох человечества, был невозможен и в период детства капиталистического производства. Строение капитала изменялось лишь очень медленно. Следовательно, его накоплению соответствовало в общем пропорциональное возрастание спроса на труд. Каким бы медленным ни был прогресс накопления капитала по сравнению с современной эпохой, но и он наталкивался на естественные границы доступного эксплуатации рабочего населения; устранить эти границы можно было только насильственными средствами, о которых будет упомянуто впоследствии. Внезапное и скачкообразное расширение масштаба производства является предпосылкой его внезапного сокращения; последнее, в свою очередь, вызывает первое, но первое невозможно без доступного эксплуатации человеческого материала, без увеличения численности рабочих, независимо от абсолютного роста населения. Это увеличение создается простым процессом, который постоянно «высвобождает» часть рабочих, посредством методов, которые уменьшают число занятых рабочих по отношению к возрастающему производству. Следовательно, вся характерная для современной промышленности форма движения возникает из постоянного превращения некоторой части рабочего населения в незанятых или полузанятых рабочих. Поверхностность политической экономии обнаруживается между прочим в том, что расширение и сокращение кредита, простые симптомы сменяющихся периодов промышленного цикла, она признает их причинами. Как небесные тела, однажды начавшие определенное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно вовлечено в движение попеременного расширения

и сокращения, постоянно повторяет это движение. Следствия, в свою очередь, становятся причинами, и сменяющиеся фазы всего процесса, который постоянно воспроизводит свои собственные условия, принимают форму периодичности. Раз эта периодичность упрочилась, то даже политическая экономия начинает воспринимать производство относительного перенаселения, т. е. населения, избыточного по сравнению с средней потребностью капитала в возрастании, как жизненное условие современной промышленности.

«Предположим», — говорит Г. Меривейл, сначала профессор политической экономии в Оксфорде, а потом чиновник английского министерства колоний, — «предположим, что нация в случае кризиса сделает усилие, чтобы посредством эмиграции освободиться от нескольких сотен тысяч избыточных бедняков, — что было бы следствием этого? То, что при первом же возрождении спроса на труд, последнего оказалось бы недостаточно. Как быстро ни происходило бы воспроизводство людей, для возмещения взрослых рабочих во всяком случае требуется промежуток времени в одно поколение. Но прибыль наших фабрикантов зависит главным образом от возможности использовать благоприятный момент оживленного спроса и компенсировать себя таким образом за период его ослабления. Эта возможность обеспечивается им только командованием над машинами и над трудом. Они должны иметь возможность найти свободные рабочие руки, они должны быть способны по мере необходимости усиливать или ослаблять активность своих операций в зависимости от состояния рынка, иначе они не смогут сохранить среди бешеной конкуренции то преобладание, на котором основано богатство этой страны»[80].

Даже Мальтус признает перенаселение, — которое он со свойственной ему ограниченностью объясняет абсолютно избыточным приростом рабочего населения, а не тем, что оно делается относительно избыточным, — необходимостью для современной промышленности. Он говорит:

«Благоразумные привычки в отношении брака, доведенные до известного уровня среди рабочего класса страны, которая зависит главным образом от мануфактуры и торговли, могут сделаться вредными для нее... По самой природе населения прирост рабочих, вызываемый особенным спросом, не может быть обеспечен для рынка раньше, чем через 16—18 лет, а превращение дохода в капитал посредством сбережения может совершаться несравненно быстрее; страна постоянно подвержена риску, что ее рабочий фонд будет возрастать быстрее, чем население»[81].

[80] *H. Merivale*. «Lectures on Colonization and Colonies». London, 1841 and 1842 v. I, p. 146.

[81] *Malthus*. «Principles of Political Economy», p. 215, 319, 320. В этой работе Мальтус открывает, наконец, при помощи Сисмонди, прекрасное триединство капиталистического производства: перепроизводство, перенаселение, перепотребление, эти three very delicate monsters indeed! [три наиболее деликатных чудовища!]. Ср. *Ф. Энгельс*. «Наброски к критике политической экономии» в журнале «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», Париж, 1844, стр. 107 и сл. [см. настоящее издание, том 1, стр. 563—568].

Объявив, таким образом, постоянное производство относительного перенаселения рабочих необходимым условием капиталистического накопления, политическая экономия, выступая в образе старой девы, влагает в уста своего «beau ideal» [«прекрасного идеала»] — капиталиста — следующие слова, обращенные к «избыточным» рабочим, выброшенным на улицу добавочным капиталом, т. е. их собственным созданием:

«Мы, фабриканты, увеличивая капитал, за счет которого вы существуете, делаем для вас все, что только можем, а вы должны сделать остальное, сообразуя свою численность со средствами существования»[82].

Капиталистическому производству отнюдь недостаточно того количества свободной рабочей силы, которое доставляет естественный прирост населения. Для своего свободного развития оно нуждается в промышленной резервной армии, не зависимой от этой естественной границы.

До сих пор мы предполагали, что увеличение или уменьшение переменного капитала точно соответствует увеличению или уменьшению числа занятых рабочих.

Однако и при неизменяющемся или даже сокращающемся числе находящихся под его командой рабочих переменный капитал возрастает, если только индивидуальный рабочий начинает доставлять больше труда и его заработная плата поэтому возрастает, хотя цена труда остается без изменения или даже падает, но падает медленнее, чем увеличивается масса труда. В таком случае увеличение переменного капитала становится показателем большего количества труда, а не большего количества занятых рабочих. Абсолютный интерес каждого капиталиста заключается в том, чтобы выжать определенное количество труда из меньшего, а не из большего числа рабочих, хотя бы последнее стоило так же дешево или даже дешевле. В последнем случае затрата постоянного капитала возрастает пропорционально массе приводимого в движение труда, в первом случае — много медленнее. Чем крупнее масштаб производства, тем более решающее значение приобретает этот мотив. Его сила возрастает с накоплением капитала.

Мы видели, что развитие капиталистического способа производства и производительной силы труда — одновременно причина и следствие накопления — дает капиталисту возможность, увеличивая экстенсивно или интенсивно эксплуатацию индивидуальных рабочих сил, при прежней затрате переменного капитала приводить в движение большее количество труда. Мы видели далее, что на ту же самую капитальную стоимость он

[82] *Harriet Martineau*. «A Manchester Strike». London, 1832, p. 101.

покупает большее количество рабочих сил, все более вытесняя более искусных рабочих менее искусными, зрелых незрелыми, мужчин женщинами, взрослых подростками или детьми.

Итак, с прогрессом накопления больший переменный капитал, с одной стороны, приводит в движение большее количество труда, не увеличивая количества рабочих; с другой стороны, переменный капитал прежней величины приводит в движение большее количество труда при прежней массе рабочей силы и, наконец, вытесняя рабочие силы высшего класса, приводит в движение большее количество рабочих сил низшего класса.

Производство относительного перенаселения или высвобождение рабочих идет поэтому еще быстрее, чем и без того ускоряемый прогрессом накопления технический переворот производственного процесса и соответствующее этому перевороту относительное уменьшение переменной части капитала по сравнению с постоянной. Если средства производства, увеличиваясь по размерам и силе действия, все в убывающей степени становятся средством занятости рабочих, то самое это отношение модифицируется еще и тем, что, по мере возрастания производительной силы труда, капитал создает увеличенное предложение труда быстрее, чем повышает свой спрос на рабочих. Чрезмерный труд занятой части рабочего класса увеличивает ряды его резервов, а усиленное давление, оказываемое конкуренцией последних на занятых рабочих, наоборот, принуждает их к чрезмерному труду и подчинению диктату капитала. Обречение одной части рабочего класса на вынужденную праздность посредством чрезмерного труда другой его части, и наоборот, становится средством обогащения отдельных капиталистов[83)] и в то же время ускоряет производство промышленной

[83)] Даже во время хлопкового голода 1863 г. в одном памфлете хлопкопрядильщиков Блэкберна мы находим сильные жалобы на чрезмерный труд, который благодаря фабричному закону затрагивал, конечно, только взрослых рабочих мужского пола. «От взрослых рабочих этой фабрики требовали, чтобы они работали 12—13 часов в день, между тем как сотни людей вынуждены оставаться праздными и охотно согласились бы работать неполное время, только бы поддержать свои семьи и спасти своих товарищей от преждевременной смерти вследствие чрезмерного труда». «Мы», — говорится дальше, — «хотели бы спросить, оставляет ли эта практика сверхурочных работ какую-нибудь возможность сносных отношений между хозяевами и «слугами»? Жертвы чрезмерного труда так же чувствуют несправедливость, как и те, кто обречен им на вынужденную праздность (condemned to forced idleness). Если бы работа распределялась справедливо, ее в этом округе было бы достаточно для того, чтобы дать частичные занятия всем. Мы требуем только своего права, предлагая хозяевам повсеместно ввести Неполное время работы, по крайней мере до тех пор, пока сохраняется настоящее положение вещей; между тем как, теперь одна часть должна совершать чрезмерный труд, другая же за недостатком работы вынуждена влачить существование за счет благотворительности» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1863», p. 8). — Автор «Essay on Trade and Commerce» со своим обычным непогрешимым буржуазным инстинктом понимает влияние относительного перенаселения на занятых рабочих. «Другая причина лености (idleness) в этом королевстве заключается в нехватке числа рабочих рук. Как только вследствие необыкновенного спроса на какие-либо фабрикаты масса труда становится недостаточной, так рабочие начинают чувствовать свое собственное значение и хотят дать почувствовать его и своим хозяевам; это поразительно; но умы

резервной армии в масштабе, соответствующем прогрессу общественного накопления. Насколько важен этот момент в образовании относительного перенаселения, доказывает, например, Англия. Ее технические средства «сбережения» труда колоссальны. Однако, если бы завтра труд повсюду был ограничен до рациональных размеров и для различных слоев рабочего класса были бы введены градации сообразно возрасту и полу, то наличного рабочего населения оказалось бы абсолютно недостаточно для того, чтобы продолжать национальное производство в его теперешнем масштабе. Огромному большинству «непроизводительных» в настоящее время рабочих пришлось бы превратиться в «производительных».

В общем и целом всеобщие изменения заработной платы регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии, соответствующими смене периодов промышленного цикла. Следовательно, они определяются не движением абсолютной численности рабочего населения, а тем изменяющимся отношением, в котором рабочий класс распадается на активную армию и резервную армию, увеличением и уменьшением относительных размеров перенаселения, степенью, в которой оно то поглощается, то снова высвобождается. Для современной промышленности характерным является десятилетний цикл и присущие ему периодические фазы, которые к тому же в ходе накопления прерываются все чаще следующими друг за другом нерегулярными колебаниями. И вот хорош был бы для такой промышленности закон, который регулировал бы спрос на труд и его предложение не путем расширения и сокращения капитала, — стало быть, не в соответствии с очередными потребностями возрастания капитала так, что рынок труда оказывается то недостаточным вследствие расширения капитала, то относительно переполненным вследствие его сокращения, — а который, наоборот, ставил бы движение капитала в зависимость от абсолютного движения массы населения. Однако этот закон — догма политической экономии. Согласно ему, благодаря накоплению капитала заработная плата повышается. Повышенная заработная плата служит стимулом для более быстрого размножения

этих людей столь испорчены, что в таких случаях группы рабочих сговариваются с целью поставить своих хозяев в затруднительное положение тем, что они целый день лентяйничают» («An Essay on Trade and Commerce». London, 1770, p. 27, 28). Эти люди добивались именно повышения заработной платы.

рабочего населения, и это продолжается до тех пор, пока рынок труда не окажется переполненным, т. е. пока капитал не сделается относительно недостаточным по сравнению с предложением рабочих. Заработная плата падает, и тогда перед нами оборотная сторона медали. Вследствие понижения заработной платы рабочее население мало-помалу уменьшается, так что по отношению к нему капитал опять становится избыточным, или же, как это истолковывают другие, понижение заработной платы и соответствующее повышение эксплуатации рабочих опять ускоряют накопление, в то время как низкий уровень заработной платы задерживает увеличение рабочего класса. Таким образом снова складываются условия, при которых предложение труда ниже спроса на труд, заработная плата повышается и т. д. Что за прекрасный метод движения для развитого капиталистического производства! Прежде чем вследствие повышения заработной платы могло бы наступить какое-нибудь положительное увеличение действительно работоспособного населения, при этих условиях несколько раз успел бы миновать тот срок, в течение которого необходимо провести промышленную кампанию, дать и выиграть битву.

Между 1849 и 1859 гг., одновременно с понижением хлебных цен, произошло практически чисто номинальное повышение заработной платы в английских земледельческих округах; например, в Уилтшире недельная плата повысилась с 7 до 8 шилл., а в Дорсетшире с 7 или 8 до 9 шилл. и т. д. Это было следствием необычного отлива избыточного земледельческого населения, который был вызван потребностями войны[178], громадным расширением железнодорожного строительства, фабрик, горного дела и т. д. Чем ниже заработная плата, тем выше те процентные числа, в которых выражается всякое ее повышение, как бы незначительно оно ни было. Например, если заработная плата составляла 20 шилл. в неделю и повысилась до 22, то повышение составляет 10%; если, напротив, она была всего 7 шилл. и повышается до 9, то это составляет $28^4/_7$%, что звучит очень значительно. Во всяком случае фермеры подняли вопль, и даже лондонский «Economist» об этих голодных заработках совершенно серьезно стал болтать как об «общем и существенном повышении заработной платы»[84)]. Что же предприняли фермеры? Стали ли они дожидаться, пока вследствие столь великолепной оплаты сельские рабочие не размножатся до такой степени, что их заработная плата снова понизится, как представляет себе это дело догматически-экономический мозг?

[84)] «Economist», 21 января 1860 г.

Они ввели больше машин, и рабочие быстро снова оказались «излишними» в той мере, которая удовлетворила даже фермеров. Теперь в земледелие было вложено «больше капитала», чем прежде, и в более производительной форме. Тем самым спрос на труд понизился не только относительно, но и абсолютно.

Упомянутая экономическая фикция смешивает законы, регулирующие общее движение заработной платы, или отношение между рабочим классом, т. е. совокупной рабочей силой, и совокупным общественным капиталом, с законами, регулирующими распределение рабочего населения между отдельными сферами производства. Если, например, вследствие благоприятной конъюнктуры накопление в определенной сфере производства особенно оживленно, прибыль выше средней прибыли и туда устремляется добавочный капитал, то, разумеется, увеличиваются спрос на труд и заработная плата. Повышенная заработная плата притягивает рабочее население в сферу, находящуюся в благоприятных условиях, пока она не будет насыщена рабочей силой, и заработная плата на продолжительное время опять падает до своего прежнего среднего уровня или даже ниже его, если приток был слишком велик. Тогда прилив рабочих в данную отрасль производства не только прекращается, но даже сменяется отливом. В таких случаях экономист воображает, будто ему удается наблюдать, «где и каким образом» при увеличении заработной платы происходит абсолютное увеличение числа рабочих, а при абсолютном увеличении числа рабочих — понижение заработной платы; но в действительности он наблюдает лишь местное колебание рынка труда одной отдельной сферы производства, лишь распределение рабочего населения между различными сферами приложения капитала в зависимости от изменяющихся потребностей последнего.

Промышленная резервная армия, или относительное перенаселение, в периоды застоя и среднего оживления оказывает давление на активную рабочую армию и сдерживает ее требования в период перепроизводства и пароксизмов. Следовательно, относительное перенаселение есть тот фон, на котором движется закон спроса и предложения труда. Оно втискивает действие этого закона в границы, абсолютно согласные с жаждой эксплуатации и стремлением к господству, свойственными капиталу. Здесь будет уместно возвратиться к одному из великих деяний экономической апологетики. Напомним, что если благодаря введению новых машин или распространению старых часть переменного капитала превращается в постоянный, то

эту операцию, «связывающую» капитал и тем самым «высвобождающую» рабочих, экономист-апологет истолковывает таким образом, будто она, наоборот, высвобождает капитал для рабочих. Только теперь мы можем полностью оценить бесстыдство апологета. Высвобождаются в действительности не только рабочие, непосредственно вытесняемые машиной, но и контингент их заместителей и тот добавочный контингент, который регулярно поглощался бы при обычном расширении предприятия на его старом базисе. Все они теперь «высвобождены», и каждый новый желающий функционировать капитал может располагать ими. Привлечет ли он именно этих рабочих или других, и в том и в другом случае влияние на общий спрос на труд будет равным нулю, пока этого нового капитала будет достаточно только на то, чтобы освободить рынок как раз от такого количества рабочих, какое выброшено на него машинами. Если он привлекает меньшее число рабочих, то количество избыточных возрастает; если дает занятие большему числу рабочих, то общий спрос на труд возрастает лишь на величину разности между числом занятых и «высвобожденных». Таким образом, то увеличение спроса на труд, которое вообще могли бы вызвать ищущие применения добавочные капиталы, во всяком случае нейтрализуется в той мере, в какой оно покрывается рабочими, выброшенными машиной на улицу. Следовательно, механизм капиталистического производства заботится о том, чтобы абсолютное увеличение капитала не сопровождалось соответствующим увеличением общего спроса на труд. И это-то апологет называет компенсацией за нищету, страдания и возможную гибель вытесненных рабочих в тот переходный период, когда их выбрасывают в ряды промышленной резервной армии! Спрос на труд не тождествен с увеличением капитала, предложение труда не тождественно с увеличением рабочего класса, так что здесь нет взаимного влияния двух сил, не зависимых друг от друга. Les des sont pipes [кости подделаны]. Капитал одновременно действует на обе стороны. Если его накопление, с одной стороны, увеличивает спрос на труд, то, с другой стороны, оно увеличивает предложение рабочих путем их «высвобождения», а давление незанятых рабочих принуждает в то же время занятых давать большее количество труда и, таким образом, делает предложение последнего до известной степени независимым от предложения рабочих. Движение закона спроса и предложения труда на этом базисе довершает деспотию капитала. Поэтому, когда рабочие раскрывают тайну того, Каким образом могло случиться, что чем больше они работают, чем больше производят чужого богатства и чем больше возрастает

производительная сила их труда, тем более ненадежным становится для них даже возможность их функционирования в качестве средства увеличения капитала; когда они открывают, что степень интенсивности конкуренции между ними самими всецело зависит от давления относительного перенаселения; когда они ввиду этого стараются через тред-юнионы и т. д. организовать планомерное взаимодействие между занятыми и незанятыми, чтобы уничтожить или смягчить разрушительные для их класса следствия этого естественного закона капиталистического производства, — тогда капитал и его сикофант, экономист, поднимают вопль о нарушении «вечного» и, так сказать, «священного» закона спроса и предложения. Всякая связь между занятыми и незанятыми нарушает «чистую» игру этого закона. А с другой стороны, поскольку неприятные обстоятельства, например положение в колониях, препятствуют созданию промышленной резервной армии, а вместе с нею и абсолютной зависимости рабочего класса от класса капиталистов, то капитал вкупе со своим тривиальным Санчо Панса восстает против «священного» закона спроса и предложения и старается помешать его действию посредством принудительных мер.

4. РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ. ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

Относительное перенаселение существует во всевозможных оттенках. К нему принадлежит всякий рабочий, когда он занят наполовину или вовсе не имеет работы. Если оставить в стороне те крупные периодически повторяющиеся формы, которые придает перенаселению смена фаз промышленного цикла, так что оно является то острым — во время кризисов, — то хроническим — во время вялого хода дел, — если оставить в стороне эти формы, то перенаселение всегда имеет три формы: текучую, скрытую и застойную.

В центрах современной промышленности — фабриках, мануфактурах, металлургических заводах, рудниках и т. д. — рабочие то отталкиваются, то притягиваются в более значительном количестве, так что в общем и целом число занятых увеличивается, хотя в постоянно убывающей пропорции по сравнению с масштабом производства. Перенаселение существует здесь в текучей форме.

Как на собственно фабриках, так и во всех крупных мастерских, где применяются машины или, по меньшей мере, проведено современное разделение труда, требуется масса рабочих

мужского пола в юношеском возрасте. По наступлении совершеннолетия только очень немногие из них находят себе применение в прежних отраслях производства, большинство же регулярно увольняется. Они образуют такой элемент текучего перенаселения, который возрастает по мере роста промышленности. Часть их эмигрирует, т. е. в действительности просто отправляется вслед за эмигрирующим капиталом. Одним из следствий этого является более быстрый рост женского населения по сравнению с мужским, пример чего дает Англия. Тот факт, что естественный прирост массы рабочих не удовлетворяет потребностей накопления капитала и в то же время все же превосходит их, есть противоречие самого движения капитала. Для него требуется больше рабочих в раннем возрасте, меньше — в зрелом возрасте. Противоречие — не более вопиющее, чем другое, заключающееся в том, что в то самое время, когда многие тысячи выброшены на улицу, потому что разделение труда приковало их к одной определенной отрасли производства, раздаются жалобы на недостаток рабочих рук[85]. К тому же капитал потребляет рабочую силу так быстро, что рабочий уже в среднем возрасте оказывается более или менее одряхлевшим. Он попадает в ряды избыточных или оттесняется с высшей ступени на низшую. Как раз у рабочих крупной промышленности мы наталкиваемся на самую короткую продолжительность жизни.

«Д-р Ли, медицинский инспектор Манчестера, установил, что в этом городе средняя продолжительность жизни для состоятельного класса составляет 38 лет, для рабочего класса — всего 17 лет. В Ливерпуле она составляет 35 лет для первого, 15 лет для второго класса. Из этого следует, что привилегированный класс получил ассигновку на жизнь (had a lease of life) вдвое большую, чем класс их сограждан, находящихся в менее благоприятных условиях»[85a].

При таких обстоятельствах абсолютное возрастание этой части пролетариата должно происходить в такой форме, при которой, несмотря на быстрое изнашивание ее элементов, численность ее увеличивается. Таким образом, требуется быстрая смена поколений рабочих. (Этот закон не имеет силы в отношении остальных классов населения.) Эта общественная

---

[85] В то время как во второй половине 1866 г. в Лондоне было от 80 по 90 тысяч безработных, в фабричном отчете за это самое полугодие говорится: «По-видимому, не будет абсолютно верным утверждение, будто спрос всюду вызывает предложение в тот самый момент, когда это необходимо. По отношению к труду дело обстояло не так, потому что в прошлом году за недостатком рабочих рук многие машины бездействовали» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1866», p. 81).

[85a] Речь, произнесенная при открытии санитарной конференции в Бирмингеме 14 января 1875 г. Дж. Чемберленом, в то время мэром города {а ныне (1883) министром торговли. *Ф. Э.*}.

потребность удовлетворяется ранними браками, — необходимым следствием условий, в которых живут рабочие крупной промышленности, — и той премией за производство рабочих детей, которую дает их эксплуатация.

Как только капиталистическое производство овладевает сельским хозяйством или по мере того как оно овладевает им, спрос на сельскохозяйственных рабочих абсолютно уменьшается вместе с накоплением функционирующего в этой области капитала, причем выталкивание рабочих не сопровождается, как в производстве неземледельческом, большим привлечением их. Часть сельского населения находится поэтому постоянно в таком состоянии, когда оно вот-вот перейдет в ряды городского или мануфактурного пролетариата, и выжидает условий, благоприятных для этого превращения. (Мануфактура — здесь в смысле всякого неземледельческого производства.)[86] Этот источник относительного перенаселения течет постоянно. Однако его постоянное течение к городам предполагает в самой деревне постоянное скрытое перенаселение, размер которого становится виден только тогда, когда отводные каналы открываются исключительно широко. Поэтому заработная плата сельскохозяйственного рабочего низводится до минимальных размеров, и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма.

Третья категория относительного перенаселения, застойное перенаселение, образует часть активной рабочей армии, но характеризуется крайней нерегулярностью занятий. В силу этого она составляет для капитала неисчерпаемый резервуар свободной рабочей силы. Ее жизненный уровень опускается ниже среднего нормального уровня рабочего класса, и как раз это делает ее для капитала широким базисом отраслей особенной эксплуатации. Она характеризуется максимумом рабочего времени и минимумом заработной платы. Под рубрикой работы на дому мы уже познакомились с ее главной формой. Она рекрутируется постоянно из избыточных рабочих крупной промышленности и земледелия, в особенности же из рабочих погибающих отраслей промышленности, в которых ремесленное производство побеждается мануфактурным, мануфактурное — машинным производством. Размер ее увеличивается по мере

[86] По переписи 1861 г. в Англии и Уэльсе числился «781 город с 10960998 жителями, между тем как в деревнях и сельских приходах насчитывалось только 9105226. В переписи 1851 г. фигурировало 580 городов, население которых было приблизительно равно населению сельских округов. Но в то время как в сельских округах население увеличилось в течение следующего десятилетия только на полмиллиона, в 580 городах оно возросло на 1554067. Прирост населения в сельских приходах составляет 6,5%, в городах — 17,3%. Разница в норме прироста обусловливается переселением из деревни в город. Три четверти общего прироста населения приходится на долю городов» («Census etc.», v. III, p. 11, 12).

того, как с увеличением размеров и энергии накопления прогрессирует создание «избыточных» рабочих. Но она образует в то же время самовоспроизводящийся и самоувековечивающийся элемент рабочего класса — элемент, принимающий относительно большее участие в общем приросте рабочего класса, чем все остальные элементы. В самом деле, не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семей обратно пропорциональны высоте заработной платы, т. е. той массе жизненных средств, которой располагают различные категории рабочих. Этот закон капиталистического общества звучал бы бессмыслицей, если бы мы отнесли его к дикарям или даже к цивилизованным колонистам. Он напоминает массовое воспроизводство индивидуально слабых и постоянно травимых животных видов[87)].

Наконец, низший слой относительного перенаселения обитает в сфере пауперизма. Если оставить в стороне бродяг, преступников и живущих проституцией, — короче говоря, весь люмпен-пролетариат в собственном смысле этого слова, то этот слой общества состоит из трех категорий. Во-первых: работоспособные. Стоит хотя бы бегло посмотреть статистику английского пауперизма, и мы увидим, что масса его увеличивается при каждом кризисе и уменьшается при каждом оживлении дел. Во-вторых: сироты и дети пауперов. Это кандидаты промышленной резервной армии; в периоды большого промышленного подъема, как, например, в 1860 г., они быстро и в массовом порядке вступают в ряды активной рабочей армии. В-третьих: опустившиеся, босяки, неработоспособные. Это именно те лица, которые погибают от своей малой подвижности, создаваемой разделением труда, те, которые переваливают за нормальную продолжительность жизни рабочего, и, наконец, жертвы промышленности, число которых все увеличивается с распространением опасных машин, горного дела, химических фабрик и т. д., калеки, больные, вдовы и т. д. Пауперизм составляет инвалидный дом активной рабочей армии и мертвый груз промышленной резервной армии. Производство пауперизма предполагается производством относительного перенаселения, необходимость первого заключена в необходимости второго; вместе с относительным перенаселением пауперизм составляет условие суще-

[87)] «Бедность, по-видимому, благоприятствует размножению» (А. Смит). По мнению галантного и остроумного аббата Галиани, это является даже особенно мудрым установлением божиим: «Бог устроил так, что люди, исполняющие наиболее полезные работы, рождаются в наибольшем числе» (*Galiani,* цит. соч., стр. 78). «Нищета, вплоть до крайних границ голода и эпидемий, не задерживает рост населения, а имеет тенденцию увеличивать его» (*S. Laing.* «National Distress», 1844, p. 69). После статистических иллюстраций этого положения Ленг продолжает: «Если бы все жили в благоприятных условиях, то мир скоро обезлюдел бы».

ствования капиталистического производства и развития богатства. Он относится к faux frais [непроизводительным издержкам] капиталистического производства, большую часть которых капитал умеет, однако, свалить с себя на плечи рабочего класса и мелкой буржуазии.

Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии*. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. *Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления.* Подобно всем другим законам, в своем осуществлении он модифицируется многочисленными обстоятельствами, анализ которых сюда не относится.

Понятна глупость той экономической мудрости, которая проповедует рабочим, что они должны сообразовывать свою численность с потребностями капитала в возрастании. Сам механизм капиталистического производства и накопления постоянно сообразовывает численность рабочих с этими потребностями капитала в возрастании. Первое слово этого сообразования — создание относительного перенаселения, или промышленной резервной армии, последнее слово — нищета все возрастающих слоев активной рабочей армии и мертвый груз пауперизма.

Закон, согласно которому все возрастающая масса средств производства может, вследствие прогресса производительности общественного труда, приводиться в движение все с меньшей и меньшей затратой человеческой силы, — этот закон на базисе капитализма, где не рабочий применяет средства труда, а средства труда применяют рабочего, выражается в том, что чем выше производительная сила труда, тем больше давление рабочих на средства их занятости, тем ненадежнее, следовательно, необходимое условие их существования: продажа собственной силы для умножения чужого богатства, или для самовозрастания

* В оригинале говорится: «обратно пропорциональна мукам его труда»; исправление сделано в соответствии с текстом авторизованного французского издания. *Ред.*

капитала. Таким образом, увеличение средств производства и производительности труда, более быстрое, чем увеличение производительного населения, получает капиталистическое выражение, наоборот, в том, что рабочее население постоянно увеличивается быстрее, чем потребность в возрастании капитала.

В четвертом отделе при анализе производства относительной прибавочной стоимости мы видели, что при капиталистической системе все методы повышения общественной производительной силы труда осуществляются за счет индивидуального рабочего;

все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплуатации производителя, они уродуют рабочего, делая из него неполного человека [einen Teilmenschen], принижают его до роли придатка машины, превращая его труд в муки, лишают этот труд содержательности, отчуждают от рабочего духовные силы процесса труда в той мере, в какой наука входит в процесс труда как самостоятельная сила; делают отвратительными условия, при которых рабочий работает, подчиняют его во время процесса труда самому мелочному, отвратительному деспотизму, все время его жизни превращают в рабочее время, бросают его жену и детей под Джаггернаутову колесницу[179] капитала. Но все методы производства прибавочной стоимости являются в то же время методами накопления, и всякое расширение накопления, наоборот, становится средством развития этих методов. Из этого следует, что по мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата. Наконец, закон, поддерживающий относительное перенаселение, или промышленную резервную армию, в равновесии с размерами и энергией накопления, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обусловливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал.

Этот антагонистический характер капиталистического накопления[88)] в различных формах признан экономистами, хотя

[88)] «Таким образом, с каждым днем становится все более и более очевидным, что характер тех производственных отношений, в рамках которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единством и простотой; что в рамках тех же самых отношений, в которых производится богатство, производится также и нищета; что в рамках тех же самых отношений, в которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила, производящая угнетение, что эти отношения создают буржуазное богатство, т. е. богатство класса буржуазии, лишь при условии непрерывного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и образования постоянно растущего пролетариата» *(Карл Маркс.* «Нищета философии», стр. 116 [см. настоящее издание, том 4, стр. 144]).

они сваливают в одну кучу с ним отчасти аналогичные, но, тем не менее, существенно отличные явления докапиталистических способов производства.

Венецианский монах Ортес, один из крупных экономистов XVIII столетия, рассматривает антагонизм капиталистического производства как всеобщий естественный закон общественного богатства.

«Экономическое добро и экономическое зло у всякой нации постоянно взаимно уравновешиваются (il bene ed il male economico in una nazione sempre all'istessa misura), изобилие благ для одних всегда так велико, как недостаток благ для других (la copia de beni in alcuni sempre eguale alla mancanza di essi in altri). Большое богатство немногих всегда сопровождается абсолютным ограблением необходимого у несравненно большего количества других. Богатство нации соответствует ее населению, а нищета ее соответствует ее богатству. Трудолюбие одних вынуждает праздность других. Бедные и праздные — необходимый плод богатых и деятельных» и т. д.[89].

Приблизительно через 10 лет после Ортеса англиканско-протестантский поп Таунсенд в совершенно грубой форме возвеличивал бедность как необходимое условие богатства.

«Законодательное принуждение к труду сопряжено с слишком большими трудностями, насилием и шумом, между тем как голод не только представляет собой мирное, тихое, непрестанное давление, но и, — будучи наиболее естественным мотивом к прилежанию и труду, — вызывает самое сильное напряжение».

Следовательно, все сводится к тому, чтобы сделать голод постоянным для рабочего класса, и, по мнению Таунсенда, об этом заботится закон народонаселения, в особенности действующий среди бедных.

«По-видимому, таков закон природы, что бедные до известной степени непредусмотрительны (improvident)» (т. е. настолько непредусмотрительны, что являются на свет не в обеспеченных семьях), «так что в обществе постоянно имеются люди (that there always may be some) для исполнения самых грубых, грязных и низких функций. Сумма человеческого счастья (the stock of human happiness) благодаря этому сильно увеличивается, более утонченные люди (the more delicate) освобождаются от тягот и могут беспрепятственно следовать своему более высокому призванию и т. д. Закон о бедных имеет тенденцию разрушить гармонию и красоту, симметрию и порядок этой системы, которую создали в мире бог и природа»[90].

---

89) *G. Ortes*. «Della Economia Nationale libri sei 1774», в издании Кустоди, Parte Moderna, t. XXI, p. 6—9, 22, 25 etc. Ортес там же, стр. 32, говорит: «Вместо того чтобы измышлять бесполезные системы, как сделать народы счастливыми, я ограничусь исследованием причин их несчастий».

90) «A Dissertation on the Poor Laws». By a Well-wisher to Mankind (The Rev. Mr. *Townsend),* 1786, переиздано в Лондоне, 1817, стр. 15, 39, 41. Этот «утонченный» поп, — у которого, как из только что названной работы, так и из его «Путешествия по Испании», Мальтус часто списывает целые страницы, — заимствовал большую часть своего учения у сэра Дж. Стюарта, которого он, однако, искажает. Например, когда Стюарт говорит:

Если венецианский монах в жребии судьбы, увековечивающем нищету, видел оправдание существования христианской благотворительности, безбрачия духовенства, монастырей и богоугодных заведений, то протестантский обладатель прихода, напротив, открывает в этом предлог для осуждения английских законов о бедных, в силу которых бедный имел право на жалкое общественное вспомоществование.

«Прогресс общественного богатства», — говорит Шторх, — «порождает тот полезный класс общества... который исполняет самые скучные, низкие и отвратительные работы, одним словом — принимает на свои плечи все, что только есть в жизни неприятного и порабощающего, и тем самым обеспечивает для других классов досуг, веселое расположение духа и условное» (замечательно!) «достоинство характера и т. д.»[91)].

Шторх ставит перед собой вопрос, в чем же собственно заключается преимущество этой капиталистической цивилизации с ее нищетой и деградацией масс перед варварством? Он находит только один ответ: в безопасности?

«Благодаря прогрессу промышленности и науки», — говорит Сисмонди, — «каждый рабочий может производить ежедневно много больше, чем требуется ему для собственного потребления. Но в то же время то самое богатство, которое производится трудом рабочего, если бы он сам был призван потреблять его, сделало бы его мало способным к труду». По его мнению, «люди» (т. е. нерабочие) «вероятно отказались бы от всяких усовершенствований искусств, равно как и от всех наслаждений, доставляемых им промышленностью, если бы им пришлось покупать это ценой столь же упорного труда, каким является труд рабочего... В настоящее время усилия отделены от вознаграждения за них; не один и тот же человек сначала работает, а потом отдыхает; напротив, именно потому, что один работает, другой должен отдыхать... Следовательно, бесконечное умножение производительных сил труда не может иметь никакого иного результата, кроме увеличения роскоши и наслаждений праздных богачей»[92)].

Наконец, Дестют де Траси, холодный буржуазный доктринер, грубо заявляет:

«Бедные нации суть те, где народу хорошо живется, а богатые нации суть те, где народ обыкновенно беден»[93)].

«Здесь, при рабстве, способом принуждать людей к труду» (на неработающих) «было насилие... Людей тогда принуждали к труду» (т. е. к даровому труду на других) «потому, что они были рабами других; теперь люди принуждаются к труду» (т. е. к даровому труду на неработающих) «потому, что они — рабы своих собственных потребностей»[180], — если он говорит это, то, однако, он отнюдь не делает, как жирный приходский поп, того вывода, что наемные рабочие всегда должны голодать. Наоборот, он хочет расширить их потребности и сделать в то же время рост их потребностей стимулом к труду на «более утонченных».

91) *Storch*. «Cours d'Economie Politique», ed. Petersbourg, 1815, t. III, p. 223.

92) *Sismondi*. «Nouveaux Principes d'Economie Politique», t. I, p. 79, 80, 85.

93) *Destutt de Tracy*, цит. соч., стр. 231.

5. ИЛЛЮСТРАЦИИ ВСЕОБЩЕГО ЗАКОНА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

а) АНГЛИЯ 1846—1866 гг.

Ни один период в развитии современного общества не является до такой степени благоприятным для изучения капиталистического накопления, как период последних 20 лет. Кажется, будто найдена сумка Фортуната. Но из всех стран классический пример представляет опять-таки Англия, так как она занимает первое место на мировом рынке, так как только здесь капиталистический способ производства достиг полного развития и так как, наконец, водворение тысячелетнего царства свободной торговли с 1846 г. отняло у вульгарной политической экономии ее последнюю лазейку. Гигантский прогресс производства, благодаря которому вторая половина этого двадцатилетнего периода опять-таки далеко превосходит первую, уже достаточно был отмечен у нас в четвертом отделе.

Хотя абсолютный прирост английского населения в последние полвека был очень велик, однако относительный прирост, или норма прироста, все время понижался, как показывает следующая таблица, заимствованная из итогов официальной переписи. Годовой процентный прирост населения Англии и Уэльса составляет по десятилетиям:

1811—1821	1,533%
1821—1831	1,446%
1831—1841	1,326%
1841—1851	1,216%
1851—1861	1,141%

Рассмотрим теперь, с другой стороны, рост богатства. Самую надежную точку опоры дает здесь движение прибыли, земельной ренты и т. д., обложенных подоходным налогом. Прирост прибыли, подлежащей обложению (не считая прибыли фермеров и некоторых других категорий), за годы 1853—1864 составил для Великобритании 50,47% (или 4,58% в среднем за год)[94], прирост населения за тот же период — приблизительно 12%. Увеличение облагаемой налогом земельной ренты (включая ренту с земли под домами, железными дорогами, копями и рудниками, рыбными угодьями и т. д.) за годы 1853—1864 составило 38%, или $3^{5}/_{11}$% в год, причем наибольшее увеличение дали следующие статьи[95]:

---

[94] «Tenth Report of the Commissioners of H. M.'s Inland Revenue». London, 1866, p. 38.
[95] Там же.

	Увеличение дохода с 1853 по 1864г.	Увеличение за год
Дома	38,60%	3,50%
Каменоломни	84,76%	7,70%
Копи и рудники	68,85%	6,26%
Чугунолитейные заводы	39,92%	3,63%
Рыбные угодья	57,37%	5,21%
Газовые заводы	126,02%	11,45%
Железные дороги	83,29%	7,57%

Если в пределах периода 1853—1864 гг. мы произведем сравнение по четырехлетиям, то увидим, что степень возрастания доходов все увеличивается. Например, для доходов, происходящих из прибыли, это возрастание составляет в 1853—1857 гг. 1,73% в год, в 1857—1861 гг. 2,74% в год и в 1861—1864 гг. 9,30% в год. Общая сумма доходов, обложенных подоходным налогом, составляла в Соединенном королевстве в 1856 г. 307068898 ф. ст., в 1859 г. — 328127416 ф. ст., в 1862 г. — 351745241 ф. ст., в 1863 г. — 359142897 ф. ст., в 1864 г. — 362462279 ф. ст., в 1865 г. — 385530020 фунтов стерлингов[96].

Накопление капитала сопровождалось в то же время его концентрацией и централизацией. Хотя в Англии нет официальной сельскохозяйственной статистики (в Ирландии она существует), однако 10 графств организовали ее по собственной инициативе. Здесь обнаружился такой результат; с 1851 по 1861 г. число аренд до 100 акров уменьшилось с 31583 до 26567, т. е. 5016 аренд было соединено с более крупными[97]. В период 1815—1825 гг. в числе движимых имуществ, обложенных налогом на наследство, не было ни одного выше 1 миллиона ф. ст.; напротив, с 1825 по 1855 г. таковых было 8, с 1855 по июнь 1859 г., т. е. за $4^1/_2$ года, — 4[98]. Однако лучше всего видна централизация

[96] Для сравнения эти цифры достаточны, но как абсолютные они не верны, потому что ежегодно утаивается, вероятно, до 100 миллионов ф. ст. доходов. Жалобы чиновников, ведающих обложением внутренних доходов, на систематический обман, особенно со стороны коммерсантов и промышленников, повторяются в каждом их отчете. Например: «Одно акционерное общество определило свою подлежащую обложению прибыль в 6000 ф. ст., оценщик определил ее в 88000 ф. ст., и налог был, в конце концов, уплачен с этой последней суммы. Другая компания показала прибыль в 190000 ф. ст., но была вынуждена сознаться, что действительная сумма составляет 250000 ф. ст.» (там же, стр. 42).

[97] «Census etc.», v. III, p. 29. Утверждение Джона Брайта, что 150 лендлордам принадлежит половина английской и 12 лендлордам половина шотландской земельной собственности, до сих пор не опровергнуто.

[98] «Fourth Report etc. of Inland Revenue». London, 1860, p. 17.

из краткого анализа подоходного налога под рубрикой D (прибыль, за исключением фермерской и т. д.) за годы 1864 и 1865. Замечу прежде всего, что получаемые из этого источника доходы облагаются подоходным налогом лишь начиная с 60 фунтов стерлингов. Эти подпадающие под обложение доходы составляли в Англии, Уэльсе и Шотландии в 1864 г. 95844222 ф. ст. и в 1865 г. — 105435787 ф. ст.[99], число налогоплательщиков составляло в 1864 г. 308416 человек при общей численности населения в 23891009 человек, в 1865 г. — соответственно 332431 человек и 24127003 человека. О распределении этих доходов за оба года дает представление следующая таблица:

	Год, заканчивающийся 5 апреля 1864 г.		Год, заканчивающийся 5 апреля 1865 г.	
	Доходы из прибыли (в фунтах ст.)	Число получателей	Доходы из прибыли (в фунтах ст.)	Число получателей
Общая сумма......................	95 844 222	308 416	105435787	332 431
в том числе......................	57 028 290	22334	64554297	24075
в том числе......................	36 415 225	3619	42535576	4021
в том числе......................	22 809 781	822	27555313	973
в том числе......................	8 744 762	91	11077238	107

В 1855 г. в Соединенном королевстве было добыто 61453079 тонн каменного угля стоимостью в 16113267 ф. ст., в 1864 г. — 92787873 тонны стоимостью в 23197968 ф. ст.; в 1855 г. было выплавлено 3218154 тонны чугуна стоимостью в 8045385 ф. ст., в 1864 г. — 4767951 тонна стоимостью в 11919877 фунтов стерлингов. В 1854 г. протяженность эксплуатируемых железных дорог в Соединенном королевстве составляла 8 054 мили, вложенный в них капитал — 286068794 ф. ст., в 1864 г. — соответственно 12789 миль и 425719613 фунтов стерлингов. В 1854 г. общая сумма ввоза и вывоза Соединенного королевства составляла 268210145 и в 1865 г. — 489923285 фунтов стерлингов. Следующая таблица показывает движение вывоза[100]:

[99] Это — чистые доходы, т. е. доходы после известных допускаемых законом отчислений.

[100] В настоящий момент, в марте 1867 г., индийско-китайский рынок уже опять совершенно переполнен товарами английских хлопчатобумажных фабрикантов, вывезенными на консигнацию. В 1866 г. началось понижение заработной платы рабочих хлопчатобумажной промышленности на 5%, в 1867г. вследствие подобной же операции произошла стачка 20000 рабочих в Престоне. {Это было прологом кризиса, который разразился вскоре за этим. *Ф. Э.*}

1847 г.	58 842 377	ф. ст.
1849 »	63 596 052	» »
1856 »	115 826 948	» »
1860 »	135 842 817	» »
1865 »	165 862 402	» »
1866 »	188 917 563	» »

После этих немногих данных будет понятен торжествующий крик генерального регистратора[181] британского народа:

«Как ни быстро возрастало население, оно не поспевало за прогрессом промышленности и богатства»[101)].

Обратимся теперь к непосредственному агенту этой промышленности, или к производителю этого богатства, к рабочему классу.

«Одна из самых печальных черт социального положения страны»,— говорит Гладстон, — «заключается в том, что в настоящее время происходит совершенно несомненное уменьшение потребительной силы народа и возрастание лишений и нищеты рабочего класса, И в то же время совершается постоянное накопление богатства у высших классов и непрерывный прирост капитала»[102)].

Так говорил этот елейный министр в палате общин 13 февраля 1843 года. Двадцать лет спустя, 16 апреля 1863 г., внося на обсуждение свой бюджет, он говорил:

«С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход этой страны повысился на 6%... За 8 лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять за основу доход 1853 г., на 20%. Факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным... Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами, но... но оно должно принести косвенную выгоду и рабочему населению, потому что оно удешевляет предметы всеобщего потребления, — в то время как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Однако я не решусь утверждать, что крайности бедности уменьшились»[103)].

Какие жалкие увертки! Если рабочий класс остался «беден», только «менее беден» в той мере, как он создавал «ошеломляющее увеличение богатства и мощи» для класса собственников, то это значит, что относительно он остался по-прежнему беден. Если крайности бедности не уменьшились, то они увеличились, потому что увеличились крайности богатства. Что же касается удешевления жизненных средств, то официальная статистика, например данные лондонского сиротского приюта, показывает за трехлетие 1860—1862 гг. вздорожание их на

101) «Census etc.», v. III, p. 11.
102) Гладстон в палате общин 13 февраля 1843 г. («Times», 14 февраля 1843; «Hansard», 13 февраля 1843).
103) Гладстон в палате общин 16 апреля 1863 г. («Morning Star», 17 апреля).

20% по сравнению с трехлетием 1851—1853 годов. В следующие три года, 1863—1865, происходило прогрессивное вздорожание мяса, масла, молока, сахара, соли, угля и многих других необходимых жизненных средств[104]. Следующая бюджетная речь Гладстона от 7 апреля 1864 г. представляет собой пиндаровский дифирамб прогрессу в деле наживы и счастью народа, умеряемому «бедностью». Он говорит о массах, стоящих «на краю пауперизма», об отраслях производства, «в которых заработная плата не повысилась», и в заключение резюмирует счастье рабочего класса в следующих выражениях: «Человеческая жизнь в девяти случаях из десяти есть просто борьба за существование»[105]. Профессор Фосетт, не связанный, как Гладстон, официальными соображениями, заявляет без всяких околичностей:

«Разумеется, я не отрицаю, что денежная плата повысилась с этим увеличением капитала» (за последние десятилетия), «но этот кажущийся выигрыш в значительной степени теряется, так как многие предметы жизненной необходимости все дорожают» (по его мнению, вследствие падения стоимости благородных металлов). «... Богатые быстро становятся еще богаче (the rich grow rapidly richer), между тем как в жизни трудящихся классов незаметно никакого улучшения... Рабочие превращаются почти в рабов лавочников, должниками которых они являются»[106].

В разделах о рабочем дне и машинах перед нами раскрылись те условия, при которых британский рабочий класс создавал «ошеломляющее увеличение богатства и мощи» для имущих классов. Однако рабочий занимал нас тогда преимущественно во время его общественной функции. Для полного освещения законов накопления необходимо иметь в виду и его положение вне мастерской, условия его питания и жилища. Рамки этой книги заставляют нас обратиться здесь прежде

[104] См. официальные данные в Синей книге: «Miscellaneous Statistics of the United Kingdom». Part VI. London, 1866, p. 260—273 passim. В качестве доказательства вместо статистики сиротских приютов и т, д. могли бы послужить также декламации министерских газет, когда они ратуют о приданом детям королевского дома. При этом они никогда не забывают о дороговизне жизненных средств.

[105] Гладстон в палате общин 7 апреля 1864 года. Версия же «Hansard» гласит: «И более того, — что в большинстве случаев представляет собой человеческая жизнь, как не борьбу за существование?» — Постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона за 1863 и 1864 гг. один английский писатель характеризует следующей цитатой из Буало:

«Voila l'homme en effet. Il va du blanc au noir.
Il condamne au matin ses sentiments du soir.
Importun a tout autre, a soi meme incommode,
Il change a tous moments d'esprit comme de mode».

[«Вот каков человек в самом деле. Он шатается между белым и черным. Утром он осуждает то, что одобрял вечером. Несносный для всех других, в тягость себе самому, он каждую минуту меняет настроение, как моду».][182] ([*H. Roy.*] «The Theory of the Exchanges etc.». London, 1864, p. 135).

[106] *H. Fawcett*. «The Economic Position of the British Labourer». London, 1865, p. 67, 82. Что касается возрастающей зависимости рабочих от лавочников, то она является следствием учащающихся колебаний и перерывов в занятости рабочих.

всего к наиболее плохо оплачиваемой части промышленного пролетариата и сельскохозяйственных рабочих, т. е. к большей части рабочего класса.

Но сначала еще несколько слов об официальном пауперизме, или о той части рабочего класса, которая утратила необходимое условие своего существования, возможность продавать рабочую силу, и прозябает за счет общественной милостыни. По официальным данным в Англии[107)] числилось пауперов в 1855 г. 851369, в 1856 г. — 877767, в 1865 г. — 971433. Вследствие хлопкового голода число их выросло в 1863 и 1864 гг. до 1079382 и 1014978. Кризис 1866 г., всего тяжелее поразивший Лондон, вызвал в этом центре мирового рынка, где больше жителей, чем в королевстве Шотландии, увеличение в 1866 г. количества пауперов по сравнению с 1865 г. на 19,5% и по сравнению с 1864 г. на 24,4% и в первые месяцы 1867 г. еще большее увеличение, чем в 1866 году. При анализе статистики пауперизма следует подчеркнуть два момента. С одной стороны, уменьшение и увеличение численности пауперов является отражением периодической смены фаз промышленного цикла. С другой стороны, официальная статистика все больше и больше искажает действительные размеры пауперизма по мере того, как с накоплением капитала развивается классовая борьба, а потому и самосознание рабочих. Например, варварское обращение с пауперами, о чем за последние два года так громко кричала английская пресса («Times», «Pall Mall Gazette» и т. д.), явление старое. В 1844 г. Ф. Энгельс констатировал совершенно такие же ужасы и такие же преходящие лицемерные вопли «сенсационной литературы»[183]. Но ужасающее увеличение числа случаев смерти от голода («deaths by starvation») в Лондоне за последнее десятилетие безусловно доказывает рост отвращения рабочих к рабству работных домов[108)], этих карательных учреждений для нищеты.

b) ПЛОХО ОПЛАЧИВАЕМЫЕ СЛОИ БРИТАНСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

Обратимся теперь к плохо оплачиваемым слоям промышленного рабочего класса. Во время хлопкового голода в 1862 г. Тайный совет[185] поручил д-ру Смиту изучить вопрос о том,

---

[107)] К Англии всегда причисляется Уэльс, к Великобритании — Англия, Уэльс и Шотландия, к Соединенному королевству — эти три страны и Ирландия.

[108)] Своеобразный свет на прогресс, который имел место со времен А. Смита, бросает то обстоятельство, что для него слово workhouse [работный дом] иногда еще было равнозначно слову manufactory [мануфактура]. Например, в начале главы о разделении труда: «В одном и том же работном доме часто могут быть собраны лица, занятые в различных отраслях труда»[184].

как питаются обнищавшие хлопчатобумажные рабочие Ланкашира и Чешира. Многолетние прежние наблюдения привели его к заключению, что «для предупреждения заболеваний, вызываемых голодом» (starvation diseases), в дневном рационе работницы должно содержаться в среднем по меньшей мере 3900 гранов углерода и 180 гранов азота, в дневном рационе мужчины — по меньшей мере 4300 гранов углерода и 200 гранов азота, т. е. для женщины приблизительно столько питательных веществ, сколько их содержится в двух фунтах хорошего пшеничного хлеба, для мужчины на $^1/_9$ больше; в среднем для взрослых мужчин и женщин полагается по меньшей мере 28600 гранов углерода и 1330 гранов азота в неделю. Его подсчеты нашли поразительное подтверждение на практике, совпав с тем жалким количеством пищи, до которого было понижено из-за нужды потребление рабочих хлопчатобумажной промышленности. В декабре 1862 г. они получили 29211 гранов углерода и 1295 гранов азота в неделю.

В 1863 г. Тайный совет предпринял обследование бедственного положения наиболее плохо питающейся части английского рабочего класса. Д-р Саймон, медицинский инспектор Тайного совета, избрал для этой работы упомянутого выше д-ра Смита. Обследование охватывает, с одной стороны, сельскохозяйственных рабочих, с другой стороны — шелкоткачей, швей, рабочих, делающих кожаные перчатки, чулочников, вязальщиков перчаток и сапожников. Последние категории, за исключением чулочников, — исключительно городские рабочие. При обследовании было принято за правило в каждой категории выбирать семейства наиболее здоровые и находящиеся в относительно лучших условиях.

Общий вывод был таков, что

«только у одной из обследованных категорий городских рабочих количество потребляемого азота немного превышало тот абсолютный минимум, ниже которого наступают болезни от голода; что у двух категорий наблюдается недостаток — у одной из них очень большой недостаток — потребления как азотистой, так и углеродистой пищи; что более одной пятой обследованных семей, занимающихся земледелием, получают углеродистую пищу в количестве, меньшем необходимого, более одной трети получают менее необходимого количества азотистой пищи, а в трех графствах (Беркшир, Оксфордшир и Сомерсетшир) недостаток азотистой пищи был обычным явлением»[109].

Среди сельскохозяйственных рабочих хуже всех питались сельскохозяйственные рабочие Англии, этой богатейшей части Соединенного королевства[110]. Среди сельскохозяйственных

[109] «Public Health. 6th Report etc. for 1863». London, 1864, p. 13.
[110] Там же, стр. 17.

рабочих вообще недоедали главным образом женщины и дети, так как «мужчина должен есть, чтобы выполнять свою работу». Еще большая нужда свирепствовала среди обследованных городских категорий рабочих. «Они питаются так плохо, что во многих случаях неминуемы жестокие и разрушающие здоровье лишения» (все это — «самоотречение» капиталиста! т. е. отречение от оплаты жизненных средств, необходимых просто для прозябания его рабочих!)[111].

В следующей таблице сравнивается питание упомянутых выше чисто городских категорий рабочих с тем количеством пищи, которое д-р Смит признает минимальным, и с питанием хлопчатобумажных рабочих во время их величайшей нужды[112].

	Среднее еженедельное количество углерода (в гранах)	Среднее еженедельное количество азота (в гранах)
Рабочие обоего пола пяти городских отраслей промышленности….................	28 876	1 192
Безработные ланкаширские фабричные рабочие обоего пола……………………………	29 211	1 295
Минимум, предложенный для ланкаширских рабочих, в среднем для мужчин и женщин..……………………...	28 600	1 330

Половина, $^{60}/_{125}$, из числа обследованных промышленных рабочих совершенно не потребляли пива, 28% — молока. Среднее еженедельное количество жидких пищевых продуктов колебалось от 7 унций на семью у швей до $24^3/_4$ унции у чулочников. Большую часть тех, кто совершенно не потреблял молока, составляли лондонские швеи. Количество еженедельно потребляемого хлеба колебалось от $7^3/_4$ ф. у швей до $11^1/^4$ ф. у сапожников и в среднем составляло 9,9 ф. в неделю на одного взрослого. Количество сахара (сиропа и т. д.) колебалось от 4 унций в неделю у производителей кожаных перчаток до 11 унций у чулочников; среднее еженедельное количество для всех категорий — 8 унций на одного взрослого. Общая средняя цифра еженедельного потребления масла (жира и т. д.) — 5 унций на одного взрослого. Среднее еженедельное количество мяса (сала и т. д.) колебалось, при расчете на одного взрослого, от $7^1/_4$, унции у шелкоткачей до $18^1/_4$ унции

[111] «Public Health. 6th Report etc. for 1863». London, 1864, p. 13.
[112] Там же, приложение, стр. 232.

у производителей кожаных перчаток; в среднем для различных категорий 13,6 унции. Еженедельный расход на питание взрослого выразился в следующих средних числах: шелкоткачи — 2 шилл. $2^1/_2$ пенса, швеи — 2 шилл. 7 пенсов, производители кожаных перчаток — 2 шилл. $9^1/_2$ пенсов, сапожники — 2 шилл. $7^3/_4$ пенса, чулочники — 2 шилл. $6^1/_4$ пенса. Для шелкоткачей Маклсфилда средний расход составил только 1 шилл. $8^1/_2$ пенсов в неделю. Наиболее плохо питающимися категориями были швеи, шелкоткачи и производители кожаных перчаток[113)].

В своем общем санитарном отчете д-р Саймон так говорит об этих условиях питания:

«Всякий, кто знаком с медицинской практикой среди бедных или с пациентами больницы, стационарными или приходящими, подтвердит, что в многочисленных случаях недостаток питания порождает или обостряет болезни... Но с санитарной точки зрения сюда присоединяется еще одно очень важное обстоятельство... Следует вспомнить, что значительное ухудшение питания становится фактом лишь после упорного противодействия и что, как правило, оно следует за другими предшествующими лишениями. Задолго до того, как недостаток питания окажет свое действие на здоровье, задолго до того, как физиолог начнет взвешивать те граны азота и углерода, между которыми колеблется жизнь и голодная смерть, — задолго до этого в домашнем быту исчезают все материальные удобства. Одежда и отопление становятся еще более скудными, чем пища. Нет достаточной защиты от суровой погоды; жилищная теснота доходит до такой степени, что становится причиной болезней или их обострения; домашняя утварь и мебель почти отсутствуют; даже поддержание чистоты становится слишком дорогим или затруднительным. Если еще из чувства собственного достоинства и делаются попытки поддержать ее, то всякая такая попытка ведет к новым мукам голода. Жилища отыскивают там, где они самые дешевые, в таких кварталах, где предписания санитарной полиции дают наименьшие результаты, где самые отвратительные стоки, самое плохое сообщение, больше всего нечистот, самое жалкое или плохое водоснабжение и, поскольку это касается городов, самый большой недостаток света и воздуха. Таковы опасности для здоровья, которым неминуемо подвергается беднота, если ее бедность сопряжена с недостаточным питанием. Если сумма этих зол имеет страшное значение для жизни, то одна недостаточность питания ужасна уже сама по себе... Это наводит на грустные размышления, особенно если вспомнить, что бедность, о которой идет речь, вовсе не является заслуженным результатом праздности. Это — бедность рабочих. Ведь труд, ценой которого городские рабочие покупают это скудное количество пищи, в большинстве случаев удлиняется свыше всякой меры, и, однако, лишь в очень условном смысле можно сказать, что труд этот дает рабочему возможность поддерживать свое существование... В общем это номинальное поддержание своего существования представляет собой лишь более короткий или более длинный окольный путь к пауперизму»[114)].

Только понимание экономических законов раскрывает внутреннюю связь между муками голода наиболее трудолюбивых

113) «Public Health. 6th Report etc. for 1863». London, 1864, p. 232, 233.
114) Там же, стр. 14, 15.

слоев рабочих и грубой или утонченной расточительностью богатых, основанной на капиталистическом накоплении. Совершенно иначе с жилищными условиями. Здесь всякий беспристрастный наблюдатель видит, что чем обширнее централизация средств производства, тем больше соответствующее скопление рабочих на одной и той же площади, и что, следовательно, чем быстрее капиталистическое накопление, тем хуже состояние жилищ рабочих. Сопровождающие рост богатства «улучшения» (improvements) городов посредством сноса плохо застроенных кварталов, путем возведения дворцов для банков и универсальных магазинов и т. д., посредством расширения улиц для деловых сношений и для роскошных экипажей, путем постройки конок и т. д. быстро вытесняют бедноту во все худшие и худшие и все более переполненные трущобы. С другой стороны, всякому известно, что дороговизна жилых помещений обратно пропорциональна их качеству и что рудники нищеты эксплуатируются строителями-спекулянтами с большей прибылью и меньшими издержками, чем эксплуатировались когда-либо серебряные рудники Потоси. Антагонистический характер капиталистического накопления, а следовательно, и отношений капиталистической собственности вообще[115)], здесь до такой степени очевиден, что даже английские официальные отчеты по этому поводу изобилуют еретическими выпадами против «собственности и ее прав». Зло так распространяется с развитием промышленности, накоплением капитала, ростом и «похорошением» городов, что один страх заразных болезней, не дающих пощады и «почтенной публике», с 1847 по 1864 г. вызвал не менее 10 санитарно-полицейских парламентских актов, а перепуганная буржуазия некоторых городов, как Ливерпуль, Глазго и т. д., использовала в целях защиты свои муниципалитеты. Однако д-р Саймон в своем отчете за 1865 г. восклицает: «Вообще говоря, за этим злом в Англии совершенно не следят». По распоряжению Тайного совета в 1864 г. произведено обследование жилищных условий сельскохозяйственных рабочих, в 1865 г. — беднейших классов в городах. Превосходная работа д-ра Джулиана Хантера отражена в седьмом и восьмом отчетах (1865 г.) о здоровье населения. К сельскохозяйственным рабочим я перейду позже. Описанию же городских жилищных условий я предпошлю следующее общее замечание д-ра Саймона:

[115)] «Нигде еще права личности не приносились так открыто и так бесстыдно в жертву праву собственности, как в жилищных условиях рабочего класса. Каждый большой город — это место человеческих жертвоприношений, алтарь, на котором ежегодно убиваются тысячи для Молоха жадности» (*S. Laing,* цит. соч., стр. 150).

«Хотя моя официальная точка зрения», — говорит он, — «исключительно медицинская, однако самое обыкновенное чувство гуманности не позволяет игнорировать и другую сторону этого зла. Доведенная до высокой степени скученность почти неизбежно обусловливает такое отрицание всяких приличий, такое грязное смешение тел и физических отправлений, такую наготу полов, что все это напоминает скорее зверей, чем людей. Подвергаться таким влияниям — это унижение, которое тем глубже, чем дольше оно продолжается. Для детей, родившихся под этим проклятием, оно служит крещением к позору (baptism into infa my). И сверхбезнадежно было бы желание, чтобы люди, поставленные в такие условия, в других отношениях стремились к той атмосфере цивилизации, сущность которой заключается в физической и моральной чистоте»[116].

Лондон занимает первое место по переполненности жилых помещений или даже по абсолютной непригодности их для человеческого жилья.

«Несомненны два обстоятельства», — говорит д-р Хантер, — «во-первых, в Лондоне имеется около 20 больших поселений, каждое приблизительно по 10000 человек, бедственное положение которых превосходит все, что когда-либо было видано в Англии, и положение это почти всецело является результатом плохого устройства жилищ; во-вторых, переполненность и ветхость домов в этих поселениях теперь гораздо больше, чем 20 лет тому назад»[117]. «Не будет преувеличением сказать, что жизнь во многих частях Лондона и Ньюкасла — адская»[118].

Но и находящаяся в относительно лучшем положении часть рабочего класса, а также мелкие лавочники и другие элементы мелкой буржуазии в Лондоне все более подпадают под проклятие этих отвратительных жилищных условий по мере того, как прогрессируют «улучшения», а вместе с ними снос старых улиц и домов, по мере того, как растет число фабрик и увеличивается приток людей в столицу, — наконец, по мере того, как вместе с городской земельной рентой повышается и квартирная плата.

«Квартирная плата сделалась настолько непомерной, что лишь немногие рабочие могут оплачивать более одной комнаты»[119].

В Лондоне нет почти ни одного домовладения, которое не было бы опутано огромным количеством «middlemen» [«посредников»]. Цена земли в Лондоне всегда чрезвычайно высока по сравнению с ее годовой доходностью, в особенности потому, что каждый покупатель рассчитывает на то, чтобы раньше

---

116) «Public Health. 8th Report». London, 1866, p. 14, примечание.

117) Там же, стр. 89. Относительно детей в этих поселениях д-р Хантер говорит:

«Мы не знаем, как воспитывались дети до-этой эпохи огромной скученности бедных, но надо быть смелым пророком, чтобы решиться предсказать все, чего можно ожидать от детей, которые при условиях, не имеющих себе равных в этой стране, теперь подготовляются воспитанием к своему будущему в среде опасных классов, воспитываются, проводя время до полуночи с людьми разных возрастов, пьяными, непристойными и сварливыми» (там же, стр. 56).

118) «Public Health. 8th Report». London, 1866, p. 62.

119) «Report of the Officer of Health of St. Martin's-in-the-Fields», 1866.

или позже разделаться с ней по Jury Price (по таксе, устанавливаемой при экспроприациях присяжными) или же выиграть от чрезвычайного повышения ее стоимости благодаря соседству с каким-нибудь крупным предприятием. Следствием является постоянная скупка договоров об аренде, срок которых близится к окончанию.

«От джентльменов, занимающихся этим делом, можно было ожидать, что они будут действовать так, как они действуют, что они постараются выколотить все возможное из квартирантов и передать дома своим преемникам в таком жалком состоянии, какое только возможно»[120].

Квартирная плата еженедельная, и эти господа не подвергаются никакому риску. Вследствие постройки железной дороги в черте города

«недавно в один субботний вечер в восточной части Лондона можно было видеть множество семей, изгнанных из своих старых жилищ; они бродили со своими жалкими пожитками за спиной и нигде не могли найти пристанища, кроме работного дома»[121].

Работные дома уже переполнены, а «улучшения», уже разрешенные парламентом, находятся еще только в начале своего осуществления. Если рабочие изгоняются вследствие сноса их старых домов, то они не покидают своего прихода или, самое большее, поселяются в самом близком соседстве с ним.

«Естественно, они стараются поселиться как можно ближе к месту своей работы. И получается так, что вместо двух комнат, семья вынуждена поселиться в одной. Даже при более высокой квартирной плате жилое помещение оказывается хуже, чем то плохое, из которого семью выгнали. Уже половине рабочих в Странде требуется идти две мили до места работы».

Этот Странд, главная улица которого поражает иностранца богатством Лондона, может служить примером скученности людей в Лондоне. В одном приходе Странда медицинский инспектор насчитал 581 человека на акр, причем к этому акру отнесено и водное пространство вплоть до середины русла Темзы. Само собой разумеется, что всякая санитарно-полицейская мера, которая, как было до сих пор в Лондоне, разрушая негодные дома, изгоняет рабочих из одного квартала, на практике приводит лишь к тому, что они еще теснее скучиваются в другом.

«Или», — говорит д-р Хантер, — «вся эта процедура, как совершенно нелепая, должна прекратиться, или же должны пробудиться общественные симпатии (!) к тому, что теперь можно без преувеличения назвать национальным долгом, именно — к предоставлению крова людям, которые

[120] «Public Health. 8th Report». London, 1866, p. 91.
[121] Там же, стр. 88.

по недостатку капитала не могут этот кров сами приобрести, но могли бы оплатить его периодическими платежами»[122].

Удивительная это вещь, капиталистическая справедливость! Земельный собственник, домовладелец, предприниматель при всякой экспроприации по случаю «улучшений», например при постройке железных дорог, прокладке новых улиц и т. д., не только получает полное вознаграждение: за свое вынужденное «самоотречение» он по законам божеским и человеческим должен быть утешен кроме того еще изрядной прибылью. А вот рабочих с женами, детьми и всем имуществом выбрасывают на улицу, и если они слишком большими массами отправляются в те городские кварталы, за благоприличием которых муниципалитет следит особенно, то их преследует санитарная полиция!

Кроме Лондона в начале XIX столетия в Англии не было ни одного города, в котором насчитывалось бы 100000 жителей. Только в пяти насчитывалось более 50000. Теперь существует 28 городов более чем с 50000 жителей каждый.

«Результатом этой перемены был не только огромный прирост городского населения, но и то, что старые скученные мелкие города сделались теперь центрами, которые обстроены со всех сторон, без всякого доступа свежего воздуха. Так как богатым проживать в них уже неприятно, то они переселяются в более приятные предместья. Люди, приходящие на место этих богатых, размещаются в больших домах, по семье на каждую комнату, и часто еще пускают к себе квартирантов. Таким образом население скучивается в домах, предназначенных не для него, совершенно не приспособленных для него, в обстановке поистине унизительной для взрослых и гибельной для детей»[123].

Чем быстрее в каком-либо промышленном или торговом городе накопляется капитал, тем быстрее прилив доступного эксплуатации человеческого материала, тем хуже импровизированные жилища рабочих. Поэтому Ньюкасл-апон-Тайн, как центр непрерывно развивающегося каменноугольного и горнорудного округа, занимает после Лондона второе место по прелестям жилищного ада. В каморках живет там не менее 34000 человек. В Ньюкасле и Гейтсхеде по распоряжению полиции недавно снесено значительное количество домов как общественно опасных. Постройка новых домов идет очень медленно, предпринимательская деятельность развивается очень быстро. Поэтому в 1865 г. город был более переполнен, чем когда-либо прежде. Едва ли кто сдавал хотя бы одну каморку. Д-р Эмблтон из ньюкаслской больницы говорит:

«Вне всякого сомнения, причина большой продолжительности и широкого распространения тифа лежит в чрезмерном скоплении людей

[122] «Public Health. 8th Report». London, 1866, p. 89.
[123] Там же. стр. 56.

и загрязненности их жилищ. Дома, в которых обыкновенно живут рабочие, расположены в глухих переулках и во дворах. В отношении света, воздуха, простора и чистоты — это истинные образцы непригодности и антисанитарии, позор для всякой цивилизованной страны. По ночам мужчины, женщины и дети лежат вперемешку. У мужчин ночная смена без перерыва следует за дневной и дневная за ночной, так что постели едва успевают остыть. Дома плохо обеспечены водой, еще хуже отхожими местами, грязны, не вентилируются, служат источником заразы»[124].

Недельная плата за проживание в такой дыре составляет от 8 пенсов до 3 шиллингов.

«Ньюкасл-апон-Тайн», — говорит д-р Хантер, — «являет собой пример того, как одно из самых красивых племен среди наших соотечественников в силу условий жилья и улицы часто опускается почти до одичания»[125].

Вследствие приливов и отливов капитала и труда сегодня сносные жилищные условия какого-нибудь промышленного города завтра могут сделаться отвратительными. Подчас городские власти приступают, наконец, к устранению наиболее вопиющих безобразий. Но завтра же появляются, как туча саранчи, ирландские оборванцы или опустившиеся английские сельскохозяйственные рабочие. Их спроваживают в подвалы и амбары или превращают приличный до того времени дом для рабочих в ночлежку, в которой жильцы сменяются так же быстро, как солдатские постои во время Тридцатилетней войны. Пример — Брадфорд. Там муниципальные филистеры как раз занялись городской реформой. К тому же там в 1861 г. имелся еще 1751 незаселенный дом. Но вдруг дела пошли хорошо, о чем недавно так мило поведал сладко-либеральный г-н Форстер, друг негров. С улучшением дел неизбежно наводнение потоками постоянно убывающей и прибывающей «резервной армии», или «относительного перенаселения». Отвратительные подвальные помещения и каморки, зарегистрированные в списке[126], полученном д-ром Хантером от агента

[124] «Public Health. 8th Report». London, 1866, p. 149.
[125] Там же, стр. 50.
[126] Там же, стр. 111. Список, составленный агентом одного общества страхования рабочих в Брадфорде:

Валкан-стрит, № 122	1 комната	16	человек
Ламли-стрит, №13	1 комната	11	человек
Бауэр-стрит, № 41	1 комната	11	человек
Портленд-стрит, № 112	1 комната	10	человек
Харди-стрит, №17	1 комната	10	человек
Норт-стрит, № 18	1 комната	16	человек
Там же, № 17	1 комната	13	человек
Ваймер-стрит, № 19	1 комната	8	взрослых
Джоует-стрит, № 56	1 комната	12	человек
Джордж-стрит, № 150	1 комната	3	семьи
Райфл-Корт, Мэригейт, № 11	1 комната	11	человек
Маршалл-стрит, № 28	1 комната	10	человек
Там же, № 49	3 комнаты	3	семьи

одного страхового общества, были заняты по большей части хорошо оплачиваемыми рабочими. Они заявляли, что были бы готовы заплатить за лучшие помещения, если бы могли найти таковые... Они со своими семьями опускаются и чахнут от болезней, в то время как сладко-либеральный Форстер, член парламента, проливает слезы умиления перед благодеяниями свободы торговли и барышами, которые получают на шерстяных делах знаменитости Брадфорда. В отчете от 5 сентября 1865 г. д-р Белл, один из брадфордских врачей для бедных, объясняет ужасающую смертность от лихорадки в его округе жилищными условиями:

«В одном подвале в 1 500 кубических футов живут 10 человек... На Винсент-стрит, Грин-Эйр-Плейс и Лис стоят 223 дома с 1450 обитателями, 435 постелями и 36 отхожими местами... На каждую постель, а под постелью я разумею всякую груду грязного тряпья или охапку стружек, приходится в среднем 3,3 человека, иногда 5 и 6 человек. Многие спят на голом полу, не раздеваясь, — молодые мужчины и женщины, женатые и холостые, все вперемешку. Надо ли еще добавлять, что эти помещения в большинстве случаев представляют собой темные, сырые, грязные и вонючие лачуги, совершенно не пригодные для человеческого жилья. Это центры, из которых распространяются болезни и смерть, выхватывающие свои жертвы и среди зажиточных (of good circumstances), которые допускают, чтобы такие чумные нарывы гноились в нашей среде»[127].

По жилищной нужде после Лондона третье место занимает Бристоль.

«Здесь, в одном из богатейших городов Европы, величайший избыток неприкрытой нищеты («blankest poverty») и жилищной нужды»[128].

с) БРОДЯЧЕЕ НАСЕЛЕНИЕ

Обратимся теперь к слою населения, деревенскому по своему происхождению и большей частью промышленному по своим занятиям. Это — легкая инфантерия капитала, перебрасываемая

Джордж-стрит, № 128	1 комната	18	человек
Там же, № 130	1 комната	16	человек
Эдвард-стрит, № 4	1 комната	17	человек
Джордж-стрит, № 49	1 комната	2	семьи
Йорк-стрит, № 34	1 комната	2	семьи
Солт Пай-стрит (низ)	2 комнаты	26	человек
Подвалы			
Риджент-сквер	1 подвал	8	человек
Эйкр-стрит	1 подвал	7	человек
Робертс-Корт, № 33	1 подвал	7	человек
Бэк Прэт-стрит, помещение служит мастерской медников	1 подвал	7	человек
Эбенизер-стрит, № 27	1 подвал	6	человек (ни одного мужчины старше 18 лет)

[127] «Public Health. 8th Report». London, 1866, p. 114.
[128] Там же, стр. 50.

с места на место, смотря по его надобностям. Когда она не в походе, она «стоит лагерем». Бродячие рабочие употребляются для различных строительных работ, для дренирования, для производства кирпича, обжига извести, для железнодорожных работ и т. д. Как странствующий источник заразы, эти рабочие приносят оспу, тиф, холеру, скарлатину и т. д. во все места, по соседству с которыми они располагаются лагерями[129]. В предприятиях со значительными капиталовложениями, как железнодорожное строительство и т. д., предприниматель обыкновенно сам предоставляет своей армии деревянные бараки и т. п. — импровизированные деревни без всяких санитарных приспособлений, не подчиненные контролю местных властей, очень прибыльные для господина подрядчика, который вдвойне эксплуатирует рабочих: и как солдат промышленности и как квартиросъемщиков. Смотря по тому, сколько конур имеется в деревянном бараке, одна, две или три, жильцу, т. е. землекопу и т. п., приходится платить за него 2, 3, 4 шилл, в неделю[130]. Достаточно будет одного примера. В сентябре 1864 г., — сообщает д-р Саймон, — министром внутренних дел сэром Джорджем Греем было получено следующее донесение от председателя Комитета по устранению антисанитарных условий в приходе Севенокс:

«Еще примерно 12 месяцев тому назад оспа была совершенно неизвестна в нашем приходе. Незадолго до этого времени начались работы по постройке железной дороги от Луишема до Тонбриджа. Не говоря уже о том, что главные работы производились в непосредственном соседстве с этим городом, в нем были расположены главные склады всего предприятия. Поэтому здесь было занято большое число рабочих. Так как невозможно было всех их поместить в коттеджах, то подрядчик, г-н Джей, распорядился построить вдоль дороги на различных пунктах бараки для расквартирования рабочих. В этих бараках не было ни вентиляции, ни стоков, и притом они были по необходимости переполнены, потому что каждый квартиросъемщик был вынужден брать к себе других жильцов, как бы многочисленна ни была его собственная семья и несмотря на то, что в каждом бараке было всего две комнаты. Согласно медицинскому отчету, полученному нами, следствием было то, что этим несчастным приходилось по ночам подвергаться всем мукам удушья, чтобы предохранить себя от заразных испарений из грязных луж и отхожих мест, расположенных прямо под окном. Наконец, нашему комитету была подана жалоба одним врачом, который имел случай посетить эти бараки. Он в самых горьких выражениях говорил о состоянии этих так называемых жилищ и опасался очень серьезных последствий, если не будут приняты некоторые санитарные меры. Почти год тому назад упомянутый Джей обязался построить дом, в который немедленно следует удалять занятых у него рабочих при заболевании заразными болезнями. В конце июля текущего года он повторил это обещание, но для исполнения его совершенно ничего не сделал, хотя

[129] «Public Health. 7th Report». London, 1865, p. 18.
[130] Там же, стр. 165.

с того времени было несколько случаев оспы и два смертных случая от нее. 9 сентября врач Келсон сообщил мне о новых случаях оспы в этих бараках, положение в которых, по его описанию, ужасно. К вашему» (министра) «сведению я должен добавить, что в нашем приходе имеется изолированный дом, так называемый дом заразных, в котором содержатся прихожане, страдающие инфекционными болезнями. Вот уже несколько месяцев, как этот дом постоянно переполнен больными. В одной семье пять детей умерло от оспы и лихорадки. С 1 апреля по 1 сентября текущего года было не меньше 10 смертных случаев от оспы, в том числе 4 в упомянутых бараках, источниках заразы. Число заболеваний определить невозможно, потому что семьи, в которых они происходят, стараются по возможности скрывать это»[131].

Рабочие каменноугольных и других шахт принадлежат к наиболее высоко оплачиваемым категориям британского пролетариата. Какой ценой покупают они свою заработную плату, уже было показано в другом месте[132]. Я брошу здесь беглый взгляд на их жилищные условия. Эксплуататор шахт, будет ли то собственник или арендатор, обыкновенно устраивает известное число коттеджей для своих рабочих. Рабочие получают коттеджи и уголь для отопления «даром», т. е. это составляет часть заработной платы, выдаваемую натурой. Если некоторые не могут быть расквартированы таким образом, они получают взамен этого 4 ф. ст. в год. Горнопромышленные округа быстро привлекают многочисленное население, состоящее из самих горнорабочих и группирующихся вокруг них ремесленников, лавочников и т. д. Как и повсюду, где плотность населения велика, земельная рента стоит здесь на высоком уровне. Поэтому горнопромышленник старается на самом ограниченном строительном участке при входе в шахту поставить по возможности больше коттеджей, как раз столько, сколько необходимо для того, чтобы втиснуть туда всех своих рабочих вместе с их семьями. Если поблизости открываются новые копи или вновь начинают разрабатываться старые, то теснота возрастает. При постройке коттеджей решающее значение имеет лишь одна точка зрения: «самоотречение» капиталиста от всяких не абсолютно неизбежных затрат наличными.

---

[131] «Public Health. 7th Report». London, 1865, p. 18, примечание. Попечитель о бедных в Чапел-эн-ле-Фрит Юнион сообщает генеральному регистратору: «В Давхолсе сделано много мелких пещер в большом холме известкового шлака. Эти пещеры служат жилищами землекопам и другим рабочим, занятым при постройке железной дороги. Пещеры тесны, сыры, без стоков для нечистот и без отхожих мест. В них нет никаких приспособлений для вентиляции, за исключением отверстия в своде, которое служит в то же время и дымоходом. Оспа свирепствует и уже была причиной нескольких смертных случаев» (среди троглодитов) (там же, примечание 2).

[132] Подробности, приведенные на стр. 505 и сл., относятся главным образом к рабочим каменноугольных шахт. Относительно положения в рудниках, которое еще хуже, см. добросовестный отчет Королевской комиссии 1864 года.

«Жилища шахтеров и других рабочих, связанных с копями Нортумберленда и Дургама», — говорит д-р Джулиан Хантер, — «в общем являются, быть может, самыми плохими и самыми дорогими из всего, что по этой части представляет в крупном масштабе Англия, за исключением, однако, подобных округов в Монмутшире. Крайне плохое состояние их обусловливается большим количеством жильцов в каждой комнате, малыми размерами строительного участка, на котором разбросано множество домов, недостатком воды и отсутствием отхожих мест, нередко практикуемым расположением одного дома на другом или разделением их на flats (так что различные коттеджи образуют этажи, расположенные по вертикали один над другим)... Предприниматель смотрит на всю колонию так, будто она просто стоит лагерем, а не живет постоянно»[133]. «Во исполнение полученных мною инструкций», — говорит д-р Стивене, — «я посетил большую часть крупных горнозаводских селений Дургам Юнион... За очень малым исключением, следует сказать, что нигде не принимается каких бы то ни было мер для охраны здоровья жителей... Все горнорабочие прикреплены» (bound, как и bondage, — выражение, относящееся к эпохе крепостного права) «на 12 месяцев к арендатору («lessee») или собственнику копей. Если они обнаружат свое неудовольствие или иным способом досадят надсмотрщику («viewer»), то он против их имени в своей книге ставит значок или пометку и увольняет их при заключении нового годового контракта... Мне кажется, что ни один из видов truck-system [системы оплаты труда товарами] не может быть хуже того, который господствует в этих густо населенных округах. Рабочий вынужден получать в качестве части своей заработной платы дом, находящийся в окружении источников заразы. Он не в состоянии сам помочь себе. Он во всех отношениях крепостной (he is to all intents and purposes a serf). Да и вообще приходится сомневаться, чтобы кто-либо мог помочь ему кроме его собственника, а этот собственник исходит прежде всего из интересов своего баланса, и результат этого не трудно предугадать. От собственника же получает рабочий и воду. Хорошая она или плохая, обеспечивается она или нет, рабочий во всяком случае должен платить за нее или, точнее, из его заработной платы будет сделано удержание»[134].

В случае конфликта с «общественным мнением» или даже с санитарной полицией капитал нисколько не стесняется «оправдывать» отчасти опасные, отчасти унизительные условия, в которые он ставит труд и домашнюю жизнь рабочего, тем соображением, что это необходимо для более прибыльной эксплуатации рабочего. Так он поступает, когда самоотрекается от приспособлений для защиты от опасных машин на фабриках, от вентиляции и предохранительных мер в шахтах и т. д. Так он поступает и здесь, в случае с жилыми помещениями горнорабочих.

«В оправдание недостойных жилищных условий», — говорит в своем официальном отчете д-р Саймон, медицинский инспектор Тайного совета, — «ссылаются на то, что шахты обыкновенно эксплуатируются на арендных началах; что продолжительность арендного договора (в каменноугольных шахтах по большей части 21 год) слишком коротка для того, чтобы арен-

[133] «Public Health. 7th Report». London, 1865, p. 180, 182.
[134] Там же, стр. 515, 517.

датору стоило устраивать хорошо приспособленные жилища для рабочих, ремесленников и т. д., которых привлекает предприятие; если бы даже он и захотел быть щедрым в этом отношении, то земельный собственник разрушил бы его планы. Он постарался бы немедленно получить чрезвычайно высокую добавочную ренту за ту привилегию, что на поверхности построено приличное и комфортабельное селение с жилыми помещениями для рабочих, извлекающих его подземную собственность. Эта запретительная цена, если только не прямое запрещение, удерживает и тех, кто иначе был бы склонен строить приличные жилища... Я не буду вдаваться в рассмотрение вопроса об основательности этого оправдания, а также вопроса о том, кто нес бы в конечном счете добавочные затраты по постройке приличных жилых помещений: земельный собственник, арендатор копей, рабочие или общество... Но поскольку позорные факты, которые разоблачаются в прилагаемых отчетах» (д-ра Хантера, Стивенса и др.), «действительно существуют, необходимо принять меры для их устранения... Правами земельной собственности пользуются здесь таким образом, что совершают большую общественную несправедливость. В качестве собственника недр земельный собственник приглашает промышленную колонию для работы в его владениях, а потом в качестве собственника поверхности делает невозможным для призванных им рабочих найти удовлетворительное жилое помещение. Арендатор копей» (капиталистический эксплуататор) «денежно нисколько не заинтересован в том, чтобы противодействовать такой двойственности, так как ему хорошо известно, что если притязания земельного собственника непомерны, то последствия падут не на него, что рабочие, на которых падут они, слишком невежественны для того, чтобы знать свои права на здоровье, и что ни самые отвратительные жилища, ни самая гнилая вода никогда не послужат поводом для стачки»[135].

d) ВЛИЯНИЕ КРИЗИСОВ НА НАИБОЛЕЕ ВЫСОКО ОПЛАЧИВАЕМУЮ ЧАСТЬ РАБОЧЕГО КЛАССА

Прежде чем перейти к собственно сельскохозяйственным рабочим, я покажу еще на одном примере, какое влияние оказывают кризисы даже на наиболее высоко оплачиваемую часть рабочего класса, на его аристократию. Напомним, что 1857 г. принес один из тех крупных кризисов, которыми каждый раз завершается промышленный цикл. Следующий кризис пришелся на 1866 год. Уже предвосхищенный в собственно фабричных округах хлопковым голодом, который перегнал много капитала из обычной сферы вложения в крупные центры денежного рынка, кризис принял на этот раз преимущественно финансовый характер. Сигналом его начала послужил крах в мае 1866 г. одного из огромных лондонских банков, за которым быстро последовало крушение многочисленных спекулятивных финансовых обществ. Одной из крупных лондонских отраслей производства, которые постигла катастрофа, было железное судостроение. Магнаты этой отрасли промышленности в период

[135] «Public Health. 7th Report». London, 1865, p. 16.

подъема не только перепроизвели свыше всякой меры, но кроме того и взяли на себя по контрактам обязательства о выполнении огромных поставок, рассчитывая на то, что источник кредита и впредь будет течь с прежним изобилием. Теперь же наступила страшная реакция, которая как в этой, так и в других отраслях лондонской промышленности[136] продолжается до настоящего момента, т. е. конца марта 1867 года. Для характеристики положения рабочих приведем следующее место из подробного сообщения одного корреспондента «Morning Star», посетившего в начале 1867 г. главные центры бедствия.

«В восточной части Лондона, в округах Поплар, Миллуолл, Гринвич, Дептфорд, Лаймхаус и Каннинг-Таун, по меньшей мере 15000 рабочих с их семьями, в том числе более 3000 квалифицированных механиков, находятся в положении крайней нужды. Их сбережения исчерпаны вследствие шести-восьмимесячной безработицы... Большого труда стоило мне протискаться к воротам работного дома (в Попларе), потому что он был осажден изголодавшейся толпой. Она ожидала талонов на хлеб, но время их раздачи еще не настало. Двор образует большой квадрат с навесом, который тянется вокруг его стен. Большие кучи снега покрывали камни мостовой посредине двора. Здесь небольшие площади были отгорожены, подобно загонам для овец, ивовыми плетнями; на них в хорошую погоду работают мужчины. В день моего посещения загоны были настолько засыпаны снегом, что никто не мог в них сидеть. Тем не менее под защитой выступа крыши мужчины занимались дроблением камней для мостовой. Каждый, сидя на большом камне, тяжелым молотом раскалывал обледенелый гранит, пока не набьет 5 бушелей щебня. Тогда его дневная работа кончалась, и он получал 3 пенса, а также талон на хлеб. В другой части двора стоял жалкий деревянный домик. Открыв дверь, мы увидели, что ом заполнен мужчинами, прижавшимися Друг к другу, чтобы согреться. Они щипали паклю и спорили друг с другом, кто из них при минимуме питания может проработать дольше всех, потому что выносливость была здесь делом чести. В одном этом работном доме получали поддержку 7000 человек, в том числе многие сотни таких, которые за 6 или 8 месяцев перед тем имели наивысшую в нашей стране заработную плату за квалифицированный труд. Их число было бы вдвое больше, если бы не то обстоятельство, что многие из них даже по израсходовании всех своих денежных сбережений все же избегают помощи прихода, пока у них еще остается что-

[136] «Массовое голодание бедных в Лондоне! («Wholesale starvation of the London Poor!») ... В последние дни на стенах лондонских домов были расклеены огромные плакаты со следующими примечательными объявлениями: «Жирные быки, голодающие люди! Жирные быки покинули свои хрустальные дворцы, чтобы откармливать богачей в их роскошных покоях, в то время как голодающие люди гибнут и умирают в своих жалких норах». Плакаты с этой зловещей надписью постоянно возобновляются. Едва сорвут и заклеят одну партию, как уже на том же или другом не менее заметном месте появляется новая... Это напоминает о зловещих предзнаменованиях, которые подготовляли французский народ к событиям 1789 года... В то самое время, когда английские рабочие со своими женами и детьми умирают от холода и голода, миллионы английского золота, продукт английского труда, вкладываются в русские, испанские, итальянские и другие иностранные предприятия» («Reynolds' Newspaper», 20 января 1867 г.).

нибудь для заклада... Оставив работный дом, я прошелся по улицам с одноэтажными, по большей части, домами, которых так много в Попларе. Моим проводником был член комитета безработных. Первый дом, в который мы вошли, был дом одного металлиста, не имеющего работы уже 27 недель. Я нашел его со всем его семейством в задней комнате. В комнате еще оставалась кое-какая мебель, топилась печь. Это было необходимо для того, чтобы защитить голые ноги маленьких детей от холода, — день был ужасно холодный. В тазу против огня лежала пакля, которую жена и дети щипали- за хлеб из работного дома. Муж работал в одном из вышеописанных дворов и получал талон на хлеб и 3 пенса в день. Теперь он пришел домой обедать, очень голодный, как сказал он нам с горькой усмешкой, и его обед состоял из нескольких ломтиков хлеба, намазанных салом, и чашки чаю без молока... Следующую дверь, в которую мы постучались, открыла женщина средних лет, которая, не говоря ни слова, провела нас в маленькую заднюю комнату, где молча сидела вся ее семья, устремив глаза на быстро гаснущий огонь. Такое горе, такая безнадежность были на лицах этих людей и в их маленькой комнате, что я не хотел бы еще раз увидеть подобное зрелище. «Они ничего не заработали, сударь, — сказала женщина, указывая на своих детей, — ничего в течение последних 26 недель и все наши деньги вышли, все 20 ф. ст., которые я и отец отложили в лучшие времена, надеясь перебиться с ними в плохие времена. Вот посмотрите», — почти диким голосом воскликнула она, доставая банковскую книжку со всеми ее регулярными записями внесенных и взятых обратно денег; по ней мы могли видеть, как маленькое состояние началось с первого вклада в 5 шилл., как оно мало-помалу выросло до 20 ф. ст., а потом начало таять, с фунтов стерлингов до шиллингов, пока последняя запись не сделала книжку стоящей не больше клочка чистой бумаги. Эта семья получает один скудный обед в день из работного дома. Следующий наш визит был к жене одного ирландца, который работал на корабельной верфи. Мы нашли ее больной от недоедания, она лежала в одежде на матраце, едва прикрытая лоскутом ковра, потому что все постельные принадлежности были заложены. Несчастные дети ухаживали за ней, но было видно, что сами они нуждаются в материнском уходе. Девятнадцать недель вынужденной праздности довели ее до этого положения, и, рассказывая нам историю своего горького прошлого, она вздыхала так, будто утратила всякую надежду на лучшее будущее... Когда мы вышли из дома, к нам подбежал какой-то молодой человек и просил нас зайти в его дом и посмотреть, нельзя ли что-нибудь сделать для него. Молодая жена, двое красивых ребят, куча квитанций ссудной кассы и совершенно голая комната — вот все, что он мог показать нам».

Вот еще извлечение из одной газеты тори о бедствиях, которые были последствием кризиса 1866 года. Не следует забывать, что восточная часть Лондона, о которой здесь идет речь, является не только местом, где живут упомянутые уже в тексте настоящей главы рабочие железного судостроения, но и центром так называемой «работы на дому», оплата которой всегда стоит ниже минимума.

«Ужасное зрелище развернулось вчера в одной части столицы. Хотя тысячи безработных Ист-Энда и не устраивали массовой демонстрации с черными знаменами, тем не менее людской поток был довольно внушителен. Вспомним, как страдает это население. Оно умирает от голода.

Это — простой и ужасный факт. Их 40 тысяч... На наших глазах, в одном из кварталов этой чудесной столицы, рядом с огромнейшим накоплением богатства, какое только видывал свет, совсем рядом с ним 40000 человек беспомощные умирают от голода! Теперь эти тысячи вторгаются в другие кварталы; всегда полуголодные, они кричат нам в уши о своих страданиях, взывают о них к небу, они рассказывают нам о своих нищих жилищах, о том, что им невозможно найти работу и бесполезно пробить милостыню. Плательщики местного налога в пользу бедных, в свою очередь, стоят на грани пауперизма из-за требований со стороны приходов» («Standard», 5 апреля 1867 г.).

Поскольку среди английских капиталистов вошло в моду изображать Бельгию раем для рабочих, потому что «свобода труда», или, что то же самое, «свобода капитала», не нарушается там ни деспотизмом тред-юнионов, ни фабричными законами, то следует сказать несколько слов о «счастье» бельгийского рабочего. Наверняка, никто не был более посвящен в тайны этого счастья, чем покойный г-н Дюкпесьо, главный инспектор бельгийских тюрем и благотворительных учреждений и член Центральной статистической комиссии. Обратимся к его работе: «Budgets economiques des classes ouvrieres en Belgique». Bruxelles, 1855. Здесь описывается, между прочим, средняя бельгийская рабочая семья, ежегодные расходы и доходы которой вычислены на основании очень точных данных и условия питания которой сравниваются потом с условиями питания солдата, флотского матроса и арестанта. Семья «состоит из отца, матери и четырех детей». Из этих шести лиц «четверо могут круглый год заниматься полезным трудом»; предполагается, «что среди них нет больных и нетрудоспособных», что не производится «расходов на религиозные, нравственные и интеллектуальные потребности, за исключением самого маленького расхода на оплату мест в церкви», не производится «взносов в сберегательные кассы и в кассы по обеспечению в старости», нет «расходов на предметы роскоши и вообще каких бы то ни было излишних расходов». Однако отец и старший сын курят табак и по воскресеньям ходят в трактир, на что им следует положить целых 86 сантимов в неделю.

«Из общей сводки о заработной плате, получаемой рабочими различных отраслей производства, следует... что высшая заработная плата составляет? в среднем: 1 франк 56 сантимов в день для мужчин, 89 сантимов для женщин, 56 сантимов для мальчиков и 55 сантимов для девочек. При таком расчете доходы семьи составят самое большее 1068 франков в год... Мы подсчитали общую сумму всех возможных до ходов типичной семьи. Но если считать, что и мать получает заработную плату, то мы тем самым лишаем домашнее хозяйство его руководительницы; кто позаботится тогда о доме, о маленьких детях? Кто будет стряпать, стирать, штопать? Эта дилемма каждый день встает перед рабочим».

Так получается следующий бюджет семьи:

Отец —	300	рабочих	дней	по	1,56	фр.	—	468 фр.
Мать —	»	»	»	»	0,89	»	—	267 »
Сын —	»	»	»	»	0,56	»	—	168 »
Дочь —	»	»	»	»	0,55	»	—	165 »
			Итого					1 068 фр.

Годовой расход семьи и ее дефицит составляли бы, если бы рабочий получал пищу:

Флотского матроса	1 828	фр.	и	760	фр.
Солдата	1 473	»	»	405	»
Арестанта	1 112	»	»	44	»

«Из этого видно, что лишь немногие рабочие семьи могут питаться хотя бы так, как арестанты, не говоря уже о матросах или солдатах. В среднем каждый бельгийский арестант обходился в 1847—1849 гг. в 63 сантима в день, что на 13 сантимов больше дневных издержек на пропитание рабочего. Издержки управления и надзора уравновешиваются тем, что арестант не платит за квартиру... Но как объяснить, что большое число, — мы могли бы сказать огромное большинство, — рабочих живет в еще более скудных условиях? Только тем, что рабочие прибегают к средствам, тайна которых известна им одним; они урезывают свою ежедневную порцию; едят ржаной хлеб вместо пшеничного; едят меньше мяса или совсем не едят его; то же с маслом и овощами; семья теснится в одной или двух каморках, в которых вместе спят девочки и мальчики, часто на одном и том же соломенном тюфяке; они экономят на одежде, белье, средствах поддержания чистоты; отказывают себе в праздничных развлечениях, иными словами — идут на самые тягостные лишения. Раз рабочий дошел до этой крайней границы, самое ничтожное повышение цены жизненных средств, всякая заминка в работе, болезнь увеличивают нищету рабочего и доводят его до полного разорения. Долги растут, отказывают в кредите, одежда и необходимейшая мебель отправляются в ломбард, и все кончается тем, что семья обращается с просьбой внести ее в список бедных»[137].

В самом деле, в этом «раю капиталистов» за малейшим изменением цены необходимейших жизненных средств следует изменение числа смертных случаев и преступлений! (см. «Manifest der Maatschappij De Vlamingen Vooruit! Brussel, 1860», p. 12). Во всей Бельгии насчитывается 930000 семей. Из них, по официальной статистике, 90000 богатых семей (избиратели) — это 450000 человек; 390000 семей мелкой буржуазии, городской и деревенской, значительная часть которой постоянно переходит в ряды пролетариата, — это 1950000 человек; наконец, 450000 рабочих семей — всего 2250000 человек, из числа которых образцовые семьи наслаждаются счастьем, описанным Дюкпесьо. Из 450000 рабочих семей более 200000 в списке бедных!

[137] *Ducpetiaux*, цит. соч., стр. 151, 154, 155.

е) БРИТАНСКИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ

Антагонистический характер капиталистического производства и накопления нигде не проявляется в более грубой форме, чем в прогрессе английского сельского хозяйства (включая сюда и животноводство) и в регрессе английского сельскохозяйственного рабочего. Прежде чем перейти к его современному положению, бросим беглый взгляд назад. Современное земледелие в Англии ведет свое начало с середины XVIII века, хотя переворот в отношениях земельной собственности, из которого, как из своей основы, исходило изменение способа производства, относится к значительно более раннему времени.

Если мы обратимся к Артуру Юнгу, точному наблюдателю, но поверхностному мыслителю, и возьмем у него данные о сельскохозяйственных рабочих в 1771 г., то окажется, что они играют очень жалкую роль по сравнению со своими предшественниками конца XIV века, «когда они могли жить среди изобилия и накоплять богатство»[138]; мы уже вовсе не говорим о XV веке, «золотом веке английских рабочих в городе и деревне». Однако нам нет необходимости возвращаться так далеко назад. В одной очень содержательной работе 1777 г. мы читаем:

> «Крупный фермер поднялся почти до уровня джентльмена, между тем как бедный сельскохозяйственный рабочий придавлен почти до земли. Его несчастное положение выступает с полной ясностью, если сравнить условия его жизни в настоящее время и 40 лет тому назад. Земельный собственник и фермер действуют рука об руку для угнетения рабочего»[139].

Затем автор обстоятельно показывает, что реальная заработная плата в деревне в период с 1737 по 1777 г. понизилась почти на $^{1}/_{4}$, или на 25%.

> «Современная политика», — говорит в то же самое время д-р Ричард Прайс, — «покровительствует высшим классам народа; следствием будет то, что раньше или позже все население королевства будет состоять только из джентльменов и нищих, из вельмож и рабов»[140].

---

[138] *James E. Th. Rogers* (Prof. of Polit. Econ. in the University of Oxford). «A History of Agriculture and Prices in England». Oxford, 1866, v. I, p. 690. Это сочинение — продукт прилежного труда — в вышедших до настоящего времени двух первых томах охватывает пока только период 1259—1400 годов. Второй том содержит только статистический материал. Это первая основанная на первоисточниках история цен, какой мы располагаем для того времени.

[139] «Reasons for the late Increase of the Poor-Rates; or, a comparative view of the price of labour and provisions». London, 1777, p. 5, 11.

[140] Dr. *Richard Price.* «Observations on Reversionary Payments», 6 ed. By W. Morgan. London, 1803, v. II, p. 158. На стр. 159 Прайс замечает: «Номинальная цена рабочего дня в настоящее время не более чем в четыре раза или, самое большее, в пять раз превышает номинальную цену его в 1514 году. А цена хлеба теперь выше в семь раз, мяса и одежды — в пятнадцать раз. Таким образом, цена труда повышалась настолько несоответственно

Тем не менее положение английского сельскохозяйственного рабочего в 1770—1780 гг., как в отношении условий его питания и жилища, так и в отношении чувства самосознания, развлечения и т. д., представляет собой идеал, который впоследствии никогда не был достигнут. Его средняя заработная плата, выраженная в пинтах пшеницы, составляла в 1770—1771 гг. 90 пинт, во времена Идена (1797 г.) уже только 65, в 1808 г. всего 60[141)].

Мы уже раньше говорили о положении сельскохозяйственных рабочих в конце антиякобинской войны, во время которой так необыкновенно обогащались земельные аристократы, фермеры, фабриканты, купцы, банкиры, рыцари биржи, поставщики для армии и т. д. Номинальная заработная плата повысилась отчасти вследствие обесценения банкнот, отчасти вследствие независимого от него увеличения цены предметов первой необходимости. Но действительное движение заработной платы можно установить очень простым способом, не прибегая к деталям, которые были бы здесь излишни. Закон о бедных и администрация по его осуществлению в 1795 и 1814 гг. были одни и те же. Вспомним, как этот закон применялся в деревне: в форме подаяния приход дополнял номинальную заработную плату до такой номинальной суммы, которая обеспечивает лишь прозябание рабочего. Отношение между заработной платой, выдаваемой фермером, и тем дефицитом ее, который восполняется приходом, показывает нам, во-первых, понижение заработной платы ниже ее минимума и, во-вторых, процентное отношение, в котором сельскохозяйственный рабочий слагался из наемного рабочего и паупера или ту степень, в какой его успели превратить в крепостного своего прихода. Мы остановимся на графстве, положение в котором является типичным для всех остальных графств. В 1795 г. средняя недельная заработная плата в Нортгемптоншире составляла 7 шилл. 6 пенсов, общая сумма годовых расходов семьи из 6 человек — 36 ф. ст. 12 шилл. 5 пенсов, общая сумма ее доходов — 29 ф. ст. 18 шилл., восполняемый приходом дефицит составлял 6 ф. ст. 14 шилл. 5 пенсов. В 1814 г. в том же графстве недельная заработная плата составляла 12 шилл. 2 пенса, общая сумма годовых расходов семьи из 5 человек — 54 ф. ст. 18 шилл. 4 пенса, общая сумма ее доходов — 36 ф. ст. 2 шилл., восполняемый приходом дефицит — 18 ф. ст. 16 шилл. 4 пенса[142)]. Следовательно,

---

возрастанию стоимости жизни, что теперь она, быть может, не составляет по отношению к этой стоимости и половины того, что составляла раньше».

[141)] *Barton,* цит. соч., стр. 26. О положении в конце XVIII столетия см. книгу: *Eden.* «The State of the Poor».

[142)] *Parry*. «The Question of the Necessity of the Existing Corn Laws». London, 1816, p. 80.

в 1795 г. дефицит составлял менее $^1/_4$ заработной платы, в 1814 г. — больше половины. Само собой разумеется, что при таких обстоятельствах к 1814 г. исчезли и те небольшие удобства, которые Иден еще наблюдал в коттедже сельскохозяйственного рабочего[143]. Из всех животных, которых держит фермер, с этого времени рабочий, instrumentum vocale [говорящее орудие], оказывается таким, которое больше всего мучают, хуже всего кормят и с которым грубее всего обращаются.

Такое положение вещей спокойно сохранялось до тех пор, пока

«бурные бунты 1830 г. не раскрыли перед нами» (т. е. перед господствующими классами) «при свете пылающих хлебных скирд, что под покровом земледельческой Англии скрывается такая же нищета и тлеет такое же глухое мятежное недовольство, как и в промышленной Англии»[144].

Садлер окрестил тогда в палате общин сельскохозяйственных рабочих «белыми рабами» («white slaves»), один епископ повторил это определение в верхней палате. Э. Г. Уэйкфилд, наиболее значительный экономист этого периода, говорит:

«Сельскохозяйственный рабочий Южной Англии не раб и не свободней человек, он — паупер»[145].

Время, непосредственно предшествующее отмене хлебных законов, пролило новый свет на положение сельскохозяйственных рабочих. С одной стороны, в интересах буржуазных агитаторов было показать, как мало охранительные пошлины защищают действительных производителей хлеба. С другой стороны, промышленная буржуазия кипела негодованием против разоблачения земельными аристократами условий на фабриках, против деланной симпатии этих испорченных до мозга костей, бессердечных и важничающих бездельников к страданиям фабричного рабочего, против их «дипломатической. рьяности» по отношению к фабричному законодательству. Существует старинная английская поговорка, что если два вора вцепятся друг другу в волосы, из этого всегда получится какая-нибудь польза. И в самом деле, шумный, страстный спор между двумя фракциями господствующего класса по вопросу о том, какая из них с наибольшим бесстыдством эксплуатирует рабочих, и справа и слева содействовал выяснению истины. Граф Шефтсбери, иначе лорд Эшли, стоял во главе аристократическо-филантропического похода против фабрик. Поэтому в 1844 и 1845 гг. он сделался излюбленным объектом для «Morning Chronicle» в ее разоблачениях о положении сельскохозяйственных ра-

---

143) *Parry*. «The Question of the Necessity of the Existing Corn Laws». London, 1816, p. 213.
144) *S. Laing*, цит. соч., стр. 62.
145) «England and America». London, 1833, v. I, p. 47.

бочих. Эта газета, в то время самый значительный либеральный орган, отправляла в сельские округа собственных комиссаров, которые, не довольствуясь общими описаниями и статистикой, публиковали фамилии как подвергшихся обследованию рабочих семей, так и соответствующих землевладельцев. В следующей таблице[146)] приведена заработная плата, получаемая жителями трех деревень по соседству с Блэнфордом, Уимборном и Пулом.

Число детей	Число членов семьи	Недельная заработная плата мужчин		Недельная заработная плата детей		Недельный доход всей семьи		Недельная квартирная плата		Весь недельный заработок за вычетом квартирной платы		Недельный заработок на душу	
		шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.
Первая деревня													
2	4	8	0	—		8	0	2	0	6	0	1	6
3	5	8	0	—		8	0	1	6	6	6	1	$3\frac{1}{2}$
2	4	8	0	—		8	0	1	0	7	0	1	9
2	4	8	0	—		8	0	1	0	7	0	1	9
6	8	7	0	1) 1 2) 2	6	10	6	2	0	8	6	1	$\frac{3}{4}$
3	5	7	0	—		7	0	1	4	5	8	1	$1\frac{1}{2}$
Вторая деревня													
6	8	7	0	1) 1 2) 1	6 6	10	0	1	6	8	6	1	$\frac{3}{4}$
6	8	7	0	—		7	0	1	$3\frac{1}{2}$	5	$8\frac{1}{2}$	0	$8\frac{1}{2}$
8	10	7	0	—		7	0	1	$3\frac{1}{2}$	5	$8\frac{1}{2}$	0	7
4	6	7	0	—		7	0	1	$6\frac{1}{2}$	5	$5\frac{1}{2}$	0	11
3	5	7	0	—		7	0	1	$6\frac{1}{2}$	5	$5\frac{1}{2}$	1	1
Третья деревня													
4	6	7	0	—		7	0	1	0	6	0	1	1
3	5	7	0	1) 2 2) 2	 6	11	6	0	10	10	8	2	$1\frac{3}{5}$
0	2	5	0	—		5	0	1	0	4	0	2	0

146) Лондонский «Economist», 29 марта 1845 г., стр. 290.

Деревни эти — собственность г-на Дж. Банкса и графа Шефтсбери. Следует отметить, что этот папа «Low Church»[186], этот глава английских пиетистов, равно как и его сотоварищ Банкс из нищенских заработков своих рабочих прикарманивали еще значительную часть под предлогом платы за жилье.

Отмена хлебных законов дала английскому сельскому хозяйству громадный толчок. Дренажные работы в крупнейшем масштабе[147)], новая система стойлового содержания скота и возделывание сеяных кормовых трав, введение механических туковых сеялок, новые способы обработки глинистой почвы, возросшее потребление минеральных удобрений, применение паровой машины и всякого рода новых рабочих машин и т. д., вообще более интенсивная культура — вот чем характеризуется эта эпоха. Г-н Пьюзи, президент Королевского общества земледелия, утверждает, что (относительные) хозяйственные издержки благодаря введению новых машин уменьшились почти вдвое. С другой стороны, абсолютная выручка от земли быстро увеличилась. Основным условием новых методов была большая затрата капитала на акр земли, а следовательно, и ускоренная концентрация ферм[148)]. В то же время обрабатываемая площадь с 1846 по 1865 г. расширилась на 464119 акров, не говоря уже об огромных площадях в восточных графствах, которые как бы по волшебству превратились из загородей для кроликов и скудных пастбищ в роскошные хлебные поля. Мы уже знаем, что одновременно с этим общее число лиц, занятых в сельском хозяйстве, сократилось. Что касается собственно земледельцев обоего пола и различных возрастов, то число их упало с 1241269 в 1851 г. до 1163227 человек в 1861 году[149)]. Поэтому, если английский генеральный регистратор[187] справедливо замечает:

«Прирост числа фермеров и сельскохозяйственных рабочих с 1801 г. никак не соответствует увеличению земледельческого продукта»[150)],

то это несоответствие в несравненно большей мере наблюдается в последний период, когда абсолютное уменьшение

147) Земельная аристократия сама ссужала себе для этой цели средства из государственной кассы, конечно через парламент, по очень низкому проценту, который фермеры должны были уплачивать ей вдвойне.

148) Уменьшение числа средних фермеров можно заметить в особенности по рубрикам переписи: «Сыновья фермеров, внуки, братья, племянники, дочери, внучки, сестры, племянницы», короче говоря, — члены семьи самого фермера, работающие у него. По этим рубрикам числилось в 1851 г. 216851 человек, в 1861 г. только 176151 человек. — С 1851 по 1871 г. число аренд размером меньше 20 акров уменьшилось более чем на 900, число аренд от 50 до 75 акров сократилось с 8253 до 6370; то же самое и со всеми арендами меньше 100 акров. Напротив, в течение тех же 20 лет число крупных аренд увеличилось; число аренд от 300 до 500 акров повысилось с 7771 до 8410, число аренд более чем в 500 акров — с 2755 до 3194, число аренд выше 1000 акров — с 492 до 582.

149) Число пастухов овец возросло с 12517 до 25559.

150) «Census etc.», v. III, p. 36.

сельского рабочего населения шло рука об руку с расширением обрабатываемой площади, с интенсификацией культуры, с неслыханным накоплением капитала, вкладываемого в землю и в орудия ее обработки, с увеличением земельного продукта, не имеющим параллели в истории английской агрономии, о чрезвычайно быстрым ростом ренты земельных собственников, с ростом богатства капиталистических арендаторов. Если ко всему этому добавить еще непрерывное быстрое расширение городских рынков сбыта и господство свободной торговли, то может показаться, что сельскохозяйственный рабочий post tot discrimina rerum [после столь многих злоключений], наконец, был поставлен в такие условия, которые secundum artem [согласно теории] должны были сделать его безумно счастливым.

Профессор Роджерс приходит, напротив, к заключению, что положение современного нам сельскохозяйственного рабочего чрезвычайно ухудшилось не только по сравнению с положением его предшественников в последней половине XIV столетия и в XV веке, но даже и с положением его предшественников в период 1770—1780 гг., что «он опять стал крепостным», и именно крепостным, получающим плохую пищу и жилище[151]. Д-р Джулиан Хантер в своем эпохальном отчете о жилищах сельскохозяйственных рабочих говорит:

«Издержки существованйя хайнда» (название сельскохозяйственного рабочего, относящееся к временам крепостной зависимости) «фиксированы на том самом низком уровне, при котором он только мог бы прожить... Его заработная плата и жилище почти ничего не стоят по сравнению с той прибылью, какую должны извлечь из него. Он — нуль в расчетах фермера[152]... Средства его существования всегда рассматриваются как величина постоянная»[153]. «Что касается дальнейшего сокращения его дохода, то он может сказать: nihil habeo, nihil curo [ничего не имею, ни о чем не забочусь]. Он не боится за будущее, потому что у него нет ничего, кроме абсолютно необходимого для его существования. Он достиг точки замерзания, и все расчеты фермера исходят из этого факта. Будь что будет, счастье или несчастье его не касается»[154].

В 1863 г. было предпринято официальное обследование условий питания и работы преступников, присужденных к ссылке и к принудительным общественным работам. Результаты его изложены в двух толстых Синих книгах.

---

[151] *Rogers*, цит. соч., стр. 693. Роджерс принадлежит к либеральной школе, он личный друг Кобдена и Брайта, следовательно отнюдь не laudator temporis acti [не из числа прославляющих доброе старое время][188].

[152] «Public Health. 7th Report». London, 1865, p. 242. Поэтому нет ничего необычного в том, что или домовладелец повышает квартирную плату, когда услышит, что рабочий стал зарабатывать несколько больше, или фермер понижает плату рабочему на том основании, что «его жена нашла себе работу» (там же).

[153] Там же, стр. 135.

[154] Там же, стр. 134.

«Тщательное сравнение», — говорится там между прочим, — «пищи английских преступников, заключенных в тюрьмы, с пищей пауперов в работных домах и пищей свободных сельскохозяйственных рабочих той же страны неоспоримо доказывает, что первые питаются много лучше, чем любая из двух остальных категорий»[155)], а «количество работы, которое требуется от присужденных к принудительным общественным работам, составляет приблизительно половину того, что выполняет обыкновенный сельскохозяйственный рабочий»[156)].

Приведем несколько характерных свидетельских показаний. Опрашивается Джон Смит, директор эдинбургской тюрьмы:

№ 5056: «Пища в английских тюрьмах много лучше, чем пища обыкновенных сельскохозяйственных рабочих». № 5057: «Факт, что обыкновенные сельскохозяйственные рабочие Шотландии очень редко получают какое-либо мясо». № 3047: «Можете ли вы сказать, на каком основании преступников необходимо кормить гораздо лучше (much better), чем обыкновенных сельскохозяйственных рабочих? — Конечно, нет». № 3048: «Не считаете ли вы целесообразным производить дальнейшие эксперименты для того, чтобы пищу арестантов, присужденных к принудительным работам, приблизить к пище свободных сельских рабочих?»[157)]. «Сельскохозяйственный рабочий», — говорится там, — «мог бы сказать: Я выполняю тяжелый труд и не имею достаточного питания. Когда я был в тюрьме, работа была не так тяжела, а питался я вдоволь, и потому мне лучше быть в тюрьме, чем на воле»[158)].

На основе таблиц, приложенных к первому тому отчета, составлена следующая сравнительная сводка.

Недельное количество пищи[158a)]
(в унциях)

	Азотистые сост. части	Безазотистые сост. части	Минеральные сост. части	Общая сумма
Преступника в портландской тюрьме.................................	28,95	150,06	4,68	183,69
Матроса королевского флота……………………….	29,63	152,91	4,52	187,06
Солдата ……………………...	25,55	114,49	3,94	143,98
Каретника (рабочего) ….........	24,53	162,06	4,23	190,82
Наборщика..............…............	21,24	100,83	3,12	125,19
Сельскохозяйственного рабочего……………………	17,73	118,06	3,29	139,08

155) «Report of the Commissioners... relating to Transportation and Penal Servitude». London, 1863, p. 42, № 50.
156) Там же, стр. 77. Меморандум лорда главного судьи.
157) Там же, т. II. Показания [стр. 418, 239].
158) Там же, т. I. Приложение, стр. 280.
158a) Там же, стр. 274, 275.

Общий результат обследования медицинской комиссией 1863 г. состояния питания наименее обеспеченных классов уже известен читателю. Он помнит, что питание большей части семей сельскохозяйственных рабочих стоит ниже того минимума, который необходим «для предотвращения болезней от голода». Так обстоит дело в особенности во всех чисто земледельческих округах — Корнуэлл, Девон, Сомерсет, Уилтс, Стаффорд, Оксфорд, Беркс и Хартс.

«Количество пищи, которое получает сельскохозяйственный рабочий», — говорит д-р Смит, — «больше, чем можно судить по средним показателям, так как сам рабочий получает много большую часть жизненных средств, чем остальные члены его семьи, потому что это абсолютно необходимо ввиду его труда; в более бедных округах на его долю приходится почти все мясо или сало. То количество пищи, которое достается на долю жены, а также детей в период их быстрого роста, во многих случаях и почти во всех графствах недостаточно, в особенности по содержанию азота»[159].

Батраки и работницы, проживающие у самих фермеров, питаются хорошо. Число их с 288277 в 1851 г. понизилось до 204962 в 1861 году.

«Труд женщин в поле», — говорит д-р Смит, — «с какими бы неудобствами вообще он ни был сопряжен, при данных условиях более выгоден для семьи, потому что он обеспечивает дополнительные средства на обувь, одежду, для оплаты жилища и тем самым позволяет лучше питаться»[160].

Одним из примечательнейших результатов этого обследования было раскрытие того факта, что сельскохозяйственный рабочий Англии питается значительно хуже, чем сельскохозяйственный рабочий в других частях Соединенного королевства («is considerably the worst fed»); это показывает следующая таблица:

Недельное потребление углерода и азота
в среднем на одного сельскохозяйственного рабочего [161]
(в гранах)

	Углерода	Азота
Англия	40 673	1 594
Уэльс	48 354	2 031
Шотландия	48 980	2 348
Ирландия	43 366	2 434

159) «Public Health. 6th Report 1863», p. 238, 249, 261, 262.
160) Там же, стр. 262.
161) Там же, стр. 17. Английский сельскохозяйственный рабочий получает лишь $^1/_4$ того количества молока и лишь $^1/_2$ того количества хлеба, какое получает ирландский сельскохозяйственный рабочий. Уже Юнг в начале XIX столетия в своей работе «Tour in Ireland» отметил, что условия питания ирландского рабочего лучше. Причина заключается просто в том, что бедный ирландский фермер несравненно гуманнее, чем богатый английский фермер. Что касается Уэльса, то приведенные в тексте данные не относятся к его юго-западной части. «Все тамошние врачи

«Каждая страница отчета д-ра Хантера», — говорит д-р Саймон в своем официальном отчете о здоровье населения, — «свидетельствует о недостаточном количестве и жалком качестве жилищ наших сельскохозяйственных рабочих. И вот уже много лет, как их состояние в этом отношении непрерывно ухудшается. Теперь для сельскохозяйственных рабочих намного труднее найти жилое помещение, а если и удается найти, то эти помещения значительно меньше соответствуют их потребностям, чем это было, пожалуй, на протяжении нескольких столетий. В особенности быстро возрастает это зло за последние 20 или 30 лет, и жилищные условия сельского жителя в настоящее время в высшей степени жалкие. Он совершенно беспомощен в этом отношении, если только те, кого обогащает его труд, не сочтут стоящим делом обращаться с ним с известного рода сострадательной снисходительностью. Найдет ли рабочий жилое помещение на той земле, которую он обрабатывает, будет ли оно человеческим жильем или свинарником, окажется ли при нем маленький огородик, который так облегчает гнет бедности, — все это зависит не от его готовности или способности

единогласно признают, что интенсивное возрастание смертности от туберкулеза, золотухи и т. д. связано с ухудшением физического состояния населения, и все это ухудшение приписывают бедности. Дневное содержание сельскохозяйственного рабочего определяется там в 5 пенсов, во многих округах фермер» (который и сам очень беден) «платит еще меньше. Кусок солонины, иссушенный до твердости красного дерева и едва ли стоящий тяжелого процесса пищеварения, или кусок сала служат приправой к большому количеству похлебки из муки и лука или к овсянке, и это изо дня в день составляет весь обед сельскохозяйственного рабочего... Прогресс промышленности имел для него то последствие, что солидное домотканое сукно вытеснено в этом суровом и сыром климате дешевыми хлопчатобумажными тканями, а более крепкие напитки — «номинальным» чаем... После многочасовой работы под ветром и дождем земледелец возвращается в свою хижину, чтобы присесть перед огнем из торфа или комьев, слепленных из глины и отбросов каменного угля и образующих при горении тучи угольной и серной кислоты. Стены хижины сделаны из глины и камней, пол — голая земля, которая была здесь и перед постройкой хижины, крыша — масса растрепанной, ничем не скрепленной соломы. Каждая щель законопачена для сохранения тепла, и в этой атмосфере адского зловония, на грязной земле, часто просушивая на себе свою единственную мокрую одежду, он принимается за ужин с женой и детьми. Акушеры, вынужденные проводить часть ночи в этих хижинах, описывали, как их ноги тонули в грязи на полу и как им приходилось — дело не из трудных — пробуравливать отверстие в стене, чтобы хоть немного подышать свежим воздухом. Многочисленные и разные свидетели показывают, что недоедающий (underfed) крестьянин каждую ночь подвергается этим и другим вредным для здоровья влияниям, и нет недостатка в доказательствах того, что результат этого — хилое и золотушное население... Сообщение приходских служащих в Кармартеншире и Кардиганшире убедительно свидетельствует о таком же положении вещей. К этому присоединяется еще большее зло — распространение идиотизма. Теперь несколько слов о климатических условиях. Сильные юго-западные ветры пронизывают всю страну в течение 8—9 месяцев в году, им сопутствуют проливные дожди, которые разражаются в особенности на западных склонах холмов. Деревья редки, встречаются лишь в защищенных местах — иначе они уничтожаются ветром. Хижины ютятся под какой-нибудь горной террасой, часто в выемке или каменоломне; только самые мелкие овцы и мест-вый рогатый скот могут жить на этих пастбищах... Молодые люди уходят в восточные горнопромышленные округа Гламорган и Монмут... Кармартеншир — питомник рудокопов и их инвалидный дом... Численность населения едва удерживается на прежнем уровне. Так, в Кардиганшире имелось:

	1851 г.	1861 г.
Мужчин	45 155	44 446
Женщин	52 459	52 955
	97 614	97 401»

(Отчет д-ра Хантера в «Public Health. 7th Report 1864». London, 1865, p. 498— 502 passim).

платить соответствующую квартирную плату, а от того употребления, которое заблагорассудится другим сделать «из своего права располагать своей собственностью, как им вздумается». Как бы велик ни был арендный участок, нет такого закона, который предписывал бы, чтобы на нем было определенное количество жилых помещений для рабочих, — о приличных жилищах нечего и говорить; закон не предоставляет также рабочему ни малейшего права на ту землю, для которой его труд столь же необходим, как дождь и солнечный свет... Еще одно обстоятельство ложится тяжелым грузом на чашу весов против него... это — влияние закона о бедных с его положениями о праве жительства и налогом в пользу бедных[162]. Под влиянием этого закона каждый приход денежно заинтересован в том, чтобы свести к минимуму число живущих в нем сельскохозяйственных рабочих, потому что земледельческий труд, вместо того чтобы гарантировать трудящемуся в поте лица рабочему и его семье верное и постоянное независимое положение, к несчастью, в большинстве случаев рано или поздно приводит его к пауперизму, — пауперизму, к которому на протяжении всей своей жизни рабочий настолько близок, что всякая болезнь или хотя бы временное отсутствие работы заставляет его тотчас же обращаться к помощи прихода; и потому всякое расселение сельскохозяйственных рабочих на территории прихода, очевидно, каждый раз знаменует увеличение для него налога в пользу бедных... Стоит лишь крупным земельным собственникам[163] решить, что в их владениях не должно быть никаких жилищ для рабочих, — и они немедленно освобождаются наполовину от своей ответственности за бедных. Насколько в намерения английской конституции и законов входило установление такого рода безусловной земельной собственности, которая дает лендлорду возможность «делать с своей собственностью что он хочет», относиться к людям, обрабатывающим землю, как к чужестранцам и сгонять их со своей территории, — это вопрос, обсуждение которого не входит в мою задачу... Эта власть изгонять — не одна только теория. Она осуществляется на практике в самом крупном масштабе. Это — одно из обстоятельств, оказывающих решающее влияние на жилищные условия сельскохозяйственного рабочего... О размерах зла можно судить по последней переписи, которая показала, что в последние 10 лет, несмотря на увеличение местного спроса на дома, снос. последних прогрессировал в 821 различном округе Англии так, что в 1861 г. население, увеличившееся по сравнению с 1851 г. на $5^1/_3$%, было втиснуто в помещения, уменьшившиеся на $4^1/_2$%, — мы при этом совсем оставляем в стороне лиц, которые вынужденно утратили оседлость в тех приходах, где они работают... Когда процесс обезлюдения завершается, — говорит д-р Хантер, — его результатом является показная деревня (show-village), где число коттеджей сокращено до незначительного количества и где никому не разрешается жить, кроме пастухов овец, садовников и лесничих — этой постоянной челяди, которая пользуется обычным для этой категории людей хорошим отношением милостивых господ[164]. Но

[162] В 1865 г. этот закон несколько улучшен. Опыт скоро покажет, что подобного рода штопанье нисколько не помогает.

[163] К пониманию последующего: close villages (закрытыми деревнями) называются такие, земельными собственниками которых являются один или два крупных лендлорда; open villages (открытыми деревнями) — такие, земля которых принадлежит многим мелким собственникам. Как раз в открытых деревнях строительные спекулянты и могут возводить коттеджи и ночлежные дома.

[164] Такая показная деревня имеет очень привлекательный вид, но она так же нереальна, как деревни, которые созерцала Екатерина II во время своего путешествия в Крым. В последнее время и пастух овец нередко изгоняется из этих show-villages. Например, близ Маркет-Харборо находится пастбище для овец, занимающее почти 500 акров; здесь требуется труд всего одного человека. Для сокращения длинных переходов через эти обширные равнины, — прекрасные пастбища Лестера и Нортгемптона, — пастуху обыкновенно предоставляли коттедж на ферме. Теперь ему дают тринадцатый шиллинг на квартиру, которую он вынужден искать в какой-нибудь отдаленной открытой деревне.

земля нуждается в обработке, и мы видим, что рабочие, занятые этим, живут не у земельного собственника, а приходят из открытой деревни, находящейся на расстоянии, быть может, трех миль, из деревни, в которую их приняли многочисленные мелкие домовладельцы после того, как коттеджи рабочих в закрытых деревнях были снесены. Там, где все направлено к достижению этого результата, коттеджи своим жалким видом обыкновенно говорят об ожидающей их участи. Они находятся на различных ступенях естественного разрушения. Пока кровля держится, рабочему позволяют платить квартирную плату, и часто ему приходится радоваться, что ему это позволяют, хотя бы он был вынужден платить как за хорошее жилое помещение. Но при этом никакого ремонта, никаких улучшений, кроме тех, которые сумеет сделать сам нищенски бедный жилец. Когда же дом, наконец, сделается совершенно непригодным для жилья, то это означает лишь, что одним разрушенным коттеджем стало больше, а налог в пользу бедных будет соответственно меньше. В то время как крупные собственники таким образом избавляют себя от налога в пользу бедных, удаляя население с принадлежащей им земли, ближайшие городки или открытые деревни принимают выброшенных рабочих; ближайшие, говорю я, но эти «ближайшие» могут находиться в 3—4 милях от фермы, на которой рабочий должен ежедневно работать. Таким образом, к его дневному труду, будто это — сущий пустяк, присоединяется еще необходимость ежедневного путешествия в 6—8 миль для того, чтобы заработать свой хлеб насущный. Все сельские работы, производимые его женой и детьми, совершаются теперь при таких же тяжелых условиях. Но и это еще не все зло, причиняемое отдаленностью от места работы. В открытых деревнях строительные спекулянты скупают клочки земли, которые они стараются как можно плотнее застроить самыми дешевыми лачугами. И в этих-то жалких жилищах, которые,, если даже они примыкают к открытому полю, характеризуются отвратительнейшими чертами худших городских жилищ, ютятся сельскохозяйственные рабочие Англии...[165] С другой стороны, отнюдь не следует думать, будто даже рабочий,

[165] «Дома рабочих» (в открытых деревнях, которые, конечно, всегда переполнены) «обыкновенно построены рядами, задней стороной вплотную к тому клочку земли, который строительный спекулянт называет своим. Поэтому свет и воздух могут проникать к ним только со стороны фасада» (отчет д-ра Хантера в «Public Health. 7th Report 1864». London, 1865, p. 135). В селе очень часто владелец пивной или лавочник занимается также и сдачей домов. В таких случаях наряду с фермером у сельскохозяйственного рабочего появляется второй хозяин. Вместе с тем рабочий должен быть и его покупателем. «Получая 10 шилл. в неделю, минус 4 ф. ст. квартирной платы в год, он обязан покупать себе чай, сахар, муку, мыло, свечи и пиво по ценам, которые заблагорассудится назначить лавочнику» (там же, стр. 132). Эти открытые деревни действительно представляют собой «исправительные колонии» английского сельскохозяйственного пролетариата. Многие из коттеджей являются настоящими ночлежными домами, через которые проходит весь странствующий окрестный сброд. Земледелец и его семья, которые часто поистине поразительно сохраняют среди отвратительнейших условий чистоту и честность характера, здесь неизбежно погибают. Среди знатных Шейлоков вошло в моду фарисейски пожимать плечами, когда речь идет о строительных спекулянтах, мелких собственниках и открытых деревнях. Разумеется, им превосходно известно, что их «закрытые деревни и показные деревни» — родина «открытых деревень» и первые не могли бы существовать без последних. «Без мелких собственников открытых деревень большей части сельскохозяйственных рабочих пришлось бы спать под деревьями тех имений, в которых они работают» (там же, стр. 135). Система «открытых» и «закрытых» деревень господствует во всей средней и восточной Англии.

обитающий на обрабатываемой им земле, находит там такое жилище, какого заслуживает он своей жизнью, заполненной производительным трудом. Даже в княжеских владениях коттеджи рабочих часто самые жалкие. Есть лендлорды, которые полагают, что и конюшня будет достаточно хороша для рабочих с их семьями, и которые, однако, не гнушаются выколачивать как можно больше денег за сдачу таких помещений[166]. Пусть это будет совершенно развалившаяся хижина с одной каморкой для спанья, без очага, без отхожего места, без открывающихся окон, без источников водоснабжения, если не считать какой-нибудь ямы, без огорода, — рабочий ничего не может поделать с таким безобразием. А наши санитарно-полицейские законы (The Nuisances Removal Acts) остаются мертвой буквой. Проведение их возложено на тех самых собственников, которые сдают такие берлоги... Не следует допускать, чтобы более светлые картины, являющиеся лишь исключением, ослепляли нас и закрывали от нас факты, составляющие правило и являющиеся позорным пятном английской цивилизации. Действительно, ужасным же должно быть положение вещей, если, несмотря на очевидную чудовищность теперешних жилищ, компетентные наблюдатели единогласно приходят к тому выводу, что даже повсеместно отвратительное состояние жилых помещений является бесконечно менее тяжелым злом, чем чисто количественный недостаток жилищ. Вот уже много лет, как переполнение жилищ сельских рабочих составляет предмет глубокого беспокойства не только для людей, которые заботятся о здоровье, но и для всех вообще, кто стоит за порядочную и нравственную жизнь. В самом деле, в однообразных, превратившихся в стереотипные, выражениях авторы отчетов о распространении эпидемических заболеваний в сельских округах снова и снова указывают на переполнение домов как на причину, которая делает совершенно тщетными все старания задержать развитие начавшейся эпидемии. Снова и снова отмечается также то обстоятельство, что, вопреки благоприятному во многих отношениях слиянию деревенской жизни на здоровье, скученность населения, так сильно ускоряющая распространение заразных болезней, содействует появлению и незаразных болезней. И лица, раскрывшие подобное положение, не умалчивают также о дальнейших бедствиях. Даже в тех случаях, когда первоначально они занимались исключительно охраной здоровья, они были почти вынуждены обратиться еще к одной стороне дела. Указывая, насколько часто взрослые люди обоего пола, женатые и неженатые, бывают скучены (huddled) в тесных спальнях, их отчеты должны были приводить к убеждению, что при описанных обстоятельствах чувство стыда и приличия нарушается самым грубым образом и что нравственность

[166] «Тот, кто сдает дом» (фермер или лендлорд), «прямо или косвенно обогащается трудом человека, которому он платит 10 шилл. в неделю, а потом опять отнимает у этого бедняка 4 или 5 ф. ст. годовой квартирной платы за дома, которые на открытом рынке не стоят и 20 ф. ст., но на которые поддерживается искусственная цена лишь благодаря тому, что собственник имеет власть объявить: «Бери мой дом или убирайся со своими пожитками и поищи без моего отзыва о тебе другое пристанище...» Если человек хочет улучшить свое положение и отправляется на железную дорогу укладывать рельсы или в каменоломню, та же самая власть ни на шаг не отстает от него: «Работай на меня за такую низкую плату или же убирайся после предупреждения за неделю; забирай свою свинью, если у тебя она есть, а потом посмотрим, что получишь ты от картофеля, который растет в твоем огороде». Если же интерес диктует собственнику другие меры, то он» (или фермер) «часто предпочитает в таких случаях просто повысить квартирную плату в качестве меры наказания за уход рабочего с работы» (д-р Хантер, там же, стр. 132).

разрушается почти неизбежно[167]. Например, в приложении к моему последнему отчету д-р Орд в своем донесении о вспышке тифа в Уинге (Бакингемшир) упоминает о том, как туда пришел из Уингрейва один молодой человек, больной тифом. В первые дни своей болезни он спал в одной комнате с 9 другими лицами. В течение двух недель некоторые из них тоже заболели. За несколько недель переболели тифом 5 из 9 человек и один умер! Одновременно д-р Харви, врач из больницы Сент-Джордж, посещавший Уинг во время эпидемии в порядке частной практики, представил информацию в точно таком же духе: «Одна молодая женщина, больная тифом, по ночам спала в одной комнате с отцом, матерью, своим внебрачным ребенком, двумя молодыми людьми, ее братьями, и с двумя сестрами, у каждой из которых было по внебрачному ребенку. Итого здесь помещалось 10 человек. Несколькими неделями раньше в той же комнате спало 13 человек»»[168].

Д-р Хантер обследовал 5375 коттеджей сельскохозяйственных рабочих не только в чисто земледельческих округах, но и во всех графствах Англии. Из числа этих 5375 коттеджей в 2195 было только по одной спальне (часто это одновременно и столовая), в 2930 только по две и в 250 более двух. Я привожу здесь краткую подборку фактов по двенадцати графствам.

1) *Бедфордшир*

Реслингуэрт: Спальни около 12 футов длины и 10 футов ширины, хотя многие меньше. Маленькая одноэтажная хижина часто разделяется дощатой переборкой на две спальни, одна кровать часто помещается в кухне высотой в 5 футов 6 дюймов. Квартплата 3 фунта стерлингов. Жильцы должны сами строить для себя отхожие места, собственник дома предоставляет только яму. Как только один построит отхожее место, им начинают пользоваться все соседи. Дом, занимаемый семьей Ричардсон — неописуемой «красоты». «Его известковые стены топорщатся, как дамское платье при реверансе. Одна часть кровли выпуклая, другая вогнутая, и на последней стояла, к несчастью, дымовая труба — кривая, из глины и дерева, напоминающая хобот слона. Длинная жердь служит подпоркой, чтобы труба

[167] «Новобрачная чета не представляет ничего назидательного для взрослых братьев и сестер, которые спят в той же комнате; и хотя эти примеры не могут быть зарегистрированы, однако имеется достаточно данных, оправдывающих утверждение, что большие страдания и часто смерть выпадают на долю женщин, совершивших преступление кровосмешения» (д-р Хантер, там же, стр. 137). Один сельский полицейский чиновник, который прежде в течение многих лет был детективом в худших кварталах Лондона, говорил следующее о девушках своей деревни: «Такой грубой безнравственности с раннего возраста, такой распущенности и бесстыдства я никогда не видал за всю мою полицейскую практику в наихудших частях Лондона... Они живут, как свиньи, взрослые парни и девушки, матери и отцы — все спят вместе в одной и той же комнате» («Children's Employment Commission. 6th Report». London. 1867. Appendix, p. 77, № 155).

[168] «Public Health. 7th Report 1864», p. 9—14 passim.

не упала; дверь и окна ромбической формы». Из 17 осмотренных домов только в 4 более чем по одной спальне, и эти четыре дома переполнены. В одном из коттеджей с одной спальной комнатой помещалось 3 взрослых и 3 детей, в другом — супружеская чета и 6 детей и т. д.

Дантон: Высокая квартирная плата, от 4 до 5 ф. ст., недельная заработная плата мужчин 10 шиллингов. Они надеются покрывать квартирную плату выручкой за плетеные изделия из соломы, которые изготовляет семья. Чем выше квартирная плата, тем большее число лиц должно ютиться в одном помещении, чтобы быть в состоянии уплачивать ее. Шесть взрослых, которые спят в одной комнате с 4 детьми, платят за нее 3 ф. ст. 10 шиллингов. Самый дешевый дом в Дантоне, по наружной стороне 15 футов длины и 10 футов ширины, сдается за 3 фунта стерлингов. Только в одном из 14 обследованных домов было две спальни. Несколько впереди деревни дом, снаружи загаженный жильцами, нижние 9 дюймов двери сгнили совсем. Это отверстие по вечерам остроумно прикрывается изнутри несколькими приваленными кирпичами и завешивается куском циновки. Половина окна, включая стекло и раму, вывалилась. Здесь без мебели ютилось 3 взрослых и 5 детей. Дантон не хуже, чем остальная часть Биглсуэйд Юнион.

2) *Беркшир*

Бинем: В июне 1864 г. в одном cot (одноэтажном коттедже) жили муж, жена, 4 детей. Дочь пришла с работы домой больная скарлатиной. Она умерла. Один ребенок заболел и умер. Мать и другой ребенок были больны тифом, когда к ним был приглашен д-р Хантер. Отец и третий ребенок спали во дворе, но насколько трудно было обеспечить здесь изоляцию, видно уже из того, что на битком набитой рыночной площади несчастной деревни лежало в ожидании стирки белье из зараженного дома. Квартирная плата в доме Н. 1 шилл. в неделю; одна спальня для супружеской четы и 6 детей. Один дом сдается за 8 пенсов (в неделю); 14 футов 6 дюймов в длину, 7 футов в ширину; кухня высотой в 6 футов; в спальне нет ни окна, ни очага, ни двери и никакого отверстия, кроме выхода; нет огородика. Недавно здесь жил один человек с двумя взрослыми дочерьми и сыном-подростком; отец и сын спали на кровати, дочери в сенях. За время, пока семейство здесь жило, каждая из дочерей родила по ребенку, причем одна отправилась рожать в работный дом и потом возвратилась домой.

3) *Бакингемшир*

В 30 коттеджах — на 1000 акрах земли — живет здесь приблизительно 130—140 человек. Приход Браденем занимает 1000 акров; в 1851 г. в нем было 36 домов с населением из 84 мужчин и 54 женщин. Это несоответствие в количестве лиц обоего пола стало меньше в 1861 г., когда насчитывалось 98 человек мужского и 87 женского пола; в течение 10 лет прибавилось 14 мужчин и 33 женщины. В то же время число домов уменьшилось на один.

Уинслоу: Значительная часть его перестроена заново в хорошем стиле; спрос на дома, по-видимому, значительный, потому что очень жалкие одноэтажные коттеджи сдаются по 1 шилл. и 1 шилл. 3 пенса в неделю.

Уотер-Итон: Здесь собственники в то время, когда росло население, снесли около 20% существовавших домов. Один бедный рабочий, вынужденный ходить на работу почти за 4 мили, на вопрос, неужели он не мог бы найти коттедж поближе, ответил: «Нет, они очень остерегаются принять человека с такой большой семьей, как моя».

Тинкерс-Энд, близ Уинслоу: Одна спальня, в которой помещается 4 взрослых и 4 детей, имеет 11 футов в длину, 9 футов в ширину, 6 футов 5 дюймов в высоту в самом высоком месте; в другой — 11 футов 3 дюйма длина, 9 футов ширина, 5 футов 10 дюймов высота — помещается 6 человек. На каждую семью приходится меньше площади, чем на одного каторжника. Ни в одном доме нет больше одной спальни, ни в одном нет черного хода, в очень немногих домах имеется водоснабжение. Квартирная плата от 1 шилл. 4 пенсов до 2 шилл. в неделю. Из жильцов обследованных 16 домов только у одного-единственного заработок достигал 10 шилл. в неделю. Количество воздуха, приходящееся в упомянутом случае на каждого человека, соответствует тому, что досталось бы на долю каждого, если бы на ночь он был заперт в ящик в 4 фута по всем трем измерениям. Впрочем, старые хижины имеют вполне достаточную естественную вентиляцию.

4) *Кембриджшир*

Гамблингей принадлежит различным собственникам. Он состоит из наиболее ободранных cots, какие только можно встретить. Многие занимаются соломоплетением. Смертельная усталость, безнадежное примирение с жизнью в грязи царят в Гамблингее. Заброшенность, заметная и в центре, становится источником настоящей пытки на окраинах, на севере и юге,

где дома постепенно разваливаются. Лендлорды, сами проживающие в других местах, вовсю высасывают соки из бедного гнезда. Квартирная плата очень высокая; в одну спальную комнату набивается 8—9 человек; в двух случаях в маленькой спальне помещается 6 взрослых, каждый с одним или двумя детьми.

5) *Эссекс*

Во многих приходах этого графства уменьшение числа коттеджей идет одновременно с уменьшением населения. Однако не менее чем в 22 приходах снос домов не задержал роста населения или не вызвал его изгнания, которое происходит повсеместно в виде так называемого «переселения в города». В Фингрингхо, приходе, занимающем 3443 акра, в 1851 г. было 145 домов, в 1861 г. уже только 110, но население не хотело уходить и не перестало даже при этих условиях увеличиваться. В Рамсден-Крейс в 1851 г. 252 человека жили в 61 доме, а в 1861 г. 262 человека теснились уже в 49 домах. В Базилдоне в 1851 г. на 1827 акрах жило 157 человек в 35 домах, в конце этого десятилетия — 180 человек в 27 домах. В приходах Фингрингхо, Саут-Фамбридже, Уилфорде, Базилдоне и Рамсден-Крейсе в 1851 г. на площади в 8449 акров жило 1392 человека в 316 домах, в 1861 г. на той же площади — 1473 человека в 249 домах.

6) *Херефордшир*

Это маленькое графство больше, чем любое другое в Англии, пострадало от «духа изгнания». В Мадли переполненные коттеджи, обыкновенно с 2 спальнями, по большей части принадлежат фермерам. Последние легко сдают их за 3 или 4 ф. ст. в год и платят заработную плату в 9 шилл. в неделю.

7) *Хантингдоншир*

В Хартфорде в 1851 г. было 87 домов, вскоре после того в этом маленьком приходе площадью в 1720 акров было снесено 19 коттеджей; число жителей здесь было: в 1831 г. — 452, в 1851 г. — 382, в 1861 г. — 341. Обследованы 14 cots с одной спальней в каждом. В одном из них живут: одна супружеская чета, 3 взрослых сына, одна взрослая девушка, 4 детей, итого 10 человек; в другом — 3 взрослых, 6 детей. Одна из этих комнат, в которой спало 8 человек, имеет 12 футов 10 дюймов в длину, 12 футов 2 дюйма в ширину, 6 футов 9 дюймов в высоту; в среднем, включая также выступы, на каждого

приходилось около 130 куб. футов. В 14 спальнях 34 взрослых и 33 ребенка. Около этих коттеджей редко имеется огород, но многие жильцы могли арендовать маленькие клочки земли по 10 или 12 шилл. за rood ($^{1}/_{4}$ акра). Эти парцеллы расположены далеко от домов, а при домах нет отхожих мест. Членам семьи приходится или отправляться на свою парцеллу и там оставлять свои экскременты, или, — как это, с позволения сказать, делается здесь, — наполнять ими выдвижной ящик шкафа. Когда он полон, его вынимают и опоражнивают содержимое там, где оно -требуется. В Японии круговорот жизни совершается опрятнее.

8) *Линкольншир*

Лангтофт: Один человек живет здесь в доме Райта со своей женой, тещей и 5 детьми; в доме кухня-передняя, чулан, спальня над кухней; кухня и спальня имеют 12 футов 2 дюйма в длину, 9 футов 5 дюймов в ширину; вся площадь под домом — 21 фут 3 дюйма в длину и 9 футов 5 дюймов в ширину. Спальня — чердачное помещение, стены, подобно голове сахара, суживаются к потолку, с фасада открывается форточка. Почему живет он здесь? Из-за огорода? Нет, он чрезвычайно маленький. Из-за квартирной платы? Тоже нет. Она высокая — 1 шилл. 3 пенса в неделю. Из-за близости к месту работы? Нет, до работы расстояние 6 миль, так что ежедневно ему приходится делать в оба конца 12 миль. Он живет здесь потому, что этот cot сдавался, а он хотел найти cot только для себя, где бы то ни было, по какой бы то ни было цене, в каком бы то ни было состоянии. Ниже приводятся статистические данные о 12 домах в Лангтофте с 12 спальнями, 38 взрослыми жильцами и 36 детьми:

12 домов в Лангтофте

Число домов	Число спален	Число взрослых	Число детей	Общее число жильцов	Число домов	Число спален	Число взрослых	Число детей	Общее число жильцов
1	1	3	5	8	1	1	3	3	6
1	1	4	3	7	1	1	3	2	5
1	1	4	4	8	1	1	2	0	2
1	1	5	4	9	1	1	2	3	5
1	1	2	2	4	1	1	3	3	6
1	1	5	3	8	1	1	2	4	6

9) *Кент*

Кеннингтон был крайне переполнен в 1859 г., когда появился дифтерит, и приходский врач произвел официальное обследование положения беднейших классов населения. Он обнаружил, что в этой местности, где требуется большое количество труда, несколько cots было снесено, а заново не было построено ни одного. На одном участке было 4 дома, так называемые birdcages (птичьи клетки); в каждом было по 4 комнаты следующих размеров в футах и дюймах:

Кухня	9,5 × 8,11 × 6,6
Чулан	8,6 × 4,6 × 6,6
Спальня	8,5 × 5,10 × 6,3
Спальня	8,3 × 8,4 × 6,3

10) *Нортгемптоншир*

Бриксуэрт, Питсфорд и Флур: В этих деревнях зимой бродят по улицам 20—30 рабочих, которые не имеют работы. Фермеры не всегда достаточно хорошо обрабатывали землю под зерновые и корнеплоды, и лендлорд нашел целесообразным соединить все сдаваемые в аренду участки в два или три. Отсюда нехватка работы. В то время как по одну сторону канавы поля требуют обработки, по другую сторону лишенные работы рабочие бросают на них истосковавшиеся взоры. Нисколько не удивительно, если рабочие, утомленные чрезмерным лихорадочным трудом летом и полуголодные зимой, говорят на своем своеобразном диалекте, что «the parson and gentlefolks seem frit to death at them»[168a].

Во Флуре — примеры, когда в спальне самых малых размеров помещается супружеская чета с 4, 5, 6 детьми, или 3 взрослых с 5 детьми, или супружеская чета с дедом и 6 детьми, больными скарлатиной, и т. д.; в 2 домах с 2 спальнями 2 семьи, каждая из 8—9 взрослых.

11) *Уилтшир*

Страттон: Обследован 31 дом, в восьми из них только по одной спальной комнате. Пенхилл в том же приходе: один cot сдается за 1 шилл. 3 пенса в неделю, живут в нем 4 взрослых и. 4 детей; кроме хороших стен в нем нет ничего хорошего, начиная с пола из плохо отесанных камней и кончая гнилой соломенной крышей.

[168a] «Поп и дворянин как будто сговорились замучить нас до смерти».

12) *Вустершир*

Снесено домов здесь не столь много, однако с 1851 по 1861 г. количество жильцов на каждый дом увеличилось с 4,2 до 4,6.

Бадси: Здесь много cots и маленьких огородов. Некоторые фермеры заявляют, что cots — «a great nuisance here, because they bring the poor» (cots — большое зло, потому что они привлекают бедных). Один джентльмен заявляет:

«Бедные от этого нисколько не выигрывают; если построить 500 cots, их расхватают так же быстро, как булки; в самом деле, чем больше их строят, тем больше их требуется», —

следовательно, по его мнению, дома порождают жильцов, которые, естественно, давят на «средства расквартирования». В ответ на это д-р Хантер заявляет:

«Но ведь должны же эти бедные откуда-нибудь взяться, а так как в Бадси нет ничего такого, что особенно привлекало бы их сюда, как, например, благотворительность, то из этого следует, что сюда гонит их отталкивание из какого-нибудь еще более неудобного места. Если бы каждый мог найти близ места своей работы cot и клочок земли, то, несомненно, он оказал бы этому месту предпочтение перед Бадси, в котором он платит за свой клочок земли вдвое дороже, чем фермер».

Постоянная эмиграция в города, постоянное создание «избыточного» населения в деревне вследствие концентрации ферм, превращения полей в пастбища, применения машин и т. д. и постоянное изгнание сельского населения вследствие сноса коттеджей идут рука об руку. Чем реже население данного округа, тем больше в нем «относительное перенаселение», тем больше его давление на средства занятости, тем больше абсолютный избыток сельского населения над средствами расквартирования и, следовательно, тем больше в деревнях местное перенаселение и скученность людей, служащая источником эпидемий. Скученность людских масс в разбросанных мелких деревнях и местечках соответствует насильственному изгнанию людей с земельных площадей. Непрерывное превращение сельскохозяйственных рабочих в «избыточных», несмотря на уменьшение их числа, сопровождающееся увеличением массы их продукта, является колыбелью пауперизма. Угрожающий им пауперизм служит мотивом их изгнания и является главным источником их жилищной нужды, которая окончательно подрывает их способность к сопротивлению и делает их настоящими рабами земельных собственников[169] и фермеров, так что мини-

[169] «Исконное занятие хайнда [см. настоящий том, стр. 691] придает достоинство даже его положению. Он не раб, но солдат мира, и заслуживает того, чтобы лендлорд обеспечил его помещением, подобающим женатому человеку, так как лендлорд требует от него такого же принудительного труда, как страна от солдата. Он, как и солдат, не получает рыночной цены за свою работу. Подобно солдату, его берут молодым, невежественным,

мум заработной платы становится для них естественным законом. С другой стороны, несмотря на свое постоянное «относительное перенаселение», деревня в то же время и недостаточно населена. Это обнаруживается не только как местное явление в таких пунктах, из которых население слишком быстро отливает к городам, рудникам, копям, на железнодорожное строительство и т. д., — это обнаруживается повсюду как во время жатвы, так и весной и летом, в те многочисленные моменты, когда очень тщательное и интенсивное английское земледелие нуждается в добавочных руках. Сельскохозяйственных рабочих всегда оказывается слишком много для средних потребностей земледелия и слишком мало для исключительных или временных его потребностей[170]. Поэтому-то в официальных документах и отмечаются противоречивые жалобы из одних и тех же областей одновременно и на недостаток и на избыток труда. Временный или местный недостаток рабочих не вызывает повышения заработной платы, но приводит лишь к тому, что к земледельческому труду принуждаются женщины и дети, и возраст рабочих все понижается. Когда эксплуатация женщин и детей принимает широкие размеры, она, в свою очередь, становится новым средством превращения взрослых сельских рабочих мужчин в избыточных рабочих и средством понижения их заработной платы. На востоке Англии процветает прекрасный плод этого cercle vicieux [порочного круга] — так

знакомым только со своим ремеслом и своей местностью. Ранние браки и действие различных законов об оседлости для него то же, что призыв и военно-уголовное уложение для солдата» (д-р Хантер в «Public Health. 7lh Report 1864». London, 1865, p. 132). Иногда какой-нибудь в виде исключения мягкосердечный лендлорд сокрушается по поводу опустошения, которое вызвано им самим. «Очень печальная вещь быть одному в своих владениях, — говорил граф Лестер, когда его поздравляли с окончанием постройки Холкема. — Я оглядываюсь кругом и не вижу ни одного дома, кроме своего собственного, Я — исполин башни великанов и пожрал всех своих соседей».

[170] Подобное явление наблюдается в последние десятилетия и во Франции, по мере того как капиталистическое производство овладевает земледелием и гонит «избыточное» сельское население в города. Наблюдается здесь также ухудшение жилищных и прочих условий у самого источника образования «избыточных». О своеобразном «prolеtariat foncier» [«сельском пролетариате»], созданном парцеллярной системой, см., между прочим, ранее цитированное сочинение: *Colins.* «L'Economie Politique», и мою работу «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», Нью-Йорк, 1852, стр. 56 и сл. [см. настоящее издание, том 8, стр. 207 и сл.]. В 1846 г. городское население во Франции составляло 24,42%, сельское — 75,58%; в 1861 г. городское — 28,86%, сельское — 71,14%. За последние пять лет уменьшение процентной доли сельского населения еще значительнее. Уже в 1846 г. Пьер Дюпон писал в своей «Песне рабочих»:

«В лохмотья кутаясь, идем
Мы спать в сараи, под заборы,
Там с нами совы делят дом
И братья мглы полночной — воры».

называемая gangsystem (система артелей), о которой я скажу здесь несколько слов[171)].

Система артелей встречается почти исключительно в Линкольншире, Хантингдоншире, Кембриджшире, Норфолке, Суффолке, Ноттингемшире, спорадически — в соседних графствах: Нортгемптоне, Бедфорде, Ратленде. В качестве примера мы возьмем здесь Линкольншир. Значительная часть этого графства представляет собой новую землю, бывшую прежде болотом или, как в других перечисленных восточных графствах, отвоеванную у моря. Паровая машина произвела чудеса при осушительных работах. На месте прежних топей и сыпучих песков теперь роскошные нивы, и с них получают самые высокие ренты. То же самое следует сказать об освоенной человеком аллювиальной почве, как, например, на острове Аксхолм и других приходах на берегу Трента. По мере возникновения новых ферм не только не строятся новые коттеджи, но и сносятся старые, рабочие же привлекаются из открытых деревень, отстоящих за несколько миль и расположенных вдоль больших дорог, которые извиваются по склонам холмов. Раньше население только там и находило защиту от продолжительных зимних наводнений. Рабочие, постоянно живущие на фермах размером в 400—1000 акров (их называют здесь «confined labourers» [«прикрепленные рабочие»]), служат исключительно для постоянных тяжелых земледельческих работ, выполняемых с помощью лошадей. На каждые 100 акров приходится в среднем едва по одному коттеджу. Например, один фермер, арендующий прежде заболоченный участок [Fenland], показывает перед следственной комиссией:

«Моя ферма занимает более 320 акров, все это пахотная земля. Коттеджей нет. Теперь у меня живет один рабочий. Четверо рабочих, которые ухаживают за моими лошадьми, живут в окрестностях. Легкая работа, для которой требуется много рабочих рук, исполняется артелями»[172)].

Земля требует целого ряда легких полевых работ, как, например, выпалывание сорных трав, окапывание, внесение удобрений, удаление камней и т. д. Все это производится артелями, или организованными группами, которые живут в открытых деревнях.

Артель состоит из 10—40 или 50 человек, а именно женщин, подростков обоего пола (13—18 лет), хотя мальчики, достигнув 13 лет, обыкновенно оставляют артель, и, наконец, из детей

[171)] Шестой и заключительный отчет Комиссии по обследованию условий детского труда, опубликованный в конце марта 1867 **г.**, говорит о gangsystem лишь в земледелии.

[172)] «Children's Employment Commission. 6th Report». Evidence, p. 37, № 173. — Fenland — болотистая местность.

обоего пола (6—13 лет). Во главе ее находится gangmaster (артельный староста); это всегда обыкновенный сельскохозяйственный рабочий, по большей части так называемый непутевый человек, бесшабашная голова, бродяга, пьяница, но наделенный некоторым духом предприимчивости и делячества. Он вербует артель, которая работает под его началом, а не под началом фермера. С последним он по большей части договаривается на сдельную работу, и его доход, — который в среднем не особенно превышает заработок обыкновенного сельскохозяйственного рабочего[173], — почти всецело зависит от того искусства, с которым он умеет извлечь из своей артели в самое короткое время самое большое количество труда. Фермеры открыли, что женщины хорошо работают только под диктатурой мужчины, но что, с другой стороны, женщины и дети, раз они принялись за работу, с величайшей рьяностью расходуют свои жизненные силы, — это знал уже Фурье, — между тем как взрослый работник мужчина настолько коварен, что старается по возможности экономить свои силы. Артельный староста переходит из одного имения в другое и так работает со своей артелью 6—8 месяцев в году. Поэтому иметь дело с ним для рабочей семьи много выгоднее и вернее, чем иметь дело с отдельным фермером, который дает детям занятия лишь от случая к случаю. Это обстоятельство настолько упрочивает его влияние в открытых деревнях, что часто детей невозможно устроить на работу иначе, как при его посредничестве. «Одалживание» детей в одиночку, отдельно от артелей, составляет для него побочный промысел.

«Темные стороны» этой системы — чрезмерный труд детей и подростков, огромные переходы, которые им ежедневно приходится делать туда и обратно к имениям, находящимся на расстоянии 5, 6, иногда даже 7 миль, и, наконец, деморализация артели. Хотя артельный староста, в некоторых местностях называемый «the driver» (погонщик), вооружен длинной палкой, однако он очень редко применяет ее, и жалобы на жестокое обращение являются исключением. Он — демократический император или в некотором роде гамельнский крысолов. Следовательно, он нуждается в популярности среди своих подданных и привлекает их к себе процветающими под его покровительством цыганскими нравами. Грубая непринужденность, веселая распущенность и самое наглое бесстыдство царят в артели. Артельный староста обыкновенно расплачивается

---

[173] Однако некоторые артельные старосты превратились в фермеров, арендующих до 500 акров земли, или во владельцев целого ряда домов.

в кабаке и потом возвращается во главе своей артели домой, сильно шатаясь, поддерживаемый справа и слева дюжими бабами; дети и подростки шумят сзади и распевают юмористические и скабрезные песни. На обратном пути происходит то, что Фурье называет «явнобрачием»[189]. Нередко тринадцатилетние и четырнадцатилетние девочки становятся беременными от своих сверстников. Открытые деревни, поставляющие контингент для артелей, превращаются в Содом и Гоморру[174)] и дают вдвое большее число внебрачных детей, чем все остальное королевство. Мы уже раньше указывали, что могут дать в нравственном отношении воспитанные в такой школе девушки, когда они становятся замужними женщинами. Их дети, если только опиум не доконает их, являются прирожденными рекрутами артели.

Артель в своей только что описанной классической форме называется общественной, общинной или бродячей артелью (public, common or tramping gang). Встречаются, кроме того, и частные артели (private gangs). Состав их таков же, как и общественных артелей, но число членов в них меньше, и работают они под руководством не артельного старосты, а какого-нибудь старого батрака, для которого фермер не находит лучшего применения. Цыганские забавы здесь исчезают, но, по всем свидетельским показаниям, оплата труда и обращение с детьми ухудшаются.

Система артелей, которая за последние годы распространяется все больше[175)], существует, конечно, не ради артельного старосты. Она существует для обогащения крупных фермеров[176)] и лендлордов[177)]. Для фермера нет более остроумного метода сокращать свой рабочий персонал ниже нормы и в то же время постоянно располагать на случай экстренных работ добавочными руками, при помощи возможно меньшей суммы денег выколачивать возможно больше труда[178)] и делать

взрослых рабочих мужчин «избыточными». После всего этого легко понять, почему, с одной

[174)] «Артели погубили половину девушек Ладфорда» (там же, приложение, стр. 6, № 32).

[175)] «Эта система очень распространилась за последние годы. В некоторых местностях она только что введена, в других, где она существует дольше, в артели вовлекаются дети во все большем количестве и все меньшего возраста» (там же, стр.79, № 174).

[176)] «Мелкие фермеры не применяют артельного труда». «Он не применяется на плохой земле, а применяется на такой, которая приносит ренту от 2 ф. ст. до 2 ф. ст. 10 шилл. с акра» (там же, стр. 17 и 14).

[177)] Одному из этих господ его ренты настолько приходятся по вкусу, что он с негодованием заявил перед следственной комиссией, будто весь крик поднялся только из-за названия системы. Если бы артели назывались не «Gang» [артель, бригада, банда], а «юношескими промышленно-земледельческими ассоциациями для самостоятельного заработка», то все было бы в полном порядке.

[178)] «Артельный труд дешевле всякого другого труда, потому-то он и применяется», — говорит один бывший староста артели (там же, стр. 17, № 14). «Система артелей безусловно самая дешевая для фермера и столь же безусловно самая пагубная для детей», — говорит один фермер (там же, стр. 16, № 3).

стороны, признают, что сельский рабочий в большей или меньшей мере страдает от безработицы, а с другой стороны, заявляют, что система артелей «необходима» вследствие недостатка рабочих мужчин и переселения их в города[179]. Поле, очищенное от плевел, и человеческие плевелы Линкольншира и т. д. — вот противоположные полюсы капиталистического производства[180].

f) ИРЛАНДИЯ

В заключение этого раздела мы должны еще бросить взгляд на Ирландию. Прежде всего приведем относящиеся сюда факты.

Население Ирландии достигло к 1841 г. 8222664 человек, в 1851 г. сократилось до 6623985, в 1861 г. — до 5850309, в 1866 г. — до $5^1/_2$ миллионов, т. е. почти до уровня 1801 года.

---

[179] «Несомненно, многие из работ, выполняемых теперь в артелях детьми, раньше выполнялись мужчинами и женщинами. Там, где применяется труд женщин и детей, безработных мужчин больше, чем было раньше (more men are out of work)» (там же, стр. 43, № 202). Но, с другой стороны, между прочим: «Вопрос о рабочих (labour question) во многих земледельческих округах, особенно в производящих хлеб, принимает столь серьезный характер вследствие эмиграции и той легкости переселения в большие города, которая обеспечивается железными дорогами, что я» (этот «я» — сельский агент одного крупного лендлорда) «считаю детский труд абсолютно необходимым» (там же, стр. 80, № 180). The labour question (вопрос о рабочих) в английских земледельческих округах, в отличие от остального цивилизованного мира, представляет собой the landlords' and fermers' question (вопрос лендлордов и фермеров), — каким образом, несмотря на постоянно возрастающий отлив сельского населения, увековечить в деревне достаточное «относительное перенаселение» и вместе с тем и «минимум заработной платы» для сельскохозяйственного рабочего?

[180] Раньше цитированный мною «Public Health Report», в котором при освещении проблемы смертности детей мимоходом говорится о системе артелей, остался неизвестным прессе, а следовательно, и английской публике. Напротив, последний отчет Комиссии по обследованию условий детского труда дал прессе желанную «сенсационную» пищу. В то время как либеральная пресса спрашивала, как все же благородные джентльмены и леди и священники государственной церкви, которыми кишит Линкольншир, как все же эти персонажи, посылавшие к антиподам свои особые «миссии для смягчения нравов дикарей Южного океана», могли допустить развитие подобной системы в своих имениях, у себя на глазах, — в это самое время аристократическая пресса занималась исключительно рассуждениями о грубой испорченности этих сельских жителей, способных продавать своих детей в подобное рабство! Между тем при тех проклятых условиях, на которые «благородные» обрекли сельского жителя, было бы понятно, если бы он даже пожирал своих детей. Если чему и приходится удивляться, так это тем достоинствам характера, которые он по большей части сохранил. Авторы официальных отчетов указывают, что даже в округах, где применяется система артелей, родители относятся к ней с отвращением. «В собранных нами свидетельских показаниях можно найти обильные доказательства того, что родители во многих случаях были бы благодарны за принудительный закон, который дал бы им возможность противостоять тем искушениям и давлению, которым они часто подвергаются. То приходский чиновник, то хозяин, угрожая им увольнением, заставляет их посылать детой на работу вместо школы... Всякое расточение времени и сил, все страдания, причиняемые земледельцу и его семье чрезмерным и бесполезным утомлением, всякий случай, когда родители могут приписать нравственную гибель своего ребенка перенаселенности коттеджей или развращающим влияниям системы артелей, — все это вызывает в сердцах трудящихся бедняков чувства, которые легко понять и которые нет необходимости описывать подробнее. Они сознают, что им причиняется много физических и нравственных мучений условиями, за которые они никак не ответственны, на которые они, если бы ато было в их власти, никогда не дали бы своего согласия и против которых они бессильны бороться» (там же, стр. XX, № 82; стр. XXIII, № 96).

Уменьшение началось с голодного 1846 г. и менее чем за 20 лет Ирландия потеряла свыше $^{5}/_{16}$ своего населения[181]. Общее число эмигрантов с мая 1851 г. по июль 1865 г. составило 1591487 человек, за последние 5 лет, с 1861 по 1865 **г.**, эмиграция дала более полумиллиона. Число обитаемых домов уменьшилось в период 1851—1861 гг. на 52990. С 1851 по 1861 г. число ферм размером в 15—30 акров возросло на 61000, число ферм больше 30 акров — на 109000, между тем как общее число всех ферм уменьшилось на 120000, — уменьшение, вызванное исключительно уничтожением ферм размером до 15 акров, т. е. их централизацией.

Уменьшение численности населения, разумеется, сопровождалось в общем и целом уменьшением массы продуктов. Для нашей цели достаточно рассмотреть пятилетие 1861—1865 гг., в течение которого эмигрировало более полумиллиона и абсолютная численность населения сократилась более чем на $^{1}/_{3}$ миллиона (см. таблицу А).

ТАБЛИЦА А

Поголовье скота[182]

Годы	Лошади		Крупный рогатый скот		
	Общее число	Уменьшение	Общее число	Уменьшение	Увеличение
1860	619 811	—	3 606 374	—	—
1861	614 232	5 579	3 471 688	134 686	—
1862	602 894	11 338	3 254 890	216 798	—
1863	579 978	22 916	3 144 231	110 659	—
1864	562 158	17 820	3 262 294	—	118 063
1865	547 867	14 291	3 493 414	—	231 120

[181] Население Ирландии: в 1801 г. — 5319867 человек, в 1811 г. — 6084996, в 1821 г. — 6869544, в 1831 г. — 7828347, в 1841 г. — 8222664.

[182] Результат оказался бы еще неблагоприятнее, если бы мы возвратились еще дальше назад. Так, овец в 1865 г. было 3 688 742, а в 1856 г. — 3694294; свиней в 1865 г. было 1299893, а в 1858 г. — 1409883.

Продолжение

Годы	Овцы			Свиньи		
	Общее число	Уменьшение	Увеличение	Общее число	Уменьшение	Увеличение
1860	3 542 080	—	—	1 271 072	—	—
1861	3 556 050	—	13 970	1 102 042	169 030	—
1862	3 456 132	99 918	—	1 154 324	—	52 282
1863	3 308 204	147 928	—	1 067 458	86 866	—
1864	3 366 941	—	58 737	1 058 480	8 978	—
1865	3 688 742	—	321 801	1 299 893	—	241 413

Из предыдущей таблицы следует:

Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи
Абсолютное уменьшение	Абсолютное уменьшение	Абсолютное увеличение	Абсолютное увеличение
71 944	112 960	146 662	28 821

Обратимся теперь к земледелию, которое доставляет жизненные средства для скота и людей. В следующей таблице В показано уменьшение или увеличение площади запашек и лугов (или пастбищ) в акрах за каждый отдельный год по сравнению

ТАБЛИЦА В

Годы	Зерновые	Овощи		Луга и клевер		Лен		Общее количество земли, служащей для земледелия и животноводства	
	Уменьшение	Уменьшение	Увеличение	Уменьшение	Увеличение	Уменьшение	Увеличение	Уменьшение	Увеличение
1861	15 701	36 974	—	47 969		—	19 271	81 373	—
1862	72 734	74 785	—	—	6 623	—	2 055	138 841	—
1863	144 719	19 358	—	—	7 724	—	63 922	92 431	—
1864	122 437	2 317	—	—	47 486	—	87 761	—	10 493
1865	72 450	—	25 241	—	68 970	50 159	—	28 398	—
1861—1865	428 041	108 193	—	—	82 834	—	122 850	330 550	—

с непосредственно предшествующим. К зерновым отнесены: пшеница, овес, ячмень, рожь, бобы и горох, к овощам условно — картофель, турнепс, свекла, капуста, морковь, пастернак, вика и т. д.

В 1865 г. площадь под лугами увеличилась до 127470 акров, главным образом по той причине, что площадь невозделанных пустошей и торфяных болот уменьшилась на 101543 акра. Если мы сравним 1865 г. с 1864, то уменьшение сбора зерновых составит 246667 квартеров, в том числе — пшеницы 48999 квартеров, овса 166605 квартеров, ячменя 29892 квартера и т. д.; уменьшение урожая картофеля, хотя площадь под ним в 1865 г. увеличилась, составило 446398 тонн и т. д. (см. таблицу С, стр. 713).

От движения населения и земледельческого производства Ирландии перейдем к движению в кошельках ее лендлордов, крупных фермеров и промышленных капиталистов. Оно находит свое отражение в уменьшении и увеличении подоходного налога. Для понимания следующей таблицы D надо отметить, что рубрика D (прибыль, за исключением прибыли фермеров) охватывает и так называемую «профессиональную» прибыль, т. е. доходы адвокатов, врачей и т. д., а не приведенные здесь особо рубрики С и Е охватывают доходы чиновников, офицеров, лиц, имеющих государственную синекуру, кредиторов государства и т. д.

ТАБЛИЦА D

Доходы, облагаемые подоходным налогом[184)]
(в фунтах стерлингов)

	1860	1861	1862	1863	1864	1865
Рубрика А Земельная рента	12 893 829	13 003 554	13 398 938	13 494 091	13 470 700	13 801 616
Рубрика В Прибыль фермеров................	2 765 387	2 773 644	2 937 899	2 938 923	2 930 874	2 946 072
Рубрика D Промышленная и т. п. прибыль....................................	4 891 652	4 836 203	4 858 800	4 846 497	4 546 147	4 850 199
Сумма всех рубрик от А до Е................................	22 962 885	22 998 394	23 597 574	23 658 631	23 236 298	23 930 340

Под рубрикой D среднегодовое увеличение дохода за 1853— 1864 гг. составляло только 0,93%, между тем как в Великобритании оно было равно за тот же период 4,58%. Следующая таблица показывает распределение прибылей (за исключением фермерской прибыли) в 1864 и 1865 гг.: (см. таблицу Е на стр. 714).

184) «Tenth Report of the. Commissioners of Inland Revenue». London, 1866.

ТАБЛИЦА C

Увеличение или уменьшение площади обрабатываемой земли, продукции с одного акра и общей продукции в 1865 г. по сравнению с 1864 г.[183]

Название продукта	Количество акров обрабатываемой зем ли		Увеличение или уменьшение в 1865 г.		Продукция с одного акра			Увеличение или умень-шение в 1865 г.		Общая продукция		Увеличение или уменьше-ние в 1865 г.	
	1864	1865	+	—		1864	1865	+	—	1864	1865	+	—
Пшеница	276 483	266 989		9 494	Пшеница (цент.)	13,3	13,0	—	0,3	875 782 (кварт.)	826 783	—	48 999 (кварт.)
Овес	1 814 886	1 745 228	—	69 658	Овес »	12,1	12,3	0,2	—	7 826 332 »	7 659 727	—	166 605 »
Ячмень...	172 700	177 102	4 402	—	Ячмень »	15,9	14,9	—	1,0	761 909 »	732 017	—	29 892 »
Бэрэ……	8 894	10 091	1 197		Бэрэ »	16,4	14,8	—	1,6	15160 »	13989	—	1 171 »
Рожь..….					Рожь »	8,5	10,4	1,9	—	12 680 »	18364	5 684 (кварт.)	—
Картофель	1 039 724	1 066 260	26 536	-	Картофель (тонн)	4,1	3,6	—	0,5	4 312 388 (тонн)	3 865 990	—	446 398 (тонн)
Турнепс..	337 355	334 212	—	3 143	Турнепс (тонн)	10,3	9,9	—	0,4	3 467 659 »	3 301 683	—	165 976 »
Свекла.....	14 073	14 389	316	—	Свекла »	10,5	13,3	2,8	—	147 284 »	191 937	44653 (тонны)	—
Капуста..	31 821	33 622	1 801	—	Капуста »	9,3	10,4	1,1	—	297 375 »	350 252	52 877 »	—
Лен.........	301 693	251 433	—	50 260	Лен (стон)	34,2	25,2	—	9,0	64 506 »	39561	—	24 945 (тонн)
Сено……	1 609 569	1 678 493	68 924	—	Сено (тонн)	1,6	1,8	0,2	—	2 607153 »	3 068 707	461 554 »	—

[183] Данные составлены по материалам следующих изданий: «Agricultural Statistics. Ireland. General Abstracts», Dublin, за годы 1860 и сл., и «Agricultural Statistics. Ireland. Tables showing the Estimated Average Produce etc.», Dublin, 1866. Это официальная статистика, ежегодно представляемая парламенту.

Добавление к 2 изданию. Официальная статистика показывает для 1872 г. уменьшение площади обрабатываемой земли на 134915 акров по сравнению с 1871 годом. Увеличение имело место по овощам — турнепсу, свекле и т. п. Уменьшение площади обрабатываемой земли произошло по следующим культурам: по пшенице — на 16 тыс. акров, по овсу — на 14 тыс. акров, по ячменю и ржи — на 4 тыс. акров, по картофелю — на 34667 акров; на 30 тыс. акров уменьшилась площадь под лугами, клевером, викой и сурепицей. Площадь под пшеницей за последние 5 лет последовательно уменьшалась, она составляла в 1868 году — 285000 акров, 1869 г. — 280000 акров, 1870 г. — 259000 акров, 1871 г. — 244000 акров, 1872 г. — 228000 акров. В 1872 г. имело место увеличение (в округленных цифрах) поголовья лошадей на 2600, крупного рогатого скота — на 80000, овец — на 28682 и уменьшение поголовья свиней — на 236000.

ТАБЛИЦА Е

Рубрика D. Доходы из прибылей (выше 60 ф. ст.) в Ирландии[185)]

(в фунтах стерлингов)

	1864	1865
Общий годовой доход..	4 368 610 (распределены между 17 467 чел.)	4 669 979 (распределены между 18 081 чел.)
Годовой доход выше 60 ф. ст. и ниже 100 ф. ст.	238 726 (распределены между 5 015 чел.)	222 575 (распределены между 4 703 чел.)
Из общего годового дохода……….	1 979 066 (распределены между 11 321 чел.)	2 028 571 (распределены между 12 184 чел.)
Остаток общего годового дохода...	2 150 818 (распределены между 1 131 чел.)	2 418 833 (распределены между 1 194 чел.)
В том числе	1 073 906 (распределены между 1 010 чел.)	1 097 927 (распределены между 1 044 чел.)
	1 076 912 (распределены между 121 чел.)	1 320 906 (распределены между 150 чел.)
	430 535 (распределены между 95 чел.)	584 458 (распределены между 122 чел.)
	646 377 (распределены между 26 чел.)	736 448 (распределены между 28 чел.)
	262 819 (распределены между 3 чел.)	274 528 (распределены между 3 чел.)

Англия, страна развитого капиталистического производства и преимущественно промышленная страна, истекла бы кровью от кровопускания, подобного тому, которому подвергся народ Ирландии. Но Ирландия представляет собой в настоящее время лишь земледельческий округ Англии, отделенный от нее широким проливом и доставляющий ей хлеб, шерсть, скот, промышленных и военных рекрутов.

Обезлюдение привело к тому, что много земли остается без обработки, количество земледельческого продукта сильно уменьшилось[186)] и, несмотря на расширение площади, предназначенной для животноводства, последнее обнаруживает в некоторых из своих отраслей абсолютное уменьшение, в других — едва заслуживающее упоминания развитие, постоянно прерываемое движением вспять. Однако вместе с уменьшением численности населения все время возрастала земельная рента и фермерская прибыль; последняя, впрочем, не так постоянно, как первая. Причину легко понять. С одной стороны, благодаря централизации ферм и превращению пахотной земли в пастбища все большая часть совокупного продукта превращалась

[185)] Общий годовой доход под рубрикой D отклоняется здесь от цифр предыдущей таблицы ввиду допускаемых законом некоторых отчислений.

[186)] Если продукция уменьшается также и в расчете на акр, то не следует забывать, что Англия в течение полутора веков косвенно вывозила почву из Ирландии, не оставляя ирландским земледельцам средств даже на простое возмещение питательных элементов почвы.

в прибавочный продукт. Прибавочный продукт возрастал, хотя совокупный продукт, часть которого он составляет, все уменьшался. С другой стороны, денежная стоимость этого прибавочного продукта возрастала еще быстрее, чем его масса, так как английские рыночные цены на мясо, шерсть и т. д. за последние 20, в особенности же за последние 10 лет, все повышались.

Распыленные средства производства, которые служат для самого производителя средствами занятости и средствами жизни, не увеличивая при этом своей стоимости путем присоединения чужого труда, точно так же не являются капиталом, как не является товаром продукт, потребляемый его собственным производителем. Хотя масса средств производства, применяемых в земледелии, и уменьшилась вместе с уменьшением количества населения, тем не менее масса капитала, применяемого в земледелии, увеличилась, потому что часть распыленных прежде средств производства была превращена в капитал.

Весь капитал Ирландии, вложенный вне земледелия в промышленность и торговлю, накоплялся в последние два десятилетия медленно и с постоянными крупными колебаниями. Напротив, тем быстрее развивалась концентрация его индивидуальных составных частей. Наконец, как ни мало было его абсолютное возрастание, — относительно, по сравнению с сокращающейся численностью населения, он увеличивался.

Таким образом, на наших глазах здесь в крупном масштабе развертывается процесс, лучше которого ортодоксальная политическая экономия и желать не может для подтверждения своего догмата, согласно которому бедность возникает из абсолютного перенаселения, а равновесие восстанавливается снова уменьшением населения. Это — эксперимент куда более внушительный, чем столь прославленная мальтузианцами чума середины XIV столетия[190]. Кстати сказать, прилагать к отношениям производства и соответствующим- отношениям народонаселения в XIX веке мерку XIV века было само по себе педантски-наивным; но при этой наивности кроме того упускалось из виду, что если по эту сторону Ла-Манша, в Англии, за чумой и сопровождавшим ее уменьшением населения следовали освобождение и обогащение сельского населения, то по другую сторону Ла-Манша, во Франции, за ней следовали еще большее порабощение и возрастание нищеты[186a)].

[186a)] Так как Ирландия считается обетованной землей «закона народонаселения», то Т. Садлер, прежде чем опубликовать работу о народонаселении, издал знаменитую книгу: «Ireland, its Evils and their Remedies», 2nd ed. London, 1829, в которой он, сопоставляя статистические данные по отдельным провинциям, а для каждой провинции по отдельным графствам, показывает, что нищета там не прямо пропорциональна, как того хотелось Мальтусу, а обратно пропорциональна численности населения.

Голод 1846 г. в Ирландии уничтожил более миллиона человек, но это были исключительно бедняки. Он не причинил ни малейшего ущерба богатству страны. Последовавшая затем двадцатилетняя и все усиливающаяся эмиграция не уменьшила, в противоположность Тридцатилетней войне, вместе с численностью людей их средства производства. Ирландский гений изобрел совершенно новый метод переносить как бы волшебством бедный народ на тысячи миль от места его нищеты. Эмигранты, переселившиеся в Соединенные Штаты, ежегодно высылают домой деньги — средства для переселения оставшихся. Каждая партия, эмигрировавшая в этом году, в следующем году увлекает за собой новую партию. Таким образом, эмиграция не только ничего не стоит Ирландии, но еще образует одну из доходнейших статей ее экспортных операций. Наконец, она представляет собой систематический процесс, который не просто создает преходящую брешь в данной массе населения, а напротив, ежегодно отнимает больше людей, чем возмещается ежегодным приростом, и таким образом абсолютная численность населения из года в год уменьшается[186b)].

Каковы же были последствия для оставшихся рабочих Ирландии, освобожденных от перенаселения? Последствия таковы, что относительное перенаселение в настоящее время столь же велико, как было до 1846 г., что заработная плата так же низка, что тяжесть труда увеличилась, что нищета в деревне ведет к новому кризису. Причины очень простые. Революция в земледелии идет рука об руку с эмиграцией. Производство относительного перенаселения идет быстрее, чем абсолютное уменьшение населения. Беглый взгляд на таблицу С показывает, что превращение пахотной земли в пастбища должно сказываться в Ирландии еще более остро, чем в Англии. В последней вместе с животноводством растет производство сочных кормов, в Ирландии оно сокращается. В то время как крупные массивы прежде обрабатываемых полей превращаются в залежи и в постоянные луга, значительная часть остававшихся раньше неиспользованными пустошей и торфяных болот служит для расширения животноводства. Мелкие и средние фермеры — я отношу к их числу всех тех, которые обрабатывают не более 100 акров земли, — все еще составляют почти $^{8}/_{10}$ общего числа фермеров[186c)]. Конку-

[186b)] В период 1851—1874 гг. общее число эмигрантов составило 2325922 человека.

[186c)] *Примечание к 2 изданию.* Согласно одной таблице в книге: *Murphy.* «Ireland, Industrial, Political and Social», 1870, 94,6% всех земель составляют фермы до 100 акров каждая и 5,4% — фермы свыше 100 акров.

ренция капиталистического земледельческого производства давит на них сильнее, чем то было в прежнее время, и потому они постоянно пополняют класс наемных рабочих все новыми и новыми рекрутами. Единственная крупная промышленность Ирландии, льнообрабатывающая промышленность, требует сравнительно мало взрослых рабочих мужчин и, несмотря на ее расширение после вздорожания хлопка в 1861—1866 гг., вообще дает занятие лишь относительно небольшой части населения. Подобно всякой другой крупной промышленности, она постоянными колебаниями в своей собственной сфере все время производит относительное перенаселение, даже если поглощаемая ею масса рабочих абсолютно увеличивается. Нищета сельского населения служит пьедесталом для колоссальных фабрик белья и т. д., рабочая армия которых большей частью рассеяна по деревням. Здесь мы снова встречаемся с ранее описанной системой работы на дому, которая в низкой оплате и чрезмерном труде обладает средствами систематически создавать «избыточных» рабочих. Наконец, хотя уменьшение населения не имеет здесь таких разрушительных последствий, как в стране с развитым капиталистическим производством, однако и здесь оно не проходит без постоянного обратного воздействия на внутренний рынок. Бреши, которые создает эмиграция, сокращают не только местный спрос на труд, но и доходы мелких лавочников, ремесленников, вообще[1] мелких промышленников. В этом лежит причина сокращения доходов размером от 60 до 100 ф. ст. в таблице E.

Довольно прозрачное изображение положения сельскохозяйственных рабочих в Ирландии мы находим в отчетах инспекторов ирландских попечительств о бедных (1870)[186d)]. Чиновники правительства, которое держится только с помощью штыков и то явного, то скрытого осадного положения, должны соблюдать такую осмотрительность в выражениях, которой их коллеги в Англии могут пренебрегать; и, тем не менее, они не позволяют своему правительству предаваться иллюзиям. Согласно их данным, уровень заработной платы, и до сих пор все еще очень низкий в деревне, за последние 20 лет все же повысился на 50—60% и составляет теперь в среднем 6—9 шилл. в неделю. Но за этим кажущимся повышением скрывается действительное понижение заработной платы, потому что оно не уравновешивает даже совершившегося за это время повышения цены необходимых жизненных средств;

186d) «Reports from Poor Law Inspectors on the Wages of Agricultural Labourers in Ireland». Dublin, 1870. — Ср. также «Agricultural Labourers (Ireland). Return etc.», 8th March 1861.

доказательство — следующее извлечение из официальных отчетов одного ирландского работного дома.

Средний недельный расход на содержание одного человека

	Пища		Одежда		Итого	
	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.
С 29 сент. 1848 по 29 сент. 1849 г.	1	$3^1/_4$	0	3	1	$6^1/_4$
С 29 сент. 1868 по 29 сент. 1869 г.	2	$7^1/_4$	0	6	3	$1^1/_4$

Итак, цена необходимых жизненных средств повысилась почти вдвое, а цена одежды — ровно вдвое по сравнению с тем, что было двадцать лет тому назад.

Но даже оставляя в стороне это несоответствие, одно сравнение уровней заработной платы, выраженной в деньгах, далеко еще не дает правильного вывода. До голода большая доля заработной платы в деревне выдавалась натурой, деньгами выплачивалась лишь меньшая часть; в настоящее время денежная оплата составляет общее правило. Уже из этого следует, что каково бы ни было движение реальной заработной платы, ее денежное выражение должно было повыситься.

«До голода сельскохозяйственный поденщик имел клочок земли, на котором он возделывал картофель и держал свиней и птицу. В настоящее время ему не только приходится покупать все свои жизненные средства, но от него уходят также те доходы, которые он получал от продажи свиней, птицы и яиц»[187].

В самом деле, сельскохозяйственные рабочие раньше сливались с мелкими фермерами и обыкновенно составляли только арьергард средних и крупных ферм, на которых они находили работу. Только со времени катастрофы 1846 г. они начали составлять часть класса чисто наемных рабочих, особое сословие, связанное с своими хозяевами исключительно денежными отношениями.

Мы уже знаем, каковы были их жилищные условия до 1846 года. С того времени они еще больше ухудшились. Некоторая часть сельскохозяйственных рабочих, впрочем день ото дня уменьшающаяся, живет еще на земле фермеров в переполненных хижинах, отвратительное состояние которых далеко превосходит все наихудшее, что только представляют в этом отношении английские земледельческие округа. И такое поло-

[187] Там же, стр. 29, 1.

жение повсеместно, за исключением некоторых местностей в Ольстере; таково оно на юге в графствах Корк, Лимерик, Килкенни и т. д.; на востоке в Уиклоу, Уэксфорде и т. д.; в центре Ирландии в графствах Кингс и Куинс, в районе Дублина и т, д.; на севере в Даун, Антрим, Тирон и т. д.; наконец, на западе в Слайго, Роскоммон, Мейо, Голуэй и т. д. «Это, — восклицает один из инспекторов, — позор для религии и цивилизации нашей страны». Видимо, для того чтобы сделать для поденщиков жизнь в их берлогах более сносной, у них систематически отнимают клочки земли, которые с незапамятных времен принадлежали к жилищам.

«Сознание этого рода опалы, которой они подвергнуты лендлордами и их управляющими, вызвало у сельскохозяйственных поденщиков соответствующее чувство антагонизма и ненависти к тем, кто обращается с ними как с бесправной расой»[187a].

Первым актом революции в земледелии было то, что в колоссальном масштабе и как бы по команде свыше совершилось уничтожение хижин, расположенных на месте работ. Многие рабочие были вынуждены искать прибежища в деревнях и городах. Там их, как какой-нибудь хлам, рассовали по чердакам, конурам, подвалам и вертепам наихудших кварталов. Тысячи ирландских семей, которые, даже по свидетельству англичан, проникнутых национальными предрассудками, характеризуются своей редкостной привязанностью к домашнему очагу, своей беззаботной веселостью и чистотой семейных нравов, вдруг оказались перенесенными в рассадники порока. Мужчинам пришлось теперь искать работу у соседних фермеров, которые нанимают их только поденно, т. е. на основе самой ненадежной формы заработной платы; при этом

«они вынуждены теперь проделывать длинный путь до фермы и обратно, часто мокнуть до костей под дождем и подвергаться другим невзгодам, которые нередко ведут за собой упадок сил, болезнь и, следовательно, нужду»[187b].

«Городам из года в год приходилось принимать тех рабочих, которые оказывались излишними в сельских округах»[187c], и после этого еще удивляются тому, «что в городах и местечках наблюдается избыток рабочих, а в деревне — недостаток рабочих!»[187d]. Истина заключается в том, что недостаток этот ощущается лишь «во время срочных земледельческих работ, во время жатвы или весной, в остальное же время года

[187a] Там же, стр. 12.
[187b] Там же, стр. 25.
[187c] Там же, стр. 27.
[187d] Там же, стр. 26.

многие руки остаются незанятыми»[187e)], «что после сбора урожая, с октября до начала весны, едва ли найдется для них какая-нибудь работа»[187f)] и что и в то время, когда у них есть работа, «они часто теряют целые дни, и их работа подвергается перерывам всевозможного рода»[187g)].

Эти последствия революции в земледелии, т. е. превращения пахотной земли в пастбища, применения машин, строжайшей экономии на труде и т. д., еще более обостряются теми образцовыми лендлордами, которые вместо того, чтобы потреблять свои ренты за границей, благоволят жить в Ирландии, в своих владениях. Чтобы не нарушать закона спроса и предложения, эти господа извлекают

«теперь почти весь необходимый для них труд из своих мелких фермеров, которые, таким образом, вынуждены, когда бы от них этого ни потребовали, трудиться на своих лендлордов за такую заработную плату, которая в общем ниже заработной платы обычных поденщиков, не говоря уже о неудобствах и потерях, возникающих вследствие того, что фермеру приходится оставлять свои собственные поля в критическое время сева или уборки»[187h)].

Таким образом, необеспеченность и непостоянство занятий, частая и продолжительная безработица — все эти симптомы относительного перенаселения фигурируют в отчетах инспекторов попечительств о бедных как бич ирландского земледельческого пролетариата. Вспомним, что подобные же явления мы наблюдали и среди английского сельскохозяйственного пролетариата. Но различие в том, что в Англии, промышленной стране, промышленная резервная армия рекрутируется в деревне, между тем как в Ирландии, земледельческой стране, земледельческая резервная армия рекрутируется в городах, являющихся убежищем изгнанных сельскохозяйственных рабочих. В Англии избыточные сельскохозяйственные рабочие превращаются в фабричных рабочих; в Ирландии же изгнанные в города, хотя они и оказывают давление на заработную плату в городах, тем не менее остаются сельскохозяйственными рабочими и в поисках работы постоянно отправляются обратно в деревню.

Авторы официальных отчетов следующим образом резюмируют свои выводы о материальном положении сельскохозяйственных рабочих:

[187e)] Там же, стр. 1.
[187f)] Там же, стр. 32.
[187g)] Там же, стр. 25.
[187h)] Там же, стр. 30.

«Хотя они живут крайне бережливо, однако их заработной платы едва хватает на питание и оплату жилища для себя и своего семейства. Для покупки одежды требуются дополнительные доходы... Атмосфера их жилищ, вместе с другими лишениями, сделала этот класс в особенности подверженным заболеванию тифом и чахоткой»[187i].

После этого нисколько не удивительно, что, по единодушному свидетельству авторов отчетов, мрачное недовольство охватывает ряды этого класса, что он призывает назад прошлое, ненавидит настоящее, отчаивается в будущем, «поддается пагубным влияниям демагогов» и живет только одной мечтой — эмигрировать в Америку. Вот в какой благословенный край превратила зеленый Эрин[191] великая мальтузианская панацея — уменьшение населения!

Как благоденствуют ирландские промышленные рабочие, это достаточно покажет один пример.

«Во время недавней моей инспекционной поездки по северу Ирландии», — говорит английский фабричный инспектор Роберт Бейкер, — «меня поразило, как один искусный ирландский рабочий старался на свои самые скудные средства дать образование своим детям. Я буквально воспроизвожу его рассказ, как я слышал из его собственных уст. Что он действительно искусный фабричный рабочий, видно из того, что его трудом пользовались для производства товаров на манчестерский рынок. Джонсон: По профессии я трепальщик и работаю с 6 часов утра до 11 часов ночи, с понедельника до пятницы; по субботам мы кончаем в 6 часов вечера и имеем 3 часа на обед и отдых. У меня пять человек детей. За эту работу я получаю 10 шилл. 6 пенсов в неделю; моя жена тоже работает и зарабатывает 5 шилл. в неделю. Старшая девочка, двенадцати лет, присматривает за домом. Она наша кухарка и единственная помощница. Она готовит младших к школе. Моя жена встает и уходит одновременно со мной. Одна девушка, которая проходит мимо нашего дома, будит меня в $5^1/_2$ часов утра. Перед уходом на работу мы ничего не едим. В течение дня двенадцатилетняя смотрит за младшими детьми. Завтракаем мы в 8 часов и для этого приходим домой. Чай мы пьем один раз в неделю; вообще же у нас бывает кисель (stirabout), иногда из овсяной муки, иногда из кукурузной муки, смотря по тому, что мы в состоянии купить. Зимой кроме кукурузной муки у нас есть только немного сахара и вода. Летом мы собираем немного картофеля, который сами сажаем на клочке земли, а когда картофель кончается, опять переходим на кисель. И так изо дня в день, по воскресеньям и будням, на протяжении всего года. Закончив работу, я всегда чувствую вечером большую усталость. Кусочек мяса мы видим в исключительных случаях, очень редко. Трое из наших детей посещают школу, за что мы платим по 1 пенсу в неделю за каждого. Наша квартирная плата составляет 9 пенсов в неделю, торф для отопления стоит по меньшей мере 1 шилл. 6 пенсов в две недели»[188].

[187i] Там же, стр. 21, 13.

[188] «Reports of Insp. of Fact. for 31se October 1860», p. 96.

Вот она ирландская заработная плата, вот она ирландская жизнь!

В самом деле, нищета Ирландии опять сделалась в Англии злободневной темой. В конце 1866 и в начале 1867 г. один из ирландских земельных магнатов, лорд Дафферин, принялся на страницах «Times» за решение этого вопроса. «Как это гуманно со стороны такого важного господина!»[192]

Из таблицы Е мы видели, что в 1864 г. из общей прибыли в 4368610 ф. ст. всего три капиталиста получили 262819 ф. ст., а в 1865 г. те же три виртуоза «самоотречения» из 4669979 ф. ст. общей прибыли положили в свой карман уже 274528 ф. ст.; в 1864 г. 26 капиталистов получили 646377 ф. ст., в 1865 г. 28 капиталистов — 736448 ф. ст.; в 1864 г. 121 капиталист — 1076912 ф. ст., в 1865 г. 150 капиталистов — 1320906 ф. ст.; в 1864 г. 1131 капиталист — 2150818 ф. ст., почти половину общей годовой прибыли; в 1865 г. 1194 капиталиста — 2418833 ф. ст., более половины общей годовой прибыли. Но та львиная доля годовой суммы национальной арендной платы, которую поглощает ничтожная кучка земельных магнатов Англии, Шотландии и Ирландии, столь чудовищно велика, что английская государственная мудрость находит целесообразным не давать относительно распределения земельной ренты такого статистического материала, какой она дает относительно распределения прибыли. Лорд Дафферин — один из этих земельных магнатов. Что рента и прибыль могут быть когда-либо «избыточными» или что их изобилие стоит каким-либо образом в связи с изобилием народной нищеты, — это представление, разумеется, столь же «irrespectable» [«непочтительное»], сколь и «нездоровое» (unsound). Лорд придерживается фактов. Факты же таковы, что с уменьшением численности ирландского населения ирландские земельные ренты растут, что уменьшение населения «благодетельно» для земельного собственника, а следовательно, и для земли, а потому и для народа, который является лишь принадлежностью земли. Итак, лорд заявляет, что Ирландия все еще перенаселена и что поток эмиграции течет все еще слишком медленно. Чтобы достигнуть совершенного счастья, Ирландия должна расстаться еще по меньшей мере с $^1/_3$ миллиона рабочих. Не подумайте, что этот, помимо всего прочего и поэтический, лорд является врачом из школы Сан-градо, который, если он не замечал у своего больного улучшения, предписывал кровопускание, потом опять кровопускание, пока, наконец, не оставалось ни крови, ни болезни. Лорд Дафферин требует нового кровопускания всего в $^1/_3$ миллиона вместо почти 2 миллионов, без удаления которых на Эрине

действительно не водворится тысячелетнее царство. Доказательство не трудно представить.

Число и размеры ферм в Ирландии в 1864 г.

1 Фермы до 1 акра		2 Фермы от 1 до 5 акров		3 Фермы от 6 до 15 акров		4 Фермы от 16 до 30 акров	
Число	Площадь	Число	Площадь	Число	Площадь	Число	Площадь
48 653	25 394	82 037	288 916	176 368	1 836 310	136 578	3 051 343

5 Фермы от 31 до 50 акров		6 Фермы от 51 до 100 акров		7 Фермы свыше 100 акров		8 Общая площадь
Число	Площадь	Число	Площадь	Число	Площадь	
71 961	2 906 274	54 247	3 983 880	31 927	8 227 807	20 319 924 акра[188a)]

Централизация в период 1851—1861 гг. уничтожила преимущественно фермы первых трех категорий размером до 15 акров. Они должны исчезнуть прежде всего. Это дает 307058 «избыточных» фермеров и, считая, что каждая семья состоит в среднем по меньшей мере из 4 душ, в общей сложности получается 1228232 человека. При невероятном предположении, что по завершении революции в земледелии $^1/_4$ из них будет снова поглощена, все же оказывается, что 921174 лицам приходится эмигрировать. Категории ферм 4, 5 и 6 размером свыше 15, но не более 100 акров, как давным-давно известно в Англии, для капиталистического зернового хозяйства слишком мелки, для овцеводства же — совсем ничтожны. Следовательно, при том же предположении, эмигрировать придется еще 788761 человеку, что дает в сумме 1709532 человека. А так как l'appetit vient en mangeant [аппетит приходит во время еды], то глаза крупных земельных собственников скоро откроют, что Ирландия и при $3^1/_2$ миллионах населения — все еще нищенская страна, и нищенская она потому, что перенаселена, следовательно, уменьшение ее населения должно пойти еще значительно дальше, чтобы она могла выполнить свое

188a) Общая площадь включает также торфяные болота и невозделанные пустоши.

истинное предназначение — страны овец и пастбищ для Англии[188b)].

Этот прибыльный метод, как и все хорошее в этом мире, имеет свои недостатки. Параллельно с накоплением земельной ренты в Ирландии идет накопление ирландцев в Америке. Ирландец, вытесненный овцами и быками, воскресает по ту сторону океана как фений[193]. И против старой владычицы морей все более и более грозно поднимается исполинская юная республика.

Acerba fata Romanes agunt
Scelusque fraternae necis[194].

[188b)] В третьей книге этой работы, в отделе о земельной собственности, я подробнее покажу, как отдельные земельные собственники и английское законодательство планомерно использовали голод и сопутствующие ему обстоятельства с целью насильственно осуществить революцию в земледелии и свести население Ирландии и размерам, угодным для лендлордов. Там же я возвращусь также к положению мелких фермеров и сельскохозяйственных рабочих. Здесь только одна цитата. Нассау У. Сениор в своем посмертно опубликованном сочинении «Journals, Conversations and Essays relating to Ireland», 2 vols., London, 1868, v. II, p. 282, говорит между прочим: «Д-р Дж. справедливо отметил, что благодаря нашему закону о бедных мы располагаем сильным орудием для того, чтобы доставить победу лендлордам; другое орудие — эмиграция. Ни один друг Ирландии не пожелает, чтобы война» (между лендлордами и мелкими кельтскими фермерами) «затянулась, — и подавно не пожелает, чтобы она закончилась победой фермеров... Чем быстрее она» (эта война) «закончится, чем быстрее превратится Ирландия в страну пастбищ (grazing country) с сравнительно небольшой численностью населения, которая требуется для страны пастбищ, — тем лучше для всех классов». Английские хлебные законы 1815 г. обеспечивали Ирландии монополию свободного ввоза хлеба в Великобританию. Таким образом, они искусственно благоприятствовали возделыванию зерновых хлебов. В 1846 г. с отменой хлебных законов эта монополия была внезапно уничтожена. Не говоря уже о всех других обстоятельствах, одного этого события было достаточно для того, чтобы придать мощный размах превращению ирландской пахотной земли в пастбища, концентрации ферм и изгнанию мелких крестьян. Прославив в 1815—1846 гг. плодородие почв Ирландии и во всеуслышание заявив, что они самой природой предназначены для возделывания пшеницы, теперь английские агрономы, экономисты и политики вдруг открывают, что эти почвы ни на что более не пригодны, как только на производство зеленых кормов! Г-н Леонс де Лавернь поспешил повторить это по ту сторону Ла-Манша. Надо быть столь «серьезным» человеком, как Лавернь, чтобы клюнуть на подобные россказни.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ТАК НАЗЫВАЕМОЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ

1. ТАЙНА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ

Мы видели, как деньги превращаются в капитал, как капитал производит прибавочную стоимость и как за счет прибавочной стоимости увеличивается капитал. Между тем накопление капитала предполагает прибавочную стоимость, прибавочная стоимость — капиталистическое производство, а это последнее — наличие значительных масс капитала и рабочей силы в руках товаропроизводителей. Таким образом, все это движение вращается, по-видимому, в порочном кругу, из которого мы не можем выбраться иначе, как предположив, что капиталистическому накоплению предшествовало накопление «первоначальное» («previous accumulation» по А. Смиту), — накопление, являющееся не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом.

Это первоначальное накопление играет в политической экономии приблизительно такую же роль, как грехопадение в теологии: Адам вкусил от яблока, и вместе с тем в род человеческий вошел грех. Его объясняют, рассказывая о нем как об историческом анекдоте, случившемся в древности. В незапамятные времена существовали, с одной стороны, трудолюбивые и, прежде всего, бережливые разумные избранники и, с другой стороны, ленивые оборванцы, прокучивающие все, что у них было, и даже больше того. Правда, теологическая легенда о грехопадении рассказывает нам, как человек был осужден есть свой хлеб в поте лица своего; история же экономического грехопадения раскрывает, как могли появиться люди, совершенно не нуждающиеся в этом. Но это все равно. Так случилось, что первые накопили богатство, а у последних, в конце концов, ничего не осталось для продажи, кроме их собственной шкуры. Со времени этого грехопадения ведет свое происхождение бедность широкой массы, у которой, несмотря на весь ее труд, все еще нечего продать, кроме себя самой, и богатство

немногих, которое постоянно растет, хотя они давным-давно перестали работать. Подобные пошлые сказки пережевывает, например, в целях оправдания propriete [собственности], г-н Тьер некогда столь остроумным французам, да еще с торжественно-серьезной миной государственного мужа. Но раз дело касается вопроса о собственности, священный долг повелевает поддерживать точку зрения детского букваря как единственно правильную для всех возрастов и всех ступеней развития. Как известно, в действительной истории большую роль играют завоевание, порабощение, разбой, — одним словом, насилие. Но в кроткой политической экономии искони царствовала идиллия. Право и «труд» были искони единственными средствами обогащения — всегдашнее исключение составлял, разумеется, «этот год». В действительности методы первоначального накопления — это все, что угодно, но только не идиллия.

Деньги и товары, точно так же как жизненные средства и средства производства, отнюдь не являются капиталом сами по себе. Они должны быть превращены в капитал. Но превращение это возможно лишь при определенных обстоятельствах, которые сводятся к следующему: два очень различных вида товаровладельцев должны встретиться друг с другом и вступить в контакт — с одной стороны, собственник денег, средств производства и жизненных средств, которому требуется закупить чужую рабочую силу для дальнейшего увеличения присвоенной им суммы стоимости; с другой стороны, свободные рабочие, продавцы собственной рабочей силы и, следовательно, продавцы труда. Свободные рабочие в двояком смысле: они сами не принадлежат непосредственно к числу средств производства, как рабы, крепостные и т. д., но и средства производства не принадлежат им, как это имеет место у крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, и т. д.; напротив, они свободны от средств производства, освобождены от них, лишены их. Этой поляризацией товарного рынка создаются основные условия капиталистического производства. Капиталистическое отношение предполагает, что собственность на условия осуществления труда отделена от рабочих. И как только капиталистическое производство становится на собственные ноги, оно не только поддерживает это разделение, но и воспроизводит его в постоянно возрастающем масштабе. Таким образом, процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда, — процессом, который превращает, с одной стороны, общественные средства производства и жизненные средства в капитал, с другой стороны, — непосред-

ственных производителей в наемных рабочих. Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предысторию капитала и соответствующего ему способа производства.

Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого.

Непосредственный производитель, рабочий, лишь тогда получает возможность распоряжаться своей личностью, когда прекращаются его прикрепление к земле и его крепостная или феодальная зависимость от другого лица. Далее, чтобы стать свободным продавцом рабочей силы, который несет свой товар туда, где имеется на него спрос, рабочий должен был избавиться от господства цехов, от цеховых уставов об учениках и подмастерьях и от прочих стеснительных предписаний относительно труда. Итак, исторический процесс, который превращает производителей в наемных рабочих, выступает, с одной стороны, как их освобождение от феодальных повинностей и цехового принуждения; и только эта одна сторона существует для наших буржуазных историков. Но, с другой стороны, освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня.

Промышленные капиталисты, эти новые властители, должны были, со своей стороны, вытеснить не только цеховых мастеров, но и феодалов, владевших источниками богатства. С этой стороны их возвышение представляется как плод победоносной борьбы против феодальной власти с ее возмутительными привилегиями, а также и против цехов и тех оков, которые налагают цехи на свободное развитие производства и свободную эксплуатацию человека человеком. Однако рыцарям промышленности удалось вытеснить рыцарей меча лишь благодаря тому, что они использовали события, к которым они сами были совершенно непричастны. Они возвысились, пользуясь теми же грязными средствами, которые некогда давали возможность римским вольноотпущенникам становиться господами своих патронов.

Исходным пунктом развития, создавшего как наемного рабочего, так и капиталиста, было рабство рабочего. Развитие

это состояло в изменении: формы его порабощения, в превращении феодальной эксплуатации в капиталистическую. Для того чтобы понять ход этого процесса, нам нет надобности забираться слишком далеко в прошлое. Хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию. Там, где она наступает, уже давно уничтожено крепостное право и поблекла блестящая страница средневековья — вольные города.

В истории первоначального накопления эпоху составляют перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса. Ее история в различных странах имеет различную окраску, проходит различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии, которую мы поэтому и берем в качестве примера[189)].

2. ЭКСПРОПРИАЦИЯ ЗЕМЛИ У СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В Англии крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия. Огромное большинство населения[190)] состояло тогда — и еще больше в XV веке — из свободных

[189)] В Италии, где капиталистическое производство развилось раньше всего, раньше всего разложились и крепостные отношения. Крепостной освобождается здесь прежде, чем он успел обеспечить за собой какое-либо право давности на землю. Поэтому освобождение немедленно превращает его в поставленного вне закона пролетария, который к тому же тотчас находит новых господ в городах, сохранившихся по большей части еще от римской эпохи. После того как революция мирового рынка с конца XV столетия[195] уничтожила торговое преобладание Северной Италии, началось движение в обратном направлении. Рабочие массами вытеснялись из городов в деревню и там положили начало неслыханному расцвету мелкой земледельческой культуры, организованной по типу садоводства.

[190)] «Мелкие земельные собственники, которые своими руками обрабатывали свои собственные поля и довольствовались скромным благосостоянием... составляли тогда гораздо более значительную часть нации, чем теперь... Не менее 160000 земельных собственников, составлявших вместе с семьями, вероятно, более одной седьмой всего населения, жили обработкой своих мелких freehold-участков» (freehold — полная собственность на землю). «Средний доход этих мелких землевладельцев оценивается в 60—70 фунтов стерлингов. Высчитано, что лиц, обрабатывавших собственную землю, было больше, чем арендаторов чужой земли» (*Macaulay.* «History of England», 10th ed. London, 1854, v. I, p. 333, 334). Еще в последнюю треть XVII столетия $^{4}/_{5}$ англичан занимались земледелием (там же, стр. 413). — Я цитирую Маколея, потому что он, как систематический фальсификатор истории, по возможности «замазывает» такого рода факты.

крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы феодальными вывесками ни скрывалась их собственность. В более крупных господских имениях bailiff (управляющий), некогда сам крепостной, был вытеснен свободным фермером. Наемные рабочие в земледелии состояли частью из крестьян, употреблявших свободное время на работу у крупных земельных собственников, частью из особого, относительно и абсолютно немногочисленного, класса собственно наемных рабочих. К тому же даже эти последние фактически были крестьянами, ведущими самостоятельное хозяйство, так как наряду с заработной платой получали коттедж, а также 4 и больше акров пахотной земли. Кроме того, совместно с крестьянами в собственном смысле они пользовались общинными землями, пасли на них свой скот и добывали топливо: дрова, торф и т. п.[191]. Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством вассально зависимых людей. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство[192]. Поэтому, хотя земля в Англии была разделена после норманского завоевания на гигантские баронства, которые нередко включали в себя до 900 старых англосаксонских лордств каждое, тем не менее она была усеяна мелкими крестьянскими хозяйствами и лишь в отдельных местах между этими последними находились крупные господские поместья. Такие отношения при одновременном расцвете городской жизни, характерном для XV столетия, создали возможность того народного богатства, которое с таким красноречием описывает канцлер Фортескью в своих «Laudibus Legum Angliae», но эти отношения исключали возможность капиталистического богатства.

Пролог переворота, создавшего основу капиталистического способа производства, разыгрался в последнюю треть XV

[191] Не следует забывать, что даже крепостные не только являлись собственниками, — правда, обязанными платить оброк, — небольших участков земли, примыкавших к их дворам, но и совладельцами общинной земли. «Крестьянин там» (в Силезии) — «крепостной». Тем не менее эти крепостные владеют общинными землями. «До сих пор не удалось склонить силезцев к разделу общинных земель, тогда как в Неймарке уже не осталось деревни, где бы этот раздел не был осуществлен с величайшим успехом» (*Mirabeau,* «De la Monarchie Prussienne». Londres, 1788, t. II, p. 125, 126).

[192] Япония с ее чисто феодальной организацией землевладения и с ее широко развитым мелкокрестьянским хозяйством дает гораздо более верную картину европейского средневековья, чем все наши исторические книги, проникнутые по большей части буржуазными предрассудками. Быть «либеральным» за счет средневековья чрезвычайно удобно.

и первые десятилетия XVI столетия. Масса поставленных вне закона пролетариев была выброшена на рынок труда в результате роспуска феодальных дружин, которые, по справедливому замечанию сэра Джемса Стюарта, «везде бесполезно заполняли дома и дворы»[196]. Хотя королевская власть, будучи сама продуктом буржуазного развития, в своем стремлении к абсолютизму насильственно ускоряла роспуск этих дружин, она отнюдь не была его единственной причиной. Крупные феодалы, стоявшие в самом резком антагонизме к королевской власти и парламенту, создали несравненно более многочисленный пролетариат, узурпировав общинные земли и согнав крестьян с земли, на которую последние имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы. Непосредственный толчок к этому в Англии дал расцвет фландрской шерстяной мануфактуры и связанное с ним повышение цен на шерсть. Старую феодальную знать поглотили великие феодальные войны, а новая была детищем своего времени, для которого деньги являлись силой всех сил. Превращение пашни в пастбище для овец стало лозунгом феодалов. Харрисон в своей работе «Description of England. Prefixed to Holinshed's Chronicles» описывает, какое разрушительное влияние на страну оказывала эта экспроприация мелких крестьян. Но, пишет он, «what care our great incroachers!» («какое дело до этого нашим великим узурпаторам!»). Жилища крестьян и коттеджи рабочих насильственно снесены или заброшены.

«Если мы», — говорит Харрисон, — «возьмем старые описи любого рыцарского имения, то увидим, что исчезли бесчисленные дома и мелкие крестьянские хозяйства; что земля кормит теперь гораздо меньшее количество людей; что многие города пришли в упадок, хотя наряду с этим расцветают новые... Я мог бы рассказать кое-что о городах и деревнях, которые были снесены и превращены в пастбища для овец и от которых остались только помещичьи дома».

Жалобы таких старых хроник всегда преувеличены, но они точно рисуют то впечатление, какое совершавшаяся в то время революция в производственных отношениях произвела на современников. Сравнивая сочинения канцлера Фортескью и Томаса Мора, мы ясно видим ту пропасть, которая отделяет XV век от XVI. По справедливому замечанию Торнтона, английский рабочий класс из своего золотого века без всяких переходных ступеней попал в железный век.

Законодательство было испугано этим переворотом. Оно еще не стояло на той высоте цивилизации, на которой «Wealth of the Nation» [«национальное богатство»], т. е. созидание капитала и беспощадная эксплуатация и пауперизация народ-

ной массы, считается ultima Thule* всякой государственной мудрости. Бэкон в своей истории царствования Генриха VII говорит:

«В это время» (1489 г.) «умножились жалобы на превращение пахотных земель в пастбища» (для овец и т. д.), «требующие лишь присмотра немногих пастухов; земли, сдаваемые в аренду, пожизненную или по годовую» (погодовой арендой жила значительная часть йоменов), «были превращены в крупные имения. Это привело к упадку народа, а следовательно, к упадку городов, церквей, десятин... Король и парламент с мудростью, достойной изумления, старались излечить это зло... Они приняли меры против истребляющей население узурпации общинных земель (depopulating inclosures) и против истребляющего население пастбищного хозяйства (depopulating pasturage), по пятам следующего за этой узурпацией».

Акт Генриха VII, 1489 г., гл. 19, воспрещает сносить крестьянские дома, к которым принадлежит не менее 20 акров земли. Акт, изданный в 25-й год царствования Генриха VIII, возобновляет этот закон. Там говорится, между прочим, что

«значительное число арендных земель и большие стада скота, в особенности овец, скопляются в немногих руках, вследствие чего земельные ренты очень возросли, а обработка пашни (tillage) пришла в большой упадок, церкви и дома снесены и поразительно громадные массы людей лишились возможности содержать себя и свои семьи».

Закон предписывает поэтому восстановить запущенные дворы, устанавливает соотношение между пашней и пастбищем и т. д. Один акт 1533 г. скорбит о том, что многие собственники имеют до 24000 овец, и ограничивает допустимое число двумя тысячами[193)]. Одинаково бесплодны были и народные жалобы и законы против экспроприации мелких фермеров и крестьян, издававшиеся в течение 150 лет, начиная с эпохи Генриха VII. Тайну их бесплодности непреднамеренно выдал нам сам Бэкон.

«В акте Генриха VII», — пишет он в своих «Essays, civil and moral», глава 29, — «глубоким и достойным удивления было то, что он создавал земледельческие хозяйства и дворы определенной нормальной величины, т. е. удерживал за ними такое количество земли, при котором они могли давать подданных, достаточно обеспеченных и не находящихся в рабской зависимости, при котором, с другой стороны, плуг держали руки самого собственника, а не наемника» («to keep the plough in the hand of the owners and not hirelings»)[193a)].

---

* — буквально: крайней Фулой; здесь это выражение употребляется в смысле: крайний предел. (Фула — островная страна, находившаяся, по представлению древних, на крайнем севере Европы.) *Ред.*

193) В своей «Утопии» Томас Мор говорит об удивительной стране, где «овцы пожирают людей» («Utopia», transl. Robinson, ed. Arber, London, 1869, p. 41).

193a) Бэкон разъясняет связь, существующую между свободным зажиточным крестьянством и хорошей пехотой. «Для поддержания могущества и нравов в королевстве было в высшей степени важно сохранить достаточные размеры аренды, чтобы обеспечить безбедное существование здоровым способным людям и закрепить большую часть земли королевства во владении йоменов, т. е. людей, занимающих среднее положение между благородными и коттерами (cottagers) и батраками... Ибо все наиболее компетентные знатоки военного дела

Но капиталистическая система, наоборот, требовала именно рабского положения народных масс, превращения их самих в наемников и превращения средств их труда в капитал. В течение этого переходного периода законодательство старалось также закрепить минимум 4 акра земли за каждым коттеджем сельского наемного рабочего и воспрещало последнему принимать в свой коттедж жильцов. Еще в 1627 г., при Карле I, Роджер Крокер из Фонтмилла был осужден за то, что выстроил в своем имении Фонтмилл коттедж и не отвел для него 4 акров земли; еще в 1638 г., при Карле I, была назначена королевская комиссия с целью добиться соблюдения старых законов, в особенности закона о 4 акрах земли; еще Кромвель запретил в радиусе 4 миль от Лондона строить дома, при которых не было бы 4 акров земли. Еще в первую половину XVIII века сельскохозяйственный рабочий жаловался в суд, если к его коттеджу не отводилось от 1 до 2 акров. А теперь он счастлив, если при коттедже имеется маленький огородик или невдалеке от него можно снять несколько квадратных сажен земли.

«Земельные собственники и арендаторы действуют здесь рука об руку», — говорит д-р Хантер. — «Несколько акров при коттедже сделали бы рабочего слишком независимым»[194].

Насильственная экспроприация народных масс получила новый страшный толчок в XVI столетии в связи с Реформацией и сопровождавшим ее колоссальным расхищением церковных имений. Ко времени Реформации католическая церковь была феодальной собственницей значительной части земли в Англии. Уничтожение монастырей и т. д. превратило в пролетариат их обитателей. Сами церковные имения были в значительной своей части подарены хищным королевским фаворитам или проданы за бесценок спекулирующим фермерам и горожанам,

---

согласны между собой в том... что главную силу армии составляет инфантерия, или пехота. Но чтобы создать хорошую инфантерию, необходимы люди, которые выросли не в рабстве и нищете, а на свободе и в обстановке известного благосостояния. Поэтому, если в государстве главное значение имеют дворяне и высшее общество, а сельское население и пахари состоят лишь из рабочих или батраков, а также из коттеров, т. е. нищих, владеющих хижинами, то при таких условиях возможно иметь хорошую конницу, но отнюдь не хорошую, стойкую пехоту... Мы видим это во Франции и Италии и в некоторых других иностранных землях, где действительно все население состоит из дворянства и нищих крестьян... так что они вынуждены применять для своих пехотных батальонов наемные банды швейцарцев и т. п., откуда и проистекает, что эти нации имеют многочисленное население, но мало солдат» («The Reign of Henry VII etc. Verbatim Reprint from Kennet's England, ed. 1719». London, 1870, p. 308).

[194] Д-р Хантер в «Public Health. 7th Report 1864». London, 1865, p. 134. «Количество земли, предписываемое» (старыми законами), «рассматривается теперь как слишком значительное для рабочих и даже способное превратить их в мелких фермеров» *(George Roberts.* «The Social History of the People of the Southern Counties of England in Past Centuries». London, 1856, p. 184, 185).

которые массами сгоняли с них их старых наследственных арендаторов и соединяли вместе хозяйства последних. Гарантированное законом право обедневших земледельцев на известную часть церковной десятины было у них молчаливо отнято[195]. «Pauper ubique jacet»[197], — воскликнула королева Елизавета после одного путешествия по Англии. На 43 году ее царствования правительство вынуждено было, наконец, официально признать пауперизм, введя налог в пользу бедных.

«Авторам этого закона было стыдно открыто высказать его мотивы, и потому вопреки всем обычаям он вышел в свет без всякой преамбулы» (пояснительного предисловия)[196].

Акт, изданный в 16-й год царствования Карла I, 4, объявил этот закон постоянным, и лишь в 1834 г. ему была придана новая, более строгая форма[197]. Эти непосредственные последствия

---

[195] «Право бедных на часть церковной десятины прямо установлено древними статутами» *(J. D. Tuckett,* цит. соч., т. II, стр. 804, 805).

[196] *William Cobbett*. «A History of the Protestant Reformation», § 471.

[197] Как проявлялся при этом протестантский «дух», видно между прочим из следующего. Несколько земельных собственников и зажиточных фермеров на юге Англии, собравшись и совместно пораскинув мозгами, выработали десять вопросов относительно того, как всего правильнее толковать елизаветинский закон о бедных. Эти вопросы они подали на заключение знаменитому юристу того времени доктору права Снигге (впоследствии при Якове I — судья). «Девятый вопрос гласит: Некоторые богатые фермеры прихода придумали мудрый план, при помощи которого может быть устранено всякое замешательство при выполнении акта. Они предлагают построить в приходе тюрьму. Каждому бедному, который не согласится подвергнуться заключению в означенной тюрьме, должно быть отказано в помощи. Далее, соседние селения должны быть оповещены, что если там найдется какое-либо лицо, склонное нанять бедных этого прихода, то пусть оно присылает в определенный день запечатанное прошение с указанием самой низкой цены, за которую око согласно взять к себе и содержать наших бедных. Авторы этого плана думают, что в соседних графствах имеются лица, не желающие работать и не обладающие достаточным состоянием или кредитом, чтобы взять в аренду землю или корабль и таким образом жить не трудясь («so as to live without labour»). Такие лица могли бы сделать приходу очень выгодные предложения. Если же и будет случаться порою, что бедные, отданные на попечение нанимателя, погибнут, то грех падет на голову последнего, так как приход исполнил свои долг по отношению к этим бедным. Мы опасаемся, однако, что настоящий акт не допускает подобного рода мудрых мероприятий (prudential measure), но вы должны знать, что все остальные фригольдеры нашего и соседних графств присоединятся к нам и побудят своих представителей в палате общин внести законопроект, разрешающий подвергать бедных тюремному заключению и принудительным работам, так чтобы ни один человек, не согласный подвергаться заключению, не имел права на вспомоществование. Это, надеемся мы, отобьет у лиц, впавших в нищету, охоту просить вспомоществование» («will prevent persons in distress from wanting relief») *(R. Blakey.* «The History of Political Literature from the Earliest Times». London, 1855, v. II, p. 84, 85). — В Шотландии крепостное право было уничтожено на несколько столетий позже, чем в Англии. Еще в 1698 г. Флетчер из Солтуна заявил в шотландском парламенте: «Нищих в Шотландии насчитывается не менее 200000. Единственное средство против этого, которое я, республиканец в принципе, могу предложить, — это восстановление крепостного права и превращение в рабов всех тех, кто неспособен самостоятельно обеспечить свое существование». Так же говорит и Иден в книге «The State of the Poor», v. I, ch. I, p. 60, 61: «Свобода земледельцев порождает пауперизм. Мануфактуры и торговля — вот истинные родители наших бедных». Иден и цитированный выше шотландский «республиканец в принципе» ошибаются лишь в одном: земледелец сделался пролетарием или паупером не потому, что было уничтожено крепостное право, а потому, что была уничтожена его собственность на землю. — Во Франции, где экспроприация совершилась иным способом, английскому закону о бедных соответствуют Муленский ордонанс 1566 г. и эдикт 1656 года.

Реформации не были, однако, самым важным ее результатом. Церковная собственность составляла религиозную твердыню традиционных отношений земельной собственности. С падением этой твердыни не могли устоять и эти отношения[198)].

Еще в последние десятилетия XVII века иомены, независимые крестьяне, были многочисленнее, чем класс арендаторов. Они были главной силой Кромвеля и, даже по признанию Маколея, представляли выгодный контраст по сравнению с кутилами-дворянчиками и их слугами, сельскими попами, на обязанности которых лежало покрывать брачным венцом грехи отставных барских любовниц. Даже и наемные сельские рабочие были все еще совладельцами общинной собственности. Приблизительно к 1750 г. исчезают йомены[199)], а в последние десятилетия XVIII столетия исчезают всякие следы общинной собственности земледельцев. Мы оставляем здесь в стороне чисто экономические пружины аграрной революции. Нас интересуют ее насильственные рычаги.

Во время реставрации Стюартов земельные собственники провели в законодательном порядке ту узурпацию, которая на континенте совершилась везде без всяких законодательных околичностей. Они уничтожили феодальный строй поземельных отношений, т. е. сбросили с себя всякие повинности по отношению к государству, «компенсировали» государство при помощи налогов на крестьянство и остальную народную массу, присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право, и, наконец, октроировали сельским рабочим Англии законы о поселении («laws of settlement»), которые, mutatis mutandis [с соответствующими изменениями], оказали на английских земледельцев такое же влияние, как указ татарина Бориса Годунова на русское крестьянство[198].

[198)] Г-н Роджерс, хотя он был в то время профессором политической экономии в Оксфордском университете, этом центре протестантской ортодоксии, подчеркивает в своем предисловии к «History of Agriculture» факт пауперизации народных масс вследствие Реформации.

[199)] «A Letter to Sir T. C. Bunbury, Brt.: On the High Price of Provisions». By a Suffolk Gentleman. Ipswich, 1795, p. 4. Даже фанатичный защитник крупного фермерства, автор «Inquiry into the Connection between the Present Price of Provisions and the Size of Farms etc.». London, 1773, p. 139, говорит: «Я больше всего скорблю... об исчезновении наших йоменов, этой категории людей, которые действительно поддерживали независимость нашей нации; мне грустно видеть, что земли их находятся теперь в руках монополистов-лордов и сдаются в аренду мелким фермерам на условиях не намного лучших, чем для вассалов, причем эти фермеры при первом же злосчастном случае могут быть прогнаны».

«Glorious Revolution» (славная революция)[199] вместе с Вильгельмом III Оранским[200)] поставила у власти наживал из землевладельцев и капиталистов. Они освятили новую эру, доведя до колоссальных размеров то расхищение государственных имуществ, которое до сих пор практиковалось лишь в умеренной степени. Государственные земли отдавались в дар, продавались за бесценок или же присоединялись к частным поместьям путем прямой узурпации[201)]. Все это совершалось без малейшего соблюдения норм законности. Присвоенное таким мошенническим способом государственное имущество наряду с землями, награбленными у церкви, поскольку они не были снова утеряны во время республиканской революции, и составляют основу современных княжеских владений английской олигархии[202)]. Капиталисты-буржуа покровительствовали этой операции между прочим для того, чтобы превратить землю в предмет свободной торговли, расширить область крупного земледельческого производства, увеличить прилив из деревни поставленных вне закона пролетариев и т. д. К тому же новая земельная аристократия была естественной союзницей новой банкократии, этой только что вылупившейся из яйца финансовой знати, и владельцев крупных мануфактур, опиравшихся в то время на покровительственные пошлины. Английская буржуазия защищала здесь лишь свои собственные интересы и с этой точки зрения поступала столь же правильно, как и шведские горожане, которые, наоборот, соединившись со своим экономическим оплотом — крестьянством, поддерживали королей, насильственно отбиравших у олигархии награбленные ею коронные земли (начиная с 1604 г. и затем позднее, при Карле X и Карле XI).

Общинная собственность — совершенно отличная от государственной собственности, о которой только что шла речь, —

[200)] О моральном облике этого буржуазного героя дает представление следующее: «Обширные земли в Ирландии, подаренные в 1695 г. леди Оркни, — вот общеизвестный образчик того, как сильна была любовь короля и как велико влияние леди... Любезные услуги леди Оркни по всей вероятности были — foeda labiorum ministeria [грязные услуги любви]». (В коллекции рукописей, собранной Слооном, в Британском музее, № 4224. Рукопись озаглавлена: «The Charakter and Behaviour of King William, Sunderland etc. as represented in Original Letters to the Duke of Shrewsbury from Somers, Halifax, Oxford, Secretary Vernon etc.». Она полна курьезов.)

[201)] «Незаконное отчуждение коронных земель, частью путем продажи, частью путем дарения, составляет скандальную главу английской истории... гигантское надувательство нации (gigantic fraud on the nation)» *(F. W. Newman.* «Lectures on Political Economy». London, 1851, p. 129, 130). {Подробные данные относительно того как крупные землевладельцы современной Англии приобрели свои владения, см. в [*Evans, N. H.*] «Our old Nobility». By Noblesse Oblige. London, 1879. *Ф. Э.*}

[202)] См., например, памфлет Э. Бёрка[200] о герцогском доме Бедфордов, отпрыском которого является лорд Джон Рассел, «the tomtit of liberalism» [«птичка-невеличка либерализма»].

была старогерманским институтом, сохранившимся под покровом феодализма. Мы уже видели, что насильственная узурпация ее, сопровождаемая обыкновенно превращением пашни в пастбище, началась в конце XV и продолжалась в XVI веке. Однако в те времена процесс этот совершался в форме отдельных индивидуальных насилий, с которыми законодательство тщетно боролось в течение 150 лет. В XVIII столетии обнаруживается прогресс в том отношении, что сам закон становится орудием грабежа народной земли, хотя попутно крупные фермеры применяют и свои собственные маленькие методы[203)]. Парламентской формой этого грабежа являются «Bills for Inclosures of Commons» (законы об огораживании общинной земли), т. е. декреты, при помощи которых лендлорды сами себе подарили народную землю на правах частной собственности, — декреты, экспроприирующие народ. Сэр Ф. М. Иден, пытающийся изобразить общинную собственность как частную собственность крупных земельных собственников, заступивших место феодалов, сам опровергает свою хитроумную адвокатскую речь, требуя «общего парламентского акта об огораживании общинных земель», признавая, следовательно, что для их превращения в частную собственность необходим парламентский государственный переворот и, с другой стороны, настаивая на законодательном «возмещении убытков» экспроприированных бедняков[204)].

Когда место независимых иоменов заняли tenants-at-will — мелкие фермеры, арендовавшие землю погодно, сброд людей, рабски приниженных и зависящих от произвола лендлорда, то систематическое расхищение общинных земель наряду с грабежом государственных имуществ особенно помогло образованию тех крупных ферм, которые в XVIII веке назывались капитальными фермами[205)] или купеческими фермами[206)]; эти же причины способствовали превращению сельского населения в пролетариат, его «высвобождению» для промышленности.

Для XVIII века не было еще в такой степени ясно, как для XIX, что национальное богатство тождественно с народной

[203)] «Фермеры запрещают коттерам держать какие бы то ни было живые существа, кроме них самих, под тем предлогом, что, если бы у них были скот и птица, они стали бы воровать корм у фермеров. Они говорят также: если хочешь, чтобы коттер был трудолюбив, держи его в бедности. В действительности все дело сводится к тому, что фермеры узурпируют таким образом все права на общинные земли» («A Political Inquiry into the Consequences of Enclosing Waste Lands». London, 1785, p. 75).

[204)] *Eden*, цит. соч., предисловие.

[205)] «Capital farms» («Two Letters on the Flour Trade and the Dearness of Corn». By a Person in Business. London, 1767, p. 19, 20).

[206)] «Merchant-farms» («An Enquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions». London, 1767, p. III, примечание). Автором этой хорошей работы, выпущенной в свет анонимно, является священник Натаниел Форстер.

бедностью. Отсюда энергичнейшая полемика в экономической литературе того времени относительно «огораживания общинных земель». Из огромного материала, лежащего передо мной, я приведу только немногие места, особенно ярко иллюстрирующие положение того времени.

«Во многих приходах Хартфордшира», — пишет одно возмущенное перо, — «24 фермы по 50—150 акров в каждой соединены в 3 фермы»[207]. «В Нортгемптоншире и Лестершире очень распространилось огораживание общинных земель, и большинство новых лордств, образовавшихся благодаря огораживанию, превращено в пастбища; вследствие этого во многих лордствах не распахивается и 50 акров, хотя раньше распахивалось до 1500 акров... Развалины стоявших здесь некогда жилых домов, сараев, конюшен и т. д.» — вот единственные следы, оставшиеся от прежних жителей. «В некоторых местах от ста домов и семей осталось всего... 8 или 10... В большинстве приходов, где огораживание началось всею 15 или 20 лет тому назад, сохранились лишь очень немногие из тех земельных собственников, которые обрабатывали землю раньше, когда поля еще не были огорожены. Далеко но редки случаи, когда 4 или 5 богатых скотоводов узурпируют большие недавно огороженные лордства, которые раньше находились в руках 20—30 фермеров и такого же количества мелких собственников и других жителей. Все они с их семьями изгнаны из своих владений, вместе с ними изгнано и много других семей, которые находили у них работу и пропитание»[208].

Под предлогом огораживания лендлорды захватывали не только пустующие соседние земли, но зачастую также и земли, обрабатываемые сообща или отдельными лицами, арендующими их у общины за определенную плату.

«Я говорю здесь об огораживании открытых до того времени полей и земель, которые уже были обработаны. Даже авторы, защищающие огораживания, признают, что вследствие огораживаний усиливается монопольное положение крупных ферм, повышаются цены на жизненные средства и сокращается население... Даже огораживание пустошей, в том виде, как оно практикуется в настоящее время, лишает бедняков части их средств существования и увеличивает фермы и без того уже слишком крупные»[209]. «Если земля», — пишет доктор Прайс, — «попадает в руки немногих крупных фермеров, то мелкие фермеры» (которых он раньше характеризовал как «массу мелких собственников и фермеров, обеспечивающих себя и свои семьи продуктами обрабатываемой ими земли, овцами, которые содержатся на общинной земле, птицей, свиньями и т. д., так что им почти не приходится покупать средства существования на рынке») «превращаются в людей, вынужденных добывать себе средства к существованию трудом на других и покупать все, что им нужно, на рынке... Выполняется, быть может, больше труда, так как больше принуждают к труду...

[207] *Thomas Wright*. «A short address to the Public on the Monopoly of large farms», 1779, p. 2, 3.

[208] Rev. *Addington.* «Inquiry into the Reasons for and against Inclosing Open Fields». London, 1772, p. 37—43, passim.

[209] Dr. *R. Price.* «Observations on Reversionary Payments», 6 ed. By W. Morgan. London, 1803, v, II, p. 155. Прочтите Форстера, Аддингтона, Кента, Прайса и Джемса Андерсона и сравните с ними жалкую сикофантскую болтовню Мак-Куллоха в его каталоге: «The Literature of Political Economy», London, 1845.

Города и мануфактуры будут расти, потому что туда сгоняется все большее количество людей, вынужденных искать себе занятий. Вот те результаты, к которым неизбежно должна приводить концентрация ферм и к которым она действительно приводит в нашем королевство в течение уже столь многих лет»[210].

Общие последствия огораживаний он резюмирует следующим образом:

«В общем положение низших классов народа ухудшилось почти во всех отношениях, мелкие землевладельцы и фермеры низведены до уровня поденщиков и наемников; в то же время добывать средства к жизни в этом положении им стало труднее»[211].

Действительно, захват общинной земли и сопровождавшая его революция в земледелии отразились так резко на положении сельскохозяйственных рабочих, что, по словам самого Идена, заработная плата их в 1765—1780 гг. стала падать ниже минимума, вследствие чего ее приходилось дополнять из средств официальной благотворительности. Их заработной платы, говорит он, «хватало лишь для удовлетворения абсолютно необходимых жизненных потребностей».

Послушаем теперь одного защитника огораживаний и противника д-ра Прайса.

«Неправилен вывод, будто страна обезлюдела, поскольку население не расточает более свой труд на открытых полях... Если после превращения мелких крестьян в людей, вынужденных работать на других, приведено в движение большее количество труда, то это только выгодно и желательно для нации» (к которой претерпевшие превращение крестьяне, разумеется, не относятся) «... Продукта получается больше, если их комбинированный труд применяется на одной ферме: таким путем создается излишек для мануфактур и, следовательно, число мануфактур — этих золотых россыпей нашей страны — возрастает соответственно количеству производимого хлеба»[212].

---

[210] Dr. *R. Price,* цит. соч., стр. 147.

[211] Там же, стр. 159. Это напоминает Древний Рим. «Богатые овладели большей частью неразделенных земель. Полагаясь на благоприятно сложившиеся для них условия того времени, они не боялись, что земли эти будут у них отобраны обратно, и потому покупали расположенные по соседству участки бедняков, частью с согласия последних, частью же брали их силой, так что теперь они стали распахивать сразу очень обширные площади вместо разбросанных полей. При этом для земледельческих работ и скотоводства они употребляли рабов, так как свободные люди были бы взяты на военную службу и, следовательно, не могли бы у них работать; обладание рабами приносило им крупную выгоду еще и потому, что вследствие освобождения от военной службы рабы могли беспрепятственно размножаться и имели много детей. Таким образом сильные люди сосредоточили в своих руках все богатства, и вся страна кишела рабами. Италийцев же становилось все меньше из-за свирепствовавшей среди них нищеты, налогов и военной службы. А когда наступали мирные времена, они были осуждены на полную бездеятельность, так как богатые владели всей землей и вместо свободных людей использовали рабов для возделывания земли» *(Appian.* «Romische Burgerkriege», I, 7). Это место относится к эпохе, предшествовавшей закону Лициния[201]. Военная служба, так сильно ускорившая разорение римского плебса, для Карла Великого была главным средством быстрого превращения свободных немецких крестьян в феодально зависимых и крепостных.

[212] [*J. Arbuthnot.]* «An Inquiry into the Connection between the Present Price of Provisions etc.», p. 124, 129. Подобные те рассуждения, но с протииоположиуй тенденцией, мы находим у другого автора: «Рабочие изгнаны из своих коттеджей и вынуждены устремиться в города в поисках занятий, — но при этом получается больше

Сэр Ф. М. Иден, человек торийской окраски и «филантроп», дает нам, между прочим, образчик того стоического спокойствия духа, с которым экономисты рассматривают самые наглые нарушения «священного права собственности» и самые грубые насилия над личностью, если они требуются для того, чтобы заложить основы капиталистического способа производства. Бесконечный ряд грабежей, жестокостей и измывательств, сопровождавший насильственную экспроприацию народа начиная с последней трети XV и до конца XVIII столетия, приводит его лишь к следующему «весьма удобному» заключительному размышлению:

«Необходимо было установить надлежащую (due) пропорцию между пашней и пастбищем. Еще в течение всего XIV и большей части XV столетия один акр пастбищ приходился на 2, 3 и даже 4 акра пашни. В середине XVI столетия пропорция эта изменилась так, что 2 акра пастбищ стали приходиться на 2, позднее на 1 акр пашни, пока, наконец, не была достигнута правильная пропорция: 3 акра пастбища на один акр пашни».

В XIX веке исчезло, конечно, и самое воспоминание о связи между земледельцем и общинной собственностью. Не говоря уже о позднейшем времени, сельское население не получило ни копейки вознаграждения за те 3511770 акров общинной земли, которые были у него отняты между 1801 и 1831 гг. и подарены лендлордам парламентом, состоящим из лендлордов.

Наконец, последним крупным процессом экспроприации земли у земледельцев является так называемая «Clearing of Estates» («очистка имений» — в действительности очистка их от людей). «Очистка» представляет собой кульминационный пункт всех рассмотренных выше английских методов экспроприации. Выше мы видели, что уже не оставалось независимых крестьян, которых можно было бы вымести, и дело теперь доходит до «очистки» земли от коттеджей, так что сельскохозяйственные рабочие уже не находят себе необходимого места для жилья на обрабатываемой ими земле. Что такое «Clearing of Estates» в собственном смысле, мы можем узнать, лишь обратившись к горной Шотландии, этой обетованной земле современных романов. Там процесс этот отличается своим систематическим характером, широтой масштаба, при котором он совершается разом (в Ирландии лендлорды сносят по нескольку деревень одновременно; в горной Шотландии сразу «очищаются» земельные площади по величине равные

прибавочного продукта, и таким образом капитал возрастает» ([*R. B. Seeley.*] «The Perils of the Nation», 2nd ed. London, 1843, p. XIV).

германским герцогствам), и, наконец, особой формой экспроприируемой земельной собственности.

Кельты горной Шотландии жили кланами, каждый из которых был собственником занятой им земли. Представитель клана, глава его, или «большой человек», был собственником этой земли лишь в силу титула совершенно так же, как английская королева является в силу своего титула собственницей всего национального земельного фонда. Когда английскому правительству удалось подавить внутренние войны между этими «большими людьми» и прекратить их постоянные набеги на территорию равнинной Шотландии, то главы кланов отнюдь не отказались от своего старого разбойничьего ремесла; была изменена только его форма. Собственной своей властью они превратили свое право собственности в силу титула в право частной собственности и, натолкнувшись на сопротивление рядовых членов клана, решили согнать их с земли путем открытого насилия. «С таким же основанием король Англии мог бы претендовать на право сгонять своих подданных в море», — говорит профессор Ньюмен[213)]. Эту революцию, начавшуюся в Шотландии вслед за последним восстанием сторонников претендента[202] можно проследить в ее первых фазах по работам сэра Джемса Стюарта[214)] и Джемса Андерсона[215)]. В XVIII столетии для согнанных с земли гэлов[204] запретили к тому же эмиграцию, так как хотели насильно загнать их в Глазго и другие фабричные города[216)]. Как пример метода, господствующего в XIX столетии[217)], мы возьмем здесь «очистки»,

---

[213)] *F. W. Newman*. «Lectures on Political Economy». London, 1851, p. 132.

[214)] Стюарт говорит: «Рента с этих земельных участков» (он ошибочно подводит под экономическую категорию земельной ренты дань, уплачиваемую таксменами[203] главе клана) «весьма незначительна по сравнению с их размерами; что же касается числа лиц, живущих арендой, то, быть может, окажется, что клочок земли в горных местностях Шотландии кормит в десять раз больше людей, чем земля такой же ценности в самых богатых провинциях» *(James Steuart.* «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy». London, 1767, v. I, ch. XVI, p. 104).

[215)] *James Anderson*. «Observations on the means of exciting a spirit of National Industry etc.». Edinburgh, 1777.

[216)] В 1860 г. насильственно экспроприированные были вывезены в Канаду, причем им давали заведомо ложные обещания. Некоторые из них бежали в горы и на соседние острова. За ними была организована погоня из полицейских, от которых они скрылись после рукопашной схватки.

[217)] «В горных областях», — пишет в 1814 г. Бьюкенен, комментатор А. Смита, — «старая система собственности ежедневно насильственно опрокидывается... Лендлорд, не обращая внимания на наследственных арендаторов» (в данном случае эта категория также неправильно применена), «отдает землю тому, кто предлагает за нее высшую плату, и если этот последний улучшает землю, он тотчас же вводит новую систему культуры. Земля, раньше усеянная мелкими крестьянами, была населена в соответствии с количеством получаемого с нее продукта; при повой системе улучшенной культуры и увеличенной ренты стараются получить возможно больше продукта при возможно меньших издержках и ради этой цели удаляют все руки, ставшие бесполезными... Люди, изгнанные из родных мест, ищут средства существования в фабричных городах и т. д.» (*David Buchanan.* «Observations on etc. A. Smith's Wealth of Nations». Edinburgh, 1814, v. IV, p. 144). «Шотландская знать экспроприировала крестьянские семьи, выбросив их, как сорную траву; она обращается с деревнями и их населением, как индейцы, охваченные местью, обращаются с берлогами диких зверей... Человек продается за овчину, за баранью ногу, даже еще дешевле... При набеге на северные провинции Китая на совете монголов было предложено уничтожить обитателей и превратить их землю в пастбище. Многие лендлорды горной Шотландии осуществили этот проект в собственной стране по отношению к своим соотечественникам» *(George Ensor.* «An Inquiry concerning the Population of Nations». London, 1818, p. 215, 216).

произведенные герцогиней Сатерленд. Как только бразды правления попали в руки этой особы, весьма просвещенной в вопросах политической экономии, она решила немедленно же приступить к радикальному экономическому лечению и превратить в пастбище для овец все графство, население которого прежними мероприятиями аналогичного характера уже было уменьшено до 15000 человек. С 1814 по 1820 г. эти 15000 жителей — около 3000 семей — систематически изгонялись и искоренялись. Все их деревни были разрушены и сожжены, все поля обращены в пастбища. Британские солдаты были посланы для экзекуции, и дело доходило у них до настоящих битв с местными жителями. Одну старуху сожгли в ее собственной избе, так как она отказалась ее покинуть. Таким путем эта дама присвоила себе 794000 акров земли, с незапамятных времен принадлежавших клану. Изгнанным жителям она отвела на берегу моря около 6000 акров земли, по 2 акра на семью. Эти 6000 акров раньше пустовали и не приносили собственникам никакого дохода. Герцогиня обнаружила столь высокое благородство чувств, что сдала землю в среднем по 2 шилл. 6 пенсов за акр тем самым членам клана, которые в течение столетий проливали кровь за ее род. Всю награбленную у клана землю она разделила на 29 крупных ферм, предназначенных для овцеводства, причем в каждой ферме жила одна-единственная семья, большей частью батраки фермеров-англичан. В 1825 г. 15000 гэлов уже были замещены 131000 овец. Часть аборигенов, изгнанных на морской берег, пыталась прокормиться рыболовством. Они превратились в амфибий и жили, по словам одного английского автора, наполовину на земле, наполовину на воде, но и земля и вода вместе лишь наполовину обеспечивали их существование[218)].

[218)] Когда нынешняя герцогиня Сатерленд устроила в Лондоне пышную встречу миссис Бичер-Стоу, автору «Хижины дяди Тома», с целью продемонстрировать свою симпатию к неграм-рабам Американской республики, — об этой симпатии она вместе с другими аристократками благоразумно забыла во время Гражданской войны, когда все «благородные» английские сердца сочувствовали рабовладельцам, — я рассказал в «New-York Tribune» о том, как живут рабы самой Сатерленд[205] (часть моей статьи цитирована *Кэри* в «The Slave Trade». Philadelphia, 1853, p. 202, 203). Статья эта была перепечатана одной шотландской газетой и вызвала энергичную полемику между этой последней и сикофантами Сатерленд.

Но бравых гэлов ждало новое и еще более тяжелое испытание за их горно-романтическое преклонение перед «большими людьми» клана. «Большие люди» сочувствовали запах рыбы. Они пронюхали в нем нечто прибыльное и сдали морское побережье в аренду крупным лондонским рыботорговцам. Гэлы были изгнаны вторично[219)].

Но, в конце концов, и часть пастбищ для овец, в свою очередь, превращается в охотничьи парки. Как известно, в Англии нет настоящих лесов. Дикий олень, обитающий в парках аристократов, является уже как бы домашним животным, жирным, как лондонские ольдермены. Шотландия представляет собой последнее убежище этой «благородной страсти».

«В горных областях», — пишет Сомерс в 1848 г., — «площадь под лесом значительно расширилась[219a)]. Здесь, по одну сторону Гейка, вы видите новый лес Гленфеши, там, по другую его сторону, новый лес Ардверики. Там же перед вами Блэк-Маунт, огромная недавно созданная пустошь. С востока к западу, от окрестностей Абердина до скал Обана, тянется в настоящее время непрерывная полоса лесов, между тем как в других частях горной страны новые леса находятся в Лох-Аркейге, Гленгарри, Гленмористоне и т. д. Превращение земли в пастбища для овец... выгнало гэлов на менее плодородные земли. Теперь олень начинает вытеснять овец, что повергает гэлов в еще более безвыходную нищету... Охотничий парк и народ не могут ужиться вместе. Тот или другой должен исчезнуть. Если в ближайшую четверть века места для охоты будут численно и по своим размерам возрастать в такой же степени, как они возрастали в прошлую четверть века, то ни одного гэла не останется более на родной земле. Это движение среди земельных собственников горных местностей вызвано отчасти модой, аристократической прихотью, страстью к охоте и т. п., отчасти же они торгуют дикими животными, имея в виду исключительно выгоду. Ибо фактически участок горной земли, отведенный для охоты, оказывается во многих случаях несравненно более доходным, чем тот же участок, превращенный в пастбище для овец... Любитель, ищущий места для охоты, готов предложить такую плату, какую только позволяют размеры его кошелька... Бедствия, постигшие горную Шотландию, не менее ужасны, чем те, которые постигли Англию в результате политики норманских королей. Дикие животные получили больше простора, но зато людей теснят все больше и больше... У народа отнимают одну вольность за другой... И гнет ежедневно возрастает. «Очистка» и изгнание населения проводятся собственниками как твердо установленный принцип, как агротехническая необходимость, подобно тому, как на девственных землях Америки и Австралии выкорчевываются деревья и кустарники; и эта операция совершается спокойным, деловым образом»[220)].

[219)] Интересные данные об этой рыбной торговле мы находим у Давида Уркарта в «Portfolio. New Series». — Нассау У. Сениор в своем выше цитированном, посмертно изданном сочинении «Journals, Conversations and Essay relating to Ireland», London, 1868, квалифицирует «мероприятия в Сатерлендшире как одну из самых благодетельных «очисток» (clearings), какие только знает человечество».

[219a)] В шотландских «deer forests» [«охотничьих парках»] нет ни одного дерева. Овец угоняют прочь, на место их сгоняют оленей на голые горы и называют это «deer forest». Таким образом, здесь нет даже лесоразведения.

[220)] *Robert Somers*. «Letters from the Highlands; or, the Famine of 1847». London, 1848, p. 12—28 passim. Эти письма появились первоначально в «Times». Английские экономисты, само собой разумеется, объясняли голод, постигший гэлов в 1847 г., их перенаселением. Во всяком случае гэлы, видите ли, «давили» на средства своего пропитания. В Германии «очистка имений», или, как она называлась здесь, «Bauernlegen», развилась с особенной силой после Тридцатилетней войны и еще в 1790 г. вызвала крестьянские восстания в курфюршестве Саксонии. Она распространилась в Восточной Германии. В большинстве провинций Пруссии право собственности

Разграбление церковных имуществ, мошенническое отчуждение государственных земель, расхищение общинной собственности, осуществляемое по-узурпаторски и с беспощадным

терроризмом, превращение феодальной собственности и собственности кланов в современную частную собственность — таковы разнообразные идиллические методы первоначально-

было гарантировано крестьянам впервые Фридрихом II. Завоевав Силезию, он принудил ее земельных собственников восстановить крестьянские дома, амбары и т. п. и снабдить крестьянские хозяйства скотом и орудиями. Ему нужны были солдаты для армии и плательщики налогов для казначейства. Насколько приятна была жизнь крестьянина при Фридрихе II с его безобразной финансовой системой и управлением, представляющим собой смесь деспотизма, бюрократизма и феодализма, свидетельствуют следующие слова Мирабо, горячего поклонника Фридриха: «Лен составляет одно из главных богатств земледельца Северной Германии. Но, к несчастью для рода человеческого, это — только средство против крайней нищеты, а не источник благосостояния. Прямые налоги, барщина, повинности всякого рода разоряют крестьянина, который к тому же платит косвенные налоги на все, что он покупает... и в довершение бедствия он не смеет продавать свою продукцию там, где хочет, и за столько, за сколько хочет; он не смеет покупать необходимые ему продукты у тех купцов, которые согласны продать их за наиболее подходящую цену. Все эти обстоятельства мало-помалу разоряют его, и он не мог бы платить прямых налогов, если бы не занимался прядением; это последнее составляет для него необходимое подспорье, давая возможность использовать силы его жены, его детей, слуг и служанок и его самого. Но какая жалкая жизнь, даже с этим подспорьем! Летом он работает как каторжник на пахоте и на уборке урожая, ложится в 9 часов и встает в 2, чтобы управиться с работой; зимой он должен бы восстановить свои силы, пользуясь более продолжительным отдыхом, но у него не хватит зерна на хлеб и на семена, если он продаст часть своих продуктов для того, чтобы уплатить налоги. Итак, приходится прясть, чтобы заполнить эту прореху... и прясть с величайшим усердием. Поэтому крестьянин зимой ложится в полночь или в час ночи и встает в пять или шесть часов утра или же ложится в девять и встает в два, — и так ежедневно в течение всей своей жизни, за исключением воскресных дней... Это чрезмерно продолжительное бодрствование и этот чрезмерный труд истощают организм человека; вот почему в деревне мужчины и женщины стареют гораздо скорее, чем в городах» *(Mirabeau,* цит. соч., т. III, стр. 212 и сл.).

Добавление к 2 изданию. В апреле 1866 г., 18 лет спустя после опубликования цитированной выше работы Роберта Сомерса, профессор Лион Леви читал в Обществе искусств и ремесел[206] доклад о превращении пастбищ для овец в охотничьи парки. Он рассказывал, насколько подвинулось вперед превращение горной Шотландии в пустыню, и между прочим говорил: «Изгнание населения и превращение земли в пастбища для овец послужило самым удобным средством для получения дохода без всяких затрат... Замена пастбищ для овец охотничьими парками стала обычной в горной Шотландии. Овцы изгоняются дикими животными, подобно тому как раньше изгонялись люди, чтобы очистить место для овец... Вы можете пройти от поместий графа Далхузи в Форфаршире вплоть до Джон-о'Гротс, не выходя из леса. Во многих» (из этих лесов) «давно уже живут лисицы, дикие кошки, куницы, хорьки, ласки и альпийские зайцы; кролики же, белки и крысы появились там лишь в последнее время. Огромные земельные площади, фигурирующие в шотландской статистике как необычайно богатые и обширные луга, не подвергаются теперь никакой обработке и улучшениям и служат исключительно охотничьей забаве немногих лиц, — забаве, продолжающейся лишь несколько дней в году».

Лондонский «Economist» от 2 июня 1866 г. пишет: «Одна шотландская газета в числе новостей последней недели между прочим сообщает: «Одна из лучших овцеферм в Сатерлендшире, за которую недавно по истечении срока контракта было предложено 1200 ф. ст. годовой ренты, превращена в охотничий парк!». Феодальные инстинкты проявляются так же... как во времена норманского завоевания... когда было снесено 36 деревень, чтобы создать на их месте новый лес... Два миллиона акров, в том числе несколько плодороднейших районов Шотландии, превращены в совершенную пустыню. Трава, произрастающая на лугах в Глен-Тилт, считалась наиболее питательной в графстве Перт; охотничий парк в Бен-Олдер давал в прошлом самую лучшую траву в обширном округе Баденок; часть леса Блэк-Маунт представляла собой самое лучшее в Шотландии пастбище для черных овец. О размерах площади, превращенной в пустоши ради любителей охоты, можно себе составить представление на основании того факта, что площадь эта охватывает гораздо более обширное пространство, чем все графство Перт. Как много теряет страна вследствие этого насильственного опустошения, видно из того, что на земле под лесом Бен-Олдер можно было бы прокормить 15000 овец и что площадь этого леса составляет лишь $^{1}/_{30}$ всей охотничьей области Шотландии... Вся эта охотничья земля стала совершенно непроизводительной... результат тот же, как если бы она была затоплена водами Северного моря. Сильная рука закона должна бы положить конец этому искусственному созданию пустошей или пустырей».

го накопления. Таким путем удалось завоевать поле для капиталистического земледелия, отдать землю во власть капитала и создать для городской промышленности необходимый приток поставленного вне закона пролетариата.

3. КРОВАВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО С КОНЦА XV ВЕКА ПРОТИВ ЭКСПРОПРИИРОВАННЫХ. ЗАКОНЫ С ЦЕЛЬЮ ПОНИЖЕНИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Люди, изгнанные вследствие роспуска феодальных дружин и оторванные от земли то и дело повторяющейся, насильственной экспроприацией, — этот поставленный вне закона пролетариат поглощался нарождающейся мануфактурой далеко не с такой быстротой, с какой он появлялся на свет. С другой стороны, люди, внезапно вырванные из обычной жизненной колеи, не могли столь же внезапно освоиться с дисциплиной своей новой обстановки. Они массами превращались в нищих, разбойников, бродяг — частью из склонности, в большинстве же случаев под давлением обстоятельств. Поэтому в конце XV и в течение всего XVI века во всех странах Западной Европы издаются кровавые законы против бродяжничества. Отцы теперешнего рабочего класса были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их превратили в бродяг и пауперов. Законодательство рассматривало их как «добровольных» преступников, исходя из того предположения, что при желании они могли бы продолжать трудиться при старых, уже не существующих условиях.

В Англии это законодательство началось при Генрихе VII.

Согласно акту Генриха VIII от 1530 г., старые и нетрудоспособные нищие получают разрешение собирать милостыню. Напротив, для бродяг еще работоспособных предусматрива-

лись порка и тюремное заключение. Их следовало привязывать к тачке и бичевать, пока кровь не заструится по телу, и затем надлежало брать с них клятвенное обещание возвратиться на родину или туда, где они провели последние три года, и «приняться за труд» (to put himself to labour). Какая жестокая ирония! Акт, изданный в 27-й год царствования Генриха VIII, воспроизводит эти положения и усиливает их рядом дополнений. При рецидиве бродяжничества порка повторяется и кроме того отрезается половина уха; если же бродяга попадается в третий раз, то он подвергается смертной казни как тяжкий преступник и враг общества.

Эдуард VI в 1547 г. — в первый же год своего царствования — издает закон, по которому всякий уклоняющийся от работы отдается в рабство тому лицу, которое донесет на него как на праздношатающегося. Хозяин должен предоставлять своему рабу хлеб и воду, похлебку и такие мясные отбросы, какие ему заблагорассудится. Он имеет право посредством порки и заковывания в кандалы принуждать его ко всякой работе, как бы отвратительна она ни была. Если раб самовольно отлучается на 2 недели, то он осуждается на пожизненное рабство и на его лоб или на щеку кладут клеймо «S»; если он убегает в третий раз, его казнят как государственного преступника. Хозяин может его продать, завещать по наследству, отдать внаймы как, раба, как всякое движимое имущество или скот. Если рабы замыслят что-либо против своих господ, то они также подлежат смертной казни. Мировые судьи обязаны разыскивать беглых рабов по заявлению господ. Если окажется, что беглый бродяга три дня шатался без дела, то его отправляют на родину, выжигают раскаленным железом на его груди клеймо «V» и, заковав в кандалы, употребляют для дорожных и других работ. Бродяга, неправильно указавший место своего рождения, в наказание за это обращается в пожизненного раба соответствующего селения, его жителей или корпорации и получает клеймо «S». Всякий имеет право отнять у бродяги его детей и держать их при себе в качестве учеников — юношей до 24 лет, девушек до 20 лет. Если они убегают, то до наступления указанного возраста обращаются в рабов своих хозяев-воспитателей, которые могут заковывать их в кандалы, пороть и т. п. Хозяин может надеть железное кольцо на шею, ноги или руки своего раба, чтобы легче отличать его от других и затруднить ему возможность скрыться[221]. В последней

[221] Автор «Essay on Trade etc.» замечает: «В царствование Эдуарда VI англичане с полной, по-видимому, серьезностью принялись за поощрение мануфактур и доставление бедным занятий. Это видно из одного замечательного закона, в котором говорится, что на всех бродяг должно быть наложено клеймо» и т. д. («An Essay on Trade and Commerce». London, 1770, p. 5).

части этого закона предусматриваются случаи, когда бедные должны работать на тот округ или тех лиц, которые берутся их кормить, поить и обеспечивать работой. Такого рода рабы — рабы приходов — сохранились в Англии вплоть до XIX века под именем roundsmen (приходчики).

Закон Елизаветы от 1572 г. предусматривает, что нищие старше 14 лет, не имеющие разрешения собирать милостыню, подвергаются жестокой порке и наложению клейма на левое ухо, если никто не соглашается взять их в услужение на два года; в случае рецидива нищие старше 18 лет должны быть казнены, если никто не соглашается взять их на 2 года в услужение; при третьем рецидиве их казнят без всякой пощады как государственных преступников. Аналогичные предписания содержат законы; изданный на 18-м году царствования Елизаветы, гл. 13, и закон 1597 года[221a)].

При Якове I, лицо, праздношатающееся и просящее милостыню, считается бродягой. Мировые судьи в Petty Sessions[207] уполномочены подвергать таких бродяг публичной порке и заключать в тюрьму попавшихся первый раз на 6 месяцев, попавшихся второй раз — на 2 года. Во время тюремного

[221a)] Томас Мор говорит в своей «Утопии»: «Так-то и случается, что жадный и ненасытный обжора, настоящая чума для своей родины, собирает в своих руках тысячи акров земли и обносит их плетнем или забором, или своими насилиями и притеснениями доводит собственников до того, что они вынуждены продать все свое имущество. Тем или другим способом, не мытьем, так катаньем, донимают их, и они, наконец, вынуждены выселиться — эти бедные, простые, несчастные люди! Мужчины и женщины, мужья и жены, сироты и вдовы, объятые отчаянием матери с грудными детьми, все домочадцы, бедные средствами к жизни, но многочисленные, так как земледелие требовало много рабочих рук. Они бредут прочь, говорю я, покидают свои привычные родные места и нигде не находят приюта. Продажа всей домашней утвари, хотя и не имеющей большой ценности, могла бы при других условиях оказать им некоторую помощь, но, внезапно выброшенные на улицу, они вынуждены распродавать имущество за бесценок. И когда этими несчастными скитальцами истрачено все до последней копейки, то скажите, бога ради, что же им остается делать, как не красть? Но тогда их вешают по всей форме закона. Или просить милостыню? Но тогда их заключают в тюрьму как бродяг за то, что они шатаются без дела: их обвиняют в безделиц, — их, которым ни одна душа не хочет дать работы, как бы усердно они ее ни добивались». Из числа этих бедных изгнанников, которых, по словам Томаса Мора, прямо-таки принуждали к воровству, «в царствование Генриха VIII было казнено 72000 крупных и мелких воров» *(Holinshed.* «Description of England», v. I, p, 186). Во времена Елизаветы «бродяг вешали целыми рядами, и не проходило года, чтобы в том или другом месте не было повешено их 300 или 400 человек» *(Strype.* «Annals of the Reformation and Establishment of Religion, and other Various Occurrences in the Church of England during Queen Elisabeth's Happy Reign», 2nd ed., 1725, v. II). Согласно тому же самому Страйпу, в Сомерсетшире в течение одного только года было казнено 40 человек, на 35 наложено клеймо, 37 подвергнуто порке и 183 «отчаянных негодяя» выпущено на волю. Тем не менее, говорит он, «из-за попустительства мировых судей и нелепого сострадания народа это значительное число обвиняемых не составляет и $^1/_5$ всех действительных преступников». Он добавляет: «Другие графства Англии были не в лучшем положении, чем Сомерсетшир, многие даже в гораздо худшем».

заключения они подвергаются порке так часто и в таких размерах, как это заблагорассудится мировым судьям... Неисправимых и опасных бродяг предписывается клеймить, выжигая на левом плече букву «R», и посылать на принудительные работы; если же они еще раз уличаются в нищенстве, их казнят без милосердия. Эти положения закона действовали вплоть до начала XVIII века и были отменены лишь актом, изданным на 12-м году царствования Анны, гл. 23.

Подобные законы имелись и во Франции, где в середине XVII века парижские бродяги основали так называемое «королевство бродяг» (royaume des truands). Еще в начале царствования Людовика XVI был издан ордонанс (от 13 июля 1777 г.), который предписывал ссылать на каторгу каждого здорового человека в возрасте от 16 до 60 лет, если он не имеет средств к существованию и определенной профессии. Аналогичные меры предписываются статутом Карла V для Нидерландов (октябрь 1537 г.), первым эдиктом штатов и городов Голландии от 19 марта 1614 г., плакатом Соединенных провинций от 25 июня 1649 г. и т. д.

Деревенское население, насильственно лишенное земли, изгнанное и превращенное в бродяг, старались приучить, опираясь на эти чудовищно террористические законы, к дисциплине наемного труда поркой, клеймами, пытками.

Мало того, что на одном полюсе выступают условия труда как капитал, а на другом полюсе — люди, не имеющие для продажи ничего, кроме своей собственной рабочей силы. Мало также принудить этих людей добровольно продавать себя. С дальнейшим ростом капиталистического производства развивается рабочий класс, который по своему воспитанию, традициям, привычкам признает условия этого способа производства как само собой разумеющиеся естественные законы. Организация развитого капиталистического процесса производства сламывает всякое сопротивление; постоянное создание относительного перенаселения удерживает закон спроса на труд и предложения труда, а следовательно и заработную плату, в границах, соответствующих потребности капитала в возрастании; слепая сила экономических отношений закрепляет господство капиталистов над рабочими. Внеэкономическое, непосредственное принуждение, правда, еще продолжает применяться, но лишь в виде исключения. При обычном ходе дел рабочего можно предоставить власти «естественных законов производства», т. е. зависимости от капитала, которая создается самими условиями производства, ими гарантируется и увековечивается. Иное видим мы в ту историческую эпоху,

когда капиталистическое производство только еще складывалось. Нарождающейся буржуазии нужна государственная власть, и она действительно применяет государственную власть, чтобы «регулировать» заработную плату, т. е. принудительно удерживать ее в границах, благоприятствующих выколачиванию прибавочной стоимости, чтобы удлинять рабочий день и самого рабочего держать в нормальной зависимости от капитала. В этом существенный момент так называемого первоначального накопления.

Класс наемных рабочих, возникший во второй половине XIV столетия, составлял тогда и в следующем столетии лишь очень ничтожную часть населения; его положение находило себе сильную опору в самостоятельном крестьянском хозяйстве в деревне и цеховой организации в городах. Как в деревне. так и в городе хозяева и рабочие стояли социально близко друг к другу. Подчинение труда капиталу было лишь формальным, т. е. самый способ производства еще не обладал специфически капиталистическим характером. Переменный элемент капитала сильно преобладал над постоянным его элементом. Вследствие этого спрос на наемный труд быстро возрастал с накоплением капитала, а предложение наемного труда лишь медленно следовало за спросом. Значительная часть национального продукта, превратившаяся позднее в фонд накопления капитала, в то время еще входила в фонд потребления рабочего.

Законодательство относительно наемного труда, с самого начала имевшее в виду эксплуатацию рабочего и в своем дальнейшем развитии неизменно враждебное рабочему[222)], начинается в Англии при Эдуарде III рабочим статутом от 1349 года. Во Франции ему соответствует ордонанс 1350 г., изданный от имени короля Иоанна. Английское и французское законодательства развиваются параллельно и по содержанию своему тождественны. Я не стану касаться рабочих статутов как средства для удлинения рабочего дня, поскольку с этой стороны они уже рассмотрены выше (глава восьмая, раздел 5).

Рабочий статут был издан вследствие настоятельных жалоб палаты общин.

«Прежде», — наивно замечает один тори, — «бедные требовали столь высокой заработной платы, что это угрожало промышленности и богатству. Теперь заработная плата их настолько низка, что это опять-таки

222) «Всякий раз, когда законодательство пыталось регулировать споры между хозяевами и их рабочими, его советниками были хозяева», — говорит Л. Смит[208]. «Собственность — вот дух законов», — говорит Ленге[209].

является угрозой промышленности и богатству, хотя и иной, чем раньше, и, быть может, еще более опасной, чем тогда»[223)].

Законом устанавливается тариф заработной платы для города и деревни, для сдельной и поденной работы. Сельские рабочие должны наниматься на год, городские же — «на вольном рынке». Под страхом тюремного наказания воспрещается выдавать плату более высокую, чем указанная в статуте, причем лица, получившие такую незаконную плату, наказываются строже, чем уплатившие ее. Так, например, еще в Елизаветинском статуте об учениках статьями 18 и 19 предусматривалось десятидневное тюремное заключение для того, кто выдал плату выше тарифной, и трехнедельное заключение для того, кто ее принял. Статут 1360 г. увеличивал меру наказания и даже уполномочивал хозяев заставлять рабочих путем физического принуждения работать на условиях установленного законом тарифа. Все союзы, договоры, клятвы и т. п., которые объединяли каменщиков и плотников, были объявлены недействительными. Коалиции рабочих рассматривались как тяжкое преступление начиная с XIV века и вплоть до 1825 г., когда были отменены законы против коалиций[210]. Дух рабочего статута 1349 г. и всех последующих законов ярко сказывается в том, что государство устанавливает лишь максимум заработной платы, но отнюдь не ее минимум.

В XVI столетии положение рабочих, как известно, очень ухудшилось. Денежная плата повысилась, но далеко не в той степени, в какой обесценились деньги и повысились цены товаров. Следовательно, фактически заработная плата упала. Тем не менее законы, направленные к понижению заработной платы, продолжали действовать; вместе с тем отрезывались уши и налагались клейма на тех, «кого никто не соглашался взять в услужение». Статут об учениках, изданный на 5-м году царствования Елизаветы, гл. 3, уполномочивает мировых судей устанавливать определенный уровень заработной платы и видоизменять его сообразно временам года и товарным ценам. Яков I распространил это регулирование труда на ткачей, прядильщиков и все прочие категории рабочих[224)]. Георг II

[223)] [*J. B. Byles*.] «Sophisms of Free Trade». By a Barrister. London, 1850, p. 206. Он ехидно прибавляет: «Мы всегда были готовы вмешаться в пользу предпринимателей; неужели мы ничего не можем сделать в пользу рабочих?»

[224)] Из одного пункта статута, изданного на 2-м году царствования Якова I, гл. 6 видно, что некоторые суконщики, бывшие в то же время мировыми судьями, позволяли себе официально устанавливать тариф заработной платы в своих собственных мастерских. В Германии очень часто издавались статуты для понижения заработной платы, особенно после Тридцатилетней войны. «Помещиков очень тяготил недостаток слуг и рабочих в обезлюдевших местностях. Всем деревенским жителям было воспрещено сдавать в наем комнаты холостым мужчинам и женщинам; обо всех такого рода постояльцах приказано было доносить начальству, и они должны были заключаться в тюрьму, если не пожелают быть слугами, хотя бы они поддерживали свое существование какими-либо другими занятиями, работами на крестьян за поденную плату или даже торговали деньгами и хле-

распространил законы против рабочих коалиций на все мануфактуры.

В собственно мануфактурный период капиталистический способ производства достаточно окреп для того, чтобы сделать законодательное регулирование заработной платы и невыполнимым и ненужным, но тем не менее все же хотели удержать на всякий случай это оружие из старого арсенала. Еще акт, изданный на 8-м году царствования Георга II, воспрещает давать портным-подмастерьям Лондона и окрестностей более 2 шилл. $7^1/_2$; пенсов поденной платы, за исключением случаев всенародного траура; еще акт, изданный на 13-м году царствования Георга III, гл. 68, предоставляет мировым судьям регулировать заработную плату шелкоткачей; еще в 1796 г. потребовалось два постановления высших судебных учреждений, для того чтобы решить, распространяются ли приказы мировых судей о заработной плате и на несельскохозяйственных рабочих; еще в 1799 г. парламентским актом было подтверждено, что заработная плата горнорабочих Шотландии регулируется статутом Елизаветы и двумя шотландскими актами 1661 и 1671 годов. Насколько сильно изменились к этому времени условия, показывает один случай, неслыханный в практике английской палаты общин. Здесь, где в течение более 400 лет фабриковались законы, устанавливающие исключительно тот максимум, которого ни в коем случае не должна превышать заработная плата, Уитбред предложил в 1796 г. определить законом минимум заработной платы для сельскохозяйственных рабочих. Питт воспротивился этому, соглашаясь, однако, что «положение бедных ужасно (cruel)». Наконец, в 1813 г. законы относительно регулирования заработной платы были отменены. Они стали смешной аномалией в условиях, когда капиталист регулирует труд на своей фабрике посредством своего личного законодательства и при помощи налога в пользу бедных дополняет до необходимого минимума

бом» («Kaiserliche Privilegien und Sanctionen fur Schlesien», I, 125). В течение всего столетия в указах государей не прекращаются горькие сетования на испорченную и наглую челядь, которая не подчиняется строгому режиму, не довольствуется установленной законом платой; отдельному помещику воспрещается выдавать более высокую плату, чем установлено таксой, выработанной для всей округи. И все же после войны условия, в которых находились слуги, были иногда лучше, чем сто лет спустя; в Силезии слуги еще в 1652 г. получали мясо дна раза в неделю, тогда как в нашем веке в той же Силезии имеются места, где слуги получают мясо лишь три раза в год, И заработная плата была после войны выше, чем в последующие столетия» (*G. Freytag.* [«Neue Bilder aus dem Leben des deutschen Volkes». Leipzig, 1862, S. 35, 36]).

плату сельских рабочих. Но и по настоящее время сохранились в полной неприкосновенности положения рабочих статутов, касающиеся контрактов между хозяином и рабочими, сроков расторжения и т. п., — положения, согласно которым хозяину, нарушившему контракт, может быть предъявлен лишь гражданский иск, тогда как рабочий, нарушивший контракт, подлежит уголовной ответственности.

Жестокие законы против коалиций пали в 1825 г., когда поведение пролетариата стало угрожающим. Однако они пали только отчасти. Некоторые милые остатки старых статутов исчезли лишь в 1859 году. Наконец, 29 июня 1871 г. был издан парламентский акт, претендовавший на то, что он якобы уничтожает последние следы этого классового законодательства, так как он даровал юридическое признание тред-юнионам. Но другой парламентский акт, изданный в тот же день (акт, принятый во изменение уголовного закона о мерах наказания за насилие, угрозы и посягательство), фактически восстановил прежнее положение в новой форме. При помощи такого парламентского фокуса все средства, которыми могли бы воспользоваться рабочие во время стачки или локаута (стачки связанных между собой фабрикантов, которые прибегают к одновременному закрытию своих фабрик), были изъяты из общего права и подчинены исключительному уголовному закону, истолкование которого всецело зависело от мировых судей, т. е. от фабрикантов. Двумя годами раньше тот же самый г-н Гладстон в той же самой палате общин с известным благородством внес законопроект об отмене всех исключительных законов, направленных против рабочего класса. Но дальше, чем до второго чтения этого законопроекта, дело не пошло, проект был положен под сукно, пока, наконец, «великая либеральная партия», соединившись с тори, не набралась смелости решительно выступить против того самого пролетариата, который поставил ее у власти. Не довольствуясь этим предательством, «великая либеральная партиям позволила английским судьям, всегда пресмыкавшимся перед господствующими классами, откопать старый закон против «конспираций»[211] и применить его к рабочим коалициям. Как мы видим, лишь против собственной волн. и под давлением масс английский парламент отказался от законов против стачек и тред-юнионов, после того как сам этот парламент с бесстыдным эгоизмом в течение пятисот лет занимал положение постоянного тред-юниона капиталистов, направленного против рабочих.

Точно так же французская буржуазия в самом начале революционной бури решилась отнять у рабочих только что

завоеванное право ассоциаций. Декретом от 14 июня 1791 г. она объявила все рабочие коалиции «преступлением против свободы и декларации прав человека», караемым штрафом в 500 ливров и лишением активных прав гражданина на один год[225)]. Этот закон, втискивающий государственно-полицейскими мерами конкуренцию между капиталом и трудом в рамки, удобные для капитала, пережил все революции и смены династий. Даже правительство террора[212] оставило его неприкосновенным. Лишь совсем недавно он вычеркнут из Code penal [Уголовного кодекса]. В высшей степени характерна мотивировка этого буржуазного государственного переворота. «Хотя и желательно, — говорил выступивший докладчиком Ле Шапелье, — повышение заработной платы выше теперешнего уровня, дабы тот, кто получает эту плату, избавился от абсолютной, почти рабской зависимости, обусловленной недостатком необходимых жизненных средств», тем не менее рабочие не должны сговариваться между собой относительно своих интересов, не должны действовать совместно с целью смягчить свою «абсолютную, почти рабскую зависимость», так как этим «они нарушили бы свободу своих бывших хозяев, теперешних предпринимателей» (свободу держать рабочих в рабстве!), и так как коалиция против деспотии бывших цеховых хозяев есть — что бы вы думали? — есть восстановление цехов, отмененных французской конституцией[226)].

4. ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ФЕРМЕРОВ

Мы рассмотрели те насилия, при помощи которых были созданы поставленные вне закона пролетарии, тот кровавый режим, который превратил их в наемных рабочих, те грязные высокогосударственные меры, которые, усиливая степень эксплуатации труда, повышали полицейскими способами накопление капитала. Спрашивается теперь: откуда же возникли первоначально капиталисты? Ведь экспроприация сельского

[225)] Статья первая этого закона гласит: «Так как уничтожение всякого рода корпораций лиц одного состояния или одной профессии составляет одну из коренных основ французской конституции, то воспрещается восстанавливать таковые корпорации под каким бы то ни было предлогом и в какой бы то ни было форме». Статья четвертая заявляет, что «если граждане, занятые одной и той же профессией, искусством или ремеслом, сговорятся между собой или составят соглашение, направленное к тому, чтобы отказаться сообща или соглашаться только при определенной плате оказывать услуги своей промышленной деятельностью и своими работами, то вышеназванные сговоры и соглашения должны быть объявлены... противоконституционными, посягающими на свободу и декларацию прав человека и т. д.», т. е. государственным преступлением, совершенно так же, как и в старых рабочих статутах («Revolutions de Paris». Paris, 1791, III, p. 523).

[226)] *Buchez et Roux*. «Histoire Parlementaire», t. X, p. 193—195 passim.

населения создает непосредственно лишь крупных земельных собственников. Что касается генезиса фермеров, то мы можем проследить его шаг за шагом, так как это медленный процесс, растянувшийся на многие столетия. Уже крепостные, а наряду с ними и свободные мелкие земельные собственники, находились в очень различном имущественном положении, а потому и освобождение их совершилось при очень различных экономических условиях.

В Англии первой формой фермера был bailiff [управляющий господским имением], который сам оставался крепостным. По своему положению он напоминает древнеримского villicus, но с более узким кругом деятельности. Во второй половине XIV столетия на место bailiff становится фермер, которого лендлорд снабжает семенами, скотом и земледельческими орудиями. Положение его не очень отличается от положения крестьянина. Он только эксплуатирует больше наемного труда. Скоро он становится «metayer», фермером-половинником. Он доставляет одну часть необходимого для земледелия капитала, лендлорд — другую. Валовой продукт разделяется между ними в пропорции, установленной контрактом. В Англии эта форма аренды быстро исчезает, уступая место фермеру в собственном смысле слова, который вкладывает в дело собственный капитал, ведет хозяйство при помощи наемных рабочих и отдает лендлорду деньгами или натурой часть прибавочного продукта в качестве земельной ренты.

В течение XV века, пока труд независимых крестьян и сельскохозяйственных рабочих, занимавшихся наряду с работой по найму в то же время и самостоятельным хозяйством, шел в их собственную пользу, уровень жизни фермера был так же незначителен, как и сфера его производства. Земледельческая революция, начавшаяся в последней трети XV века и продолжавшаяся в течение почти всего XVI столетия (за исключением последних его десятилетий), обогащала фермера так же быстро, как разоряла сельское население[227]. Узурпация общинных пастбищ и т. п. позволяет фермеру значительно увеличить количество своего скота почти без всяких издержек, между тем как скот доставляет богатое удобрение для его земли.

В XVI веке сюда присоединяется еще один момент, имеющий решающее значение. В то время арендные договоры заключались

[227] «Фермеры», — говорит Харрисон в своей работе «Description of England», — «которым раньше было трудно платить 4 ф. ст. ренты, платят теперь 40, 50, 100 ф. ст. и все же считают дело недостаточно прибыльным, если по истечении срока аренды у них не останется на руках ренты за 6—7 лет».

на продолжительные сроки, нередко на 99 лет. Непрерывное падение стоимости благородных металлов, а следовательно, и стоимости денег, было очень выгодно для фермеров. Оно, не говоря уже о других рассмотренных выше обстоятельствах, понижало заработную плату. Часть заработной платы превращалась в прибыль фермера. Непрерывное повышение цен на хлеб, шерсть, мясо, — одним словом, на все сельскохозяйственные продукты, увеличивало денежный капитал фермера без всяких усилии с его стороны, между тем земельную ренту он уплачивал на основе договоров, заключенных при прежней стоимости денег[228]. Таким образом он обогащался одновременно и за счет своих наемных рабочих и за счет своего лендлорда. Нет поэтому ничего удивительного в том, что в Англии к концу XVI столетия образовался класс богатых для того времени «капиталистических фермеров»[229].

[228] О влиянии обесценения денег в XVI столетии на различные классы общества см. «A Compendious or Briefe Examination of Certayne Ordinary Complaints of Diverse of our Countrymen in these our Days». By W. S., Genteleman (London, 1581) Диалогическая форма этого сочинения способствовала тому, что его долго приписывали Шекспиру, и еще в 1751 г. оно вышло в свет под его именем. Автор его — Уильям Стаффорд. В одном месте рыцарь (knight) рассуждает следующим образом:

Рыцарь: «Вы, мои сосед, земледелец, вы, господин торговец, и вы, мой добрый медник, вы, как и другие ремесленники, можете сравнительно легко отстоять свои интересы. Ибо насколько повышается цена всех предметов по сравнению с тем, что они стоили раньше, настолько повышаете вы цены на ваши товары и ваш труд, которые вы продаете. Но у нас нет ничего такого, что мы могли бы продать по повышенной цене и таким образом уравновесить тот убыток, который мы несем, покупая продукты». В другом месте рыцарь спрашивает доктора: «Скажите, пожалуйста, кого вы имеете в виду? И, прежде всего, кто, по вашему мнению, не терпит при этом никаких потерь?» *Доктор:* «Я имею в виду тех, которые живут куплей и продажей и, если дорого покупают, то столь же дорого продают». *Рыцарь:* «А из кого состоит та категория людей, которая, по вашим словам, выигрывает, от этого?» *Доктор:* «Ну, конечно, это все арендаторы или фермеры, которые платят за обрабатываемую ими землю старую ренту, ибо платят они по старой норме, а продают по новой, т. е. платят за свою землю очень дешево, а все, что вырастает на ней, продают дорого...» *Рыцарь:* «Ну, а кто же те, которые, по вашим словам, теряют от этого больше, чем выигрывают эти люди?» *Доктор:* «Это все дворяне, джентльмены и вообще все те люди, которые живут на твердо установленную ренту или жалованье, или не сами обрабатывают свою землю, или не занимаются торговлей».

[229] Во Франции regisseur, бывший в начале средних веков управляющим и сборщиком феодальных платежей в пользу феодала, скоро превращается в homme d'affaires [дельца], который при помощи вымогательства, обмана и т. п. вырастает в капиталиста. Эти regisseurs сами принадлежали иногда к благородному сословию. Например: «Сей отчет представляет Жак де Торесс, рыцарь кастелян в Безансоне, своему патрону, держащему отчет в Дижоне перед господином герцогом и графом Бургонским, относительно рент, причитающихся с означенного кастелянства с 25 декабря 1359 г. по 28 декабря 1360 г.» *(Alexis Monteil.* «Traite des Materiaus Manuscrits etc.», р. 234, 235). Уже тут видно, что во всех сферах общественной жизни львиная доля попадает в руки посредников. Так, например, в экономической области предпринимательские сливки снимают финансисты, биржевики, купцы, лавочники; в области гражданского права адвокат обдирает тяжущиеся стороны; в политике депутат значит больше, чем его избиратели, министр — больше, чем государь; в религии бог отодвигается на задний план святыми «заступниками», а эти последние — попами, которые, в свою очередь, являются неизбежными посредниками между «пастырем добрым» и его стадом. Во Франции, как и в Англии, крупные феодальные территории и были разделены на бесчисленное множество мелких хозяйств, но на условиях несравненно более неблагоприятных для сельского населения. В течение XIV века возникли аренды — фермы, или так называемые terriers. Число их постоянно росло и значительно превысило 100000. Они уплачивают земельную ренту в размере от $^1/_{12}$ до $^1/_5$ продукта деньгами или натурой. Terriers были ленами, подленами (fiefs, arriere-tiefs) и т. д., в зависимости от ценности и величины площади, которая иногда составляла всего лишь несколько

5. ОБРАТНОЕ ВЛИЯНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. СОЗДАНИЕ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛА

Осуществлявшаяся толчками, постоянно возобновлявшаяся экспроприация сельского населения и изгнание его с земли доставляли, как мы видели, городской промышленности все новые и новые массы пролетариев, стоящие совершенно вне всяких цеховых отношений, — мудреное обстоятельство, которое заставило старика А. Андерсона (не смешивать с Джемсом Андерсеном) в его работе об истории торговли[213] уверовать в непосредственное вмешательство провидения. Мы должны еще остановиться на минуту на этой стороне первоначального накопления. Разрежению самостоятельно хозяйствующего, независимого сельского населения соответствовало не только сгущение промышленного пролетариата, подобно тому как сгущение мировой материи в одном месте Жоффруа Сент-Илер объясняет ее разрежением в другом[230)]. Земля, несмотря на уменьшение числа лиц, обрабатывающих ее, приносила теперь столько же или даже еще больше продукта, чем раньше, так как революция в отношениях земельной собственности сопровождалась улучшением методов обработки, расширением кооперации, концентрацией средств производства и т. д. и так как сельскохозяйственные наемные рабочие не только принуждались к более интенсивному труду[231)], но и все более и более сокращалась та область производства, в которой они работали на самих себя. Таким образом, с высвобождением части сельского населения высвобождаются также его прежние средства существования. Они превращаются теперь в вещественные элементы переменного капитала. Оказавшийся между небом и землей крестьянин должен заработать их стоимость у своего нового господина, промышленного капиталиста, в форме заработной платы. Отечественный сырой материал, доставляемый для промышленности сельским хозяйством, по-

арпанов. Все владельцы этих terriers обладали в той или иной степени судебной властью по отношению к населению своих участков; таких степеней власти было четыре. Легко представить себе, каким гнетом ложилась на сельское население власть всех этих мелких тиранов. Монтей говорит, что в те времена во Франции было 160000 судов там, где теперь существует всего 4000 (включая сюда и мировые суды).

230) См. его «Notions de Philosophie Naturelle». Paris, 1838.

231) Этот пункт подчеркивает сэр Джемс Стюарт[214].

стигла та же судьба, что и жизненные средства. Он превратился в элемент постоянного капитала.

Представим себе, например, что одна часть вестфальских крестьян, которые во времена Фридриха II все занимались прядением льна, насильственно экспроприирована и прогнана с земли, тогда как другая их часть превращена в батраков крупных фермеров. Одновременно растут крупные льнопрядильные и ткацкие предприятия, куда «освобожденные» от земли нанимаются в качестве рабочих. Лен имеет совершенно такой же вид, как и раньше. Ни одно волокно его не изменилось, но в его тело вселилась теперь новая социальная душа. Он составляет теперь часть постоянного капитала владельца мануфактуры. Если раньше он был распределен между массой мелких производителей, которые сами вместе со своими семьями выращивали его и выпрядали маленькими порциями, то теперь он сосредоточен в руках одного капиталиста, который заставляет других людей ткать и прясть на себя. Добавочный труд, затрачиваемый в льнопрядильне, раньше реализовался в виде добавочного дохода бесчисленных крестьянских семейств, а также — во времена Фридриха II — в виде налогов pour le roi de Prusse*. Теперь он реализуется в виде прибыли немногих капиталистов. Прялки и ткацкие станки, разбросанные прежде по деревням, теперь подобно самим рабочим и сырому материалу сосредоточиваются в немногих больших рабочих казармах. И прялки, и ткацкие станки, и сырой материал из средств независимого существования прядильщиков и ткачей превращаются в средства командования[232] над прядильщиками и ткачами, в средства высасывания из них неоплаченного труда. По внешнему виду крупных мануфактур, точно так же как и крупных ферм, отнюдь нельзя сказать, что они образовались из соединения многих мелких производственных единиц путем экспроприации многих мелких независимых производителей. Однако беспристрастного наблюдателя не обманет этот внешний вид. Во времена Мирабо — этого льва революции — крупные мануфактуры еще назывались manufactures reunies, объединенными мастерскими, подобно тому как в настоящее время мы говорим об объединенных полях.

«Обращают внимание», — говорит Мирабо, — «лишь на крупные мануфактуры, в которых сотни людей работают под управлением одного директора и которые обыкновенно называют объединенными мануфакту-

* — буквально: в пользу короля Пруссии, в переносном смысле: на ветер. *Ред.*

[232] «Я предоставлю вам», — говорит капиталист, — «честь служить мне при условии, что вы отдадите мне то немногое, что вы еще имеете, за труд командовать вами, который я беру на себя» *(J. J. Rousseau.* «Discours sur l'Economie Politique»).

рами (manufactures réunies). Напротив, не удостоивают и взглядом те мастерские, в которых очень большое число рабочих работает разъединение, каждый на свой собственный страх и риск. Эти последние совершенно отодвигаются на задний план. И это — большая ошибка, так как только они образуют действительно важную составную часть народного богатства... Объединенная фабрика (fabrique réunie) может чрезвычайно сильно обогатить одного или двух предпринимателей, но рабочие — это лишь поденщики, оплачиваемые выше или ниже и не принимающие никакого участия в благосостоянии предпринимателя. Напротив, разъединенная фабрика (fabrique séparée) никого не обогащает, но зато поддерживает благосостояние множества рабочих... Число прилежных хозяйственных рабочих будет расти, ибо в благоразумном образе жизни, в трудолюбии они усматривают средство существенно улучшить свое положение, вместо того чтобы добиваться маленького повышения заработной платы, которое никогда не может иметь важных последствий для будущего и в самом благоприятном случае позволяет рабочим немного лучше жить в данный момент. Разъединенные индивидуальные мануфактуры, обыкновенно совмещаемые с мелким сельским хозяйством, являются единственно свободными»[233].

Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только высвобождает для промышленного капитала рабочих, их жизненные средства, материал их труда, но и создает внутренний рынок.

В самом деле, те самые события, которые превращают мелких крестьян в наемных рабочих, а их жизненные средства и средства труда в вещественные элементы капитала, создают в то же время для этого последнего внутренний рынок. Прежде крестьянская семья сама производила и перерабатывала жизненные средства и сырье, которые затем по большей части сама же и потребляла. Это сырье и жизненные средства превратились теперь в товары. Крупный фермер продает их; мануфактуры являются его рынком. Пряжа, холст, грубые шерстяные изделия — вещи, сырье для которых имелось в распоряжении каждой крестьянской семьи, выпрядались и ткались ею для собственного потребления, — превратились теперь в мануфактурные изделия, рынок для сбыта которых образуют как раз земледельческие округа. Многочисленные рассеянные потребители, обслуживавшиеся до сих пор массой мелких производителей, работающих на собственный страх и риск, концентрируются теперь в одно крупное целое, образуют рынок, снабжаемый промышленным капиталом[234]. Так рука

[233] *Mirabeau*, цит. соч., т. III, стр. 20—109, в разных местах. Если Мирабо считает разъединенные мастерские более экономичными и более производительными, чем «объединенные», и усматривает в последних лишь искусственные тепличные растения, взращенные заботами правительств, то это объясняется тогдашним состоянием большинства континентальных мануфактур.

[234] «Если двадцать фунтов шерсти превращаются незаметно, в течение года, в одежду для семьи рабочего собственным трудом этой семьи, в промежутки между другими ее работами, то здесь все обстоит очень просто. Но вынесите эту шерсть на рынок, отправьте ее фабриканту, затем продукт фабриканта — маклеру, затем купцу, и вы будете иметь крупную торговую операцию, причем номинальный капитал, необходимый для нее, будет в двадцать раз больше стоимости этой шерсти... Рабочий класс эксплуатируется таким образом для того, чтобы поддерживать несчастное фабричное население, паразитический класс лавочников и фиктивную коммерческую, денежную и финансовую систему» *(David Urquhart,* цит. соч., стр. 120).

об руку с экспроприацией прежде самостоятельного крестьянства, с отделением его от средств производства совершается уничтожение сельского побочного промысла, совершается процесс разделения мануфактуры и земледелия. И только уничтожение сельского домашнего промысла может дать внутреннему рынку данной страны те размеры и ту устойчивость, в которых нуждается капиталистический способ производства.

Однако собственно мануфактурный период еще не приводит к радикальному преобразованию. Напомним, что мануфактура овладевает национальным производством лишь очень неполно, основываясь всегда на городском ремесле и сельских домашних побочных промыслах как на широком базисе [Hintergrund]. Уничтожая эти побочные промыслы и городское ремесло в одной их форме, в известных отраслях промышленности, в известных пунктах, она вызывает их снова к жизни в других, потому что она до известной степени нуждается в них для обработки своего сырого материала. Она создает поэтому новый класс мелких земледельцев, для которых обработка земли является лишь побочной отраслью, а главное занятие — промышленный труд, изготовление продуктов, продаваемых — непосредственно или при посредстве купца — на мануфактуру. Это причина — хотя и не главная — того явления, которое прежде всего сбивает с толку исследователя английской истории. Начиная с последней трети XV века он встречается с непрерывными, только иногда смолкающими жалобами на рост капиталистического хозяйства в деревне и на растущее уничтожение крестьянства. Но, с другой стороны, он видит, что это крестьянство, пусть в уменьшенном количестве и при все более ухудшающихся условиях, существует все время[235]. Главная причина этого состоит в следующем: в Англии попеременно преобладает то зерновое хозяйство, то животноводство, и в зависимости от этого колеблются размеры крестьянского производства. Только крупная промышленность с ее машинами доставляет прочный базис для капиталистического земледелия, радикально экспроприирует огромное большинство сельского населения и довершает разделение земледелия и домашней деревенской промышленности, вырывая

[235] Исключение представляет время Кромвеля. Пока сохранялась республика, все слои народных масс Англии оправились от того упадка, в который они пришли при Тюдорах.

корни последней — прядение и ткачество[236]. А следовательно, только она завоевывает для промышленного капитала весь внутренний рынок[237].

6. ГЕНЕЗИС ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИСТА

Генезис промышленного[238] капиталиста не отличался той постепенностью, какой характеризуется генезис фермера. Без сомнения, некоторые мелкие цеховые мастера и еще большее количество самостоятельных мелких ремесленников и даже наемных рабочих превратились в мелких капиталистов, а потом, постепенно расширяя эксплуатацию наемного труда и соответственно усиливая накопление капитала, в капиталистов sans phrase [без оговорок]. В младенческий период капиталистического производства часто происходило так, как в младенческий период средневековой городской жизни, где вопрос о том, кто из беглых крепостных должен быть хозяином и кто слугой, решался обыкновенно в зависимости от того, кто из них раньше бежал от своих господ. Но черепашьи темпы этого метода никак не соответствовали торговым потребностям нового мирового рынка, созданного великими открытиями конца XV века. Средние века оставили после себя две различные формы капитала, которые достигают зрелости в самых различных общественно-экономических формациях и до наступления эры капиталистического способа производства счи-

[236] Такетт знает, что из собственно мануфактур и в результате уничтожения сельских или домашних мануфактур возникла с введением машин крупная шерстяная промышленность *(Tuckett,* цит. соч., т. I, стр. 144). «Плуг и ярмо были изобретением богов и предметом занятия героев — разве ткацкий станок, веретено и прялка менее благородного происхождения? Вы отделяете прялку от плуга, веретено от ярма и получаете фабрики и дома для бедных, кредит и кризисы, две враждебные нации, сельскую и торговую» *(David Urquhart,* цит. соч., стр. 122). Но вот является Кэри и обвиняет Англию, конечно, не без основания, в том, что она стремится превратить все остальные страны в исключительно земледельческие, а сама хочет стать их фабрикантом. Он утверждает, что таким путем была разорена Турция, ибо там «собственникам земли и земледельцам никогда не разрешалось» (Англией) «укрепить свое положение путем естественного союза плуга с ткацким станком, бороны с молотом» («The Slave Trade», р. 125). По его мнению, Уркарт сам является одним из главных виновников разорения Турции, где он, в интересах Англии, пропагандировал свободу торговли. Но лучше всего то, что Кэри — между прочим большой холоп России — хочет воспрепятствовать этому процессу разделения при помощи системы протекционизма, которая в действительности его ускоряет.

[237] Филантропические английские экономисты, как Милль, Роджерс, Голдуин Смит, Фосетт и т. д., и либеральные фабриканты, как Джон Брайт и К°, спрашивают английских земельных аристократов, как бог спрашивал Каина о его брате Авеле, — куда девались тысячи наших крестьян? — Да откуда же вы-то произошли? Из уничтожения этих крестьян. И почему вы не спрашиваете, куда девались самостоятельные ткачи, прядильщики, ремесленники?

[238] «Промышленный» употреблено здесь в противоположность «земледельческому». В смысле экономической категории фермер — такой же промышленный капиталист, как и фабрикант.

таются капиталом как таковым: ростовщический капитал и купеческий капитал.

«В настоящее время все общественное богатство попадает сначала в руки капиталиста... он уплачивает ренту земельному собственнику, заработную плату — рабочему, налоги и десятину — их сборщику, а ему остается значительная, даже преобладающая, и притом непрерывно растущая, часть годового продукта труда. Капиталиста можно рассматривать в настоящее время как собственника, в руки которого все общественное богатство попадает прежде всего, хотя нет такого закона, который обеспечивал бы за ним право на эту собственность... Это изменение в сфере собственности произошло благодаря взиманию процентов на капитал... и не менее знаменательно, что законодатели всей Европы стремились воспрепятствовать этому с помощью законов против ростовщичества... Власть капиталистов над всем богатством страны есть полная революция в праве собственности; какой же закон или какой ряд законов произвел эту революцию?»[239)]

Автору следовало бы знать, что законы вообще никогда не совершают революций.

Превращению денежного капитала, образовавшегося путем ростовщичества и торговли, в промышленный капитал препятствовал феодальный строй в деревне, цеховой строй в городе[240)]. Ограничения эти пали, когда были распущены феодальные дружины, когда сельское население было экспроприировано и отчасти изгнано. Новая мануфактура возникла в морских экспортных гаванях или в таких пунктах внутри страны, которые находились вне контроля старых городов с их цеховым строем. Отсюда ожесточенная борьба английских corporate towns [городов с цеховым корпоративным строем] против этих новых питомников промышленности.

Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления. За ними следует торговая война европейских наций, ареной для которой служит земной шар. Война эта начинается отпадением Нидерландов от Испании, принимает гигантские размеры в английской антиякобинской войне и теперь еще продолжается в виде «опиумных» войн против Китая и так далее.

---

239) «The Natural and Artificial Right of Property Contrasted». London, 1832, p. 98, 99. Автор этого анонимного труда — Т. Годскин.

240) Еще в 1794 г. мелкие мастера-суконщики из Лидса посылали в парламент депутацию с петицией об издании закона, воспрещающего купцам становиться фабрикантами (Dr. *Aihin,* цит. соч.).

Различные моменты первоначального накопления распределяются, исторически более или менее последовательно, между различными странами, а именно: между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией. В Англии к концу XVII века они систематически объединяются в колониальной системе и системе государственных займов, современной налоговой системе и системе протекционизма. Эти методы отчасти покоятся на грубейшем насилии, как, например, колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы ускорить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция.

Относительно христианской колониальной системы У. Хауитт, человек, сделавший христианство своей специальностью, говорит:

«Варварство и бесстыдные жестокости так называемых христианских рас, совершавшиеся во всех частях света по отношению ко всем народам, которые им удавалось поработить, превосходят все ужасы, совершавшиеся в любую историческую эпоху любой расой, какой бы она ни была дикой и невежественной, безжалостной и бесстыдной»[241].

История голландского колониального хозяйства — а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII столетия — дает нам непревзойденную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей[242]. Нет ничего более характерного, как практиковавшаяся голландцами система кражи людей на Целебесе для пополнения рабов на острове Ява. С этой целью подготовлялись специально воры людей. Вор, переводчик и продавец были главными агентами этой торговли, туземные принцы — главными продавцами. Украденная молодежь заключалась в целебесские тайные тюрьмы, пока не достигала возраста, достаточно зрелого для отправки на корабли, транспортировавшие рабов. В одном официальном отчете говорится:

«Например, один этот город Макассар полон тайными тюрьмами, одна ужаснее другой, которые набиты несчастными жертвами жадности

---

[241] *William Howitt.* «Colonization and Christianity. A Popular History of the Treatment of the Natives by the Europeans in all their Colonies». London, 1838, p. 9. Относительно обращения с рабами хорошая сводка данных имеется в работе: *Charles Comte.* «Traite de Legislation», 3eme ed. Bruxelles, 1837. Надо детально изучить эту работу, чтобы увидеть, во что превращается сам буржуа и во что превращает он своих рабочих там, где он может, не стесняясь, преобразовать мир по своему образу и подобию.

[242] *Thomas Stamford Raffles*, late Lieut. Gov. of that island. «The History of Java». London, 1817 [v. II, p. CXC—CXCI, приложение].

и тирании, закованными в кандалы, оторванными насильственно от своих семей».

Чтобы овладеть Малаккой, голландцы подкупили португальского губернатора. В 1641 г. он впустил их в город. Они тотчас же поспешили к его дому и убили его, чтобы «воздержаться» от уплаты условленной суммы подкупа в 21 875 фунтов стерлингов. Опустошение и обезлюдение следовали везде, куда только ни ступала их нога. Провинция Явы Баньюванги насчитывала в 1750 г. свыше 80000 жителей, в 1811 г. всего 8000. Вот она doux commerce [невинная торговля]!

Как известно, английская Ост-Индская компания[215] кроме политической власти в Ост-Индии добилась исключительной монополии на торговлю чаем, как и вообще на торговлю с Китаем и на перевозку товаров из Европы и в Европу. Но судоходство вдоль берегов Индии и между островами, а также торговля внутри Индии сделались монополией высших должностных лиц компании. Монополия на соль, опиум, бетель и другие товары стала неисчерпаемым источником богатства. Должностные лица сами устанавливали цены и по своему произволу обдирали несчастных индийцев. Генерал-губернатор участвовал в этой частной торговле. Его любимцы получали контракты на таких условиях, которые позволяли им, лучше чем алхимикам, делать золото из ничего. Крупные состояния вырастали, как грибы после дождя, и первоначальное накопление осуществлялось без предварительной затраты хотя бы одного шиллинга. Судебный процесс Уоррена Гастингса полон такого рода примерами. Вот один из них. Один контракт на поставку опиума был предоставлен некоему Салливену в момент его отъезда — с официальным поручением — в район Индии, далеко расположенный от места производства опиума. Салливен продает свой контракт за 40000 ф. ст. некоему Бинну, а Бинн перепродает его в тот же день за 60000 фунтов стерлингов. Последний покупатель и исполнитель контракта заявляет, что и он еще извлек из него громадную выгоду. Согласно одному документу, представленному в парламент, с 1757 по 1766 г. компания и ее должностные лица принудили индийцев принести в дар 6 миллионов фунтов стерлингов. В 1769—1770 гг. англичане искусственно организовали голод, закупив весь рис и отказываясь продавать его иначе, как по баснословно высоким ценам[243)].

[243)] В 1866 г. в одной только провинции Орисса более миллиона индийцев умерли голодной смертью. Тем не менее все усилия были направлены к тому, чтобы обогатить государственную кассу Индии путем продажи голодающим жизненных средств по повышенным ценам.

Обращение с туземцами было, конечно, всего ужаснее на плантациях, предназначенных, как, например, в Вест-Индии, исключительно для экспортной торговли, а также в обреченных на разграбление богатых и густо населенных странах, как Мексика и Ост-Индия. Однако и в собственно колониях проявился все тот же христианский характер первоначального накопления. Пуритане Новой Англии — эти виртуозы трезвого протестантизма — в 1703 г. постановили на своем Assembly [Законодательном собрании] выдавать премию в 40 ф. ст. за каждый индейский скальп и за каждого краснокожего пленника; в 1720 г. премия за каждый скальп была повышена до 100 ф. ст., в 1744 г., после объявления в районе Массачусетского залива одного племени бунтовщическим, были назначены следующие цены: за скальп мужчины 12 лет и старше 100 ф. ст. в новой валюте, за пленника мужского пола 105 ф. ст., за пленную женщину или ребенка 55 ф. ст., за скальп женщины или ребенка 50 фунтов стерлингов! Несколько десятилетий спустя колониальная система отомстила за себя потомкам этих благочестивых piligrim fathers [отцов-пилигримов], ставшим, в свою очередь, бунтовщиками. Благодаря подкупам и наущению англичан они были перебиты томагавками. Британский парламент объявил кровавых собак и скальпирование «средствами, дарованными ему богом и природой»).

Колониальная система способствовала форсированному росту торговли и судоходства. «Общества-монополии» (Лютер) были мощными рычагами концентрации капитала. Колонии обеспечивали рынок сбыта для быстро возникающих мануфактур, а монопольное обладание этим рынком обеспечивало усиленное накопление. Сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал. Голландия, которая первой полностью развила колониальную систему, уже в 1648 г. достигла высшей точки своего торгового могущества.

> «В ее почти безраздельном владении находились ост-индская торговля и торговые сношения между европейским юго-западом и северо-востоком. Ее рыбные угодья, судоходство, мануфактуры не имели себе равных ни в какой другой стране. Капиталы этой республики были, быть может, значительнее, чем вместе взятые капиталы всей остальной Европы»[216].

Гюлих, автор этих строк, забывает прибавить: народные массы Голландии уже в 1648 г. больше страдали от чрезмерного труда, были беднее и терпели гнет более жестокий, чем народные массы всей остальной Европы.

В настоящее время промышленная гегемония влечет за собой торговую гегемонию. Напротив, в собственно мануфактурный период торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание. Отсюда решающая роль, которую в то время играла колониальная система. Это был тот «неведомый бог», который взошел на алтарь наряду со старыми божествами Европы и в один прекрасный день одним махом всех их выбросил вон. Колониальная система провозгласила наживу последней и единственной целью человечества.

Система общественного кредита, т. е. государственных долгов, зачатки которой мы открываем в Генуе и Венеции еще в средние века, распространилась по всей Европе в течение мануфактурного периода. Колониальная система с ее морской торговлей и торговыми войнами послужила для нее теплицей. Так она прежде всего пустила корни в Голландии. Государственный долг, т. е. отчуждение государства — все равно: деспотического, конституционного или республиканского, — накладывает свою печать на капиталистическую эру. Единственная часть так называемого национального богатства, которая действительно находится в общем владении современных народов, это — их государственные долги[243a)]. Вполне последовательна поэтому современная доктрина, что народ тем богаче, чем больше его задолженность. Государственный кредит становится символом веры капитала. И с возникновением государственной задолженности смертным грехом, за который нет прощения, становится уже не хула на духа святого, а нарушение доверия к государственному долгу.

Государственный долг делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Словно прикосновением волшебной палочки он наделяет непроизводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с ростовщическими операциями. Государственные кредиторы в действительности не дают ничего, так как ссуженные ими суммы превращаются в государственные долговые свидетельства, легко обращающиеся, функционирующие в их руках совершенно так же, как и наличные деньги. Но кроме созданного таким образом класса праздных рантье и импровизированного богатства финансистов, выступающих посредниками между правительством и нацией, кроме откупщиков налогов, купцов и частных фабрикантов, в руки которых

[243a)] Уильям Коббет замечает, что в Англии все общественные учреждения называются «королевскими», но зато долг там «национальный» (national debt).

попадает добрая доля всякого государственного займа в качестве капитала, свалившегося с неба, государственный долг создал акционерные общества, торговлю всякого рода ценными бумагами, ажиотаж, одним словом — биржевую игру и современную банкократию.

С самого своего зарождения крупные банки, подкрепленные национальными титулами, были лишь обществами частных спекулянтов, которые оказывали содействие правительствам и, благодаря полученным привилегиям, могли ссужать им деньги. Поэтому самым непогрешимым мерилом накопления государственного долга является прогрессивное повышение акций этих банков, расцвет которых начинается с момента учреждения Английского банка (1694 г.). Английский банк начал свою деятельность ссудами правительству денег из 8%; вместе с тем он был уполномочен парламентом чеканить деньги из того же самого капитала, который он еще раз ссужал публике в форме банкнот. Этими банкнотами он мог дисконтировать векселя, давать ссуды под товары, скупать на них благородные металлы. Прошло немного времени, и эти фабрикуемые самим банком кредитные деньги стали функционировать как звонкая монета: банкнотами выдавал Английский банк ссуды государству, банкнотами уплачивал за государство проценты по государственным займам. Мало того, что он одной рукой давал, чтобы другой взять гораздо больше; даже когда он получал, он оставался вечным кредитором нации на всю данную им сумму до последней копейки. Мало-помалу он стал непременным хранителем металлического запаса страны и центром тяготения для всего торгового кредита. В то самое время, когда англичане перестали сжигать на кострах ведьм, они начали вешать подделывателей банкнот. Какое впечатление произвело на современников внезапное появление этого отродья банкократов, финансистов, рантье, маклеров, спекулянтов и биржевых волков, показывают сочинения того времени, например сочинения Болингброка[243b)].

Вместе с государственными долгами возникла система международного кредита, которая зачастую представляет собой один из скрытых источников первоначального накопления у того или другого народа. Так, гнусности венецианской системы грабежа составили подобное скрытое основание капиталистического богатства Голландии, которой пришедшая в упадок Венеция ссужала крупные денежные суммы. Таково же

[243b)] «Если бы татары в наши дни заполонили Европу, было бы очень трудно растолковать им то значение, которое принадлежит среди нас финансисту» *(Montesquieu.* «Esprit des loix», ed. Londres, 1769, т. IV, р. 33).

отношение между Голландией и Англией. Уже в начале XVIII века голландские мануфактуры были далеко превзойдены английскими, и Голландия перестала быть господствующей торговой и промышленной нацией. Поэтому в период 1701— 1776 гг. одним из главных ее предприятий становится выдача в ссуду громадных капиталов, в особенности своей могучей конкурентке — Англии. Подобные же отношения создались в настоящее время между Англией и Соединенными Штатами. Многие не помнящие родства капиталы, функционирующие в Соединенных Штатах, представляют собой лишь вчера капитализированную в Англии кровь детей.

Так как государственные долги опираются на государственные доходы, за счет которых должны покрываться годовые проценты и т. п. платежи, то современная налоговая система стала необходимым дополнением системы государственных займов. Займы позволяют правительству покрывать чрезвычайные расходы таким образом, что налогоплательщик не чувствует сразу всей тяжести последних, но те же займы требуют, в конце концов, повышения налогов. С другой стороны, повышение налогов, вызванное последовательно нарастающими долгами, вынуждает правительство при каждом новом чрезвычайном расходе прибегать все к новым и новым займам. Таким образом, современная фискальная система, осью которой является обложение необходимейших жизненных средств (следовательно, их вздорожание), в самой себе несет зародыш автоматического возрастания налогов. Чрезмерное обложение — не случайный факт, а скорее ее принцип. В Голландии, где эта система укрепилась прежде всего, великий патриот де Витт прославляет ее в своих «Максимах»[217] как наилучший способ развить в наемном рабочем покорность, умеренность, прилежание и... готовность переносить чрезмерный труд. Однако нас интересует здесь не столько то разрушительное влияние, которое современная фискальная система оказывает на положение наемных рабочих, сколько обусловленная ею насильственная экспроприация крестьян, ремесленников — одним словом, всех составных частей мелкой буржуазии. Об этом нет двух мнений, даже среди буржуазных экономистов. Экспроприирующее действие фискальной системы еще больше усиливается благодаря протекционизму, который сам является одной из составных частей фискальной системы.

Та крупная роль, которую государственный долг и соответствующая фискальная система играют в превращении богатства в капитал и в экспроприации масс, ввела в заблуждение ряд авторов: Коббета, Даблдея и других, увидевших в государст-

венном долге и фискальной системе первопричину нищеты современных народов.

Система протекционизма была искусственным средством фабриковать фабрикантов, экспроприировать независимых работников, капитализировать национальные средства производства и жизненные средства, насильственно ускорять переход от старого способа производства к современному. Европейские государства дрались из-за патента на это изобретение и, раз попав на службу к рыцарям наживы, не довольствовались уже тем, что с этой целью грабили свои собственные народы, косвенно — путем покровительственных пошлин, прямо — путем экспортных премий и т. п. Они насильственно искореняли всякую промышленность в зависимых от них соседних странах, как, например, была искоренена англичанами шерстяная мануфактура в Ирландии. На европейском континенте процесс этот, с легкой руки Кольбера, был еще более упрощен. Первоначальный капитал притекает здесь к промышленникам в значительной мере прямо из государственной казны.

«Зачем», — восклицает Мирабо, — «так далеко искать причин мануфактурного расцвета Саксонии перед Семилетней войной? Достаточно обратить внимание на 180 миллионов государственного долга»[244)]!

Колониальная система, государственные долги, гнет налогов, протекционизм, торговые войны и т. д. — все эти отпрыски собственно мануфактурного периода гигантски разрастаются в младенческий период крупной промышленности. Зарождение этой последней ознаменовано колоссальным иродовым похищением детей. Фабрики рекрутируют своих рабочих, как и королевский флот своих матросов, посредством насилия. С каким равнодушием взирал сэр Ф. М. Иден на ужасы, которыми сопровождалась экспроприация земли у сельского населения начиная с последней трети XV столетия и вплоть до его времени, до конца XVIII столетия; с каким самодовольством он приветствует этот процесс, «необходимый» для создания капиталистического земледелия и «установления правильного соотношения между пашней и пастбищем»; но даже сэр Иден не возвышается до такого же понимания экономической необходимости похищать и порабощать детей для того, чтобы превратить мануфактурное производство в фабричное и установить правильное соотношение между капиталом и рабочей силой. Он говорит:

«Быть может, внимания публики заслуживает следующий вопрос. Промышленность, которая может успешно функционировать, лишь похищая

244) *Mirabeau*, цит. соч., т. VI, стр. 101.

из коттеджей и работных домов бедных детей, которые, сменяясь по группам, должны работать большую часть ночи, не зная отдыха; промышленность, которая к тому же смешивает в общую кучу лиц обоего пола, разных возрастов и наклонностей, что неизбежно должно повести к испорченности и развращению благодаря заразительным дурным примерам, — может ли такая промышленность увеличивать сумму национального и индивидуального счастья?»[245]. «В Дербишире, Ноттингемшире и особенно в Ланкашире», — пишет Филден, — «недавно изобретенные машины были применены на крупных фабриках, построенных близ рек, способных приводить в движение водяное колесо. В эти места, находящиеся вдали от городов, внезапно потребовались тысячи рабочих рук; и, в частности, в Ланкашире, неплодородном и к тому времени сравнительно мало населенном, потребовались прежде всего люди. Особенно сильный спрос был на маленькие, проворные пальцы детей. Тотчас же вошло в обычай набирать учеников (!) из различных лондонских, бирмингемских и других приходских работных домов. Многие, многие тысячи этих маленьких беспомощных созданий в возрасте от 7 до 13 или 14 лет были тогда переброшены на север. Обычно хозяева» (т. е. похитители детей) «одевали, кормили и помещали своих учеников в домах, расположенных близ фабрик. Были наняты надсмотрщики для надзора за их работой. В интересах этих надсмотрщиков за рабами было заставлять детей работать возможно больше, так как оплата их зависела от количества продукта, выжатого из каждого ребенка. Жестокость была естественным следствием. Во многих фабричных округах, в особенности в Ланкашире, эти невинные беззащитные создания, отданные во власть фабрикантам, подвергались самым возмутительным истязаниям. Их до смерти замучивали чрезмерным трудом... били, заковывали в кандалы, подвергали самым изощренным и жестоким пыткам; истощенные голодом до последней степени, превратившиеся в скелеты, они зачастую плетью принуждались к труду... Иногда их доводили до самоубийства!.. Прекрасные романтические долины Дербишира, Ноттингемшира и Ланкашира, скрытые от всякого общественного контроля, сделались мрачным местом истязаний и часто убийств!.. Прибыли фабрикантов были огромны. Это лишь разжигало их волчий аппетит. Они стали практиковать ночную работу, т. е. с наступлением ночи место одной группы рабочих, уже изнуренных дневным трудом, заступала на фабрике другая группа рабочих; дневная группа отправлялась в постели, только что покинутые ночной группой, и vice versa [наоборот]. Народное предание в Ланкашире гласит, что постели никогда не остывали»[246].

---

[245] *Eden*, цит. соч., кн. II, гл. I, стр. 421.

[246] *John Fielden,* цит. соч., стр. 5, 6. О безобразиях, практиковавшихся первоначально на фабриках, см. Dr. *Aikin,* цит. соч., стр. 219, и *Gisborne*. «Inquiry into the Duties of Men», 1795, v. II. — Когда паровая машина переместила фабрики от уединенных сельских водопадов в города, под руками склонного к «воздержанию» капиталиста оказался детский рабочий материал и насильственная транспортировка рабов из работных домов оказалась излишней. — Когда сэр Роберт Пиль (отец «министра благопристойности») внес в парламент в 1815 г. билль для защиты детей, Фрэнсис Хорнер (светило «Комитета о слитках» и интимный друг Рикардо) заявил в палате общин: «Хорошо известно, что вместе с ценностями одного банкрота была назначена к продаже с публичного торга и действительно продана, как часть его собственности, партия фабричных детей, если позволительно употребить это выражение. Два года тому назад (в 1813 г.) в суде королевской скамьи разбирался возмутительный случай. В деле фигурировала группа мальчиков. Один лондонский приход отдал их фабриканту, который, в свою очередь, уступил их другому. В конце концов несколько филантропов нашли их в состоянии полного истощения от голода (absolute famine). С другим случаем, еще более отвратительным, он познакомился как член парламентской комиссии. Несколько лет тому назад один лондонский приход заключил с ланкашир-

С развитием капиталистического производства в течение мануфактурного периода общественное мнение Европы освободилось от последних остатков стыда и совести. Нации цинично хвастались всякой гнусностью, раз она являлась средством для накопления капитала. Прочтите, например, наивную летопись торговли, составленную филистером А. Андерсоном[218]. Здесь превозносится, как высший триумф английской государственной мудрости, тот факт, что Англия при заключении Утрехтского мира вынудила у Испании по асьенто[219] право вести торговлю неграми между Африкой и испанской Америкой, тогда как до сих пор она вела ее лишь между Африкой и английской Вест-Индией. Англия получила право вплоть до 1743 г. поставлять в испанскую Америку 4800 негров ежегодно. Этим было создано в то же время официальное прикрытие для британской контрабанды. Ливерпуль вырос на торговле рабами. Последняя является его методом первоначального накопления. И до наших дней «респектабельное общество» Ливерпуля осталось Пиндаром торговли рабами, которая — см. цитированное выше сочинение доктора Эйкина, вышедшее в 1795 г., — «превращает дух коммерческой предприимчивости в страсть, создает славных моряков и приносит колоссальные деньги». В 1730 г. Ливерпуль использовал для торговли рабами 15 кораблей, в 1751 г. — 53 корабля, в 1760 г. — 74, в 1770 г. — 96 и в 1792 г. — 132 корабля.

Хлопчатобумажная промышленность, введя в Англии рабство детей, в то же время дала толчок к превращению рабского хозяйства Соединенных Штатов, раньше более или менее патриархального, в коммерческую систему эксплуатации. Вообще для скрытого рабства наемных рабочих в Европе нужно было в качестве фундамента рабство sans phrase [без оговорок] в Новом свете[247)].

Tantae molis erat[220] создать условия для свободного проявления «вечных естественных законов» капиталистического способа производства, совершить процесс отделения рабочих от условий их труда, на одном полюсе превратить общественные средства производства и жизненные средства в капитал, на противоположном полюсе превратить народную массу в наемных рабочих, в свободных «работающих бедняков» — этот

ским фабрикантом договор, по которому фабрикант обязывался на каждые два десятка здоровых детей покупать одного идиота».

[247)] В 1790 г. в английской Вест-Индии 10 рабов приходилось на 1 свободного, во французской — 14 на одного, в голландской — 23 на одного *(Henry Brougham.* «An Inquiry into the Colonial Policy of the European Powers». Edinburgh, 1803, v. II, p. 74).

удивительный продукт современной история[248]. Если деньги, по словам Ожье, «рождаются на свет с кровавым пятном на одной щеке»[249], то новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят[250].

7. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

Итак, к чему сводится первоначальное накопление капитала, т. е. его исторический генезис? Поскольку оно не представляет собой непосредственного превращения рабов и крепостных в наемных рабочих и, следовательно, простой смены формы, оно означает лишь экспроприацию непосредственных производителей, т. е. уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде.

Частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным

[248] Выражение «labouring poor» [«работающий бедняк»] встречается в английских законах с того момента, когда класс наемных рабочих приобретает заметные размеры. «Labouring poor» противополагается, с одной стороны, «idle poor» [«праздным беднякам»], нищим и т. п., с другой стороны, тем рабочим, которые еще не обобраны, еще являются собственниками средств своего труда. Из законодательства выражение «labouring poor» перешло в политическую экономию, где оно употребляется начиная с Калпепера, Д. Чайлда и т. д. вплоть до А. Смита и Идена. Можно судить по этому, какова bonne fol [добросовестность] Эдмунда Бёрка, этого «execrable political cantmonger» [«гнусного политического лицемера»], когда он называет выражение «labouring poor» «execrable political cant» [«гнусным политическим лицемерием»]. Этот сикофант, находясь на содержании английской олигархии, разыгрывал роль романтика по отношению к французской революции, а в начале осложнений в Америке, находясь на содержании североамериканских колоний, с таким же успехом выступал в роли либерала по отношению к английской олигархии; в действительности же он был самым ординарным буржуа: «Законы торговли. суть законы природы, а следовательно, законы самого бога» *(E. Burke.* «Thoughts and Details on Scarcity», ed. London, 1800, p. 31, 32). Нет ничего удивительного в том, что он; верный законам бога и природы, всегда продавая себя на самом выгодном рынке! Хорошую характеристику этого Эдмунда Бёрка в период его либеральничанья можно найти в сочинениях Таккера. Таккер был попом и тори, но в остальном это порядочный человек и хороший экономист. Принимая во внимание ту позорную беспринципность, которая господствует в наши дни и самым подобострастным образом верует в «законы торговли», необходимо снова и снова клеймить Бёрков, отличающихся от своих последователей только одним — талантом!

[249] *Marie Augier*. «Du Credit Public».

[250] «Капитал», — говорит «Quarterly Reviewer», — «избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство; контрабанда и торговля рабами» (*T. J. Dunning,* цит. соч., стр. 35, 36).

лицам. Но в зависимости от того, являются ли эти частные липа работниками или неработниками, изменяется характер самой частной собственности. Бесконечные оттенки частной собственности, которые открываются нашему взору, отражают лишь промежуточные состояния, лежащие между обеими этими крайностями.

Частная собственность работника на его средства производства есть основа мелкого производства, а мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника. Правда, этот способ производства встречается и при рабовладельческом, и при крепостном строе, и при других формах личной зависимости. Однако он достигает расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает адекватную классическую форму лишь там, где работник является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он владеет как виртуоз.

Этот способ производства предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса, общественное господство над природой и общественное регулирование ее, свободное развитие общественных производительных сил. Он совместим лишь с узкими первоначальными границами производства и общества. Стремление увековечить его равносильно, по справедливому замечанию Пеккёра, стремлению «декретировать всеобщую посредственность»[221]. Но на известном уровне развития он сам создает материальные средства для своего уничтожения. С этого момента в недрах общества начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Последний должен быть уничтожен, и он уничтожается. Уничтожение его, превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно концентрированные, следовательно, превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда, — эта ужасная и тяжелая экспроприация народной массы образует пролог истории капитала. Она включает в себя целый ряд насильственных методов, из которых мы рассмотрели выше лишь эпохальные методы, как методы первоначального накопления. Экспроприация непосредственных производителей совершается с самым

беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы[251)].

Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество вглубь и вширь, когда работники уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих.

Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда, втягивание всех народов в сеть мирового рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при

[251)] «Мы вступили в совершенно новый общественный строй... мы стремимся отделить всякий вид собственности от всякого вида труда» *(Sismondi.* «Nouveaux Principes de l'Economie Politique», t. II [Paris, 1827], p. 434).

ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют.

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства.

Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность. Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов[252)].

[252)] «Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны... Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории» *(К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии». Лондон, 1848, стр. 11, 9 [см. настоящее издание, том 4, стр. 435— 436, 434]).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ
СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ КОЛОНИЗАЦИИ[253)]

Политическая экономия принципиально смешивает два очень различных рода частной собственности, из которых один основывается на собственном труде производителя, другой — на эксплуатации чужого труда. Она забывает, что последний не только составляет прямую противоположность первого, но и вырастает лишь на его могиле.

На западе Европы, на родине политической экономии, процесс первоначального накопления более или менее завершился. Капиталистический режим или прямо подчинил себе здесь все национальное производство, или, где отношения менее развиты, он, по меньшей мере косвенно, контролирует те продолжающие еще существовать наряду с ним и погибающие общественные слои, которые относятся к устаревшему способу производства. К этому готовому миру капитала экономист с тем более трусливым усердием и с тем большим умилением применяет представления о праве и собственности, относящиеся к докапиталистическому миру, чем громче вопиют факты против его идеологии.

Иначе обстоит дело в колониях. Капиталистический режим на каждом шагу наталкивается там на препятствия со стороны производителя, который, будучи сам владельцем условий своего труда, своим трудом обогащает самого себя, а не капиталиста. Противоречие этих двух диаметрально противоположных экономических систем проявляется здесь на практике в их борьбе. Если за спиной капиталиста стоят силы его метрополии, он старается насильственно устранить способ производства и присвоения, покоящийся на собственном труде

[253)] Здесь речь идет о действительных колониях, о девственной земле, колонизируемой свободными иммигрантами. Соединенные Штаты в экономическом смысле все еще представляют собой колонию Европы. Впрочем, сюда же относятся и такие старинные поселения, в которых уничтожение рабства в корне преобразовало все отношения.

производителя. Те самые интересы, которые заставляют экономиста, сикофанта капитала, теоретически обосновывать в метрополии тождество капиталистического способа производства с его собственной противоположностью, — эти же самые интересы побуждают его здесь «to make a clean breast of it» [«очистить свою совесть в этом отношении»] и громко провозгласить противоположность этих способов производства. С этой целью он показывает, что развитие общественной производительной силы труда — кооперация, разделение труда, применение в крупном масштабе машин и т. д. — невозможно без экспроприации работников и соответствующего превращения их средств производства в капитал. В интересах так называемого национального богатства он ищет искусственных средств для создания народной бедности. Его апологетический панцирь рассыпается здесь на куски, как дряблый трут.

Большая заслуга Э. Г. Уэйкфилда заключается не в том, что он сказал нечто новое о колониях[254)], а в том, что в колониях он раскрыл истину о капиталистических отношениях в метрополии. Как система протекционизма при своем возникновении[255)] стремится к фабрикации капиталистов в метрополии, так теория колонизации Уэйкфилда, которую Англия в течение некоторого времени старалась осуществлять законодательным путем, стремится к фабрикации наемных рабочих в колониях. Это он называет «systematic colonization» (систематической колонизацией).

Прежде всего Уэйкфилд открыл в колониях, что обладание деньгами, жизненными средствами, машинами и другими средствами производства еще не делает человека капиталистом, если отсутствует такое дополнение к этому, как наемный рабочий, если отсутствует другой человек, который вынужден добровольно продавать себя самого. Он открыл, что капитал не вещь, а общественное отношение между людьми, опосредствованное вещами[256)]. Г-н Пил, — жалуется он, — взял

[254)] Немногие лучи света, брошенные Уэйкфилдом на сущность самих колоний, полностью предвосхищены Мирабо-отцом, физиократами и еще много раньше английскими экономистами.

[255)] Позже она становится временной необходимостью в международной конкурентной борьбе. Но каковы бы ни были ее мотивы, последствия ее остаются одни и те же.

[256)] «Негр есть негр. Только при определенных отношениях он становится рабом. Хлопкопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Только при определенных отношениях она становится капиталом. Выхваченная из этих отношений, она так же не является капиталом, как золото само по себе не является деньгами или сахар — ценой сахара... Капитал — общественное производственное отношение. Он — историческое производственное отношение» *(Карл Маркс.* «Наемный труд и капитал» в «Neue Rheinische Zeitung» № 226, 7 апреля 1849 г. [см. настоящее издание, том 6, стр. 441, 442]).

с собой из Англии на берега реки Суон в Новой Голландии жизненные средства и средства производства в общей сумме на 50000 фунтов стерлингов. Г-н Пил был настолько предусмотрителен, что кроме того захватил с собой 3000 человек из рабочего класса — мужчин, женщин и детей. Но по прибытии на место назначения «у г-на Пила не осталось даже ни одного слуги, который мог бы приготовить ему постель или зачерпнуть воды из реки»[257]. Несчастный г-н Пил! Он все предусмотрел, но забыл только экспортировать английские производственные отношения на берега реки Суон!

Для понимания следующих открытий Уэйкфилда два предварительных замечания. Мы знаем, что если средства производства и жизненные средства являются собственностью непосредственного производителя, то они не являются капиталом. Они становятся капиталом лишь при условиях, при которых они служат в то же время средствами эксплуатации рабочего и господства над ним. Но эта их капиталистическая душа соединена в голове экономиста столь тесными узами с их вещественной субстанцией, что он при всяких условиях называет их капиталом, даже при таких, когда они являются прямой противоположностью капитала. Так обстоит дело и у Уэйкфилда. Далее: раздробление средств производства, составляющих индивидуальную собственность многих не зависимых друг от друга, самостоятельно хозяйствующих работников, он называет равным распределением капитала. С экономистом выходит то же, что с феодальным юристом. Последний даже на чисто денежные отношения наклеивал свои феодальные юридические этикетки.

«Если бы», — говорит Уэйкфилд, — «капитал был распределен рапными долями между всеми членами общества, то ни один человек не был бы заинтересован в том, чтобы накопить капитала больше, чем он может применить к делу при помощи своих собственных рук. Это до известной степени и наблюдается в новых американский колониях, где страсть к земельной собственности препятствует существованию класса наемных рабочих»[258].

Следовательно, пока работник может накоплять для себя самого, — а это он может, пока остается собственником своих средств производства, — до тех пор капиталистическое накопление и капиталистический способ производства невозможны. Отсутствует необходимый для этого класс наемных рабочих.

[257] *E. G. Wakefield*. «England and America». London, 1833, v, II, p. 33.
[258] Там же, т. I, стр. 17.

Но в таком случае как же в старой Европе была произведена экспроприация у работника условий его труда, каким образом были созданы капитал и наемный труд? Посредством contrat social [общественного договора] весьма оригинального свойства. «Человечество усвоило... простой метод содействовать накоплению капитала», которое, разумеется, со времен Адама казалось ему последней и единственной целью существования; «оно разделилось на собственников капитала и собственников труда... это разделение было результатом добровольного соглашения и сговора»[259]. Одним словом; масса человечества сама себя экспроприировала в честь «накопления капитала». Но в таком случае следовало бы полагать, что инстинкт этого фанатического самоотречения должен бы во всей своей силе проявиться как раз в колониях, где только и существуют такие люди и такие обстоятельства, которые могли бы перенести этот contrat social из царства мечты в царство действительности. Но к чему бы тогда вообще «систематическая колонизация» в противоположность естественной колонизации? Но, однако:

«сомнительно, принадлежит ли в северных штатах Американского союза хотя бы десятая доля населения к категории-наемных рабочих... В Англии... большая часть народа состоит из наемных рабочих»[260].

Да, стремление трудящегося населения к самоэкспроприации в честь капитала настолько ничтожно, что рабство, даже по Уэйкфилду, — единственная естественная основа колониального богатства. Его систематическая колонизация просто pis aller [неизбежное зло], так как он имеет дело со свободными людьми, а не с рабами.

«У первых испанских поселенцев на Сан-Доминго не было ни одного рабочего из Испании. Но без рабочих» (т. е. без рабства) «капитал погиб бы или, по крайней мере, сократился бы до таких мелких размеров, при которых каждый индивидуум мог бы применять его с помощью своих собственных рук. Так оно и случилось в действительности в последней основанной англичанами колонии, где большой капитал в виде семян, скота и орудий погиб вследствие недостатка наемных рабочих и где ни один поселенец не владеет большим капиталом, чем он может применить с помощью своих собственных рук»[261].

Мы видели, что экспроприация земли у народных масс служит основой капиталистического способа производства. Сущность свободной колонии, напротив, заключается в том, что

[259] *E. G. Wakefield*. «England and America». London, 1833, v. II, p. 18.
[260] Там же, стр. 42, 43, 44.
[261] Там же, т. II, стр. 5.

масса земли остается еще народной собственностью, и потому каждый поселенец может превратить часть ее в свою частную собственность и в свое индивидуальное средство производства, не препятствуя этим позднейшему поселенцу поступить таким же образом[262]. В этом тайна как процветания колоний, так и разъедающей их язвы, их противодействия водворению капитала.

«Где земля очень дешева и все люди свободны, где каждый может по своему желанию получить участок земли для самого себя, там труд не только очень дорог, если принять во внимание долю, получаемую рабочим из его продукта, но там и вообще трудно получить комбинированный труд за какую бы то ни было цену»[263].

Так как в колониях еще нет отделения работника от условий труда и от земли — основы последних, или такое отделение является лишь спорадическим или наблюдается на слишком ограниченном пространстве, то в колониях нет еще и обособления земледелия от промышленности, не уничтожена еще сельская домашняя промышленность. Откуда же возьмется там внутренний рынок для капитала?

«В Америке, за исключением рабов и их хозяев, которые комбинируют капитал и труд на крупных предприятиях, нет ни одной части населения, которая занималась бы исключительно земледелием. Свободные американцы, которые сами обрабатывают землю, занимаются в то же время и многими другими работами. Сами они обыкновенно изготовляют часть необходимой для них мебели и орудий. Они нередко строят дома для себя и доставляют продукты своей собственной промышленности на самые отдаленные рынки. Они одновременно прядильщики и ткачи, они изготовляют мыло и свечи, обувь и одежду для своего собственного потребления. В Америке земледелие часто является побочным промыслом кузнеца, мельника или лавочника»[264].

Где же остается среди таких чудаков область для «самоотречения» капиталиста?

Великая прелесть капиталистического производства состоит в том, что оно не только постоянно воспроизводит наемных рабочих как наемных рабочих, но и производит всегда соответствующее накоплению капитала относительное перенаселение наемных рабочих. Этим закон спроса и предложения труда удерживается в надлежащей колее, колебаниям заработной

[262] «Для того чтобы сделаться элементом колонизации, земля не только должна быть невозделанной, но должна кроме того представлять собой общественную собственность, которая может быть превращена в частную собственность» (там же, т. II, стр. 125).

[263] Там же, т. I, стр. 247.

[264] Там же, стр. 21, 22.

платы ставятся пределы, желательные для капиталистической эксплуатации, и, наконец, обеспечивается столь необходимая социальная зависимость рабочего от капиталиста, — та абсолютная зависимость, которую экономист у себя дома, в метрополии, может многословно расписывать как свободное договорное отношение между покупателем и продавцом, между двумя одинаково независимыми товаровладельцами, владельцем товара — капитал и владельцем товара — труд. Но в колониях эта прекрасная иллюзия рушится. Численность населения здесь растет гораздо быстрее, чем в метрополии, так как здесь многие рабочие появляются на свет уже взрослыми, и, однако, рынок труда здесь никогда не бывает полным. Закон спроса и предложения труда терпит крушение. С одной стороны, Старый свет постоянно выбрасывает туда жаждущий эксплуатации, одержимый стремлением к самоотречению капитал; с другой стороны, регулярное воспроизводство наемных рабочих как наемных рабочих наталкивается на самые неприятные и отчасти непреодолимые препятствия. До производства ли тут избыточных наемных рабочих соответственно накоплению капитала! Сегодняшний наемный рабочий завтра становится независимым, ведущим самостоятельное хозяйство крестьянином или ремесленником. Он исчезает с рынка труда, но только не в работный дом. Это постоянное превращение наемных рабочих в независимых производителей, которые работают не на капитал, а на самих себя, и обогащают не господина капиталиста, а самих себя, в свою очередь оказывает чрезвычайно вредное воздействие на состояние рынка труда. Дело не только в том, что степень эксплуатации наемного рабочего остается неприлично низкой. Последний кроме того утрачивает вместе со своей зависимостью от предающегося самоотречению капиталиста и чувство зависимости от него. Отсюда все те печальные явления, которые так открыто, так красноречиво и так трогательно описывает наш Э. Г. Уэйкфилд.

Предложение наемного труда, — жалуется он, — непостоянно, нерегулярно, недостаточно. Оно «не только всегда слишком мало, но и не обеспечено»[265].

«Хотя продукт, подлежащий разделению между рабочим и капиталистом, велик, но рабочий берет себе столь большую долю, что он быстро становится капиталистом... Напротив, лишь немногие, даже если они живут необыкновенно долго, могут накопить крупные массы богатства»[266].

[265] Там же, т. II, стр. 116.
[266] Там же, т. I, стр. 131.

Рабочие никак не позволяют капиталисту воздержаться от оплаты большей части их труда. Ему нисколько не помогает, если он, будучи настолько предусмотрительным, вместе со своим собственным капиталом импортирует из Европы и своих собственных наемных рабочих.

«Они скоро перестают быть наемными рабочими, они скоро превращаются в независимых крестьян или даже в конкурентов своих прежних хозяев на самом рынке наемного труда»[267)].

Представьте себе ужас подобного положения! Бравый капиталист на свои кровные деньги импортировал из Европы своих собственных конкурентов! Ведь это — конец всему! Неудивительно, что Уэйкфилд жалуется на недостаток зависимости и чувства зависимости у наемных рабочих в колониях.

«Вследствие высокой заработной платы», — говорит его ученик Меривейл, — «в колониях существует страстное желание более дешевого и более покорного труда, потребность в таком классе, которому капиталист мог бы диктовать свои условия, вместо того чтобы, наоборот, условия предписывались ему самому рабочим... В странах старой цивилизации рабочий хотя и свободен, но в силу естественных законов зависит от капиталиста; в колониях эта зависимость должна быть создана искусственными мерами»[268)].

Каковы же, по Уэйкфилду, последствия такого печального положения в колониях? «Варварская система распыления» производителей и национального имущества[269)]. Раздробление средств производства между многочисленными, самостоятельно

[267)] *E. G. Wakefield*. «England and America». London, 1833, v. II, p. 5.

[268)] *Merivale.* «Lectures on Colonization and Colonies». London, 1841—1842, v. II, p. 235—314 passim. Даже приторный вульгарный экономист-фритредер Молинари говорит: «В колониях, где рабство было уничтожено без замены принудительного труда соответствующим количеством свободного труда, мы видели нечто противоположное тому, что наблюдаем каждый день. Мы видели, как простые рабочие, со своей стороны, эксплуатировали промышленных предпринимателей и требовали такой заработной платы, которая выше причитающейся им законной доли продукта. Плантаторы, лишенные возможности получать за свой сахар такую цену, которая покрывала бы увеличение заработной платы, были вынуждены покрывать дефицит сначала за счет своей прибыли, а потом и за счет своего капитала. Многие плантаторы таким образом разорились, другим пришлось прекратить свои предприятия, чтобы предотвратить неизбежное разорение... Без сомнения, пусть лучше не будет накопления капиталов, чем погибнут целые поколения людей» (какое великодушие со стороны г-на Молинари!); «но не лучше ли было бы, если бы не погибали ни те, ни другие» *(Molinari,* цит. соч., стр. 51, 52). Г-н Молинари, г-н Молинари! Что же получается с десятью заповедями, с Моисеем и пророками[222], с законом спроса и предложения, если в Европе «предприниматель» может урезывать «законную долю» рабочего, а в Вест-Индии рабочий — «законную долю» предпринимателя! И скажите, пожалуйста, что это за «законная доля», которой, по вашему признанию, капиталист в Европе не доплачивает каждый день! Г-ну Молинари очень уж хочется там, в колониях, где рабочие так «неотесаны», что «эксплуатируют» капиталистов, полицейскими мерами придать надлежащее действие закону спроса и предложения, который в других случаях действует автоматически.

[269)] *Wakefield*. «England and America». London, 1833, v. II, p. 52.

хозяйствующими собственниками уничтожает вместе с централизацией капитала и все основы комбинированного труда. Всякое предприятие, рассчитанное на продолжительное время, охватывающее многие годы и требующее вложений основного капитала, наталкивается при своем осуществлении на препятствия. В Европе капитал ни минуты не медлит, потому что рабочий класс составляет там его живой придаток, постоянно имеется в избытке, всегда готов к его услугам. Но в колониальных странах!.. Уэйкфилд рассказывает в высшей степени прискорбный анекдот. Он беседовал с некоторыми капиталистами из Канады и штата Нью-Йорк, где — что следует отметить — волны иммиграции часто задерживаются и оставляют осадок «избыточных» рабочих.

«Наш капитал», — вздыхает один персонаж мелодрамы, — «наш капитал был наготове для многих операций, исполнение которых требует значительного времени; но могли ли мы начинать такие операции с рабочими, которые — мы знали это — скоро показали бы нам спину? Если бы мы были уверены, что можем удержать у себя труд этих переселенцев, мы с радостью немедленно наняли бы их, и притом по высокой цене. Более того, несмотря на полную уверенность в том, что мы их потеряем, мы тем не менее наняли бы их, если бы были уверены в притоке новых переселенцев, соответствующем нашим потребностям»[270].

После того как Уэйкфилд великолепно изобразил контраст между английским капиталистическим земледелием с его «комбинированным» трудом и раздробленным американским крестьянским хозяйством, у него вырывается признание и оборотной стороны медали. Американская народная масса в его изображении зажиточная, независимая, предприимчивая и сравнительно образованная, между тем как

«английский сельскохозяйственный рабочий — жалкий босяк (a miserable wretch), паупер... В какой другой стране, кроме Северной Америки и некоторых новых колоний, плата за свободный труд, применяемый в земледелии, сколько-нибудь значительно превышает самые необходимые средства существования рабочего?.. Несомненно, рабочие лошади в Англии получают гораздо лучшее питание, чем английский земледелец, потому что они составляют ценную собственность»[271].

Но это не беда, ведь национальное богатство оказывается теперь по самой своей природе тождественным с народной нищетой.

Однако каким же образом излечить колонии от антикапиталистической язвы? Если бы разом превратить всю землю из народной собственности в частную собственность, то это хотя

[270] *Wakefield*. «England and America». London, 1833, v. II, p. 191, 192.
[271] Там же, т. I, стр. 47, 246.

и уничтожило бы корень зла, но вместе с ним уничтожило бы и колонии. Искусство заключается в том, чтобы одним выстрелом убить двух зайцев. Необходимо, чтобы правительство дало девственной земле искусственную цену, независимую от закона спроса и предложения: она заставит поселенца сравнительно долгое время работать в качестве наемного рабочего, пока он не заработает такого количества денег, которое позволит ему купить участок земли[272)] и превратиться в независимого крестьянина. Тот фонд, который образуется благодаря продаже этих земель по цене, относительно недоступной для наемного рабочего, т. е. тот денежный фонд, который выжимается из заработной платы нарушением священного закона спроса и предложения, правительство должно, в свою очередь, употреблять по мере его образования на то, чтобы ввозить бедняков из Европы в колонии и таким образом заполнять для господ капиталистов рынок наемного труда. При таких условиях «tout sera pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles»[223]. Такова великая тайна «систематической колонизации».

«При осуществлении этого плана», — торжествующе восклицает Уэйкфилд, — «предложение труда будет постоянным и регулярным; потому, во-первых, что все переселяющиеся рабочие, — поскольку ни один из них не в состоянии купить себе земли, пока он не поработает известное время за деньги, — сообща работали бы по найму и таким образом производили бы своему хозяину капитал для применения еще большего количества труда; потому, во-вторых, что каждый, кто бросает наемный труд и становится земельным собственником, как раз куплей земли обеспечивает известный фонд на доставку в колонии нового труда»[273)].

Октроированная государством цена земли, конечно, должна быть «достаточной» (sufficient price), т. е. настолько высокой, «чтобы воспрепятствовать рабочим превращаться в независимых крестьян до тех пор, пока не появятся другие, готовые занять их место на рынке наемного труда»[274)]. Эта «достаточная цена земли» есть не что иное, как смягченное обозначение выкупной суммы, которую рабочий уплачивает капиталисту за разрешение удалиться с рынка наемного труда на свой участок земли. Сначала он должен создать для господина капиталиста «капи-

---

[272)] «Выговорите, что человек, у которого нет ничего, кроме собственных рук, благодаря присвоению земли и капиталов находит работу и создает для себя доход... напротив, только благодаря индивидуальному присвоению земли находятся люди, у которых нет ничего, кроме их рук... Помещая человека в безвоздушное пространство, вы отнимаете у него воздух, необходимый для дыхания. Точно так же поступаете вы, завладевая землей... Это все равно, что поставить его вне богатства, чтобы подчинить его жизнь вашему произволу» *(Colins,* цит. соч., т. III, стр. 267—271, в разных местах).

[273)] *Wakefield*. «England and America». London, 1833, v. II, p. 192.

[274)] Там же, стр. 45.

тал» для эксплуатации еще большего количества рабочих, а потом должен поставить на рынок труда «заместителя», которого за его счет правительство привозит из-за моря для его прежнего хозяина-капиталиста.

В высшей степени характерно, что английское правительство годами осуществляло этот метод «первоначального накопления», рекомендованный г-ном Уэйкфилдом специально для применения в колониях. Неудача была, конечно, столь же позорная, как провал банковского акта Пиля[224]. Следствием было только то, что поток эмиграции от английских колоний был отклонен к Соединенным Штатам. Между тем прогресс капиталистического производства в Европе, сопровождавшийся усилением правительственного гнета, сделал рецепт Уэйкфилда излишним. С одной стороны, колоссальный и непрерывный поток людей, из года в год направляющийся в Америку, оставляет на Востоке Соединенных Штатов застойные осадки, так как волна эмиграции из Европы быстрее выбрасывает людей на рынок труда востока Соединенных Штатов, чем другая волна успевает унести их на запад. С другой стороны, Гражданская война в Америке имела своим следствием колоссальный национальный долг и вместе с ним гнет налогов, возникновение самой низкой финансовой аристократии, раздачу огромной части общественных земель обществам спекулянтов, возникшим с целью эксплуатации железных дорог, рудников и т. д., — короче говоря, имела своим следствием самую быструю централизацию капитала. Таким образом, великая республика перестала быть обетованной землей для эмигрирующих рабочих. Капиталистическое производство развивается там исполинскими шагами, хотя понижение заработной платы и зависимость наемного рабочего еще не достигли европейской нормы. Бесстыдное расточение невозделанных колониальных земель, раздаваемых английским правительством аристократам и капиталистам, — что громко порицает даже Уэйкфилд, — в соединении с потоком людей, привлекаемых золотыми приисками, и с конкуренцией, которую ввоз английских товаров создает даже самому мелкому ремесленнику, — все это породило, особенно в Австралии[275)], достаточное «относительное перенаселение рабочих», так что почти каждая почта приносит печальные вести о переполнении австралийского рынка труда —

[275)] Как только Австралия сделалась своей собственной законодательницей, она, конечно, начала издавать законы, благоприятные для переселенцев, но расточение земель, уже произведенное англичанами, стоит поперек дороги. «Первая и главная цель, к которой стремится новый земельный закон 1862 г., заключается в том, чтобы облегчить народу возможность расселения» («The Land Law ol Victoria» by the Hon *G. Duffy,* Minister of Public Lands. London, 1862).

о «glut of the Australian labour-market», — и проституция расцветает там местами так же пышно, как на лондонском Хеймаркете.

Однако здесь нас занимает не положение колоний. Нас интересует здесь только тайна, которую открыла в Новом свете и громко возвестила политическая экономия Старого света: капиталистический способ производства и накопления, а следовательно, и капиталистическая частная собственность предполагают уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде, т. е. предполагают экспроприацию работника.

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *«Капитал»* — гениальное произведение марксизма. Над созданием главного своего труда Маркс работал в течение четырех десятилетий, с начала 40-х годов и до конца жизни. «Признав, что экономический строй является основой, на которой возвышается политическая надстройка, Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 19, стр. 5).

К систематическим занятиям политической экономией Маркс приступил в конце 1843 г. в Париже. Изучая экономическую литературу, он ставит своей целью написание большого труда, содержащего критику существующего строя и буржуазной политической экономии. Его первые исследования в этой области нашли свое отражение в таких работах, как «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Немецкая идеология», «Нищета философии», «Наемный труд и капитал», «Манифест Коммунистической партии» и др. Уже в этих работах раскрываются основы капиталистической эксплуатации, непримиримая противоположность интересов капиталистов и наемных рабочих, антагонистический и преходящий характер всех экономических отношений капитализма.

После известного перерыва, обусловленного бурными событиями революции 1848—1849 гг., Маркс смог продолжить свои экономические исследования только в Лондоне, куда он вынужден был эмигрировать в августе 1849 года. Здесь он глубоко и всесторонне изучает истории» народного хозяйства и современную ему экономику разных стран, особенно Англии, которая была тогда классической страной капитализма. Его интересуют в этот период история земельной собственности и теория земельной ренты, история и теория денежного обращения и цен, экономические кризисы, история техники и технологии, вопросы агрономии и агрохимии.

Работа Маркса протекала в невероятно трудных условиях. Ему постоянно приходилось вести борьбу с нуждой и нередко отрываться от занятий ради заработка на жизнь. Длительное перенапряжение сил в условиях материальных лишений не осталось без последствий, — Маркс серьезно заболевает. Тем не менее, к 1857 г. ему удалось провести

огромную подготовительную работу, которая позволила приступить к завершающему этапу исследования — систематизации и обобщению собранных материалов.

С августа 1857 по июнь 1858 г. Маркс создает рукопись объемом около 50 печатных листов, являющуюся как бы черновым наброском будущего «Капитала». Впервые она была опубликована лишь в 1939—1941 гг. Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС на языке оригинала под названием «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie» («Основные черты критики политической экономии»). В ноябре 1857 г. Маркс составляет, кроме того, план своего произведения, подвергшийся впоследствии детализации и существенным уточнениям. Это его исследование, посвященное критике экономических категорий, подразделяется на шесть книг:

1) О капитале (с несколькими вводными главами); 2) О земельной собственности; 3) О наемном труде; 4) О государстве; 5) О внешней торговле; 6) О мировом рынке. В первой книге («О капитале») намечено было четыре отдела: а) Капитал вообще, б) Конкуренция капиталов, в) Кредит, г) Акционерный капитал, причем отдел «Капитал вообще» делился еще на три раздела: 1) Процесс производства капитала, 2) Процесс обращения капитала и 3) Единство того и другого, или капитал и прибыль, процент. Важно отметить, что это последнее, частное деление в дальнейшем составило основу деления всего труда на три соответствующих тома «Капитала». Предметом особой работы предполагалось сделать историю политической экономии и социализма.

В то же время Маркс решает, что создаваемый им труд будет выходить отдельными выпусками и первый выпуск «обязательно должен представлять собой до известной степени цельную работу», которая охватывает всего лишь первый отдел первой книги— отдел, - состоящий из трех глав: 1) Товар; 2) Деньги, или простое обращение и 3) Капитал. Однако по политическим мотивам в окончательный вариант первого выпуска — в книгу «К критике политической экономии» — третья глава не вошла. Маркс указывал, что именно с этой главы «начинается настоящая битва» и, по его мнению, было бы неблагоразумным в обстановке официальной цензуры, полицейских преследований и всяческой травли авторов, неугодных господствующим классам, выпускать такую главу в свет в самом начале, т. е. еще до того, как о новом произведении узнает широкая общественность. Для «первого выпуска» Маркс специально написал главу о товаре и переработал основательно главу о деньгах из рукописи 1857—1858 годов.

Книга «К критике политической экономии» увидела свет в 1859 году. Имелось в виду вскоре за тем осуществить и «второй выпуск», т. е. опубликовать упомянутую главу о капитале, составлявшую основное содержание рукописи 1857—1858 годов. Маркс возобновляет свои систематические занятия политической экономией в Британском музее. Правда, сравнительно скоро ему пришлось отложить эту работу на целых полтора года в связи с необходимостью выступить в печати с разоблачением клеветнических выпадов бонапартистского агента К. Фогта и другими срочными делами. Только в августе 1861 г. он начинает писать обширную рукопись и заканчивает ее к середине 1863 года. Рукопись общим объемом около 200 печатных листов, составляющих 23 тетради, озаглавлена так же, как и книга 1859 г., — «К критике политической экономии». Преобладающая часть этой рукописи (тетради VI—XV и XVIII) трактует историю экономических учений. Ее подготовил к печати и издал на русском языке

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под заглавием «Теории прибавочной стоимости» (IV том «Капитала»). В первых пяти тетрадях и отчасти в тетрадях XIX—XXIII изложены темы первого тома «Капитала». Здесь Маркс анализирует превращение денег в капитал, развивает учение о прибавочной стоимости, абсолютной и относительной, и касается ряда других вопросов. В частности, в тетрадях XIX и XX заложена солидная основа главы тринадцатой первого тома «Машины и крупная промышленность»; в них приводится богатейший материал по истории техники и дан весьма обстоятельный экономический анализ применения машин в капиталистической промышленности. В тетрадях XXI—XXIII освещаются отдельные вопросы, относящиеся к разным томам «Капитала», в том числе ко второму тому. Проблемам третьего тома посвящены целиком тетради XVI—XVII. Таким образом, рукопись 1861—1863 гг. затрагивает, в большей или меньшей степени, проблемы всех четырех томов «Капитала».

В ходе дальнейшей работы Маркс решает все свое произведение построить в том плане, какой намечался раньше для отдела «Капитал вообще» с его трехчленным делением. Что же касается историко-критической части рукописи, то она должна была составить четвертое завершающее звено. «Вся работа, — пишет Маркс в письме к Кугельману от 13 октября 1860 г., — распадается на следующие части: Книга I) Процесс производства капитала. Книга II) Процесс обращения капитала. Книга III) Формы процесса в целом. Книга IV) К истории теории». Маркс отказывается также от прежнего плана издания произведения отдельными выпусками и ставит задачей подготовить сначала хотя бы в основном всю работу и только тогда издавать ее.

В связи с этим Маркс продолжает усиленно работать над своим трудом, и особенно над теми его частями, которые в рукописи 1861— 1863 гг. еще не были достаточно развиты. Он изучает дополнительно большое количество экономической и технической литературы, в том числе по сельскому хозяйству, по вопросам кредита и денежного обращения, изучает статистические материалы, различные парламентские документы, официальные отчеты о детском труде в промышленности, о жилищных условиях английского пролетариата и т. д. Вслед за тем Маркс создает в течение двух с половиной лет (с августа 1863 до конца 1865 г.) новую огромную рукопись, которая и составляет первый детально разработанный вариант трех теоретических томов «Капитала». И только после того как была написана вся работа в целом (январь 1866 г.), Маркс приступает к окончательной ее отделке для печати, причем, по совету Энгельса, он решает подготовить к печати не всю работу сразу, а в первую очередь первый том «Капитала». Эта окончательная отделка производилась Марксом с большой тщательностью и по существу явилась еще одной переработкой всего первого тома «Капитала» в целом. В интересах цельности, полноты и ясности изложения Маркс посчитал нужным в сравнительно краткой форме воспроизвести основные вопросы содержания изданной в 1859 г. работы «К критике политической экономии» в начале первого тома «Капитала» — они занимают теперь весь первый отдел («Товар и деньги»), а в первом издании освещались в первой главе («Товар и деньги»).

После выхода в свет первого тома «Капитала» (сентябрь 1867 г.) Маркс продолжает работать над ним в связи с подготовкой новых изданий на немецком языке и переводами на иностранные языки. Он вносит многочисленные изменения во второе издание (1872 г.), дает существенные указания в связи с русским изданием, которое вышло

в Петербурге в 1872 г. и явилось первым иностранным переводом «Капитала», в значительной степени перерабатывает и редактирует французский перевод, который публикуется отдельными выпусками в 1872—1875 годах.

С другой стороны, после появления первого тома «Капитала» Маркс продолжает работать над следующими томами, намереваясь вскоре завершить все произведение. Но это ему не удается. Много времени отнимает разносторонняя деятельность в Генеральном Совете I Интернационала. Все чаще приходится прерывать работу из-за плохого состояния здоровья. Вместе с тем чрезвычайная научная добросовестность и скрупулезность Маркса, та строгая самокритика, с какой он, по словам Энгельса, «старался разработать до полного совершенства свои великие экономические открытия, прежде чем опубликовать их», заставляют его при рассмотрении той или иной проблемы все снова и снова возвращаться к дополнительному исследованию. В самом ходе этой творческой работы возникали также многие новые вопросы.

Следующие два тома «Капитала» были подготовлены к печати и опубликованы Энгельсом лишь после смерти Маркса — второй в 1885 г. и третий — в 1894 году. Этим Энгельс внес неоценимый вклад в сокровищницу научного коммунизма.

После смерти Маркса Энгельс редактировал перевод первого тома «Капитала» на английский язык (вышел в 1887 г.), подготовил к печати третье (1883) и четвертое (1890) издания первого тома «Капитала» на немецком языке. Кроме того после смерти Маркса, но еще при жизни Энгельса, имели место следующие издания первого тома «Капитала»: три издания на английском языке в Лондоне (1888, 1889 и 1891), три издания на английском языке в Нью-Йорке (1887, . 1889 и 1890); издание на французском языке в Париже (1885), на датском в Копенгагене (1885), на испанском в Мадриде (1886), на итальянском в Турине (1886), на польском в Лейпциге (1884—1889), на голландском в Амстердаме (1894), а также целый ряд других, неполных изданий.

В четвертом немецком издании «Капитала» (1890) Энгельс, основываясь на личных указаниях Маркса, установил окончательную редакцию текста и примечаний первого тома «Капитала». Теперь во всем мире этот труд переиздается и переводится по четвертому немецкому изданию. По нему подготовлено также и настоящее издание первого тома «Капитала». — *5.*

[2] Имеется в виду первая глава первого тома «Капитала» в первом немецком издании 1867 г. под названием «Товар и деньги». При подготовке второго издания Маркс переработал свою книгу и, в частности, внес большие изменения в ее структуру. На основе разделов прежней первой главы и приложения были созданы три соответствующие самостоятельные главы, которые образуют вместе первый отдел книги. — *5.*

[3] Имеется в виду глава третья работы Ф. Лассаля: «Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch, der okonomische Julian, oder: Capital und Arbeit». Berlin, 1864 («Г-н Бастиа Шульце-Делич, экономический Юлиан, или Капитал и труд». Берлин, 1864). — *5.*

[4] *Mutato nomine de te fabula narratur* (Лишь имя стоит тебе изменить, не твоя ли история это) — слова из сатир Горация, книга первая, сатира 1. — *6.*

[5] *Синие книги* (Blue Books) — общее название публикаций материалов английского парламента и дипломатических документов министерства иностранных дел. Синие книги, получившие свое название из-за синей обложки, издаются в Англии с XVII в. и служат основным официальным источником для изучения экономической и дипломатической истории этой страны. — *10.*

[6] *Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!* (Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно!) — перефразированные слова из произведения Данте «Божественная комедия», «Чистилище», песнь V. — *11.*

[7] S. Mayer. «Die sociale Frage in Wien. Studie eines «Arbeitgebers»». Wien, 1871 (З. Майер. «Социальный вопрос в Вене. Этюд одного «работодателя»». Вена, 1871). — *13.*

[8] В четвертом немецком издании первого тома «Капитала» (1890) первые четыре абзаца настоящего послесловия опущены. В настоящем издании оно дается полностью. — *13.*

[9] *Лига против хлебных законов* была основана в 1838 г. фабрикантами Кобденом и Брайтом. Отстаивая интересы промышленной буржуазии, Лига добивалась отмены так называемых хлебных законов, предусматривавших в угоду земельной аристократии ограничение и запрет ввоза хлеба из-за границы. Принятый в 1815 г. хлебный закон запрещал импорт хлеба до тех пор, пока цена на хлеб в самой Англии оставалась ниже 80 шилл. за квартер. В 1822 г. этот закон был несколько видоизменен, а в 1828 г. была введена скользящая шкала, согласно которой ввозные пошлины на хлеб повышались с понижением его цены на внутреннем рынке и, наоборот, — понижались с повышением этой цены. Добиваясь отмены хлебных законов и установления свободной торговли хлебом, Лига ставила своей целью снижение внутренних цен на хлеб, а тем самым и снижение заработной платы наемных рабочих. Лозунг свободы торговли широко использовался Лигой в ее демагогической проповеди единства интересов рабочих и промышленников. Хлебные законы были отменены в 1846 году. — *17.*

[10] Имеется в виду статья И. Дицгена: «Карл Маркс. «Капитал. Критика политической экономии». Гамбург, 1867», опубликованная в газете «Demokratisches Wochenblatt» («Демократический еженедельник»), №№ 31, 34, 35 и 36 за 1868 год. В 1869—1876 гг. эта газета выходила под новым названием — «Der Volksstaat» («Народное государство»). — *18.*

[11] Здесь речь идет о журнале «La philosophie positive. Revue» («Позитивистская философия. Обозрение»), выходившем в Париже в 1867— 1883 годах. В его третьем номере за ноябрь—декабрь 1868г. была опубликована краткая рецензия на первый том «Капитала», написанная Е. В. Де-Роберти, последователем позитивистской философии О. Конта. — *19.*

[12] Н. Зибер. «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями». Киев, 1871, стр. 170. — *19.*

[13] Эта статья («Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса») была написана И. И. Кауфманом. — *19.*

[14] См. настоящее издание, том 13, стр. 6—8. — *20.*

[15] Имеются в виду немецкие буржуазные философы Бюхнер, Ланге, Дюринг, Фехнер и другие. — *21.*

[16] *«Новые две трети»* — так называлась серебряная монета достоинством в $^2/_3$ талера, имевшая хождение в ряде германских государств. — *28.*

[17] Нумерация глав английского издания первого тома «Капитала» не совпадает с нумерацией глав его немецких изданий. — *31.*

[18] Под «бунтом в защиту рабства» подразумевается мятеж, поднятый рабовладельцами Юга США и приведший к Гражданской войне 1861—1865 годов. — *34.*

[19] В действительности у Маркса здесь нет неточности. — *36.*

[20] Разоблачению неоднократных клеветнических нападок представителей буржуазии, обвинявших Маркса в преднамеренной фальсификации цитаты из речи Гладстона от 16 апреля 1863 г., Энгельс посвятил специальную работу «Брентано contra Маркс, по поводу мнимой фальсификации цитаты. История вопроса и документы», опубликованную в Гамбурге в 1891 году (см. настоящее издание, том 22). — *36.*

[21] Говоря об «изобретении крошки Ласкера», Маркс имеет в виду следующий случай. На заседании рейхстага 8 ноября 1871 г. буржуазный депутат национал-либерал Ласкер в полемике против Бебеля заявил, что если немецкие социал-демократические рабочие вздумают последовать примеру парижских коммунаров, то «добропорядочные и имеющие собственность бюргеры прикончат их дубинами». Однако публиковать это в такой формулировке оратор не решился, и уже в стенографическом отчете вместо слов «прикончат их дубинами» было сказано «удержат их в повиновении». Эту фальсификацию разоблачил Бебель. Ласкер стал предметом насмешек в рабочих кругах. За свой маленький рост он получил ироническое прозвище «крошка Ласкер». — *37.*

[22] Гёте. «Фауст», часть I, сцена третья («Кабинет Фауста»). — *39.*

[23] Энгельс перефразирует здесь слова хвастуна и труса Фальстафа, рассказывающего о том, как он один будто бы дрался на шпагах с пятьюдесятью человеками (Шекспир. «Король Генрих IV». Часть I, акт II, сцена четвертая). — *39.*

[24] Перефразированные слова из поэмы С. Батлера «Гудибрас» («Hudibras»), часть II, песнь 1. — *45.*

[25] См. книгу: W. Jacob. «An Historical Inquiry into the Production and Consumption of the Precious Metals». In two volumes. London, 1831 (У. Джейкоб. «Историческое исследование о производстве и потреблении драгоценных металлов». В двух томах. Лондон, 1831). — *49.*

[26] [W. Petty.] «A Treatise of Taxes and Contributions». London, 1667, p. 47 ([У. Петти.] «Трактат о налогах и сборах». Лондон, 1667, стр. 47). — *52.*

[27] Маркс использует здесь диалог из исторической хроники Шекспира «Король Генрих IV», часть I. В сцене третьей акта III Фальстаф говорит вдовице Куикли, что «неизвестно, как за нее взяться». На это она отвечает: «Врешь: и ты и другие отлично знают, как за меня взяться». — *56.*

[28] *«Paris vaut bien une messe»* («Париж стоит обедни») — слова Генриха IV сказанные им в 1593 г. в связи с обещанием парижан признать его королем, если он перейдет из протестантской веры в католическую.— *62.*

[29] Маркс цитирует здесь сочинение Аристотеля «Никомахова этика» по книге: «Aristotelis opera ex recensione Immanuelis Bekkeri». Tomus IX. Oxonii, 1837, p. 99, 100 (Аристотель. Сочинения. Издание Иммануила Беккера. Том IX, Оксфорд, 1837, стр. 99, 100). — *69.*

[30] *Ломбард-стрит* — улица в Сити (финансовом центре Лондона), на которой находится ряд крупных банков; синоним лондонского денежного рынка. — *71.*

[31] К. Маркс. «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона», глава I (см. настоящее издание, том 4, стр. 71— 127). — *78.*

[32] Гёте. «Фауст», часть I, сцена четвертая («Кабинет Фауста»). — *78.*

[33] После поражения революций 1848—1849 гг. в Европе наступил период мрачной политической реакции. В эту пору в аристократических кругах европейских стран стали увлекаться спиритизмом, особенно столоверчением. А в Китае в то же самое время развернулось антифеодальное освободительное движение, принявшее характер мощной крестьянской войны (тайпинская революция). — *81.*

[34] О параллелограммах Оуэна Рикардо упоминает в своей работе «On Protection to Agriculture». Fourth edition. London, 1822, p. 21 («О покровительстве земледелию». Издание четвертое. Лондон, 1822, стр. 21). Развивая свой утопический проект социальных преобразований Оуэн доказывал, что экономически, а также с точки зрения устройства домашнего быта наиболее целесообразным является строительство поселка в форме параллелограмма или квадрата. — *86.*

[35] Согласно взглядам древнегреческого философа Эпикура, в общем материалиста и атеиста, имеется бесчисленное множество миров. Эти миры возникают и существуют по своим собственным, естественным законам. Боги же, хотя и существуют, но находятся вне миров, в пространствах между ними, и не оказывают никакого влияния ни на развитие вселенной, ни на жизнь человека. — *89.*

[36] Шекспир. «Много шума из ничего», акт III, сцена третья. — *93.*

[37] *Ярмарка Ланди* — большая ярмарка близ Парижа, проводившаяся ежегодно в XII—XIX веках. — *94.*

[38] Гёте. «Фауст», часть I, сцена третья («Кабинет Фауста»). — *96.*

[39] *Апокалипсис* — одно из произведений раннехристианской литературы, входящее в Новый завет (Библия. Откровение Иоанна). Написано

в I веке. Автор Апокалипсиса выражает чувство всеобщей ненависти к Римской империи, которую клеймит именем «зверя» и считает ее воплощением дьявола. Цитируемые места относятся к гл. 17 и 13. — *96.*

[40] *Государство инков* — существовавшее в начале XV — середине XVI веков на территории современного Перу рабовладельческое государство, в котором сохранялись значительные остатки первобытно-общинного строя. Господствующее здесь племя инков подразделялось на 100 родовых общин (айлью), превратившихся постепенно в сельские (соседские) общины. — *97.*

[41] *Пандекты* — греческое название Дигест (лат. Digesta — собранное), важнейшей части свода римского гражданского права. Дигесты представляли собой собрание отрывков из сочинений римских юристов и выражали интересы рабовладельцев. Они были опубликованы в 533 г. при византийском императоре Юстиниане. — *101.*

[42] [W. E. Parry.] «Journal of a Voyage for the Discovery of a North-West Passage from the Atlantic to the Pacific; performed in the Years 1819—20, in His Majesty's Ships Hecla and Griper, under the Orders of William Edward Parry». London, 1821 ([У. Э. Парри]. «Журнал путешествия, предпринятого в 1819—20 гг. на кораблях его величества «Гекла» и «Грайпер» под командованием Уильяма Эдуарда Парри для открытия северо-западного прохода из Атлантического океана в Тихий». Лондон, 1821). Во втором издании этой книги, вышедшей в Лондоне также в 1821 г., цитированное место находится на стр. 277— 278. — *105.*

[43] В античной мифологии история человечества делилась на пять периодов. Золотой и серебряный века представляли собой два первых периода из этих пяти. В наиболее счастливом золотом веке люди жили, якобы, не зная никаких невзгод и лишь в последующих веках их жизнь сложилась иначе. Пятый и последний из веков — железный — полон несправедливостей, насилий и убийств. Легенда о пяти веках воспроизведена в творчестве греческого поэта Гесиода и римского поэта-лирика Овидия. — *109.*

[44] Имеется в виду англо-шотландская уния 1707 г., согласно которой Шотландия была окончательно присоединена к Англии. Вследствие этого акта, ликвидировавшего шотландский парламент, были уничтожены и все экономические барьеры, существовавшие между двумя странами. — *109.*

[45] Данте. «Божественная комедия», «Рай», песнь XXIV. — *113.*

[46] Маркс цитирует Иеронима Блаженного: «Письмо к Евстохии — о хранении девства». — *114.*

[47] К. Маркс. «К критике политической экономии» (см. настоящее издание, том 13, стр. 72). — *116.*

[48] *«The course of true love never does run smooth»* («Истинная любовь никогда не протекает гладко») — В. Шекспир. «Сон в летнюю ночь», акт I, сцена первая. — *118.*

[49] *«Disjecta membra poetae»* («разрозненные члены поэта») — слова из сатир Горация, книга первая, сатира 4. — *118.*

[50] Маркс цитирует здесь работу Дюпона де Немура «Maximes du docteur Quesnay, ou Resume de ses principes d'economie sociale» («Положения доктора Кенэ, или Резюме его основных начал социальной экономии»), опубликованную в книге: «Physiocrates». Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Partie I, Paris, 1846, p. 392. («Физиократы». С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть **I**, Париж, 1846, стр. 3,92). — *119.*

[51] Деньги *non olet* (не пахнут) — эти слова были сказаны римским императором Веспасианом (69—79 гг.) своему сыну, который порицал его за введение специального налога на уборные. — *120.*

[52] A. H. Muller. «Die Elemente der Staatskunst». Theil II, Berlin, 1809, S. 280 (А. Г. Мюллер. «Основы искусства государственного управления». Часть II, Берлин, 1809, стр. 280). — *135.*

[53] Игра слов: английское слово «sovereign» означает «суверен, монарх», а также «соверен», название золотого фунта стерлингов. — *137.*

[54] P. Boisguillebert. «Le detail de la France». In: «Economistes financiers du XVIII-e siecle». Paris, 1843, p. 213 (П. Буагильбер. «Розничная торговля Франции». В книге: «Экономисты-финансисты XVIII века». Париж, 1843, стр. 213). — *141.*

[55] Д. Дидро. «Салон 1767 года». — *145.*

[56] *Ост-Индская компания* — английская торговая компания, существовавшая с 1600 по 1858 год и являвшаяся орудием грабительской колониальной политики Англии в Индии, Китае и других странах Азии. С середины XVIII в. Компания, обладавшая армией и флотом, превратилась в крупную военную силу. Под флагом Компании английские колонизаторы осуществили завоевание Индии. Компании в течение длительного времени принадлежала монополия на торговлю с Индией и важнейшие функции управления этой страной. Национально-освободительное восстание 1857—1859 гг. в Индии вынудило англичан изменить формы их колониального господства: Компания была ликвидирована, а Индия объявлена владением британской короны. — *145.*

[57] «East India (Bullion). Return to an Address of the Honourable the House of Commons, dated 8 February 1864» («Восточная Индия (Слитки). Отчет, представленный по запросу высокочтимой палаты общин от 8 февраля 1864 года»). — *145.*

[58] Маркс цитирует работу У. Петти: «Verbum Sapienti» («Слово мудрым»), напечатанную в качестве приложения к упоминаемой здесь Марксом другой его книге: «The Political Anatomy of Ireland. 1672». London, 1691 («Политическая анатомия Ирландии. 1672». Лондон, 1691). — *153.*

[59] Маркс цитирует здесь книгу Д. Рикардо: «The High Price of Bullion a Proof of the Depreciation of Bank Notes». The Fourth Edition, Corrected. London, 1811 («Высокая цена слитков — доказательство обесценения банкнот». Издание четвертое, исправленное. Лондон, 1811). — *154.*

[60] *«Currency principle»* («принцип денежного обращения»), или «денежная школа» — одна из разновидностей школы, выступавшей с количественной теорией денег. Ее представители утверждали, что стоимость и цена товаров определяются количеством денег в сфере обращения. Они ставили своей целью поддержание устойчивого денежного обращения и единственное средство для этого видели в обеспечении обязательного золотого покрытия банкнот и регулировании их эмиссии в соответствии с импортом и экспортом благородных металлов. Исходя из своих ложных теоретических посылок, «денежная школа» усматривала решающую причину экономических кризисов перепроизводства в нарушении прокламируемых ею законов денежного обращения. Теория «денежной школы» была популярна в Англии в первой половине XIX века. Однако попытки правительства Англии опереться на эту теорию (банковский акт 1844 г.) не имели никакого успеха и только подтвердили всю ее научную несостоятельность и полную непригодность для практических целей. (См. также настоящее издание. том 13, стр. 164—165.) — *155.*

[61] См. примечание 58. — *156.*

[62] Имеется в виду Институт Франции — высшее научное учреждение, состоящее из нескольких отделений, или академий; существует с 1795 года. Дестют де Траси был членом Академии моральных и политических наук. — *174.*

[63] *Hic Rhodus, hic salta!* (Здесь Родос, здесь и прыгай! — В переносном смысле: Здесь и покажи, на что ты способен!) — слова, обращенные к хвастуну (из басни Эзопа «Хвастун»), утверждавшему, что на острове Родос он совершал огромные прыжки. — *177.*

[64] Упоминаемый Марксом «переворот Кузы» является важным событием в истории Румынии. В январе 1859 г. произошло избрание видного общественного и политического деятеля Александру Куза господарем сначала Молдавии, а затем и Валахии. Объединением этих двух Дунайских княжеств, находившихся долгое время в вассальной зависимости от Оттоманской империи, были заложены основы единого румынского государства. Придя к власти, Куза задался целью осуществить ряд буржуазно-демократических реформ. Однако его политика встретила серьезное сопротивление со стороны помещиков и известной части буржуазии. После того, как Национальным собранием, в котором преобладали представители землевладельцев (бояр), был отвергнут предложенный правительством проект аграрной реформы, Куза предпринял в 1864 г. государственный переворот, приведший к роспуску реакционного Национального собрания, обнародованию новой конституции, расширению круга избирателей и усилению роли правительства. Принятая в этой новой политической обстановке аграрная реформа предусматривала отмену крепостного права и наделение крестьян землей на основе выкупных платежей. — *179.*

[65] H. Storch. «Cours d'e̲conomie politique, ou Exposition des principes, qui de̲terminent la prospe̲rite̲ des nations». Tome I, St.-Petersbourg, 1815, p. 288 (Г. Шторх. «Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов». Том I, С.-Петербург, 1815, стр. 288). — *193.*

[66] A. Cherbuliez. «Richesse ou pauvretе. Exposition des causes et des effets de la distribution actuelle des richesses sociales». Paris, 1841, p. 14 (А. Шербюлье. «Богатство или бедность. Изложение причин и следствий современного распределения общественного богатства». Париж, 1841, стр. 14). — *193.*

[67] *«Казус, который как раз и заставил его улыбаться»* — перефразированные слова Фауста из одноименной трагедии Гёте, часть I, сцена третья («Кабинет Фауста»). — *205.*

[68] *«Tout pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles»* («Все к лучшему в этом лучшем из миров») — афоризм из повести Вольтера «Кандид». — *206.*

[69] Гёте. «Фауст», часть I, сцена пятая («Погреб Ауэрбаха в Лейпциге»). — *206.*

[70] Лукреций. «О природе вещей», книга первая, стихи 155—156. — *227.*

[71] Маркс иронически называет Вильгельма Рошера по имени знаменитого древнегреческого историка Фукидида Вильгельмом *Фукидидом* Рошером в связи с тем, что этот вульгарный экономист в предисловии к первому изданию своей книги «Die Grundlagen der Nationalokonomie» («Основы политической экономии»), по словам Маркса, «скромно объявил себя Фукидидом политической экономии». Цитируя Фукидида, Рошер употребил выражение: «подобно древнему историку, я также желал бы, чтобы моя работа сослужила пользу тем, которые...» и т. д. — *229.*

[72] Имеется в виду немецкий писатель и литературный критик Готшед, который сыграл определенную положительную роль в литературе, но вместе с тем отличался исключительной нетерпимостью в отношении всех сколько-нибудь новых литературных веяний. Его имя поэтому стало синонимом литературного чванства и тупости. — *229.*

[73] W. Jacob. «A Letter to S. Whitbread, being a Sequel to Considerations on the Protection Required by British Agriculture». London, 1815, p. 33 (У. Джейкоб. «Письмо С. Уитбреду в связи с обсуждением протекционистских мер, которые были продиктованы интересами британского сельского хозяйства», Лондон, 1815, стр. 33), — *231.*

[74] Имеется в виду фабричный акт 1833 года. О нем см. настоящий том, стр. 288—289. — *235.*

[75] *Хилиасты* (от греческого слова «хилиас» — тысяча) — проповедники религиозно-мистического учения о втором пришествии Христа и установлении на земле «тысячелетнего царства» справедливости, всеобщего равенства и благоденствия. Хилиастические верования возникли в период разложения рабовладельческого строя на почве невыносимого гнета и страданий трудящихся, искавших выхода в фантастических мечтаниях об избавлении. Эти верования получили широкое распространение и впоследствии постоянно возрождались в учениях различных средневековых сект. — *239.*

[76] A. Ure. «The Philosophy of Manufactures: or, An Exposition of the Scientific, Moral, and Commercial Economy of the Factory System of Great Britain». London, 1835, p. 406 (Э. Юр. «Философия фабрики, или Изложение научной, нравственной и коммерческой стороны

экономики фабричной системы Великобритании». Лондон, 1835, стр. 406). — *239.*

[77] *Little shilling men* (сторонники малого шиллинга), или бирмингемская школа, — сложившаяся в первой половине XIX века особая школа в экономической науке. Ее сторонники пропагандировали теорию идеальной денежной единицы измерения и соответственно рассматривали деньги всего лишь как «счетные названия». Представители бирмингемской школы братья Томас и Маттиас Атвуд, Спунер и Другие выдвигали проект снижения золотого содержания денежной единицы в Англии, прозванный «проектом малого шиллинга». Отсюда произошло и название самой этой школы. В то же время «сторонники малого шиллинга» выступали против мероприятий правительства, направленных к сокращению денежной массы в обращении. По их мнению, реализация установок школы способна была, вызвав искусственный рост цен, оживить промышленность и обеспечить общее процветание страны. В действительности, однако, предлагаемая девальвация валюты могла лишь создать условия для погашения государственного и частных долгов в обесцененных деньгах, т. е. сулила известные выгоды казне и крупным предпринимателям, которые являлись основными получателями всевозможных кредитов. Об этой школе Маркс говорит в своей работе «К критике политической экономии» (см. настоящее издание, том 13, стр. 66—67). — *244.*

[78] См. примечание 64. — *248.*

[79] *«Reglement organique»* («Органический регламент») — первая конституция Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии), введенная в 1831 г. П. Д. Киселевым, главой русской администрации в этих княжествах, которые были оккупированы русскими войсками после русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Согласно Органическому регламенту, законодательная власть в каждом княжестве предоставлялась собранию, избираемому крупными землевладельцами, а исполнительная власть — господарям, пожизненно избираемым представителями землевладельцев, духовенства и городов. Регламент закрепил господствующее положение крупного боярства и высшего духовенства, сохранив прежние феодальные порядки, в том числе и барщину. Крестьяне ответили на такую «конституцию» рядом восстаний, В то же время Органический регламент предусматривал буржуазные преобразования: упразднение внутренних таможенных барьеров, свободу торговли, отделение суда от администрации и др. — *249.*

[80] Драйден. «Петух и лиса» («The Cock and the Fox»). — *253.*

[81] *Ecce iterum Crispinus* (вот снова Криспин) — так начинается IV сатира Ювенала, бичующая (в первой своей части) Криспина, одного из придворных римского императора Домициана. В переносном смысле эти слова означают: «опять тот же самый персонаж» или «опять то же самое». — *259.*

[82] *Элеаты* — идеалистическое направление в древнегреческой философии конца VI—V вв. до нашей эры. Виднейшими представителями его были Ксенофан, Парменид и Зенон. Элеаты доказывали, между прочим, что движение и многообразие явлений не имеют истинного бытия и существуют только во мнении. — *260.*

[83] *Большое жюри* — в Англии до 1933 г. коллегия присяжных в составе 12—23 человек, отбираемых шерифом из числа «добрых и верных людей» графств для предварительного рассмотрения дел и решения вопроса о предании обвиняемых уголовному суду. — *262.*

[84] Маркс имеет в виду свою рецензию на книгу Т. Карлейля «Современные памфлеты» (см. настоящее издание, том 7, стр. 269). — *266.*

[85] W. Strange. «The Seven Sources of Health». London, 1864, p. 84 (У. Стрейндж. «Семь источников здоровья». Лондон, 1864, стр. 84). — *268.*

[86] *«Britons never, never shall be slaves!»* («нет, никогда, никогда не будут британцы рабами!») — слова из английского национального гимна «Правь, Британия, морями»). — *274.*

[87] *Эксетер-холл* — здание в Лондоне, место собраний различных религиозных и филантропических обществ — *275.*

[88] См. примечание 4. — *277.*

[89] *Apres moi le deluge!* (После меня хоть потоп!) — так будто бы ответил король Франции Людовик XV на замечание своих приближенных о том, что проводимые и санкционируемые им пышные пиры и празднества угрожают стране сильным ростом государственного долга.— *279.*

[90] *«Продавать свое первородство за блюдо чечевичной похлебки»* — это ставшее образным выражение вошло в обиход из одной библейской легенды. Якобы именно за такую цену голодный Исав продал право первородства брату своему Иакову. — *281.*

[91] *Великая чума* — страшная эпидемия чумы, свирепствовавшая в Западной Европе в 1347—1350 годах. По имеющимся данным, от чумы тогда погибло около 25 млн. человек — примерно $^{1}/_{4}$ всего западноевропейского населения. — *281.*

[92] См. примечание 58. — *282.*

[93] «Factories Inquiry Commission. First Report of the Central Board of His Majesty's Commissioners. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 28 June 1833», p. 53 («Комиссия по обследованию фабрик. Первый отчет центрального совета комиссии его величества. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 28 июня 1833 г.», стр. 53). — *288.*

[94] *«Periculum in mora»* («опасность в промедлении») — слова из сочинения римского историка Тита Ливия: «Ab urbe condita» («История Рима с его основания»), книга XXXVIII, гл. 25. — *289.*

[95] «Report from the Committee on the «Bill to regulate the Labour of Children in the Mills and Factories of the United Kingdom»: with the Minutes of Evidence». Ordered, by the House of Commons, to be printed, 8 August 1832 («Отчет комиссии по «Биллю о регулировании труда детей на заводах и фабриках Соединенного королевства». С протоколами показаний. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 8 августа 1832 г.»). — *289.*

[96] Во время традиционных празднеств в честь Джаггернаута (Джаганнатха) — воплощения индуистского бога Вишну — охваченные крайним религиозным фанатизмом верующие нередко бросались под колесницу, на которой везли изображение Вишну. — *290.*

[97] Имеется в виду содержавшая требования чартистов Народная хартия, которая была опубликована 8 мая 1838 г. в качестве законопроекта, предназначенного для внесения в парламент. Она состояла из шести пунктов: всеобщее избирательное право (для мужчин, достигших 21 года), ежегодные выборы в парламент, тайное голосование, уравнение избирательных округов, отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты парламента, вознаграждение депутатов. — *290.*

[98] Сторонники Лиги против хлебных законов (см. примечание 9) в своей демагогической пропаганде внушали рабочим, что с установлением свободы торговли повысится их реальная заработная плата и рабочие будут иметь каравай хлеба в два раза больше прежнего («big loaf»). Причем два каравая хлеба — большой и маленький — с соответствующими надписями носили даже по улицам как средство наглядной агитации. Действительность показала всю лживость этих обещаний и уловок. Окрепший в результате отмены хлебных законов промышленный капитал Англии усилил свое наступление на жизненные интересы рабочего класса. — *291.*

[99] *Комиссарами Конвента* назывались в период французской буржуазной революции конца XVIII в. представители Конвента (Национального собрания Французской республики в 1792—1795 гг.) в департаментах и войсках, наделенные особыми полномочиями. — *294.*

[100] *Закон о подозрительных* (loi des suspects) — закон, принятый во Франции Законодательным корпусом 19 февраля 1858 г. и предоставлявший императору и его правительству неограниченное право ссылать в различные местности Франции и Алжира или вовсе изгонять с французской территории всех лиц, подозреваемых во враждебном отношении к режиму Второй империи. — *295.*

[101] См. примечание 18. — *295.*

[102] В. Шекспир. «Венецианский купец», акт IV, сцена первая. — *296.*

[103] В. Шекспир. «Венецианский купец», акт IV, сцена первая. — *297.*

[104] *Закон 10 таблиц* — первоначальный вариант «закона 12 таблиц», древнейшего законодательного памятника Римского рабовладельческого государства. Призванный охранять частную собственность, закон предусматривал лишение свободы несостоятельного должника, продажу его в рабство или рассечение его тела на части. — *297.*

[105] Французский историк Ленге высказывает эту гипотезу в своей работе «Theorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la societe». Tome II, Londres, 1767, livre V, chapitre XX («Теория гражданских законов, или Основные начала общества». Том II, Лондон, 1767, книга V, глава XX). — *297.*

[106] Немецкий философ Даумер в своей работе «Die Geheimnisse des christlichen Alterthums» («Таинства христианской древности») доказывал, что первые христиане во время причастия употребляли человеческое мясо. — *297.*

[107] Великий французский социалист-утопист Фурье рисовал картину будущего общества, в котором человек в течение одного рабочего дня будет заниматься несколькими видами труда, т. е. рабочий день будет состоять из нескольких кратких сеансов труда («courtes seances»), каждый продолжительностью не более полутора — двух часов. Благодаря этому, по мнению Фурье, производительность труда вырастет настолько, что самый бедный труженик окажется в состоянии удовлетворять все свои потребности полнее, чем любой капиталист в прежние времена. — *300.*

[108] Речь идет об Американском рабочем съезде, происходившем в Балтиморе с 20 по 25 августа 1866 года. На съезде присутствовало 60 делегатов, представлявших более 60 тысяч рабочих, объединенных в тред-юнионы. Съезд обсудил вопросы о законодательном установлении восьмичасового рабочего дня, о политической деятельности рабочих, о кооперативных товариществах, об объединении всех рабочих в тред-юнионы и другие. На съезде было принято также решение о создании политической организации рабочего класса — Национального рабочего союза. — *310.*

[109] Цитируемая здесь резолюция Женевского конгресса Международного Товарищества Рабочих была составлена на основе написанной Марксом «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» (см. настоящее издание, том 16, стр. 194—203). В данном месте резолюции дословно воспроизводится текст этой «Инструкции». — *310.*

[110] *«Змея своих мучений»* — перефразированные слова из стихотворения Гейне «Генрих» (цикл «Современные стихотворения»). — *311.*

[111] *Magna Charta* — Magna Charta Libertatum (Великая хартия вольностей) — под этим названием вошла в историю грамота, подписанная в 1215 г. английским королем Иоанном Безземельным. «Великая хартия» была предъявлена королю восставшими крупными феодалами, которые пользовались поддержкой рыцарей и горожан. Она предусматривала известное ограничение королевской власти, сохраняла ряд феодальных вольностей и содержала некоторые уступки рыцарству и городам. В данном месте Маркс имеет в виду законы об ограничении рабочего дня, завоеванные рабочим классом Англии в результате длительной и упорной борьбы с капиталом. — *311.*

[112] *Quantum mutatus ab illo!* (Какая перемена по сравнению с тем, что было!) — выражение из поэмы Вергилия «Энеида», книга вторая, стих 274. — *311.*

[113] Получившая широкое хождение фраза «так ничему и не научились» содержится в одном из писем французского адмирала де Пана. Иногда ее приписывают Талейрану. Сказана была по адресу роялистов, которые оказались неспособны извлечь какие-либо уроки из французский буржуазной революции конца XVIII века. — *317.*

[114] О том, что невежество не есть достаточное основание, Спиноза говорит в «Этике» (часть первая, прибавление), выступая против представителей поповско-телеологического взгляда на природу, которые выставляли «волю бога» как причину причин всех явлений и у которых единственным средством аргументации оставалась апелляция к незнанию иных причин. — *317.*

[115] См. A. Quetelet. «Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou Essai de physique sociale». Tomes I—II, Paris, 1835 (А. Кетле. «О человеке и развитии его способностей, или Опыт социальной физики». Тт. I—II, Париж, 1835). — *334.*

[116] W. Roscher. «System der Volkswirthschaft». Band I: «Die Grundlagen der Nationalokonomie». Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage. Stuttgart und Augsburg, 1858, S. 88—89 (В. Рошер. «Система народного хозяйства». Том I: «Основы, политической экономии». Издание третье, дополненное и исправленное. Штутгарт и Аугсбург, 1858, стр. 88— 89). — *335.*

[117] Имеется в виду навеянная идеями социалистов-утопистов инициатива рабочих города Рочдейла (Манчестерский промышленный округ), организовавших в 1844 г. потребительское кооперативное общество под названием Общество справедливых пионеров, которое явилось зародышем рабочего кооперативного движения в Англии и других странах. — *343.*

[118] См. примечание 49. — *355.*

[119] *Bellum omnium contra omnes* (война всех против всех) — выражение английского философа Томаса Гоббса из его труда «Левиафан». — *369.*

[120] Согласно преданию, римский патриций Менений Агриппа уговорил восставших в 494 г. до н. э. плебеев смириться, рассказав им басню о частях человеческого тела, возмутившихся против желудка. Современное ему общество Менений Агриппа уподоблял живому организму, руками которого были плебеи, питавшие желудок этого организма — патрициев. А так как отделение рук от желудка влечет за собой неизбежную смерть живого организма, то, по аналогии, и отказ плебеев от исполнения ими своих повинностей был бы равносилен гибели государства Древнего Рима. — *373.*

[121] *Общество искусств и ремесел* (Society of Arts) — буржуазно-просветительное и филантропическое общество, основанное в 1754 г. в Лондоне. Общество широковещательно объявляло своей целью «поощрение искусств, ремесел и торговли» и всех тех, кто способствует «предоставлению беднякам занятий, расширению торговли, обогащению страны» и т. п. Оно пыталось выступать в роли посредника между рабочими и предпринимателями. Это общество Маркс называл «обществом искусств и надувательств». — *376.*

[122] Hegel. «Grundlinien der Philosophie des Rechts». Werke. Zweite Anflage, Bd. VIII. Berlin, 1840, S. 247 (Гегель. «Основы философии права». Сочинения. Издание второе, том VIII. Берлин, 1840, стр. 247). — *376.*

[123] См. примечание 49. — *376.*

[124] У Маркса здесь неточность. В действительности автором произведения «Concerning Happiness, A Dialogue» («Диалог о счастье») является не дипломат Джемс Харрис, опубликовавший книгу «Diaries and Correspondence» («Дневники и переписка»), а его отец Джемс Харрис. — *378.*

[125] Маркс приводит это выражение Архилоха по сочинению Секста Эмпирика: «Adversus mathematicos», liber XI, 44 («Против математиков», книга XI, 44). — *378.*

[126] *Эпоха низвержения 30 тиранов* — относящийся к самому концу V в. до н. э. период восстановления в Древних Афинах рабовладельческой демократии вместо террористического режима тридцати олигархов. Это был период развития в Афинах торгового и ростовщического капитала. — *378.*

[127] *Республика Платона* — нарисованный в сочинениях древнегреческого философа Платона идеальный тип рабовладельческого государства, основным принципом которого должно быть строгое разделение труда между разрядами свободных граждан. Так, философам предназначалась функция управления, воины должны были участвовать в войнах, охранять жизнь и имущество граждан, земледельцы, ремесленники и купцы — производить и доставлять народу жизненные средства. — *379.*

[128] Цитируется стр. 21 работы Э. Юра (см. примечание 76). — *381.*

[129] *Калорическая машина* — машина, в основу действия которой был положен принцип расширения и сокращения объема обычного воздуха путем его нагрева и охлаждения. По сравнению с паровой машиной была громоздкой и имела весьма низкий коэффициент полезного действия. Изобретена калорическая машина в начале XIX в., но уже к концу этого века потеряла всякое практическое значение. — *384.*

[130] *Дженни* — изобретенная в 1764—1767 гг. Джемсом Харгривсом и названная так в честь его дочери прядильная машина. — *385.*

[131] Библия. Пятая книга Моисеева, гл. 25. — *385.*

[132] Baynes. «The Cotton Trade. Two Lectures on the above Subject, Delivered before the Members of the Blackburn Literary, Scientific and Mechanics' Institution». Blackburn — London, 1857, p. 48 (Бейнс. «Торговля хлопком. Две лекции по этому вопросу, прочитанные членам Блэкбернского общества литературы, науки и механики». Блэкберн — Лондон, 1857, стр. 48). — *400.*

[133] *Тайный совет* — специальный орган при короле Англии в составе министров и других должностных лиц, а также высших представителей духовенства. Впервые образован в XIII веке. В течение длительного времени обладал правом законодательства от имени короля и помимо парламента. В XVIII и XIX вв. роль Тайного совета резко падает. В управлении современной Англией Тайный совет практически вообще не участвует. — *411.*

[134] Шиллер. «Песнь о колоколе». — *417.*

[135] В настоящем издании эти стихи приводятся в переводе с греческого по книге «Греческие эпиграммы». М. — Л., 1935. — *419.*

[136] Цитируется стр. 22 работы Э. Юра (см. примечание 76). — *432.*

[137] См. настоящий том, стр. 289 и сл. — *432.*

[138] См. настоящий том, стр. 298, примечание 157. — *436.*

[139] Фурье называет фабрики «смягченной каторгой» («les bagnes mitiges») в книге: «La fausse industrie morcelee, repugnante, mensongere, et l'antidote, l'industrie naturelle, combinee, attrayante, veridique, donnant quadruple produit». Paris, 1835, p. 59 («Ложная хозяйственная деятельность, разобщенная, отталкивающая, фальшивая, и противоядие против нее: естественная хозяйственная деятельность, комбинированная, притягательная, истинная, дающая учетверенный продукт». Париж, 1835, стр. 59). — *437.*

[140] Маркс цитирует работу С. Ланчеллотти: «L'Hoggidi overo Gl'ingegni non inferiori a'passati» («Современность, или Умы, не уступающие умам прошлых времен») по книге: J. Beckmann. «Beytrage zur Geschichte der Erfindungen». Band I. Leipzig, 1786, S. 125—126 (И. Бекман. «К истории изобретений». Том I, Лейпциг, 1786, стр. 125—126). Данные о работе Ланчеллотти Маркс берет также из этой книги Бекмана. — *438.*

[141] Таблица составлена на основе данных трех парламентских документов под общим заглавием «Factories» («Фабрики»): «Return to an Address of the Honourable the House of Commons, dated 15 April 1856» («Отчет, представленный по запросу высокочтимой палаты общин от 15 апреля 1856 г.»); «Return to an Address of the Honourable the House of Commons, dated 24 April 1861» («Отчет, представленный по запросу высокочтимой палаты общин от 24 апреля 1861г.»); «Return to an Address of the Honourable the House of Commons, dated 5 December 1867» («Отчет, представленный по запросу высокочтимой палаты общин от 5 декабря 1867 г.»). — *444.*

[142] «Tenth Report of the Commissioners appointed to inquire into the Organization and Rules of Trades Unions and other Associations: together with Minutes of Evidence». London, 1868, p. 63, 64 («Десятый отчет комиссии по изучению организации и уставов тред-юнионов и других ассоциаций, включающий протоколы показаний». Лондон, 1868, стр. 63, 64). — *446.*

[143] *«Nominibus mollire licet mala»* («Зло подобает прикрашивать словами») — слова из сочинения Овидия «Наука любви», книга вторая, стих 657.— *449.*

[144] Данные взяты Марксом из парламентского документа: «Corn, Grain and Meal. Return to an Order of the Honourable the House of Commons, dated 18 February 1867» («Хлеб, зерно и мука. Отчет составлен по распоряжению высокочтимой палаты общин от 18 февраля 1867 г.»). — *462.*

[145] *Законы против коалиций* — принятые в 1799 и 1800 гг. английским парламентом законы, согласно которым запрещалось создание и деятельность каких бы то ни было рабочих организаций. Эти законы были отменены парламентом в 1824 г., а в следующем году их отмена была еще раз подтверждена. Однако и после этого власти весьма ограничивали деятельность рабочих союзов. В частности, простая агитация

за вступление рабочих в союз и за участие в стачках рассматривалась как «принуждение» и «насилие» и каралась как уголовное преступление. — *465.*

[146] См. примечание 98. — *466.*

[147] Маркс имеет в виду интенсивное проникновение английских частных торговцев на китайский рынок после отмены монополии Ост-Индской компании на торговлю с Китаем (1833 г.). Особенно большой размах приобретает контрабандная торговля опиумом, пользовавшаяся всемерной поддержкой правительства Англии, которое сознательно попирало при этом законы и государственные интересы Китая и способствовало массовому отравлению и подрыву здоровья китайцев. В ответ на решительные действия китайских властей против контрабандного ввоза этого наркотика в пределы их страны англичане развязали первую «опиумную» войну (1839—1842), закончившуюся для Китая неравноправным и грабительским договором. — *469.*

[148] См. примечание 129. — *470.*

[149] См. примечание 133. — *475.*

[150] См. примечание 49. — *482.*

[151] *Генеральный регистратор* — так назывался в Англии чиновник, возглавляющий Центральное бюро регистрации актов гражданского состояния. Помимо своих обычных функций бюро раз в 10 лет проводило перепись населения. — *483.*

[152] Имеется в виду парламентский документ: «Factories. Return to an Address of the Honourable the House of Commons, dated 24 April 1861», p. 9 («Фабрики. Отчет, представленный по запросу высокочтимой палаты общин от 24 апреля 1861 г.», стр. 9). — *486.*

[153] В. Шекспир. «Венецианский купец», акт IV, сцена первая. — *498.*

[154] *«Ne sutor ultra crepidam!»* («Сапожник, знай свои колодки!») — слова, сказанные выдающимся древнегреческим художником Апеллесом в ответ на критику его картины одним сапожником, который совершенно не разбирался в живописи и в состоянии был подметить лишь отдельные недочеты в изображении обуви. — *499.*

[155] См. примечание 5. — *506.*

[156] Перефразированные слова из стихотворения «К природе» («An die Natur») немецкого поэта конца XVIII в. Фридриха Леопольда Штольберга. — *522.*

[157] P. J. Proudhon. «Systeme des contradictions economiques, ou Philosophie de la misere». T. I, Paris, 1846, p. 73 (П. Ж. Прудон. «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Т. I, Париж, 1846, стр. 73). — *523.*

[158] Речь идет о существовавшем в 1861—1865 гг. Союзе одиннадцати рабовладельческих штатов Юга США, который образовался в результате

мятежа рабовладельцев. Провозглашая сепаратное государство, мятежники ставили своей целью сохранение рабства и распространение его на всю территорию США. Этот союз был ликвидирован в 1865 году в результате поражения рабовладельцев в Гражданской войне. — *550.*

159 Автором книги «Essai sur la nature du commerce en général» («Опыт о природе торговли вообще») является Ричард Кантильон. Для английского издания этот труд подвергся переработке родственником Ричарда Кантильона Филипом Кантильоном. — *566.*

160 Маркс намекает здесь на поведение гофмаршала Кальба из трагедии Шиллера «Коварство и любовь». В третьем действии (сцена вторая) Кальб поначалу отказывается участвовать в интриге, затеваемой президентом при дворе немецкого герцога. Тогда президент угрожает своей отставкой, которая должна повлечь также и отставку Кальба. Всерьез напуганный этим, Кальб вопрошал: «А как же я?.. Вам-то что! Вы человек образованный! А я... mon Dieu! Если его высочество даст мне отставку, что я буду собой представлять?». — *588.*

161 Речь идет о Немецком рабочем обществе, которое было основано Марксом и Энгельсом в Брюсселе в конце августа 1847 г. с целью политического просвещения немецких рабочих, проживавших в Бельгии, и пропаганды среди них идей научного коммунизма. Под руководством Маркса и Энгельса и их соратников общество сделалось легальным центром объединения революционных пролетарских сил в Бельгии. Лучшие элементы общества входили в брюссельскую общину Союза коммунистов. Деятельность Немецкого рабочего общества в Брюсселе прекратилась вскоре после февральской буржуазной революции 1848 г. во Франции в связи с арестами и высылкой его членов бельгийской полицией. — *591.*

162 Simonde de Sismondi. «Nouveaux principes d'économie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population». Tome I, Paris, 1819, p. 119 (Симонд де Сисмонди. «Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению». Том I, Париж, 1819, стр. 119). — *594.*

163 Библия (Евангелие от Матфея, гл. 1) повествует о том, как постепенно росло потомство родоначальника евреев Авраама и как от него в результате произошел весь еврейский народ. — *594.*

164 Hegel. «Grundlinien der Philosophie des Rechts». Werke. Zweite Auflage, Bd. VIII, Berlin, 1840, S. 259. — *602.*

165 Имеется в виду работа: J. St. Mill. «A System of Logic, ratiocinative and inductive, being a connected View of the Principles of Evidence, and the Methods of Scientific Investigation». In two volumes (Дж. Ст. Милль. «Система логики силлогистической и индуктивной, изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования». В двух томах). Первое издание вышло в Лондоне в 1843 году. Маркс отмечает, что Дж. Ст. Милль, претендовавший на изложение «системы логики», как экономист был поверхностен и не соблюдал элементарных требований логического анализа. — *604.*

166 *«Экономическая таблица»* — разработанная впервые в экономической науке физиократом Кенэ схема воспроизводства и обращения совокупного общественного капитала. Более подробно о ней говорится в «Теориях прибавочной стоимости» Маркса (часть I, глава 6), в написанной Марксом десятой главе второго отдела книги Энгельса «Анти-Дюринг», а также во втором томе «Капитала» (глава девятнадцатая). — *604.*

167 Цитируемые здесь слова «не имеет никакой даты» Лихновский несколько раз употребил, выступая 25 июля 1848 г. в франкфуртском Национальном собрании против исторического права Польши на самостоятельное существование. Лихновский вместо «keinen Datum hat» говорил «keinen Datum *nicht* hat», т. е. вопреки грамматическим правилам немецкого языка ставил рядом два отрицания. Его речь поэтому сопровождалась смехом присутствующих. Более подробно об этом выступлении Лихновского см. настоящей издание, том 5, стр. 375. — *605.*

168 Шиллер. Баллада «Порука». — *607.*

169 Перефразированные слова Фауста из одноименной трагедии Гёте, часть I, сцена вторая («За городскими воротами»). — *607.*

170 Согласно древнехристианской легенде, Моисеем и другими пророками написаны книги Библии, составляющие основу Ветхого завета. Выражение «в этом Моисей и пророки» Маркс употребляет здесь в смысле — в этом главное, такова первая заповедь и т. п. — *608.*

171 J. B. Say. «Traite d'economie politique». Cinquieme edition. Tome premier, Paris, 1826, p. 130—131 (Ж. Б. Сэй. «Трактат по политической экономии». Издание пятое. Том первый, Париж, 1826, стр. 130— 131). — *608.*

172 *Determinatio est negatio* — определение есть отрицание. Маркс приводит здесь это положение Спинозы в толковании Гегеля, приобретшем широкую известность. У Спинозы это выражение употребляется в смысле — «ограничение есть отрицание» (см. Б. Спиноза. «Переписка», письмо № 50). — *610.*

173 Здесь цитируется книга А. Поттера «Political Economy: its Objects, Uses, and Principles: considered with Reference to the Condition of the American People». New-York, 1841 («Политическая экономия: ее предмет, назначение и основы, рассмотренные применительно к условиям жизни американского народа». Нью-Йорк, 1841). Как видно из введения, большая часть этой книги представляет собой в основном перепечатку (с изменениями, внесенными А. Поттером) первых десяти глав книги Дж. Скропа «The Principles of Political Economy» («Начала политической экономии»), опубликованной в Англии в 1833 году. — *611.*

174 Слова *«nulla dies sine linea»* («ни одного дня без штриха») приписываются выдающемуся древнегреческому художнику Апеллесу, правилом которого было каждый день хотя бы немного работать над создаваемыми им произведениями живописи. — *624.*

175 Linguet. «Theorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la societe». Tome I, Londres, 1767, p. 236. — *629.*

[176] *Peculium* (пекулий) — в Древнем Риме часть имущества, которую глава семьи мог передавать для хозяйствования или управления свободному или рабу. Владение пекулием не устраняло фактической зависимости раба от своего господина, и юридическим собственником пекулия оставался господин. Например, владельцу пекулия — рабу разрешалось вступать в сделки с третьими лицами, однако лишь в размерах, исключавших приобретение суммы денег, достаточной для полного выкупа из рабства. Осуществление особо выгодных сделок и других мер, суливших значительное умножение пекулия, глава семьи обычно брал на себя. — *631.*

[177] A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, Edinburgh, 1814, p. 142 (А. Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». Т. I, Эдинбург, 1814, стр. 142). — *635.*

[178] Между 1849 и 1859 гг. Англия участвовала в нескольких войнах: Крымской (1853—1856), против Китая (1856—1858 и 1859—1860) и против Ирана (1856—1857). Кроме того, в 1849 г. Англия завершила завоевание Индии, а в 1857—1859 гг. ее войска были брошены для подавления индийского национально-освободительного восстания. — *652.*

[179] См. примечание 96. — *660.*

[180] J. Steuart. «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy». Vol. I, Dublin, 1770, p. 39, 40 (Дж. Стюарт. «Исследование о началах политической экономии». Том I, Дублин, 1770, стр. 39, 40). — *662.*

[181] См. примечание 151. — *666.*

[182] Н. Буало. Сатира VIII. — *667.*

[183] Имеется в виду работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (см. настоящее издание, том 2). — *668.*

[184] A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, Edinburgh, 1814, p. 6. — *668.*

[185] См. примечание 133. — *668.*

[186] *«Low Church»* («низкая церковь») — распространенное главным образом среди буржуазии и низшего духовенства направление англиканской церкви. Сторонники его занимались проповедью буржуазно-христианской морали и филантропической деятельностью, которая всегда носила ханжески-лицемерный характер. Граф Шефтсбери (он же лорд Эшли) благодаря такого рода деятельности пользовался значительным влиянием в кругах «низкой церкви», поэтому Маркс иронически называет его «папой» этой церкви. — *690.*

[187] См. примечание 151. — *690.*

[188] Гораций. «Наука поэзии», стих 173. — *691.*

[189] Это выражение употребляется в произведении Фурье «Le nouvcau monde industriel et societaire» («Новый хозяйственный и социетарный

мир»), раздел пятый, дополнения к главе XXXVI; раздел шестой, обобщающие выводы. — *708.*

[190] См. примечание 91. — *715.*

[191] *Эрин* — древнее название Ирландии. — *721.*

[192] Перефразированные слова. Мефистофеля из трагедии Гёте «Фауст» («Пролог на небесах»). — *722.*

[193] *Фении* — мелкобуржуазные ирландские революционеры. Первые фенианские организации возникли в 1857 г. в Ирландии и в США, где они объединяли эмигрантов ирландского происхождения. Программа и деятельность фениев отражали протест народных масс Ирландии против английского колониального гнета. Фении выдвигали требования национальной независимости для своей страны, установления демократической республики, превращения крестьян-арендаторов в собственников обрабатываемой ими земли и другие. Свою политическую программу они рассчитывали осуществить с помощью вооруженного восстания. Однако их заговорщическая деятельность была безуспешной. В конце 60-х годов фении подверглись массовым репрессиям. В 70-х годах движение пришло в упадок. — *724.*

[194] «*Acerba fata Romanos agunt scelusque fraternae necis»* («Суровая судьба и злодейское братоубийство преследуют римлян») — Гораций. Эпод 7. — *724.*

[195] Под революцией мирового рынка здесь подразумевается резкое падение с конца XV столетия роли Генуи, Венеции и других городов Северной Италии в транзитной торговле, происшедшее в результате великих географических открытий того времени: открытия Кубы, Гаити и Багамских островов, материка Северной Америки, морского пути в Индию вокруг южной оконечности Африки и, наконец, материка Южной Америки. — *728.*

[196] J. Steuart. «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy». Vol. I, Dublin, 1770, p. 52. — *730.*

[197] *«Pauper ubique jacet»* («Везде бедняки обездолены») — слова из сочинения Овидия «Фасты», книга первая, стих 218. — *733.*

[198] Очевидно, имеется в виду указ о сыске беглых крестьян, изданный в 1597 г. в царствование Федора Ивановича, когда фактическим правителем России был Борис Годунов. В соответствии с этим указом крестьяне, бежавшие от непосильного гнета и кабалы помещиков, подлежали в течение пяти лет розыску и принудительному возвращению их прежним хозяевам. — *734.*

[199] Название «славной революции» в английской буржуазной историографии получил государственный переворот 1688 г., в результате которого в Англии была установлена конституционная монархия, основанная на компромиссе между землевладельческой аристократией и крупной буржуазией. — *735.*

[200] Имеется в виду вышедший в 1796 г. в Лондоне памфлет; «A Letter from the Right Honourable Edmund Burke to a Noble Lord, on the

Attacks made upon him and his Pension, in the House of Lords, by the Duke of Bedford, and the Earl of Lauderdale, Early in the present Sessions of Parliament» («Письмо достопочтенного Эдмунда Бёрка благородному лорду по поводу упреков, сделанных в его адрес и в отношении его пенсии герцогом Бедфордом и графом Лодерделем в палате лордов в начале нынешней сессии парламента»). — *735.*

[201] *Закон Лициния* — закон, принятый в Древнем Риме в 367 г. до н. э. Им предусматривалось известное ограничение права передачи общественных земель в личное пользование и частичная кассация долгов. Направленный против роста крупного землевладения и привилегий патрицианской знати, он отражал некоторое усиление экономических и политических позиций плебса. Авторство закона римской традицией приписывается народным трибунам Лицинию и Секстию. — *738.*

[202] Имеется в виду восстание в 1745—1746 гг. сторонников королевской династии Стюартов, которые требовали возведения на английский престол так называемого «молодого претендента» Чарлза Эдварда. Восстание в то же время отражало протест народных масс Шотландии и Англии против эксплуатации их лендлордами и массового обезземеливания. Вслед за подавлением восстания регулярными войсками Англии клановая система в горной Шотландии начала усиленно разлагаться, и сгон крестьян с земли приобрел еще более интенсивный характер. — *740.*

[203] *Таксменами,* как поясняет сам Маркс в статье «Выборы. — Финансовые осложнения. — Герцогиня Сатерленд и рабство» (см. настоящее издание, том 8, стр. 521—528), назывались в Шотландии при господстве клановой системы старейшины, подчиненные непосредственно вождю клана — лэрду («большому человеку»). Этот последний раздавал старейшинам на их попечение землю («так»), являвшуюся собственностью всего клана, а в знак признания власти лэрда ему платили небольшую дань. Таксмены, в свою очередь, распределяли земельные участки между своими вассалами. С разложением клановой системы лэрд превращается в лендлорда, а таксмены становятся по существу капиталистическими фермерами. Вместе с тем и прежняя дань уступает место земельной ренте. — *740.*

[204] *Гэлы* — коренное население горных районов Северной и Западной Шотландии, потомки древних кельтов. — *740.*

[205] Маркс имеет в виду свою статью: «Выборы. — Финансовые осложнения. — Герцогиня Сатерленд и рабство», опубликованную в газете «New-York Daily Tribune» 9 февраля 1853 г. (см. настоящее издание, том 8, стр. 521—528). — *741.*

[206] См. примечание 121. — *743.*

[207] *Petty Sessions* (малые сессии) — сессии мировых судов в Англии; рассматривают мелкие дела по упрощенному судопроизводству. — *746.*

[208] A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, Edinburgh, 1814, p. 237. — *748.*

[209] См. примечание 175. — *748.*

[210] См. примечание 145. — *749.*

[211] *Закон против «конспирации»* существовал в Англии еще в средние века. Он запрещал «всякого рода конспиративные действия, если даже и повод для них был законен». На основе этого закона подавлялись организации и классовая борьба рабочих как до принятия законов против коалиций (см. примечание 145), так и после отмены их. — *751.*

[212] Речь идет о правительстве якобинской диктатуры во Франции с июня 1793 по июнь 1794 года. — *752.*

[213] A. Anderson. «An Historical and Chronological Deduction of the Origin of Commerce, from the Earliest Accounts to the present Time» (А. Андерсон. «Исторический и хронологический очерк торговли от самых ранних сведений о ней до настоящего времени»). Первое издание вышло в Лондоне в 1764 году. — *755.*

[214] J. Steuart. «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy». Vol. I, Dublin, 1770, First book, Ch. XVI. — *755.*

[215] См. примечание 56. — *762.*

[216] G. Gulich. «Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaus der bedeutendsten handeltreibenden Staaten unsrer Zeit». Bd. I, Jena, 1830, S. 371 (Г. Гюлих. «Историческое описание торговли, промышленности и земледелия важнейших торговых государств нашего времени». Т. I, Иена, 1830, стр. 371). — *763.*

[217] Маркс ссылается здесь, по-видимому, на английское издание приписываемой Яну де Витту книги «Aanwysing der heilsame politike Gronden en Maximen van de Republike van Holland en West-Friesland» («Указание важнейших политических принципов и максимов республики Голландии и Западной Фрисландии»), впервые опубликованной в Лейдене в 1662 году. Как теперь установлено, автором ее, за исключением двух глав, написанных Яном де Виттом, был голландский экономист и предприниматель Питер фон дер Хоре (он же Питер де ля Кур). — *766.*

[218] См. примечание 213. — *769.*

[219] *Асьенто* — название договоров, по которым Испания в XVI—XVIII вв. предоставляла иностранным государствам и частным лицам особое право на продажу негров-рабов в ее американские владения. — *769.*

[220] *Tantae molis erat* (стоило стольких трудов) — выражение из поэмы Вергилия «Энеида», книга первая, стих 33. — *769.*

[221] C. Pecqueur. «Theorie nouvelle d'economie sociale et politique, ou Etudes sur l'organisation des societes». Paris, 1842, p. 435 (К. Пеккёр. «Новая теория социальной и политической экономии, или Исследования об организации обществ». Париж, 1842, стр. 435). — *771.*

[222] См. примечание 170. — *780.*

[223] См. примечание 68. — *782.*

[224] Имеется в виду банковский акт 1844 года. Стремясь предотвратить затруднения в обмене банкнот на золото, в 1844 г. английское правительство по инициативе Р. Пиля приняло закон о реформе Английского банка, разделив его на два самостоятельных отделения, банковое и эмиссионное, и установив твердую норму обеспечения банкнот золотом. Выпуск банкнот, не обеспеченных золотом, ограничивался 14 млн. фунтов стерлингов. Однако, несмотря на действие банковского акта 1844 г., количество находившихся в обращении банкнот фактически зависело не от фонда покрытия, а от спроса на них в сфере обращения, В периоды экономических кризисов, когда потребность в деньгах ощущалась особенно остро, английское правительство временно приостанавливало действие акта 1844 г. и увеличивало сумму банкнот. не обеспеченных золотом. — *783.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

М

Н

О

П

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМОЙ И УПОМИНАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Зибер, Н. И. Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями. Киев, 1871. —19.

[Кауфман, И. И.] Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса. В журнале: «Вестник Европы», 1872, том III.— 19—21.

Чернышевский, Н. Г. Очерки из политической экономии (по Миллю). Впервые опубликовано в 1861 г. в журнале «Современник», Санкт-Петербург. — 17—18.

Addington, St. An Inquiry into the reasons for and against inclosing open-fields. London, 1772 *(Аддингтон, Ст.* Исследование доводов за и против огораживания открытых земель. Лондон, 1772). —737.

The Advantages of the East-India trade to England. London, 1720 (Выгоды ост-индской торговли для Англии. Лондон, 1720). — 329, 351, 356, 358, 360, 377, 438, 520.

Aikin, J. A Description of the country *from* thirty to forty miles round Manchester. London, 1795 *(Эйкин, Дж.* Описание окрестностей Манчестера в радиусе от тридцати до сорока миль. Лондон, 1795). — 607—608, 760, 768, 769.

Anderson, A. An Historical and chronological deduction of the origin of commerce,from the earliest accounts to the present time *(Андерсон, А.* Исторический и хронологический очерк торговли от самых ранних сведений о ней до настоящего времени). Первое издание вышло в Лондоне в 1764 году. — 755, 769.

Anderson, J. The Bee, or Literary weekly intelligencer. Volume III. Edinburgh, 1791 *(Андерсон, Дж.* Пчела, или Еженедельный литературный вестник. Том III. Эдинбург, 1791). — 631.

Anderson, J. Observations on the means of exciting a spirit of national industry; chiefly intended to promote the agriculture, commerce, manufactures, and fisheries, of Scotland. In a series of letters to a friend. Written in the year 1775. Edinburgh, 1777

* В тех случаях, когда не удалось установить с достоверностью, каким изданием той или иной работы пользовался Маркс, приводится ее первое издание или же сообщается дата и место выхода этого издания.

В квадратные скобки заключены выявленные имена авторов книг, вышедших анонимно. Звездочкой отмечены работы, переведенные на русский язык.

(Андерсон, Дж. Размышления о средствах, поднимающих дух национального предпринимательства, предназначенных, главным образом, способствовать развитию сельского хозяйства, торговли, промышленности и рыболовства Шотландии; Письма к другу, написанные в 1775 году. Эдинбург, 1777). — 572, 740.

**Appian.* Romische Burgerkriege. Erstes Buch. In: *Appian's von Alexandrien* Romische Geschichten, ubersetzt von F. Dillenius. Bandchen VII. Stuttgart, 1830 *(Аппиан.* Римские гражданские войны. Первая книга. В книге: *Аппиан Александрийский.* Римская история. Перевод Ф. Диллениуса. Выпуск VII. Штутгарт, 1830). — 738.

[Arbuthnot, J.] An Inquiry into the connection between the present price of provisions, and the size of farms. By a farmer. London, 1773 *([Арбатнот, Дж.]* Исследование зависимости между нынешними ценами на продукты питания и размером ферм. Сочинение фермера. Лондон, 1773). — 318, 337—339, 734, 738.

**Aristoteles.* Ethica Nicomachea. In: *Aristotelis* opera ex recensione I. Bekkeri. Tomus IX. Oxonii, 1837 *(Аристотель.* Никомахова этика. В книге: *Аристотель.* Сочинения. Издание И. Беккера. Том IX. Оксфорд, 1837). — 69.

**Aristoteles.* De republica libri VIII. In: *Aristotelis* opera ex recensione I. Bekkeri. Tomus X. Oxonii, 1837 *(Аристотель.* Политика (восемь книг). В книге: *Аристотель.* Сочинения. Издание И. Беккера. Том X. Оксфорд, 1837). — 95, 163, 175.

Ashley, Lord. Ten hours' factory bill. The speech in the House of Commons, on Friday, March 15th, 1844. London, 1844 *(Эшли,* лорд. Билль о десятичасовом рабочем дне на фабриках. Речь в палате общин в пятницу 15 марта 1844 года. Лондон, 1844). —413—414, 424.

Athenaeus. Deipnosophistarum libri quindecim. Tomus II. Edidit Schweighaeuser. Argentorati, 1802 *(Атеней.* Застольные беседы ученых мужей, в пятнадцати книгах. Том II. Издание Швейгхойзера. Страсбург, 1802). — 110, 143.

Augier, M. Du credit public et de son histoire depuis les temps anciens jusqu'a nos jours. Paris, 1842 *(Ожъе, М.* Об общественном кредите и о его истории с древних времен до наших дней. Париж, 1842). — 770.

Babbage, Ch. On the economy of machinery and manufactures. London, 1832 *(Баббедж, Ч.* Об экономике фабричного производства. Лондон, 1832). — 359, 362, 387, 403, 416.

**Bacon, F.* The Essays or counsels civil and moral *(Бэкон, Ф.* Опыты и наставления нравственные и политические). Последнее прижизненное издание вышло в Лондоне в 1625 году. — 731.

Bacon, F. The Reign of Henry VII. In: *Milton, J.* Britain under Trojan, Roman, Saxon rule. — *More, Th.* England under Richard III. — *Bacon, F.,* Lord Verulam. The Reign of Henry VII. — Verbatim reprint from Kennet's England, ed. 1719. London, 1870 *(Бэкон, Ф.* Царствование Генриха VII. В книге: *Мильтон, Дж.* Британия в период владычества троянцев, римлян и саксов. — *Мор, Т.* Англия при Ричарде III. — *Бэкон, Ф.,* барон Веруламский. Царствование Генриха VII. — Перепечатано дословно из книги Кеннета «Англия», изданной в 1719 году. Лондон, 1870). — 731—732.

[Bailey, S.] A Critical dissertation on the nature, measures, and causes of value; chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the author of Essays on the formation and publication of opinions. London, 1825 *([Бейли, С.]* Критическое исследование о природе,

мерах и причинах стоимости; главным образом в связи с работами г-на Рикардо и его последователей. Сочинение автора «Очерков о формировании и опубликовании мнений». Лондон, 1825). — 72, 93, 545.

[Bailey, S.] Money and its vicissitudes in value; as they affect national industry and pecuniary contracts: with a postscript on joint-stock banks. London, 1837 (*[Бейли, С.]* Деньги и изменения их стоимости; влияние этих изменений на национальную промышленность и денежные обязательства; с приложением об акционерных банках. Лондон, 1837). — 59, 624.

Barbon, N. A Discourse concerning coining the new money lighter. In Answer to Mr. Lock's considerations about raising the value of money. London, 1696 (*Барбон, Н.* Трактат о чеканке новой монеты более легкого веса. В ответ на соображения г-на Локка о повышении стоимости денег. Лондон, 1696). — 43—46, 140, 155, 156.

Barton, J. Observations on the circumstances which influence the condition of the labouring classes of society. London, 1817 (*Бартон, Дж.* Замечания об обстоятельствах, влияющих на положение трудящихся классов общества. Лондон, 1817). — 645, 687.

Baynes, J. The Cotton trade. Two lectures on the above subject, delivered before the members of the Blackburn literary, scientific and mechanics' institution. Blackburn—London, 1857 (*Бейнс, Дж.* Торговля хлопком. Две лекции по этому вопросу, прочитанные членам Блэкбернского общества литературы, науки и механики. Блэкберн — Лондон, 1857). — 400.

Beccaria, C. Elementi di economia pubblica. In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomo XI. Milano, 1804 (*Беккария, Ч.* Основы общественной экономики. В книге: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Том XI. Милан, 1804). — 378.

Beckmann, J. Beytrage zur Geschichte der Erfindungen. Band I. Leipzig, 1786 (*Бекман, И.* К истории изобретений. Том I. Лейпциг, 1786). — 438.

Bellers, J. Essays about the poor, manufactures, trade, plantations, and immorality. London, 1699 (*Беллерс, Дж.* Опыты о бедных, промышленности, торговле, колониях и безнравственности. Лондон, 1699). — 142, 156, 491.

**Bellers, J.* Proposals for raising a colledge of industry of all useful trades and husbandry. London, 1696 (*Беллерс, Дж.* Предложение об учреждении трудового колледжа всех полезных ремесел и сельского хозяйства. Лондон, 1696). — 149, 337, 438, 499—500, 628.

Bentham, J. Theorie des peines et des recompenses. Par Et. Dumont. Troisieme edition. Tome II. Paris, 1826 (*Бентам, И.* Теория наказаний и поощрений. В обработке Эт. Дюмона. Издание третье. Том II. Париж, 1826). — 623.

Berkley, G. The Querist, containing several queries, proposed to the consideration of the public. London, 1750 (*Беркли, Дж.* Вопрошатель. Некоторые вопросы, предлагаемые на рассмотрение публики. Лондон, 1750). — 347, 366.

Bidaut, J. N. Du monopole qui s'etablit dans les arts industriels et le commerce, au moyen des grands appareils de fabrication. Deuxieme livraison. Du monopole de la fabrication et de la vente. Paris, 1828 (*Бидо, Ж. Н.* О монополии, которая возникает в промышленности и торговле благодаря крупным орудиям производства. Второй выпуск. О монополии производства и продажи. Париж, 1828). — 331.

Biese, F. Die Philosophie des Aristoteles, in ihrem inneren Zusammenhange, mit besonderer Berucksichtigung des philosophischen Sprachgebrauchs, aus dessen Schriften entwickelt. Band II. Berlin, 1842 *(Бизе, Ф.* Философия Аристотеля, ее внутренняя связь и терминология. Том II. Берлин, 1842). — 419.

Blakey, R. The History of political literature from the earliest times. Volume II. London, 1855 *(Блейки, Р.* История политической литературы с древнейших времен. Том II. Лондон, 1855). — 733.

Blanqui, J. A. Cours d'economie industrielle. Recueilli et annote par. Ad. Blaise. Paris, 1838—1839 *(Бланки, Ж. А.* Курс промышленной экономики. Составленный и аннотированный Ад. Блезом. Париж, 1838—1839). — 349.

Blanqui, J. A. Des classes ouvrieres en France, pendant l'annee 1848. Parties I et II. In: Petits traites publies par l'Academie des Sciences morales et politiques. Paris, 1849 *(Бланки, Ж. А.* Трудящиеся классы Франции в 1848 году. Части I и II. В книге: Небольшие трактаты, опубликованные Академией моральных и политических наук. Париж, 1849). — 286.

Block, M. Les theoriciens du socialisme en Allemagne. Extrait du «Journal des Economistes» (numeros de juillet et d'aout 1872). Paris, 1872 *(Блок, М.* Теоретики социализма в Германии. Извлечение из «Journal des Economistes» (номера за июль и август 1872 г.). Париж, 1872). — 19.

Boileau, E. Reglemens sur les arts et metiers de Paris, rediges au XIII siecle, et connus sous le nom du Livre des metiers. Paris, 1837 *(Буало, Э.* Положения об искусствах и ремеслах в Париже, составленные в XIII в. и известные под названием Книги ремесел. Париж, 1837). — 497.

Boisguillebert, P. Le detail de la France. In: Economistes financiers du XVIII-e siecle. Precedes de notices historiques sur chaque auteur, et accompagnes de commentaires et de notes explicatives, par E. Daire. Paris, 1843 *(Буагильбер, П.* Розничная торговля Франции. В книге: Экономисты-финансисты XVIII века. С историческими заметками о каждом авторе, комментариями и пояснительными примечаниями Э. Дэра. Париж, 1843). — 141.

Boisguillebert, P. Dissertation sur la nature des richesses, de l'argent et des tributs. In: Economistes financiers du XVIII-e siecle. Precedes de notices historiques sur chaque auteur, et accompagnes de commentaires et de notes explicatives, par E. Daire. Paris, 1843 *(Буагильбер, П.* Рассуждение о природе богатств, денег и податей. В книге: Экономисты-финансисты XVIII века. С историческими заметками о каждом авторе, комментариями и пояснительными примечаниями Э. Дэра. Париж, 1843). — 152.

Boxhorn, M. Z. Institutiones politicae. In: *Boxhorn, M. Z.* Varii tractatus politici. Amstelodami, 1663 *(Боксхорн, М. З.* Политические организации. В книге: *Боксхорн, М. З.* Различные политические трактаты. Амстердам, 1663). — 438.

[Brentano, L.] Wie Karl Marx citirt. In: «Concordia», 7. Marz 1872 *([Брентано, Л.]* Как цитирует Карл Маркс. В журнале «Concordia», 7 марта 1872 г.). — 36, 37.

[Brentano, L.] Wie Karl Marx sich vertheidigt. In: «Concordia», 4. Juli 1872, 11. Juli 1872 *(Брентано, Л.]* Как защищается Карл Маркс. В журнале «Concordia», 4 июля 1872 г., 11 июля 1872 г.). — 37—38.

Broadhurst, J. Political economy. London, 1842 *(Бродхерст, Дж.* Политическая экономия. Лондон, 1842). — 64.

Brougham, H. An Inquiry into the colonial policy of the european powers. In two volumes. Vol. II. Edinburgh, 1803 *(Брум, Г.* Исследование колониальной политики европейских держав. В двух томах. Том II. Эдинбург, 1803). —769.

[Bruckner, J.] Theorie du systeme animal. Leide, 1767 *([Брюкнер, И.]* Теория животного мира. Лейден, 1767). — 630.

Buchanan, D. Inquiry into the taxation and commercial policy of Great Britain. Edinburgh, 1844 *[Бьюкенен, Д.* Исследование налогообложения и торговой политики Великобритании. Эдинбург, 1844). — 137.

Buchanan, D. Observations on the subjects treated of in Dr. Smith's Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Edinburgh, 1814 *(Бьюкенен, Д.* Замечания о предметах, трактуемых в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» д-ра Смита. Эдинбург, 1814). — 740—741.

Buchanan, D.. Примечания в книге: *Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. In three volumes. With notes, and an additional volume, by D. Buchanan. Vol. I. Edinburgh, 1814 *(Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. В трех томах. С примечаниями и дополнительным томом Д. Бьюкенена. Том I. Эдинбург, 1814). — 570.

Buchez, Ph. et *Roux, P. C.* Histoire parlementaire de la revolution francaise, ou Journal des assemblees nationales, depuis 1789 jusqu'en 1815. T. X. Paris, 1834 *(Бюше, Ф.* и *Ру, П. С.* Парламентская история французской революции, или Дневник национальных собраний с 1789 по 1815 год. Т. X. Париж, 1834). — 752.

Burke, E. A Letter from the Right Honourable Edmund Burke to a Noble Lord, on the attacks made upon him and his pension, in the House of Lords, by the Duke of Bedford, and the Earl of Lauderdale, early in the present sessions of parliament. London, 1796 *(Бёрк, Э.* Письмо достопочтенного Эдмунда Бёрка благородному лорду по поводу упреков, сделанных в его адрес и в отношении его пенсии герцогом Бедфордом и графом Лодерделем в палате лордов в начало нынешней сессии парламента. Лондон, 1796). — 735.

Burke, E. Thoughts and details on scarcity, originally presented to the Right Hon. William Pitt. in the month of November, 1795. London, 1800 *(Бёрк, Э.* Мысли и факты о нужде, первоначально представленные достопочтенному Уильяму Питту в ноябре 1795 года. Лондон, 1800). — 218, 246, 334, 770.

[Byles, J. B.] Sophisms of freetrade and popular political economy examined. By a barrister. Seventh edition: with corrections and additions. London, 1850 *([Байлс, Дж. Б.]* Софизмы фритредерства и популярная политическая экономия. Сочинение адвоката. Издание седьмое, с исправлениями и дополнениями. Лондон, 1850). — 281, 748—749.

Cairnes, J. E. The Slave power: its character, career and probable designs. London, 1862 *(Кернс, Дж. Э.* Рабовладение: его характер, путь и вероятные перспективы. Лондон, 1862). — 208, 276, 344.

Campbell, G. Modern India: a sketch of the system of civil government. To which is prefixed, some account of the natives and native institutions. London, 1852 *(Кэмпбелл, Дж.* Современная Индия: очерк системы гражданского управления, которому предпосланы некоторые данные о коренных жителях и их учреждениях. Лондон, 1852). — 370.

Cantillon, Ph. The Analysis of trade, commerce, coin, bullion, banks, and foreign exchanges.

Taken chiefly from a manuscript of a very ingenious gentleman deceas'd, and adapted to the present situation of our trade and commerce. London, 1759 *(Кантильон, Ф.* Анализ ремесла, торговли, денег, слитков, банков и курсов иностранной валюты, заимствованный главным образом из рукописи одного высокоодаренного джентльмена, ныне умершего, и приспособленный к современному состоянию нашего ремесла и торговли. Лондон, 1759). — 566.

[Cantillon, R.] Essai sur la nature du commerce en general. Traduit de l'anglois. In: Discours politiques. Tome III. Amsterdam, 1756 *([Кантильон, Р.]* Опыт о природе торговли вообще. Перевод с английского. В книге: Политические трактаты. Том III. Амстердам, 1756). — 566.

Carey, H. Ch. Essay on the rate of wages: with an examination of the causes of the differences in the condition of the labouring population throughout the world. Philadelphia, 1835 *(Кэри, Г. Ч.* Опыт об уровне заработной платы с анализом причин различия в положении трудящегося населения во всем мире. Филадельфия, 1835). — 574.

Carey, H. Ch. The Slave trade, domestic and foreign: why it exists, and how it may be extinguished. Philadelphia, 1853 *(Кэри, Г. Ч.* Внутренняя и внешняя торговля рабами: почему она существует и как ее можно устранить. Филадельфия, 1853). — 741, 759.

Carli, G. Д. Примечания к сочинению: *P. Verri.* Meditazioni sulla economia politica. In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomo XV. Milano, 1804 *(Карли, Дж. Р.* Примечания к сочинению: *П. Верри.* Размышления о политической экономии. В книге: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Том XV. Милан, 1804). — 341.

Carlyle, Th. Ilias (Americana) in nuce. In: «Macmillan's magazine», August, 1863. London and Cambridge *(Карлейль, Т.* Американская Илиада в зародыше. Статья в «Macmillan's magazine», август 1863. Лондон и Кембридж). — 266.

Caus, S. de. In: *Heronis Alexandrini* Buch von Luft-und Wasserkunsten. Frankfurt, 1688 *(Ко, С. де.* В книге: *Герон Александрийский.* Книга о пневматике и гидравлике. Франкфурт, 1688). — 388.

Cazenove, J. Notes. In: *Malthus, Th. R.* Definitions in political economy. With a preface, notes, and supplementary remarks by J. Cazenove. London, 1853 *(Кейзнов, Дж.* Примечания. В книге: *Мальтус, Т. Р.* Определения в политической экономии. С предисловием, примечаниями и дополнениями Дж. Кейзнова. Лондон, 1853). — 580, 610.

[Cazenove, J.] Outlines of political economy; being a plain and short view of the laws relating to the production, distribution, and consumption of wealth. London, 1832 *([Кейзнов, Дж.]* Очерки политической экономии, представляющие собой общепонятный и краткий обзор законов, относящихся к производству, распределению и потреблению богатств. Лондон, 1832). — 209, 328, 532.

Chalmers, Th. On Political economy in connexion with the moral state and moral prospects of society. Second edition. Glasgow, 1832 *(Чалмерс, Т.* О политической экономии в связи с нравственным состоянием и нравственными перспективами общества. Издание второе. Глазго, 1832). — 164.

The Character and behaviour of King William, Sunderland, Somers etc. as represented in origJinal letters to the duke of Shrewsbury, from Somers, Halifax, Oxford, secretary Vernon

etc. (Характер и поведение короля Вильгельма, Сандерленда, Сомерса и т. д. по подлинным письмам к герцогу Шрузбери от Сомерса, Галифакса, Оксфорда, секретаря Вернона и т. д.) (рукопись). — 735.

Cherbuliez, A. Richesse ou pauvrete. Exposition des causes et des effets de la distribution actuelle des richesses sociales. Paris, 1841 *(Шербюлье, А.* Богатство или бедность. Изложение причин и следствий современного распределения общественного богатства. Париж, 1841). — 193, 197, 597.

[Child, J.] A Discourse concerning trade, and that in particular of the East-Indies. London, 1689 *([Чайлд, Дж.]* Трактат о торговле и в особенности об ост-индской торговле. Лондон, 1689). — 100.

[Clement, S.] A Discourse of the general notions of money, trade, and exchanges, as they stand in relation each to other. By a merchant. London, 1695 *([Клемент, С.]* Трактат по поводу общих представлений о деньгах, торговле и валютном курсе в их отношении друг к другу. Сочинение купца. Лондон, 1695). — 100.

Cobbett, W. A History of the protestant «reformation», in England and Ireland; showing how that event has impoverished and degraded the main body of the people in those countries. In a series of letters, addressed to all sensible and just englishmen. London. 1824 *(Коббет, У.* История протестантской «Реформации» в Англии и Ирландии, показывающая, как это событие привело к обнищанию и деградации основной массы населения в этих странах. Письма, адресованные ко всем разумным и справедливым англичанам. Лондон, 1824). — 733.

Colins, J. G. L'economie politique. Source des revolutions et des utopies pretendues socialistes. Tome III. Paris, 1857 *(Колен, Ж. Г.* Политическая экономия. Источник революций и так называемых социалистических утопий. Том III. Париж, 1857). — 628, 705, 782.

**Columbus, Ch.* Brief aus Jamaica *(Колумб, X.* Письмо с Ямайки). — 142.

Comte, Ch. Traite de legislation ou Exposition des lois generales, suivant lesquelles les peuples prosperent, deperissent, ou restent stationnaires. Troisieme edition. Bruxelles, 1837 *(Конт, Ш.* Трактат о законодательстве, или Изложение общих законов, следуя которым народы процветают, вырождаются или не претерпевают никаких изменений. Издание третье. Брюссель, 1837). — 761.

**Gondillac, E. B.* Le commerce et le gouvernement. In: Melanges d'economie politique. Tome I. Commentaires et notes, par E. Daire et G. Molinari. Paris, 1847 *(Кондильяк, Э. Б.* Торговля и правительство. В книге: Альманах политической экономии. Том I. Комментарии и примечания Э. Дэра и Г. Молинари. Париж, 1847). — 169—170.

Considerations concerning taking off the bounty on corn exported. In some letters to a friend. London, 1753 (Размышления относительно отмены экспортных премий на зерно. Письма к другу. Лондон, 1753). — 330.

Considerations on taxes, as they are supposed to affect the price of labour in our manufacturies. In a letter to a friend. London, 1765 (Размышления о налогах, поскольку предполагается, что они влияют на цепу труда в наших мануфактурах. Письмо к другу. Лондон, 1765). Авторство этой книги приписывается Дж. Канингему. — 283.

Corbet, Th. An Inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals; or the Principles of trade and speculation explained. London, 1841 *(Корбет, Т.*

Исследование о причинах богатства отдельных лиц и способах его приобретения; или Объяснение принципов торговли и спекуляции. Лондон, 1841). — 161, 602.

Corbon,. A. De l'enseignement professionnel. Seconde edition. Paris, 1860 *(Корбон, А.* О профессиональном обучении. Издание второе. Париж, 1860). — 498—499.

**Courcelle-Seneuil, J. G.* Traite theorique et pratique des entreprises industrielles, commerciales et agricoles ou Manuel des affaires. Deuxieme edition. Paris, 1857 *(Курсель-Сеней, Ж. Г.* Руководство к теоретическому и практическому изучению промышленных, торговых и земледельческих предприятий, или Справочник делового человека. Издание второе. Париж, 1857). — 244, 611.

The Currency theory reviewed; in a letter to the Scottish people. By a banker in England. Edinburgh, 1845 (Теория денежного обращения. Письмо английского банкира к шотландскому народу. Эдинбург, 1845). — 150—151.

**Cuvier, G.* Discours sur les revolutions de la surface du globe. Rediges par Hoefer. Paris, 1863 *(Кювье, Ж.* Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара. Под редакцией Эфера. Париж, 1863). — 522.

**Darwin, Ch.* On the origin of species by means of natural selection, or the Preservation of favoured races in the struggle for life. London, 1859 *(Дарвин, Ч.* О происхождении видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь. Лондон, 1859). — 353—354.

Daumer, G. F. Die Geheimnisse des christlichen Alterthums. Hamburg, 1847 *(Даумер,* Г. Ф. Таинства христианской древности. Гамбург, 1847). — 297.

A Defence of the land-owners and farmers of Great Britain. London, 1814 (Защита земельных собственников и фермеров Великобритании. Лондон, 1814). — 567.

[Defoe, D.] An Essay upon publick credit. The third edition. London, 1710 ([*Дефо, Д.*] Опыт об общественном кредите. Издание третье. Лондон, 1710). — 151.

De Quincey, Th. The Logic of political economy. Edinburgh and London, 1844 *(Де Квинси, Т.* Логика политической экономии. Эдинбург и Лондон, 1844). — 407.

De Roberty, E. «Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie von Karl Marx. Hamburg, 1867». In: «La Philosophie positive. Revue», № 3, November — Decembre 1868 *(Де Роберти, Е.* «Карл Маркс. «Капитал. Критика политической экономии». Гамбург, 1867». В журнале: «La Philosophie positive. Revue», № 3, ноябрь — декабрь 1868). — 19.

**Descartes, R.* Discours de la methode pour bien conduire sa raison, et chercher la verite dans les sciences *(Декарт, Р.* Рассуждение о методе хорошо направлять свой разум и отыскивать истину в науках). Первое издание вышло в Лейдене в 1637 году. — 402.

Destutt de Tracy, A. L. C. Elemens d'ideologie. IV-e et V-e parties. Traite de la volonte et de ses effets. Paris, 1826 *(Дестют де Траси, А. Л. К.* Элементы идеологии. Части IV и V. Трактат о воле и ее действиях. Париж, 1826). В 1823 г. IV часть «Элементов идеологии» вышла в Париже отдельным изданием под заглавием «Traite d'economie politique» («Трактат по политической экономии»). — 168, 174, 337, 339, 662.

Dietzgen, J. «Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie von Karl Marx. Hamburg, 1867». In: «Demokratisches Wochenblatt», №№ 31, 34, 35, 36, 1868 *(Дицген, И.* «Карл Маркс. «Капитал. Критика политической экономии». Гамбург, 1867». В газете: «Demokratisches Wochenblatt» №№ 31, 34, 35, 36, 1868 г.). —18.

**Diodorus Siculus.* Historische Bibliothek, ubersetzt von J. F. Wurm. Bandchen I—XIX. Stuttgart, 1828—1840. Erstes Buch. Drittes Buch *(Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека. Перевод Ю. Ф. Вурма. Выпуски I—XIX. Штутгарт, 1828—1840. Книга первая. Книга третья). — 154, 247, 352, 379, 521.

A Discourse of the necessity of encouraging mechanick industry. London, 1690 (Трактат о необходимости поощрения механической промышленности. Лондон, 1690). — 282—283.

Ducpetiaux, Ed. Budgets economiques des classes ouvrieres en Belgique. Subsistances, salaires, population. Bruxelles, 1855 *(Дюкпесьо, Эд.* Экономический бюджет трудящихся классов в Бельгии. Средства существования, заработная плата, народонаселение. Брюссель, 1855). — 684, 685.

Duffy, G. The Land law of Victoria, (Australia). London, 1862 *(Даффи, Г.* Земельный закон Виктории (Австралия). Лондон, 1862). — 783.

Dunning, T. J. Trades' Unions and strikes. London, 1860 *(Даннинг, Т. Дж.* Тред-юнионы и стачки. Лондон, 1860). — 561, 564—565, 770.

Dupont de Nemours, ***P.*** *S.* Maximes du docteur Quesnay, ou Resume de ses principes d'economie sociale. In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Partie I. Paris, 1846 *(Дюпон де Немур, П. С.* Положения доктора Кенэ, или Резюме его основных начал социальной экономии. В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть I. Париж, 1846). — 119.

Eden, F. M. The State of the Poor: or, an History of the labouring classes in England, from the conquest to the present period. In three volumes. London, 1797 *(Иден, Ф. М.* Положение бедных, или История трудящихся классов Англии со времени завоевания по настоящий период. В трех томах. Лондон, 1797). — 255, 615, 629—630, 687, 733, 736, 767—768.

**Engels, F.* Die englische Zehnstundenbill. In: «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 4, 1850 *(Энгельс, Ф.* Английский билль о десятичасовом рабочем дне. В журнале: «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 4, 1850). — 301, 311.

**Engels, F.* Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Nach eigner Anschauung und authentischen Quellen. Leipzig, 1845 *(Энгельс, Ф.* Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам. Лейпциг, 1845). — 251, 256, 265, 278, 411, 433—435, 455, 620, 668.

**Engels, F.* Umrisse zu einer Kritik der Nationaloekonomie. In: «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» herausgegeben von Arnold Ruge und Karl Marx. 1-ste und 2-te Lieferung. Paris, 1844 *(Энгельс, Ф.* Наброски к критике политической экономии. В журнале: «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», издаваемом Арнольдом Руге и Карлом Марксом. 1-ый и 2-ой выпуск. Париж, 1844). — 85, 163, 175, 648.

Ensor, G. An Inquiry concerning the population of nations: containing a refutation of Mr. Malthus's Essay on population. London, 1818 *(Энсор, Дж.* Исследование народонаселения различных стран, содержащее опровержение «Опыта о народонаселении» г-на Мальтуса. Лондон, 1818). — 741.

An Essay on credit and the bankrupt act. London, 1707 (Опыт о кредите и законах о банкротстве. Лондон, 1707). — 147.

An Essay on the political economy of nations: or, a View of the intercourse of countries, as influencing their wealth. London,

1821 (Опыт политической экономии народов, или Связь между странами как фактор, влияющий на их богатство. Лондон, 1821).— 211, 317.

An Essay on trade and commerce: containing observations on taxes, as they are supposed to affect the price of labour in our manufactories. By the author of Considerations on taxes. London, 1770 (Опыт о ремесле и торговле, содержащий замечания о налогах, поскольку предполагается, что они оказывают влияние на цену труда в нашей промышленности. Сочинение автора «Размышлений о налогах». Лондон, 1770). Авторство этой книги приписывается Дж. Канингему. — 243, 244, 283—286, 380, 555. 613, 614, 629, 650, 651, 745—746.

Essays on political economy: in which are illustrated the principal causes of the present national distress. London, 1830 (Опыты политической экономии, в которых показываются главные причины современного национального бедствия. Лондон, 1830). — 538.

[Evans, N. H.] Our old nobility. By noblesse oblige. Second edition. London, 1879 ([*Эванс, Н. Г.*] Наше старое дворянство. Сочинение того, кого обязывает положение. Издание второе. Лондон, 1879). — 735.

Faulhaber, J. Mechanische Verbesserung einer alten Roszmuhlen welche vor diesem der konigl. Ingenieur Aug. Ramellus an Tag geben. Ulm, 1625 *(Фаульхабер, И.* Механическое усовершенствование старой. коннодействующей мельницы, которую сконструировал королевский инженер Август Рамелюс. Ульм, 4625). — 388.

Fawcett, H. The Economic position of the british labourer. Cambridge and London, 1865 *(Фосетт, Г.* Экономическое положение британского рабочего. Кембридж и Лондон, 1865). — 569, 625, 667.

**Ferguson, A.* An Essay on the history of civil society. Edinburgh, 1767 *(Фергюсон, А.* Опыт истории гражданского общества. Эдинбург, 1767). — 366, 374, 375.

Ferrier, F. L. A. Du geuvernement considere dans ses rapports avec le commerce. Paris, 1805 *(Ферье, Ф. Л. О.* О правительстве с точки зрения его взаимоотношений с торговлей. Париж, 1805). — 70.

Fielden, J. The Curse of the factory system; or, a Short account of the origin of factory cruelties. London, 1836 *(Филден, Дж.* Проклятие фабричной системы, или Краткая справка о происхождении фабричных жестокостей. Лондон, 1836). — 414, 424, 768.

[Fleetwood, W.] Chronicon preciosum: or, an Account of english money, the price of corn, and other commodities, for the last 600 years. London, 1707 *([Флитвуд, У.]* Хроника цен, или Справка об английских деньгах, ценах на зерно и другие товары за последние 600 лет. Лондон, 1707). — 282.

Fleetwood, W. Chronicon preciosum: or, an Account of english gold and silver money; the price of corn and other commodities, for six hundred years last past. London, 1745 *(Флитвуд, У.* Хроника цен, или Справка об английских золотых и серебряных деньгах, ценах на зерно и другие товары за последние 600 лет. Лондон, 1745). — 282.

Fonteret, A. L. Hygiene physique et morale de l'ouvrier dans les grandes villes en general et dans la ville do Lyon en particulier. Paris, 1858 *(Фонтере, А. Л.* Физическая и нравственная гигиена рабочего в крупных городах вообще и в городе Лионе в частности. Париж, 1858). — 376.

[Forbonnais, F. V.] Elemens du commerce. Seconde partie. Nouvelle edition. Leyde, 1766 *([Форбонне, Ф. В.*] Элементы торговли.

Часть вторая. Новое издание. Лейден, 1766). — 101.

[Forster, N.] An Enquiry into the causes of the present high price of provisions. London, 1767 *([Форстер, Н.]* Исследование причин нынешних высоких цен на продовольствие. Лондон, 1767). — 284, 438, 522, 736.

Fortescue, J. De laudibus legum Angliae *(Фортескью, Дж.* О превосходстве английских законов). Впервые опубликовано в 1537 году. — 729.

Fourier, Ch. La fausse industrie morcelee, repugnante, mensongere, et l'antidote, l'industrie naturelle, combinee, attrayante, veridique, donnant quadruple produit *(Фурье, Ш.* Ложная хозяйственная деятельность, разобщенная, отталкивающая, фальшивая, и противоядие против нее: естественная хозяйственная деятельность, комбинированная, притягательная, истинная, дающая учетверенный продукт). Первое издание вышло в Париже в 1835—1836 годах. — 437.

**Fourier, Ch.* Le nouveau monde industriel et societaire *(Фурье, Ш.* Новый хозяйственный и социетарный мир). Первое издание вышло в Париже в 1829 году. — 708.

Franklin, B. A Modest inquiry into the nature and necessity of a paper currency. In: The Works of *B. Franklin.* By Sparks. Volume II. Boston, 1836 *(Франклин, В.* Скромное исследование природы и необходимости бумажных денег. В книге: Сочинения *Б. Франклина.* Издание Спаркса. Том II. Бостон, 1836). — 60.

Franklin, B. Positions to be examined, concerning national wealth. In: The Works of *B. Franklin.* By Sparks. Volume II. Boston, 1836 *(Франклин, Б.* Подлежащие исследованию вопросы национального богатства. В книге: Сочинения *Б. Франклина.* Издание Спаркса. Том II. Бостон, 1836). — 175.

Freytag, G. Neue Bilder aus dem Leben des deutschen Volkes. Leipzig, 1862 *(Фрейтаг, Г.* Новые картины из жизни немецкого народа. Лейпциг, 1862). — 749—750.

Fullarton, J. On the regulation of currencies; being an examination of the principles, on which it is proposed to restrict, within certain fixed limits, the future issues on credit of the Bank of England, and of the other banking establishments throughout the country. Second edition with corrections and additions. London, 1845 *(Фуллартон, Дж.* О регулировании средств обращения; анализ принципов, на основе которых предлагается в будущем ограничить в строго установленных пределах эмиссионную деятельность Английского банка и других банковских учреждений страны. Издание второе, исправленное и дополненное. Лондон, 1845). — 139, 152, 155.

Galiani, F. Della moneta. Libro I—V. In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomi III—IV. Milano, 1803 *(Галиани, Ф.* О деньгах. Книги I—V. В издании: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Тома III—IV. Милан, 1803). — 84, 99, 100, 110, 164, 169, 325, 658.

Canilh, Ch. Des systemes d'economie politique, de la valeur comparative de leurs doctrines, et de celle qui parait la plus favorable aux progres de la richesse. Seconde edition. Tomes I—II. Paris, 1821 *(Ганиль, Ш.* О системах политической экономии, о сравнительной ценности их доктрин и о той из них, которая представляется наиболее благоприятной для роста богатства. Издание второе. Тома I—II. Париж, 1821). — 70, 185, 458.

Ganilh, Ch. La theorie de l'economie politique. Tomes I—II. Paris, 1815 *(Ганиль, Ш.* Теория политической экономии. Тома I—II. Париж, 1815). — 190.

[Garnier, G.] Abrege elementaire des principes de l'economie politique. Paris, 1796 *([Гарнье, Ж.]* Краткое изложение начал политической экономии. Париж, 1796). — 563.

Garnier, G. Notes du traducteur. In: *Smith, A.* Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observations; par G. Garnier. Tome V. Paris, 1802 *(Гарнье, Ж.* Комментарий переводчика. К работе: *А. Смит.* «Исследование о природе и причинах богатства народов». Новый перевод Ж. Гарнье, с комментарием и замечаниями переводчика. Том V. Париж, 1802). — 375.

Gaskell, P. The Manufacturing population of England, its moral, social, and physical conditions, and the changes which have arisen from the use of steam machinery; with an examination of infant labour. London, 1833 *(Гаскелл, П.* Промышленное население Англии, его моральное, социальное и физическое положение, и изменения, обусловленные применением паровых машин; с анализом детского труда. Лондон, 1833). — 446, 454.

Genovesi, A. Lezioni di economia civile. In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomi VII—IX. Milano, 1803 *(Дженовези, А.* Лекции по гражданской экономике. В издании: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Тома VII—IX. Милан, 1803). — 164.

Geoffroy Saint-Hilaire, E. Notions synthetiques, historiques et physiologiques de philosophie naturelle. Paris, 1838 *(Жоффруа Сент-Илер, Э.* Синтетическое, историческое и физиологическое познание натурфилософии. Париж, 1838). — 755.

Gisborne, Th. An Enquiry into the duties of men in the higher and middle classes of society in Great Britain. The second edition, la two volumes. Vol. II. London, 1795 *(Гисборн, Т.* Исследование обязанностей людей высших и средних классов в Великобритании. Издание второе. В двух томах. Том II. Лондон, 1795). — 768.

[Gray, J.] The Essential principles of the wealth of nations, illustrated, in opposition to some false doctrines of Dr. Adam Smith, and others. London, 1797 *([Грей, Дж.]* Основные начала богатства народов, изложенные в противоположность некоторым ошибочным положениям д-ра Адама Смита и других. Лондон, 1797). — 171.

[Greg, R. H.] The Factory question, considered in relation to its effects on the health and morals of those employed in factories. And the «ten hours bill», in relation to its effects upon the manufactures of England, and those of foreign countries, London, 1837 *([Грег, Р. Х.]* Фабричный вопрос, рассматриваемый с точки зрения влияния на здоровье и нравственность занятых на фабриках. И «билль о десятичасовом рабочем дне» с точки зрения его влияния на промышленность Англии и других стран. Лондон, 1837). — 301.

Gregoir, H. Les typographes devant le tribunal correctionnel de Bruxelles. Bruxelles, 1865 *(Грегуар, А.* Типографские рабочие перед исправительным судом Брюсселя. Брюссель, 1865). — 566.

**Grove, W. R.* The Correlation of physical forces. Fifth edition. Followed by a discourse on continuity. London, 1867 *(Гров, У. Р.* Соотношение физических сил. Издание пятое. С приложением трактата о непрерывности. Лондон, 1867). — 536.

Gulich, G. Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaus der bedeutendsten handeltreibenden Staaten unserer Zeit. Bande I—II. Jena,

1830 *(Гюлих, Г.* Историческое описание торговли, промышленности и земледелия важнейших торговых государств нашего времени. Тома 1—11. Иена, 1830). — 13, 763.

Haller, ***C. L.*** Restauration der Staats-Wissenschaft oder Theorie des naturlich-geselligen Zustands der Chimare des kunstlich-burgerlichen entgegengesezt *(Галлер, К. Л.* Реставрация науки о государстве, или Теория естественно-общественного состояния, противопоставленная химере искусственно-гражданского состояния). Первое издание вышло в 1816—1834 годах. — 401.

Hamm, W. Die landwirthschaftlichen Gerathe und Maschinen Englands. Zweite, umgearbeitete und bedeutend vermehrte Auflage. Braunschweig, 1856 *(Гамм, В.* Сельскохозяйственные орудия и машины Англии. Второе переработанное и значительно дополненное издание. Брауншвейг, 1856). — 513.

Hanssen, G. Die Aufhebung der Leibeigenschaft und die Umgestaltung der gutsherrlich-bauerlichen Verhaltnisse uberhaupt in den Herzogthumern Schleswig und Holstein. St. Petersburg, 1861 *(Хансен, Г.* Уничтожение крепостничества и преобразование отношений между помещиками и крестьянами вообще в герцогствах Шлезвиг и Гольштейн. Санкт-Петербург, 1861). — 249.

Harris, J. Concerning happiness, a dialogue. In: *Harris, J.* Three treatises. The third edition revised and corrected. London, 1772 *(Харрис, Дж.* Диалог о счастье. В книге: *Харрис, Дж.* Три трактата. Третье просмотренное и исправленное издание. Лондон, 1772). — 378.

Harris, J. first Earl of *Malmesbury.* Diaries and correspondence, containing an account of his missions to the courts of Madrid, Frederick the Great, Catherine the Second, and at the Hague; and of his special missions to Berlin, Brunswick, and the French Republic. Volumes I—IV. Second edition. London, 1845 *(Харрис, Дж.* первый граф *Малмсбери.* Дневники и переписка, содержащие отчет о его миссиях при мадридском дворе, при дворах Фридриха Великого, Екатерины Второй и в Гааге, а также о его специальных миссиях в Берлин, Брауншвейг и Французскую республику. Тома I—IV. Издание второе. Лондон, 1845). — 378.

Harrison, W. The Description of England. In: The First and second volumes of Chronicles, first collected and published by R. Holinshed, W. Harrison, and others. London, 1587 *(Харрисон, У.* Описание Англии. В книге: Первый и второй тома Хроник, впервые собранных и опубликованных Р. Холиншедом, *У.* Харрисоном и другими. Лондон, 1587). — 730, 746, 753.

Hassall, A. H. Adulterations detected or Plain instructions for the discovery of frauds in food and medicine. Second edition. London, 1861 *(Хасселл, А. Х.* Обнаружение фальсификации, или Общепонятные инструкции относительно вскрытия фальсификации продуктов питания и лекарств. Издание второе. Лондон, 1861). — 185, 260.

**Hegel, G. W. F.* Encyclopadie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Theil I. Die Logik. Werke. Band VI. Berlin, 1840 *(Гегель, Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук в сжатом очерке. Часть I. Логика. Сочинения. Том VI. Берлин, 1840). — 190, 272.

**Hegel, G. W. F.* Grundlinien der Philosophie des Rechts. Werke. Zweite Auflage. Band VIII. Berlin, 1840 *(Гегель, Г. В. Ф.* Основы философии права. Сочинения. Издание второе. Том VIII. Берлин, 1840). — 53, 101, 179, 376, 602.

Hegel, G. W. F. Wissenschaft der Logik. Werke. Zweite Auflage, Bande III, IV, V. Berlin, 1841 *(Гегель, Г. В. Ф.* Наука логики. Сочинения. Издание второе. Тома III, IV, V. Берлин. 1841). — 318.

Hobbes, Th. Leviathan, or the Matter, form and power of a commonwealth ecclesiastical and civil. In: The english works of Thomas Hobbes; now first collected and edited by Molesworth. Vol. III. London, 1839 *(Гоббс, Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. В книге: Сочинения Томаса Гоббса на английском языке, впервые собранные и изданные Молсуортом. Том III. Лондон, 1839). — 181, 369.

[Hodgskin, Th.] The Natural and artifical right of property contrasted. London, 1832 *([Годскин, Т.]* Естественное и искусственное право собственности в их противопоставлении друг другу. Лондон, 1832). — 760.

**[Hodgskin, Th.]* Labour defended against the claims of capital; or, the Unproductiveness of capital proved. With reference to the present combinations amongst journeymen. By a labourer. London, 1825 *([Годскин, Т.]* Защита труда против притязаний капитала, или Доказательство непроизводительности капитала. С замечаниями о нынешних объединениях среди наемных рабочих. Сочинение рабочего. Лондон, 1825). — 367, 587.

**Hodgskin, Th.* Popular political economy. Four lectures delivered at the London Mechanics' Institution. London, 1827 *(Годскин, Т.* Народная политическая экономия. Четыре лекции, прочитанные в Лондонской рабочей школе. Лондон, 1827). — 351, 365, 547.

Holinshed, R. The Description of England. — см. *Harrison, W.* The Description of England.

Hopkins, Th. On rent of land, and its influence on subsistence and population; with observations on the operating causes of the condition of the labouring classes in various countries. London, 1828 *(Гопкинс, Т.* О земельной ренте и ее влиянии на средства существования и народонаселение с замечаниями о причинах, влияющих на положение трудящихся классов в различных странах. Лондон, 1828). — 241.

[Horne, G.] A Letter to Adam Smith LL. D. on the life, death, and philosophy of his friend David Hume. By one of the people called Christians. The fourth edition. Oxford, 1784 *([Хорн, Дж.]* Письмо Адаму Смиту, доктору права, о жизни, смерти и философии его друга Давида Юма. Сочинение одного из тех, кого называют христианами. Издание четвертое. Оксфорд, 1784). —631.

Horner, L. Letter to Mr. Senior. In: *Senior, N. W.* Letters on the factory act, as it affects the cotton manufacture. To which are appended, a Letter to Mr. Senior from L. Horner, and Minutes of a conversation between Mr. E. Ashworth, Mr. Thomson and Mr. Senior. London, 1837 *(Хорнер, Л.* Письмо г-ну Сениору. В книге: *Сениор, Н. У.* Письма о влиянии фабричного акта на хлопчатобумажную промышленность. С приложением Письма Л. Хорнера г-ну Сениору и Записи беседы между г-ном Э. Ашуортом, г-ном Томсоном и г-ном Сениором. Лондон, 1837). — 236.

Horner, L. Suggestions for amending the factory acts to enable the inspectors to prevent illegal working, now become very prevalent. In: Factories regulation acts. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 9 August 1859 *(Хорнер, Л.* Предложения по улучшению фабричного законодательства с тем, чтобы инспектора могли предотвращать незаконный труд, широко распространившийся в настоящее время. В книге: Фабричные за-

коны. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 9 августа 1859 г.). — 252, 304.

Houghton, J. Husbandry and trade improv'd: being a collection of many valuable materials relating to corn, cattle, coals, hops, wool, etc. Volumes I—IV. London, 1727—1728 *(Хаутон, Дж.* Улучшение сельского хозяйства и ремесла; сборник ценных материалов о. производстве зерна, скотоводстве, угледобыче, сборе хмеля, заготовке шерсти и т. д. Тома I—IV. Лондон, 1727— 1728). — 438.

Howitt, W. Colonization and Christianity: a popular history of the treatment of the natives by the europeans in all their colonies. London, 1838 *(Хауитт, У.* Колонизация и христианство: популярная история обращения европейцев с туземцами в колониях. Лондон, 1838). — 761.

**Hume, D.* Essays and treatises on several subjects. In two volumes. A new edition. London, 1764 *(Юм, Д.* Опыты и трактаты по разным вопросам. В двух томах. Новое издание. Лондон, 1764). — 134.

Hutton, Ch. A Course of mathematics *(Хаттон, Ч.* Курс математики). Первое издание вышло в 1798—1801 годах. — 382.

**Huxley, Th. H.* Lessons in elementary physiology. London, 1866 *(Гексли, Т. Г.* Лекции по элементарной физиологии. Лондон, 1866). — 494.

The Industry of nations, part II. A Survey of the existing state of arts, machines, and manufactures. London, 1855 (Промышленность народов. Часть II. Обзор существующего уровня искусств и ремесел, машин и промышленного производства. Лондон, 1855). — 356, 396.

An Inquiry into the connection between the present price of provisions, and the size of farms. — см. *[Arbuthnot, J.]* An Inquiry into the connection between the present price of provisions, and the size of farms.

An Inquiry into those principles, respecting the nature of demand and the necessity of consumption, lately advocated by Mr. Malthus, from which it is concluded, that taxation and the maintenance of unproductive consumers can he conducive to the progress of wealth. London, 1821 (Исследование недавно защищавшихся г-ном Мальтусом начал, которые касаются природы спроса и необходимости потребления и из которых делается вывод, что налоги и содержание непроизводительных потребителей могут способствовать росту богатства. Лондон, 1821). — 173, 185, 451, 609, 610, 621.

Isocratis. Busiris *(Исократ.* Бусирис). — 379.

Jacob, W. An Historical inquiry into the production and consumption of the precious metals. In two volumes. London, 1831 *(Джейкоб, У.* Историческое исследование о производстве и потреблении драгоценных металлов. В двух томах. Лондон, 1831). — 49.

Jacob, W. A Letter to S. Whitbread, being a sequel to considerations on the protection required by british agriculture. London, 1815 *(Джейкоб, У.* Письмо С. Уитбреду в связи с обсуждением протекционистских мер, которые были продиктованы интересами британского сельского хозяйства. Лондон, 1815). — 231.

**Jones, R.* An Essay on the distribution of wealth, and on the sources of taxation, Part I. — Rent. London, 1831 *(Джонс, Р.* Опыт о распределении богатства и об источниках налогов. Часть I. — Рента. Лондон, 1831). — 340.

**Jones, R.* An Introductory lecture on political economy, delivered at King's college, London, 27th February, 1833. To which is added a syllabus of a course of lectures on the wages of labor.

London, 1833 *(Джонс, Р.* Вводная лекция по политической экономии, прочитанная в Королевском колледже в Лондоне 27 февраля 1833 года. С приложением проспекта курса лекций о заработной плате. Лондон, 1833). — 646.

**Jones, R.* Text-book of lectures on the political economy of nations. Hertford, 1852 *(Джонс, Р.* Лекции по политической экономии народов. Хартфорд, 1852). — 318, 331, 345, 581, 601, 611—612.

Kopp, H. Die Entwickelung der Chemie in der neueren Zeit. Munchen, 1871—1874 *(Копп, Г.* Развитие химии в новейшее время. Мюнхен, 1871—1874). — 319.

Laborde, A. De l'esprit d'association dans tous les interets de la communaute. Paris, 1818 *(Лаборд, А.* О духе кооперирования во всех отраслях общественной жизни. Париж, 1818). — 542.

Laing, S. National distress; its causes and remedies. London, 1844 *(Ленг, С.* Национальное бедствие, его причины и средства к его устранению. Лондон, 1844). — 209, 658, 672, 688.

Lancellotti, S. L'Hoggidi overo ge'ingegni non inferiori a'passati. Parte seconda, Venetia, 1658 *(Ланчеллотти, С.* Современность, или Умы, не уступающие умам прошлых времен. Часть вторая. Венеция, 1658). — 438.

Lassalle, F. Die Philosophie Herakleitos des Dunklen von Ephesos. Band I. Berlin, 1858 *(Лассаль, Ф.* Философия Гераклита Темного из Эфеса. Том I. Берлин, 1858).— 115.

**Lassalle, F.* Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch, der okonomische Julian, oder: Capital und Arbeit. Berlin, 1864 *(Лассаль, Ф.* Господин Бастиа Шульце-Делич, экономический Юлиан, или Капитал и труд. Берлин, 1864). — 5.

Law, J. Considerations sur le numeraire et le commerce. In: Economistes financiers du XVIII siecle. Precedes de notices historiques sur chaque auteur, et accompagnes de commentaires et de notes explicatives, par E. Daire. Paris, 1843 *(Ло, Ж.* О деньгах и торговле. В книге: Экономисты-финансисты XVIII века. С историческими заметками о каждом авторе, комментариями и пояснительными примечаниями Э. Дэра. Париж, 1843). — 100.

Le Trosne, G. F. De l'interet social par rapport a la valeur, a la circulation, a l'industrie et au commerce interieur et exterieur. In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Partie II. Paris, 1846 *(Ле Трон, Г. Ф.* Об общественной выгоде в том, что касается стоимости, обращения, промышленности, внутренней и внешней торговли. В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть II. Париж, 1846). — 44, 48, 101, 111, 122, 126, 130, 156, 169, 170, 172, 174, 221.

A Letter to Sir T. C. Bunbury on the poor rates, and the high price of provisions. With some proposals for reducing both. By a Suffolk gentleman. Ipswich, 1795 (Письмо сэру Т. Банбери о налогах в пользу бедных и о высоких ценах на продукты питания, с некоторыми предложениями по снижению тех и других. Сочинение джентльмена из Суффолка. Ипсвич, 1795). — 734.

Levi, L. On deer forests and Highland agriculture in relation to the supply of food. In: «The Journal of the Society of Arts», March 23, 1866 *(Леви, Л.* Об охотничьих парках и земледелии в горной Шотландии в связи с удовлетворением потребностей в продовольствии. Напечатано в «The Journal of the Society of Arts» 23 марта 1866 г.). — 743.

**Liebig, J.* Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie. Theil I. 7. Auflage. Braunschweig, 1862 *(Либих, Ю.* Химия в приложении к земледе-

лию и физиологии. Часть I. Издание седьмое. Брауншвейг, 1862). — 251, 515, 585.

**Liebig, J.* Ueber Theorie und Praxis in der Landwirthschaft. Braunschweig, 1856 *(Либих, Ю.* О теории и практике в сельском хозяйстве. Брауншвейг, 1856). — 339.

[Linguet, N.] Théorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la société. Tomes I—II. Londres, 1767 *([Ленге, Н.]* Теория гражданских законов, или Основные начала общества. Тома I—II. Лондон, 1767). — 244, 297, 346, 629, 748.

Livius, Titus. Ab urbe condita *(Ливий, Тит.* История Рима с его основания). — 289.

Locke, J. Some considerations of the consequences of the lowering of interest, and raising the value of money (1691). In: The works of John Locke. In four volumes. Volume II. The eighth edition. London, 1777 *(Локк, Дж.* Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости монеты (1691). В книге: Сочинения Джона Локка. В 4 томах. Том II. Издание восьмое. Лондон, 1777). — 44, 100, 135.

Lucretius. De rerum natura *(Лукреций.* О природе вещей). — 227.

Luther, M. An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen. Vermanung. Wittemberg, 1540 *(Лютер, М.* Наказ приходским священникам выступать с проповедями против ростовщичества. Виттенберг, 1540). — 146, 203— 204, 606—607.

**Macaulay, Th. B.* The History of England from the accession of James the Second. Volume I. Tenth edition. London, 1854 *(Маколей, Т. Б.* История Англии со времени восшествия на престол Якова II. Том I. Издание десятое. Лондон, 1854). — 283, 728.

MacCulloch, J. R. A Dictionary, practical, theoretical, and historical, of commerce and commercial navigation. London, 1847 *(Мак-Куллох, Дж. Р.* Практический, теоретический и исторический словарь-справочник по торговле и торговому судоходству. Лондон, 1847). — 161.

MacCulloch, J. R. The Literature of political economy: a classified catalogue of select publications in the different departments of that science, with historical, critical, and biographical notices. London, 1845 *(Мак-Куллох, Дж. Р.* Литература по политической экономии. Систематический каталог избранных публикаций по различным разделам этой науки, с историческими, критическими и биографическими аннотациями. Лондон, 1845). — 155, 737.

MacCulloch, J. R. The principles of political economy: with a sketch of the rise and progress of the science. Edinburgh, 1825 *(Мак-Куллох, Дж. Р.* Начала политической экономии с очерком о возникновении и прогрессе этой науки. Эдинбург, 1825). — 452.

Idem, Second edition. London, 1830 *(То же.* Издание второе. Лондон, 1830). — 164.

Maclaren, J. A Sketch of the history of the currency: comprising a brief review of the opinions of the most eminent writers on the subject. London, 1858 *(Макларен, Дж.* Очерк истории средств обращения с кратким обзором взглядов наиболее выдающихся авторов по этому вопросу. Лондон, 1858). — 107.

Macleod, H. D. The Theory and practice of banking: with the elementary principles of currency; prices; credit; and exchanges. Volume I. London, 1855 *(Маклеод, Г. Д.* Теория и практика банковского дела с основными началами средств обращения, цен, кредита и вексельных курсов. Том I. Лондон, 1855). — 165.

Malthus, Th. R. Definitions in political economy. With a preface, notes, and supplementary remarks by John Cazenove. London, 1853

(Мальтус, Т. Р. Определения в политической экономии. С предисловием, примечаниями и дополнениями Джона Кейзнова. Лондон, 1853). — 580, 586, 592, 610.

**[Malthus, Th. R.]* An Essay on the principle of population. London, 1798 *([Мальтус, Т. Р.]* Опыт о законе народонаселения. Лондон, 1798). — 365, 630.

**Malthus, Th. R.* An Inquiry into the nature and progress of rent, and the principles by which it is regulated. London, 1815 *(Мальтус, Т. Р.* Исследование о природе и возрастании ренты, а также о принципах, ее регулирующих. Лондон, 1815). — 323, 538, 567—568.

Malthus, Th. R. Principles of political economy considered with a view to their practical application. Second edition with considerable additions from the author's own manuscript and an original memoir. London, 1836 *(Мальтус, Т. Р.* Начала политической экономии с точки зрения их практического применения. Издание второе, со значительными дополнениями из рукописей и мемуаров автора. Лондон, 1836). — 224, 592, 601, 602, 609, 648.

[Mandeville, B.] The Fable of the bees: or, Private vices publick benefits. London, 1714 *([Мандевиль, Б.]* Басня о пчелах, или Частные пороки — общественные выгоды. Лондон, 1714).—367.

Idem. 5th edition. London, 1728 *(То же.* Издание пятое. Лондон, 1728). — 628—629.

Martineau, H. Illustrations of political economy. No. VII. A Manchester strike. A Tale. London, 1832 *(Мартино, Г.* Иллюстрации к политической экономии. № VII. Манчестерская забастовка. Рассказ. Лондон, 1832). — 649.

**Marx, K.* Der 18th Brumaire des Louis Napoleon. In: «Die Revolution». New-York, 1852 *(Маркс, К.* 18 брюмера Луи-Наполеона. В журнале «Die Revolution». Нью-Йорк, 1852). — 705.

**[Marx, K.]* Address and Provisional rules of the Working Men's International Association, established September 28, 1864, at a public meeting held at St. Martin's Hall. Long Acre, London. London, 1864 *([Маркс, К.]* Учредительный манифест и Временный устав Международного Товарищества Рабочих, основанного 28 сентября 1864 г, на публичном митинге, состоявшемся в Сент-Мартинс-холле. Лонг-эйкр, Лондон. Лондон, 1864). — 36.

**Marx, K.* An die Redaktion des «Volksstaat». In: «Volksstaat», 1. Juni 1872 *(Маркс, К.* В редакцию газеты «Volksstaat». В газете «Volksstaat», 1 июня 1872 г.). — 37.

**Marx, K.* An die Redaktion des «Volksstaat». In: «Volksstaat», 7. August 1872 *(Маркс, К.* В редакцию газеты «Volksstaat». В газете: «Volksstaat», 7 августа 1872 г.). — 38.

**Marx, K.* Elections — Financial clouds — The Duchess of Sutherland and Slavery. In: «New-York Daily Tribune», February 9, 1853 *(Маркс, К.* Выборы. — Финансовые осложнения. — Герцогиня Сатерленд и рабство. В газете «New-York Daily Tribune», 9 февраля 1853 г.). — 741.

**[Marx, K.]* Lohnarbeit und Kapital. In: «Neue Rheinische Zeitung». April, 1849 *([Маркс, К.]* Наемный труд и капитал. Напечатано в «Neue Rheinische Zeitung». Апрель, 1849). — 591, 628, 775.

**[Marx, K.* und *Engels, F.]* Manifest der Kommunistischen Partei. London, 1848 *([Маркс, К.* и *Энгельс, Ф.]* Манифест Коммунистической партии. Лондон, 1848). — 498, 773.

**Marx, K.* Misere de la philosophie. Reponse a la philosophie de la misere de M. Proudhon. Paris — Bruxelles, 1847 *(Маркс, К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона.

Париж — Брюссель, 1847). — 91, 369, 372, 375, 431, 547, 660—661.

*[*K. Marx, F. Engels.*] Рецензия на книгу: *Th. Carlyle.* Latter-Day Pamphlets. London, 1850 *([К. Маркс, Ф. Энгельс.]* Рецензия на книгу: *Т. Карлейль.* Современные памфлеты. Лондон, 1850). В журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», № 4. —*266.*

**Marx, K.* Zur Kritik der politischen Oekonomie. Erstes Heft. Berlin, 1859 *(Маркс, К.* К критике политической экономии. Выпуск первый. Берлин, 1859). — 5, 12, 14, 20, 43, 48, 50, 86, 88, 92, 97, 99, 104, 106—107, 111, 116, 124, 133—135, 148, 149, 154, 204. 549—550, 634.

[Massie, J.] An Essay on the governing causes of the natural rate of interest; wherein the sentiments of Sir William Petty and Mr. Locke on that head, are considered. London, 1750 *([Масси, Дж.]* Опыт о причинах, определяющих естественную норму процента; где рассматриваются взгляды сэра Уильяма Петти и г-на Локка по этому вопросу. Лондон, 1750). — 523.

**Maurer, G. L.* Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadt-Verfassung und der offentlichen Gewalt. Munchen, 1854 *(Маурер, Г. Л.* Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти. Мюнхен, 1854). — 81.

Maurer, G. L. Geschichte der Fronhofe, der Bauernhofe und der Hofverfassung in Deutschland. Band IV. Erlangen, 1863 *(Маурер, Г. Л.* История барщинных дворов, крестьянских дворов и подворного устройства в Германии. Том IV. Эрланген, 1863). — 249.

Mayer, S. Die Sociele Frage in Wien. Studie eines «Arbeitgebers». Wien, 1871 *(Майер, З.* Социальный вопрос в Вене. Этюд «работодателя». Вена, 1871). — 13.

Meitzen, A. Der Boden und die landwirthschaftlichen Verhaltnisse des Preussischen Staates nach dem Gebietsumfange vor 1866. Bande I—IV. Berlin, 1868—1871 *(Мейтцен, А.* Земля и аграрные отношения в прусском государстве в границах до 1866 года. Тома I—IV. Берлин, 1868— 1871). — 249.

Mercier de la Riviere, P. P. L'ordre naturel et essentiel des societes politiques. In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Partie II. Paris, 1846 *(Мерсье де ля Ривьер, П. П.* Естественный и существенный порядок политических обществ. В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть II. Париж, 1846). — 119, 120, 141, 158, 161, 168, 172, 202.

Merivale, H. Lectures on colonization and colonies. Volumes I— II. London, 1841—1842 *(Меривейл, Г.* Лекции о колонизации и колониях. Тома I—II. Лондон, 1841—1842). — 648, 780.

[Mill, J.] Colony. In: Supplement to the Encyclopaedia Britannica. 1831 *([Милль, Дж.]* Колония. В книге: Приложение к Британской энциклопедии. 1831).—209.

Mill, J. Elements of political economy. London, 1821 *(Милль, Дж.* Основы политической экономии. Лондон, 1821). — 165, 197, 365.

Mill, J. Elemens d'economie politique. Traduits de l'anglais par Parisot. Paris, 1823 *(Милль, Дж.* Основы политической экономии. Перевод с английского Паризо. Париж, 1823). — 579, 583, 586.

Mill, J. St. Essays on some unsettled questions of political economy. London, 1844 *(Милль, Дж. Ст.* Опыты о некоторых нерешенных вопросах политической экономии. Лондон, 1844). — 135, 613.

**Mill, J. St.* Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. In two volumes. London, 1848

(Милль, Дж. Ст. Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии. В двух томах. Лондон, 1848). — 135, 382, 515, 624.

**Mill, J. St.* Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. London, 1868 *(Милль, Дж. Ст.* Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии. Лондон, 1868). — 525—527.

**Mill, J. St.* A System of logic, ratiocinative and inductive, being a connected view of the principles of evidence, and the methods of scientific investigation. In two volumes *(Милль, Дж. Ст.* Система логики силлогистической и индуктивной, изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. В двух томах). Первое издание вышло в Лондоне в 1843 году. — 604.

Mirabeau, H. G. De la monarchie prussienne, sous Frederic le Grand. Tomes II, III et VI. Londres, 1788 *(Мирабо, О. Г.* О прусской монархии при Фридрихе Великом. Тома II, III и VI. Лондон, 1788). — 729, 743, 757, 767.

Molinari, G. Etudes economiques. Paris, 1846 *(Молинари, Г.* Экономические этюды. Париж, 1846). — 433, 611, 780.

**Mommsen, Th.* Romische Geschichte. Bande I—III. Zweite Auflage. Berlin, 1856—1857 *(Моммзен, Т.* История Рима. Тома I— III. Издание второе. Берлин, 1856—1857). — 178, 182.

Monteil, A. A. Traite de materiaux manuscrits de divers genres d'histoire. Tome I. Paris, 1835 *(Монтей, А. А.* Трактат о рукописных материалах по различным разделам истории. Том I. Париж, 1835). — 754, 755.

**Montesquieu, Ch.* De l'esprit des loix. In: Oeuvres de Montesquieu. Tomes II, III et IV. Londres, 1767—1769 *(Монтескьё, Ш.* О духе законов. В издании: Сочинения Монтескьё. Тома II, III и IV. Лондон, 1767—1769). — 101, 134—135, 765.

**More, Th.* Utopia. Originally printed in latin, 1516. Translated into english by R. Robinson. Edited by E. Arber. London, 1869 *(Мор, Т.* Утопия. Первоначально опубликовано на латинском языке в 1516 году. Перевод на английский язык Р. Робинсона. Издание Э. Арбера. Лондон, 1869). — 731. 746.

Morton, J. C. Labourer. In: A Cyclopedia of agriculture, practical and scientific. Edited by J. C. Morton. Vol. II. Glasgow, 1855 *(Мортон, Дж. Ч.* Рабочий. В книге: Энциклопедия земледелия, практическая и научная. Издание Дж. Ч. Мортона. Том II. Глазго, 1855). — 565.

Morton, J. C. On the forces used in agriculture. In: «The Journal of the Society of Arts». Volume VII, December 9, 1859 *(Мортон, Дж. Ч.* О силах, применяемых в земледелии. Напечатано в «The Journal of the Society of Arts». Том VII, 9 декабря 1859 г.). — 387.

Muller, A. H. Die Elemente der Staatskunst. Theil II. Berlin, 1809 *(Мюллер, А. Г.* Основы искусства государственного управления. Часть II. Берлин, 1809). — 135.

**Mun, Th.* England's treasure by forraign trade. Or, the Ballance of our forraign trade is the rule of our treasure. Written by Thomas Mun of Lond., merchant, and now published for the common good by his son John Mun. London, 1669 *(Ман, Т.* Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства. Написано Томасом Маном, лондонским купцом, и теперь опубликовано для общего блага его сыном Джоном Маном. Лондон, 1669). — 522.

Murphy, J. N. Ireland industrial, political, and social. London, 1870 *(Мерфи, Дж. Н.* Ирландия, ее промышленность, политические и социальные отношения. Лондон, 1870). — 716.

Murray, H.; Wilson, J. etc. Historical and descriptive account of British India, from the most remote period to the present time. In three volumes. Vol. II. Edinburgh, 1832 *(Марри, X.; Уилсон, Дж. и др.* Исторический очерк Британской Индии с самых отдаленных времен до настоящего времени. В трех томах. Том II. Эдинбург, 1832). — 352.

Newman, F. W. Lectures on political economy. London, 1851 *(Ньюмен, ф. У.* Лекции по политической экономии. Лондон, 1851). — 735, 740.

Newman, S. Ph. Elements of political economy. Andover and New York, 1835 *(Ньюмен, С. Ф.* Основы политической экономии. Эндавер и Нью-Йорк, 1835). — 170, 218.

Newnham, G. L. A Review of the evidence before the committees of the two Houses of Parliament, on the corn laws. London, 1815 *(Ньюнем, Дж. Л.* Обзор показаний перед комиссиями обеих палат парламента по вопросу о хлебных законах. Лондон, 1815). — 615, 616.

Niebuhr, B. G. Romische Geschichte, Berlin, 1853 *(Нибур, Б. Г.* История Рима. Берлин, 1853). — 247.

**[North, D.]* Discourses upon trade; principally directed to the cases of the interest, coynage, clipping, increase of money. London, 1691 *([Норс, Д.]* Очерки о торговле; главным образом, по вопросам о проценте, о чеканке денег, о порче монеты, об увеличении количества денег. Лондон, 1691). — 132, 135, 145, 402.

Observations on certain verbal disputes in political economy, particularly relating to value, and to demand and supply. London, 1821 (Замечания по поводу некоторых споров о словах в политической экономии, особенно по поводу тех, которые относятся к стоимости и к спросу и предложению. Лондон, 1821). — 93, 216, 546, 613.

Olmsted, F, L. A Journey in the seaboard slave states, with remarks on their economy. New York, 1856 *(Олмстед, Ф. Л.* Путешествие по приморским рабовладельческим штатам, с заметками об их экономике. Нью-Йорк, 1856). — 208.

On combination of trades. London, 1834 (О профессиональных союзах. Лондон, 1839). — 569.

Opdyke, G. A Treatise on political economy. New York, 1851 *(Опдайк, Дж.* Трактат по политической экономии. Нью-Йорк, 1851). — 175.

Ortes, G. Della economia nazionale. Libri sei. In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomi XXI—XXII. Milano, 1804 *(Ортес, Дж.* Политическая экономия. Шесть книг. В издании: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Тома XXI—XXII. Милан, 1804). — 661.

Otway, J. H. Judgment of J. H. Otway, chairman of county sessions. — Belfast, hilary sessions, 1860. Appendix in: Reports of the inspectors of factories for the half year ending 30th April 1860. London, 1860 *(Отуэй, Дж. Г.* Заключение Дж. Г. Отуэя, председателя сессии суда графства Белфаст, январская сессия 1860 года. Приложение в книге: Отчеты фабричных инспекторов за полугодие, истекшее 30 апреля 1860 года. Лондон, 1860). — 287.

**Owen, R.* Observations on the effect of the manufacturing system: with hints for the improvement of those parts of it which are most injurious to health and morals. The second edition. London, 1817 *(Оуэн, Р.* Замечания о влиянии промышленной системы с указаниями, как улучшить те части ее, которые наиболее вредны для здоровья и нравственности. Издание второе. Лондон, 1817). — 414.

Pagnini, G. F. Saggio sopra il giusto pregio delle cose, la giusta valuta della moneta e sopra il

commercio dei romani. In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomo II. Milano, 1803 *(Паньини, Дж. Ф.* Опыт о правильной цене вещей, о правильной стоимости монеты и о торговле римлян. В издании: Классики итальянской политической экономии. Современные экономисты. Том II. Милан, 1803). — 101.

[Papillon, Th.] The East-India-trade a most profitable trade to the Kingdom. London, 1677 *([Папиллон, Т.]* Ост-Индская торговля — самая прибыльная торговля для королевства. Лондон, 1677). — 100.

Parry, Ch. H. The Question of the necessity of the existing corn laws, considered, in their relation to the agricultural labourer, the tenantry, the landholder, and the country. London, 1816 *(Парри, Ч. Г.* Вопрос о необходимости существующих хлебных законов с точки зрения интересов сельскохозяйственного рабочего, арендатора, землевладельца и страны. Лондон, 1816). — 615, 616, 687, 688.

[Parry, W. E.] Journal of a voyage for the discovery of a north-west passage from the Atlantic to the Pacific; performed in the years 1819—20, in His Majesty's ships Hecla and Griper, under the orders of William Edward Parry. London, 1821 *([Парри, У. Э.]* Журнал путешествия, предпринятого в 1819—20 гг. на кораблях его величества «Гекла» и «Грайпер» под командованием Уильяма Эдуарда Парри для открытия северо-западного прохода из Атлантического океана в Тихий. Лондон, 1821).—105.

Pecqueur, C. Theorie nouvelle d'economie sociale et politique, ou Etudes sur l'organisation des societes. Paris, 1842 *(Пеккёр, К.* Новая теория социальной и политической экономии, или Исследования об организации обществ. Париж, 1842). — 628, 771.

**Petty, W.* The Political anatomy of Ireland. 1672. To which is added Verbum sapienti. London, 1691 *(Петти, У.* Политическая анатомия Ирландии. 1672. С приложением: «Слово мудрым». Лондон, 1691). — 153, 156, 282, 323.

**Petty, W.* Quantulumcunque concerning money, 1682. To the Lord Marques of Halyfax. London, 1695 *(Петти, У.* Разное о деньгах, 1682. Лорду Галифакса. Лондон, 1695). — 111, 156.

**[Petty, W.]* A Treatise of taxes and contributions. London, 1667 *([Петти, У.]* Трактат о налогах и сборах. Лондон, 1667). — 52, 101—102, 133, 630, 631.

[Pinto, I.] Traite de la circulation et du credit. Amsterdam, 1771 *([Пинто, И.]* Трактат об обращении и кредите. Амстердам, 1771). — 161.

**Plato.* Res publica. In: *Platonis* opera omnia. Recognoverunt I. G. Baiterus, I. C. Orellius, A. G. Winckelmannus. Vol. XIII. Turici, 1840 *(Платон.* Государство. В книге: *Платон.* Собрание сочинений. Издание И. Г. Байтера, И. К. Орелли, А. В. Винкельмана. Том XIII. Цюрих, 1840). — 378.

A Political enquiry into the consequences of enclosing waste lands, and the causes of the present high price of butchers meat. London, 1785 (Политическое исследование последствий огораживания пустошей и причин нынешних высоких цен на мясо. Лондон, 1785). — 736.

Postlethwayt, M. First preliminary discourse. In: *Postlethwayt, M.* The Universal dictionary of trade and commerce. The fourth edition. Vol. I. London, 1774 *(Послтуэйт, М.* Первая вступительная статья. В книге: *Послтуэйт, М.* Всеобщий торгово-промышленный словарь. Издание четвертое. Том I. Лондон, 1774). — 284.

Postlethwayt, M. Great-Britain's commercial interest explained and improved. In two volumes. The

second edition. London, 1759 *(Послтуэйт, М.* Торговые интересы Великобритании. В двух томах. Издание второе. Лондон, 1759). — 284.

Potter, A. Political economy: its objects, uses, and principles: considered with reference to the condition of the american people. New York, 1841 *(Поттер, А.* Политическая экономия: ее предмет, назначение и начала, рассмотренные применительно к условиям жизни американского народа. Нью-Йорк, 1841). — 611.

Price, R. Observations on reversionary payments; on schemes for providing annuities for widows, and for persons in old age; on the method of calculating the values of assurances on lives; and on the national debt. Sixth edition. By W. Morgan. Vol. II. London, 1803 *(Прайс, Р.* Замечания о преемственных платежах, о проектах обеспечения ежегодных рент для вдов и стариков, о методе подсчета стоимости страхования жизни и о государственном долге. Издание шестое, У. Моргана. Лондон, 1803). — 686—687, 737—738.

A Prize essay on the comparative merits of competition and cooperation. London, 1834 (Удостоенный премии опыт о сравнительных достоинствах конкуренции и кооперации. Лондон, 1834). — 330, 441—442.

Proudhon, P. J. Systeme des contradictions economiques, ou Philosophie de la misere. Tome I. Paris, 1846 *(Прудон, П. Ж.* Система экономических противоречий, или Философия нищеты. Том I. Париж, 1846). — 523.

Public economy concentrated; or, a Connected view of currency, agriculture, and manufactures. Carlisle, 1833 (Сжатое изложение общественной экономии, или Рассмотрение средств обращения, сельского хозяйства и промышленности. Карлайл, 1833). — 407— 408.

**Quesnay, F.* Dialogues sur le commerce et sur les travaux des artisans. In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Partie I. Paris, 1846 *(Кенэ, Ф.* Диалоги о торговле и о труде ремесленников. В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть I. Париж, 1846). — 119, 331.

**Quesnay, F.* Tableau oeconomique. Remarques sur les variations de la distribution des revenus annuels d'une nation. Versailles, 1758 *(Кенэ, Ф.* Экономическая таблица. Замечания об изменениях в распределении годовых доходов нации. Версаль, 1758). — 604.

**Quetelet, A.* Sur l'homme et le developpement de ses facultes, ou Essai de physique sociale. Tomes I—II. Paris, 1835 *(Кетле, А.* О человеке и развитии его способностей, или Опыт социальной физики. Тома I—II. Париж, 1835). — 334.

Raffles, Th. S. The History of Java. In two volumes. London, 1817 *(Рафлс, Т. С.* История Явы. В двух томах. Лондон, 1817). — 371, 761.

Ramazzini, B. De morbis artificum diatriba. Mutinae, 1700 *(Рамаццини, Б.* Трактат о заболеваниях ремесленников. Модена, 1700). — 376.

Ramazzini, B. Essai sur les maladies des artisans, traduit du latin. Paris, 1777 *(Рамаццини, В.* Трактат о заболеваниях ремесленников. Перевод с латинского. Париж, 1777). Эта работа была перепечатана в книге: Encyclopedie des sciences medicates. 7 division. Auteurs classiques. Paris, 1841 (Энциклопедия медицинских наук. 7 отдел. Классики. Париж, 1841). — 376.

Ramsay, G. An Essay on the distribution of wealth. Edinburgh, 1836 *(Рамсей, Дж.* Опыт о распределении богатства. Эдинбург 1836). — 172, 176, 326, 520, 579, 646.

Ravenstone, P. Thoughts on the funding system, and its effects. London, 1824 *(Рейнстон, П.* Мысли о системе государственных долгов и ее последствиях. Лондон, 1824). — 440, 520.

Read, G. The History of baking trade. London, 1848 *(Рид, Дж.* История хлебопечения. Лондон, 1848). — 262.

Reasons for the late increase of the poor-rates: or, a Comparative view of the price of labour and provisions. London, 1777 (Причины недавнего увеличения налогов в пользу бедных, или Сравнительное рассмотрение цен на труд и продукты питания. Лондон, 1777). — 584, 686.

Reasons for a limited exportation of wooll. London, 1677 (Причины ограничения Вывоза шерсти. Лондон, 1677). — 583—584.

Regnault, E. Histoire politique et sociale des principautes Danubiennes. Paris, 1855 *(Реньо, Э.* Политическая и социальная история Дунайских княжеств. Париж, 1855). — 250.

Reich, E. Ueber die Entartung des Menschen, ihre Ursachen und Verhutung. Erlangen, 1868 *(Рейх, Э.* О вырождении человека, его причинах и предупреждении, Эрланген, 1868). — 376.

Remarks on the commercial policy of Great Britain, principally as it relates to the corn trade. London, 1815 (Замечания о торговой политике Великобритании, касающиеся, главным образом, хлебной торговли. Лондон, 1815). — 567.

**Ricardo, D.* The High price of bullion a proof of the depreciation of bank notes. The fourth edition, corrected. London, 1811 *(Рикардо, Д.* Высокая цена слитков — доказательство обесценения банкнот. Издание четвертое, исправленное. Лондон, 1811). — 154.

**Ricardo, D.* On protection to agriculture. Fourth edition. London, 1822 *(Рикардо, Д.* О покровительстве земледелию. Издание четвертое. Лондон, 1822). — 86.

**Ricardo, D.* On the principles of political economy, and taxation. Third edition. London, 1821 *(Рикардо, Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. Издание третье. Лондон, 1821). — 90, 177, 199, 240—241, 399, 404, 405, 440, 442, 448, 586, 603, 620, 645—646.

Richardson, B. W. Work and overwork. In: «Social Science Review». July 18, 1863 *(Ричардсон, Б. У.* Труд и чрезмерный труд. В журнале «Social Science Review», 18 июля 1863). — 265—267.

Roberts, G. The Social history of the people of the southern counties of England in past centuries. London, 1856 *(Робертс, Дж.* Социальная история населения южных графств Англии, охватывающая последние столетия. Лондон, 1856). — 732.

Rodbertus-Jagetzow, I. K. Briefe und socialpolitische Aufsatze. Herausgegeben von Dr. R. Meyer. Band I. Berlin, 1881 *(Родбертус-Ягетцов, И. К.* Письма и социально-политические статьи. Издание д-ра Р. Мейера. Том I. Берлин. 1881). — 541.

**Rodbertus, I. K.* Sociale Briefe an von Kirchmann. Dritter Brief: Widerlegung der Ricardo'schen Lehre von der Grundrente und Begrundung einer neuen Rententheorie. Berlin, 1851 *(Родбертус, И. К.* Социальные письма к фон Кирхману. Письмо третье: Опровержение учения Рикардо о земельной ренте и обоснование новой теории ренты. Берлин, 1851). — 541.

Rogers, J. E. Th. A History of agriculture and prices in England from the year after the Oxford parliament (1259) to the commencement of the continental war (1793). Vol. I—II. Oxford, 1866 *(Роджерс, Дж. Э. Т.* История сельского хозяйства и цен в Англии со времени созыва оксфордского парламента (1259) до начала континентальной войны (1793). Тома I—II. Оксфорд, 1866). — 686, 691, 734.

Rohatzsch, R. H. Die Krankheiten, welche verschiedenen Standen, Altern und Geschlechtern eigenthumlich sind. 6 Bande. Ulm, 1840 *(Рохач, Р. Г.* Болезни, свойственные разным сословиям, возрастам и полам. 6 томов. Ульм, 1840). — 376.

**Roscher, W.* System der Volkswirthschaft. Band I: Die Grundlagen der Nationalokonomie. Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage. Stuttgart und Augsburg, 1858 *(Рошер, В.* Система народного хозяйства. Том I: Основы политической экономии. Издание третье, дополненное и исправленное. Штутгарт и Аугсбург, 1858). — 102, 170, 217, 229, 335.

Rossi, P. Cours d'economie politique. In: Cours d'economie politique. Bruxelles, 1843 *(Росси, П.* Курс политической экономии. В сборнике: Курс политической экономии. Брюссель, 1843). — 184.

Rouard de Card, P. M. De la falsification des substances sacramentelles. Paris, 1856 *(Руар де Кар,* ***П. М.*** О фальсификации даров божьих. Париж, 1856), — 260.

**Rousseau, J. J.* Discours sur l'economie politique *(Руссо, Ж. Ж.* Рассуждение о политической экономии). Впервые опубликовано в книге: Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonne des sciences, des arts et des metiers. Tome V. Paris, 1755 (Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел. Том V. Париж, 1755). — 756.

[Roy, H.] The Theory of the exchanges. The bank charter act of 1844. London, 1864 ([Рой, *Г.]* Теория вексельного курса. Банковский акт 1844 г. Лондон, 1864). — 150, 667.

Sadler, M. Th. Ireland; its evils, and their remedies. Second edition. London, 1829 *(Садлер, М. Т.* Ирландия, ее бедствия и средства к их устранению. Издание второе. Лондон, 1829). — 715.

Sadler, M. Th. The Law of population. Volumes I—II. London, 1830 *(Садлер, М. Т.* Закон народонаселения. Тома I—II. Лондон, 1830). — 715.

Say, J. B. Lettres a M. Malthus, sur differens sujets d'economie politique, notamment sur les causes de la stagnation generale du commerce. Paris, 1820 *(Сэй, Ж. Б.* Письма г-ну Мальтусу по различным вопросам политической экономии, в частности о причинах всеобщего застоя в торговле. Париж, 1820). — 620—621.

**Say, J. B.* Traite d'economie politique. Troisieme edition. Tomes I et II. Paris, 1817 *(Сэй, Ж. Б.* Трактат по политической экономии. Издание третье. Тома I и II. Париж, 1817). — 164, 174, 217.

**Idem.* Cinquieme edition. Tome I. Paris, 1826 *(То же.* Издание пятое. Том I. Париж, 1826). — 608.

**Schorlemmer, C.* The Rise and development of organic chemistry. London, 1879 *(Шорлеммер, К.* Возникновение и развитие органической химии. Лондон, 1879). — 319.

Schouw, J. F. Die Erde, die Pflanzen und der Mensch. Aus dem Danischen von Zeise. Zweite Auflage. Leipzig, 1854 *(Шау, И. Ф.* Земля, растения и человек. Перевод с датского Цейзе. Издание второе. Лейпциг, 1854). — 523—524.

Schulz, W. Die Bewegung der Production. Eine geschichtlich-statistische Abhandning zur Grundlegung einer neuen Wissenschaft des Staats und der Gesellschaft. Zurich und Winterthur, 1843 *(Шульц, В.* Движение производства. Историко-статистическое исследование в целях основания новой науки о государстве и обществе. Цюрих и Винтертур, 1843). — 383.

Scrope. The principles of political economy. — см. *Potter.* Political economy.

[Seeley, R. B.] The Perils of the nation. An Appeal to the legislature, the clergy, and the higher and middle classes. London, 1843 *([Сили, Р. Б.]* Опасности для народа. Обращение к законо-

дательным органам, к духовенству, к высшим и средним классам. Лондон, 1843). — 739.

Senior, N. W. Journals, conversations and essays relating to Ireland. In two volumes. Vol. II. London, 1868 *(Сениор, Н. У.* Дневники, беседы и опыты об Ирландии. В двух томах. Том II. Лондон, 1868). — 724, 742.

Senior, N. W. Letters on the Factory Act, as it affects the cotton manufacture. To which are appended, a Letter to Mr. Senior from L. Horner, and Minutes of a conversation between Mr. E. Ashworth, Mr. Thomson and Mr. Senior. London, 1837 *(Сениор, Н. У.* Письма о влиянии фабричного акта на хлопчатобумажную промышленность. С приложением письма Л. Хорнера г-ну Сениору и записи беседы между г-ном Э. Ашуортом, г-ном Томсоном и г-ном Сениором. Лондон, 1837). — 236, 240, 417.

Senior, N. W. An Outline of the science of political economy. London, 1836 *(Сениор, Н. У.* Очерк науки политической экономии. Лондон, 1836). — 240.

Senior, N. W. Principes fondamentaux de l'economie politique, tires de lecons edites et inedites de Mr. N. W. Senior par le c-te Jean Arrivabene. Paris, 1836 *(Сениор, Н. У.* Основные начала политической экономии, извлеченные графом Жаном Аррибабене из изданных и неизданных лекций г-на Н. У. Сениора. Париж, 1836). — 610.

Senior, N. W. Three lectures on the rate of wages. With a preface on the causes and remedies of the present disturbances. London, 1830 *(Сениор, Н. У.* Три лекции об уровне заработной платы. С предисловием о причинах и мерах по устранению имеющихся извращений. Лондон, 1830). — 555, 559.

Sextus Empiricus. Adversus mathematicos *(Секст Эмпирик.* Против математиков). — 378.

Sismondi, J. C. L. Simonde de. De la richesse commerciale ou Principes d'economie politique, appliques a la legislation du commerce. Tome I. Geneve, 1803 *(Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* О торговом богатстве, или О началах политической экономии в их применении к торговому законодательству. Том I. Женева, 1803). — 546.

Sismondi, J. C. L. Simonde de. Etudes sur l'economie politique. Tome I. Bruxelles, 1837 *(Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Очерки политической экономии. Том I. Брюссель, 1837). — 325. 608— 609.

**Sismondi, J. C. L. Simonde de.* Nouveaux principes d'economie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Tome I. Paris, 1819 *(Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Том I. Париж, 1819). — 166, 184, 579, 594, 595, 599, 600, 662.

**Idem.* Seconde edition. Tomes I—II. Paris, 1827 *(То же.* Издание второе. Тома I—II. Париж, 1827). — 590, 662, 772.

Skarbek, F. Theorie des richesses sociales. Suivie d'une bibliographie de l'economie politique. Seconde edition. Tome I. Paris, 1839 *(Скарбек, Ф.* Теория общественного богатства с приложением библиографии по политической экономии. Издание второе. Том I. Париж, 1839). — 338, 363—364.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Ed. E. G. Wakefield, London, 1835—1839. Ed. David Buchanan, Edinburgh, 1814 *(Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Издание Э. Г. Уэйкфилда, Лондон, 1835—1839. Издание Давида Бьюкенена, Эдинбург, 1814). — 55, 134. 365, 367, 374— 375, 546, 570, 581, 608, 633, 635, 658. 668, 748.

*_Smith, A._ Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observations; par Germain Garnier. Tome I. Paris, 1802 _(Смит, А._ Исследование о природе и причинах богатства народов. Новый перевод Жермена Гарнье, с комментарием и замечаниями переводчика. Том I. Париж, 1802). — 633.

* _Smith, A._ The Theory of moral sentiments. London, 1759 _(Смит, А._ Теория нравственных чувств. Лондон, 1759). — 631.

Somers, R. Letters from the Highlands; or, the Famine of 1847. London, 1848 _(Сомерс, Р._ Письма из горной Шотландии, или Голод 1847 года. Лондон, 1848). — 742, 743.

The Source and remedy of the national difficulties. In a letter to Lord John Russell. London, 1821 (Источник и разрешение национальных трудностей. Письмо лорду Джону Расселу. Лондон, 1821). — 601.

*_Spinoza, B._ Epistolae doctorum quorundam virorum ad B. de Spinoza et auctoris responsiones; ad aliorum ejus operum elucidationem non parum facientes _(Спиноза, Б._ Письма некоторых ученых мужей к Б. Спинозе и его ответы, проливающие немало света на другие его сочинения).— 610.

*_Spinoza, B._ Ethica _(Спиноза, Б._ Этика). — 317.

S[tafford], W., gentleman. A Compendious or briefe examination of certayne ordinary complaints, of divers of our country men in these our dayes. London, 1581 _(С[таффорд], У.,_ дворянин. Сжатый или краткий анализ некоторых жалоб, обычно высказываемых в нынешнее время различными нашими соотечественниками, Лондон, 1581). — 754.

Steuart, J. An Inquiry into the principles of political oeconomy. In two volumes. Vol. I. London, 1767 _(Стюарт, Дж._ Исследование о началах политической экономии. В двух томах. Том I. Лондон, 1767). — 344, 740.

Steuart, J. An Inquiry into the principles of political oeconomy. In three volumes. Vol. I. Dublin, 1770 _(Стюарт, Дж._ Исследование о началах политической экономии. В трех томах. Том I. Дублин, 1770). — 189, 662, 730, 755.

Steuart, J. An Inquiry into the principles of political oeconomy. In: The Works of Sir James Steuart, collected by General Sir James Steuart, his son. In six volumes. Vol. I. London, 1805 _(Стюарт, Дж._ Исследование о началах политической экономии. В книге: Сочинения сэра Джемса Стюарта, собранные его сыном генералом сэром Джемсом Стюартом. В шести томах. Том I. Лондон, 1805). — 159.

Steuart, J. Recherche des principes de l'economie politique. Tome I. Paris, 1789 _(Стюарт, Дж._ Исследование о началах политической экономии. Том I. Париж, 1789). — 440.

Stewart, D. Lectures on political economy. In: The collected works of D. Stewart. Edited by Sir W. Hamilton. Vol. VIII. Edinburgh, 1855 _(Стюарт, Д._ Лекции по политической экономии. В книге: Собрание сочинений Д. Стюарта. Издание сэра У. Гамильтона. Том VIII. Эдинбург, 1855). — 331, 357, 373, 496—497.

*_Storch, H._ Cours d'economie politique, ou Exposition des principes, qui determinent la prosperite des nations. Tomes I—III. St.-Petersbourg, 1815 _(Шторх, Г._ Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. Тома I—III. С.-Петербург, 1815). — 185, 193, 373, 604, 662.

*_Storch, H._ Cours d'economie politique, ou Exposition des principes, qui determinent la prosperite des nations. Avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tome I. Paris, 1823

(Шторх, Г. Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. С пояснительными и критическими примечаниями Ж. Б. Сэя. Том I. Париж, 1823). — 363, 372.

Strange, W. The Seven sources of health. London, 1864 *(Стрейндж, У.* Семь источников здоровья. Лондон, 1864). — 268.

Strype, J. Annals of the reformation and establishment of religion, and other various occurrences in the Church of England, during Queen Elizabeth's happy reign. Second edition. Vol. II, 1725 *(Страйп, Дж.* Летопись Реформации и упрочения религии и разных других событий в англиканской церкви во время счастливого царствования королевы Елизаветы, Издание второе. Том II, 1725). — 746.

**Thiers, A.* De la propriete. Paris, 1848 *(Тьер, А.* О собственности. Париж, 1848). — 452.

Thompson, B., Count of *Rumford.* Essays, political, economical, and philosophical. Vols. I—III. London, 1796—1802. Vol. I. London, 1796 *(Томпсон, Б.,* граф *Румфорд.* Политические, экономические и философские опыты. Тома I—III. Лондон, 1796— 1802. Том I. Лондон, 1796). — 614, 615.

Thompson, W. An Inquiry into the principles of the distribution of wealth most conducive to human happiness. London, 1824 *(Томпсон, У.* Исследование начал распределения богатства, наиболее способствующих человеческому счастью. Лондон, 1824). — 374.

Thornton, W. Th. Over-population and its remedy. London, 1846 *(Торнтон, У. Т.* Перенаселение и средства к его устранению. Лондон, 1846). — 182, 279.

Some Thoughts on the interest of money in general, and particularly in the publick funds. London (Некоторые мысли о проценте вообще и, в частности, о проценте по государственному займу. Лондон). — 48, 56.

**Thucydides.* De bello Peloponnesiaco libri octo *(Фукидид.* О Пелопоннесской войне. Восемь книг). — 378—379.

Thunen, J. H. Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirthschaft und Nationalokonomie. Theil II. Abtheilung II. Der naturgemase Arbeitslohn und dessen Verhaltnis zum Zinsfus und zur Landrente. Rostock, 1863 *(Тюнен, И. Г.* Сельское хозяйство и политическая экономия в условиях изолированного государства. Часть II. Отдел II. Естественная заработная плата и ее отношение к норме процента и земельной ренте. Росток, 1863). — 635.

Tooke, Th.; Newmarch, W. A History of prices, and of the state of the circulation, during the nine years 1848—1856. In two volumes; forming the fifth and sixth volumes of the History of prices from 1792 to the present time. London, 1857 *(Тук, Т.; Ньюмарч, У.* История цен и состояние обращения за девять лет с 1848—1856 гг. В двух томах, составляющих пятый и шестой тома труда об истории цен за период с 1792 г. по настоящее время. Лондон, 1857). — 305.

Torrens, R. An Essay on the external corn trade. London, 1815 *(Торренс, Р.* Опыт о внешней торговле хлебом. Лондон, 1815). — 182.

Torrens, R. An Essay on the production of wealth. London, 1821 *(Торренс, Р.* Опыт о производстве богатства. Лондон, 1821). — 172, 195.

Torrens, R. On Wages and combination. London, 1834 *(Торренс, Р.* О заработной плате и рабочих союзах. Лондон, 1834). — 416.

[Townsend, J.] A Dissertation on the poor laws. By a well-wisher to mankind. London, 1786 *([Таунсенд, Дж.]* Рассуждение по по-

воду законов о бедных. Сочинение человека, желающего людям добра. Лондон, 1786). Переиздано в 1817 г. — 661.

Townsend, J. Journey through Spain. London, 1791 *(Таунсенд, Дж.* Путешествие по Испании. Лондон, 1791). — 662.

Tuckett, J. D. A History of the past and present state of the labouring population, including the progress of agriculture, manufactures, and commerce. In two volumes. London, 1846 *(Таккет, Дж. Д.* История положения трудящегося населения в прошлом и настоящем, включая развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли. В двух томах. Лондон, 1846). — 374, 733, 759.

**Turgot.* Reflexions sur la formation et la distribution des richesses. In: Oeuvres de *Turgot.* Nouvelle edition par M. E. Daire. Tome I. Paris, 1844 *(Тюрго.* Размышления о создании и распределении богатств. В книге: Сочинения *Тюрго.* Новое издание Э. Дэра. Том I. Париж, 1844). — 190, 323, 543.

Two letters on the flour trade, and dearness of corn. By a person in business. London, 1767 (Два письма о торговле мукой и дороговизне зерна. Сочинение предпринимателя. Лондон, 1767). — 736.

Ure, A. The Philosophy of manufactures: or, an Exposition of the scientific, moral, and commercial economy of the factory system of Great Britain. London, 1835 *(Юр, Э.* Философия фабрики, или Изложение научной, нравственной и коммерческой стороны экономики фабричной системы Великобритании. Лондон, 1835). — 239, 362, 363, 380, 381, 391, 415, 430—432, 435, 442—443, 446, 447, 564, 568, 572.

Ure, A. Philosophie des manufactures, ou Economie industrielle. Traduit sous les yeux de l'auteur. Tome II. Paris, 1836 *(Юр, Э.* Философия фабрики, или Промышленная экономика. Переведено под наблюдением автора. Том II. Париж, 1836). — 308.

Urquhart, D. Familiar words. London, 1855 *(Уркарт, Д.* Дружеские слова. Лондон, 1855). — 110, 376, 514, 757—759.

Vanderlint, J. Money answers all things; or, an Essay to make money sufficiently plentiful amongst all ranks of people. London, 1734 *(Вандерлинт, Дж.* Деньги соответствуют всем вещам, или Опыт о том, как сделать, чтобы у всех слоев населения было достаточно денег. Лондон, 1734). — 134, 141, 156, 284, 285, 323, 342.

**Verri, P.* Meditazioni sulla economia politica. In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomo XV. Milano, 1804 *(Верри, П.* Размышления о политической экономии. В книге: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Том XV. Милан, 1804). — 52, 100, 144, 341.

Vissering, S. Handboek van praktische staathuishoudkunde. Delen I—III. Amsterdam, 1860—1862 *(Виссеринг, С.* Справочник практика по народному хозяйству. Части I—III. Амстердам, 1860— 1862). — 512.

Wade, J. History of the middle and working classes. Third edition. London, 1835 *(Уайд, Дж.* История среднего и рабочего классов. Издание третье. Лондон, 1835). — 255, 282, 632.

[Wakefied, E. G.] England and America. A comparison of the social and political state of both nations. In two volumes. London, 1833 *([Уэйкфилд, Э. Г.]* Англия и Америка. Сравнение социального и политического положения обоих народов. В двух томах. Лондон, 1833). — 279, 596, 688, 775—782.

Wakefield, E. G. Примечания в книге: *Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. With a commentary, by the author of «England and America». In six volumes. Vol. I. London, 1835 *(Уэйкфилд, Э. Г.* Примечания в книге: *Смит,* Л. Исследование природы и причин богатства народов. G примечаниями автора книги «Англия и Америка». В шести томах. Том I. Лондон, 1835). — 546.

Wakefield, E. G. A View of the art of colonization. London, 1849 *(Уэйкфилд, Э. Г.* Мнение о способе колонизации. Лондон, 1849). — 337.

Ward, J. The Borough of Stoke-upon-Trent, in the commencement of the reign of Her Majesty Queen Victoria. London, 1843 *(Уорд, Дж.* Округ Сток-апон-Трент в начало царствования ее величества королевы Виктории. Лондон, 1843). — 277.

Watson, J. F. Paper read before the Society of Arts, 17 April 1860 *(Уотсон, Дж. Ф.* Доклад, прочитанный в Обществе искусств и ремесел 17 апреля 1860). Опубликовано в «The Journal of the Society of Arts». Volume VIII. London, 1860. — 403.

Watts, J. The Facts and fictions of political economists. Manchester, 1842 *(Уотс, Дж.* Факты и вымыслы экономистов. Манчестер, 1842). — 561.

Watts, J. Trade societies and strikes. Machinery. Co-operative societies. Manchester, 1865 *(Уотс, Дж.* Профсоюзы и стачки. Машины. Кооперативные союзы. Манчестер, 1865). — 561, 564.

Wayland, Fr. The Elements of political economy. Boston, 1843 *(Уэйленд, Фр.* Основы политической экономии. Бостон, 1843). — 174, 219.

[West, E.] Essay on the application of capital to land. By a fellow of University college of Oxford. London, 1815 *([Уэст, Э.]* Опыт о приложении капитала к земле. Сочинение члена университетского колледжа в Оксфорде. Лондон, 1815).—554.

West, E. Price of corn and wages of labour, with observations upon Dr. Smith's, Mr. Ricardo's, and Mr. Malthus's doctrines upon those subjects. London, 1826 *(Уэст, Э.* Цена хлеба и заработная плата рабочих с замечаниями о доктринах д-ра Смита, г-на Рикардо и г-на Мальтуса по этим вопросам. Лондон, 1826). — 554.

Wilks, M. Historical sketches of the South of India, in an attempt to trace the history of Mysoor. Vol. I. London, 1810 *(Уилкс, М.* Исторические очерки Южной Индии; попытка проследить историю Майсура. Том I. Лондон, 1810). — 370.

Witt, J. de. Aanwysing der heilsame politike gronden en maximen van de Republike van Holland en West-Friesland. Leyden, 1662 *(Витт, Я. де.* Указание важнейших политических принципов и максимов республики Голландии и Западной Фрисландии. Лейден, 1662). — 766.

Wright, Th. A Short address to the public on the monopoly of large farms. London, 1779 *(Райт, Т.* Краткое обращение к общественности по поводу монополии крупных ферм. Лондон, 1779). — 737.

**Xenophon.* Cyropaedia *(Ксенофонт.* Киропедия). — 379.

Young, A. Political arithmetic. Containing observations on the present state of Great Britain. London, 1774 *(Юнг, А.* Политическая арифметика, содержащая замечания о современном положении Великобритании. Лондон, 1774). — 133, 241.

Young, A. A Tour in Ireland; with general observations on. the present state of that Kingdom. London, 1780 *(Юнг, А.* Путешествие по Ирландии; с общими замечаниями о современном положении этою королевства. Лондон, 1780). — 603.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ОТЧЕТЫ И ДРУГИЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

An Act to limit the hours of labor, and to prevent the employment of children in factories under ten years of age. Approved March 18, 1851 (Закон об ограничении продолжительности рабочего дня и о недопущении работы на фабриках детей до десяти лет. Принят 18 марта 1851 г.). В книге: Acts of the seventy-fifth legislature of the state of New Jersey. Trenton, 1851 (Законодательство семьдесят пятой легислатуры штата Пью-Джерси. Трентон, 1851). — 281.

An Act for regulating the hours of labour for children, young persons, and women employed in workshops, 21st August 1867 (Закон о труде детей, подростков и женщин в мастерских, 21 августа 1867 г.). — 504.

Agricultural labourers (Ireland). Return to an order of the Honourable the House of Commons, dated 8 March 1861 (Сельскохозяйственные рабочие (Ирландия). Отчет, представленный по запросу высокочтимой палаты общин от 8 марта 1861 года). — 717.

Agricultural statistics, Ireland. General abstracts showing the acreage under the several crops, and the number of live stock, in each county and province, for the ye;ir 1860. Dublin, 1860 (Сельскохозяйственная статистика, Ирландия. Общие данные о площадях под некоторыми сельскохозяйственными культурами и о поголовье скота в каждом графство и провинции за 1860 год. Дублин, 1860). — 713.

Agricultural statistics, Ireland. Tables showing the estimated average produce of the crops for the year 1866. Dublin, 1867 (Сельскохозяйственная статистика, Ирландия. Таблицы, показывающие оценочную среднюю урожайность за 1866 г. Дублин, 1867). — 712.

Twenty-second annual report of the registrar-general of births, deaths, and marriages in England. London, 1861 (Двадцать второй ежегодный отчет генерального регистратора актов гражданского состояния в Англии. Лондон, 1861). — 279—280.

Arbeiten der kaiserlich russischen Gesandtschaft zu Peking uber China, sein Volk, seine Religion, seine Institutionen, socialen Verhaltnisse. Aus dern Russischen nach dem in St. Petersburg 1852— 1857 veroffentlichten Original von Dr. Carl Abel und F. A. Mecklenburg. Erster Band, Berlin, 1858 (Труды российского императорского посольства в Пекине о Китае, его народе, религии, учреждениях, социальных отношениях. Перевод д-ра Карла Абеля и Ф. А. Мекленбурга с русского оригинала, опубликованного в С.-Петербурге в 1852—1857 гг. Том I. Берлин, 1858). — 137.

Cambridge university commission. Report of Her Majesty's commissioners appointed to inquire into the state, discipline, studies, and revenues of the university and colleges of Cambridge. London, 1852 (Комиссия по обследованию Кембриджского университета. Отчет членов комиссии ее величества, уполномоченных обследовать положение, дисциплину, постановку занятий и доходы в университете и колледжах Кембриджа. Лондон, 1852). — 630.

The Case of our english wool. As also the Presentment of the Grand Jury of tlie County of Sommerset thereon. Humbly offered to the High Court of Parliament. London, 1685 (Положение с нашей английской шерстью. Доклад большого жюри графства Соммерсет. Смиренно представленный высокому суду парламента. Лондон, 1685). — 262.

Census of England and Wales for the year 1861. London, 1863 (Перепись в Англии и Уэльсе за 1861 год. Лондон, 1863). — 453—454, 645, 657, 664, 666, 690.

Children's employment commission (1862). Report (I— VI) of the commissioners (Комиссия по обследованию условий детского труда. Отчет (I—VI) членов комиссии). — 251, 307, 407, 436, 455.

First report. London, 1803 (Отчет первый. Лондон, 1863). — 255—259, 280, 305, 480, 557, 565.

Second report. London, 1864 (Отчет второй. Лондон, 1864). — 472, 477—480, 482—486, 488, 500, 557, 584. Third report. London, 1864 (Отчет третий. Лондон, 1864). — 186, 268, 408, 470, 475, 477, 489, 491, 502, 558. 559, 564.

Fourth report. London, 1865 (Отчет четвертый. Лондон, 1865).— 268—276, 362, 413, 445. 489, 490.

Fifth report. London, 1866 (Отчет пятый. Лондон, 1866). — 269—270, 408, 443, 464, 473— 475, 491—496, 500—503, 557— 558.

Sixth report. London, 1867 (Отчет шестой. Лондон, 1867). — 698, 706, 708—710.

Compte rendu de la deuxieme session du congres international de statistique reuni a Paris les 10, 12, 13, 14 et 15 Septembre 1855. Paris, Mai 1856 (Отчет о работе второго международного конгресса статистиков в Париже 10, 12, 13, 14 и 15 сентября 1855 г. Париж, май 1856 г.). — 309.

Corn, grain and meal. Return to an order of the Honourable the House of Commons, dated 18 February 1867 (Хлеб, зерно и мука. Отчет составлен по распоряжению высокочтимой палаты общин от 18 февраля 1867 г.). — 462, 463.

Correspondence with Her Majesty's missions abroad, regarding industrial questions and trades unions. London, 1867 (Переписка о заграничными миссиями ее величества по вопросам промышленности и тред-юнионов. Лондон, 1867). — 10.

East India (Bullion). Return to an address of the Honourable the House of Commons, dated 8 February 1864 (Восточная Индия (Слитки). Отчет, представленный по запросу высокочтимой палаты общин от 8 февраля 1864 года). — 145.

Factories inquiry commission. First report of the central board of His Majesty's commissioners. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 28 June 1833 (Комиссия по обследованию фабрик. Первый отчет центрального совета комиссии его величества. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 28 июня 1833 г.). — 288.

Factories regulation acts. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 9 August 1859 (Фабричные законы. Публикуются по распоряжению палаты общин от 9 августа 1859 г.). — 252, 304.

Factories. Return to an address of the Honourable the House of Commons, dated 15 April 1856 (Фабрики. Отчет, представленный по запросу высокочтимой палаты общин от 15 апреля 1856 г.). — 444.

Factories. Return to an address of the Honourable the House of Commons, dated 24 April 1861 (Фабрики. Отчет, представленный по запросу высокочтимой палаты общин от 24 апреля 1861 г.). — 444, 486.

Factories. Return to an address of the Honourable the House of Commons, dated 5 December 1867 (Фабрики. Отчет, представленный по запросу высокочтимой палаты общин от 5 декабря 1867 г.). — 444.

General Laws of the Commonwealth of Massachusetts. Volume I. Boston, 1854 (Общие законы штата Массачусетс. Том I. Бостон, 1854). — 281.

Hansard's Parliamentary Debates. Vol. LXVI. London, 1843 (Парламентские дебаты Ханса ода. Том LXVI. Лондон, 1843). — 666.

Vol. CLXX. London, 1863 (Том CLXX. Лондон, 1863). — 36— 40, 277, 587. Vol. CLXXIV. London, 1864 (Том CLXXIV. Лондон, 1864). — 667.

House of Lords' committee, 1848 — см. Report from the secret committee of the House of Lords appointed to inquire into the causes of the distress which has for some time prevailed among the commercial classes,

Jahresbericht der Handelskammer fur Essen, Werden und Kettwig pro 1862. Essen, 1863 (Годовой отчет торговой палаты Эссена, Вердена и Кетвига за 1862 год. Эссен, 1863). — 402.

Manifest der maatschappij De Vlamingen Vooruit! Gerigt tot alle de voorstanders van de eerlijke en regtzinnige uitvoering der Belgische Grondwet, gestemd door het Nationaal Congres van 1830. Brussel, 1860 (Обращение общества «Фламандцы, вперед!» ко всем сторонникам честного и справедливого осуществления бельгийской конституции, принятой Национальным конгрессом 1830 г. Брюссель, 1860). — 685.

The Master spinners & manufacturers' defence fund. Report of the committee appointed for the receipt and apportionment of this fund, to the central association of master spinners and manufacturers. Manchester, 1854 (Фонд защиты прядильщиков-мастеров и фабрикантов. Отчет комитета по получению и распределению этого фонда, представленный центральной ассоциации прядильщиков-мастеров и фабрикантов. Манчестер, 1854). — 434, 588.

Miscellaneous statistics of the United Kingdom (Part VI). London, 1866 (Различные статистические материалы Соединенного Королевства (часть VI). Лондон, 1866). — 667.

The National association for the promotion of social science. Report of proceedings at the sevenths annual congress. Edinburgh, London, 1863 (Национальная ассоциация поощрения общественных наук. Отчет о работе седьмого ежегодного конгресса, Эдинбург, Лондон, 1863). — 405, 494, 495, 503.

Public Health, Reports of the Medical Officer of the Privy Council (Здоровье населения. Отчеты медицинского инспектора Тайного совета). — 9, 376, 407. 411.

Third Report. 1860. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 15 April 1861 (Отчет третий. 1860. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 15 апреля 1861 г.). — 255, 256.

Fourth Report. 1861. With appendix. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 11 April 1862 (Отчет четвертый. 1861. С приложением. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 11 апреля 1862). — 475.

Sixth Report. With appendix. 1863. London, 1864 (Отчет шестой. С приложением. 1863. Лондон. 1864). — 186, 279, 409—411, 475—476, 558, 669—671, 693, 709.

Seventh Report. With appendix. 1864. London, 1865 (Отчет седьмой. С приложением. 1864. Лондон, 1865). — 105, 590, 672, 678— 681, 691, 693—698, 704—705, 732.

Eighth Report. With appendix. 1865. London, 1866 (Отчет восьмой. С приложением. 1865. Лондон, 1866). — 474, 672—677.

Report addressed to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department, relative to the grievances complained of by the journeymen bakers; with appendix of evidence. London, 1862 (Отчет министру внутренних дел ее величества по поводу жалоб пекарей-подмастерьев, с приложением показаний. Лондон, 1862). — 185, 260—262, 560.

Second report addressed to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department, relative to the grievances complained of by the journeyman bakers. London, 1863 (Второй отчет министру внутренних дел ее величества по поводу жалоб пекарей-подмастерьев. Лондон, 1863). — 260.

Report from the committee on the «Bill to regulate tlie labour of children in the mills and factories of the United Kingdom»: with the minutes of evidence. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 8 August 1832 (Отчет комиссии по «Биллю о регулировании труда детей на заводах и фабриках Соединенного королевства». С протоколами показаний. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 8 августа 1832 г.). — 289.

Report from the secret committee of the House of Lords appointed to inquire into the causes of the distress which has for some time prevailed among the commercial classes, and how far it has been affected by the Laws for regulating the issue of bank notes payable on demand. Together with the minutes of evidence, and an appendix. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 28 July 1848. Reprinted 1857 (Отчет секретной комиссии палаты лордов по расследованию причин бедствия, постигшего торговые классы, и влияние, которое было оказано на него законами о регулируемом выпуске банкнот. С протоколами показаний и приложением. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 28 июля 1848 года. Перепечатано в 1857 году). —137—138.

First report from the select committee on adulteration of food, &c.; with the minutes of evidence, and appendix. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 27 July 1855 (Первый отчет особого комитета о фальсификации пищевых продуктов и пр.; с протоколами показаний и приложением. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 27 июля 1855 г.). — 185, 615.

Report from the select committee on bank acts; together with the proceedings of the committee, minutes of evidence, appendix and index. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 30 July 1857 (Отчет особого комитета по банковскому законодательству; труды комитета, протоколы показаний, приложение и указатель. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 30 июля 1857 г.). — 145.

Report from the select committee on the bank acts; together with the proceedings of the committee, minutes of evidence, appendix and index. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 1 July 1858 (Отчет особого комитета по банковскому законодательству; труды комитета, протоколы показаний, приложение и указатель. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 1 июля 1858 г.). — 151.

Report from the select committee on mines; together with the proceedings of the committee, minutes of evidence, and appendix. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 23 July 1866 (Отчет особого комитета по рудникам и копям; труды комитета, протоколы показаний и приложение. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 23 июля 1866 г.). — 506—511.

Report from the select committee on petitions relating to the corn laws of this Kingdom: together with the minutes of evidence, and an appendix of accounts. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 26 July 1814 (Отчет особого комитета о петициях, касающихся хлебных законов королевства; с протоколами показаний и приложением. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 26 июля 1814 г.). — 567.

Report of the commissioners appointed to inquire into the operation of the acts (16 & 17 Vict. с. 99. and 20 & 21 Vict. с. 3) relating to transportation and penal servitude. Vol. I. Report and appendix. Vol. II. Minutes of evidence. London, 1863 (Отчет комиссии, уполномоченной изучить применение законов (принятых в 16 и 17 год царствования Виктории, гл. 99, в 20 и 21 год царствования Виктории, гл. 3) в том, что касается ссылки на каторгу и каторжные работы. Том I. Отчет и приложение. Том II. Протоколы показаний. Лондон, 1863). — 692.

Tenth report of the commissioners appointed to inquire into tlie organization and rules of trades unions and other associations: together with minutes of evidence. London, 1868 (Десятый отчет комиссии по изучению организации и уставов тред-юнионов и других ассоциаций, включающий протоколы показаний. Лондон, 1868). — 446.

Fourth report of the commissioners of Her Majesty's inland revenue. London, 1860 (Четвертый отчет членов комиссии по вопросам доходов ее величества внутри страны. Лондон, 1860). — 664.

Tenth report of the commissioners of Her Majesty's inland revenue. London, 1866 (Десятый отчет членов комиссии по вопросам доходов ее величества внутри страны. Лондон, 1866). — 663—664, 712, 714.

Report of the committee on the baking trade in Ireland for 1861 (Отчет комитета по хлебопечению в Ирландии за 1861 г.). — 263.

Report of the officer of health of St. Martin's-in-the-Fields. 1865 (Отчет медицинского чиновника в Сент-Мартинс-ин-Филдс. 1865). — 673.

Reports by Her Majesty's secretaries of embassy and legation, on the manufactures, commers, & c., of the countries in which they reside. No. 6. London, 1863 (Отчеты секретарей посольств и миссий ее величества о промышленности, торговле и т. д. в странах их пребывания. № 6. Лондон, 1863). — 356.

Reports from poor law inspectors on the wages of agricultural labourers in Ireland. Dublin, 1870 (Отчет инспекторов по закону о бедных о заработной плате сельскохозяйственных рабочих в Ирландии. Дублин, 1870). — 717.

Reports of the inspectors of factories to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Homo Department (Отчеты фабричных инспекторов министру внутренних дел ее величества). — 239, 251, 407. 501.

— for the half year ending the 31st December 1841. [London] 1842 (за полугодие, истекшее 31 декабря 1841 г. [Лондон] 1842). — 287.

— for the quarter ending 30th September, 1844; and from 1st October, 1844, to 30th April, 1845. London, 1845 (за квартал, истекший 30 сентября 1844 года, и за период с 1 октября 1844 г. по 30 апреля 1845 г. Лондон, 1845). — 291, 292, 302. 422, 423, 425.

— for the half year ending 31st October, 1846. London, 1847 (за полугодие, истекшее 31 октября 1846 г. Лондон, 1847). — 302.

— for the half year ending 30th April 1863. London, 1863 (за полугодие, истекшее 30 апреля 1863 г. Лондон, 1863). — 306, 311, 436, 469—470, 557, 558.
— for the half year ending 31st October 1863. London, 1864 (за полугодие, истекшее 31 октября 1863 г. Лондон, 1864). — 253, 432, 437—438, 444, 467, 468, 558, 650.
— for the half year ending 30th April 1864. London, 1864 (за полугодие, истекшее 30 апреля 1864 г. Лондон, 1864). — 469.
— for the half year ending 31'st October 1864. London, 1865 (за полугодие, истекшее 31 октября 1864 г. Лондон, 1865). — 307, 308, 311.
— for the half year ending 31st October 1865. London, 1866 (за полугодие, истекшее 31 октября 1865 г. Лондон, 1866). — 422, 458—459, 469, 471, 486— 489, 493, 494, 501.
— for the half year ending 31st October 1866. London, 1867 (за полугодие, истекшее 31 октября 1866 г. Лондон, 1867). — 432—433,437,573—574,656,721.
Reports respecting grain, and the corn laws: viz: First and second reports from the Lords Committees, appointed to enquire into the state of the growth, commerce, and consumption of grain, and all laws relating thereto. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 23 November, 1814 (Отчеты о зерне и хлебных законах: Первый и второй отчеты комиссии палаты лордов, уполномоченной изучить положение с производством, торговлей и потреблением зерна, а также все законы в этой области. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 23 ноября 1814 г.). — 567.
The Revised statutes of the state of Rhode Island and Providence plantations. Providence, 1857 (Пересмотренные статуты штата Род-Айленд и колонии Провиденс. Провиденс, 1857). — 281.
Royal commission on railways. Report of the commissioners. London, 1867 (Королевская железнодорожная комиссия. Отчет членов комиссии. Лондон, 1867). — 443, 572.
Statistical abstract for the United Kingdom in each of the last fifteen years, from 1846 to 1860. Number 8. London, 1861 (Статистический справочник Соединенного королевства за каждый год из последних пятнадцати лет с 1846 по 1860 годы. Номер 8. Лондон, 1866). — 429.
Statistical abstract for the United Kingdom in each of the last fifteen years, from 1851 to 1865. Number 13. London, 1866 (Статистический справочник Соединенного королевства за каждый год из последних пятнадцати лет с 1851 по 1865 год. Номер 13. Лондон, 1866). — 429.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

«Вестник Европы», Санкт-Петербург, 1872, том III. — 19—21.
«Санкт-Петербургские ведомости», 8 (20) апреля 1872 г. — 19.
«The Bengal Hurkaru» («Бенгальский вестник»), Калькутта, 22 июля 1861. — 340.
«Bury Guardian» («Страж Бэри»), Бэри, 12 мая 1860 г. — 278.
«Concordia. Zeitschrift fur die Arbeiterfrage» («Согласие. Журнал по рабочему вопросу»), Берлин, № 10, 7 марта 1872 г. — 36, 37.
— № 27, 4 июля 1872 г. — 37.
— № 28, 11 июля 1872 г. — 38.
«The Daily Telegraph» («Ежедневный телеграф»), Лондон, 17 января 1860 г. — 255.
«Demokratisches Wochenblatt» («Демократический еженедельник»), Лейпциг, № 31, 1 августа 1868 г. — 18.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

* * *

УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ЦИТИРУЕМЫХ КНИГ*

Аппиан. Гражданские войны. Перевод с греческого под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. Л., 1935. — 738 (20).

Аристотель. Политика, Перевод с греческого С. А. Жебелева. Спб., 1911. — 95 (23), 163 (22— 26), 175 (28).

Аристотель. Этика. Перевод с греческого Э. Радлова. Спб., 1908.— 69 (93).

Беллерс, Дж. Предложение об учреждении трудового колледжа (в книге: Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений. Составил В. П. Волгин. Часть I. М, — Л., 1928) (перевод с сокращениями). — 149 (118), 499—500 (124, 125), 628 (117).

Буханан (в настоящем издании: *Бьюкенен).* Примечания в книге: *А. Смит.* Исследования о природе и причинах богатства народов. С примечаниями Бентама, Бланки, Буханана, Гарнье, Мак-Куллоха, Мальтуса, Милля, Рикардо, Сэя, Сисмонди и Тюрго. Перевел П. А. Бибиков. Том I, Спб., 1866. — 570 (477).

Бэкон, Ф. Опыты и наставления нравственные и политические (в книге: *Ф. Бэкон.* Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. Перевод З. Е. Александровой. М., 1954 (перевод с сокращениями). — 731 (100).

Верри. Политическая экономия или О государственном хозяйстве. Переведено с французского, а на французский с итальянского, с седьмого издания. Спб., 1810. — 52 (11—12), 100 (7), 144 (45).

Гегель. Наука логики. Перевод Б. Г. Столпнера. М., 1939 (Гегель. Сочинения. Том V, VI). — 318.

Гегель. Философия права. Перевод Б. Столпнера. М.—Л., 1934 (Гегель. Сочинения. Том VII). — 53 (218), 101 (87), 179 (91), 376 (216), 602 (226).

Гегель. Энциклопедия философских наук. Часть I. Логика. Перевод

* Настоящий указатель содержит только последние из имеющихся русских переводов цитируемых и упоминаемых Марксом книг. Однако для работ, которые последний раз были выпущены в сокращенном виде, сделано исключение. В этом случае приводится также и предыдущий, более полный перевод. В указателе проставлены страницы настоящего тома, на которых Маркс цитирует или упоминает данную работу, и рядом в круглых скобках — соответствующие страницы цитируемой книги.

или Капитал и труд (в книге: *Ф. Лассаль.* Сочинения. Том III. М., 1925). — 5.

Либих, Ю. Химия в приложении к земледелию и физиологии. Комментарии и редакция перевода проф. А. Н. Лебедянцева. М. — Л., 1936 (перевод с сокращениями). — 251 (89—90), 515 (100), 585 (211).

Либих, Ю. Химия в приложении к земледелию и физиологии растений. Перевод проф. Ильенкова. М., 1870. — 251 (83), 515 (100), 585 (132).

Ливий. Римская история от основания города. Перевод с латинского под редакцией П. Адрианова. Том VI. М., 1899.— 289(182).

Лукреций. О природе вещей. Перевод с латинского, вступительная статья и комментарии Ф. А. Петровского. М., 1958. — 227 (129).

Маколей. История Англии от восшествия на престол Иакова II. Часть I. Спб. и М., 1866 *(Маколей.* Полное собрание сочинений. Второе, исправленное издание. Том VI). — 283 (350—351), 728 (278, 346).

Мальтус, Т. Р. Исследование о природе и развитии ренты, а также о началах ее регулирующих. Перевод А. Миклашевского (и «Ученых записках императорского Юрьевского университета», № 2 и 3, Юрьев, 1908). — 323 (30), 538 (30), 567—568 (30).

Мальтус, Т. Р. Опыт о законе народонаселения. Перевел П. А. Бибиков. Том I и II. Спб., 1868. — 365, 630.

Мальтус, Т. Р. Опыт закона о народонаселении. Перевод И. А. Вернера. М., 1895 (перевод с сокращениями). — 365, 630.

Маурер, Г. Л. Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти. Перевод с немецкого В. Корша. Москва, 1880. — 81 (135).

Мен, Т. (в настоящем издании: *Ман, Т.)* Богатство Англии во внешней торговле или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства (в сборнике: Меркантилизм. Под редакцией и со вступительной статьей И. С. Плотникова. Соцэкгиз. Л., 1935) (перевод с сокращениями). — 522 (183).

Милль, Дм, Ст. Основания политической экономии (в книге: *Н. Г. Чернышевский.* Полное собрание сочинений в пятнадцати томах. Том IX. Под редакцией И. Д. Удальцова. М., 1949) (перевод с сокращениями). — 515 (240).

Милль, Дж. Ст. Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии. Второе полное издание в двух томах. [Перевод Н. Г. Чернышевского.] Спб., 1874. Том 1—515 (226), 525— 527 (477, 478), 624 (259); том II— 382 (285).

Милль, Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Перевод с английского под редакцией В. И. Ивановского. М., 1914. — 604.

Моммзен, Т. История Рима. Тт. I— III. М., 1936—1941. — 178. Том I — 182 (787).

Монтескьё. О духе законов (в книге: *Ш. Монтескьё.* Избранные произведения. М., 1955). — 101 (482), 134—135 (486), 765 (667).

Мор, Т. Утопия. Перевод с латинского и комментарии А. И. Малеина и Ф. А. Петровского. Вступительная статья Волгина. М., 1953. — 731, 746.

Норс, Д. Очерки о торговле (в сборнике: Меркантилизм. Под редакцией и со вступительной статьей И. С. Плотникова. Л.. 1935). — 132 (307—310), 135 (312), 145 (316).

Оуэн, Р. Замечания о влиянии промышленной системы (в книге: *Р. Оуэн.* Избранные сочинения. Том I. Перевод с английского и комментарий С. А. Фейгиной. Вступительная статья В. П. Волгина. М.—Л., 1950). — 414 (81).

Сэ, Ж. В. (в настоящем издании: *Сэй, Ж. Б.)* Трактат политической экономии. Перевод Е. Н. Каменецкой. М., 1896 (перевод отдельных глав). — 164, 174, 217, 608.

Тьер, А. О собственности. Перевод А. Степанова. Спб., 1872. — 452 (225).

Тюрго. Размышления о создании и распределении богатств. Перевод и дополнения проф. А. Н. Миклашевского. Юрьев, 1905. — 323 (4), 543 (5).

Фергюсон, А. Опыт истории гражданского общества. С английского перевел Иван Тимковский. Часть III. Спб., 1818. — 366 (16), 374 (9, 7), 375 (9).

Фукидид. История. Т. I. Перевод Ф. Мищенко в переработке, с примечаниями и вступительным очерком С. Жебелева. М., 1915. — 378—379 (90, 92).

Фурье, Ш. Новый хозяйственный и социетарный мир, или Открытие способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти (в книге: *Ш. Фурье.* Избранные сочинения. Том III и IV. М., 1954). — 708.

Шорлеммер, К. Возникновение и развитие органической химии. М., 1937. — 319.

Шторх, Г. Курс политической экономии, или Изложение начал, обусловливающих народное благоденствие. Перевод с французского под редакцией и с заметками II. В. Вернадского. Том I. Спб., 1881. — 185 (193), 193 (129), 363 (79), 372 (135), 373 (78).

Юм, Д. Опыты. Перевод М. О. Гершензона. М., 1896 (перевод неполный). — 130.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Я

СОДЕРЖАНИЕ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовил к печати *А. И. Малыш*
Помощники подготовителя
С. Р. Кириллов и *В. П. Поспелова*
В подготовке справочного аппарата
принимали участие *В. А. Караваев*
и *Л. Р. Миськевич*
Редактор *Я. Б. Турчинс*
Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*
Корректоры *В. П.* Аносова и *Е. И. Щукина*

*

Сдано в набор 8/X 1959 г. Подписано
к печати 28/VI 1960 г. Формат 60x92 $^{1}/_{16}$.
Физ. печ. л. 57 $^{1}/_{4}$ *+ 1 вклейка (* $^{1}/_{8}$ *п. л.).*
Условн. печ. л. 57 $^{3}/_{8}$. *Уч.-изд. л. 66,9.*
Тираж 135 тыс. *экз. Заказ № 1780.*
Цена 10 руб.
с 1/1 1961 г. цена 1 руб.

*

Государственное издательство
политической литературы.
Москва, Д-47, Миусская *пл., 7.*

*

Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление
полиграфической промышленности.

Типография № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.